

В И ЛЕНИН

ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ

ВЛАДЛЕН ЛОГИНОВ

Annotation

Владлен Логинов – крупнейший российский исследователь жизни и деятельности В.И. Ленина. В данном издании впервые приводится написанная Владленом Логиновым полная биография Ленина от рождения до смерти. В первой части рассказывается о молодых годах Владимира Ульянова, его семье, родственниках, характере, становлении как личности, выборе жизненного пути; вторая часть посвящена революции 1917 года и роли в ней Ленина, которого автор показывает жестким прагматиком и волевым руководителем; в третьей части показываются последние годы В.И. Ленина, создание СССР и судьба ленинского политического завещания.

Книга наполнена огромным количеством фактического материала, в том числе малоизвестного, и в то же время отличается хорошим стилем изложения, что делает ее доступной для самого широкого круга читателей.

-
- [Владлен Логинов](#)
 -
 - [Книга 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Родословное дерево](#)
 - [«Шестидесятники»](#)
 - [Симбирск](#)
 - [Гимназия](#)
 - [1 марта 1881 года](#)
 - [Старший сын в доме](#)
 - [Аттестат зрелости](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Казань](#)
 - [Кокушкино](#)
 - [«Мутный доклад»](#)
 - [Самара](#)

- [Голод](#)
 - [«Палата № 6»](#)
- [Глава 3](#)
 - [В столице](#)
 - [«Лидер питерских эсдеков»](#)
 - [В «прекрасном далеке»](#)
 - [«Зачаток партии»](#)
- [Глава 4](#)
 - [Одиночка](#)
 - [«Гидра революции»](#)
 - [«Цивилизованная ссылка»](#)
 - [Свадьба](#)
 - [Семья](#)
- [Глава 5](#)
 - [«Тройственный союз»](#)
 - [Два паспорта](#)
 - [«Нравственная баня»](#)
 - [«Вы должны быть сильны»](#)
- [Книга 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [«Я люблю свою профессию»](#)
 - [«Штурм приближается»](#)
 - [«План Мартова»](#)
 - [«Пломбированный вагон»](#)
 - [Глава 2](#)
 - [«Мои личные тезисы»](#)
 - [«Окажите доверие нам»](#)
 - [Глава 3](#)
 - [«Принимай власть, коли дают»](#)
 - [Клевета](#)
 - [Генеральский путч](#)
 - [Глава 4](#)
 - [«Грозящая катастрофа»](#)
 - [«На вулкане»](#)
 - [«Последнее подполье»](#)
 - [Глава 5](#)

- [«Время слов прошло»](#)
 - [«К гражданам России!»](#)
 - [«Председатель Совнаркома»](#)
 - [Книга 3](#)
 - [Глава 1](#)
 - [НЭП](#)
 - [Голод](#)
 - [«Общее дело»](#)
 - [«Гражданский мир»](#)
 - [«Максимум» ВЧК](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Накануне партсъезда](#)
 - [«Не отчет, а политические уроки»](#)
 - [«...Не прозевать второго Кронштадта»](#)
 - [Глава 3](#)
 - [«Прошу разрешить мне отпуск...»](#)
 - [Странная болезнь](#)
 - [«Я уже почти здоров...»](#)
 - [Глава 4](#)
 - [«Я кончил ликвидацию своих дел»](#)
 - [Нечто вроде дневника](#)
 - [«Серьезное ухудшение»](#)
 - [Последние дни](#)
 - [Примечания](#)
-

Владлен Логинов

В.И. Ленин. Полная биография

© Логинов В.Т., 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

Книга 1

Как стать вождем

Глава 1

Начало пути

Родословное дерево

«Биографическая хроника В.И. Ленина» начинается с записи:
«Апрель, 10 (22).

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича – Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем – директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина – Мария Александровна была дочерью врача А.Д. Бланка».

Любопытно, что сам Ленин многих деталей своей родословной не знал. В их семье, как и в семьях других «разночинцев», было как-то не принято копаться в своих «генеалогических корнях». Это уж потом, после смерти Владимира Ильича, когда интерес к подобного рода проблемам стал расти, этими изысканиями занялись его сестры. Поэтому, когда в 1922 году Ленин получил подробную анкету партпереписи, на вопрос о роде занятий деда с отцовской стороны искренне ответил: «Не знаю».

Дед, прадед и прапрадед Ленина действительно были крепостными. Прапрадед – Никита Григорьевич Ульянин – родился в 1711 году. По ревизской сказке 1782 года он с семьей младшего сына Феофана был записан как дворовый человек помещицы села Андросова Сергачской округи Нижегородского наместничества Марфы Семеновны Мякининой.

По той же ревизии его старший сын Василий Никитич Ульянин, 1733 года рождения, с женой Анной Семионовной и детьми Самойлой, Порфирием и Николаем проживали там же, но числились дворовыми корнета Степана Михайловича Брехова.

По ревизии 1795 года дед Ленина Николай Васильевич, 25 лет, холостой, поначалу проживал с матерью и братьями в том же селе, но значились они уже дворовыми людьми подпрапорщика Михаила Степановича Брехова.

Значиться он, конечно, значился, но в селе его уже не было...

В Астраханском архиве хранится документ – «Списки именные ожидаемых к причислению зашедших беглых из разных губерний помещичьих крестьян», где под номером 223 записан «Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии, Сергачской округи, села Андросова, помещика Степана Михайловича Брехова крестьянин. Отлучился в 1791 году». Беглым он был или отпущенным на оброк и выкупившимся – точно неизвестно, но в 1799 году в Астрахани Николая Васильевича перевели в разряд государственных крестьян, а в 1808 году приняли в мещанское сословие, в цех ремесленников-портных.

Владимир Ульянов в молодости

Сохранились и его приметы: «Ростом 2-х аршин и 6 вершков (168,9 см. – *В.Л.*), волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие». Сопоставьте эти приметы с полицейской справкой о Ленине, и вы увидите – «в кого пошел» внук.

Избавившись от крепостной зависимости и став свободным человеком, Николай Васильевич сменил фамилию «Ульянин» на «Ульянинов», а затем «Ульянов». Вскоре он женился на дочери

астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова – Анне Алексеевне, которая родилась в 1788 году и была моложе мужа на 18 лет.

Исходя из некоторых архивных документов, писательница Мариэтта Шагинян выдвинула версию, согласно которой Анна Алексеевна – не родная дочь Смирнова, а крещеная калмычка, вызволенная им из рабства и удочеренная якобы лишь в марте 1825 года. Бесспорных доказательств этой версии нет, тем более что уже в 1812 году от этого брака родился сын Александр, умерший 4 месяцев от роду, в 1819 году на свет появился сын Василий, в 1821-м – дочь Мария, в 1823-м – Феодосия и, наконец, в июле 1831 года, когда отцу было уже за 60, – сын Илья.

Поселились они в Астрахани, у Волги, на так называемой Косе, на бывшей Казачьей улице в двухэтажном доме с кирпичным низом и деревянным верхом. Вместе с ними всю жизнь проживала и сестра Анны Алексеевны – Татьяна Алексеевна Смирнова, которую считали «крестной». И когда в 1837 году составляли списки рекрутского набора, мещанин Николай Ульянов и сыновья его Василий и Илья значились в них – *«коренного российского происхождения»*.

После смерти Николая Васильевича заботы по содержанию семьи и воспитанию детей легли на старшего сына Василия Николаевича. Работая в ту пору приказчиком известной в Астрахани фирмы «Братья Сапожниковы» и не обзаводясь собственной семьей, он сумел обеспечить в доме не только достаток, но и дал младшему Илье образование.

В 1850 году Илья Николаевич окончил с серебряной медалью Астраханскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Казанского университета, а в 1854 году успешно закончил его, получив звание «кандидат физико-математических наук» и право преподавания в средних учебных заведениях. И хотя ему было предложено остаться при кафедре для «усовершенствования в научной работе» – и на этом настаивал знаменитый математик Н.И. Лобачевский, – Илья Николаевич предпочел «карьеру» учителя.

Первым местом его работы – с 7 мая 1855 года – стал Дворянский институт в Пензе. Служба шла успешно. Его утвердили в должности старшего преподавателя математики старших классов, а в 1860 году наградили медалью «В память войны 1853–1856 годов» и дали чин титулярного советника.

В июле 1860 года сюда же на должность инспектора Дворянского института приехал Иван Дмитриевич Веретенников. Илья Николаевич подружился с ним и его женой, и в том же году Анна Александровна Веретенникова (урожденная Бланк) познакомила его с Марией Александровной Бланк, которая на зиму приезжала к сестре в гости. Илья Николаевич стал помогать Марии Александровне в подготовке к экзамену на звание учительницы, а она ему – в разговорном английском. Молодые люди полюбили друг друга, и весной 1863 года состоялась помолвка.

15 июля того же года, после успешной сдачи экстерном экзаменов при Самарской мужской гимназии, «дочь надворного советника девица Мария Бланк» получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого и французского языка». А в августе сыграли свадьбу, и «девица Мария Бланк» стала женой надворного советника – чин этот ему пожаловали тоже в июле 1863 года – Ильи Николаевича Ульянова.

Родословную семьи Бланк исследовали А.И. Ульянова, М.И. Ульянова, а в недавние годы М.С. Шагинян, А.Г. Петров, М.Г. Штейн, В.В. Цаплин и другие. Анна Ильинична рассказывает: «Старшие не могли нам выяснить этого. Фамилия казалась нам французского корня, но никаких данных о таком происхождении не было. У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире – известном еврейском центре. Бабушка – мать матери – родилась в Петербурге и была по происхождению немкой из Риги. Но в то время как с родными по матери у мамы и ее сестер связи поддерживались довольно долго, о родных ее отца, А.Д. Бланк, никто не слышал. Он являлся как бы отрезанным ломтем,

что наводило меня также на мысль о его еврейском происхождении. Никаких рассказов деда о его детстве или юношестве у его дочерей не сохранилось в памяти»¹.

О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, А.И. Ульянова сообщила Сталину в 1932 и 1934 годах. «Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта»².

«Молчать о нем абсолютно», – таков был категорический ответ Сталина. Да и сестра ее Мария Ильинична тоже полагала, что факт этот «пусть будет известен когда-нибудь через сто лет»³.

Сто лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью прочертить родословную семьи Бланков⁴.

Прадед, Моше Ицкович Бланк, родился, видимо, в 1763 году. Первое упоминание о нем содержится в ревизии 1795 года, где среди мещан города Староконстантинова Волынской губернии под номером 394 записан Мойшка Бланк. Откуда появился он в здешних местах – неизвестно. Впрочем.

Несколько лет тому назад известный библиограф Майя Дворкина ввела в научный оборот любопытный факт⁵. Где-то в середине 20-х годов архивист Юлиан Григорьевич Оксман, занимавшийся по заданию директора Ленинской библиотеки Владимира Ивановича Невского изучением родословной Ленина, обнаружил прошение одной из еврейских общин Минской губернии, относящееся якобы к началу XIX века, об освобождении от подати некоего мальчика, ибо он является «незаконным сыном крупного минского чиновника», а посему, мол, община платить за него не должна. Фамилия мальчика была – Бланк.

По словам Оксмана, Невский повез его к Каменеву, а затем втроем они явились к Бухарину. Показывая документ, Каменев буркнул: «Я всегда так думал». На что Бухарин ему ответил:

«Что вы думаете – не важно, а вот что будем делать?» С Оксмана взяли слово, что он никому не скажет о находке. И с тех пор этого документа никто не видел.

Итак, документ обнаружен где-то около 1925 года. Спустя 45 лет, в 1970 году, Оксман все-таки рассказал о нем итальянскому историку Франко Вентури. При этом присутствовал В.В. Пугачев, который спустя 25 лет, в 1995 году, опубликовал в Саратове свой рассказ о данном факте⁶.

Если Пугачев действительно запомнил дату документа точно, то никакого отношения к Моше Бланку вся эта история не имеет. В начале XIX века он был уже не мальчиком, а вполне зрелым мужем. Но надо учитывать и возможность того, что в многократный пересказ вкралась хронологическая неточность и мы имеем дело с «испорченным телефоном».

Так или иначе, но появился Моше Бланк в Староконстантинове, будучи уже взрослым, и в 1793 году женился на местной 29-летней девице Марьям (Марем) Фроимович. Из последующих ревизий видно, что Моше Бланк читал как по-еврейски, так и по-русски, имел собственный дом, занимался торговлей и плюс к тому у местечка Рогачево арендовал землю, которую засеивал цикорием.

В 1794 году у него родился сын Аба (Абель), а в 1799-м – второй сын Сруль (Израиль). В.В. Цаплин отмечает, что с самого начала у М.И. Бланка не сложились отношения с местной еврейской общиной. Он был «человеком, который не хотел или, может быть, не умел находить общий язык со своими соплеменниками»⁷. Иными словами, община его просто возненавидела. И после того как в 1808 году во время пожара, а возможно и поджога, дом Бланка сгорел, семья переехала в Житомир.

Много лет спустя, в сентябре 1846 года, М.И. Бланк написал письмо императору Николаю I, из которого видно, что уже «40 лет назад» он «отрекся от евреев», но из-за «чрезмерно набожной жены», скончавшейся в 1834 году, принял христианство и получил имя Дмитрия лишь 1 января 1835 года.

Однако поводом для письма стало иное: сохраняя неприязнь к своим соплеменникам, Дмитрий (Мойша) Бланк предлагал – в целях ассимиляции евреев – запретить им ношение национальной одежды, а главное – обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию.

Любопытно, что в октябре 1846 года письмо это было доложено Николаю I, и он полностью согласился с предложениями «крещеного еврея Бланка», в результате чего в 1850 году запретили ношение национальной одежды, а в 1854 году ввели соответствующий текст молитвы. М.Г. Штейн, собравший и тщательно проанализировавший наиболее полные данные о родословной Бланков, справедливо заметил, что по неприязни к своему народу Дмитрия Бланка «можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем – одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В.А. Грингмутом...».

О том, что Бланк решил порвать с еврейской общиной задолго до своего крещения, свидетельствовало и другое. Оба его сына, Абель и Израиль, как и отец, тоже умели читать по-русски, и когда в 1816 году в Житомире открылось уездное (поветовое) училище, они были зачислены в него и успешно окончили. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. И все-таки принадлежность к иудейскому вероисповеданию обрекала их на прозябание в границах «черты оседлости». И лишь событие, случившееся весной 1820 года, круто изменило судьбу молодых людей.

В апреле в Житомир прибыл в служебную командировку «высокий чин» – правитель дел так называемого «Еврейского комитета» сенатор и поэт Дмитрий Осипович Баранов. Каким-то образом Бланку удалось встретиться с ним, и он попросил сенатора оказать содействие сыновьям при поступлении в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Баранов евреям отнюдь не симпатизировал, но довольно редкое в то время обращение двух «заблудших душ» в христианство было, по его мнению, делом благим, и он согласился.

Братья сразу же поехали в Петербург и подали прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Михаила. «Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге, – писали они, – и имея всегдашнее обращение с христианами, греко-российскую религию исповедающими, мы желаем ныне принять оную»⁸.

Ходатайство удовлетворили, и уже 25 мая 1820 года священник церкви Преподобного Сампсония в Санкт-Петербурге Федор Барсов обоих братьев «крещением просветил». Абель стал Дмитрием Дмитриевичем, а Израиль – Александром Дмитриевичем. Новое имя он получил в честь своего восприемника графа Александра Апраксина, а отчество – в честь восприемника Абеля сенатора Дмитрия Баранова. А 31 июля того же года, по указанию министра просвещения князя Голицына, братьев определили «воспитанниками Медико-хирургической академии», которую они и закончили в 1824 году, удостоившись ученого звания «лекарей 2-го отделения» и презента в виде карманного набора хирургических инструментов.

Дмитрий Бланк остался в столице полицейским врачом, а первым местом работы Александра с августа 1824 года стала должность уездного врача в городе Поречье Смоленской губернии. Но в октябре 1825 года и он вернулся в Петербург, где был зачислен, как и его брат, в штат столичной полиции в качестве врача. В 1828 году А.Д. Бланка произвели в штаб-лекари. Пора было думать и о женитьбе...

Его крестный отец граф Александр Апраксин был в то время чиновником особых поручений министерства финансов. Так что Александр Бланк, несмотря на происхождение, вполне мог рассчитывать на приличную партию. Видимо, в доме другого благодетеля – сенатора Дмитрия Баранова, увлекавшегося поэзией и шахматами, – где бывал Пушкин и собирался чуть ли не весь «просвещенный Петербург», он познакомился с братьями Грошопфами и был принят у них в доме.

Глава этой весьма солидной семьи Иван Федорович (Иоганн Готлиб) Грошопф – прибалтийский немец, среди предков которого, происходивших из Северной Германии, был Э. Курциус

– домашний учитель кайзера Фридриха III, а среди дальних потомков – генерал-фельдмаршал вермахта В. Модель⁹.

Работал Иван Федорович консулентом Государственной Юстицколлегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и дослужился до чина губернского секретаря. Его супруга Анна Карловна – в девичестве Эстедт – была шведкой, лютеранкой, родители которой являлись состоятельными купцами и жили сначала в шведском городе Упсала, а потом переехали в Петербург. Детей в семье Грошопф было восемь: сыновья – Иоганн, служивший в русской армии, Карл – вице-директор в департаменте внешней торговли министерства финансов, Густав, заведовавший рижской таможней, и пять дочерей – Александра, Анна, Екатерина (по мужу – фон Эссен), Каролина (по мужу – Биурберг) и младшая Амалия.

Познакомившись с этой семьей, А.Д. Бланк сделал предложение Анне Ивановне. Незадолго до этого она окончила пансион, владела несколькими языками и прекрасно играла на клавикордах. Именно в ее исполнении Александр Бланк впервые услышал полюбившуюся ему «Лунную сонату» Бетховена.

Согласие на брак было получено, и уже 9 сентября 1830 года родился сын Дмитрий (покончил с собой в 1850 году 19 лет от роду, будучи студентом Казанского университета), 30 августа 1831 года – дочь Анна (по мужу – Веретенникова), 20 августа 1832-го – Любовь (по первому мужу – Ардашева, а по второму – Пономарева), 9 января 1834-го – Екатерина (по первому мужу – Алехина, по второму – Залезская), 22 февраля 1835-го – Мария (по мужу – Ульянова) и 24 июня 1836-го – Софья (по мужу – Лаврова).

Дела у Александра Дмитриевича поначалу складывались неплохо. Как полицейский врач он получал тысячу рублей в год. За «расторопность и усердие» не раз удостоивался благодарностей. Но в июне 1831 года во время «холерных беспорядков» в столице взбунтовавшейся толпой был зверски убит его брат Дмитрий, дежуривший в Центральной холерной больнице. Эта смерть настолько потрясла А.Д. Бланка, что он уволился из полиции и более года не работал. Лишь в апреле

1833 года он вновь поступил на службу ординатором в больницу Св. Марии Магдалины, предназначенную для бедноты заречных районов Петербурга. Между прочим, именно здесь в 1838 году у него лечился Тарас Шевченко. Одновременно, с мая 1833 года по апрель 1837 года, А.Д. Бланк служил и в Морском ведомстве. В 1837 году после сдачи экзаменов он был признан инспектором врачебной управы, а в 1838-м – медико-хирургом.

Расширялась и частная практика А.Д. Бланка. Среди его пациентов появились представители высшей знати. Это позволило ему переехать в приличную квартиру во флигеле одного из роскошных особняков на Английской набережной, принадлежавшего лейб-медику императора и президенту Медико-хирургической академии баронету Якову Виллие. Именно здесь в 1835 году родилась М.А. Бланк. Крестным отцом Машеньки стал их сосед – адъютант великого князя Михаила Павловича, а с 1833 года – шталмейстер императорского двора Иван Дмитриевич Чертков.

Слухи и сплетни о близости Марии Александровны ко двору породили в последние годы обширную литературу, в которой «маститые» авторы расписывали историю о том, как красавица Машенька стала любовницей императора Александра III (по другим версиям – великого князя), как родила она от государя сына Александра, после чего и была выдворена со всем семейством из столицы в Казанскую губернию. Для читателей, уже привыкших к пошлости, звучит все это вполне романтично и убедительно. Одна беда – Машенька покинула Петербург, когда ей исполнилось *шесть* лет. И совсем по другим обстоятельствам.

В 1840 году Анна Ивановна тяжело заболела, умерла и была похоронена в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище. А заботу о детях целиком взяла на себя ее сестра Екатерина Ивановна фон Эссен, овдовевшая в том же году. Александр Дмитриевич, видимо, и прежде симпатизировал ей. Не случайно родившуюся в 1833 году дочь он назвал Екатериной. После смерти жены они сближаются еще больше, и в апреле 1841 года А.Д. Бланк решает вступить с Екатериной Ивановной в законный брак. Однако подобные браки – с крестной матерью

его дочерей и родной сестрой покойной супруги – закон не разрешал. И Екатерина Ивановна фон Эссен становится его гражданской женой.

В том же апреле 1841 года они покидают столицу и всем семейством переезжают в Пермь, где Александр Дмитриевич получил должность инспектора Пермской врачебной управы и врача Пермской гимназии. Именно здесь он познакомился с учителем латыни И.Д. Веретенниковым, ставшим в 1850 году мужем его старшей дочери Анны, и преподавателем математики А.А. Залезским, взявшим в жены Екатерину Бланк. Но это случилось позднее, а в марте 1843 года А.Д. Бланк стал заведовать госпиталем Юговского казенного завода, в сентябре 1845 года был назначен врачом Златоустовской оружейной фабрики, а с 21 мая 1846 года занял должность медицинского инспектора Златоустовских госпиталей, где и закончилась его служба¹⁰.

В историю российской медицины А.Д. Бланк вошел как один из пионеров отечественной бальнеологии – лечения минеральными водами. На пенсию он вышел в конце 1847 года с должности доктора Златоустовской оружейной фабрики, дослужился до чина надворного советника, дававшего право на дворянство, и уехал с Урала в Казанскую губернию, где в 1848 году в Лаишевском уезде на его сбережения, а в основном на средства Екатерины Ивановны, было куплено имение Кокушкино с 462 десятинами земли (503,6 га), водяной мельницей и 39 крепостными крестьянами¹¹. 4 августа 1859 года Сенат утвердил А.Д. Бланка и его детей в потомственном дворянстве, и они были занесены в книгу Казанского дворянского депутатского собрания.

Вот так Мария Александровна Бланк оказалась в Казани, а затем в Пензе, где познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым...

Их свадьбу, как до этого и свадьбы других сестер Бланк, сыграли в Кокушкине 25 августа 1863 года. Но «медовый месяц» оказался слишком коротким. 7 сентября там же, в Кокушкине, скончалась крестная мать и воспитательница Марии Александровны Екатерина Ивановна фон Эссен. Лишь после ее

похорон молодожены 22 сентября уехали в Нижний Новгород, куда Илья Николаевич получил назначение старшим учителем математики и физики мужской гимназии.

«Шестидесятники»

Все-таки неблагоприятное это занятие – собирать по веточкам «генеалогическое древо». Удовлетворяя законное любопытство, оно мало что объясняет.

И в самом деле, протягивая через столетия родственную нить, выводя одно поколение из другого, оно как бы вырывает судьбу каждого из контекста своего времени. И переносит центр тяжести на факторы чуть ли не генетические. А ведь конкретные обстоятельства и события того времени влияли на поступки, создавали альтернативы выбора пути, формировали образ жизни значительно сильнее, нежели кровнородственное наследство.

19 июля 1831 года, когда протоиерей Николай Ливанов в астраханской церкви Николы Гостинного крестил Илию – второго сына Николая Ульянова и его законной жены Анны, – в этот год император Николай I пожелал, «чтобы крепостные дети отнюдь не были отдаваемы для воспитания в такие учебные заведения, в коих они могли бы получить образование, превышающее состояние их..

Когда же Илья Николаевич все-таки закончил гимназию и ее директор А.П. Аристов 10 июня 1850 года обратился к попечителю Казанского учебного округа с ходатайством об университетской стипендии для «даровитого мальчика», ему ответили, что для стипендии «происходящему из податного состояния» и «принадлежащего к мещанскому сословию нет достаточного основания». И только помощь брата позволила И.Н. Ульянову закончить университет¹².

18 февраля 1855 года император Николай I скончался. Профессор МГУ историк С. Соловьев, шагая по арбатским переулкам, размышлял: «Я не был опечален смертью Николая, но в то же время чувствовалось не по себе, примешивалось

беспокойство, опасение; что, если еще хуже будет?! Человека вывели из тюрьмы, хорошо, легко дышать свежим воздухом; но куда ведут? – может быть, в другую, еще худшую тюрьму?»

Этот безрадостный внутренний монолог прервал повстречавшийся коллега – профессор Т. Грановский. Первым словом Соловьева вместо приветствия было: «Умер». Грановский ответил: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы с вами живы»¹³.

А.И. Герцен записал: «Свободной России мы не увидим. Мы умрем в сених, и это не от того, что при входе в хоромы стоят жандармы, а от того, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов – сеченных кнутом и битых батогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов-палачей, вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, судивших декабристов, судивших Польшу, служивших в III отделении, забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян. От того, что в жилах наших лидеров, наших журнальных заправил догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях»¹⁴.

На престол возшел император Александр II... И Н.А. Добролюбов в «Оде на смерть Николая I» написал:

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.

И вдруг в 1856 году для непосвященных как гром среди ясного неба – обращение Александра II к московскому генерал-губернатору:

«Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить вам, что я не имею намерения сделать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что

существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»¹.

А через шесть лет после восшествия на престол – после долгих обсуждений в дворянских комитетах, чиновничьих ведомствах и Государственном совете – 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. «Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, – с удовлетворением заявил он, – сделано». 5 марта манифест был обнародован, и по всей России во всех церквях звонили колокола и с амвонов возносились молитвы в честь «царя-освободителя».

Мало кто устоял... Признавая заслуги Александра II, Герцен вспомнил библейские слова: «Ты победил, галилеянин!» Даже такой радикал, как Чернышевский, написал: «Уничтожение крепостного права благословляет времена Александра II славой, высочайшей в мире». Надо было время, чтобы осознать и оценить происходящее.

Реформа косвенно затронула и семью Ульяновых. Имение А.Д. Бланка, куда летом приезжали все его дочери с семьями, тоже имело крепостных. Но, по свидетельству Анны Ильиничны Ульяновой, ненависти к хозяевам тамошние крестьяне не испытывали. Наоборот, как врач, принимавший больных со всех окрестных сел, Александр Дмитриевич пользовался всеобщим уважением. «Кокушкино, – рассказывает Анна Ильинична, – было благоприобретенное имение, и поэтому между владельцами его и крепостными не могло быть тех отношений, которые складывались у родовитых помещиков, потомственно владевших крепостными душами»¹⁵.

После 1861 года реформы следовали одна за другой. Получили новый импульс для своего развития промышленность и сельское хозяйство. Появились невиданные ранее учреждения – суд присяжных, земства. К руководству образованием допустили общественность. Стали создаваться губернские и уездные училищные советы. Разрабатывались проекты массовой народной

школы. А такие лучшие умы, как «отец русской педагогики» К.Д. Ушинский, уже стали мечтать о ликвидации в России неграмотности.

«...Вся Россия, – вспоминал великий бунтарь князь П.А. Кропоткин, – говорила об образовании. Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже в великосветских гостиных стало невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устарелые методы преподавания, а как помочь всему этому, началось сильное движение для основания воскресных школ»¹⁶. Точное слово, характеризующее тогдашнее состояние умов, нашел поэт Тютчев: «Оттепель!»

Если попытаться вычленить некую общую идею, которая определяла умонастроения «шестидесятников», то таковой, видимо, следует признать идею «общего блага» как гармонии личных и общественных интересов. В конце 60-х ее наиболее полно сформулировал в «Исторических письмах» Петр Лавров.

«Ясно понятые интересы личности, – писал он, – требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов. Истинная общественная теория требует не *подчинения* общественного элемента личному и не *поглощения* личности обществом, а *слития* общественных и частных интересов. Личность должна развить в себе понимание *общественных* интересов, которые суть и ее интересы; она должна направлять свою деятельность на внесение истины и справедливости в общественные формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремление, а самый близкий эгоистический ее интерес»¹⁷.

Именно убеждение в возможности торжества «истины и справедливости» питало социальный оптимизм «шестидесятников», их веру в силу просвещения и благие перемены.

Через всю эту полосу великих надежд прошел и Илья Николаевич Ульянов. В Пензе, где он работал с 1855 года, уже в ноябре 1860-го открыли воскресную школу – по общему счету всего лишь 59-ю в России. Ее учредили «для распространения

грамотности в ремесленном и рабочем классе» и помимо русского языка и арифметики преподавали историю, географию и естественные науки. И вот, одновременно с работой в мужской и женской гимназиях, Илья Николаевич становится учителем и распорядителем и этой школы.

Но вслед за великими надеждами пришла и пора великих разочарований... История еще раз подтвердила, что во времена жестких правлений, когда даже малая надежда на послабление подавляется, неприятие режима, как правило, носит скрытый, латентный характер. Но когда «послабление» наступает, реформы уже не удовлетворяют слишком долго копившихся ожиданий, и тогда недовольство выплескивается наружу. Короче говоря, если при «Николае Палкине» никто и пикнуть не смел, то при «Александре Освободителе» ждать и терпеть никто уже не желал.

Первыми негативно оценили «Великую реформу» сами крестьяне. Они сочли себя обманутыми, и полоса бунтов прокатилась по России.

«При освобождении крестьян, – свидетельствует А.И. Ульянова, – дед советовал им пойти на выкуп, но они не послушали его совета, предпочитая дарственную землю. Мой отец И.Н. Ульянов рассказывал мне о том, как волновало дедушку принятое крестьянами решение, как он несколько раз выходил к крестьянам, убеждая их пойти на выкуп, но крестьяне, очевидно, как говорил мой отец, внимая распускаемым в то время слухам о том, что земля должна отойти вся бесплатно, не послушали его».

В Кокушкине обошлось. А вот в селе Бездна той же Казанской губернии уже в апреле 1861 года вспыхнули волнения, и, усмиряя их, генерал граф Апраксин расстрелял около ста крестьян. Убитые и раненые были и в селах Черногай и Кандеевка Пензенской губернии, где войска также стреляли в крестьян, выступивших под лозунгом «Земля вся наша!».

В ответ – в университете и Духовной академии Казани – начались волнения студентов. На устроенной ими демонстративной панихиде по убиенным профессор истории

Афанасий Шапов – он умрет в сибирской ссылке – сказал, что своим подвигом бездненские крестьяне разрушили предрассудок, будто русский народ «неспособен к инициативе политических движений»¹⁸.

Помимо репрессий, летом 1861 года правительство разрабатывает новые «Правила...», уничтожавшие всякие университетские «вольности». Но осенью, с началом занятий, начинаются массовые стачки протеста и демонстрации в Петербургском и Московском университетах. Власти проводят повальные аресты, участников беспорядков бросают в Петропавловскую крепость, исключают из университетов, высылают в Сибирь.

«Куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. – пишет Герцен. – *В народ, к народу!* – вот ваше место, изгнанники науки, покажите, что из вас выйдут не *подьячие*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!»¹⁹

«*Народ царем обманут!*» – заявлял издававшийся в Лондоне «Колокол» и звал молодежь к отпору и революционному действию. И в самом Петербурге той же осенью 1861 года появляется составленная публицистом «Современника» Н.В. Шелгуновым прокламация «К молодому поколению». В ней говорилось: «Государь обманул ожидания народа – дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и которая ему нужна... Мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного переворота. Но если иначе нельзя, мы зовем охотно революцию на помощь народу»²⁰.

В 1861 году из сибирской ссылки – через Японию и Америку – бежал ставший анархистом Михаил Бакунин. «Мы понимаем революцию, – писал он, – в смысле разнуздания того, что *теперь* называется дурными страстями, и разрушения того, что *на том же языке* называется естественным порядком».

Надо было прожить сначала всю полосу шумных славословий в честь освобождения и свободы, а затем – ощущение полного, бесстыдного обмана всех надежд, чтобы понять степень ожесточения молодежи.

В 1862 году сын генерала, талантливый юноша П.Г. Зайчневский в прокламации «Молодая Россия» писал, что только «революция, революция кровавая и неумолимая», а за ней диктатура революционной партии, захватившей власть, способна дать народу истинную свободу. Ради этого он был готов уничтожить сто тысяч помещиков, и прежде всего «императорскую партию»: «Когда будет призыв «в топоры», тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда кто не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»²¹.

Илья Николаевич Ульянов был весьма далек от подобного рода умонастроений и, как свидетельствует Анна Ильинична, не одобрял «разную болтовню», внушавшую крестьянам мысль о переделе земли²². Ненавидя до глубины души крепостничество во всех его проявлениях, он, как и многие другие представители поколения русских «шестидесятников», твердо верил в то, что после отмены рабства только просвещение и европеизация России смогут принести общее благоденствие и благосостояние.

Поэтому, когда его же ученики уже начинали помышлять о революционном терроре, Илья Николаевич лишь с еще большей энергией отдавался делу народного образования, и в частности Пензенской воскресной школе...

«...Эти люди в полушубках, чуйках, армяках, пестрядинных и китайчатых халатах, с черными мозолистыми руками, с испачканными лицами, с запахом и цветом, напоминающими ясно ремесло каждого, – писал в эти годы К.Д. Ушинский, – собрались сюда не шутку шутить, не из пустого любопытства, а собрались дело делать, и... это дело, для которого они пожертвовали несколькими часами единственно свободного дня своей трудовой недели, кажется им не только делом полезным, серьезным, но каким-то святым, каким-то религиозным делом»²³.

Вот и в Пензе педагоги не могли нарадоваться на своих подопечных, которые своим отношением к учебе намного

превосходили гимназистов. Но в 1862 году очередь дошла и до них. 10 июня последовало Высочайшее повеление Александра II:

«Надзор, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. В отношении к читальням равным образом обнаружено стремление пользоваться этими учреждениями не для распространения полезных знаний, а для проведения того же вредного социалистического учения». А посему государь император повелел: «Впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни»¹.

В июне 1862 года соответствующий циркуляр министра внутренних дел был вручен Илье Николаевичу, школу закрыли, а в августе следующего года – после свадьбы – он с женой уехал в Нижний Новгород. Город был большой, богатый, с совершенно иной, нежели в Пензе, интеллектуальной средой. Появились дети. 14 августа 1864-го родилась дочь Анна. Еще через полтора года – 31 марта 1866-го – сын Александр... Но вскоре – горестная утрата: появившаяся на свет в 1868-м дочь Ольга, не прожив и года, заболела и 18 июля в том же Кокушкине умерла.

Появились и новые друзья. Молодых учителей поселили на казенных квартирах в «красном флигеле» во дворе Дворянского института. Особенно подружились Ульяновы с семьями В.А. Ауновского и В.Н. Захарова, которых тоже перевели в Нижний из Пензы. По вечерам, уложив детей спать, собирались, беседовали, музицировали. Впрочем, Илья Николаевич все с той же полной самоотдачей уходил в работу. Дела по службе шли нормально. В ноябре 1865 года он получил свой первый орден – Святой Анны 3-й степени. Стал преподавать не только в Дворянском институте, но и в гимназии, на курсах лесных таксаторов, набирал уроки. И каждый раз, когда приносил жалованье, Мария Александровна тщательно, до мелочей расписывала бюджет на

весь месяц. Надо было строить дом, воспитывать детей, помогать астраханским родственникам. Но пензенский период его жизни напомнил о себе и здесь, в Нижнем.

В апреле 1866 года газеты сообщили о неслыханном – первом в истории России покушении революционеров на государя императора.

4-го числа в Санкт-Петербурге, когда в четвертом часу пополудни Александр II, закончив прогулку по Летнему саду, направлялся к экипажу, неизвестный выстрелил в него из пистолета. Но стоявший рядом крестьянин Комиссаров толкнул его под руку, и пуля пролетела мимо государя. Набежавшая толпа сбила стрелявшего с ног, стала бить, а он, закрываясь от ударов, повторял: «Что вы со мной делаете, дурачье?! Я же за вас, за вас! На пользу русскому мужику».

Князь Петр Кропоткин рассказывал: «После... выстрела 4 апреля 1866 года Третье отделение стало всесильным. Заподозренные в "радикализме" – все равно, сделали они что-нибудь или нет, – жили под постоянным страхом. Их могли забрать каждую ночь за знакомство с лицом, замешанным в политическое дело, за безобидную записку, захваченную во время ночного обыска, а не то и просто за "опасные убеждения". Арест же по политическому делу мог означать все, что хотите: годы заключения в Петропавловской крепости, ссылку в Сибирь или даже пытку в казематах».

А уже через несколько дней следственной комиссии стало известно, что преступник – дворянин Дмитрий Владимирович Каракозов, 1840 года рождения, проживал до 1860 года в Пензе, где учился в гимназии. В ней и в пензенском Дворянском институте учились и многие другие участники подпольного кружка, организованного в Москве двоюродным братом Каракозова – Николаем Ишутиным.

Для Ульяновых начались томительные дни ожидания и страха. Они знали и Каракозова, и Ишутина, но при допросах тот и другой Илью Николаевича не упомянули. А вот его ученик по Дворянскому институту Н.П. Странден в ходе следствия показал, что с Ульяновым был знаком. В деле фигурировало и

рекомендательное письмо Ильи Николаевича, данное им другому подследственному с целью облегчить подателю поступление в Московский университет.

На запрос следственной комиссии по поводу преподавателей пензенского Дворянского института и гимназии, обучавших будущих заговорщиков, жандармы ответили, что наиболее «вредным» и «опасным» человеком, оказавшим пагубное влияние на воспитанников, является учитель словесности В.Н. Захаров, у которого учились, а одно время квартировали Каракозов и Ишутин. Ульянов упомянут не был, хотя и он недолго снимал квартиру у Захарова и именно от него принял воскресную школу.

Так или иначе, но на допрос Илью Николаевича не вызывали, и все вроде бы обошлось...

«Спасителю государя» Комиссарову даровали дворянство, возможность задаром пить водку в кабаках, а Каракозов 3 сентября 1866 года был повешен. Ишутин здесь же, у виселицы «помиловали» и заменили веревку бессрочной каторгой в Сибири, где он сошел с ума и в 1879 году умер. А в 1892 году, в состоянии запоя, повесился Комиссаров.

Среди многочисленных арестованных, прямо или косвенно причастных к этому делу, было немало столичных знаменитостей, таких как издатель «Русского слова» Г. Благосветлов, поэты В. Курочкин и Д. Минаев, критик В. Зайцев... И скромный, ранее ничем не скомпрометировавший себя нижегородский учитель математики и физики, видимо, выпал из поля зрения «недреманного ока» Третьего отделения.

А жизнь продолжала идти своим чередом. По-прежнему каждое утро Илья Николаевич уходил в гимназию, возвращался поздно. На гимназическом чердаке он устроил обсерваторию и установил телескоп. Отсюда ученики его всматривались в вечернее звездное небо. Для кабинета физики купили действующую модель паровоза, дабы убедились дети, что нет в «чугунке» нечистой силы.

Росли и свои дети – Анна и Александр, родившийся за четыре дня до выстрела Каракозова. В июле 1867 года Илья

Николаевич получил новый чин – коллежского советника, по Табели о рангах – никак не ниже майора. И все-таки работа в гимназии, особенно после опыта воскресной школы, полного удовлетворения не приносила. Он мечтал о ниве подлинно народного просвещения. Поэтому, когда его астраханский учитель словесности, а теперь инспектор Казанского учебного округа Александр Васильевич Тимофеев написал, что в Симбирске открылась вакансия инспектора губернских народных училищ, Илья Николаевич сразу дал согласие.

Симбирск

Мария Александровна с детьми поехала в Астрахань провести ульяновских родственников, а Илья Николаевич направился в Симбирск устраиваться и подыскивать жилье. Назначение его на новую должность состоялось 6 сентября 1869 года, и вся семья, переехав в Симбирск, поселилась на Стрелецкой улице, сняв флигель во дворе дома Прибыловской. А вскоре, 10 (22) апреля 1870 года, здесь родился сын Владимир.

16 апреля священник Василий Умов и дьячок Владимир Знаменский крестили новорожденного. Крестным стал управляющий удельной конторой в Симбирске действительный статский советник Арсений Федорович Белокрысенко, а крестной – мать сослуживца Ильи Николаевича коллежская ассессорина Наталия Ивановна Ауновская.

Симбирск был в то время тихим провинциальным городком, насчитывавшим чуть более 40 тысяч жителей, из которых 57,5 процента значились мещанами, 17 процентов – военными, 11 – крестьянами, 8,8 – дворянами, а 3,2 процента – купцами и почетными гражданами. Соответственно, и город делился на три части: дворянскую, торговую и мещанскую. В дворянской были керосиновые фонари и дощатые тротуары, а в мещанской держали по дворам всякую скотину, и живность эта, вопреки запретам, разгуливала по улицам.

Помимо заводиков – водочного, пивомедоваренного, винокуренного, воскосвечного и мукомольного, – в Симбирске функционировали две гимназии: мужская и женская, кадетский корпус, духовное училище и семинария, фельдшерская школа и ремесленное училище, чувашская учительская школа и татарское медресе, несколько приходских школ, а также большая Карамзинская библиотека, народная библиотека имени Гончарова и, наконец, театр.

Можно сколько угодно спорить о приметах, верить в них или нет, но факт остается фактом – квартиру Ульяновы сняли рядом с тюрьмой. «Бледные, обросшие, какие-то дикие лица, – вспоминала Анна Ильинична, – глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей... Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах, как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со страхом перед этими людьми наши детские души охватывало чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна».

Летом мать вывозит детей в Кокушкино – на дачу к деду. Анна Ильинична вспоминает «высокого худого старика, с сильной проседью в черных волосах, с ясными и живыми черными глазами, обычно ласково относившегося к нам, внучатам, и баловавшего нас. В последнее лето помню, как он поднялся раз по лестнице в мезонин кокушкинского дома, где помещалась с нами мать, и как мать моя поднесла и показала ему нового внука, брата Володю, родившегося весной этого года. Вероятно, дед осматривал ребенка с точки зрения врача».

И в это же лето – 17 июля 1870 года Александр Дмитриевич Бланк умер. Похоронили его в трех верстах от Кокушкина, на кладбище приходской церкви села Черемышево рядом с могилой Екатерины Ивановны фон Эссен. Еще через год, в 1871-м, умерла

и астраханская бабушка Анна Алексеевна – мать Ильи Николаевича.

А семья продолжала расти. 4 ноября 1871 года родился четвертый ребенок – дочь Ольга. Родившийся в следующем году сын Николай умер, не прожив и месяца. 4 августа 1874-го на свет появился сын Дмитрий, а 6 февраля 1878-го – дочь Мария. Шестеро детей... Ни о какой «светской жизни», а тем более об учительствовании Марии Александровне думать уже не приходилось. После переезда в Симбирск и рождения Володи, кроме кухарки Насти, в дом взяли няню – старую солдатку из села Лутовни Пензенской губернии Варвару Григорьевну Сарбатову. Если учесть, что у Ульяновых часто «гостевали» сестры Марии Александровны и их дети, то станет очевидным, что работы хватало всем.

С первых же дней Ильи Николаевич целиком погрузился в круг своих новых обязанностей. Казалось, исполнилась его мечта: действительно народные сельские школы, которые надо строить, расширять, разрабатывать новые учебные планы, внедрять новейшие методы обучения и воспитания. Но все началось с разочарований...

По всем официальным отчетам, в губернии значилось 460 сельских школ. Это воспринималось как свидетельство просвещенности местного дворянства, и симбирцев повсюду хвалили и ставили в пример. Однако первые же инспекторские объезды Ильи Николаевича показали, что нормально функционирует лишь 89 школ. Остальных либо не было вообще, либо они прекратили свое существование из-за отсутствия учителей или помещений.

Илья Николаевич строил школы, добывал буквари и дрова, подбирал новых молодых учителей, добивался повышения им жалованья... И считал все тяготы своей работы лишь неминуемой платой за осуществление своего сокровенного желания: быть полезным народу в его стремлении избавиться от тьмы и невежества.

Его хвалили. А.Д. Пазухин, предводитель дворянства Алатырского уезда, писал «с благодарностью о неутомимой

деятельности уважаемого И.Н. Ульянова. Благодаря его стараниям и энергии учреждались новые школы, открывались учительские съезды. Своим влиянием и примером он привлекал к делу народного образования людей, относившихся прежде к этому делу безучастно».

25 ноября 1871 года Ульянов получил высокий чин – статского советника, а 22 декабря 1872-го – орден Святого Станислава 2-й степени. 1874 год стал пиком его карьеры: 11 июля Илью Николаевича назначили директором народных училищ Симбирской губернии, 21 декабря наградили третьим орденом – Святой Анны 3-й степени. В декабре 1877 года ему был присвоен чин действительного статского советника, равный по Табели о рангах генеральскому званию и дававший права потомственного дворянства. Но, как напишет позднее Мария Ильинична, «для него были важны не чины и ордена, а процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил»²⁴.

Впрочем, повышение жалованья позволило реализовать давнюю мечту. Сменив с 1870 года шесть наемных квартир и скопив необходимые средства, Ульяновы 2 августа 1878 года за 4 тысячи серебром купили, наконец, собственный дом у вдовы титулярного советника Екатерины Петровны Молчановой на Московской улице в приходе Благоявления Господня. Был он деревянным, в один этаж с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора. А позади двора, заросшего травой и ромашкой, раскинулся прекрасный сад с серебристыми тополями, толстыми вязами, желтой акацией и сиренью вдоль забора.

От самого раннего детства воспоминаний осталось немного... Кроме рассказов отца, запомнил Владимир и рассказы о деревне няни Варвары Григорьевны. Много лет спустя, когда Крупская стала носить очки, он вдруг сказал:

– Очки чистые должны быть. Дай я тебе их протру. Я няне моей всегда очки протирал.

– Не забыл ее всю жизнь Владимир Ильич, – заметила Надежда Константиновна.

Запомнилось и то, как, едва научившись читать, стал сам ходить в Карамзинскую библиотеку. По дороге на улице гуляли гуси. Владимир начинал дразнить их, а они, вытянув шеи, начинали наступать на него. И тогда он ложился на спину и отбивался ногами.

– Почему же не палкой? – спрашивал Николай Веретенников.

– Палки под рукой не было. Впрочем, все это пустяки, дурачество.

Из больших событий запомнилась Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Все ее перипетии обсуждали не только взрослые, но и дети. Ровесник Владимира, а потом и его одноклассник, вспоминал: «Без всяких газет, лишь вчера научившись читать и писать, мы все же знали многое про героические подвиги русской армии, друг другу с жаром пересказывая все слышанное, а больше подслушанное: про знаменитую Дунайскую переправу, тяжкую Шипку, неприступную Плевну. С языка, бывало, не сходили прославленные имена Скобелева, Гурко, Радецкого, Дубасова и др., вырезали, собирали их портреты».

Запомнился и приход в Симбирск большой партии пленных турок. И некоторых из наиболее воинственных «патриотов» крайне удивило при этом, что жители города не проявили по отношению к туркам никакой злобы и встречали их «отнюдь не враждебно». Но главным событием 1878 года стало торжественное вступление в Симбирск вернувшегося с войны боевого пехотного Калужского полка. Все население высыпало на улицы, звонили колокола, играли оркестры, люди плакали, целовались, кричали «Ура!», пели «Боже, царя храни...»²⁵.

Но Владимир хорошо запомнил и другое: как на протяжении всей войны его любимая няня, «у которой родственники были взяты на войну и некоторые из них там убиты, постоянно с плачем говорила: “Русская кровь зря льется из-за каких-то нам чужих, проклятых болгар. На что они нам, у нас самих забот по горло”». И «насколько помню, – рассказывал позднее Ленин, – с мнением няни совпадало отношение к этой войне и моих родителей»²⁶.

Ульяновы в этом отношении не были исключением. Ровесник Владимира князь Владимир Оболенский, проживавший в это время в Смоленской губернии, тоже вспоминал, как в их семье, собираясь щипать корпию для раненых, «рассказывали о хищениях интендантов, о замерзших на Шипке солдатах, для которых не было заготовлено теплых вещей, о том, как великий князь Николай Николаевич (старший), чтобы сделать Государю сюрприз в его именины, штурмовал Плевну и положил при этом бессмысленном штурме огромное количество солдат, и т. д. По случаю этого эпизода по рукам ходило стихотворение, начинавшееся так:

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату...»²⁷

Если бы кто-то захотел доказать, что главным в воспитании детей являются не «педагогические» нравоучения, не разговоры о добродетели и уж тем более не наказания, а прежде всего та особая повседневная атмосфера семьи, определяемая главными жизненными ценностями, которых искренне придерживаются родители, то лучшего объекта исследования, наверное, не надо было и искать.

От отца исходило, может быть, самое важное: признание абсолютной ценности знания и отношение к труду, направленному не на личные, сугубо меркантильные интересы, а на общее благо. Детям не надо было долго объяснять и то, что такое честность и порядочность. Пример Ильи Николаевича стоял перед глазами. А отношение матери к его беззаветному служению своему долгу – делу народного просвещения – еще больше укрепляло силу воздействия отцовского примера.

Каждый раз после его возвращения из поездок вся семья собиралась в гостиной, и Илья Николаевич живописал свои наблюдения о крестьянской жизни и быте, произволе всяческого начальства, о случайно услышанных разговорах или выступлениях на сельских сходах... И, помимо прочего, это

воспитывало в детях такое чувство, как сострадание – умение воспринимать чужие беды и чужое горе как свое собственное.

Одним из первых стихотворений, выученным Володей наизусть, была «Песня бобыля» И.С. Никитина. И когда собирались гости, он с большим задором – плохо выговаривая, как и отец, букву «р» – декламировал:

Богачу-дур-р-аку
И с казной не спится;
Бедняк гол как сокол,
Поет-веселится.

В гимназическом сочинении старший сын Александр напишет: «Для полезной деятельности человека нужны: 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание.

Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела... Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя, и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды»¹. Так что уроки отца даром не пропали.

Что касается матери, то от нее шло и другое начало – то, которое некоторые биографы Ленина называют порой «немецкий педантизм». Но вряд ли это определение верно. Скорее, это понимание того, что человек сможет сделать нечто большое и значительное лишь в том случае, если он не потратит жизнь на безалаберную суету, а сумеет организовать свое время и стать его хозяином.

Важным элементом такого воспитания она считала, в частности, жесткий распорядок дня. Дети вставали в 7 часов. Убирали свои кровати. Затем утренний туалет. Завтрак. Теперь старшим пора в гимназию... Впрочем, нет: дабы не простудиться после горячей пищи, надлежит выдержать десятиминутную паузу дома и лишь потом выходить на улицу.

Младшие тоже занимались: сначала с Марией Александровной – чтением, письмом, иностранными языками, музыкой, а по мере роста – с учителем Василием Андреевичем Калашниковым, готовившим их к поступлению в 1-й класс.

К обеду старшие возвращались из гимназии и всей семьей садились за стол. Съесть было положено все, что дают. И кстати сказать, Владимира понукать не приходилось. Аппетит у него в детстве был отменный. И не случайно, когда под руководством Саши дети стали выпускать еженедельный семейный журнал «Субботник», коренастый и плотный Володя получил псевдоним – свой первый литературный псевдоним – Кубышкин.

Дома дети не только убирали за собой. Девочки вязали, вышивали, следили за одеждой мальчиков: чинили, штопали, пришивали пуговицы. Мальчики, в свою очередь, должны были наливать водой бочки в саду, помогать переносить тяжести сестрам, няне и матери. А летом, когда чаепитие устраивали в беседке, все дети накрывали на стол.

Фруктов и ягод, произраставших в саду, они наедались вволю. Но свой порядок и дисциплина существовали и здесь. Яблоки можно было брать лишь те, которые созрели и упали на землю. Остальные – для варенья на зиму. И в клубнике детям отведены определенные грядки – к другим не подходят. А вишню у беседки вообще нельзя трогать до 20 июля – дня ангела Ильи Николаевича¹.

Но и при такой жесткой системе случались срывы. Однажды мать чистила в кухне яблоки для пирога. «Кучка яблочной кожуры лежала на столе. Володя вертелся подле и попросил кожуры. Мать сказала, что кожуру не едят. В это время кто-то отвлек ее; когда она повернулась опять к своей работе, Володи в

кухне уже не было. Она выглянула в садик и увидела, что Володя сидит там, а перед ним, на садовом столике, лежит кучка яблочной кожуры, которую он быстро уплетает. Когда мать пристыдила его, он расплакался и сказал, что больше так делать не будет».

Однако система нравственных и поведенческих запретов имела и свои границы. Когда учитель Василий Калашников впервые ступил в дом Ульяновых, он увидел детей, обряженных в самодельные «индейские» одежды. Потрясая копьями и луками, со страшными криками и воплями они носились по двору.

– Дети должны кричать, – очень серьезно сказала ему Мария Александровна.

В дальнем углу сада, у самого забора, Владимир и Ольга устроили шалаш – «вигвам». Он ходил на «охоту», она стерегла «очаг», готовила пищу. И никто из взрослых не должен был заглядывать в этот угол...

После гастролей в Симбирске какого-то цирка они с Ольгой в сарае натянули довольно высоко веревку и, рискуя свалиться, пытались повторить номер канатоходцев. И в этом им тоже никто не мешал.

Но еще более удивляло соседей то, что если родители оказывались в чем-то не правы, они признавали свою ошибку. «Вот моду завели, – судачили кумушки, – перед детьми извиняются, если что, как перед взрослыми. Где ж это видано?»

Эта не декларируемая, а совершенно естественная атмосфера взаимного уважения проявлялась с особой силой опять-таки тогда, когда вся семья была в сборе. Когда отец играл с детьми, рассказывал не только о школе и поездках, но и о великих путешественниках, о звездах, строении вселенной, читал любимые стихи Некрасова и пел русские народные песни. Когда мать присаживалась к роялю и дом наполняли звуки прекрасной музыки. Или когда в Кокушкине она вела всех в лес, где знала каждую тропку, собирать цветы, грибы и ягоды. А Илья Николаевич шутя приговаривал: «Как бы ягод набирать и детей не растерять».

Может быть, во время этих прогулок и зарождалась в детях та неистребимая любовь к русской природе, которую не могли потом вытеснить ни живописность швейцарских Альп, ни холодная красота Нормандии, ни лучезарные ландшафты Италии.

Требовательность Марии Александровны отнюдь не означала и того, что дети должны вертеться вокруг маминой юбки. В Симбирске во время каникул она отпускала Сашу и Володю в многодневные лодочные походы по Волге.

Это запомнилось на всю жизнь, и много позднее Владимир Ильич рассказывал уже знакомому нам Ивану Попову: «Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь... Так широка. Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко, очень далеко уезжали, и над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня. И песни же у нас в России!»²⁸

Их спутник Иван Яковлев тоже вспоминал: «В пути пели волжские песни. Подобные путешествия, в которых принимал деятельное участие и Володя Ульянов, длились с неделю, а иногда и более»²⁹.

И в Кокушкине Мария Александровна разрешала Володе уезжать с деревенскими ребятами в ночное, отпускала в деревню, на реку. «Володя, я и другие двоюродные братья, – рассказывает Николай Веретенников, – с самого раннего детства любили полоскаться в воде, но, не умея плавать, должны были барахтаться на мелком месте у берега и мостков или в ящике-купальне. Старшие называли нас лягушатами, мутящими воду. Это обидное и пренебрежительное название нас очень задевало. Помню, как и Володя, и я, и еще один из сверстников в одно лето научились плавать. Вообще в семь-восемь лет каждый из ребятшек мог переплывать неширокую реку, а если мог и назад вернуться без отдыха на другом берегу, то считался умеющим плавать. Курс плавания на этом не кончался – мы совершенствовались беспредельно: надо было научиться лежать на спине неподвижно, прыгать с разбега вниз головой; нырнув, доставать со дна комочки тины; спрыгивать в реку с крыши купальни; переплывать реку, держа в одной руке носки или сапоги, не замочив их...»³⁰

Но любые забавы и игры допускались лишь до тех пор, пока не становились слишком опасными.

Один из приятелей Володи – Н.Г. Нефедьев вспоминал, как в Симбирске бегали они удить рыбу на Свягу, но кто-то из ребят предложил ловить рыбу в большой наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, – рассказывает этот товарищ, – если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать и на Свягу»³¹.

О том, что надо быть правдивым, родители говорили и напоминали многократно. И это требование как-то вошло в повседневный быт. Старший брат Саша, который был любим всеми младшими и являлся для них абсолютным авторитетом, выражался еще категоричней и заявил, что более всего ненавидит такие пороки, как «ложь и трусость». Это, видимо, запомнилось.

И вот однажды, когда по дороге в Кокушкино Мария Александровна заехала в Казань к сестре Анне Веретенниковой, Володя, «разбегавшись и разыгравшись с родными и двоюродными братьями и сестрами, толкнул нечаянно маленький столик, с которого упал на пол и разбился вдребезги стеклянный графин.

В комнату вошла тетя.

– Кто разбил графин, дети? – спросила она.

– Не я, не я, – говорил каждый.

– Не я, – сказал и Володя.

«Он испугался признаться перед малознакомой тетей в чужой квартире, – вспоминает Анна Ильинична, – ему, самому младшему из нас, трудно было сказать “я”, когда все остальные говорили легкое “не я”. Вышло, таким образом, что графин сам разбился». Так все и сошло...

Но носить эту «ложь и трусость» в себе ему оказалось просто не под силу. «Прошло два или три месяца. Володя уже давно уехал из Кокушкина и жил опять в Симбирске. И вот раз вечером,

когда дети уже улеглись, мать, обходя на ночь их кровати, подошла и к Володиной. Он вдруг расплакался.

– Я тетю Аню обманул, – сказал он, всхлипывая. – Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил.

Мать утешила его, сказав, что напишет тете Ане и что она, наверное, простит его.

Он не мог уснуть, – заключает Анна Ильинична, – пока не сознался»³².

В семьях педагогов с наказаниями всегда проблема. Илья Николаевич до конца дней своих с ужасом вспоминал, как в Астраханской гимназии, где он учился, и в Пензенской, где работал, слугитель перед поркой учеников распаривал березовые прутья, дабы дали они «свою настоящую пользу»³³. Да и потом директору народных училищ Ульянову постоянно приходилось напоминать учителям, что недопустимы наказания «розгами, становление на колени, рванье за волосы или за уши, щелчки, пинки и т. п., как наказания, вредные для здоровья детей и поддерживающие грубость нравов».

Между прочим, даже в семье земляка Ленина писателя Гончарова мать свирепо драла сына за уши и заставляла часами стоять на коленях в углу. Естественно, что у Ульяновых обходились увещеваниями, воспитательными беседами либо отводили в кабинет отца, усаживали в большое кожаное черное кресло и оставляли одного, дабы мог ребенок поразмыслить над своим поведением.

А между тем в России именно в это время вопрос о телесных наказаниях, и в частности о розгах, приобрел громкое политическое звучание.

С самого начала 70-х годов среди российской демократической молодежи стали широко распространяться «Исторические письма» Петра Лаврова. Этот именитый псковский дворянин, став революционером, писал о священном «долге» интеллигенции перед народом и необходимости идти «в народ», для того чтобы расплатиться за этот долг.

«Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, – вспоминал Н. Русанов, – чтобы видеть вокруг себя и чувствовать

на самом себе удивительное влияние, произведенное "Историческими письмами"! Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчики, не расставались с небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жаждой жить для благородных идей и умереть за них... К черту и "разумный эгоизм", и "мыслящий реализм", и к черту всех этих лягушек и прочие предметы наук, которые заставили нас забывать о народе! Отныне наша жизнь должна всецело принадлежать массам!»

И тысячи молодых людей, бросая все – состоятельные и родовитые семьи, престижные университеты и институты, будущую карьеру, – пошли в народ, к обездоленным и униженным. Из них около 4 тысяч были арестованы, сотни и сотни отправлены на каторгу, сосланы в Сибирь.

Ответом на эти насилия стал террор...

Утром 24 января 1878 года в приемную Петербургского градоначальника Ф. Трепова вошла симпатичная молодая женщина. Когда сам генерал-адъютант подошел к ней, она открыла сумочку, вынула пистолет и выстрелила в упор. Это была 28-летняя Вера Ивановна Засулич, и стреляла она в Трепова, после того как градоначальник приказал подвергнуть порке студента А. Боголюбова, осужденного за участие в демонстрации на 15 лет каторжных работ.

Суд над Засулич стал главной сенсацией, о которой писали и говорили повсюду. Ее адвокат П. Александров в защитительной речи заявил о том, что истязания, совершенные над Боголюбовым, являются позорным надругательством над честью и достоинством человека. Было время, говорил он, когда «розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении». Но и после отмены крепостного права, несмотря на официальный запрет телесных наказаний, розга осталась как некий традиционный «русский сувенир».

Трепов после ранения остался жив, и 31 марта 1878 года суд присяжных Веру Засулич оправдал. Общественное мнение было целиком на ее стороне. И когда московский гимназист Саша Гучков, с которым нам еще не раз придется встретиться, попытался у себя в классе осудить Засулич, одноклассники просто избили его.

Акты мести за гибель товарищей, за надругательства над человеческой личностью продолжились. Через несколько месяцев на юге России член организации «Земля и воля» Попко убивает жандармского офицера Гейкинга. Валериан Осинский покушается на жизнь царского прокурора Котляревского. А 4 августа 1878 года «землеволец» Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский ударом кинжала убивает в Петербурге шефа жандармов Н. Мезенцова.

«Мы, русские, – писал Степняк в брошюре “Смерть за смерть”, – вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство тянуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер».

Обо всем этом говорили и просто судачили повсюду. А когда правительство обратилось к обществу с призывом о помощи в борьбе с терроризмом, некоторые либеральные земства – Тверское, Черниговское, Харьковское – выступили с критикой самого правительства и завуалированными предложениями о введении Конституции. И военный министр Д. Милютин в июне 1879 года записал в своем дневнике: «Никто не верует в прочность существующего порядка вещей».

Гимназия

А в семье Ульяновых летом 1879 года Володе предстояло поступать в Симбирскую гимназию. Занятия с В.А.

Калашниковым, потом с И.Н. Николаевым, а на заключительном этапе с Верой Павловной Прушакевич дали свои результаты. По тем главным критериям, которые определяли «годность», – по «Закону Божию», знанию «общеупотребительных молитв» и событий, изложенных в Ветхом и Новом Завете, умению читать по-церковнославянски, а также к «диктовке без искажения слов», громкой декламации стихотворений, разбору частей речи, склонений, спряжений и «умственному решению» арифметических задач – Владимир был подготовлен вполне.

Вступительные экзамены, проходившие с 7 по 11 августа, он сдал на высшие баллы и 14-го был зачислен в 1 класс «А». В четверг 16-го – день начала учебного года – Володя впервые надел поверх хромовых полусапожек темно-серые шаровары, затем темно-синий однобортный мундир с девятью посеребренными пуговицами и жестким стоячим воротником, подпиравшим подбородок, темно-синее кепи с посеребренной кокардой, закинул за спину ранец установленного образца и вместе с Александром и Анной пошел на свой первый школьный урок. Саша шел уже в 5-й класс, а Аня – в выпускной класс Мариинской женской гимназии.

Первый день не обошелся без приключений. На перемене Володя вынул из ранца свой завтрак и доверчиво протянул какому-то гимназисту пакетик с домашними пирожками, рассчитывая, что тот удовольствуется одним. Но гимназист «со смехом отобрал все содержимое, оставив Володю без завтрака».

Гимназию в семье Ульяновых недолюбливали. О том, во что превратились российские гимназии в 70—80-е годы после реформ министров народного просвещения графа Д.А. Толстого и И.Д. Делянова, хорошо написал А.П. Чехов в «Человеке в футляре»: «Не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной воняет, как в полицейской будке». Писали об этом и В.Г. Короленко, В.В. Вересаев, Н.Г. Гарин-Михайловский и другие.

Муштра и зубрежка – эти два элемента определяли весь учебный процесс. Фиксировалось все: расстегнутый воротник мундира, шалости на перемене, «неуместные вопросы к преподавателям», «неимение на уроке Евангелия» и т. п.

Провинившихся строго наказывали, вплоть до суточного заключения в карцер с содержанием на черном хлебе и воде³⁴.

Однако появление Владимира в гимназии совпало с ее реорганизацией. На смену проворовавшемуся И.В. Вишневному директором назначили действительного статского советника Федора Михайловича Керенского. Позднее он напишет: «В округе гимназия по малоуспешности учеников была на самом плохом счету... В первый же учебный год по вступлении моем в должность директора уроки древних языков в старших классах были переданы отлично знающим свое дело и энергичным преподавателям, а преподавание словесности и логики взял я на себя. Через три-четыре года Симбирская гимназия снискала лучшую репутацию среди других гимназий округа»³⁵.

Естественно, что общее направление воспитания при этом не претерпело никаких изменений. «Главнейшее внимание было обращено на то, – писал Керенский в одном из донесений в Казань, – чтобы развить в учениках религиозное чувство, отдалить их от дурных сообществ, развить чувство повиновения начальству, почтительность к старшим, благопристойность, скромность и уважение к чужой собственности»³⁶.

В провинции было принято ходить по праздникам в гости к друзьям и коллегам. И Федор Михайлович, питавший по отношению к Илье Николаевичу самое глубокое почтение, не раз наносил визиты Ульяновым всей семьей. Так что вполне очевидно, что родившийся здесь же, в Симбирске, 22 апреля (4 мая) 1881 года Александр Федорович – будущий премьер-министр Российской республики – в раннем детстве тоже переступал порог ульяновского дома.

До конца дней своих будет Ленин вспоминать о своей Симбирской гимназии как о «казенной», «нелюбимой» и даже «ненавистой». Спустя много лет он скажет: «Старая школа была школой... муштры, школой зубрежки... Она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову...»

Но это не мешало ему все 8 лет переходить из класса в класс с похвальными листами и «первым учеником». В этом смысле

гимназический восьмилетний «искус», как выразилась Анна Ильинична, стал временем воспитания и закалки характера для всех детей Ульяновых, и особенно для Владимира, как наиболее подвижного и экспансивного ребенка.

В детстве «надо» и «хочется» довольно часто совпадали, а от того, чего не хочется, можно было как-то избавиться. Теперь же – причем ежедневно и ежечасно – надо было делать как раз то, чего не очень и даже совсем не хотелось.

Уроки начинались в 9 часов утра. Но за четверть часа до этого все гимназисты собирались в церковном зале на молитву. Затем до 12 часов шли три урока по 50 минут с короткими переменами. А с 12 до 12.30 – большая перемена для гимнастики и завтрака. С 12.30 – еще два урока, кончавшиеся в 2 часа 30 минут. После этого, ошавев от почти 6-часового рабочего дня, гимназисты шумной гурьбой вываливались на улицу, хотя в гимназических правилах специально оговаривалось, чтобы шли они домой «каждый в свою сторону не гурьбой и не группами».

Потребовалось прежде всего выработать в себе умение и привычку к систематичности занятий. На уроках он внимательно слушал объяснения преподавателей. Дома повторял этот урок по учебнику, в том числе и «зады», то есть пройденное ранее. А поскольку память была хорошей, то и задание усваивалось быстро.

Что же касается письменных работ, а их задавали очень много, то тут существовал определенный ритуал... Все гимназисты: Саша, Аня, Владимир, а потом Ольга – садились за большой обеденный стол и готовили домашние задания под наблюдением Марии Александровны. И только после того как уроки были сделаны и проверены, можно было заниматься чем-то другим. А утром, перед уходом на занятия, Владимир успевал повторить уроки еще раз.

Николай Веретенников вспоминал эпизод, рассказанный ему Владимиром: «На уроках новых языков соединяли основной и параллельный классы. И вот первый ученик параллельного класса (кажется, Пьеро) просит у него списать слова к немецкому переводу.

– И что же, ты дал?
– Конечно, дал... Но только какой же это первый ученик?
– Так неужели с тобой никогда не бывало, что ты урока не приготовил?

– Никогда не бывало и не будет! – отрезал Володя».

Ему уже тогда, замечает Веретенников, были свойственны подобные короткие и решительные формулировки³⁷.

Все это требовало не только прилежания, полной концентрации внимания, огромного терпения, но и умения подавлять в себе эмоции, вполне естественную скуку, то есть того, что называют способностью «держаться в руках».

И тем не менее у отца и матери складывалось впечатление, что «Володе все слишком легко дается» и в нем «не вырабатывается трудоспособность»³⁸. Они еще больше усилили контроль, стали дополнять задания. А в старших классах Илья Николаевич попросил Владимира давать трижды в неделю бесплатные уроки по латыни и греческому учителю математики чувашской школы Никифору Михайловичу Охотникову, с тем чтобы за два года подготовить его в университет³⁹.

Анна Ильинична написала еще об одной подоплеке этой жесткой системы: «Вполне правильной она была только для брата Владимира, большой самоуверенности которого и постоянным отличиям в школе представляла полезный корректив. Ничуть не ослабив его верной самооценки, она, несомненно, сбавила той заносчивости, к которой склонны бывают выдающиеся по способностям захваливаемые дети»⁴⁰.

Покойная Екатерина Ивановна фон Эссен любила повторять фразу, которую хорошо запомнили все сестры Бланк: «Так надо!» Но ее «так надо» не объясняло причин. А Илья Николаевич, сам недолюбливавший гимназию, объяснил своим детям, ради чего надо зубрить и терпеть: гимназия – «необходимый мост», без преодоления которого «нет доступа в университет»⁴¹.

В минуту гнева Салтыков-Щедрин сказал как-то о министре народного просвещения графе Дмитрие Андреевиче Толстом, что

он «своим дурацким классицизмом отправил десятки юношей на тот свет...». И немалая доля истины была в этой оценке.

Именно в эти годы, хотя и был он на два года старше Владимира Ульянова, проходил курс 13-летнего «домашнего обучения» престолонаследник Николай Романов. Первые восемь лет отводились гимназическому курсу. Программу составлял сам Победоносцев. Так вот, латынь и древнегреческий он в нее вообще не включил. Зато значительно расширились занятия по английскому, французскому и немецкому языкам. Среди преподавателей были известнейшие ученые – Н.Н. Бекетов, Н.Х. Бунге, Ц.А. Кюи, Г.А. Леер и др. Впрочем, профессорам решительно запрещалось задавать вопросы ученику. Сам же он, как правило, ни о чем не спрашивал. Так что степень усвоения им наук так и осталась загадкой.

Владимиру Ульянову все восемь лет пришлось учиться по иной – полной «классической» программе. Преподавание древних языков – греческого и латыни – было поставлено на редкость занудно. Они были настоящим бичом для гимназистов и главной причиной неуспеваемости, второгодничества и «отсева». Тут Владимиру оказывали помощь и Александр, и отец, который сам вместе со старшим сыном стал изучать древнегреческий, ибо в Астраханской гимназии его не преподавали. Латынь сразу пошла у Владимира хорошо, причем он настолько увлекся ею, что пришлось даже умерять рвение, дабы не ущемлять другие предметы.

Новые языки давались легче, ибо немецким и французским дети занимались еще до гимназии с матерью. Учитель немецкого Яков Михайлович Штейнгауэр был милейшим человеком, которого в семье Ульяновых хорошо знали. Но научиться у него читать книги или говорить по-немецки было совершенно невозможно. На уроках все сводилось к заучиванию исключений в виде какой-то рифмованной мешанины. И все это сопровождалось бесконечными окриками и выкриками:

– Кто невнимательно слушать будет – всех в форточку вышвырну!.. Выньте голову из кармана, поставьте ее на плечи!.. Ничего не понять, что ты лепечешь...

На одном из первых уроков, когда отвечал Владимир, учитель в обычной своей манере закричал:

– Выплюнь кашу изо рта!

– Извините, Яков Михайлович, – услышал он в ответ, – у меня никакой каши во рту нет! Это я немного неясно выговариваю некоторые буквы...

С тех пор Штейнгауэр никогда на него не кричал и лишь нахваливал за хорошее знание грамматики.

Преподавателей, говоря мягко, вообще не очень любили. «Состав учителей, – рассказывала Мария Ильинична, – был очень плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава... Особого уважения к себе учителя не могли внушить».

Мало того, если представлялся случай устроить им какую-либо гадость, гимназисты этой возможности не упускали. И тут уж начинал действовать школьный закон «круговой поруки»...

Древнегреческий в гимназии одно время преподавал Володин родственник – Александр Иванович Веретенников. Преподавал хорошо и отметки ставил строго, но справедливо. Однако постепенно у него стало развиваться тяжелое нервное заболевание, которое превратило его, как пишет ставший поэтом соученик Владимира Аполлон Коринфский, в жалкого «евангельски расслабленного» человека. Тут-то жестокая мстительность гимназистов и проявила себя сполна...

«Как только он появлялся в классе, – рассказывает Коринфский, – и садился на заранее политый чернилами или обильно смазанный мелом стул у кафедры, раздавался грохот всех парт, разом сдвигаемых со своих мест и загораживавших ход к двери. Начиналось настоящее “истязание” жалкого человека, еле-еле передвигавшего ноги и от малейшего волнения переживавшего настоящий нервный припадок. В лицо ему швыряли жеваную бумагу. Пачкали всякой дрянью его сюртук. Пели специально сложенные общими силами и весьма неприличные “гимны Холере”...

И однажды, услышав шум и заглянув в класс, все это беснование увидел директор Федор Михайлович Керенский...

– Что за мерзость! – закричал он. – Прodelывать такую подлость с совершенно больным человеком, с величайшим трудом зарабатывающим себе здесь на черствый кусок хлеба и на необходимые лекарства!.. Весь класс... в карцер, в нужник... без обеда!.. Назвать всех зачинщиков этого безобразия!..

Тут же повернувшись к «Ульяше», Керенский молча посмотрел на него и сказал:

– Я знаю, что вы не могли принимать участия в этом диком проступке. Соберите ваши книги с тетрадями и уходите домой! Не требую от вас и указания зачинщиков...

Ульянов вспыхнул, как зарево, до кончиков ушей и каким-то чужим, не своим голосом выкрикнул:

– Я не могу уйти, когда все мои товарищи, весь класс должны будут сидеть в карцере... позвольте же и мне остаться с ними! Я так же виновен, как и все остальные.

– Не верю я вам, Владимир Ульянов! Вы не могли! Понимаете, не могли быть заодно ни с зачинщиками, ни с участниками такой подлости... повторяю, вы свободны... идите домой!..

– Да не могу же я этой подлости сделать!

И после уроков, – завершает Коринфский, – Ульянов последовал за всеми товарищами в наш школьный “застенок”... С трех часов мы просидели там (голодные и чуть не задохаясь от вони, проникавшей сквозь щели перегородки и пола из уборной) до девяти часов вечера...»

Может быть, во время одной из таких «коллективов» Владимир впервые попробовал и закурить. Спустя много лет, в разговоре с красноармейцами, нещадно дымившими махрой, он рассказал: «Помню, когда был гимназистом, один раз вместе с другими так накурился, что стало дурно. И с того времени не курю». Была для этого отказа и еще одна причина: о курении узнала мать. Она попросила его бросить, и, как рассказывает Н.К. Крупская, Владимир дал слово «и с тех пор ни разу не дотронулся до папирос».

Конечно, потребовались и определенные жертвы по отношению к тому, что мешало учебе, особенно в старших

классах. Володя, например, научился довольно прилично кататься на коньках. Каток на Свяге, где по вечерам горели керосиновые фонари, играл военный духовой оркестр и собиралась симбирская молодежь, был его излюбленным местом. Он мог, как это делали кадеты, стоя во весь рост, скатиться с ледяной горки. Умел он делать и то, что называли тогда «фигурами». И это вызывало особый восторг гимназисток – Олиных подруг.

«Зимой он почти каждый день ходил на каток, – вспоминала Аня Орлова. – Сидишь у окна и видишь – идет он с коньками... Шинель на нем длинная, сшитая с запасцем на будущий рост... Ольга придет ко мне и скажет: "Нюра, пойдем на каток. Посмотрим, как Володя катается..." Быстро соберусь – и пойдем.

Увидит Володя Ульянов, что мы на каток пришли, и подкатит к нам, сделав при этом по льду замысловатую фигуру. Ольга приходит в восторг: "Ах, как хорошо! А ну-ка еще раз так прокатись!" Через минуту Володя Ульянов катит к нам по льду кресло. Ольга садится в кресло, и брат долго катает свою любимую сестру. Потом катает и меня»⁴².

Но в старших классах Владимир стал появляться на катке все реже и реже. Позднее он рассказывал Крупской, что к концу дня уставал, «после коньков спать очень хотелось, мешало заниматься, – бросил»⁴³.

Один из ленинских биографов, которого мы помянем еще не раз, – Н.В. Валентинов услышал в 1904 году в Женеве фразу, брошенную Лениным: «Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты»⁴⁴. Сам Валентинов – красавец и атлет, пользовался успехом у женщин. Он хорошо знал Симбирск, и в его воображении сразу же стали рисоваться картины того, как юный Владимир гулял с гимназисточками по берегам Свяги или в лесочке на окраине Симбирска.

Увы! Сестра Ольга перезнакомила Владимира со своими гимназическими подругами, он с удовольствием помогал им готовить уроки, но «романа» так и не получилось. Девочки стеснялись его – такого серьезного и начитанного. Саша Щербо

рассказывала, например, что как-то Владимир пошел проводить ее домой: «Он меня расспрашивал об учителях так серьезно, деловито, что я робела и не знала, как получше сказать»⁴⁵.

А однажды, когда Ольга заболела, она попросила брата передать записку другой подруге – Вере Юстиновой. Но свидание не состоялось... Вера сказала, что он убежал от нее, а Владимир – что убежала она, сконфузившись перед старшеклассником. И в следующей записке Ольга пишет подруге: «Брат сообщил мне, что *не он от Вас убежал, а Вы от него*. Это можно объяснить взаимной храбростью...»⁴⁶

Чувствуя себя совершенно свободно в общении с родными и двоюродными сестрами, с дочерью кухарки Леной⁴⁷, он был крайне стеснителен с малознакомыми девочками.

Многодетные семьи, где есть братья и сестры, не только родные, но и двоюродные – а у Ульяновых было 33 (!) кузена и кузины, – нередко оказываются для детей вполне «самодостаточными». Их потребность в общении и играх удовлетворяется дома полностью. Может быть, поэтому ульяновские дети, будучи контактными и общительными, тем не менее редко заводили близких друзей на стороне. Может быть, поэтому и у Владимира таких друзей, с которыми «душа нараспашку», среди одноклассников не было. М.Ф. Кузнецов, например, проучившись с ним с 1-го по 8-й класс, написал, что и он не мог «похвастаться интимной близостью с Ильичом»⁴⁸. О том же вспоминал в 1918 году и Аполлон Коринфский: «Товарищеские начала соблюдались им неуклонно и неизменно; но не было случая, когда эти отношения переходили бы на более интимную плоскость. Он был для всех – «наш», но ни для кого не был «своим»⁴⁹.

Родители Владимира Ульянова – Илья Николаевич и Мария Александровна

Это объясняет, почему воспоминания его одноклассников касаются лишь событий «внешних» и мало что говорят о формировании «жизни духа». Но попытки завязать дружбу были, ибо, как пишет Крупская, ему «ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него»⁵⁰.

«Вторым учеником» в его классе был Саша Наумов. Он пришел в третий класс из военной гимназии, любил музыку, играл на скрипке и все шесть лет сидел за одной партой с Владимиром. По каким-то репликам на переменах показалось, что он не только умен, но и настроения вроде бы близкие... Сговорились пойти погулять к Свияге. Но разговора не получилось. Саша стал говорить о выборе профессии и о том, что нужна такая, которая позволит быстрее сделать блестящую карьеру и получше устроиться в этой непростой жизни.

Владимиру стало скучно, и больше попыток сближения с «карьеристом» он не делал⁵¹.

А Александр Николаевич Наумов, не терзая себя размышлениями об «общем благе» и «неоплатном долге перед народом», карьеру-таки сделал. Стал земским начальником, потом уездным предводителем дворянства в Самарской губернии. В 1905-м его избрали губернским предводителем дворянства. Встретился с Николаем II и в 1908 году «по высочайшему повелению» был введен в Государственный совет России. А в 1915-м возглавил министерство земледелия. Чем не карьера? Гимназия гордилась им. Александр Николаевич и дальше бы пошел, но помешал 1917 год...

Естественно, что Ленина он совсем не любил, но в мемуарах, изданных в эмиграции, написал: «Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был несомненно Владимир Ульянов, с которым мы учились бок о бок, сидя рядом на парте в продолжение всех шести лет, и в 1887 году окончили вместе курс. В течение всего периода совместного нашего с ним учения мы шли с Ульяновым в первой паре: он – первым, я – вторым учеником, а при получении аттестатов зрелости он был награжден золотой, я же серебряной медалью.

Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные – я бы сказал – некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот, с желтыми, редко расставленными, зубами. Совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками, Ульянов был светлый блондин с зачесанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного вьющимися волосами.

Но все вышеуказанные неправильности невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька. При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы стушевывалась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией.

Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас – его товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи непрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда “Володя Ульянов” не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей.

Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он все ж недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум.

По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на “вы”, и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его “душа” воистину была “чужая” и как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь “потемками”.

В общем, в классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, что его любили, скорее – его ценили. Помимо

этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал».

1 марта 1881 года

Конечно, классическая гимназия не сахар. Но именно в ней за 8 лет учебы Владимир Ульянов получил основы самых различных знаний, два иностранных и два древних языка, прочитал всю русскую литературную классику, и, между прочим, именно в гимназии его научили писать...

Начиная с 4-го класса Керенский стал давать ученикам сочинения на «свободные» темы. Были там и сугубо назидательные, например «В чем должна выражаться любовь детей к родителям». Но более всего Федор Михайлович стремился воспитать у своих подопечных умение видеть красоту родной природы. И эти темы, соответственно, преобладали: «Описание весны», «Наводнение», «Волга в осеннюю пору», «Зимний вечер» и т. д. Впрочем, были и «репортажные» сюжеты, которые просто развивали наблюдательность, такие как «Ярмарочный день в городе». Так или иначе, но за все сочинения Владимир неизменно получал «пять».

Неизвестно, какой «ярмарочный день» имел в виду Керенский. Но если бы это был 1879 год, то тогда на торговой и базарной площадях Симбирска все читали «Объявление» министра внутренних дел Л.С. Макова о том, что слухи о «черном переделе» земли, распространяемые среди крестьян «злонамеренными людьми, неосновательны, ибо Государь Император подтверждает незыблемость частной собственности»⁵².

Ну а если бы речь шла о мартовской ярмарке 1881 года, то в этот день весь город читал экстренное сообщение:

«Сегодня, 1 марта... при возвращении Государя Императора с развода... совершено было покушение на священную жизнь Его

Величества, посредством брошенных двух разрывных снарядов... Разрыв второго нанес тяжелые раны Государю. По возвращении в Зимний дворец Его Величество сподобился приобщиться Святых тайн и затем в бозе почил – в 3 часа 35 минут пополудни».

В.Н. Назарьев писал известному литератору П.В. Анненкову, что эта весть пришла «в Симбирск во время ярмарки, при огромном стечении народа... Мужики всячески старались добыть первое роковое объявление, платили бог знает какие деньги и увозили домой»⁵³. А еще через день поползли слухи, что в одном из сел близ Симбирска крестьяне отказались идти на панихиду, а более смелые открыто заявили: «Зачем мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли... Мы уж лучше будем молиться о студентах, которые хотят для нас настоящей воли»⁵⁴.

Позднее В.Г. Короленко писал: «Я еще помнил, хотя это было в детстве, радостное оживление первых годов после освобождения крестьян, вызванное им в лучших элементах общества... Но скоро оказалось, что Александр II был гораздо ниже начатого им дела и слишком скоро изменил ему. От молодого царя, произносившего освободительные речи, к концу 70-х годов остался жалкий, раскаивающийся и испуганный реакционер...»⁵⁵

Нельзя сказать, что убийство царя явилось полной неожиданностью. Открытая «охота» террористов-народовольцев на Александра II шла более двух лет. В августе 1878 года они хотели взорвать пристань в Николаеве, куда должен был сойти император. 2 апреля 1879-го на Дворцовой площади в государя стрелял А.К. Соловьев. В июле в Симферополе в него вновь готовились бросить бомбу. А всю осень того же года шла подготовка взрыва царского поезда под Одессой и под Александровом. 19 ноября под Москвой взрыв произошел, но откос полетел не царский, а обычно следовавший за ним – свитский состав, на этот раз из предосторожности их поменяли местами. 5 февраля 1880 года столяр Степан Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце. Разрушено было помещение главного

караула, пол в царской столовой, но государь, запоздавший на обед, не пострадал. В мае опять рыли подкоп для динамита в Одессе. В августе закладывали мины под Каменный мост в Петербурге. В январе 1881 года – под Малой Садовой улицей, где проезжал император... И о каждом из этих покушений подробно писала и мировая, и российская, и провинциальная пресса.

В одном из воззваний Исполкома «Народной воли», найденном и доставленном И.Н. Ульянову в 1880 году из сызранского училища, говорилось: «Нет деревушки, которая не насчитывала бы нескольких мучеников, сосланных в Сибирь за отстаивание мирских интересов, протест против администрации и кулачества. В интеллигенции – десятки тысяч человек нескончаемой вереницей тянутся в ссылку, в Сибирь, на каторгу, исключительно за служение народу... Александр II – главный... виновник судебных убийств; 14 казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении; он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные».

И вот 1 марта 1881 года это свершилось...

Выступая на суде, один из руководителей террористов-народовольцев – Андрей Желябов так объяснил причины перехода народников к террору: «Русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами. В нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною. Движение, крайне безобидное по средствам своим, разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное – было подавлено. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников»⁵⁶.

Другой руководитель «Народной воли», Софья Перовская заявила: «Кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам

приходилось действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости...»⁵⁷

Надежда Крупская, которой в то время уже исполнилось 12 лет, вспоминала: «Впопыхах влетел старый товарищ отца по корпусу, военный, и стал рассказывать подробности убийства, как взорвало карету, и проч. «Я вот и креп на рукав купил», – сказал он, показывая купленный креп. Помню, я удивилась тому, что он хочет носить траур по царю, которого всегда ругал. А потом еще вот что подумала. Этот товарищ отца был очень скупой человек, и я подумала: «Ну, если он разорился, креп купил, значит, правду рассказывает». Я всю ночь не спала. Думала, что теперь, когда царя убили, все пойдет по-другому. Однако так не вышло»⁵⁸.

На младшее поколение семьи Ульяновых и их ближайших друзей убийство царя, судя по всему, должного впечатления не произвело. Вспоминая о детских играх, в которых участвовал и Володя Ульянов, Миша Фармаковский – сын инспектора народных училищ – рассказывал, как, нарисовав взрыв, он стал комментировать его приятелям: «А вот убивают царя! Вот летит рука, нога!..» Старушка няня опешила: «Что ты, что ты, батюшка! Теперь и стены слышат!»⁵⁹

Ну а те, кто постарше, с детства помнили Пушкина:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу...

Анна и Александр Ульяновы читали и тот томик Некрасова, где вместо вымаранных цензурой строк стояли точки и рукой отца Ильи Николаевича было вписано:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гибни безупречно.

Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Но отец вписывал эти слова в молодости, теперь же убийство царя стало для Ильи Николаевича ударом. И дети его восприняли с удивлением, как он, надев свой парадный мундир, ушел в собор на панихиду. «Для него, проведшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, – писала Анна Ильинична. – Он был против террора».

Незадолго до этого, в ноябре 1880 г., Илья Николаевич отметил 25-летие своей службы и отправил прошение об оставлении его в должности еще на пять лет. Но министр просвещения отказал, продлив срок службы лишь на один год. Для семьи это было бы просто катастрофой. Только после мартовских событий, с назначением нового министра – А.П. Николаи, на новое прошение Ульянова от 1 ноября 1881 года было дано 30 декабря согласие. Так что до 1887 года Илья Николаевич работой был обеспечен.

Обида, конечно, осталась. За 10 лет службы в Симбирске он построил 151 школу, и теперь в губернии исправно функционировало более 400 народных училищ. И похвалы на сей счет симбирцы могли принимать по праву. 1 января 1882 года И.Н. Ульянова наградили четвертым орденом – Святого Владимира 3-й степени. Но, увы! Время похвал по поводу успехов народного просвещения – кончилось... С восшествием на престол Александра III начались совсем иные веяния.

Их сформулировал бывший либерал, профессор Московского университета С.А. Рачинский. По его мнению, руководство российских народных училищ совершенно оторвалось от народа и не понимает его «истинных потребностей». Крестьянам не нужны все эти новейшие педагогические изыски и сомнительные истины естественных наук. Они хотят, чтобы дети их умели читать Часослов, Псалтырь, другие богослужебные книги и петь в

церковном хоре. Поэтому главным учителем должен стать священник.

Менялись взгляды и на методы воспитания, в частности на телесные наказания. Князь В. Мещерский, считавший себя духовным наставником Александра III, в редактируемой им газете «Гражданин» писал: «Прекрати сечь, исчезла власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русскому мужику – так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ... Человеколюбие требует розог»⁶⁰.

На местах «сигнал сверху» был принят. Друг министра графа Толстого богатый сызранский помещик Д. Воейков, выступая на уездном земском собрании, упрекал народные училища за то, что, вырывая крестьянских детей из привычной им среды, они воспитывают людей, «составляющих угрозу для порядка»⁶¹.

Инспектор симбирских народных училищ К.М. Аммосов 17 марта 1882 года писал своему коллеге В.И. Фармаковскому: «Начальное народное образование чуть ли не возвращается опять к тем временам, когда оно состояло больше на бумаге, чем в действительности. Грустно»⁶².

И.Н. Ульянов со своим неизменным кучером Дуниным метался по губернии, спорил, доказывал, писал письма... Но остановить наступление церковников был уже не в силах. Число церковноприходских школ росло с каждым годом за счет утеснения и «преобразования» народных училищ, особенно чувашских. Теперь уже и губернская земская управа сформулировала свое мнение о том, что дети крестьянские сильны должны быть лишь в знании «слова Божия и пения духовного», в умении читать и считать на счетах. Не более того⁶³.

А 13 июня 1884 года были опубликованы официальные «Правила о церковноприходских школах», которые фактически закрепляли ведущую роль священников в светской системе народного образования. Тот же князь Мещерский подчеркивал,

что если реформа 1861 года дала мужику свободу и хлеб, то теперь, наконец, он получит и «духовную» пищу⁶⁴.

Инспектор симбирских народных училищ А.А. Красев писал 12 июля 1884 года: «Местное духовенство... уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время»⁶⁵. А известный педагог-просветитель Н. Бунаков об этом времени вспоминал: «Вести живое и полезное дело при таких условиях было невозможно: и здравый смысл, и простая добросовестность заставляла уйти со сцены до более благоприятных времен»⁶⁶.

И для Ильи Николаевича это были грустные времена. Он все больше и больше начинал опасаться за судьбу детей. И если с Александром и Анной он любил прежде беседовать на общественно-политические темы, то теперь – с младшими – уже «никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал»⁶⁷.

Еще в 1880 году Анна окончила с большой серебряной медалью Мариинскую гимназию и с осени 1881-го пошла преподавать в начальную народную школу. А в августе 1883 года, окончив гимназию с золотой медалью, отправился в Петербургский университет Александр. Вслед за ним на филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов уехала в столицу и Анна⁶⁸.

Но беспокойство за их судьбы лишь усилилось. Газеты сообщали о студенческих волнениях в Петербурге, Москве, Киеве. И когда летом 1885 года Александр и Анна приехали на каникулы в Симбирск, отец решил поговорить с сыном.

«Отец с братом, – рассказывает Дмитрий Ильич, – гуляли на средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны... Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно... Я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы... Мои предположения вполне

подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Петербург: "Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас"»⁶⁹.

То обстоятельство, что Илья Николаевич являлся важным государственным чиновником министерства просвещения, ко многому обязывало детей и раньше. Все его знали, и сыновья и дочери прекрасно понимали, что должны беречь престиж отца. А если они забывали об этом, Мария Александровна напоминала.

В Кокушкине, когда они бродили по лесам и полям, Илья Николаевич любил напевать студенческую песню на слова А. Плещеева:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

И вот, уже в Симбирске, играя у себя во дворе, эту песню запела Аня. Мать остановила ее и сказала:

– Не надо эту песню петь в городе. Можно навредить отцу. Ведь враги у всех есть. Скажут: «Вот какие запрещенные песни распевают во дворе директора народных училищ».

Значит, надо было учиться помалкивать.

Это обстоятельство, возможно, как-то объясняет и другую кажущуюся «странность».

В те годы, когда Александр и Владимир учились в Симбирской гимназии, в ней – как и во многих других учебных заведениях России – выпускалась своя подцензурная литература и существовали различного рода нелегальные кружки и группы.

В 1878 году в Симбирске их создавал выпускник Казанского университета, учитель словесности В.И. Муратов. В 1883 году образовался нелегальный гимназический кружок во главе с Валентином Аверьяновым, учившимся одно время вместе с Александром Ульяновым. В следующем году в гимназии стала создаваться нелегальная библиотека. С помощью казанских

студентов в нее попали работы Маркса, Энгельса, Лассалья, гектографированные революционные издания.

Слухи о ней дошли и до жандармов, и до Ф.М. Керенского. И после ареста нескольких гимназистов в августе 1885 года и повальных обысков, о которых знал весь город, библиотеку конфисковали. Но осенью того же года группа старшеклассников во главе с Аполлоном Коринфским стала выпускать нелегальный рукописный журнал «Дневник гимназиста», в котором помещались также и материалы социалистического толка.

Но ни Александр, ни Владимир Ульяновы во всех этих предприятиях участия не принимали, хотя и знали о них. А. Коринфский пишет, что Владимир «всякий раз просматривал с интересом все эти "журналы"... читал, интересовался, но сам не принимал ни в одном из этих "изданий" участия как сотрудник».

Исследователь Ж.А. Трофимов, сопоставляя все факты, справедливо предполагает, что Илья Николаевич, по своему служебному положению получавший от жандармов запросы и соответствующую информацию, наверняка «на эту тему беседовал и с сыном Владимиром и предупредил о необходимости быть осмотрительным в делах такого рода».

И все-таки атмосфера вокруг И.Н. Ульянова продолжала сгущаться. Мария Ильинична писала: «Начальство ценило в нем исполнительного и ревностного работника, но стало косо поглядывать на него впоследствии, видя, что он недостаточно согласует свою работу с духом времени. А он оставался и в 80-е годы все тем же "шестидесятником, идеалистом", не способен был подделываться под новый курс...»⁷⁰

После отъезда Александра и Анны в Петербург Владимир остался старшим из детей в доме. И вся драма отца происходила на его глазах...

В конце 1885 года, когда Илья Николаевич приехал в Сызрань, он узнал, что тамошнее земское собрание не только выразило свою солидарность с курсом на всемерное развитие церковноприходских школ и усиление «духовно-нравственного» воспитания. Правые земцы выразили также и сомнение в том, что с этой задачей может справиться нынешняя «дирекция

училищ Симбирской губернии». Это был открытый вотум недоверия лично Ульянову⁷¹.

«В декабре 1885 года, будучи на третьем курсе, – рассказывала Анна Ильинична, – я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехала с отцом, возвращавшимся с очередной поездки по губернии, и сделала вместе с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью... Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»⁷².

Прибыли они домой 25 декабря, когда у Владимира, Ольги и Дмитрия начались рождественские каникулы. Но отцу было не до елки и не до праздников. Илья Николаевич уединился в кабинете и стал писать отчет за 1885 год.

Встретили Новый год. Пришло известие, что 1 января Ульянов И.Н. был удостоен пятого ордена – Святого Станислава 1-й степени с муаровой лентой через плечо. 6 января собрались немногие сослуживцы. Илья Николаевич даже польку станцевал с Аней. Но пришла и другая весть: министр просвещения И.Д. Делянов вместо просимых пяти лет оставлял Ульянова на службе лишь на год, который истекал 1 июля 1887 года⁷³.

10 января Илья Николаевич занемог. Врач констатировал «гастрическое состояние желудка». А 12 января на руках у Марии Александровны, Анны и Владимира он скончался от кровоизлияния в мозг на 55-м году жизни.

В обширном некрологе, опубликованном после похорон, говорилось: «Все сослуживцы покойного, учащие и учащиеся в городских народных училищах, г. вице-губернатор, директор и многие учителя гимназии, кадетского корпуса и духовной семинарии и все чтители памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его), и огромное число народа наполнили

дом и улицу около квартиры покойного. Высшие лица симбирского духовенства... совершили краткую литию. Гроб с останками покойного *был принят на руки его вторым сыном, ближайшими сотрудниками и друзьями...*⁷⁴

Вот так, по такому печальному поводу, и состоялось *первое упоминание* в печати Владимира Ульянова.

Старший сын в доме

После похорон и окончания рождественских каникул Анна в Петербург не поехала, а задержалась дома почти на два месяца. Часто и долго прогуливаясь по зимнему саду, где можно было без помех «отвести душу», она беседовала с Владимиром и о житейских, семейных делах, и о жизни вообще.

«Он был настроен, – вспоминала Анна Ильинична, – очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями (в кое-каких подобных шутках и я принимала участие), одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого отрицательного, что ли, формирования личности... Но вне такого отрицательного отношения к окружающему – для него главным образом к гимназии – ничего определенно политического в наших разговорах не было». И она заключила: «Определенных политических взглядов у Володи в то время не было...»⁷⁵

И уж коли Анна Ильинична упомянула о религии, то, видимо, именно этой зимой – еще при жизни отца – произошло событие, о котором, со слов Владимира Ильича, рассказала Крупская.

У отца сидел какой-то педагог, с которым Илья Николаевич говорил о том, что дети плохо посещают церковь.

Володю, присутствовавшего при начале разговора, отец услал с каким-то поручением. И когда, выполнив его, Владимир проходил мимо, гость с улыбкой сказал:

– Сечь, сечь надо.

Тогда, выбежав во двор, Володя сорвал с шеи крест и бросил его на землю⁷⁶.

И, отвечая в 1922 году на вопросы анкеты всероссийской переписи коммунистов: «Имеете ли какие-либо религиозные верования... Если Вы неверующий, то с какого возраста?» – Владимир Ильич ответил:

– Нет... С 16...⁷⁷

Лев Николаевич Толстой снял с себя крест в 15 лет...

А вот Илья Николаевич Ульянов так и остался до конца дней своих глубоко верующим человеком. Его религиозное чувство, писала Анна Ильинична, «было, так сказать, глубоко “чистым”, чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что “принято”. Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме “Тишина”, отрывки из которой отец любил цитировать, именно то место, где говорится о “храме божием”, пахнувшем на поэта “детски чистым чувством веры...”.

Дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь... и никакому давлению не подвергались»⁷⁸.

Дети принадлежали уже к другому поколению, которое, как писала Крупская, «росло в условиях, когда, с одной стороны, в школах, в печати строго преследовалось малейшее проявление неверия, с другой – радикальная интеллигенция отпускала насчет религии всякие шуточки, острые словечки. Существовал целый интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, передававшиеся из уст в уста»⁷⁹.

К этому поколению принадлежал и Антон Павлович Чехов. «Я давно растерял свою веру, – писал он как-то С.П. Дягилеву, – и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего». А когда Сергей Павлович рассказал ему о религиозных поисках вполне достойных и образованных людей,

Антон Павлович ответил: «Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философски-религиозные общества ни собирались... Религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает».

Впрочем, Чехов не был бы Чеховым, если бы он тут же не добавил: «Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура – это начало работы».

Стоит лишь добавить, что в этом «безбожии» русской демократической интеллигенции было гораздо больше истинной веры – веры в народ, в его способность открыть России дорогу в будущее, нежели в постах и покаяниях «набожного» мещанства, старавшегося замолить бездуховную греховность всего уклада своей жизни.

«Бог – это правда, любовь, справедливость, – говорил известный народник А.Д. Михайлов, – и в этом смысле с чистой душой я говорю о Боге, в которого верую». В этом же смысле своим подвижничеством такая интеллигенция скорее напоминала тех первых христиан, которые в беззаветном стремлении избавить людей от страданий были всегда готовы к самопожертвованию. И не только интеллигенция. Программа 1878 года «Северного союза русских рабочих» призывала «воскресить учение Христа о братстве и равенстве, быть апостолами нового, но, в сущности, только непонятого и позабытого учения Христа».

А в 1881 году, выступая на суде, приговорившем его к повешению, Андрей Желябов сказал о себе так: «Крещен в

православии, но православие отвергаю, однако признаю сущность учения Иисуса Христа. Верю в истинность и справедливость этого учения, исповедую, что вера без дела мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых и, если нужно, за них и пострадать»⁸⁰.

О том же, между прочим, писал позднее и Александр Федорович Керенский: образ Христа, по его мнению, стал источником «юношеской веры, которая впоследствии воплотилась... в идею самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился революционный пафос»⁸¹.

Но вернемся к Ульяновым. Теперь отца уже не было, и на осиротевшую семью сразу же обрушилась уйма проблем. 24 апреля Мария Александровна обратилась к попечителю учебного округа с просьбой о денежной помощи: «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получится, вероятно, не скоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына»⁸².

Тянул время и окружной суд. «Все оставшееся после мужа имущество, – писала туда Мария Александровна, – заключается в домашней движимости и капитале в две тысячи рублей, находящемся в Симбирском городском общественном банке по билету оного № 12465». Но и этими накоплениями – до решения суда о вступлении в права наследования – она воспользоваться не могла⁸³.

Пришлось срочно сдать жильцам всю фасадную половину дома. Мать перебралась наверх к дочерям, а Владимир к Дмитрию. В конце концов, лишь на пятый месяц ожидания, в мае, решение о назначении всему семейству пенсии в 1200 рублей в год состоялось⁸⁴.

В мае из Петербурга вновь приехала Анна, а с нею и Александр. На похоронах отца Саши не было. В конце 1885 года он представил на конкурс естественного отделения физико-

математического факультета работу «Исследование строения сегментарных органов пресноводных». Но жюри известило о своем решении лишь в начале февраля: А.И. Ульянов награждался золотой медалью с надписью «Преуспевшему». И 8 февраля при ее вручении ректор И. Андреевский назвал Александра «гордостью университета».

То, что Сашу оставят при кафедре для подготовки к профессорскому званию, было очевидно, как и то, что он становился теперь главной опорой семьи. Поэтому, посоветовавшись, решили перебраться в Петербург. В мае четыре раза давали объявление о продаже дома с садом. Но подходящего покупателя тогда не нашлось. А позже, учитывая дороговизну жизни в столице, решили до окончания гимназии Владимиром и Ольгой оставаться в Симбирске.

Смерть Ильи Николаевича породила свои сложности и во внутрисемейных отношениях. Оставаясь «старшим мужчиной» в доме, 16-летний Владимир стал проявлять строптивость по отношению к матери...

Строг был по отношению к своим дочерям покойный Александр Дмитриевич Бланк. Воспитывал их в каждодневном труде. Увлеченный своим «водолечением», он экспериментировал и на них – если, к примеру, кто-то простуживался и начинался жар, немедленно заворачивал в мокрые холодные простыни. И помогало. И, несмотря на все строгости, дочери любили и уважали его.

Что-то от этой педагогической «системы» переняла, видимо, и Мария Александровна. Классный наставник Владимира А. Федотченко в июне 1886 года записал в кондуитном списке: «Живет у родителей под самым бдительным надзором». Говоря о том, что жесткая «система» была правильной «только для брата Владимира», Анна Ильинична деликатно добавляла: «Для всех нас – особенно для девочек, страдавших потом от некоторого недоверия к своим силам, – были бы полезны в небольшой дозе и похвалы».

Но сторонники жесткого режима и контроля – и в воспитании детей, и в управлении государством, даже если благотворное

воздействие этого режима не подвергалось сомнению, – всегда должны быть готовы к тому, что со временем, или же с ослаблением контроля, «бунт» или «срыв» становятся естественными и чуть ли не неизбежными.

«Володя, – рассказывает Анна Ильинична, – переживал тогда переходный возраст, когда мальчики становятся особенно резки и задирчивы. В нем, всегда очень бойком и самоуверенном, это проявлялось особенно заметно, тем более тогда, после смерти отца, присутствие которого действует всегда сдерживающе на мальчиков». И особенно смущало и коробило Анну, что «его насмешливость, дерзость, заносчивость проявлялись по отношению к матери, которой он стал отвечать порой так резко, как никогда не позволял себе при отце».

Анна поделилась своими наблюдениями с Александром и спросила:

– Как тебе наш Володя?

– Несомненно, человек способный, но мы с ним не сходимся...

– Почему?

– Так.

Но однажды Александр, также очень болезненно реагировавший на отношение Владимира к матери, все-таки высказался.

«Как-то раз, когда братья сидели за шахматами, к ним подошла Мария Александровна и «напомнила Володе какое-то требование, которое он не исполнил. Володя отвечал небрежно и не спешил исполнить. Мать, очевидно, раздраженная, настаивала. Володя ответил опять какой-то небрежной шуткой, не двигаясь с места.

– Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю, – сказал тогда Саша спокойно, но так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое».

Те, кто пытался вложить в слова Александра «мы с ним не сходимся» смысл политический, видя в них чуть ли не начало разногласий народников с марксистами, явно грешат против

истины. Как в начале 1886 года, когда Анна из бесед с Владимиром заключила, что его идейное самоопределение еще не наступило, так и летом в Кокушкине стало очевидно, что до политической ориентации ему еще далеко. Именно там в последнее для братьев совместное лето 1886 года, когда Саша упорно штудировал труды Маркса, Володя лежал рядом на своей кровати и с упоением читал и перечитывал повесть Тургенева «Андрей Колосов» об искренности в любви.

Каникулы кончились, Аня и Саша уехали в Петербург, и как стали бы развиваться далее внутрисемейные отношения, трудно сказать. Но однажды в начале марта 1887 года прибежала их хорошая знакомая Вера Васильевна Кашкадамова и сообщила, что из столицы пришло письмо с сообщением об аресте Саши, а вместе с ним и Анны...

Для всех без исключения членов семьи и родственников, мало того, даже для однокурсников и преподавателей Александра в университете, это был гром среди абсолютно ясного неба.

Приехав осенью 1883 года в столицу, Александр – как и в Симбирске – отдавал все свое время учебе. Его друг Иван Чеботарев писал: «Я принимал тогда деятельное участие в поволжском землячестве и на первых же порах заговорил с Александром Ильичом о вступлении его в члены этого землячества, равно как и с приехавшей вместе с ним сестрой его, Анной Ильиничной. Но сочувствия не встретил. Мне показалось, что оба они слишком для этого “благовоспитанны”. Приехали в Питер только “учиться” и заниматься “чистой наукой”, а не “политикой”»⁸⁵. И уже с первых курсов Ульянов обращает на себя внимание таких всемирно известных ученых, как Д.И. Менделеев, М.А. Бутлеров, затем зоолога Н.П. Вагнера. И наконец, золотая медаль за работу о кольчатых червях.

Но бурная общественная жизнь университета так или иначе постепенно затягивала и Александра. В ноябре 1885 года, в день именин М.Е. Салтыкова-Щедрина, вместе с депутацией студентов и курсисток-бестужевых Александр и Анна приходят на квартиру опального писателя с приветственным адресом. Тогда же он

начинает ходить на лекции известного ученого В.И. Семевского по истории российского крестьянства. А когда в январе 1886 года профессора увольняют из университета за возбуждение «в молодых умах негодования к прошлому», то есть крепостничеству, Александр вместе с другими 309 студентами подписывает приветственный адрес Семевскому и вместе с Анной ходит к нему на квартиру для завершения курса лекций⁸⁶.

19 февраля, в день 25-летия «Великой реформы», он впервые участвует в демонстрации на Волковом кладбище, где студенты отслужили панихиду по «врагам крепостничества» и возложили венки на могилу Н.А. Добролюбова и других писателей-демократов. А в марте 1886 года Александр вступает в студенческое научно-литературное общество и здесь знакомится с О. Говорухиным, И. Лукашевичем, П. Андреюшкиным и В. Генераловым⁸⁷.

Его избирают секретарем общества, но и тогда он продолжает сторониться нелегальных организаций.

Орест Говорухин прямо утверждал, что и на третьем курсе Ульянов «не участвовал еще ни в революционных организациях, ни в кружках самообразования», а о студентах, причастных к ним, говорил: «Болтают много, а учатся мало». Когда же Говорухин все-таки поставил перед ним вопрос о вступлении в организацию, Александр ответил:

– В революционные организации не вступаю потому, что я не решил еще многих вопросов, касающихся лично меня, а что еще важнее, вопросов социальных. Да и вряд ли скоро вступлю.

– Почему?

– Потому – больно уж сложны социальные явления. Ведь если естественные науки, можно сказать, только теперь вступают в ту фазу своего развития, когда явления рассматриваются не только с качественной, но и с количественной стороны, только теперь становятся, стало быть, настоящими науками, то что же представляют собой социальные науки? Ясно, что не скоро можно решить социальные вопросы. Я предполагаю, конечно, научное решение – иное не имеет никакого смысла, – а решить их необходимо общественному деятелю. Смешно, более того,

безнравственно профану медицины лечить болезни; еще более смешно и безнравственно лечить социальные болезни, не понимая причины их.

И прежняя всепоглощающая страсть Александра к наукам естественным дополняется теперь такой же страстью к наукам общественным. Он старательно штудировал «Капитал» Маркса, его же работу «К критике гегелевской философии права», первые труды Г.В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». И постепенно он все больше склоняется к социалистическим идеям в их марксистской интерпретации.

Но в полном соответствии с изучавшимися им законами природы, где малая причина способна привести к большим последствиям, одно событие круто изменило эволюцию его взглядов. Таким событием стала так называемая добролюбовская демонстрация 17 ноября 1886 года.

Памятуя о том, что демонстрация 19 февраля прошла удачно, ибо полиция проворонила ее и прибыла слишком поздно, студенческие организации решили провести ее вторично, в день 25-летия со дня смерти Добролюбова. Но на сей раз «стражи порядка» не дремали, и когда полторы тысячи студентов подошли к Волкову кладбищу, оно было окружено отрядом полиции во главе с полицмейстером. После криков возмущения и начавшихся было стычек с полицией группе студентов разрешили пройти к могиле и возложить венок. Эта маленькая победа еще более возбудила демонстрантов, и, помитинговав, они с песнями двинулись в центр к Казанскому собору. Но Лиговку перегородили конные казаки во главе с градоначальником генералом Грессером⁸⁸.

Участник этого шествия М. Брагинский рассказывает: «В продолжение всей демонстрации – а она длилась с утра до поздних сумерек – Ульянов был в сильно приподнятом настроении... Его настроение достигло крайней степени возбуждения, когда огромная толпа демонстрантов была остановлена цепью конных казаков и когда появился градоначальник генерал Грессер. Я находился в этот момент

вблизи Ульянова, шедшего все время под руку со своею сестрой Анной Ильиничной и положительно заражавшего всех своим боевым настроением. Точно электрическим током всего пронизало его при виде ненавистной фигуры Грессера. С побледневшим лицом, с загоревшимися гневом глазами Ульянов с криком «вперед!», увлекая за собой других, устремился навстречу подходившему к нам градоначальнику, точно собираясь уничтожить его тут же, на месте»⁸⁹.

Но казаки, обнажив шашки, окружили демонстрантов, и началась «филтрация». Шел дождь, и мокрые, продрогшие студенты, стоявшие несколько часов прямо в лужах, выслушивали оскорбления и брань казаков, пока демонстрантов переписывали, а затем либо выпускали, либо арестовывали. Более 40 человек сразу же выслали из столицы. И именно здесь – после эйфории победного шествия – Александр впервые испытал то чувство приводящего в отчаяние бессилия и мерзейшего, мучительного унижения, которого не испытывал никогда прежде.

В листовке «17 ноября в Петербурге», написанной им на следующий день и размноженной на гектографе, говорилось: «У нас на памяти немало других таких же фактов, где правительство ясно показывало свою враждебность самым общекультурным стремлениям общества. Грубой силой, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности»⁹⁰.

В конце 1886 года будущая писательница Валентина Иововна Дмитриева встретила Александра на вечеринке своих знакомых Хренковых. Хозяин квартиры – «непротивленец с полумистическим уклоном», поклонник философа Владимира Соловьева, отвергал террор и осуждал акцию 1 марта 1881 года, которая, по его мнению, лишь «привела к взаимному ожесточению и кровопролитию». Он часто повторял слова Ариэля из шекспировской «Бури»: «Прощение – выше мести...»

И вот во время вечеринки «кто-то заговорил о том, что террор после неудачи акта 1 марта доказал свою полную

несостоятельность и что теперь нужно перейти к другим методам борьбы с реакцией. С подпольщиной нужно покончить навсегда, и все силы необходимо направить на культурную работу. Идти в земство, учить, лечить, бороться с невежеством народным не бомбами, а книгой...»⁹¹.

И тут Дмитриева заметила Александра: «Смугловато-бледный, с большим лбом, нахмуренными бровями и крепко сжатым ртом, он сидел в уголке, молчал и исподлобья поглядывал на присутствующих. По-видимому, он внимательно прислушивался к разговору, но во всей его фигуре, в выражении лица, в этих напряженно сдвинутых бровях было что-то такое самоуглубленное, сосредоточенное, чуждое всему окружающему, что казалось, будто мысль его не здесь, что им владеет какая-то своя, особая, страшно важная и захватывающая идея»⁹².

А спор между тем разгорался, «поднялся шум, слышались отдельные слова: "Революция. Эволюция. Статистика страшнее динамита. Агрономия – вот главная задача". А Хренков неторопливо и проникновенно пытался усмирить эту бурю мнений.

– Не ищите мудрости, а ищите кротости. Победите зло в себе, не будет зла и в ближних ваших. Ибо зло питается злом.

И вдруг молчаливый студент точно проснулся. На смуглых щеках его проступил легкий румянец, изломанные хмурые брови приподнялись, в глазах и на губах заиграла насмешливая улыбка.

– Чудаки! Корочкой хлебца хотят человечество осчастливить...

К нему подошел Хренков.

– Вы что-то сказали, коллега?

– Ничего. Удивляюсь, из-за чего спорят люди. Агрономия, статистика, земство, непотворение злу – вот каша-то. А народ как издыхал в грязи, в темноте, так и издыхает.

– А по-вашему, что же нужно?..

– Это, знаете ли, длинная история, а мне пора уходить. В другой раз когда-нибудь»⁹³.

Эволюция взглядов Александра завершалась. Он принимал основные выводы марксизма и знал, что достижение конечных

целей и идеалов станет возможным при достаточной зрелости общества. Он знал и то, что для продвижения к этой «зрелости» необходим хотя бы минимум свободы. И он пришел к убеждению, что принудить правительство к подобным «послаблениям» сможет только террор. И когда в самом конце 1886 года по инициативе студентов Петра Шевырева и Ореста Говорухина начинает складываться ядро «Террористической фракции партии "Народная воля"», Ульянов примыкает к ним и вместе с Иосифом Лукашевичем приступает к изготовлению «метательных снарядов»⁹⁴.

Студент Сергей Никонов вспоминал: «Идея цареубийства в это время, так сказать, носилась в воздухе. До того сперлась политическая атмосфера, до того чувствовался гнет реакционной политики правительства Александра III, что очень многие задавали себе вопрос: неужели не найдется людей, которые взяли бы на себя устранить грубого деспота?»⁹⁵

Ульянов был не из тех, кто ждет, когда кто-то возьмет это на себя. От исполнения своего долга он не уклонялся никогда. И, придя к выводу о необходимости «лечения социальной болезни» с помощью теракта, он сразу стал действовать. А с отъездом Шевырева в Ялту, а Говорухина в Женеву подготовка покушения в значительной мере вообще легла на его плечи. К концу февраля 1887 года боевая группа метальщиков (В. Осипанов, П. Андреюшкин и В. Генералов) была готова...

И все это время, готовя динамит, инструктируя боевиков, Александр продолжал аккуратно ходить на лекции, вести лабораторные исследования. Именно в эти дни он взял и новую научную тему по изучению органа зрения у какого-то вида червей⁹⁶.

Между тем уже с октября 1886 года вся студенческая группа, в которую входил Ульянов, была «под колпаком». А после того как Андреюшкин в перехваченном письме харьковскому приятелю намекнул на предстоящий акт, охранка уже ни на секунду не спускала с них глаз. И когда 1 марта 1887 года метальщики – в ожидании проезда Александра III в Петропавловскую крепость на панихиду по отцу – вышли на

Невский, их тут же схватили. За несколько последующих дней арестовали и остальных.

4 марта в печати появилось краткое сообщение: «1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином»⁹⁷.

Аттестат зрелости

Когда В.В. Кашкадамова получила в Симбирске от Екатерины Ивановны Песковской (урожденной Веретенниковой) известие о событиях в Петербурге и аресте Александра и Анны, она тотчас послала в гимназию за Владимиром и вручила ему письмо. Он прочел, «долго молчал. Передо мной, – вспоминает Кашкадамова, – сидел уже не прежний бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом. “А ведь дело-то серьезное, – сказал он, – может плохо кончиться для Саши”»⁹⁸.

В прежних биографиях Ленина рассказывалось о том, как именно в эти дни перепуганное симбирское либеральное общество отшатнулось от Ульяновых и они оказались в полнейшей изоляции. Но это произошло позже. Как установил Ж.А. Трофимов, в первой половине марта никто из симбирцев, в том числе и губернское начальство, не мог иметь сведений об аресте Александра и Анны, а уж тем более об участии Ульянова в покушении на государя. Не подозревали этого Мария Александровна и Владимир, полагая, видимо, что волна студенческих арестов в связи с задержанием террористов случайно прихватила и Сашу с Аней. Так что за фразой о том, что арест «плохо кончится для Саши», могло стоять лишь опасение исключения из университета⁹⁹.

Было, впрочем, одно настораживающее обстоятельство...

Довольно известный столичный публицист Матвей Леонтьевич Песковский, муж Екатерины Ивановны Веретенниковой, 3 марта обратился к директору Департамента полиции П.Н. Дурново с прошением: «Ульянов – очень дельный, чисто кабинетный, до угрюмости нелюдимый человек, зарекомендовавший себя блестящими успехами в науке... Ульянова – барышня в лучшем смысле слова, совершенно чуждая всего того, что может шокировать девушку...» Максимум, что может быть поставлено им в вину, какое-нибудь случайное «компрометирующее знакомство». А посему он просил освободить их под его «личное поручительство».

Но в тот же день Лесковский узнал, что прошение его оставлено без последствий. Вот тогда-то, 3 марта, о случившемся и написали в Симбирск¹⁰⁰.

Письмо пришло к Кашкадамовой, видимо, 9 марта, и Мария Александровна, оставив семью на Владимира, выехала в Петербург. Уже 14-го, прибыв в столицу, она подала прошение о свидании с сыном. Но лишь после окончания следствия, 30 марта, Александр III, начертав на прошении: «А что же до сих пор она смотрела!» – свидание разрешил¹⁰¹. И только тогда из протоколов допросов сына, показанных ей, узнала Мария Александровна о сути дела и полном признании Сашей своей руководящей роли в организации покушения.

Свидание состоялось 1 апреля и продолжалось два часа. «Он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе, – вспоминала рассказ матери Анна Ильинична, – он говорил, что кроме долга перед семьей у него есть долг и перед Родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение Родины и указывал, что долг каждого честного человека – бороться за освобождение ее...

– Да, но эти средства ужасны, – возразила мать.

– Что же делать, если других нет, мама, – ответил он»¹⁰².

Поскольку до суда, который должен был начаться 15 апреля, новых свиданий не разрешили, Мария Александровна сразу же вернулась в Симбирск, где у детей уже начались пасхальные каникулы. Она рассказала старшим о свидании и о том, что, если

Саше дадут пожизненную каторгу, она с младшими детьми уедет за ним в Сибирь. 10 апреля поздравили с 17-летием Владимира, и в тот же день Мария Александровна вновь отправилась в Петербург.

13-го каникулы кончились, и Владимир пошел в гимназию, но все его мысли были там – в столице. 15 апреля начался суд. И именно в этот день Ф.М. Керенский устроил контрольное сочинение на тему «Причины благосостояния народной жизни», одним из пунктов которого был вопрос о «правильной организации государственного устройства». Что думал В. Ульянов об этом и что написал – неизвестно. Сочинение не сохранилось. Но, возвращая его, Керенский впервые сделал Владимиру замечание: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» На перемене одноклассники обступили Владимира: «Что поставил?» На сочинении, как всегда, стояла «пятерка»¹⁰³.

А Верховный суд империи, начавшись 15-го, уже 19 апреля завершил работу: все 14 подсудимых приговаривались к смертной казни. Теперь приговор должен был утвердить государь, и еще оставалась надежда, что прошение на высочайшее имя смягчит участь осужденных. И поэтому пресса по-прежнему хранила молчание относительно дела «первомартовцев».

Мария Александровна вновь получила свидание с сыном и стала уговаривать его подать прошение о помиловании. Но Александр отказался. «Представь себе, мама, – сказал он, – что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться, в свою очередь, оружием. Нет, я не могу поступить так...»

Эти слова и последнюю просьбу Александра – достать ему томик Генриха Гейне – записал товарищ прокурора Князев, присутствовавший на свидании. И он же выполнил эту просьбу – купил и передал «смертнику» сборник стихотворений Гейне¹⁰⁴.

А у Владимира именно в эти дни начинались выпускные экзамены на аттестат зрелости. Александр Наумов рассказывает,

что за неделю до экзаменов ему и другим одноклассникам (за взятку) удалось получить из Учебного округа задачи по письменной математике, все диктовки и тему сочинения – «Характеристика Бориса Годунова по произведениям Пушкина». Но через несколько дней прошел слух, что об «утечке» узнали и темы всех письменных работ изменены. Среди выпускников началась паника. И единственный, как пишет Наумов, кто не принял участия во всей этой «постыдной истории», был Ульянов: «Очевидно, ему, с его поразительной памятью и всесторонней осведомленностью, было совершенно безразлично»¹⁰⁵.

5 мая за сочинение «Царь Борис» по произведению А.С. Пушкина «Борис Годунов» В. Ульянов получил первую «пятерку». 7 мая он выполнил на «пять» письменную работу по латыни. На следующий день с утра была письменная математика. И именно в это утро, когда Владимир решал задачи, во дворе Шлиссельбургской тюрьмы началась казнь...

Семи осужденным Александр III заменил смертный приговор каторгой на сроки от 10 до 20 лет, двое – Лукашевич и Новорусский, подавшие прошение о помиловании, вместо виселицы получили пожизненную каторгу, и все они в 1905-м попали под амнистию и вышли на свободу. 8 мая 1887 года приводился в исполнение приговор над теми, кто отказался просить государя о милости.

На рассвете к виселице вывели Генералова, Андреюшкина и Осипанова. Они простились друг с другом, поцеловали крест и были повешены. Когда трупы убрали, во двор вывели Ульянова и Шевырева. Подошел священник. Ульянов приложился к кресту, а Шевырев отказался. Оба взошли на эшафот, и через мгновение все было кончено... И гром не грянул, и земля не разверзлась...

Валентинов, хорошо знавший революционную среду тех лет, написал: «При всем своем увлечении химией, естественными науками и “Капиталом” Маркса Александр был, конечно, религиозной натурой, жаждущей жертвенного подвига, готовый отдать свою жизнь за идеи, проникнутые любовью к человеку».

Но ничего о событиях этого дня Владимир еще не знал. 8 мая он опять получил «пятерку» и стал готовиться к следующему

экзамену. Но с утра 10 мая было опубликовано правительственное сообщение о казни. В Симбирске его расклеили чуть ли не на каждом столбе, и теперь о случившемся узнали все. «Я была слишком мала, – вспоминала Мария Ильинична, – чтобы понять весь ужас происшедшего, и меня, как это ни странно, больше поразил вид Владимира Ильича, через его горестные слова о брате я начала усваивать значение случившегося».

И тем не менее 12 мая он сдает на «пять» письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, а на следующий день – письменный по греческому. 22 мая начинаются устные экзамены, и Владимир получает свою «пятерку» по истории и географии. И в тот же вечер из Петербурга приезжают мать и Анна, высланная под надзор полиции в Кокушкино.

Мать была в ужасном состоянии, и о случившемся он узнал из рассказов Анны. Единственная фраза Владимира, которую запомнила Кашкадамова: «Значит, Саша не мог поступить иначе, значит, он должен был поступить так».

А экзамены продолжались: 27 мая – Закон Божий, 29-го – латынь, 1 июня – устный греческий, и, наконец, 6 июня – устная арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия. На последних экзаменах «пятерки» уже получали лишь двое-трое: В. Ульянов и претендовавшие на серебряную медаль А. Наумов и А. Писарев.

В аттестате зрелости Владимира стояло 17 «пятерок» и одна «четверка» – по логике, которую, кстати сказать, преподавал в 7-м классе Ф.М. Керенский. В сложившейся ситуации она вполне могла бы стать поводом для отказа в золотой медали. Но этого не случилось. 10 июня педагогический совет постановил «наградить его, Ульянова, ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ». Тут было и признание заслуг и труда самого Владимира, на протяжении восьми лет шедшего из класса в класс «первым учеником». И память о заслугах его отца, к которому преподаватели испытывали чувство глубокого уважения. Так или иначе, но медаль открыла ему дорогу для поступления в университет.

Ныне почему-то нередко полагают, что в прежние времена, когда число образованных людей в России было невелико, все

они представляли из себя достаточно однородное целое. Между тем уровень образования сближал отнюдь не всегда. И вполне образованный граф Михаил Николаевич Муравьев, дабы не путали его с еще более образованным декабристом Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, любил повторять, что он «не из тех Муравьевых, *которых* вешают, а из тех, *которые* вешают». И позднее, когда судили Софью Перовскую, главным ее обвинителем, настаивавшим на повешении, выступал двоюродный внук Михаила Николаевича Николай Валерьянович Муравьев. А ведь лет за двадцать до этого Сонечка Перовская, дочь петербургского губернатора, и Николенька Муравьев, любимый сынок псковского губернатора, были неперенными соучастниками веселых детских игр, ибо их высокообразованные семьи дружили между собой.

И наконец, в 1887 году прокурором по делу Александра Ульянова, требовавшим его повешения, был не кто иной, как Николай Адрианович Неклюдов, который буквально обожал своего учителя в Пензенском дворянском институте Илью Николаевича Ульянова. Говорят, что после казни Александра он даже занемог нервным расстройством. Но скоро выздоровел. И к 1895 году дослужился до высокой должности товарища министра внутренних дел.

Проявилось другой своей стороной и симбирское «общество». Все те, кто совсем недавно искал встреч и знакомства с семьей директора народных училищ, теперь отворачивались при встрече, а потом шептались за спиной. Даже самые, казалось бы, близкие...

Молодой инспектор народных училищ Иван Владимирович Ишерский проработал с Ильей Николаевичем десять лет. К своему шефу и его семье он относился трепетно, с огромным уважением. А бывая в доме Ульяновых, с удовольствием пел своим приятным голосом душевные романсы под аккомпанемент Марии Александровны. И каждый раз – от глубины чувств – повторял: «Ах, под этот чудесный аккомпанемент поется особенно легко...»

Теперь, заняв пост директора народных училищ губернии, Ишерский никого из Ульяновых, как говорится, «не видел в упор».

И Ольга Ульянова рассказывала в одном из писем, как зашла она с подругой Ниной Стржалковской на почту и встретила там своих бывших гимназических учителей – тех самых, которые присудили ей за отличные успехи такую же золотую медаль, как и Владимиру. «Они кланялись Нине, а меня как будто и не замечали или не узнавали»¹⁰⁶, – с горечью писала Ольга.

Впрочем, симбирская либеральная публика была ничем не хуже столичной. Ректор Петербургского университета профессор полицейского права Андреевский – тот самый, который в феврале 1886 года назвал Александра Ульянова «гордостью университета», 6 марта 1887 года писал о нем как о «невыносимом позоре». И в адресе государю повергал «к священным стопам Вашего Величества чувства верноподданнической преданности и горячей любви», дабы не лишал он университет своей монаршей милости¹⁰⁷.

Так что долго размышлять о том, куда поступать учиться и какую избрать профессию, Владимиру не приходилось. Университет – Казанский, ибо он находился в том учебном округе, где работал отец. Да и факультет был очевиден – юридический, ибо он давал возможность не служить в системе государственных учреждений, закрытых для брата «государственного преступника», а иметь более свободную профессию – адвоката в частной конторе присяжного поверенного.

Но этот выбор определялся не только подобного рода сугубо прагматическими соображениями. Своему двоюродному брату Николаю Владимир сказал: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...»

Остаться в Симбирске не было теперь никакого смысла, и еще 30 мая 1887 года в «Симбирских губернских ведомостях» вновь появилось объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль, мебель. Московская улица, дом Ульяновой». И на

сей раз покупатель на дом, сад и мебель нашелся быстро. 15 июня их приобрел за 6 тысяч рублей коллежский советник А.Н. Минин. А вот с роялем не захотели расстаться.

Накануне отъезда назначили распродажу оставшейся мебели и всякой всячины, которую решили не брать с собой в Казань. То-то радость была для соседок и кумушек, судачивших столько лет об Ульяновых, но так и не имевших возможности переступить порог их дома...

Кашкадамова рассказывает, как входили они с постными скорбными лицами, бегающими глазками обшаривали все вокруг и начинали причитать:

– Ох, матушка, горе-то у вас какое.

Мария Александровна встречала их холодно и повторяла одну и ту же фразу:

– Вам что угодно? Вы пришли что-нибудь купить?

Кумушки и мечтать не смели о том, что спустя сто с лишним лет, в 90-е годы XX столетия, все сплетни и слухи, распускавшиеся ими, вдруг выплеснут на телеэкраны, на страницы пухлых монографий, популярных брошюр, журналов и газет.

Опираясь на свидетельства соседей, многие годы подсматривавших через дырки в заборе за жизнью Ульяновых, одни «лениноеды» станут утверждать, что Мария Александровна на самом деле была провинциальной Мессалиной, эдакой «жрицей свободной любви». И старший сын Александр был рожден ею от Дмитрия Каракозова, а младший – Дмитрий – от домашнего врача Ивана Покровского. Потому-то, мол, и стал Александр «цареубийцей», а Дмитрий – врачом.

Но им возражают другие «лениноеды», которые уверены, что от Ивана Покровского Мария Александровна родила вовсе не Дмитрия, а самого Владимира Ильича. И что когда она раскрыла ему эту страшную тайну, о которой, естественно, знали все соседи, Владимир демонстративно отказался от своего отца Ильи Николаевича.

Третьи, опираясь на показания иных соседей, видимо, подглядывавших непосредственно в замочную скважину, станут

доказывать, что на самом деле все было наоборот: Мария Александровна – это кроткая и святая женщина, всецело посвятившая себя семье и детям. А вот муж ее Илья Николаевич – прелюбодей и развратник, не пропускавший во время служебных командировок ни деревенских девок, ни молоденьких учительниц.

Пусть простит читатель за пересказ этой пошлятины. Можно лишь надеяться, что лживые «труды» эти, не делающие чести ни их авторам, ни их издателям, останутся лишь печальными памятниками того лихолетья, которое Россия пережила в 90-е годы XX века.

Не знаю, были ли известны Владимиру Ильичу все эти грязные сплетни, ходившие вокруг их семьи. Но презрение к сплетникам и кумушкам он сохранил на всю жизнь. И спустя много лет Ленин напишет: «...болтать и сплетничать... подогрывать темные слухи, ловить и передавать дальше намеки, – о, интеллигентские кумушки такие мастера на это!.. Каждому свое. У каждого общественного слоя свои “манеры жизни”, свои привычки, свои склонности. У каждого насекомого свое оружие борьбы: есть насекомые, борющиеся выделением вонючей жидкости». И он заключает: «Кто видел хоть раз в жизни эту среду сплетничающих интеллигентских кумушек, тот, наверное (если он сам не кумушка), сохранит на всю жизнь отвращение к этим мерзостным существам».

Сразу же после продажи дома семья уехала в Кокушкино.

Это лето 1887 года, помимо окончания гимназии, было связано еще с одним важным событием, как бы сказали нынче – с «новым прочтением» романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

Казнь брата, помимо сугубо личного потрясения, связанного с потерей близкого и любимого человека, порождала множество вопросов. Как и почему избрал он этот тернистый путь? Долг перед народом, перед Отечеством? Да, это свято, и это бесспорно! Да, пример отца показал, что надежды на постепенное реформирование и просвещение России в нынешних условиях оказались иллюзорными. Но разве исполнение своего

долга перед Родиной обязательно связано с динамитом и гремучей ртутью?

В прошлое лето в Кокушкине Александр препарировал своих червей, которые вызывали у Владимира глубочайшее отвращение. Казалось, он был настолько погружен в науку, что до всего иного ему не было никакого дела. Но помимо этого он еще и много читал. И Владимир вспомнил давние восторженные отзывы брата о романе Чернышевского. Еще в гимназии Владимир попробовал читать «Что делать?», но тогда особого впечатления он на него не произвел. Теперь он решил вновь перечитать его.

Результат был ошеломляющим...

В 1904 году Ленин рассказывал дальней своей родственнице Марии Эссен: «Я роман “Что делать?” перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли». И Крупская подтверждает, что знал он роман до самых «тончайших штрихов» и «мельчайших подробностей»¹⁰⁸.

Как-то в том же 1904 году Николай Валентинов в присутствии Владимира Ильича небрежно заметил по поводу «Что делать?»: «Диву даешься, как люди могли увлекаться и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же время претенциозное»¹⁰⁹.

Услышав это, Ленин «взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул закрипел.

– Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? – бросил он. – Недопустимо называть примитивным и бездарным “Что делать?”. Под его влиянием сотни людей делались революционерами... Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали “Что делать?”? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман

Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял его глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь»¹¹⁰.

И главный вывод, который извлек Владимир из романа, состоял в том, что в России «всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером...»¹¹¹.

На том и закончилась его юность...

Глава 2

«Брат повешенного»

Казань

В июле 1887 года семья Ульяновых переезжает в Казань. А 29 июля Владимир подает прошение о приеме на юридический факультет Императорского Казанского университета. Но фамилия Ульянова была слишком хорошо известна ректору Н. Кремлеву, и на прошении появляется резолюция: «Отсрочить до получения характеристики». В Симбирск направляют запрос. И теперь уже все зависело от характеристики Керенского.

Документ этот являлся конфиденциальным, и о его содержании ни Владимир, ни его близкие знать не могли. Но Федор Михайлович Керенский проявил если не мужество, то порядочность, написав 10 августа, что «ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение. За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители... В основе воспитания лежали религия и разумная дисциплина».

Керенский не стал затрагивать обязательные для характеристики вопросы об отношении к «социальным вопросам» и «превратным учениям» и в заключение написал: «Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости от общения даже со знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимости».

«Религия и разумная дисциплина» в сочетании с «чуждаемостью от общения» вполне устраивали университетское начальство. И 13 августа на прошении Ульянова появляется новая резолюция: «Принять». С этого дня Владимир становится студентом и подает новое прошение – об освобождении от платы

за обучение. На факультете просьбу поддержали, и 8 сентября правление университета включило его в списки лиц «православного вероисповедания», нуждающихся в данной льготе «на основании свидетельств о бедности, баллов по аттестатам зрелости и характеристик гимназий». 12-го списки утвердили далее по инстанции. Но, видимо, уже в Петербурге Ульянова из «льготников» исключили: судя по всему, для чиновников министерства просвещения память о его брате была еще слишком свежа¹¹².

Память об Александре Ульянове будет еще долго сопровождать Владимира. Если в глазах начальства она станет предостережением и напоминанием об «опаснейшем государственном преступнике», то в студенческой среде – это повод для повышенного интереса и постоянного ожидания чего-то необычного и «ужасно революционного». И, вырвавшись из стен гимназии, с ее ежеминутным надзором за учениками, впервые окунувшись в студенческую «вольницу», Владимир просто обязан был оправдывать эти завышенные надежды.

Так что «нелюдимостью» и «излишней замкнутостью» он начальство не порадовал. Судя по воспоминаниям В.В. Адоратского, из университетской профессуры Владимир запомнил лишь присяжного поверенного профессора Н.В. Рейнгардта и профессора истории русского права Н.П. Загоскина. «Ну, – говорил он приятелю, направляясь в аудиторию к Загоскину, – пошли слушать лекцию о русском бесправии»¹¹³.

Впрочем, занятия Владимир посещал уже не столь исправно, как в гимназии. Достаточно сказать, что в ноябре он присутствовал на лекциях лишь 8 дней¹¹⁴.

Гораздо больше его привлекала та студенческая жизнь, которая буквально бурлила в университете.

Сразу после зачисления Владимир дал расписку, в которой, согласно существовавшим правилам, обязался «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом

отдельном случае ближайшего начальства...»¹¹⁵. Но формальная расписка нисколько не помешала ему вступить в упомянутое землячество.

В это время в университете функционировало 8 нелегальных землячеств-кружков, пользовавшихся среди студентов огромным авторитетом. Они поддерживали связи с аналогичными организациями в Петербурге, Москве и других университетских городах. Имели свои библиотеки с нелегальной литературой. И наиболее крупным среди них являлось как раз симбирское землячество. В его работе Владимир принял активное участие и сразу же был избран представителем в Совет землячеств университета.

В работе землячества участвовали и те, кто уже находился в поле зрения полиции: Л. Богораз, Н. Подбельский, С. Полянский, студенты Ветеринарного института И. Воскресенский, К. Выгорницкий, П. Дахно, Н. Мотовилов, А. Скворцов, а также высланные из Петербурга социал-демократки А. Амбарова, Ю. Белова. И контакты с ними Владимира были сразу же зафиксированы полицией. «Департамент придает особое значение, – сообщалось губернскому жандармскому управлению, – сношениям Богораз и Скворцова с Воскресенским, Константином Выгорницким и Владимиром Ульяновым, в особенности же с последними двумя, так как Выгорницкий был близок и состоял в сношениях с государственным преступником Андреюшкиным, казненным совместно с братом Владимира Ульянова по делу 1 марта 1887 года».

Именно в это время – в июне – министр просвещения И.Д. Делянов издал циркуляр, вошедший в историю как «циркуляр о кухаркиных детях», который в несколько раз повышал плату за обучение в университетах и закрывал доступ в гимназии детям «низших сословий». Тогда же утвердили и Университетский устав, лишавший университеты остатков автономии и запрещавший сходки, собрания и любые студенческие организации. Одновременно существенно расширились права «инспекторов студентов», т. е., говоря современным языком,

инспекторов «по режиму», которым фактически предоставлялись полицейские функции надзора и сыска.

Протест против указанных «нововведений» начался в университетах России с самого начала учебного года. Особого накала достиг он в ноябре. 23–25 ноября выступление московских студентов было жестоко подавлено полицией и казаками. Двоих студентов убили. В ноябре начались волнения и в Казани.

5 ноября студенты демонстративно бойкотировали торжественный акт годовщины университета. В последующие дни под видом танцевальных вечеров они собираются по квартирам, обсуждают план дальнейших действий и готовят листовки и петицию с требованием демократических реформ в университетах. На некоторых из этих встреч – как представитель симбирского землячества – присутствовал и Владимир.

А.М. Горький, работавший тогда в Казани, дал в «Моих университетах» коллективный портрет тамошнего студенчества: «Шумное сборище людей, которые жили в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России. Всегда возбужденные статьями газет, выводами только что прочитанных книг, событиями в жизни города и университета, они по вечерам сбегались в лавочку Деренкова со всех улиц Казани для яростных споров и тихого шепота по углам. Приносили с собой толстые книги и, тыкая пальцами в страницы их, кричали друг на друга, утверждая истины, кому какая нравилась... Я понимал, что вижу людей, которые готовятся изменить жизнь к лучшему, и хотя искренность их захлебывалась в бурном потоке слов, но – не тонула в нем... Часто мне казалось, что в словах студентов звучат мои немые думы, и я относился к этим людям почти восторженно, как пленник, которому обещают свободу».

28 ноября в Казань приходит письмо из Москвы с информацией о расправе над студентами. Возбуждение достигает предела. 3 декабря утверждается окончательный текст петиции. На 4-е назначается сходка.

В одном из полицейских донесений сообщалось: «Ульянов Владимир... еще за два дня до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и др., уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще шушукаясь...»

4 декабря к 11 утра в вестибюле, в шинельной и курилке стали собираться группы студентов. Около 12 с криками «На сходку, товарищи, на сходку!» они рассыпались по аудиториям, собирая всех в актовый зал. Двери его были заперты, но их взломали, и начался митинг. Сюда же пришла и большая группа студентов Ветеринарного института.

О том, какое настроение господствовало среди собравшихся, рассказал ставший позднее писателем участник событий Евгений Чириков: «До сих пор не могу забыть пережитых ощущений. Вся душа трепетала под наплывом особого гражданского чувства и пылала жаждой гражданского подвига. Войди в зал солдаты и потребуй, под угрозами пуль, оставить зал, – мы не моргнули бы глазом и остались! Пропала логика разума, осталась только логика сердца. В каком-то экстазе я вскарабкался на кафедру и закричал, потрясая кулаками:

– Товарищи! Поклянемся, что мы все, как один человек, будем отстаивать наши требования, не предадим друг друга и, если будет нужно, принесем себя в жертву царящему произволу!

Дружный взрыв криков: «Клянемся!», поднятые к небу руки, какой-то вопль жаждущей подвига молодости... А затем – речи с разных пунктов огромного зала: с кафедры, со стульев, с подоконников»¹¹⁶.

И тут в зале появился ненавистный «инспектор студентов» Потапов. Он стал угрожать войсками, полицией, и тогда студент-юрист К. Алексеев влепил ему пощечину. Потапов бежал, а явившемуся ректору Кремлеву вручили петицию, начинавшуюся словами: «Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлены русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание

обратить внимание общества на эти условия и предъявить правительству наши следующие требования»¹¹⁷.

Сходка завершилась около 16 часов. А помощники Потапова, служители и осведомители уже строчили свои отчеты. Буквально о каждом. И именно на их основе, характеризуя «зачинщиков», попечитель написал министру Делянову, что 4 декабря В. Ульянов «бросился в актовый зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других; уходя же со сходки, отдал свой входной билет»¹¹⁸.

Дома он пишет прошение ректору: «Не признавая возможным продолжать мое образование в университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского университета»¹¹⁹.

На прошении он ставит дату – 5 декабря 1887 года. Однако в ночь на 5-е он был арестован и вместе с 40 другими студентами помещен в пересыльную тюрьму.

«Несмотря на арестантские халаты, в которые нас нарядили, на то, что большинство более суток не ели... на массу паразитов на нарах, – рассказывает участник сходки Е. Фосс, – среди молодежи царило радостное, веселое возбуждение, сочиняли прозой и стихами воззвания “на волю”, пели революционные и просто студенческие песни, рассказывали о всевозможных эпизодах последних дней и пр. и пр. Владимир Ильич был все время молчалив, сосредоточен и не принимал никакого участия в общем оживлении. Кому-то пришло в голову произвести “анкетный” опрос товарищей по заключению, кто что думает предпринять по освобождению... Когда очередь дошла до студента Ульянова, он после некоторой паузы, как бы очнувшись от задумчивости, слегка улыбнувшись, сказал, что перед ним одна дорога, дорога революционной борьбы». В другой публикации этих воспоминаний Е.Н. Фосс передает ответ Владимира точнее: «Мне что ж думать. Мне дорожка проторена старшим братом». И сразу в камере стихли шум и смех. Жутко и

неловко стало всем от этого простого, без всякой аффектации, ответа.

Размышляя над тем, что же определило жизненный путь Владимира Ульянова, некоторые авторы дают самый простой ответ: он мстил за повешенного брата. Но можно ли объяснять подобного рода выбор лишь причинами сугубо личного свойства?

А за кого мстила дочь петербургского генерал-губернатора Софья Перовская? Или орловский дворянин, генеральский сын Зайчневский? Или потомок старинного рода тверских дворян Михаил Бакунин? А Мартов и шестеро его братьев и сестер, выросших в достаточно благополучной семье?

Значит, существовали и иные мотивы, помимо сугубо «личных», определявшие жизненный выбор. И коль скоро речь идет о людях образованных, то несомненно, что один из них – интеллектуальные веяния данного времени, идеи и мысли, господствующие в обществе. А с тех пор, как Петр Лавров в 1868 году написал о неоплатном долге перед народом, идея борьбы за его освобождение доминировала в среде передовой интеллигенции. Витала она и в той камере казанской пересыльной тюрьмы, в которую попал Владимир Ульянов.

В воскресенье, 6 декабря, освободили и выслали из Казани первую партию арестованных. Публика, собравшаяся у здания полиции, встречала их аплодисментами и приветственными криками, в сани летели пакеты с подарками. «...Общество, – писала Ольга Ульянова подруге, – отнеслось к студентам сочувственно: им прислали 300 рубл. в первые же дни арестов и высылки из Казани, также шубы и шарфы, потому что многим студентам не в чем ехать. Казанские дамы прислали им табаку и папирос, а гимназисты, особенно 1-й гимназии, отдавали все свои деньги, у кого были – часы, некоторые – даже свои шубы»¹²⁰.

7 декабря выпустили и Владимира. Он тоже высылался из Казани в Кокушкино, где с 23 июля 1887 года уже находилась под гласным надзором полиции старшая сестра Анна. Вечером того же дня вместе с матерью и сестрой Марией он выехал из Казани в санной кибитке. И до городской заставы их неотступно

сопровождал полицейский чин, дабы убедиться, что приказ о «выдворении» исполнен.

Кокушкино

В Кокушкине Владимир поселился во флигеле, в угловой комнате с окнами на север, где прежде жил Александр Петрович Пономарев¹²¹ – друг А.Д. Бланка и второй муж его дочери Любви Александровны, за которого она вышла в 1870 году после смерти Александра Федоровича Ардашева.

В комнате стояла «деревянная койка на козлах, на стене полка с книгами, простой шкаф, два-три стула, складная табуретка, стол. Тут же, рассказывает Н. Веретенников, стоял у двери столярный верстак: его хотели убрать, но Володя сказал, что убирать не надо – на него можно класть книги...»¹²².

Будущее представлялось весьма туманным. На семейном совете решили, что по прошествии некоторого времени надо будет попытаться либо восстановиться в Казанском университете, либо поступать вновь в любой другой российский университет. А пока Владимир мог сколько угодно играть на стареньком бильярде, стоявшем в самой большой комнате флигеля, читать, гулять, бродить по окрестным лесам, охотиться. Но ни бильярд, ни охота не заладились.

Поначалу, как бы вновь переживая случившееся, он находился в крайне возбужденном, или, как пишет Анна Ильинична, в «повышенном настроении». Взявшись «с большим задором» за письмо приятелю с подробным рассказом о студенческой сходке, Владимир – как это часто бывает – именно теперь находил те самые слова, которые не были сказаны тогда. Он прохаживался по комнате, пишет Анна Ильинична, и «с видимым удовольствием» зачитывал «те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предрежащих».

Но письмо так и не было отправлено, возбужденное настроение прошло. А тут еще ударили январские морозы. И

Владимир целиком погрузился в чтение, ибо содержимое книжных полок и шкафа Александра Петровича Пономарева было поистине примечательным.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, – рассказывал Ленин зимой 1904 года Вацлаву Воровскому, – даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах “Современник”, “Отечественные записки”, “Вестник Европы”. В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия.

Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в “Современнике” я прочитал до последней строчки, и не один раз... Я читал Чернышевского “с карандашиком” в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант – меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа. Для меня была большой печалью пришедшая через год весть о его смерти... Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же и Чернышевский».

Но эти слова о Марксе были сказаны зимой 1904 года. А тогда, в Кокушкине, зимой 1887/88 года Владимир о Марксе так еще не думал. «В бывших у меня в руках журналах, – рассказывал он, – возможно, находились статьи и о марксизме, например статьи Михайловского и Жуковского. Не могу сейчас

твердо сказать – читал ли я их или нет. Одно только несомненно... они не привлекли к себе моего внимания, хотя благодаря статьям Чернышевского я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня. На это наталкивали очерки В.В. (Воронцова), Глеба Успенского, Энгельгардта, Скалдина».

«Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе, и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля... Это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу».

Дом Ульяновых в Симбирске (ныне Ульяновск)

Но, повторяю, там, в Кокушкине, «встреча» с Марксом еще не произошла. В книжном шкафу покойного А.П. Пономарева его трудов не было. И «до знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова, – говорил Воровскому Ленин, – главное, *подавляющее* влияние имел на меня *только* Чернышевский, и началось оно с “Что делать?”. Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления».

При всех возможных неточностях этой записи В.В. Воровского ее значение неоценимо. Прежде всего она перечеркивает многочисленные байки о том, что Ленин уже чуть ли не в гимназии стал марксистом и переводил на русский язык «Капитал» Маркса. Но главное даже не в этом. Она дает ключ к пониманию многих вопросов, связанных с формированием личности Ленина. Еще бы, ведь речь идет о том, «каким должен быть революционер» и «как к своей цели он должен идти...».

И вот, вдохновленный этой идеей, Н.В. Валентинов приступает к «реконструкции». Он перечитывает статьи Чернышевского и выделяет в них те места, которые, по его мнению, могли оказать столь мощное воздействие на юного Владимира. Но начинается он с романа «Что делать?».

Проштудировав 475 страниц романа, Валентинов извлекает из него следующий пассаж, который якобы не только утверждает «*исключительность*» революционеров, или, как выражался Чернышевский, «новых людей», но и ставит их *над* прочими «низкими людьми»: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней – теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли

земли». И в этом акафисте «избранности» революционеров, полагает Валентинов, как раз и заключалась та главная идея романа, которая привлекла и «перепахала» Владимира Ульянова¹²³.

То, что людей, готовых бороться за свое и чужое человеческое достоинство, было в то время совсем немного, – это факт. В этом смог убедиться и сам Владимир. В 1887 году в Казанском университете обучалось 918 студентов. В сходке участвовали лишь 256, а уволили по прошению и исключили – 164¹²⁴. Так что элемент «исключительности» «протестантов» по отношению к общей студенческой массе и тут имел место.

Но при чем здесь «избранность», если Чернышевский постоянно повторяет в романе, что успеху «может служить только одушевление массы» и на той высоте, на которой стоят «новые люди», – «должны стоять, могут стоять все люди». И уж если говорить о главном, то ведь роман-то совсем о другом.

О том, что же делать тем, кто отвергает жизнь, основанную на несвободе, насилии и произволе. И о том, что нельзя обрести истинного душевного комфорта, если ты не осознал неразрывности личных интересов с общественными, если душа твоя не сопереживает, не разделяет судьбы своего отечества, если ты выгораживаешь свою жизнь из общего поля жизни своего народа и уходишь от «дел общественных». Ибо, как считал Чернышевский, без таких дел жизнь есть не что иное, как «злаязычная пошлость или беспутная пошлость, в том и другом случае – бессмысленная пошлость».

Заметил ли эту мысль романа Владимир? Видимо, да, ибо много лет спустя, как бы подводя некоторые итоги, он станет оценивать их именно по этой шкале и напишет, что судьбой его стала прежде всего борьба против пошлости – пошлости самой жизни, пошлости политиков, пошлости оппортунизма... И, как результат, – «ненависть пошляков из-за этого»¹²⁵.

Впрочем, чтение чужих мыслей: заметил – не заметил, оценил – не оценил – занятие малопочтенное и малопродуктивное. Особенно когда за ним легко угадывается

желание во что бы то ни стало найти подтверждение собственных мыслей автора.

Но именно так происходит и с Валентиновым. В кругу кокушкинского чтения 18-летнего юноши он ищет то «чертово семя», которое через 30 лет явит миру «кровавого и безжалостного диктатора». И, препарируя статьи Чернышевского, Валентинов набирает коллаж цитат, которые, по его мнению, содержат апологию насилия и призывают не брезговать любыми средствами ради достижения поставленной цели.

«Великие люди, – цитирует он Чернышевского, – едва ли не потому только и бывают великими людьми, что спешат ковать железо, пока оно горячо... И Суворов, и Наполеон, да и все великие полководцы, начиная с Александра Македонского, известны тем, что *не жалели жертв* для одержания победы. Их сражения были вообще *страшно кровопролитными*. Мы не хотим решать – хорошая ли вещь военные победы, но решайтесь – прежде чем начнете войну – *не жалеть людей*. То же самое надобно сказать и о всех *исторических делах*. Если вы боитесь или отвращаетесь тех мер, которых потребует дело, не принимайтесь за него»¹²⁶.

А вот и другая цитата: «Политический вождь должен быть решительным и, раз поставив себе определенную цель, *идти беспощадно до конца*». Вот, заключает Валентинов, «чему наставлял Чернышевский, иначе говоря, чему у него учился Ленин»¹²⁷.

Цитаты, как говорится, «крутые», и метод анализа, предложенный Валентиновым, казалось бы, вполне оправдывает себя. Но попробуйте выйти за рамки предложенного им цитатного коллажа – и выводы его сразу же станут более чем сомнительными.

Возьмите, к примеру, предисловия к томам и комментарий Чернышевского к переведенной им «Всеобщей истории» Вебера. Из тома в том Николай Гаврилович не только отвергает деспотическую власть, подавляющую народ, не только выступает против милитаризма, против «восхищения дурным и восхваления

злодейств». Он утверждает, что опыт мировой истории свидетельствует: насилие, даже если оно приводит к намеченной цели, не проходит бесследно для самих насильников.

Так, германские племена, завоевав Римскую империю, заплатили за это непомерно высокую цену, ибо многие из них в ходе войн были истреблены полностью. Монголы Чингисхана, пришедшие для покорения Европы, частью погибли при завоевании России, а остальные были разбиты оправившимися от поражений русскими. Точно так же испанцы, опустошившие в свое время Запад, в конце концов разорились сами и наполовину вымерли от голода. И наконец, славные французы, завоевавшие при Наполеоне Европу, все-таки потерпели в 1814 году поражение и в последующие годы подверглись разорению и национальному унижению.

Принципиальный вывод Чернышевского, сформулированный явно в пику российскому самодержавию, состоит в том, что отнюдь не всякое средство ведет к цели, что в середине XIX столетия «даже турецкое правительство отказалось от попыток доставлять своему народу что-нибудь хорошее насилием над ним»¹²⁸.

Статьи Чернышевского, как и его роман «Что делать?», были написаны не только *в свое время*, но и *для своего времени*. И когда тот же Валентинов, в присутствии Веры Ивановны Засулич, заявил, что ему не понятно, почему люди ее поколения видели в Чернышевском «учителя жизни», она ответила:

– А вы его знаете?..

– Почему же не знаю, читал его, как все, и того, что вы и, например, Ленин в нем находите, не нашел...

– Не знаете, не знаете, не знаете, – упрямо твердила Засулич. – И вам трудно это знать. Чернышевский, стесненный цензурой, писал намеками, иероглифами. Мы умели и имели возможность их разбирать, а вы, молодые люди девятисотых годов, такого искусства лишены. Читаете у Чернышевского какой-нибудь пассаж, и вам он кажется немым, пустым листом, а за ним в действительности большая революционная мысль. Был в обращении, можно сказать, некий шифр для ясного понимания

того, что, по принуждению, он выражал прикрито и очень темно. Такого шифра у вас ныне нет, а если нет, Чернышевского вы не знаете, а раз не знаете, то и не понимаете¹²⁹.

И уж если в этой связи опять вернуться к «Что делать?», станет понятным, почему современники менее всего обольщались художественными достоинствами романа. Замечание Валентинова о том, что Ленин якобы ставил язык Чернышевского «в один ряд с языком Толстого и Тургенева», бьет мимо цели. Не за «высокую прозу» почитали его. И роман стоял совсем в ином ряду, где существовала своя система ценностей. И поэтому, как справедливо заметила Крупская, Владимир Ильич любил «Что делать?» – «несмотря на малохудожественную, наивную форму его»¹³⁰.

А жизнь между тем шла своим чередом. И, рассказывая Воровскому о круге кокушкинского чтения, Ленин все-таки на первое место поставил «университетские курсы». Мысль о продолжении образования не покидала его. И уже 9 мая 1888 года Владимир и Мария Александровна направляют в Петербург два прошения: он – министру просвещения И.Д. Делянову, она – директору Департамента полиции П.Н. Дурново. В обоих просьба разрешить «бывшему студенту В. Ульянову» вновь поступить в Казанский университет.

Оба прошения отклоняются, а попечитель Казанского учебного округа поясняет, что родной брат казненного государственного преступника Александра Ульянова – «ни в нравственном, ни в политическом отношении лицом благонадежным пока быть не может»¹³¹.

15 июля Мария Александровна вновь обращается с прошением к графу Дурново. Но Департамент полиции и на сей раз отклоняет просьбу, считая, что прием В. Ульянова в Казанский университет преждевременен¹³².

В конце августа в Казань приезжает сам министр просвещения Делянов, и 31-го Марии Александровне удастся лично вручить ему еще одно прошение – о приеме Владимира в любой из российских университетов. «Сын, – пишет она, –

единственная опора моей старости и троих меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, прослужившего 30 лет по министерству народного просвещения...» Ответа долго ждать не пришлось. Уже 1 сентября министр наложил резолюцию: «Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова»¹³³.

Тогда 6 сентября того же 1888 года Владимир пишет новое прошение на имя министра внутренних дел: «Для добывания средств к существованию и для поддержки своей семьи я имею настоятельную надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет»¹³⁴.

Но и на эту просьбу Владимир получает отказ. Мало того, еще 19 августа, по решению административного отдела кабинета министерства императорского двора, его имя вносится в секретную книгу лиц, коим навсегда запрещалась государственная служба¹³⁵.

Размышляя о тех факторах, которые формировали молодого Владимира Ульянова, необходимо, видимо, учитывать не только круг его чтения и знакомств, но и ту самую политику властей, которую он испытывал на себе. Позднее, в связи со студенческими волнениями 1901 года, Ленин напишет: «Поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований – и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества»¹³⁶. Точно так же и после казанской университетской сходки 1887 года «протестантам» власть имущие фактически не оставляли выбора. Своей бездушной казенной тупостью, ломая людские судьбы, они сами плодили своих непримиримых врагов.

Впрочем, и путь противостояния режиму не сулил Владимиру розовых перспектив. Казнь брата служила тому достаточным предостережением. Да и самое мирное, сугубо просветительское

«хождение в народ», даже если оно не кончалось арестом и ссылкой, могло вызвать лишь разочарование тщетностью усилий и мизерностью результатов. И об этом Владимир тоже знал не из литературы...

Летом 1888 года в Кокушкино приехала умирать его двоюродная сестра Анна Ивановна Веретенникова. Она и в прежние годы не раз бывала здесь, приезжала в Симбирск, и Владимир всегда внимательно слушал ее рассказы. Подобно героине «Что делать?» Вере Павловне, Анна Ивановна стала одной из первых в России женщин-медиков. Она отвергла предложение остаться при петербургской клинике и уехала земским врачом в глухой Белебеевский уезд Уфимской губернии. Работать, работать и работать, облегчая долю народную...

«Передумать и переиспытать во время моей службы в земстве, – рассказывала Анна Ивановна, – пришлось много, страшно много. Дверь моей избы не затворялась с утра до вечера. У меня перебывала масса хронических больных с нагноениями, костоедой, застарелыми язвами, сифилисом, глазными болезнями. Ежедневно приходило человек тридцать-сорок, страдающих лихорадкой, с просьбой дать им горького лекарства. Так они называли хинин. Но один из членов земской управы – передаю буквально его слова – сказал, что дорогие лекарства, как, например, хинин, “вредны для мужика, потому что у него натура грубая, и, чем грубее, а главное, дешевле лекарство, тем благотворнее должно на него действовать”. Врачи не имели ни медикаментов, ни инструментов и, как большинство земских служащих, по несколько месяцев не получали содержание»¹³⁷.

Там, в деревне, она заболела чахоткой и вот теперь гасла буквально на глазах. 25 июля 1888 года Анна Ивановна скончалась, а 27-го ее хоронили, и Владимир бросил в могилу горсть земли¹³⁸.

«Мутный доклад»

В начале сентября Ульяновы вернулись в Казань всей семьей. Ходатайства Марии Александровны о необходимости лечения Анны Ильиничны возымели действие. Разрешили вернуться и Владимиру. Ссылка закончилась. И с 12 сентября они поселились в двухэтажном флигеле дома Орловой на Первой горе Арского поля. «Квартира большая, светлая, только что отделанная; при ней порядочный садик...» – писала Ольга Ильинична подруге. Кухни было две – на первом и втором этаже. И лишнюю кухню на первом занял Владимир. Она была уединенней и удобней для занятий, чем верхние комнаты. Ну а ненужную плиту застелили газетами, так что получился как бы второй стол помимо кухонного¹³⁹.

Но тянуло Владимира в эти дни совсем не к занятиям. Именно в начале октября он получил официальное уведомление о запрете выезда за границу для продолжения образования, и садиться после этого опять за учебники настроения не было. Впрочем, и сама Казань – после вынужденного кокушкинского затворничества – казалась чуть ли не Парижем.

Как раз в это время здесь гастролировала оперно-балетная труппа под руководством дирижера Александра Орлова-Соколовского. И ее солистом был знаменитый в те годы драматический тенор Юлиан Закржевский, выступавший на сценах Москвы и Варшавы, Венеции и Праги. Его считали кумиром молодежи – особенно студентов и курсисток. После спектаклей они буквально носили Юлиана на руках, а иной раз выпрягали лошадей и сами катили экипаж по ночным улицам.

Вершиной его творчества считалась партия Егiazара в опере Фроманталя Галеви «Жидовка», известной в современном репертуаре под названием «Дочь кардинала». И именно эту оперу слушал в октябре 1888 года Владимир.

Дмитрий Ильич рассказывает, что зал был переполнен, и сидели они «где-то высоко на галерее». Появление Закржевского на сцене поклонники его таланта встретили такой овацией, что пришлось на несколько минут прервать действие. Прошла опера прекрасно, и домой Владимир вернулся «под впечатлением слышанной музыки и... в чрезвычайно приподнятом настроении».

Он все время напевал понравившиеся ему мелодии, и в частности арию Егиазара «Рахиль, ты мне дана»¹⁴⁰.

Много лет спустя, 9 февраля 1901 года, он напишет матери из Мюнхена: «Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением "Жидовку": я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский) лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти»¹⁴¹.

А 7 ноября с сестрой Ольгой они слушали «Фауста» Шарля Гуно. И опять многие мелодии этой оперы остались в памяти на всю жизнь. Особенно запомнилась каватина Валентина: «Бог всемогущий, бог любви». Впрочем, одно место он переиначил и напевал всегда по-своему:

Там, в кровавой борьбе в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...¹⁴²

После возвращения из Кокушкина Владимир начинает посещать и казанский шахматный клуб. Играть в шахматы он начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, старшим братом, а поскольку Илья Николаевич всегда обыгрывал, достали они серьезное руководство по шахматной игре и после этого стали уже выигрывать не только у всех приятелей, но и у отца.

Теперь, в шахматном клубе, он встретил немало достойных соперников. Но особенно увлекла его игра по переписке с известным самарским адвокатом А.Н. Хардиным, знакомым с семьей Ульяновых еще по Нижнему Новгороду. По мнению М.И. Чигорина, Хардин принадлежал к числу сильнейших шахматистов России, и каждый раз, получая по почте его очередной ход, Владимир долго размышлял над ним, пытаясь разгадать логику противника. Эту партию он проиграл, но удовольствие получил огромное.

Его младший брат Дмитрий, сам заядлый шахматист, писал: «Обычно наблюдается обратное – больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной

борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые».

С годами увлечение шахматами постепенно уходит на второй план. Другие дела и заботы оттесняют. К тому же он был, видимо, вполне согласен с мнением Лессинга о шахматах: «Для игры слишком много серьезности, для серьезного слишком много игры...» Вот и тогда, в Казани, встретив прежних знакомых по университету, познакомившись с новыми людьми, Владимир целиком погружается в бурную общественную жизнь казанского студенчества.

За те месяцы, которые он провел в Кокушкине, в этой среде произошли кое-какие важные перемены. Помимо землячеств, здесь стали возникать кружки, ставившие своей целью политическое саморазвитие и самообразование студенчества. В кружках этих все еще доминировали разные оттенки народничества и народовольчества. Но все больше давало знать о себе и новое – марксистское направление. И связано оно было с именем Николая Евграфовича Федосеева, одним из первых в Поволжье провозгласившего свою принадлежность к марксизму.

О заседании одного из казанских кружков того времени рассказывал в «Моих университетах» Горький: «В углу зажгли маленькую лампу. Комната – пустая, без мебели, только – два ящика, на них положена доска, а на доске – как галки на заборе – сидят пятеро людей... На полу у стен еще трое, и на подоконнике один, юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме его и бородача, я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет читать брошюру “Наши разногласия”, ее написал Георгий Плеханов, “бывший народоволец”.

Во тьме на полу кто-то рычит:

– Знаем!

Таинственность обстановки приятно волнует меня; поэзия тайны – высшая поэзия. Чувствую себя верующим за утренней

службой во храме и вспоминаю катакомбы первых христиан. Комнату наполняет глуховатый бас, отчетливо произнося слова.

– Ер-рунда, – снова рычит кто-то из угла.

В комнате гудят пониженные голоса, они сцепились в темный хаос горячих слов, и нельзя понять, кто что говорит.

– Ренегат!

– Медь звенящая!..

– Это – плевок в кровь, пролитую героями.

– После казни Генералова, Ульянова.

С подоконника раздается голос юноши:

– Господа, – нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями, по существу?

Юноша, наклонясь с подоконника, спрашивает меня:

– Вы – Пешков, булочник? Я – Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно – здесь делать нечего, шум этот – надолго, а пользы в нем мало. Идемте?»

Именно Федосеев составлял для кружков саморазвития программы чтения марксистской литературы, обзоры и рефераты по проблемам истории и социально-экономического развития России. Среди квартир, где под видом студенческих вечеринок Николай Евграфович проводил занятия кружков, была и квартира Л.А. Ардашевой-Пономаревой, тетки Владимира, но в этот кружок он не ходил и с Федосеевым лично знаком не был, хотя и слышал о нем.

Фигура Федосеева настолько ярка, что для тех, кто изучал биографию Ленина этих лет, она как бы заслонила другие лица. А между тем на «втором плане» оказались люди, чья роль в судьбе молодого Владимира Ульянова стала довольно примечательной.

Среди новых его знакомых была вдова штабс-капитана Мария Павловна Четвергова (урожденная Орлова). Хотя к этому времени ей уже перевалило за 40, Мария Павловна, как старая народоволка, пользовалась среди казанской молодежи большим авторитетом. Еще в 1871 году она поступила в Цюрихский университет, затем училась в Вене и, получив диплом акушерки, в 1875-м вернулась в Россию. Тогда же ее арестовали по

обвинению в пропаганде, выслали в Вятскую губернию и лишь в 80-е годы разрешили поселиться в Казани¹⁴³.

Вокруг Четверговой сложился народовольческий кружок, входивший в так называемую Сабунаевскую организацию. Впрочем, использовали квартиру Марии Павловны на Старо-Горшечной улице и студенческие кружки саморазвития Федосеева¹⁴⁴. Частенько заходил сюда и Владимир, которого с хозяйкой квартиры более всего сближала любовь к Чернышевскому. Они могли часами обсуждать его статьи, тончайшие оттенки тех или иных мыслей. «Я не знаю другого человека, – говорил позднее Ленин Крупской, – с которым было бы столь приятно и поучительно, как с Четверговой, беседовать о Чернышевском»¹⁴⁵.

И вот зимой 1888/89 года на ее квартире Владимир услышал доклад студента Михаила Мандельштама о «Капитале» Маркса.

Карл Радек вспоминал, как «в 1915 году на прогулках за Берн, над синей Аарой, Владимир Ильич, будучи в хорошем задумчивом настроении, рассказывал многое из своей революционной молодости. Многие из его рассказов я забыл, многое конкретное из того, что я запомнил, улетучилось...». Но самый первый эпизод запомнился. «Ильич, – пишет Радек, – попал в народовольческий кружок. Там в первый раз он услышал о Марксе. Читал доклад студент Мандельштам, будущий кадет, и развивал в докладе взгляды “Освобождения труда”. Доклад был очень мутный, но все-таки, как сквозь туман, Ильич увидел в нем мощную революционную теорию. Он добыл первый том “Капитала”, который открыл ему новый мир»¹⁴⁶.

Радек был известным остроловом и ради «красного словца» вполне мог несколько «расцветить» эту историю. О Марксе, к примеру, Владимир слышал, еще будучи гимназистом, потом студентом. «Капитал» видел у брата. Но тогда это как бы проскакивало мимо. И вот теперь, после «кокушкинских чтений», лекция, видимо, действительно произвела впечатление.

Сам Михаил Львович Мандельштам узнал обо всем этом, уже будучи известнейшим адвокатом, из публикации Радека в 1924

году. В свое время он учился в Петербурге, дружил с Александром Ульяновым, в 1886 году был арестован и выслан на родину в Казань. Здесь он руководил кружками учащихся, а после декабрьской сходки 1887 года его выслали в Симбирск с запретом проживания в университетских городах.

«Но начиная с зимы 1888/89 г., – рассказывал Мандельштам, – я начал нелегально наезжать в Казань и возобновил занятия в своих кружках. Теперь уже больше внимания я уделял политической экономии, особенно же отличались мои занятия этого периода от предыдущего тем, что главное внимание я начал уделять знакомству моих слушателей с творениями Маркса.

Наши собрания с зимы 1888/89 г. происходили главным образом в пригородном саду “Швейцария”, а также на квартире, пользовавшейся тогда в Казани большим авторитетом старой народоволки – Четверговой... Около Четверговой группировалось несколько старых народовольцев и отчасти учащаяся молодежь. Из моих же товарищей в этом кружке бывал Евгений Чириков, также высланный на два года (в Астрахань) и часто наезжавший тайком в Казань. Чириков в это время был еще народником, и мне приходилось спорить с ним о необходимости террора, о необходимости борьбы не только экономической, но и политической. Вообще же в кружке, кроме занятий, часто разговоры обращались в споры о народниках и народовольцах, а также о социал-демократах (вернее, о группе “Освобождение труда”).

Основная группа моих слушателей была студентами Казанского университета, отчасти и Ветеринарного института, но нередко бывали случаи, когда приходила молодежь, фамилий которых я и не знал. В тогдашней Казани было несколько кружков, смутно догадывавшихся о существовании друг друга. Но зато в самих кружках – в целях конспирации – создавалось положение, при котором фамилии участников оставались неизвестными друг другу. Лишь теперь я узнал, что в числе моих слушателей в конспиративном кружке в Казани в зиму и весну 1888/89 г. был Ленин».

Если прочесть брошюру М.Л. Мандельштама «Интеллигенция как категория капиталистического строя», изданную им в Казани зимой 1890 года, то станет понятным, почему Ленин мог шутя назвать его лекцию «мутной»: достоинства и недостатки автора брошюры вполне очевидны. Но сам Михаил Львович на упрек в «мутности» ответил весьма остроумно: «При всей “мутности” моих лекций, именно они впервые направили Ленина на изучение Маркса. Полагаю, что это не так плохо, и что даже если б это было единственным результатом моей работы, то моя политическая жизнь была бы оправдана...

Другой мой слушатель, ныне уже старый большевик, Стопани, так отзывался о тех же лекциях: “Первый ценный урок из кладезя марксизма большинство нашей группы молодых студентов получили от обладавшего достаточной по тому времени марксистской эрудицией присяжного поверенного М.Л. Мандельштама (потом левый кадет в Москве)”».

Но Мандельштам тут же самокритично добавляет: «Ленин был прав, назвав мои лекции “мутными”. Не говоря уже о том, что в то время русский марксизм был в зародыше, на моем марксизме не могла не отразиться еще идеология “Народной воли”... Мы не имели ни программы, ни руководителей, ни даже литературы. Мы должны были сами прокладывать себе путь»¹⁴⁷.

Организационно Владимир не входил ни в кружок Четверговой, ни в кружок Мандельштама. Он продолжает заниматься самостоятельно, общаясь с теми, кто, подобно ему, осваивал марксистскую теорию. На этой почве складывается свой круг товарищей. И Анна Ильинична утверждает, что «в этом кружке руководителя не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу»¹⁴⁸.

«Капитал» Владимир штудировал по русскому изданию 1872 года. «Нищету философии» с сестрой Ольгой читали на французском. Но более всего приходилось переводить Маркса и Энгельса с немецкого. Чтение отдельных работ не давало, однако, цельного представления о марксизме. И вот в ту же зиму 1888/89 г. ему попадает в руки программа, составленная Федосеевым.

Подобные программы являли собой в те годы особый и весьма почитаемый вид нелегального творчества революционеров. Их начали составлять еще народники. В систематизированном виде давались списки – зачастую довольно подробно аннотированные – по самым различным вопросам, в том числе по философии, политэкономии, истории, естествознанию, а также перечень художественной литературы; все это должно было способствовать выработке не только научного, но и социально-этического «цельного мировоззрения».

Марксистские программы такого рода пытались создать в те годы во многих городах – в Петербурге, Киеве, Тамбове, Челябинске. В Уфе ее писал ссыльный В.Н. Крохмаль. В Харькове – Ф.А. Липкин-Череванин. В Вологде – будущий философ Н.А. Бердяев¹⁴⁹. Но в Поволжье наиболее известной стала «Казанская программа», составленная Н.Е. Федосеевым осенью 1888 года¹⁵⁰.

А.М. Горький, посещавший федосеевский кружок и получивший эту программу от Николая Евграфовича, рассказывал Валентинову в 1915 году: «Каталог Федосеева был, на мой взгляд, кладезем премудрости, но я не интересовался тогда марксистской теорией, к тому же сей каталог мне был не по зубам. Я повертел его, перелистал... и отослал его обратно»¹⁵¹.

Но когда в 1908 году на Капри Горький рассказал об этом Ленину, тот ответил, что «лучшего пособия в то время никто бы не составил» и именно эта работа Федосеева, содержащая, помимо Маркса и Энгельса, конспект основных изданий группы «Освобождение труда», оказала ему «огромную услугу» и открыла «прямой путь к марксизму»¹⁵².

Если это так, то становится понятным, почему 17-летнего Федосеева Ленин всегда уважительно называл только по имени и отчеству, а в конце жизни – зимой 1922 года – написал, что «для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние

этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»¹⁵³.

Радек, передавая слова Ленина, писал, что прочитанный до того «Капитал» Маркса открыл Владимиру «новый мир, но он не нашел там еще ответа на специально русские вопросы»¹⁵⁴. Теперь издания группы «Освобождение труда», и прежде всего работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», приблизили его к ответам и на эти вопросы. Читанное у Маркса постепенно как бы обретало российскую почву.

Остается добавить, что к разработке «Казанской программы» был, видимо, причастен еще один человек. «В 1888 году, – вспоминал М.Г. Григорьев, – все настойчивее среди молодежи начал проявляться в Казани интерес к имени Маркса, причем в связи с разговорами о марксистском направлении начали произносить не вполне конспиративно и имя Н.Е. Федосеева и очень конспиративно имя литератора и статистика П.Н. Скворцова»¹⁵⁵ – одного из пионеров российского марксизма, первым бросившего перчатку народничеству в легальной прессе.

В достаточно пестрой галерее марксистов этого поколения Павел Николаевич представлял собой фигуру достаточно яркую и колоритную. «Аскет, – пишет знавший его Горький, – он зиму и лето гулял в легком пальто, в худых башмаках, жил впроголодь и при этом еще заботился о “сокращении потребностей” – питался в течение нескольких недель одним сахаром, съедая его по три осьмых фунта в день – не больше и не меньше... Он был весь какой-то серый, а светло-голубые глаза улыбались улыбкой счастливого, познавшего истину в полноте, недоступной никому, кроме него. Ко всем инаковерующим он относился с легким пренебрежением, жалостливым, но не обидным»¹⁵⁶.

С марксизмом Скворцов познакомился под влиянием киевского профессора Н.И. Зибера, воспринявшего экономическую теорию Маркса, но оставившего в тени его революционные выводы. Изучение «Капитала» стало буквально страстью Павла Николаевича. Он знал «чуть ли не наизусть

целые страницы и мог часами составлять разные схемы, следуя за формулами, набросанными Марксом»¹⁵⁷.

Именно он и помог Федосееву в более углубленном изучении марксистской теории. Находясь под надзором полиции и работая статистиком в казанском, а затем нижегородском земстве, Павел Николаевич писал статьи для «Волжского вестника», «Казанского биржевого листка», в столичные издания, и его выводы о путях развития капитализма в России, о дифференциации российского крестьянства, наносившие удары по признанным столпам народничества, имели самый широкий резонанс, особенно в Поволжье. А когда в 1893 году Скворцов сумел переслать некоторые свои статьи Энгельсу, его авторитет в российской марксистской среде еще более возрос¹⁵⁸.

Исследователь Г.Л. Бешкин, встречавшийся с Павлом Николаевичем в 1929 году, писал: «Чуждачества Скворцова проистекали от того, что он постоянно вел жизнь «умственного пролетария»; перебиваясь изо дня в день случайной работой, заменяя нередко обеды табаком и прогулкой, он производил странное впечатление на сталкивавшихся с ним людей своими нигилистическими манерами, скромной, иногда небрежно напяленной рубахой, окруженный облаками табачного дыма, постоянно суетящийся над своими статистическими исследованиями... Он подходил к марксизму как к Евангелию, которое открыло истину»¹⁵⁹.

В 1904 году, когда Ленин стал говорить молодым большевикам о том, что он «начал делаться марксистом после усвоения 1-го тома “Капитала” и “Наших разногласий” Плеханова», Валентинов спросил его: «Когда это было?» И услышал: «Могу вам точно ответить: в начале 1889 года, в январе»¹⁶⁰.

Тогда, в Казани, ощущение постижения им «великой истины» глубоко волновало Владимира. «Помню, – рассказывает Анна Ильинична, – как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые

она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам»¹⁶¹.

И это – не только «рациональное», но и «эмоциональное» чувство – осталось на всю жизнь. Зимой 1917 года Ленин напишет Инессе Арманд: «Я все еще “влюблен” в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это – настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»¹⁶².

Самара

Новые связи и контакты Владимира не остались незамеченными полицией. Негласный надзор усилился, и губернское жандармское управление зафиксировало его «знакомство с подозрительными лицами», а также с «личностями, замеченными в политической неблагонадежности». Отметили и его принадлежность к «марксистскому направлению».

Домой своих новых знакомых Владимир, как правило, не водил, догадываясь, что за ним следят. Да и мать не хотел беспокоить. Но она очень быстро поняла, что сыну вновь грозит опасность.

В январе 1889 года по доверенности, полученной от Ульяновых, жених Анны Ильиничны Марк Тимофеевич Елизаров покупает хутор близ деревни Алакаевки Богдановской волости Самарского уезда и губернии. За 83,5 десятины большей частью непахотной земли и мельницу, сдававшуюся в аренду местному крестьянину Алексею Евдокимову, прежнему владельцу хутора золотопромышленнику К.М. Серебрякову было уплачено 7 тысяч 500 рублей, то есть все деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске, и часть накоплений.

Совершая эту покупку, мать втайне надеялась, что в случае, если Владимиру так и не дадут возможности получить высшее

образование, он вместе с Марком Тимофеевичем – урожденным крестьянином – увлечется ведением хозяйства и это станет не только подспорьем в семейном бюджете, но и отвлечет от «нежелательных знакомств».

Впрочем, в апреле 1889 года Мария Александровна вновь предпринимает попытку добиться разрешения на выезд Владимира за границу для продолжения учебы. Он проходит медицинское обследование и 29 апреля получает справку, подписанную профессором Казанского университета Николаем Ивановичем Котовщиковым, о том, что страдает болезнью желудка и нуждается в лечении щелочными водами за границей. Соответствующее прошение о выдаче загранпаспорта подается губернатору. И уже 14 июня следует категорический отказ: «Лечиться можно и на Кавказе».

Однако адресата он в Казани уже не застал. 3 мая семья Ульяновых уехала в Алакаевку. И, надо сказать, вовремя.

В мае в Казани начинаются обыски и аресты. А 13 июля в деревне Ключищи арестовывают Н.Е. Федосеева, потом еще нескольких «кружковцев», ходивших к М.П. Четверговой.

Николая Евграфовича более чем на двухлетний срок бросают в тюрьму. И позднее Ленин, не без основания, напишет: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, – между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»¹⁶³.

Но, уйдя от ареста, Владимир так и не избежал полицейского надзора. «4 минувшего мая, – сообщали самарские жандармы в Департамент полиции, – прибыла состоящая под гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Анна Ульянова на хутор при дер. Алакаевке... Вместе с ней прибыли ее мать, сестры Ольга и Марья, брат Владимир, состоящий под негласным надзором полиции, и бывший студент, сын крестьянина Марк Тимофеевич Елизаров, человек сомнительной политической благонадежности. У Ульяновых

Елизаров состоит в качестве доверенного по делам и управляющего их хозяйством»¹⁶⁴.

«Управляющим» Марк Тимофеевич, конечно, не был, но, как человек более опытный, он действительно взял на себя обустройство хутора. Тем более что именно в это время он стал полноправным членом семьи Ульяновых.

С Александром и Анной Ульяновыми Марк познакомился еще в Петербурге, в поволжском землячестве, когда учился в университете. В 1886 году, после его окончания он проработал год в столице, а в 1887-м вернулся в Самару, где поступил на службу в Казенную палату. Роман с Анной у него начался еще в Питере. И вот теперь решили сыграть свадьбу. 28 июля в соседнем селе Тростянки Владимир присутствовал при их венчании в качестве свидетеля.

Поначалу действительно занялись хозяйством. Купили лошадь Буланку, корову, посеяли пшеницу, гречиху, подсолнух. Но дело не заладилось. И причиной тому была крайняя нищета окрестных крестьян, оставшихся после отмены крепостного права с крошечными наделами, которые никак не могли прокормить их. Кстати сказать, жизнь и быт соседних деревень – Сколково, Заглядино и Гвардейцы – в известном рассказе «Три деревни» блистательно описал Глеб Успенский, гостивший в Сколкове у Сибирякова. Точно так же жили и в Алакаевке, где на 34 двора приходилось лишь 65 десятин пахотной земли. Мизерными были и урожаи: в хорошие годы рожь – сам-4—5, а овес – сам-4¹⁶⁵.

Эта беспросветная нужда неизбежно порождала конфликты вокруг аренды земли, тощая деревенская скотина нередко заходила на хуторские посевы, а судиться с крестьянами за потравы никому из Ульяновых ни малейшего удовольствия не доставляло. И позднее Владимир Ильич рассказывал Крупской: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальными становятся»¹⁶⁶. А когда у Ульяновых украли корову, то решили, что с этим «фермерским опытом» надо кончать, и на следующий год сдали всю землю в аренду некоему Крушвицу.

Вот так на протяжении последующих четырех лет Алакаевка и стала для Ульяновых постоянной и любимой «летней резиденцией». Преобладающим элементом здешнего ландшафта была степь. Но именно под Алакаевкой начинался так называемый Муравельный лес, где было много дикой малины. А дальше – Гремячий лес, где можно было и поохотиться.

Жили в старом одноэтажном деревянном доме, к которому примыкал густой и запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. Минутах в десяти от дома, у мельницы, был пруд, куда ходили купаться.

В саду у каждого был свой уголок. «Олин клен», говорили Ульяновы, и верно – у старого клена, обычно с книгой, можно было застать Ольгу. Анна больше любила березовую аллею. В тени старых лип устроил свой «кабинет» Владимир: врыли в землю дощатый стол, скамейку, соорудили турник. Здесь он проводил время за книгами: до обеда читал университетские курсы, после – политическую литературу или беллетристику. Именно тогда у него появилась привычка ходить во время работы, обдумывая прочитанное, и очень скоро он протоптал в своем «кабинете» дорожку в 10–15 шагов.

Вечерами на крыльце ставили самовар, зажигали керосиновую лампу и либо читали – иногда вслух, – либо пели. Особой популярностью пользовались романсы. Например, «У тебя есть прелестные глазки» на слова Гейне или «Свадьба» Даргомыжского, которые под аккомпанемент Ольги пел Владимир. А иногда дуэтом они пели «Нелюдимо наше море...» Языкова. Нередко складывался и общий семейный хор, где тон задавал Марк Елизаров¹⁶⁷.

Мария Александровна радовалась, что все так ладно и спокойно и что Владимир, несмотря на все отказы, столь серьезно относится к будущим университетским экзаменам.

Но надежды матери на то, что переезд в самарскую глушь оградит и Анну, и Владимира от «нежелательных знакомств», не оправдались. Алакаевка давно уже была «засвечена» полицией, ибо золотопромышленник Серебряков славился не только своими

деньгами, причудами, но и связями с революционными кругами, которым он время от времени оказывал и материальную помощь.

В середине 70-х годов он решил опробовать в Самарской губернии самые современные европейские способы ведения сельского хозяйства и для этого выписал из-за границы английские паровые плуги, сеялки, молотилки и другой инвентарь. Сюда потянулись студенты-колонисты, особенно из числа поднадзорных, желавшие «сесть на землю». Но в этой, одной из самых бедных тогда российских губерний и у Серебрякова дело не пошло. Паровые плуги ржавели по оврагам, а землю он стал распродавать.

Алакаевку купили Ульяновы, а рядом – в трех верстах – на хуторе Шарнель в 100 десятин земли поселилась студенческая коммуна, описанная в 1890 году Петропавловским-Карониным в журнале «Русская мысль» под названием «Борская колония».

Бывший студент Казанского университета, изгнанный из него за участие в беспорядках, Дмитрий Гончаров, земляк Ульяновых, хорошо знавший Илью Николаевича, стал заходить к ним в гости. Он же познакомил с Владимиром и одного из «коммунаров» – народника Алексея Преображенского. А когда 5 сентября Ульяновы переезжают из Алакаевки в Самару, количество такого рода знакомых начинает расти буквально с каждым днем.

Так уж случилось, что Самара была излюбленным местом высылки и поселения после отбытия наказания многих видных народников. Здесь в это время жили такие ветераны движения, как Иван Красноперов, пытавшийся поднять крестьянское восстание в Казанской губернии в 1863 году; Николай Долгов, осужденный по «нечаевскому делу» в 1871-м; Василий Филадельфов и Александр Ливанов, привлекавшиеся по известному «процессу 193-х» в 1878-м; Григорий Клеменц, проходивший по «делу 1 марта 1881 года»; Мария Голубева-Яснева, входившая в группу «якобинцев» П. Зайчневского. Было здесь много и народнической молодежи, студентов, высланных за участие в беспорядках.

Появление в Самаре Ульяновых вызвало в этой среде всеобщее сочувственное внимание. А.И. Самойлов, вполне либеральный земский начальник, познакомившись с Анной и Владимиром, писал, что они сразу же произвели большое впечатление, и, «может быть, это впечатление усиливалось и тем ореолом мученичества, который среди интеллигенции того времени окружал казненного незадолго перед тем А.И. Ульянова и естественно распространился и на его семью».

С ветеранами, прошедшими через тюрьмы и каторгу, отношения сложились самые добрые. К Красноперову Владимир заходил в губернскую земскую управу, чтобы побеседовать о статистических обследованиях крестьянского и помещичьего землевладения. К Ливанову – на чашку кофе или какао, которые по особому рецепту готовила его супруга Виктория Юлиановна. Долгов сам захаживал к Ульяновым поиграть в шахматы. И когда в Самару выслали Марию Голубеву, он долго объяснял ей, что Владимир Ульянов – истинный демократ «и в одежде, и в обращении, и в разговорах, ну, словом, во всем».

Владимир слушал их рассказы о народниках и народолюбцах, о приемах революционной борьбы и методах конспирации, о судебных процессах и условиях тюремного сидения. А когда они начинали ворчать на «марксист», обвиняя их в искусственной пересадке «европейского учения» на российскую почву, Ульянов отвечал, стараясь не обидеть «стариков».

Их действительно можно было пожалеть. Именно в это время моральный авторитет старого народничества был изрядно поколеблен. В 1888 году один из лидеров «Народной воли», член ее Исполкома, соратник Желябова и Перовской, главный редактор «Вестника Народной воли» Лев Александрович Тихомиров подал на высочайшее имя прошение о помиловании и выпустил в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером».

В литературе, принадлежащей перу ренегатов, эта брошюра по казуистике и в то же время банальности аргументации занимает виднейшее место. Сегодня она читается с особым

интересом... В общем, не захват власти, а приобщение к власти, сотрудничество с ней способно принести благо народу – эта, как выражался Салтыков-Щедрин, «премудрость вяленой воблы» и стала главной идеей, сформулированной Тихомировым.

Ответил ему Г.В. Плеханов. В 1889 году он опубликовал статью «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова». Пример Тихомирова, писал Плеханов, «останется классическим примером человека, который не столько *изменил свои убеждения*, сколько *изменил своим убеждениям*». Он старается доказать, что «был революционером лишь по вине других, лишь благодаря тому, что все наши образованные люди отличаются крайне нелепыми привычками мысли, а перестал быть революционером г. Тихомиров благодаря выдающимся особенностям своего “созидательного” ума и замечательной глубине своего патриотизма... В жалобах г. Тихомирова на неприятности, пережитые им от революционеров по поводу его “эволюции”, сквозит гордое сознание своего превосходства. Он умнее других... Но г. Тихомиров жестоко ошибается. Своей “эволюцией” он обязан лишь своей *неразвитости*. Горе от ума не его горе. Его горе есть *горе от невежества*»¹⁶⁸.

В демократической среде вся эта история наделала много шума. Спорили до хрипоты и до драк. И главным оставался все тот же вопрос – о «захвате власти».

Уже упоминавшаяся Мария Петровна Голубева была старше Владимира почти на 10 лет и вступила в революционное движение еще в 1881 году. После знакомства они подружились, стали встречаться довольно часто и у Ульяновых, и у нее. И Мария Петровна решила «обратить его в якобинскую веру». Но «Владимир Ильич спокойно и уверенно развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно опровергал меня. Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти» – ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять – на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ не есть нечто

цельное и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п.»¹⁶⁹.

Судя по всему, шутками не ограничилось, ибо в работе, начатой Ульяновым в Самаре как раз в эти годы, он написал, что среди российских революционеров были и те, кто вел борьбу с правительством «во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время, – заключал Владимир Ильич, – эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит»¹⁷⁰.

Кончилось тем, что со временем не Голубева Ульянова, а он ее «обратил в свою веру».

«Старики» ворчали на молодежь и по-своему были правы. Молодежь действительно была уже «не та». Самарец Матвей Семенов, бывший студент Петровской сельхозакадемии, уже имевший за плечами опыт «хождения в народ», арест и ссылку, писал, что в конце 80-х годов народничество уже «не вызывало энтузиазма в своих адептах». О том же писал и Алексей Преображенский: «К этому времени я уже успел в достаточной степени разочароваться в прирожденной преданности крестьянства коммунистическим идеям и, сколько могу судить, относился к крестьянству без иллюзий и предрассудков». И фраза Семенова о «смутном чувстве неудовлетворенности» и о том, что они «в сущности были на распутье», довольно точно характеризовала настроения радикальной молодежи.

С ее самарскими лидерами Владимир Ильич познакомился сразу же после приезда из Алакаевки. Первым был Вадим Андреевич Ионов – приятель Марка Елизарова. Он был старше Владимира Ильича, считался народовольцем, но более всего интересовался вопросами развития капитализма в России. Жил он в основном в Сызрани, но часто наезжал в Самару и пользовался среди здешней молодежи большим авторитетом.

Сблизился Ульянов и с другим приятелем Елизарова – Алексеем Павловичем Скляренко (Поповым). Был он одногодком Владимира Ильича, но уже успел отбыть годичное заключение в московских Бутырьках и питерских Крестах. «Он для нас, юнцов, –

писал Дмитрий Ульянов, – был окружен какой-то особой таинственностью», и его кружок охотно посещали гимназисты, семинаристы, ученицы фельдшерской школы. Импонировала даже его внешность: высокий, сильный, в студенческой фуражке на затылке, косоворотке, темных пенсне, криво сидевших на его носу, с неразлучной суковатой палкой в руках – Алексей имел вид типичного «нигилиста» старых времен.

Познакомился Владимир Ильич и с сыном генерал-майора Аполлоном Александровичем Шухтом. Бывший воспитанник Царскосельской гимназии, затем Николаевского кавалерийского училища, а позднее – строительного училища, Аполлон оказался косвенно причастен к делу Александра Ульянова, и его выслали в Западную Сибирь на три года, а потом – под надзор – в Самару.

Среди новых знакомых Владимира Ильича был и Вильгельм Адольфович Бухгольц, прусский подданный, отец которого служил в Самаре на железной дороге. В свое время он учился в Самарской гимназии, а затем в Петербургском университете вместе с Марком Елизаровым, но в 1887 году был выслан из столицы за участие в студенческих беспорядках. Сюда же выслали и еще одного знакомого – Викентия Викентьевича Савицкого, исключенного из Казанского университета одновременно с Владимиром Ильичом¹⁷¹.

Через Скляренко познакомился он с ученицами фельдшерской школы Марией Лебедевой и Аней Лукашевич. И если первая, приехав из сибирской глуши, лишь в Самаре узнала о «политике» и «политиках», то вторая уже имела опыт подпольных кружков в Вильно¹⁷².

Среди молодых людей, привлеченных Скляренко, были и дети весьма состоятельных самарских купцов, такие как бывший студент Московского университета А.Г. Курлин и студент Петровской академии А.И. Ерамасов. Александр Курлин давал свою квартиру для проведения собраний и вечеринок, но, когда спустя годы вступил во владение миллионами, «на революцию», как выражались тогда, не дал ни копейки. Стал известным кутилой и слегка либеральным председателем Самарского

биржевого комитета. А вот с Алексеем Ерамасовым связь сохранилась на всю жизнь¹⁷³.

Были среди знакомых Владимира Ульянова и те, кто к «марксистам» вообще не имел никакого отношения. Например, художник Ф.Е. Буров, к которому Владимир заходил и в мастерскую, и на выставки¹⁷⁴. Часто – по четвергам или пятницам – бывал он и у уже упоминавшегося старого знакомого Ульяновых, первоклассного шахматиста, присяжного поверенного Андрея Николаевича Хардина, принимал участие в организованных им шахматных турнирах¹⁷⁵. Заглядывал Ульянов и на студенческие вечеринки на квартире зубного врача А.А. Кацнельсон, где в обязательном порядке танцевали «всеобщую, прямую и явную кадрили».

Впрочем, шумных студенческих сборищ (не только с танцами, но и с бесконечным «трепом» на политические темы) он избегал, ибо заканчивались они, как правило, пьянками. А уже в эти годы у него стала проявляться вполне определенная черта, о которой Матвей Семенов написал: «Владимиру Ильичу была чужда еще в молодости всякая богема, интеллигентская распушенность, и в его присутствии мы все, входившие в кружок, как бы подтягивались... Фривольный разговор, грубая шутка в его присутствии были невозможны».

О характере этого кружка Вильгельм Бухгольц писал: «Так как эти собрания не созывались для какой-либо определенной революционной цели, то их, соответственно, нельзя называть собраниями “революционного кружка”. Скорее это был типичный для того времени кружок “саморазвития”. Подавляющее большинство его участников еще недавно причисляли себя к убежденным народникам, и даже Скляренко считался «отчаянным вевистом», то есть поклонником В. Воронцова. И вот теперь, шаг за шагом, они осваивали новую теорию, которая, как им казалось, укажет «верный путь».

По сравнению с остальными, Владимир Ульянов был уже более «зрелым» марксистом. Но, как писал тот же Бухгольц, он «не производил впечатления товарища, желающего играть роль вожака или вообще чем-либо выделяться из рядовых товарищей.

Верно и то, что он не пытался себя как марксист противопоставлять другим».

Новые друзья стали более или менее регулярно встречаться, обсуждать интересующие их проблемы, новые книги. Поначалу решили заниматься по уже известной нам «казанской программе». Начиналась она с ознакомления с этикой. И вот весной 1890 года на одной из встреч, которая происходила в лодке на реке Самарке, заслушали доклад Бухгольца «Основы этического учения о благах». Между ним и Владимиром Ильичом произошел спор: существует ли «абсолютное благо» на все случаи жизни и на все времена? – вот вопрос, который поставил Ульянов. И продемонстрированный им диалектический метод анализа, казалось бы, общеизвестных понятий произвел на всех большое впечатление.

Чаще всего собирались на квартире Скляренко, которую он снимал вместе с фельдшерицей Марией Лебедевой. Ходили и в Струковский сад, где у «марксят» была своя особая скамейка. Впрочем, Скляренко, которого прозвали «доктором пивоведения», любил затащить друзей и в знаменитый павильон Жигулевского пивоваренного завода, живописно расположенный на крутом берегу Волги. «Посетители там были необычайно разнообразные, и было что посмотреть: и купец, и хлебный маклер, и крючник, и масленщик, и матрос с парохода, и мелкий торговец, и какой-нибудь служащий земской управы, и ломовой извозчик, и компания чиновников, и разночинец-интеллигент, и самарский хулиган-“горчишник” – бесконечный калейдоскоп разнообразных по своему положению людей»¹⁷⁶.

А вечером на спусках к реке зажигались костры – это бурлаки, грузчики, мельничные рабочие, прихватив «полдиковинную» (полбутылки водки), ужинали арбузами, воблой или варили уху. «К такой компании рабочих, – вспоминал Матвей Семенов, – можно было подсесть и чужому прохожему человеку и завести разговор»¹⁷⁷.

Однажды Владимир так и поступил... Передавая воспоминания Владимира Ильича, Карл Радек со свойственным ему юмором писал: «Познакомился он с каким-то чернорабочим,

которого начал пропагандировать. Чернорабочий выпивал немножко, был сентиментален и с большим удовольствием прислушивался к рассказу Ильича о политике, эксплуатации и угнетении. Владимир Ильич привел его на квартиру, чтобы ему прочесть одну брошюру. Попили чайку, Ильич читал брошюру и за каким-то делом вышел в другую комнату. Когда вернулся, не нашел уже объекта своей пропаганды. Не успел он задуматься над этим неожиданным результатом своего хождения в народ, как заметил, что вместе с униженным и оскорбленным исчезло его пальто»¹⁷⁸.

28 октября 1889 года – в который уже раз! – Владимир пишет министру просвещения И.Д. Делянову. Он опять просит разрешить сдавать экстерном экзамены при любом российском высшем учебном заведении, ибо, «крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью», «я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности найти занятие человеку, не получившему специального образования».

Министр направил запрос в Департамент полиции и от его директора П. Дурново получил ответ: «Замечался в сношениях с лицами политически неблагонадежными». Сделав на письме Ульянова пометку «Он скверный человек», Делянов отклонил прошение, и в конце декабря 1889 года Самарское полицейское управление вручило отказ Владимиру¹⁷⁹.

Тогда Мария Александровна решается на отчаянный шаг. В мае 1890 года она едет в Петербург, где подает прошение в Департамент полиции и добивается приема у министра просвещения. Что она говорила Делянову? Сохранилось ее письмо, написанное ему 17 мая в Петербурге:

«Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы... Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго уже лежащую на нем кару, что кара эта, вообще, не позволяет ему как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие. Такое бесцельное существование без всякого дела не может не

оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, – почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве. Я, говоря иначе, прошу именно о сохранении мне жизни сына».

И вот 19 мая Делянов пишет резолюцию: «Можно допустить к экзамену в Университетской комиссии». А в конце июля приходит и разрешение на сдачу экзаменов экстерном при Петербургском университете¹⁸⁰.

Уже в августе 1890 года вместе с сестрой Ольгой Владимир едет в Петербург. Ольга поступает на Высшие Бестужевские женские курсы, а Владимир наводит справки о порядке сдачи экзаменов. Именно тогда Ольга и знакомит его с Василием Водовозовым – сыном известной писательницы Е.Н. Водовозовой. В свое время он был знаком с Александром и Анной Ульяновыми, в 1887 году его выслали в Шенкурск, и теперь он приехал в Питер тоже для сдачи экзаменов экстерном.

«Нужные справки, – пишет Водовозов, – я, конечно, дал и даже провел Вл. Ульянова на экзамен, который мы тогда сдавали. Там была большая толпа – человек около 400, – Ульянов затерялся в ней и просидел несколько часов, прислушиваясь и присматриваясь»¹⁸¹.

Сдача экзаменов экстерном представляла немалые трудности. Помимо того что среди данного контингента было достаточно много «неблагонадежных», профессура опасалась и слишком поверхностных знаний. Михаил Цвибак, изучавший этот вопрос, писал: «К ним и профессора относились с особым недоверием и предубеждением, спрашивая и пытая гораздо серьезнее, чем студентов, кроме того, экстерны не могли знать хорошо местных условий, и им для одинакового со студентами ответа надлежало проделать гораздо большую работу, чем студентам. Экстернам редко-редко удавалось получать при сдаче хорошие отметки».

И вот 4 апреля 1891 года, сдав предварительное письменное сочинение по уголовному праву и уплатив 20 рублей в пользу испытательной комиссии, Владимир Ульянов является на экзамен по истории русского права. Билет: положение холопов обельных

по «Русской Правде» и холопов всех категорий московского времени. Оценка ответа: «весьма удовлетворительно», то есть высший балл. На следующий день – экзамен по государственному праву: сословные учреждения дворянства и крестьянское самоуправление. И опять высшая оценка. «Экзамены оказываются очень легкими... Обедать он ходит каждый день...» – писала 8 апреля Ольга Ульянова, успокаивая мать.

10 апреля – политическая экономия и статистика. Вопросы: о формах заработной платы и о германском статистике и государственном Конринге. Через неделю – экзамен по энциклопедии и истории философии права. Вопрос: сочинения Платона о законах. 24 апреля – история римского права. Вопрос: законы, издаваемые выборными властями. И по каждому из этих предметов вновь высший балл. На этом весенняя сессия заканчивается.

Одновременно очередные экзамены по алгебре, геометрии, химии и физике сдает на Высших Бестужевских курсах сестра Ольга. В свободные часы они вместе гуляют по столице. Весна в том году припозднилась, и они ходят на набережную Невы смотреть ледоход, делятся планами на лето. После экзаменов Ольга с подругой тоже собиралась в Алакаевку...

Но в конце апреля она совершенно неожиданно заболевает брюшным тифом. Поначалу врачи обещают вполне благополучный исход, но тиф осложняется рожей. Владимир немедленно вызывает из Самары мать. И 8 мая, спустя четыре года после казни брата – день в день – на руках у Марии Александровны и Владимира Ольга умирает.

10 мая, «в ветреный и сырой питерский день», ее хоронили.

«Я осторожно вела под руку мать Оли, – вспоминала Зинаида Невзорова-Кржижановская. – С другой стороны ее поддерживал Владимир Ильич... Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом. Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову: смерть мужа, страшная гибель

старшего сына Александра и теперь неожиданная смерть дочери. Слишком много для одного человека. А она шла тихая, молчаливая, натянутая, как струна, крепко сжав губы. И мы все молчали».

Пройдет около 9 лет, и в один из драматических моментов своей жизни, когда чуть было не прервались отношения с Плехановым, Ленин напишет: «Мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека]. До такой степени тяжело было, что, ей-богу, временами мне казалось, что я расплачусь. Когда идешь за покойником, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния». Такого не напишешь, не пережив всю боль и горечь безвременной утраты близкого человека.

Новая сессия экзаменов началась в сентябре. После письменного сочинения на тему из области права первым устным экзаменом было уголовное право. Владимиру достались вопросы: о защите в уголовном процессе и о краже документов. Следующий экзамен – по догме римского права. Вопросы: о дарении, отношениях, из него вытекающих, и о влиянии времени на происхождение и прекращение прав.

В октябре – третий и четвертый экзамены: по гражданскому и торговому праву вместе с судопроизводством. Вопросы: об исполнении, купле-продаже, поставке, то есть о видах передаточных договоров и о торговых книгах. Пятый и шестой экзамены – по полицейскому и финансовому праву. Вопросы, соответственно, о науке полиции и ее содержании и о государственном бюджете и его составлении и исполнении.

В ноябре – два последних экзамена: по церковному и международному праву. Вопросы: об истории русского церковного законодательства и о праве нейтралитета. За сочинение и все устные экзамены этой сессии Владимир вновь

получил высшие оценки и из 134 экзаменовавшихся кончил первым в выпуске.

15 ноября 1891 года юридическая Испытательная комиссия С.-Петербургского университета присудила В.И. Ульянову диплом первой степени, соответствующий прежней степени кандидата прав¹⁸².

Голод

В 1891 году в России начался голод. И хотя он охватил лишь 17 губерний Поволжья и Черноземного центра с населением около 30 миллионов человек, голод стал проявлением глубокого общенационального кризиса, сравнимого по значению разве что с поражением в Крымской войне¹⁸³.

Сбор хлебов оказался в этом году наполовину ниже, чем в предшествующие – тоже весьма скудные – годы. А поскольку недород совпал с полным истощением крестьянского хозяйства, страдавшего от безземелья, кабальной аренды, непосильных налогов и выкупных платежей, голод стал следствием не столько погодных условий, сколько социально-экономических процессов, происходивших в российской деревне после 1861 года.

Продовольственная ситуация, ставшая вполне очевидной уже в начале лета 1891 года, требовала энергичных правительственных мер. Но чуть ли не до осени бюрократия делала все для того, чтобы замолчать и приуменьшить народное бедствие. Предложение министра внутренних дел И.Н. Дурново об ограничении свободной торговли зерном и вывоза его за границу, а также о срочном создании единого правительственного органа по закупке хлеба было Советом министров отвергнуто, дабы не ущемлять интересов экспортеров – господ помещиков¹⁸⁴. А сам Александр III категорически заявил: *«У меня нет голодающих, а есть только пострадавшие от неурожая!»* Голод как бы перешел на нелегальное положение. И в ходу была крылатая фраза: *«Неурожай от Бога, а голод – от Царя!»*¹⁸⁵

А между тем с мест поступали самые тревожные вести. Священник Бузулукского уезда Самарской губернии писал в епархиальный комитет, что «во вверенном ему приходе голод уже достиг крайних пределов. В августе население питалось остатками от скудного урожая. В начале сентября распродали за бесценок домашний скот, чтобы прокормиться. С половины сентября – есть буквально нечего. Изнуренные голодом люди с утра до вечера бродят из дома в дом, выпрашивая милостыню, и возвращаются к своим семействам с пустыми сумами: милостыни уже никто не подает». Из Рязанской губернии сообщали о том же: «Едят лебеду вместо хлеба, но и лебеда уже к концу, а впереди почти год, страшный, голодный, холодный. Ни картофеля, ни капусты, ни огурцов; скотину кормить нечем, топить тоже нечем, нет ни мякины, ни соломы, даже побираться идти некуда... Положение безвыходное... “Лучше смерть”, – говорят многие»¹⁸⁶.

Лишь когда катастрофа стала фактом, вывоз хлеба за границу был запрещен, а все дело продовольственной помощи голодающим губерниям правительство передало земствам на места, где не было ни достаточных средств, ни зерновых запасов. Пострадавшему населению решили помогать двумя способами: нетрудоспособным по младенчеству или по старости выдавать, по мере возможности, ссуду хлебом, а трудоспособным – от 15 до 55 лет – кормиться за счет заработка на общественных работах, организуемых губернаторами.

Однако в результате бездарной организации дела и прямого казнокрадства общественные работы, на которые из казначейства было отпущено 10 млн рублей, цели не достигали. В той же Самарской губернии голодных и обессиленных крестьян заставляли своим инструментом рыть канавы, засыпать овраги и строить грунтовые дороги. Делалось это без всякого продуманного плана. По утрам часами стояли они у дома губернатора или у квартиры руководителя работ инженера Перцева в ожидании наряда, а вечером – ради получения денег. Заработок же составлял в лучшем случае лишь 10–15 копеек в

день – вдвое меньше, чем платили за ту же работу обычным землекопам¹⁸⁷.

В конечном счете из ассигнованных всем голодающим губерниям 10 млн рублей до крестьян в виде заработной платы дошло менее трети отпущенной суммы¹⁸⁸. Остальные деньги осели в карманах чиновников и подрядчиков.

Столь же плачевно завершилась и история с выдачей продовольственных ссуд. По предварительным оценкам, для серьезной помощи голодающим требовалось около 300 млн рублей. Правительство ассигновало 48 млн, но до зимы отпустило лишь 20. Поэтому на закупку хлеба земства получили минимум: нижегородское земство испрашивало ссуду в 8,2 млн, а получило 2,8; саратовское – вместо 9,5 млн – 2,5; самарское просило 9,8 млн, а дали 4,4 и т. д.¹⁸⁹

А дальше – дальше началась обычная российская история. Получив ссуду, расторопные земцы передали закупки продовольствия спекулянтам-хлеботорговцам. В той же Самаре они втридорога переплатили купцу Шихобалову почти 1,5 млн рублей за 12 тысяч пудов порченной муки, оказавшейся непригодной для выпечки хлеба. С оставшимися миллионами – для закупки хлеба в южных губерниях – направили члена губернской управы Дементьева. После двухмесячного пребывания на юге он зерно доставил, но опять-таки, как писал «Волжский вестник», с солидной (до 30 %) примесью сорняков, «песку и даже мелких камешков»¹⁹⁰.

Нечто подобное происходило и в других губерниях. Так что помощь оказалась весьма недостаточной. Даже в апреле 1892 года, когда выдача ссуд приобрела наибольший размах, их получили лишь 11,8 млн человек, то есть около трети пострадавшего населения¹⁹¹. И это притом, что размеры ссуды никак не спасали от голодной смерти. Дело доходило до того, что в той же Самарской губернии на нетрудоспособного едока выдавали от одного пуда до 10 фунтов и даже до 3,5 фунта в месяц, или по 14,5 золотника в день¹⁹². И если смертность во всех пострадавших губерниях в 1891–1892 годах увеличилась в

среднем на 28 %, то в Самарской она возросла на 56 %¹⁹³. От еще более худшего уберег транспорт муки, прибывший в губернию весной 1892 года из Америки, и финансовая помощь английских квакеров, которых привезли в Самару граф П.А. Гейден и князья Петр и Павел Долгоруковы¹⁹⁴.

И все это нисколько не мешало сердобольным земским чиновникам щедро вознаграждать друг друга за усердие. «Волжский вестник» сообщал: «Слободскому председателю уездного съезда г. Рассохину земское собрание определило выдать 750 руб. на разъезды, на экипаж и шубу, глазовскому – г. Ку-рептеву на те же предметы – 60 руб., вятскому председателю г. Шубину назначено заимообразно 300 руб. Саратовское уездное земское собрание назначило председателю своей управы г. Абакумову 3000 руб. в виде “награды”. Нашли люди время для наградных подношений! На 3000 руб. 2,5 тыс. пудов хлеба купить бы можно. Аткарское земство назначило 1200 руб. пенсии бывшему мировому судье, а теперь земскому начальнику г. Гордеру, богатому землевладельцу, получающему, кроме того, по новой должности более 2000 руб. в год. Камышинское земство, самое бедное, постановило выдать 3000 руб. награды председателю своей управы г. Ляух».

Прав был Плеханов, когда писал: «Эти ссуды, урезанные до нескольких золотников на едока; эта мука, негодная в пищу; эти “тридцать процентов сору”, перевозимые на земский счет с одного конца России на другой; эти шубы, эти экипажи, эти награды, пенсии и займы, раздаваемые земцами друг другу, – все это есть самое бессердечное, самое бесстыдное издевательство над голодными, соединенное с самым недвусмысленным хищничеством. Недостаточно устранить таких людей от заведования общественными делами, их нужно было бы, по выражению Петра Великого, весьма лишить живота».

Даже если отойти от столь эмоциональных оценок, неспособность бюрократического аппарата эффективно справиться с продовольственной проблемой была достаточно очевидной. Мало того, вся деятельность правительственных и земских продовольственных органов – в силу их

коррупционности – с самого начала довольно-таки дурно пахла. И трудно было сохранить порядочность и, как говорится, не испачкаться, сотрудничая с ними. Поэтому параллельно и как бы в противовес «официальной» помощи с лета 1891 года стала организовываться общественность.

Начало положил Лев Толстой, который – при всем своем неприятии благотворительности – стал создавать в Тульской губернии бесплатные столовые для голодающих. Поначалу правительство решительно выступило против общественности. Его поддержала и наиболее реакционная часть дворянства. Даже знаменитый лирический поэт Афанасий Фет – и тот заявил, что крестьяне не нуждаются в благотворительности, ибо «бедствуют единственно только по своей лени и склонности к пьянству». Но когда общественная помощь, несмотря на противодействие, приобрела достаточно широкий размах, Александр III 17 ноября 1891 года издал на имя своего сына и наследника рескрипт. В нем, во-первых, он публично признал сам факт «недорода хлебных произведений», а во-вторых, учредил «Особый комитет» для руководства всем делом общественной благотворительности во главе с будущим государем Николаем II¹⁹⁵, который опирался прежде всего на губернаторов.

О событиях, происходивших в этой связи в Самаре, рассказывалось в воспоминаниях А.А. Белякова, М.П. Голубева, М.И. Семенова, написанных еще в 20-е годы. Однако в последнее время об этих мемуарах как бы забыли. И в новейших писаниях Волкогонова, Латышева и им подобных, а раньше – в зарубежных статьях Валентинова стали широко использоваться воспоминания В.В. Водовозова, опубликованные им в эмиграции в 1925 году.

Василий Васильевич Водовозов, о котором уже упоминалось в связи с поездкой Владимира Ульянова в Питер в августе 1890 года, прибыл в Самару осенью 1891 года. Рассказав в своих мемуарах о том, как был создан самарский комитет для помощи голодающим, он пишет: «Вл. Ульянов... резко и определенно выступил против кормления голодающих. Его позиция, насколько я ее сейчас вспоминаю, – а запомнил я ее хорошо, ибо мне приходилось не мало с ним о ней спорить, – сводилась к

следующему: голод есть прямой результат определенного социального строя; пока этот строй существует, такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет и роль прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации края. Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции».

Тупое и бесчеловечное доктринерство, приписываемое Владимиру Ульянову, настолько, по известным причинам, устраивало упомянутых выше авторов, что – откинув все иные свидетельства – они приняли именно эту позицию за аксиому, логическим продолжением которой стала позднее, по их мнению, репрессивная политика советской власти по отношению к крестьянству. И поскольку это лживое утверждение получило достаточное распространение, стоит остановиться на мемуарах Водовозова несколько подробнее.

Итак, Водовозов пишет, что, прибыв осенью 1891 года из Архангельска в Самару, он сразу же сблизился с семьей Ульяновых. И уже в этом утверждении есть элемент неточности. Выше упоминалось, что в свое время в Питере он был знаком с Александром и Анной Ульяновыми. И незадолго до ареста Александра он дал ему для перевода статьи Маркса журнал «Немецко-французский ежегодник». Когда же Александра арестовали и над ним нависла смертельная опасность, у Василия Водовозова вырвалось лишь одно: «Как жаль, что такая ценная книга может теперь пропасть...» Об этой реплике в семье Ульяновых знали, и такое не забывается. Потому-то Мария Ильинична и подчеркивает, что в Самаре Водовозов «приходил больше к старшей сестре» Анне, с которой они «читали вместе по-итальянски».

«У этого Водовозова, – вспоминая самарские годы, писал Дмитрий Ильич Ульянов, – была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все

книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией».

Водовозов был старше Владимира Ильича, раньше него окончил университет, благодаря матери был лично знаком со многими знаменитостями, регулярно получал из-за границы революционную литературу, наконец, был сослан не куда-нибудь, а в далекий Шенкурск. И он вполне мог надеяться на то, что ему, а не таким провинциалам, как Ульянов или Скляренко, будут «смотреть в рот» симпатичные фельдшерицы, желторотые гимназисты и недоучившиеся студенты. Но, увы, этого не произошло.

Вспоминая о Водовозове, Мария Голубева пишет: «Это был чемодан, туго набитый книгами, но пользы от этого было мало кому. Мне как-то досадно было, что капитал пропадает даром, и я подбила однажды Водовозова выступить перед самарской молодежью с каким-то рефератом. Насколько мне помнится, он зимой на своей квартире сделал доклад о германской социал-демократии. На этом докладе был и Владимир Ильич. Он выступал как оппонент Водовозова... Особенных резкостей со стороны Владимира Ильича не помню, но помню, что Водовозов остался недоволен этим диспутом. На мой вопрос, почему он редко ходит к Ульяновым, ответил, что у них ему "скучно". И Владимир Ильич, по-моему, мало интересовался обществом Водовозова, ему тоже с Водовозовым было скучно»¹⁹⁶.

Тогда же произошел и более серьезный конфликт. В связи с тем, что саратовский губернатор А.И. Косич, пользовавшийся репутацией либерала, был отправлен в отставку, Водовозов предложил поднести ему адрес от имени политических ссыльных Самары. Ульянов, для которого Косич являлся лишь одним из «российских помпадуров», «очень резко высказался против». И ссыльная молодежь поддержала его¹⁹⁷. После этого Водовозов

все более сближается с самарским либеральным обществом, становится завсегдатаем светских журфиксов, и, когда стал формироваться комитет помощи голодающим, Василий Васильевич вполне естественно оказывается в его составе.

И вот тут мы сразу сталкиваемся с одним весьма существенным умолчанием у тех авторов, которые использовали воспоминания Водовозова.

Дело в том, что злополучный самарский комитет помощи голодающим, о котором пишет Водовозов, не был общественной организацией того типа, которые с легкой руки Льва Львовича Толстого, подвергаясь различного рода гонениям, возникали полулегально и функционировали в противовес правительственным продовольственным органам. К такому типу в Самарской губернии принадлежали бесплатные столовые и пекарни, организованные Л.Л. Толстым, В.Г. Короленко, а также В.А. Оболенским и В.Д. Протопоповым, прибывшими сюда из Тульской губернии по приглашению графа А.А. Бобринского¹⁹⁸. Комитет же, в котором сотрудничал Водовозов, фактически функционировал при губернаторе, как и многие другие, возникшие в связи с упомянутым выше рескриптом государя наследнику.

В состав комитета входили Степан Миклашевский, приятельствовавший с губернатором, часто бывавший у него дома и являвшийся, как пишет Водовозов, «посредником между комитетом и губернатором», протоиерей Лаврский, другие чиновники, «занимавшие высокие посты в местной служебной иерархии». Из мира «неблагонадежных» Водовозов называет лишь самарского гигиениста, доктора Вениамина Осиповича Португалова, Осипова и себя, привлеченного к работе в качестве юриста¹⁹⁹.

Заметим также, что указанный комитет создавался не для безвозмездной помощи голодающим, а для обеспечения питанием «за умеренную цену» тех крестьян, которые были заняты на земляных работах, организованных губернатором.

«В этой столовой, – рассказывает Водовозов, – порция щей стоила 2 коп., порция хлеба 2 к., и порция чаю тоже 2 коп.»²⁰⁰.

Если учесть, что за 12 часов ежедневных тяжелейших земляных работ крестьянин получал – да и то с большой задержкой – гривенник и то, что в деревне его ждала голодная семья, то эти 6 копеек превращались в сумму немалую. И это при том, что уполномоченные по организации работ, назначенные губернатором, сразу получили на бездокументальные расходы по 5 тыс. рублей, а всего за год – 180 тыс. рублей²⁰¹. Так что трения между радикальной самарской молодежью и комитетом были неизбежны, ибо участие в нем так или иначе накладывало моральную ответственность за те аферы и махинации, которые имели место при проведении всех этих «общественных работ».

Когда 14 ноября 1891 года Владимир Ульянов вернулся из Петербурга в Самару, споры вокруг деятельности комитета развернулись уже вовсю. И хотя нечистоплотность чиновников была для всех очевидна, желание помочь голодающим привело к тому, что заседания комитета стали посещать многие из ссыльных. Причем не только те, кто работал в казенных учреждениях, вроде Красноперова или Долгова, но и другие бывшие народовольцы и землевольцы, писатель Гарин-Михайловский, а также народническая молодежь, полагавшая, что работу в комитете можно использовать для революционной пропаганды среди крестьян²⁰².

Заметим – убеждение в том, что голодные крестьяне являются прекрасным объектом для агитации, было распространено среди преимущественно городской народнической молодежи довольно широко. И об этом хорошо рассказал В.А. Оболенский. Но как только он сам соприкоснулся с голодными крестьянами Самарской губернии, выяснилось, что все это – сущие пустяки. «Мы хотели свою помощь, помощь общественную, – писал он, – противопоставить помощи правительственной, а нас принимали либо за царских приближенных генералов, либо за великих князей, а моего товарища Протопопова упорно считали самым наследником»²⁰³.

Так вот, у Владимира Ильича никаких заблуждений относительно использования голода для антиправительственной пропаганды не было. И Водовозов пишет об этом прямо: «Ленин

не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это соображение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету...»²⁰⁴ Тут Василий Васильевич прав. Но он утверждал заведомую неправду, когда писал, что его спор с Владимиром Ильичом шел по поводу того – кормить или не кормить голодающих.

На то есть и прямое свидетельство самого Ульянова. Когда через восемь лет он начинает разрабатывать программу партии, в разделе об отношении к крестьянству напишет: «Социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений»²⁰⁵.

«Владимир Ильич, – пишет А.А. Беляков, – не меньше других революционеров страдал, мучился, ужасался, наблюдая кошмарные картины гибели людей и слушая рассказы очевидцев о том, что совершается в далеких, заброшенных деревнях, куда не доходила помощь и где вымирали почти все жители». И Беляков отвечал своему бывшему приятелю Водовозову: «Везде и всюду Владимир Ильич утверждал только одно, что в помощи голодающим не только революционеры, но и радикалы не должны выступать вместе с полицией, губернаторами, вместе с правительством – единственным виновником голода и “всероссийского разорения”, а против кормления голодающих никогда не высказывался, да и не мог высказываться»²⁰⁶.

Матвей Иванович Семенов рассказывает, что вопросы, связанные с взаимоотношениями с комитетом (комиссией) и работой в столовых, обсуждались во всех подпольных кружках. «Обсуждались они и в нашем кружке, причем Владимир Ильич, разъясняя смысл подобных организаций в условиях царского режима, резко высказывался против какого бы то ни было отождествления работы в этой комиссии с революционной деятельностью. Стычки по этому поводу у него были как с В.В. Водовозовым, так и с другими филантропами»²⁰⁷.

Это подтверждает и Мария Яснева-Голубева: «Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых. Конечно, не нежелание помочь голодающим руководило в данном случае этим отзывчивым к чужому горю юношей: очевидно, он считал, что пути революционера должны быть иные...»²⁰⁸

Водовозов признает, что позиция В. Ульянова и его сторонников повлияла на некоторых членов комитета. Алексей Беляков уточняет: на заседания комитета перестали ходить и уже упоминавшийся Гарин-Михайловский, и такие старые народники, как Красноперов, Долгов, Ливанов, Осипов, Чеботаревский и др.²⁰⁹ В этой связи возникают вполне закономерные сомнения в том, что тот вздор о «прогрессивности голода», который Водовозов приписывал Ульянову, мог иметь столь очевидный успех у подобного рода публики. А если так, то откуда же взял Василий Васильевич весь этот набор псевдомарксистского доктринерского тупоумия?

Для читателя, мало-мальски знакомого с российской общественной жизнью начала 90-х годов XIX столетия, ответ однозначен: «источником вдохновения» стала для Водовозова та полемическая литература, которую либеральные народники буквально обрушили на головы марксистов.

Дело в том, что отношения между ними обострились к этому времени до крайности. И не только на уровне разногласий между столпами народничества и плехановской группой «Освобождение труда», но и в российской глубинке. Пока Ульянов и его друзья внимали рассказам ветеранов о славном прошлом и отдавали должное подвигам народовольцев, к их марксистским увлечениям относились с известной снисходительностью и, с легкой руки Михайловского, называли не иначе, как «учениками».

Но когда стало очевидным, что симпатии демократической интеллигенции, и прежде всего молодежи, все более поворачиваются к марксистам, когда во время голода разногласия перешли на практическую почву, взаимная конфронтация стала принимать все более резкие формы.

Если ищешь повод для конфликта – он находится всегда. И такой повод дали оренбургские ссыльные студенты, причислявшие себя к марксистам. Они действительно выступили против молодежи, отправлявшейся в голодную деревню, «кормить крестьян», ибо это, по их мнению, должно было «препятствовать процессу создания капитализма». В оренбургской глуши можно было додуматься и не до такого абсурда. И позднее Николай Федосеев напишет Михайловскому: «Я не могу допустить, что такой развитой и умный человек, как Вы, глупости оренбургских студентов и каких бы то ни было других лиц, именующих себя “марксистами”, – стал бы распространять на русский марксизм, будто бы неизбежно приводящий своих адептов к подобным преступным мыслям».

Владимир Ульянов с товарищами по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Санкт-Петербург, 1895 год

Но политическая конфронтация никогда не отличалась особой щепетильностью при выборе приемов борьбы и полемики. И в июньском номере журнала «Русская мысль» за 1892 год все-таки появилась статья Михайловского, прямо обвинявшая марксистов в проповеди *необходимости* «отделения производителей» (крестьян) от «средств производства» (земли). Вслед за ней появились работы других теоретиков народничества, приписывающие социал-демократам желание «обезземелить крестьян» и «выварить их в фабричном котле». А С.Н. Кривенко в одной из статей заявил, что для достижения марксистского «идеала» просто необходимо повсеместно «открывать кабаки», ибо они более всего способны пролетаризировать селян. И если прежние философско-теоретические споры не привлекали особого интереса широкой публики, то теперь по всей России пошла молва о том, что марксисты – это те, кто «совсем *не любят* мужика» и «*радуются* разорению деревни».

Все это Владимиру Ульянову и его друзьям пришлось выслушивать и в Самаре. Особенно после того, как летом 1892 года сюда приезжал с рефератом сам Михайловский. Даже из среды молодежи, сочувствовавшей «марксятам», раздавался тоскливый укор: «Вот вы, конечно, и научнее, и умнее их, но зачем вы *непременно хотите* разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?» А один из народников, застав однажды Скляренко за подсчетами числа безлошадных крестьян в самарских деревнях, видимо, совершенно искренне и с горечью заметил: «И вам не жалко их! Вы сидите и *спокойно* констатируете эти явления?!»²¹⁰ Иными словами, эффективная «формула борьбы» была найдена, хотя для подобных утверждений и не было оснований.

Позицию марксистов в начале 1892 года сформулировал Г.В. Плеханов в статье «Всероссийское разорение» и в письмах «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Не осуждать надо ту молодежь, тех добровольцев, писал Плеханов, кто полагает, что можно «вычерпать чайной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий. Эти люди бесстрашно

исполняют свой долг, как они его понимают. Неужели мы останемся позади них?» Нет! Социалисты должны идти дальше и направить свои усилия на борьбу с причинами народного бедствия²¹¹.

Если у правительства и буржуазии есть хлеб и деньги для благотворительности, создающей лишь иллюзию помощи, то у социалистов есть только *слово*. Они не могут накормить голодающих, но они должны разоблачать всю правительственную политику, всех чиновных казнокрадов и лихоимцев, паразитирующих на людском горе. Социалисты обязаны способствовать *росту классового сознания* трудящейся массы города и деревни, правильному пониманию причин нынешнего голода, чтобы народ мог «вырвать свою судьбу из рук царских чиновников», завоевать политические права, и прежде всего всеобщее равное и прямое избирательное право. Только созданный таким образом Земский совет сформирует правительство, способное удовлетворить народные нужды, и «даст русскому земледельцу возможность сеять *хлеб*, а не *голод*». Именно для этого социал-демократы станут добиваться «*полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность*». Ну а если крестьяне захотят поделить ее между общинами – «и в том не вижу я беды». Россия, заключает Плеханов, «спасет себя революцией»²¹².

До сих пор, опровергая наветы Водовозова, мы писали о том, чего Владимир Ильич не говорил и не мог говорить. А нет ли более серьезных источников для суждения о том, что же он говорил на самом деле, нежели воспоминания противников или друзей?

Конечно есть!

Известно, что значительная часть его работы «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», вышедшей позднее, была написана как раз в Самаре. Владимир Ильич анализирует в ней статьи из либерального журнала «Русское богатство», принадлежащие тем любителям «собирать салонные сплетни про злых марксистов», которые якобы, не

брезгуя никакими средствами, всячески добиваются «ускорения капиталистического процесса», более всего «заботятся о развитии капиталистической промышленности», и прежде всего о росте численности российского пролетариата, – посредством всеобщего «обезземеливания крестьян» и «вываривания каждого мужика в фабричном котле».

Со всеми эпитетами, которые Владимир Ильич адресует авторам подобного рода «извращений», «подтасовок» и «грязных выходов», являющихся, по его мнению, классическим образцом «пошлости», читатель может ознакомиться, перелистав указанную работу. Но дело, конечно, не в этих малоприятных словах. А в том, что позиция Ленина не имела ни малейшего отношения к взглядам, изложенным Водовозовым.

Не идеи «разрушения крестьянского хозяйства» или «выбрасывания мужика из деревни в город» с помощью голода, которые приписывает ему Водовозов, а необходимость защиты интересов крестьян – вот что отстаивал Владимир Ильич. «Социал-демократы, – писал он, – будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и традиций». И национализация земли, о которой упоминал и Плеханов, создала бы, по мнению Владимира Ильича, демократическую почву для ликвидации крестьянского бесправия, гнета помещиков и чиновников.

«Палата № 6»

...Когда генерал Волкогонов писал биографию Владимира Ульянова, его более всего возмущало то обстоятельство, что Ленин, по его мнению, «фактически никогда не работал (в обычном понимании этого слова)»²¹³. И в самом деле – подумаешь, книжки читал, статьи писал – разве это работа?! Для генерала, военного чиновника и ангажированного пропагандиста это было, по меньшей мере, нонсенсом.

И в этом смысле его позиция полностью совпадала с мнением провинциальных жандармских чинов, также полагавших, что любой образованный человек обязан – в соответствии с Табелем о рангах – где-то числиться либо по военной, либо статской части.

Поэтому российская интеллигенция, дабы не попасть в разряд «неблагонадежных», всегда старалась сочетать самую бурную общественную деятельность с казенной службой. После получения университетского диплома эту проблему надо было решать и Владимиру Ульянову.

4 января 1892 года присяжный поверенный Андрей Николаевич Хардин подал в Самарский окружной суд рапорт о том, что «дворянин Владимир Ильич Ульянов... заявил желание поступить ко мне в помощники присяжного поверенного», а посему он – Хардин – и просит зачислить Ульянова таковым. Прошение было удовлетворено 30 января, но из-за отсутствия справки о благонадежности свидетельство о праве быть поверенным по чужим делам задержали до июля. Впрочем, к работе Владимир Ульянов приступил уже в марте. По этому случаю, видимо, именно тогда мать и сделала ему подарок.

В свое время, получив «генеральский чин», Илья Николаевич сшил для надлежащих визитов фрак. Подобных визитов оказалось немного, и после его смерти этот почти новенький фрак висел в шкафу. Теперь его извлекли оттуда, примерили – и хотя отец вроде бы фигурой был помельче, – фрак Владимиру пришелся впору. И отныне, направляясь в Окружной суд для выступлений, он каждый раз облачался в сию непривычную одежду.

Нынешние критики Ленина пишут о том, что за краткое время своей адвокатской практики он провел лишь считанное количество мелких уголовных дел, из которых ни одного так и не выиграл. Между тем анализ юристом Вениамином Шалагиновым сохранившихся в архиве судебных дел, по которым выступал В. Ульянов, говорит о ложности подобного вывода.

Его первой защитой, 5 марта 1892 года, стало дело крестьянина Василия Муленкова, обвинявшегося по ст. 180

Уложения о наказаниях в «богохульстве». По этой статье любые «слова, имеющие вид богохуления, или же поношения святых господних, или же порицания веры и церкви православной», даже если они учинены были «без умысла оскорбить святыню, а единственно по неразумению, невежеству или пьянству», неизбежно и без всякого изъятия карались тюрьмой. И все-таки В. Ульянову удалось смягчить приговор, сократив срок наказания.

11 марта Ульянов выступил защитником по делу крестьян села Березовый Гай Михаила Опарина и Тимофея Сахарова, забравшихся в сундук к местному богатею Мурзину. Поймали их с поличным. Вина была несомненна. Но и в этом случае адвокату удалось смягчить приговор.

16 апреля слушалось дело крестьян Ильи Уждина, Кузьмы Зайцева и Игната Красильникова, батрачивших в сельце Томашеваколке. Они пытались украсть хлеб из амбара кулака Копьякова и были взяты на месте преступления.

5 июня – дело крестьянина М.С. Бамбурова. 9 июня – крестьян П.Г. Чинова, Ф.И. Куклева и С.Е. Лаврова.

И так дело за делом... Добился оправдания по трем мелким кражам совершенно обнищавшего крестьянина. Добился освобождения из тюрьмы и оправдания 13-летнего батрака Степана Репина. И, проанализировав все сохранившиеся восемнадцать дел, по которым выступал Ульянов, В. Шалагинов делает вывод: он выигрывал почти каждое дело – либо у обвинения против обвинительного акта, либо против требования обвинения о размере наказания²¹⁴.

Были и случаи отказа Ульянова от защиты. Так, по воспоминаниям Фаины Ветцель, он отказался защищать интересы крупного хлеботорговца Федора Красикова, нагло обворовывавшего крестьян.

– Лопатой бы денежки загребали! – поучал своего молодого коллегу старый адвокат Яценко.

– Заведомого вора защищать не хочу, – резко ответил ему Ульянов, наотрез отказавшись «брать ворованные деньги за защиту»²¹⁵.

Был случай, когда он отказался от защиты уже во время суда. 15 сентября 1892 года слушалось дело самарского мещанина Гусева, обвинявшегося в избиении своей жены кнутом. И когда, после душераздирающих показаний жены, вина Гусева была вполне доказана, Ульянов отказался сделать заявление о смягчении наказания для подсудимого.

А 19 ноября того же года ему удалось добиться отмены суда. Слушалось дело крестьянина деревни Светловки Филиппа Лаптева, обвинявшегося в ослушании и оскорблении своего отца.

Наказание могло быть достаточно суровым, но под предлогом вызова дополнительного свидетеля слушание отложили, а сына и отца Ульянов помирил: сын дал формальную расписку в том, что обязуется во всем подчиняться отцу, и дело на том было прекращено.

Одно из дел, которое вел Ульянов, получило довольно широкий резонанс. В мае 1892 года Владимир с Марком Елизаровым поехал в Сызрань. Оттуда они собирались в деревню Бестужевку к брату Марка Тимофеевича. Для этого надо было перебраться на левый берег Волги. Они наняли лодку и поплыли.

Но в Сызрани пароходную переправу держал известный купец Арефьев, ревниво оберегавший свою «монополию». Завидев лодку, он приказал догнать ее, «взять в багры» и прилюдно, с позором вернуть обратно. Прodelывал он такое уже десятки раз, все к этому привыкли, полагая, что найти управу на самодура невозможно. И Арефьев был крайне удивлен, когда узнал, что какой-то Ульянов, без всякой выгоды для себя, подал на него в Самаре в суд за самоуправство по статье, предусматривавшей тюремное заключение без замены штрафом. Впрочем, купец был уверен, что при его связях и деньгах все сойдет ему с рук, как и прежде.

И в самом деле, иск передали в камеру земского начальника за сотню верст от города, а когда в июне Владимир добрался туда – суд отложили. Отложили его и поздней осенью, так что и второй раз Ульянов вернулся ни с чем. Поэтому, когда дело назначили к слушанию в третий раз, даже мать стала

уговаривать его не ехать: «Только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя».

Но он поехал, ибо обещал лодочникам засадить самодура. Дело выиграл. И даже спустя два года Марку Елизарову приходилось слышать от сызранцев: «А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговору было».

Кстати сказать, и у самого Владимира Ульянова сценки из его адвокатской практики надолго остались в памяти. Зимой 1901 года в «Случайных заметках» он рисует картинку тогдашнего суда:

«Вот волостной старшина – я имею в виду провинциальный суд – конфузящийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом – судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседелье... Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: "Не мечите бисера перед"?»

За каждым из этих персонажей стоят вполне реальные прототипы: «Его превосходительство председатель палаты» – это Владимир Анненков, сын декабриста, дослужившийся до действительного статского советника; «предводитель дворянства. с аристократическими манерами» – сиятельный граф Толстой; «городской голова, с цепью на шее» – Петр Алабин; «дьяки в приказах поседелье», самарские судьи – Александр Смирнитский, Вячеслав Вейсман, Михаил Васильев, Иван Усов, Александр Мейер. Ну а «красноречивый адвокат», размышляющий о том, стоит ли «метать бисер», – это, видимо,

не кто иной, как помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов.

В апреле 1893 года ему исполнилось уже 23 года. И мысль о том, что время неумолимо идет вперед и используется оно отнюдь не лучшим образом, видимо, не раз приходила в голову Владимиру. Хардин, внимательно следивший за работой своего помощника, считал, что со временем из Ульянова выйдет отличный «цивилист» – адвокат, специализирующийся на гражданском праве. А пока – пусть занимается мелкими уголовными делами, которые дадут ему и судебный опыт, и интереснейшие жизненные наблюдения.

И мелкие дела продолжали идти одно за другим. 26 октября 1892 года Ульянов выступал в суде по делу мещан Д.А. Перушкина, 18 лет, В.И. Алашеева, 21 года, и А.А. Карташева, 22 лет, обвинявшихся в краже стальных рельсов у купца Духинова и чугунного колеса у купчихи Бахаревой. Суд был не долгов: виновные, пойманные с поличным, признались в содеянном и после речи Ульянова получили по минимуму.

Конечно, можно было надеяться на то, что через год-другой ему станут поручать более серьезные и более громкие дела. А если бы он собирался стать бытописателем, то даже на мелких делах вполне можно было бы собрать богатейший материал о нравах провинциального городка. Но для человека, который все более определялся как деятель общественно-политический, этого было уже мало. И за еще и еще один «год-другой» от судебной рутины, от «чугунного колеса купчихи Бахаревой» и подобных дел можно было просто свихнуться.

Помните разговор Ольги и Ирины в чеховских «Трех сестрах»?

«– У меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась. И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость. И только растет и крепнет одна мечта...

– Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и в Москву.

– Да! Скорее в Москву».

А еще лучше, добавил бы Ульянов, – в Питер.

Но может быть, это лишь сугубо литературные реминисценции? Отнюдь. «Издали, из провинции, – писала в своих воспоминаниях В.И. Засулич, – Петербург представлялся лабораторией идей, центром жизни, движения, деятельности, и молодежь, желавшая посвятить себя революции, по выражению Чернышевского, посвятить себя "делу", рвалась в Петербург».

Основания для самых радужных надежд у Владимира были. Еще в 1891 году, когда он весной и осенью приезжал в столицу для сдачи экзаменов в университете, по рекомендации А.А. Шухта Ульянов познакомился с преподавателем аналитической химии Технологического института Людвигом Юльевичем Явейном и заведующим химической лабораторией Александровского чугунолитейного завода при Николаевской железной дороге Альбертом Эдуардовичем Тилло.

Оба они еще с начала 80-х годов лично знали Фридриха Энгельса, Вильгельма Либкнехта. И это уже само по себе, видимо, должно было произвести огромное впечатление на молодого марксиста. Мало того, еще в Казани Владимир мечтал прочесть книгу Энгельса «Анти-Дюринг», в которой, как ему говорили, «поставлены все принципиальные вопросы марксистского мировоззрения». Но ни в Казани, ни в Самаре книги не было. А здесь, в Питере, ее просто взяли с полки домашней библиотеки и вместе с новейшими номерами немецких социал-демократических журналов дали для прочтения и конспектирования...²¹⁶

И наконец, может быть, самое главное – именно в это время Петербург все более выдвигался как центр нарождавшегося массового пролетарского движения, которое, по твердому убеждению марксистов, должно было освободить Россию. Именно тогда, в начале 1891 года, во время забастовки судостроителей завода «Новое адмиралтейство» социал-демократическая группа М.И. Бруснева, имевшая достаточно широкие связи со столичными рабочими, установила контакт и со стачечниками. Владимир был в это время в Самаре. Но 12 апреля

1891 года, когда умер писатель-шестидесятник Николай Васильевич Шелгунов, Ульянов находился в Питере.

В свое время статьи Шелгунова по рабочему вопросу имели большой резонанс, и его похороны превратились в политическую демонстрацию. Преобладали студенты, курсистки. Пришли гимназисты и реалисты. Присутствовал сам Михайловский и другие знаменитости. Но самым неожиданным стало появление нескольких десятков рабочих. И среди множества венков был и их металлический венок с темно-зелеными дубовыми листьями и лентой с надписью: «Указателю пути к свободе и братству». После реакции 80-х годов это был чуть ли не первый публичный политический протест.

Несмотря на то что похороны были санкционированы, полиция препятствовала движению, оттесняла демонстрантов с центральных улиц, отбирала венки. В толпе шныряли шпики. Но свой венок рабочие не отдали, и перед самым Волковым кладбищем его понесли гимназисты, среди которых был худенький и очкастый Юлий Цедербаум. «Я жадно всматривался, – вспоминал он, – в лица рабочих, стараясь изучить неведомые мне типы представителей подлинного народа. Они все казались мне значительными, особенно пожилой и молодой “вожаки”. Вслушивался в их разговоры и, к удивлению и разочарованию, слышал обыденные суждения об обыденных вещах. И только когда на пути происходили новые небольшие столкновения с полицией, отдававшей нелепые или противоречивые приказания, я в выражении лица некоторых из рабочей молодежи схватывал восхищавшую меня готовность пустить в ход кулаки и с не меньшим удовольствием слушал острую, хотя и цензурную, ругань».

А еще через две недели, 1 мая 1891 года, за Невской заставой состоялась первая в России маевка. Полиция не успела разогнать собравшихся. И произнесенные здесь речи рабочих Николая Богданова, Федора Афанасьева, Егора Климанова и В. Прошина были отгектографированы и широко распространялись среди демократической публики.

Пройдет всего несколько лет – и Владимир Ульянов познакомится со многими из студентов и рабочих, принимавших участие в похоронах Шелгунова и первой маевке. Встретится он и с Юлием Цедербаумом, ставшим более известным под псевдонимом Л. Мартов. Но тогда, в апреле 1891 года, готовясь к очередному экзамену, Владимир корпел над занудными учебниками по философии права. А 1 мая сидел в Александровской больнице на Фонтанке у постели умиравшей сестры...

Вроде так и должно было быть. И никто не мог ни в чем упрекнуть его. Но ощущение того, что нечто важное и значительное – поистине историческое – прошло мимо и совсем рядом, видимо, оставалось.

Так почему же тогда, в 1891 году, после успешной сдачи экзаменов не остался он в Питере, а уехал в Самару и продолжал сидеть там еще полтора года? «На этот вопрос, – пишет А.И. Елизарова, – я могу ответить: сидел для матери.

Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них. А в год окончания Владимиром Ильичом университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом новом ударе проявилось ее мужество. Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала. Одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре».

И опять потянулись дни, чередовавшие судебные заседания, визиты к Хардину, реже – к другим коллегам с молодежными сходками и штудированием марксистской и иной литературы.

Самарская «тройка» – Скляренко, Лалаянц, Ульянов, – что называется, спелась отлично. И это было прекрасно. Но, видимо,

это и настораживало. Друзья по-прежнему регулярно встречались в Самаре и Алакаевке, обменивались мнениями по поводу новостей и прочитанной литературы, обсуждали рефераты... Но за всеми этими занятиями уже начинало казаться, что жизненное колесо проворачивается вхолостую, что беседы и дискуссии превращаются в какие-то сугубо «умственные игры», не более того.

«Самара, – писала Анна Ильинична о брате, – не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уже взято им. Он начал изучать и русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса. И городскую самарскую библиотеку – библиотеку для провинциального города хорошую – он во всем для себя существенном уже использовал».

Иными словами, период «саморазвития» кончился. Друзья вполне определились как марксисты и социал-демократы. Теперь они жаждали «дела». Но не было тогда в Самаре того дела, к которому они могли бы приложить свои силы.

Владимир старался расширить круг общения. Он переписывался с Федосеевым и, в частности, передал ему во Владимирскую тюрьму свою рукопись с подробным разбором книги Николая «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в начале 1893 года. Петру Маслову он послал в Уйский поселок на Урале рукопись с обстоятельным анализом работ В.В. о развитии капитализма в России. Но более всего друзья стремились получить выход на страницы прессы.

Василию Водовозову благодаря его связям удалось опубликовать в столичном «Юридическом вестнике» № 3 за 1892 год корреспонденцию «Общественные работы в Самаре» о злоупотреблениях губернской администрации во время голода. Для провинциальной Самары это было событие. И когда в сентябре того же года Водовозов переехал в Питер, он договорился о том, что Владимир будет посылать ему аналогичные обличительные материалы. Для самолюбия молодого Ульянова это, видимо, был не оптимальный вариант, но

он все-таки давал выход для критической информации в столичную прессу.

В 1965 году в архиве Водовозова Григорий Хаит обнаружил одно из таких писем. 24 ноября 1892 года Ульянов сообщает о попытках замять дело помещика Аксакова, поставлявшего голодающим гнилое зерно, о произволе земского начальника Чернышева, пытавшегося свалить вину за голод на самих крестьян²¹⁷. Однако материал этот Водовозов, судя по всему, так и не использовал.

В 1893 году со статьей о влиянии голода на расслоение крестьян, написанной по статистическим данным о подворном распределении скота, на страницы «Самарского вестника» прорвался Скляренко. Но когда с подобного рода статьей о бедственном положении крестьян туда же обратился Алексей Преображенский, ему отказали. На рукописи остались пометки цензора: «У нас есть Бог!», «У нас есть Царь!», «У нас есть Родина!». Владимир посоветовал Алексею послать статью в столицу, в один из толстых журналов, но цензура уже научилась угадывать крамолу за столбцами сухих цифр²¹⁸.

В декабре 1892 года за аналогичную статью П.Н. Скворцова закрыли достаточно умеренный «Юридический вестник». И редакторы были начеку. В.М. Лавров – редактор журнала «Русская мысль» – писал А.П. Чехову: «Теперь, когда цензура насторожилась и смотрит на нас взором аспиды и василиска, я опасаясь, как бы не вышла какая-нибудь пакость»²¹⁹. Поэтому, видимо, когда Владимир Ульянов послал в «Русскую мысль» свою статью о книге Постникова, он получил вежливый отказ²²⁰.

Настроения это, конечно, не прибавляло, и, как пишет Лалаянц, с началом 1893 года Владимир стал вообще избегать «широкой публики, в особенности интеллигентской молодежи» с ее бесконечными словопрениями, танцами и пьянками²²¹. И кстати, видимо, именно тогда Скляренко и Лалаянц впервые стали называть Ульянова «стариком»²²².

Когда начинаешь размышлять над тем, о чем думал, что происходило в душе у интересующего тебя человека, и нет

прямого ответа, его иной раз может дать свидетельство косвенное, скажем реакция на прочитанную книгу...

Видимо, где-то в начале 1893 года Владимиру попадает в руки ноябрьский номер журнала «Русская мысль» за прошедший год с новой повестью Чехова «Палата № 6». Повесть вызвала острейшую полемику в печати. Демократическая интеллигенция встретила ее восторженно. И.Е. Репин писал Чехову: «Как я Вам благодарен... Какая страшная сила впечатления поднимается из этой вещи!» А Н.С. Лесков заметил: «В «Палате № 6» в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду – палата № 6. Это – Россия». И помимо прочего, мыслящая Россия увидела в этой повести осуждение философии бездействия, примирения с существующим злом.

Чеховский герой доктор Андрей Ефимович Рагин относился к окружающему «довольно равнодушно». Он был убежден в том, что, для того чтобы ликвидировать «житейские гадости и мерзости», недостаточно «одной только его воли и что это было бы бесполезно; если физическую и нравственную нечистоту прогнать с одного места, то она перейдет на другое; надо ждать, когда она сама выветрится». И вообще, «все эти житейские гадости и мерзости нужны, так как они с течением времени перерабатываются во что-нибудь путное, как навоз в чернозем. На земле нет ничего такого хорошего, что в своем первоисточнике не имело бы гадости».

Картинки провинциальной жизни – эти бесконечные «умственные» разговоры, журфиксы, танцевальные вечера – были хорошо знакомы любому провинциальному интеллигенту и неизбежно вызывали свой поток ассоциаций и аллюзий.

«Все заговорили о том, как скучно порядочному человеку жить в этом городе. Андрей Ефимович медленно и тихо, ни на кого не глядя, стал говорить о том, как жаль, как глубоко жаль, что горожане тратят свою жизненную энергию, свое сердце и ум на карты и сплетни, а не умеют и не хотят проводить время в интересной беседе и в чтении, не хотят пользоваться наслаждениями, какие дает ум. Только один ум интересен и замечателен, все же остальное мелко и низменно».

Владимир Ульянов не раз наблюдал эту удивительную способность провинциальной интеллигенции создавать для себя крошечный микромирок, где, отгородившись от окружающей мерзости, можно было отводить душу в «философских» беседах о Высоком и Прекрасном. Пока эта самая мерзость не растопчет и благостный мирок, и самих носителей столь высоких мыслей.

«Андрей Ефимович и теперь был убежден, что между домом мещанки Беловой (в котором он жил прежде) и палатой № 6 нет никакой разницы, что все на этом свете вздор и суета сует.

Недалеко от больничного забора, в ста саженях, не более, стоял высокий белый дом, обнесенный каменной стеной. Это была тюрьма.

«Вот она, действительность!» – подумал Андрей Ефимович, и ему стало страшно...

Андрей Ефимович лег и притаил дыхание; он с ужасом ждал, что его ударят еще раз».

На Ульянова эта повесть произвела поистине ошеломляющее впечатление. «Остался у меня в памяти разговор с Володи́ей, – вспоминает А.И. Елизарова, – о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова “Палата № 6”. Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, – Володя вообще любил Чехова, – он определил всего лучше это впечатление следующими словами: “Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6”. Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой “палатой № 6”, он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее».

Впрочем, все образовалось как бы само собой. В июне 1893 года младший брат Дмитрий успешно сдал гимназические экзамены, и решено было, что поступать он будет в Московский

университет. А стало быть, и семье надо перебираться на жительство в Москву. Исключение составил лишь Владимир.

Анна Ильинична пишет: «Он не захотел основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет младшим братом Митей. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре – Питере. Впрочем, его намерение искать связей среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы скомпрометировать».

24 апреля и 12 мая Владимир последний раз выступил в суде и уехал в Алакаевку. 23 июля был составлен договор о продаже за 8 тысяч рублей хутора и мельницы их соседу – помещику С.Р. Данненбергу. Но эта сделка сорвалась, и Алакаевку перекупил местный купец Данилин. 12 августа Ульянов вернулся в Самару и через четыре дня подал прошение председателю Самарского окружного суда, в котором он, «намереваясь перечислиться в помощника присяжного поверенного в округ С.-Петербургской судебной палаты», просил выдать ему справку о том, что он состоял в аналогичной должности в Самаре.

18 августа справка была получена, и уже 20-го Ульянов выехал из Самары. По дороге он на пару дней остановился в Нижнем Новгороде, где и состоялась уже описанная выше встреча с П.Н. Скворцовым, а оттуда двинулся во Владимир, где именно в эти дни должен был выйти из тюрьмы Н.Е. Федосеев.

Н.Л. Сергиевский, встречавший Ульянова на вокзале, вспоминал: «В назначенный час я пришел на вокзал и, окинув взором почти пустой буфет... тут же заметил около условленного столика маленького человека со всеми приметам В.И. Немедленно подошел к нему, сказал пароль. В.И. ответил, быстро взял свой саквояж и без дальних слов направился за мной...

Первое время мы шли почти молча. Я с любопытством наблюдал его. Маленький, щупленький, скромный, аккуратно и, что называется, прилично, но без претензий одетый человек, ничем не обращающий на себя внимание среди обывателей. Этот защитный цвет мне понравился. Все та же, что и теперь, рыжеватая бородка клинышком, усы по тому времени не стриженные, татарский разрез глаз и примечательный череп (по которому и только по одному ему я через 7–8 лет сразу узнал В.И., как только мой взор упал на этот череп), тогда еще покрытый, хотя и крайне небогатой, растительностью. Того лукавого выражения лица, которое потом уже, после ссылки, обратило на себя мое внимание, тогда я не заметил. Вероятно, в тот период оно еще отсутствовало. Осторожный, пытливо озирающийся, наблюдательный, сдержанный, при всей своей, мне уже известной по письмам, темпераментности, В.И. представлял собой полнейшую противоположность Н.Е. (Федосееву). Ого, думал я: если пламенный, отчаянный Н.Е. сложит свою буйную голову, то этот сложит голову общего врага».

Встреча с Федосеевым на сей раз не состоялась. Его выпустили из тюрьмы лишь спустя месяц. Поэтому Ульянов в тот же день покинул Владимир и 26 августа прибыл в Москву.

31 августа он был уже в Санкт-Петербурге...

Пройдет совсем немного времени, и в Алакаевке застучат топоры и завизжат пилы. Купцу Данилину нужна была лишь земля – для сдачи в аренду окрестным крестьянам – и мельница. Поэтому дом разберут и перенесут в Неяловку, а сад – «Олин клен», «Володин кабинет», «Анину березовую аллею», старые липы – в общем, весь сад вырубят.

Глава 3

«Союз борьбы»

В столице

На молодого человека, приезжавшего в столицу из провинции, Петербург нередко производил довольно тягостное впечатление. Когда, например, 17-летний Глеб Кржижановский прибыл сюда для поступления в Технологический институт, Питер буквально ошеломил его. «На первых порах, – вспоминал он, – я был подавлен мрачным величием этого города. Каменные громады зданий, гранит и мрамор его дворцов, могучая черная лента Невы, блеск европейских магазинов, синие лучи электричества на главных величественных проспектах и тонущие в нездоровой сырой мгле, балансирующие на болотистой почве угрюмые фабричные закоулки окраин.

Петербург того времени был поистине ужасным городом торжествующего царизма. Отборная рать здоровеннейших городских, торчавших на каждом перекрестке, не менее упитанные фигуры дюжих «околодкові, характерная дробь барабанов с пронзительным присвистом маршевой дудочки, аккомпанирующей непрерывно маршировавшим в разных направлениях многочисленным колоннам войск, “цвет” бюрократии и генералитета, гранивших широкие тротуары Невского проспекта, и целые тучи шпионской рати, шныряющей в мглистом тумане бесконечных петербургских улиц».

На Владимира Ульянова город столь тягостного впечатления, судя по всему, не произвел. Во-первых, ему было уже не 17, а 23. Во-вторых, исполнилась его мечта, и он все-таки вырвался из постылой, пыльной Самары и теперь уже был предоставлен самому себе. И наконец, он ведь приехал сюда не впервые. А с предыдущими поездками были связаны и успешные университетские экзамены, и новые столичные знакомства.

Помнил он, конечно, и о том, как весной 1891 года гуляли они по набережной Невы с сестрой Ольгой, смотрели ледоход. Как той же весной похоронили ее. Поэтому, сняв комнату на Сергиевской улице, он в первые же дни едет на Волково кладбище. Могила Ольги в порядке, «все в сохранности – и крест, и венок», – пишет он матери²²³.

Суеты, связанной с обустройством, на первых порах было много. Но уже 3 сентября Владимира Ульянова зачисляют помощником присяжного поверенного к хорошему знакомому Хардина известному адвокату Михаилу Филипповичу Волкенштейну, и отныне, облачаясь в отцовский фрак, ему приходится регулярно ходить на Литейный проспект в Совет присяжных поверенных при Петербургском окружном суде для юридических консультаций и ведения судебных дел. А в Юридическом календаре на 1894 год, на странице 276, его фамилия с указанием адреса появляется в списке столичной адвокатуры.

Постепенно налаживается и повседневный быт. Обедать он ходит к близким знакомым семьи Ульяновых – Чеботаревым. По совету матери Владимир заводит приходно-расходную книгу, в которую заносит свои траты. «Оказалось, – сообщает он Марии Александровне, – что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.), и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое, может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счета и т. п.), но и за вычетом его (16 р.) все-таки получается расход чрезмерный – 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду»²²⁴.

2 октября 1893 года Владимир переселяется на Ямскую улицу и пишет матери: «Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как

при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен»²²⁵.

Само описание этой комнаты – «других жильцов нет», «дверь... заклеена», «слышно глухо» – невольно выдает какие-то новые, скрытые, тем более от матери, помыслы сына. Освоившись в столице, Владимир сразу же начинает искать контакты с нелегальными социал-демократическими кругами. Он едет в Царское Село и навещает семью Аполлона Шухта. А здесь – прибавление: родилась дочь Анна, которая спустя много лет станет известной скрипачкой. И 24 октября 1893 года, при ее крещении, в метрической книге Царскосельской церкви лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона в графе «Звание, имя, отчество и фамилия приемников» появится запись: «Помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов».

Возобновляет Владимир знакомство и с Людвигом Явейном и Альбертом Тилло. Наконец, в ход идет рекомендательное письмо, полученное им от нижегородцев к питерским студентам-землякам. В конце сентября он вручает это письмо студенту первого курса университета Михаилу Сильвину, известному нижегородцам по занятиям в кружке П.Н. Скворцова.

«В переданном им письме, – рассказывает Сильвин, – которое я тут же просмотрел, нижегородцы предлагали мне отнестись к Владимиру Ильичу с полным доверием и упомянули об Александре Ильиче. Этого было более чем достаточно... Уничтожив письмо, в тот же день я разыскал Германа Красина, сообщил об интересном приезде и настойчиво предложил познакомиться. Имя "Ульянов" произвело впечатление, но мне заявили "обсудим"»¹.

Герман Красин, как и брат его Леонид, входил в свое время в брусневскую социал-демократическую организацию. После ее разгрома в 1891–1892 годах Германа выслали в Нижний. Однако, вернувшись в столицу, он сумел воссоздать новую группу, в которую вошли студенты Технологического института Степан Радченко, Петр Запорожец, Василий Старков, Глеб Кржижановский, Анатолий Ванеев, Александр Малченко, Яков

Пономарев, Михаил Названов и др. Возобновили и связи с рабочими, входившими в брусневские кружки.

Работа шла – по тем временам – успешно, и «долгожительство» группы во многом объяснялось строжайшей конспирацией, за которой тщательно следил Запорожец. Поэтому к каждому «новенькому» относились крайне осторожно. И, получив от Сильвина сообщение о желании «брата А.И. Ульянова» вступить в организацию, Красин и Радченко отправились к нему домой. «Пойдем посмотрим», – заметил Красин.

Это позднее в своих мемуарах «технологи» будут рассказывать о том, что Владимира Ульянова, сразу же поразившего их марксистской эрудицией, приняли с распростертыми объятиями. В более ранних воспоминаниях тот же Герман Красин писал: «Мы явились к Владимиру Ильичу с целью познакомиться и произвести попутно легкий теоретический экзамен ему по части твердости его в принципах марксизма». И хотя «экзамен» Ульянов не только выдержал, но и, как пишет Красин, сам превратился в экзаменующего, впечатление у «технологов» осталось неоднозначное.

Камнем преткновения стало отношение к народовольческому террору. «Помню, с какой горячностью, – вспоминал Владимир Старков, – он отстаивал от наших нападков свой взгляд на террор как на метод политической борьбы, который он изложил в первом своем литературном произведении, ходившем по рукам в рукописи (помнится, в статье под названием «Что такое "друзья народа"...»)). Там он излагал еретическую, с нашей точки зрения, мысль в том смысле, что принципиально соц. – демократия не отрицает террор как метод борьбы».

Старков, видимо, запомнил обстоятельства данной дискуссии, ибо в работе «Что такое "друзья народа"» об отношении к террору не говорилось ни слова. Но то, что споры были, – факт. «Нам, воспитанным на статьях Плеханова, резко критиковавшим программу и тактику народовольцев, поставившим во главу угла террор и лично поломавшим немало

копий при борьбе с народолюбцами, – писал Старков, – такие мысли казались еретичными».

«Особая позиция» Ульянова по этому вопросу проявилась еще в Самаре в спорах с Лалаянцем, который написал о «некоторых симпатиях Владимира Ильича к народолюбческому террору». Ее отметили и нижегородцы, вспоминая о дискуссии Владимира со Скворцовым по поводу «допустимости с точки зрения марксистской программы террора как средства борьбы». И вот теперь Герман Красин и некоторые другие «технологи», страдавшие, как писал Глеб Кржижановский, от «заедавшего порой нас элементарного буквоедства», вновь решили «с особой обстоятельностью исповедовать Владимира Ильича относительно его взглядов на террор, причем вспоминаю, как некоторые эксперты из нашей среды хотя и должны были признать правомерность его марксистских взглядов на этот метод борьбы, но все же отмечали, что наш новый друг по своему темпераменту в этом направлении слишком «красен и недостаточно надежен»...»²²⁶.

Кржижановский считал, что отношение к народолюбческому террору Владимира Ульянова «шло к нему непосредственно от семейной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы»²²⁷. Но Лалаянец – первый оппонент Владимира по этому вопросу – напротив, определенно писал, что «отношение к террору у Владимира Ильича несколько не было результатом непосредственного влияния на него его брата – А.И. Ульянова»²²⁸.

Характерно, что Юлий Мартов, которого нынешние биографы любят противопоставлять Ленину, рассказывая о своих политических симпатиях начала 90-х годов, писал: «Я обрел идеал революционера в Робеспьере и Сен-Жюсте, все речи которых хорошо знал. Из этого увлечения вытекало довольно простое, примитивно-бланкистское представление о задаче революции, которую я мыслил себе в виде торжества абстрактных, для всех времен годных принципов народовластия,

воплощаемых в революционной диктатуре, прочно опирающейся на "бедноту" и не стесняющейся в средствах.

Точно сейчас не помню содержания моего первого литературного опыта: помню только, что он был, что называется, "с пылу, с жару", заключал в себе яростное обличение всякой умеренности и аккуратности, защищал террор и обильно был уснащен цитатами из речей Робеспьера и Сен-Жюста. Русские революционеры при решении вопроса о тактике руководствоваться принципом якобинцев: "perisse notre nom pour que la liberte soit sauvee" (да погибнет наше доброе имя, лишь бы спасена была свобода)²²⁹.

Так что Лалаянц, видимо, более прав, нежели Кржижановский, ибо верность марксизму в данном случае состояла в том, чтобы к оценке любого метода борьбы подходить хотя бы «исторически», то есть с учетом времени и конкретных обстоятельств самой борьбы.

Заметим, кстати, что ссылка Владимира Старкова на Плеханова, якобы воспитавшего в них принципиальное неприятие террора, неосновательна. В «Наших разногласиях» Плеханов прямо заявлял, что «пропаганда в рабочей среде не устраняет необходимости террористической борьбы». Да и в самой программе группы «Освобождение труда» также указывалось, что социал-демократы «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы»²³⁰.

С этой проблемой нам придется неоднократно сталкиваться и в последующих главах. Пока лишь заметим, что свое отношение к тактике народовольцев Ульянов не скрывал ни тогда, ни позже.

«Они проявили, — писал он, — величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира». С точки зрения практического результата «своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть». Но в тех условиях, когда не было массы, на которую они могли бы опереться, когда казалось, что страна — подобно

древним восточным деспотиям – находится в историческом небытии, сам факт открытого протеста и борьбы, пускай даже одиночек, имел огромное значение. «Несомненно, – писал Ленин, – эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали – прямо или косвенно – последующему революционному воспитанию русского народа»²³¹.

Отрицать, как выразился Кржижановский, «правоверность» подобной позиции с марксистской точки зрения не было оснований. Но логика борьбы с народничеством приводила молодых социал-демократических «ортодоксов» не только к тому, что они не делали различия между революционными и либеральными народниками, но и к отрицанию всего, что было связано с ними.

Спустя много лет Леонид Борисович Красин писал: «Маркс где-то упоминает, что при наличии враждующих течений идеологическая формулировка и самая позиция более молодого течения определяется часто как отрицание идей и воззрений его предшественников. И ради того, чтобы не быть похожими на них, “молодые” часто гораздо дальше идут по таким дорогам, по которым они не пошли бы без этой полемики и этой кружковой борьбы»²³². Это удивительно точное наблюдение нам, видимо, тоже еще не раз придется вспоминать, анализируя позицию и самого Ленина, и его оппонентов.

Василий Старков пишет, что он не помнит, «на чем состоялось примирение» в споре о терроре, но, так или иначе, «технологи» приняли Владимира Ульянова в свою среду. Отношения, впрочем, наладились не сразу. «Впечатление, которое он произвел, вероятно, не на меня одного, – вспоминал Михаил Сильвин, – вначале было довольно смешанным. Его невзрачная, на первый взгляд заурядная фигура нам не очень импонировала, но с каждым днем каждый из нас невольно останавливался все внимательней на этом странном человеке. По-видимому, присматривался и он к нам».

Поначалу быстрому сближению, вероятнее всего, препятствовала разница в возрасте. Четыре-пять лет, казалось бы, не столь уж много. Но когда ты первокурсник и тебе

девятнадцать, как Сильвину, а Ульянову – двадцать четыре и он уже помощник присяжного поверенного, то эта разница весьма существенна. Однако, как пишет тот же Сильвин, поворот «начался довольно быстро».

Они собирались еженедельно на квартире у кого-либо из студентов-технологов. И чувство уважения к его марксистской эрудиции росло буквально с каждой встречей. В те годы, как отметил Леонид Красин, теоретическое верхоглядство было достаточно распространено в среде демократической молодежи, которая полагала, что «нечего корпеть над книжками, достаточно прочесть несколько статей Герцена, Чернышевского, проштудировать “Исторические письма” Лаврова, а если к этому еще прочесть брошюру Льва Тихомирова, то теоретическая подготовка революционера может считаться законченной и ему можно и должно идти немедленно в практическую работу».

Среди социал-демократического студенчества тоже был свой «обязательный минимум»: первый том “Капитала” Маркса, статьи Энгельса, Каутского, Бебеля и Плеханова – и этого вполне достаточно. Поэтому, когда Ульянов рассказал о том, как с помощью рефератов прорабатывали они в Самаре марксистскую классику и иную литературу, «технологи» решили опробовать этот метод. Для начала взяли только что вышедшую книгу В.В. (Воронцова) «Наши направления» и поручили реферат Михаилу Сильвину. Что из этой затеи вышло, рассказал сам Сильвин: «Реферат я написал, насколько теперь помню, хлесткий, но малосодержательный. Читал я его у себя же в комнате. Были, кроме Владимира Ильича, Кржижановский, Старков, Малченко, Ванеев и Г. Красин. Ввиду очевидной убогости содержания доклада особых прений или обмена мыслями не последовало, все неловко молчали, больше всех был смущен сам автор своим полным провалом и с отчаяния порвал реферат на мелкие куски, как только публика разошлась. Молчаливо признанным лидером кружка был Г. Красин, и он-то и решил спасти положение, предложив представить к ближайшему собранию реферат о рынках».

В качестве объекта критического анализа он избрал уже упоминавшиеся «Очерки...» Николая (Н. Ф. Даниельсона). Исследуя процесс «капитализации» всего народного хозяйства, Даниельсон утверждал, что обнищание крестьянства сокращает внутренний рынок и тем самым лишает капитализм всякой почвы. Единственная его опора – покровительственная политика правительства, которое толкает Россию на ошибочный путь. И если бы не эта политика, капитализм, а с ним и полуторамиллионный российский пролетариат неизбежно были бы обречены на деградацию.

Авторитет первого переводчика Маркса, огромная эрудиция, гигантский статистический материал – все это делало Даниельсона серьезным противником. Но Германа Красина это нисколько не смущало. В свое время в Нижнем Новгороде он не раз обсуждал данный вопрос с П.Н. Скворцовым и, основываясь на исследованиях оборота капитала во втором томе «Капитала» Маркса и на теории более быстрого роста постоянной части капитала сравнительно с переменной, вполне логично доказал, что капитализм развивается имманентно в процессе производства средств производства для средств производства.

Поскольку оратором он был неважным, то весь текст доклада написал в тетрадке, перегнутой пополам, так что полстраницы занимали поля. Текст этот он дал Владимиру Ульянову, и тот на полях набросал свои замечания. Но Герман не придавал им особого значения, ибо был убежден в неотразимости своих аргументов.

Собрание состоялось в начале ноября 1893 года на квартире у Зинаиды Невзоровой, и, поскольку Красин являлся общепризнанным лидером кружка, публики собралось довольно много. Красин зачитал текст. Все было логично и правильно, вполне соответствуя цитатам из Маркса. Но кому была нужна такая правда? Это и стало очевидным, как только Ульянов изложил свои замечания.

Прежде всего выяснилось, что ни Герман, ни большинство присутствующих ничего не знают «о русском сельском хозяйстве, о всех тех многочисленных видах и формах, в которых капитализм внедрялся в самую гущу народной жизни». Без

всяких ссылок на Маркса Владимир призвал своих коллег к реализму, к тому, чтобы исходить не из схем и абстракций, а из анализа российской действительности. И Даниельсон не прав не потому, что он противоречит Марксу, а потому, что его выводы не соответствуют реальности.

Опираясь на свой самарский реферат о книге Постникова, Ульянов обрисовал процесс расширения товарного производства на почве вытеснения натурального хозяйства денежным, расслоения крестьянства и его пролетаризации. «Он говорил долго, – пишет Михаил Сильвин, – со свойственным ему мастерством, старался не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным, как это чувствовали и все мы...

– Мы должны заботиться не о рынках, – закончил Владимир Ильич, – а об организации рабочего движения в России, о рынках же позаботится наша буржуазия».

Это же собрание подробно описала Софья Невзорова, лишь накануне приехавшая к сестре в Питер: «Как сейчас помню нашу небольшую, в одно окно, длинную комнатку с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит этот новый интересный человек. Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года. Свет лампы освещает его большой, крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг значительной уже лысины, худощавое лицо с небольшой бородкой. Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные: всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, чернобровый и черноглазый Малченко, высокий красивый Петр Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижной Сильвин. На кровати сидят Зина [Невзорова] и Аполлинария [Якубова], а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий, с большим лбом Герман Красин. В стороне на столике шумит самовар, стоят стаканы, хлеб, масло. Хозяйничаю я. Владимир Ильич кончил читать. Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, возражают

Старков, Ванеев и др. В.И. молчит, внимательно слушает, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец, он берет слово, и сразу наступает тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как В.И. опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему. Не помню сейчас его доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их. Я видела тогда В.И. первый раз в жизни. И сразу он принес с собой что-то яркое, живое, новое, неотразимое. Я, дикая провинциалка, была прямо потрясена этим вечером. Целый вихрь мыслей кружился в голове. И так живо и ясно встает в памяти вся картина этого вечера. Как будто вчера, а не 36 лет назад стоял В.И. в нашей комнате в своем черном с мерлушковым воротником пальто. Слегка сгорбившись и надвигая поглубже мерлушковую шапку на уши, он так заразительно молодо смеялся и шутил, уходя одним из последних из нашей комнаты».

Этот вечер как раз и стал поворотным пунктом и в отношении к Владимиру Ульянову, и в жизни самого кружка.

«Лидер питерских эсдеков»

...Надо было прожить 1880-е годы, когда казалось, что впереди нет и не будет никакого просвета, чтобы понять ту вполне интеллигентную публику, которая с воцарением Николая II ожидала от него благих перемен.

Знакомый нам по Самаре князь Владимир Оболенский в это время уже служил в столице «столоначальником» в Министерстве земледелия. Он пишет, что многие действительно «верили в либерализм молодого монарха». И были на то основания. «Рассказывали, – вспоминает Оболенский, – что он (Николай II) вышел из Мариинского дворца без всякой свиты и, купив в табачном магазине папирос, вернулся обратно. Эту необычную для России картину наблюдали многие случайно проходившие по Невскому люди, и молва о необыкновенной простоте и доступности молодого монарха моментально распространилась по городу».

Однако эта пора надежд и ожиданий длилась недолго. Мать его, вдовствующая императрица Мария Федоровна (в девичестве – принцесса София Фредерика Дагмара), не раз поучала сына: «Твой дед либеральничать вздумал, вот его бомбой и разорвало. А отец твой никакого либеральничанья не допускал и, слава богу, как добрый христианин скончался»²³³.

Государь внял совету. На приеме в Аничковом дворце представителей земств, городов и сословий 17 января 1895 года он заявил: «Пусть все знают, что я... буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Что же касается робких просьб о привлечении «общественности» к делам управления Россией, то государь назвал их «бессмысленными мечтаниями»²³⁴.

Речь эту написал Победоносцев, и ее текст, выведенный крупными буквами, Николай II положил в барашковую шапку, которую держал в руке. «Я видел явственно, – вспоминал тверской земец А.А. Савельев, – как он после каждой произнесенной фразы опускал глаза книзу, в шапку, как это делали бывало мы в школе, когда нетвердо знали урок».

Государь говорил в повышенном тоне, и его супруга, тогда еще слабо понимавшая по-русски, спросила у фрейлины: «Не случилось ли что-нибудь? Почему он кричит?» На что фрейлина ответила достаточно громко, чтобы услышали присутствующие: «Он объясняет им, что они дураки»²³⁵.

Выяснилось, кстати, что и весь эпизод с выходом государя на Невский без всякой охраны – чистейший миф. «Оказалось, – пишет Владимир Оболенский, – что покупал себе папиросы на Невском не Николай II, а его двоюродный брат, будущий Георг V, который как близнец был на него похож»²³⁶.

25 апреля 1895 года в Ярославле на бумагопрядильной фабрике Большой (бывшей Корзинкинской) мануфактуры началась стачка. Полиция, как обычно, арестовала зачинщиков. А когда толпа рабочих пошла освобождать товарищей, солдатам Фанагорийского полка был дан приказ стрелять. Трех убили,

восемнадцать ранили. На донесении о случившемся Николай II начертал: «Весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков»²³⁷.

Этих событий Владимир Ульянов уже не застал. 25 апреля 1895 года он выехал за границу.

Заграничный паспорт, в котором столько раз ему отказывали прежде, был выдан 15 марта 1895 года. Но о необходимости поездки в Швейцарию для установления прямых связей с группой «Освобождение труда» питерские социал-демократы договорились уже в самом начале года. Вопрос о том, кому ехать, дискуссий не вызывал. К этому времени лидерство Ульянова стало уже очевидным.

Как и почему занял он это место? В бюрократическом аппарате лидера-начальника назначают. Тут все ясно. В демократической системе его можно выбрать, хотя и в этом случае бывают «неформальные лидеры». Но в революционной среде тех лет лидеры не назначались и не выбирались. Ими становились лишь в силу авторитета знаний, опыта, а главное – авторитета самой личности.

Александр Потресов не признал за Ульяновым авторитета знаний и опыта. Спустя 32 года он написал: «Никто, как он, не умел заряжать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью»; никто другой не обладал «секретом излучающегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, – господства над ними... Только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя».

Однако поскольку «гипнотическое воздействие» можно оказать не на каждого, то, как полагает Потресов, «он умел подбирать вокруг себя расторопных, способных, энергичных, подобно ему волевых людей, безгранично в него верящих и беспрекословно ему повинующихся, но людей без самостоятельной индивидуальности, без решимости и способности иметь свое особое мнение».

Вот так, походя, можно – вроде бы и достаточно интеллигентно – унизить вполне достойных людей. Но вот ведь незадача. Не Ульянов подбирал себе окружение, а оно выдвинуло его. И «технологи», входившие в ядро организации, не были теми «расторопными» среднестатистическими «технарями», которые в силу каких-то формальных данных или «гипнотического воздействия» готовы были «беспрекословно» принять чье-либо главенство. «По своим личным свойствам, – заметил Сильвин, – каждый из нас был, конечно, вполне индивидуален: спокойный, сдержанный, даже несколько скрытный, но добродушный Степан Радченко, с хохлацким юмором и с хитрой усмешкой опытного конспиратора; чувствительный и нежный поэт-революционер Кржижановский; всегда казавшийся замкнутым в себе Старков, которому, по-видимому, чужды были всякие сантименты; Мал-ченко – изящный брюнет, с лицом провинциального тенора, всегда молчаливый, всегда любезный товарищ; широкоплечий, кудлатый Запорожец, в глазах которого светилась вера подвижника; Ванеев – с его тонкой иронией, в которой сквозил затаенный в душе скептицизм к вещам и людям; и, наконец, я, смотревший на мир жадно открытыми глазами, часто полными наивного недоумения, которое приводило иногда в смешливое настроение Владимира Ильича».

«Мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашим главой, – писал тот же Михаил Сильвин. – Это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве, – он имел для нас и огромный моральный авторитет...»

Итак, авторитет знаний, ума, трудоспособности и моральный авторитет. Иных источников лидерства в этой среде не существовало. Но с этим никак не соглашался Струве. И если Потресов не мог признать за Ульяновым авторитета знаний, то Петр Бернгардович полностью отрицал какое-либо моральное превосходство.

«В своем отношении к людям, – написал он, – Ленин подлинно источал холод, презрение и жестокость. Мне было ясно даже тогда, что в этих неприятных, даже отталкивающих свойствах Ленина был залог его силы как политического деятеля: он всегда видел перед собой только ту цель, к которой шел твердо и непреклонно. Или, вернее, его умственному взору всегда предносилась не одна цель, более или менее отдаленная, а целая система, целая цепь их. Первым звеном в этой цепи была власть в узком кругу политических друзей. Резкость и жестокость Ленина – это стало ясно мне почти с самого начала, с нашей первой встречи – была психологически неразрывно связана, и инстинктивно и сознательно, с его неукротимым властолюбием».

Эту формулу с восторгом приняли Дмитрий Волкогонов и прочие нынешние «лениноеды» не только потому, что она была предельно проста. С пропагандистской точки зрения она была и вполне перспективна, ибо апеллировала к опыту российских 90-х годов XX столетия, когда мотивы политической деятельности предельно упростились и борьба за власть, как источник личного благополучия, стала вполне обычным, бытовым явлением.

Между тем, судя по всему, приведенные характеристики Потресова и Струве отражали не столько реальные впечатления и наблюдения 90-х годов XIX века, сколько наслоения политической борьбы последующих десятилетий. И в этом более всего убеждают воспоминания Мартова.

В мемуарах, написанных в 1919 году, он замечает: «В нем еще не было, или, по меньшей мере, не сквозило той уверенности в своей силе, – не говорю уже: в своем историческом призвании, – которая заметно выступала в более зрелый период его жизни... Первенствующее положение, которое он занял в социал-демократической группе “стариков”, и внимание, которое обратили на себя его первые литературные произведения, не были достаточны для того, чтобы поднять его в собственном представлении на чрезмерную высоту над окружающей средой. В. Ульянов был еще в той поре, когда и человек крупного калибра, и сознающий себя таковым, ищет в общении с людьми больше случаев самому учиться, чем учить

других. В этом личном общении не было и следов того апломба, который уже звучал в его первых литературных выступлениях, особенно в критике Струве... Но и в отношениях к политическим противникам в нем сказывалась еще изрядная доля скромности». И еще одно весьма существенное замечание Мартова: «Элементов личного тщеславия в характере В.И. Ульянова я никогда не замечал».

Константин Тахтарев, принадлежавший к числу идейных оппонентов Ульянова, также постарался быть более объективным. «Я не знаю, – писал он, – хотел ли с самого начала Владимир Ильич непременно руководить его окружавшими, стремился ли он непременно стать во главе движения. Мне лично думается, что он в большинстве случаев становился руководителем своих товарищей и окружавших его не потому, что непременно хотел быть среди них первым, а потому, что он шел всегда впереди их, показывая им дорогу своим личным примером и невольно ведя их за собой».

Особенно любопытно в этой связи мнение тех продвинутых, влиятельных рабочих, которые были не только вполне независимы в суждениях, но и в силу жизненного опыта, – как говорится, за версту почувствовали бы малейший намек на «властолюбие», а уж тем более на «холод, презрение и жестокость» к людям.

Характеристика Ульянова, данная Шелгуновым, уже приводилась: «Много было хороших людей тогда среди революционеров, но большей простоты в отношениях, чем у Ильича, не замечалось ни у кого никогда». А вот мнение Матвея Фишера с завода «Сименс и Гальске» – человека, прошедшего через народовольческие и марксистские кружки, с 1901 года в эмиграции активно участвовавшего в английском рабочем движении и вернувшегося в Россию лишь спустя 20 лет. Вспоминая 90-е годы и Ульянова, он написал: «Внешне он ничем особенным не отличался от революционной интеллигенции. Разве только тем, что обладал очень небольшим запасом волос. Одним словом, ничего особенного, но его обхождение все-таки отличалось от обхождения других. Он не был напорист, не

ушибал, не хвастал и не щеголял своими знаниями. Он умел так подойти к человеку, что тот, незаметно для самого себя, начинал чувствовать себя как дома, непринужденно выкладывал свою душу, чувствуя, что он получит ответ на все свои запросы».

Звучит, может быть, и несколько комплиментарно, но, зная авторов, трудно заподозрить их в неискренности. Во всяком случае, указанные мнения дают основание для того, чтобы поставить под сомнение «холод, презрение и жестокость» к людям, которые действительно следует отнести у Струве к наслоениям жесточайшей политической борьбы последующих лет.

К подобного рода «наслоениям» надо, видимо, отнести и портрет молодого Ульянова, нарисованный в 1927 году Потресовым: «Он был молод – только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока-тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая борода, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой сиплый голос... У молодого Ленина на моей памяти не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром его звали "стариком", и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и "старый", каким он нам представлялся в 95 году».

Ну а теперь прочтите Глеба Кржижановского: «Кличка Старик находилась в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией». Или Германа Красина: «Нас встретил необычайно живой и веселый человек...»; «Он обладал неистощимым юмором и умел смеяться заразительно, до слез»²³⁸. Или Софью Невзорову о том, как в феврале 1895 года решили они поехать за город, «собраться всем вместе и молодо, весело провести вечер».

«Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький трактирчик, где можно было остановиться, попить и поесть. Были предприняты всевозможные предосторожности. Выехали с различных вокзалов и различными путями. В большой

отдельной комнате трактира веселой гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, вернулись опять в комнату, пели, плясали русскую и казачка. Особенно мастерски плясал Петр Запорожец, а около него меланхолично, но старательно выплясывал Мих. Названов. Владимир Ильич был очень весел, шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор. Было морозно, снежно, небо усыпано звездами. Молодо и бодро чувствовали мы себя все тогда!»²³⁹

Насчет того, что «пили чай», Софья Павловна или запомняла, или слушала. Сильвин был более определен: «В ярко освещенном зале мы за маленьким столиком пили вино и танцевали вместе с другими гостями этого заведения. Были с нами и наши дамы. Владимир Ильич также танцевал и был непринужденно весел»²⁴⁰.

Откуда же столь контрастные и столь несовместимые характеристики?

Утверждение Потресова и Струве о том, что с первой встречи они «раскусили» Ульянова, весьма сомнительно. Ибо и после этого, на протяжении достаточно длительного времени, они не только сотрудничали, но и поддерживали личные отношения. Помимо практических соображений, о которых уже говорилось, Владимира Ильича привела в «салон» сама возможность «скрестить шпаги» с весьма серьезными и сильными оппонентами. Как полагает тот же Сильвин, Ульянов «нашел в них, в лице Струве, Потресова, Классона, Калмыковой, Туган-Барановского, Булгакова и др., людей с большими знаниями, с высокоразвитыми общественными интересами, с навыками научного мышления. На собраниях у Калмыковой, у Классона и Потресова велись споры не только на политические темы... но и на темы отвлеченные. Владимир Ильич склонен был к чистому мышлению, любил его как гимнастику ума»²⁴¹.

Но то, что с самого начала подобные контакты не влекли за собой особых взаимных симпатий, – это факт. И можно предположить, что неприязнь – кроме политических мотивов – была связана с отношением Ульянова к «салонным радикалам»

вообще. Это обстоятельство и порождало ту сдержанность и холодность, о которой писал Струве.

В светском салоне традиционно принято вести себя *прилично*. То есть вы обязаны быть со всеми изысканно любезным, всем улыбаться и, по возможности, говорить комплименты, даже если вы глубоко презираете собеседника. С такого рода условностями Владимир Ильич не считался ни в Самаре, ни в Питере. Он никогда не изображал из себя благовоспитанного молодого человека. Просто был добр, внимателен и, как заметил Сильвин, «бесконечно *деликатен*»²⁴² по отношению к друзьям, соратникам. И не очень умел скрывать своей неприязни и иронии в адрес тех, кого считал недругами.

Кстати, именно при подобных обстоятельствах, на квартире Классона, Ульянов познакомился с Крупской. На Масленицу устроили блины. Пили, ели, вели беседу... «Владимир Ильич, – пишет Надежда Константиновна, – говорил мало. Больше присматривался». Зашла речь о политике, и «кто-то сказал – кажется, Шевлягин, – что очень важна, мол, работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слыхала у него такого смеха:

– Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем.

Людям, называвшим себя марксистами, стало неловко под пристальными взорами Владимира Ильича.

Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бородку, сказал:

– Ведь это черт знает, что он говорит.

– Что же, – ответил Коробко, – он прав. Какие мы революционеры»²⁴³.

– Так или иначе, вне зависимости от того, кто был прав и «источал он холод и презрение», как полагает Струве, или был «бесконечно деликатен», как утверждает Сильвин, Ульянова признали лидером и интеллигенты-«технологи», и наиболее авторитетные питерские рабочие. И после этого, как заметил

Михаил Григорьев, «мне не приходилось более слышать обязательного прибавления к фамилии Ульянова, что это брат и т. д.»¹.

В начале 1895 года эта нелегальная столичная организация уже поддерживала регулярные контакты с социал-демократическими группами Москвы, Нижнего Новгорода, Иваново-Вознесенска, Киева, Вильно. И пора было устанавливать прямые связи с социал-демократическим центром в эмиграции – женеvской группой «Освобождение труда».

18 или 19 февраля 1895 года в Петербурге состоялось совещание. Столичных социал-демократов на нем представляли Ульянов и Кржижановский, московских – Евгений Спonti, киевских – Яков Ляховский, виленских – Тимофей Копельзон. Поскольку совещание подобного рода происходило впервые, то вполне естественно, что его участники попытались прежде всего прояснить принципиальные позиции, касавшиеся содержания и методов работы.

Спonti и Ляховский заявили, что стоят «за необходимость перейти к агитации, которую понимали так, как это было изложено в известной брошюре того времени «Об агитации». Но когда, как пишет Копельзон, они стали пояснять, что «русский пролетариат еще не созрел для восприятия политических лозунгов», возник спор. Спonti факт дискуссии отрицал: «Помнится, со стороны Ленина были реплики, возможно, в тех местах наших докладов, где указывалось на необходимость при агитации в массах придерживаться, главным образом, экономической почвы, пока масса не созреет для восприятия политических лозунгов. Но эти реплики не казались нам требующими дискуссии, так как никто из нас в принципе не отрицал необходимости также и политического воспитания масс... У меня осталось такое впечатление, что Ленин был, в общем, согласен с тем, что нами говорилось. По крайней мере, кроме указанных реплик, он ничем не обнаруживал своего несогласия. И только когда зашла речь о необходимости поездки за границу и Ленину было предложено передать имеющиеся у петербургской группы материалы для напечатания, Ленин

заявил, что вопрос о поездке за границу петербургской группой уже решен и что они выполняют эту задачу самостоятельно»²⁴⁴.

Как уже говорилось, заграничный паспорт Ульянов получил 15 марта. Видимо, тогда же он был готов уехать, но тяжелое воспаление легких уложило его в постель. И точно так же, как он во время болезни Софьи Невзоровой или Михаила Сильвина навещал их, теперь все «по очереди забежали к нему и, – как пишет Софья Павловна, – делали все нужное: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами и т. д.»²⁴⁵.

Сильвин пригласил ординатора Мариинской больницы доктора Кноха, и тот посоветовал немедленно вызвать мать. Мария Александровна приехала, и Владимира Ильича стал лечить бывший семейный врач Ульяновых в Симбирске профессор Александр Александрович Кальян, который с 1888 года жил в столице²⁴⁶.

Через пару недель Владимир Ильич был уже достаточно здоров и 25 апреля 1895 года выехал за границу.

В «прекрасном далеке»

При пересечении границы никаких проблем не возникло, хотя вслед уже летело предписание департамента полиции – «учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова тщательное наблюдение»²⁴⁷. Но сразу же обнаружились проблемы с языком. Выяснилось, что тот немецкий, которому учил его в гимназии Яков Михайлович Штейнгауэр, будучи вполне пригодным для чтения литературы, не совмещается с тем языком, на котором говорят австрийцы и немцы.

2 мая, во время остановки в Зальцбурге, Владимир Ильич пишет матери: «Я оказался совсем швах [слаб], понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе*. (Не понимаю даже самых простых слов, – до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят.) Пристаешь к кондуктору с каким-нибудь вопросом, – он отвечает; я не

понимаю. Он повторяет громче. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык»²⁴⁸.

Следующее письмо уже из Швейцарии: «Природа здесь роскошная. Я люблюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона...»²⁴⁹

В Лозанне, у родственников Классона, он получает адрес Плеханова, едет в Женеву и здесь впервые встречается с Георгием Валентиновичем. О том, что Плеханов с первого взгляда произвел на него огромное впечатление, упоминалось в предисловии. Владимир Ильич сразу вспомнил фразу Фердинанда Лассаля – «физическая сила ума». Спустя почти два десятилетия он скажет Ивану Попову о Плеханове: «Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»²⁵⁰.

Сказать, что Ульянов отнесся к нему с должным почтением, как к признанному российскими марксистами патриарху, было бы не совсем точно. Речь идет о другом: о *«юношеской влюбленности»*, как выражались в старые времена. Георгий Валентинович был для него духовным пастырем, который в какой-то мере способствовал выбору жизненного пути. А от Плеханова напрямую тянулась ниточка к тем, кто стал кумирами его поколения революционеров, – к Марксу и Энгельсу. Через несколько лет Владимир Ильич откровенно напишет о «громадной любви к нему», о том, что он и его друзья «были влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки»²⁵¹.

Впрочем, в то первое знакомство внешне это никак не проявилось. Евгений Спonti, прибывший в Швейцарию несколько раньше и присутствовавший при этой встрече, писал, что Владимир Ильич «был очень сдержан, держал себя с большим достоинством» и, видимо, от волнения «говорил мало,

вернее, ничего, кроме необходимых в общем разговоре реплик»²⁵².

Во время этой беседы Ульянов презентовал Плеханову свою книгу «Что такое "друзья народа"». Георгий Валентинович «бегло посмотрел брошюру и заметил: «Да, это, кажется, серьезная работа»²⁵³. Он был вполне любезен и приветлив, но, как пишет со слов Владимира Ильича Анна Ильинична, «чувствовался все же некоторый холодок». И это объяснялось не какими-то нюансами его отношения к Владимиру Ильичу, а обычной для него манерой держать дистанцию даже по отношению к близким людям, тем более к молодым россиянам, постоянно домогавшимся встреч и знакомства.

Сразу приходит на память отзыв Максима Горького: «Когда меня "подводили" к Г.В. Плеханову, он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель на еще одного нового ученика»²⁵⁴.

Много лет спустя Валентинов подробно расписывал, как в 1917 году Плеханов якобы говорил ему, что уже тогда, в 1895-м, при первой встрече, он «сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов – материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо»²⁵⁵. Эта информация так, наверное, и вошла бы в историческую литературу... Но вот беда, сохранилось письмо Георгия Валентиновича жене, написанное сразу же после визита Владимира Ильича: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный, даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди»²⁵⁶. На такой высокой ноте визит, судя по всему, и завершился.

Время было обеденное, но кормить Ульянова и Спonti у себя Плеханов не стал – жена была в отъезде, а порекомендовал недорогой ресторанчик, куда они и направились. Для Владимира это был, видимо, первый ресторанный обед за границей, и, как это часто бывает с россиянами, без смешного не обошлось. «Не знакомые с заграничным меню, – пишет Спonti, – мы с Лениным,

после второго блюда, раза два, к великому удовольствию прислуживающей нам девушки, брались за шапки и пытались расплатиться, но оказывалось, что обед еще не окончен»²⁵⁷.

Для более конкретных переговоров с группой «Освобождение труда» Плеханов направил Владимира Ильича в Цюрих к Павлу Аксельроду. И если почтение, испытываемое к Георгию Валентиновичу, в какой-то мере сковывало Ульянова, то Павел Борисович чем-то напомнил ему покойного отца, Илью Николаевича, и у них сразу сложились самые теплые дружеские отношения. На неделю они уехали в деревушку Афольтерн – в часе езды от Цюриха – и, как вспоминал Аксельрод, проводили «целые дни вместе», гуляли в окрестностях, поднимались «на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших обоих вопросах».

Говорили главным образом о содержании и формах социал-демократической работы. И за всеми разговорами Павел Борисович настойчиво проводил одну мысль – пора создавать партию. Каждый раз, когда собирались международные конгрессы Интернационала, Плеханов и его коллеги получали мандаты от достаточно случайных групп. С эмигрантским «Союзом русских социал-демократов за границей», созданным в 1893 году, дело явно не заладилось. Его молодые члены позволяли себе попрекать «стариков» оторванностью от российской революционной практики, и в воздухе уже пахло расколом. Летом 1896 года предстоял 4-й конгресс Интернационала. И Аксельрод полагал, что если связи питерцев с рабочими, как это следовало из рассказов Ульянова, достаточно прочны, то необходимо оформлять организацию. А назвать ее можно, к примеру, – «Союз освобождения труда».

Убеждать Владимира Ильича в необходимости создания партии не приходилось. За год до встреч в Швейцарии, в работе «Что такое "друзья народа"» он выдвинул эту задачу в качестве первоочередной. Поэтому дискуссий не возникало. Договорились о регулярной переписке, о том, что в Питере надо попытаться поставить нелегальную газету для рабочих, а в Швейцарии, под редакцией Аксельрода, начать издание неперiodических

сборников «Работник», материалы к которым будут присылать из России.

Общее впечатление о встрече было превосходным, и спустя много лет Аксельрод писал, что «эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы «Освобождение труда». И тем не менее, когда в ходе бесед зашла речь о статье Тулина «Экономическое содержание народничества», Павел Борисович, дав ей самую высокую оценку, не стал скрывать, что не может согласиться с отношением Ульянова к либералам: «У вас заметна тенденция, прямо противоположная тенденции, той статьи, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе...

– Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей, – ответил Ульянов, – совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: “Вы, – говорит, – поворачиваетесь к либералам спиной, а мы – лицом”.

Ульянов, несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие. У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно».

Из Швейцарии Владимир Ильич направляется в Париж. 8 июня он пишет матери: «Получил твое письмо перед самым отъездом в Париж. В Париже я только еще начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых часто бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное – широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно, – так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости. Чтобы посмотреть как следует, придется провести несколько недель».

Владимир Ильич намеревался прежде всего встретиться с Полем Лафаргом. Талантливейший пропагандист идей марксизма, один из лидеров социалистического Интернационала, зять Маркса – для любого социалиста, тем более молодого, он был фигурой знаковой. Но Плеханову и его коллегам было важно, видимо, и другое: «предъявить», так сказать, живого представителя российской социал-демократии, связанной с нарождавшимся пролетарским движением. И когда визит состоялся, Лафарг не случайно более всего интересовался тем, как именно русские социалисты ведут практическую работу.

Со слов Ульянова, об этой беседе рассказал Мартов:

«– Чем же вы занимаетесь в этих кружках? – спросил Лафарг. Ульянов объяснил, как, начиная с популярных лекций, в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса.

– И они читают Маркса? – спросил Лафарг.

– Читают.

– И понимают?

– И понимают.

– Ну, в этом-то вы ошибаетесь, – заключил ядовитый француз. – Они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает»²⁵⁸.

Помимо визита к Лафаргу, в планы Ульянова входило посещение Национальной библиотеки. Здесь он составляет список книг парижских коммунаров, вышедших еще в 1871 году: «Социальная война» Андре Лео, «Третье поражение...» Бенуа Малона, «Социальный антагонизм» Адольфа Клеманса, «Красная книга об юстиции "деревенщины"» Жюля Геда, «Восемь майских дней на баррикадах» Лиссагаре. Он читает их, а книгу Гюстава Лефрансе конспектирует²⁵⁹.

Впрочем, законспектировал он лишь первую ее часть. Сидеть в жаркие летние дни в библиотеке не хотелось. И позднее он напишет матери: «Я жил в Париже всего месяц, занимался там мало, все больше бегал по "достопримечательностям"»²⁶⁰. Судя по всему, был он и у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез, и в Музее революции 1789 года, и в Музее восковых фигур Гравена, в Зоологическом саду и Люксембургском саду. Он

исходил все улочки и переулки, где сражались на баррикадах французские рабочие. И позднее Владимир Бонч-Бруевич рассказывал: «С особой любовью Владимир Ильич вспоминал, зная буквально все на память, события Парижской коммуны. Он знал, где какие были бои, кто погиб, кто проявил особый героизм. Он так увлекался, говоря об этих днях, что, казалось, мы присутствуем там, где не так давно совершились великие бои парижского пролетариата»²⁶¹.

Есть основания полагать, что из Парижа Ульянов намеревался двинуться в Англию для встречи с Энгельсом. За год до этого Плеханов познакомил в Лондоне с Энгельсом Александра Потресова. Теперь ему можно было представить Ульянова. Эта встреча могла бы стать кульминацией всей его заграничной поездки. Но выяснилось, что состояние здоровья Энгельса резко ухудшилось и визит практически невозможен.

Из Парижа Владимир Ильич возвращается в Швейцарию. 18 (6) июля он пишет матери: «Я многоноcko пошлялся и попал теперь в один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более что врача-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный, и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда. Жизнь здесь обойдется, по всем видимостям, очень дорого; лечение еще дороже, так что я уже вышел из своего бюджета и не надеюсь теперь обойтись своими ресурсами. Если можно, пошли мне еще рублей сто...»²⁶²

Дом крестьянина Зырянова, где жил Владимир Ульянов во время ссылки в селе Шушенском

Заграничную переписку русская полиция перлюстрировала тщательно. Поэтому трудно сказать, был ли Владимир Ильич на курорте. Вернее всего – не был. А вот то, что из Парижа он приехал в Женеву, а оттуда вместе с Плехановым, Александром Воденом и прибывшим из России Александром Потресовым отправился в горы, в глухую деревушку Ормоны, – это факт²⁶³. Причем факт, ускользнувший от составителей биографии В.И. Ленина.

Здесь, в горах, у подножья альпийских снегов, они, как пишет Потресов, проводили все время «в прогулках и бесконечных разговорах на ходу»²⁶⁴. И хотя и природа, и это общество были великолепны, Владимир Ильич, судя по всему, чувствовал себя не вполне комфортно. Во-первых, в присутствии Плеханова по-прежнему ощущалась определенная скованность. А во-вторых, «бесконечные разговоры на ходу» слишком напоминали светский салон.

Георгий Валентинович действительно был человеком светским, по манерам своим более всего походившим на аристократа. С его феноменальной эрудицией, «с его, – как пишет Потресов, – всеобъемлющими интересами, дававшими пищу для неизменно яркого и талантливому реагирования его ума», Плеханов буквально фонтанировал идеями. Из него, «как из неиссякаемого кладезя мудрости, можно было черпать мысли и сведения по самым различным отраслям человеческого знания, беседовать с ним с поучением для себя не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии»²⁶⁵.

На этом фоне, замечает Потресов, Владимир Ульянов казался «серым и тусклым». С ним, «при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и не интересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся, и в каждом его соображении сказывалась продуманность, следы того жизненного опыта, который, несмотря на его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и выявить его прирожденную даровитость»²⁶⁶.

Каково? В который уже раз, читая такого рода характеристики, поражаешься умению автора прикрывать неприязнь к прежде близкому человеку флером, казалось бы, вполне корректных фраз. Вроде бы и «даровитый», но «малоинтересный». Вроде бы и «жизненный опыт» есть, но «кратковременный» и «несложный». Когда о России говорит, становится «сильным» и «искрящимся», а в общем-то – «серый и тусклый». И все это безотносительно к тому, ради чего, собственно, ехал Ульянов за тысячу верст в Швейцарию и колесил по Европе, перехватывая у матери совсем не лишнюю сотню из семейного бюджета. Ну а насчет «серости», то в 1918 году, рисуя портрет Плеханова, тот же Потресов напишет, что – о чем бы ни шла беседа – лишь только разговор касался России,

Георгий Валентинович весь преображался, «он загорался, когда о ней говорил...»²⁶⁷.

Георгий Валентинович был человеком проницательным, и он, видимо, уловил состояние Ульянова. Поэтому Плеханов продолжил тему, начатую в беседе с Владимиром Ильичом Павлом Аксельродом. Оба они, как со слов брата рассказывала Анна Ильинична, «нашли некоторую “узость” в постановке вопроса об отношении к другим классам общества в статье за подписью Тулина. Оба считали, что русская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограничиться одной критикой всех партий, как в период своего формирования; что, становясь самой передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение к общественной жизни различных классов и групп»²⁶⁸.

Поскольку в «Друзьях народа» Владимир Ильич писал о необходимости в борьбе с абсолютизмом стать «во главе всех демократических элементов», то принципиальных разногласий не возникло, и он, как пишет Аксельрод, заявил, что «признает правильность точки зрения “Группы” на этот вопрос». Досталось, впрочем, и «Друзьям народа...». Ухватив фразу о «материалистическом методе», Плеханов прочел Ульянову целую лекцию. И через четыре года, когда ту же фразу Владимир Ильич встретил у Каутского, он написал Потресову: «Помните, как один наш общий знакомый в “прекрасном далеке” зло высмеивал и разносил в пух и прах меня за то, что я назвал материалистическое понимание истории “методом”? А вот, оказывается, и Каутский повинен в столь же тяжком грехе, употребляя то же слово: “метод”».

Впрочем, никаких обид не осталось. Спустя два года Ульянов встретился с Петром Красиковым, который подробно рассказал ему о том бедственном – моральном и материальном – положении, в котором находился Плеханов в конце 1893 – начале 1894 года после смерти пятилетней дочери Машеньки. Владимир Ильич ответил: «Вы, конечно, знаете, теперь дело с

Плехановым стоит уже иначе. Мы сделали и сделаем все, чтобы привлечь и сберечь для нашего общего дела такой блестящий ум и сделать общим достоянием такую огромную литературную силу. Вот эта книжка, – он указал на легально изданную книгу Плеханова под псевдонимом Бельтов, – прекрасная книжка, и в то же время она дала Георгию Валентиновичу изрядную сумму франков. Когда я его видел в 1895 году, от “штанов с бахромой” уже не осталось и следа! А теперь мы смело можем сказать, что он нужды уже никогда не увидит».

Во второй половине июля Ульянов едет в Берлин. 10 августа он пишет матери: «Не знаю, получила ли ты мое предыдущее письмо, которое я отправил отсюда с неделю тому назад. Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня – Tiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпре, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги. Здесь через весь город идет (над улицами) железная дорога: поезда ходят каждые 5 минут, так что мне очень удобно ездить в “город” (Моабит, в котором я живу, считается собственно уже предместьем).

Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти все в таких речах с первого же раза».

В следующем письме Владимир Ильич пишет: «Чувствую себя совсем хорошо, – должно быть, правильный образ жизни [переезды с места на место мне очень надоели, и притом при этих переездах не удавалось правильно и порядочно кормиться], купанье и все прочее, в связи с наблюдением докторских предписаний, оказывает свое действие... По вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи. Теперь уже немножко освоился и понимаю несколько лучше. Мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.»²⁶⁹.

Насчет «шлянья» и «увеселений» он в основном пишет в расчете на цензуру. Ибо из документов и воспоминаний видно, что его берлинское время заполнено вполне определенными делами. В читальном зале Прусской государственной библиотеки он изо дня в день штудировал новейшую марксистскую литературу. Посещает рабочие собрания и на одном из них слушает доклад об аграрной программе германской социал-демократии. Встречается со старым самарским знакомым Вильгельмом Бухгольцем. Через него знакомится с виленскими социал-демократами И. Айзенштадтом и М. Розенбаумом и договаривается о связях с Питером.

Тем временем приходит печальное известие о смерти 24 июля (5 августа) Фридриха Энгельса, и Владимир Ильич садится писать статью-некролог.

В начале сентября его принимает один из лидеров Германской социал-демократической партии – Вильгельм Либкнехт. Ради этой встречи Плеханов написал ему письмо: «Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас, деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее»²⁷⁰. Они обсуждают возможность издания в Германии и транспортировки нелегальной литературы в Россию. А уже 7 сентября Владимир Ульянов вполне легально, в пассажирском поезде, пересекает русскую границу у станции Вержболово.

Его желтый чемодан с двойным дном, наполненным запретной печатной продукцией, был сработан немцами отлично. И начальник пограничного отделения докладывает в департамент полиции, что по самому тщательному досмотру багажа Ульянова ничего предосудительного не обнаружено²⁷¹. Шпики фиксируют приобретение им билета до Вильно, но «засечь» его в самом Вильно не удается.

«Зачаток партии»

О дальнейших своих маршрутах Владимир Ильич сообщает в письме Аксельроду: «Буду рассказывать по порядку. Был прежде всего в Вильне. Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку... Дескать, посмотрим, будет ли соответствовать тактике агитационной, тактике экономической борьбы. Я напирал больше всего на то, что это зависит от нас.

Далее. Был в Москве. Там были громадные погромы (Аресты. – *В.Л.*), но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал – описание нескольких стачек. Вышлем.

Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация – единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа – самый резкий. Рабочие настроены поэтому довольно оппозиционно, но после бывшего там недавно погрома осталось так мало публики, и вся на примете до того, что сношения очень трудны. Впрочем, литературу сумеем доставить.

...Напишите поподробнее о сборнике: какой материал есть уже, что предположено, когда выйдет 1-ый выпуск, чего именно недостает для 2-го. Деньги, вероятно, пришлем».

Есть в этом послании – и в содержании, и в тоне – нечто необычное. Владимир Ильич и раньше писал письма родным, друзьям, близким и дальним знакомым. Делился мыслями, спорил, высказывал какие-то пожелания. Но в этом письме он впервые *отчитывается* о проделанной работе. Он впервые ощущает себя как бы частью некоего весьма значимого для него целого, где отношения строятся не на личном приятельстве, а на сопричастности *общему делу*.

В этом деле он сам взял на себя определенные обязательства, ради них совершил опасное путешествие по России. И новое качество отношений нисколько его не тяготит. Он с явным удовольствием пишет в Цюрих о бумаге и краске для

печатного станка, о каналах связи, явках, способах переписки. О том, что в китайскую тушь надо «прибавить маленький кристаллик *хромпика* ($K_2Cr_2O_7$): тогда не смывается». А при пересылке корреспонденции в переплетах книг «необходимо употреблять очень жидкий клейстер: не более чайной ложки крахмала (и притом картофельного, а не пшеничного, который слишком крепок) на стакан воды»²⁷².

В Петербург Владимир Ильич возвращается 29 сентября. И уже в ближайшие недели он предпринимает шаги к объединению столичных социал-демократических групп, все еще существовавших в автономном режиме. Первой из них становится группа Мартова, о которой Ульянов получил дополнительную информацию и в Швейцарии, и в Вильно. Они сами вышли на контакт со «стариками» через Любовь Радченко с предложением о слиянии. Группа располагала опытными пропагандистами, хорошими связями на границе для транспортировки литературы и, что особенно важно, имела свой мимеограф – типографскую новинку, позволявшую гораздо проще и качественней, чем на гектографе, тиражировать листовки.

Первая встреча состоялась в октябре. «Старики» представляли Ульянов, Кржижановский, Старков; группу – Юлий Мартов и Яков Ляховский. Владимир Ильич начал с рассказа о своей поездке за границу: о визите к Лафаргу в Париже, о беседах в Швейцарии, и, как заметил наблюдательный Мартов, он «был всецело проникнут почтением к вождям социал-демократии, Плеханову и Аксельроду, с которыми он недавно познакомился, и заметно чувствовал себя по отношению к ним еще учеником»²⁷³.

Затем разговор зашел об общем направлении работы, и Мартов стал критиковать «стариков» за оторванность «от процессов стихийного недовольства, тлеющих в массах». Ему ответили, что «в организации новая точка зрения на методы работы более или менее усвоена», что рабочая молодежь «рвется выйти из тесных рамок кружковых занятий и кое-где на

собственный риск и страх делает попытки непосредственного обращения к серым массам». В конечном счете вопрос об организационном слиянии в принципе был решен²⁷⁴.

После этого обсудили вопрос о возможности объединения с группой «молодых», пытавшихся конкурировать со «стариками» в рабочей среде. Мнения по этому вопросу полностью совпали: для слияния с «молодыми» существует, по меньшей мере, два препятствия. И первое из них – сам характер взаимоотношений внутри группы.

Ее лидер Илларион Чернышев, как отметили присутствовавшие, ведет себя крайне высокомерно и «играет в ней роль непогрешимого папы, а остальные ее члены... связаны именно этим почитанием вождя»²⁷⁵. Заметим, кстати, что и рабочие считали подобное поведение совершенно неприемлемым. Уже упоминавшийся Константин Норинский, признавая «начитанность» Чернышева, прямо писал, что Илларион Васильевич «любил осмеять чуть ли не каждого», был абсолютно нетерпим, «носил в себе много генеральского. И без мальчиков, прислужников – ни шагу»²⁷⁶.

Мемуары Потресова, обвинявшие Ульянова в подборе кадров по признаку «личной преданности» и «отсутствия самостоятельности», были написаны спустя десятки лет, и Мартов, естественно, не знал о них. Тем интереснее его свидетельство о том, что в среде «стариков» такое было просто невозможно. Настолько, что это и стало причиной их отказа от объединения с Чернышевым, ибо они полагали, что «диктатура Чернышева в его группе должна вести к ее заполнению несамостоятельными и слишком молодыми политиками». Именно «к такому революционному "генеральству", – подчеркивает Мартов, – мы все относились отрицательно». А Ульянов? Он, отмечает Мартов, «вращаясь в среде серьезных и образованных товарищей... играл роль "первого между равными"»²⁷⁷.

Второе обстоятельство, препятствовавшее объединению с «молодыми», касалось «правой руки» Чернышева – зубного врача Николая Михайлова. Относительно него существовали

серьезные опасения в том, что он связан с охранкой. Подозрения на этот счет были и у Мартова, знавшего его около четырех лет, и у самих «стариков», которые заметили, что Михайлов, через знакомых рабочих-кружковцев, пытается совать свой нос в сугубо конспиративные вопросы деятельности организации. В этой связи они, как пишет Сильвин, оповестили «товарищей, в особенности рабочих, не иметь дела с этим мерзавцем»²⁷⁸.

Оставалась еще одна, державшаяся особняком группа столичных социал-демократов, ядро которой составляли студенты Военно-медицинской академии. В первых числах ноября ее лидера Константина Тахтарева пригласили на собрание рабочих групп, состоявшееся за Невской заставой на квартире Шелгунова. «Собрание началось, – пишет Тахтарев, – с выяснения положения дел в различных районах». Вел его Ульянов, и более всего его интересовало – «каковы условия труда и отношения рабочих и администрации на различных заводах и фабриках, где замечается особое недовольство рабочих, и каковы причины, где имеются связи с рабочими и где можно надеяться на успех агитации».

Начались прения. «Владимир Ильич настаивал на немедленном переходе к агитации и ведении ее в самых широких размерах, его поддерживали и другие». Но Тахтарев выступил против. Он заявил, что концентрация «наших сравнительно немногочисленных сил на агитации» грозит неизбежным и скорым провалом. Он был уверен, что его поддержат и некоторые «старики», в частности Сергей Радченко, высказывавший ранее аналогичные опасения, и такие старые кружковцы, как Шелгунов и Бабушкин, которые прежде занимались у него в кружке и побаивались, что с выходом на открытую арену будет утрачен годами накопленный «человеческий капитал». Однако, как пишет Тахтарев, вопреки ожиданиям, Ульянова поддержали «и мои приятели Бабушкин и Шелгунов, а также и Зиновьев, последний с особенным жаром. Большинство быстро склонилось на сторону Владимира Ильича, и вопрос о немедленном переходе к широкой агитации в массах во всех районах был решен положительным образом».

Помимо несогласия относительно агитации, Тахтарев, по существу, выступил и против самой идеи общегородской организации социал-демократов. Он противопоставил ей предложение о создании «объединенной рабочей кассы». Дело в том, что в прежние годы многие рабочие кружки создавали подобные кассы для закупки литературы и помощи товарищам. Иногда эти кассы соединялись в рамках районов. В них Тахтарев и увидел возможность самостоятельного объединения рабочих и своего рода противовеса социал-демократической интеллигенции. Ульянов решительно выступил против. По его мнению, не слияние касс, а лишь сплочение социал-демократических групп, связанных с пролетарским движением, способно выразить интересы рабочего класса. Однако переубедить Тахтарева не удалось, и вопрос об объединении с его группой отпал сам собой.

Более успешными оказались переговоры с «Группой народовольцев». Впрочем, в данном случае речь шла не об объединении, а о сотрудничестве. После апрельских арестов 1894 года ее молодые члены, оставшиеся на свободе, возобновили свою деятельность. «В их среде, – пишет Сильвин, – наблюдалось заметное шатание. Немногие стояли на почве старой народовольческой ортодоксии. Большинство же склонялось к марксизму и искало сотрудничества с нами». Они стали передавать «старикам» свои кружки, связи с рабочими, а главное – предложили совместно издавать рабочую газету, благо в их распоряжении была нелегальная типография.

Переговоры поручили Ульянову, и он провел их столь тактично, что особых дискуссий не возникло. Договорились о том, что марксисты воздержатся от критики «идейных традиций» революционного народничества, а народовольцы не станут пропагандировать террор и касаться вопроса о путях экономического развития России. Предполагалось, что газету будут редактировать представители обеих групп, каждый из которых пользовался правом «вето». Но, как пишет Мартов, «первый номер группа [народовольцев] предлагает составить нам целиком, что уже совсем нас растрогало и обрадовало.

Кржижановскому, мне и Ульянову организация поручила составить первый номер, и мы взялись за работу». О результатах этих переговоров Владимир Ильич уже в середине ноября сообщает в Цюрих Аксельроду.

К этому времени городская организация была окончательно оформлена. На собрании, где это произошло, присутствовало все ядро группы «стариков»: Владимир Ульянов, Анатолий Ванеев, Петр Запорожец, Глеб Кржижановский, Александр Малченко, Яков Пономарев, Сергей и Любовь Радченко, Михаил Сильвин, Василий Старков, Зинаида Невзорова, Аполлинария Якубова, Надежда Крупская. От группы Мартова, помимо него самого, были Яков Ляховский, В.М. Тренюхин и С.А. Гофман. Эти 17 человек составили костяк городской организации. Кандидатами для ее пополнения в случае провалов наметили В.К. Сережникова, И.А. Шестопалова, И. Смидович и от «мартовцев» – Федора Гурвича-Дана, Бориса Гольдмана-Горева и М.А. Лурье.

Все члены организации распределялись по районам. Заречная часть города – Васильевский остров, Петербургская и Выборгская сторона с Охтой поручались Ванееву, Сильвину, Невзоровой, Гофману и Тренюхину. Шлиссельбургский тракт и Колпино с заводами: Семянниковским, Александровским и Обуховским – Кржижановскому, Малченко, Крупской и Ляховскому. И в третьем районе, на Путиловском заводе и предприятиях, расположенных по Обводному каналу и за Московской заставой, работали Старков, Запорожец, Пономарев, Якубова и Мартов.

В состав «Центральной группы» – руководящего центра всей организации – вошли Ульянов, Кржижановский, Ванеев, Старков и Мартов. Помимо этого, Ульянов назначался редактором предполагаемых изданий, Сергей и Любовь Радченко взяли на себя конспиративные и финансовые дела, Пономарев – технику, а Крупская – связи с рабочими, которые она поддерживала и возобновляла через вечернюю школу. Конечно, все это распределение обязанностей было достаточно условно, но

Мартов прав, оценивая указанные решения как первый шаг на пути создания партии²⁷⁹.

Оставался нерешенным весьма существенный вопрос: о вводе рабочих в состав руководящей «Центральной группы». И поскольку в последующем он был излишне политизирован и драматизирован обвинениями в «диктатуре вождей», имеет смысл несколько прояснить его²⁸⁰.

Дело в том, что еще в 1894 году из числа наиболее авторитетных рабочих различных районов сложилась так называемая «Центральная рабочая группа» во главе с Шелгуновым, которая осуществляла посреднические функции между социал-демократической интеллигенцией и кружками. Казалось бы, достаточно включить ее представителя в единый руководящий центр – и двухступенчатость организации ликвидируется. Однако возникла проблема, которая усложнила столь простое решение вопроса.

В связи с переходом к прямой агитации на заводах между старыми рабочими-кружковцами и молодым пополнением стали возникать явные трения. Среди молодых своим задором, подвижностью и «той страстностью, с которой они восприняли идею широкой массовой агитации», особенно выделялись путиловцы Борис Зиновьев и Петр Карамышев. «В противоположность старым кружковцам, типа Богданова, Шелгунова или Бабушкина, – пишет Сильвин, – они не обнаруживали особой склонности к углублению в кладезь премудрости, к теоретическим занятиям, к книжному чтению. С психикой не сектантов, а боевиков, они и по внешности своей были иными. Какой-то порыв чувствовался во всем их поведении, в движениях, в жестах, в манере выражаться... К старым методам пропаганды они относились насмешливо, вышучивая стариков-рабочих с их проповедью медленного, постепенного накопления развитых единиц. Они стояли за открытую агитацию и вели ее всюду, где только могли, – на заводах, в трактирах, на улицах, на квартирах рабочих, в фабричных казармах. С осени 1895 года они играли важнейшую роль во всей нашей работе».

Так кого же включать в руководящий центр? Вводу шелгуновской «рабочей группы», рассказывает Мартов, «препятствовало то обстоятельство, что они все, или почти все, являлись типичными образцами рабочих-книжников, прошедших старую школу кружковщины, очень тугих к усвоению новых приемов работы. Ввести же в центр, по нашему усмотрению, лишь некоторых из них представлялось щекотливым и могущим вызвать недовольство остальных. Можно было через головы этих старейших рабочих ввести в центр лучших из того нового пролетарского поколения, на которое мы, собственно, и рассчитывали в деле постановки массовой агитации, но тут нас останавливала боязнь перед организационной и конспиративной неопытностью этих молодых рабочих».

Судя по биографической хронике, Владимир Ильич не раз встречается в эти дни и с Борисом Зиновьевым, и с Василием Шелгуновым, и с Иваном Бабушкиным. Но решение так и не приходит. «В конце концов, – пишет Мартов, – излив свое огорчение по поводу ясных для нас неудобств сложившегося положения, мы решили временно не разрубать запутанного узла и поддерживать “двухпалатную” систему руководящего и рабочего центра, с которым фактически лишь совещались, и предоставить времени дать нам материал для иной постройки организации».

Плодить конфликты между собой действительно было совсем не ко времени. В самом начале ноября, на том собрании, где присутствовал Тахтарев, «были опрошены два ткача с фабрики Торнтон, которая в этот момент привлекала собой особое внимание собравшихся, так как на ней предвиделась стачка. Опросом ткачей Торнтон, – рассказывает Тахтарев, – руководил Владимир Ильич, который скоро оказался в роли главного руководителя собрания. Опрос торнтоновских рабочих он действительно вел мастерски, ставя вопросы очень умело и получая необходимые ему сведения, которые он немедленно же записывал карандашом на лежавшем перед ним на столе листочке бумаги. Он, очевидно, собирал материал, который

должен был послужить для соответствующего воззвания к рабочим фабрики Торнтон»²⁸¹.

Тахтарев не ошибся. Через несколько дней написанная Глебом Кржижановским листовка была готова, отпечатана на mimeографе и разбросана по фабричным корпусам и жилым казармам. На рабочих листовка произвела огромное впечатление. И 5 ноября забастовали 500 ткачей. Прибывший фабричный инспектор начал переговоры и лишь ценой повышения заработка добился прекращения стачки 8 ноября. И в этот день, как бы подводя итоги выступления, появилась новая листовка, написанная Ульяновым.

«Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке, – говорилось в ней, – доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов... Мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права»²⁸².

С помощью группы молодежи, подобранной Зиновьевым и Карамышевым, листки забрасывали в цеха через вентиляционные системы, раздавали при выходе с завода, прямо на улице. «Ткачи подходили к ним сначала с опаской. "Видит листок, и хочется ему взять, а боится", – рассказывал нам Зиновьев. И лишь потом, прочитав листок, оживленно комментировали: "Ловко продернули!" Читали его теперь уже громко, то есть публично»²⁸³.

А еще через два дня, 10 ноября, к Ульянову прибежал Сильвин – на Васильевском острове бунтуют папиросницы фабрики Лаферма. Вдвоем они отправились к месту событий. Фабрика была оцеплена полицией. Из выбитых окон высывались возбужденные работницы и швыряли вниз все, что попадало под руку: инструмент, мебель, табак, папиросную бумагу. А по окнам, по распоряжению градоначальника фон Валя, били из шлангов ледяной водой пожарные машины.

Ульянов и Сильвин зашли в ближайший трактир. Из разговоров выяснилось, что на фабрике поставили новую машину для набивки папирос, что привело к росту браковки, штрафов и снижению расценок с выработки. Но никакого сочувствия по этому поводу со стороны трактирных завсегдатаев не высказывалось. Наоборот, перебирая подробности обливания работниц пожарными, они лишь гоготали: «Ни-и скандал!» Впрочем, сиятельный градоначальник оказался еще циничнее. Выслушав жалобы выдворенных с фабрики работниц на снижение зарплат, он изрек: «Можете дорабатывать на улице», т. е. на панели²⁸⁴.

Сильвин отправился вслед за расхаживавшими по домам работницами, представился студентом и был приглашен на чай. А уже через несколько дней листовка с изложением причин конфликта и требований папиросниц подсовывалась под двери и разбрасывалась вокруг домов, где жили работницы. «С тех пор, – пишет Сильвин, – фабрика Лаферма стала как бы моей революционной вотчиной, и почти все прокламации и статьи, касавшиеся ее, до самого моего ареста писались мною»²⁸⁵.

15 ноября листовки были распространены на фабрике «Скороход», и трехдневная стачка обувщиков завершилась уступками администрации. Еще через несколько дней листки появились на Путиловском заводе. Мимеограф работал на славу. На полную мощь заработала и нелегальная типография: трехтысячным тиражом выпускается брошюра Ульянова «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Получив из Петербурга эту брошюру и торнтоновскую листовку, Плеханов и Аксельрод дали им самую высокую оценку. Ульянов ответил: «Ваши... отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»²⁸⁶.

Если сравнить книги «Что такое "друзья народа"» или «Экономическое содержание народничества» с листком и брошюрой «О штрафах», то может показаться, что они

принадлежат совершенно разным авторам. Там – размышления о сложнейших философских и экономических проблемах. Тут – разговор о расценках за «шмиц» драпа «бибер» и драпа «урал».

Послушайте: «Вознаграждения за убыток требуют от человека равного, а штрафовать можно только человека подчиненного... Штраф назначается иногда в таких случаях, когда никакого убытка хозяину не было: напр., штраф за курение табака. Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток. Если рабочий, скажем, заронил при курении [искру] и сжег хозяйскую материю, то хозяин не только штрафует его за курение, но еще сверх того вычтет за сожженную материю.

...Возьмем еще пример: работает заводский рабочий на станке около электрической лампочки. Отлетает кусок железа, попадает прямо в лампочку и разбивает ее. Хозяин пишет штраф: «за порчу материалов». Имеет ли он на это право? Нет, не имеет, потому что рабочий не по небрежности разбил лампочку: рабочий не виноват, что ничем не защитили лампочку от кусков железа, которые всегда отлетают при работе».

Это из брошюры «О штрафах». А вот из листовки: «Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 р. 50 к. в полумесяц, в течение же этого времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на 5 р., семьей из мужа, жены и ребенка – всего на 2 р. Они попустили последнюю одежонку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом. Заработок в 1 р. 62 к. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения. Если, наконец, не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как и вы, бедняков, сплотитесь дружно около наших ткачей. Хочет у нас хозяин грабить заработок таким образом, так пусть идет вчистую, так, чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжиль».

Важно, видимо, понять, что это не просто способность журналиста адаптироваться к новой теме за счет жаргона и новых, сугубо профессиональных слов. Чтобы выражать чьи-то интересы, надо для начала научиться понимать их. В Кокушкине

и Алакаевке Ульянов услышал язык и увидел жизнь российской деревни. Теперь он осваивал новый пласт народной, *рабочей* жизни со всеми ее разговорами, мельчайшими деталями производства и быта. Тот пласт народной жизни, с которым он впервые соприкоснулся здесь, в Питере.

Успех листовок говорил о том, что общий язык между рабочей массой и социал-демократической интеллигенцией найден. «Листки, а потом уступки, – пишет Тахтарев, – производили какое-то магическое действие на рабочих: подымалась энергия, появлялась вера в возможность бороться, вера в силу массового натиска и в силу единения. Дело объединения рабочих разных районов Петербурга и создания общей организации продвигалось вперед. Настроение среди организованных рабочих было самое бодрое. Наконец-то найдено средство применять свои силы, развитие и знания, накопившиеся за время чисто кружковой жизни»²⁸⁷.

Именно это соединение социал-демократии с пролетарским движением и стало решающим шагом на пути создания партии. Но не мало ли этого? Нет, не мало. «Разве эта организация, – писал спустя два года Владимир Ульянов, – не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата... не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?»²⁸⁸

Возникал ли вопрос о названии организации? Судя по всему, да. Вокруг того, кто и когда назвал ее «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», страсти кипят до сих пор. Первая листовка с такой подписью появилась лишь 15 декабря 1895 года. Это факт. И о нем речь пойдет в следующей главе. Но разговоры на эту тему были, видимо, и раньше.

В этой связи сошлемся на забытые исследователями свидетельства арестованных рабочих о сходке 4 декабря, состоявшейся на квартире Бориса Зиновьева и Петра Карамышева. Помимо хозяев квартиры, на ней из группы «старых

интеллигентов» присутствовали Василий Старков и Юлий Цедербаум (Мартов), а из рабочих – Николай Данилов, Иван Львов, Дмитрий Морозов, Семен Шепелев, Дмитрий Демичев.

Николай Данилов на допросе показал: «На сходке Зиновьев и Карамышев доказывали, что необходимо, ввиду предполагавшейся на Путиловском заводе сбавки заработной платы, выпустить воззвание, и один из интеллигентов (Мартов. – *В.Л.*) сказал, что может приготовить такие воззвания, причем уговорились, что вечером в тот же день Зиновьев отправится к интеллигенту за этими воззваниями. Тут же было решено, что воззвания должны и впредь выпускаться от имени "Союза борьбы за освобождение рабочего класса"».

...Обвиняемый Львов также подтвердил, что 4 декабря на сходке было решено впредь прокламации выпускать от имени "Союза борьбы за освобождение рабочего класса"»²⁸⁹.

6 декабря завершилась подготовка первого номера газеты. По соглашению с «группой народовольцев» ее называли «Рабочее дело». «Собрание прошло на квартире Радченко. И, открывая его, Ульянов сказал: "Я понимаю свои обязанности редактора самодержавно", – исключая, таким образом, ненужные прения по содержанию статей, уже согласованных с авторами и редакторами». Утвердили содержание номера. Четыре статьи принадлежали Владимиру Ильичу, в том числе передовая, призывавшая российский пролетариат к завоеванию политической свободы. Остальные статьи написали Мартов, Кржижановский, Ванеев, Сильвин, Запорожец и др.

Вечером решили пойти на традиционный студенческий благотворительный бал, проводившийся в зале Дворянского собрания. Надо сказать, что подобного рода балы занимали особое место в деятельности социал-демократов. Перед балом студенческая корпорация избирала несколько комиссий. Артистическая, приглашавшая известных актеров, и танцевальная полностью отдавались «белоподкладочникам», то есть более состоятельным студентам.

А вот хозяйственную комиссию возглавляли, как правило, народники или социал-демократы. Они подбирали самых

красивых курсисток для продажи – по совершенно несообразным ценам – входных билетов для гостей (не менее 10 руб.), цветов (25 руб. за бутоньерку) и шампанского (до 100 руб. за бокал). Выручка шла на взнос платы за обучение и на пособия бедным студентам. И лишь совсем малый процент поступал в фонд студенческих организаций. Его-то и отдавали нелегалам.

Вот на такой бал и пришла, как пишет Борис Горев, «повеселиться» и «отвести душу» вся группа «стариков» с Ульяновым во главе. Концерт был хорош. Начались танцы. Веселье было в полном разгаре, когда в кругу столичных знаменитостей появился, окруженный стайкой поклонниц, Михайловский. Горев, которому позарез были нужны деньги на «технику», подошел к нему и буркнул что-то про «общественные нужды». Михайловский, прекрасно понимая, о чем идет речь, барственно протянул туго набитый бумажник. Борис извлек из него четвертной, остальное вернул и с победным видом, под дружный хохот, вернулся к своим. Впрочем, к 2 часам ночи веселья поубавилось: среди публики появились явные шпики.

Слежка усиливалась изо дня в день. Теперь ее не составляло труда заметить. Владимир Ильич купил себе новое пальто и сменил адрес. Видимо, по принципу «клин клином», он переезжает на Гороховую улицу в дом № 61 – совсем рядом с охранкой.

В эти декабрьские дни он пишет матери: «Живу я по-прежнему. Комнатой не очень доволен – во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что все слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед... На рождество, когда кончается срок моей комнаты, не трудно будет найти другую. Погода стоит теперь здесь очень хорошая, и мое новое пальто оказывается как раз по сезону».

Днем 8 декабря Ульянов успел провести еще одно редакционное собрание по «Рабочему делу». Все материалы газеты для передачи в типографию забрал Ванеев. А в ночь на 9 декабря начались аресты. Из рабочих взяли Василия Шелгунова,

Никиту Меркулова, Ивана Яковлева, Бориса Зиновьева, Петра Карамышева и других. Из «стариков» – Анатолия Ванеева, Петра Запорожца, Глеба Кржижановского, Александра Малченко, Василия Старкова. В ночь на 9-е взяли и Владимира Ульянова.

Глава 4

Тюрьма и ссылка

Одиночка

Сколько революционеров сломала царская тюрьма с ее одиночками и карцерами, тупыми надзирателями и раз навсегда заведенным распорядком жизни... Ломала не скудностью казенного пайка, не жесткостью арестантской койки. Ломала одиночеством и кажущейся безысходностью. Тюрьма становилась экзаменом для революционного романтизма, нередко разбивавшегося об эти холодные стены.

Петербургский дом предварительного заключения на Шпалерной улице был обычной российской тюрьмой. А камера № 193, в которую поместили Ульянова, – обычной одиночкой: от дверей до окна шесть шагов. Так что рассказы самарских стариков о поведении на допросах, законах «сидения» и тюремного выживания, которые он внимательно выслушивал за чашкой кофе у Виктории Юлиановны и Александра Ивановича Ливановых или во время игры в шахматы от Николая Степановича Долгова, вполнегодились.

Особенно тяжкими были первые недели. Еще в ноябре, когда из Москвы приезжали погостить Мария Александровна и Анна Ильинична, он попросил сестру – в случае ареста – «не пускать мать для хлопот о нем в Питер»¹. Просьбу исполнили. И вот теперь он сидел без свиданий и передач, ничего не зная о том, кто арестован вместе с ним и что вообще происходит на воле.

В отличие от уголовных, которых выводили на общие прогулки, где они затевали шумные игры и могли сколько угодно общаться между собой, политических действительно «выдерживали» одиночеством. Зарешеченные окна находились в глубокой нише чуть ли не под потолком. Для человека, привыкшего к гимнастическим упражнениям, можно было, оперевшись одной ногой на парашу и изогнувшись всем

корпусом, ухватиться за решетку и подтянуться к окну. Тогда, на считанные секунды, пока хватало сил, открывался вид сверху на тюремный двор с дощатыми загородками для одиночных прогулок, которые Владимир Ильич сразу назвал «шпацирен-стойлами»²⁹⁰. Но ни эти наблюдения, ни перестукивание стен по тюремной азбуке результатов не давали.

Первый допрос состоялся 21 декабря. На вопросы подполковника Отдельного корпуса жандармов Клыкова и товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А.Е. Кичина Владимир Ильич ответил: «Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно. Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался... О знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было»²⁹¹. Судя по всему, из этого допроса обе стороны сделали надлежащие выводы: допрашивавшие – что толку от бесед с подследственным пока мало и надо его «выдержать», а у допрашиваемого – что улики против него немного, а посему и следствие может затянуться на достаточно долгое время.

Ну а для длительного «сидения» – Ульянов знал это – надо было решить, по меньшей мере, три задачи. Во-первых, наладить регулярную связь с «волей». Во-вторых, определить то повседневное дело, которое достаточно плотно займет его время. И третье – позаботиться о собственном здоровье, дабы избежать обычных спутников одиночного заключения – психических расстройств и туберкулеза. А для всего этого необходимо было добиться максимального количества свиданий и передач, возможности получения книг и неказенной еды, то есть полностью использовать свои «права» и вытянуть у администрации тюрьмы все «блага», положенные подследственному, но еще не осужденному.

Рождество и Новый год он впервые встретил один. Вместо традиционной маминой елки, смешных подарков и семейного

застолья – разговор с прокурором. А.Е. Кичин, прославившийся реакционными взглядами даже в судебном ведомстве, был известен своим злобным отношением к политзаключенным, в каждом из которых он видел чуть ли не личного врага²⁹². Как прошла их беседа с Ульяновым – протоколом не зафиксировано. Но законы и тюремные правила Владимир Ильич знал. Пугать или спорить с ним было бесполезно. Ведомо было прокурору и то, что шеф Ульянова, известный в столице адвокат М.Ф. Волкенштейн и председатель Совета присяжных поверенных Петербурга В.О. Люстих изъявили желание взять подследственного на поруки²⁹³. Поэтому исход беседы с прокурором был благоприятен.

Уже 2 января 1896 года Владимир Ильич пишет Александре Кирилловне Чеботаревой, у которой он столовался, для передачи «знакомым»: «Литературные занятия заключенным разрешаются: я нарочно справился об этом у прокурора, хотя знал и раньше (они разрешаются даже для заключенных в тюрьме). Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет. Далее, книги разрешается возвращать обратно, – следовательно, можно пользоваться библиотеками. С этой стороны, значит, дела обстоят хорошо»²⁹⁴.

Судя по всему, вопрос о «повседневном деле» он для себя к этому времени решил. «У меня есть план, – говорилось в письме, – который меня сильно занимает со времени моего ареста и чем дальше, тем сильнее. Я давно уже занимался одним экономическим вопросом (о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны), подобрал некоторую литературу, составил план его обработки, кое-что даже написал... Бросить эту работу очень бы не хотелось, а теперь, по-видимому, предстоит альтернатива: либо написать ее здесь, либо отказаться вовсе»²⁹⁵.

К письму прилагался обширнейший список литературы. Его основная часть действительно связывалась с предстоящей работой. Но были в нем и записи совсем иного рода. Комбинируя

реальных авторов и названия их работ с явно вымышленными, он запрашивал о судьбе товарищей.

Так, включив в список книгу Н. Костомарова «Герои смутного времени», он знал, что друзья поймут – речь идет о Ване и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский. Желая получить монографию В. Воронцова, книгу Брема «О мелких грызунах» или Майн Рида «Миного», он спрашивал о Старкове, имевшем кличку Веве, о Кржижановском, которого называли Сусликом, и о Надежде Крупской. А исторический роман некоего Гуцулла – да еще во французской транскрипции – означал Петра Запорожца. И когда позднее с воли ответили, что из «Героев смутного времени» в библиотеке есть лишь первый том и нет ни Воронцова, ни Брема, ни романа Гуцулла, Владимир Ильич понял, что арестованы Ванев, Старков, Кржижановский, Запорожец, а Сильвин и Крупская пока на свободе²⁹⁶.

А с 9 января, через месяц после ареста, ему разрешают свидания с родными и передачи. Из Москвы приезжает Анна Ильинична, и он получает из дома и от друзей посылки за все прошедшие рождественские праздники...

Максим Горький написал как-то: «Каждый русский, посидев "за политику" месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал»²⁹⁷. Письма Ульянова из предварилки – полная тому противоположность. Все происходящее в тюрьме он воспринимал прежде всего с юмором.

12 января Владимир Ильич пишет Анне Ильиничне: «Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеба я ем очень мало, стараясь соблюдать некоторую диету, – а ты принесла такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю, и он достигнет, вероятно, не меньшей крепости, чем воскресный пирог достигал в Обломовке»²⁹⁸.

Спустя два года, когда в тюрьму попадает его младший брат Дмитрий, Владимир Ильич пишет матери: «Нехорошо это, что у него уже за $2\frac{1}{2}$ месяца одутловатость какая-то успела появиться. Во-1-х, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-2-х, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался *каждый день* на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) – 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал – и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви!»²⁹⁹

А спустя пять лет, когда в тюрьму попадает его младшая сестра Мария, он пишет ей: «Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего “режим” установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом *обратные*, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

...Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы – с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику – чрезвычайно много помогает. После обеда, вечером для отдыха я, помню, *regelmässig* [регулярно] брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме»³⁰⁰.

Списки беллетристики, которую он «смаковал» в одиночке, не сохранились. А вот списки других книг, доставлявшихся Анной Ильиничной с помощью Потресова из библиотек университета, Академии наук, Вольного экономического общества, известны. Это прежде всего толстенные (и скучнейшие!) статистические сборники различных губерний, статистические обзоры промышленности России, указатели фабрик и заводов, книги о крестьянском хозяйстве, промыслах и общине, экономические доклады губернских управ и т. д.

На чтение литературы подобного рода уходила большая часть времени. И уже в январе 1896 года альтернатива (писать или не писать книгу) была решена. «Сплю я по девять часов в сутки, – сообщает он Анне Ильиничне, – и вижу во сне различные главы будущей своей книги»³⁰¹. Одновременно начинаются и систематические занятия переводом с немецкого.

В январе Анна Ильинична пробыла в Питере недолго – около месяца. Перед возвращением в Москву обсудили вопрос о дальнейших контактах. После ее отъезда их могла бы поддерживать «невеста». «Относительно “невесты” для свиданий и передач, – пишет Анна Ильинична, – помню, что на роль таковой предложила себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что “против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Н.К. другим знакомым показывать на себя не следует”»³⁰². Иными словами, «засвечиваться» ей не стоит. Пришлось воспользоваться услугами «нейтральной невесты», которую дал политический Красный крест.

В марте Анна Ильинична ненадолго приезжала вновь. И лишь в мае, когда мать и дочери устроились на даче близ Петербурга, для Владимира Ильича на эти несколько летних месяцев началась просто «райская жизнь». На получасовые личные свидания по понедельникам, хоть и не регулярно, стали приходить Мария Александровна и Мария Ильинична, а по четвергам, на общие часовые свидания через двойную решетку, – Анна Ильинична. Она же доставляла книги и вела шифрованную переписку. Три раза в неделю из дома приносили

приготовленные матерью передачи, которые позволяли держать предписанную врачами строгую диету. За отдельную плату Владимиру Ильичу разрешили также получать платные обеды, минеральную воду и молоко³⁰³.

Нынешние «лениноеды» ерничают, поминая эти обеды, молоко и минеральную воду: это, мол, не тюрьма, а просто санаторий. Но так могут рассуждать лишь те, кто никогда не приближался к тюрьме ближе сотни шагов и полагает, что все ее проблемы зависят лишь от качества кормежки. Но заключенные страдали не только от скверных харчей.

Именно в этом «санатории», имея и свидания, и передачи, получил чахотку Анатолий Ванеев. Здесь сошел с ума Петр Запорожец. Заболел тяжелым психическим расстройством Сергей Гофман. Покончил с собой, перерезав горло осколком стекла, инженер Костромин. А Мария Ветрова, арестованная по делу упоминавшейся выше народовольческой типографии, после того как ее, Сильвина, Гофмана и других перевели в Петропавловскую крепость, где условия были никак не хуже предварилки, облила себя керосином, подожгла и трагически погибла 12 февраля 1897 года³⁰⁴.

«Трудно совладать с унынием, – писал невесте из предварительной одиночки Михаил Сильвин, – все те же стены, та же грязь, тот же шум, а тут еще погода пошла под осень, дни стали короче, хмурое небо висит сырым, душным, неприветливым покровом, дождь однообразным звуком стучит по крыше и в окна, отдаваясь в моей душе невеселой мыслью “я тебя доконаю, я тебя доконаю...”»³⁰⁵

В своих мемуарах он рассказывает: «Настроение у меня в тюрьме было чрезвычайно изменчиво; то оно было ровным, спокойным, даже апатичным... То вдруг всего охватывала безысходная тоска, жалко было гибнущей молодости, хотелось жить, дело, в которое свято верил, казалось безнадежным, книга валилась из рук, ничего не хотелось делать, ни о чем думать. Как зверь, метался я от окна к двери, машинально отсчитывая шесть роковых шагов, – нет выхода, все то же, все то же. И как будто опускаясь в бездонную мрачную пропасть, полный глухого

отчаяния, я закрывал глаза и, поникнув головой на скат подоконника, долго стоял неподвижно...»³⁰⁶

А были ли у Владимира Ильича хоть какие-то «перепады настроения», о которых писали многие заключенные? Или, в отличие от них, он обладал действительно железными нервами? На этот вопрос ответила Крупская: «Как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска»³⁰⁷. Об этом в письме младшей сестре вскользь упоминает и он сам: «Иногда ухудшение настроения – довольно-таки изменчивого в тюрьме – зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами»³⁰⁸. Значит, не в том дело, что не было у него «перепадов», а в том, что любыми способами он старался их преодолеть и никогда не писал ни родным, ни товарищам о том, «как он страдал».

А поводов для трепки нервов было предостаточно. Зубной врач Михайлов дал жандармам обширную информацию. Но использовать ее было достаточно сложно. Во-первых, нельзя было «засвечивать» провокатора. А во-вторых, о деятельности «стариков» Михайлов знал, как говорится, лишь из «третьих рук» – ближе его не подпускали. Поэтому арестованные продолжали проводить на допросах тактику «запирательства», полностью отрицая предъявляемые обвинения. Отступали от этого принципа лишь для того, чтобы облегчить участь товарища.

30 марта 1896 года на допросе, который вели жандармский подполковник Филатьев и уже упоминавшийся Кичин, Ульянов показал: «В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставами я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей... отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева, – объясняю, что они писаны моей рукой. Фактических объяснений о рукописях я представить не могу»³⁰⁹.

На допросе 7 мая, проводившемся теми же лицами, Владимир Ильич ответил: «К показанию своему от 30 марта сего года я добавить ничего не могу. Относительно же свертка, в котором, по словам лица, производящего допрос, оказались предъявленные мне на предыдущем допросе мои рукописи, я ничего сказать не могу. По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания – объясняю, что не могу дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица»³¹⁰.

Однако ситуация вскоре осложнилась. Кичин оказался достаточно тонким психологом. И если со «стариками» и старыми рабочими-кружковцами он так ничего и не добился, то долгие беседы с молодым вожаком путиловцев Борисом Зиновьевым оказались более эффективными. А попался он, как полагает Мартов, «на удочку политического тщеславия»³¹¹.

Кичин не скупился на лесть, изумлялся его талантам, интеллектуальному развитию и просил лишь об одном: прояснить, ради каких целей путается с интеллигентами столь выдающийся пролетарский лидер. В конце концов, Зиновьев «раскололся». Сначала он говорил лишь о положении рабочего класса и задачах движения. Потом стал рассказывать о том, как участвовал в проведении стачек. Затем – как осуществлялась агитационная работа и как для помощи движению он «использовал» интеллигентов. Борис не был ни предателем, ни провокатором. Но его искренность и разговорчивость со столь опытными следователями сыграли весьма плохую роль.

«Как бы то ни было, – пишет Мартов, – а результатом этой “партизанской” политики, как ее после, – защищая, – назвал сам Зиновьев, явилось то, что его признание встреч с нами на собраниях разрушало всю нашу систему защиты, построенную на упорном отрицании фактов, добытых шпионской слежкой или оговорами предателей».

Все это потребовало нового сговора и точной координации показаний, благо связь между заключенными уже была налажена. Перестукивание по элементарной тюремной азбуке через несколько камер или этажей, которое они практиковали в

первые дни после ареста, многого дать не могло и исключало сколько-нибудь серьезные сюжеты. Важную роль в передаче необходимой информации стали играть общие часовые свидания. В отличие от личных свиданий, где жандарм присутствовал постоянно, на общих «можно было сказать гораздо больше: надзиратель полагался один на ряд клеток, и говорить можно было свободнее. Мы пользовались с братом, – пишет Анна Ильинична, – псевдонимами, о которых условливались в зашифрованных письмах... Пользовались, конечно, всюду иностранными словами, которые вплетали в русскую речь».

После первых свиданий она стала передавать необходимую информацию родным и «невестам», приходившим к другим заключенным, и договаривалась с ними о том, какую книгу необходимо попросить товарищам в тюремной библиотеке. На страницах этой книги малозаметными точками отмечались буквы, из которых и складывалось послание. Именно так Ульянов переписывался с Кржижановским и Старковым, послал ободряющую записку Сильвину.

Что же касается связи с волей, то помимо «отточенных» книг, возвращаемых по четвергам в библиотеку, в ход пошла и самая простая тайнопись. «Конечно, – пишет Анна Ильинична, – никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвуемой для этого книги». Если же надзиратель заглядывал в «глазок», чернильница немедленно отправлялась в рот. Так что иной раз за писанием одного послания приходилось съедать их не менее полудюжины. В общем, «диетическое питание», не дающее до сих пор покоя «лениноедом», пригодились. И на свидании Владимир Ильич, смеясь, говорил сестре: «Нет такой хитрости, которую нельзя было бы перехитрить»³¹².

Связь с волей ломала столь тщательно выстроенное жандармами одиночество и оказывала заключенным огромную моральную поддержку. Но от «воли» зависела и дальнейшая их судьба. Если бы организация продолжала действовать, то в какой-то мере с них можно было снять и обвинение в руководстве ею. Социал-демократы, уцелевшие после первых арестов 9 декабря 1895 года, прекрасно понимали это. И уже 15 декабря в квартире какого-то дьякона на Аптекарском острове состоялось собрание, на которое пришли около двадцати человек³¹³.

Прежде всего избрали новый руководящий центр. В него вошли Степан Радченко, Сильвин, Мартов и Ляховский. Заведование техникой оставили Пономареву. В состав организации ввели прежних кандидатов – студента Лесного института И.А. Шестопалова, Федора Гурвича-Дана, Бориса Гольдмана-Горева, М.А. Лурье и новых членов – студентов университета Е.Д. Стратановича, Л.Г. Попова и М.Н. Лемана.

Предстояло решить две задачи. Во-первых, доказать, что аресты никак не затронули группу, за которой охотилась полиция. А во-вторых, что главные виновники волнений на предприятиях находятся на свободе и массовая агитация на фабриках и заводах продолжается.

Обе задачи можно было решить немедленным выпуском и распространением листовок. «Тут же, – пишет Сильвин, – было прочитано и одобрено к выпуску воззвание ко всем петербургским рабочим, написанное еще до арестов, кажется, Кржижановским и оставшееся у кого-то из товарищей в рукописи. Затем Мартов прочитал проект обращения к рабочим по поводу арестов, которое тоже было принято без поправок»³¹⁴. Обе прокламации решили выпустить от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Выше отмечалось, что до сих пор вокруг вопроса о том, кто и когда придумал это название, кипят страсти. Первым, кто ответил на него, был Мартов. В воспоминаниях, написанных в 1919 году, указано: «Мы долго колебались, как назвать организацию... После разных предложений все сошлись на моем:

назваться "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Названию суждено было не только привиться, но и завоевать себе славу»³¹⁵. В 1920 году эту версию поддержала Крупская. На собрании 15 декабря она не была, но, хотя несколько спутала содержание листков, написала вполне определенно: «По предложению Мартова группа была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»...»³¹⁶

В январе 1924 года иную версию изложил Тахтарев: «Ни одно из названий, предлагавшихся тем или другим из участников собрания, не удовлетворяло почему-либо других. Одно из этих названий, предложенное, по словам Аполлинарии Александровны (А.А. Якубовой), М.А. Сильвиным, вполне соответствовало своему назначению, но казалось другим слишком длинным. Это название было "Союз борьбы за освобождение рабочего класса"»³¹⁷.

Естественно, что эту версию изложил в мемуарах, вышедших в 1958 году, и сам Михаил Сильвин: «Мартов предлагал назваться "Петербургский рабочий союз". Я оспаривал это. Предлагаю назваться "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". После кратких прений мое предложение было принято значительным большинством голосов. Тут же постановили заказать печать и поставить ее на первом же выпускаемом листке»³¹⁸.

Напомним и третью версию, излагавшуюся в предшествующей главе: решение об этом названии могло быть принято на сходке 4 декабря, то есть до арестов. Впрочем, споры о том, кто первым сказал «А», не столь уж существенны. Важно, что название действительно прижилось и именно оно вошло в историю. Заметим лишь, что, когда в 1896 году встал вопрос о годовщине «Союза», его основатели и члены без всяких колебаний отметили «юбилей» в *сентябре*...

«Гидра революции»

Появление воззвания «От Союза борьбы за освобождение рабочего класса» стало сенсацией. Говоря о волнениях,

проходивших ранее на фабриках Торнтона, Лаферма и Путиловском заводе, о листовках, «от одного вида которых у капиталистов дыбом встают волосы», и указывая на аресты в ночь с 8 на 9 декабря, воззвание сообщало, что «листки появляются по-прежнему, читаются и встречаются всюду сочувствие, и "Союз борьбы за освобождение рабочего класса", который их распространяет, остается невредимым и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе»³¹⁹.

Это воззвание, пишет Тахтарев, «произвело большой переполох в правящих сферах. Казалось, что охранное отделение и жандармы на самом деле попали впросак и не арестовали тех, кого было нужно арестовать в первую голову. Это был настоящий скандал»³²⁰.

Последовала новая полоса арестов, и в ночь с 4 на 5 января 1896 года взяли Мартова, Ляховского, Пономарева, рабочих – Бабушкина, Львова, Шепелева и др. Из «молодых» арестовали Ма-лишевского, Богатырева, Муромцева. Взяли и Тахтарева, но отцу уже через три месяца удалось выволить его из тюрьмы «на поруки». Новый центр «Союза борьбы» сконструировался буквально через несколько дней после арестов. В него вошли Радченко, Сильвин, Крупская, Гурвич и Гофман. Технику возложили на Гольдмана и вновь перераспределили ответственных за районы³²¹.

Недостатка в людях уже не было. «Блестящий дебют нашего "Союза", – пишет Мартов, – выявил назревший среди революционной молодежи перелом, и десятки студентов, курсисток и вообще интеллигентов стали предлагать "Союзу" свои услуги всякого рода, так что организация скоро оказалась окруженной множеством содействовавших ей групп... Благодаря этому она не имела недостатка ни в средствах, ни в технических возможностях»³²². В работе «Союза» начинают участвовать Потресов и его приятель, секретарь Вольного экономического общества К.К. Бауэр. Помогает «Союзу» и А.М. Калмыкова.

8 февраля, в день годовщины университета, состоялось традиционное чаепитие, на которое в большой кухмистерской

собралось до 600 человек. Помимо студентов пришли и наиболее почитаемые профессора, писатели. Дежурный околоточный, выпив поднесенный ему коньяк, мирно дремал в передней, а в зале произносились речи. Выступали Южаков и Кареев, Н. Водовозов и Туган-Барановский. Все было как всегда.

Но как раз накануне Потресов выпустил еще одну книгу Плеханова – «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В.В.)», и первые 400 экземпляров стали продавать тут же во время чаепития. На Воронцова, присутствовавшего в зале, жалко было смотреть. Его коллеги-народники произносили свои речи, а за столиками, чуть не у каждого студента, как совсем недавно книжки самого В.В., красовались зеленые обложки книги Плеханова.

«Лесгафт смотрел сердито на эту книгу и на горевшие гордостью лица студентов, – рассказывает Сильвин, – и, наконец, взял слово... “Вы, – говорил он студентам, – хватаетесь за книгу, как за откровение; откровений нет, истина добывается только критическим исследованием, изучением живой жизни, а вы угашаете дух, вы догматики, буквоеды, если хватаетесь, как за евангелие, за новую модную книгу”»³²³. Студенты любили Лесгафта, устроили ему оvation. Но факт полного преобладания симпатий к социал-демократам в молодежной среде был очевиден³²⁴.

Впрочем, судьбы российской социал-демократии решались не на студенческих вечеринках, а на фабриках и заводах. А там «репутация “Союза” гремела по всему Петербургу и о листках шли разговоры по всем фабрикам. Рабочие тех фабрик, где не было никого, кто бы имел сношения с “Союзом”, молили всех богов, чтобы и к ним как-нибудь проникли “студенты” со своими листками». И как только листовки появлялись, «на завод наезжали власти всех сортов. На глазах у рабочих фабричная инспекция и жандармский полковник производили исследования, пробовали тухлую некипяченую воду в баках, вешали гири, проверяли весы, меряли куски. Словом, эффект получался полный... Настроение у рабочих было самое радостное, особенно

когда после всей этой встряски уничтожались уж очень очевидные злоупотребления»³²⁵.

В феврале – апреле, получив необходимую информацию у рабочих-кружковцев, «Союз» издал листки о порядках и требованиях рабочих завода «Феникс», мануфактуры Воронина, Чугунного завода, Калининской фабрики, Сестрорецкого завода. А листовка с требованиями судостроителей Нового порта вызвала немедленную реакцию со стороны самого министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, который во избежание стачки предложил немедля «войти в рассмотрение указываемых в воззвании обстоятельств». И морской министр Н.М. Чихачев тут же предписал командиру порта выполнить требования рабочих³²⁶.

Обо всей этой работе члены «Союза» регулярно информировали Владимира Ильича. «В письмах с воли, – вспоминала Анна Ильинична, – ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их»³²⁷. Он несколько раз предпринимал такую попытку: известен его первомайский листок 1896 года, прокламация «Царскому правительству», отпечатанная «Союзом» на мимеографе.

Но Владимир Ильич понимал, что листки требуют большей оперативности и ее могут обеспечить другие члены «Союза». Поэтому в письмах на волю он начинает разрабатывать темы листовок: о прибылях капиталистов и заработках рабочих, о 8-часовом рабочем дне и т. д.³²⁸ А когда возникает необходимость сформулировать основные принципы, программу русских социал-демократов, то по просьбе товарищей он охотно берется за ее написание³²⁹.

Уже к началу 1896 года «Проект программы» был написан Владимиром Ильичом между строк какой-то книги молоком, затем проявлен и вновь переписан симпатическими чернилами между строк статьи С. Чугунова «Шейное ребро у человека с точки зрения теории эволюции» в журнале «Научное обозрение».

Летом 1896 года он написал «Объяснение программы», и вместе с «Проектом» они составили одну цельную работу.

Развитие капитализма в России, говорилось в ней, не ведет к созданию общества всеобщего благоденствия. Наоборот. «В России созданся целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, созданся целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов... Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками»³³⁰.

И одновременно все более ухудшается положение рабочих. Дело не только в том, что усиливается эксплуатация и дорожают «жизненные припасы». Но и в том, что фабрика все более подавляет саму личность рабочего. «Фабрика распоряжается уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности... Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же беспрекословен, поработен, лишен собственной воли, как и сама машина»³³¹.

Надеяться на правительство нет оснований. Оно лишь делает вид, что является «как бы совершенно независимым от народа». На самом деле оно «берет под свою защиту класс имущих против класса неимущих, капиталистов против рабочих». Поэтому «русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от его гнета»³³².

«Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». И они уже ведут эту борьбу. «Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании *отомстить* капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство. Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за

другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условий работы, повышения платы, сокращения рабочего дня»³³³.

Задача же социал-демократов «состоит не в том, чтобы сочинять из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести»³³⁴. А «внести в него свет» можно лишь «развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы»³³⁵.

Ее ближайшие задачи состоят в достижении политической свободы, а это прежде всего всеобщее и прямое избирательное право, созыв Земского собора для выработки конституции, свобода стачек, союзов, собраний и печати, равенство граждан перед законом, свобода вероисповеданий и равноправие всех национальностей, свобода промыслов, занятий, передвижений и отмена паспортов, право преследовать любого чиновника перед судом.

Для рабочих русская социал-демократическая партия потребует особо: 8-часового рабочего дня, запрещения ночных работ и смен, установления праздничного отдыха, распространения фабричных законов и независимой фабричной инспекции на все промышленные предприятия, кустарей и надомников, создания промышленных судов с равным представительством от хозяев и рабочих для разрешения конфликтов, право контроля выборных от рабочих за расценками, браковкой и штрафами, ответственность фабрикантов за содержание школ, медицинскую помощь и за увечья рабочих.

Для крестьян партия потребует: возвращения отрезанных у них в 1861 году земель, отмены выкупных платежей, равных налогов для крестьянской и помещичьей земли и отмены законов, стесняющих крестьян в распоряжении их земель.

Что же касается конечных целей пролетарской борьбы, то они состоят в переходе «политической власти в руки рабочего класса, передаче всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического

производства... Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства».

В тюремной одиночке, вышагивая свои шесть шагов от дверей до окна, Владимир Ильич, быть может, с особой силой ощутил жизненную потребность человека в свободе и возможности сохранения чувства собственного достоинства. Отчасти, видимо, поэтому и были столь тщательно прописаны права и свободы человека труда в его «Проекте программы». Но особо важным стало то, что именно эти мотивы начинают задавать тон в листовках «Союза борьбы», выпущенных весной 1896 года.

В частности, в первом майском листке, распространенном в тысячах экземпляров по фабрикам и заводам, говорилось: «Мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы хватает едва на то, чтобы существовать... Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством. Мы перестали быть безответными страдотерпцами и принялись за борьбу». И эта апелляция к чувству собственного достоинства не осталась без ответа.

Все вроде бы шло своим чередом, не предвещая особых событий. Но в мае всю Россию, да и не только Россию, потрясла ходынская катастрофа.

Согласно существовавшим законам, за манифестом о воцарении, подписанным Николаем II 20 октября 1894 года, должна была состояться коронация. Ее назначили на май 1896

года в Москве. Обширная программа трехнедельных празднеств, помимо официальных торжеств, балов, концертов, банкетов и званых обедов, предусматривала 18 мая и народное гуляние на Ходынском поле с раздачей царских подарков.

Этот обширный пустырь, служивший учебным полем для московского гарнизона, был весь изборозжен траншеями и брустверами, рвами и ямами. Засыпать их не стали, а вот 400 тысяч кулков, каждый из которых содержал сайку, кусок колбасы, пряник, десяток леденцов, пяток орехов и эмалированную памятную кружку с инициалами государя, изготовили.

С вечера 17-го и всю ночь к Ходынке стекались сотни тысяч людей. Никакой службы охраны порядка не было. И когда приступили к раздаче гостинцев, началась давка. А первые падения в рвы и ямы, крики затаптываемых вызвали панику.

О «Ходынке» писали Лев Толстой и Максим Горький, десятки русских и зарубежных журналистов. Но и они признавались, что выразить в словах весь этот ужас – невозможно. По официальным данным, погибло 1389 человек, 3000 получили тяжкие ранения. Число зашибленных и увечных исчислялось десятками тысяч. «Отвратительное впечатление осталось от этого известия», – записал в своем дневнике царь.

Но это никак не помешало государю вечером 18 мая явиться на бал к французскому послу. Сто тысяч роз, привезенных из Прованса, роскошный серебряный сервиз, присланный из Версаля, семь тысяч гостей, восторженно приветствовавших его, несколько сгладили «отвратительное впечатление». И в те самые вечерние часы, когда на Ходынке солдаты штабелями укладывали трупы на телеги, царская чета на балу под всеобщие аплодисменты танцевала кадрили...

В дни официальных коронационных торжеств, продолжавшихся 14–16 мая, все российские фабрики и заводы стояли. 17 мая работы возобновились как обычно. А на следующий день уже поползли слухи о ходынской трагедии. Казенные праздники еще продолжались, но петербургские ткачи не пожелали в них участвовать, а тем более терять свой

заработок. 23 мая на Калининской мануфактуре они явились в контору и потребовали уплаты за «коронационные» дни. Это требование – по тем временам – уже само по себе звучало политически. Но, опасаясь скандала в столь торжественный исторический момент, деньги выдали. Тогда рабочие потребовали платы за те лишние минуты, которые они ежедневно перерабатывали из-за того, что станки пускались раньше положенного времени.

На другой день началась стачка. 27 мая ткачи вышли на работу, но с обеда вновь возобновилась забастовка. К ней присоединились Большая екатерингофская мануфактура, затем две Кениговских фабрики, Митрофаньевская, Триумфальная, Новая, Кожевниковская мануфактуры Нарвской заставы и Обводного канала, Невская мануфактура около Смольного, ткацкие фабрики Паля, Максвеля, Торнтон. Стачка перекинулась за Невскую заставу – на Спасскую и Петровскую мануфактуры, оттуда на Выборгскую, Петербургскую стороны, Васильевский остров – на Сампсоньевские и Охтенскую мануфактуры, фабрики Воронина, Гука, Бека, «Невку». Всего бастовало теперь около 30 тысяч рабочих.

Примерно сто представителей этих предприятий, собравшись в Екатерингофском парке, сообща выработали требования. Их передали «Союзу борьбы», и уже 30 мая вышла листовка «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких». «Мы хотим, – говорилось в ней, – чтобы рабочий день продолжался 10¹/₂ часов вместо 13 часов»; чтобы повышение расценок не уменьшало заработка; «чтобы заработок выдавали правильно и вовремя»; «чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа» и «чтобы было заплачено сполна за коронационные дни»³³⁶.

1, 3, 4, 5, 9, 10 июня листки выходили вновь, иногда по 2–3 в день. Они обращались не только к стачечникам, но и к рабочим тех предприятий, которые не бастовали, с призывом о сборе денег для поддержки ткачей. И почти в каждой прокламации рабочим советовали держаться дружно, не производя ни

беспорядков, ни буйств, которые были бы на руку лишь полиции. И выдержанность рабочих действительно поражала всех.

«Забастовка, – пишет Сильвин, – возникла не по инициативе “Союза борьбы”, а была организована всецело самими рабочими, инициативные группы которых переходили с одной фабрики на другую...» Но царские чиновники справедливо заметили, что «быстрота распространения волнений. единство требований, наконец, необычайное внешнее спокойствие массы при этом брожении – все это указывало на то, что стачки возникли на почве, подготовленной предшествовавшей преступной пропагандой среди рабочих»³³⁷.

В эти дни все «товарищи наши, – продолжает Сильвин, – работали не покладая рук и не только распространяли листовки, встречаясь с отдельными рабочими в трактирах, на кладбищах, в скверах и т. п., но, надев рабочие блузы, иной раз вымазав лицо сажей, шли в самую гущу рабочих на их импровизированные сборища и собрания. Работа велась дружно; на этой работе и произошло фактическое объединение с нашим “Союзом борьбы” всех до сих пор отдельно работавших групп, группы Ленгника с его товарищами, остатков тахтаревской группы (Катин-Ярцев), глазовской группы. Все они распространяли наши листки и координировали работу своих агитаторов с нашими»³³⁸.

В российской прессе о стачке не печатали ни единой строчки. Но повсюду – в чиновных кругах и светских салонах, в трактирах и на улицах – только о ней и говорили. По просьбе «Союза» Потресов написал обращение «К русскому обществу» с призывом к пожертвованиям. «Это, – говорилось в листовке о забастовках, – стремление вперед из тины застоя, это – поднимающаяся волна сознательной или становящейся сознательною массы, призванной смести нашего общего врага – самодержавие»³³⁹.

Пресса Англии, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии давала о стачке самую подробную информацию. В Англии сбор пожертвований начало «Общество друзей русской свободы», во главе которого стояли эмигранты-народники Н. Чайковский и Ф. Волховский. Откликнулись английские тред-юнионы. Собранные

деньги, вместе с «Адресом английских рабочих», подписанным лидерами социалистических партий и профсоюзов, переслали в Россию. И позднее – вместе с ответом, составленным Потресовым, – «Союз» опубликовал «Адрес» листовкой.

10 июня градоначальник, генерал-майор Клейгельс, как бы заимствуя методы «Союза», расклеил по фабричным районам листки, требовавшие прекращения забастовки и обещавшие рабочим, что «жалобы, подлежащие удовлетворению согласно закону, будут удовлетворены немедленно». А в беседах с рабочими, обращаясь к их патриотическим чувствам, он говорил: «Успокойтесь, подумайте, что царю надо возвращаться домой. Как же он въедет в бунтующую столицу?» Но увещевания не помогали, и, сдирая генеральские листки, стачечники посмеивались: «Наши – то есть прокламации “Союза” – лучше».

Тогда на окраины двинули полицию и казаков. «Около 5 часов утра, – рассказывал рабочий фабрики Кожевникова, – во двор дома № 12 по Воронежской улице, где помещается около четверти всех рабочих Кожевниковской фабрики, пригнали массу жандармов и полицейских с дворниками. Околоточные, в сопровождении городских и дворников, стали ходить по квартирам и таскали с постели. Раздетых женщин брали с постели от мужей... Таким образом, полицейские разбудили и выгнали из дома большую половину его жильцов. Впрочем, большая часть попряталась, кто на чердак, кто в ватерклозет. Несмотря на то что на фабрику под руку водили, всего удалось загнать туда человек 20, и те с 8 часов утра ушли все до единого»³.

Лишь к 18 июня стачка улеглась. «Рабочие всюду вновь вернулись к своим станкам, *но уже не теми, какими от них отошли*. За время стачки рабочим пришлось столкнуться с правительством лицом к лицу, и столкновение не прошло бесследно. С одной стороны, “увещевания”, подкрепляемые угрозами, с другой стороны, крутые меры, применяемые к мирным забастовщикам, производили настоящую революцию в головах даже наименее сознательных и наиболее забитых рабочих, заставляя их задуматься над вопросом, кто их

действительные друзья и защитники их интересов и кто их угнетатели и враги... Тем, чем раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи»³⁴⁰.

Начались массовые аресты и высылки забастовщиков из столицы. «По опустевшим улицам рабочих районов, – рассказывает Тахтарев, – передвигались отряды жандармов и казаков. Петербург казался на военном положении. Можно было бы подумать, что на улицах его совершается революция». И нередко «можно было видеть идущую по городу толпу рабочих, оцепленную полицией. Это вели “подстрекателей” в какой-нибудь не заполненный еще участок, где держали несколько часов или дней, потом высылали. В этих толпах, попадавших на улицы Петербурга, вы могли увидеть и довольно хорошо одетых “квалифицированных”, и бедно одетых чернорабочих, даже молодых матерей с ребятами на руках, и отца с шагавшим подле сынишкой. И шли они часто даже как будто веселые».³⁴¹

О настроении, в котором пребывали члены «Союза», Борис Горев вспоминает: «Нам казалось, что все кругом уже насыщено революционным электричеством. Помню, я шел раз с М.А. Сильвиным в один из ярких солнечных, майских вечеров по набережной Невы, и Сильвин, передавая то настроение, которое наполняло нас обоих, с глубоким убеждением сказал: в воздухе пахнет революцией, “гидра революции поднимает голову”. Более трезвым людям мы могли казаться смешными фантазерами»³⁴².

А 15 (27) июля в Лондоне открылся IV конгресс Интернационала. Впервые российская делегация представляла на нем не эмигрантские группы, а реальное пролетарское движение. Помимо Плеханова, получившего мандат от «Союза борьбы», и других членов группы «Освобождение труда», для участия в конгрессе прибыли и трое знакомых Владимира Ильича: из Берлина – Бухгольц, а из Питера – Струве и Потресов. И делегаты конгресса особо приветствовали молодых русских социал-демократов³⁴³.

Информацию о стачке Владимир Ильич регулярно получал от Анны Ильиничны. Так что характер движения и его масштабы

были ему известны. Как бы вновь повторялась ситуация 1891 года. Где-то совсем рядом тяжелой поступью вышагивала сама *История*, а обстоятельства – на сей раз тюрьма – изолировали его от этих событий. Впрочем, упрекнуть себя в чем-либо он не мог: его роль в том, что происходило на воле, была достаточно очевидна, и даже противники – ни тогда, ни позднее – не могли отрицать ее³⁴⁴. Ну а поскольку, как заметил Мартов, «*личным тщеславием*» Владимир Ильич не страдал³⁴⁵, то гораздо больше, нежели дележ лавровых венков, его занимала другая проблема.

Как раз накануне стачки ткачей произошел эпизод, о котором вскоре вроде бы и забыли. «Быть может, под впечатлением известий о московской “ходынке”, – рассказывает Мартов, – во время коронационных торжеств на улицах Петербурга произошли дикие сцены, особенно в фабричных районах: подвыпившая молодежь и, главным образом, конечно, хулиганы, произвели ряд бесчинств, заставивших прекратить празднества»³⁴⁶. И в июньской книжке «Русского богатства» Михайловский с горечью написал: «Мысль невольно поднимается к общему вопросу о нашем отношении к народу вообще, к его духовной жизни в частности».

Мартов так расшифровал смысл этой фразы: Михайловский полагает, что «развитие капитализма создает у нас не революционное рабочее движение, а общественное разложение, выражающееся в хулиганстве “дикарей цивилизации”»³⁴⁷. Иными словами, сентиментальное «народолюбие», на котором воспитывалось несколько поколений российской молодежи, у либеральной интеллигенции постепенно сменялось патологической «народобоязнью».

Правда, в те дни, когда тираж журнала вышел в свет, питерские рабочие вполне доказали свою «цивилизованность». Но проблема-то оставалась...

Полагать, что Михайловский в принципе отвергал какие-либо народные выступления, было бы неверным. Как раз *в принципе* – он был за. Но за выступления организованные, дисциплинированные, четко формулирующие цели и задачи

движения. Так, как это делалось, например, в Германии: принимается решение, собираются рабочие, строятся в колонны, поднимают лозунги и транспаранты, а впереди – оркестр и известные всем лидеры. Получается солидно, вполне цивилизованно, а стало быть, и результативно. Значит, необходимо *сначала* просветить рабочих, поднять уровень их сознательности и организованности, а уж *потом* затевать активные действия. И в те самые дни, когда Михайловский публикует свой обзор, Ульянов заканчивает в тюрьме работу над брошюрой «О стачках». Он пишет ее молоком меж книжных строк, Крупская проявляет и переписывает текст, а затем отдает в набор. Но 24 июня при аресте Лахтинской типографии народовольцев рукопись изымается и пропадает в полицейских архивах.

И все-таки отношение Владимира Ильича к стачкам достаточно полно прослеживается по другим его работам этого времени. Особенно в «Объяснении программы», законченном сразу после забастовки ткачей. А кроме того, существует его рукопись «О стачках», переписанная рукой Крупской. Ее относят к 1899 году, но датировка эта основана лишь на кратком примечании, которое вполне могло быть позднейшей припиской, а весь материал, используемый автором, не выходит за рамки 1895–1896 годов.

Так вот, в противоположность Михайловскому, предлагавшему сначала просвещать, а уж потом бороться, Ульянов считал, что в российских условиях ждать, когда с помощью кружков саморазвития, воскресных школ, специальных книжек и лекций для народа будет достигнут должный (??) уровень сознания и организованности, бессмысленно. Даже малейшие попытки подобной деятельности пресекались нещадно. И об этом, на примере собственного отца, он знал еще с детства.

Владимир Ульянов, фото 1897 года

А между тем опыт тех же 90-х годов говорил о том, что ничто не оказывает столь мощного организационного и воспитательного воздействия на массу рабочих, как сама борьба, и в частности такая ее форма, как стачка.

«Возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике?» – спрашивает Ульянов. Да, возможно, ибо «бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении со своими

товарищами». И «среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках...».

Именно стачки более всего просвещают, ибо «стачка учит рабочих понимать, в чем сила хозяев и в чем сила рабочих, учит думать не об одном только своем хозяине и не об одних только ближайших товарищах своих, а о всех хозяевах, о всем классе капиталистов и о всем классе рабочих. Но стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство и на законы. Всякому рабочему становится ясно, что царское правительство – его злейший враг, защищающий капиталистов и связывающий рабочих по рукам и ногам».

И наконец, именно стачки пробуждают чувство человеческого достоинства, желание противостоять злу и несправедливости. Этот сугубо нравственный аспект борьбы интересует Владимира Ильича более всего. «Когда рабочие поодиночке имеют дело с хозяевами, – пишет он, – они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но, когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми...»

В дни летней стачки 1896 года на тех предприятиях, куда не доходили прокламации «Союза борьбы», рабочие иногда сами брались за перо. «Сольемся, братцы, в один дух и будем стойко бороться за улучшение нашего положения, – говорилось в одном из таких рукописных листков. – Господа рабочие товарищи! Обратите внимание и ваш взгляд на жизнь свою. Если бы вам пришлось встретить иностранца, по чину равного себе, то вы сразу сознаетесь, что вы против их дикари. Они по-нашему в часы отдыха не валяются в грязи, в рваной одежде около кабаков и трактиров, не относятся с ругательством и нередко с побоями к своим товарищам, как русский мужик, а собираются вместе и толкуют об улучшении, или же захочет развеселиться, то садится на велосипед и едет кататься и вместе с тем развивает свою мускульную силу. Они также были угнетаемы своими хозяевами, но благодаря их острому понятию давно

улучшили свое положение. Так будем, братцы, помогать друг другу в продолжение этой стачки».

Листок был написан корявым почерком, со множеством грамматических ошибок, но вряд ли можно отрицать определенное созвучие мыслей этого рабочего с выводом Ульянова о том, как «велико нравственное влияние стачек». В этом он как раз и усматривал перспективу движения, ибо, как хорошо сказал прусский министр фон Путткамер, и Владимир Ильич цитирует его, «из-за каждой стачки выглядывает гидра (чудовище) революции».

Значит, не выжидать, когда рабочая масса дорастет до уровня «цивилизованных» пролетариев, не сторониться «буйных форм» движения, не отворачиваться брезгливо при виде «эксцессов», а идти в эту массу, просвещать рабочих, учить на опыте их собственных побед и поражений. А главное – прилагать все возможные усилия для того, чтобы повести их за собой на осмысленное и организованное действие.

Если и существуют какие-то каноны того течения политической мысли, которое позднее получит имя «большевизма», то это, видимо, и есть один из наиболее существенных. И более двух десятилетий спустя Ленин напишет: «Что коммунисты потворствуют стихийности, это лганье... Филистеры не способны понять, что коммунисты считают – и вполне правильно – своим долгом *быть с борющимися массами* угнетенных, а не со стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, разъясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая победу сознательности над стихийностью, *остаются с массами*. Лучше быть с борющимися массами, в ходе борьбы освобождающимися постепенно от ошибок, чем с интеллигентами, филистерами, каутскианцами, выжидающими в сторонке “полной победы”»

Так он напишет в 1919 году. И хотя за двадцать лет до этого ни об «интеллигентах», ни тем более о «каутскианцах» не

было и речи, написанное им в тюрьме было столь же взрывоопасно. И, кстати сказать, небезопасно для него самого.

В одиночках регулярно проводился «шмон», и жандармы переворачивали не только вещи, но и просматривали все бумаги и книги, находившиеся в камере. Как раз летом, когда Ульянов писал «О стачках» и «Объяснение программы», на очередном обыске жандармский офицер стал усердно листать сложенную в углу изрядную кучу книг, таблиц и выписок. Но в конце концов не выдержал и отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Так вот и обошлось.

Анна Ильинична во время свиданий не раз предупреждала Владимира, что «могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме». Впрочем, и без этого «послаблений» никто не ждал. Все помнили судьбу Михаила Бруснева, арестованного в 1892 году и приговоренного к шести годам тюрьмы и десяти годам сибирской ссылки, Михаила Александрова (Ольминского), арестованного в 1894-м и после пяти лет тюрьмы отправленного на пять лет в Якутию. Знал и наверняка думал об этом и Владимир Ильич, но, отвечая сестре, лишь посмеивался: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, – меня взять уже не могут».

«По высочайшему повелению»

После трехмесячного вояжа по Европе государь император Николай II 19 октября 1896 года вернулся в Петербург. Он загорел, посвежел, и о Ходынке уже никто в его окружении не вспоминал. В канун Нового года царь записал в дневнике: «Дай Бог, чтобы следующий, 1897 год прошел бы так же благополучно, как этот».

Но как раз с Нового года опять начались неприятности...

Нашумевшая на всю Европу летняя стачка столичных ткачей 1896 года завершилась к 18 июня отчасти и потому, что 15 июня министр финансов Сергей Юльевич Витте вывесил на предприятиях объявление, в котором обещал рассмотреть требования стачечников и сократить рабочий день. Но прошло полгода, а «улучшений» не последовало.

В декабре «Союз борьбы» выпустил листовку, в которой, напомнив обещания министра, призвал рабочих к продолжению борьбы. «Фабриканты и правительство, – говорилось в ней, – только под постоянным напором наших сил будут удовлетворять наши требования. На этих клячах без кнута далеко не уедешь».

И сразу же после Нового года на двух фабриках Максвеля – Петровской и Спасской – прекратили работу. 3 января стачечники послали своих представителей на Обводный канал, и волнения начались на Российской мануфактуре, затем на Александровском чугунном и Обуховском заводах. О своей готовности к стачке заявили на фабриках: Екатерингофской, Новой, Воронина, Чешера, Кенига, Штиглица, на Старо- и Новосампсоньевских мануфактурах. 5 января на собрании представителей этих фабрик и заводов решили вновь предъявить летние требования и начать общую забастовку 7 января.

Однако уже 3 и 5 января фабриканты и фабричные инспекторы собрались на совещание у Витте. Сергей Юльевич спросил у градоначальника Клейгельса, может ли он заставить рабочих работать. Тот ответил: «Если бы рабочие толпились на улице, нарушали бы тишину и порядок, я с ними справился бы. Но раз они сидят по домам, я ничего не могу с ними поделать». Тогда Витте обратился к фабрикантам – готовы ли они идти на уступки. Большинство хозяев крупнейших предприятий ответило положительно, и решено было оповестить рабочих о частичном удовлетворении их требований, сокращении рабочего дня до 11 часов, о передаче в Сенат нового фабричного закона, который и был издан 2 июня 1897 года.

Поставив в порядок дня «рабочий вопрос», правительство как бы признало «законным» само его существование. А это несколько меняло отношение к рабочему движению и в какой-то мере к его организаторам. Так что, как выяснилось, январская стачка весьма благоприятно сказалась на судьбе «стариков».

«Мы внезапно узнали, – пишет Мартов, – что первоначально намеченные для нас приговоры с долголетней ссылкой высшими инстанциями смягчены и заменены значительно более короткими, причем для части рабочих ссылка в более или менее

отдаленные места будет заменена надзором полиции вне столиц... Вместо ожидавшихся 8—10 лет Восточной Сибири шестеро из членов "Союза борьбы" (Ульянов, Кржижановский, Ляховский, Старков, Ванеев и я) получили по три года. И только П.К. Запорожец, как раз самый молодой член "Союза" (главным образом, ввиду приписанного ему авторства статей, предназначенных для газеты), получил 5 лет.

С рабочими расправились еще мягче: одних (В.А. Шелгунова, Н. Рядова, Н. Полетаева, Н. Меркулова, Кайзера, Н. Иванова, В. Антушевского) сослали в Архангельскую губернию, других, как Ив. Ив. Яковлева, Самохина, И.В. Бабушкина, Б. Зиновьева, П. Карамышева, отправили под надзор полиции в провинцию». А когда стали выяснять причины подобных «послаблений», то чиновники «мотивировали эту перемену в нашей судьбе тем, что, мол, социал-демократы ведут лишь экономическую, а не политическую борьбу».

Для подобных, казалось бы, абсолютно вздорных суждений действительно появились некоторые основания.

В интеллигентских кругах, особенно у радикальной молодежи, мода на марксизм продолжала расти как снежный ком. И в той среде, где это было только модой, уже вполне определились свои кумиры. Если еще вчера, пишет Борис Горев, восторженные курсистки стайкой вились вокруг Михайловского или Южакова, то теперь Струве и Туган-Барановский «стали теми авторитетами, которым, по тогдашнему выражению, курсистки "в рот смотрели" и за которыми они ходили табунами на всех студенческих балах и вечеринках».

Эти балы и вечеринки, овеянные столь притягательным духом «оппозиционности», с удовольствием посещали известные в ту пору адвокаты, писатели, артисты. И сестра Мартова – Лидия Цедербаум – вспоминает, между прочим, как в ноябре 1896 года на благотворительный концерт, устроенный курсистками, она пригласила молодого Федора Шаляпина, певшего тогда в частной опере Панаева.

Князь Владимир Оболенский, вращавшийся в столичных общественных сферах и считавший себя почти марксистом,

вспоминает: «Признанным вождем марксистов был П.Б. Струве, тогда еще почти юноша, выпустивший небольшую книжку с резкой полемикой против народничества... Несколько менее популярным, но тоже весьма почитаемым молодежью марксистским лидером был молодой приват-доцент М.И. Туган-Барановский, написавший толстую, мало кем читавшуюся, но быстро составившую славу автору книгу о мировых экономических кризисах.

Выступления молодых марксистов, и в особенности П.Б. Струве, покрывались шумными аплодисментами, несмотря на то что говорил он весьма мудреным языком, непонятным большинству аудитории, а по внешней форме говорил очень плохо, подыскивая слова и делая паузы в ненужных местах. В те времена, впрочем, вообще у русской интеллигенции совершенно не было практики публичного произнесения речей и большинство говорило плохо».

Появилась и легальная марксистская пресса. Осенью 1896 года А.А. Санин, П.П. Маслов, В.В. Португалов и др. взяли в аренду у помещика, предводителя бузулукского дворянства Николая Реутовского газету «Самарский вестник», приносящую ему чистый убыток. Она и стала первой легальной газетой, в которой стали печататься российские марксисты. Число ее подписчиков выросло в пять раз. Газету читали в Питере, Москве, других городах, в Лондоне, Париже и... на Сандвичевых островах. Прислушиваясь к моде, марксистские статьи стал публиковать журнал «Научное обозрение». Даже либерально-народническая «Русская мысль» предоставила свои страницы Плеханову и Струве. А в начале 1897 года, с помощью А.М. Калмыковой, Струве и Туган-Барановский перекупили столичный журнал «Новое слово», сотрудниками которого стали виднейшие марксистские авторы, в том числе и В.И. Ульянов.

Определенные изменения происходили и на нелегальном марксистском поприще. Выше упоминалось, что после январских арестов 1896 года, когда взяли Мартова, Ляховского, Бабушкина и др., была сформирована новая Центральная группа «Союза борьбы» в составе Радченко, Сильвина, Крупской, Гурвича-Дана

и Гофмана. Однако вслед за летней стачкой ткачей все они, а также сестры Невзоровы, Бауэр, Лурье, Шестопалов, Шаповалов и др. – 16 июня и 11 августа попали за решетку.

За отсутствием улик в сентябре выпустили Радченко, Крупскую и Якубову. Оставался на свободе и Борис Горев, заведовавший техникой «Союза». Они-то и восстановили новый Центр, в который, помимо указанных «стариков», привлекли Потресова, Иваншина, Тахтарева и Катина-Ярцева³⁴⁸.

15 сентября «Союз» вновь дал знать о себе листовкой. «Наш "Союз", – говорилось в ней, – причинивший столько хлопот и огорчений фабрикантам и правительству, "Союз борьбы за освобождение рабочего класса" – *вступил во второй год своего существования*. Славный это был для нас год. Суровая борьба научила нас многому. Мы стали сознательнее, стали лучше понимать общие нам всем интересы и задачи»³⁴⁹. Так говорилось в прокламации. Однако на самом деле все обстояло не столь уж благополучно.

Полицейские изъятия прежних руководителей и наиболее развитых рабочих, прошедших кружковую школу, совпавшие со стремительным ростом забастовочного движения, втянувшего в борьбу менее развитые слои, породили новые проблемы. «Резким подчеркиванием политических задач движения, – писал Сильвин, – мы боялись отпугнуть от "Союза борьбы" рабочую массу, которая казалась нам более "серой", чем она была в действительности. Мы решили считаться прежде всего с этим большинством, с его настроениями, с очевидными для него возможностями»³⁵⁰.

14 июля за Шуваловским парком у станции Парголово по инициативе самих рабочих было проведено собрание представителей столичных заводов и фабрик. Собралось человек тридцать. Сильвин поставил вопрос: какого типа листки более желательны – «общего содержания на политические темы... или же листки частного характера, касающиеся отдельных фактов рабочей жизни и условий труда на той или иной фабрике»? При этом Сильвин сказал: «Как вы скажете, так мы и приготовим». Большинство высказалось за листовки второго типа, но при этом

«нашло также очень желательным выпуск листков общего, то есть политического, содержания»³⁵¹.

После августовских арестов, осенью 1896 года, положение усугубилось. «В качестве наиболее активного из "старших" членов "Союза" (теперь я уже попал в "старшие"), – рассказывал 22-летний Борис Горев, – я сделался фактически его руководителем. Рядом со мной был первое время Тахтарев... а из "стариков" Якубова. В отдалении мы берегли С.И. Радченко, как "мужа совета", как человека, на котором лежала "благодать" первой группы "стариков". Впоследствии постоянным членом Центральной группы сделался Катин-Ярцев. Изредка на заседания этой группы приходила еще одна представительница "старшего поколения" Н.К. Крупская, преподававшая тогда в рабочей вечерней школе за Невской заставой. Впрочем, центральная группа (т. е. то, что теперь называют комитетом) и тогда не была вполне оформлена организационно»³⁵².

В такой ситуации Тахтарев стал будировать вопрос о необходимости расширения базы организации путем создания на предприятиях «рабочих касс» и «касс взаимопомощи», которые объединили бы в одно целое всю рабочую массу, не деля ее на «сознательных» и «серых». И в этой связи он упрекал «Союз» в «недемократичности», настаивал на необходимости отказа от прежней централистской структуры и кооптации в руководящий центр рабочих, дабы ликвидировать «перегородку», отделяющую их от социал-демократической интеллигенции.

Радченко и Горев отводили это предложение, ссылаясь на его неконспиративность. Летом 1896 года, до ареста Бауэра, Центральная группа не раз собиралась в его кабинете в Вольном экономическом обществе, и Гореву запомнилось, как лакеи в белых перчатках подавали им чай. Позднее собирались на квартире писателя Вересаева, затем в Военно-медицинской академии. Появление в таких местах рабочих привело бы к неминуемому провалу³⁵³. Но Тахтарев не соглашался, а после его отъезда в эмиграцию в январе 1897 года эту позицию продолжали отстаивать Якубова и Катин-Ярцев. И подобного

рода споры в руководящем ядре «Союза» продолжались на протяжении всей зимы 1896–1897 года³⁵⁴.

14 февраля 1897 года Ульянова и его товарищей выпускают из тюрьмы.

Можно сколько угодно иронизировать относительно мнения тех чиновников, которые полагали, что социал-демократы не ведут «политической борьбы», но так или иначе «послабление» стало фактом. 29 января, по всеподданнейшему докладу министра юстиции статс-секретаря Муравьева, государь император высочайше повелел «разрешить настоящее дознание административным порядком», а не судом. И 65 человек, привлеченных по делу «Союза борьбы», получили свои места и сроки ссылки куда более мягкие, нежели предполагалось.

Мало того, «наши родственники, – пишет Мартов, – возымели дерзкую мысль коллективно хлопотать о том, чтобы нам разрешили всем ехать не “по этапу”, а вольными пассажирами за свой счет. Добившись этого только для отдельных лиц, в том числе для В. Ульянова, они, во всяком случае, для большинства остальных добились другой, доселе неслыханной льготы – разрешения перед отправкой в ссылку побыть четыре дня на свободе для устройства своих дел»³⁵⁵.

Тут, видимо, вкралась неточность. Коллективной петиции не было. Порознь хлопотали действительно почти все семьи. Однако когда такого рода письмо, подкрепленное подписью помощника начальника Главного тюремного управления Коваленского с просьбой «посодействовать к улучшению передвижения и участи Ульянова», пошло по инстанции, на него легла начальственная резолюция: «Надо при случае сказать С.Г. Коваленскому, что Ульянов не заслуживает особых снисхождений. Это Елизарова хлопочет»³⁵⁶.

А.И. Елизарова уточняет: «Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю.О. Цедербаума (Мартова), через какое-то знакомство со Зволянским; а затем, раз прецедент создан, глава полиции не считал возможным отказывать другим». И о реакции Владимира Ильича при выходе из предварилки на столь неожиданную «свободу» Анна Ильинична пишет: «Очень

ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой»³⁵⁷.

Итак, 14 февраля Ульянов и его товарищи вышли из тюрьмы. До вечера 17-го, когда они должны были покинуть столицу, оставалось трое суток. Из них два вечера подряд, до поздней ночи, заняла встреча, которую провели на квартире Радченко и Мартова «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы». Присутствовали Ульянов, Мартов, Запорожец, Кржижановский, Старков, Ванеев, Малченко, Ляховский, Борис Зиновьев, а также остававшиеся на свободе Горев, Якубова и Катин-Ярцев.

Члены новой Центральной группы сочли своим долгом отчитаться о работе, проделанной за год. Помимо этого, «в своем докладе, – пишет Горев, – я указал на назревающие в “Союзе” разногласия, на уклон в сторону специфического “демократизма” и “рабочефильства”, и эти именно вопросы вызвали наибольшее обсуждение и даже страстность»³⁵⁸.

Поводом для дискуссии стал написанный Катиним-Ярцевым «Устав рабочей кассы», который со свойственной ей горячностью отстаивала Аполлилария Якубова. Говоря о необходимости пролетарской самостоятельности, она предлагала объединить в «кассах» самые широкие слои рабочих и в конечном счете подчинить их контролю деятельности «Союза». Ее главным оппонентом стал Владимир Ильич.

Спустя пять лет он вспоминал: «Беседа велась главным образом об организации и, в частности, о том самом “Уставе рабочей кассы”... Между “стариками” (“декабристами”, как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из “молодых” сразу обнаружилось резкое разногласие, и разгорелась горячая полемика. “Старики” говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение “Союза борьбы” в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п.»³⁵⁹.

О том же писал и Мартов: «Так как повседневная практика “Союза” по-прежнему выражалась в руководстве

профессиональной борьбой рабочих, то построение всей партийной организации применительно к этой практике (а к этому вело если не растворение "Союза" в проектируемой массовой кассе, то подчинение "Союза" как руководящего центра ее контролю) должно было сковать это руководящее ядро во всех попытках расширить русло своей революционной работы, выведя ее из оболочки чисто профессиональной борьбы»³⁶⁰.

В определенной мере тахтаревское «рабочефильство» действительно отдавало какими-то интеллигентскими комплексами. За год-два до этого такие рабочие, как Иван Бабушкин, Никита Меркулов, Борис Зиновьев, Петр Карамышев, во многом определили деятельность «Союза». И не потому, что они были рабочими, а потому, что приобрели знания и опыт, необходимый для революционной агитации. Поэтому, когда в 1895 году начались разговоры об «интеллигентском засилье» и «диктатуре вождей», Ульянов «доказывал невозможность при российских условиях «первобытного демократизма», говорил... о том, что такая организация вызывается потребностями дела, а вовсе не недоверием к кому-либо»³⁶¹.

И теперь он так же считал эту проблему надуманной. Он говорил: «Если у вас есть сознательные и заслуживающие доверия отдельные рабочие, введите их в центральную группу, вот и все. Больше никакой особой "рабочей политики" не нужно»³⁶². А когда Якубова назвала А.М. Соловьева с Балтийского завода и Карла Сака с Обуховского, их тут же ввели в состав центральной руководящей группы «Союза»³⁶³.

Во время спора Аполлинария Александровна «очень разволновалась, – пишет А.И. Елизарова, – слезы выступили у нее на глаза. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичом, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать»³⁶⁴.

Рассказывая об этой дискуссии, Владимир Ильич делает существенное замечание: «Само собой разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии

начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным»³⁶⁵.

Во время этой встречи обсудили также вопрос о возможности соглашения с вновь организовавшейся группой народовольцев. Горев пишет, что в данном случае Ульянов «проявил тот деловой оппортунизм, в форме уважения к чужой силе, который так характерен для него. "Раз у них есть типография, – говорил он, – то они многое могут диктовать нам, и мы на многое должны соглашаться"»³⁶⁶.

«Кроме этой беседы, – вспоминает Мартов, – нам пришлось еще собираться "промеж себя", чтобы объяснить с Б.И. Зиновьевым по поводу его "партизанского" выступления на допросах. Разговор с ним принял весьма бурный характер, ибо Зиновьев, основываясь на малооформленном характере нашей организации, упрямо отстаивал свое право строить свои отношения с жандармами так, как он сам считал наиболее полезным для дела развить перед властями социальные стремления нарождающегося рабочего движения... Нас он, разумеется, не убедил, и мы заявили ему, что сохраняем за собой право формального расследования партией его дела»³⁶⁷.

После встречи у Мартова, когда все разошлись, Владимир Ильич и Юлий Осипович еще долго беседовали и, пожалуй, впервые разговорились, что называется, «по душам». Брат Мартова – В.О. Цедербаум (В. Левицкий) пишет: «Он остался ночевать у нас, чтобы вдоволь наедине поговорить с Юлием, к которому он заметно относился с большой симпатией и уважением. Они не ложились даже спать, проговорив до утра. Эта ночь, вероятно, положила начало тем близким личным отношениям, которые установились между ними»³⁶⁸.

Левицкий оставил и «словесный портрет», запечатлевший Владимира Ильича в эти дни: «Выглядел он даже еще старше благодаря огромной лысине, блестящей во всю длину его черепа. Высокий большой лоб, обнаруживавший силу мысли, резко очерченные черты лица, живые, умные, «с хитрецей», немного косые и часто прищуриваемые глаза, загоравшиеся от

времени до времени огнем и порой сверкавшие добродушной усмешкой, ироническая складка у губ под рыжими усами, рыжая борода ("как у ярославского мужика" – говорили у нас) – таким запечатлелся в моей памяти Ленин после первой встречи с ним»³⁶⁹.

Трехдневный срок, данный Департаментом полиции на сборы, истек. Но Мария Александровна, ссылаясь на ухудшение своего здоровья, добилась для Владимира Ильича разрешения заехать на два дня в Москву. И 17 февраля, с матерью и сестрой, он покинул столицу.

На вокзале в тот день было шумно илюдно. Повсюду сновали жандармы и шпики. И совсем не потому, что из столицы отправлялся административно-ссылный Ульянов. «По Высочайшему повелению и по делам Всеподданнейшей службы их Величеству» в командировку выезжали Его сиятельство генерал-адъютант князь Долгорукий, Их Высокопревосходительства генерал-майор Пашков, гофмейстер граф Кайзерлинг, камергер Лебедев и другие высокопоставленные лица. Об этом писали все столичные газеты. И еще они сообщали о том, что 17 февраля в Сельскохозяйственном музее состоится очередное публичное чтение агронома Сергея *Ленина*. Фамилия эта была знакома Ульянову. Статью Ленина «Сельскохозяйственные орудия и машины» в журнале «Вестник финансов» он проштудировал, еще будучи в тюрьме³⁷⁰.

Владимир Ильич приезжает в Москву 18 февраля и решает отказаться от права проезда к месту ссылки за свой счет, предоставленного ему и Якову Ляховскому. Он предполагает добровольно «заарестоваться», дожидаться в пересыльной тюрьме питерских товарищей и далее следовать с ними по этапу. В тот же день Мария Александровна – *«очень против воли»* своей, как пишет А.И. Елизарова, – направила соответствующее прошение.

«Владимиру Ильичу, – рассказывает Анна Ильинична, – не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение

Володе ехать на свой счет было самым большим утешением... А. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А.М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающихся, например Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства.

И вот, после того как матери доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передали слова кого-то из старых ссыльных: "Ссылку мог бы повторить, этап – никогда", Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму»³⁷¹.

В ожидании приезда питерцев в Бутырскую пересыльную тюрьму Владимир Ильич ежедневно посещает Румянцевскую публичную библиотеку. Здесь он добывает материалы для начатой еще в предварилке книги. Но отчасти его влекут туда и другие причины. «Привыкнув к правильным, размеренным занятиям, которые в тюремных условиях сохранили его уравновешенность, – пишет Анна Ильинична, – он не захотел отходить от них круто, сразу погружаться в нервное ничегонеделанье, глотать слишком много впечатлений после невольной тишины и однообразия Дома предварительного заключения. Может быть, и совершенно инстинктивно поступал он так, погружаясь на несколько часов в день в тишину и уединенность библиотечного зала. При всей своей выдержке он должен был чувствовать, как и все после долгого тюремного заключения, что нервы взбудоражены, шалят, что не надо загружать их без необходимости обилием новых впечатлений».

Но намерениям Ульянова, столь огорчившим его мать, не суждено было сбыться. Утром 22 февраля его вызвали в московскую охранку и, поскольку вместо двух разрешенных дней прошло уже три, поставили перед выбором: либо его тут же арестуют, сажают в тюрьму и отправляют по этапу одного, не дожидаясь товарищей, либо он в тот же день отправится в ссылку сам. Владимиру Ильичу не оставалось ничего другого, как получить проходное свидетельство и дать расписку о выезде.

И в самый разгар Масленицы, когда все добропорядочные семьи усаживались за праздничный стол, семья Ульяновых – Мария Александровна, Владимир, Анна, Мария и Марк Елизаров, наскоро собравшись, отправились с Курского вокзала до Тулы. Там они простились с Владимиром Ильичом, и далее, согласно проходному свидетельству, он уже должен был следовать в одиночестве.

Впрочем, одиночество длилось недолго. В том же поезде ехал красноярский врач Владимир Крутовский. Ему было уже за 40. Он дружил с Короленко, Михайловским, Анненским. И незадолго до отъезда из Петербурга, по рекомендации Калмыковой, к нему заходила Елизарова с расспросами об условиях жизни в его краях, куда ссылается брат. Хлопотала за Ульянова как за своего «хорошего знакомого и друга Петра Струве» и сама Александра Михайловна.

В поезде было чрезвычайно тесно и душно. То ли в Москве отцепили для ремонта вагон, то ли, как обычно, продали лишние билеты, но толчея была даже в классных купе. И вот, начиная от Тулы, Крутовский заметил юношу «небольшого роста, довольно худощавого, с маленькой клинообразной бородкой, очень живого и подвижного, который все ссорился с железнодорожным начальством, указывая на ужасное переполнение поезда и требуя прицепки лишнего вагона..

Сам Крутовский принадлежал к числу тех интеллигентных людей, которые в подобных случаях предпочитают “не связываться”. Ибо, как известно, “плетью обуха не перешибешь” и все равно “ничего не выйдет”. И настырность молодого человека поначалу лишь забавляла Владимира Михайловича. Однако, к его удивлению, юноша наседал на железнодорожников все энергичнее. Постепенно его стали поддерживать другие пассажиры. И когда в Самаре местное начальство обступила уже целая толпа и молодой человек решительно потребовал прицепить лишний вагон и хотя несколько разгрузить тесноту, – начальник станции, обращаясь к составителю поездов, изрек: “Ну его к черту! Прицепите вагон”»³⁷².

В вокзальном буфете Крутовский заметил, что юноша пишет на конверте знакомый адрес: «Петербург. А.М. Калмыковой». Они тут же познакомились. А когда к их составу прицепили новенький вагон и Ульянову – а это был он – пассажиры, как инициатору «акции протеста», уступили двухместное купе, он пригласил в него и Крутовского. Так что от Самары они ехали уже вместе.

В Самаре Владимиру Ильичу, видимо, удалось встретиться с кем-то из старых знакомых. Во всяком случае, в вагоне он выложил перед своим спутником полный комплект марксистского «Самарского вестника». А поскольку Владимир Михайлович всей душой сочувствовал народникам, то чтение газеты вызывало острейшие дискуссии. «На этой почве, – пишет Крутовский, – всю дорогу до Красноярска мы спорили. И иногда дело доходило до горячих схваток, хотя все кончалось мирно, и мы принимались или за чаепитие, или за чтение»³⁷³.

После Челябинска и до самого Новосибирска – тогда Кривошекова – за окошком вагона потянулась голая и унылая степь. «Ни жилья, ни городов, – пишет Владимир Ильич матери, – очень редко деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо – и так в течение всех трех дней»³⁷⁴. Но, как это часто бывает именно в вагоне, унылость пейзажа во многом скрашивается не только чаепитиями, но и долгими беседами. И если уж быть точным, то за неделю пути от Самары до Красноярска они не столько спорили о марксизме и народничестве, сколько говорили о том, что ждет Ульянова в Сибири.

«Встретился в нашем поезде, – пишет Владимир Ильич матери, – с тем самым А.[врачом], у коего Анюта была в С.-Петербурге. От него узнал кое-какие полезные для меня вещи насчет Красноярска и др...Благодаря беседе с А. мне уяснилось (хотя приблизительно) очень многое, и я чувствую поэтому себя очень спокойно: свою нервность оставил в Москве. Причина ее была неопределенность положения, не более того. Теперь же неопределенности гораздо менее, и поэтому я чувствую себя хорошо».

Столь заметное улучшение настроения стало следствием вполне конкретных предложений многоопытного Владимира Михайловича. Отправляясь из Москвы, Ульянов полагал, что, добравшись до Красноярска, он двинется дальше по железной дороге до Канска, а оттуда, прикупив тулуп, валенки и зимнюю шапку, почти 800 верст на лошадях до Иркутска, где находилась резиденция Горемыкина – генерал-губернатора Восточной Сибири.

Но Крутовский считал, что ехать дальше Красноярска не следует. Он хорошо знал губернатора – человека весьма своенравного – и был уверен, что общение с ним добром для Ульянова не кончится. Еще в Питере он посоветовал Анне Ильиничне написать в Иркутск прошение о направлении Владимира в ссылку либо в Красноярск, либо на юг Енисейской губернии. Такую бумагу мать послала 22 февраля. Значит, надо было сидеть в Красноярске и ждать ответа. И тут же пройти медицинское освидетельствование, получить справку о «слабости здоровья» и целесообразности ссылки в Минусинский уезд, который и в шутку, и всерьез называли «Сибирской Италией».

План звучал вполне реально, и теперь даже пейзаж за окном не казался столь унылым. «Дальше будет, говорят, сначала тайга, а потом, от Ачинска, горы, – пишет Владимир Ильич матери. – Зато воздух степной чрезвычайно хорош: дышится легко. Мороз крепкий: больше 20°, но переносится он несравненно легче, чем в России. Сибиряки уверяют, что это благодаря “мягкости” воздуха. Весьма правдоподобно».

«Цивилизованная ссылка»

4 марта 1897 года поздним вечером поезд прибывает в Красноярск. Крутовский приглашает Ульянова к себе. Но дабы не утруждать и не ставить в неловкое положение человека, занимавшего в городе вполне официальный пост, Владимир Ильич селится у вдовы чиновника Клавдии Гавриловны Поповой,

сдававшей жилье политическим, и в ее деревянном двухэтажном доме получает маленькую, но вполне приличную комнату с полным пансионом за 60 копеек в день. На следующий день он спешит в Енисейское губернское правление и узнает, что никаких распоряжений относительно него не поступало. Складывалось впечатление, что прошение матери оставлено без последствий и ему придется все-таки, согласно проходному свидетельству, тащиться за тысячу верст в Иркутск.

Но – надо же такому случиться – в губернском правлении Ульянов узнает и о том, что сам губернатор, генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Горемыкин «сей минут», со 2 марта, находится лично в Красноярске. И по совету Крутовского Владимир Ильич тут же пишет прошение: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне остаться в городе Красноярске впредь до распоряжения о назначении мне места жительства... Я ходатайствую о назначении мне места жительства, ввиду слабости моего здоровья, в пределах Енисейской губернии и, если возможно, в Красноярском или Минусинском округе».

6 марта походная канцелярия губернатора принимает прошение. На нем ставится соответствующий штамп, но резолюции нет. А 7 марта Александр Дмитриевич Горемыкин убывает в Иркутск.

Трудно сказать, знали или не знали родные Владимира Ильича, но никто из них не упоминает о том, что в самой канцелярии губернатора у него, видимо, был «покровитель». Александр Александрович Корнилов, ставший позднее известным историком, с апреля 1894 года служил чиновником особых поручений при Горемыкине и занимался крестьянскими и переселенческими делами. По прежним временам его хорошо знала Лидия Книпович из группы питерских народовольцев, тесно сотрудничавших с «Союзом борьбы». Вместе с женой Корнилова – Натальей Антиповной Федотовой она училась на Бестужевских курсах. И уже 14 февраля (в день выхода «стариков» из предварилки) она направила Александру Александровичу письмо, в котором сообщала о высылке в

Восточную Сибирь Ульянова, Кржижановского, Старкова и просила помочь им устроиться в более «цивилизованном» месте. Давала она и «зацепку»: слабое здоровье ссыльных. Об Ульянове, в частности, в письме говорилось: «Это человек очень образованный и крайне симпатичный, но с очень слабыми легкими. Нельзя ли будет устроить их всех в одном месте, т. к. с Кржижановским едет мать и в таком случае мать Ульянова была бы совсем спокойна и за своего сына, который был бы под призором матери Кржижановского»³⁷⁵.

В эти же дни Крутовский устраивает медицинскую комиссию. «По моей просьбе к товарищам из врачебного отдела, – пишет он, – у Владимира Ильича нашли якобы верхушечный процесс в легких и что ему по состоянию здоровья необходимо жить в более теплом климате в Енисейской губернии, а таковым считался Минусинский уезд»³⁷⁶.

Прочел губернатор прошение Ульянова или нет – неизвестно. Но то, что оно было принято, да еще подкреплено медсправкой, оказалось весьма существенным. Спустя два дня, 8 марта, в Красноярск приехал, и также за свой счет, «подельник» Ульянова доктор Яков Ляховский. В Питере, как пишет Владимир Ильич, они договорились о том, что «если придется путешествовать до Иркутска, то поедem уже вместе»³⁷⁷.

Вдохновленный примером Ульянова, Ляховский тоже попытался задержаться и ждать решения своей судьбы в Красноярске. Но не тут-то было. «Ему, – пишет Владимир Ильич, – не позволили ждать здесь дольше, т. е. не позволило местное начальство». Убывавшего на почтовых лошадях в Иркутск Ляховского Ульянов проводил 15 марта, а о себе написал: «Меня пока не тревожат, да и не могут, я думаю, ибо я подал прошение генерал-губернатору и теперь жду ответа. Впрочем, абсолютно невозможного нет ничего и в том, что мне придется тоже проделать такое путешествие»³⁷⁸.

Потекли долгие дни ожидания: официального уведомления от губернатора и приезда товарищей, следовавших по этапу «на казенный счет».

Ссылных в Красноярске было превеликое множество. Преобладали народники и народовольцы. Из немногих марксистов Владимир Ильич ближе других познакомился с Петром Красиковым. Дед его – минусинский казак, был красноярским протоиереем, а самого Петра выслали из Питера на родину за знакомство в Женеве с Плехановым и социал-демократическую пропаганду среди студентов столичного университета.

Из ссылных народовольцев он чаще других встречается с Василием Карауловым и Петром Кулаковым, заведовавшим статотделом Енисейской губернии. Они попытались сразу же втянуть Ульянова в публичные дискуссии с местным народническим «теоретическим светилом» Николаем Яцевичем, но споры эти, видимо, мало привлекали Владимира Ильича³⁷⁹.

Дабы избежать «говорильни», а заодно собрать дополнительные материалы для своей работы, начатой в тюрьме, он, заручившись рекомендацией Крутовского, ходит в знаменитую библиотеку купца-библиофила Геннадия Васильевича Юдина, находившуюся в красноярском предместье Тараканово.

«В библиотеку хожу ежедневно, и так как она находится в 2-х верстах от окраины города, то мне приходится проходить верст 5 – около часа пути, – пишет он матери 15 марта. – Прогулкой такой я очень доволен и гуляю с наслаждением, хотя частенько прогулка меня совсем усыпляет. В библиотеке оказалось гораздо меньше книг по моему предмету, чем можно было думать, судя по общей ее величине, но все-таки есть кое-что для меня полезное, и я очень рад, что могу провести здесь время не совсем зря. Посещаю и городскую библиотеку: в ней можно просматривать журналы и газеты; приходят они сюда на 11-й день, и я все еще не могу свыкнуться с такими поздними «новостями»»³⁸⁰.

Через десять дней он вновь пишет матери: «Живу по-прежнему, шляюсь в библиотеку за город, шляюсь просто по окрестностям для прогулки, шляюсь к знакомым, сплю за двоих, – одним словом, все как быть следует». И в следующем

письме опять о прогулках: «Окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии: я на днях совершил несколько прогулок (дни стояли тут совсем теплые, и дороги уже высохли), которыми остался очень доволен...»³⁸¹

Так уж случилось, что томительное ожидание ответа от губернатора и приезда товарищей завершилось почти одновременно. 4 апреля Ляховский послал из Иркутска телеграмму о том, что Ульянов, Кржижановский и Старков, то есть именно те, за кого хлопотала Книпович в письме Корнилову, «назначаются в Минусинский округ». И 4 апреля почтовым поездом в Красноярск прибывают его друзья по «Союзу борьбы».

Вопреки ожиданиям, поездка эта оказалась не столь уж тяжелой. Впервые – не по «Владимирке», а по новой сибирской магистрали – партия ссыльных в сопровождении жандармского полковника, минуя все промежуточные этапы, проделала этот путь за столь короткий срок. «Путешествие в отдельном вагоне, длившееся 10 дней, – писал Мартов, – было довольно комфортабельно».

Когда поезд остановился, Владимир Ильич и сестра Глеба Кржижановского Антонина бросились к вагону и через открытые окна стали обмениваться с прибывшими «рукопожатиями и торопливыми вопросами». Полковник, выскочивший из вагона для торжественного рапорта местным властям, был взбешен. «Шашки наголо!» – скомандовал он, и конвойные стали силой оттаскивать цеплявшихся за окна арестантов. А «станционные жандармы, – рассказывает Мартов, – догадались схватить Ульянова и его спутницу буквально за шивороты и на наших глазах потащить их в какую-то комнату...

Эта сцена произвела ошеломляющее впечатление на маленькую нашу спутницу, четырехлетнюю Валю Юхоцкую... Когда нас начали выводить из вагона и к нам, окруженным конвоем с шашками наголо, подошла кучка чиновников и высших офицеров, девочка, смотря прямо в глаза нашему толстому полковнику, сказала громким и необычайно злым голосом: "А мы тебя повесим!.."

Весь лоск соскочил с этого весьма корректного и надушенного экс-гвардейца. “А мы вас также”, – прорычал он и внезапно растерялся. Нам стало весело, и мы дружно расхохотались».

Судьба прибывших определилась довольно скоро. По указанию генерал-губернатора их должны были водворить на места ссылки с началом навигации на Енисее. Кржижановский и Старков, как уже говорилось, направлялись в Минусинский уезд, Лепешинский – в Енисейский, а Мартов и Ванеев – в далекий Туруханск.

23 апреля их выпустили из пересыльной тюрьмы, а 24-го, так же как и Ульянову, вручили под расписку проходные свидетельства. Но до отъезда друзья успевают устроить в тюрьме, как выразился Мартов, довольно рискованную и «дерзкую штуку».

Из московских Бутырок в Красноярск привозят Николая Федосеева, который отсюда должен был проследовать в Иркутскую губернию. Узнав, что Ульянов находится в городе, он попросил питерцев устроить ему свидание с Владимиром Ильичом. Они пытались встретиться и раньше – в Поволжье, Владимире, но неудачно. И вот, наконец, представился случай.

«Мы, выходя из тюрьмы, – рассказывает Мартов, – не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую, кроме возчика, сопровождал Ульянов в качестве... якобы хозяина телеги. Одета в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозопромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе же мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева, как “старосты” политиков, для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать, к великому смущению “помощника”, понявшего, что его одурачили, но не пожелавшего поднимать шума».

Утром 30 апреля вице-губернатор поднял флаг навигации. Капитан «Святого Николая» дал гудок. Ему ответили колокола городских церквей. И пароход стал медленно отваливать от

пристани. «Сегодня, – написал Анатолий Ванеев родным, – проводил трех товарищей, назначенных в Минусинский округ (в Минусинск навигация уже открылась). Веселыми и жизнерадостными уехали они. Один – в село Шушенское, двое других – в Тесинское». Вместе с Ульяновым, Старковым и Кржижановским ехала мать Глеба Максимилиановича – Эльвира Эрнестовна Розенберг. Примкнула к ним и совсем юная Лида Удимова, только что закончившая фельдшерскую школу Крутовского и занимавшаяся в социал-демократическом кружке Красикова.

На пароходе было шумно и людно. С первым рейсом ехали купцы и золотопромышленники, артели плотогонов и камнеломов, монастырские послушники, горняки и золотоискатели.

Под вечер «Святой Николай» причалил к пристани Скит у самого устья Филаретова ручья, неподалеку от монастыря. По традиции вся команда во главе с капитаном пошла в монастырь отслужить молебен «О плавающих и путешествующих», а оставшиеся пассажиры расположились у костров на берегу: солидные люди из кают 1 и 2 класса – у одного, артельщики – у другого, монастырские послушники – у третьего. Ссылным тоже пришлось устраиваться отдельно. Пароходные буфеты в избытке снабдили этот «пикник» напитками и закусками, так что никто не скучал. Не скучала и компания «государственных преступников».

Это была ночь под 1 мая. Сидя в Бутырках, Глеб Кржижановский перевел с польского на русский текст «Варшавянки» Свенцицкого. И вот теперь, по случаю праздника, и состоялось первое исполнение на воле. Слова песни: *«Но мы поднимем гордо и смело / Знамя борьбы за рабочее дело, / Знамя великой борьбы всех народов / За лучший мир, за святую свободу»* – как нельзя лучше соответствовали настроению. Вот так, у костра, и встретили наступавшее 1 мая. А утром поднялись на крутую террасу над устьем Шумихи, откуда открывался вид на Бирюсинские и Дивные горы, еще раз спели «Варшавянку». Затем на пристани у Бирюсинского займища вместе с командой и

артельщиками трое друзей погрузили на пароход дрова, и «Святой Николай» двинулся дальше вверх по течению³⁸².

Гульба, начавшаяся на верхней и нижней палубах в первый день, продолжалась и в последующие. В один из вечеров Владимир Ильич и Лида Удимова устроились на корме, где было потише и куда не задувал холодный ветер. «Наш разговор, – вспоминала она, – начался о Енисее, по которому мы ехали, о его красотах. Я многое могла рассказать Владимиру Ильичу, как приезжему человеку. Говорила ему и о своих товарищах, о нашем кружке. Но больше слушала Владимира Ильича. Мне запомнилась его манера говорить и держаться, необычайная подвижность, быстрота движений, и в особенности запомнился жест правой руки, быстро схватывающей рукоятку лебедки, возле которой на канатах, брошенных на корме, мы и сидели, разговаривая всю ночь»³⁸³.

Молебен, отслуженный в монастыре, – «сохраняющая и избавляющая от всякого злаго обстояния видимых и невидимых врагов», исправно хранил путешествующих четыре дня. На пятый вода в реке спала, и у Сорокина разбоя «Святой Николай» сел на мель. Пришлось нанимать подводу и, согласно проходному свидетельству, двигаться дальше «по суху». Дорога большей частью шла в гору, сначала через хребет Туран, потом через Тепсей. На крутых подъемах друзья вылезали из телеги и подталкивали ее, хотя и одежда их, и обувь были мало приспособлены для этого. «Хорошо еще, – напишет потом Владимир Ильич, – что была прекрасная погода, – а если бы еще дожди»³⁸⁴.

Видимо, где-то на этом пути и произошел у них любопытный разговор. Глеб Кржижановский вспомнил слова знаменитого немецкого хирурга Теодора Бильрота: «Здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности». Владимир Ильич тут же подхватил: «Вот именно так. Если здоровый человек хочет есть, – так уж хочет по-настоящему; хочет спать, так уж так, что не станет разбирать, придется ему спать на мягкой кровати или нет... И если возненавидит, так уж тоже по-настоящему...» Глядя на разругавшегося на ветру Владимира

Ильича, на блеск его глаз, Глеб Максимилианович подумал: «Вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека».

Поздно вечером 6 мая они добрались до Минусинска. Переночевали у ссыльного Ефима Брагина. А наутро отправились к окружному исправнику Мухину, самодуру и хаму. «Вошли, – рассказывает Брагин. – Сидит грозное начальство на кресле, дергает усами, таращит на нас глаза, точно съесть хочет. Сели, конечно, и мы.

– Требую стоять! – рыкнул Зевс в полицейском мундире. – Здесь присутственное место.

– Но вы же, господин исправник, сидите!

Так и не встали».

Оставив у исправника прошения «о назначении установленного законом пособия на содержание, квартиру и одежду» и получив предписание убыть из Минусинска на следующий же день, друзья зашли в знаменитый краеведческий музей и библиотеку, созданные местным провизором Николаем Михайловичем Мартьяновым.

Здесь и познакомились они с некоторыми из минусинских ссыльных: Феликсом Коном, водворенным сюда после десятилетней каторги, Аркадием Тырковым, сосланным в Сибирь навечно за участие в покушении на Александра II, народовольцем Стояновским, землевольцем Тютчевым и др. Ефим Брагин, уже присмотревшийся к Ульянову, пишет, что Владимир Ильич «среди своих любил пошутить и отличался очень подвижным и веселым характером. Среди малознакомых, в большом обществе он, наоборот, был замкнут, осторожен и сдержан».

А в ночь на 8 мая – уже без своих спутников, отправившихся в село Тесинское, – Ульянов по Урянхайскому тракту выезжает на телеге из Минусинска и, преодолев 55 верст, в тот же день прибывает в Шушенское, или, как напишет он сам, в «Шу-шу-шу»... как я называю в шутку место моего окончательного успокоения»³⁸⁵.

В одном из первых писем, отправленных отсюда матери, Владимир Ильич пишет: «Шу-шу-шу – село недурное. Правда, лежит оно на довольно голом месте, но невядалеке (версты 1¹/₂—2) ееть лес, хотя и сильно повярубленный. К Енисею прохода нет, но река Шушь течет около самого села, а затем довольно большой приток Енисея невядалеко (1–1¹/₂ версты), и там можно будет купаться. На горизонте – Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стаивает. Значит, и по части художественности кое-что ееть, и я невядаром сочинял ееще в Красноярске стихи: “В Шуше, у подножия Саяна...”, но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!»³⁸⁶

Однако в следующих письмах «художественности» поубавилось. «Село, – пишет он, – большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных, – все как быть следует. Стоит в степи – садов и вообще растительности нет. Окружено село навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1¹/₂ – “бор”, как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повярубленный лесишко, в котором нет даже настоящей тени. Горы, насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их, точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения содержит в себе некую поэтическую гиперболу (ееть ведь такая фигура у поэтов!) насчет “подножия”»³⁸⁷

А поубавилось «художественности» потому, что с того момента, как стало ясно, что Владимира Ильича ожидает сибирская ссылка, Мария Александровна намеревалась отправиться вслед за ним, как это сделала мать Кржижановского. Но Владимир под разными предложениями оттягивал это решение. А когда приехал в Шушенское, сразу написал: «Я устроился здесь

настолько хорошо (и несомненно лучше всех остальных товарищей), что беспокоиться маме совсем уже нет резонов, а насчет летнего отдыха я тоже думаю, что за границей можно не в пример лучше отдохнуть ей, чем здесь, проехав несколько тысяч верст всякими способами»³⁸⁸.

Его беспокоило здоровье матери. Когда же Мария Ильинична упрекнула его в «негостеприимстве», он ответил: «Насчет моего "ужасного негостеприимства" я буду с тобой спорить... Поездка сюда – вещь довольно хлопотливая и малоприятная»³⁸⁹. Из письма в письмо он повторяет свои доводы, пока в июне Мария Александровна и Мария Ильинична не уезжают за границу.

Насчет того, что устроился он вполне сносно, Владимир Ильич не преувеличивал. По рекомендации волостного писаря поселился он у крестьянина Аполлона Зырянова. Первые дни жил с хозяевами в общей комнате, а потом выделили ему маленькую отдельную, куда вошли кровать, стол, угловик и – еле-еле – четыре стула. И все горизонтальные поверхности, кроме кровати, тут же заняли привезенные книги и бумаги.

Именно о книгах – его главная забота. «Меня удивляет, – спрашивает он мать в первом же письме из Шушенского, – что ты не пишешь ни слова о посылке мне остальных книг. Жаль, если они еще не посланы». Он отправляет дополнительный список газет и журналов, необходимых для продолжения той большой работы о рынках, которую начал в тюрьме. А узнав, что книги посланы на красноярский адрес, сожалеет: «Я думал, что они уже в пути. Надо бы узнать теперь, когда они придут в Красноярск. Пожалуй, не раньше конца лета!»³⁹⁰

Ну а пока надо было обустроиваться. «Кушал он часто с нами, – рассказывал Зырянов, – по-крестьянски, из общего котла, пускался в разговоры, всегда заразительно, громко смеялся. Уж очень задушевный был человек Владимир Ильич, веселый»³⁹¹.

«Владимир Ильич за свое "жалованье" – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья, – рассказывала Крупская, – и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для

Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь»³⁹².

«Полный пансион» у Зырянова избавлял от многих бытовых хлопот. «Столичные привычки давно пора бросить: здесь они совсем не к месту и надо привыкать к местным, – заметил Владимир Ильич в одном из писем матери. – Я уже привык, кажется, достаточно, только вот насчет закупок все еще рассуждаю иногда по-питерски: стоит, дескать, зайти в лавку и взять...»³⁹³

Шушенское было довольно большим селом – 257 дворов с 1382 жителями. Здесь находилось волостное правление, одна церковь, четыре купеческие лавки, два кабака и одна начальная школа на 30 учеников с одним учителем. К нему поначалу и стал присматриваться Владимир Ильич, «пробовал завести знакомство с учителем, – вспоминает Крупская, – но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было»³⁹⁴.

Напрашивались на знакомство местные евреи – лавочники Матовы, тоже претендовавшие на «интеллигентность». Но, как писала Крупская, к ним Владимир Ильич питал «особенную антипатию за их навязчивость»³⁹⁵. С другим лавочником – Иоанникием Заверткиным отношения сложились более приятельские. Ульянов часто заходил к нему за чернилами и прочей канцелярской мелочью, а иногда помогал вести бухгалтерские книги³⁹⁶.

А вот с волостным писарем Степаном Журавлевым он просто подружился. «Владимир Ильич, – рассказывает Крупская, – говорил про него, что он по природе революционер, протестант. Журавлев смело выступал против богатеев, не мирился ни с какой несправедливостью. Он все куда-то уезжал и скоро помер от чахотки»³⁹⁷.

Подружился Ульянов и с двумя шушенскими ссыльными рабочими. Один из них, приехавший позднее, – путиловский рабочий, финн Оскар Энгберг. Второй – поляк, лодзинский шляпочник Ян Проминский, отбывавший ссылку с женой и пятью детьми. Втроем они и составили, как шутил Владимир Ильич, «маленький Интернационал». И уже очень скоро в его письмах к родным появляются просьбы: «Детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе “Ниву”. Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня – полное собрание сочинений Тургенева, обещанное “Нивой” в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой!»³⁹⁸

В первые же дни знакомится он и с местными охотниками И.О. Ермолаевым и П.Т. Строгоновым, которые стали брать его на дальнюю охоту. Стрелял он с ними зайцев, уток, тетеревов, а уж охотничьих баек наслушался – и про медведей, и про оленей, и даже про диких коз в горах. На мелкую дичь в ближних местах нередко выбирался с кем-либо из новых друзей. «Ходим большей частью, – пишет Владимир Ильич матери, – вместе с Проминским; беру хозяйскую собаку, которую я приучил ходить с собой и которая имеет некоторые (небольшие, правда) охотничьи способности. Завел себе свою собаку – взял щенка у одного здешнего знакомого и надеюсь к будущему лету вырастить и воспитать его: не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутье. Распознавать это я не умею...»³⁹⁹

Вот так и потекли день за днем, день за днем, отсчитывая установленный высочайшим повелением срок. Наиболее болезненный период адаптации прошел довольно быстро. «Я в первое время своей ссылки, – писал позднее Владимир Ильич младшей сестре, – решил даже не брать в руки карт Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки. Ну, а теперь ничего, обтерпелся»⁴⁰⁰.

Уже 17 августа 1897 года он сообщает матери: «Про себя писать, право, нечего. Потому и письма коротки, что жизнь слишком однообразна: всю внешнюю обстановку я уже описал;

с внутренней же стороны день ото дня отличается только тем, что сегодня читаешь одну книгу, завтра – другую; сегодня идешь гулять направо из села, завтра – налево; сегодня пишешь одну работу, завтра – другую. Здоров я, конечно, вполне»⁴⁰¹.

И когда в конце сентября Владимир Ильич приезжает на несколько дней в Тесинское, то на фоне хворавшего и ужасно нервничавшего Глеба Кржижановского он смотрелся просто великолепно. «Здесь тоже, – пишет Владимир Ильич матери, – все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болести побоку!»⁴⁰²

Свадьба

Где-то с началом зимы Аполлон Долмантьевич Зырянов стал замечать, что жилец его загрустил, «разговаривать стал мало, не шутил и смеяться перестал»⁴⁰³. Прошедшим летом, в июле, к Василию Старкову приехала сестра Кржижановского Антонина. 30 июля они сыграли свадьбу, и Владимир Ильич был на ней шафером. В конце лета к Анатолию Ванееву приехала Доминика Труховская, ходившая к нему как «невеста» еще в предварилку. К Михаилу Сильвину в Тасеевское собиралась его невеста Ольга Александровна Папперек. Из Питера приходили вести о счастливой семейной жизни Струве. После драматического разрыва с Калмыковой он 1 мая 1897 года женился на Нине Герд⁴⁰⁴. На ее подруге Лиде Давыдовой женился Туган...

Сметливый Зырянов стал подшучивать: «Стоит ли грустить из-за этого. Вон сколько невест на селе»⁴⁰⁵. Но Ульянов и Кржижановский, который тоже стал «нервничать», на шутки не отвечали. Они ждали: Глеб Максимилианович – Зинаиду Невзорову, а Владимир Ильич – Надежду Крупскую. Обе они после предварительного заключения вот-вот должны были получить ссылку, и тогда можно было бы начать хлопоты, как ныне говорят, о «воссоединении семей».

Судя по всему, с Надеждой Крупской Ульянов познакомился в «марксистском салоне» на квартире Классона в начале 1895 года. Общепринятая дата – февраль 1894 года, видимо, неточна ровно на год, ибо в начале 1894 года Классон еще находился в Германии. Сама Крупская относила время их первой встречи именно к зиме 1894/95 года⁴⁰⁶.

Родилась она 14 (26) февраля 1869 года и была на год старше Владимира Ильича. Отец ее – Константин Игнатьевич Крупский происходил из обедневших дворян Виленской губернии и после окончания Михайловского артиллерийского училища и Военно-юридической академии дослужился до чина майора. Мать – Елизавета Васильевна, получив диплом домашней учительницы, время от времени работала гувернанткой⁴⁰⁷.

В повести «Моя жизнь» Надежда Константиновна писала: «В те времена среди офицерства было много недовольных. Отец всегда очень много читал, не верил в бога, был знаком с социалистическим движением на Западе. В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы); насколько сам отец принимал участие в революционном движении, я судить не могу. Он умер, когда мне было 14 лет»⁴⁰⁸.

После смерти Константина Игнатьевича в феврале 1883 года мать и дочь жили в Петербурге на небольшую пенсию. Однако благодаря помощи брата покойного мужа, действительного статского советника Александра Игнатьевича Крупского, Надю определили в уже упоминавшуюся престижную частную гимназию княгини Оболенской. Ближайшие подруги – Ариадна Тыркова и дочь директора этой гимназии Нина Герд были из довольно состоятельных семей. Когда они заходили к Наде и видели ту «аккуратную бедность», которая столь характерна для малоимущей интеллигенции, «я, – пишет Ариадна, – удивлялась, как могут они с матерью существовать в такой тесноте»⁴⁰⁹.

«Свою маленькую, скудно обставленную квартирку, – рассказывает Тыркова, – мать Нади держала в большом порядке, создавала уютное благообразие, хлопотала тепло и приветливо,

поила нас чаем с вкусным домашним вареньем, угощала домашними булочками. В темном простом платье, с гладко зачесанными русыми волосами, она была похожа на монашку. Мне нравился ее ласковый пристальный взгляд, то, как она прислушивалась к нашей болтовне, к нашим переходам от запутанных мыслей о всеобщем благоденствии к детскому смеху, которому она охотно вторила. Нравилось мне, что в каждой комнате горит перед образом лампадка. Комнаты маленькие, а образа большие, гораздо больше, чем у нас. От Нади Крупской и ее матери излучалась на меня добрая приветливость, теплая тишина»⁴¹⁰.

Подруги были достаточно тактичны, но определенные комплексы у Надежды все-таки сформировались. Сама она называла их позднее «людобоязнью» или, что более точно, «дикой застенчивостью» («совершенно неожиданно вдруг найдет на меня прилив самой дикой застенчивости – не могу слова выговорить. Какое это мучительное чувство и как от него трудно отделаться»⁴¹¹).

А между тем девушки росли. «У меня, – пишет Тыркова, – уже шла девичья жизнь. За мной ухаживали. Мне писали стихи. Идя со мной по улице, Надя иногда слышала восторженные замечания обо мне незнакомой молодежи. Меня они не удивляли и не обижали. Мое дело было пройти мимо с таким независимым, непроницаемым видом, точно я ничего не слышу... Надю это забавляло. Она была гораздо выше меня ростом. Наклонив голову немного набок, она сверху поглядывала на меня, и ее толстые губы вздрагивали от улыбки. Надя этих соблазнов не знала. В ее девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери».

Гимназию Надежда окончила с золотой медалью и была оставлена в восьмой «педагогический» класс. В 1887 году, получив диплом домашней учительницы по русскому языку и математике, пошла работать в училище Пospelовой, где девочек

обучали шитью. В 1889-м поступила на Бестужевские высшие женские курсы, встретила там свою старую подругу Ольгу Витмер, которая и познакомила ее с Брусневым и другими «технологами»-марксистами.

Позднее, в письме к Марии Ильиничне Ульяновой, Крупская расскажет об этом периоде своей жизни: «Я вспомнила, как я металась в твои годы. То решила в сельские учительницы идти, но не умела места найти и стремилась в провинцию. Потом, когда Бестужевские курсы открылись, я на них поступила, думала, сейчас там мне расскажут о всем том, что меня интересует, и когда там заговорили совсем о другом, бросила курсы. Одним словом, я тогда металась совершенно беспомощно. Только в 21 год я услышала, что существуют какие-то “общественные науки”, а до тех пор серьезное чтение мне представлялось в образе чтения по естествознанию или по истории, и я бралась то за какого-нибудь Россмелера, то за историю Филиппа II, Испанского. “Хлебное занятие”, не знаю, стоит ли к нему готовиться, думаю не стоит, а если понадобятся деньги, поступить на какую-нибудь железную дорогу, по крайней мере отзвонил положенные часы – и заботушки нет никакой, вольный казак».

Именно так Надежда и сделала. Бросив Бестужевские курсы, она поступила на службу в Главное управление железных дорог, а по вечерам, три раза в неделю, стала бесплатно преподавать географию в уже известной нам Варгунинской рабочей школе за Невской заставой. Там в 1894 году она и услышала впервые о приезде «волжанине».

К этому времени у Владимира Ильича сложились самые дружеские отношения не только с «технологами», составлявшими костяк питерской социал-демократической организации, но и с «курсистками», преподававшими в рабочей школе и активно работавшими в «Союзе борьбы». Ульянов явно симпатизировал Зинаиде и Софье Невзоровым, но особенно выделял Аполлинарию Якубову, которую подруги ласково называли Лирочкой. Нравилась она и Марии Александровне и

Анне Ильиничне. Да она и на самом деле была, пожалуй, наиболее яркой из социал-демократических «курсисток».

Умные карие глаза, неизменная ласковая улыбка на румянном лице. Лирочка, как пишет Софья Невзорова, «своей искренностью, энергией и правдивостью привлекала к себе всех ее знавших». Ей симпатизировали и товарищи, и подруги, и ученики рабочей школы... «Спорщица она была горячая... А как заразительно смеялась!.. При этом ярко блестели ее белые зубы, а глаза превращались в маленькие, веселые щелочки». Буквально на всех Аполлинария производила впечатление цельной, здоровой натуры, «казалась воплощением здоровья, и мы, – пишет Софья, – шутя часто называли ее “черноземной силой”»⁴¹².

Луис Фишер, проживший много лет в России, автор интересной книги «Жизнь Ленина», опираясь, видимо, на какие-то слухи, написал: «Есть веские основания думать – хотя документальных свидетельств этому нет, – что до встречи с Крупской Ленин неудачно сватался к Аполлинарии Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих. Аполлинария Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К.М. Тахтарева. Разочарованный, Ленин стал ухаживать за Крупской и победил ее сердце»⁴¹³.

В прежней «лениниане» сюжет этот был закрыт напрочь. Но ныне без него не обходится никто из «лениноедов». Конечно, с самого начала гораздо продуктивнее было бы не запрещать, а разобраться в этой истории.

Никаких следов «сватовства» Ульянова к Якубовой нет ни в воспоминаниях (в том числе и опубликованных за рубежом) многочисленных подруг Аполлинарии и Надежды, ни в обширной переписке этих лет Калмыковой, весьма осведомленной по данной части, ибо все упомянутые курсистки работали у нее на книжном складе, а сама она преподавала в той же рабочей школе.

Конечно, Крупская с ее молчаливой застенчивостью во многом являла собой полную противоположность общительной и

веселой Аполлинарии. Но крайне стеснительная среди сторонних людей, она буквально преображалась в школе. Ученики уважали и любили ее, а стеснительность, скованность исчезали как бы сами собой. Ее подруга Ариадна отмечала, что как только Надежда начинала рассказывать о школе, она буквально «расцветала. Добрые голубые глаза светились... Я радовалась за нее».

После знакомства у Классона Ульянов пошел провожать ее. Они разговорились. Потом стали встречаться все чаще и чаще. Кончилось тем, что по воскресеньям, возвращаясь с занятий в рабочих кружках, Владимир Ильич стал заходить к ней домой на Старо-Невский.

Ариадна Тыркова вскоре заметила, что с Надей что-то происходит. Поначалу она не отвечала на расспросы, а только краснела. «У Нади была очень белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Это так ей шло». Но постепенно подруги разговорились, и все стало ясно. «Надина жизнь уже определилась, наполнилась мыслями и чувствами, которым ей было суждено служить с ранней молодости и до могилы. Эти мысли и чувства были неразрывно связаны с человеком, который ее захватил, тоже целиком. Надя говорила о нем скудно, неохотно. Я ни одним словом не дала ей понять, что вижу, что она в него влюблена по уши. Я была рада за Надю, что она переживает что-то большое, захватывающее».

«Я была в то время влюблена в школу, – пишет Крупская, – и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках. Надо сказать, что рабочие относились к учительницам с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал он от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало... напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник,

так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонился к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные, что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал».

Владимир Ильич внимательно слушал эти рассказы, а мать Крупской, Елизавета Васильевна, кормила их вкусным обедом, что в холостяцком быту Ульянова тоже было событием достаточно приятным. Заходил он, конечно, и к Аполлинарии, снимавшей комнату вместе с Зинаидой Невзоровой. Но заходил по делам. Там было типичное жилье курсисток, мало похожее на теплый семейный очаг.

Впрочем, «Ильич требовал отказа, – пишет Крупская, – от обычного в те времена интеллигентского времяпрепровождения: хождения друг к другу в гости, неделовых разговоров, “перебалтывания”, как мы тогда говорили. Тут были у Ильича определенные революционные традиции. Я помню, как меня раз выругала Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, за то, что я пошла в театр с человеком, с которым работала вместе в кружке. А Ильич ругал нашу молодую публику за хождение друг к другу в гости. Зинаида Павловна [Невзорова] вспоминает: зашла она с приятельницей своей Якубовой к Ильичу, жившему неподалеку, зашла без всякого дела, не застала дома. А вечером, часу в двенадцатом уже, кто-то к ним звонит. Оказывается, пришел Ильич – только что приехал из-за Невской заставы, усталый, с каким-то больным видом. Стал спрашивать встревоженно, что случилось, зачем приходили, и когда услышал, что дела не было, что так просто зашли, сердито воркнул: “Не особенно умно” – и ушел. Зинаида Павловна рассказывает, как они опешили».

В общем, никаких примет «сватовства» в этот период никем отмечено не было. Но симпатии были, и это факт. Попав в одиночку, Владимир Ильич обратился к Крупской и Якубовой с

просьбой. Каждый день, когда его выводили на прогулку, из одного окна тюремного коридора просматривался небольшой отрезок тротуара на Шпалерной улице. «Вот он и придумал, – пишет Крупская, – чтобы мы – я и Аполлинария Александровна Якубова – в определенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлинария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке»⁴¹⁴.

В предыдущей главе рассказывалось о том, что именно в это время в «Союзе борьбы» и появился Константин Тахтарев. Его разговоры о необходимости «демократизации» организации пришлись Аполлинарии по душе, и во всех спорах на данную тему она стала отстаивать его позицию. Владимиру Ильичу, видимо, сообщили об этом. Но когда он вышел из заключения, Аполлинария была среди первых, кто встретил его. «Помню, – пишет Анна Ильинична, – как в тот же день к В.И. прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, А.А. Якубова»⁴¹⁵. А на следующий день, на квартире Радченко, состоялось известное собрание, где Ульянов столкнулся в дискуссии с Аполлинарией.

О том, что полемика приняла тогда самый острый характер, говорилось выше. Но Тахтарев дополняет рассказ: «В пылу спора Владимир Ильич обвинил А.А. Якубову в анархизме, и это обвинение так сильно подействовало на нее, что ей стало дурно»⁴¹⁶. Хотя, как уже отмечалось, Ульянов не раз повторял, что возникшие разногласия – лишь случайный эпизод, все, видимо, переплелось в этом обмороке, ибо, кроме резких слов, ей стало очевидно и другое: он сделал свой выбор.

Крупская сидела в это время в тюрьме. И на следующий день Владимир Ильич, проведая Елизавету Васильевну, написал Надежде «химией» письмо с объяснением в любви⁴¹⁷. Что же касается Аполлинарии, отношения с которой и у него, и у Крупской сохранялись еще долгие годы, то ей он мог писать позднее лишь о «старой дружбе»⁴¹⁸.

В общем, Анне Ильиничне, в то время не очень симпатизировавшей Крупской, было уже ясно, что в ссылку к Владимиру Ильичу «поедет, наверное, по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему шло дело), и он будет не один»⁴¹⁹.

Пока Надежда Константиновна находилась в заключении, он терпеливо ждал. Лишь в мае 1897 года, обустроившись в Шушенском, Владимир Ильич попросил сестру передать Надежде «поклон от меня» и прислать фотографию «в обмен на мою»⁴²⁰. Но в конце года, когда стало известным, что Зинаиде Невзоровой уже вручен приговор – 3 года ссылки – и она хлопочет о переводе в Минусинский округ к Глебу Кржижановскому, Ульянов заволновался. «Весьма возможно, – пишет он Марии Ильиничне, – что и Надежда Константиновна ко мне поедет: этот вопрос, вероятно, скоро вы решится, а может быть, даже и вы решился, когда ты читаешь это письмо»⁴²¹.

Судя по всему, еще летом он послал Крупской большое письмо. Текст его, к сожалению, не сохранился. Но Вера Дридзо – секретарь Надежды Константиновны в 30-е годы – передает ее рассказ об этом эпизоде.

«Приехав в Шушенское, где он должен был отбывать ссылку, Владимир Ильич написал Надежде Константиновне, опять “химией”, большое письмо, в котором звал ее к себе, просил стать его женой. В своем ответном письме она написала: “Ну что ж, женой так женой”. Почему же Надежда Константиновна так ответила Владимиру Ильичу?

Разные бывают люди, – продолжает Дридзо, – и по-разному выражают они свои чувства. Одни – свои мелкие чувства выражают громко и шумно, высокопарными словами, другие же – свои очень глубокие, сильные чувства не умеют выразить. Таким человеком была и Надежда Константиновна. Она глубоко любила Владимира Ильича, знала о его отношении к ней, но из-за застенчивости, смущения, боязни громких фраз она так ответила ему»⁴²². И как только становится известным приговор о высылке ее на три года в Уфимскую губернию, Крупская подает прошение

о переводе в Сибирь, в Енисейскую губернию, для вступления в брак с Владимиром Ульяновым.

В ожидании своих невест Глеб Максимилианович и Владимир Ильич решили встретить Новый год вместе. Глеб приехал в Шушу 24 декабря, и все дела были отложены в сторону. По утрам Владимир выталкивал любившего поспать Глеба во двор, и начиналась борьба, переходившая в веселую возню в снежных сугробах. «Живем мы отлично, – пишет Владимир Ильич родным, – и очень много гуляем, благо погода стоит большей частью очень теплая... Охотимся очень усердно...хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные».

Гулять приходилось много и потому, что дома у хозяев – Зыряновых, по случаю праздников, мужики напивались крепко и все норовили усадить за стол и «дорогих гостей». «Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, – пишет Владимир Ильич, – и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша. Саяны его приводили в восторг, особенно в ясные дни при хорошем освещении. Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом. Но у него не имеется нот и песен». И, вспоминая алакаевские вечера, он просит мать: «У нас ведь немало было, кажись, этой дряни (от тех времен, когда мы, бывало, тоже “кричали”). Хорошо бы их послать ему: он был бы рад. Базиль [В.В. Старков] – музыкант (на гитаре) и стал бы ему перекладывать песни. Здоровье Глеба у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам, и он уехал очень ободренный».

«Молчаливые комнаты», видимо, опять стали навевать грустное настроение, и 8 января 1898 года Владимир Ильич отправляет телеграмму директору Департамента полиции: «Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское». А уже 24 января он пишет матери: «Надежду Константиновну обнадеживают, что ей заменят 3 года Уфимской губернии 2-мя годами в Шуше, и я жду ее с Елизаветой Васильевной. Подготавливаю даже помещение – соседнюю комнату

у тех же хозяев. Выходит у нас забавная конкуренция со здешним попом, который тоже просится к хозяевам на квартиру. Я протестую и настаиваю, чтобы подождали окончательного выяснения моих «семейных» обстоятельств».

Но прошел январь, затем февраль, март, а «семейное» дело все еще гуляло по полицейским инстанциям. В апреле, в связи с начинающимся на Енисее ледоходом, связь с Россией на две-три недели полностью прерывалась. Вот так и случилось, что приезд Надежды Константиновны и Елизаветы Васильевны 1 мая в Красноярск, а 7 мая – с первым же пароходом (дотащившим их лишь до того же Сорокина разбоя) в Шушенское стал полной неожиданностью.

«В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, – рассказывает Крупская, – мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири – в Минусинском округе – крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали». Надежда Константиновна им понравилась: и своей приветливостью, и своим «городским» платьем, и большими – тогда еще не тронутыми базедкой – глазами, и особенно длинной и толстой косой.

Владимира Ильича решили разыграть. Когда, возвращаясь с охоты, он подошел к дому и увидел в окне своей комнаты свет, хозяин, Аполлон Зырянов, поджидавший его на улице, сказал, что пришел, мол, сильно пьяный Оскар Энгберг, стал буянить и раскидал все его книжки. Владимир Ильич бросился на крыльцо... и тут-то навстречу ему и вышла Надежда Константиновна.

Так уж сложилось, что за год знакомства и общения они, видимо, ни разу не говорили о своих чувствах. А два «химических» письма Владимира Ильича – одно с признанием в любви, а второе с предложением выйти за него замуж – никак не

могли заменить душевных разговоров, которые во все времена вели на эти темы симпатизирующие друг другу молодые люди.

И вот теперь, когда ушли соседи и хозяева, а уставшая с дороги Елизавета Васильевна улеглась спать в соседней комнате, они впервые разговорились и, как пишет Крупская, «долго мы проговорили в ту ночь». В ее воспоминаниях можно уловить какие-то отзвуки этого ночного разговора.

Ранее в Красноярске, в ожидании начала навигации, она и Елизавета Васильевна жили у молодых фельдшериц, адрес которых дала Владимиру Ильичу его попутчица на «Святом Николае» Лида Удимова. Здесь Надежде попал в руки томик Писарева. В свое время, как и Чернышевский, он был для нескольких поколений российской молодежи непререкаемым «учителем жизни», определявшим не только отношение к себе и между собой, но и к самой действительности как таковой. Всю неделю Надежда читала и перечитывала Писарева, и более всего ее увлек «глубокий внутренний разрыв» со всем прежним бытом и привычным укладом жизни, «попытка создать новые, не связанные никакими условностями человеческие отношения».

С этими мыслями она и ехала в Шушенское. И они были созвучны с мыслями Владимира Ильича. В юности, рассказывает Крупская, ему «очень нравился рассказ Тургенева “Андрей Колосов”, где ставился вопрос об искренности в любви...».

Герой этого рассказа, университетский студент Андрей Николаевич Колосов был человеком, чуждым фразе, искренним, полным молодых сил, в общем – натурой «совершенно необыкновенной», ибо естественность, простоту и чистоту чувств, не замутненных никакими предрассудками и условностями, он ставил превыше всего.

Случайно он знакомится с застенчивой 17-летней дочерью отставного поручика Варварой Ивановной и увлекается ею. «Она была не очень хороша собой, довольно бледна, довольно худа; но я и прежде, и после не видывал ни таких глаз, ни таких волос». Возникшее чувство, встретив взаимность, целиком захватывает Андрея. Но проходит год, и Колосов понимает, что душа его охладела, что с его стороны это лишь увлечение, а

никак не настоящая любовь. Тогда, напомнив Варе пушкинские строки «Что было, то не будет вновь», – он прерывает с ней всякие отношения.

Друг Колосова, от имени которого и ведется рассказ, глядя на страдания Варвары Ивановны и горячо симпатизируя девушке, тут же делает ей предложение. Но и он постепенно начинает осознавать, что сострадания, жалости, великодушия недостаточно для того, чтобы скрепить отношения семейными узами. И вот резюме рассказа: «Кто из нас сумел вовремя расстаться со своим прошедшим? Кто, скажите, кто не боится упреков, не говорю упреков женщины, упреков первого глупца? Кто из нас не поддавался желанию то щегольнуть великодушием, то себялюбиво поиграть с другим, преданным сердцем? Наконец, кто из нас в силах противиться мелкому самолюбию – *мелким хорошим чувствам*: сожалению и раскаянию?..

О, господа! человек, который расстается с женщиной, некогда любимой, в тот горький и великий миг, когда он невольно сознает, что его сердце не все, не вполне проникнуто ею, этот человек, поверьте мне, лучше и глубже понимает святость любви, чем те малодушные люди, которые от скуки, от слабости продолжают играть на полупорванных струнах своих вялых и чувствительных сердец!»

Конечно, Тургенев несколько упростил проблему, ибо к числу «условностей» его герой относит и те взаимные обязательства, которые неизбежно возникают в отношениях между порядочными людьми. И Крупская справедливо замечает, что «конечно, вопрос не так просто разрешается, как там описано, и не в одной искренности дело, нужна и забота о человеке и внимание к нему...».

Трудно сказать, говорили ли они об этом в ту шушенскую ночь, но сама Надежда Константиновна рассказывала, что с самого начала, с того момента, «когда они стали жить вместе с Владимиром Ильичом, у них был уговор: никогда ни о чем друг друга не расспрашивать – без величайшего доверия они не мыслили себе совместной жизни. И еще об одном договорились

они: никогда не скрывать, если их отношения друг к другу изменятся».

Матери Владимир Ильич собрался написать письмо лишь через три дня: «Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно – придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: “Эк Вас разнесло!” – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!»

Письма Крупской Марии Александровне в эти первые недели после приезда еще более веселые и успокаивающие. «Мне уж кажется, – пишет она 14 июня, – что я целый век в Шуше живу, акклиматизировалась вполне. В Шуше очень даже хорошо летом. Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров хотя много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально едят Володю, а в общем жить дают. Володя на охоту это время не ходит (охотник он все же не особенно страстный), даже охотничьи сапоги снесены на погреб. А за Енисеем чудо как хорошо! Мы как-то ездили туда с массой всякого рода приключений, так очень хорошо было».

Родные и друзья стали уж было напрашиваться на свадьбу, но тут вышла заминка. Для оформления брака нужны были документы, а Ульянов, как и все ссыльные, паспорта не имел. Его заменял так называемый «статейный список». Но он, как выяснилось, затерялся где-то в красноярском тюремном правлении.

Переписка и волокита по этому поводу шли почти два месяца. И 30 июня в прошении начальнику Енисейской губернии Владимир Ильич пишет: «Получается крайне странное противоречие: с одной стороны, высшая администрация разрешает по моему ходатайству перевод моей невесты в село Шушенское и ставит условием этого разрешения *немедленный*

выход ее замуж; с другой стороны, я никак не могу добиться от местных властей выдачи мне документа, без которого вступление в брак не может состояться; и в результате всего виновной оказывается моя невеста».

Наконец, в начале июля документы были получены, и можно было идти в церковь. Но тут случилась новая оказия. Не оказалось ни поручителей, ни шаферов, ни обручальных колец, без которых свадебная церемония немыслима. Дело в том, что из Минусинска бежал ссыльный социал-демократ С.Г. Райчин. И исправник категорически запретил выезд из Тесинского на бракосочетание и Кржижановским, и Старковым. Конечно, можно было бы опять начать хлопоты, но Владимир Ильич решил не ждать.

Надежда Крупская, жена Владимира Ульянова.
Фото 1890-х годов

Поручителями и шаферами – к великому их удовольствию – пригласили знакомых шушенских крестьян: писаря Степана Николаевича Журавлева, лавочника Иоанникия Ивановича Заверткина, Симона Афанасьевича Ермолаева и др. А Оскар Энгберг, бывший когда-то учеником у ювелира, изготовил из медного пятака и надраил до золотого блеска обручальные кольца. 10 июля 1898 года в местной церкви священник Иоанн Орестов таинство венчания свершил. И надел он жениху и

невесте кольца. И водили их вокруг аналая. И причащались они и кланялись иконам Спасителя и Божьей Матери у Царских Врат. Все как положено.

Семья

В тот же день состоялось и новоселье. До этого первые два месяца жили они у Зыряновых. Но шумные пьянки, которые постоянно устраивали зыряновские мужики, вынудили поменять жилье. И 10 июля Ульяновы переехали к крестьянке П.А. Петровой, у которой за четыре рубля сняли полдома и огород.

«Зажили семейно, – вспоминала Крупская. – Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В огороде выросла у нас всякая всячина – огурцы, морковь, свекла, тыква... Устроили из двора сад – съездили мы с Ильичом в лес, хмелю привезли, сад соорудили. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство. Я выучила ее грамоте, и она украшала стены мамиными директивами: “Никовды, никовды чай не выливай”»⁴²³

С тещей Елизаветой Васильевной отношения у Владимира Ильича сложились самые добрые. Иногда она пыталась вовлечь его в какие-то домашние хозяйственные дела. Когда, к примеру, он должен был поехать в Красноярск к дантисту, ему вменили «в обязанность купить себе 2 шапки, полотна себе на рубахи, общий тулуп, коньки и т. д. Заказывала я было, – пишет Крупская, – купить на кофточку дочери Проминского, но т. к. Володя отправился к маме спрашивать, сколько “фунтов” надо купить на кофточку, то и был освобожден от сей тяжелой обязанности»⁴²⁴.

Он часто старался сказать Елизавете Васильевне что-нибудь приятное. Правда, иногда невпопад. «Володей, – пишет Крупская в другом письме, – мама недовольна: он недавно самым

добросовестным образом принял тетерку за гуся, ел и хвалил: хороший гусь, не жирный»⁴²⁵.

А когда у Елизаветы Васильевны портилось настроение, а портилось оно и оттого, что редко приходят письма, и оттого, что надоели все эти горшки, ухваты, клюки и веселки, – вот тогда, как и положено теще, она начинала ворчать. «Вчера, – пишет Крупская, – посмеялись мы порядком. Кроме газет, ничего не было, и мама стала обвинять почтальона в том, что он по злобе скрывает письма, а нас в том, что мало даем ему на чай, наших знакомых – в черном эгоизме и опять нас в том, что мы почтальону вот жалеем денег, а так зря тратим, третьего дня ездили к Курнатовскому и зачем? только человеку работать помешали и обед его съели, кончилось тем, что мы все смеяться стали, и неприятное чувство, которое всегда бывает при скудной почте, прошло»⁴²⁶.

Надо сказать, что к местным обычаям и порядкам Ульяновы относились достаточно терпимо и своих городских привычек, как, кстати, и своего атеизма, не демонстрировали. «Хотя Володя и протестует, – писала Крупская накануне Пасхи, – но я все-таки собираюсь яйца красить и пасху варить. Знаете, тут обычай – убирать к Пасхе комнаты пихтой. Это очень красиво, а потому и мы собираемся “придержаться”... этого обычая»⁴²⁷.

А когда устроили такую необычную «городскую» диковинку, как каток, он вскоре стал развлечением для всего Шушенского. «Около нашего дома на речке, – рассказывала Надежда Константиновна, – по инициативе Володи и Оскара сооружен каток, помогали учитель и еще кое-кто из обывателей. Володя катается отлично. Оскар катается плохо и очень неосторожно, так что падает без конца, я вовсе кататься не умею. Учитель ждет еще коньков. Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток»⁴²⁸.

И все-таки Сибирь – это Сибирь, место лихое. Даже Аполлон Зырянов – вроде бы и не варнак-каторжник, а уважаемый в селе

человек, но и он совершенно спокойно рассказал Владимиру Ильичу, как однажды батрак его украл со двора кожу, а он – Аполлон Долмантьевич – догнал его у ручья и убил⁴²⁹. Так что бабка зыряновская, глядя, как жилец сидит по вечерам со своими книжками у открытого окна, все страшила: «Не дай бог – пальнет кто».

Владимир Ильич посмеивался, но, помимо ружья для охоты, приобрел и револьвер. На всякий случай. Когда уезжал куда-нибудь, отдавал его Надежде Константиновне. Они с Оскаром пытались даже научить ее стрелять. А если Ульяновы отправлялись куда-то вдвоем, то оставляли револьвер Паше. И она более всего боялась не варнаков, а того, «кабы этот револьверт сам не стрельнул»⁴³⁰.

Впрочем, свои сюрпризы в любой момент могла преподнести и сибирская тайга. Однажды Ульянова застигла в лесу буря. «На этих днях, – писал он, – здесь была сильнейшая “погода”, как говорят сибиряки, называя “погодой” ветер, дующий из-за Енисея, с запада, холодный и сильный, как вихрь. Весной всегда бывают здесь вихри, ломающие заборы, крыши и пр. Я был на охоте и ходил в эти дни по бору, – так при мне вихрь ломал громаднейшие березы и сосны». О том, каково ему было в этот момент, Владимир Ильич рассказывать не стал.

Повседневное общение с мужиками и бабами, или, как нынче говорят, с «работягами», было всегда суровым экзаменом не только для тех, кто считал их «быдлом», но и для иных искренних «народолюбцев». Ибо одно дело – любить народ вообще, в принципе. И совсем другое – эту конкретную бестолковую и жадную бабу или пьяного и хитрого мужика...

Дабы избежать такого рода общения, одни ссыльные, не смешиваясь с окружающей средой, жили обособленными коммунами. Другие всячески стремились вырваться из своих «медвежьих углов» хоть в какой-нибудь городишко, где можно было найти работу и обрести более интеллигентный круг общения. Так, кстати, поступили некоторые друзья Владимира Ильича.

Поначалу предполагалось, что и Ульяновы будут добиваться перевода из Шуши в более цивилизованное место, хотя бы в тот же Минусинск – как-никак, а город. Но чем больше проходило времени, тем решительней Владимир Ильич стал противиться этому. Ибо выяснилась старая и простая истина, что интеллигентская публика с ее безалаберностью, рефлексией, бесконечными разговорами и выяснением отношений для экстремальных условий ссылки не всегда является наилучшей компанией.

Нередко склоки буквально раздирали ссыльные колонии. Уж в какую, казалось бы, туруханскую дыру попал Мартов, где и изб-то было не более трех десятков, а ссыльных всего-навсего пятеро, но и тут летом 1898 года по вине некоего Петрашека разгорелась свара. «У Юлия в Туруханске, – писал Владимир Ильич матери, – вышла крайне грустная “история”: один из ссыльных (скандалист) поднял против него нелепо-дикие обвинения, последовал разрыв, пришлось разъехаться, Юлий живет теперь один, расхворался, развинулись нервы, не может работать. Упаси, господи, от “ссыльных колоний”! и ссыльных “историй”!»

А в Минусинске и того хуже. «Сыр-бор, – рассказывает Лепешинский, – загорелся из-за побега одного политического, некоего Райчина, примыкавшего к социал-демократам. Задумавши эмигрировать, Райчин не подготовил к этому акту остальных ссыльных и, несмотря на обещание, данное им Старкову, не удирать раньше известного срока, необходимого остальной колонии, чтобы пообчиститься и подготовиться к возможным полицейским репрессиям после его бегства, слова своего почему-то не сдержал и неожиданно для всех скрылся с горизонта.

Минусинские “аборигены” (Ф.Я. Кон, Тырков, Яковлев, Мельников, Орочко и некоторые другие) подняли шум: свинство, мол, игнорирование элементарных правил ссыльной этики и т. п. В.В. Старков был почему-то взят ими под подозрение в соучастии с Райчиным в заговоре и в нарочитом обмане остальной

ссылкой братии. Получилась одна из глупейших историй со всеми характерными признаками ссылки.

Был у этой истории и еще один малоприятный аспект...

Каторга и ссылка тоже имели свою иерархию авторитетов. Старые народовольцы занимали в ней особое место, являлись своего рода ссылкой "аристократией". Наплыв в Сибирь никому не известных личностей, именовавших себя социал-демократами, среди которых было немало и полуграмотных или недостаточно образованных рабочих, вроде Райчина, вызвал известное отторжение». «Старая народовольческая ссылка, – вспоминал рабочий А. Шаповалов, – считала, что только она нюхала революционный порох, и относилась к марксистам даже с известной долей презрения, как к людям, среди которых нет никого, кто пошел бы на виселицу за дело революции. Марксистов, в особенности рабочих, обижало и возмущало случайно или намеренно однажды высказанное народовольцем Тютчевым мнение, что с появлением в Сибири марксистов в лице их пошла в ссылку "улица".

Дело дошло до товарищеского суда. Приехал из Шуши Владимир Ильич и взял на себя представительство интересов обвиняемой стороны (Старкова и Кржижановского). Он великолепно повел тактику формально-юридического процесса. Не давая воли своим субъективным реакциям на политические выпады противников, он с карандашом и бумажкою в руках записывал их ответы на предлагаемые им вопросы. На чем основано такое-то утверждение или такая-то квалификация? Где факты? Какие документальные доказательства? Какие улики? Имеются ли свидетельские показания? И т. д. и т. д.

А как раз вот по части именно фактов, улик, документов у обвинителей дело обстояло очень плохо по вполне понятным причинам, потому что самое обвинение возникло как плод расстроенного воображения и как результат больных нервов закивших в ссылку людей. Метод Владимира Ильича, холодно замкнувшегося в оболочку формалиста-юриста, положительно губил "стариков". Они, видимо, жаждали проявления вспышки раздражения у другой стороны, какой-нибудь истерической

выходки, потери душевного равновесия у противника, каких-нибудь неосторожных с его стороны слов, чтобы иметь повод разодрать ризы свои и таким образом с честью выйти из своего затруднительного положения, в которое они были поставлены тактикой Владимира Ильича, но этот последний не давал им возможности ни охнуть, ни вздохнуть... В результате получился полный разрыв дипломатических отношений».

Именно после этой «истории» у народовольца Аркадия Тыркова и осталось на всю жизнь впечатление, что Ульянов – «злой человек. И глаза у него волчьи, злые». Но как раз злобы-то и не было. Сам Владимир Ильич рассказывал тогда Крупской: «Нет хуже этих ссыльных историй, они страшно затягивают, у стариков нервы больные, ведь чего только они не пережили, каторгу перенесли. Нельзя давать засасывать себя такими историями – вся работа впереди, нельзя себя растрчивать на эти истории». И Владимир Ильич настаивал на разрыве со стариками. «Помню собрание, на котором произошел разрыв. Решение о разрыве было принято раньше, надо было провести его по возможности безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением. Так потом и жили врозь».

В других ссыльных колониях подобного рода разрывы проходили куда скандальнее. Например, в Орлове Вятской губернии, где среди вполне интеллигентной публики отбывал срок Потресов, дело дошло до вульгарной драки с применением «подручных» средств. «Н-да-с, – писал ему Владимир Ильич, – Вы уж воюете, так даже вчуже страшно: с палками и проч.! К счастью, Восточная Сибирь, кажется, немного отстала от Вятской губернии в воинственности».

Очень больно задела Ульянова трагическая гибель Федосеева. О том, что в Верхоленске, где Николай Евграфович отбывал ссылку, началась склока, Владимир Ильич узнал еще в январе 1898 года. Некто Юхоцкий обвинил Федосеева чуть не в растрате общественных денег. И Ульянов писал сестре: «Отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н.Е.». В Верхоленске устроили «разбирательство», и колония

решительно отвергла лживые обвинения Юхоцкого. Однако он не унимался и продолжал рассылать по колониям свои наветы.

«Н.Е. был страшно поражен этим и удручен, – рассказывал Владимир Ильич Анне Ильиничне. – Из-за этого он решил не брать *ни от кого* помощи и терпел страшные лишения... Черт знает что такое! Хуже всего в ссылке эти “ссылные истории”, но я никогда не думал, что они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н.Е. (обладавший некоторым опытом по части ссылных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу»⁴³¹.

В какой-то момент, получив от Юхоцкого очередное мерзкое послание, Федосеев не выдержал. Товарищу по ссылке Якову Ляховскому он сказал, что не может работать, а «когда убедился, что не может работать, решил, что не будет жить». После этого он ушел в лес и застрелился из револьвера. А когда известие о смерти Николая Евграфовича пришло в Архангельск, покончила с собой его невеста Мария Гопфенгауз⁴³².

«23. VI, – писал Владимир Ильич сестре, – его похоронили. Оставил письмо Глебу и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает «с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования»⁴³³.

После гибели Федосеева ни о каком переезде в более «цивилизованное» место Ульянов и слышать не хотел. Поехать в гости, принять друзей у себя, погулять, побеседовать, поспорить, сыграть партию-другую в шахматы – ради бога! А вот ежедневно тереться боками друг о друга, а главное – постоянно выяснять отношения, разбирать склоки – нет уж, увольте! И в сердцах он написал сестре: «Нет, уж лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов!»⁴³⁴

Что же касается рабочих Проминского и Энгберга, отбывавших ссылку в Шушенском, то до конца срока они оставались для Владимира Ильича самыми близкими товарищами, а для его домашних – самыми желанными гостями. «За это время, – отметила Надежда Константиновна, – мы

порядком-таки попривыкли к нашим шушенским товарищам, если почему-либо не придет какой-нибудь день Оскар или Проминский, так точно чего-то не хватает»⁴³⁵.

С крестьянами Заверткиным, Степаном Журавлевым и Симоном Ермолаевым они в связи со свадьбой по всем деревенским обычаям вообще как бы породнились. А когда Надежда Константиновна пошла в крестные матери к сыну Василия Ермолаева, они с Владимиром Ильичом стали кумовьями и для этого обширного семейства.

О чем писал Ульянов с утра до ночи, шушенцам, естественно, было неизвестно. Однажды бабушка Зырянова, глядя на объемистые статистические сборники, попросила: «Ты бы, голубчик, чем про себя-то читать, прочел бы мне вслух свою книгу. Наверно божественная – вон толстая какая!» Владимир Ильич стал читать. Старушка сначала слушала внимательно, но потом махнула рукой: «Ты хоть и по-русски читаешь, но что-то непонятно». А когда исправник спросил Пашу Мезину, чем занимается Ульянов, она уверенно ответила: «Сочинения книг пишет».

Шушенцам очень нравилась его деликатность и уважительность. Дело даже не в том, что при встрече на улице он всегда здоровался первым. А когда хотел, чтобы ему истопили баньку, вежливо просил хозяйку: «Если Вас не затруднит, то милости прошу оказать мне эту услугу». Главное, что не было в его общении с односельчанами фальши. И Степанида Плешкина, муж которой делал на все Шушенское горшки, не раз беседовавшая с Ульяновым, заметила: «Не брезговал он нашей бедностью. С нами и со всеми другими крестьянами был очень обходительный».

А после того как по воскресеньям он завел у себя «юридическую консультацию», круг общения еще больше расширился. Особое впечатление произвело на шушенцев «дело» бедняка Пронникова, с которого – без всяких на то оснований – суд постановил взыскать 50 рублей за потраву в пользу местного богатея Зацепина. К удивлению односельчан, привыкших к произволу сильных и богатых, благодаря

прошению, составленному Ульяновым, это решение было отменено.

Шла не только беднота, но и местные богатеи. «Он пользовался большой популярностью как юрист, – пишет Крупская, – так как помог одному рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал... Часто достаточно было угрозы обижаемого, что он пожалуется Ульянову, чтобы обидчик уступил».

Так что утверждения и рассказы шушенцев о всеобщем уважении, которое питали к Ульянову на селе, можно, видимо, принять как вполне достоверные.

Не обходилось, естественно, и без курьезов.

Однажды, вспоминала Крупская, «пришел крестьянин за двадцать верст посоветоваться, как бы ему засудить зятя за то, что тот не позвал его на свадьбу, где здорово гуляли. “А теперь зять поднесет, если приедете к нему?” – “Теперь-то поднесет”. И Владимир Ильич чуть не час убил, пока уговаривал мужика с зятем помириться».

А в другой раз к нему обратился крестьянин, которого ложно обвинили в поджоге казенного леса. Владимир Ильич составил соответствующее прошение и предупредил, что если лесничий, которому выгодно спихнуть вину на кого-то, не примет бумагу, то надо будет сразу отправить ее по почте. Однако, когда главный лесничий выставил крестьянина из кабинета, он на почту не пошел, а свернув из прошения кулек, купил на базаре детишкам фунт сахара. Когда же он явился к Ульянову и рассказал все, как было, то «таким сердитым, – рассказывал Зырянов, – я Ильича никогда не видел. Он в этот раз так разволновался, что, не дослушав до конца оправданий крестьянина, ушел в свою комнату».

Незадолго до свадьбы Крупская получила весточку о Якубовой. «Прислали ее карточку, снятую с нее на другой день после освобождения, – так вид у нее прямо ужасный... Иногда я

подумываю, – писала Надежда Константиновна Марии Александровне, – не пришлют ли ее в Шушу, славно было бы, в Шуше она, может, и отошла бы немного». А на четвертый день после свадьбы от нее пришло письмо. Оказывается, в начале июля Аполлинария Александровна приехала в Красноярск и оттуда проследовала в село Казачинское, где уже отбывали срок Лепешинские, Ленгник и др.

9 августа Крупская писала Анне Ильиничне: «Получили вчера письмо от Лирочки, веселое-развеселое, описывает свое житье в Казачинском. Там 10 человек ссыльных, большинство живет коммуной, завели свой огород, корову, сенокос, живут в одном большом доме. Лира пишет, что наслаждается свободой, ходит за ягодами, сено гребет, хозяйничает, в книжку и не заглядывает. Письмо длинное и оживленное, ну и рада я за нее порядком, хоть отдыхает человек».

В августе сыграли свадьбу Глеб Максимилианович и Зинаида Невзорова. К концу года все рассыпанные по округу ссыльные социал-демократы решили съехаться в Минусинск, куда перебрались Кржижановские и Старковы, чтобы вместе отпраздновать Рождество. Исправник разрешил, и 24 декабря все уже были в сборе.

10 января 1899 года Крупская писала Марии Александровне: «Праздники мы провели в Минусе отлично, встряхнулись надолго. На Рождество в город съехался почти весь округ, так что Новый год встретили большой компанией и встретили очень весело. Разъезжаясь, все говорили: "А славно мы встретили Новый год!" Главное, настроение было отличное. Сварили глинтвейн; когда он был готов, поставили стрелку на 12 часов и проводили старый год с честью, пели все, кто во что горазд, провозглашали всякие хорошие тосты: "за матерей", "за отсутствующих товарищей" и т. д., а в конце концов плясали под гитару... Вообще время провели по-праздничному, Володя с утра до вечера сражался в шахматы и всех победил, конечно; катались на коньках (Володе прислали из Красноярска в подарок коньки Меркурий, на которых можно "гиганить" и всякие штуки делать. У меня тоже новые коньки, но и на новых, как и на

старых коньках, я так же плохо катаюсь или, вернее, не катаюсь, а переступаю по-куриному, мудрена для меня эта наука!), пели хором, даже катались на тройке!»

Крупская обратила внимание, что прежнего душевного разговора с Аполлинарией у них как-то не получается. И только позднее стало понятно, в чем дело. Когда Якубова сидела в тюрьме, старых друзей и подруг на воле уже не было. А из Бельгии, через свою мать, жившую в Питере, слал ей одно за другим самые теплые письма Константин Тахтарев. Своих чувств он не скрывал, и она постепенно привыкла к этой переписке, привыкла делиться с ним «всеми своими личными переживаниями»⁴³⁶.

В марте 1899 года он сделал ей предложение – бежать к нему за границу. Какое-то время она колебалась, но потом согласилась и летом бежала из ссылки в Либаву, где ее ждал Тахтарев, а оттуда вместе – в Берлин⁴³⁷. Спустя год Крупская писала: «Мы с ней прежде всегда удивительно сходились во взглядах, но за последние три года с ней что-то сотворилось, я ее совсем не узнаю. Может, при свидании мы бы и сговорились, но переписка у нас совсем не вяжется... По правде сказать, я никак не могу примириться с ее замужеством. Ее муж произвел на меня впечатление чего-то такого самоуверенно-ограниченного».

Крупская писала обо всем – и о том, как собирали грибы и ягоды, как настаивали на малине наливку и солили огурцы, что росло в огороде и саду, о котенке и собаке Дженьке... Но более всего – особенно в письмах Елизаровой, Калмыковой и Нине Струве – о работе. Как Ульянов пишет монографию о рынках, как переводят они книгу Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», об отправке очередных статей и правке корректур. Именно эти письма и дали знакомым пищу для размышлений о том, что же лежит в основе отношений молодоженов.

Александра Михайловна Калмыкова 10 августа 1898 года написала Потресову: «Свадьба В.И. с Н.К. состоялась. Я недавно видела его сестру. Я никак не решу, что это – *mariage d'estime*

[брак по взаимному уважению], mariage de raison [брак по здравому размышлению] или настоящий mariage [т. е. брак по любви]».

В более поздние времена, когда «лениниана» оказалась под крылом профессиональных ханжей, определенная недосказанность писем была возведена в особую добродетель. И однажды, когда Крупской попала в руки рукопись рассказа, где автор описывал, как сидели они с Владимиром Ильичом в ссылке с утра до ночи и с ночи до утра и занудно переводили с английского толстенную книжку, Надежда Константиновна не выдержала: «Подумайте только, на что это похоже! Ведь мы молодые тогда были, только что поженились, крепко любили друг друга, первое время для нас ничего не существовало. А он – “все только Веббов переводили”». О другой аналогичной рукописи она коротко, но достаточно эмоционально написала: «Мы ведь молодожены были. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти».

Был еще один вопрос, который начинал все более волновать семейство Ульяновых, но о чем Надежда Константиновна не писала ни слова.

Ариадна Тыркова, человек наблюдательный, очень точный и жесткий в характеристиках, отметила, что у Крупской не было ни грамма тщеславия. Была доброта, искренность, прямотушие. Был тот своеобразный аскетизм, которым отличались многие русские революционеры. «Но своеобразная женственность, – пишет Тыркова, – в ней была. Полнее всего выразила она ее в той цельности, с которой она вся, навсегда отдалась своему мужу и вождю. И еще в *любви к детям*»⁴³⁸.

19 апреля 1898 года, а по новому стилю как раз в день пролетарского праздника 1 мая, у Петра Струве родился сын Глеб. О гениальности ребенка счастливые родители прожужжали знакомым все уши. «Писала, между прочим, – рассказывает Крупская, – Нина Александровна Струве мне о своем сынишке: “Уже держит головку, каждый день подносим его к портретам

Дарвина и Маркса, говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется”»⁴³⁹.

У другой подруги – Лидии Карловны, жены Тугана, – роды кончились трагически. В 30 лет, после нескольких выкидышей, она умерла от острой анемии. Впрочем, Михаил Иванович очень быстро женился вновь, и вторая жена благополучно родила ему сына⁴⁴⁰. Двое детей было уже у Степана Радченко. В самой Шуше шестой ребенок родился у Проминских. У Кржижановских и Лепешинских родились дочери. Жена Ванеева – Доминика уже ходила в положении, и бабки сулили ей сына. А у Старковых новорожденный ребенок умер⁴⁴¹.

В конце концов, Мария Александровна Ульянова, тосковавшая по внукам, не выдержала. После новогодних праздников, в письме Надежде Константиновне, она спросила напрямую, здорова ли она и долго ли еще ждать «прилета пташечки». Крупская ответила: «Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно прилета пташечки дела обстоят, к сожалению, плохо: никакой пташечки что-то прилететь не собирается»⁴⁴².

Паниковать по этому поводу не стали, но через год, когда Крупская приехала в Уфу для завершения срока ссылки, она обратилась к врачу. «Надя, – писал Владимир Ильич, – должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 недель лечь»⁴⁴³.

Лениновед Григорий Хаит отыскал в Уфе запись окончательного диагноза, поставленного доктором Федотовым: «генитальный инфантилизм». И никакое лечение в те времена помочь не могло.

Писать об этом приходится не ради суетного любопытства, а лишь потому, что и этот сугубо деликатный вопрос тоже стал поводом для грязных сплетен и глумливых инсинуаций.

Для Владимира Ильича и Надежды Константиновны это была драма. Оба они любили детей. Он, выросший в окружении трех десятков разновозрастных, шумных родных и двоюродных

братьев и сестер... Она, готовившая себя к педагогической деятельности и влюблявшаяся в каждую глазастую и смышленную девчушку...⁴⁴⁴ Им так не доставало их теперь – *своих*.

А дети были все время рядом. Приезжали в гости с трехмесячной дочерью Лепешинские. И «за те два дня, что у нас пробыли, – писала Крупская, – наполнили нашу квартиру шумом, детским плачем, колыбельными песенками и т. д. Девчурка у них славненькая, но оба они такие нежные родители, что ни минуты не дают девочке покою, поют, танцуют, тормозят ее»⁴⁴⁵.

Привязались и к Миньке – сыну поселенца, латышакатанщика Петра Ивановича и Анны Егоровны Кудум, снимавших флигель в том же дворе у Петровой. «Отец был горький пьяница, – рассказывает Крупская. – Было Миньке шесть лет, было у него прозрачное бледное личико, ясные глазки и серьезный разговор. Стал он бывать у нас каждый день – не успеешь встать, а уж хлопает дверь, появляется маленькая фигурка в большой шапке, материной теплой кофте, закутанная шарфом, и радостно заявляет: “А вот и я”. Знает, что души в нем не чаяла моя мама, что всегда пошутит и повозится с ним Владимир Ильич»⁴⁴⁶.

Рассказывала о нем Крупская и в письмах: «Мальчуган лет пяти и часто у нас толчется. Утром, как узнал, что Володя приехал, второпях схватил матернины сапоги и стал торопливо одеваться. Мать спрашивает: “Куда ты?” – “Да ведь Владимир Ильич приехал!” – “Ты помешаешь, не ходи” – “О, нет, Вл. Ил. меня любит!” (Володя действительно его любит). Когда же вчера ему дали лошадь, которую Володя привез ему из Красноярска, то он проникнулся к Володе такой нежностью, что даже не хотел идти домой спать, а улегся с Дженькой на половике. Потешный мальчушка!»⁴⁴⁷

Постоянно толклись и кормились у Ульяновых и младшие детишки Проминского. С каждой посылкой, приходившей из Москвы, и в каждую поездку Владимира Ильича в Красноярск им обязательно доставались игрушки и подарки.

Казалось бы, ну и слава богу! Однако естественное желание помочь этой многодетной семье дало повод нынешним «лениноедам» обвинить Ульянова в «болезненной патологической агрессивности», которая уже тогда предвещала, что «в недалеком будущем *обагрит горячей, тяжелой соленой волной крови всю российскую землю*».

Это цитата из книги Владимира Солоухина «При свете дня». В его руки попала как-то книжка Доры Штурман «В.И. Ленин». И он с восторгом выписал из нее обширный пассаж: Крупская «в своих воспоминаниях о нем [Ульянове] рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга – ледяное крошево, готовое вот-вот превратится в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек... *Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков для Ленина характерный штришок*».

Нашему лирическому поэту и писателю взять бы и прочесть саму Крупскую. Да нет, куда там. Пассаж Доры Штурман устраивал его гораздо больше, ибо давал возможность столкнуть «антиподов»: истинно русского человека, некрасовского дедушку Мазая и полукровку, человека, как полагает Солоухин, «по духу» совсем не русского – Ульянова^{448, 449}.

А Крупская пишет вот что. Осенью 1898 года у Проминского кончился срок ссылки. И всем своим семейством – из восьми человек – «он собирался назад в Польшу на работу и погубил несметное количество зайчишек на шубки детям»⁴⁵⁰. Паша Мезина, девчонка, помогавшая Ульяновым по хозяйству, уточняет: «У пана Проминского семья большая была, шапки из зайцев шили, одеяла, шубы»⁴⁵¹.

Не надо быть скорняком, чтобы понять, что для пошива двух шуб взрослых, шести шубок детских, восьми шапок, одеял и, добавим, рукавиц действительно надо было «несметное» количество зайцев. Вот Проминский и обратился за помощью к

друзьям – сначала к Оскару Энгбергу, а уж потом они вместе пошли к Ульянову и «стали, – как пишет Крупская, – соблазнять Володю ехать на охоту на какой-то Агапитов остров, где, по их словам, зайцев тьма-тьмушая...»⁴⁵².

Вот как Крупская в воспоминаниях описывает охоту: «Поздней осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники»⁴⁵³. Письма Надежды Константиновны позволяют установить даже наиболее вероятную дату этой охоты – 14 октября 1898 года. Именно в этот день, пишет Крупская, отправились они «на охоту за зайцами на остров на целый день, он в этом году ни одного зайца не изничтожил еще»⁴⁵⁴. Вспоминал об этой охоте спустя полтора месяца и сам Владимир Ильич: «Зайцев здесь я бил осенью порядком, – на островах Енисея их масса. Проминский набил их несколько десятков, собирая шкурки на шубу».

Так что же остается от Доры Штурман, как говорится, в «сухом остатке»? Осень – есть. Остров – есть. Шуга – есть. Даже лодка есть. И есть не один, а трое охотников. А вот избиения прикладами, а главное – «болезненной, патологической агрессивности» и «удовлетворения от убийства» беззащитных зверьков – вот этого нет.

Конечно, охота – дело суровое. Но испокон веков русские мужики, бабы и детишки ходили в заячьих тулупах и шубейках не потому, что были патологически кровожадны. Холодно было зимой на Руси, а в Сибири – тем более. И уж коли помянули дедушку Мазая, то вспомните и его слова: *«Только весенние воды нахлынут,/ И без того они сотнями гинут, – / Нет! еще мало! бегут мужики,/ Ловят, и топят, и бьют их баграми»* и т. д. И вспомните его прощанье с убегающими зайчишками: *«Смотри, косой,/ Теперь спасайся,/ А чур зимой/ Не попадайся!/ Прицелюсь – бух!/ И ляжешь... Уу-х!..»*

Длинноватым получилось «журналистское расследование» по делу об охоте на зайцев 14 октября 1898 года. Но оно понадобилось потому, что, как увидим, точно такой же

методикой будут пользоваться «лениноеды» для доказательства (а точнее, для фальсификации) куда более серьезных обвинений..

Глава 5

На пороге века

«Тройственный союз»

«Лев Толстой где-то писал, – вспоминает Крупская, – что едущий первую половину дороги думает о том, что он оставил, а вторую – о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди. Владимир Ильич все пристальнее и пристальнее думал о том, что нужно делать, чтобы вывести партию из того состояния, в которое она пришла. Перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях. Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу»⁴⁵⁵.

Считать дни до окончания ссылки он стал чуть ли не с лета. В июне Ульянов пишет Потресову: «Мой срок кончается 29.I.1900. Только бы не прибавили срока – величайшее несчастье, постигающее нередко ссыльных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове. А Вы о чем?»⁴⁵⁶

Опасения насчет «прибавки» не были безосновательными. В начале 1899 года Анатолия Ванеева обвинили в содействии побегу В.П. Акимова (Махновца). Доказательств не было, но срок ссылки ему продлили на два года. И только смерть избавила Ванеева от перевода в одну из северных деревень на пути к Туруханску. А в декабре того же года сдали на два года в солдаты для прохождения воинской службы Михаила Сильвина...

Владимир Ильич знал, что в его деле лежит рапорт исправника губернатору о самовольной поездке в Минусинск осенью 1897 года. Помнил он и о неожиданном обыске 2 мая 1899 года. На заблаговременно посланное Крупской прошение – разрешить ей провести остаток ссылки в Пскове – ответа не поступало. Так что поводов для беспокойства вполне хватало.

30 декабря приехал погостить Курнатовский. Вместе встретили Новый год, а для детворы устроили невиданную в сих местах диковину – елку. 3 января появился Василий Старков, и по его приватным сведениям никаких «задержек» с окончанием срока вроде бы не предвиделось. А уже 12 января Владимир Ильич пишет ему в Минусинск: «Из волости сообщают (приватным и окольным путем), что пришла бумага о моем освобождении и об отправке Нади в "Уфимский город"»⁴⁵⁷.

«Наконец-то вопрос выяснился: можно ехать в Россию, – пишет Крупская Марии Александровне 19 января 1900 года, – прибавки срока не предвидится. Вещи отправляем 28-го, а 29-го двигаемся сами. Едем компанией: с В.В. [Старковым] и Ольгой Александровной [Сильвиной]... Выедем из Минусы, вероятно, 30-го. Теперь у нас только и разговору, что о дороге. Книги уложили в ящик и свесили, выходит около 15-ти пудов. Книги и часть вещей отправляем транспортом, впрочем, вещей у нас будет, кажется, не очень много. Отъезд так уж близко, что мама сегодня собиралась было стряпать в дорогу пельмени. Нам советуют брать в дорогу непременно пельмени, остальное все замерзнет. Вот мама и собирается настряпать уйму этого снадобья, без жиру и луку»⁴⁵⁸.

А вот без слез не обошлось. «Рекой по ночам разливалась Паша, ставшая за два года настоящей красавицей, – вспоминала Крупская, – Минька суетился, перетаскивая к себе домой остающуюся бумагу, карандаши, картинки и пр., приходил Оскар Александрович, садился на кончик стула, видимо, волновался, принес мне подарок – самодельную брошку в виде книги с надписью "Карл Маркс"... заглядывали то и дело в комнату хозяйка или соседка, недоумевала наша собака, что весь этот переполох должен означать, и ежеминутно отворяла носом все двери, чтобы удостовериться, все ли на месте..."»⁴⁵⁹

29 января – день в день – выехали в Минусинск. Паша поехала провожать, благо возчиком был ее брат, прихватили и собаку Женьку. «Доехали до Минусы. Там уже собралась вся наша ссыльная братия, – рассказывает Крупская, – было то настроение, которое бывает, когда кто-нибудь из ссыльных

уезжает в Россию. Думали о России, а говорили так, о всякой пустяковине. Барамзин подкармливал бутербродами Женьку, которая оставалась ему в наследство, но она не обращала на него внимания, лежала у маминых ног и не сводила с нее глаз. Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь»⁴⁶⁰.

Ехали на лошадях в двух крытых санях-кошевках. В одни сел Владимир Ильич и Старков, в другие – Надежда Константиновна с матерью и Ольга Сильвина. Но на первой остановке, когда выяснилось, что женщинам тесновато, Крупскую пересадили к Старкову, а Ульянов устроился с ямщиком на облучке. «На лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила. Мчались вовсю, – пишет Надежда Константиновна, – и Владимир Ильич – он ехал без дохи, уверяя, что ему жарко в дохе, – засунув руки во взятую у мамы муфту, уносился мыслью в Россию»⁴⁶¹.

На станцию Ачинск успели вовремя. В семь утра 2 февраля 1900 года почтово-пассажирский поезд Иркутск – Москва двинулся в путь. Ехали третьим классом. Владимир Ильич занял верхнюю полку, был молчалив и всю дорогу читал.

6 февраля поезд прибыл в Уфу.

В Уфе поначалу устроились в гостинице. Но не успели разобраться с вещами, как заявили местные марксисты – земский статистик Александр Цюрупа, ссыльные студенты – киевлянин В. Крохмаль и петербуржец Алексей Свидерский. Стали приглашать на встречу с социал-демократами. Но Ульянов отложил встречу на другой день, а сам, вместе с Крупской, направился в другое место.

Здесь, в Уфе, держала книжный магазин и отбывала свою бесконечную ссылку народоволка Мария Павловна Четвергова – та самая, в кружок которой Владимир ходил в Казани. Они не виделись почти 12 лет, но память о долгих беседах, которые вели они тогда о Чернышевском и о жизни вообще, – сохранилась. И вот теперь они опять встретились, и «какая-то особенная мягкость, – пишет Крупская, – была у него в голосе и в лице, когда он разговаривал с ней».

Правда, прежней близости и взаимопонимания уже не возникало. Рассказывая об этой встрече, Надежда Константиновна вспоминает фразу из ленинской книги «Что делать?» о том, что многие социал-демократические лидеры «начинали революционно мыслить, как народовольцы... Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными "Народной воле" и которых молодые социал-демократы высоко уважали». Этот абзац, заключает Крупская, – «кусок биографии Владимира Ильича».

На следующий день вечером пошли на квартиру Крохмалю, где собрались местные социал-демократы: Цюрупа, П.И. Попов, Алексей Петренко, Газенбуш, Бойков. Пришел и старейший земледелец, работавший когда-то с Плехановым и Аксельродом, а теперь – заведующий земской психиатрической больницей Осип Васильевич Аптекман. Разговорились о последних новостях, и «спор шел на тему об "экономизме" и о необходимости вести политическую борьбу. Более активное участие в споре из нашей ссыльной братии, – вспоминал Петренко, – принимали Попов и Бойков. Владимир Ильич, как старший товарищ, без задору, хотя и в приподнятом настроении, легко парировал возражения... Но спор не носил бурного характера. Крупных расхождений не выявлялось».

Остаться в Уфе Ульянову было нельзя, и, договорившись с товарищами о последующих контактах и попросив их помочь обустроиться жене и теще, Владимир Ильич через несколько дней уехал в Москву.

«Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице, – рассказывает Анна Ильинична. – Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

– Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

– Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал».

За предшествующие месяцы Мария Александровна буквально извелась. Младшего сына Дмитрия – студента V курса университета – после 9-месячной одиночки выслали в Тулу, и ей только-только удалось добиться его перевода в Подольск. А приехавшую на студенческие каникулы из Брюсселя младшую дочь Марию арестовали, отобрали заграничный паспорт и выслали в Нижний Новгород. Так что все это время матери приходилось ездить то в Нижний, то в Тулу, то в Подольск.

К приезду Владимира в Москве собрались все, и, как заметила Анна Ильинична, Марии Александровне так хотелось хоть на короткое время «иметь Владимира Ильича всецело для себя». Но после первых объятий, расспросов о здоровье, семейных делах посыпались совсем иные вопросы: «А Юлий приехал? Было письмо? Телеграмма?» И узнав, что вестей от Мартова не было, заволновался: «Что бы это могло значить?» И тут же сел писать текст телеграммы, с которой отправил на почту брата.

Лишь после этого сели за стол, опять начались расспросы и рассказы о ссылке. Владимир Ильич стал напевать те «новинки», которые привез из Сибири. «Он напевал нам, – рассказывает Анна Ильинична, – сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на ноль
Сдобренный махоркой алкоголь.

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепиано также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским... Ясно помню Володю, как он расхаживал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением»⁴⁶².

А Москва гуляла. «Самый разгар Масленицы, – писала газета “Новости дня”. – Вот она, пришла-таки наконец, веселая, раздольная, широкая московская Масленица! Благодать. Нет, немец такого праздника выдумать не мог! Сравните нашу Масленицу с западноевропейской. Там Масленица – одна аллегория. Устраиваются шествия, снуют в толпе сатиры и Пьеро. А у нас никто никого не обличает и никто ни над кем не смеется. Смеются над требованиями медицины, и только»⁴⁶³.

В Уфе первым визитом Владимира Ильича стало посещение Четверговой, в кружке которой он начинал. Приехав в Москву, он отправился 17 февраля к Герману Красину, который более шести лет назад ввел Ульянова в круг столичных марксистов⁴⁶⁴. Но и тут, судя по всему, разговора не получилось. Герман Борисович отошел от организации, интересы его переместились в иную плоскость. Он становился все более известным уже не как нелегал, а как преуспевающий инженер-технолог⁴⁶⁵.

А на следующий день из Екатеринослава приехал давний самарский товарищ – Исаак Лалаянц. Была пятница, и «Русский листок» писал:

Что же в пятницу творится —
И пером не описать:
Мест в театрах не добиться,
Трезвых вовсе не видеть...

Но они «добились» и вечером 18-го пошли в сад «Эрмитаж» на Каретном. Смотрели спектакль Художественного театра «Геншель» Гауптмана. В этот день они увидели на сцене Лужского, Алееву, Москвина, Савицкую... И даже спустя год Владимир Ильич писал матери: «Превосходно играют в «Художественно-общедоступном» – до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году»⁴⁶⁶.

Но родные Владимира Ильича видели, что еще больше его занимают совсем другие дела. И что Лалаянц приехал не только как старый друг, но и как член Екатеринославского комитета,

редактор популярной нелегальной газеты «Южный рабочий». Через два дня он уехал, а Ульянов отправился в Нижний Новгород. Оттуда в Петербург. И здесь у Калмыковой он встречается с Верой Ивановной Засулич.

В Питер Вера Ивановна приехала накануне Нового года нелегально – по болгарскому паспорту на имя Велики Дмитриевны Кировой. Поселилась на Песках, но к Александре Михайловне заходила почти каждый день. После 20 лет эмиграции воспоминания молодости буквально обрушились на нее. Она ходила по улицам – к дому, где стреляла в Трепова, на Саперный, где когда-то находилась тайная типография, к предварилке, где сидела. И всякий раз, как пишет Калмыкова, Вера Ивановна «плакала и задыхалась от волнения».

У Александры Михайловны она повидала Михайловского, Вересаева, Струве, Явейна. Но ей были нужны Ульянов и Потресов. Теперь они, наконец, встретились. Беседа была долгой. Состоялся разговор Владимира Ильича и со Струве. Лишь после этого, 26 февраля, Ульянов приезжает в Псков, где ему и надлежало – сразу по прибытии из ссылки – находиться под надзором полиции⁴⁶⁷.

Псков был в то время, пожалуй, одним из самых маленьких и захолустных губернских городов России. Но близость к Петербургу делала его для поднадзорных особо привлекательным. Псковским губернским земским собранием руководил известный либерал граф Петр Александрович Гейден, заведующим земской статистикой здесь служил народник Николай Михайлович Кисляков, а его помощником – уже знакомый нам князь Владимир Андреевич Оболенский, который всегда готов был подыскать жилье и работу. Так что в Пскове Ульянов сразу встретил знакомых.

Тут были волжанин Николай Сергиевский, высланная из столицы Любовь Николаевна Радченко с детьми, к которой регулярно навещался Степан Радченко. А главное, уже прибыл из ссылки Потресов, и теперь они с Ульяновым получили, наконец, возможность обговорить все то, что не могли или не успели обсудить в переписке. Владимир Ильич потом «смеялся

рассказывал, как малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила “Бернштейн”, другая отвечала “Каутский”»⁴⁶⁸.

В первые дни по приезде в Псков Ульянов жил у Оболенского – друга детства Потресова. С женой Оболенского Ольгой Владимировной Винберг была знакома по гимназии и Крупская. Спустя много-много лет Владимир Андреевич написал, что Владимир Ильич «имел очень невзрачную наружность. Небольшого роста, как коленка лысый, несмотря на свой молодой возраст, с серым лицом, слегка выдающимися скулами, желтенькой бородкой и маленькими хитроватыми глазками, он своим внешним видом скорее напоминал приказчика мучного лабаза, чем интеллигента».

Своей «личной антипатии» по отношению к Ульянову князь не таил, как не скрывал он и ее причины. Владимира Андреевича оскорбило то, что – как выяснилось – «моя личность его не интересовала». Естественно, это было обидно⁴⁶⁹.

Но вот другой портрет, относящийся к тем же дням. 2 апреля Ульянов тайно приезжает из Изборска в Ригу, где встречается с Сильвиным и латышскими социал-демократами. «Было часов двенадцать дня, – пишет Сильвин, – когда Владимир Ильич в мягкой фетровой шляпе, в перчатках и с тросточкой, одетый вполне джентльменом, появился на пороге нашей комнаты. Мы отправились затем к латышам. Здесь я еще раз убедился, насколько [он] был одарен способностью увлекать, импонировать» – и далее целая страница об «огромном обаянии» и т. д. и т. п.⁴⁷⁰ Что ж, видимо, латыши оказались ему более интересны, чем Владимир Андреевич Оболенский.

Самое любопытное, что при личной антипатии к Ульянову Оболенский вполне разделял его позицию: «Нам, статистикам, он был известен как автор книги, вышедшей под псевдонимом Ильина. Тогда она произвела большую сенсацию как первая попытка переработки данных земской статистики, до сих пор неизменно обрабатывавшихся народниками с определенной тенденцией, в марксистском духе».

В Пскове существовал социал-демократический кружок, в который, помимо Оболенского, входили А.М. Стопани, Н.М. Кисляков, П.А. Блинов, Н.Ф. Лопатин, В.В. Бартенев и незадолго до того высланный из Питера к родителям отчаянный «экономист» – студент Н.Н. Лохов. И как только Ульянов появился в этом кружке, он, пишет Оболенский, «сразу сделался центральной фигурой, благодаря своей эрудиции в экономических вопросах и в особенности их марксистской интерпретации».

«Закрытые собрания, – продолжает Оболенский, – на которые допускались лишь человек 10 верных людей, происходили на моей квартире. Обычно все мы молчали, а спорили [Ульянов] с Лоховым. Оба они были блестящими полемистами и эрудитами в марксистской литературе. Но [Ульянов] несомненно одерживал верх над своим юным противником. Положение Лохова было особенно трудным, т. к. ему приходилось отстаивать точку зрения, которая не разделялась никем из участников собраний. Я тоже был всецело на стороне Ульянова...»⁴⁷¹

Впрочем, самого Ульянова подобные собрания не очень привлекали. Время кружковых рефератов и дискуссий давно прошло, и теперь было не до этого. Он переехал от Владимира Андреевича к местному провизору Лурьи, у которого снял пятнадцатиметровую комнатку, и «званным вечерам» у Оболенских и Бартеневых предпочитал библиотеку и прогулки. А в самом Пскове и его окрестностях было, как он писал матери, «немало красивых мест»⁴⁷². В подтверждение этого он послал ей открытку с видом на знаменитый Троицкий собор. А когда по предложению псковских статистиков Владимир Ильич принимает участие в разработке программы обследования крестьянских хозяйств, он начинает регулярно наезжать в Изборск.

Здесь вообще многое было ему в новинку. И древние церкви новгородской архитектуры с зелеными шлемовидными покрытиями и звонницами вместо колоколен. Мужики с подбритыми затылками и подстриженными усами. Женщины в старинных нарядах. Говор псковичей, которые, особенно в

западных районах, «цокали», т. е. вместо «ч» говорили «ц». И то, как по-старому любого помещика называли они не «барином», а «боярином»⁴⁷³.

Время, однако, шло. Вместе с Потресовым Ульянов тайно наведывался в Питер. К ним не раз приезжала Калмыкова. Надо было решать множество неотложных вопросов. Но для Ульянова и Потресова все еще не хватало, как говорится, «кворума». Наконец, предварительно побывав в Омске, Уфе и Самаре, в конце марта в Псков приехал из Петербурга Мартов.

Если действительно бывают встречи *долгожданные*, то именно такой стала встреча Ульянова, Потресова и Мартова. Во всяком случае, сообщая матери о прибытии в Псков Мартова, Владимир Ильич так и написал: «...“завертелся”... по случаю приезда долгожданного путешественника».

Жизнь в Шушенском отгораживала от ссыльных интеллигентских склок, но предельно ограничивала сферу общения. Владимир Ильич старался компенсировать это перепиской. Она велась им с десятками адресатов. Но лишь двое из них стали по-настоящему близки ему – и по духу, и по общему пониманию стоящих задач, и по восприятию жизни вообще. Это были Александр Потресов и Юлий Мартов.

До ареста никто из них не испытывал особой близости по отношению друг к другу. Между Ульяновым и Мартовым она зародилась в Питере после выхода из тюрьмы и долгого ночного разговора, о котором рассказывалось выше. В ссылке переписка стала интенсивной, а объемистые письма скорее напоминали неторопливый обстоятельный разговор, где даже небольшой перерыв ощущался как некий «разрыв непрерывности».

«Вопросов для разговора действительно накопилась масса, – писал Ульянов Потресову 27 апреля 1899 года, – а поговорить поподробнее, на темы литературного преимущественно свойства, здесь не удастся. Без разговоров с коллегами чувствуешь себя слишком оторванным от писания. Здесь же один Юлий принимает все это вполне близко и *активно* к сердцу, но с ним проклятые “большие расстояния” мешают беседовать достаточно подробно».

Конечно, все трое были очень разными. Но в чем-то они как бы дополняли друг друга. Во всяком случае, Владимиру Ильичу импонировали интеллектуализм и обширная эрудиция Потресова, публицистический талант и человеческая жизнестойкость Мартова. А в Ульянове того и другого, судя по всему, привлекали основательность и то чувство реальной жизни, которое сегодня, видимо, назвали бы *почвенностью*. Совместная акция по подписанию ульяновского «Анти-Кредо» окончательно сблизила их. Эта общность позиции в главном как раз и создала возможность договориться еще там – в ссылке – о создании некой «литературной группы».

«В конце последнего года ссылки, – вспоминал Мартов, – я получил от В.И. Ульянова письмо, в котором он мне глухо предлагал “заключить тройственный союз”, в который входил бы, кроме нас двоих, еще А.Н. Потресов, для борьбы с ревизионизмом и “экономизмом”. Этот союз прежде всего должен соединить свои силы с “Группой освобождения труда”. Сквозь строки письма я угадывал какое-то налаживающееся предприятие журнального характера. Я ответил, конечно, полным согласием, предлагая товарищам располагать моими силами и обещая, не медля ни одного дня, отправиться по окончании ссылки туда, куда это будет нужно».

И вот, наконец, они встретились...

Прежде всего речь зашла об общем впечатлении от первых встреч и контактов. Оно оказалось довольно неожиданным. «Александр Николаевич и Ульянов, – писал Борис Николаевский, – были даже несколько поражены тем приемом, какой им был оказан в самых различных кругах. Они ехали из ссылки с уверенностью, что будут встречены если не враждебно, то во всяком случае с большой настороженностью. Издали им казалось, что за “критиками”, на которых они смотрели как на прямых противников, идет большинство молодых “практиков”, – и были готовы выступить на борьбу против нового поветрия в качестве небольшого меньшинства. И вдруг оказалось, что не только молодые “практики”, но и сами теоретики-“критики” встречали их как признанных руководителей движения».

Владимир Ильич рассказал о встрече в Москве с Лалаянцем. Екатеринославский комитет, начав в январе 1900 года выпуск газеты «Южный рабочий», вступил в контакт с «Бундом» и взял на себя инициативу созыва в *конце апреля в Смоленске* II съезда РСДРП. Ульянова официально приглашали на съезд и предлагали взять на себя редактирование газеты – центрального органа партии.

Владимир Ильич ответил, что «он не один, а их небольшая группа – из трех человек: он и еще двое – Мартов и Потресов». Он ознакомит их с предложением, но при всех вариантах они смогут участвовать в съезде лишь как «особая, самостоятельная группа, не связывающая себя заранее решениями съезда». Что касается газеты, то «они это дело охотно бы взяли в свои руки, но опять-таки при условии, что они его будут вести в таком духе и направлении, в каком, по их мнению, следовало бы вести это дело, предварительно подробно изложив перед съездом свои взгляды на этот счет».

И наконец, Ульянов изложил Лалаянцу причину всех сомнений и оговорок: по его мнению, «действительному восстановлению партии должна предшествовать длительная подготовительная работа по выработке и установлению основных принципов в области организационных, программных и тактических вопросов, на которых должна быть построена партия, и тогда, по завершении такой работы, следовало бы созвать съезд»⁴⁷⁴.

В искренности предложения Лалаянца сомневаться не приходилось. Но вот другая встреча – с посланником эмигрантского «Рабочего дела» – вызвала множество вопросов. Обычно, со слов Мартова, пишут, что это была встреча с Тимофеем Копельзоном, секретарем «Союза русских социал-демократов за границей». Между тем разговор с Копельзоном произошел позднее, а в марте в Псков приезжал Петр Павлович Маслов, с которым Ульянов переписывался еще с 80-х годов.

Выяснилось, что экономистское руководство «Союза» также активно включилось в подготовку съезда (смоленского) и направило в Россию Копельзона и Теплова для объезда

организаций. Маслов рассказал Ульянову, что в редакции «Рабочего дела» сложились две группы. Одна – во главе с Тепловым – считает возможным сотрудничество с Плехановым, но, зная его характер, возражает «против его единоличного руководства [центральным] органом». Другая группа – Кускова, Прокопович, Иваншин – полагает, что работать с Плехановым невозможно, ибо он «настроен непримиримо ко всем молодым». В такой ситуации «тепловцы» готовы пригласить в центральный орган Ульянова, Потресова и Мартова, с тем чтобы они стали противовесом и против Плеханова, и против «кусковцев».

«Я приехал в Псков, – пишет Маслов. – В беседе, продолжавшейся почти до утра, [Ульянов] настаивал на необходимости борьбы против всей группы “Рабочего дела”, не вступая ни с кем ни в какие соглашения и переговоры... Напрасно я старался убедить, что не следует сваливать в одну кучу всех эмигрантов, составлявших “заграничную группу”. После реплики [Ульянова] “Плеханов не может ошибаться!”, поразившей меня безграничной верой Плеханову, спор прекратился»⁴⁷⁵.

Не менее неожиданным оказалось и поведение Струве и Туган-Барановского – главных «предполагаемых противников». «Не без удивления узнал я от своих товарищей, – пишет Мартов, – что, подобно “рабочедельцам”, наши “легальные марксисты” встретили их весьма радушно, явно показывая, что они готовы видеть в нашей группе естественную руководительницу социал-демократической партии и что они склонны поддержать наши начинания...»⁴⁷⁶

В политике нет положения более глупого и унижительного, чем оказаться игрушкой или разменной монетой в чужой игре. Мартов сразу заподозрил в поведении «рабочедельцев» и «струвистов» интригу, макиавеллистский ход – попытку изолировать и низвергнуть Плеханова. Но Потресов и Ульянов успокоили его, заявив, что поведение «друго-врагов» свидетельствует не столько о желании перессорить их с группой «Освобождение труда», сколько о желании «проложить нашими руками мост к примирению с нею»⁴⁷⁷.

Любая попытка с помощью интриг оторвать «литературную группу» от Плеханова была абсолютно бессмысленной, ибо о главном все уже было договорено с Засулич. Владимир Ильич рассказал о своей февральской беседе с Верой Ивановной в Питере. Она действительно жаловалась на то, что, утратив прочные связи с российскими организациями, группа «Освобождение труда» оказалась в сложном положении. Но духом они не падали. В феврале Плеханов выпустил брошюру «Vademecum [путеводитель] для редакции "Рабочего дела"», в которую включил и ульяновское «Анти-Кредо», а Аксельрод – брошюру «Открытое письмо в редакцию "Рабочего дела"». И оба эти издания пользовались в России большим спросом.

Ульянов, в свою очередь, сообщил ей тогда о попытке екатеринославцев и Бунда собрать съезд. О намерениях «литературной группы». О том, что в данной ситуации они, не сливаясь с группой «Освобождение труда», сохраняют свою самостоятельность. И в заключение твердо заявил, что они не только «за Плеханова», но и в принципе не считают для себя возможным «вести дело без таких сил, как Плеханов и группа "Освобождение труда"...»⁴⁷⁸. Так что слово было дано.

Но все эти, если можно так выразиться, «генеральские игры в партийных верхах» не имели бы существенного значения, если бы Ульянов, Потресов и Мартов не сошлись в главном – в оценке происходящего в социал-демократических «низах».

Встречи в Питере, Москве, Уфе, Самаре, Омске свидетельствовали о том, что кажущееся преобладание «экономистов» являлось не столько следствием их силы, сколько прямым результатом слабости организаций. Иными словами, самоограничение вопросами текущей экономической борьбы воспринималось многими социал-демократами не как «идейная позиция», а как констатация своей неспособности поставить вопросы, связанные с борьбой против самодержавия, в практическую плоскость. А стало быть, надо не отгораживаться от них, а помочь им и привлечь на свою сторону.

«Обсудив всесторонне вопрос, – рассказывает Мартов, – мы решили принять приглашение на съезд... и сейчас же списаться с

группой “Освобождение труда”, предложив ей *прислать нам свой мандат* на этот съезд. На съезд мы должны были представить обстоятельное “исповедание веры”, в котором отчетливо были бы выражены революционные задачи партии, как мы их понимаем, и коллективную свою кандидатуру в редакторы партийного органа мы должны были принять только на основе утверждения съездом этой программы».

Спор возник вокруг вопроса о взаимоотношениях со Струве и его друзьями. Мартов, который вообще недолюбливал Струве, полагал, что поворот легальных марксистов к либерализму вполне определился и вести с ними дело бесполезно и вредно, ибо, даже сотрудничая с социал-демократами, они будут тянуть одеяло на себя. Но Александр Николаевич объяснил ему, что без поддержки Струве все их планы повисают в воздухе.

На постановку легального журнала в Питере в то время необходимо было около 30–40 тысяч рублей. О такой сумме на свои нелегальные издания они не могли и помышлять. Две тысячи мог выделить из своих личных средств Потресов. Тысячу давала Калмыкова. Одну или две тысячи обещал Ульянову давний самарский знакомый Алексей Ерамасов. Еще тысячу рублей мог дать приятель Потресова по гимназии, богатый помещик и переводчик Канта Д.Е. Жуковский, в Саратове – губернский предводитель дворянства граф А.Д. Нессельроде, а в самом Пскове – бывший народник Николай Федорович Лопатин, получивший наследство от деда. Но, как выразился Потресов, вся эта «марксистобразная демократия» непременно закрыла бы «перед нами свои кошельки, если б Струве и К^о объявили нам войну». Поэтому Александр Николаевич считал, что на определенных условиях союз со Струве необходим и надо держать себя по отношению к нему вполне лояльно и гибко⁴⁷⁹.

Позиция Владимира Ильича была иной. Он, как и Мартов, был уверен, что эволюция Струве в сторону либерализма неизбежна. Но для того чтобы занять достойное место в кругу именитых земцев, ему необходимо было выступать в роли представителя «сильной революционной партии действия». Это и объясняло его готовность к сотрудничеству с социал-

демократами даже в качестве «второй скрипки». А коли так, считал Ульянов, то не надо заниматься дипломатией, демонстрировать лояльность или идти на «союз». «По-моему, – писал он Потресову еще в январе 1899 года, – “утилизировать” – гораздо более точное и подходящее слово...»⁴⁸⁰, то есть ограничиться сугубо деловыми контактами, несущими свои выгоды обеим сторонам.

В конечном счете все трое сошлись на том, что «разговоры со Струве и его коллегами, которые должны были вскоре приехать в Псков, должны вестись на основе ясно сформулированного нами нашего Credo, в котором должна быть недвусмысленно подчеркнута наша позиция. Я предсказывал, – пишет Мартов, – что в этом случае соглашение будет сорвано в самом начале. «Посмотрим», – отвечали мне товарищи»⁴⁸¹.

Два паспорта

Ульянов тут же засел за написание принципиального заявления «литературной группы», и, поскольку все было оговорено, очень скоро документ был готов. Обычно его публикуют под заголовком «Проект заявления редакции “Искры” и “Зари”». Однако более точным является, видимо, название первой публикации в IV «Ленинском сборнике»: «Проект заявления “От редакции”», – ибо об «Искре» и «Заре» в марте 1900 года открытого разговора не было. Речь шла о редакции «Рабочей газеты», центрального органа партии, которую должен был утвердить смоленский съезд, и о заграничном журнале.

Проект заявления «От редакции» как раз и формулировал позицию и задачи этих изданий. Наше движение, писал Ульянов, находится «в критической стадии». С одной стороны, несмотря на повальные аресты, оно с поразительной быстротой «проникает все глубже в рабочий класс» и «пустило в самых различных углах России так много здоровых ростков...». С другой – это движение раздроблено, носит кустарный характер, и местные кружки оторваны от аналогичных групп, действующих

не только в других местах, но и в тех же самых центрах. И если в начальный период эта раздробленность была в какой-то мере неизбежна, то теперь она стала недопустимой, ибо интересы движения требуют перехода к высшей форме организации – созданию партии⁴⁸².

Положение усугубляется тем, что такая литература, как «Кредо» или нелегальная газета «Рабочая мысль», пытается создать «особое направление», которое отрицает необходимость сплочения, всецело полагаясь на «естественный процесс». А русская «легальная литература с той пародией на марксизм, которая способна только развращать общественное сознание, еще усиливает этот разброд и эту анархию». И главная опасность состоит в том, что «узкий практицизм», проповедуемый и теми, и другими, грозит разрушить связь между социал-демократией и стихийным рабочим движением⁴⁸³.

Нисколько не отрицая значения I съезда РСДРП и разделяя основные идеи его «Манифеста», мы тем не менее полагаем, писал Ульянов, что нельзя механически восстановить прежний центр, что «объединение нельзя попросту декретировать... его необходимо выработать». А для этого важно «разобраться» в различных разнородных интеллигентских течениях, создать программу, которая развивала бы социалистические идеи «в духе Маркса и Энгельса» и отвергала оппортунистические поправки Бернштейна, разработать приемы и методы самого объединения. Именно эти задачи и призваны решить предлагаемая общероссийская нелегальная газета и журнал⁴⁸⁴.

В мемуарах, вышедших спустя много лет, Оболенский, как и положено, пишет, что по отношению к тем, кто не соглашался с «ортодоксальной» позицией, Ульянов был ужасно нетерпим: «Спорил он исключительно неприятно – высокомерно и презрительно, усыпая свою гладко льющуюся речь язвительными и часто грубыми выходками»⁴⁸⁵.

Но в заявлении «От редакции» этой нетерпимости нет. Скорее наоборот. Вместе с определенной демонстрацией своей «ортодоксальной» позиции заявление отразило и впечатления,

вынесенные Ульяновым из встреч в Петербурге и Москве, Уфе и Нижнем Новгороде, из бесед в Пскове с Потресовым и Мартовым, Оболенским и его коллегами. И проявилось это прежде всего в том, что Владимир Ильич решительно отказывался от разрыва с колеблющимися и искренне заблуждавшимися социал-демократами, оставляя для них «возможность совместной работы».

Во-первых, «разнообразие местных условий» и «особенности во взглядах местных деятелей будут существовать всегда, и... именно это разнообразие свидетельствует о жизненности движения и о здоровом росте. Объединение его отнюдь не исключает разнообразия».

Во-вторых, «мы отнюдь не намерены, – пишет Ульянов, – выдавать всех частных своих взглядов за взгляды всех русских социал-демократов. Напротив, мы хотим сделать наши органы – органами *обсуждения* всех вопросов всеми русскими социалдемократами со взглядами самых различных оттенков. Полемике между товарищами на страницах наших органов мы не только не отвергаем, а, напротив, готовы уделить ей очень много места».

И наконец, третье – «было бы еще преждевременно судить о том, насколько глубока эта рознь, насколько вероятно образование особого направления (мы отнюдь не склонны решать эти вопросы уже теперь в утвердительном смысле, отнюдь не теряем еще надежды на возможность *совместной работы*)».

Одоблив этот проект, Ульянов, Потресов и Мартов стали ждать «гостей». Буквально через день из Питера прибыл Степан Радченко и сообщил, что следующим поездом приедут Струве и Туган-Барановский. Красочное описание этого совещания оставил Юлий Мартов.

Проект читал Ульянов. «Во время чтения, – пишет Мартов, – я наблюдал за лицами наших гостей. На лице М.И. Туган-Барановского было заметно не то огорчение, не то недоумение, моментами он явно сдерживался, чтобы не прервать чтение. Напротив, Струве держался с олимпийским спокойствием, сквозь

которое, однако, иногда можно было схватить чуть-чуть насмешливый огонек в глазах.

– Что же думаете вы, господа, обо всем этом? – спросил Ульянов.

Струве сказал что-то общее и неопределенное. Говорил он как бы неохотно, выцеживая из себя слова. Простодушному Михаилу Ивановичу, по-видимому, дипломатия была не по душе. Он заговорил горячо о том, что во всей той части декларации, которая говорит о состоянии социал-демократии и марксизма, он усматривает острое, направленное лично против него и Струве, и притом крайне несправедливое... Сама характеристика критики марксизма дана такая, что он, Туган, должен поставить перед собой вопрос: могут ли они со Струве поддерживать наше начинание, если это место останется в декларации? Продолжавший молчать Струве выражением своего лица одобрял Тугана в его вылазке».

Но скандала не получилось. Ульянов и Потресов, приводя факты, отвечали, что именно легальные марксисты, «идеологически поддерживая бунт против “ортодоксии” и тем соблазняя малых сих из социал-демократической молодежи», несомненно способствовали разброду и усилению внутрипартийной борьбы. Они говорили твердо, но тактично. «В общем, беседа велась в очень мирных тонах и, когда Ульянов выразил готовность чуть-чуть смягчить пассус, говорящий о роли, сыгранной “критиками марксизма”, то, к моему удивлению, дело явно пошло на соглашение.

И когда мы спросили: каково же, в конечном счете, ваше отношение к нашему начинанию, я удивленно услышал твердое заявление Струве: мы считаем его необходимым и будем посильно поддерживать, после чего попросил принять от него ежемесячный взнос, помнится, в 5 рублей. Туган-Барановский, который, по-видимому, не прочь был еще поспорить и “поторговаться”, сказал с несколько хмурым лицом, что он вносит тоже, как ежемесячную лепту, 10 рублей».

После отъезда гостей договорились о ближайших практических действиях. Потресов, сразу после получения

заграничного паспорта, должен был выехать в Швейцарию, встретиться с Плехановым и Аксельродом и «озаботиться об издании теоретического журнала, который, во всяком случае, будет выходить за границей. Относительно политической газеты, – пишет Мартов, – мы пока что должны были считаться с желанием практиков попробовать ее издание в России. Ульянов должен был остаться в Пскове до партийного съезда и один или вместе со мной представлять на нем нашу группу».

Однако жизнь очень скоро внесла в эти планы свои коррективы. Как они и предполагали, с созывом смоленского съезда так ничего и не вышло. В середине апреля полиция провела в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах аресты, а в ночь на 17 апреля взяли главных организаторов – членов екатеринославского комитета во главе с Лалаянцем. И когда в конце апреля в Смоленск приехал Копельзон, то, как он пишет, «на съезд явились, кроме меня, представители Бунда Н. Портной и Давид Кац и представитель “Южного рабочего” Абрам Гинзбург». От крупнейших местных комитетов РСДРП не было никого. «Прождавши напрасно несколько дней, мы решили разъехаться, считая дальнейшую деятельность по организации съезда уже бесполезной».

Лишь после этого Копельзон поехал в Псков к Ульянову. «Я все еще питал надежду, – пишет он, – что “молодым” удастся как-нибудь сговориться с Ильичом и товарищами по вопросу об общей работе». Однако Владимир Ильич «держался крайне сдержанно, мало говорил о своих планах, обещая в ближайшем будущем побывать за границей и окончательно решить вопрос о своих отношениях к заграничным группировкам. И хотя я лично не мог жаловаться на отношение ко мне Ильича, я все же остался недоволен результатами своей поездки в Псков. Я чувствовал и сознавал, что группа Ильича не пойдет с разношерстной толпой “молодых”, у которых в целом не было ни единой тактики, ни ясно определенной программы».

Незадолго до этого, 10 апреля, Ульянову исполнилось 30 лет. Уже не впервые он встречал этот день не в кругу родных, а в чужом городе, окруженный людьми, среди которых было много

знакомых, но мало близких друзей. Мартов уехал в самом начале апреля. С Потресовым личные отношения только-только начинали выстраиваться. И ни о какой вечеринке по случаю «юбилея» никто из многочисленных псковских мемуаристов не вспоминает.

30 лет – вроде бы не так уж много. Но за его плечами университет и адвокатура, тюремная одиночка и сибирская ссылка, первые революционные кружки и крупная – по тем временам – социал-демократическая организация, авторство листовок, нелегальных брошюр и солидный сборник статей, капитальная научная монография, изданные в столичных издательствах. Для 30 лет не так уж мало.

Но сам он старался поменьше думать об этом. Как скажет он вскоре Плеханову, «лучше будет, если мы больше внимания уделим тому, что будет, а не тому, что было»⁴⁸⁶.

Когда через год к нему за границу приедет Крупская, появится привычка уходить в этот день куда-нибудь в лес, на природу. «У нас в быту сложилось как-то так, – вспоминала Надежда Константиновна, – что в дни его рождения мы уходили с ним куда-нибудь подальше в лес, и на прогулке он говорил о том, что его особо занимало в данный момент. Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки – все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть»⁴⁸⁷.

Может быть, начало этой «традиции» и было положено именно в Пскове. 18 мая Владимир Ильич напишет матери: «Много гуляю, благо погода стоит великолепная; после 2—3-х дней дождя все позеленело, пыли нет еще, воздух прекрасный, – так и тянет ins Grune [на лоно природы]»⁴⁸⁸.

С провалом попытки созыва смоленского съезда дальнейший план действий определился окончательно. Теперь уже речь могла идти лишь о реализации первоначального замысла – издании общероссийской газеты за рубежом. Очевидно, именно тогда и определились окончательно с ее названием: «Искра». Борис Николаевский пишет, что автором его был Потресов, и это вполне возможно.

Сомнительно другое: Николаевский, якобы со слов самого Потресова, пишет, что при составлении окончательного варианта «Заявления от редакции "Искры"» не Ульянов, а именно Потресов настоял на включении в него слов «о желательности и необходимости для социал-демократии возглавления общедемократического движения России»⁴⁸⁹. А звучит это место так: «объединить под своим знаменем все демократические элементы страны» для победы «над ненавистным режимом»⁴⁹⁰.

Спустя 30 лет, будучи уже в эмиграции, когда Потресов называл Ульянова не иначе, как «сектантом с марксистской выучкой», он мог утверждать и такое. Но в 1900 году, когда Александр Николаевич в переписке с Владимиром Ильичом называл себя «братом», он никогда не решился бы на подобное утверждение. И прежде всего потому, что это неправда...

Кто вставил Ульянову в «Друзья народа» еще в 1894 году слова о необходимости для свержения абсолютизма стать «во главе всех демократических элементов»? Кто включил ему в статьи, написанные в тюрьме в 1897 году, слова о том, что задача социал-демократии – «вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма»? И кто, наконец, водил его рукой, когда в 1899 году в ссылке он заявил, что рабочая партия должна «опереться на *все* оппозиционные элементы в России» и «превратить социал-демократию в передового борца за демократию»?

В том, что именно так – при всех оттенках и нюансах – понимали «гегемонию» и Потресов, и Плеханов, и Аксельрод, и Мартов, сомнений нет. Когда новые идеи витают в воздухе, их улавливает достаточное количество думающих людей, которые и объединяются сообразно общности своих взглядов.

«Оттенки» и «нюансы» тоже были. Они проявились еще в 1895 году, когда Плеханов сказал Ульянову: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы – лицом», в формулировках различных выступлений и статей. Позднее эти разногласия углубятся еще более.

Как и было оговорено, в конце апреля Потресов уехал в Швейцарию. А 5 мая заграничный паспорт получил, наконец,

Ульянов. Утром 19 мая из Полтавы прибывает Мартов, и вечером они отправляются в Петербург.

У Владимира Ильича имелось разрешение лишь на поездку к матери в Подольск. Так что посещение Питера было явно «незаконным». И если бы он знал, что все это время за ним тщательно следила полиция, Ульянов вряд ли рискнул бы на такое путешествие. Но ни Владимир Ильич, ни Мартов слежки, видимо, не заметили.

А между тем филеры сообщали: «Вечером с поездом № 18 Ульянов и Цедербаум чрезвычайно конспиративно поехали в С.-Петербург, на станции Александровская в 7 ч. 26 мин. утра сего 20 мая они вышли и путались по аллеям Царского Села, скрываясь от наблюдения, до 9 утра; когда по Царскосельской дороге приехали в С.-Петербург, здесь они оставили имевшуюся с ними небольшую ручную корзинку в здании, где помещается статистический комитет народной переписи (Козачий пер.), а сами разошлись порознь».

Утром 21-го, при выходе из квартиры Малченко, где он ночевал, Ульянова взяли. Причем сразу схватили, как он рассказывал потом, «за руки, один – за правую, другой – за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы. Привезли в градоначальство, обыскали, стали допрашивать: “Зачем приехали? Ведь вам известно, что в столицы вам запрещен въезд?” Начальник петербургской охраны полковник Пирамидов иронизировал: “И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?”»⁴⁹¹

Так вот и бывает: годами вынашиваются планы, тщательно продумываются детали, а потом на какой-то мелочи все готово вот-вот разрушиться в прах. «Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, – вспоминала Анна Ильинична, – если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят. Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом... Оно выдало

бы его с головой. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно»⁴⁹².

Сидеть пришлось в самой паршивой одиночке. «Инсекты не дают покоя ни днем, ни ночью, – рассказывал Владимир Ильич, – и вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум, ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики и пр.»⁴⁹³.

Впрочем, все складывалось не так уж плохо. На бумажку с «химией» внимания не обратили. Но жандармов насторожило, что при обыске – в подкладке жилета – у него обнаружили 1300 рублей. На допросе 23 мая Ульянов объяснил: «Крупные суммы я всегда вожу с собой [зашитыми] таким образом, что может быть легко проверено осмотром прочих моих жилетов». А сами деньги – это гонорар, полученный им за перевод в издательстве Поповой, и «остатки сбережений». Жандармы проверили, и факт получения гонорара – 963 рубля 75 коп. – полностью подтвердился⁴⁹⁴.

Конечно, это были совсем не эти деньги, взятые Анной Ильиничной еще в октябре 1899 года. Судя по всему, в жилет была зашита та тысяча рублей, которую в день отъезда из Пскова передал Ульянову на издание газеты Николай Федорович Лопатин⁴⁹⁵. Но это были уже «детали», неведомые жандармам.

В такой ситуации на его месте, казалось бы, надо сидеть тихо и «не высовываться». Но не тот был характер. Он все-таки обжаловал «условия содержания» в тюрьме, после чего в камере провели дезинсекцию. И это запомнилось надолго...

Спустя двадцать лет, когда делегаты конгресса III Интернационала пожалуются на то, что в 4-м Доме Советов их поездом едят клопы, он продикует секретарю Совнаркома: «Владимир Ильич указывает, что даже при царизме умели выводить клопов при помощи аппарата, похожего на самовар, причем это делалось в учреждении, не предназначенном для гостей, а именно в тюрьме, чему он сам был свидетелем. И если мы в Советской России не умеем вывести клопов, то это должно

вызывать не улыбку и не фельетонный доклад, а чувство стыда»⁴⁹⁶.

31 мая 1900 года «за недостатком улик» Ульянова из тюрьмы выпустили и в сопровождении «проводящего надзирателя» препроводили в Подольск, куда ему и надлежало следовать в соответствии с разрешением Департамента полиции. 1 июня надзиратель доставляет его по назначению, прямо к исправнику Подольского уезда.

«Исправник, некий Перфильев, – рассказывает Дмитрий Ульянов, – старый чиновник, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у Владимира Ильича документы. Тот предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня». Самое страшное для Владимира Ильича случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен, – сказал Владимир Ильич, – возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали: документ останется у меня, а вы можете идти»⁴⁹⁷.

Было от чего прийти в ярость. Но Ульянов сдержался и твердо заявил: «На основании статей закона (следовало многочисленное их перечисление) вы не имеете права задерживать мой паспорт! Если вы не возвратите мне его сейчас же, я буду жаловаться, я этого так не оставлю!» Сказав это, он круто повернулся и вышел. Но он не сделал и десятка шагов, как его догнал околоточный и вручил бесценный паспорт⁴⁹⁸. Юридическое образование и выдержка на сей раз помогли.

«Володя пробыл у нас с неделю, – вспоминала Анна Ильинична, – принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет во дворе. Приезжал туда к нему Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной... И я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы "Рабочее дело". Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался

насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету»⁴⁹⁹.

7 июня вместе с матерью и старшей сестрой Ульянов отправился к жене в Уфу. До Нижнего Новгорода ехали поездом, а там пересели на пароход «Ост». «Был июнь-месяц, – пишет Анна Ильинична, – река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась, утомленная, в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих»⁵⁰⁰

Как бы компенсируя полицейский клоповник и постоянное нервное напряжение последних месяцев, судьба на сей раз, как говорится, улыбнулась и сделала подарок. Он знал, что за границу уезжает надолго, что неизвестно, когда придется свидеться. Но ровный гул машины в трюме, мягкое шлепанье колес по воде вносили в душу умиротворение и покой. Потому и запомнилось это путешествие на долгие годы.

«Хорошо бы летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весной 1900 года!» – это он пишет из Лондона матери в Самару в 1902-м. «Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дешево и приятно. Ехал как по Волге», – это матери в подмосковное Михнево из Италии в 1910-м. «Здесь так оторванным себя чувствуешь, что подобные рассказы о впечатлениях и наблюдениях “с Волги” (соскучился я по Волге!) – бальзам настоящий», – это из Парижа в Саратов Марку Елизарову в 1911 году...⁵⁰¹

Впрочем, когда на верхней палубе они с сестрой оставались одни, были и разговоры сугубо деловые. «Я указывала ему, – пишет Анна Ильинична, – как и Шестернин и другие практические работники, что нам нельзя порывать связи с “Рабочим делом”, потому что лишь оно одно дает нам популярную литературу, печатает наши корреспонденции,

исполняет заказы. От группы же "Освобождение труда" нет ни шерсти, ни молока, даже на письма ответа не дожидаться. Владимир Ильич говорил, что, конечно, они люди старые, больные, чтобы выполнять практическую работу, в этом молодые должны помогать им, но не обособляясь в особую группу, а признавая целиком их вполне правильное и выдержанное теоретическое руководство»⁵⁰².

В Уфе сразу началась нескончаемая толчея. Все время были какие-то собрания, встречи. Кто-то приходил, уходил. На собраниях, как пишет Цюрупа, «были споры и даже горячие бои». Но буквально все разговоры Ульянов поворачивал к одному – помощь будущей газете: денежными сборами, корреспонденциями, организацией транспорта. Из Бирска приезжал Павел Савинов, сосланный по делу «Союза борьбы». Из Нижнего Новгорода – Пискуновы, из Самары – Румянцев. И с ними разговор о том же – адреса, шифры, явки, пароли. Ради этого Владимир Ильич едет и на станцию Раевка Белебеевского уезда, где в кумысолечебнице Тукаева встречается с братьями Носковыми – Владимиром и Василием из Ярославля. С ними – разговор об организации транспорта будущей газеты через Смоленск⁵⁰³.

Была встреча и с председателем губернской земской управы князем Вячеславом Александровичем Кугушевым, сочувствовавшим социал-демократам и пригревавшим в управе ссыльных статистиков. С его родственником князем Егором Егоровичем Кугушевым, студентом-«технологом», Ульянов познакомился в Питере еще в 1894 году. Связь поддерживалась и в последующие годы, когда Егора Егоровича сослали в Вятскую губернию⁵⁰⁴. Так что встреча с Вячеславом Александровичем была, видимо, неслучайной.

«Визит Владимира Ильича в губернскую земскую управу, – записал Вячеслав Александрович, – и беседа в моем кабинете... Темы беседы: положение крестьянства в губернии; настроения среди городской интеллигенции и рабочих; крохоборческий характер земской работы. От т.т. ссыльных, обильно представленных в земской управе, узнал, что Владимир Ильич

вел с ними деловые беседы, подготавливая связи и устанавливая способы сношения и конспиративные приемы переписки и пересылки литературы»⁵⁰⁵.

Г.В. Плеханов, «отец русского марксизма».

Вместе с Владимиром Ульяновым основал газету «Искра»; впоследствии – один из его главных оппонентов

Беседа с князем Кугушевым была, безусловно, интересной и полезной. Но истинное удовольствие Ульянов получил от знакомства с рабочим железнодорожных мастерских Иваном Якутовым. Своим стремлением самому «дойти до всего» он

напоминал лучших питерских рабочих-передовиков и вызывал чисто человеческую симпатию своей открытостью, общительностью и добротой. На революционную работу он смотрел не как на тяжкий крест, а как на доброе и нужное людям дело.

«Он был большой конспиратор, – вспоминала Крупская, – пуще всего ненавидел крик, хвастовство, большие слова. Надо делать все основательно, без шума, но прочно». Даже к неизбежным репрессиям он относился спокойно, без надрыва. «Он рассказывал, – пишет Надежда Константиновна, – что его жена Наташа тоже ему сочувствует, и им никакая ссылка не страшна, он нигде не пропадет, руки везде его прокормят»⁵⁰⁶.

В Уфе, как пишет Крупская, стояла в эти дни «отвратительная духотища», и через три дня Мария Александровна и Анна Ильинична уехали. Надежда Константиновна писала потом, что «все думала, как поговорю с Анютой и о том, и о другом. Хотелось поговорить о многом. Но когда они приехали, я чего-то совсем растерялась и растеряла все мысли, а тут еще эти посторонние гости. На поверку вышло, что я ни разу как следует не поговорила»⁵⁰⁷.

А поговорить было о чем, ибо в этих двух неделях пребывания Ульянова в Уфе была не только деловая толкотня, но и много сугубо личного. После свадьбы и почти двухлетнего ежедневного общения они впервые не виделись четыре с лишним месяца. Шестинедельный курс лечения у доктора Федотова закончился. Но, видимо, скоро стало очевидно, что результатов он не дал.

Как раз в это время у рабочего-екатеринославца Ивана Мазанова родилась дочь Зина. И Владимир Ильич с удовольствием таскал ее на руках. А однажды Надежда Константиновна наблюдала его в момент серьезного разговора со своей ученицей: «Я давала уроки дочке одного машиниста – десятилетней девчурке. Она приходила ко мне на дом. Раз я застала девчурку с котенком на руках, беседующую с Владимиром Ильичом. Она рассказала ему, что, когда мы занимаемся, котенок просится в комнаты, просовывает лапу в

щелку под дверь. Ей тогда делается ужасно смешно, и она не может заниматься. Владимир Ильич смеялся, качал головой, гладил котенка и говорил: "Как нехорошо! Как нехорошо!" Дети очень чутки. И они сразу чувствовали в Ильиче близкого, интересного для них человека».

Саму Надежду Константиновну, когда она встречалась с детьми, буквально захлестывали самые нежные чувства. «Я даю уроки тут у одного купца-миллионера, – писала она Марии Александровне, – обучаю его многочисленное потомство (5 штук)... Так вот младшая девчурка (7 лет) ужасно милая, с прелестным характером, умненькая, хорошенькая и такая усердная и внимательная ученица, что страх. Ей каждый день "ужасная охота" и читать, и писать, и считать. А чуть что поинтереснее, глазенки так и блестят. Она теперь постоянно поджидает меня на лестнице и докладывает все события их детской жизни. Одним словом, эта маленькая девчурка совсем полонила меня».

В начале июля Владимир Ильич из Уфы уехал. Остановился он ненадолго в Самаре. Потом в Сызрани, где повидался с Алексеем Ерамасовым, обещавшим дать деньги на газету. 10 июля Ульянов был уже в Подольске, попрощался с родными и 13-го прибыл в Смоленск. Здесь он встречается с Владимиром Николаевичем Розановым, участвовавшим в подготовке смоленского съезда. Почти целый день проводит со старым своим знакомым Иваном Бабушкиным, работавшим в городе на строительстве трамвая. Ему Ульянов рассказывает о плане и цели издания за границей газеты и журнала, договаривается о связях. С помощью щавелевой кислоты, принесенной из аптеки Прасковьей Рыбас, женой Ивана Васильевича, учит его писать «химические письма». И если судить по нашей литературе, этим его смоленские встречи исчерпываются.

Был, однако, у Ульянова и третий собеседник, о котором официальная биохроника упорно умалчивала. Собеседником этим был Петр Струве.

О времени пребывания Ульянова в Смоленске известно из информации местной газеты «Смоленский вестник», которую

издавала Ю.П. Азанчевская, знакомая Крупской. В ежедневной хронике этой газеты было указано, что «г-н Ульянов» прибыл 14-го, поселился в «Европейской гостинице» и 15-го убыл. И в эти же самые числа прибыл и убыл «г-н Струве», остановившийся, правда, в более дорогом «Гранд-Отеле». Судя по всему, он привез те две тысячи рублей, которые из-за ареста Владимир Ильич не смог получить у Калмыковой. И вряд ли, живя по соседству два дня, Струве и Ульянов не переговорили о дальнейших планах.

Теперь можно было и уезжать. Деньги собраны... С друзьями и коллегами все договорено. Паспорт в кармане.

Впрочем, судя по всему, паспортов было два. Вопрос о том, как и откуда весной 1901 года у Владимира Ульянова появился псевдоним Николай Ленин, вызвал множество версий. Тут были и топонимические – по реке Лене (аналогия: Волгин – Плеханов), по деревушке Ленин под Берлином. Лепешинский намекал, что псевдоним этот стал производным от имени его дочери – Леночки. Во времена становления «лениноедства» как профессии искали «амурные» источники. Так появилось утверждение, что во всем якобы повинна казанская красавица Елена Ленина, в другом варианте – хористка Мариинского театра Елена Зарецкая и т. д. Но ни одна из указанных версий не выдерживала мало-мальски серьезной проверки.

Обо всем этом подробно написал в уже упоминавшейся книге «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима» Михаил Штейн. Он же впервые разгадал и происхождение ульяновского псевдонима.

Впрочем, автор этих строк может засвидетельствовать, что еще в 50—60-е годы в Центральный партийный архив поступали письма родственников некоего Николая Егоровича Ленина, в которых излагалась достаточно убедительная житейская история. Заместитель заведующего архивом Р.А. Лавров пересылал эти письма в ЦК КПСС, и, естественно, они не стали достоянием широкого круга исследователей. Так что Михаил Гиршевич Штейн был действительно первым, кто поведал об этом в своих статьях и книге.

Род Лениных вел свое начало от казака Посника, которому в XVII веке за заслуги, связанные с завоеванием Сибири и созданием зимовий по реке Лене, пожаловали дворянство, фамилию Ленин и поместье в Вологодской губернии. Многочисленные потомки его не раз отличались и на военной, и на чиновной службе. Один из них – Николай Егорович Ленин, дослужившись до чина статского советника, приболел, вышел в отставку и в 80-х годах XIX столетия поселился в Ярославской губернии.

Дочь его – Ольга Николаевна, окончив в 1883 году историко-филологический факультет Бестужевских курсов, пошла работать в Смоленскую вечернюю рабочую школу в Петербурге, где познакомилась с Крупской. И когда возникло опасение, что власти могут отказать Владимиру Ильичу в выдаче заграничного паспорта, и Калмыкова стала подыскивать контрабандные варианты перехода границы, Надежда Константиновна обратилась к Лениной за помощью. Ольга Николаевна передала эту просьбу брату – видному чиновнику министерства земледелия, агроному Сергею Николаевичу Ленину. С аналогичной просьбой к нему, видимо, обратился и его друг – статистик Александр Дмитриевич Цюрупа, познакомившийся с Ульяновыми в Уфе.

Сам Сергей Николаевич знал Владимира Ильича по встречам в Вольном экономическом обществе в 1895 году и по его трудам. В свою очередь, и Ульянов знал Ленина, он трижды ссылался на его статьи в «Развитии капитализма в России». Посоветовавшись, брат и сестра решили передать Ульянову паспорт отца – Николая Егоровича, который к тому времени был уже совсем плох (он умер 6 апреля 1902 года).

Согласно семейному преданию, Сергей Николаевич по служебным делам отправился в Псков. «Там, по поручению Министерства земледелия, он принимал прибывавшие в Россию из Германии сакковские плуги и другие сельскохозяйственные машины. В одной из псковских гостиниц С.Н. Ленин и передал паспорт своего отца с переделанной датой рождения Владимиру Ильичу, проживавшему тогда в Пскове».

Версия, по тем временам вполне достоверная, и, видимо, именно так и объясняется происхождение главного псевдонима Ульянова – Н. Ленин.

16 июля 1900 года Владимир Ильич выехал за границу.

«Нравственная баня»

О первых неделях пребывания за границей Ульянов подробно рассказал сам: «Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Арсеньевым (Потресовым). В Цюрихе П.Б. [Аксельрод] встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел 2 дня в очень душевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера.

...П.Б. очень "льстил" (извиняюсь за выражение), говорил, что для них *все* связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что "мы" теперь получим возможность и против крайностей Г.В. [Плеханова] спорить – это последнее я особенно заметил, да и вся последующая "гистория" показала, что это особенно замечательные слова были»⁵⁰⁸.

Из Цюриха Ульянов направился в Женеву, где встретился с Потресовым. Выяснилось, что он тоже был у Аксельрода, потом у Плеханова и изложил им планы и намерения «литературной группы». Плеханову он отдал и проект заявления «От редакции». Георгий Валентинович вместе с Засулич прочел его и «ничего не возразил по существу. Он выразил только желание исправить слог, приподнять его, оставив весь ход мысли». Но у Александра Николаевича осталось впечатление, что Г.В. крайне недоволен, ужасно подозрителен и с ним «надо быть очень осторожным»⁵⁰⁹.

Вне зависимости от разговора с Потресовым, поводов для плохого настроения у Плеханова было предостаточно. В апреле 1900 года на II съезде «Союза русских социал-демократов за границей» в Женеве произошел окончательный разрыв группы «Освобождение труда» с экономистским руководством и большинством «молодых» членов «Союза». Кускова – с не

свойственной для светской дамы солдатской прямоотой – заявила: «Ну, что ж, Георгий Валентинович, до сих пор вы стояли во главе революционного движения. Теперь пришла очередь Сергея Николаевича [Прокоповича]»⁵¹⁰. И Плеханов с немногочисленными сторонниками создал самостоятельный «Русский социал-демократический союз», переименованный затем в «революционную организацию “Социал-демократ”».

Всякий раскол неизбежно сопровождается склокой. И по приезде за границу Ульянов, вопреки своему желанию, сразу же попал в атмосферу столь не любимой им эмигрантской сутолоки, бесконечных разговоров и выяснения отношений. «В сутолоке я живу довольно-таки изрядной, даже чрезмерной, – писал Владимир Ильич Крупской в Уфу, – и это (NB) несмотря на сугубые, сверхобычные меры предохранения от сутолоки! Почти, можно сказать, в одиночестве живу – и сутолока тем не менее!»⁵¹¹

Знакомые и знакомые знакомых из числа «молодых» убеждали его в том, что причина всей заграничной смуты в дурном характере Плеханова, что его поведение – «это сплошной натиск на личности и т. п., сплошное генеральство и раздувание пустяков из-за оплевания личностей, сплошное употребление «недопустимых» приемов etc.»⁵¹². Надо сказать, что некоторые «приемы» действительно были весьма сомнительны. Еще в Пскове Ульянова, Потресова и Мартова изрядно смутило, например, то обстоятельство, что в брошюре «Vademecum» Георгий Валентинович использовал попавшие к нему сугубо частные письма Копельзона и Кусковой.

То, что характер у Плеханова был, как говорится, не сахар, – хорошо известно. Он обладал удивительной способностью восстанавливать против себя людей. «Вера Ивановна [Засулич] очень тонко заметила, – писал Ульянов, – что Г.В. всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику»⁵¹³.

Когда, например, встал вопрос о назначении одним из редакторов заграничных изданий Копельзона-Гришина, Плеханов

выступил против. Копельзон был, в общем-то, добродушным и неглупым человеком, хорошим практиком, хотя и довольно беспомощным в области теории. Так бы ему и сказать об этом. Но Георгий Валентинович сделал по-другому. «Чтобы доказать тов. Тимофею нелепость его притязаний, – рассказывал Стеклов, – Плеханов, дружески обняв его за талию, подвел к зеркалу и сказал ему: “Ну, посмотрите на себя в зеркало, разве такие редактора бывают?”»⁵¹⁴ Рядом с элегантным Плехановым толстый, с большими рыжими усами Копельзон выглядел действительно непрезентабельно. От редакторства он, естественно, отказался, но прежней любви к Плеханову уже не испытывал.

Александр Кремер, хороший знакомый Мартова, рассказывал о своих попытках договориться с Плехановым. Он приехал в Швейцарию из Вильно с представителем литовских социал-демократов. Во время первой встречи Георгий Валентинович вдруг вспомнил о его брошюре «Об агитации» и, не давая сказать ни слова, стал нещадно ругать и брошюру, и автора. Правда, на следующий день он пришел и извинился за резкость, но после начала второй беседы в какой-то момент «ему показалось, – рассказывал Кремер, – что мы его учим, и он крикнул нам: “Вас еще не было, а мы уже под виселицами ходили!” Произнеся эти слова, Плеханов стал уходить. За ним, ни слова не говоря, пошла Вера Ивановна... Ни один из остальных участников совещания тоже не произнес ни единого слова, как будто в присутствии Плеханова они не могли иметь своего мнения»⁵¹⁵.

Почтенный анархист князь Петр Кропоткин, наблюдая Плеханова на протяжении долгих лет эмиграции, довольно зло пошутил: «Вернись он, Кропоткин, в Россию при Николае II, его бы отправили на Сахалин проводить там геологические изыскания, тогда как если бы Россией правил Плеханов, то его просто повесили бы»⁵¹⁶.

Наслушавшись этих разговоров и предполагая выступить в роли «собирателей сил», Ульянов, Потресов и Мартов еще в России решили взять дистанцию и сохранить свою

самостоятельность. В псковской беседе с Копельзоном Владимир Ильич так и заявил: «Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и группа “Освобождение труда”, но отсюда *никто не вправе заключать, что мы теряем хоть частичку нашей самостоятельности*»⁵¹⁷.

И там же, в Пскове, было твердо договорено: «Редакторами будем мы, а они – ближайшими участниками. Я, – пишет Ульянов, – предлагал так формально и ставить с самого начала (еще с России), Арсеньев предлагал не ставить формально, а действовать лучше “по-хорошему” (что сойдет-де на то же), – я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы, как потому, что “старики” крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали»⁵¹⁸.

Столкнувшись за границей с таким накалом страстей, доходивших буквально до истерик и драк, Потресов, например, стал просто скисать. Реакция Ульянова была иной. «На бога грех бы роптать, – написал он Крупской, – благо я далеко не так нервен, как наш милый книгопродавец [Потресов], впадающий в черную меланхолию и моментальную прострацию под влиянием этой сутолоки».

И Владимир Ильич решил во всем разобраться.

Он изучил материалы и документы, связанные с расколом, и итог своих размышлений изложил в письме Крупской. Во всей этой смуте, пишет он, на деле *«преобладает, в громадной степени преобладает принципиальная сторона, и нападки на личностей – лишь придаток, неизбежный при тех запутанных и донельзя обостренных отношениях, которые постарались создать “молодые”. Vademecum – это – вопль, прямо-таки вопль против пошлого экономизма... И против всяких обвинений, направленных на Плеханова, надо прежде всего решительно установить, что вся суть его брошюры – именно*

объявление войны “позорным” принципам “кредизма” и “кусковщины”, именно принципиальный раскол».

Иными словами, поскольку в сфере теории и принципов Плеханов абсолютно прав, а это – главное, то, стало быть, разговоры о том, хорош он или плох как человек, не имеют существенного значения.

И вот, наконец, Ульянов встретился с Плехановым.

Поначалу все было очень мило. Они много гуляли. Георгий Валентинович, как всегда, мягко подтрунивал над собеседниками. Правда, не всегда удачно. Юрий Стеклов рассказывает, как во время одной из прогулок Плеханов стал подшучивать над Владимиром Ильичом и стал цитировать Глеба Успенского, которого он блестяще знал, относительно того, почему люди лысеют. Но, начав цитату, он вдруг запнулся, сообразив, что она невыгодна именно для него.

Ульянов мгновенно подметил это и, «катаясь от смеха по траве», продолжил: «Что же это вы, Георгий Валентинович, не договариваете? Позвольте, я сейчас приведу эту цитату. У Успенского сказано так: “Который человек лысеет ото лба, и то от большого ума (он показал на свою лысину, которая действительно шла ото лба). А который лысеет от затылка (и тут он ехидно показал пальцем на Плеханова, у которого лысина шла одновременно и ото лба, и от затылка), и то от развратной жизни”».

Но когда началось обсуждение вопросов, связанных с изданием «Искры» и «Зари», шутки кончились.

На протяжении почти трех недель они беседовали минимум семь раз. И через несколько дней после завершения переговоров, 20 августа, Ульянов, буквально потрясенный произошедшим, на бланке привокзального кафе пишет Крупской подробный отчет об этих встречах. «Как чуть не потухла “Искра”?» – так называет он этот документ, который мы и цитируем.

Но сначала – одно предварительное замечание.

В предыдущих главах мы избегали копания в чужих душах и чтения чужих мыслей. О том, что думал, чувствовал, переживал

Владимир Ильич, упоминалось, как правило, лишь тогда, когда для этого имелись вполне достоверные данные. А было их не столь уж много, ибо сам он не очень-то любил ни публичное «самокопание», ни выяснение отношений. На этом основании некоторые авторы и заключали, что был Ульянов человеком «без души», напрочь лишенным тонких душевных порывов и эмоций.

Документ, о котором идет речь, представляет своего рода исключение. Он не предназначался ни для публикации, ни вообще для чужого глаза. Надо было немедленно «излить душу», и написал его Владимир Ильич, как говорится, на одном дыхании, вопреки обыкновению, почти без поправок и помарок. И свет этот документ увидел лишь после смерти Ульянова.

Для любителей психологического анализа это объект самого пристального внимания. Пусть же задумается над ним и наш читатель.

Первые же разговоры с Плехановым, рассказывает Владимир Ильич, «сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и [всегда считает себя донельзя правым]. Я старался соблюдать осторожность, обходя “больные” пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали маленькие “трения” в виде пылких реплик Г.В. на всякое замечание... Г.В. проявлял абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы. Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайности (напр., мой намек на опубликование частных писем и на неосторожность этого приема), приводили Г.В. прямо в отчаянное возбуждение...»⁵¹⁹.

«К “союзникам” [“Союзу русских с.-д. за границей”] он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозривание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве, в прохвостничестве, заявления, что он бы “расстрелял”, не колеблясь, подобных “изменников” и т. п.)...»

Что касается отношений с «Бундом», то тут Плеханов «проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто

эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель – вышибить этот Бунд из партии, что евреи – сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя “в пленение” “колену гадову” и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и Г.В. остался всецело на своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями»⁵²⁰.

И уж совсем невозможным становится обсуждение вопроса об отношениях со Струве и Туганом. Во-первых, «Г.В. старался в спорах представить дело так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим “все примирить” и проч.». А когда ему на фактах показали, что и в 1895-м и в 1897 году именно он уклонился от полемики, а никак не Ульянов, «Г.В., – пишет Владимир Ильич, – заявил после горячего спора, кладя мне руку на плечо: “Я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим все это сообща и решим вместе”. Тогда это меня очень тронуло»⁵²¹.

Становится очевидным, что псковская формула «мы – редакторы, они – ближайшие сотрудники» не сможет служить основой согласия. И Ульянов, и Потресов предлагают – «*соредакторство*». Однако поведение Плеханова свидетельствует о том, что и такое положение он вряд ли примет.

Взяв, к примеру, у Потресова проект заявления «От редакции», Г.В. сказал, что поправит лишь стиль и «приподнимет слог». Но при встрече с Ульяновым он вернул проект без единой пометки. Повторные просьбы исправить текст результата не дали. Тогда Ульянов сам правит его, выбрасывая все то, что Плеханов счел «оппортунистичным»: возможность дискуссий между сотрудниками и т. п.

И тем не менее, когда на следующем заседании это заявление стали читать, Г.В. «вскользь, мимоходом, бросил ядовитое и злое замечание, что он-то бы... уж, конечно, не такое заявление написал. Вскользь брошенное, кстати, прибавленное к какой-то фразе иного содержания, – пишет Владимир Ильич, – это замечание Г.В. меня особенно неприятно поразило: идет

совещание соредакторов, и вот один из соредакторов (которого *два* раза просили дать свой проект заявления или проект исправлений нашего заявления) не предлагает никаких изменений, а только саркастически замечает, что он-то бы уж, конечно, не так писал (не так робко, скромно, оппортунистически – хотел он сказать). Это уже ясно показало, что нормальных отношений между ним и нами не существует»⁵²².

А когда, после уже упоминавшейся реплики Плеханова о том, что вопрос о Струве и Тугане решим «сообща и вместе», Ульянов и Потресов предлагают их «*условное приглашение*», «Г.В. очень холодно и сухо заявляет о своем полном несогласии и демонстративно молчит в течение всех наших довольно долгих разговоров с П.Б. [Аксельродом] и В.И. [Засулич], которые не прочь и согласиться с нами. Все утро это проходит под какой-то крайне тяжелой атмосферой: дело безусловно принимало такой вид, что Г.В. ставит ультиматум – или он, или приглашать этих «прохвостов»⁵²³.

Ульянов и Потресов ловят себя на том, что чем жестче ведет себя Плеханов, тем упрямее становятся и они сами: «Невероятная резкость Г.В. просто как-то инстинктивно толкает на протест, на защиту его противников». А это уже никуда не годилось, ибо настроение начинало заслонять *дело*. «Видя это, мы оба с Арсеньевым решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что “по настоянию Г.В.” отказываемся [от приглашения Струве]. Встречено это заявление было молчанием (точно это и само собою подразумевалось, что мы не можем не уступить!). Нас порядочно раздражила эта “атмосфера ультиматумов” (как формулировал позже Арсеньев) – желание Г.В. властвовать неограниченно проявлялось очевидно»⁵²⁴.

На другой день, в воскресенье «собрание назначено не у нас, на даче, а у Г.В. Приезжаем мы туда. Входит Г.В. и зовет нас в свою комнату. Там он заявляет, что лучше он будет сотрудником, простым сотрудником, ибо иначе будут только трения, что он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, что он

понимает и уважает нашу, партийную точку зрения, но встать на нее не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником.

Мы совершенно опешили, выслушав это, прямо-таки опешили и стали отказываться. Тогда Г.В. говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем; сколько голосов? – Шесть. – Шесть неудобно. – “Ну, пускай у Г.В. будет 2 голоса, – вступается В.И. [Засулич], – а то он всегда один будет, – два голоса по вопросам тактики”. Мы соглашаемся.

Тогда Г.В. берет в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих – тоном, не допускающим возражений.

Мы сидим все как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи еще в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся все более робкими, что Г.В. “отодвигает” их (не опровергает, а отодвигает) все легче и все небрежнее, что “новая система” *de facto* всецело равняется полнейшему господству Г.В. и что Г.В., отлично понимая это, не стесняется господствовать вовсю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову...».

«Как только мы остались одни, как только мы сошли с парохода и пошли к себе на дачу, нас обоих сразу прорвало. Тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались. Помнится, начал Арсеньев заявлением, что личные отношения к Плеханову он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их. Его обращение оскорбительно. Он нас третирует и т. д. Я поддерживал всецело эти обвинения.

Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных “пизонов”: это не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся

соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между нами, – он бы никоим образом не мог, минуто спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его соредакторство совершенно равносильно его редакторству.

Ну а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело... пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, – тут уж нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он – человек неискренний»⁵²⁵.

Так, может быть, стоило сразу ухватиться за утреннюю «отставку» Плеханова и вернуться к псковскому варианту, то есть взять всю редакцию на себя? Нет! «Брать *на себя* редакторство... – пишет Владимир Ильич, – было бы теперь просто противно, это выходило бы именно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое же тщеславие, только калибром пониже»⁵²⁶.

Те, кто утверждают, что Ульянов с его «железобетонной однолинейностью» был напрочь лишен какой бы то ни было интеллигентской рефлексии, судя по всему, никогда не читали этого документа.

Точно так же не прав был, видимо, и Владимир Андреевич Оболенский, который, услышав в Пскове реплику о том, что Ульянов и Потресов «живут душа в душу», ревниво и зло заметил: «Живут они не душа в душу, а голова в голову, так как у [Ульянова] души нет»⁵²⁷. Была, Владимир Андреевич, душа, была. И, как оказалось, довольно ранимая.

«Трудно описать с достаточной точностью, – писал Владимир Ильич, – наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как любимым детищем, долгие годы.

Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, ни перед

кем я не держал себя с таким “смирением” – и никогда не испытывал такого грубого “пинка”.

И все от того, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, – мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой “нравственной бани”, по совершенно верному выражению Арсеньева. Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый»⁵²⁸.

И, осознав это, они принимают решение: «Так нельзя!.. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях... Мы бросаем все и едем в Россию, а там наладим дело заново и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим»⁵²⁹.

На следующее утро пришел Аксельрод. «Я слышу, – рассказывает Ульянов, – как Арсеньев [Потресов] откликается, отворяет дверь – слышу это и думаю про себя: хватит ли духу у Арсеньева сказать все сразу? а лучше сразу сказать, необходимо сразу, не тянуть дела. Умывшись и одевшись, вхожу к Арсеньеву, который умывается. Аксельрод сидит на кресле с несколько натянутым лицом. “Вот, NN, – обращается ко мне Арсеньев, – я сказал П.Б. о нашем решении ехать в Россию, о нашем убеждении, что так вести дело нельзя”. Я вполне присоединяюсь, конечно, и поддерживаю Арсеньева. Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид, до последней степени расстроенный, растерянный, смущенный, бедный П.Б. имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение – твердо»⁵³⁰.

Пошли к Вере Ивановне Засулич. «Никогда не забуду я того настроения духа, – пишет Владимир Ильич, – с которым выходили мы втроем: “мы точно за покойником идем”, сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. До такой степени тяжело было, что, ей-богу, временами казалось, что я расплачусь. Когда

идешь за покойником, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния».

У Веры Ивановны рассказали о своем решении. Засулич «угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам все же отказаться от нашего решения. Это было до последней степени тяжело – слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с «героизмом раба» (выражение Арсеньева) несущего ярмо плехановщины»⁵³¹.

После обеда, в назначенный час, встретились с Плехановым. «Арсеньев начинает говорить – сдержанно, сухо и кратко, что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, *какие* определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними товарищами, ибо на себя уже не берем решения.

Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинений. «Ну, решили ехать, так что ж тут толковать, – говорит он, – мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас все впечатления да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что же я могу с этим поделать?.. *На меня не рассчитывайте*. Если вы уезжаете, то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие.

Ничто так не уронило Плеханова в моих глазах, – пишет Ульянов, – как это его заявление... Это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугивание, что оно могло только “доконать” Плеханова, обнаружив его “политику” по отношению к нам: достаточно-де будет их хорошенько припугнуть.

Но на угрозу мы не обратили *ни малейшего внимания*. Я только сжал молча губы. И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой маневр. Как же не назвать в самом деле маневром, когда он стал через несколько минут, тут же, говорить о том, что разрыв с нами равносильен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от нее и уйдет в научную, чисто научную литературу, ибо если-де

он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может. Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть!.. Но *после* запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление. Разговор был короткий, дело не клеилось. Остаток вечера провели пусто, тяжело».

На том бы и закончилась вся эта «гистория». Но именно в тот момент, когда, казалось бы, все стало на свои места, Ульянов начинает осознавать, что и с ними происходит нечто невероятное и ненормальное: «Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему – налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, – и вдруг налетел вихрь – и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] – неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о “разрыве отношений”? Неужели это не дурной сон, а действительность?»

Утром – ни свет ни заря – приходит Потресов. Он тоже в полном смятении духа. Вспоминают слова Аксельрода о том, что «Плеханов тоже убит, что теперь на нашей душе грех будет, если мы так уедем, и пр. и пр.». Вспоминают Веру Ивановну, молившую их: «...Нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его [Плеханова] характера». И Потресов говорит, что ночью он «придумал последнюю возможную комбинацию, чтобы хоть кое-как наладить дело, чтобы из-за порчи *личных* отношений не дать погибнуть серьезному *партийному* предприятию... Если же Плеханов заупрямится, – тогда черт с ним, мы будем знать, что сделали все, что могли. Решено»⁵³².

Из своей деревни Везена, вместе с Аксельродом и Засулич, они – в который уже раз – едут в Женеву. Плеханов сразу «берет тон такой, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Арсеньева о его здоровье и почти обнимает его – тот чуть не отскакивает. Мы говорим, что

по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы редакторы, он – сотрудник; 2. мы все соредакторы; 3. он – редактор, мы – сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда.

Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от 3-ей комбинации, решительно настаивает на совершенном исключении *этой* комбинации, на первые же *обе* комбинации *соглашается*. Так и порешили: пока, *впредь до представления* нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок (соредакторы все шесть, причем 2 голоса у Плеханова)»⁵³³.

Все, казалось бы, вернулось на «круги своя». «Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться. Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, – решили соблюсти аппарансы, – не дать торжествовать противникам. По внешности – как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, – только внутри порвалась какая-то струна». И в момент, когда Георгий Валентинович плел свои «кружева», Владимир Ильич подумал: «Дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились»⁵³⁴.

Николай Валентинов даже из этого письма умудрился выудить свою «рыбку». По его мнению, «жизненный урок», полученный Ульяновым в результате этой драмы, был предельно прост: в отношениях с людьми «он принял себе за правило “держат камень за пазухой”»⁵³⁵.

А вот как звучит это место в письме к Крупской: «Влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться “без сентиментальности”, надо держать камень за пазухой. Бесконечное количество таких горьких слов говорили мы в тот вечер. Внезапность краха вызывала, естественно, немало и

преувеличений, но в основе своей эти горькие слова были верны»⁵³⁶.

Значит, «горькие слова», не более того. А «жизненный урок», извлеченный Ульяновым, состоял в другом: «Мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это – мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти “мелочные” недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его *отталкивающие* качества... Идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир».

И главный вывод: «Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как *рабы*, а быть рабом – недостойная вещь»⁵³⁷.

«Личные связи»

15 августа Ульянов выезжает из Женевы в Мюнхен, но по дороге останавливается в Нюрнберге, где необходимо было договориться с немецкими социал-демократами о некоторых деталях их технической помощи изданию «Искры» и «Зари».

Все первые дни тяжелое впечатление от произошедшего конфликта не проходило, но текущие хлопоты постепенно оттесняли эти переживания как бы на второй план.

«Сегодня 2 сентября [20 августа], воскресенье, – пишет Владимир Ильич из Нюрнберга Крупской. – Значит, это было *только* неделю тому назад!!! А мне кажется, что это было с год тому назад! Настолько уже это отошло далеко!» И еще: «По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходило к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство... пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских “качеств” Плеханова»⁵³⁸.

Еще по дороге в Нюрнберг он начинает писать проект соглашения между группой «Освобождение труда», именуемой теперь группой «Социал-демократ», и русской группой, которую он впервые называет «Группой "Искра"». «Ввиду солидарности основных взглядов и тождества практических задач», говорилось в этом документе, обе «организации заключают между собой союз». Плехановская группа «принимает ближайшее редакционное участие» в «Заре» и «Искре», а также в их распространении, расширении связей и «приискании материальных средств»⁵³⁹.

Порядок голосования в редакции Ульянов напишет позже – 6 октября. Он будет предусматривать равенство голосов обеих групп, а в случае разногласий – публикацию особого мнения как группы, так и отдельных ее членов. О двух голосах Плеханова уже не упоминалось⁵⁴⁰. И еще одна деталь: было окончательно договорено, что редакция «Искры» будет работать не в Швейцарии, под боком у Плеханова, а в Мюнхене, куда должна была переехать Вера Ивановна Засулич.

Владимир Ильич садится и за переработку первоначального проекта заявления «От редакции», написанного еще в Пскове. Текст его не только сокращается вдвое, но и становится более жестким. Георгий Валентинович все-таки «вышиб» из него все те фразы, которые были слишком мягки и отдавали, по его мнению, «оппортунизмом». Выпало, например, упоминание о преждевременности оценки существующих разногласий как факта образования «особого направления», вылетела фраза о «возможности *совместной* работы» с социал-демократами «различных оттенков» и т. п.

«Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, – пишет Ульянов, – мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд... Мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм»⁵⁴¹.

Ни одно из этих уточнений не меняло общего духа прежнего проекта. Сохранялось и подвергнутое критике Плехановым положение о полемике: «Обсуждая все вопросы со своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают... представители различных взглядов»⁵⁴².

Сохранилось главное: «Объединение всех русских социал-демократов нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение. Необходимо, во-вторых, выработать организацию». Только тогда «партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной силой»⁵⁴³.

Было, впрочем, еще одно отличие у этого документа. Если прежний псковский проект назывался просто «От редакции», то теперь он получает законченное наименование – «Заявление редакции "Искры"».

Трудно сказать, просочились в эмигрантские круги какие-то слухи о произошедшем конфликте или нет. Впрочем, для всех, кто встречал Ульянова в эти дни, об этом нетрудно было догадаться. «В эти дни, – рассказывал Потресов, – он перестал есть, спать, осунулся, пожелтел, даже почернел»⁵⁴⁴. Да и сам Александр Николаевич временами опять начинал впадать в «черную меланхолию». И это тоже было заметно.

Так или иначе, но буквально сразу после приезда в Нюрнберг Ульянова атаковали представители «Союза русских социал-демократов за границей». Ссылаясь на его псковский разговор с Копельзоном, они просили о немедленной встрече, сообщали о том, что возлагают надежды и «претендуют» не только на него, но и хотели бы «слияния», на худой конец –

«федерации» со всей его «литературной группой». «Взоры Союза обращены к Вам», – таким патетическим призывом заканчивалось переданное послание.

Однако расчеты на то, что обиды и амбиции создадут почву для сближения, не оправдались. Уже 23 августа [5 сентября] Ульянов ответил: «Наше *неизменное* решение остаться самостоятельной группой и пользоваться ближайшим сотрудничеством группы “Освобождение труда”... В настоящее время, когда все наши жизненные соки должны уходить на питание нашего имеющего родиться младенца [“Искры”], мы не можем браться за кормление чужих детей».

Отношения с «Союзом», конечно, будут, но это прежде всего будут «отношения между полемизирующими». В следующем письме, уже из Мюнхена, он подтверждает: «От личного знакомства с тем или другим союзником мы вовсе не думаем отказываться, но в специальном сношении между Литературной группой и Союзом в настоящее время не видим пользы». Если кто-либо захочет помочь «Искре» – дорога открыта: «...спешим послать Вам адрес, по которому могли бы быть посылаемы всякие материалы из России».

В том же сентябре возникла и другая ситуация, ставшая своего рода проверкой принципиальности и для «Группы “Искра”», и для плехановцев. 23–27 сентября в Париже проводился очередной Международный социалистический конгресс. Руководство «Союза русских с.-д. за границей» – Б. Кричевский, К. Тахтарев и др. – своевременно получило мандаты от нескольких российских организаций. У Плеханова и его коллег, уже привыкших присутствовать на международных конгрессах, положение оказалось более сложным.

С Россией их связывала теперь главным образом «Группа “Искра”». И она выполнила свои обязательства. Для Засулич был получен мандат от московских социал-демократов, а для остальных членов группы «Освобождение труда» – через Крупскую – прислали мандаты Уфимская и Уральская группы. Всего получили шесть мандатов, и их хватило даже для Б.А.

Гинзбурга-Кольцова. О том, чтобы на конгрессе присутствовал кто-либо из «Группы "Искра"», и речи не заходило.

На Парижском конгрессе в составе Русской секции встретились, таким образом, как бы две делегации. И это дало повод для нового искушения. Плеханов, столь резко протестовавший против ульяновской формулы о «возможности *совместной* работы», стал вдруг вести разговоры с Тахтаревым о том, что «желательно бы примирить направления у нас в России...»⁵⁴⁵.

Газета «Рабочая мысль» переживала в этот момент не лучшие времена. После весенних арестов ее петербургская группа перестала существовать, и издание должно было перейти в руки «Союза борьбы». А поскольку недовольство ее направлением проявлялось со стороны рабочих и ранее, то как сложатся отношения с газетой теперь – было не вполне ясно.

Поэтому, когда Плеханов стал говорить Тахтареву, что «желательно было бы *им* более или менее согласиться, как представителям "крайних" направлений; что, мол, он понимает, что и "политики", и "Рабочая мысль" слишком перегибают лук в одну сторону, а истина посередине», – Константин Михайлович сразу ухватился за это предложение⁵⁴⁶.

Он тут же заявил, что готов «предложить Плеханову что-нибудь написать для "Рабочей мысли"». Георгий Валентинович ответил согласием, но «попросил подождать, ибо ему надо спросить совета группы "Освобождение труда" и Литературной группы. Аксельрод и особенно Засулич полностью одобрили предложение и сообщили об этом Ульянову, добавив, что – по ряду признаков – в направлении "Рабочей мысли" наметился "поворот"»⁵⁴⁷.

Владимир Ильич ответил «не категорически, не безусловно: "Мы затрудняемся в данный момент посоветовать", – писал я, т. е. прямо обуславливал наше решение предварительным выяснением дела. Необходимо было для нас дать себе полный отчет в том, произошел ли действительно "поворот", и какой именно поворот»⁵⁴⁸.

Поняв, что решение вопроса зависит от Владимира Ильича, Тахтарев решил обратиться прямо к нему. «Он в это время жил в Мюнхене, куда я и поехал для переговоров по поводу “Рабочей мысли”, совершенно не зная, как он встретит меня, которого... он, конечно, считал одним из своих противников. Но он встретил меня по-товарищески. Быть может, причиной его дружеского ко мне отношения были некоторые наши общие личные связи. Наш разговор во всяком случае имел чисто товарищеский характер».

Самому Ульянову эта беседа принесла довольно огорчительную информацию. Похоже, что угроза Плеханова «вступить в иное предприятие» оказалась не пустым звуком, ибо речь шла не о публикации его отдельной статьи, а совсем о другом. В Париже Тахтарев прямо предложил ему возглавить «Рабочую мысль», и «Георгий Валентинович, как это стало мне ясно из нескольких моих разговоров с ним, – пишет Тахтарев, – готов был согласиться на мое предложение и стать редактором “Рабочей мысли” при условии, конечно, изменения ее направления». То есть весь план выпуска «Искры» вновь мог повиснуть в воздухе.

Для Ульянова это был еще один урок «большой политики», но он твердо решил не пускаться в какие бы то ни было интриги, а занять прямую и открытую позицию.

План, предложенный Тахтаревым, как он сам пишет об этом, «мог смешать карты Владимира Ильича и очень осложнить и затруднить ту борьбу, которую он в то время вел... Он мог, быть может, даже изменить ее окончательный исход». Поэтому Ульянов «самым решительным образом воспротивился тому, чтобы Плеханов стал во главе “Рабочей мысли”». Владимир Ильич совершенно откровенно высказал причины, делавшие в его глазах мой план для него неприемлемым. И я понял, что при его несогласии план этот неосуществим. Понял я также и то, что главным вождем русского социал-демократического движения был уже не Плеханов, а Ульянов. Откровенность и прямота Владимира Ильича, проявленная им при только что описанном свидании, мне очень понравились, хотя мне было и больно, что

он разрушил мои планы. Расстались мы с ним вполне по-товарищески».

Эти слова Тахтарев написал в 1924 году. А тогда, в 1900-м, в ход были пущены и упомянутые им «личные связи». 12 (25) октября Ульянов получил большое письмо от жены Константина Михайловича – Аполлинарии Якубовой.

Письмо было пространным и немножко нервным. Отвечая на него, Владимир Ильич написал: «Странное впечатление производит Ваше письмо ко мне. Если исключить сообщения об адресах и передачах, в нем остаются только упреки, – голые упреки без всяких объяснений по существу». Главным был упрек в том, что именно он «отсоветовал» Плеханову контактировать с «Рабочей мыслью». «Упреки доходят даже до попыток, – продолжал Владимир Ильич, – сказать колкость (“убеждены ли Вы, что это сделали Вы к пользе русского рабочего движения или к пользе Плеханова?”), – но колкостями я, конечно, уже не буду с Вами обмениваться»⁵⁴⁹.

Вскоре от нее пришло еще более обширное послание, в котором она просила простить «за те резкие слова, которые я Вам написала в своем первом письме. Произошло это в значительной степени от того общего раздраженного состояния духа, в котором находишься все это время...»⁵⁵⁰ Они были знакомы вот уже семь лет. А теперь она сама перешла на «Вы». И то, что идейные разногласия разводили их по разным лагерям, вызывало у Аполлинарии горечь и досаду.

Вспоминая о совместной борьбе с народниками в Питере в прежние времена, Якубова писала, что теперь она поняла: «плодотворного в тех распрях и полемике ничего не было; народовольцев смела с дороги не полемика, а сама жизнь, выступление на сцену не “героев”, а “толпы”. На *действительную* работу всегда мало людей, а на чесанье языка всегда много найдется; а это последнее вредно еще и тем, что оно так гипнотизирует человека, что он на предложение ему заняться полезным делом отвечает смущенно: “Я еще не выяснил, кто я”. Эх, да полноте вам, ведь от вас только и требуется вот то-то да то-то. Для этого достаточно быть порядочным, честным

человеком, сочувствующим рабочему классу. “Да, правда, но все же!..” Ну, махнешь рукой и оставишь человека в покое. Мне обидно то, что это языкочесание до такой степени поглощает человека, что он воображает, что *дело делает*»⁵⁵¹.

И чтобы не оставалось сомнений относительно того, что она имеет в виду не только прежние времена, Аполлинария Александровна написала: «...Убеждения” их, право, гроша медного не стоят, ибо ничего-то в них нет самостоятельного и глубокого. Вот потому-то всякие *credo* и *anticredo* и т. д. мне представляются в высшей степени вредными, ибо они плодят в нашей публике “словесный разврат”»⁵⁵².

Ее заключение было предельно кратко сформулировано в письме Мартову, приложенному к письму Ульянову: если направление «Рабочей мысли» для вас неприемлемо, а я его разделяю, то «боритесь, если не совестно».

Владимир Ильич принял вызов. «Вы пишете другу: “боритесь, если не совестно”... Нисколько не совестно бороться, – раз дело дошло до того, что разногласия затронули самые основные вопросы, что создалась атмосфера взаимного непонимания, взаимного недоверия, полнейшей разноголосицы. Чтобы избавиться от этой томящей духоты, можно (и должно) приветствовать даже бешеную грозу, а не только полемику в литературе»⁵⁵³.

Одно из двух: либо предмет спора слишком мелок, сводится к личностям, амбициям – и тогда это «суета сует», – либо речь действительно идет о судьбе страны. Если правильно второе, если полемика с «экономистами» касается самого смысла борьбы, ее целей, то отмахиваться от таких споров могут лишь те, кому безразличны и рабочее движение, и сама Россия.

«Конечно, все мы ошибаемся», – с этим Ульянов был абсолютно согласен. Он сам осуждал Плеханова за то, что тот «всегда считает себя донельзя правым». Но «если я ошибаюсь, – пишет Владимир Ильич Якубовой, – прошу разъяснить мне мою ошибку». Для этого и существует полемика, и «как же без борьбы выделить эти частные ошибки».

Потому-то «и нечего так особенно бояться борьбы: борьба вызовет, может быть, раздражение нескольких *лиц*, но зато она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения, – определит, какие разногласия существенны и какие второстепенны, определит, где находятся люди, действительно идущие совсем другой дорогой, и где сотоварищи по партии, расходящиеся в частностях»⁵⁵⁴.

Не надо только при этом обвинять противников «экономизма» в том, что они, как выразилась Аполлинария, «для потехи наших врагов» разрушают своей полемикой единство социал-демократии. «Единства уже нет, оно уже разрушено, разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-демократия, – заключает Ульянов, – рассыпанные храмины, и открытая, прямая борьба – одно из необходимых условий *восстановления* единства. А что открытая, прямая и честная борьба вылечит эту болезнь и создаст действительно единую, бодрую и сильную социал-демократию, – в этом я ни на минуту не сомневаюсь»⁵⁵⁵.

Много лет спустя Надежда Крупская напишет, что «личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми», политически порывая с человеком, «он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой...». Но это наблюдение – скорее итог многолетней борьбы. Тогда – на рубеже века – ему иногда казалось, что идейная борьба может и не затрагивать сферу личных отношений.

Надо сказать, что – вопреки обыкновению – Владимир Ильич написал два варианта ответа Якубовой и несколько вставок, которые он потом вычеркнул. Среди них была и сугубо личная. Отрицая какой-либо смысл в полемике, происходившей между другими, Аполлинария Александровна проявила абсолютную нетерпимость по отношению к критике «Рабочей мысли». Поэтому негативная позиция Ульянова исключала, по ее мнению, возможность прояснения их собственных отношений и «как бы предрешила вопрос, необходимо ли наше свидание».

«Значит, – написал Владимир Ильич, – Вы ставите свидание в зависимость от чисто деловых отношений между нами по вопросу об участии (нашем) в “Р. м.”? Вы хотите сказать: если вы категорически отказываетесь, то незачем и видеться? Так я Вас понял? Я думаю, нам надо говорить вполне прямо».

Так он – судя по письму – и поступил. Заканчивая его, Владимир Ильич написал: «Может быть, очень неуместно, что именно в письме *к Вам* так часто приходится говорить о борьбе (литературной). Но я думаю, что наша старая дружба обязывает больше всего к *полной прямоте*».

А Плеханову, настаивавшему после разрыва переговоров на решительной атаке против «Рабочей мысли», он сообщил: «В “воинственности” “Рабочей мысли” *теперь* я сомневаюсь: некоторые шаги “к нам” (*пassez moi le mot* [извините, что я так выразился]) они все же хотят сделать, и их надо бы постараться считать *verbesserungsfähig* [исправимыми, не безнадежными]. Но атака, конечно, все же *должна* быть: без атаки они неисправимы».

Переписка с Георгием Валентиновичем возобновилась в октябре. К этому времени Ульянов, видимо, уже вышел из стрессового состояния, в котором он находился после конфликта с Плехановым. В какой-то мере помог приезд сестры. Анна Ильинична отдыхала в это время за границей, и 30 августа приехала к брату. «“Как это может умный человек [Плеханов], – вспоминала она, – поступать так глупо!” – воскликнула я, выслушав рассказ брата об этом инциденте...»

Они долго гуляли, разговаривали. И Владимир Ильич, что называется, выговорился до конца. И больше к этой истории никогда не возвращался. А Анна Ильинична написала о том осадке, который остался у нее на душе: «Обидно становится за ту глубину дружеских чувств, веры в лучшие свойства человека, которые были разрушены и оскорблены».

Но надо было делать дело. И переписка между Мюнхеном и Женевой приняла регулярный, спокойный и конструктивный характер. Разве что, в отличие от посланий Аксельроду, в

письмах Плеханову Владимир Ильич явно избегал каких-либо эмоций.

С Потресовым все оказалось несколько сложнее. Несмотря на то что конфликт был улажен и именно теперь надо было сосредоточить все силы на подготовке выпуска «Искры», он рвался в Россию.

2 (15) октября Аксельрод писал Ульянову: «Если у Вас обоих или у него одного нет абсолютно важных причин, безусловно требующих его отъезда, я позволю себе высказать [мое скромное мнение], что раньше, чем Алексей [Мартов] не прибудет к Вам, грешно было бы ему оставлять Вас. Как видите, я рассуждаю исключительно с точки зрения делового интереса, чтобы не быть заподозренным в каких-нибудь соображениях сентиментального свойства, словом, в адуевщине».

Это был период, когда Потресов и Ульянов действительно жили «душа в душу». И во время всей «гистории» с Плехановым у них совпадали не только сугубо деловые, принципиальные позиции, но и нюансы душевных переживаний. Тот факт, что теперь в переписке с Ульяновым Александра Николаевича называли не иначе, как «братом», – говорил о многом: для Владимира Ильича это было, как говорится, святое слово. И он всячески старался поддержать «брата», отговаривал от поездки, тем более что опасность ареста была слишком велика.

5 (18) октября Ульянов ответил Аксельроду: «С Вашим взглядом на поездку брата я совершенно согласен. Что с ним поделаешь?.. Я всеми силами убеждаю брата либо не ехать, либо махнуть в две недели, и убеждаю, и высмеиваю, и ругаюсь (я никогда с ним так ругательски не ругался) – ничего не действует, заладил одно: домой да домой!.. Вот сейчас... я ему дам прочесть сие – пускай “испровергает”, если совести хватит!» И Потресов дописал: «Письмо прочел и содержания оно не одобрил. Брат»⁵⁵⁶.

В конце октября в Мюнхен перебралась Вера Ивановна Засулич, из России для работы секретарем редакции прибыла Инна Смидович-Леман, и Потресов все-таки уехал. Вернулся он лишь 11 (24) декабря, как раз в тот день, когда первый номер

«Искры» вышел в свет⁵⁵⁷. Мартову удалось выбраться за границу еще позднее, в марте 1901 года. Так что из всей «святой троицы», как называл их Аксельрод, Ульянов оказался в это время в Мюнхене один.

«Ветер перемен»

Эти полтора месяца до выхода «Искры» стали для Ульянова сплошной нервотрепкой. Очень подвели немецкие социал-демократы, твердо обещавшие дать свою типографию, но нещадно тянувшие с решением данного вопроса. «Нервы развинтились препорядочно, – писал Владимир Ильич Аксельроду, – главное, эта томительная неопределенность, кормят эти черти немцы завтраками, – ах! я бы их!..»⁵⁵⁸ Лишь в ноябре договорились о печатании «Искры» в Лейпциге в типографии Дитца и только 27 ноября приступили к набору.

Уйму времени отнимала редактура и переписка по этому поводу. Все маститые авторы – «отцы-основатели» – норовили дать в газету статьи журнального объема. К сокращениям и правке относились крайне болезненно. А уж замечаний по каждой чужой заметке было хоть отбавляй. О сроках и говорить нечего – тот же Аксельрод прислал свою обширную статью для первого номера «Искры» буквально в самый последний момент.

Сам Павел Борисович 17 ноября написал Ульянову: «При всем моем интересе даже к частностям положения дел, я слишком дорожу Вашим и других коллег временем, чтобы претендовать на получение подробных вестей. По-моему, излишняя роскошь даже посылать все статьи и корреспонденции, хотя, чтобы предупредить недоразумение – я очень рад получать и прочитывать их»⁵⁵⁹.

Формулировка, как видим, была достаточно дипломатичной, и дабы «предупредить недоразумение», приходилось учитывать каждое замечание.

Впрочем, не всегда.

Георгий Валентинович попросил, например, в статье Ульянова о расколе в заграничном «Союзе» (в том месте, где говорилось о нападках «Рабочего дела» на Плеханова) убрать слово «обвинение»: «Наши враги из "Рабочего дела", – пояснил

Плеханов, – могут лгать на нас и сплетничать о нас. Но *обвинять*, а следовательно, и судить нас они не могут: русского революционера, как средневекового рыцаря, могут судить только его *перы* (равные), а нашими перами не могут быть люди, разделяющие идеи г. Г[ришина-Копельзона]». Из этой же статьи он попросил выбросить и «слова насчет заслуг “Рабочего дела”», ибо кроме клеветы на Плеханова в этой газете якобы печатались лишь статьи «для глупых интеллигентов...»⁵⁶⁰.

Насчет «неподсудности» Ульянов отвечать не стал. Он просто оставил слово «обвинение». А по поводу второго замечания написал Аксельроду: «Я внес желаемые Вами исправления, но не мог только выкинуть вовсе слова о заслугах “Рабочего дела”, – мне кажется, что было бы несправедливо по отношению к противнику, имеющему не только проступки перед социал-демократией»⁵⁶¹.

В ходе переписки постепенно выяснялось, что, согласившись на ужесточение «Заявления редакции “Искры”» и выбросив из него места, которые показались Плеханову слишком «оппортунистичными», Ульянов не собирался уступать в самом принципе – в отказе от «крайностей» в полемике.

Надо сказать, что жесткость идейных споров была вообще характерной чертой российской демократической публицистики. В оправдание этой жесткости еще Белинский писал: «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия – дело святое, и горе тому, кто не боролся». Когда Плеханов написал книгу о Михайловском, он, например, решил предпослать ей эпиграф из Глеба Успенского: «А пора бы тебе, старичок, помирать». И Потресову стоило немалого труда «убедить Плеханова отказаться от этой безвкусицы»⁵⁶².

Даже «легальные марксисты» писали в аналогичной стилистике. Такой знаток творчества Струве, как Ричард Пайпс, заметил, что в ту пору и Петр Бернгардович «усвоил манеру спора... предполагающую, что любой выражающий несогласие человек обязательно является либо дураком, либо лицемером,

либо тем и другим вместе, в силу чего частым проявлением этой манеры был презрительный сарказм»⁵⁶³.

Напротив, статьи Ульянова становились более сдержанными. Еще в ссылке он понял, что времена самарских рефератов и эпатажа прошли. В письме Анне Ильиничне он заметил: «Насчет резкостей я теперь вообще стою за смягчение их и уменьшение их числа. Я убедился, что в печати резкости выходят неизмеримо сильнее, чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении». Даже в споре с заведомым противником он «елико возможно, старался смягчить свой тон...»⁵⁶⁴.

Юрию Стеклову, примыкавшему к плехановской группе и приславшему для «Искры» довольно резкую статью Рязанова, Ульянов тактично заметил, что в полемике надо избегать таких пассажей, которые дали бы повод для обвинений в «мелких придирках». Свою собственную позицию Владимир Ильич изложил так: «Вы сами указывали на некоторые крайности теперешней полемики, и *Вы были совершенно правы*; а раз крайности были, нам теперь надо быть осторожнее: не в том смысле, чтобы хоть на капельку поступаться принципами, а в том смысле, чтобы *без нужды* не озлоблять людей, работающих, по мере их разумения, для социал-демократии»⁵⁶⁵.

На статью Рязанова он дал более десятка принципиальных и построчных замечаний, свидетельствовавших о том, насколько серьезно относился он к своим редакторским обязанностям. А это требовало уймы времени. Его стало не хватать для ответа на письма, что тоже вызывало нарекания. От Инны Смидович толку оказалось немного, ибо сразу после приезда она родила, и хлопоты, связанные с ребенком, естественно, заполнили все ее время. От Веры Ивановны Засулич помощи в каких-то организационных делах ждать не приходилось.

К тому же и быт как-то не складывался. Поселился Ульянов у владельца пивной, немецкого социал-демократа Ритмейера без пансиона. И когда Анна Ильинична приехала к брату в Мюнхен, она нашла, что живет он весьма скудно, что нет у него самых

необходимых вещей, и по такому случаю подарила подушку⁵⁶⁶. «Комнатешка у Владимира Ильича, – рассказывала позднее Крупская, – была плохонькая, жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его [мучными блюдами]. Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана»⁵⁶⁷.

Вся эта неустроенность, а главное, нескончаемая ежедневная текучка не давали возможности сосредоточиться. А тут еще от европейской сырости Владимир Ильич подхватил инфлюэнцу. И в сердцах написал Аксельроду: «Я временами изнемогаю и совсем отвыкаю от своей настоящей работы»⁵⁶⁸.

В такой ситуации единственным выходом становился жесточайший временной режим.

Варвара Федоровна Кожевникова – молодая фельдшерица детского отделения питерской клиники Виллие – приехала в Мюнхен и стала помогать редакции несколько позднее, когда общий распорядок жизни Ульянова сложился вполне. И был он достаточно плотным.

«Владимир Ильич, – вспоминала Кожевникова, – работал целый день, часов с 9, с небольшим перерывом на еду... Часто по вечерам, проработав целый день, он вдруг обращался ко мне и говорил: “Ну, идем отдыхать! На полчаса!” И мы с ним быстро шли в кафе выпить кружку пива.

Каждый вечер члены редакции и, если были таковые, товарищи из России собирались в одном и том же кафе, и я, любя послушать и поболтать, всегда тянула Владимира Ильича в то кафе, где были они. Но Владимир Ильич очень редко заходил туда, а большей частью указывал рукою в противоположную сторону, и мы заходили в какое-нибудь маленькое кафе, где, понятно, из редакции никого не было. Брали по кружке, и Владимир Ильич рассказывал что-нибудь интересное, веселое, а я с восторгом его слушала.

Но Владимир Ильич и отдыхал по часам. Всегда вовремя посмотрит на часы и скажет: “Осталось 2 минуты, кончайте скорее свою кружку и идем”.

Как-то раз я настойчиво звала его пойти в то кафе, где были товарищи. Но Владимир Ильич с жаром ответил: "Это значит потерять весь вечер: заговоришься, увлечешься каким-нибудь бесконечным спором и просидишь там до глубокой ночи. Нет, пойдем в «наше» кафе. Отдохнем, потом еще поработаем, а затем – на все 4 стороны, идите туда, их еще застанете"»⁵⁶⁹.

Так что, когда Ульянов писал Аксельроду, что временами он «изнемогает» от редакционной текучки, он несколько не преувеличивал. В письме матери 23 ноября (6 декабря), не имея возможности рассказать ей о своих делах, он напишет об этом по-другому: «Я живу по-старому, болтаюсь без толку по чужой стране, все еще только "надеюсь" пока покончить с сутолокой и засесть хорошенько за работу»⁵⁷⁰. Толк все-таки был, газету постепенно набирали, но ведь он должен был не только редактировать, согласовывать, проталкивать, улаживать, но и писать сам.

Еще в Пскове, обмениваясь впечатлениями от поездок по России, все трое – Ульянов, Потресов и Мартов – уловили некий «ветер перемен».

Промышленный подъем 90-х годов, с которым была связана успешность экономических стачек, все более выдыхался. В годы подъема срыв поставок заказчикам, неизбежный при забастовках, приносил гораздо больший ущерб, нежели мелкие подачи рабочим. Теперь, с ухудшением конъюнктуры, фабриканты уже не шли на уступки, а, наоборот, использовали стачки для массовых увольнений. В 1900 году число забастовок не только сократилось. Участились случаи столкновений рабочих с властями, полицией. Процесс «политизации» движения набирал силу, и это было явным предвестником банкротства «экономизма».

«Не надо быть пророком, – писал Ульянов в ссылке еще в 1897 году, – чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим "процветанием" промышленности. Такой крах... поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те

вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим»⁵⁷¹.

Вместе с тем в такой ситуации «экономизм» несколько не утрачивал своей опасности. Наоборот, она еще более возрастала. Ибо, как правильно заметил Мартов, если тенденция к «самоограничению» вопросами текущей фабричной борьбы утвердится в рядах социал-демократии, то в тот момент, когда рабочие массы «осознают свои общегражданские политические интересы, они будут склонны свою борьбу за них повести вне рядов своей классовой организации, под флагом какой-нибудь буржуазно-демократической партии»⁵⁷².

Якубова была права, когда писала Ульянову, что решающую роль в развенчании народничества сыграла не столько идейная полемика, сколько реальный выход на политическую арену не «героев», а «толпы». Но эту истину сделала очевидной для всех именно полемика вокруг данных проблем. И социал-демократы одержали верх «в словах» именно потому, что уловили новый вектор исторического развития в самой жизни.

Здесь, в Мюнхене, Ульянов вернулся к размышлениям на эту тему в связи с совершенно конкретным поводом. В начале сентября от Мартова приехал в Цюрих рабочий Виктор Ногин, сосланный в Полтаву за участие в питерских стачках. Он привез для «Искры» обширную корреспонденцию Осипа Ерманского, основанную на свидетельствах самих рабочих, о знаменитой маевке 1900 года в Харькове. Предполагалось, что корреспонденция будет сокращена до размеров обычной газетной информации, но Владимир Ильич настоял на публикации всего полученного материала отдельной брошюрой, к которой он написал предисловие.

Для России эта маевка стала поистине выдающимся событием. Впервые многотысячные толпы рабочих появились с красными знаменами на улицах большого губернского города. Социал-демократы были признанными руководителями этого выступления. На митингах открыто провозглашались требования 8-часового рабочего дня, политической свободы, гарантий неприкосновенности личности. «Сказка о том, – написал

Ульянов, – будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы... – эта сказка решительно опровергается харьковской маевкой».

Но эта маевка наглядно показала и слабость организации социал-демократов. Они планировали собрать все рабочие колонны на Конной площади, где и должен был состояться главный митинг. Однако полиции, получившей сведения об этом замысле, удалось разъединить и заблокировать отдельные группы манифестантов. А у социал-демократического «штаба» маевки не хватило сил, а главное – умения прорвать полицейские кордоны, повести рабочих по иным маршрутам к новому месту общего сбора.

Все перипетии харьковских событий лишний раз доказали, пишет Ульянов, что «не о проведении искусственно сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании “чисто рабочей” организации, а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего». Ибо события показали, что организация революционеров обязана быть вполне профессиональной в том смысле, что она «должна соединить в себе социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим».

Одновременно с работой о харьковской маевке Ульянов пишет для первого номера «Искры» передовую статью «Насущные задачи нашего движения». И в ней – те же сюжеты, что и в предисловии к брошюре.

«Русская социал-демократия, – отмечал он, – переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания». И колебания эти вызывает проблема взаимоотношений между социалистической интеллигенцией и рабочим движением. Разрыв между ними существовал во многих странах, и в каждой он разрешался «особым путем, в зависимости от условий места и времени». Одно было

несомненным: «во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения...»

Специфические условия развития российского революционного движения также «породили увлечение одной стороной движения. "Экономическое" направление (поскольку тут можно говорить о "направлении") создало попытки возвести эту узость в особую теорию», привело к ослаблению «связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией как передовым борцом за политическую свободу». И опыт уже свидетельствует о том, что именно в России «оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие».

В этой связи Ульянов формулирует вывод, который ляжет потом в основу его работы «Что делать?» (1902): «Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: "освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих"».

С этой точки зрения определял он и место рабочих в самой партии. Соединение социал-демократической интеллигенции с рабочим движением отнюдь не предполагает того, что интеллигенты возьмут на себя роль руководителей, а рабочим останется лишь удел «ведомых». «Ни один класс в истории, — пишет Ульянов в передовой первого номера "Искры", — не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей...»

Бездну остроумия проявили его противники, доказывая, что социал-демократические организации той поры состояли исключительно из интеллигентов, весьма далеких от рабочей массы. А ведь достаточно посмотреть списки репрессированных активистов «Союза борьбы», чтобы увидеть, каков был удельный

вес рабочих в организации: из 74 осужденных – 28 интеллигентов и 46 рабочих, то есть 63 %.

Кроме того, существуют репрезентативные общероссийские подсчеты Марка Волина, которые говорят о том, что на рубеже века рабочие составляли 61 % всего состава социал-демократических групп. Это был цвет российского пролетариата: 48 % из них являлись металлистами, 18 – текстильщиками, 10 % – полиграфистами и т. д. Интеллигенты составляли 36 % членов партии. Из них 40 % являлись студентами и учащимися, 21 – учителями, 20 % – медиками и т. д. Социал-демократы были молоды – четверть из них не достигла и 20 лет; от 21 до 25 лет – 40 %; от 26 до 30 – свыше 21 %⁵⁷³.

Кто-нибудь опроверг эти данные? Никто. Стало быть, как говаривал один литературный персонаж, «даже самое блистательное остроумие бессильно против фактов». И прав был Ульянов, когда написал в «Искре», что «борьба русских рабочих за 5–6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе»⁵⁷⁴.

Ульянов отметил одну характерную особенность харьковского выступления. В выдвинутых манифестантами лозунгах политические требования, признанные всем международным социалистическим движением и обращенные к государственной власти, сочетались с мелкими, сугубо экономическими требованиями к хозяевам о частичных улучшениях на отдельных предприятиях. Такое сочетание харьковские социал-демократы, дабы их не заподозрили в «экономизме», сочли проявлением слабости маевки и признали своей недоработкой. Ульянов в общем согласился с ними, хотя и сделал оговорку, что между теми и другими требованиями есть несомненная внутренняя связь.

Пройдут годы, и, анализируя опыт пролетарской борьбы, Ульянов придет к выводу, что на самом деле речь идет не о переходной, а о новой форме движения – массовой

революционной стачке, которая именно благодаря сочетанию разнородных требований будет втягивать в борьбу и сплачивать самые различные по уровню сознания пролетарские слои, выбрасывать самые «крамольные» лозунги на улицу, в народ. Такая стачка станет мощным орудием воздействия на все «общественное мнение» и непосредственным предвестником революционной бури.

Владимир Ильич приводит эпизод маевки, когда на вопрос фабричного инспектора, что, собственно, нужно рабочим, из толпы раздался одинокий крик: «Конституции!» Сам корреспондент назвал данный ответ «полукомичным». А Владимир Ильич по этому поводу замечает: «Собственно говоря, ничего смешного в таком ответе не было: смешным могло показаться только несоответствие этого одиноко заявленного требования изменить весь государственный строй с требованиями сократить на полчаса рабочий день и производить в рабочие часы получку. Но связь между этими последними требованиями и требованием Конституции есть несомненно, и если мы добьемся (а мы несомненно добьемся этого), чтобы эту связь сознали массы, то крик: "конституции!" будет уже не одинок, а раздастся из уст тысяч и сотен тысяч, и тогда этот крик будет уже не смешным, а грозным».

И в передовой первого номера «Искры» Ульянов пишет: «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса – наша главная и основная задача». Помнить об этом необходимо и потому, что именно данная цель определяет выбор средств – конкретных форм и методов борьбы.

«Социал-демократия, – отмечает Владимир Ильич, – не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, – она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях»⁵⁷⁵.

Значит ли это, что для достижения великой и праведной цели возможно использование любых, в том числе «неправедных», средств, или, как говаривали иезуиты, «цель оправдывает средства»? Обвинение марксистов со стороны их противников именно в этом грехе столь же популярно, сколь и – по крайней мере, в сфере теории – неосновательно.

О том, что отнюдь не любые средства способны привести к намеченной цели, писал еще Маркс: «Цель, для которой требуются неправо́ые средства, не есть правая цель...»⁵⁷⁶ И это было не декларацией о «добрых намерениях», а пониманием той элементарной истины, что иезуитская мораль, ориентированная на сиюминутный результат, в конечном счете нецелесообразна и «непрактична».

Маркс и Энгельс подчеркивали тесную взаимозависимость методов борьбы и ее конечных результатов. Соотношение между средствами и целью в политической борьбе, указывали они, аналогично соотношению между результатом и методом его получения в научном исследовании. «Не только результат исследования, – писали они, – но и ведущий к нему путь должен быть истинным».

Казалось бы, стоит лишь составить список средств «правых» и «неправых» и действовать сообразно этому списку, как проблема будет решена. Но в том-то и дело, что использование того или иного средства, рассматриваемое абстрактно, не может быть оценено на все случаи жизни как добро или зло.

Зло или благо – нож, режущий тело человека? В руках бандита и насильника – безусловное зло. Точно так же, как и насилие, взятое само по себе, есть средство «неправое». Но когда приходится прибегать к таким средствам не потому, что они заданы внутренними целями данного движения, а навязаны конкретными обстоятельствами борьбы, тогда употребление насилия может стать «правым средством», как становится благом нож хирурга, спасающий человеческую жизнь.

В «Сказании о Флоре» В. Короленко справедливо заметил: «Сила руки не зло и не добро, а сила; зло же или добро в ее применении. Сила руки – зло, когда она подымается для грабежа

и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего – она добро».

Самое сложное состоит, вероятно, в том, что реальный выбор форм борьбы приходится делать не из какого-то списка «добродетельных» средств, а из того, что есть, то есть из самого движения. А оно зачастую рождает заведомо «дурные» и явно нецелесообразные формы. Поэтому задача революционера, полагал Ульянов, состоит в том, чтобы не плестись в хвосте движения, а активно участвовать в выработке средств борьбы, облагораживать их своим влиянием, выступать против нецелесообразных средств во имя целесообразных и «правых».

Это пространное отступление вызвано исключительно тем, что именно данную проблему совершенно запутали в современной литературе и коммунисты, и антикоммунисты. Для первого поколения российских социал-демократов, для многих читателей «Искры», воспитывавшихся на трудах Маркса, Энгельса, Каутского, Плеханова, все эти рассуждения были вполне очевидны.

Поэтому, когда в передовой первого номера «Искры» Ульянов написал, что все средства и формы борьбы должны соотноситься с целью – «содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса», что «всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению», – читателям газеты был вполне понятен предмет разговора.

Прочитав предисловие к брошюре о харьковской маевке, Павел Борисович Аксельрод написал Ульянову: «Предисловие прекрасное, два раза прочел – и оба раза очень понравилось. Почти жалею, что оно так приурочено к брошюре-корреспонденции, что не может быть напечатано в газете, как самостоятельная статья...»

Но еще более ему понравилась ульяновская передовица для «Искры»: «„Наши задачи“ (Ваша передовица) подействовали на меня как живительная струя свежей воды – именно своим тоном, языком, словом, литературной формой... Я сразу почувствовал

себя в грамотной компании» И, выражая сомнения относительно популярности собственной статьи, добавил: «Насколько она резко отличается от других статей газеты и явится ли она среди них диссонансом, это Вы гораздо лучше меня можете судить. Да и вообще, я-то, в сущности, руководствуюсь довольно смутным представлением о наших читателях, скорее воспоминанием о впечатлениях из моего давнего опыта».

Выход газеты 11 (24) декабря 1900 года стал праздником для всех «искровцев». Три статьи Ульянова, две – Мартова, статьи Аксельрода, Раковского, обширная хроника рабочей жизни и освободительного движения. После года напряженной работы, собирания сил, средств, опасных разъездов по России, арестов многих соратников и коллег – дело было сделано. Со временем это событие войдет и в историю страны. Но пока.

«Если предприятию [“Искре”], – написал Ульянов Аксельроду, – суждено иметь успех, то мой прежний “оптимизм” насчет этого условия изрядно поколеблен “прозой жизни”». Эта «проза жизни» несколько подпортила праздник.

16 (29) декабря в Мюнхен приехал Струве.

«Вы должны быть сильны»

После выхода первого номера «Искры» стало очевидным, что для ее дальнейшего выпуска не хватает, во-первых, денег, а во-вторых, «политических» материалов. Дело в том, что по социал-демократическим каналам шла корреспонденция, касавшаяся в основном рабочего и социалистического движения. Информации, отражающей общественно-политическую жизнь России, было явно недостаточно.

Во время ноябрьских встреч Потресова со Струве в Петербурге Петр Бернгардович намекнул, что он знает, как решить эту проблему и обеспечить издания и деньгами, и соответствующими материалами, что у него есть связи с самыми высокими учреждениями, откуда возможно получение

сенсационных документов. Потресов вернулся в Мюнхен, окрыленный этими обещаниями.

«Оказалось, – пишет Ульянов, – как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву [Потресову] очень уж хотелось того, чем “манил” близнец [Струве], именно политического материала, корреспонденций etc. [и так далее], а “чего хочется, тому верится”, и Арсеньев верил в возможность того, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного *modus vivendi* [способа ужиться] с ним»⁵⁷⁷.

В самом начале разговора, состоявшегося 16 (29) декабря, Владимир Ильич стал спрашивать Струве, как он мыслит себе дальнейшие отношения, будет ли сотрудничать в «Искре» и «Заре». Петр Бернгардович ответил «с полной решительностью, что для него это психологически невозможно работать на журнал, в коем его “разделяют под орех” (буквальное его выражение), что не думаем же мы, что мы будем его ругать, а он нам будет “политические статьи писать” (буквально!), что о сотрудничестве могла бы идти речь только при условии полной равноправности... что раньше он хотел ограничиться ролью “благожелательного пособничества”, а теперь он не намерен ограничиться этим»⁵⁷⁸.

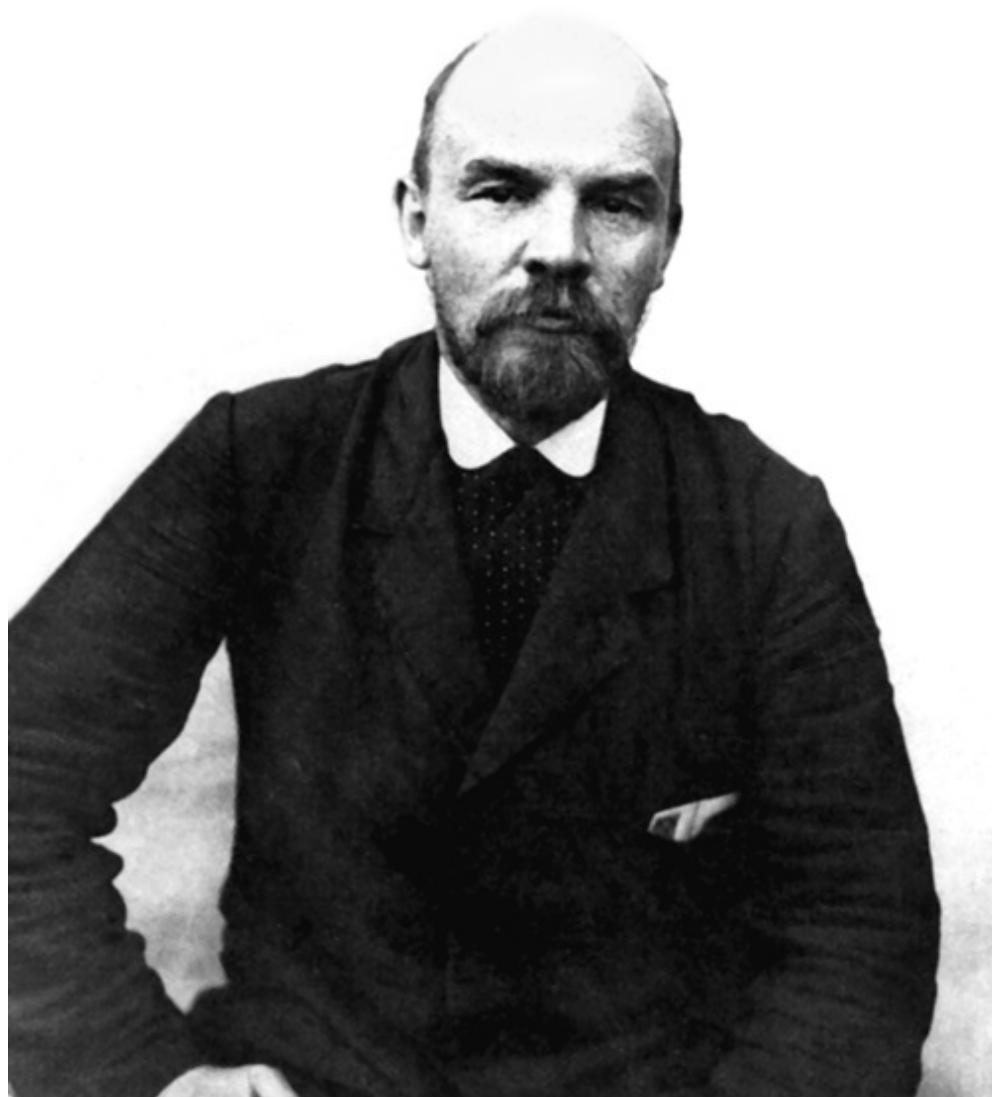
Что же произошло? Почему то, что было приемлемо в марте, стало невозможным в декабре? Ведь критика в адрес Струве и других «критиков» была и раньше.

Отвечая на этот вопрос, некоторые исследователи указывают на «борьбу за власть» в социал-демократическом движении, в особенности на «жажду власти» со стороны Ульянова и на прочие мелкие, корыстные мотивы личного свойства.

Между тем суть конфликта выходила далеко за рамки личностных отношений и лежала совсем в иной плоскости.

С 1899 года возобновилось довольно бурное студенческое движение. В Петербургском университете дело дошло до стычек с полицией. Зашевелились земцы. В том же 1899 году они основали общество «Беседа», которое стало налаживать

общероссийские связи. Но власть имущих гораздо больше пугало другое. При опросах, проводившихся правительственными чиновниками, помещики в один голос твердили: «Не городские, не фабричные и даже не столичные беспорядки опасны для государства, опасность *глядит из деревни*»⁵⁷⁹. Пройдет немногим более года – и весной 1902-го вспыхнут крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губерниях. Волнения перекинутся в Центрально-Черноземный район, Поволжье, Грузию. И запылают помещичьи усадьбы.

Владимир Ленин в Поронине, Польша.

Август 1914 года

Струве был убежден, что время революций прошло, что «с теоретической точки зрения социальная революция не только неверна и бесполезна – она вводит в заблуждение». Единственно перспективный путь – реформы. Они «вовсе не представляют собой “жалкого штопанья”, а, наоборот, являются лишь звеньями в той органической цепи форм, которая ведет от одной общественно-экономической формации к другой»⁵⁸⁰.

Никто не спорил о том, что реформы нужны и полезны, что «мирный путь», как отмечал и сам Ульянов, предпочтителен⁵⁸¹. Но были ли реальные основания для надежд на реформы сверху? И не в Германии или Франции, не вообще, а конкретно в России? Ибо даже самая правильная мысль, выведенная за рамки определенных условий, становится пошлостью.

В ответ на студенческие беспорядки 1899 года правительство ответило «временным положением», позволявшим за «учинение скопом беспорядков» исключать из учебных заведений и сдавать в солдаты. В ответ на робкие протесты земцев и попытки объединения правительство отправило ряд видных земцев в отставку и урезало финансовые права самих земств. В докладной записке Витте государю было вообще предложено ликвидировать земства как противоречащие самой идее самодержавия. А когда в Харьковской и Полтавской губерниях начались волнения, туда двинули около 10 тысяч солдат и более тысячи крестьян отдали под суд.

Позднее уступки были сделаны – крестьянам обещали облегчить выход из общины, отменили круговую поруку. Но все это лишний раз убеждало в том, что реформы могут стать не результатом доброй воли монарха, а лишь следствием революционной борьбы, что правительство уступает только силе. А заглядывая в будущее, можно добавить, что элементарные политические свободы, Государственная дума появятся в России лишь *после* того, как рабочие возьмутся за оружие, а пламя крестьянских восстаний охватит чуть ли не всю страну.

Тогда, вспоминая слова Маркса «слабость всегда спасалась верой в чудеса», Владимир Ильич, обращаясь к рабочим, напишет: «Революция есть удел сильных!» «Если вы хотите революции, свободы... *вы должны быть сильны...* Слабые всегда будут рабами»⁵⁸².

А для того чтобы стать силой, полагал он, необходимо не только сплочение и избавление пролетариата от экономического рабства, но и освобождение его от рабства духовного.

Никто не повинен в том, что он родился рабом. Но есть рабы и рабы... «Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, – напишет позднее Владимир Ильич, – есть просто раб». Раб, довольный своей рабской жизнью, своим «добрым и хорошим господином, есть холоп, хам». Наконец, «раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер»⁵⁸³.

Причем именно политическая борьба, сплочение на почве общественных устремлений возвышает рабочего над его сугубо частным, эгоистическим интересом, расширяет кругозор, пробуждает ум, совесть, чувство собственного достоинства, способствует осознанию общности народных интересов – все то, без чего немыслимы ни развитие самого человека, ни прогресс человечества.

Путь революционной борьбы был для Струве неприемлем. Поэтому он искал контактов с либеральными земцами, встречался с Шаховским, Родичевым. Еще в конце 1899 года он стал сотрудничать в газете «Северный курьер», основанной князем В.В. Барятинским⁵⁸⁴. Его статьи встречали в либеральных кругах благожелательный отклик. И когда земцы стали вынашивать планы создания своего печатного органа за рубежом, на должность главного редактора этого издания котировались две кандидатуры: Милюкова и Струве⁵⁸⁵.

После «блинов» у Классона, где собирались малоинтересные для Петра Бернгардовича инженеры-технологи и эсдеки-подпольщики, после аудиторий, где ему рукоплескали

желторотые студенты и курсистки, перед Струве открывались совершенно иные возможности. Имена тех, кто входил в «Беседу», знала вся Россия: Петр и Павел Долгоруковы, Е.Н. и С.Н. Трубецкие, П.С. Шереметьев, Д.И. Шаховской, Ю.А. Новосильцев – все они были известны не только своим аристократическим происхождением, но и богатством.

Трудно сказать, знал ли об этих новых возможностях, открывающихся перед ним, сам Струве или нет (при его связях и информированности, видимо, что-то знал), но теперь роль «второй скрипки» в социал-демократическом оркестре его уже никак не могла прельстить.

Мало того, причастность к социал-демократам начинала мешать. И сам он позднее написал: «Я вполне осознавал, что мое влияние как среди либералов, так и среди демократов уменьшится или даже сведется к нулю, а то и скатится в минус, если я присоединюсь к "ортодоксалистам". Именно поэтому я был таким решительным и твердым».

Благодаря фундаментальному исследованию Ричарда Пайпса сегодня можно проследить буквально каждый шаг эволюции Струве. И все-таки один вопрос остался открытым: *побудительные мотивы*. Пайпс многократно ссылается на мемуары князя Владимира Андреевича Оболенского, дружившего со Струве более 40 лет. Однако один из фрагментов этих воспоминаний, отвечающий как раз на данный вопрос, он оставил без внимания.

«Не столько искание правды и справедливости, – пишет Оболенский, – привели [Струве] к марксизму, сколько его увлекла теоретическая стройность и схематическая логичность этого учения... Человеческая толпа и ее поклонение никогда не увлекали Струве, что не мешало ему быть в известной мере честолюбивым человеком. Но честолюбие его было особенным. Оно влекло его к отталкиванию от трафаретно мыслящей толпы, к оригинальности и парадоксальности. Идя против господствующих течений с нарочитой резкостью, он возвышал себя над толпой, находя в этом удовлетворение своему честолюбию. Такому человеку подлинный демократизм

органически чужд, и если Струве был когда-то демократом и социалистом, то лишь случайно, встретившись с этими доктринами на путях своего мышления».

Когда в ноябре, будучи в Петербурге, Потресов дал Струве и Тугану прочесть «Заявление редакции "Искры"», Туган заявил, что больше не желает иметь дел с социал-демократами. Но Струве не стал «хлопать дверью». Он решил уйти, но попытавшись кое-что прихватить с собой, а именно – саму организацию заграничного издания с прочной полиграфической базой в Германии, связи и транспорт, то есть те элементы, которых так не хватало либералам.

Из питерских разговоров с Потресовым Струве понял, что «Искра» и «Заря» находятся в трудном положении. И он решил не церемониться. «Он приехал *с полной уверенностью в нашем бессилии* – так формулировал сам Арсеньев результаты переговоров, и это формулирование было совершенно верно. Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи...*»⁵⁸⁶ Он заявил, что отныне роль сотрудника его уже удовлетворить не может и он желает быть редактором. Но не «Искры» и не «Зари», а нового – третьего издания, журнала «Современное обозрение».

По его замыслу, «Заря», где главную роль должен был играть Плеханов, будет журналом сугубо теоретическим. «Искра», коей руководит Ульянов, станет более «популярной» по форме и более «рабочей» по содержанию. А «Современное обозрение» сосредоточится на общественно-политической тематике, причем и «Искра», и «Заря» должны «давать в этот орган и весь свой общеполитический материал». Оговаривалось и особое условие: «на обложке ["Современного обозрения"] не должно стоять ничего социал-демократического, ничего указывающего на нашу фирму...»⁵⁸⁷

Даже после пяти лет достаточно сложных деловых и личных отношений такой поворот оказался для Ульянова полной неожиданностью. «По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, – пишет Владимир Ильич, – что близнец идет к нам. И именно это собрание окончательно и

бесповоротно опровергло такую веру. Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя "политиком" чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом»⁵⁸⁸.

Струве разговаривал как хозяин, обладающий достаточными силами и средствами, чтобы настоять на своем. Но делал он это не так, как сделал бы хамоватый торгаш или наглый в своей безнаказанности жандарм. Наоборот. Петр Бернгардович был предельно любезен. И в этом было нечто знакомое, описанное еще Тургеневым.

Милейший помещик, почти либерал Аркадий Павлыч Пеночкин из рассказа «Бурмистр» никогда лично не порол на конюшне своих мужиков; даже делая заведомую пакость, не устраивал скандалов и не повышал голос.

В одном из ближайших номеров «Искры» Ульянов напомним этот образ читателям: «Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголоса сделанным замечанием через одетого во фрак и белые перчатки лакея: "Насчет Федора... распорядиться"»⁵⁸⁹.

Вот и тогда – в декабре 1900 года – Струве совершил свой «поворот» вполне изящно и элегантно, «проделал это, – как пишет Ульянов, – в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего "критика"»⁵⁹⁰.

Если бы речь шла о том, чтобы потесниться на социалистическом Олимпе, переделить «генеральские чины», то тут можно было вести переговоры, добиваться взаимоприемлемых решений. Именно так, между прочим, поняли ситуацию Засулич и Потресов, которые стали выяснять, уговаривать Струве и т. п. Между тем разговор о «чинах» служил лишь прикрытием. Ибо осуществление проекта Струве означало лишь одно: вся политическая проблематика, обращенная к другим классам и воздействующая на «общественное мнение» страны, перекочевала бы из «Искры» и «Зари» в несоциал-

демократический, либерально-буржуазный орган. В этом и заключалась вся суть.

Когда имеешь дело с людьми такого рода, очень важно, не поддаваясь на их риторику и дипломатические уловки, сразу вытащить наружу существо проблемы. Ульянов ничего не знал о закулисных перипетиях, происходивших в стане либералов. Но суть он ухватил сразу. «Я прямо сказал, – пишет Владимир Ильич, – что об основании 3-его органа не может быть и речи, что дело сводится тут к вопросу о том, социал-демократия ли должна вести политическую борьбу или либералы самостоятельно и самодовлеюще (я выразился яснее и определеннее, точнее). Близнец понял, озлился и заявил, что после того, как я высказался с *aner kennenswerter Klarheit* [с заслуживающей признательности ясностью] (буквальные слова!), нечего и говорить об этом. На близнеца наседали еще Арсеньев и Велика [В.И. Засулич], требовали от *него* объяснений, спорили, я больше молчал, смеялся (так, что близнец ясно это видел)»⁵⁹¹.

В ходе последующих переговоров напор Потресова и Засулич дал свои результаты – Струве уступил и согласился на обложке «Современного обозрения» напечатать: «Приложение к социал-демократическому журналу “Заря”». И Засулич, Потресов, а потом и Аксельрод уже праздновали победу – «наша взяла».

Ульянов обратился за поддержкой к Плеханову. Причем в письме к нему он называл Струве уже не «близнецом», как прежде, а так, как именовал его в переписке сам Плеханов, – Иудой. Для них он окончательно стал теперь не «заблудшим товарищем», а ренегатом.

«Дело ясное, – писал Владимир Ильич, – конкуренция направляется не столько против “Зари”, сколько против “Искры”: то же преобладание политического материала, тот же газетный характер – *обозрение* текущих событий... Мы будем бегать по исполнению поручений Иуды, который своим хозяйничаньем в “Современном обозрении” сделает великолепную либеральную карьеру и попытку оттереть не только тяжеловесную “Зарю”, но и “Искру”. Мы будем бегать, хлопотать, корректировать, перевозить, а его сиятельство г. Иуда будет *redacteur en chef*

[главным редактором] наиболее влиятельного (в широком so genannten [так называемом] «общественном» мнении) журнальчика. Спрашивается, неужели пресловутая “гегемония” социал-демократии не окажется при этом простым saß'ом [лицемерием]?..

Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день». Иными словами, «мы продаем право нашего первородства за чечевичную похлебку и оказываемся genasfuhrt [водимыми за нос] Иудой».

Тут может возникнуть ряд вопросов. Почему, например, разногласия с Якубовой не влекли за собой разрыва личных отношений, а здесь, со Струве, надо было рвать? Почему, когда в Пскове договаривались со Струве о сотрудничестве и ему предлагалась роль «второй скрипки», это не считалось зазорным? Так почему бы теперь, точно так же, не перейти на вторые роли и самому Ульянову?

Во-первых, потому, что и в том, и в другом случае отношения устанавливались и выяснялись открыто, без каких-либо умолчаний. Здесь же речь шла об интриге. Во-вторых, – и это главное – и в том, и в другом случае, при всех разногласиях предполагалась принадлежность сторон к одному лагерю, и все «разночтения» возникали все-таки на почве «общего дела».

Ведь в чем проблема лебедя, рака и щуки в крыловской басне? Совсем не в том, что лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду. Иначе быть и не могло. По-другому они просто не могут. Проблема в другом, в том, что они взялись вместе тащить один воз.

Бывают случаи, когда люди ссорятся и расходятся не из-за «жажды власти» или врожденной склонности характера, а по иным – принципиальным мотивам.

«Я был бы совсем плохим социал-демократом, – писал Плеханов, – если б не признавал самой полной свободы теоретического исследования. Но я был бы столь же плохим социал-демократом, если б не понимал, что *свобода исследования* должна сопровождаться и дополняться *свободой группировки людей сообразно их взглядам*.

Я убежден, – и можно ли не быть убежденным в этом? – что люди, расходящиеся между собой в основных взглядах в теории, имеют полное право разойтись между собой также и на практике, т. е. сгруппироваться по разным лагерям. Я убежден даже в том, что бывают такие “ситуации”, когда *они обязаны это сделать...*»⁵⁹²

Так и в данном случае, речь шла не о терпимости по отношению к иным взглядам и не о том, «кто главнее», а о переходе Петра Бернгардовича совсем в другой лагерь и невозможности, таким образом, тащить вместе с ним один воз. А поскольку как раз перед этим Струве клялся в верности РСДРП и никто при этом за язык его не тянул, то в данном случае можно было говорить и об *измене*. И у Плеханова были основания назвать его *Иудой*⁵⁹³.

Сам Струве, между прочим, это прекрасно понимал. Когда позднее он вновь приехал в Мюнхен и на встречу с ним пошла только Крупская, «он говорил о том, что его считают ренегатом, и еще что-то в том же роде, издевался над собой». Надежда Константиновна пишет: от свидания этого «пахнуло какой-то тяжелой достоевщиной»⁵⁹⁴.

Владимир Ильич предложил Плеханову поднять против Струве «знамя восстания. Лучше разрыв [со Струве], чем это фактическое подчинение программе Credo наряду с громкими фразами против cred’изма». Ультиматума он, впрочем, не ставил: «Если большинство выскажется за, – я, конечно, подчинюсь, но только умыв наперед свои руки»⁵⁹⁵.

Однако Плеханов, опасавшийся, что разрыв со Струве блокирует источники финансовых поступлений, ответил: «Обстоятельства таковы, что разрыв *теперь* погубит нас; а *после*

мы посмотрим»⁵⁹⁶. И Ульянов подчинился большинству. Обстоятельства, однако, сложились так, что вскоре после возвращения в Россию Струве был арестован, выслан в Тверь и дело с «Современным обозрением» разладилось само собой. А «Искра» прочно встала на ноги и без помощи Струве.

* * *

Наступавший XX век с самого начала предвещал России великие социальные потрясения. Как заметил один из участников харьковской маевки 1900 года, «рабочие не перестают говорить положительно все, что это только начало, что *будет буря...*» Через пять лет начнется первая русская революция, эхо которой прокатится по всему миру, от Мексики до Китая. Но и на рубеже нового столетия на Руси уже пахло дымом.

«У нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожаров, по земле стелется кровавый туман, дышится и живется трудно, точно перед грозой. Мужик угрюмо молчит, а если заговаривает иногда, то так, что мороз по коже пробирает», – это письмо из Воронежской губернии. А вот письмо из Тамбовской: «Надо уехать, пока совсем не повесили на воротах. Происходит какая-то пугачевщина»⁵⁹⁷. И «*к р а с н о е к о л е с о*» крестьянских восстаний, то ускоряя, то замедляя свой бег, будет катиться по России почти два десятка лет.

Проблема состояла уже не в том, что лучше – реформа сверху или революционная борьба снизу, быть насилию или не быть. Своей репрессивной политикой правительство само поставило насилие в повестку дня.

Неспособность, а главное – нежелание царских властей идти на политический диалог, на уступки сам Струве вскоре почувствовал, как говорится, «на собственной шкуре». Вернувшись в начале марта из Германии в Петербург, он принял участие в демонстрации протеста против сдачи студентов в солдаты.

Демонстранты заполнили всю Казанскую площадь. Начались речи, и на ступеньках собора взвился маленький красный флажок. «В ответ на его мельканье, – рассказывает Ариадна Тыркова, – раздался топот казачьих лошадей. Смутно донеслись слова команды... Отовсюду уже доносились истерические женские голоса. Визг. Вопли.

Манифестанты были, конечно, безоружны. Голыми руками отбивались студенты и студентки от налетавших на них с нагайками казаков. Какая-то девушка схватилась за узду казачьей лошади, повисла на ней. Казак нагайкой сбил с девушки шляпу. Волосы ее распустились. На щеке показалась кровь. Недалеко от меня, защищаясь от нагаек, два студента закрывали лицо руками, по которым текла кровь. Двое городских тащили под руки совсем молоденькую девушку. Она иступленно кричала, отбивалась от них.

Манифестанты понемногу сбивались вместе. Некоторые были без шапок, без шляп. Тут была не только университетская молодежь, но и люди постарше. Среди них я увидела П.Б. Струве. Он был в совершенном иступлении. Увидав Тугана, он бросился к нему и, размахивая руками, захлебываясь кричал:

– Это черт знает что такое! Как они смели? Как они смеют меня, меня по ногам колотить нагайкой! Вы понимаете – меня!..

Он хлопал руками по своему пальто, на котором нагайка оставила грязные следы. Мы все были возбуждены, возмущены тем, что творилось кругом. Но жизнь любит смешивать трагическое и комическое, и, глядя на взлохмаченные рыжие волосы и рыжую бороду Струве, на его искаженное от негодования лицо, слушая его нелепый, нескладный, несколько раз повторенный выкрик – меня! меня! – я чуть не рассмеялась».

Борьба уже началась, и теперь можно было выбирать лишь одну из борющихся сторон. Отрицание борьбы, отказ от насилия против насильников, возведенный в принцип ради спасения собственной души и сохранения внутреннего душевного комфорта, в условиях жесточайших социальных битв вполне мог стать антигуманным и аморальным.

«Искра» опубликовала сатирические стихи Мартова, выступившего под псевдонимом Нарцисс Тупорылов:

Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в заговор нас бьют,
Рабские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:
«Кнут ведь истреплется, скажем народу,
Лет через сто ты получишь свободу».

Отказ от насилия против насильников мог лишь продлить существование таких режимов и таких общественных отношений, которым насилие над человеком сопутствовало неизбежно и неотвратимо. Насилие – дурное средство. Само по себе оно отвратительно. Однако решимость применить его в *правом деле*, в борьбе с насильниками могла стать признаком нравственного мужества.

И вряд ли можно винить теоретиков рабочего движения XIX столетия в том, что XX век круто обошелся со многими благими идеями. Точно так же, как вряд ли стоит бросать Христу обвинение в кровавых крестовых походах или изуверстве инквизиции. Разгадка такого рода метаморфоз лежит, видимо, в тех исторических условиях, которые препятствовали осуществлению и извращали самые благие проповеди. В этом смысле прав был Достоевский, когда устами одного из братьев Карамазовых горько пошутил: если бы Христос опять сошел на нашу землю со своей проповедью, то он вновь был бы распят – и на сей раз уже христианами...

Ульянов сделал свой выбор цели в происходящей борьбе. Отмечая рост ненависти «в массах простого народа» по отношению к власти имущим, он – в который уже раз – напишет, что задача революционеров состоит прежде всего в том, чтобы просвещать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и

веру в свои силы». Только тогда, подчеркивал он, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу».

Все то, о чем спорили еще в кружках, из-за чего, в частности, и рвал Ульянов со Струве: *кто поведет за собой народ, вернее, за кем пойдет народ*, – все это станет уже не предметом книжного знания, а реальностью политической борьбы. И сверхзадача рабочего класса России будет состоять именно в том, сумеет ли он направить «пугачевщину» крестьянской войны в русло общенародного освободительного движения, осознающего свои политические цели. Всемерно содействовать данному процессу, тому, чтобы рабочий класс смог в наступавшую новую эпоху осуществить свою историческую миссию, – в этом, считал Ульянов, и состояла высшая цель социал-демократии.

Как раз за несколько дней до приезда Струве начались рождественские праздники. «Здесь уже Weihnachten [Рождество] – всюду Christbaume [елки], – пишет Владимир Ильич матери 26 декабря, – на улицах в эти дни было необычное оживление... Но только неприятная зима – без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так, какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит... Надоедает слякоть, и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем не похожую на зиму зиму и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью.

Живу я по-старому, довольно одиноко и... к сожалению, довольно бестолково. Надеюсь все наладить свои занятия систематичнее, да как-то не удастся. Пометавшись после шушенского сидения по России и по Европе, я теперь соскучился опять по мирной книжной работе, и только непривычность заграничной обстановки мешает мне хорошенько за нее взяться».

Это было написано 26 декабря. Через несколько дней, после разрыва со Струве, надо было вносить в свои планы определенные коррективы.

За предшествующие пять лет, несмотря на тюрьму и ссылку, ему удалось выйти за рамки подполья, издать ряд научных работ, сделавших его имя и его идеи известными самому широкому – по тем временам – кругу читателей.

Разрыв со Струве рвал и многие нити, связывавшие Ульянова с легальной научной ареной и определенной частью российской общественности. Так что же – добровольная «самоизоляция», «отчужденность» от общества? На этот вопрос он ответил еще в ссылке. «Мне кажется, – писал Владимир Ильич Потресову, – что «отчужденность от общества» отнюдь еще не означает непременно этого «изолирования», ибо есть общество и общество...»

Пройдет совсем немного времени, и в феврале 1903 года Ульянов прочтет четыре лекции по аграрному вопросу в России и Европе в парижской Русской высшей школе общественных наук. Собственно, устроители этой школы – известные русские ученые Максим Ковалевский и Юрий Гамбаров, относившиеся к марксистам неприязненно и вообще избегавшие «политики», приглашали В. Ильина – автора «Развития капитализма в России» и других солидных экономических работ. Лекции прошли с успехом.

«Закончил свою первую лекцию Владимир Ильич, – рассказывает очевидец, – под настоящий гром аплодисментов, перешедших в бурную, длительную овацию, какую стены Школы никогда раньше не слышали». И узнав, что лектор В. Ильин – это и есть чуть ли не главный «подпольщик» В. Ульянов, Максим Ковалевский ужасно огорчился. «А какой хороший профессор мог бы из него выйти», – заметил он. «В устах профессора Ковалевского, – пишет слушатель Школы Григорий Зиновьев, – это была самая высокая похвала».

Но Ульянов давно сделал свой выбор.

Записывая в ночь с 29 на 30 декабря 1900 года свои впечатления о переговорах со Струве, Ульянов констатирует:

«Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собрание... по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой – если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь».

Ульянов знал, что борьба предстоит долгая и отчаянная. В ней нельзя было рассчитывать ни на близкий успех, ни на какую-либо выгоду. И Владимир Ильич считал, что необходимо добиваться «профессионализации» членов партии, то есть «подготавливать людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь». Что касается собственной судьбы, тут было все ясно: «Это – великое дело, – напишет он, – и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать».

Весной 1901 года – с началом XX столетия – он впервые начнет подписывать свои работы новым псевдонимом: ЛЕНИН.

Книга 2

На грани возможного

Глава 1

Возвращение

«Я люблю свою профессию»

В 1902 году, когда Ленин и Крупская жили в Лондоне, они нередко заходили в тамошний зоопарк и, как рассказывала Надежда Константиновна, подолгу простаивали перед клеткой белого волка. Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, объяснил нам сторож. Только белый волк с Русского Севера никогда не привыкает к клетке – и день, и ночь бьется о железные прутья решетки. Этого русского волка Крупская и вспомнила спустя 15 лет, зимой 1916/17 года, в Цюрихе...⁵⁹⁸

«В половине февраля [1916 года], – пишет Крупская, – Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе...

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку. Объяснялось это тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел»⁵⁹⁹.

Жилье сняли у семьи социал-демократа сапожника Каммерера в старом – чуть ли не XVI века – мрачном доме. Комната была длинной, неудобной, с окном, выходившим во двор. А так как в подвале работала еще и колбасная фабрика, то со двора воняло тухлятиной и форточку открывали только ночью. «Можно было, – пишет Надежда Константиновна, – за те же деньги получить лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами...

Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной – жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой – какой-то итальянец, в третьей – австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой – мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло...»⁶⁰⁰

Первые пару месяцев продолжали ходить к фрау Прелог обедать. После смерти в марте 1915 года Елизаветы Васильевны – матери Надежды Константиновны, они питались в Берне в дешевой (65 сантимов за обед) студенческой столовой. И после такой кухни еда венской поварахи очень нравилась. Публика, столовавшаяся у нее, была довольно пестрой. Тут была и больничная сиделка, и проститутка, и какие-то явно уголовные типы. «Очень скоро мы почувствовали, – пишет Крупская, – что попали... в самое что ни на есть цюрихское "дно"... Нас никто не стеснялся, и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля». Но было очевидно, что тут «легко можно влипнуть в какую-нибудь дикую историю»⁶⁰¹, а для эмигрантов это было вдвойне небезопасно.

Поэтому от услуг фрау Прелог пришлось отказаться. Тем более что новая хозяйка, фрау Каммерер, умудрилась научить Надежду Константиновну тому, чему за все годы эмиграции не смогла обучить ее мать: как быстро, дешево и сытно готовить обед и ужин. «Однажды, – рассказывает Крупская, – во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: "Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!" После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату»⁶⁰².

Иногда ходили в гости. В Берне, где рядом жили Зиновьевы, Арманд, Шкловские, это случалось чаще. Особенно привязался Владимир Ильич к Степке – сыну Зиновьевых. И в июне 1916 года, уже из Цюриха, Ленин писал: «...привет Степке, который, должно быть, так уже вырос, что к потолку подбросить я его не

смогу!»⁶⁰³ Ну а в Цюрихе заходили к Харитоновым, дочке которых в феврале 1917 года исполнилось лишь два годика.

В этот день – воскресенье 11 февраля (29 января) – Владимир Ильич и Надежда Константиновна заходя пошли покупать подарок. «В магазине игрушек, – рассказывал потом сам Ленин, – у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. “Купим вон ту красивую куклу”, – говорит Надя. “Нет, не пойдет, – отвечаю я, – не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее”. Продавец все подавал нам игрушки: тут были и зайцы, и кролики, и котята, и мячи и т. д. “Нет, – говорю, – все не то”. Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. “Вот, – говорю я Наде, – эту собачку мы и возьмем!”.

– Ну, какова? Нравится? – Владимир Ильич, вспоминает уже сама Харитонова, при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любуясь ею сам, что мы все пришли в восторг»⁶⁰⁴.

В обычные дни распорядок дня был достаточно однообразным. С 9 часов – библиотека. С 12 до 1 часа, когда ее закрывали на обед, шли домой. К 1 часу вновь возвращались в читальный зал и сидели там до шести, до закрытия. По четвергам, когда библиотека после обеда не работала, уходили на гору – Цюрихберг. «Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов... и мы шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал».

В общем, работал Владимир Ильич много. Здесь, в Цюрихе, он написал для очередных номеров «Социал-Демократа» и «Сборника “Социал-Демократа”» множество статей. Среди них – «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Империализм и раскол социал-демократии», «О “программе мира”», «О сепаратном мире» и др.

Огромное внимание уделял он регулярной переписке с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским и Московским комитетами, ссыльными большевиками в Сибири. Организовывал транспорт нелегальной литературы из-за границы в Россию. Поддерживал связь с лидерами интернационалистов европейских стран. Руководил деятельностью Бюро «циммервальдской левой». В апреле 1916 года участвовал в работе международной социалистической конференции в горной деревушке Кинталь. Выступал на интернациональных митингах и собраниях. Ездил с рефератами...

В первый год войны проблемы «финансов» не было. В апреле 1913 года у Елизаветы Васильевны Крупской умерла в Новочеркасске сестра – О.В. Тистрова, классная дама, скопившая за 30 лет педагогической деятельности 4 тысячи рублей. Эту сумму, вместе с серебряными ложками, иконами, она завещала Елизавете Васильевне. Денежную часть наследства перевели в один из банков Кракова, где жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Однако с началом войны – как имущество подданных враждебной страны – эти деньги подлежали секвестру. Лишь с помощью ловкого венского маклера, взявшего за услуги половину, оставшиеся две тысячи удалось получить. На эти деньги, вспоминала Крупская, они и жили⁶⁰⁵.

Однако уже в конце 1915 года Надежда Константиновна пишет М.И. Ульяновой: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро... Надо думать о литературном заработке»⁶⁰⁶.

Как раз в это время Владимир Ильич завершил работу над книжкой «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в США». В ней анализировались новейшие статистические данные, полученные им из Америки. В начале 1916 года работа была отправлена в Петроград А.М. Горькому для ее легального издания. Туда же послали и объемистую брошюру Крупской «Народное образование и демократия», в которой европейская школа

критиковалась за «обезличивание ученика» и подавление его способности к самостоятельному мышлению.

Владимир Ильич принялся за продолжение своего исследования, за второй выпуск – о земледелии Германии и Австро-Венгрии. Но вскоре выяснилось, что эту работу следует отложить, ибо есть более реальный и срочный заказ.

В конце 1915 года Горький написал в Париж Михаилу Покровскому, что петроградское издательство «Парус» намерено выпустить серию брошюр «Европа до и во время войны». И Алексей Максимович предлагал большевикам-эмигрантам взять авторскую работу на себя. Предложение приняли: Покровский и Лозовский должны были писать о Франции, Ротштейн – об Англии, Луначарский – об Италии, Ларин – о Германии, Зиновьев – об Австро-Венгрии, Павлович – о внеевропейских странах. «Но сразу, – вспоминал М.Н. Покровский, – стал вопрос о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии: брошюре об империализме. И ясно было с первого же взгляда, что кроме Ленина некому ее писать»⁶⁰⁷.

Владимир Ильич согласился, ибо тема была для него не новой. Еще в шушенской ссылке он штудировал новейшую литературу об эволюции современного капитализма. Писал об этом статьи. В 1904 году переводил книгу Д.А. Гобсона «Империализм». А оказавшись вновь в Швейцарии, приступил к изучению данного круга проблем в бернских, а затем цюрихских библиотеках. Поэтому уже 11 января 1916 года Ленин написал Горькому: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме»⁶⁰⁸.

Объем работы, проделанной им, трудно учесть – среди новейшей литературы было множество дилетантского хлама, который отбрасывался сразу. Но в 20 «Тетрадах по империализму» содержались выписки: из 148 книг (в том числе 106 на немецком языке, 23 – на французском, 17 – на английском и 2 в русских переводах); из 232 статей (206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских, 8 английских)⁶⁰⁹.

В июне 1916 года работа «Империализм как новейший этап капитализма» была завершена. Пожалуй, главная трудность заключалась в том, чтобы уложить собранный материал в рамки пятилистной книжки, сохраняя при этом легальность и популярность жанра. И когда издатели, вопреки прежней договоренности, потребовали – по примеру других брошюр – сократить объем работы до трех листов, Владимир Ильич отказался. «Весь материал, план и большая часть работы, – пишет он Покровскому, – были уже окончены по заказанному плану на 5 листов (200 страничек рукописных), так что сжать еще раз до 3-х листов было абсолютно невозможно... Подзаголовок “Популярный очерк” безусловно необходим, ибо ряд важных материй изложен применительно к такому характеру работы... Из всех сил применялся к “строгостям” [цензуре]: трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!»⁶¹⁰

2 июля он посылает рукопись заказной бандеролью Покровскому во Францию. И как раз именно в это время болезнь Крупской, ее, как она выражалась, «базедка», вновь обострилась, и надо было немедленно ехать в горы. Буквально через несколько дней они отправились в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха, и поселились километрах в восьми от станции Флумс, в доме отдыха Чудивизе, совсем близко к снежным вершинам.

«Дом отдыха, – вспоминала Надежда Константиновна, – был самый дешевый, 2½ франка в день с человека... Утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед – молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером еще что-нибудь молочное. Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве.

Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим, и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал

мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок»⁶¹¹.

Они много гуляли по горным тропам. Владимир Ильич обговаривал свои статьи, а потом садился и записывал их. Самочувствие Надежды Константиновны значительно улучшилось, и они уже думали о возвращении в Цюрих⁶¹². Но пришло печальное известие...

25 (12) июля 1916 года, на даче в Больших Юкках, близ финской границы, на руках у Анны и Марии, на 82-м году жизни скончалась мать – Мария Александровна Ульянова. Тело ее перевезли в Петроград и похоронили рядом с могилой дочери Ольги. Гроб несли Марк Елизаров и Владимир Бонч-Бруевич. Владимир Ильич наверняка вспомнил, как за четверть века до этого, 10 мая 1891 года, он шел за гробом Ольги, поддерживая под руку тихую, натянутую, как струна, мать. Они шли «молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека]... Когда идешь за покойником, – писал тогда Владимир Ильич, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления...»⁶¹³

Вот и теперь, получив известие о смерти матери, он не стал никому сообщать об этом. Ему не хотелось слушать ни слов сожаления, ни слов сочувствия. Владимир Ильич написал лишь два письма сестрам в Питер, и «видно было, – вспоминала Анна Ильинична, – какая тяжелая это была для него утрата, как больно он ее переживал и сколько нежности проявил к нам, тоже подавленным этой кончиной»⁶¹⁴.

Психологи знают – наилучший выход из стрессового состояния дает работа. Поэтому в Цюрих решили пока не возвращаться, а остаться здесь – в Чудивизе. «В доме отдыха, –

пишет Крупская, – где цена за содержание 2½ франка с человека, “порядочная” публика не селилась». А от швейцарских трудяг, с их сдержанностью и тактом, можно было не опасаться ни досужих расспросов, ни навязчивых собеседников.

И опять они бродили вдвоем по безлюдным горным тропам. И вновь он обговаривал свои статьи. Потом, вернувшись, садился к окну и убористым почерком записывал их. Дом был старый, деревянный, со скрипучими ступеньками. А под окном по вечерам «хозяйский сын играл на гармонии, и отдыхающие плясали во всю. Часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих»⁶¹⁵. Но беспокоило совсем не это...

В августе Юрий Пятаков, которому в те дни исполнилось 26 лет, прислал статью «Пролетариат и “право наций на самоопределение...”». Владимир Ильич был рад, когда Пятаков и Евгения Бош, бежавшие из сибирской ссылки через Японию и США, в феврале 1915 года появились в Берне. Вместе с Лениным «японцы» стали издавать журнал «Коммунист». Но вскоре стало очевидным, что по ряду вопросов их позиции расходятся. Началось выяснение отношений. И присланная Пятаковым статья показала, что «молодые» абсолютно не воспринимали критики, а часто и не вполне понимали ее. «Говорим мимо друг друга»⁶¹⁶, – заметил Владимир Ильич. Было в этом что-то от молодости, но гораздо больше – от теоретического дилетантизма.

Если суммировать статьи и письма Ленина и его оппонентов, то суть разногласий состояла в следующем...

То, что в империалистическую эпоху рамки демократических свобод, как правило, суживались, признавали обе стороны. Используя экономическую зависимость и придавленность массы населения, буржуазия умело манипулирует голосами избирателей. Добиваясь необходимых ей решений, она – и прямо, и косвенно – подкупает государственных чиновников и само правительство, prostituiруя тем самым все и всякие «права человека».

Никто не отрицал и того, что в начале XX столетия под видом «защиты отечества» ведутся, как правило, войны за передел сфер влияния. И уж тем более все понимали, что за

тягой угнетенных народов к самоопределению зачастую скрывалась эгоистическая политика национальной буржуазии, стремление к стравливанию различных национальностей, а также мещанское убеждение в том, что «наши клопы – лучшие в мире!».

Но значит ли это, как полагал Пятаков, что из факта «неосуществимости» полной демократии в эпоху империализма вытекает отрицание демократии как таковой? Что из факта корыстности национальной буржуазии вытекает отрицание борьбы за самоопределение наций? И значит ли, что понимание сути происходящей империалистической бойни ведет к отрицанию всяких войн вообще? На все три вопроса Ленин дает отрицательный ответ. Он решает опубликовать статью Пятакова в «Сборнике "Социал-Демократа"» № 3, сопроводив ее своей статьей «О карикатуре на марксизм и об "империалистическом экономизме"».

«"Революционной социал-демократии, – пишет Ленин, – никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует". Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду», когда на то или иное теоретическое положение марксизма, «кроме прямых и серьезных врагов... "набрасываются" такие друзья, которые безнадежно его компрометируют – по-русски: срамят, – превращая его в карикатуру»⁶¹⁷.

Проблема Пятакова – непонимание диалектики жизни. «Он хочет отрицание защиты отечества превратить в шаблон, вывести не из конкретно-исторической особенности данной войны, а "вобще". Это не марксизм»⁶¹⁸. Ленин поясняет: «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя». Он уточняет: «Мы вовсе не против вообще "защиты отечества", не против вообще "оборонительных войн". Никогда этого вздора ни в одной резолюции (и ни в одной моей статье) не найдете. Мы против защиты отечества и обороны в империалистической войне...»⁶¹⁹

Если с обеих сторон, как это было в древности между Римом и Карфагеном, а теперь – между Англией и Германией, целью

войны является грабеж: борьба за колонии, за рынки и т. п., тогда отношение к войне подпадает под правило: если «2 вора дерутся, пусть оба гибнут»⁶²⁰. А чтобы спасти от неизбежной гибели в такой войне миллионы людей, необходимо повернуть оружие против зачинщиков этой бойни. Против правительства своей страны.

В нашей нынешней «исторической публицистике» довольно часто (иногда по незнанию, но, как правило, по умыслу) подменяют «поражение своего правительства» – «поражением России». Между тем «поражение правительства», а проще – его свержение означает совершенно иное.

Даже из школьного курса истории известно, что «поражение правительства», т. е. свержение короля в 1793 году во Франции, стало прологом к триумфальному шествию революционной французской армии по Европе. Да и Гучков с офицерами-заговорщиками, намеревавшийся осенью 1916 года добиться насильственного отречения Николая II и отставки его кабинета, тоже полагал, что это предотвратит поражение России.

Разница заключалась в том, что Гучков хотел использовать дворцовый переворот для продолжения войны. А большевики видели в свержении правительства возможность революционного выхода из кровавой бойни. Ибо «всякий победный шаг революции спасет сотни тысяч и миллионы людей от смерти, от разорения и голода»⁶²¹.

Причем речь шла, подчеркивал Ленин, не о «саботаже войны», не об убийстве царских министров, подобно тому, как в октябре 1916 года Фридрих Адлер застрелил австрийского премьера. Такого рода акции, считал Владимир Ильич, вредны. Он был убежден, что «только массовое движение можно рассматривать как политическую борьбу... Не терроризм, а систематическая, длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды и агитации, демонстрации и т. д. и т. д...против империалистов, против собственных правительств, против войны – вот что нужно»⁶²².

И это должны делать, полагал Ленин, не только большевики России, интернационалисты «не одной только нации», а всех

воюющих государств, как уже делают К. Либкнехт, Р. Люксембург в Германии, Ф. Лорио, А. Гильбо во Франции, Д. Серрати, А. Грамши в Италии, Д. Маклин в Англии, Ю. Дебс в США и другие.

Но вместе с тем необходимо помнить, что в империалистическую эпоху могут быть и справедливые, оборонительные, революционные войны. И если, к примеру, вопрос стоит «о свержении чуженационального ига» – воевать надо. Так что «если во время войны, – заключает Владимир Ильич, – речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов “защита отечества”, когда они относятся к этого рода войне или восстанию»⁶²³.

Что касается демократии, то и при империализме нельзя отрицать «возможность полнейшей демократии внутри нации богатейшей при сохранении ее господства над нациями зависимыми. Так было в Древней Греции, – поясняет Ленин, – на почве рабства». Но главное, «социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии». И даже диктатура пролетариата «вполне совместима с демократией полной, всесторонней... (вопреки вульгарному мнению)»⁶²⁴.

Конечно, все «разговоры о “правах” кажутся смешными во время войны, – пишет Ленин, – ибо всякая война ставит прямое и непосредственное насилие на место права...» Именно мировая война, утверждает он, породила «эпоху штыка»: «Это факт, значит, и таким оружием надо бороться». Но при этом надо всегда помнить, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Поэтому, когда Пятаков и его ужасно левые друзья, отвергая право наций на самоопределение, заявили, что надо ориентироваться на экономическую целесообразность, а «воля и симпатии населения» являются «исторически неправомерной сентиментальностью», Ленин ответил, что подобные взгляды не

имеют никакого отношения к марксизму и являются не чем иным, как «империалистическим экономизмом». «...Неловко разжевывать азбуку марксизма, – заключает Владимир Ильич, – но как же быть, когда П. Киевский [Ю. Пятаков] не знает ее?»⁶²⁵

...Прошел месяц их пребывания в Чудивизе. Никаких сведений о судьбе брошюры об империализме не поступало. Лишь в начале августа выясняется, что рукопись задержана французской цензурой. Цензоров, видимо, насторожило обилие немецких источников и статистических данных («ах, эти немцы! – шутливо замечает Владимир Ильич, – ведь они виноваты в пропаже! Хоть бы французы победили их!»⁶²⁶). Пришлось заново переписывать 200 страниц и еще раз отправить их, используя на сей раз конспиративные каналы связи «Социал-Демократа»⁶²⁷.

После шестинедельного пребывания в горах Надежда Константиновна совсем поправилась. И в начале сентября решили вернуться в Цюрих. В Чудивизе существовал свой обычай проводов. Часов в шесть утра звонил колокол, собирались отдыхающие и «пели прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет, – пишет Крупская, – кончался словами: "Прощай, кукушка!"». Вот и в это утро все «санаторы» собрались на проводы двух русских и спели традиционную «кукушку». «Спускаясь вниз через лес, – продолжает Крупская, – Владимир Ильич вдруг увидел белые грибы и, несмотря на то, что шел дождь, принялся с азартом за их сбор... Мы вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Запоздали, конечно, к поезду, и пришлось часа два сидеть на станции в ожидании следующего...»⁶²⁸

В Цюрихе выяснилось, что рукопись об империализме в Питере получена, но издательские редакторы, среди которых преобладали меньшевики, вычеркнули всю полемику с Каутским и Мартовым. И это было уже не обычной литературной редакцией, на которую Владимир Ильич дал полное согласие, а вторжением в авторский замысел, продолжением тех политических «игр», точнее – склок, в которые нередко

превращалась полемика большевиков с меньшевиками и наоборот.

«Исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить с нами прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности», – заметил как-то Ленин по иному поводу в письме Инессе Арманд. А в другом письме о такого рода «играх» – еще круче: «Кто прощает такие вещи в политике, того я считаю дурачком или негодяем. Я их никогда не прощу. За это бьют по морде или отворачиваются. Я сделал, конечно, второе. И не раскаиваюсь»⁶²⁹.

Но вся эта «резкость слов» – лишь в письмах самым близким. А когда Покровский, испытывая чувство вины за то, что не отстоял ленинской рукописи, написал, что, видимо, при встрече Владимир Ильич вполне заслуженно «вздует» его, Ленин ответил: «Грустно! Ей-ей, грустно... Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: мы, издательство, удалили критику Каутского... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но... Пускай издатель отвечает за сокращения, а не я. Вы пишете "не вздуете?", т. е. я Вас, за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела... Шутки в сторону, а грустно, черт побери...»⁶³⁰

Утешением могло бы стать письмо от 12 октября 1916 года, которое Покровский получил от Горького, прочитавшего рукопись Ленина: «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!»⁶³¹. Но об этом письме Владимир Ильич ничего не знал. И отсутствие вестей о высылке гонорара все более беспокоит его. В октябре 1916 года Ленин просит Александра Шляпникова «нажать» на Горького и добавляет: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем... Это вполне серьезно, вполне, вполне»⁶³².

Н. Валентинов иронизировал по поводу этого письма: мол, на издание нелегальной партийной литературы, на ее транспорт в Россию деньги были! «Неужели же Ленин... предпочел бы “поколоть”, но не коснуться денег, предназначенных для печатания творимых им “тезисов” и “директив”? Предположение настолько и абсурдно, и смешно, что немедленно отпадает»⁶³³.

Для читателя, наблюдающего нравы нынешней политической элиты, эта «тонкая» ирония может показаться вполне убедительной: иметь доступ к партийной кассе и не запустить туда лапу?! Такого не может быть... Оказывается – может. Другие, видимо, были времена, и уж точно – другие люди.

Ленин строго различал – «партийные деньги» и «личные финансы»⁶³⁴.

Из партийной кассы он – как член ЦК, редактор ЦО – получал установленную «диету» – 200–300 франков (115–172 рубля). Но для эмигрантской жизни этого было недостаточно. Зиновьев в Берне подрабатывал в одной из университетских лабораторий. Ленин всегда стремился дополнить семейный бюджет литературным гонораром.

Этот, на первый взгляд, не столь уж существенный вопрос – о средствах, которыми располагал Владимир Ильич в данный период, приобрел особое значение в связи с другой специфической проблемой: так называемого «немецкого золота». Сюжет этот всячески эксплуатировался противниками большевиков, утверждавших, что благодаря финансовой поддержке Германии Ленин и его сторонники если и не купались в золоте, то уж, во всяком случае, никакого недостатка в деньгах не испытывали.

В книге Геннадия Соболева «Тайна “немецкого золота”», проблема эта – в который уже раз! – обстоятельно проанализирована. Соболев вновь доказал, что речь идет о грандиозной провокации. Назвал ее заказчиков. Указал заплаченную исполнителям цену. Казалось бы, можно и не возвращаться к данной теме. Но, увы, нам придется еще и еще делать это, ибо поток клеветнической литературы не иссякает. И

дело здесь не в трактовке тех или иных документов, а исключительно в чрезмерной «политизированности» авторов.

Политическая ангажированность и связанная с нею приверженность заданной концепции способны сыграть злую шутку даже с опытными исследователями.

Еще в 1931 году известный историк-эмигрант Г.В. Вернадский выпустил в США книгу «Ленин – красный диктатор». В ней, в частности, он опубликовал некий отчет французского детективного бюро «Бинт и Самбин» управляющему зарубежного представительства российского Департамента полиции о том, что 28 декабря 1916 года Ленин приехал в Берн, «вошел в здание германского посольства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих». В 1998 году эту книгу издали в Москве. И с тех пор данный «факт» прочно вошел в нашу «антилениниану», хотя сам Вернадский не только не смог указать на источник его происхождения, но и оставил вопрос о степени достоверности «документа» открытым⁶³⁵.

О «французских» документах и роли французской разведки во всей истории с «немецким золотом» сейчас известно достаточно полно, и мы еще вернемся к данному сюжету⁶³⁶. Геннадий Соболев прав: «...судя по тому, что данный факт не нашел никакого отражения в опубликованных документах МИД Германии, скорее всего, это только “домысленный факт”...»⁶³⁷

Нам остается лишь добавить факт реальный: именно 28 декабря Ленин провел не в германском посольстве в Берне, а в цюрихском полицейском управлении, где оформлял продление срока своего пребывания в Цюрихе. И факт этот зафиксирован документами абсолютно бесспорными. Именно здесь, когда чиновник сунул ему стандартный «Опросный лист для лиц, уклоняющихся от военной службы», Владимир Ильич написал: «Я не дезертир. Я политический эмигрант после революции 1905 года в России»⁶³⁸.

В 1996 году в США вышла книга «Неизвестный Ленин». Ее автор, известный историк Р. Пайпс, утверждает, что он нашел, наконец-то, подтверждение «контактам Ленина с германцами».

Вот оно: в письме Арманд 19 (6) января 1917 года Владимир Ильич пишет: «Насчет "немецкого плена" и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой»⁶³⁹.

Читая эти строки, невольно испытываешь чувство сожаления по отношению к Пайпсу. Ведь достаточно было поставить это письмо в контекст всей давно опубликованной переписки, чтобы понять, о чем идет речь. 16 (3) января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, заняли бы французы. Что касается Цюриха, где жил Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо подобная «война невероятна». Инесса ответила, что Владимир Ильич недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а посему надо думать о переезде. Вот Ленин и пишет ей 19 (6) января: «Насчет "немецкого плена" и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». На следующий день, 20 (7) января, он вновь повторяет, что всерьез опасаться войны на территории Швейцарии нет оснований. Так что совсем не о связях с немцами шла здесь речь. И предположение Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным.

Кстати, письмо Ленина 16 (3) января дает реальное представление о том, какими средствами располагали в это время большевики. «...Партийную кассу, – пишет Владимир Ильич Инессе, – я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе, в мешочке, сшитом для сего...)»⁶⁴⁰ Представьте себе хрупкую Инессу, таскающую «на себе» партийную казну... И вам станет жалко – но не Арманд, а тех, кто пишет о «золотом дожде», пролившемся на большевиков.

Вернемся, Впрочем, к «личным финансам» Ленина и «теткиному наследству»...

Позднее, в июле 1917 года, в Питере, при попытке арестовать Ленина, у Крупской изъяли ее чековую книжку Азовско-Донского банка № 8467 на сумму в 2 тысячи рублей. И Надежда Константиновна написала, что это и был остаток теткинго наследства. Как же так? – «ловит» ее Валентинов. –

Всю войну жили на эти деньги, а остаток равен начальной сумме?!! «Никакая “диалектика”, – ядовито замечает он, – не отменяет арифметику»⁶⁴¹.

Ссылаясь на упоминавшееся письмо Ленина Шляпникову, Валентинов пытается дать психологическую характеристику Владимира Ильича, его «испуга», «растерянности», «паники», «страха перед дороговизной» и т. д. «Ленин в домашних туфлях, – иронизирует он, – совсем не похож на бога с Олимпа»⁶⁴². Характеристика эта могла бы быть забавной, если бы... Если бы, желая во что бы то ни стало «изобличить», Валентинов не игнорировал – и вполне сознательно – другие факты.

Всячески препарируя переписку Ленина с родными, Валентинов как раз избегает прибегнуть к простейшему арифметическому действию: сложению всех сумм, приходивших с конца 1916 года в Цюрих от петроградских издателей за «Империализм», «Капитализм и земледелие в США» и брошюру Крупской «Демократия и просвещение».

Итак, складываем: 374 франка + 869 + 500 + 808 + 500 франков⁶⁴³. Получается более трех тысяч франков. И это – не считая аванса, полученного от издательства Бонч-Бруевича⁶⁴⁴. Заметим, кстати, что в переписке прямо указано, что деньги эти переводились на текущий счет именно в Азовско-Донском банке⁶⁴⁵. Так что Валентинов прав: никакая «диалектика» действительно не может отменить арифметики. И как говаривал в таких случаях герой средневековых фавлю монах Горанфло: даже самое блестящее остроумие бессильно против фактов. Впрочем, Ленин формулировал это жестче: «Сплетней факта не перешибешь»⁶⁴⁶.

Было бы нелепым полагать, что он углублялся в философию ради собственного душевного комфорта. В сложное, казавшееся многим непонятным время, он хотел написать работу «О диалектике», которая помогла бы распутать противоречия новой эпохи. И свои книги о капитализме в земледелии, а уж тем более об империализме, Владимир Ильич писал отнюдь не ради

сиюминутного заработка. Значимость темы он прекрасно понимал. Любой политик-интеллектуал, размышлявший о будущем мира и человечества, должен был прежде всего разобраться в «сущности империализма».

Из книги Гобсона Владимир Ильич выписал примечательную фразу: «Новый империализм по существу ничем не отличается от своего древнего образца (Римская империя)... Он такой же паразит... Претензия, будто империалистическое государство, насильственно подчиняя себе другие народы и их земли, поступает так для того, чтобы оказывать покоренным народам услуги... заведомо ложна: оно вовсе не собирается оказывать равноценных услуг, да и неспособно оказывать их... Но законы природы, обрекающие паразитов на гибель, приложимы не только к индивидуумам, но и к нациям. Сложность процесса и маскировка сути дела могут замедлить, но не отсрочить гибель»⁶⁴⁷. Но подобного рода «пророчества», определявшие далеко идущие политические выводы, надо было всесторонне обосновать, десятки раз проверив и перепроверив все аргументы «pro et contra».

Владимира Ильича интересовали прежде всего факты, касающиеся концентрации производства и капитала; слияния банковского капитала с промышленным и создания финансовой олигархии; вывоза капитала; образования международных монополистических союзов; окончания территориального раздела мира крупнейшими державами и борьбы за его новый передел.

Делая обширные выписки, Ленин иногда сопровождает их пометками на полях. Чаще всего это: «Хорошо сказано!», «Верно!», «Хороший пример!», «Оригинально!», «Можно и должно взять цифры и факты, но не рассуждения...»⁶⁴⁸ Но порой именно «рассуждения» вызывают пометки иного рода: «Хороший очерк материала. Точка зрения – апологета буржуа, тупого, довольного, самодовольного... Факты подобраны недурно», – это о работе профессора Лифмана о картелях и трестах; о другой монографии того же Лифмана: «Автор – махровый дурак, как с торбой возящийся с дефинициями – преглупыми... Ценны

фактические данные, большей частью совсем сырые»; о другой книге другого автора: «Публицистика бойкая, архибойкая, но крайне поверхностная. Рассказ, болтовня, не более»⁶⁴⁹.

А вот и совсем «неприличные» пометки: о книге Г. Шульце-Геверница о немецком банковском капитале: «Тон ликующего германского империализма, торжествующей свиньи!!!»; о его же работе об английском капитализме: «Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист, – собрал некоторые очень интересные факты... и написал бойкую, не скучную книгу... Награбили, гг. англичане, дайте и нам пограбить, “освятив” грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой = вот суть позиции сего “ученого”!!»⁶⁵⁰ Конечно – грубо, ничего не скажешь. Но для инсинуаций на сей счет «лениноедов» – недостаточно. Ибо ни одна из этих пометок не предназначалась для стороннего глаза...

Что же касается текста книги, то в ней корректность была соблюдена вполне. Ну а к цензурным «строгостям» он научился приспособливаться давно: с первых своих научных статей в толстых столичных журналах. Вот и в этом «популярном очерке» Ленин формулирует выводы, далеко выходящие за цензурные рамки.

Производство все более обобществляется, но присвоение остается частным. Национальное богатство становится собственностью кучки монополистов. Главная хозяйственная фигура – уже не «купец», удовлетворяющий спрос покупателей, а «гений» финансовых махинаций, проще говоря – спекулянт. Избыток капитала обращается не на благо народа, а вывозится за границу. Все это обостряет противоречия между олигархами и населением. А поскольку капитализм, делает вывод Ленин, решает противоречия «немирным путем», то и это противоречие будет разрешено «силой»⁶⁵¹.

Конечно, легальность издания неизбежно оставляет за рамками этой работы многие выводы, которые он опубликует в нелегальных статьях: о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма; об объективных и субъективных предпосылках

социалистической революции; о возможности ее победы первоначально в немногих и даже в одной стране. И наконец, главный вывод: «На очередь дня, не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей – поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс...»⁶⁵²

«Штурм приближается»

Вечером 7 апреля (25 марта) 1916 года Владимир Ильич пошел в Цюрихский городской театр, где в тот день – в обновленной постановке режиссера Родольфа и под управлением известного дирижера Конрада – исполняли музыкальную драму Рихарда Вагнера «Валькирия».

Классическую музыку Ленин любил с детства. Крупская писала, что был он музыкален, обладал хорошей музыкальной памятью, что «оперу любил больше балета» и в ряду других композиторов – «очень любил Вагнера». Музыку всегда «слушал серьезно», очень эмоционально. Поэтому «страшно уставал» и нередко «уходил после первого действия как больной»⁶⁵³.

Но на сей раз он не ушел и в антракте разговорился с польским социал-демократом, большим любителем Вагнера – Владиславом Краевским⁶⁵⁴. Беседу Владислав Германович, к сожалению, не записал. Впрочем, споры о творчестве этого великого композитора не умолкают и по сей день, ибо были в нем такие страницы, как драма-мистерия «Парсифаль», где отрешенность от всего земного сочеталась с мистической символикой и пафосом религиозного служения... Но были и совсем другие – утверждавшие красоту и радость бытия, величие человека, мощь его свободного духа.

В революционном пафосе усматривал главное начало эстетики Вагнера Александр Блок. «Новое время тревожно и беспокойно, – писал он. – Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем. Это будет уже не самодовольное

ничтожество; это будет новый человек, новая ступень к артисту... Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации...»⁶⁵⁵. Может быть, именно эти ассоциации и привлекали к Вагнеру симпатии Ленина...

Хорошо знавший Ленина меньшевик Федор Дан как-то заметил: «...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию»⁶⁵⁶. Сказал это Дан в яростной полемике, в большом раздражении, и преувеличение было явным. Хотя немалая доля истины в этом утверждении, несомненно, присутствовала.

Но всегда ли так было?

С тех пор, как около исторической науки сложилось направление, которое можно было бы назвать «лениноедством», нет книжки или статьи, где бы не говорилось о том, что Февральская революция 1917 года стала для Ленина полнейшей неожиданностью. Он якобы не только не ждал, но и был убежден в абсолютной ее нереальности, а посему даже готов был навсегда уехать чуть ли не в Америку... И главный аргумент в пользу данной версии – выступление самого Ленина 22 (9) января 1917 года в цюрихском Народном доме перед молодежью с докладом о революции 1905 года.

Со швейцарской молодежью он встречался не впервые. Некоторые из этих встреч огорчали его. Иногда молодые либо «явно не клевали» на политику, когда Владимир Ильич заводил речь о войне, либо не шли дальше той пошлой истины, что «стену, мол, лбом не прошибешь»⁶⁵⁷. Поэтому, когда вокруг 24-летнего секретаря правления социал-демократической партии Швейцарии Фрица Платтена сложилась группа молодых интернационалистов, Ленин с удовольствием стал общаться с ними в Кегельклубе.

Рассказывая им о 1905 годе, он заявил, что эта русская революция является прологом к грядущей европейской, то есть мировой революции, которая освободит «человечество от ига

капитала». И добавил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...»⁶⁵⁸. Если вспомнить, что Ленину в тот момент не исполнилось и 47 лет, то фраза о «стариках» звучала достаточно иронично. Но дело даже не в иронии...

В конце 1916 года он написал для газеты молодых интернационалистов статью «Военная программа пролетарской революции». Содержание ее, видимо, не раз обсуждалось с Платтенем, Вилли Мюнценбергом и другими. В статье формулировался «непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах»⁶⁵⁹. И между победой революции в одной стране и классовыми сражениями в других лежит целая историческая эпоха.

До «решающих битв» мировой революции Ленин действительно не дожил. Но в том, что новая революция близится, он как раз не сомневался. «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе, – сказал он в том же выступлении 22 (9) января 1917 года. – Европа чревата революцией». При этом он имел в виду и Россию. И речь в данном случае шла не о сугубо личном прозрении, а о достаточно распространенном в российском обществе убеждении, которое разделяли как сторонники революции, так и ее противники.

После поражения первой русской революции вопрос этот постоянно обсуждался и в прессе, и в Государственной думе, и в правительственных верхах. Когда, начав реформы, Петр Аркадьевич Столыпин провозгласил, что его главная цель – уберечь страну от «великих потрясений», дать России хотя бы «20 лет покоя», такая возможность казалась вполне вероятной. Если бы Столыпину удалось хоть как-то решить стоявшие перед страной проблемы, – и прежде всего аграрный вопрос, – это вполне могло бы стать реальностью. Ленин, как и другие политические деятели России, поначалу несколько не исключал вероятности подобного варианта развития⁶⁶⁰.

Но этого не случилось...

Как же так? Нынешняя историческая публицистика пытается убедить нас в том, что накануне Первой мировой войны, набрав беспрецедентные темпы развития, страна вошла в один ряд с наиболее развитыми державами мира. И на сакраментальный вопрос – «Какую Россию мы потеряли?» – дается предельно ясный ответ: «процветающую» и «благостную».

В самом деле, гордиться было чем. Значительно возросли производство зерна, добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, протяженность железных дорог, численность учащихся. Проценты роста действительно небывалые... Но у цифр есть своя магия. «Если нищему, имеющему три копейки, – иронизировал по этому поводу Ленин, – вы дадите пятак, увеличение его “имущества” сразу будет “громадное”: на целых 167 %». Но надо сравнивать «не сегодняшний наш пятак со вчерашним нашим алтыном, а данные, сравнивающие то, что мы имеем, с тем, что н е о б х о д и м о цивилизованному государству...». Иначе это будет «глупой казенной игрой в цифирьки...»⁶⁶¹

Статистике сегодня мало кто верит, и на то есть причины. Но почитайте вышедшую в 1915 году в Петрограде книгу «Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия». В ней не проценты, а цифры производства на душу населения. Так вот, будучи крупнейшим экспортером зерна, Россия производила его «на душу» почти вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины и вдвое – США. Иными словами, страна вывозила хлеб за счет недоедания собственного населения. Столь же удручающими были и другие цифры. По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в 5 раз. По добыче угля – более чем в 17 раз, нефти – более чем втрое, по выплавке стали – более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог – более чем в 6 раз, по числу учащихся – почти втрое. И все это без пересчета на душу населения.

Экономический рост хорош тогда, когда он приносит с собой заметные результаты для всего народа. Если же социальная система сохраняет прежние архаические формы, экономический рост лишь увеличивает разрыв в доходах, делает его более

зримым, и тогда надежды на стабилизацию становятся мыльным пузырем. До каких пор его можно раздувать и когда он лопнет – это уже другой вопрос.

Так что с «процветанием» было плохо. Не очень-то получалось и с «благостностью»... И тут многое определял вопрос о земле.

Вне зависимости от того, кто первым сформулировал правительственную аграрную программу, – Н.Х. Бунге, В.И. Гурко, С.Ю. Витте или А.В. Кривошеин, – Столыпин твердо знал, куда надо двигать российскую деревню. В молодости, будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, Петр Аркадьевич не раз наведывался из своего родового поместья Колноберже в соседнюю Пруссию. Так что в преимуществах хуторской системы он убедился воочию.

Что думает по этому поводу сам «объект реформирования» – крестьяне, этого, естественно, в верхах никто всерьез не принимал. И традиция эта шла издалека. Как писал министр внутренних дел С.С. Ланской накануне «Великой реформы» 1861 года: «Высочайшая воля так ясно выражена в рескрипте... что вовсе неуместно было бы допускать крестьян к изъявлению согласия или несогласия на ее исполнение»⁶⁶². А между тем российская деревня имела свое представление о необходимых переменах и о справедливости. Связывалось оно, совершенно независимо от пропаганды левых партий, не с идеей частной собственности на землю, а прежде всего с ликвидацией помещичьей собственности, с «черным переделом».

Это несоответствие представлений о «добре и зле», о желаемой цели и привело к тому, что главным инструментом реформ и столыпинского «умиротворения» стало насилие. К масштабам этого насилия, сравнивая его с некоторыми страницами последующей истории, сегодня относятся несколько иронически. Подумаешь, 1102 человек казнили военно-полевые суды в 1906–1907 годах; 2694 человек повесили в 1906–1909 годах по приговору военно-окружных судов; сколько-то тысяч расстреляли без всяких судов карательные экспедиции Ренненкампа, Меллер-Закомельского, Орлова; 23 тысячи

отправили на каторгу и в тюрьмы; 39 тысяч выслали без суда; сотни тысяч подвергли обыскам и арестам. По сравнению с тем, что было потом – всего ничего... Но современникам-то приходилось сравнивать с тем, что было до того. А за предыдущие 80 лет казнили – в среднем – по 9 человек в год. И не случайно выдавший виды российский обыватель с горечью повторял: «Какое же сравнение! При Плеве много лучше было!»⁶⁶³

Подлинные масштабы насилия проявились именно при проведении аграрной реформы. Для русского крестьянина основой всего его бытия, его отношений с Богом, государством, с помещиком и «миром» был общинный надел. И к этому мизерному клочку земли никак нельзя относиться лишь с сугубо рациональными мерками, как, скажем, к «способу землепользования».

Прежде, когда передел земли в общине происходил, как правило, раз в 12 лет, он каждый раз порождал самые драматические коллизии. Теперь, по закону 1908 года, передел производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться на хутор или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель в деревне. Между губернаторами шло соревнование за процент «выделившихся», и они принуждали общинников силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов...

Что же получилось из этой реформы?

Прав был Карамзин, когда писал, что даже самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия... Прежде всего Столыпинская земельная реформа приняла принципиально иное направление. Не выделение «трезвых и сильных» – на что надеялся Столыпин, не создание слоя «крепких хозяев», которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины в основном «пьяных и слабых», тех, для кого надел давно уже перестал быть источником существования. Из 15 млн крестьянских дворов из общины вышли почти 26 %, т. е. четверть. Но им принадлежало лишь 16 % наделной земли. 40 % выделенной земли сразу продали. А 2,5 млн хозяев лишь формально вышли из общины,

т. е. укрепили свои наделы, но в составе общинных земель. Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед ней, реформа оказалась несостоятельной⁶⁶⁴.

Оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне достаточной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т. е. жизни большинства населения России. Она сделала то, чего не смогла сделать даже революция 1905 года. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности, о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью.

Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома, переселявшихся за Урал, массовая продажа земельных полосок, новые переделы и новое землеустройство – все это создавало атмосферу неустойчивости, всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости, или, как выразился современник, «неотмщенные обиды» – по всем законам социальной психологии – рождали лишь злобу и ненависть. Это и стало одной из главных причин глубокого нравственного кризиса, в который была ввергнута Россия.

Сегодня нередко пишут о том, что кризис русской духовности и распад нравственных устоев якобы начался после революции 1917 года. Прочтите стенографические отчеты IV Государственной думы за 1913 год. Хотя бы прения по вопросу о «хулиганстве». Популярнейший и вполне лояльный журнал «Нива» так комментировал их:

«Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грозными волнами и наши столицы, и провинциальные города, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охвативший всю национальную психику. Великий полуторастамиллионный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, предопределявших весь

строй его жизни и внутренних отношений, как бы усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной и религиозной опоры. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души»⁶⁶⁵.

После подавления первой русской революции Столыпин мечтал о «20 годах покоя». Не вышло. В стране вновь назревал революционный кризис. И впереди шел рабочий класс, давший в 1913 и в 1914 годах намного больше политических стачечников, чем в 1905-м, и больше, чем в какой-либо другой стране мира. Тут уж приоритет России был неоспорим.

Летом 1913 года Ленин написал, что весь ход правительственных реформ доказал, что в России нет мирного выхода из тупика, «нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют». Страна переживает «состояние плохо прикрытой гражданской войны. Правительство не управляет, а воюет»⁶⁶⁶. О том же в «Новом времени» – под характерным названием «Невоспитанный народ» – пишет в 1913 году и совсем «правый» М. Меньшиков: «Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом...»⁶⁶⁷.

А весьма умеренный земский либерал Д.Н. Шипов заключает: «Пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит, или скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти». И Шипов полагал, что лишь новый общественный взрыв сможет обновить деморализованное общество⁶⁶⁸.

Но может быть, всего этого не знали в «верхах»? Знали. В апреле 1914 года депутат Думы граф Мусин-Пушкин делился своими наблюдениями с наместником на Кавказе, графом Воронцовым-Дашковым: «Революции никто не хочет, и все ее боятся... Но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком»⁶⁶⁹.

Весьма информированный и опытный интриган князь М. Андроников докладывал великому князю Николаю Николаевичу: «Конечно, путем репрессий и всякого рода экзекуционных и административных мер удалось загнать в подполье на время глубокое народное недовольство, озлобление, повальную ненависть к правящим, – но разве этим изменяется или улучшается существующее положение вещей?...В деревне наступает период “самосуда”, когда люди, окончательно изверившись в авторитете власти, в защиту закона, сами приступают к “самозащите”... А убийства не перечесать! Они стали у нас обыденным явлением при длящемся “успокоительном” режиме...»⁶⁷⁰.

Наконец, в начале 1914 года, за полгода до начала войны, сам Государь получает от члена Госсовета, бывшего министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново меморандум, который предупреждает Николая II о близящейся революции и о том, что «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»⁶⁷¹.

Уже упоминавшийся идеолог российского национализма Меншиков, рассуждая о беззаконии, беспорядке и национальном бесславии, в феврале 1914 года написал: «Так, как теперь мы живем, долго жить нельзя – это надо же наконец понять и оценить». А один из лидеров думских националистов С.И. Савенко в частном письме заметил: «Большую драму я переживаю в душе, но говорю это только тебе одной: отныне я революции не боюсь – она, даже она, гораздо патристичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России»⁶⁷².

Но может быть, волна патриотизма, прокатившаяся по стране с началом войны, изменила ситуацию? На первых порах – да, особенно в деревне. Но массовые мобилизации, резкое ухудшение социально-экономического положения в тылу и отвратительное снабжение фронта оружием, боеприпасами, продовольствием, наконец, перенос боевых действий на российскую территорию – все это вновь привело к

стремительному росту антиправительственных, антицаристских настроений.

Война действительно стала для России фактором разрушительным. Начатое на 15-й день после ее начала наступление в Восточной Пруссии спасло от немцев Париж, но обернулось поражением для русской армии. 1915 год ознаменовался «Великим отступлением» и полной или частичной оккупацией более десятка российских губерний. Остановить немцев удалось лишь у Риги и в 100 км от Минска.

После успешного взятия Эрзерума на юге мартовское наступление русских войск в районе Двинска и озера Нарочь помогло французам выстоять под Верденом, но и оно завершилось тяжелейшим поражением. Лишь знаменитый «Брусиловский» прорыв в мае 16-го года хоть как-то стабилизировал Восточный фронт.

С самого начала войны «союзники» смотрели на русских солдат как на «пушечное мясо». Посол Франции в России Морис Палеолог не скрывал этого: «При подсчете потерь союзников, – втолковывал он председателю Совета министров Борису Штюрмеру, – центр тяжести не в числе, а в совсем другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран в мире. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию... Это – цвет человечества. С этой точки зрения наши потери гораздо чувствительнее русских потерь».

Всего в военных действиях русская армия потеряла около 4 млн солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, более 2 млн числились пропавшими без вести⁶⁷³. Этого было вполне достаточно, чтобы злоба, ненависть к тем, кто повинен в кровавой бойне, захлестнули страну.

Начальник Московской охраны сообщал: «Подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали... Настроение 1905–1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным». А добросовестный чиновник Министерства внутренних дел написал на сем: «Больно осторожно составлен

доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены»⁶⁷⁴. И этот чиновник был прав.

Выше уже упоминалось, что в 1913 году «Нива» писала о полуторастамиллионном народе, который «усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя...». Война дала в руки этому народу оружие, создала новую, хорошо организованную социально-политическую силу – многомиллионную армию. И эта армия вполне адекватно отражала настроения народа.

По своему составу солдаты были теми же рабочими и крестьянами. Причем крестьяне – с их психологией и навыками – многократно преобладали. Это проявлялось во всем: в постоянных разговорах о земле, о прежних обидах со стороны помещиков и чиновников, о полевых работах, которые легли теперь на баб и стариков. Как отмечали офицеры, даже в рукопашном бою солдаты кололи штыком не как положено – прямо перед собой, а будто вилами снопы кидали – снизу вверх. От деревенской психики шли и те резкие перепады в настроениях, когда одна и та же рота или батальон, вчера еще проявлявшие вполне осознанную слаженность действий и самые «высокие» чувства, на другой день взрывались анархическим пьяным погромом каких-либо винных складов или винокуренных заводиков.

Владимир Ленин говорит речь в Таврическом дворце.
Петроград, 1917 год

Но, говоря о том, что армия – это те же рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, нередко забывают, что у данной общности существовали и свои особые интересы. Их порождала война, общность жизни и судьбы людей, принудительно соединенных в казармах или окопах, постоянное соседство смерти, а стало быть, и желание выжить в этой кровавой мясорубке. Вот почему постепенное осознание того, что это «чужая война», стало главной причиной, с одной стороны, утраты боеспособности и разложения армии, а с другой –

превращения ее в ударную (Л.Н. Гумилев сказал бы – пассионарную) силу революции.

О характере войны солдатская масса узнавала не от революционных агитаторов. Современный исследователь Александр Асташов⁶⁷⁵ полагает, что особую роль в этом процессе сыграли месячные отпуска с фронта «для устройства домашних дел» и «для участия в полевых работах», установленные для отличившихся солдат или по семейным обстоятельствам Высочайшим повелением от 5 октября 1915-го и 19 августа 1916 года. Неприглядные картины тыла – с роскошью и мотовством одних и беспросветной нуждой других, особенно солдатских семей, – рождали у отпускников лишь злобу и ненависть, стремление покончить с войной и покарать ее зачинщиков.

Военные цензоры, тщательно просматривавшие сотни тысяч солдатских писем, в конце 1916 года констатировали: «Два с половиной года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех»⁶⁷⁶. И это была не обычная злоба людей, раздраженных нуждой и лишениями. Она была гораздо страшнее. Ибо люди эти были вооружены, а война обесценила саму человеческую жизнь.

«Я [прежде] такой глупый был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал, – писал один из солдат. – А теперь ни бога, ни черта не боюсь. Как всадил с рукой штык в брюхо, словно сняло с меня что-то...». Письмо другого солдата: «Я не только человека, курицу не мог зарезать. А теперь... Почему я знаю, может, сотню или больше душ загубил»⁶⁷⁷.

Эта психология рождала и убеждение в том, что только с помощью насилия можно решить те проблемы, которые ставила жизнь. «Женка пишет, купец наш до того обижает, просто жить невозможно, – это строки еще одного солдатского письма. – Я так решил: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то и делай. А теперь повыучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не дали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно»⁶⁷⁸.

Эта злоба и ненависть приобретала все более конкретный социальный адрес. «Я, крестьянин, – говорилось в письме солдата 42-й Сибирской стрелковой дивизии, – обращаюсь к вам, братья, куда будем губить себя... За какие-то интересы чужие кладем свои головы... Помните, братцы, чтобы убить зверей, которые миллионы губят людей за свой интерес, надо действовать, пока оружие в руках. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина...»⁶⁷⁹.

Страшно? Конечно, страшно. Назревал переход «количества в качество». Надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы пожать в конце концов такие взрывы народной ненависти. А ведь предупреждали... Помните, у Лермонтова: «Каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицею, и тогда горе побежденным...»⁶⁸⁰. Этот приговор миру насилия и угнетения был написан чуть ли не за столетие до 1917 года.

В 1916 году тема «пугачевщины», «русского бунта – бессмысленного и беспощадного» вновь, как в 1902, 1905, 1906 годах, становится одной из главных тем российской публицистики и частных разговоров. Многие политические деятели России пытались воздействовать на государя, чтобы он «предотвратил»... «предпринял»... «сделал»... Побуждали к этому и председателя Государственной думы Михаила Родзянко. Главноуполномоченный Всероссийского Союза городов Челноков писал ему: «Тревога и негодование все более охватывают Россию... Зловещие настроения сменили недавний высокий подъем, с каждым новым днем исчезает вера, рассеиваются надежды». О том же написал Родзянко и главноуполномоченный Всероссийского Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов⁶⁸¹.

Пытались воздействовать и на военных. 15 августа 1916 года Александр Иванович Гучков, возглавлявший Центральный Военно-промышленный комитет, испытывая «смертельную тревогу за судьбы нашей Родины», обратился с посланием к главному Северо-Западного фронта генералу Алексееву: «Надвигается потоп, а наша дрянная слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя, надевая калоши и раскрывая зонтик»⁶⁸².

10 (23) февраля 1917 года Родзянко получил аудиенцию у государя. Свой доклад «об угрожающей Российскому государству опасности» он, по причине сильного волнения, читал. Закончил словами: «Я считаю своим долгом, государь, высказать Вам свое личное предчувствие и убеждение... Направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит». Государь ничего не ответил и очень сухо простился. А через два дня Родзянко написал своей подруге Зинаиде Юсуповой: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что... русский царь еще более преступен»⁶⁸³.

А саратовский губернатор С. Тверской в эти дни напишет: «Что делается? Точно после 1905 года не прошло 11 лет. Те же персонажи, те же слова, с одной стороны, и тот же паралич власти – с другой. Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т. д. Ну, а дальше что? Дальше опять скажет слово мужичок или, вернее, сделает дело мужичок. Настроение прескверное»⁶⁸⁴.

Спустя полгода, характеризуя положение в стране к началу 1917 года, последний царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов показывал Чрезвычайной следственной комиссии: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую

промышленность... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли; таксы развили продажу "из-под полы", получилось "мародерство"... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом... Упорядочить дело было некому. Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было... Верховная власть перестала быть источником жизни и света»⁶⁸⁵.

Но при чем тут Ленин? Все это происходило за тысячи верст от него. А те же солдатские письма – точнейший барометр настроений – были опубликованы лишь много лет спустя. Конечно, что-то просачивалось в либеральную российскую прессу, и Владимир Ильич чуть ли не ежедневно штудировал ее в цюрихских библиотеках. Но существовали ли у него какие-то свои каналы информации?

Да, существовали...

О событиях, происходивших в «верхах», он, к примеру, знал гораздо больше, чем сообщали либеральные газеты. Так, в ноябре 1916 года он получил из Питера копии тех самых документов, которые упоминались выше: письма Челнокова и Львова Михаилу Родзянко и письмо Гучкова генералу Алексееву. Напечатать такое в российской прессе было невозможно. А вот большевистский «Социал-Демократ» 30 декабря 1916 года полностью опубликовал их. Комментируя письмо Александра Гучкова, редакция написала: «Это признание, что революция идет. Буржуа ясно видит это и видит свою беспомощность... А революция все же идет»⁶⁸⁶.

В январе 1917 года Ленин рассматривает возможные политические комбинации в случае революционных перемен в России. Вероятно, пишет он, придется «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»⁶⁸⁷. Это предсказание также было опубликовано «Социал-Демократом» и, как известно, оказалось достаточно точным.

Были и другие, может быть, более важные источники информации...

Где-то в середине января 1917 года в Цюрихе объявились двое военнопленных, которые – переплыв Боденское озеро – бежали из немецкого концлагеря. Ленин буквально «вцепился» в них. «Типики, – пишет он Арманд, – один – еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ... Но лично неинтересен, ибо обычен. Другой – воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Черноземная сила»⁶⁸⁸.

Все это время ему так не хватало живого общения за рамками привычной эмигрантской среды. Не для того, чтобы спорить, убеждать, «влиять». Это стало делом безнадежным, ибо эмигранты-оппоненты уже не слышали и не хотели слышать доводов, не вписывавшихся в их сложившиеся представления. Владимиру Ильичу, как он выразился, не хватало просто нормальных собеседников – «“живых”, эмигрантщиной не изъеденных людей»⁶⁸⁹.

И вот теперь перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за «самостийность». Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, «впадали в ярость при мысли об отделении от России... Факт знаменательный! Не верить нельзя... Авось, от “австрийского типа” развития судьба Россию избавит»⁶⁹⁰.

Сидели в лагере и иностранцы. «Французов, – замечает Владимир Ильич, – хвалят (в плену) – товарищи хорошие... Англичан ненавидят: “гордецы; куска хлеба не даст, ежели ему пол не вымыть”». К немцам отношение весьма своеобразное. С одной стороны – «тоже своего кайзера ругают». С другой – есть чему у них поучиться. Из лагеря пленных посылали на работу в

богатые крестьянские хозяйства. Воронежец Кондрат Михалев присматривался. «Как у них все налажено, – рассказывал он, – ни одна корка даром не пропадает! Вот вернусь к себе на село – так же хозяйничать буду!» «Все тяготение воронежца, – заключает Ленин, – назад, домой, к земле»⁶⁹¹.

К швейцарским рабочим Михалев относился иронически. Когда в Цюрихе его интернировали, стал ходить он на земляные работы «и все удивлялся на забитость швейцарского рабочего люда. “Иду я, – рассказывал он, – в контору получать деньги за работу, смотрю – стоят рабочие швейцарские и войти в контору не решаются, жмутся к стенке, в окно заглядывают. Какой забитый народ! Я пришел, сразу дверь отворяю, в контору иду, за свой труд деньги брать иду!”»⁶⁹²

И кто это говорил? Мужик, который еще вчера, как говорится, тележного скрипа боялся. «Был он из староверов, – пишет Крупская, – дедушка и бабушка поэтому запретили ему грамоте учиться: печать-де дьявола. В плену уж выучился он грамоте»⁶⁹³. Там же выучился и «политике».

Ленин подробно расспрашивал об отношении к войне. Оба беглеца были решительно против нее. Но «насчет защиты отечества, – отмечает Владимир Ильич, – как... Плеханов... “Ежели немец прет, как же не защищаться?” Не понимает. Обижен (и он и еврей!!) глубоко за то, как нещадно бьют немцы “наших”»⁶⁹⁴.

В остальном политическая ориентация вполне определена: «Сочувствует социализму», – отмечает Владимир Ильич. «... Насчет царя и бога, – записывает он слова Михалева, – все-де 27 тысяч вполне покончили, насчет крупных помещиков тоже». Вывод Ленина: «Озлобленные и просвещенные вернутся в Россию»⁶⁹⁵.

Впрочем, было и о чем задуматься... До сих пор Ленину приходилось иметь дело в основном с «идейными» и «учеными» оборонцами, использовавшими – и вольно, и невольно – фразы о «защите отечества» для оправдания империалистической бойни. Здесь же разговор шел с людьми, ненавидящими войну,

испытывшими ее ужасы на собственной шкуре. И очень скоро Владимир Ильич вводит в политический оборот крайне важное понятие – «добросовестное оборончество», которое он применяет при оценке настроений широких масс и особенно крестьян.

Всех тем, о которых было переговорено с Кондратом Михалевым, Владимир Ильич не перечислял. Но вполне естественно предположить, что присутствовала среди них еще одна – братание. О братании на Западном фронте газеты писали много. Первое состоялось в рождественскую ночь под Парижем, когда, сойдясь на нейтральной полосе, французские, английские и немецкие солдаты вместе распили шампанское, виски и шнапс по случаю наступавшего 1915 года. О братании на Балканах Ленин подробно расспрашивал болгарского социалиста Василя Коларова. А вот о том, как это происходило на Восточном фронте, было известно мало. Владимир Ильич старался выудить информацию из либеральной прессы. Пытался распространить анкеты среди русских военнопленных в немецких лагерях. И вот теперь перед ним был очевидец...

На Восточном фронте братания возникали стихийно. Отправляясь на войну, русский солдат знал, что воевать ему придется или с «басурманом», или с каким-нибудь «иноверцем». Но на юго-западных участках фронта, после боев, когда для выноса раненых и уборки трупов устанавливалось затишье, он слышал с той стороны славянскую речь сербов, чехов, словаков, многие из которых, как выяснилось, были к тому же православными, «братушками». Это и положило начало «братанию»: встречам и беседам на нейтральной полосе, а иной раз и в окопах противника, – а также солдатскому «бартеру». Тем более что братья-славяне с удовольствием выменивали добротный русский хлеб на спиртное, которого россияне были лишены по «сухому закону» 1914 года⁶⁹⁶.

То, что немецкая разведка пыталась использовать братание в своих целях, – факт. Но очевидно и другое: братание хоть на время прекращало братоубийство, устанавливало – пусть на

малый срок – перемирие. И происходило это не по приказу генералов и офицеров, а по воле самих солдат.

Так или иначе, но Михалев стал для Ленина не просто источником информации, но и интереснейшим собеседником. И Владимир Ильич был благодарен ему за это.

Не прошли бесследно эти беседы и для Михалева... Он мечтал поступить в народный университет. Но поскольку в Цюрихе такового не оказалось, уехал в Париж. И когда его и других бежавших из плена вызвали в русское посольство и важные чиновники, увешанные орденами, стали уговаривать подписать воззвание о защите Отечества и продолжении войны, Кондрат решительно отказался: «Встал я и сказал, что войну кончать надо, и пошел. Потихоньку вышли и другие»⁶⁹⁷.

Там, где либералы в терявшем терпение и вековую покорность русском мужике усматривали лишь «пугачевщину», угрозу кровавого хаоса, Владимир Ильич увидел совсем другое: готовность к борьбе, пробуждение самосознания, ума, чести и человеческого достоинства. После встреч с Кондратом Михалевым он получил тому еще одно доказательство. И спор об этом Ленин вынес на страницы печати.

Собственно, предмет спора определился еще в конце предыдущего столетия, когда первые выступления рабочих – не говоря уже о крестьянских бунтах – нередко сопровождались различного рода эксцессами. Как быть? Как относиться к этому?

С первых шагов своей политической деятельности Владимир Ильич размышлял над этой проблемой. Нечеловеческие условия жизни, писал он, низвели положение российского труженика до положения скотины. Именно поэтому его протест «не может не принять буйных форм» и неизбежно выливается либо в «тупое отчаяние», либо в яростные взрывы «дикой мести». И можно, видимо, понять известного либерала Михаила Гершензона, который позднее написал в «Вехах»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁶⁹⁸.

В письме Инессе Арманд Ленин отметил: «Русская революция 1905 г...состояла из ряда битв всех недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д.»⁶⁹⁹. Так что же – стать на сторону жандармов, усмиряющих стачки и бунты? Или возможна иная позиция? Да, возможна, считал Ленин.

Мы никогда «не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стирали разницы между “русским бунтом, бессмысленным и беспощадным”, и революционной борьбой...» Но если бунты начались, революционеры не могут «пройти мимо» этих протестных выступлений. Свой долг они видят в том, чтобы не отворачиваться безразлично от «эксцессов», а просвещать и организовывать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы», учить на опыте собственных побед и поражений. Только тогда, подчеркивал Владимир Ильич, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»⁷⁰⁰.

Когда в 1896 году Ленин полемизировал по данному вопросу с Михайловским, Юлий Мартов был вполне солидарен с Владимиром Ильичом⁷⁰¹. Но с тех пор прошло двадцать лет. В 1916 году в ряде районов России на почве голода и дороговизны произошли стихийные массовые волнения, сопровождавшиеся разгромом продовольственных лавок и избиением лавочников. Как должен отнестись к подобным выступлениям революционер? Мартов попытался дать свой ответ на этот вопрос.

«Плоха та революционная партия, – писал он, – которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами». С другой стороны, «плоха была бы та партия, которая бы считала своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами»... В целом же «вспыхивающие на почве дороговизны

народные волнения... не могут непосредственно стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу». А посему «кокетничанье» с таким движением, «легкомысленные спекуляции» на нем – «прямо преступны». Остается лишь призывать эти массы «к организованной борьбе», а именно – «к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам».

Иной ответ дал Ленин. Революционный социал-демократ, полагал он, в условиях голода и кровавой войны, ежедневно уносящей тысячи жизней, должен был обратиться к массе не с призывом к «организации кооперативов». Он должен был сказать: да, «громить лавочку нецелесообразно», ибо в голоде и войне, которые довели людей до иступления, виноват не этот мелкий лавочник, а виновато правительство. Так давайте «направим свою ненависть на правительство», а для этого организуемся, сговоримся с рабочими других городов, «устроимте посерьезнее демонстрацию», обратимся к солдатам и «привлечем к себе часть войска, желающую мира».

Вот так должен был, по Ленину, действовать настоящий революционер. И через два месяца после публикации этой статьи именно так действовали в Питере рабочие-большевики, меньшевики, эсеры, когда в столице на почве нехватки хлеба и недовольства войной вспыхнули массовые волнения. Борьба закончилась победой Февральской революции...

Впоследствии многие историки утверждали, что Февральская революция родилась из озлобления стоявших в очередях женщин и солдатских «беспорядков». Словом, из «бабьего бунта», слившегося с бунтом солдатским. Этим хотели обосновать мысль об «аполитичности» революции. Советские историки протестовали, стремясь, напротив, подчеркнуть политическую сознательность масс уже на начальном этапе революции. Пожалуй, в обоих случаях допускались «перегибы», хотя невозможно отрицать, что экономические трудности лежали в основе недовольства, породившего социальную напряженность. Как записал Ленин еще в феврале 1917 года, «нужда не признает никаких законов»⁷⁰². Но важно понять и другое: стихия

стихии – рознь. После того как миллионы людей прошли школу первой русской революции, стихия стала понятием достаточно относительным.

Когда читаешь воспоминания об этих днях сторонних наблюдателей, складывается впечатление о некоем гигантском муравейнике, не только безликом, но и безымянном. То и дело встречаешь фразы: «Из толпы кричали: “Где вожаки? Ведите нас!”, а потом бросились к “Крестам” освобождать политических»; «На Выборгской толпа разгромила полицейский участок и захватила оружие»; «На Знаменской площади какие-то личности, взобравшись на памятник покойного государя, бросали в многотысячную толпу зажигательные призывы»; «Когда казаки, обнажив шашки, хотели броситься на демонстрантов, из толпы вышла женщина и произнесла речь, после чего казаки повернули вспять...»

Сегодня, когда благодаря исследованиям историков можно просматривать ленту февральских событий кадр за кадром, мы видим в этой, казалось бы, безликой толпе – знакомые лица. На штурм «Крестов» солдат и рабочих двинул большевик М.И. Калинин. Захватом участка на Выборгской стороне руководил И.Д. Чугурин – ученик Ленинской школы в Лонжюмо, член ПК. На Знаменской площади с памятника Александру III выступали с речами межрайонец К.К. Юренев и меньшевик В. Гриневич. Женщина, бесстрашно вышедшая навстречу казакам, – это работница-большевичка А.И. Круглова... В нужный момент каждый из тех, кто имел за плечами опыт пятого года, не дожидаясь «директив сверху», знал свое дело и был на своем месте.

Но это произошло спустя два месяца, а в декабре 16-го года Ленин писал: предположим, что революционер столкнулся «с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против нецелесообразной формы... во имя чего? во имя целесообразных революционных выступлений...»⁷⁰³

Незадолго до нового года, 18 декабря, Ленин пишет Арманд: «Получилось сегодня еще одно письмо из СПб. – в последнее

время оттуда заботливо пишут... Настроение, пишут, архиреволюционное». Через два месяца, 19 февраля 1917 года он сообщает ей же: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник». А когда в тот же день большевик Слава Каспаров сообщает из Берна, что у него появилась возможность возвращения в Россию, Крупская, по поручению Владимира Ильича, сразу отвечает: «Ехать надо немедленно, а то опоздаете к "началу"»⁷⁰⁴. В черновых записях начала 1917 года Ленин еще более категоричен: «Der Sturm naht», – пишет он, – штурм приближается!⁷⁰⁵

День 15 (2) марта 1917 года складывался как обычно. С утра моросил дождь. В девять Владимир Ильич был уже в библиотеке. В 12 часов 10 минут вернулся домой, пообедал. Надежда Константиновна помыла посуду, и Ленин вновь собрался в библиотеку. Но в этот момент прибежал их знакомый – польский эмигрант Бронский: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» – и стал рассказывать о только что вышедших экстренных выпусках газет⁷⁰⁶.

В одном из ранних вариантов воспоминаний Крупская написала: «Ильич как-то растерялся. Когда Бронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России»⁷⁰⁷.

Но если знал, ждал, то почему же «растерялся»?

Да потому, что можно знать причины, улавливать тысячи признаков приближения революции, но никому не дано предсказать ее повод, а уж тем более – дату начала. Революции не возникают по чьей-либо воле или в результате планов, выношенных революционерами. Это – результат, как любил говорить Ленин, «объективного хода вещей». Они приходят тогда, когда власть имущие не решают назревших проблем народной жизни мирным путем. А неприятие существующих порядков самим народом в конце концов переполняет чашу

терпения. Как, где, когда она переполнится, какое событие станет последней каплей – этого не может предугадать никто...

Об этом Ленин написал в «Социал-Демократе», вышедшем 31 января 1917 года: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс». И все-таки – «таких революций не бывает... чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы». Через полтора года Ленин повторит: «За два месяца перед... февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию»⁷⁰⁸.

Среди сообщений заграничной прессы о восстании в Петрограде, которые Ленин прочел у озера, одно запомнилось: на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших на площади перед Государственной думой, красовался лозунг – «Да здравствуют социалистические республики во всех странах!»⁷⁰⁹

«План Мартова»

Утром 23 (10) января 1905 года в Женеве Владимир Ильич и Надежда Константиновна точно так же, как обычно, шли в библиотеку. И вдруг увидели бежавших к ним Луначарских. Анна Александровна – жена Анатолия Васильевича – от волнения не могла говорить и лишь беспомощно махала муфтой. Наконец, отдышавшись, они рассказали, что по сообщениям утренних газет в России вчера началась революция...

Владимир Ильич и тогда – задолго до этого дня – писал о приближении революционного взрыва. «Но одно дело, – замечает Крупская, – чувствовать это приближение, а другое – узнать, что революция уже началась»⁷¹⁰.

Тогда, в 1905 году, в ожидании разрешения на въезд в Россию пришлось сидеть в Женеве почти год. Лишь 8 ноября он приехал в Петербург. К этому времени все уже сложилось и определилось. И хотя его письма и статьи сыграли свою роль в

развитии событий, что-то изменить было уже нельзя. Когда ему, в частности, стало известно о подготовке декабрьского восстания в Москве, он написал: «Я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают»⁷¹¹.

И вот опять: в России победила революция, а он сидит в этом «проклятом далеке», за тысячи верст от событий, которых ждал всю жизнь... Медлить было нельзя – в этом Ленин был абсолютно уверен. И уже там – у озера, у витрин с газетами, сообщавшими о событиях в Петрограде, он сказал Сергею Багоцкому: «Надо готовиться к отъезду в Россию».

15 (2) марта Владимир Ильич пишет Инессе Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации... Что Россия была последние дни накануне революции, это несомненно. Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!!»⁷¹² Ибо именно через нее лежал путь в Россию.

Приехал из Берна Григорий Зиновьев. Несколько часов, пишет он, бродили по улицам «бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда "Новой цюрихской газеты", строя догадки на основании отрывочных сведений. Но не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки. Надо ехать!»⁷¹³

Легальная дорога была одна: через Францию в Англию, затем из Англии на пароходе в Норвегию или Голландию, а оттуда – через Швецию – в Питер. Значит, надо было получить французскую, английскую, норвежскую или шведскую визы и разрешение на пересечение русской границы. И уже тогда, в первые дни, появились признаки того, что эта дорога открыта не для всех и что, как выразился Зиновьев, «мы сидим за семью замками» и в Россию «прорваться будет нелегко»⁷¹⁴.

Появились слухи, что в российских посольствах имеются на сей счет какие-то «черные списки». Слухи оказались вполне достоверными. Еще в 1915–1916 годах военные представители Англии, Франции и России составили «международные контрольные списки» на лиц, коим запрещался въезд во все

страны Антанты. Среди других «нежелательных категорий» в них были внесены и те эмигранты, которые «подозреваются в пропаганде мира». Всего в «черных списках» значилось около 6 тысяч человек⁷¹⁵.

17 (4) марта 1917 года Ленин получает телеграмму из Христиании (Осло) от Коллонтай, Пятакова, Бош и Ганецкого: «Вашу поездку в Россию считаем необходимой...» И Владимир Ильич отвечает: «Сейчас получили Вашу телеграмму, сформулированную так, что почти звучит иронией... Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»⁷¹⁶.

Вечером того же дня в заграничных газетах появляется сообщение о том, что Временное правительство России объявило амнистию «по делам политическим и религиозным». Это внушало какие-то надежды. И уже на следующий день Ленин поручает Арманд «узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать» на родину через Англию. Тогда же, 18 марта, он просит жену большевика Георгия Сафарова – 26-летнюю Валентину Мартошкину – зайти в английское консульство и прямо там прозондировать ситуацию. Ответ английского посланника был прост и прямолинеен: «Через Англию вообще нельзя». И 19-го Владимир Ильич сообщает Арманд: «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем... Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма "особых" мер»⁷¹⁷.

О том, какие это меры, он пишет в Женеву Вячеславу Карпинскому: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию (и Голландию) в Россию. Я могу надеть парик. Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике»⁷¹⁸. Ответ Карпинского разочаровал: оказывается, он уже давно значился во всех проскрипционных списках, ибо когда-то проходил по делу «знаменитого террориста» Камо (С.А. Тер-Петросяна).

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, – рассказывала Крупская, – и вот по ночам

строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана»⁷¹⁹. Да и сам он понимал это. «Конечно, – пишет Владимир Ильич Арманд, – нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь...»⁷²⁰

Это было написано утром 19 (6) марта. Но днем произошло событие, которое породило новые надежды...

Сразу после получения известий о революции все российские политические эмигранты, независимо от партийной принадлежности, стали собираться для обмена информацией. Главным предметом дискуссии был тот же вопрос: о путях возвращения на родину. Невозможность проезда через Англию становилась все более очевидной. И на частном совещании представителей различных партийных групп, состоявшемся в Берне 19-го, Юлий Мартов выдвинул план проезда эмигрантов и других российских граждан, застрявших в связи с войной в Швейцарии, через Германию в обмен на интернированных в России немцев.

Ничего необычного в этом предложении не было. В годы войны царское правительство не раз практиковало такой обмен. Кстати, именно так – через Германию и Швецию – вернулся в Россию известный ученый Максим Ковалевский. В Петрограде ему устроили торжественную встречу, и сам Милюков, приветствовавший его на вокзале (ставший в марте 1917-го министром иностранных дел Временного правительства), не находил в этом маршруте ничего предосудительного. Вот и участники совещания в Берне 19 марта – лидер меньшевиков Мартов, лидер эсеров Натансон, Бунда – Косовский и представитель большевиков Зиновьев – сочли «план Мартова» о проезде через Германию «наиболее благоприятным и приемлемым»⁷²¹.

Получив от Зиновьева это известие, Владимир Ильич делает приписку к письму Инессе Арманд от 19 марта с просьбой поискать среди лояльных «богатых и небогатых русских социал-

патриотов» тех, кто мог бы «попросить у немцев про́пуска – вагон до Копенгагена для разных революционеров... Я не могу этого сделать. Я “пораженец”... Вы скажете, может быть, немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут!»⁷²²

Карпинскому Ленин пишет подробнее: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты – русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п....) с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне... План, сам по себе, очень хорош и очень верен»⁷²³.

План Мартова был тем более хорош, что именно в эти дни, как сообщил в Петроград российский поверенный в делах в Швейцарии Ону, по требованию военного министерства Великобритании английскими консулами была полностью «прекращена виза паспортов на проезд в Россию и скандинавские страны». Граф П.А. Игнатьев доложил из Парижа в Питер данные русской контрразведки: «Установлено, что Ленин и его группа безусловно просили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано». В свою очередь, французская разведка информировала, что Ленин и другие большевики «запросили в вице-консульстве Англии в Лозанне разрешение на право проезда через Англию, но так как им было отказано в их просьбе, они обратились в германское консульство»⁷²⁴.

Впрочем, это произошло позднее, а пока надо было начинать официальные хлопоты. В предшествующих случаях проезда русских эмигрантов через Германию в роли посредника выступало правительство Швейцарии. И участники совещания в Берне 19 марта обратились к одному из лидеров швейцарских социал-демократов, государственному советнику Роберту Гримму с просьбой прозондировать этот вопрос⁷²⁵. Одновременно, 20 марта, по поручению Ленина Зиновьев телеграфирует Пятакову, отъезжавшему из Норвегии, чтобы по прибытии в Петроград

большевики добивались от Временного правительства привлечения Швейцарии к переговорам с Берлином о пропуске российских эмигрантов через Германию⁷²⁶.

Между тем, выполняя поручение, Роберт Гримм встретился с лидером либеральной партии, адвокатом, министром Артуром Гофманом, руководившим внешней политикой. Но тот ответил, что «швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета»⁷²⁷. Это не исключает того, добавил министр, что – в качестве частного лица – сам Гримм вполне может выступить в этой роли.

А «план Мартова» приобретал с каждым днем все больше сторонников. 23 (10) марта представители различных партийных групп сформировали единую организацию из числа меньшевиков, большевиков, польских, латышских, литовских, еврейских социалистов и социал-демократов, эсеров, анархистов и т. д. Вошли в нее и те, кого называли социал-патриотами. Избрали «Центральный Комитет по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, на родину». Председателем ЦК стал меньшевик Семковский, секретарем – польский социал-демократ Багоцкий⁷²⁸. Этот ЦК и дал полномочия Гримму на ведение переговоров с германскими дипломатами. В тот же день 23 (10) марта Гримм встретился с немецким посланником бароном Гизбертом фон Ромбергом, и из Берна в МИД Германии ушла телеграмма: «Выдающиеся здешние революционеры имеют желание возвратиться в Россию через Германию...»⁷²⁹

В театральной режиссуре существует понятие «симультанное действие». Сценическая площадка или круг разбиваются на несколько секторов, где одновременно происходят те или иные эпизоды пьесы. Персонажи, находящиеся в разных секторах, как бы не подозревают о том, что делается рядом. Но именно одновременность происходящего в разных частях сцены создает единое драматическое действие...

В истории нечто подобное происходит очень часто. И лишь последующие исследования позволяют выявить не только одновременность, но и взаимосвязь различных событий.

Ну чего ради уперлись англичане и французы с этими визами и пропусками? Почему, вопреки обыкновению, швейцарское правительство отказалось от посредничества? А в чем причина той медлительности, которую проявило российское правительство в ответ на просьбы о возвращении эмигрантов? И почему немцы столь оперативно пошли навстречу?

Для ответа на эти вроде бы частные вопросы необходимо, видимо, обратиться к проблемам более общим и более масштабным.

Мировая война длилась уже более двух лет. Жертвы ее исчислялись уже многими миллионами. И каждая из противостоящих сторон нуждалась в скорой и решительной победе. 6 апреля (24 марта) 1917 года в войну – на стороне Антанты – должны были вступить США. На 9 апреля (27 марта) планировалось начало наступления союзных войск во Франции, в Аррасе, в районе реки Эн. Но оно сулило успех лишь в том случае, если не менее 70 немецких дивизий будут скованы на Восточном фронте.

Временное правительство еще 18 (5) марта известило через свои зарубежные представительства, что Россия выполнит свой союзнический долг. Но разведка и послы стран Антанты сообщали, что положение самого российского правительства достаточно шатко. Что «двоевластие», сложившееся в стране, связывает ему руки, ибо реальная сила находится у Советов. И что правительство удерживает власть лишь потому, что во главе Советов стоят те социалисты, которых называют «соглашателями».

В таких условиях возвращение в Россию из эмиграции более левых и более авторитетных лидеров, выступающих против войны, могло поколебать неустойчивое равновесие «двоевластия» и сорвать военные планы союзников. Вот почему Англия и Франция заняли столь жесткую позицию по вопросу о

возврате эмигрантов и вынуждены были прибегнуть к их «селекции».

Именно поэтому, когда патриарх российской социал-демократии «оборонец» Плеханов решил вернуться в Россию, ему и сорока его сторонникам англичане предоставили военный корабль, который – в сопровождении миноносцев (для защиты от немецких субмарин) – и довез их до Норвегии.

А вот когда из Парижа в Англию, оформив все необходимые документы для отъезда на родину, прибыл лидер эсеров Виктор Чернов, значившийся в «черных списках», его немедленно интернировали и выдворили обратно во Францию. Та же участь постигла и одного из меньшевистских лидеров Льва Троцкого. С группой своих сторонников он попытался выехать из США в Россию на норвежском пароходе. Но в Галифаксе, по приказу английского адмиралтейства, их сняли с корабля, арестовали и интернировали в Канаде⁷³⁰.

А потом пришло сообщение, что известные революционеры-эмигранты П. Карпович и Я. Янсон, добившиеся разрешения на выезд из Англии в Россию, погибли в результате подрыва их парохода немецкой подлодкой в Северном море. И Вера Фигнер, возглавлявшая в Петрограде Комитет помощи политическим ссыльным, подвела итог: «Теперь нашим изгнанникам есть только два пути возвращения в Россию – через Германию или через смерть»⁷³¹.

Германия стала другой сценической площадкой, где одновременно развивались события, повлиявшие на судьбу швейцарских эмигрантов. Двухлетняя война на два фронта истощила ресурсы страны. Немецкое верховное командование принимало отчаянные меры, чтобы разобщить союзников. Оно тратило сотни миллионов марок на содержание шпионской сети, подрывную работу и прогерманскую пропаганду в Англии, Франции, Италии, Румынии и других странах. Но особое внимание уделялось России. Для противостояния на Западном фронте необходима была прежде всего нейтрализация Восточного. И Германия была готова поддержать любые

организации, группы, которые могли бы дестабилизировать обстановку в России.

Шел поиск контактов в придворных и правительственных кругах, среди влиятельных промышленников и банкиров, издателей газет и журналистов, финских, украинских, кавказских сепаратистов. Через германских и австрийских социал-демократов предложения о денежных субсидиях делались эсерам (Чернову, Камкову), меньшевикам (Чхенкели), большевикам (Коллонтай, Шляпникову). Однако, как сообщала хорошо осведомленная заграничная агентура Департамента полиции, все предложения и эсеры, и социал-демократы решительно отвергли⁷³².

А 12 января 1915 года к Ленину на бернскую квартиру явился меньшевик В.Д. Мгеладзе с письмом из Константинополя от одного из лидеров «Союза освобождения Украины» М.И. Меленевского (Басок). Этот «Союз» уже вступил в контакт с Германским генеральным штабом, и Меленевский предлагал большевикам сотрудничество в общей борьбе с царизмом.

В беседе с Лениным Мгеладзе (Триа) проговорился «про связь этого Союза с немецким правительством... Я, – пишет Ленин, – был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа написал ответ Баску... Я заявлял, что так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего»⁷³³. С этим письмом Ленин и выставил Мгеладзе за дверь.

Спрос, особенно неудовлетворенный, всегда рождает предложения. И вот в марте 1915 года в Берлин из Константинополя прибыл известный авантюрист, бывший российский, а затем германский социал-демократ доктор А.Л. Гельфанд, более известный под псевдонимом Парвус. Он и предложил германскому правительству свои услуги «по организации революции в России».

Любопытно, что аналогичное предложение в 1916 году было сделано и царскому правительству России. Некто капитан Брагин представил «Проект организации революционного движения в Германии». Предполагалось с помощью немецких социал-

демократов развернуть в германской армии антивоенную пропаганду, а также через широкую сеть агентов вызвать беспорядки на фронте и в тылу. Военный министр одобрил проект, но его советники сочли сумму в 40 млн золотых рублей, запрошенную Брагиным, непомерной, и его идея так и не была реализована⁷³⁴.

Однако для немецких чиновников, убежденных в том, что все происходящее на свете возможно лишь как результат указаний начальства и щедрого финансирования, «меморандум доктора Гельфанда» не показался вздором. И ему – под расписку – был выдан один миллион рублей. По заверениям его куратора – немецкого посланника в Копенгагене Брокдорф-Ранцау – вся эта сумма целиком была якобы доставлена в Петроград уже к январю 1916 года⁷³⁵.

На российском горизонте Парвус появился еще во времена «Искры». Позднее он стал активным меньшевиком. В 1905 году – вместе с Троцким – выдвинулся на первые роли в Петербургском совете рабочих депутатов. Был арестован, сослан, бежал, эмигрировал. И уже тогда у него стала складываться дурная репутация человека непорядочного, явно равнодушного к деньгам и «шикарной жизни». Эту репутацию Парвус вполне оправдал, и в годы мировой войны нажил огромное состояние на военных поставках и контрабанде из Турции в Германию, из Германии в Данию, Россию, на Балканы. Но страсть к политике не оставляла его, что и привело к появлению упомянутого выше «Меморандума». Какие-то связи с Питером еще оставались, но их было явно недостаточно даже для имитации предложенного проекта.

Выход был один – установить связь с большевиками, которые, несмотря на репрессии, сохранили общероссийскую организацию. Об отказе Ленина от контактов с Меленевским Парвус наверняка знал, ибо в Константинополе они общались достаточно тесно. Возможно, он был причастен и к самой инициативе Баска. Поэтому, не надеясь на посредников, в мае 1915 года он сам приехал в Швейцарию для встречи с Лениным.

Сведения об этой встрече сохранились в мемуарах Парвуса. Во времена, когда писались его воспоминания, он многое дал бы за то, чтобы припутать Ленина к своим делам. Увы, оснований не оказалось. И Парвус ограничился кислым замечанием о том, что Ленин отказался и от сотрудничества, и от предложенных денег. К аналогичному выводу, анализируя данную встречу, приходит и американский исследователь Д. Шуб: «Парвусу не удалось добиться сотрудничества Ленина, и в использовании им нелегальной большевистской организации ему было отказано»⁷³⁶.

Мемуары Парвуса считались единственным подтверждением самого факта встречи. Однако существует еще одно свидетельство. Принадлежит оно бывшему эсеру, потом анархо-синдикалисту, а с 1913 года социал-демократу (плехановцу) Артуру Рудольфовичу Зифельдту, жившему в Берне в 1915 году. Причем воспоминания его были опубликованы в Баку в январе 1924 года, то есть до появления мемуаров Парвуса.

Зифельдт рассказывает, как весной 15-го года – а было ему тогда 26 лет – он спешил в столовую и по дороге встретил знакомую меньшевичку [Катю Громан] с каким-то малоприятным толстым господином. Она представила его – Парвус. А тот, в свою очередь, попросил Артура проводить его к Ленину. Но случилось так, что именно в этот момент на улице показались Ленин, Крупская и Каспаров, тоже спешившие в столовую. Парвус сказал, что хотел бы поговорить с Владимиром Ильичом, и Ленин пригласил его домой. «А я, – пишет Зифельдт, – пошел с Каспаровым в столовку обедать, а потом быстрым шагом, раздираемый любопытством, к Ильичу... Вхожу и застаю одного Ильича с Н.К. – “А где же Парвус?” Оказывается, что политическая беседа... была очень коротка. Не успел шейдемановский агент изложить до конца свою “платформу” и свои “предложения”, как Ильич кратко, но выразительно сказал, что им не по пути, и вежливо выпроводил Парвуса, выразив пожелание отныне больше его не видеть», то есть, говоря проще, выставил за дверь⁷³⁷.

А в центральном органе большевиков, газете «Социал-Демократ», появилась статья «У последней черты», где Владимир Ильич писал: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустил теперь в издаваемом им журнальчике [«Колокол»] до... последней черты... Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России»⁷³⁸. Для человека, мечтавшего о возвращении на роль публичного политика, это была убийственная публикация. И Александр Шляпников пишет, что все большевистские организации сразу же прекратили с Парвусом «всякие отношения»⁷³⁹.

Время шло. Революция в России произошла без ведома и «указаний» Парвуса. И немцы уже сожалели о потерянном миллионе. Как вдруг уже упоминавшаяся телеграмма в МИД, отправленная из Берна 23 (10) марта 1917 года бароном фон Ромбергом – о желании российских революционеров проехать через Германию, – дала Парвусу надежду вновь оказаться причастным к ходу событий.

По поводу телеграммы Ромберга МИД запрашивает мнение германского посланника в Стокгольме барона фон Люциуса, в Копенгагене – посланника Брокдорф-Ранцау, с которыми доктор Гельфанд поддерживал тесные связи. И Парвус рисует им радужные для Германии перспективы в случае возвращения в Россию – с его, конечно, участием – швейцарских эмигрантов.

Вне зависимости от нашептываний Парвуса, Ранцау убеждает в целесообразности «гениального плана: прогнать дьявола при помощи черта» ряд ответственных чиновников: барона фон Мальцана в МИДе, руководителя военной пропаганды депутата рейхстага Эрцбергера, начальника разведотдела генштаба полковника Николаи. А они, в свою очередь, сумели убедить и рейхсканцлера Германии Теобальда Бетман-Гольвега. И статс-секретарь МИДа Артур Циммерман телеграфирует в ставку верховного командования: «Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, кажется уместным разрешить им проезд». 25 марта ставка предложение одобрила, и 26 (13) МИД направил Ромбергу в Берн

телеграмму: «Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имен должны быть представлены за 4 дня»⁷⁴⁰.

О всей этой чиновной переписке Ленин, естественно, ничего не знал. Проходили дни, и ему казалось, что надежд на скорое легальное возвращение в Россию становится все меньше. «В Россию, должно быть, не попадем!! – с горечью пишет он Арманд. – Англия не пустит. Через Германию не выходит». И о том же – Ганецкому: «Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»⁷⁴¹.

Ленин опять начинает думать о вариантах нелегальных. Конечно, уже не о аэроплане, но планах не менее курьезных. Он попросил Бронского, рассказывает Крупская, «разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию». Потом он конкретизирует идею. «Получаю вдруг, – вспоминал Ганецкий, – телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и две фотографии – его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: “Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые”»⁷⁴².

Крупская смеялась: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед». О том же писал и Ганецкий: «Я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план...»⁷⁴³

Телеграмма, о которой рассказал Ганецкий, – это, видимо, телеграмма Ленина 23 (10) марта: «Письмо послано. Дядя желает получить подробные сведения. Официальный путь для

отдельных лиц неприемлем. Пишите срочно Варшавскому [Бронскому]»⁷⁴⁴. Если письмо пришло через «три дня», то это, видимо, 26 или 27 марта.

Трудно сказать, действительно ли смеялся тогда Ганецкий, но задание он выполнил. Среди сотрудников конторы Парвуса в Берлине был коммерсант Георг Скларц. Ганецкий и Бронский знали, что у него довольно тесные контакты с таможенными чиновниками и контрабандистами, но, конечно, никак не думали, что Скларц связан и с германской разведкой. Но самое любопытное, что – судя по немецким документам – ни Скларц, ни Парвус о данной затее ничего своим хозяевам не сообщили.

И основания для этого были...

О ходе переговоров германского МИДа со ставкой относительно «группового транспорта» русских эмигрантов немцы Парвуса не информировали⁷⁴⁵. И у него, видимо, появилось ощущение, что главное опять проходит мимо него. Поэтому, когда Скларц сообщил о запросе Ленина, Парвус решил, что судьба наконец-то дает ему шанс вновь оказаться в центре событий. Фразу Владимира Ильича в телеграмме Ганецкому о том, что «официальный путь для отдельных лиц неприемлем» он игнорировал. Главным было – заманить Ленина в Берлин...

Так или иначе, но в конце марта Георг Скларц примчался в Цюрих. Через свою знакомую Дору Долину он связывается с Михаилом Бронским и предлагает свои услуги, для того чтобы получить разрешение на проезд через Германию Ленина и Зиновьева. Когда Бронский рассказал об этом Ленину, Владимир Ильич насторожился и попросил встретиться со Скларцем вторично, чтобы выяснить – от чьего имени он действует. А Ганецкому 28 (15) марта телеграфировал: «Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена, или русское договорится об обмене всех эмигрантов...»

Во время второй встречи с Бронским Скларц заявил, что сам довезет Ленина и Зиновьева до Берлина, потом проговорился о Парвусе и, наконец, стал предлагать деньги для переезда. Как

пишет Платтен, все это окончательно «убедило Ленина, что посредник по этому делу – агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры». А Ганецкому 30 (17) марта Владимир Ильич вновь телеграфирует: «Ваш план неприемлем... Единственная надежда – пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев». В тот же день, в письме Ганецкому, Ленин еще раз пояснил: «Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю “Колокола” [Парвусу], я, конечно, не могу»⁷⁴⁶.

Письмо пришло в Стокгольм 2 или 3 апреля. Ганецкий понял, что фотографии для паспортов уже не понадобятся, «однако фотографию Владимира Ильича, – пишет он, – я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей “Политикен”...»⁷⁴⁷ Действительно, 6 апреля (24 марта) эта газета опубликовала и портрет Ленина, и статью о нем, написанную Вацлавом Воровским.

Так уж случилось, что пятница, 30 (17) марта, стала решающим днем...

Когда 26 марта имперский посланник в Берне барон фон Ромберг получил разрешение МИДа на групповой проезд русских эмигрантов, он тотчас сообщил об этом Гримму и был уверен, что списки отъезжающих получит в ближайшие дни. Но не тут-то было.

Принимая предложение о посредничестве в переговорах, Гримм вынашивал и свои честолюбивые планы. Ему казалось, что, общаясь с официальными представителями России и Германии, он сможет выступить в исторической роли миротворца. Позднее он сам признался, что вступил «на путь тайной дипломатии» для того, чтобы ускорить заключение сепаратного мира между Германией и Россией, дабы «спасти русскую революцию»⁷⁴⁸.

Теперь же, после информации Ромберга, выяснилось, что никаких контактов с официальными представителями не будет. И лишь 30 марта Гримм сообщает объединенному эмигрантскому

ЦК о получении разрешения на групповой проезд через Германию. При этом он настаивает на получении соответствующей санкции у Временного правительства, после которой возобновит переговоры⁷⁴⁹. Проблема снова загонялась в тот же тупик.

Как и о чем разговаривал Гримм с Ромбергом? Кто именно настаивает на санкции российского правительства – Гримм или Ромберг? Обо всем этом ничего не было известно. И вообще, «мы не были осведомлены, – пишет Платтен, – насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом»⁷⁵⁰.

Ленин решает посоветоваться с многоопытным журналистом Карлом Радеком. Узнав у Бронского, что Карл Бернгардович отдыхает в Давосе, он договаривается о встрече. Радек немедленно приезжает в Цюрих вместе с гостившим у него немецким адвокатом, депутатом рейхстага, левым «циммервальдистом» Паулем Леви, и они обсуждают сложившееся положение.

Что касается отвергнутого нелегального варианта, то – в отличие от Крупской и Ганецкого – Леви смеяться не стал. «Это грозит расстрелом», – сказал он. Радек дополнил: «Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабандисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства...»⁷⁵¹

Значит, оставался только легальный вариант. И для его реализации необходимо было прояснить, готовы ли немцы продолжить переговоры без санкции правительства России. Радек и Леви тут же попросили знакомого корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер Цейтунг» доктора Дейнгарта спросить об этом Ромберга. Посланник сразу ответил, что немедленно «снесется с Берлином»⁷⁵².

И наконец, в тот же день, 30 марта от Ганецкого приходит срочная телеграмма. Из Питера в Стокгольм прибыла партийный курьер М.И. Стецкевич. Она привезла газеты, письма для Владимира Ильича, но главное – и об этом была телеграмма

Ганецкого – требование Русского Бюро ЦК большевиков немедленного приезда Ленина в Россию, ибо «нашим недостает руководства» и «каждый упущенный час ставит все на карту»⁷⁵³. Этот вполне официальный вызов стал для Ленина, пожалуй, самым важным импульсом дальнейших решительных действий и, в частности, для того, чтобы взять инициативу в свои руки.

Он вновь и вновь просчитывает все возможные варианты. Взвешивает те политические последствия, которые могла иметь поездка через Германию. «Это был единственный случай, – вспоминал зашедший к Владимиру Ильичу Вилли Мюнценберг, – когда я встретил Ленина в сильном волнении и полным гнева. Короткими и быстрыми шагами он обходил маленькую комнату и говорил резкими обрывистыми фразами... Окончательным выводом всех его слов было: мы должны ехать, хоть сквозь пекло»⁷⁵⁴.

В субботу вечером, 31 (18) марта, Пауль Леви сидел в кафе цюрихского Народного дома. Внезапно его позвали к телефону. Звонил сам барон Ромберг. Он сказал, что искал его по всему городу и не может ли господин депутат связаться с Лениным, ибо с минуты на минуту ждет окончательных инструкций из Берлина на свой запрос 30 марта⁷⁵⁵. Ромберг сказал правду. В этот день в Германском генеральном штабе прошло совещание по поводу проезда русских революционеров. Сотрудник имперского разведотдела «Восток» капитан Бурман заявил, что «хотя его отдел и не придает этой акции большого значения, он хотел бы получить список проезжающих как можно быстрее». Остальные участники совещания поддержали его⁷⁵⁶.

Пауль Леви немедленно разыскал Ленина и сообщил ему о звонке из посольства. Надо было решать. Не терять время, не начинать бесконечных словопрений с представителями различных партийных групп, как это делалось до этого, а принимать конкретное решение от имени большевиков, а уж затем ставить его на всеобщее обсуждение.

И Ленин пишет постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП, в котором заявляет, что предложения о групповом

поезде, сделанные Гримму, «вполне приемлемы» и являются «единственным выходом». Что «дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима». А посему «предложение немедленного отъезда нами принято, и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться». Постановление подписывают Ленин и Зиновьев. Оно немедленно отправляется в большевистские группы Швейцарии, представителям других партий, объединенному ЦК русских политэмигрантов, а затем печатается листовкой⁷⁵⁷. Вечером в Берн уходит телеграмма Гримму: «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о поезде русских эмигрантов через Германию... Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить нам решение»⁷⁵⁸.

Если бы где-то в Швейцарии взорвали бомбу, это, вероятно, произвело гораздо меньшее впечатление. Утром 1 апреля (19 марта) позвонил Гримм. Он заявил, что ни в коем случае не возобновит контактов с Ромбергом без санкции Временного правительства и считает «свою миссию исчерпанной». В тот же день из Лозанны Владимир Ильич получает телеграмму Марка Натансона о том, что эсеры будут выступать против решения большевиков⁷⁵⁹.

Но Ленина это не останавливает. Он телеграфирует Ганецкому, просит его выслать 2–3 тысячи крон и сообщает, что выезд возможен в среду 4 апреля (22 марта) и ехать готовы уже минимум 10 человек. А Инессе Арманд пишет: «Надеюсь, что в среду мы едем – надеюсь, вместе с Вами»⁷⁶⁰.

Английская и французская разведки внимательно следили за событиями в Швейцарии. Когда, по их мнению, вопрос о поездке русских революционеров сдвинулся с места, они потребовали от российского правительства решительных мер. Министр иностранных дел Милюков ответил английскому послу лорду Бьюкенену: «Единственное, что можно было бы предпринять, – это опубликовать их фамилии и сообщить тот факт, что они

направляются через Германию; этого было бы достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию». Впрочем, этим разговором Милюков не ограничился. В популярной французской газете «Le Petit Parisien» было опубликовано его заявление о том, что каждый, кто вернется на родину через Германию, будет немедленно объявлен государственным преступником и предан суду⁷⁶¹.

На следующий день, 2 апреля, в рабочем клубе «Eintracht» состоялось собрание представителей эмигрантских центров – меньшевиков, эсеров, групп «Начало», «Вперед» и Польской партии социалистов. После выступления Ленина, обосновавшего решение Заграничной коллегии ЦК РСДРП, начались прения, вернее – не прения, а сплошной крик...

Владимир Ильич прекрасно понимал, что вопросов действительно возникает множество. Не играем ли мы на руку немцам, принимая их предложение? Не используют ли они нас в своих корыстных целях? Верно ли, что российские власти за проезд через Германию собираются сажать в тюрьму? И как воспримет эту поездку российское общественное мнение? Какова будет реакция русских рабочих?

Чтобы ответить, надо было, видимо, сначала определить главное. О чем идет речь – о судьбе, благополучии, комфорте самих эмигрантов? Или о чем-то более существенном? Для Ленина этот вопрос был уже решен...

В России началась народная революция. Идет борьба различных сил за влияние на массы. Там, в Питере, российские цекисты-большевики не могут противостоять таким умудренным политикам, как Милюков, Гучков, Керенский, которые, объявив войну не «империалистической», не «реакционной», а «оборонительной» и «революционной», по-прежнему будут гнать на кровавую бойню миллионы людей. Сама мысль об этом приводила Ленина в ярость. И он считал, что в таких условиях сидеть и ждать милости от такого правительства не только наивно, но и преступно.

Что касается тюрьмы, то ее вероятность не исключена. Ведь сослали же в гиблый Туруханский край, при попустительстве IV

Государственной думы, за антивоенную пропаганду рабочих депутатов. Ведь сидит же в шведской тюрьме редактор газеты, интернационалист Карл Хеглунд. Сидит же с 1916 года в каторжной тюрьме Люкау, с одобрения немецкого рейхстага, Карл Либкнехт. И англичане, и французы «используют» его в своих корыстных целях. Они тайно распространяют по Германии его письма в суд при королевской военной комендатуре в Берлине, его антимилитаристские памфлеты, разоблачающие германское правительство, призывающие пролетариат к интернациональной борьбе против войны. Английское правительство подвергает преследованиям учителя Джона Маклина за антивоенную деятельность, обвиняя его в «пособничестве врагу». Но настоящие революционеры-интернационалисты не могут вести себя по-другому...

Ну, а относительно того, не скомпрометирует ли эта поездка политэмигрантов в глазах русских рабочих, Ленин на собрании 2 апреля сказал: «Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех»⁷⁶².

Однако все аргументы Ленина большинством собравшихся были отвергнуты. В принятой резолюции постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП признали политической ошибкой. «По поводу отъезда, – писала Крупская Каспарову, – меньшевики и с.-р. подняли отчаянную склоку... Считают отъезд через Германию ошибочным, надо-де сначала добиться согласия – одни говорят Милюкова, другие – Совета рабочих депутатов. Одним словом, по-ихнему выходит: сиди и жди»⁷⁶³. Владимир Ильич отреагировал более жестко: «Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков мерзавцами первой степени, “боящихся” того, что скажет “общественное мнение”, т. е. социал-патриоты!!!»⁷⁶⁴

Решение этого собрания не остановило Ленина. Он переходит в комнату правления рабочего клуба, где его ждали

Радек и Мюнценберг. Подвели итоги. Теперь, когда «общее дело» сорвано, об отъезде 4 апреля не может быть и речи, а переговоры с немцами нужно вести не от имени объединенного ЦК политэмигрантов, а только от «группы Ленина». А стало быть, надо менять и посредника. Тем более сам Гримм заявил вчера по телефону, что его «миссия исчерпана».

Выбор пал на Фрица Платтена, честность которого была вне всяких сомнений. Ему позвонили. Он пришел в половине второго. И после недолгих уговоров согласился. Теперь было важно, чтобы Гримм представил его Ромбергу как своего преемника. На это можно было рассчитывать, ибо сам Гримм – в том же телефонном разговоре – сказал, что «охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры...»⁷⁶⁵

С этой проблемой решено было покончить сразу. Быстро оформив выписку о снятии с учета в Цюрихе и отъезде в Россию⁷⁶⁶, Ленин, Крупская, Зиновьев, его жена Лилина в сопровождении Платтена и Радека поездом выехали в Берн. Около 9 вечера Гримма нашли в Народном доме и разговаривали с ним в вестибюле, стоя. Ленин изложил ситуацию, и, вопреки ожиданиям, Гримм сразу же заявил, что готов продолжить переговоры. Когда же Владимир Ильич сказал, что эта функция возложена на Платтена, Гримм процедил, что «он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. "А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти"».

Однако «мы, – рассказывает Радек, – поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой и мы его не хотим беспокоить». После фразы о «плохом дипломате» Владимир Ильич «посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмутив один глаз, а после его ухода сказал: "Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело"»⁷⁶⁷.

Было уже поздно. Ночевать остались в номерах при Народном доме. И Ромбергу позвонили лишь днем 3 апреля (21 марта). Накануне имперскому посланнику пришла шифровка МИД

из Берлина: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии». В этой связи рекомендовалось «в обсуждениях с представителями комитета действовать с максимально возможной скоростью»⁷⁶⁸. Поэтому когда Платтен позвонил, Ромберг сразу принял его и заявил, что готов продолжить переговоры.

Теперь необходимо было выработать условия проезда. Над этим сидели и в ночь на третье, и весь последующий день. Видимо, именно к этому времени относится так называемое «письмо Ганецкому» Ленина, так и не понятое его публикаторами. Не Ганецкий был его адресатом, а тот, кому предстояло встретиться с Ромбергом. И не об Англии в нем шла речь – это писалось из соображений конспирации, – а о Германии. Ибо о каком экстерриториальном вагоне можно было договариваться при очень коротком проезде – из порта в порт – через союзную России страну. Да и Платтен в качестве официального руководителя поездки появился лишь 2 апреля⁷⁶⁹.

Основные пункты условий проезда определились сразу. Во-первых, руководитель поездки Фриц Платтен получает право везти любое число лиц, независимо от их взглядов на войну и без проверки на границе их документов. Во-вторых, вагон с эмигрантами пользуется правом экстерриториальности, что позволит избежать любых контактов с немецкими гражданами. В-третьих, проезд оплачивают сами эмигранты. И наконец, единственное обязательство, которое они берут на себя, – это агитировать в России за соответствующий обмен на интернированных немцев. Особо оговаривалось, что, для полной прозрачности отношений, условия эти будут опубликованы в швейцарской и русской прессе⁷⁷⁰.

4 апреля Платтен вновь был принят бароном Ромбергом, которому и вручил выработанные «условия». Имперский посланник изволил пошутить: «Извините, кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы

имеем право ставить условия». Тем не менее он внимательно прочел бумагу и возражать не стал. Практически все основные пункты были обговорены еще с Гриммом, и теперь «вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей»⁷⁷¹.

В конце беседы Ромберг допустил оплошку. Он полагал, что может, как это было при встречах с Гриммом, поговорить о мире между Россией и Германией. Барон, рассказывает Платтен, «спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его вопрос не могу дать никакого ответа. Г-н Ромберг заметил, что в этом отношении г-н Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся». А Ромберг, на сей раз довольно сухо, еще раз заявил, что «в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может затормозить разрешение на поездку»⁷⁷².

Между тем 4 апреля в Женеве состоялось собрание эмигрантских организаций, которое – как и 2 апреля – отвергло план большевиков. И объединенный ЦК в Цюрихе призвал «все местные организации и отдельных товарищей не вносить дезорганизации в дело возвращения политической эмиграции и дожидаться результата шагов, предпринятых ЦК, как органом политической эмиграции в целом»⁷⁷³.

5 апреля этот ЦК официально обращается в российскую миссию в Берне с запросом: существуют ли вообще пути возвращения на родину? И в миссии отвечают: «В настоящее время пути для проезда в Россию нет». В тот же день ЦК и отдельно Аксельрод, Мартов, Рязанов, Семковский, Натансон, Балабанова, Луначарский и другие отправляют в Петроград пространные телеграммы Керенскому, Чхеидзе, Вере Фигнер: «Единственный реальный путь – соглашение России с Германией, по примеру практиковавшегося уже во время войны обмена гражданских пленных, о пропуске эмигрантов взамен

освобождения интернированных в России гражданско-пленных». К этому и свелись все «шаги», предпринятые объединенным ЦК⁷⁷⁴.

Тогда же, 5 апреля, Ганецкому телеграфирует Ленин: «У нас непонятная задержка», – сообщает он и просит немедленно послать кого-либо в Питер, попытаться еще раз выяснить – возможна ли санкция Совета на поездку, а главное – узнать мнение по этому вопросу Русского бюро ЦК⁷⁷⁵.

Вне зависимости от этого запроса, Русское бюро ЦК многократно пыталось провести через Совет такое решение. Однако всякий раз наталкивалось на сопротивление меньшевиков и эсеров. Лидеры Совета – Чхеидзе, Скобелев, Дан, Церетели – телеграфировали в Берн своим коллегам-меньшевикам о невозможности поездки через Германию, ибо «это произвело бы весьма печальное впечатление», и заверяли, что добьются разрешения на проезд через Англию⁷⁷⁶.

Поэтому, исходя из ситуации, складывавшейся в Петрограде, Русское бюро вторично направляет в Стокгольм М.И. Стецкевич. Как утверждает член ЦК Шляпников, ей «был дан наказ: В.И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным». А Ганецкому Русское бюро 5 апреля телеграфирует: «Ульянов должен немедленно приехать». В тот же день в Стокгольм, для передачи Владимиру Ильичу, приходит телеграмма его сестры – Марии Ильиничны: «Ваш приезд желателен, но избегайте риска». 6 апреля Ганецкий и Воровский сообщают Ленину о телеграммах и от себя добавляют: «Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь»⁷⁷⁷.

Но ускорять события уже не было необходимости. Днем 6 апреля Фриц Платтен получает телеграмму от Ромберга: «Дело улажено в желательном смысле. Отъезд из Готмадингена, по всей вероятности, состоится в субботу вечером». Итак, «условия» приняты безоговорочно. Платтен сообщает об этом Ленину и идет в посольство. Ромберг рассказывает ему, что уже дано распоряжение и у немецкой границы, в Готмадингене, будут

стоять два пассажирских вагона II класса, из расчета на 60 отъезжающих. Платтен просит заменить вагоны II класса на один вагон III класса, так как денег у эмигрантов хватит только на такой транспорт. Под сомнение ставится и дата отъезда: к субботе 7-го русские пассажиры явно не успевали⁷⁷⁸.

Нерешенных дел оказалось великое множество. И прежде всего – деньги. 869 франков (500 рублей) прислало Русское бюро ЦК. Более 1000 франков пришло из Стокгольма от Ганецкого. Предложил заем известный швейцарский социал-демократ, адвокат Карл Моор. К вопросу о деньгах Ганецкого и Моора нам еще предстоит вернуться. Пока лишь заметим, что в апреле 1917 года от займа у Моора большевики отказались⁷⁷⁹, ибо 7-го числа удалось получить ссуду в 3000 франков у Правления швейцарской социал-демократической партии⁷⁸⁰.

Численность отъезжающих росла: от 10–12 до 20–40 человек. Надо было перепоручить остающимся все дела, договориться о каналах переписки, подготовить к отправке в Россию партийные бумаги и книги, наконец, оформить кучу документов. А тут как раз подошла Пасха, и из-за этого тоже возникали досадные задержки. Поэтому дату выезда переносили с 4-го на 7-е, потом стали ориентироваться на 8-е. Но 7-го немцы установили окончательный срок – 9 апреля, отправление в 15 ч. 10 м. из Цюриха⁷⁸¹.

Те, кто жил в Народном доме (в Берне) в ожидании отъезда, стали перебираться в Цюрих. Отправили телеграммы большевистским группам о времени и месте сбора. По просьбе Ленина Платтен известил о поездке Мартова и показал ему «условия». Однако Мартов ответил, что, во-первых, на документе нет подписи Ромберга, а во-вторых, он связан общим решением и уверен, что российское правительство поможет им вернуться на родину⁷⁸².

Отвергая большевистский план, меньшевики и эсеры с самого начала уверяли, что в случае, если Ленин и другие все-таки решатся ехать, они сделают все, чтобы защитить их от клеветы. Но страсти разгорались, и обещание это становилось

слишком ненадежным. Тогда Владимир Ильич решает привлечь «общественное мнение» интернационалистов разных стран⁷⁸³. 7 апреля в Берне, в Народном доме, Ленин встречается с Анри Гильбо и Фердинандом Лорио (Франция), Паулем Леви (Германия), Фрицем Платтенем (Швейцария) и Михаилом Бронским (Польша). Он подробно информирует их о всех перипетиях переговоров с немцами и предлагает текст «протокола». Согласно этому документу, те, кто подписал его, ознакомившись со всеми обстоятельствами и условиями поездки, убеждены, что «наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию», дабы «служить там делу революции». Все пятеро этот текст подписывают как заявление для печати⁷⁸⁴.

На следующий день, 8 апреля, там же проводится собрание большевиков. Зачитывается и принимается написанное Лениным «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Затем оглашается и утверждается «Протокол собрания членов РСДРП партии», к которому прилагаются все документы, связанные с поездкой, и Ленин вместе с другими подписывает его⁷⁸⁵.

К чему, казалось бы, вся эта «канцелярия»? Решили – значит, надо ехать! Но как все указанные документыгодились потом... Ромен Роллан не смог приехать в эти дни в Берн. Но в своем дневнике он записал: «...они знают, что с первого же момента их пребывания в России они могут быть арестованы, посажены в тюрьму, расстреляны... Во главе их стоит Ленин, который считается мозгом всего революционного движения»⁷⁸⁶.

«Пломбированный вагон»

Итак, 8 апреля все обязательные дела были завершены, и утром 9-го, с первым поездом, Ленин и Крупская уехали в Цюрих. В запасе было всего лишь несколько часов. Попрощались с хозяевами, побросали самое необходимое в корзину, вернули

книги в библиотеку и отнесли вещи на вокзал. Там уже собирались все те, кто решил ехать.

«Все уезжающие, – рассказывает Платтен, – собрались в ресторане “Церингерхоф” за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и непрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника». После обсуждения информации все собравшиеся решили подписать обязательство, согласно которому ответственность за предпринимаемый шаг каждый из участников поездки брал лично на себя⁷⁸⁷.

И тут произошел конфликт. Среди тех, кто намеревался ехать, объявился врач Оскар Блюм, автор книги «Выдающиеся личности русской революции». Согласно договоренности, ни партийная принадлежность, ни образ мыслей не могли служить препятствием для включения в список. И среди отъезжающих, помимо большевиков, были и меньшевики, и впередовцы, и эсеры, и анархисты. Но Блюма подозревали в связях с охранкой. «Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки... Его желание – опросить всех едущих – было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено»⁷⁸⁸.

Постепенно собрались все. В половине третьего вся группа «направилась из ресторана “Церингерхоф” к вокзалу, нагруженные – по русскому обычаю – подушками, одеялами и пр. пожитками». На перроне уже толпились провожающие. И вдруг выяснилось, что Блюм загодя уже прошел в вагон и преспокойно, с улыбочкой, занял место. Вот тут-то Владимир Ильич, который все это время держал себя в руках, как говорится, сорвался. Он вскочил в вагон и буквально за шиворот выволок нахала на перрон.

Между тем у вагона собралась толпа эмигрантов, бурно протестовавших против поездки. Вот-вот могла возникнуть потасовка. Но молодые швейцарцы – друзья Платтена и железнодорожные служащие быстро вытолкали бузотеров с перрона. За пару минут до отхода поезда к Зиновьеву «в

большом возбуждении» подошел Давид Рязанов: «В.И. увлекся и забыл об опасностях; вы – хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В.И. отказаться...»⁷⁸⁹ Но вступать в дискуссию было поздно.

Стоявший на перроне приятель Платтена, молодой анархист Зигфрид Блох, прощаясь с Лениным, вежливо «выразил надежду скоро снова увидеть его у нас», то есть в Швейцарии. Владимир Ильич рассмеялся и ответил: «Это было бы плохим политическим знаком»⁷⁹⁰. Отъезжающие уже заняли свои места в вагоне, и все ждали сигнала к отправлению...

Поскольку в «ленинградской» литературе даже вопрос о числе эмигрантов, отправлявшихся в Россию, стал предметом политических инсинуаций, приведем их список. Под обязательством, подписанным в ресторане «Церингергоф», стоят фамилии: Ленина и Лениной (Крупской), Зиновьева и Радомысльской (Лилиной), Сафарова и Сафаровой (Мартошкиной), Усиевича и Елены Кон (Усиевич), сотрудников газеты «Наше слово» Ильи и Марии Мирингоф (Мариенгоф), Инессы Арманд и сестры ее мужа Анны Константинович, Мухи Цхакая и Давида Сулиашвили, Григория Сокольников, М. Харитонов, Н. Бойцова, А. Линде, Ф. Гребельской, А. Абрамовича, А. Сковно, О. Равич, Д. Слюсарева, эсера Д. Розенблюма (Фирсова), Б. Ельчанинова, Шейнесон, М. Гобермана, Айзенхуа и бундовки Б. Поговской. Итак, 29 взрослых и два ребенка: Степан – сын Зиновьевых и Роберт – сын Поговской. Итого: 31 человек. Не было подписи тридцать второго – Карла Радека. Он являлся австрийским подданным и не мог считаться российским эмигрантом. Поэтому Платтен попросил его не мелькать на вокзале, а присоединиться к группе на ближайшей остановке в Шафхаузене, что Радек и сделал⁷⁹¹.

Наконец, прозвенел вокзальный колокол. Провожающие запели «Интернационал». И поезд двинулся в путь...

А те, кто остались, кто считал эту поездку политической ошибкой, доказали ли они возможность иного решения? Нет...

Дни проходили в бесплодном ожидании ответа из Петрограда. «Положение наше стало невыносимым», –

телеграфировал Мартов своим коллегам в Россию. 15 апреля произошел раскол. Группа эмигрантов в 166 человек, решивших ждать, выделилась в отдельную организацию. Лишь 21 апреля пришел ответ на телеграмму, посланную 5-го. Ответил Милюков. Он вновь указал, что проезд через Германию невозможен, и – в который раз – пообещал добиться возвращения через Англию⁷⁹².

Эмигранты расценили ответ как издевательство. И 30 апреля заявили, что поедут на родину тем же путем, что и ленинская группа. На вопрос – не использует ли Германия их поездку в своих целях – они смогли повторить лишь то, что говорили большевики: «Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собой разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма... Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в "Народном праве", содержат в себе все нужные гарантии». Аксельрод, Мартов и Семковский написали еще точнее: «Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования, отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в Великой революции»⁷⁹³.

12 мая (29 апреля) вторая группа эмигрантов – 257 человек, в их числе Мартов, Натансон, Луначарский и другие, уехали через Германию в Россию. В Питер они благополучно прибыли во вторник 22 (9) мая.

Впрочем, не все закончилось гладко. Пользуясь в переговорах с Ромбергом услугами того же Роберта Гримма, они привезли его с собой в Петроград для встречи с Временным правительством относительно судьбы оставшихся в Швейцарии эмигрантов. Но Гримм сразу же занялся своей «тайной дипломатией» о возможности заключения сепаратного мира и со скандалом был выдворен из России⁷⁹⁴.

30 июня был третий, потом четвертый «заезды». Точно так же, в «запломбированном» вагоне, через Австрию, русские социалисты уехали из Болгарии. А поверившие Милюкову и ожидавшие проезда через Англию швейцарские эмигранты в

августе 1917 года с обидой телеграфировали Керенскому: «Циммервальдисты уехали, мы остались»⁷⁹⁵.

Но все это было потом...

А 9 апреля (27 марта) в 15 часов 10 минут поезд с первой группой политэмигрантов выехал из Цюриха. Прибыли в Тайнген. Здесь швейцарские таможенники учинили досмотр багажа по полной программе. Оказалось, что некоторые продукты – особенно шоколад – превышали нормы вывоза. Излишки были конфискованы. Затем пересчитали пассажиров. «Каждый из нас, – рассказывает Елена Усиевич, – выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером... Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал»⁷⁹⁶.

Вагон перегнали через границу на немецкую станцию Готмадинген. Сопровождавший группу атташе германского посольства в Берне Шюллер передал свои полномочия офицерам Германского генерального штаба ротмистру Арвиду фон Планитцу и лейтенанту, доктору Вильгельму Бюригу⁷⁹⁷. Все опять выгрузились из вагона и вошли в зал таможни, где мужчинам и женщинам предложили стать по разные стороны длинного стола.

«Мы стояли молча, – пишет Радек, – и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы немцы к нему присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видимо, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голоском: “Мамеле, вуси дуэс?”» Ребенок, видимо, хотел спросить: «Что это? Что происходит, мамочка?» И детский «выкрик на... минско-английском наречии» разрядил атмосферу⁷⁹⁸. Оказалось, что все это «построение» понадобилось немцам лишь для того, чтобы вновь пересчитать пассажиров.

Затем в зале ожидания III класса подали ужин. «Худенькие, изжелта-бледные девушки в кружевных наколках и передничках

разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом... Достаточно было взглянуть на дрожащие руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного... И мы, – пишет Елена Усиевич, – совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем»⁷⁹⁹.

А утром подали серо-зеленый вагон II и III класса типа «микст» – наполовину мягкий, наполовину жесткий, три двери которого были опечатаны пломбами. Вагон прицепили к поезду на Франкфурт, и путешественники стали размещаться. Первое мягкое купе отдали немецким офицерам. У его дверей провели мелом жирную черту – границу «экстерриториальности». Ни немцы, ни россияне не имели права переступить через нее⁸⁰⁰. Отдельное купе дали Ленину и Крупской, чтобы Владимир Ильич мог работать. Получили по купе семья Зиновьевых и Поговская с сыном. Отвели купе под багаж. Но когда дележ закончился, выяснилось, что нескольких спальных мест не хватает. Тогда для мужчин составили график очередности сна. Но всякий раз, когда подходил черед на полку Владимира Ильича, очередники категорически отказывались ложиться на его место: Вы должны иметь возможность спокойно работать⁸⁰¹.

Впрочем, со спокойной работой никак не получалось. То в купе по поводу разного рода дел набивалось множество людей. И Ленину приходилось решать даже вопрос о том, как поделить единственный туалет между курящими и некурящими. То в соседнем купе, где ехали Сафаровы, Инесса Арманд и Ольга Равич, Радек начинал рассказывать анекдоты, и тоненькие перегородки буквально дрожали от хохота. То молодежь – «у кого голоса были получше и слух не слишком подводил» – шли к купе, как они говорили, «давать серенаду Ильичу».

«Для начала, – рассказывает Елена Усиевич, – мы пели обычно "Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман". Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд

любимых песен Ильича: “Нас венчали не в церкви”, “Не плачьте над трупами павших бойцов” и так далее»⁸⁰².

Любопытны наблюдения 24-летней Елены, касающиеся личности Ленина: «Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении... Никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал... Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним»⁸⁰³.

А между тем поезд шел по Германии. «На больших станциях, – пишет Усиевич, – поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя». И Елене казалось, что они «связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир...»⁸⁰⁴

Проехали Штутгарт, и сопровождавшие офицеры сообщили Платтену, что в соседний вагон – с ведома высшего военного командования – сел Вильгельм Янсон, член руководства германских профсоюзов, который хотел бы побеседовать с русскими. «Мое сообщение, – пишет Платтен, – вызвало взрыв веселья... Эмигранты заявили, что они отказываются от беседы и не задумаются прибегнуть к насилию в случае повторных попыток». Радек дополняет: «Ильич приказал прогнать его “к чертовой бабушке” и отказался его принять... Несмотря на полученную пощечину, [Янсон] очень старался, на всякой

станции покупал для нас газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость»⁸⁰⁵.

«Долой министров-капиталистов!».

Демонстрация 18 июня 1917 года в Петрограде

Вообще, эмигранты, особенно молодежь, почти всю дорогу находились в несколько возбужденном и приподнятом настроении. В коридоре вагона то и дело вспыхивали споры – о положении в России, перспективах революции, а главное, как встретят их – арестуют сразу или потом? Во время такого спора Ленин спросил Платтена: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен признаться, – ответил я, – что... вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходивших на арену навстречу смерти...» Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина...⁸⁰⁶

Никаких контактов с немцами не было. Даже обед – оплаченные Красным Крестом котлеты с горошком – приносили в

вагон. Всю дорогу путешественники смотрели в окна. Поражало отсутствие мужчин – и в городах, и в деревнях, серые, с потухшими глазами, усталые лица⁸⁰⁷. Но во Франкфурте произошел неожиданный инцидент...

Когда поезд остановился, офицеры – фон Планитц и Бюриг – ушли в ресторан. Между тем вагон перегнали на другой путь. Тогда Платтен тоже вышел из вагона, отправился в вокзальный буфет, купил «пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон...»

Эмигранты стояли у окон, всматриваясь в лица пассажиров, спешивших к пригородным поездом, как вдруг, растолкав охрану, в вагон прорвались солдаты. «Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас, – пишет Радек, – с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства... Больше никого мы всю дорогу не видели»⁸⁰⁸.

Вечером 10 апреля (28 марта) вагон подцепили к поезду и утром прибыли в Берлин сначала на Потсдамский, затем на Штеттинский вокзал. Платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпиками до тех пор, пока вагон не отправили в Засниц.

В Заснице Германия кончалась. Отсюда на морском пароме «Королева Виктория» путешественников доставляли до шведского города Треллеборг. Эмигрантов опять пересчитали, и немецкие офицеры, сопровождавшие группу, остались на берегу. Обычно тут высаживались и пассажиры поезда, а потом шли на паром. Местные власти пригласили эмигрантов на ужин, но ленинская группа, дабы не ступать на немецкую землю, отказалась от приглашения и осталась ночевать в вагоне. И только когда утром весь состав вкатили в трюм, они вышли на палубу – здесь уже была шведская территория⁸⁰⁹.

Тем авторам, которые упорно пишут о том, как германский кайзер принимал личное участие в решении вопроса о проезде эмигрантов и даже давал соответствующие инструкции, на всякий случай напоминаем, что именно в этот день, 12 апреля,

когда российские революционеры покинули Германию, Вильгельм II был впервые проинформирован о «путешествии» интернационалистов⁸¹⁰.

На пароме эмигранты разошлись по каютам. «Море было беспокойно, – рассказывает Платтен. – Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор». Дело в том, что пассажирам роздали обширнейшие анкеты, и Ленин заподозрил в этом какой-то подвох со стороны шведской полиции. Решили подписывать их фальшивыми фамилиями. Анкеты сдали, но «вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришли задержать. Скрывать уже нечего, – в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя». Оказалось, что это всего лишь телеграмма от Ганецкого, встречающего паром⁸¹¹.

Около 18 часов «Королева Виктория» причаливает в Треллеборге. На пристани Ганецкий и шведский социал-демократ Гримлунд. «Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня, – пишет Ганецкий, – от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, – через четверть часа едет поезд в Мальме»⁸¹². Немногим более часа, и поезд в 20 часов 41 минуту доставляет путешественников в Мальме.

Неподалеку от вокзала, в кафе гостиницы «Савой» Ганецкий заказал ужин. «Наша голытьба, – рассказывал Радек, – которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась, как саранча, и вычистила все до конца, к неслыханному удивлению кельнеров... Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно»⁸¹³.

В ночь на 13 апреля поездом выехали в Стокгольм. И опять Ленин расспрашивал Ганецкого о последних сведениях из России. Лишь в 4 часа ночи его уговорили немного поспать. Однако уже в 8 утра на станции Седертелье в вагон ворвались

корреспонденты. «Строго выполняя решение, – пишет Елена Усиевич, – не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже “да” и “нет”, а лишь... тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках... Справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых...» Все успокоились после того, как Владимир Ильич заявил, что коммюнике для прессы будет передано в Стокгольме⁸¹⁴.

В пятницу, 13 апреля, в 10 часов утра поезд прибыл в Стокгольм. На Центральном вокзале его встречали шведские социал-демократы: бургомистр Карл Линдхаген, депутат риксдага, писатель Фредерик Стрем, русские большевики и множество корреспондентов и фоторепортеров. Корреспондентам Владимир Ильич сказал: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию как можно скорее. Дорог каждый день...» – и передал для опубликования официальное коммюнике о поездке⁸¹⁵.

С вокзала проследовали в гостиницу «Регина». Здесь состоялось совещание с шведскими левыми. Ленин сделал сообщение об обстоятельствах их поездки. И под «Заявлением», подписанным в Берне интернационалистами Франции, Германии, Польши и Швейцарии, поставили свои подписи уже упомянутые Линдхаген и Стрем, а также редактор «Politiken» Карл Карльсон, журналист Карл Чильбум, поэт и писатель Туре Нерман и секретарь норвежского социалистического союза молодежи Арвид Хансен⁸¹⁶.

Все закончилось обильным завтраком, и Радек по этому поводу сострил: «Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала

устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после – завтрак в честь нового революционного правительства»⁸¹⁷.

Надо было решать проблему денег. Владимир Ильич обратился к Стрему: «Мы взяли в долг несколько тысяч крон для поездки у одного швейцарского партийного товарища-фабриканта». Тут Стрем, видимо, что-то запомнил или не понял. Ибо поручителем за ссуду в 3 тысячи франков, выданную швейцарскими социалистами, стал не фабрикант, а член Совета кантонов, крайне правый социал-демократ Отто Ланг⁸¹⁸. «Не могли бы вы, – продолжил Ленин, – взять в долг несколько тысяч крон у нескольких рабочих организаций; трудно ехать через вашу протяженную страну и через Финляндию. Я обещал, – пишет Стрем, – попытаться и позвонил нескольким профсоюзным руководителям, нашему издателю и Фабиану Монссону, чтобы провести сбор денег в риксдаге. Фабиан достал несколько трехсотенных. Он пошел, между прочим, к Линдману, который был министром иностранных дел. “Я подпишусь охотно на сотню крон, только бы Ленин уехал сегодня”, – сказал Линдман. Несколько буржуазных членов риксдага подписались потому, что Фабиан сказал: “Они будут завтра управлять Россией”. В это Фабиан совершенно не верил, но это помогло... Мы собрали несколько сотен крон, и Ленин был доволен... Таким образом, он мог расплатиться за отель и за билеты до Хапаранды»⁸¹⁹. Наконец, в Русском генеральном консульстве Владимир Ильич получил и официальное свидетельство № 109 о проезде всей группы эмигрантов в Россию.

Оставались незавершенными некоторые другие дела. Еще утром Ленин попросил Стрема похлопотать о свидании с находившимся в тюрьме Карлом Хеглундом. Но власти отказали, и тогда вместе со Стремом он послал Хеглунду телеграмму: «Желаем скорого возвращения на свободу, к борьбе!» Отправили телеграмму и в Петросовет – Чхеидзе, которую, помимо Ленина, подписали Миха Цхакая и Давид Сулиашвили, с просьбой обеспечить группе беспрепятственный проезд через русскую границу⁸²⁰. Подпись Цхакая имела особый смысл: именно он в

давние времена вовлек Чхеидзе в ряды российской социал-демократии.

Все, таким образом, складывалось удачно, хотя вполне могла случиться и неприятность. Опасность исходила от того же Парвуса. Зная о том, что канцлер Германии Бетман-Гольвег, статс-секретарь иностранных дел Ягов и министр финансов Гельферих недовольны им за явную бездеятельность⁸²¹, Парвус примчался в Стокгольм и через Ганецкого попросил Ленина о встрече якобы от имени Главного правления германской социал-демократии. Но когда он пришел в гостиницу, Ленин, предупрежденный Ганецким, уже покинул ее. А Ганецкий, Воровский и Радек составили формальный протокол об отказе российских эмигрантов от каких бы то ни было контактов с Парвусом. Впрочем, это не помешало ему, получив такую пощечину и, естественно, умолчав о ней, доложить своему шефу Брокдорф-Ранцау о том, что с русскими большевиками он все-таки встретился⁸²².

Во второй половине дня Ленин провел совещание. Поскольку оба члена Заграничной коллегии ЦК – он и Зиновьев – возвращались на родину, решено было оставить в Стокгольме Заграничное представительство ЦК в составе Воровского, Ганецкого и Радека. Им были даны все необходимые инструкции и переданы деньги, остававшиеся у Заграничной коллегии, – 300 шведских крон и облигации шведского государственного займа той же стоимости, в которые – в свое время – вложил партийные деньги Шляпников⁸²³.

И наконец, поскольку Радек оставался в Швеции, его место в составе группы возвращавшихся в Россию решено было предоставить польскому социал-демократу, находившемуся в Стокгольме, Александру Гранасу. Поэтому численность группы осталась неизменной – 32 человека⁸²⁴.

Все дела были закончены, и Радек потащил Ленина и Зиновьева по магазинам. «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей, – писал Радек, – вызвал у нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека».

Купили ботинки, стандартный темно-коричневый костюм. И каждый раз Владимир Ильич упирался: «Не думаете ли вы, что я собираюсь открыть в Петрограде лавку готового платья?» Зиновьев вспоминал: «Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета В.И. и других и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд...»⁸²⁵

Вернулись в гостиницу, где шведы устроили прощальный обед, а оттуда, с вещами, двинулись на вокзал. На перроне, вместе с провожающими, устроили митинг. «Когда наши уже погрузились, – пишет Радек, – какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чувствовался как “дорогой вождь”, заставил Ильича приподнять немножко котелок, но... дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтоб ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался к первым лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке». Провожающие запели «Интернационал», и в 18 часов 37 минут поезд тронулся в путь⁸²⁶.

«Как только мы расположились в купе, – рассказывает Давид Сулиашвили, – Ленин достал кипу газет, улегся на верхней койке, зажег электричество и начал читать газеты...» Наступила ночь. В купе было тихо и уютно. Слышно было только шуршание газет и негромкие восклицания Владимира Ильича: «Ах, каналы! Ах, изменники!» А утром, когда все проснулись, в коридоре вагона провели собрание. Чтение питерских газет наводило на размышления. Условились, что все переговоры на границе будут вести Ленин и Цхакая, и договорились о том, как вести себя в случае ареста или политического процесса в Петрограде⁸²⁷. Остаток дня и добрую половину ночи, пока поезд тащился по Швеции, Владимир Ильич вновь сидел над газетами, прихваченными из Стокгольма документами, делал записи, пытаясь собрать воедино все свои мысли о событиях, происходивших в России.

«15 (2) апреля «ранним морозным утром, – пишет Елена Усиевич, – мы высадились в маленьком рыбацьем городке

Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе и бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним – за ним территория России, город Торнео и развевающийся на здании вокзала красный флаг... Мы молчали от волнения, устремив на него глаза»⁸²⁸.

Владимир Ильич зашел в русское консульство и получил на группу 300 крон пособия, полагавшегося – из Татьянинского фонда – всем возвращавшимся политэмигрантам, и заплатил за 32 билета III класса до Петрограда⁸²⁹. Между тем «к крылечку подъехало десятка полтора саней с впряженными в них маленькими мохнатыми лошадками. Мы стали попарно рассаживаться... Я вдруг вспомнила, – пишет Елена Усиевич, – что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек... Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке... В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию... В Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения... “Смотрите, дорвались!” – сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов...”⁸³⁰

Но дальше пришлось иметь дело не с приветливыми русскими солдатами-пограничниками, а с английскими офицерами, командовавшими на финской границе. Они были грубы и бесцеремонны. И это сразу испортило всем настроение.

Дело в том, что после того, как попытка удержать эмигрантов в Швейцарии лопнула, английские власти решили остановить их в Швеции. Из дневника лидера шведской социал-демократии Э. Пальмшерна известно, что якобы вынашивались даже планы убийства Ленина. Но, взвесив все за и против, решили от «крайних мер» отказаться и организовать в России

соответствующую клеветническую кампанию, как говорится – убить и политически, и морально⁸³¹.

Однако отказать себе в удовольствии поиздеваться над политэмигрантами английские офицеры, конечно, не могли. Начали с Платтена. Ему сразу сказали, что в Питере его немедленно арестуют. А когда Фриц ответил, что готов и на это, разговор прервали и заявили, чтобы он под конвоем убирался назад в Хапаранду, ибо в пересечении границы ему отказано. А остальных, тоже под военным конвоем, в 4 часа отправят в Питер⁸³².

Случившееся с Платтеном не стало неожиданностью. Возможность такого варианта обсуждалась еще в поезде. Тогда кто-то из молодых затеял спор: а что, если Фрица не пропустят в Россию? Он был всеобщим любимцем, поэтому решили – в знак протеста – русскую границу не пересекать, пока не добьемся для него разрешения. Молодым это показалось ужасно благородным актом солидарности. И они пошли по вагону собирать подписи. Принесли документ Ленину. «Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: “Какой идиот это писал? Английское и русское правительство сделают все, чтобы не пропустить нас. И мы сами откажемся?” Тут только мы, – пишет Елена Усиевич, – без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо...»⁸³³

Тем не менее, когда Платтен рассказал о решении англичан, Ленин предложил задержаться всей группе и немедленно послал телеграмму в Питер, в бюро ЦК РСДРП, с просьбой ускорить получение пропуска для Платтена. С Фрицем было договорено, что три дня он будет ждать ответа в Хапаранге. «Однако, – пишет Платтен, – не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции»⁸³⁴.

Тогда англичане пошли на другую провокацию... Все, кто писал о том, что происходило тогда в Торнео, особо отмечали: обыск, учиненный англичанами, носил умышленно оскорбительный характер. И только 52-летний Миха Цхакая пояснил: офицеры не ограничились тем, что шарили в вещах и

по карманам, они «подвергли нас унижительному обыску, раздев Ильича и меня догола...»⁸³⁵

Но спровоцировать скандал и на сей раз не удалось. Все эмигранты заполнили опросные листы, а Ленин буквально «впился в газетные столбцы» купленной на вокзале «Правды». Зиновьев рассказывает: «В.И. качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В.И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах "Правды". Неужели?.. Ну, мы с ними "повоюем"...»⁸³⁶

А время идет. 16 часов, указанные англичанами для отправки, прошли. Лишь вечером подается состав, и группа начинает грузиться в отдельный вагон. В 20 часов 8 минут Владимир Ильич дает телеграмму сестрам – Марии и Анне Ульяновым: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите "Правде"»⁸³⁷. Английские офицеры слово сдержали: до Питера эмигрантов будет сопровождать вооруженный конвой под командованием поручика.

Всю ночь и весь день поезд шел по Финляндии. «Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, – рассказывает Крупская... – На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. "Да здравствует мировая революция!" – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты»⁸³⁸.

Владимир Ильич пытался сосредоточиться, писать. Но не давала покоя мысль, что те, для кого он искал слова, к кому собирался обратиться там – в Петрограде, – они уже здесь, рядом. Что конвойные солдаты, молоденький офицер – это и есть те самые реальные люди, которые совершали революцию. И чувствовалось, что им тоже хотелось бы потолковать с этим «главным революционером».

Командовавший конвоем поручик, бледнея от волнения, несколько раз заглядывал в купе, где ехал Ленин. Но заговорить так и не решился. И только когда Владимир Ильич и Крупская

«перешли в соседний пустой вагон, подсел и заговорил... «Поручик был оборонцем, – рассказывает Надежда Константиновна, – Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица». Сюда прибежал и маленький Роберт. Он мгновенно «очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-то лопотал по-французски и ел творожную пасху, которой кормил его солдат»⁸³⁹.

«В.И., – пишет Зиновьев, – буквально “впился” в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В.И. подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение... Но солдаты-оборонцы стоят на своем». Их нисколько не смущает, что собеседник явно из «образованных». У них своя точка зрения.

Собственно, все это – слово в слово – он уже слышал в Цюрихе от Михалева. Значит, то, что говорил Кондрат, – не единичное мнение, а распространенное убеждение. Поэтому и этих солдат «В.И. уже через час беседы окрестил “добросовестными оборонцами”... Первый вывод, который делает В.И.: оборончество – еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход»⁸⁴⁰. Так вспоминал об этом эпизоде Григорий Зиновьев. Ему запомнилось то, что сказал Ленин и его политическая оценка собеседников. Но для самого Владимира Ильича главным оказалось другое...

В письме от 26 марта Коллонтай писала ему: «Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю “народ” потому, что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и

своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем»⁸⁴¹. Оказалось, что Александра Михайловна не совсем права, а в чем-то и совсем неправа...

Спустя несколько часов, уже в Петрограде, в разговоре с членами ЦК и ПК РСДРП он вспомнил не о том, как спорил с «добросовестными оборонцами», а о том – как и что говорили эти солдаты: «Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков. Один из них, – продолжал Ленин, – наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, как бы с силой вбивая что-то глубоко в пол, и сказал: “штык в землю – вот как окончится война!” И тут же прибавил: “но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю”. А когда я заметил, что без перехода власти к рабочим и крестьянам невозможно ни прекратить войну, ни наделить крестьян землей, солдаты полностью со мной согласились»⁸⁴². Так записал рассказ Владимира Ильича Николай Подвойский.

На следующий день, выступая с «Апрельскими тезисами» перед большевиками, Ленин тоже вспомнил о беседе в вагоне и о том, как этот солдат – крестьянин, не желавший выпускать винтовку из рук, представлял себе аграрную реформу: «Тамбовский мужик [говорил]... За одну десятину платить не нужно, за вторую – 1 руб., за третью – 2 руб. Мы землю возьмем, а помещик не сможет уже ее отобрать»⁸⁴³.

Спустя неделю, 23 (10) апреля, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин напишет: «Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, “воткнув штык в землю”, употребляя выражение одного солдата-оборонца». Еще через неделю, в статье «Наши взгляды», он повторит: «Войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран». И

даже через два года он будет вспоминать об этом разговоре в поезде с безымянным солдатом⁸⁴⁴.

А тогда, в вагоне, дискуссия продолжалась. Сюда подошли другие эмигранты. Но когда молодые революционеры слишком уж категорично начинают «давить» на собеседников, Ленин, кивая на солдат, укоряет Усиевича, Сафарова, Давида Сулиашвили: «Вы слушайте, слушайте...»⁸⁴⁵ А сам уходит в купе. Первое волнение от встречи прошло. Мысли, вынашивавшиеся с первых дней революции, излагавшиеся в статьях и «Письмах издалека», приобретают еще более четкую форму, выстраиваются в строгой последовательности... И он пишет первоначальный набросок «Апрельских тезисов».

В 9 часов вечера поезд остановился на станции Белоостров. На перроне их встречают: Шляпников, Коллонтай, Сталин, Каменев, Мария Ульянова и другие. Здесь же около четырехсот сестрорецких рабочих, приехавших для встречи во главе с Вячеславом Зофом, Николаем Емельяновым и Людмилой Сталь. Рабочие подхватили Ленина на руки, внесли в станционный буфет, поставили на табуретку, и Владимир Ильич произнес свою первую в России краткую речь. Людмила Сталь предлагает Крупской сказать несколько слов работницам, но от волнения, пишет Надежда Константиновна, «у меня пропали все слова...»⁸⁴⁶

Поезд, вместе с встречавшими членами ЦК и ПК РСДРП, движется дальше. А «в тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В.И. забрасывает товарищей рядом вопросов». И в конце – самый животрепещущий: «Будем ли мы арестованы...? Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются»⁸⁴⁷. Если бы они знали то, что теперь знаем мы, оснований для улыбок было бы меньше.

Дело не только в том, что в составе воинской команды, сопровождавшей эмигрантов от Торнео, ехали четыре сотрудника контрразведки с документами на всю группу, которую они должны были сдать на Финляндском вокзале в Питере

комиссару Временного правительства⁸⁴⁸. Важнее другое: именно в Белоострове могло случиться нечто более серьезное...

Начальник контрразведки Петроградского Военного округа Борис Никитин оставил на сей счет обстоятельные воспоминания. В самом конце марта, рассказывает он, к нему явился представитель английской контрразведки и передал «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин... Их пропустила Германия, и они примерно дней через пять придут к нашей границе». Выясняется, что МИД без санкции Совета не может запретить им въезд. Зато Главный военный прокурор генерал Апушкин дает санкцию Никитину: «Делайте, что хотите, только бы добиться результатов».

«Вызываю телеграммой, – продолжает Никитин, – коменданта Белоострова, есаула Савицкого... “Вот вы, – говорю ему, – все просите у меня живого дела. Вам так хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Белоостров. Так я вам даю задачу много проще: силой или как хотите, но не пропустите их через границу”». Результат известен: есаул не упомянул о четырехстах сестрорецких оружейниках, а только сказал потом Никитину, имея в виду своих казаков: «Люди не вышли»⁸⁴⁹.

3 (16) апреля 1917 года в 23 ч. 10 м. поезд прибывает на перрон Финляндского вокзала Петрограда.

Информация «Правды»: «В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших “на караул”, проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду был встречаем восторженно». В «царской» комнате вокзала его уже ждали представители Петросовета во главе с Чхеидзе...

Дальнейшее живописует Николай Суханов: «Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в “царскую” комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изыбшим лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно

неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе произнес следующую "приветственную речь"... "Мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели..." Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок "царской" комнаты, поправлял свой букет, "довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой", а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, "ответил" так: "Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии..."»⁸⁵⁰

Встреченный многотысячным «ура», Ленин выходит на ступеньки вокзала. Ему помогают подняться на броневик. Он потоптался на площадке у пулеметной башни, словно проверяя машину на прочность, отдал букет. Но ему явно мешал и котелок, как мешал он потом скульпторам, ваявшим знаменитый памятник на площади у вокзала и заменившим шляпу на пролетарскую кепку. И, только сняв котелок, Владимир Ильич начинает говорить...

Информация «Правды»: «...Стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе...»⁸⁵¹

«Тот, кто не пережил революции, – вспоминала Крупская, – не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских матросов, рефлекторы Петропавловской крепости от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

...Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона...

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу [Елизарову]... Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гóра, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Мы почти не говорили с Ильичом в ту ночь – не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами... Почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи – это уже действительно прошлое»⁸⁵².

Глава 2

«Самый безболезненный путь»

«Мои личные тезисы»

Утром 4 (17) апреля встали рано. Надо было ехать, как договорились вчера, в Таврический дворец, выступать перед большевиками – участниками Всероссийского совещания Советов. Но когда за Лениным и Крупской на машине заехал Владимир Бонч-Бруевич, повернули на Волково кладбище, где были похоронены мать Владимира Ильича и сестра Ольга.

Последний раз он виделся с матерью в сентябре 1910 года в Стокгольме. После недолгой встречи Мария Александровна возвращалась на пароходе в Россию. Держась за корабельные поручни, она молча смотрела на него и плакала. А он стоял на пирсе и даже не мог подняться к ней на палубу. Там была уже русская территория, и его могли арестовать...

Прав Бонч-Бруевич: «Тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича»⁸⁵³. Цветы, которые преподнесли накануне при торжественной встрече, положили на могилы, молча постояли и поехали сначала на квартиру Владимира Дмитриевича, где ждали товарищи, а оттуда – в Таврический...

Было уже совсем светло, и на стенах домов, на афишных тумбах ветер трепал свежие плакаты: «Ленина и компанию – обратно в Германию». У тех, кто плакаты заказывал, поэтов получше, видимо, не нашлось. Но после вчерашних восторгов и объятий это все-таки отрезвляло⁸⁵⁴.

В давние годы, в Кокушкино, когда Володе Ульянову было лет 13, пошли они как-то в ночь, с двоюродным братом Колей Веретенниковым, на пруд. Все предыдущие дни шли дожди. Речушка вздулась, а пруд переполнило так, что мостки всплыли и подойти к купальне было невозможно. Побежали на плотину.

Там, через верх, уже вовсю хлестала вода, а поднять затворы (вершняки) у мальчишек не хватало сил.

«Не прошло и пяти минут, – рассказывал Веретенников, – как раздался легкий, как бы предупреждающий треск, за которым вскоре последовал страшный грохот, и вся масса воды с шумом громадными валами устремилась с четырехметровой высоты вниз, ломая деревянные и размывая земляные укрепления». Когда вода схлынула, на месте симпатичного пруда остались лишь безобразные илистые берега, жидкая зловонная грязь и черные обломки плотины. «Точно после пожара», – заметил Володя»⁸⁵⁵.

Эпизод запал в память. И образ этой всесокрушающей стихии всплыл у Ленина в 1905 году, когда по России прокатился первый революционный вал. В плане статьи «Уроки московских событий» он написал: «Когда вода напирает на плотину, брешь вне шлюз (вершняков) есть начало краха...»⁸⁵⁶

И вот теперь, после бесед с солдатами в вагоне, после ночного разговора с питерскими большевиками в особняке Кшесинской, после беглого просмотра утренних газет, Владимир Ильич вновь услышал, а может быть, и физически ощутил, тот «легкий, как бы предупреждающий треск», вслед за которым прорывается безудержная стихия.

Еще там – в Цюрихе, после первых известий о событиях в Петрограде, встал вопрос: что дальше? Закончится революция отречением монарха или революционный вал покатится дальше? В гидродинамике, исходя из массы, скорости водяного потока, рельефа местности и прочих вполне определенных условий, все это, вероятно, можно рассчитать. Но в социальной борьбе, участниками которой являются миллионы людей, подобная задача куда сложнее. Число факторов, влияющих на такую борьбу, слишком велико, а многие из них столь неопределенны, что вряд ли можно с уверенностью вычерчивать вектор данного движения.

И все-таки еще там – в Цюрихе, Ленин пришел к выводу, что Февраль – лишь начало, лишь первый вал, первый этап революции. За ним неизбежно последует второй этап, второй

вал, куда более мощный и крутой. Это понимал не только он, но и другие: и те, кто симпатизировал революции, вроде депутата IV Думы, одного из лидеров Петросовета, меньшевика Скобелева, заявившего, что «Россия стоит накануне второй, настоящей революции»; и те, кто отвергал ее, кто давно предсказывал кровавую смуту.

Уже упоминавшийся экс-министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, обладавший и опытом, и интуицией, накануне войны писал государю: в случае начала революции «оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию...»⁸⁵⁷

В конце 1916 года, на квартире миллионера Коновалова, перед крупнейшими фабрикантами и заводчиками выступил один из лидеров «оппозиционно-интеллигентской партии» кадетов В.А. Маклаков. «Ужас грядущей революции» – вот тема его выступления. Это будет, говорил Василий Алексеевич, «революция гнева и мести темных низов, которая не может не быть стихийной, судорожной, хаотичной». Еще раньше, в 1915 году, влиятельнейший промышленник Алексей Иванович Путилов сформулировал ту же мысль еще жестче: революция неизбежна. Но она будет для страны губительна. «Начнется ужасная анархия... На десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие»⁸⁵⁸.

Того же мнения придерживался и видный русский интеллектуал Петр Бернгардович Струве – давний знакомый Ленина, проделавший за 20 лет путь от легального марксизма к самому правому либерализму. Как пишет его биограф Ричард Пайпс, с самого начала 1917 года Струве был убежден, что «как только маховик анархии начнет раскручиваться, в России не найдется политической, экономической или социальной силы, способной его остановить. Смута будет терзать страну до тех пор, пока сами основы государства и общества не окажутся в руинах»⁸⁵⁹.

Подобных пророчеств было много. Нередко они совпадали. И на то были свои основания. В первые же революционные дни,

еще до того, как какие-либо радикальные партии вышли на политическую арену, по стране прокатилась волна насилия и различного рода эксцессов.

Писатель Александр Станкевич оставил зарисовку одного из эпизодов первых дней революции в Питере: «Барский экипаж привлек внимание. Пара вороных лошадей в сбруе с серебром, на дверцах – гербы... В толпе поднялся хохот, улюлюканье...

– Сворачивай! Кончились ваши прогулочки!

...Внезапно двери кареты распахнулись, и оттуда выскочил на мостовую старый господин в шубе. Я узнал в нем члена Государственного совета князя Барятинского. Шуба на нем распахнулась, открыв всем шитый золотом мундир. Наверное, князь подумал, что его величественный вид заставит толпу отхлынуть. Он поднял руку в замшевой перчатке и хрипло крикнул:

– Я еду к князю Голицыну, председателю совета министров! Отпустите лошадей!

– Не командуй, генерал! Нету больше председателей!

Барятинский задыхался, у него не хватило сил сдержать бешенство.

– Хамы! – закричал он с ненавистью. – Долой с дороги!

Сгрудившаяся вокруг кареты толпа уже не смеялась, она утратила свое добродушие... Какой-то солдат в затрепанной шинели шагнул к князю и, подняв винтовку, со всей силой стукнул его прикладом по голове. Барятинский рухнул. Темная вмятина на лбу наполнилась кровью. Соскочившие с козел кучер и лакей впихнули в карету уже мертвое тело.

– Гляди, товарищи! – закричал кто-то в толпе. – Пожар! – Над Невой распухало, ширилось черное облако дыма. Горело здание Окружного суда»⁸⁶⁰.

Современникам запомнились трупы жандармов со вспоротыми животами на февральском снегу в Петрограде. В Кронштадте зверски убили военного губернатора контр-адмирала Р.Н. Вирена, начальника штаба адмирала Бутакова, генерала Стронского и других офицеров. Самосуды над генералами и офицерами имели место в Луге, Ельце, Пскове, Двинске. В

Свеаборге убили командующего Балтфлотом вице-адмирала Андриана Ивановича Непенина, контр-адмирала А.К. Небольсина. Жуткая расправа над губернатором произошла в Твери...

Вновь, как и в 1905–1906 годах, запылали барские имения. Жгли прекрасные усадьбы, а вместе с ними уникальные библиотеки и картинные галереи. Горели старинные парки и сады. 19 марта «Правда» писала: «Это не конфискация и даже не захват, это – мщение поработенных людей своим поработителям». Неслучайно эксцессы чаще всего происходили именно там, где в 1906–1907 годах свирепствовали карательные отряды. «Прежний режим, – писал Струве, – утвердил в народе традиции ненависти». И мотивом этих эксцессов как раз и были «неотмщенные обиды» и неуверенность в том, что не вернется опять «старый режим». Как выразился один солдат-крестьянин, – «как подумаю, вдруг, [что] все на старое обернется, а я и обиды своей не выплачу, – тут и звереешь»⁸⁶¹.

Все более учащались случаи прямого вандализма. «После свержения самодержавия, – вспоминал художник П. Нерадовский, – в Петрограде и его окрестностях, в Петергофе, в Ораниенбауме и других местах... подвергались порче или уничтожению памятники искусства, статуи, картины и другие художественные предметы... Такие разрушения имели место в общественных местах – в казенных зданиях, в садах, парках – и в частных домах и квартирах... Слухи и сведения о гибели того или иного произведения поступали почти ежедневно».

Уже 4 (17) марта на квартире у Горького на Кронверкском проспекте собрались художники – А. Бенуа, И. Билибин, К. Петров-Водкин, М. Добужинский, Н. Рерих, архитекторы Н. Лансере, И. Фомин, артисты Ф. Шаляпин, И. Ершов – всего более 50 человек и создали специальную комиссию, которая должна была войти в сношения с Временным правительством и Петросоветом относительно незамедлительных мер по предотвращению уже начавшегося массового вывоза художественных ценностей за границу и охране памятников культуры⁸⁶².

Ситуация усугублялась тем, что министр юстиции Керенский амнистировал не только «борцов со старым режимом», но отпустил из тюрем и с каторги уголовников. Он, видимо, как и многие другие, полагал, что новое «Царство Свободы» способно перевоспитать любых рецидивистов. Десятки тысяч преступников – «птенцы Керенского», как их тогда называли, – ринулись прежде всего в столицы. Между тем полиция была распущена, а новая милиция еще не создана. И среди тех, кто под видом «революционного патруля» врывается среди бела дня в дома и квартиры, было немало отпетых бандитов и профессиональных воров. Так что очень скоро столичный обыватель будет с тоской вспоминать прежнего городского, который хоть и был нечист на руку, но стекла в приличных домах бить не позволял.

Когда один из руководителей социалистического Интернационала Карл Брантинг в марте 17-го приехал в Петроград, у него в гостинице «Европа» сразу украли два куска мыла – для мытья и для бритья. «Да, – горестно говорил он коллегам – русским социалистам, – вам предстоит еще большая работа для просвещения и морального воспитания запущенного царизмом русского народа»⁸⁶³.

«Народ либо безмолвствует, либо говорит языком бунта»⁸⁶⁴, – полагают и сегодня некоторые историки. Не везде и не всегда!

Тогда, в Феврале многие опасались – не возмутится ли «царелюбивое» крестьянство низвержением монархии, не станет ли оно опорой «Русской Вандеи»... Каково же было изумление корреспондента газеты «Русское слово», когда он увидел, с какой легкостью восприняла деревня эту весть: «Даже не верится, как пушинку сняла с рукава». А думский отдел сношений с провинцией, обследовав 29 губерний, констатировал: «...широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя "не может жить", было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без кого они "жить не могли"». И среди постановлений сельских сходов, принимавшихся в эти дни по всей России, исследователи не

обнаружили ни одного, в котором выражалось бы сожаление по поводу свержения самодержавия⁸⁶⁵.

В феврале 1917 года революционные массы России оказались достаточно сознательными и для того, чтобы свести все свои надежды и чаяния к трем лозунгам: «Мир!», «Хлеб!», «Свобода!». В народном сознании они расшифровывались вполне конкретно: немедленное прекращение войны; передача всей земли крестьянам и радикальное улучшение снабжения армии и городов продовольствием; наконец, не только свержение монархии, но и установление реального народовластия. Именно это стремление к народовластию, к подлинной демократии стало причиной, может быть, самого яркого проявления революционной сознательности масс – создания Советов.

Весь предшествующий исторический опыт убедил народ в том, что «начальству» – царю, генералам, помещикам, буржуям и особенно чиновникам – доверять нельзя. Что реализовать свои требования можно лишь при том условии, если власть будет находиться в руках самих трудящихся. И как только, пишет Ленин, в Феврале появилась такая возможность, «по инициативе многомиллионного народа», самочинно и повсеместно, рабочие, солдаты, крестьяне стали создавать «демократию по-своему»⁸⁶⁶.

Советы стали возникать сначала на заводах и фабриках, затем в районах – раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. В определенном смысле это был спонтанный процесс воспроизводства знакомых форм организации и борьбы, ибо уроки 1905 года прочно вошли в «стихию» народного сознания.

В создании Петроградского совета сыграли свою роль Чхеидзе, Скобелев, Гриневич, Копелинский и другие, находившиеся в столице на легальном положении. Но общероссийским органом власти Петросовет сделало давление снизу, те ожидания, которые питали рабочие и солдаты, посылая в Совет своих депутатов. И Советы сразу и повсеместно, не вдаваясь в дискуссии о рамках компетенции, заявили о себе как об органах власти. Они брали под контроль охрану порядка,

продовольственное снабжение, работу транспорта и т. п. А главное, они не забывали ни о мире, ни о земле.

Но эти конкретные требования были неприемлемы для власть имущих в принципе. В притязаниях на собственность помещиков и прибыли буржуазии со стороны Советов они усматривали лишь проявление бунта и анархии. Расставаться добровольно со своими привилегиями правящая элита, как и прежде, не собиралась. Поэтому, мечтая об умиротворении, стремясь к тому, чтобы спустить массовое движение на тормозах или, как тогда выражались, «загнать скот в стойло», Временное правительство менее всего помышляло о реализации лозунгов революции.

Многие его члены искренне полагали, что, получив свободу, народ вполне удовлетворится этим и будет терпеливо ждать, когда после победного окончания войны ему милостиво ниспошлют «сверху» мир и хлеб. Такое уже бывало. Опыт созыва I Думы – «думы народных надежд» – говорил, что такой вариант возможен. Но он был возможен тогда – в 1906 году. С тех пор прошли четыре Думы, и никаких решений насущных вопросов народной жизни не последовало. В 1917 году ждать никто не собирался. Ибо в «диалоге» с властью у народа появился теперь новый аргумент: штык. Как сказал Ленину в вагоне солдат: «Мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю». Так что вариант стабилизации становился весьма проблематичным.

Основания для апокалиптических настроений были. Во всяком случае, коллега Струве, В.Н. Муравьев, испытал после Февраля именно такие чувства: «Нечто совершалось. Шум грозный родился, и, гулко вздрогнув, огласилась им тишина... Звуки росли громче, и то был уже не шум людей, а ропот моря. И море, казалось, вздымается и бушует, и ревет ревом вопиющим, с возрастающим, с силой чудовищной разбивая окрестные берега. И я понял, что то не моря рев, но рев народа... Как вал грохочущий, надвигался он на меня, и я знал, сейчас я буду во власти стихии, и я тоже буду реветь голосом нечеловеческим... И волна настигла меня, и я отдался ей, пожирающей. И подхватила

она меня, и понесла на своем гребне. И я увидел, что вся она из таких, как я...»⁸⁶⁷

Григорий Зиновьев не отличался столь образным мышлением. Но когда в полночь 3 (16) апреля он и Ленин вышли из вокзала на площадь, от которой исходил гул человеческих голосов, а лучи прожекторов выхватывали из тьмы тысячи голов, острия штыков, башни броневигов и колышущиеся на ветру знамена, Зиновьев вдруг ощутил нечто похожее: «С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы – щепочки в этой волне»⁸⁶⁸. Разница состояла лишь в том, что если в Муравьева эта человеческая волна вселяла нечеловеческий ужас, то у Григория Евсеевича она вызывала прямо противоположное чувство – восторженную эйфорию.

В этом чувстве он был не одинок. В первые послефевральские дни и недели эйфория победы вообще стала господствующим настроением. Казалось, все то, что веками давило, угнетало, разъединяло – царский деспотизм – исчезло, рухнуло сразу, сметенное могучим ураганом. Даже ужасы войны как бы отодвинулись в глубь сознания, заслоненные тем новым, необычайным и радостным, что, наконец, свершилось... Свобода!

Один из эсеровских лидеров – Владимир Зензинов записал: «Улицы – тротуары и мостовые – во власти толпы. Все куда-то спешат... Все возбуждены, взволнованы... Ощущение какого-то общего братства. Как будто пали обычные перегородки, отделявшие людей, – положением, состоянием, культурой, люди объединились и рады помочь друг другу... Это ощущение братства было очень острым и определенным – и никогда позднее я его не переживал с такой силой... То было воистину ощущение общего народного праздника»⁸⁶⁹. С некоторой долей иронии о том же вспоминал академик К.В. Островитянов: то были дни «какого-то всенародного ликования. Многим казалось, что исчезли все классовые противоречия и настало царство Исайи, когда “волк почиет со агнцем”. Все нацепили красные бантики, всюду реяли огненные революционные флаги – все окрасилось в цвет революции...»⁸⁷⁰

В февральские дни, на какой-то момент, действительно «дружно» слились разнородные потоки: борьба рабочих и солдат против царя и войны, и борьба либеральной буржуазии за устранение обанкротившейся власти. Усилия всех партий были направлены в одну точку. Этот момент, как выразился Владимир Ильич, «всеобщего слияния классов против царизма», как раз и стал одной из главных причин головокружительной эйфории, быстроты и относительной «бескровности» (около 2 тысяч убитых) победы⁸⁷¹.

Именно эта разнородность борющихся сил сразу же породила двоевластие. С одной стороны, было создано Временное правительство, включившее в себя «цвет» либеральной интеллигенции: кадетов – П. Милюкова, Н. Некрасова, А. Мануйлова, А. Шингарева, В. Набокова, октябристов – А. Гучкова, В. Львова, И. Годнева, «независимых» – М. Терещенко, Г. Львова и трудовика А. Керенского. С другой – Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, общероссийским центром которых стал Петросовет.

За Временным правительством, помимо буржуазии, помещиков, правых и либеральных партий, стоял достаточно мощный старый государственный аппарат, церковь, армейская верхушка – генералитет, часть офицерского корпуса. Это были вполне серьезные силы. И с какой радостью они раздавили бы народное восстание... «С первого мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, – писал Василий Шульгин, – и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность “великой” русской революции... Боже, как это было гадко! Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

– Пулеметов бы сюда! Да, да, пулеметов... Только язык пулеметов доступен уличной толпе, только свинец может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы, этот зверь был... Его величество русский народ!»⁸⁷²

Шульгину казалось, что достаточно одного надежного полка и решительного офицера, чтобы разогнать этот «сброд». Такой

офицер нашелся. Полковник Александр Павлович Кутепов собрал отряд числом более тысячи человек пехоты и кавалеристов с 12 пулеметами и решил всех восставших – от Литейного проспекта до Николаевского вокзала – «загнать к Неве и там привести в порядок». Но как только «каратели» вошли в соприкосновение с толпами народа, «большая часть моего отряда, – рассказывал сам Кутепов, – смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может»⁸⁷³.

Тогда, в первые послефевральские дни, для того чтобы «привести в порядок» народ, силенок у них не хватало. А те, что имелись, были несопоставимы с гигантской народной массой, которая стояла за Советами. Существенным оказалось и то, что Петросовет, вопреки противодействию его президиума, утвердил составленный армейскими депутатами «Приказ № 1», согласно которому солдатам предоставлялась вся полнота гражданских прав, оружие – в том числе те самые пулеметы, о которых вспомнил Шульгин, – бралось под контроль ротных и батальонных солдатских комитетов, а во всех политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а только своим комитетам и Петросовету.

9 марта новый военный министр Александр Иванович Гучков сообщал генералу Алексееву: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет раб. и солд. деп., который располагает важнейшими элементами реальной власти, т. к. войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом...»⁸⁷⁴.

Но параллельное существование двух общероссийских центров власти было невозможно. Оно неминуемо должно было завершиться единовластием одного из них. И с попустительства меньшевистско-эсеровских лидеров Петросовета правительство начало постепенно прибирать власть к рукам.

И тогда, и позднее соглашатели говорили, что они стремились сохранить «общенациональное единство» для борьбы

со «старым режимом». Слов нет, в желании сплотить против общего врага широкие слои населения, в стремлении избежать гражданской войны никакого грехопадения не было. Ради этого можно и должно идти на компромиссы. Но какой ценой?

Две ночи напролет, до полного изнеможения, вместе с либеральными лидерами они вырабатывали условия передачи власти. В конце концов, в «условиях» не оказалось ни слова о прекращении войны, ни слова о демократической республике, ни слова о земле, то есть именно тех требований, ради которых совершалась революция.

Конечно, была не сей счет «теория»: раз революция буржуазная, значит, и власть должна принадлежать буржуазии. Николая Романова могут сменить лишь политические деятели типа Родзянко или Милюкова. Только им может подчиниться старый чиновный аппарат, худо-бедно обеспечивающий жизнедеятельность страны.

Но теоретические формулы часто прикрывают и нечто более личное. К примеру – нерешительность, а то и просто страх. Когда председателя Петросовета Николая Чхеидзе спросили – готов ли он возглавить правительство? – он в ужасе отшатнулся: «Упаси господи, что я, сумасшедший?!» Положение страны было катастрофическим. На фронтах армия терпела поражение. Надвигалась разруха. Поэтому не только «догма», но и элементарная боязнь взять на себя ответственность за судьбу страны определила поведение меньшевистско-эсеровских вождей, добровольно – «от имени революции» – передавших власть буржуазному правительству.

Это и позволило правительству, как выразился Ленин, «положить ноги на стол». Через российских послов Милюков заверил союзников, что война будет продолжена. В Кронштадт, Свеаборг и другие места, где имели место эксцессы, для наведения порядка направили правительственных комиссаров. А для умирения бунтующих крестьян послали воинские команды. Так что «царство Исайи» кончилось довольно быстро. Но хотя «слияние классов» кончилось, эйфория все еще оставалась. Она проявилась и в ночной встрече Ленина с питерскими

большевиками в особняке Кшесинской, пока Владимир Ильич не оборвал поток приветствий и вместо этого предложил высказаться «о той тактике, которой надо держаться»⁸⁷⁵.

4 (17) апреля в Таврический дворец Ленин и его спутники приехали в 12 часов. Владимира Ильича сразу подхватили старые и новые знакомые. Были тут и кожевник Иван Присягин, и уже упоминавшийся рабочий завода «Айваз» Иван Чугурин – давние ученики Ленина по школе Лонжюмо. И вернувшийся из ссылки рабочий – депутат IV Думы Федор Самойлов. Пришли Шляпников, Коллонтай... Но больше виделось лиц совсем незнакомых, смотревших с любопытством и ожиданием. Крупская заметила, как Владимир Ильич отыскал глазами Присягина, улыбнулся ему – было у них «какое-то понимание с полуслова» – и начал выступление...⁸⁷⁶

«Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, – писал на следующий день Ленин, – я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата».

Выступил «сначала на собрании большевиков. Это были делегаты Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, делегаты, которые должны были разъезжаться и поэтому никакой отсрочки дать мне не могли. По окончании собрания председатель его, т. Г. Зиновьев, предложил мне, от имени всего собрания, повторить мой доклад тотчас на собрании и большевистских и меньшевистских делегатов...

Как ни трудно мне было повторять немедленно мой доклад, я не считал себя вправе отказаться, раз этого требовали и мои единомышленники и меньшевики, которые из-за отъезда действительно не могли дать мне отсрочки».

«Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, – и добросовестным оппонентам, – было изготовление письменных тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и дважды: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков»⁸⁷⁷.

Мария Костеловская – секретарь Краснопресненского РК РСДРП Москвы хорошо запомнила, как выступал Владимир Ильич «на фракции большевиков в комнате № 13, на хорах Таврического дворца. Было человек 40. Вот его прежняя манера двигаться во время речи вперед-назад... Перед ним был длинный стол, а сзади – деревянные лавки. Когда Ленин пятился назад, он натыкался на эти лавки и каждый раз с некоторым удивлением оглядывался на них. Мы с трудом растащили лавки в сторону, и Ленин стал ходить вперед к столу и назад, пятясь к стене шагов пять-шесть, прижимая к себе локти и слегка сжимая кулаки.

Как только он кончил, сейчас же мы все перешли вниз, в думский зал, где уже собралось объединенное заседание большевиков и меньшевиков. Народу было человек 500. Здесь Ленин снова повторил свой доклад и предложил свои тезисы о задачах пролетариата в русской революции»⁸⁷⁸.

Весь опыт прежней политической борьбы, вся та теоретическая работа, которую Ленин вел в предшествующие годы – штудирование философских трактатов, анализ новой эпохи, мирового революционного процесса, те мысли, которые – уже после Февраля – излагал он в «Письмах из далека», – все это было теперь четко сформулировано в десяти тезисах.

И первый из них давал оценку продолжавшейся войне.

Эта война, говорил Ленин, впервые в истории поставила перед целыми странами и народами проблему выживания: «Война привела все человечество на край пропасти, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа». Что касается России, которая несет в этой войне наибольшие потери, то продолжение бойни приведет страну лишь к полной катастрофе, разорению и распаду⁸⁷⁹.

Можно считать вполне доказанным, считал Ленин, что Временное правительство, опутанное по рукам и ногам обязательствами перед союзными державами, тесно связанное со старым генералитетом и теми буржуазными кругами, которые получали на военных поставках колоссальные прибыли, не сделает никаких реальных шагов к миру. Оно вообще не собирается отказываться от дальнейших военных действий, от

захвата чужих территорий. А это означает, что война по-прежнему остается антинародной.

Ее нельзя кончить, полагаясь на добрые пожелания отдельных лиц или добиваясь смены наиболее «воинствующих» министров. «Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир, – писал Ленин, – все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели». Войну вообще нельзя окончить усилиями лишь одной из воюющих сторон, а тем более – воткнув штык в землю и бежав с фронта. Реализовать это главное требование народных масс можно, лишь передав всю полноту власти самому народу⁸⁸⁰.

Наивно ждать от Временного правительства и спасения от надвигающегося экономического краха. Его признаки, проявлявшиеся в расстройстве народного хозяйства, росте инфляции, сбоях в снабжении армии и тыла, множились изо дня в день. И одновременно у всех на глазах росли прибыли промышленников и спекулянтов, наживавшихся на народном бедствии.

Многие полагали, что в условиях войны борьба против буржуазии, сосредоточившей в своих руках управление экономикой, пагубна и необходимо лишь поддерживать ее попытки предотвратить кризис. Но и этот довод Ленин считал чистейшим ребячеством. «Капиталисты не могут, – отмечал он, – отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы». Это правительство никогда не захочет «возложить тяготы войны на богачей», а посему – не даст народу хлеба. Оно «сможет в лучшем для него случае оттянуть кризис, но избавить страну от голода не сможет»⁸⁸¹. Иными словами, и эту задачу можно решить, лишь передав власть самому народу.

Таким образом, итожит Ленин, существующее правительство – «олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы...». И второй и третий пункты тезисов фиксируют позицию: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний». Ибо эти «обещания – единственная вещь, которая очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны». И

задача «текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁸⁸².

Придумывать или создавать такую власть заново – не надо. Она существует. Она создана народом. Это – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Беда в том, что ни их лидеры, ни большинство самих депутатов не осознали их сути. Не поняли, что это не органы контроля за деятельностью Временного правительства и тем более не органы местного самоуправления, что Советы – это и есть новая государственная власть.

С точки зрения прежних демократических канонов – все в них было не так. Во-первых, они были «незаконны», ибо не было закона, определявшего их статус, порядок выборов. Но точно так же было незаконно и Временное правительство, которое уж точно никто не выбирал и не утверждал. И когда 2 (15) марта на митинге в Таврическом Милюкову крикнули: «Кто вас выбирал?», он с пафосом ответил: «Нас выбирала русская революция!»⁸⁸³ Он был прав. И Советы, и Временное правительство возникли в результате революции, свергнувшей «старый режим» со всеми его нормами и понятиями о государственном устройстве. По-иному и не могло быть.

Во-вторых, Советы являли собой некий новый тип государственности – «прямую власть»⁸⁸⁴, где не было классического «разделения властей». И это тоже не было случайностью. За подобным «разделением» народ имел возможность наблюдать все десять предреволюционных лет. Конечно, Государственная дума по своему составу и функциям была «ублюдочным» парламентом. Но по накалу политических страстей, по части «говорения» она несколько не уступала аналогичным европейским учреждениям. И этот российский опыт «толчения воды в ступе», бессилия против правящей бюрократии в немалой мере развеивал в глазах народа парламентские иллюзии.

Ведь даже европейский парламентаризм, отмечал Ленин, будучи для всего человечества гигантским шагом вперед в развитии демократии, по сравнению с политическими структурами феодализма, вместе с тем показал, что эта форма представительной демократии все-таки не решает главной проблемы: отстранения, отчуждения власти от народа и использования государственной машины против народа.

Напоминая об опыте прежних революций, Ленин говорил, что они «только усовершенствовали эту государственную машину, только передавали ее из рук одной партии в руки другой партии». Отсюда и результат: «Революции делались, а полиция оставалась, революции делались, а все чиновники и проч. оставались. В этом причина гибели революций... Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, но тем, кто их проводит...» И такое «разделение» всегда таит в себе опасность формирования авторитарно-бюрократического режима⁸⁸⁵.

Вот почему, выдвигая требование свободы, революционные массы вкладывали в это понятие не только свободу слова, печати, но и надежды на реальную демократию, то есть участие в управлении государством. Вот почему, не доверяя чиновной бюрократии, они стали с помощью Советов строить «демократию по-своему». Демократию, которая не только проводила бы политику от имени народа и в интересах народа, но и исходила от народа и осуществлялась не казенным «начальством», а самим народом.

«Жизнь создала, – пояснял Ленин, – революция создала уже на деле у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое "государство"... Это уже вопрос практики масс, а не только теория вождей». И в пятом тезисе Владимир Ильич заключает: не парламентарная республика, а республика Советов снизу доверху по всей России, ибо «выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем»⁸⁸⁶.

Многие оппозиционные платформы обычно грешат одним недостатком. Блистательно критикуя существующую власть и ее

политику, они – при изложении своей конструктивной программы – либо обнаруживают полную беспомощность, либо скатываются к чистой демагогии.

Нынешние «лениноеды», повторяя зады той критики, которая была обрушена на «Апрельские тезисы» весной 1917 года, твердят – одни об «отходе от марксизма», другие, наоборот, о «тупом доктринерстве», которые якобы и положили начало «социалистическому эксперименту». Жаль, что у подобных критиков не хватило времени на то, чтобы эти тезисы перечитать.

Между тем, комментируя их, Ленин особо отмечает, что Февраль создал ситуацию, в которой нет ни места для «доктрины», ни времени для «социалистического эксперимента». И только тупой педант может в такой обстановке заниматься схоластическими выкладками относительно того, соответствуют ли той или иной «доктрине» те или иные практические решения.

«Не в том дело сейчас, – подчеркивает Владимир Ильич – как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узкопонятой “теории” вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего руководство к действию»⁸⁸⁷. И, предлагая конкретные меры по выходу из кризиса, Ленин исходит не из «доктрины», а из реальной мировой практики. Война породила множество народно-хозяйственных проблем во всех воюющих странах. Наиболее развитые из них – Германия, Англия, Франция, а отчасти и Россия – решали эти проблемы на путях создания «военно-государственного капитализма», то есть государственного регулирования производства и распределения.

На практике это означало не только свертывание свободной конкуренции и рынка, жесткую централизацию производства и снабжения, государственный контроль банковского дела, но и общегосударственную мобилизацию труда, то есть всеобщую трудовую повинность, государственное регулирование рабочего времени на предприятиях, государственные закупки по твердым

ценам продовольствия у крестьян, нормированное снабжение городского населения и т. д. «Шаги эти, – отмечал Ленин, – с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит послевоенное время...»⁸⁸⁸

Но позволяя буржуазии, хотя бы на время, решать некоторые экономические проблемы, указанные меры решали их в интересах милитаризма, продолжения кровавой бойни – за счет трудящихся. Поэтому, предлагая ряд шагов, апробированных Европой и действительно целесообразных в экстремальных условиях войны, Ленин ставит вопрос политический: кто и в чьих интересах будет осуществлять их? Ибо в интересах народа их можно использовать, лишь передав власть самому народу.

Такой подход сразу придает трем «экономическим тезисам» (6, 7 и 8), взятым, казалось бы, из арсенала «военно-государственного капитализма», принципиально иной характер. Он предлагает немедленный переход к контролю со стороны Советов за общественным производством и распределением продуктов. Далее – слияние всех банков страны в один общенациональный банк и контроль над ним со стороны Совета рабочих депутатов с привлечением «советов банковских служащих».

О таких Советах Ленин упомянул не случайно. Позднее, в мае, в Петрограде собиралось Всероссийское совещание работников кредитных учреждений. Накануне его один из членов большевистской фракции совещания Дон Маркович Соловей пришел к Владимиру Ильичу за советом. Ленин ответил, что важно «узнать о настроениях среди банковских работников. Кого из них можно приблизить к нам, кого можно будет использовать в будущем, когда власть перейдет в руки Советов...» Эта мера особенно важна, поясняет в «Апрельских тезисах» Владимир Ильич, ибо «банки – нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов».

И наконец, национализация всех земель в стране и передача их в распоряжение советов крестьянских и батрацких депутатов.

А дабы мера эта не приобрела «погромного» характера, подчеркивает Ленин, необходимо, чтобы Советы «строжайше соблюдали сами порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а у с и л и в а л и его, ибо солдатам нужно в д в о е больше хлеба, и народ не должен голодать»⁸⁸⁹.

Что касается угрозы распада и сохранения целостности России, то Ленин прямо указывает: «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся... Но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций». Для этого необходимо избавиться от «предрассудков старины, заставляющих видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великорусов». А во-вторых, «чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила добровольного притяжения к такой республике трудящихся масс всех наций»⁸⁹⁰.

Так в чем же дело? Если сила на стороне Советов, если есть программа действий, то, казалось бы, стоит направить к Мариинскому дворцу роту солдат, а еще лучше – матросов, арестовать, а еще проще – разогнать Временное правительство, и проблема будет решена. Но в том-то и дело, считал Ленин, что проблема заключалась совсем не в «захвате власти». Она лежала в совершенно иной плоскости.

Революция выявила не только сильные стороны массового движения, его способность к организации и самоорганизации. Революция сделала явными и недостатки этого движения, его слабость. Прежде всего то, что за рамками сознательности и различных форм революционной организованности оставалась гигантская политически неразвитая масса, податливая посулам и демагогии.

«Один из главных, научных и практически-политических признаков всякой действительной революции, – пояснял

Ленин, – состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа “обывателей”, переходящих к активному, самостоятельному, действенному участию в политической жизни... Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике». Эта гигантская волна «захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...»⁸⁹¹. Грех соглашательских партий как раз и состоял в том, что, опасаясь потерять поддержку масс, они поддались этой «волне или не осилили, не успели осилить волны»⁸⁹².

«Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто социально-политический характер войны со стороны России изменился от... замены царской монархии гучково-миллюковской почти республикой. И народ поверил...». Но необходимо четко различать и отделять тех, кто вполне сознательно дурачит народ, от тех, кто одурачен ими, ибо массы иначе поддаются иллюзиям, «чем вожди, и иначе, иным ходом развития, иным способом высвобождаются»⁸⁹³.

Временное правительство и господа генералы вполне сознательно «ведут войну в интересах русского и англо-французского капитала». А лидеры Советов и прочие господа «советские» интеллигенты – интеллектуально обслуживают их. Они, «невзирая на их добродетели, знание марксизма и проч.», бессовестно обманывают народ фразами о «защите революции». Они «грозят, усовещевают, заклиняют, умоляют, требуют, провозглашают...» И переубеждать их бессмысленно, ибо они прекрасно знают, что нельзя изменить характер войны, «не отказавшись от господства капитала»⁸⁹⁴.

Совсем другое дело – те, кого они дурачат. «Массовые представители революционного оборончества добросовестны, – не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые

действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают»⁸⁹⁵. Вот с ними, с теми, кто признает «войну только по необходимости», партия и должна работать. И делать это надо терпеливо, обстоятельно, просто, избегая «латинских слов» и псевдоученого умствования⁸⁹⁶.

Народу необходимо сказать правду. И не только правду о буржуазном правительстве. Но и – в первую очередь – правду о самом народе. О том, что в массе своей он недостаточно организован и сознателен. Что ум его замусорен невежеством и множеством «предрассудков старины». Что по привычке, вековой забитости, он тянется за прежними хозяевами жизни, верит им на слово. И что, имея возможность взять власть, он сам дал себя «мирно обмануть» и передал власть буржуазии «по темноте, косности, по привычке терпеть палку, по традиции»⁸⁹⁷.

Что, обидно слушать? Да, отвечает Ленин, – «это горькая правда. Но это правда. Народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза, и он научится бороться против неправды». Главная задача большевиков как раз и состоит в том, чтобы «избавить массы от обмана»⁸⁹⁸.

Для того чтобы все это сказать публично весной 1917 года, надо было – помимо честности – иметь мужество. Февраль вывел на поверхность политической жизни множество демагогов, озабоченных не столько бедствиями страны, сколько стремлением к политической карьере. Миллионы фальшивых слов, восхвалявших «Его Величество Народ», обрушились на рабочих, солдат, крестьян, приятно кружа им головы.

Естественно, что стремление плыть «против течения», иная «правда о народе», говорил Ленин, не принесет партии, особенно на первых порах, популярности и не прибавит ей голосов в Советах. Но большевики должны бороться за единовластие Советов вне зависимости от того, кто будет стоять во главе Советов и какие партии составят там большинство. «Если даже придется остаться в меньшинстве, – пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве»⁸⁹⁹.

Поворот в сознании масс неизбежен. И он станет следствием не только, даже не столько, большевистской пропаганды. К нему приведет сама жизнь. «Мы не хотим, – говорил Ленин, – чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок». Поэтому и агитацию надо строить не на «доктрине», а на разъяснении того, что даст власть Советов для прекращения войны и разрухи, ибо к этим вопросам «массы подходят не теоретически, а практически». И если интересы народа нами поняты правильно, если именно их выразит партия, то поддержка ей обеспечена. И в конечном счете – «к нам придет всякий угнетенный, потому что его приведет к нам война, иного выхода ему нет»⁹⁰⁰.

Временное правительство вполне заслужило, чтобы его свергли и заменили властью Советов. Но его нельзя свергнуть, ибо Советы и фактически, и формально поддерживают это правительство. Значит, на первый план выступает другая задача: разоблачение политики Временного правительства и завоевание большинства в Советах. А эту задачу никак не решишь ни с помощью флотского экипажа, ни с помощью солдатских штыков.

Ленин многократно повторяет эту мысль: «чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»⁹⁰¹. Имея за спиной реальную силу, Советы – без всякого восстания – могут взять в свои руки всю полноту власти. И никто – в том числе Временное правительство – не способен воспрепятствовать этому. Вот почему в России, как «нигде в мире, – заключает Ленин, – не может быть совершен так легко и так мирно переход всей государственной власти в руки действительного большинства народа...»⁹⁰²

Вот так ниточка, тянувшаяся от разговоров с воронежцем Кондратом Михалевым в Цюрихе, с тамбовским крестьянином в вагоне поезда, от десятков других встреч, которыми будет насыщен каждый день после возвращения в Россию, и приведет Ленина к пересмотру его позиции по вопросу о перспективе развития революции. Там, в Цюрихе, он полагал, что сам факт

вооруженного восстания в Петрограде, свергнувшего царизм, положил начало превращению войны империалистической в гражданскую⁹⁰³. Но рожденное этим же восстанием двоевластие создало возможность иного – мирного пути. И прежний лозунг гражданской войны был теперь Лениным снят.

Спустя четыре года Ленин рассказывал: «В начале войны мы, большевики, придерживались только одного лозунга – гражданская война, и притом беспощадная. Мы клеймили как предателя каждого, кто не выступал за гражданскую войну. Но когда мы... вернулись в Россию и поговорили с крестьянами и рабочими, мы увидели, что они все стоят за защиту отечества, но, конечно, совсем в другом смысле, чем меньшевики, и мы не могли этих простых рабочих и крестьян называть негодьями и предателями. Мы охарактеризовали это как "добросовестное оборончество"... Я напечатал тезисы, в которых говорил – осторожность и терпение». И мы выступили «против лозунга гражданской войны...».

«Кадеты, – продолжал Владимир Ильич, – которые являются тонкими политиками, тотчас же заметили противоречие между нашей прежней и новой позицией и назвали нас лицемерами». Но там, где они увидели лишь «тонкий ход», «политиканство», стояло иное: реальность, рожденная самой жизнью. «Наша первоначальная позиция в начале войны, – отмечает Ленин, – была правильной, тогда важно было создать определенное, решительное ядро. Наша последующая позиция была также правильной. Она исходила из того, что нужно было завоевать массы. Мы тогда уже выступали против мысли о немедленном свержении Временного правительства. Я писал: "...Его нельзя свергнуть немедленно, так как оно опирается на рабочие Советы и пока еще имеет доверие у рабочих. Мы не бланкисты, мы не хотим управлять с меньшинством рабочего класса против большинства"»⁹⁰⁴.

Задолго до 1917 года и Маркс, и Энгельс, и Ленин писали о предпочтительности мирного взятия власти трудящимися как пути, наиболее гуманном и ценном, наиболее соответствующем интересам народа. Писали они и о том, что история крайне редко

предоставляет такую возможность, ибо господствующие классы, защищая свою власть и привилегии, всегда первыми прибегают к вооруженному насилию.

Именно их сопротивление ставило под вопрос реальность мирного пути и на сей раз, ибо – в отличие от Ленина – они отнюдь не собирались отказываться ни от вооруженного насилия, ни от гражданской войны. Когда в первый день революции Шульгин взывал к небесам о пулеметах, для того чтобы «загнать обратно в берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Его Величество Русский Народ!», и когда Кутепов двинул против восставших тысячный отряд с пулеметами – их намерения не стали реальностью, началом гражданской войны лишь потому, что не было у них тогда ни сил, ни возможностей. Как справедливо заметил Ленин, они «были за гражданскую войну в их пользу, они против гражданской войны в пользу народа, т. е. действительного большинства трудящихся»⁹⁰⁵. Но это бессилие толкало их не к примирению с новой действительностью, а наоборот – к жгучему желанию реванша. Реванша любой ценой. И с первых послефевральских дней началось собирание сил и формирование армии контрреволюции.

Именно этим, став военным министром, сразу же занялся Александр Иванович Гучков. Надо отдать ему должное – в людях он разбирался. И со всеми героями будущей гражданской войны общий язык был найден уже в марте и апреле 1917 года. В конце марта Гучков вызвал с фронта генерала Антона Ивановича Деникина и назначил его начальником штаба Главковерха. В середине апреля встретился в Одессе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Александром Васильевичем Колчаком. Тогда же в столицу был вызван и генерал Петр Николаевич Врангель. Но главные надежды военный министр связывал с генералом Корниловым, вступившим в должность командующего Петроградским военным округом уже 5 (18) марта.

Настроения в этой генеральской среде были вполне определенными: необходимо с помощью надежных фронтовых частей «расчистить» Петроград, покончить – «не без

кровопролития» – с Советами и установить власть, способную «навести порядок». Определились и источники финансирования, необходимого для такого рода «собрания сил». В начале апреля один из ведущих финансистов и промышленников России Алексей Иванович Путилов вместе с директором-распорядителем Международного коммерческого банка Александром Ивановичем Вышнеградским основали «Общество экономического возрождения России», в которое вошли руководители ряда крупнейших банков. ОЭВР изъявило готовность финансировать начинания Гучкова и – через журналиста и предпринимателя Василия Степановича Завойко – установило контакты с Корниловым⁹⁰⁶.

Впрочем, готовность генералов и банкиров применить насилие против народа создавала лишь возможность гражданской войны. Для ее начала необходима была хоть какая-то массовая опора. И Гучков вскоре убедился в этом сам...

В начале апреля в 26-й корпус Румынского фронта прибыло пополнение. Командир корпуса генерал Миллер, увидев на шинелях солдат красные банты, пришел в ярость и приказал немедленно содрать их. Но солдаты «взбунтовались», арестовали самого генерала и посадили на гауптвахту. Гучков, объезжавший в это время Румфронт, встретился с ними и после беседы понял, что «бунтовщикам» лучше не перечить. Он вынужден был даже одобрить поступок солдат⁹⁰⁷.

Так что с реализацией плана «расчистки» надо было повременить. И все-таки постепенно, в определенной мере даже стихийно, «точки опоры» начинали складываться. В ряде городов, особенно в столице, стали формироваться – чаще всего из офицеров – тайные группы и группочки, завязываться связи между теми, кто не принял революции, кто считал, что «хватит звонить в колокола и пора бить в набат». Но это «белое дело» только-только зарождалось. И пока можно было просчитывать варианты мирного развития революции в России.

Ленин всегда иронизировал над «поразительным легкомыслием» и «самоуверенностью» тех – склонных к «социальному прожектерству» – интеллигентов, которые «рассуждали всегда о

том, какой путь для отечества должны "мы" избрать, какие бедствия встретятся, если "мы" направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы "мы" себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которыми пошла старуха-Европа, если бы "взяли хорошее" и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п.»⁹⁰⁸.

И теперь в «Апрельских тезисах» Владимир Ильич писал не о том, как «облагодетельствовать» или куда «вести» народ, а о том, каков будет вектор развития самого движения, куда оно придет, вернее – куда приведет революционная борьба за реализацию насущных требований народа.

Поскольку вопрос о социалистической перспективе русской революции и тогда, и теперь вызывает наибольшие сомнения и критику, сошлемся на авторитетное мнение экс-министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново, который еще в 1913 году писал Государю: «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему и не нужных, и не понятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут»⁹⁰⁹.

Ленин был более осторожен: необходимо полностью отдавать себе отчет в том, пишет Владимир Ильич, что осуществление всех перечисленных в «Апрельских тезисах» мер, удовлетворяющих нужды народа и проводимых Советами в борьбе с буржуазией, неизбежно выведет революцию за рамки чисто демократического переворота, а «в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим...»⁹¹⁰

Он вновь и вновь поясняет: «такие меры еще не социализм». Они решают «только то, что практически назрело»... «Подобный переворот сам по себе не был бы еще отнюдь социалистическим». Он предостерегает от любых попыток «социалистического эксперимента». Но уже сейчас надо знать, куда, в конце концов, ведет эта дорога, и «вопрос не в том, как быстро идти, а куда идти». Ибо социализм в России «в результате такого рода переходных мер» и при поддержке европейского пролетариата вполне осуществим⁹¹¹.

Те, кто полагает, что пафос «Апрельских тезисов» был связан исключительно с надеждами на поддержку революции в России социалистической революцией в Европе, пусть еще раз перечитают эти тезисы. Их пафос в надежде на разум и жизненный опыт народных масс самой России.

Еще в Цюрихе Ленин писал: «Когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики». В Питере он повторил: «Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен... Это – довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе... – Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо приступать к организационному строительству самого народа, а не одних только буржуазных политиканов и чиновников... Ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем ждать, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы... об удушении Советов рабочих и крестьянских депутатов»⁹¹².

Комментируя «Тезисы», он еще раз повторяет: «Я "рассчитываю" только на то, исключительно на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся с практическими трудными вопросами... Я глубочайше убежден, что Советы рабочих и солдатских депутатов скорее и лучше проведут самостоятельность массы народа в жизнь...»⁹¹³

Эту особенность «Апрельских тезисов» по-своему ухватил Милюков: «Дворянин Ленин, – говорил он, – только повторяет дворянина Кириевского или Хомякова, когда утверждает, что из России придет новое слово, которое возродит обветшавший Запад, сорвет это старое знамя научного социализма и поставит на его место новое знамя прямого внепарламентского действия голодающих масс, действия, которое непосредственно, физической силой заставит человечество взломать, наконец, двери социалистического рая»⁹¹⁴.

Невский проспект в Петрограде во время июльских событий 1917 года

При всем своеобразии революций, которые знала история человечества, есть некие общие – если и не «законы», то во всяком случае общие тенденции их развития. До определенной точки революционная волна набирает все бóльшую силу, сметая все на своем пути. Но, пройдя эту точку, она начинает замедлять свой ход. Для революционного процесса точка эта определяется реализацией основных требований борющихся масс. Лишь

удовлетворив их, можно добиться умиротворения и направить вырвавшуюся наружу энергию и инициативу масс не на разрушение, а на созидание, начав тем самым новую конструктивную эпоху в истории России.

Если же требования народа не будут удовлетворены, тогда кровавая смута и анархистская бестолочь – неизбежны. И поскольку удельный вес сознательных элементов в этой многомиллионной массе недостаточен, движение будет приобретать все более буйный характер. Вот откуда исходила опасность настоящего «русского бунта» и реальной «пугачевщины». Тогда страна действительно могла пойти в разнос.

Возможен был, впрочем, и третий вариант: контрреволюция. Она выжидала и надеялась, что, консолидировав свои силы, используя политическую неразвитость масс, сумеет остановить революционный поток. Тогда выходом из смуты мог бы стать лишь кровавый авторитарный режим во главе с генералом-усмирителем, либо опять – та же монархия. А возможно, «и» – «и». Но и тогда Россия имела бы дело лишь с «отложенным спросом», как это произошло после подавления первой русской революции.

Между прочим, эти «законы» революции понимал не только Ленин. За 10 лет до того Павел Николаевич Милюков писал, что если бы английский абсолютизм во время революции XVII века «мог добросовестно подписаться под требованиями конституционной монархии тогдашнего парламентского большинства, логическое развитие английской революции остановилось бы на торжестве просвитериан; не дошло бы дело до торжества республиканских тенденций индепендентов, ни до борьбы Кромвеля». Точно так же и во времена Французской революции «логическое развитие событий едва ли привело бы к тем же последствиям – республике и военной диктатуре, если бы возможно было честное соглашение между Людовиком XVI и конституционными монархистами»⁹¹⁵.

То есть тогда, в 1906 году, Милюков понимал, что стабилизация невозможна без удовлетворения требований

революции. Тогда он все еще оставался историком, а не только политиком. Теперь, в 1917-м, он стал министром. И был убежден, что уступать напору масс – нельзя. Но ведь ясно было, что и удержать их невозможно...

Складывался, таким образом, исторический парадокс: те, кто громче всех твердил о своем стремлении предотвратить смуту, избежать междоусобия и распада, по существу, вели именно к такому исходу. А те, кого обвиняли в подстрекательстве, в подталкивании страны к анархии, на самом деле предлагали путь, который давал шанс избежать и хаоса, и распада, и широкомасштабной гражданской войны.

И, обращаясь к большевикам, Ленин писал: «Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: “Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох”»⁹¹⁶.

Позднее партийные эрудиты вспомнят, что Ленин выступил с «Апрельскими тезисами» 400 лет спустя после того, как Мартин Лютер в 1517 году приколотил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои знаменитые 95 тезисов против догматов католицизма. Энгельс заметил, что эти тезисы послужили сильнейшим толчком к революции, оказав на общественное сознание такое же действие, как удар молнии по бочке с порохом.

Весной 1917 года об этом случайном совпадении никто не вспомнил. Было не до исторических аналогий. К тому же все твердо знали, что «нет пророка в своем отечестве». Нет и быть не может.

«Окажите доверие нам»

Ленин был прав, когда писал о том, что двоевластие Советов и Временного правительства не могло продолжаться долго. Или-или. Это прекрасно понимали и его противники.

Выход они усматривали в активизации боевых действий на фронте, в наступлении. Любой его исход, полагали они, будет им

на руку. В случае успеха, опираясь на волну патриотических и шовинистических настроений, можно будет задавить Советы или, выражаясь деликатно, «поставить их на место». А при неудаче – свалить все на те же Советы и прежде всего на большевиков, повинных якобы в разложении армии.

22 мая 1917 года Верховным главнокомандующим был назначен генерал Алексей Алексеевич Брусилов. На свет извлекли план наступления, подготовленный при его участии еще зимой 1916 года и согласованный с союзниками. Началось спешное переформирование воинских частей, подготовка к выводу из столицы революционно настроенного гарнизона. А для общего укрепления воинской дисциплины новый военный министр Керенский 11 мая обнародовал «Декларацию прав солдата», которую тут же окрестили как «декларацию бесправия». Особенно настораживало то, что офицерам предоставлялось право – при неповиновении солдат – применять оружие, т. е. расстреливать⁹¹⁷.

«Солдатский телеграф» сработал быстро, и слухи о готовящемся наступлении молниеносно распространились по частям. «Декларация» Керенского лишь усугубила положение. 16 мая Кронштадтский Совет заявил о непризнании Временного правительства. И хотя 24 мая, под давлением Петросовета, это постановление отменили, власть правительства в городе и крепости полностью восстановить так и не удалось. А в большевистскую военную организацию, созданную еще в марте, уже с середины мая стали поступать требования солдатских комитетов столичного гарнизона о проведении внушительной акции протеста.

23 мая вопрос этот в Военной организации обсудили. Ее руководители, Владимир Невский и Петр Дашкевич, поначалу усомнились, что такая акция будет поддержана большинством частей. Но солдаты заверили, что их опасения несостоятельны, и решительно заявили, что в случае отказа полки «готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра». В Центральном Комитете партии Невскому посоветовали не торопиться, а основательней прозондировать обстановку в

гарнизоне. И уже 1 июня, после совещания с представителями полков и кронштадтцев, Военная организация представила в ЦК списки частей (до 60 тысяч человек), готовых к выступлению. Но и после этого Невскому было указано, что без ведома Центрального Комитета никаких действий он предпринимать не должен⁹¹⁸.

Нежелание ЦК и Ленина форсировать события было очевидным. И на то существовали серьезные причины. Владимир Ильич прекрасно понимал, что Питер и Кронштадт – это далеко не вся Россия...

Еще 4 (17) мая в оперном зале Народного дома открылся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Более 1300 делегатов представляли самые удаленные уголки страны. Большевик Андрей Кучкин, посланный гарнизонами Вятской и Пермской губерний, вспоминал: «Для человека из глухой провинции, не видевшего крупных городов, Петроград показался гигантом. Машины, трамваи, ломовики, пролетки, тележки. Люди, люди без конца. Слово муравейник!»⁹¹⁹ И в самом Народном доме – угрюмые часовые, зло настроенные швейцары. Было от чего растеряться...

Большевиков среди делегатов насчитывалось человек девять. Хозяевами на съезде стали эсеры. Они санкционировали голосами крестьян вхождение социалистов в состав правительства, провели оборонческую резолюцию о войне. Камнем преткновения был аграрный вопрос. По словам одного из эсеровских лидеров Наума Быховского, делегаты приехали «с полной уверенностью, что отсюда они возвратятся уже “с землей” и привезут эту радостную весть пославшей их крестьянской массе; они верили, что здесь, на этом съезде, в той или иной форме, но вопрос будет “порешен”. Формальная и конституционно-правовая сторона их не интересовала... Именно в этом вопросе делегаты обнаруживали наибольшее нетерпение»⁹²⁰.

Вместе с меньшевиками-интернационалистами большевики подали заявку на выступление по аграрному вопросу Ленина. Но проходили дни, недели... 17 мая большевики распространили на

съезде «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», написанное Владимиром Ильичом. 20-го он даже приезжал на съезд. Но лишь утром 22 мая ему предоставили слово⁹²¹.

Солдат-большевик Дмитрий Гразкин рассказывает: «Все ждали Ленина, причем крестьяне, судя по их разговорам, представляли себе Ленина высоким, черным, курчавым, с длинными волосами». А как же? После не имевшего особого успеха выступления 11 мая на съезде Зиновьева им, видимо, казалось, что уж у «главного большевика» волосы не только курчавые, но и непременно длинные. «Когда Авксентьев сказал, что "от фракции большевиков слово представляется Ленину", весь зал замер...» Опасаясь эксцессов, двое большевиков вышли с Владимиром Ильичом на эстраду, а трое встали у трибуны. А когда «на трибуне появился человек простого русского типа, – продолжает Гразкин, – делегаты стали друг у друга спрашивать: "А где же Ленин?" Мы стали громко указывать: "Да вон же, на трибуне"... По залу прокатилось: "Это Ленин?!" Ленин стоял, выжидая, чуть улыбаясь. Это сразу как-то купило делегатов»⁹²².

О том же рассказывает и другой делегат – Андрей Кучкин: «В начале речи Ленину летели с правых скамей реплики. Но потом они смолкли... Крестьяне напряженно всматривались в лицо и жесты Ленина. Как будто они хотели уловить в нем что-то чужое, не русское, а немецкое. Ведь так много говорили и писали о Ленине как о немецком агенте! А Ленин расхаживал по возвышенности взад и вперед... И глазами все время бегал по головам делегатов. Голос его звучал сильно. Слова четкие, ясные, всем понятные. И нет ничего в этом человеке чужого, а все свое, родное»⁹²³.

«У нас с нашими противниками, – говорил Ленин, – основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон – это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон есть то, что удобно большинству крестьянства... Помещичья собственность была и остается величайшей несправедливостью. Бесплатное владение крестьянами этой

землей, если владение это будет по большинству, не есть самоуправство, а есть восстановление права. Вот наша точка зрения...»⁹²⁴

А в это время в Таврическом шло обычное заседание Исполкома Петросовета. Эсер Сергей Мстиславский рассказывал: обычные, рутинные, текущие дела. Остывшие стаканы с чаем. Скука. И вдруг весть – Ленин выступает на крестьянском съезде. «Сразу смахнуло сонливость. Сдвинулись с мест. Заскрипели стулья. Заболтались ложечки в стаканах... Кто-то сказал неуверенным баском: "Сойдет... От крестьян это отскочит". Александрович, левый эсер, не удержался, фыркнул: "Отскочит – вам в голову... рикошетом"». Начался торг – кому ехать? Чхеидзе, Богданов – отказались. Отказалась и Спиридонова. Александрович опять пошутил: «"Пошлите Брешковскую. Выйдет совсем по-крестьянски, стиль пейзаж: икону против пожара"... А с телефона новая эстафета: "Кончил. Хлопают. Рев стоит"»⁹²⁵.

Такая реакция была вполне объяснимой. «Чрезвычайно популярная по изложению речь Ленина, – писал эсер Быховский, – произвела большое впечатление на делегатов, несмотря на несомненно существовавшее ранее предубеждение съезда против Ленина как большевика, да к тому же проехавшего через Германию "в plombированном вагоне"... Аргументация Ленина в пользу немедленного захвата земли весьма совпадала с настроениями и суждениями деревни. Он подводил теоретический и логический фундамент под то, что подсказывал крестьянам их классовый инстинкт»⁹²⁶.

Крупный помещик Сергей Илиодорович Шидловский, заседавший в этот момент в Главном земельном комитете с Черновым и другими эсеровскими лидерами, пишет, что их как ветром сдуло, ибо стало известно, что на съезде «крестьяне пожелали немедленно вотировать» резолюцию, предложенную Лениным. Лидеры подспели вовремя. Был объявлен перерыв. На следующий день выступил Виктор Чернов, заявивший, что он гарантирует «неприкосновенность земельного фонда до Учредительного собрания». Речь, произнесенная «с значительной экспрессией», вызвала бурные аплодисменты.

Крестьяне стали качать своего министра. После чего два дня – и в самом Народном доме, и в общежитиях им, как говорится, «пудрили мозги». Как выразился депутат Д.П. Оськин, спорить с «таким обилием умных и больших людей... стало страшно. Легче идти в штыковую атаку на фронте...»⁹²⁷

А 3 (16) июня в помещении Первого кадетского корпуса открылся I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Более тысячи делегатов представляли на нем губернские, областные и районные Советы, объединенные рабочие, солдатские и крестьянские организации, действующую армию, флот и тыловые гарнизоны. Подавляющее большинство на этом съезде причисляло себя к эсерам (285 мандатов) и меньшевикам (248 мандатов). И лишь 105 делегатов зарегистрировались как большевики.

О составе съезда Николай Суханов писал: «Это были “настоящие” солдаты, мужички, но больше было мобилизованных интеллигентов. Не одна сотня была и прапорщиков, все еще представлявших “огромную часть действующей армии”. И что тут были за фигуры! Само собой разумеется, что все они были “социалисты”. Без этой марки представлять массы, говорить от их имени, обращаться к ним было совершенно невозможно... В кадетском корпусе была толчея. По кулуарам бродили шумные вереницы; около бойких ораторствующих людей собирались группы; была давка у раскинувшихся в нижнем этаже книжных лавочек и киосков; стояли длинные хвосты за чаем и обедом в низкой и мрачной столовой»⁹²⁸.

Начался съезд со скандала. Швейцарский социалист Роберт Гримм, сопровождавший при проезде через Германию «эшелон» Мартова, Натансона, Луначарского и др. (257 эмигрантов), был выдворен из России за его «тайную дипломатию» в пользу сепаратного мира. Мартов попросил слова для объяснений. Увы! Слушать его не стали...

«Конечно, – пишет Суханов, – большинство собрания не имело понятия о том, кто такой Мартов, какой он партии, что он доселе делал на свете – пока его слушатели при царизме мирно поживали и добра наживали... Поднялась вакханалия, в залах

начался патриотический вой; “негодование” и “гнев” против немецких пособников стоном стояли в зале... Мартов был взволнован открывшейся перед ним картиной. У его ног волновалась темная стихия, которая была живой контрреволюцией. Казалось, эта темная сила физически нападает на трибуну и вместе на революцию, а щуплая фигурка Мартова, угловатая, скромная, невоинственная, героически противостоит жадному, нечленораздельному, бессмысленно рычащему чудовищу. Даже Троцкий не выдержал этого зрелища.

“Да здравствует честный социалист Мартов!” – закричал он, подбежав к трибуне... Глядя на “определившийся” съезд, волновался мой сосед – увядший, истрепанный травлей Стеклов: “Эх, надо бы им ответить! Эх, я бы выступил!” – “Так выступите”, – не подумав, сказал я. – “Что вы, разве мне можно появиться! – ответил Стеклов. – Разнесут, разорвут...”»⁹²⁹

На следующий день съезд слушал доклад Либеры об отношении к Временному правительству. «Переход всей власти в руки Совета РСД, – сказал он, – попытка осуществления этого лозунга обозначала бы во всероссийском масштабе... не усиление власти революционной в стране, а... распад единой революции, полную изоляцию рабочего класса... А за пределами организации рабочей демократии... область авантюры, сепаратных выступлений отдельных городов, область всероссийской анархии и военных диктатур»⁹³⁰.

Прения по докладу продолжались пять дней. Говорили красиво и долго. Слушать эти речи было невозможно, и Ленин, приехав на съезд, разговорился в кулуарах с левым эсером, членом Петросовета Петром Васильевичем Бухарцевым. Многих левоэсеровских лидеров Владимир Ильич хорошо знал еще по эмиграции. Но с активным левым эсером из числа «практиков» беседовать не приходилось.

В разговоре, пишет Бухарцев, «Ильич интересовался настроениями эсеров и особенно левого крыла. Он спрашивал о взаимоотношениях Виктора Михайловича Чернова с левым крылом и, дело прошлое, буквально выпытывал, имел ли Чернов к организации левого крыла с.-р. какое-либо отношение. “Хитрый

мужиченко Чернов... Со всеми заигрывает и никогда не узнаешь, с кем он будет", – смеялся Ильич». Но потом сказал: «На этом съезде делать нечего, и большевикам можно было бы и уйти... Да хочется переговорить с Черновым, авось друг от друга чему-нибудь научимся».

К ним подошел другой левый эсер, делегат от Инсарского гарнизона, офицер Павел Федоров. В ходе разговора он, между прочим, показал Владимиру Ильичу крестьянские и солдатские наказы, которые он получил, отправляясь на съезд. Ленин просмотрел их и был приятно удивлен: «Ого! – сказал он Павлу Алексеевичу, – да вы в Инсаре, судя по наказу, требуете социализации не только земли, но и фабрик и заводов!» Федоров не только подтвердил, но и добавил, что они готовы отстаивать эти требования с оружием в руках⁹³¹.

А в зале по-прежнему лились речи. Слово предоставляли прежде всего социалистическим министрам. «Церетели, Скобелев и Чернов выступали каждую минуту, казалось, по нескольку раз по всякому вопросу, и оставались на трибуне целыми часами... Это было, – рассказывает Суханов, – нестерпимо не только для здравомыслящих людей, но начинало выводить из себя и весь кадетский корпус. Одни начали лояльно вздыхать, другие не столь лояльно ворчать себе под нос, третьи откровенно покрикивать: довольно, слышали, дайте послушать людей с мест!.. От пошлого и тупого хвастовства контрреволюционной политикой коалиции тошнило, конечно, не одних большевиков»⁹³².

Было ужасно скучно. И Луначарский стал рисовать: средневековый рыцарь в стальных доспехах с обнаженным мечом... Анатолий Васильевич подписал рисунок: «Таким будет буржуазный диктатор России» – и передал Ленину. Владимир Ильич внимательно посмотрел, перечеркнул надпись и быстро написал: «Диктатуре буржуазии в революционной России не быть»⁹³³.

А на трибуне, артистично жестикулируя, говорил Ираклий Церетели: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите,

мы займем ваше место... Такой партии в России нет!» Стенографистка Надежда Никифоровская вспоминала: «Оратор сделал паузу, как бы любуясь эффектом, который произвели его слова на делегатов... Тишина. И вдруг, как удар грома, раздались слова: "Есть! Есть такая партия!" – По залу прокатился гул, все пришло в движение. Многие повставали с мест, чтобы увидеть того, кто бросил такую реплику». А Владимир Ильич, попросив у президиума слова от фракции большевиков, уже шел к трибуне⁹³⁴.

Суханов пишет: «В непривычной обстановке, лицом к лицу со своими лютыми врагами, окруженный враждебной толпой, смотревшей на него как на дикого зверя, Ленин, видимо, чувствовал себя неважно... К тому же над ним тяготели жесткие 15 минут, отведенные для фракционного оратора. Но Ленину и вообще не дали бы говорить, если бы не огромное любопытство, испытываемое каждым из провинциальных мамелюков к этой знаменитой фигуре...»⁹³⁵

Речь Ленина на съезде стала одним из тех его выступлений, смысл которых всячески извращался и тогда – в обстановке истерии, поднятой бульварной и черносотенной прессой, и теперь – спустя почти столетие, современными «лениноедами». Начиная с Суханова, они вычитывали в ней лишь одно: заявление о готовности большевиков в любую минуту взять власть в свои руки, а говоря проще – о «захвате власти»⁹³⁶.

Но перечитайте эту речь... В ней говорится о том, что программа буржуазной республики и реформ, предлагаемых соглашателями, не может решить проблем, стоящих перед Россией. Их нельзя решить ни резолюциями – «в бумажках можно написать что угодно», ни нудными докладами, которые здесь, на съезде, «делают министры, ссылаясь на то, что они вчера говорили, завтра напишут и послезавтра обещают. Это смешно». Такое толчение воды в ступе уже привело «к застою и к тем шагам назад, которые мы теперь видим в нашем коалиционном правительстве, во всей внутренней и внешней

политике, в связи с готовящимся империалистическим наступлением»⁹³⁷.

Революция создала иной тип власти – Советы, непосредственно выражающие волю народа. Они могут создать новый, небуржуазный «более демократический тип государства, который мы называли в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской демократической республикой... Напрасно думают, что это вопрос теоретический». Напрасно припутывают Маркса и рассуждают о том, «можно ли в России вводить социализм, вообще совершать коренные преобразования сразу, – это все пустые отговорки, товарищи. Доктрина Маркса и Энгельса, как они всегда разъясняли, состоит вот в чем: “наше учение не догма, а руководство к деятельности”». Поэтому в политике надо руководствоваться реальной жизнью. А в этой жизни «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может во время войны, а есть что-то среднее, что-то новое, неслыханное...» И вопрос стоит не о верности доктрине, а о том, «чтобы сделать тот шаг, который нам сейчас нужен»⁹³⁸.

Каждый делегат съезда должен сделать выбор: он за буржуазное правительство с чиновно-бюрократической машиной управления или за власть Советов? А если вы за Советы, то и тут предстоит выбор. Ибо Советы многопартийны, внутри советского правительства, «в недрах Всероссийского Совета неизбежны трения, борьба партий за власть»⁹³⁹.

Все партии, претендующие на выражение воли народа, свои программы выработали. Сформулировали ее и большевики. И они говорят, «как всякая партия говорит: окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу». Поэтому, когда «предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов... говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть... я отвечаю: “есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту готова взять власть целиком”. (Аплодисменты, смех.)»⁹⁴⁰.

Итак, не о «захвате власти» говорил Ленин, а о ее переходе к многопартийным Советам. И о готовности большевиков предложить программу и сформировать советское правительство в том случае, если Советами им будет оказано доверие.

Через несколько дней Владимир Ильич специально разъяснит этот вопрос в «Правде»: чтобы удовлетворить требования народа, «надо быть властью в государстве. Станьте ей, господа теперешние вожди Совета, – мы за это, хотя вы наши противники... Пока у вас нет власти общегосударственной, пока вы терпите над собой власть 10-ти министров из буржуазии, – вы запутались в своей собственной слабости и нерешительности»⁹⁴¹.

По истечении 15 минут после начала речи председатель прервал Ленина: «Ваше время истекло». Но в зале поднялся такой шум, что пришлось ставить на голосование. «Большинство за продление речи», – констатировал президиум. И Владимир Ильич продолжил...

Отличие политики соглашателей от политики революционной он продемонстрировал на простом примере. Вся пресса писала в те дни о неумных аппетитах олигархов, зарабатывавших на военных поставках до 500–800 процентов прибыли. В министерских кругах и в газетах гадали – каким же образом, при новой-то власти, им удастся так обдѣлывать свои дела?

Если вы действительно заботитесь о жизни и благе народа, отвечал Ленин, то «опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров [Суханов, естественно, написал: 200–300. – В.Л.]. Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть, которые и при новом правительстве тысяч и миллионов ежедневно сто́ят нашей стране»⁹⁴².

Что же это – покушение на капитализм? Нет! Потому что в России мы имеем дело с явлениями аномальными даже для капитализма.

Когда сегодня пишут о том, что большевики разрушили процветающую российскую рыночную экономику европейского типа, то забывают о том, что таковой просто не существовало. В годы войны сложился какой-то иной – «дикий» капитализм.

Известный экономист Владимир Александрович Базаров как раз в эти дни писал: «Война и вызванная ею экономическая и финансовая разруха создали такое положение вещей, при котором частный интерес частного предпринимателя направлен не к укреплению и развитию производительных сил страны, а к их разрушению. В настоящее время выгоднее – в ожидании повышения цен – держать в бездействии материальные составные части капитала, нежели пускать их в оборот; выгоднее производить на самых разорительных для страны условиях никуда не годные предметы военного снабжения, нежели добросовестно обслуживать насущные потребности народных масс... Можно ли удивляться, что так называемое "народное хозяйство" превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?»⁹⁴³

И, соглашаясь с Базаровым, Ленин пишет: «Вакханалия мародерства – нет иного слова для поведения капиталистов во время войны. Эта вакханалия ведет к гибели всю страну. Нельзя молчать. Нельзя терпеть»⁹⁴⁴. Именно эту аномальность капитализма Владимир Ильич и разъясняет делегатам Всероссийского съезда Советов. Прибыли в 500–800 процентов, говорит он, российские промышленники берут «не как капиталисты на свободном рынке, в "чистом" капитализме, а по военным поставкам». Поэтому предлагаемые большевиками меры – это не «анархия» и «не социализм. Это – открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру... с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут... Я знаю, что вы этого не хотите, что большинство из вас этого не хочет и что министры этого не хотят, потому что нельзя этого хотеть, так как это – избиение сотен миллионов людей. Но... это связано с вопросом о власти»⁹⁴⁵.

И не надо бояться угроз гражданской войной. «Вы... знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым тяжелым путем восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная»⁹⁴⁶.

Что же касается целостности России, то «тут ближе подходит к истине даже Крестьянский съезд, который говорит о "федеративной" республике и тем выражает мысль, что русская республика ни одного народа ни по-новому, ни по-старому угнетать не хочет, ни с одним народом... не хочет жить на началах насилия. Мы, – заявил Ленин, – хотим единой и нераздельной республики российской с твердою властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов»⁹⁴⁷.

«Оставляя в стороне прапорщиков, либеральных адвокатов и прочих подобных, – пишет Суханов, – у рабоче-крестьянской части собрания классовый инстинкт был, пожалуй, даже на стороне Ленина, хотя предубеждение мешало этому проявиться...» И президиуму пришлось немедленно вытащить на трибуну Керенского, который «в глазах большинства... одержал над ним блистательную победу. Керенскому после Ленина стоило немного нарядиться в тогу демократизма и благородства, сыпать фразами о свободе, щедро сулить мир всему миру – и разбойникам-капиталистам, и товарищам-пролетариям. В ответ на проект Ленина арестовать ради скорейшего мира (?) сотню-другую (?) биржевых магнатов Керенский, пожиная бурю аплодисментов, бросил: "Что же мы, социалисты или держиморды?.."

...А когда левый сектор ответил на "держиморду" шумом и топаньем, то деревянный, с неповоротливыми мозгами председатель Гегечкори, любезный кавказскому сердцу старика Чхеидзе, разъяснил, что "держиморда" – это литературное слово. На этом основании сменивший Керенского Луначарский с места в карьер назвал Гегечкори держимордой...» Прав был Суханов: «в этих собраниях убедить друг друга речами было нельзя»⁹⁴⁸.

...Утром 9 июня Ленин вновь выступил на I съезде Советов с речью о войне. Фактически он стал читать делегатам лекцию об империализме, об экономических и политических причинах вызревания мировой войны, о ее связи с интересами определенных классов, банковского и, в частности, российского капитала. Самое удивительное – его не только слушали, но и прерывали аплодисментами. А когда председатель заявил: «Ваше время прошло», в зале стали кричать – «Просим... Просим».

«В мертвой схватке, – говорил Владимир Ильич, – схватились две гигантские группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы, никакого иного пути тут нет... Мы говорим: выход из этой войны только в революции... Все остальное – посулы или фразы, или невинные добрые пожелания». Если же вы против революции, то в других странах «никто нам не поверит и никто нас не возьмет всерьез, о нас скажут – вы наивные русские дикари, которые пишете слова, превосходные сами по себе, но не имеющие политического содержания, или подумают еще хуже, что вы лицемеры». Ленин предупредил, что «наступила пора перелома во всей истории русской революции», ибо переход в наступление на фронте будет означать переход от ожидания и подготовки мира к открытому «возобновлению войны». Закончил он цитатой из письма крестьянина Г. Андреева: «Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет. (Аплодисменты.)»⁹⁴⁹

Ленин мог радоваться, что как оратор имел столь явный успех. Но он прекрасно понимал, что от сиюминутного успеха до признания этой массой большевистского политического руководства очень и очень далеко...

Многие из тех, кто слушал Ленина и симпатизировал ему, через несколько месяцев станут левыми эсерами и большевиками. Но это будет потом... А теперь они терялись под напором говорливых и агрессивных лидеров, старых, действительно заслуженных борцов за народное дело. И большинством голосов соглашательские резолюции о поддержке

Временного правительства, о войне были приняты. Предложение Бориса Позерна – обсудить вопрос о готовящемся наступлении – тем же большинством отвергли без обсуждения.

Но, проголосовав таким образом, некоторые из солдат написали «отзыв благодарности господину Ленину»: «Мы выводим из Ваших слов, сказанных в Вашей речи, видно, только Вы один имеете сочувствие к настоящей свободе и сочувствие об измученных солдатах. Господин Ленин, Ваши слова произнесенной Вашей речи вполне соответствуют правильностью». А тот же крестьянин Г. Андреев отметил в своем письме: «Я был эсер с 1905 года, но как стали они говорить, что не нужно землю у барина захватывать, то у меня мысль стала отпадать от них... Приехал я после Пасхи в Москву, пошел в Кремль, а там кадеты. Я не знал, что они за господа, думал, что теперь все люди хорошие. Я и скажи несколько слов в защиту себя, – а они на меня: “Ленинец ты”. – “Нет, говорю, я смоленский”. – “Значит, ты шпион германский”. – “Нет, говорю, я крестьянин”. Я не знал, что такое Ленин, и думал, что это губерния. Но потом понял... Всем крестьянам и рабочим я советую следовать примеру большевиков, а не травить их, как собак... У мужика замычка большевика, но он еще не достиг узнать все; в уме у него есть, да объяснить не может»⁹⁵⁰.

Между тем те, кто стояли у власти и даже «полувласти», как лидеры Съезда, постепенно теряли чувство реальности. Им стало казаться, что резолюции и аплодисменты в залах заседаний – это и есть всенародное одобрение. И, вопреки отдельным скептическим голосам, президиум Съезда голосует решение о проведении 18 июня общероссийской демонстрации в поддержку своей политики.

13 июня большевистский ЦК принял решение участвовать в этой политической акции и постараться «превратить демонстрацию против воли Совета за то, чтобы власть перешла к Совету». В оставшиеся дни столичные большевики вновь бросают все свои силы на заводы и в казармы. Туда же направляется около сотни делегатов собиравшейся Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных

организаций РСДРП. Ленин сам проводит в ЦК совещание районных работников, инструктирует большевистских ораторов и агитаторов, проверяет подготовку плакатов, знамен. Он понимал, что предстоящая демонстрация покажет и вектор развития революции, и реальное соотношение борющихся сил.

Утро 18-го выдалось отменным: было тепло и ясно. И уже в 9 утра началось движение колонн от сборных пунктов к центру. На Невском проспекте под звуки «Марсельезы» во главе демонстрантов шли лидеры и делегаты Всероссийского съезда Советов. На Марсовом поле у братской могилы они вышли из колонны, дабы «принять парад» столичного пролетариата. А с окраин, мерной, тяжелой поступью по улицам Петрограда сюда же двигалось небывалое шествие – около полумиллиона рабочих и солдат. Лидеры и делегаты Съезда Советов стали читать и считать тексты плакатов... «Первые большевистские лозунги, – пишет Троцкий, – были встречены полушутливо... Но те же лозунги повторялись снова и снова. “Долой 10 министров-капиталистов!”, “Долой наступление!”, “Вся власть Советам!”. Улыбка иронии застывала на лицах и затем медленно сползала с них. Большевистские знамена плыли без конца. Делегаты бросили неблагоприятные подсчеты»⁹⁵¹.

Владимир Иванович Невский стоял на трибуне рядом с эсеровским лидером Николаем Дмитриевичем Авксентьевым. Накануне, на митинге Путиловского завода, вспоминал Невский, «Авксентьев, обращаясь ко мне, гордо заявил: “За нами идут массы, а за вами – кучка крикунов, потому вам и не удалась демонстрация 10-го”». И вот теперь, «отвечая на приветствие проходящих тт. солдат, я сказал ему: “Ну что, кто за нами идет?” Самоуверенный кандидат в министры изрек: “Это не народ, а отбросы Петербурга”»⁹⁵².

«Во время этой демонстрации, – рассказывал Георгий Валентинович Плеханов, – я стоял на Марсовом поле рядом с Чхеидзе. По его лицу я видел, что он несколько не обманывал себя насчет того, какое значение имело поразительное обилие плакатов, требовавших низвержение капиталистических министров»⁹⁵³. Суханов дополняет: «Кое-где цепь

большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила»⁹⁵⁴.

А вот свидетельство большевички Прасковьи Куделли: «Солнце палит неумолимо. Мерным шагом двигаются колонны рабочих... У могил жертв революции весь в сборе эсероменьшевистский штаб: ходульный Керенский, величавый Церетели, подтягивающийся за ним Чхеидзе... А в сторонке, в значительном отдалении стоит небольшая группа большевиков и в середине Ленин. Лицо его серьезно, зорко оглядывает он дефилирующие колонны».

Да, это была победа, и, как заметил Плеханов, большевики чувствовали себя «настоящими именинниками». Мало того, успех опять начинал кружить им головы. И та же Прасковья Куделли, рисуя портрет Владимира Ильича, заканчивает с пафосом: «Ленин остро и сосредоточенно наблюдает, вдумчиво смотрит перед собой, и изредка из его прищуренных глаз вырываются и сверкают огненные искры...» Вот так!⁹⁵⁵

Между тем никаких «огненных искр» он не излучал, никакой эйфории не испытывал, и настроение у него было совсем иное. Ленин чувствовал и понимал, что революция неумолимо движется к переломной точке своего развития. Сравнивая эту демонстрацию с первомайской, он пишет: «Первое мая было праздником пожеланий и надежд... 18-е июня было первой политической демонстрацией действия, разъяснением – не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы – разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше»⁹⁵⁶.

Внушительные и зримые силы – полмиллиона рабочих и солдат мирно потребовали от лидеров Советов взять власть в свои руки. Но эти лидеры сделали вид, что ничего не произошло. Они полагали, что опять смогут народу что-нибудь пообещать, принять соответствующую резолюцию, а если нужно, то и декларацию. В который уже раз надежды на мирный исход событий были обмануты.

Спустя два часа после демонстрации на квартире у Елизаровых собралось несколько членов ЦК и «Военки». Среди всеобщего ликования Ленин был задумчив и серьезен. Николай Подвойский задал вопрос: что делать дальше? Владимир Ильич ответил, вспоминая Николай Ильич, «что демонстрацией пролетариат ничего не добился. Он (пролетариат) должен с нею вместе похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам». Теперь надо остерегаться, что буржуазия употребит все усилия на то, чтобы спровоцировать массы на такое выступление, которое будет разбито. Поэтому главная задача на ближайшее время – организация, организация и еще раз организация масс⁹⁵⁷.

На следующий день газеты принесли известия о том, что 18-го демонстрации – при явном преобладании большевистских лозунгов – прошли в Москве, Риге, Ревеле, Гельсингфорсе, Минске, Киеве, Харькове и других городах России⁹⁵⁸. Это еще более прибавило настроения большевикам. Но когда стало известно, что именно 18-го, несмотря на все антивоенные выступления, на фронте все-таки началось наступление, последемонстрационное ликование сменилось негодованием и яростью.

К тому же днем, в связи с победными реляциями с фронта, на улицы и площади Петрограда хлынули все проправительственные элементы. С лозунгами «Война до победы!» они двинулись к Мариинскому дворцу демонстрировать свои патриотические чувства и лояльность правительству.

Под портретом «героя дня» Керенского в одной из колонн шагал сам Плеханов. Другую – привел к английскому посольству Милюков. Во всех церквях служили молебны.

Поведение Милюкова никого не удивило. А вот Плеханов... В знак благодарности ему нанесли визиты Родзянко, Колчак и Пуришкевич. Михаил Владимирович Родзянко сказал: «Я пришел с Вами познакомиться, т. к. мне говорили, что Вы очень умный человек». Но говорить оказалось не о чем. Александр Васильевич Колчак, рассказывая о деморализации армии, «плакал, как дитя» и заявил: «Если надо, я буду служить вам, социалистам-

революционерам... Сознаюсь, социал-демократов я не люблю». А когда Плеханов заметил, что он и есть социал-демократ, Колчак смутился, но, оправившись, добавил, что он в этом «ничего не понимает». Ну а лидер черносотенцев Владимир Митрофанович Пуришкевич стал упрашивать Георгия Валентиновича вообще взять на себя управление страной: «Вы мой политический враг, но я знаю, что вы любите Родину»⁹⁵⁹.

Черносотенцы в этот момент резко активизировались. Но их призыв – «Никакой пощады врагам русского народа!» – адресовался не немцам, а «врагу внутреннему». Стоило прохожему солдату или рабочему что-то возразить им, как тут же раздавалось: «Ленинец! Бей его!» – и в ход шли кулаки и палки. Питер от кровопролития уберегло. А вот в Старом Петергофе, когда юнкера устроили манифестацию, на улицу с оружием вышел батальон 3-го запасного полка. Если верить газетам, то в кровавой свалке человек десять было убито и еще больше покалечено⁹⁶⁰.

Обстановка в столице накалилась до предела. Слова Зиновьева, сказанные на конференции фронтовых и тыловых большевистских организаций: «Перед нами выбор – смерть в окопах во имя чуждых нам интересов или на баррикадах – за наше дело», – передавались из уст в уста. Солдаты уже плохо слушали доклады и, как пишет Подвойский, «время от времени на трибуну стали подниматься делегаты от Петроградского гарнизона с требованием прекратить обсуждение стоящих перед конференцией вопросов и превратить ее в оперативный штаб вооруженного восстания»⁹⁶¹.

Утром 20 июня на конференцию приехал Ленин. Многие делегаты ожидали, что Владимир Ильич одобрит их «революционность», – рассказывает Мария Сулимова, – однако для «разгоряченных голов» его речь «сыграла роль ливня». «Мы должны быть, – сказал Ленин, – особенно внимательны и осторожны, чтобы не поддаваться провокации... Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать. Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются

Советы... Каков же удельный вес нашей фракции в Советах?.. Мы в ничтожном меньшинстве... Чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разъяснять ошибку масс, их мелкобуржуазные иллюзии. Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия... Время работает на нас»⁹⁶².

Убедил он не всех. Делегат Северного фронта Александр Васильев сказал: «Нам кажется, что т. Ленин недостаточно осветил положение масс, находящихся на фронте. Он не указал конкретно выхода... Наступление на фронте одобрено властью. Армия не может отнестись к этим фактам безучастно. И разумеется, она ждет от нас активных шагов. Нам кажется, что ЦК действует слишком медленно... Ясно одно: "лучше рабочим умирать здесь на баррикаде, чем там на фронте, – за цели, пролетариату совершенно чуждые". Эти слова Зиновьева – лучший ответ на поставленный мной вопрос... Поверьте, фронт нас поддержит. На фронте – настроение не большевистское, нет, там настроение антимилитаристское. И этим сказано все».

Однако большинство делегатов аргументы Ленина убедили. Делегат саратовской организации солдат Лазарь Каганович сказал: «Захват власти в Петрограде еще не означает захвата власти в России... Совет рабочих и солдатских депутатов не стоит на нашей точке зрения. А до тех пор – все наши попытки будут неудачны. Наша задача – оказать давление на Совет, добиваться перевыборов». «Единичные выступления, – подвел итог делегат Юго-Западного фронта прапорщик Николай Крыленко, – могут привести лишь к отрицательным последствиям. Но чтобы создались эти массовые выступления, нам нужно заняться усиленной агитацией своих идей. И лишь когда идеями большевизма будут объаты широкие войсковые массы, следует перейти от слов к делу»⁹⁶³.

Казалось бы, все в порядке. Но состоявшееся 22 июня совещание членов ЦК, ПК и «Военки» вновь выявило то самое

«революционное нетерпение», которого больше всего опасался Ленин. И член ПК, старший унтер-офицер Михаил Лашевич решительно заявил, что «надо сдерживать горячие головы от эксцессов... Мы теперь должны быть особенно осторожны и сдержанны в своей тактике, а в выступлениях последних дней как раз этого нет. Зачастую невозможно разобраться, где кончается большевик и начинается анархист». Его поддержал член ПК Харитонов: понять разницу между большевиком и анархистом трудно потому, что среди тех, кто идет за партией, много таких, кто теории большевизма не разделяет. И Владимир Невский позднее вспоминал, что именно 22 июня он понял, что «сдержать солдат от выступления мы не сможем»⁹⁶⁴.

В этот день Владимир Ильич еще раз перечитал статью экс-министра Милюкова в «Речи». «Если при прежнем составе правительства, – писал Павел Николаевич, – возможно было хотя некоторое руководство ходом русской революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться далее по стихийным законам всех революций». Перспектива такова: «Взяв "всю власть", Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнять недостаток власти испытанными в истории... якобинскими приемами... Захотят ли они... скатиться вниз до якобинства и террора или сделают попытку умыть себе руки?»

Комментируя Милюкова, Ленин пишет: «Историк прав. На днях или не на днях, но вскоре должен решиться именно этот вопрос. Либо наступление, поворот к контрреволюции, успех (надолго ли?) дела империалистской буржуазии, "умывание рук" Черновым и Церетели. Либо – "якобинство". Историки буржуазии видят в якобинстве падение... Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение». Что касается террора, то в том же июне Владимир Ильич написал: «"Якобинцы" XX века не стали бы гильотинировать капиталистов – подражание хорошему образцу не есть копирование»⁹⁶⁵.

В общем, было ясно, что кризис близится, задуматься было о чем, а вся круговерть Петрограда, ежеминутно вторгавшаяся в

жизнь, мешала этому. К тому же Ленин просто устал от ежедневных перегрузок. В первые месяцы после возвращения они с Надеждой Константиновной пытались сохранить цюрихский режим прогулок. Но с прогулками, как пишет Крупская, «плохо выходило. Раз ходили на Елагин остров, но показалось, там очень людно и толкотливо. Ходили сидеть на набережную Карповки. Потом взяли привычку ходить по малолюдным улицам Петербургской стороны»⁹⁶⁶.

Но в конце июня времени на прогулки уже не хватало, да и гулять стало просто опасно. По решению ЦК в квартире Елизаровых на Широкой улице установили охрану из рабочих завода «Старый Парвизайнен», и Ленин был весьма удивлен, застав их однажды на кухне: «Не слишком ли много хлопот?» – заметил он. А в самых последних числах июня, когда опасность усилилась, ему иной раз приходилось уходить на ночлег из редакции «Правды» к Стасовым на Фурштадскую. В конечном счете в четверг 29 июня Ленин вместе с Марией Ильиничной уезжают на дачу Бонч-Бруевича в деревню Нейвола близ станции Мустамяки.

Зная потребность Владимира Ильича иногда оставаться в совершенном одиночестве, хозяйева отвели ему две небольшие полумансардные комнатки. И условились приноравливаться к его привычкам, делая это совершенно незаметно, ибо знали «величайшую деликатность Владимира Ильича, его стеснительность...». В первый же вечер, когда наступила предночная тишина, Ленин задумался, ушел в себя. «Как хорошо, – чуть слышно сказал он и вновь не то погрузился в глубокую думу, не то слушал тишину... – Как хорош воздух, прямо замечательно хорош, – сказал он, выйдя в сад. – Здесь, я чувствую, хорошо можно отдохнуть...»⁹⁶⁷

Но и здесь Владимир Ильич продолжает работать. И именно здесь он приходит к окончательному выводу: «...Положение объективно революционное... Реформами не поможешь. Пути реформ, выводящего из кризиса – из войны, из разрухи, – нет»⁹⁶⁸.

А в свободное время Ленин ходит гулять к большому озеру. Пловец он был отличный, и «бывало, – пишет Бонч-Бруевич, – жутко смотреть на него: уплывет далеко-далеко и там где-то ляжет и качается на волнах». Владимир Дмитриевич предупреждает: здесь глубоко, холодные течения, в омутах тонет много людей... Владимир Ильич смеется: «Глубоко?... Очень хорошо!... Дна не достал... И нырял глубоко: ни травы, ни дна, ничего не видно, даже темно в воде...» И еще: «Тонут, говорите, – переспрашивает Владимир Ильич. – Ну, мы не потонем...»⁹⁶⁹

Рано утром 4 (17) июля за Лениным приезжает Макс Савельев: необходимо срочно возвращаться в Петроград.

Глава 3

«Мятеж»

«Принимай власть, коли дают»

Макс Савельев огорошил первой же фразой: «В Питере восстание». Ленин тут же отреагировал: «Это было бы совершенно несвоевременно». Но потом, когда Владимир Ильич, Мария Ильинична, Бонч и Савельев уже ехали в Питер в поезде, и Максимилиан Александрович пытался подробнее рассказать о событиях, цельная картина так и не складывалась. Так, по крайней мере, показалось Бончу: «Выходило так, что и есть восстание, и нет восстания. Оказалось, что ПК никаких директив не давал, а что как-то самочинно поднялись массы... Толпы демонстрантов идут к [Таврическому дворцу]... На улицах раздаются выстрелы... Каждую минуту можно ожидать столкновения»⁹⁷⁰.

На пограничной станции Белоостров Ленин и его спутники вышли из вагона, купили газеты, выпили в буфете кофе. Газеты радовали мало. Незадолго до этого «Новое время» написало: «Почему в дни свободы протянулась откуда-то эта черная рука..? Ленин!.. Но имя ему легион. На каждом перекрестке выскакивает Ленин. И очевидно становится, что здесь сила не в самом Ленине, а в восприимчивости почвы к семенам анархии и безумия». Владимир Ильич тогда ответил: «...Если "на каждом перекрестке" именно эти взгляды находят сочувствие, так причина тому – правильное выражение этими взглядами... интересов всех трудящихся и эксплуатируемых»⁹⁷¹. Теперь примерно то же, что и «нововременцы», писала либеральная «Речь». Но это было в порядке вещей. Озадачила «Правда»: на первой полосе, где обычно шла информация от ЦК партии, зияло пустое белое пятно...

Проверку документов прошли благополучно. Ульяновы никого не заинтересовали, а вот о Ленине, когда вернулись в

вагон, разговоров среди пассажиров было много: «Опять этот Ленин...», «Пора его...», «Когда же, наконец, наведут порядок?» Владимир Ильич заслонился от публики раскрытой газетой, а Савельев продолжал негромко рассказывать, вспоминая все новые и новые эпизоды последних дней...

В революционные эпохи время настолько уплотняется, что события следуют непрерывной чередой, и порой трудно понять, где кончается одно и начинается другое. Какая-то цепь событий формирует главный сюжет развития революции. Но за ним всегда присутствуют второй, третий планы со своими сюжетами и героями. А в какой-то момент, как только главный сюжет начинает терять темп, именно второй и третий планы выпирают вперед.

Поэтому американский историк Алекс Рабинович, обстоятельно исследовавший июльские события 1917 года, вынужден был проследивать одновременно около десятка сюжетных линий: ЦК, «Военка» и ПК большевиков, правительство, генералитет и Исполком Петросовета, анархисты, гарнизон, Выборгский район и т. д.⁹⁷²

Казалось, демонстрация 18 июня (главный сюжет) прошла мирно и конфликтов вроде бы не предвиделось. Лишь одна колонна, под черными знаменами анархистов, была вооружена (сюжет второго плана) и прямо с Марсова поля двинулась к «Крестам». Анархисты силой освободили – арестованных еще 9 июня за статьи против наступления – редактора большевистской «Окопной правды» Флавиана Хаустова и его товарищей. Под шумок из заключения бежало и более 400 уголовников (сюжет третьего плана). Правительство решило пресечь самоуправство. В ночь на 19-е к даче Дурново подтянули роты Преображенского и Семеновского полков, казаков и броневик. Во время стычки убили одного из анархистских лидеров – Аснина и ранили матроса – анархиста Анатолия Железнякова. Более 60 рабочих, солдат и матросов арестовали⁹⁷³.

Оставлять эту акцию правительства без последствий анархисты не захотели. Сердобольные старушки из рабочих кварталов остались с поминальными свечками у гроба Аснина, а

агитаторы анархистов двинулись на предприятия и в казармы. Уже 19-го на заводах Выборгского района начались стачки протеста. Но особый успех призыв к выступлению имел в 1-м пулеметном полку. 20 июня здесь получили приказ о выделении более половины личного состава и до 500 пулеметов для отправки на фронт. Общее собрание полка постановило выделить 10 пулеметных команд, но одновременно представители пулеметчиков начали зондировать обстановку в других частях гарнизона «на предмет немедленного восстания», независимо от того, что скажет об этом большевистский центр⁹⁷⁴. Вот так вроде бы боковая ветвь событий стала все более выпирать на первый план.

После выступления 20 июня на конференции фронтовых и тыловых организаций Ленина, призвавшего к выдержке и дисциплине, Военная организация, казалось бы, держала ситуацию под контролем. Но условность этого контроля многие, в том числе и Владимир Ильич, понимали.

Нередко, рассуждая о перипетиях 1917 года, забывают, что все послефевральские месяцы война продолжалась. В газетах регулярно печатали списки убитых. С фронта шли эшелоны с ранеными. С началом июньского наступления число жертв возросло. Каждый день в городах и селах России какие-то семьи оплакивали потерю кормильцев – отца, брата, сына. А от бесконечных дискуссий о войне, которые велись на различных съездах и конференциях, совещаниях и заседаниях, собраниях и митингах, рождалось ощущение не только заболтанности, но и бесстыдного обмана, ибо для солдат война была проблемой не слов, а жизни и смерти. Как писал в «Солдатской правде» солдат Л. Чубунов: «Время настало не спать, а дело делать!.. Гоните буржуев от власти и всех их на фронт, раз они кричат "война до полной победы!" Все мы намучены войной, которая унесла миллионы жизней, сделала миллионы калеками, принесла с собой неслыханные бедствия, разорение и голод»⁹⁷⁵.

Казалось, так просто: сбросить «министров-капиталистов», передать власть Советам – и сразу придет мир. Но кто и как заключит его? Кто и как будет править страной? – эти вопросы

оставались покрытыми туманом. Особенно подвержены были радикальным настроениям кронштадтцы. В городе фактической властью обладал Совет. Имевшегося у них арсенала оружия хватило бы на целую армию. И, как писал Иван Флеровский, матросы «наивно думали, убежденные в том, что достаточно напора их энтузиазма, чтобы власть Советов осуществилась по всей земле Российской»⁹⁷⁶.

В общем, настроение отчаянной решимости играло куда бóльшую роль, чем апелляции к здравому смыслу, призывы к организации и выдержке. Но как всякие эмоциональные всплески, подобные настроения были подвержены резким перепадам – от безудержной ярости к апатии и наоборот. Это и создавало почву для спонтанного бунтарства и анархистских призывов.

Солдатская масса давила своими настроениями и на большевистский актив, а более всего на «новоиспеченных» партийцев, чей политический опыт исчерпывался считанными месяцами. Каменев справедливо писал в «Правде» 22 июня о молодых кадрах, для которых большевизм ассоциировался лишь с радикализмом. Они выступали с требованием «о немедленном воплощении в жизнь лозунгов, сложность которых им не всегда понятна. И им мы говорим: дело обстоит не так просто, товарищи, чтобы одного вашего сочувствия нашей партии было достаточно для ее немедленной победы. Задача, стоящая перед пролетариатом России, во много раз труднее, чем это может показаться».

Давление подобных настроений испытывало на себе и руководство Военной организации. ЦК был для них коллегией политических руководителей, безусловно авторитетных, но сугубо штатских и не всегда понимающих их военную специфику. Заметим, что когда в июне Ленин поставил перед ними конкретные «военные» вопросы – численность частей и вооружений, соотношение сил, дислокация подразделений и т. п., – руководители «Военки» ответить не смогли. «Тогда, – пишет Невский, – мне казалось это неважным, мелочным... Начинать демонстрацию, и баста»⁹⁷⁷. Только подобными

настроениями можно объяснить тот, впрочем, никем не подтвержденный факт, мимоходом упомянутый лишь Невским, что, придя к выводу о невозможности удержать солдат, «мы взяли на себя выработку плана вооруженного выступления: пусть это будет, – решили мы, – первая попытка восстания»⁹⁷⁸.

Собравшаяся 1 июля 2-я общегородская конференция тоже началась с демонстрации «независимости». Зная об отрицательном отношении Ленина и ЦК к изданию особой столичной газеты, 51 делегат проголосовал за ее создание, 19 – против и 16 – воздержалось. А когда – через день – на заседание явились представители 1-го Пулеметного полка и заявили, что готовы выступить против правительства, конференция, вопреки мнению ЦК, поддержала предложение: «в случае необходимости возложить на ПК руководство выступлением гарнизона и рабочих города Петрограда»⁹⁷⁹.

В воскресенье днем, 2 июля, в 1-м пулеметном полку в связи с отъездом на фронт очередной команды прошел концерт-митинг с участием полкового струнного оркестра. Ораторы и местные поэты, сменявшие друг друга, накалили многотысячную аудиторию до предела. И чем круче они брали, тем громче аплодировали и кричали солдаты. Впрочем, кончился митинг лишь грозной антиправительственной резолюцией. Собравшаяся в тот же день большевистская военная организация, по свидетельству Подвойского, решила быть наготове, но о возможности вооруженного выступления вопрос не ставился⁹⁸⁰.

Его поставили другие. Руководство анархистов-коммунистов, заседавшее тоже 2 июля, – И. Блейхман, Н. Павлов, А. Федоров, П. Колобушкин, Д. Назимов и другие, – о настроениях солдат знали. Знали и о настроениях в рабочих кварталах. С 1 июля в Питере сократили продажу по карточкам мяса до 1/2 фунта, а масла до 1/4 фунта в неделю. Еще 1/2 фунта мяса и 1/8 фунта масла для лиц, занимающихся физическим трудом, можно было купить по дополнительным карточкам, которые, впрочем, отоваривались лишь при наличии данных продуктов. Утром 2 июля настроения рабочих проявились в стихийной вспышке: они избили тухлым мясом хозяина продовольственной лавки и

протащили его по улицам. «В Выборгском районе, – записал в дневнике Мартын Лацис, – тревога: изловили мясника-спекулянта и хотели кончить самосудом. Мертвая зыбь выходит наружу. Начинается...» Видимо, так же рассудили и анархисты. Решили утром 3 июля, опираясь на 1-й Пулеметный полк, призвать солдат к восстанию⁹⁸¹.

Об этом решении в «Военке» узнали в тот же день. Владимир Невский писал, что большевик-прапорщик А.Я. Семашко подтвердил, что в Пулеметном полку «уже невозможно сдерживать солдат, и, хотя ему были даны строгие приказания сдерживать массу от выступления, для всех было очевидно, что это безнадежно... Бюро военных организаций обратилось за указаниями в ЦК и получило категорическое предписание выступления не предпринимать и принять все меры к его предотвращению... По всем полкам разошлись агитаторы, и к вечеру 2-го июля казалось, что выступления не будет... В ночь со второго на третье произошло совместное заседание ПК и Бюро военных организаций... Мнения разделились, часть была за выступление, но Бюро все целиком высказалось против... Решено было подчиниться ЦК»⁹⁸².

Казалось бы, все в порядке. Но большевики недооценили анархистов. Всю ночь в казармах Пулеметного полка чистили оружие и толковали о выступлении. Смысл агитации анархистов был прост: соглашатели «нас продали», большевики оторвались от масс, а посему надо самим брать власть. «Большевистских ораторов, призывавших к спокойствию, – писал Подвойский, – выслушивали очень сочувственно, соглашались с ними, но по их уходе снова поднимали разговор о вооруженном выступлении»⁹⁸³.

Утром 3 (16) июля начался митинг. Троцкий рассказывает: «На собрании появился анархист Блейхман, небольшая, но колоритная фигура на фоне 1917 года. С очень скромным багажом идей, но с известным чутьем массы, искренний в своей всегда воспламененной ограниченности, с расстегнутой на груди рубашкой и разметанными во все стороны курчавыми волосами, Блейхман находил на митингах немало полуиронических

симпатий... Солдаты весело улыбались его речам, подталкивая друг друга локтями и подзадоривая оратора ядреными словечками: они явно благоволили к его эксцентричному виду, его нерассуждающей решительности и его едкому, как уксус, еврейско-американскому акценту... Блейхман плавал во всяких импровизированных митингах, как рыба в воде. Его решение всегда было при нем: надо выходить с оружием в руках. Организация? "Нас организует улица". Задача? "свергнуть Временное правительство..."»⁹⁸⁴

Ну а после выступления анархистов П. Колобушкина и Н. Павлова митинг, как говорится, понесло. Предложение большевиков отложить выступление для лучшей подготовки хотя бы на день отвергли. Тут же создали Временный революционный комитет, в который вошли и анархисты, и большевики. Во все воинские части и на заводы на грузовиках, ошестившихся штыками и пулеметами, были направлены эмиссары, чтобы призвать солдат и рабочих к 5 часам вечера выйти с оружием на улицу.

Около 4 часов известие о выступлении получили в большевистском ЦК. Члены ЦК высказались против участия в демонстрации. Каменеву и Зиновьеву поручили опубликовать в «Правде» соответствующее обращение. О решении ЦК проинформировали московских большевиков. Сообщили его и президиуму Петроградской конференции. Но когда Володарский сказал об этом делегатам пулеметчиков, они решительно заявили, что «лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка»⁹⁸⁵.

Выступил Михаил Томский: «Наш ЦК приглашает членов и сочувствующих удержать массу от дальнейших выступлений... Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажжен не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития»⁹⁸⁶.

Но взаимопереплетение казалось бы разнородных событий было таково, что ситуация менялась непрерывно. Именно в этот момент, днем 3 июля, князь Львов сообщил прессе о

разногласиях в правительстве по вопросу об Украине и о выходе из состава кабинета кадетов А.И. Шингарева, А.А. Мануйлова, В.А. Степанова, князя Д.И. Шаховского и Н.В. Некрасова, который, впрочем, покинув партию кадетов, в правительстве остался.

Проблема украинской суверенизации, безусловно, интересовала рабочих и солдат Питера. Но вывод они сделали совсем другой. До этого в правительстве было 6 представителей социалистических партий, входящих в Советы, и 10 так называемых «министров-капиталистов», которые якобы и являлись причиной всех зол. Теперь пятеро из них ушли сами. Осталось скovyрнуть еще пятерых, и – если как следует нажать на «соглашателей» – власть перейдет к Советам. Важно лишь не упустить момент. Может быть, столь определенно масса и не формулировала свою задачу, но вновь поднявшаяся революционная волна имела именно такой вектор движения.

Роль «пожарных», о которой упомянул Михаил Томский, вообще отвергалась в большевистских низах. Тот же Лацис записал в своем дневнике: «Снова нам быть пожарной кишкой. Докуда же это так продлится?» Линия ЦК на «удерживание» наталкивалась на открытое противодействие. Так, на Путиловском заводе, где Орджоникидзе и Антон Васильев выступали от имени ЦК, они получили отповедь от Сергея Багдатьяна. А когда в Кронштадте Федор Раскольников спросил Семана Рошалья: «А что, если партия решит не выступать?» – Рошаль ответил: «Ничего, мы их отсюда заставим».

Каменев дозволился до Раскольникова и сказал, что выступление проводится «без санкции партии» и надо удержать кронштадтцев. «А как сдержат их? – пишет очевидец. – Кто сдержит катящуюся с вершин Альп лавину? Выступал Рошаль. Но вскоре этот стихийный человек сам поддался настроению масс и вместо “назад” закричал “вперед”». Взяли «левее» и некоторые руководители Военной организации. Спустя много лет, в 1932 году, Невский написал: «Когда В.О., узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их,

но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует»⁹⁸⁷.

Видимо, отчасти поэтому и шли от пулеметчиков самые противоречивые донесения. «С утра, несколько раз побывавший в полку т. Семашко, – вспоминал Подвойский, – доложил, что там все утихомирилось, но к двум часам получилось известие, что полк намерен выступить и вооружается. Ввиду этого туда были направлены все лучшие ораторы... и последнее известие от них в 5–6 часов гласило, что полк окончательно решил не выступать. Однако в 8 часов он был уже у дворца Кшесинской»⁹⁸⁸.

Действовать пулеметчики начали около 7 часов. Заняли Финляндский вокзал, подходы к Троицкому и Литейному мостам. К ним присоединились рабочие Выборгского района, солдаты Московского полка и других частей. В Михайловском училище силой захватили 4 орудия. Очевидец рассказывает: «Под красными знаменами шли только рабочие и солдаты; не были видно ни кокард служащих, ни блестящих пуговиц студентов, ни шляпок “сочувствующих дам”». Вот другой очевидец: «Вид демонстрации был несомненно внушительный: артиллерия, оркестр москвичей, плакаты с лозунгами “Долой 10 министров-капиталистов”, “Вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”, “Помни, капитализм, пулемет и булат сокрушат тебя”, “Долой Керенского и с ним наступление” и, наконец, сопровождавшие шествие грузовики с пулеметами – все это производило значительный эффект на перепуганного обывателя и буржуазию»⁹⁸⁹.

В штабе большевиков в особняке Кшесинской царила неразбериха. Тарасов-Родионов, прибывший сюда из офицерской школы Ораниенбаума, рассказывает: «Военка шумит, но никто ничего толком не знает. Какой-то пожилой солдатик в рваной шинели, потя и размахивая руками, старается всех убедить, что все равно дальше удержать нельзя... “Не надо мешать! – горячится он. – Пусть выступают”... Быстро начинают прибегать все новые и новые люди, держащие связь гарнизона и заводов с Военкой и ПК... “На Выборгской не остановишь! И слушать не хотят!”, “Путиловцы уже строятся... Пришлось с ними согласиться

и их одобрить". "Без санкции ЦК?!" "Да, без санкции ЦК... Массы сдержат больше нельзя, да и незачем, пожалуй!"»⁹⁹⁰

На общегородской большевистской конференции ситуация та же: «Большинство районных делегатов, – писал Александр Ильин-Женевский, – находились в крайне возбужденном состоянии... Часть настаивала на необходимости вооруженного восстания. "Какая тут может быть мирная демонстрация?" – кричал, сильно жестикулируя, какой-то высокого роста делегат: "На улицах стрельба. Это новая революция!"»⁹⁹¹

Дело в том, что около 11 вечера, когда колонны демонстрантов проходили мимо Гостиного двора, впереди раздался взрыв ручной гранаты и началась стрельба. Сразу застрочили пулеметы. Солдаты открыли ответный огонь. Были убитые и раненые. «Изучение всей массы взаимоисключающих друг друга газетных сообщений, документов и мемуаров, – заключает Алекс Рабинович, – наводит на мысль, что, вероятнее всего, в этом в равной степени повинны все – воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха»⁹⁹².

Представители заводов и воинских частей ставят на конференции вопрос: что делать? Остаться в стороне? И конференция решает продолжить демонстрацию на следующий день, но уже под руководством большевиков. При этом особо оговаривается, что «демонстранты никаких самочинных выступлений к захвату правительственных учреждений не должны предпринимать». Военная организация направляет в воинские части предписание: «...Сегодняшнее выступление произошло стихийно, без призыва нашей организации, но, желая предупредить возможность разгрома выступивших товарищей со стороны контрреволюционных сил, мы, уже после выяснившейся невозможности задержать выступление, предложили всем товарищам солдатам и рабочим поддержать революционные части войск, вышедших на улицу. В данный момент мы призываем... без призыва В.О. никуда не выступать...»⁹⁹³

Мартын Лацис недоволен: «На Невском трещат пулеметы, – записывает он в дневнике, – а здесь [на конференции] разговаривают о мирной демонстрации. Я высказываюсь за вооруженную демонстрацию. Но в конце концов решили не говорить ни про мирную, ни про вооруженную, а сказать просто: “демонстрация”. Может быть, для внешнего употребления это и нужно, но для членов партии эта неопределенность вредна»⁹⁹⁴.

Между тем, оправившись после перестрелки, колонны демонстрантов к полуночи заполняют улицы вокруг Таврического дворца. «Положение скверное, – вспоминал член ВЦИК Владимир Войтинский. – Кучка вооруженных людей, человек 200, могла без труда овладеть Таврическим дворцом, разогнать Центральный Исполнительный Комитет и арестовать его членов»⁹⁹⁵. Но этого не произошло.

Около часа ночи в Таврическом, в комнате большевистской фракции Совета, состоялось совещание членов ЦК, ПК и «Военки» с участием членов Межрайонного комитета РСДРП. Обсуждали предложение ПК о продолжении демонстрации. Каменев и Троцкий пытались убедить собравшихся в том, что надо, не вступая в конфликт с ВЦИК и Исполкомом Петросовета, провести митинги по районам. Но было поздно. К 2 часам ночи к Таврическому подошло около 30 тысяч рабочих-путиловцев, а из Кронштадта позвонил Раскольников и сообщил, что утром матросы будут уже в Питере и помешать этому не сможет никто. Только после этого ЦК принял решение – возглавить «мирную, но вооруженную демонстрацию» с утра 4 июля⁹⁹⁶. Тогда же послали за Лениным Савельева, а из набора «Правды» изъяли обращение ЦК с призывом к сдерживанию масс. Потому-то «Правда» утром 4 июля и вышла с белой «дырой», которую узрел в вагоне Владимир Ильич.

Около 11 утра поезд прибыл на Финляндский вокзал. До особняка Кшесинской Ленин добрался на извозчике. Трамваи стояли. В магазинах, банках и других учреждениях двери были закрыты. На улицах уже толпились демонстранты, а около 10 тысяч кронштадтцев с оружием, знаменами, санитарной командой и оркестром выгружались с буксиров, барж и

траулеров у Николаевского моста. Лозунг был один, пишет Иван Флеровский, – «За власть Советов!», – «Заставить соглашателей подчиниться народной воле, разорвать с буржуазией... А как это будет – никто ясно не представлял, и эта неясность создавала настроение тревоги»⁹⁹⁷.

А у особняка Кшесинской уже шел митинг. Настроение было приподнятое. «Со всех сторон, – вспоминала работница Соловьева, – слышались крики "ура!" Я с радости вместо своей товарки обняла совершенно незнакомую женщину, которая меня оттолкнула и обозвала "дурой", но я в этот момент готова была обнять весь мир»⁹⁹⁸.

В самом особняке, наверху, в огромной бывшей спальне балерины, где обосновался большевистский штаб, Ленин подробно расспрашивал Свердлова, Сталина, Подвойского о всех перипетиях этих дней. В это время к дворцу подошли кронштадтцы и «Подвойский попросил тов. Ленина выступить перед ними... Но все наши просьбы тов. Ленин отклонил, подчеркивая тем, что он против демонстрации...»⁹⁹⁹ Однако, когда наверх поднялись делегаты матросов и попросили о том же, Владимир Ильич согласился.

Когда он вышел на балкон, его встретили криками «Ура!» и громом оваций. Речь была короткой. Ленин передал «привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих», призвал к «выдержке, стойкости и бдительности» и выразил уверенность, что «лозунг "вся власть Советам" должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути»¹⁰⁰⁰.

Это было не совсем то, чего ожидали кронштадтцы. Они полагали, что услышат призыв к штурму, а не слова о «зигзагах» истории. «Не только анархисты, но и часть большевиков, – писал Артем Любович, – не представляла себе, как вооруженная колонна, жаждавшая ринуться в бой, может ограничиться мирной демонстрацией». Поэтому других ораторов слушали уже плохо. «Матросы, – вспоминал Подвойский, – стали выкрикивать: "сейчас не до слов", "сейчас не до агитации", "сейчас необходимо во что бы то ни стало добиться передачи власти Советам". Речь

Луначарского пришлось скомкать, а матросы, вскинув на плечи винтовки, с оркестрами направились к Таврическому дворцу»¹⁰⁰¹.

Туда же решено было перенести и большевистский штаб, ибо стало известно, что именно к Таврическому целыми заводами идут рабочие и воинские части, а рабочая секция Петросовета еще ночью приняла резолюцию, поддерживавшую выступление и требование о переходе власти к Всероссийскому съезду Советов.

К часу дня к дворцу подошли рабочие Выборгского района и солдаты 1-го пулеметного полка. Затем – рабочие Нарвского района и солдаты 2-го пулеметного полка. 30 тысяч путиловцев, явившихся сюда с женами и детьми, поклялись, что не уйдут, пока ВЦИК не арестует «министров-капиталистов» и не возьмет власть в свои руки.

А колонны манифестантов все шли и шли. Но настроение у них было уже иное, ибо опять пролилась кровь. Когда 60-тысячная колонна рабочих и солдат проходила мимо угла Садовой и Апраксина переулка, из окон раздались выстрелы. Появились первые убитые и раненые. А около 3 часов, когда кронштадцы шли по Невскому и Литейному проспектам, по ним с крыши ударили из пулемета. И опять убитые и раненые. Матросы бросились наверх и подозреваемых в стрельбе убивали на месте. «Когда мы подошли к Таврическому дворцу, – рассказывал анархист Ефим Ярчук, – все были настолько взбудоражены, что я подумал, что матросы пойдут на его штурм». Некоторые из них и впрямь начали ломать ворота¹⁰⁰².

А в самом Таврическом члены ВЦИК выслушивали представителей заводов и полков. Из 90 пришедших сюда делегатов слово дали лишь пятерым. Среди них были Мартын Лацис и Сергей Багдатыев. Речи их были вполне определенные: «Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах... Мы требуем ухода десяти министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет». И все требования сводились к одному: «Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» Рабочих делегатов поддержал лидер

меньшевиков-интернационалистов Юлий Мартов: «История требует, чтобы Совет взял власть в свои руки». О том же заявили лидеры левых эсеров – Мария Спиридонова и Борис Камков¹⁰⁰³.

«Один из рабочих, классический санкюлот, в кепке и короткой синей блузе без пояса, с винтовкой в руке, вскакивает на ораторскую трибуну, – рассказывает Суханов. – Он дрожит от волнения и гнева и резко выкрикивает, потрясая винтовкой, бессвязные слова: “Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство?!.. Так знайте, рабочий класс не потерпит!.. Мы добьемся своей воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам!”»¹⁰⁰⁴

А на балконе зала, у комнаты большевистской фракции, стояли Ленин, Зиновьев и Троцкий. Владимир Ильич, как пишет Зиновьев, смеясь, спросил: «А не попробовать ли нам сейчас?» Но тут же, посерьезнев, ответил: нет. Это невозможно. Ни провинция, ни фронт не поддержат, «фронтовик придет и перережет питерских рабочих». Позднее Ленин напишет: «3–4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти... Несмотря на то что Питер был моментами в наших руках... армия и провинция... могли пойти и пошли бы на Питер»¹⁰⁰⁵.

В своих мемуарах, ссылаясь на какие-то более поздние разговоры с Луначарским, Суханов пишет, что еще 3 (?) июля Ленин и Троцкий предполагали свергнуть правительство и сформировать большевистский кабинет министров. Луначарский решительно опроверг эти утверждения. Но байка осталась, и кое-кто из историков по сей день пользуется ею.

Конечно, некоторые руководители «Военки» и ПК, не говоря уже об анархистах, не соглашались с Лениным и думали по-иному. Об их обвинениях ЦК в «нерешительности» упоминалось выше. Но это всего лишь факт их личной биографии и отражение определенных настроений.

Спустя два года Владимир Невский написал: «События развертывались так быстро, что каждая минута нерешительности была поражением: Военная организация... исполняла приказание ЦК, а директива ЦК была таковой, что доводить дело до конца и

пускать в ход силы нельзя»¹⁰⁰⁶. Иными словами, речь по-прежнему шла не о захвате власти большевиками, а о том, чтобы ВЦИК, Советы взяли власть в свои руки. И лучше всех это выразили сами манифестанты. Когда к ним вышел лидер эсеров Виктор Чернов и стал призывать к спокойствию, один из рабочих, поднеся огромный кулак к его лицу, решительно заявил: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!»¹⁰⁰⁷ Фраза, как видим, вполне точно передавала смысл приводившегося выше июньского призыва Ленина: «Станьте [властью], господа теперешние вожди Совета, мы за это, хотя вы наши противники».

Положение правительства было катастрофическим. В распоряжении генерала Половцева осталось несколько казачьих частей, охранявших Зимний дворец и Генеральный штаб. Даже лояльные прежде Семеновский, Преображенский, Измайловский полки заявили о нейтралитете. Так что приказ Половцева о разоружении «мятежников», подписанный днем 4 июля, оказался пустой бумажкой. Однако к вечеру положение стало меняться.

«Вдруг над Петербургом, – рассказывает Суханов – разразился проливной дождь. Минута, две, три, – и “боевые колонны” не выдержали. Очевидцы-командиры рассказывали мне потом, что солдаты-повстанцы разбегались, как под огнем, и переполнили собой все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь распылил восставшую армию... Командиры говорили, что восстановить армию уже не удалось, и последние шансы на какие-нибудь планомерные операции после ливня совершенно исчезли»¹⁰⁰⁸.

Дело было не только в дожде. Холодный душ помог, видимо, даже самым наивным, миролюбивым рабочим и солдатам понять ту истину, которую Владимир Ильич сформулировал еще 18 июня: демонстрациями, даже вооруженными, ничего не добьешься. И бесполезно требовать брать власть от этого руководства ЦИК. А если так, то вся толкотня вокруг Таврического бессмысленна. И надо идти по домам и казармам сушиться и думать о том, что же делать дальше. Именно так и сказал, отчитываясь перед Кронштадтским Советом, левый эсер Г. Смолянский: «Наша задача была пойти к Таврическому дворцу

и передать наши требования... Мы хотели толкнуть его [Совет] взять власть. Когда наш протест не был принят во внимание, мы не сочли возможным оставаться»¹⁰⁰⁹.

Митинги около Таврического все еще бурлили. Но движение явно шло на спад. А в городе продолжалась стрельба и вооруженные стычки, в которых на стороне правительства принимали участие казаки и юнкерские патрули, офицерские группы. На подходах к Выборгскому району солдаты 1-го пулеметного полка строили против них баррикады. А у Литейного моста произошел настоящий бой между 1-м пехотным запасным полком, возвращавшимся в казармы, и казаками, которые приволокли сюда и орудие. Вылез наружу уже упоминавшийся «третий план», ждавший своего часа: уголовники, выпущенные из тюрем, грабители – свои питерские и «гастролеры», съехавшиеся из других городов. Начались погромы магазинов, грабежи квартир. Пришлось братья за оружие и столичному обывателю. Всего за эти дни в стычках и перестрелках было ранено и убито около 700 человек¹⁰¹⁰.

А в Таврическом дворце продолжались бурные дебаты. Лидеры меньшевиков и эсеров отвергали любые предложения о переходе власти к Советам. В час ночи, рассказывает Суханов, «послышался какой-то отдаленный шум. Он становился все ближе и ближе... Уже ясно был слышен в окружающих залах мерный топот тысяч ног... В зале опять волнение. На лицах беспокойство, депутаты вскочили с мест. Что это такое?... Но на трибуне, как из-под земли, вырастает Дан. Он так переполнен торжеством, что хочет скрыть хоть часть его и придать себе несколько более спокойный, объективный, уравновешенный вид, но это ему не удается.

– Товарищи! – провозглашает он. – Успокойтесь! Никакой опасности нет! Это пришли полки, верные революции, для защиты ее полномочного органа ЦИК... – В Екатерининском зале грянула могучая “Марсельеза”»¹⁰¹¹.

Что же произошло?

Еще днем 4 июля Бонч-Бруевичу позвонил сотрудник министерства юстиции Н.С. Каринский, который сообщил, что его

министр, П.Н. Переверзев, уже подготовил для печати экстренное сообщение, якобы изобличавшее Ленина и Зиновьева в связях с немецкой разведкой, и на их арест санкция будет дана. Эти документы разослали редакциям всех газет, а в помещение Генерального штаба вызвали представителей Преображенского, а затем других нейтральных полков. «Весть о том, что большевистское восстание, – писал эсер Н. Арский, – служит немецким целям, немедленно стала распространяться по казармам, всюду производя потрясающее впечатление. Ранее нейтральные полки постановили выступить для подавления мятежа».

Итак, полки пришли к Таврическому, «в зале энтузиазм, лица мамелюков, – как пишет Суханов, – просветлели... Они в избытке чувств хватают друг друга за руки и в упоении, стоя с обнаженными головами, тянут “Марсельезу”». А ЦИК незамедлительно принимает резолюцию Гоца, отвергающую «переход всей власти в руки Совета» и подтверждающую, что «вся полнота власти должна остаться в руках теперешнего правительства...»¹⁰¹².

Около двух часов ночи там же, в Таврическом, собираются члены большевистского ЦК, ПК, Военной организации и Межрайонного комитета РСДРП. Получено известие, подтвержденное членом ЦИК, меньшевиком Василием Анисимовым, об отправке в столицу верных Временному правительству частей с Северного фронта. Руководители «Военки» все еще хорохорятся: «надо идти до конца», «достаточно ввести в устье Невы один хороший корабль...». Но Ленин обрушивает на них град вопросов: «Назовите части, которые безусловно пойдут с нами? Какие колеблются? Кто против нас?» И эти вопросы, как рассказывает Константин Мехоношин, «сразу привели нас в трезвое состояние. Решено: после того как воля революционных рабочих и солдат продемонстрирована, выступление должно быть прекращено. В духе этого решения составляется воззвание»¹⁰¹³.

Сталина направляют к Николаю Чхеидзе: необходимо немедленно остановить распространение клеветы против Ленина

и большевиков. И Николай Семенович начинает обзванивать редакции больших газет с просьбой не публиковать «материалы», присланные Переверзевым. Большевистский ЦК принимает и другое решение: Ленину и Зиновьеву покинуть Таврический. Владимир Ильич договаривается с Григорием, что если «разоблачения» все-таки будут напечатаны, Зиновьев утром выступит с соответствующим заявлением на бюро ЦИК и немедленно скроется. «Запомнилось далее, – пишет Зиновьев, – как через несколько часов мы с Владимиром Ильичом мчимся на автомобиле из Таврического дворца в редакцию “Правды”... На крыльях и на подножках автомобиля с обеих сторон по несколько наших моряков-большевиков, вооруженных до зубов, с наставленными штыками винтовок». В редакции Ленин успевает отредактировать обращение ЦК, вставить его в уже готовый номер газеты, и после этого они разъезжаются по домам. А минут через десять в помещение «Правды» ворвались юнкера...¹⁰¹⁴

Редакции больших столичных газет просьбу Чхеидзе выполнили. И только бульварное «Живое слово» публикует переверзевские материалы о «немецких шпионах». «Утром, когда мы только еще вставали, – рассказывает Мария Ильинична, – к нам пришел Я.М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться... Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дому совершенно незамеченными»¹⁰¹⁵.

А Зиновьев, явившись на заседание бюро ЦИК, «не садясь, прямо подошел к Чхеидзе и попросил слова в экстренном порядке». Он получил слово вне очереди: «Товарищи, совершилась величайшая гнусность. Чудовищное клеветническое сообщение появилось в печати и уже оказывает свое действие на наиболее отсталые и темные слои народных масс... Мне не надо доказывать, что ЦИК должен принять самые решительные меры к реабилитации тов. Ленина и к пресечению всех мыслимых последствий клеветы... С этим поручением я явился сюда от имени ЦК нашей партии.

Зиновьев кончил и, не садясь, ждал... На многих лицах была ирония, на других – полное равнодушие... Чхеидзе немедленно ответил от имени ЦИК, что... все меры, доступные ЦИК, конечно, будут приняты безотлагательно. Тон Чхеидзе был ледяной». Это рассказ Суханова. А вот продолжение Зиновьева: «...Ясно запомнил выступление “народного социалиста” Чайковского. Благообразный высокий старик с длинной седой бородой, с постно-народническим лицом, – он не мог скрыть злорадства и чувства мести. Запомнился лейтмотив его гнусной речи: “дыма без огня-де не бывает”. Эти слова он повторил несколько раз. Раз Ленина и других обвиняют в германском шпионаже – значит, “что-то есть”»¹⁰¹⁶.

Между тем Свердлов привел Ленина на набережную Карповки, в квартиру одного из руководителей «Военки» С.Н. Сулимова. Здесь Ильича ждал сюрприз. У Сулимовых жил старый товарищ – Григорий Шкловский с двумя младшими дочерьми, незадолго до того вернувшийся из Швейцарии. Там, в Берне, Владимир Ильич любил играть с его детьми. Но сейчас было не до игр. Приехал из Таврического Зиновьев, рассказавший о том, как вели себя члены ЦИК. «Этого и следовало ожидать, – ответил Ленин. – Неужели от этих господ можно было ожидать чего-либо другого?» Подошли член ЦК Ивар Смилга, члены ПК Михаил Томский и Глеб Бокий. Выяснилось, что в некоторых полках все еще ведут агитацию за продолжение выступления, а Петропавловская крепость и особняк Кшесинской готовятся к обороне. «В.И., не колеблясь ни минуты, заявил, что сдача неизбежна и что затягивать дело – значит только увеличивать поражение. Настроение, – вспоминал Зиновьев, – было достаточно подавленное»¹⁰¹⁷.

Зиновьев, Смилга, Томский и Бокий уехали в особняк Кшесинской, где собрались члены ЦК, ПК и Военной организации. После недолгих пререканий с членами «Военки» большинство проголосовало «не пересматривать решение о прекращении демонстраций». Для переговоров пригласили представителя ЦИК Либера, с которым было достигнуто соглашение о сдаче Петропавловки, возвращении броневиков в

бронедивизион, а матросов – в Кронштадт. Со своей стороны ЦИК Советов гарантировал непринятие дальнейших репрессивных мер против большевиков и демонстрантов¹⁰¹⁸.

Однако столь «мирный» исход событий уже не устраивал ни правительство, ни руководство ЦИК. На рассвете 6 июля верные правительству части выстраиваются на Дворцовой площади. Их напутствуют члены ЦИК эсеры Авксентьев и Гоц. Отсюда войска направляются для окружения Петропавловской крепости и захвата «штаба большевиков». Но солдаты и матросы, находившиеся в особняке Кшесинской, перебегают в крепость и вместе с ее гарнизоном занимают оборону.

Глава Временного правительства А.Ф. Керенский и генерал Л.Г. Корнилов со своими охранниками, 1917 год

Когда Михаила Либера спрашивают о причине такого поворота ЦИК, тот патетически восклицает: «Железная необходимость властно требует этого!» А причина ясна: под

звуки оркестров в город стройными колоннами с артиллерией и броневиками уже вступает большой сводный отряд казаков и солдат Северного фронта под командованием члена ЦИК, поручика-меньшевика Григория Мазуренко.

У Петропавловки складывается дикая ситуация, способная в любую минуту стать еще одним эпизодом гражданской войны: солдаты, требующие перехода власти к Советам, готовятся к бою с солдатами, подчиняющимися ЦИК Советов. А уж то, что снаряды крепостных орудий зацепят и город, – в этом сомнений нет. В Петропавловку приходит член ЦК Сталин, и после его уговоров и проведенного голосования гарнизон складывает оружие. Казалось бы, все – точка поставлена. И все-таки на заседании кабинета министров 6 июля принимается официальное постановление об аресте и привлечении к суду «всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти»¹⁰¹⁹.

Оставаться на квартире одного из лидеров «Военки», Сулимова, было опасно. При разгроме особняка Кшесинской в руки правительственных войск попали списки большевистской Военной организации. Помимо хозяина квартиры в них значилась и жена его – Мария. Так что впору было ждать «гостей». «Вас, т. Сулимова, – грустно пошутил по этому поводу Владимир Ильич, – самое большое – арестуют, а меня подвешат». И уже утром 6 июля Ленин, вместе с зашедшей за ним Крупской, переходит на Выборгскую сторону в квартиру рабочего Василия Николаевича Каюрова. Отсюда днем он идет на Большой Сампсоньевский в Выборгский райком, а оттуда на завод «Русский Рено», где в помещении сторожки находился завком. Здесь он встречается со Сталиным и членами Исполнительной Комиссии ПК. Мартын Лацис предложил для продолжения борьбы немедленно объявить всеобщую стачку. Но Владимир Ильич осадил его и сам написал от имени ПК воззвание с призывом к рабочим – с утра 7 июля выйти на работу¹⁰²⁰.

Возвращаться к Каюрову не имело смысла. Сын его, пишет Крупская, «был анархист, молодежь возилась с бомбами, что не очень-то подходило для конспиративной квартиры». Пошли к

давней знакомой Надежды Константиновны – Маргарите Фофановой. Сюда же привезли заболевшего Зиновьева с женой – Зинаидой Лилиной. Обсудили за чаем ситуацию и решили пока оставаться на нелегальном положении. Вечером Ленин ушел к Николаю Гурьевичу Полетаеву – рабочему депутату III Государственной думы, которого он знал еще по «Союзу борьбы...». А утром 7-го перебрался на 10-ю Рождественскую улицу к Сергею Аллилуеву – рабочему Электростанции акционерного общества 1886 года.

Еще 5 июля – по настоянию большевистской фракции – ЦИК создал специальную комиссию для расследования обвинений, выдвинутых против Ленина, Зиновьева и других. Уезжая из Таврического дворца, Владимир Ильич передал через Каменева, что он и Зиновьев требуют от комиссии выслушать их показания. Соответствующее письмо ночью 6 июля было передано и члену комиссии А.Р. Гоцу. Рано утром 7-го Каменев передал Ленину, что члены комиссии ЦИК придут на условленную квартиру в 12 часов дня¹⁰²¹.

Квартира Аллилуевых Владимиру Ильичу понравилась. И хозяйке – Ольге Евгеньевне, с которой познакомился у Полетаевых, он сказал: «У вас хорошо. Теперь гоните – не уйду». Но шутливое настроение пропало, когда пришли Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Они принесли две вести. И обе плохие...

Ночью пришли сообщения, что наступление на фронте, начавшееся 18 июня и выдохшееся уже в первую неделю, закончилось поражением. 6 июля германские войска нанесли мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта, осуществив так называемый Тарнопольский прорыв. По опубликованным позднее данным, русская армия потеряла 1968 офицеров и более 56 тысяч «нижних чинов». Начался беспорядочный, порой панический отход русских войск.

Генералам важно было снять с себя вину за поражение. А на кого она падет – легко догадаться. «Разве можно вести дело, – сетовал Корнилов Милюкову, – когда правительству шагу не дают ступить Совдеп и разнузданная солдатня». Так уж в России

повелось, что вслед за словом «поражение» очень часто появлялось другое слово – «измена». И то, что решение правительства об аресте «предателей» – руководителей и участников июльского «мятежа» – было принято в ночь на 7 июля, говорило само за себя.

Вторая дурная весть лишь подтверждала это. Той же ночью на квартире Елизаровых был повальный обыск. Мария Ильинична рассказала, как подъехал грузовик, из него вывалились солдаты, юнкера, офицеры и «вся наша квартира наполнилась этой свирепой толпой...». Искали «немецкого шпиона» Ленина. Один из офицеров «особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. “Ведь и по старым царским законам, – заметила Мария Ильинична, – жена не обязана была выдавать своего мужа”». Стали допрашивать домработницу Аннушку, но она заявила, что вообще никаких «Олениных» не знает. А в комнатах вовсю шуровали солдаты и юнкера. Искали «всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками...».

«А двое солдат сидели в это время у стола... Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство из них было полно восторга и благодарности Владимиру Ильичу...». Одно из них Мария Ильинична позднее опубликовала: «Солдат хотят уверить, что Вы враг. И постоянно жужжат нам в уши, что Вы – враг народа и России. Но солдаты этому не верят и сочувствуют Вам». «Я знала эти письма, – вспоминала Мария Ильинична, – и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовывать... солдаты из окопов пишут такие письма!»¹⁰²²

Выслушав все это, Владимир Ильич пишет заявление в Бюро ЦИК: «Сейчас только, в 3¼ часа дня 7 июля, я узнал, что у меня на квартире был сегодня ночью обыск, произведенный, вопреки протестам жены, вооруженными людьми, не предъявившими письменного приказа. Я выражаю свой протест против этого... Считаю долгом официально и письменно подтвердить то, в чем, я уверен, не мог сомневаться ни один член ЦИК, именно:

в случае приказа правительства о моем аресте и утверждения этого приказа ЦИК-ом я явлюсь в указанное мне ЦИК-ом место для ареста»¹⁰²³.

В это время к Аллилуевым приехали Зиновьев, Сталин, член ПК Орджоникидзе и москвичи – член ЦК Виктор Ногин и секретарь Московского областного бюро Варвара Яковлева. Орджоникидзе пишет, что, узнав о заявлении Ленина, «Ногин робко высказался за явку. Сталин против». И основания для сомнений были, ибо становилось все более неясным – можно ли надеяться на беспристрастное следствие и, вообще, дойдет ли дело до суда.

Надежда Константиновна была против явки: если бы, считала она, во время обыска юнкера застали Ильича, – «они бы его разорвали на части». Мария Ильинична тоже стала отговаривать: во время обыска, когда солдаты лазили в шкафы, корзины, сундуки, они, не открывая их, прокалывали штыками, будто и не нужен им был живой Ленин. А старший дворник, суетившийся тут же, все приговаривал: «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» Владимир Ильич выслушивал все это, но «приводил доводы за необходимость явиться на суд»¹⁰²⁴.

Но тут пришла Стасова, и ее информация положила конец спорам. «Заходит Елена Стасова, – пишет Орджоникидзе, – и сообщает о вновь пущенном слухе по Таврическому дворцу, что Ленин якобы по документам архива департамента полиции провокатор. Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть в тюрьму. Ильич заявил это нам тоном, не допускающим возражений». Орджоникидзе и Ногина послали в Бюро ЦИК обговорить условия сдачи, а Ленин стал собираться.

Он написал записку Каменеву, которая начиналась со слов: «Entre nous [между нами]: если меня укокошат...» Эти минуты хорошо запомнила Крупская: «"Мы с Григорием решили явиться, пойдя скажи об этом Каменеву", – сказал мне Ильич... Я

заторопилась. “Давай попрощаемся, – остановил меня Владимир Ильич, – может, не увидимся уж”. Мы обнялись»¹⁰²⁵.

А может, зря боялся? Может быть, перепуганные женщины просто паниковали, а у страха, как говорится, глаза велики? – Именно так рассуждают нынешние лениноеды, полагающие, что в «демократической России» бояться самосуда не было оснований.

Ан нет, не зря!

Орджоникидзе и Ногин, приехавшие в Таврический договариваться об условиях сдачи Ленина и Зиновьева, для начала встретились с членом президиума ЦИК, меньшевиком из Донбасса Василием Анисимовым. Стали толковать о гарантиях. Но Василий Анисимович был человеком рабочим, врать не умел и тянул нечто неопределенное. В конце концов, у него вырвалось, что никаких гарантий нет и он «не знает, в чьих руках будет завтра сам»¹⁰²⁶.

Причины для пессимизма у него были. Член особой «Военной комиссии ЦИК для восстановления и поддержания революционного порядка в Петрограде» Владимир Войтинский писал, что фактически уже с 5 июля столица стала ареной «настоящей оргии контрреволюции» и «разгул черносотенства грозил уничтожить плоды нашей победы над бунтарской стихией»¹⁰²⁷.

О поведении контрреволюционных групп в Питере Сталин писал в те дни: «От атаки большевиков они уже переходят к атаке всех советских партий и самих Советов. Громят меньшевистские районные организации на Петроградской стороне и на Охте. Громят отделение союза металлистов за Невской заставой. Врываются на заседание Петроградского Совета и арестуют его членов (депутат Сахаров). Организуют на Невском проспекте специальные группы для ловли членов Исполнительного комитета»¹⁰²⁸. И – о ужас! – обвинение в связи с немцами и получении от них денег выдвигается против «столпа советской демократии» Чернова. Виктор Михайлович был

вынужден уйти в отставку до окончания расследования. Тотчас началась и травля «циммервальдиста» Церетели.

Известный литератор Иванов-Разумник писал: «Во главе этой разнуздавшейся ныне улицы идут в ногу "Маленькая газета" и "Живое слово". Ограничусь первой из них... [Она] называет "агентами Вильгельма" все социалистические партии и группы. И неудивительно, – продолжает газета, – ибо что же такое та власть, "которая создана Всероссийским съездом С.Р. и С.Д.?" "Это – собрание людей, среди которых большинство составляют евреи... Мы не разжигаем национальной розни, храни вас Бог!" – восклицает газета, но тут же рядом прибавляет: "Куда же дальше?! Что же за правительство родится из Советов такого состава! Тоже с большинством евреев?! Мы не антисемиты, но – благодарим покорно за Русь!"»¹⁰²⁹

Утром 6 июля Иван Авксентьевич Воинов, рабочий-интеллигент, писавший очерки о жизни ярославской деревни еще в довоенную «Правду», вышел продавать «Листок Правды», выпущенный взамен разгромленной газеты. На Шпалерной группа юнкеров и франтоватой молодежи сбила его с ног. «Бей большевистскую тварь!» – крикнул кто-то. И молодые люди с остервенением били тростями, юнкера – сапогами. Так и забили до смерти¹⁰³⁰.

Командующий Петроградским военным округом генерал Петр Александрович Половцев менее всего думал в эти «дни затмения» о законности и правопорядке. В своих воспоминаниях он откровенно рассказал, как офицер, направлявшийся им для ареста Ленина, спросил: «Желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю, с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу»¹⁰³¹. Так что указание было ясным, и Крупская была недалеко от истины, заметив, что если бы офицеры и юнкера застали Владимира Ильича дома, «они бы его разорвали на части».

Об аналогичном «эпизоде» поведал и начальник контрразведки Петроградского военного округа Борис Владимирович Никитин: «...Подходят ко мне сотник с двумя казаками-урядниками и таинственно отводят в сторону. "Мы

понимаем ваше положение: вам неудобно. Мы хотим убрать Ленина и только что получили сведения, где он находится. Мы не просим от вас никакой бумажки. Люди наши. Дайте только два грузовика". В этот момент открывается дверь и входит начальник Генерального штаба генерал Ю. Романовский... Отвожу его на шаг в сторону, рассказываю ему о предложении... Романовский смотрит на меня несколько секунд, опускает голову, [потом] вдруг хватает за руку, трясет и восклицает: "Валяйте!" Спускаюсь с казаками вниз, даю два грузовика»¹⁰³².

От «демократов» в форме не отставали и «демократы» в штатском. Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой рассказывает в своих мемуарах о том, как помощник министра народного просвещения О.П. Герасимов в разговоре «с глазу на глаз» с премьером Львовым заявил: «Я предлагаю Вам такую комбинацию. Оставаясь во главе Временного правительства, назначьте меня министром внутренних дел. Я обязуюсь немедленно и "без вашего ведома" арестовать Ленина, который "п р и п о п ы т к е к б е г с т в у" б у д е т т у т ж е у б и т...»¹⁰³³

Значит, не зря опасались за судьбу Ленина. И, прервав бесполезные переговоры с Анисимовым, Орджоникидзе решительно заявил: «Мы вам Ильича не дадим!» После возвращения Орджоникидзе и Ногина на квартиру Аллиуевых, где их ждали Ленин, Зиновьев и Сталин, долго обсуждали ситуацию. Ленин и Зиновьев пишут заявление в Комиссию «по делу обвинения большевиков в сношениях с германцами»: «Утром (в пятницу 7 июля) Каменеву было сообщено из Думы, что комиссия приедет на условленную квартиру сегодня в 12 ч. дня. Мы пишем эти строки в 6½ ч. вечера 7 июля и констатируем, что до сих пор комиссия не явилась и ничего не дала знать о себе. Ответственность за замедление допроса падает не на нас»¹⁰³⁴.

Невозможно понять, почему эту записку в нашей литературе прежде не публиковали. А между тем она свидетельствует: Ленин не знал о том, что после создания утром 7 июля следственной комиссии Временного правительства «по делу об организации вооруженного восстания в г. Петрограде 3–5 июля»

комиссия ЦИК, как говорится, «умыла руки», сложила свои полномочия, то есть фактически передала «дело Ленина» в руки контрразведки.

Впрочем, Орджоникидзе рассказал, что, уезжая с Ногиным из Таврического, они встретили Луначарского. И Анатолий Васильевич попросил передать Ленину, чтобы он «ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции власть находится только формально. Фактически она в руках корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним»¹⁰³⁵. В конце концов, уже вечером, как выразилась Крупская, «убедили» Владимира Ильича от добровольной сдачи отказаться и перейти на нелегальное положение. «Мы переменили свое намерение, – писал Ленин, – подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте... Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет... Отдать себя сейчас в руки властей значило бы отдать себя в руки... разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне»¹⁰³⁶. Итак, выбор сделан, решение (4 члена ЦК) принято.

Незадолго до июльских дней Владимир Ильич писал: «Надо точно, юридически отличить понятие сплетника и клеветника от разоблачителя (требующего установления точно намечаемых фактов)... Партия не должна отвечать на сплетни и клеветы (иначе как повторением, что клеветники суть клеветники)...»¹⁰³⁷ И все-таки в последующие дни Ленин опять возвращается к этому вопросу. В «Листке "Правды"» он печатает ряд статей, в которых разъясняет свою позицию. А главное – вновь и вновь анализирует мнения своих оппонентов и более всего – оппонентов «добросовестных».

Их логика очевидна: мы живем в демократической России, где есть суд – открытый, правильный и праведный. «Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь». Вполне логично и честно, если... «Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд... тогда можно прийти к выводу в пользу явки».

Но все события 5, 6, 7, 8 июля «нагляднейшим образом показали, что... правильного суда в России нет и быть (теперь) не может.

Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.

А где власть? Кто власть?

Правительства нет... Оно бездействует».

Поведение контрреволюционеров в столице говорит о том, что «о "суде" тут смешно и говорить». А посему рассуждение сторонников явки, надеющихся на то, что «какой-нибудь суд при таких условиях может что-либо разобрать, установить, расследовать?? Это – рассуждение наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что н у ж н о в л а с т и». И Владимир Ильич повторяет: «Дело не в "суде", а в эпизоде гражданской войны»¹⁰³⁸.

Но, может быть, все эти рассуждения излишне усложнены? Вот генерал Волкогонов написал просто: «Ленин почти никогда лично не рисковал», и в июльские дни 1917 года его обуяло «обычное человеческое чувство страха»¹⁰³⁹. Об истоках подобного рода умозаключений писалось много: мещанин, даже если он увенчан академическими лаврами, пытается низвести великого человека до своего уровня, приписать ему собственные мелкие, эгоистические чувства.

Любая точка зрения имеет право на существование. Кроме той, которая основана на неправде. Волкогонов цитирует записку Ленина Каменеву: «в случае своей гибели...» Но ведь нет таких слов в записке. Там другое: «если меня ужокошат...» Почему вместо трагического «если меня убьют» или патетического «если я погибну» – это ироническое «ужокошат»? Да потому, что политик, избравший путь революционной борьбы, знает: арест, тюрьма и даже смерть – неизбежные спутники его профессии. И не надо каждый раз, когда возникает опасность, впадать в театрально-трагедийный тон. Так что, «если меня ужокошат» – сделайте то-то и то-то. И все... «В жизни часто Ильич стоял на краю смерти, – заметила как-то Надежда Константиновна. – Это

тоже отпечаток свой кладет, тоже страшует от мелких чувств»¹⁰⁴⁰.

«Бычий хлоп» – крепкий мужик – так прозвали его сокамерники уголовной тюрьмы в Новом Тарге в 1914 году. В записках, предназначавшихся для врачей, а не для печати, Крупская написала о том же: «Был боевой человек... Ни пугливости, ни боязливости. Смел и отважен». Она вспоминала, как 1907-м уходил он по льду от царских ищеек из Финляндии. «Лед, несмотря на то что был декабрь, был не везде надежен. Не было охотников рисковать жизнью, не было проводников. Наконец Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичом чуть не погибли... А Ильич рассказывал, что когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: "Эх, как глупо приходится погибать"»¹⁰⁴¹.

Тогда, в 1907-м, случай помог – выбрались. А теперь? По точному юридическому определению, пишет Ленин, добровольная сдача в данных условиях есть не что иное, как «юридическое убийство из-за угла». Оно является не признаком бесстрашия, а лишь свидетельством глупости. Поэтому «пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!»¹⁰⁴²

А из Питера надо было уходить. 8 июля, после отставки премьера – князя Львова, министром-председателем правительства стал Керенский, сохранивший за собой пост военного и морского министра. Судя по всему, «страха ради» он решил продемонстрировать решительность и беспощадность. В тот же день был подписан приказ № 28, требовавший при наведении порядка в стране и армии «не останавливаться перед применением вооруженной силы». Подтверждалось распоряжение Временного правительства от 6 июля об аресте и предании суду «за государственную измену» лиц, повинных в беспорядках. Для этого учреждалась специальная следственная комиссия с чрезвычайными полномочиями. А через несколько дней (12 июля) появился и приказ о введении на фронте смертной казни и «военно-революционных судов».

8 июля Керенский приказал арестовать руководителей Центробалта (Центрального Исполнительного комитета советов моряков Балтийского флота), а заодно и командующего Балтфлотом, контр-адмирала Дмитрия Николаевича Вердеревского за отказ 4 июля отправить боевые корабли на усмирение кронштадтцев. В столице вводился запрет на уличные собрания и владение оружием частными лицами. Весь гарнизон был разделен на три категории: активно участвовавших в выступлении – они подлежали расформированию и отправке на фронт; участвовавших в беспорядках лишь частично – в них расформировывались лишь отдельные батальоны, роты и проводилась общая чистка от «подрывных элементов»; и, наконец, оставшиеся лояльными правительству – их ожидала лишь чистка¹⁰⁴³.

8 июля для обывателей и прочей публики было устроено грандиозное шоу: под усиленным конвоем 1-й пулеметный полк был разоружен, выведен на Дворцовую площадь, заклеен позором и расчленен для отправки на фронт. Публика была в полном восторге. А солдаты? «Я видела, – пишет Крупская, – как разоруженный полк шел на площадь. Под узду вели разоруженные солдаты лошадей, и столько ненависти горело в их глазах, столько ненависти было во всей их медленной походке, что ясно было, что глупее ничего не мог Керенский придумать»¹⁰⁴⁴. На следующий день такая же экзекуция ждала Гренадерский, 1, 3, 176 и 180-й пехотные запасные полки.

В большевистском ЦК решили Ленина и Зиновьева переправить к Сестрорецку, в рабочий поселок близ станции Разлив. Вечером 9-го Владимир Ильич сбрил бороду и подкоротил усы – совсем как на фотографии 1910 года. Григорий, не брившийся эти дни, подстриг пышную шевелюру, а усы и бороду оставил. Аллилуев дал Ленину серую кепку и свое рыжевато-пальто, в котором Ильич «походил на финского крестьянина или на немца-колонию». Зиновьеву досталось «пальто-клеш яркого пестрого рисунка», делавшее его похожим «на прибалтийского коммивояжера».

К Приморскому вокзалу пошли пешком по Рождественской, Преображенской, Кирочной улицам, потом через Литейный мост по набережным. Шли гуськом, держа дистанцию: впереди член ЦИК сестрорецкий рабочий-оружейник Вячеслав Зоф, за ним Ленин и Зиновьев, а замыкали Аллилуев и Сталин. Шли мимо казарм, патрулей, караулов. Но обошлось. У Большой Невки их встретил сестрорецкий рабочий Николай Емельянов. Через товарные ворота, под вагонами, вышли на перрон. Сопровождающие остались, а Емельянов, Ленин и Зиновьев сели в последний, как его называли – «пьяный поезд». «Посреди дороги, – рассказывает Николай Александрович, – на станции Пагулы, сели какие-то молодые люди и стали петь про Владимира Ильича разные хулиганские песни – они здорово выпили. Молодцы на следующей станции слезли. Мы благополучно добрались до места в три часа ночи»¹⁰⁴⁵.

Дома Николай Александрович еще раз осмотрел гостей. «У нас все финны бреются», – сказал он. Пришлось Ленину сбрить усы, Зиновьеву – и усы, и бороду, а жена Емельянова, Надежда Кондратьевна постригла их машинкой наголо – «под ноль». Узнав, что у Емельяновых семеро сыновей и четверо из них дома, Владимир Ильич спросил – не болтанут ли? – «Скорее язык себе вырвут, чем лишнее скажут», – отрезал Емельянов. После этого «гостей» отвели в сарай на сеновал, где спали сыновья Николая Александровича, дали на подстилку по одеялу, «чтоб сено не кусалось», и по простыне – укрываться. А утром переодели в рабочую одежду. Емельянов считал, что так они стали более похожими на финских крестьян¹⁰⁴⁶.

На чердаке сарая поставили стол, чтоб можно было работать. А вскоре прибыли и связные ЦК. Правда, о пароле договориться забыли, и Владимир Ильич долго разглядывал их через щели сарая, а потом махнул рукой: «Шут с ними, что будет, то будет. Зовите их». Но оставаться в поселке было все-таки опасно – уж слишком здесь на виду каждый сторонний человек. Надо было уходить. За озером Сестрорецкий Разлив Емельянов нанял за 3 рубля покос. И почти за неделю до приезда «гостей», после работы, с кем-либо из сыновей

выкашивал участок. Сложили большой стог, шалаш. Теперь все было готово и, видимо, уже вечером 10 июля, нагрузив Ленина и Зиновьева рыболовными снастями, косами и граблями, сели в двухвесельную лодку и быстро добрались до места¹⁰⁴⁷.

Вот здесь действительно было тихо и спокойно...

Клевета

После полумиллионных демонстраций, многотысячных митингов, после высоких трибун Всероссийских съездов Советов, где сотни людей жадно ловили каждое его слово, после трех месяцев открытой и захватывающей политической борьбы – шалаш, острый запах скошенной травы, дымок от костра, над которым в котелке всегда что-то булькало, пение птиц и тихая гладь большого озера...

Однако напряжение не спадало. Вести из Питера приходили тревожные. 9 июля сдался властям Каменев. 10 июля Троцкий опубликовал открытое письмо с опровержением слухов о его якобы «отречении» от Ленина, и его тоже арестовали. А днем 10-го юнкера вновь ворвались в квартиру Елизаровых. И опять начался обыск с протыканием штыками чемоданов, корзин и даже дров для печи, сложенных в поленицу. «Возмущенная Аннушка, – рассказывает Крупская, – им заметила: “Еще в духовке посмотрите, может, там кто сидит”». В квартире оставили засаду, а «нас забрали троих – меня, Марка Тимофеевича и Аннушку – и повезли в генеральный штаб. Рассадили там на расстоянии друг от друга. К каждому приставили по солдату с ружьем. Через некоторое время врывается рассвирепелое какое-то офицерье, собираются броситься на нас. Но входит тот полковник, который делал у нас обыск в первый раз, посмотрел на нас и сказал: “Это не те люди, которые нам нужны”... Нас отпустили... Добрались до дому лишь к утру»¹⁰⁴⁸.

Каменев и Троцкий тоже оказались не совсем «теми людьми», которых искала контрразведка. Нужен был Ленин и те,

кто ехал с ним в «пломбированном вагоне». Впрочем, и Каменева, и Троцкого, а затем и Луначарского бросили в «Кресты», где уже находилось около 200 руководителей «Военки» и кронштадцев. А Александру Михайловку Коллонтай упрятали в женскую Выборгскую тюрьму. К этим новостям Емельянов добавил свои: в окрестных поселках идут облавы, газеты пишут, что «по следу Ленина» пущены собаки, в их числе знаменитая ищейка «Треф», а 50 офицеров «ударного батальона» поклялись: или найти этого «немецкого шпиона», или умереть.

Так что нервы и у Ленина, и у Зиновьева все еще были напряжены до предела. И когда на следующий день, 11 июля, как показалось совсем неподалеку, вдруг началась частая и все более приближавшаяся стрельба, они решили, что их все-таки выследили. «Решаем уйти из шалаша, – пишет Зиновьев. – Крадучись, мы вышли и стали ползком пробираться в мелкий кустарник. Мы отошли версты на две... Выстрелы продолжались. Дальше открывалась большая дорога, и идти было некуда. Помню слова В.И., сказанные не без волнения: “Ну, теперь, кажется, остается только суметь как следует умереть”. Твердо запомнил эти слова Ильича... Оружия с собой у нас не было».

Однако и на сей раз обошлось. Стрельба стала затихать. Ленин и Зиновьев вернулись к шалашу. А вскоре приплыли на лодке сыновья Емельянова. Они рассказали, что еще ночью юнкера и рота Финляндского полка под командованием штабс-капитана Гвоздева при поддержке 6 броневигов окружили Сестрорецкий завод, помещение Красной гвардии, заводской клуб и клуб анархистов. Они потребовали сдачи оружия. Завком согласился и, подменив винтовки красногвардейцев, выдал со склада около тысячи выбракованных стволов. Офицер из заводууправления шепнул о подмене. И тогда – для доказательства годности оружия – началась «проба»: стали палить в небеса. Гвоздев потребовал заодно сдать и личное охотничье оружие. И грузовик для его сбора, сопровождаемый броневидами, двинулся по поселку, останавливаясь у каждого двора. Тут пальбы еще более прибавилось. Ибо, как шутили

рабочие, выдаче подлежали лишь старые ружья, а уж никак не патроны. Вот эта-то канонада, звучавшая – через озеро – совсем рядом, и была слышна у шалаша. И ребята вместе с Лениным и Зиновьевым «весело смеялись над тем, как сестрорецким рабочим удалось надуть юнкеров...»¹⁰⁴⁹.

В один из последующих дней Николай Александрович привез из дома припрятанное охотничье ружье. Пошли в лесок, «а Ильич и говорит: “Давненько я не стрелял. Может, уже и разучился. Дай-ка попробую”. Я прикрепил газету, – рассказывает Емельянов. – Ильич отошел шагов на 30–40, прицелился спокойно. Трах, и как раз почти весь заряд попал в центр газеты. – “Ничего, – сказал Ильич, – еще сумею, когда понадобится, попасть в цель”». Решил попробовать и Зиновьев. Он «нацелился-то правильно, но когда взялся за скобку, чтобы спустить курок, начал потихоньку отворачивать голову... Трахнул выстрел, и весь заряд пошел по деревьям».

Григория Евсеевича это, видимо, заело. И он стал – один или с кем-либо из сыновей Емельянова – ходить в лес. Но «пристреляться» так и не успел: напоролся на лесника, который у него ружье отобрал. Вернул лишь самому Емельянову-отцу. И при этом «работника» его обругал: «Всякая чухна тут шляется, по-русски хотя бы слово тьявкнул»¹⁰⁵⁰. И слава богу, что не «тявкнул». Иначе бы вся конспирация рухнула.

После всех этих перипетий жизнь вроде бы пошла на лад. Владимир Ильич ложился спать рано и рано вставал. Купался в озере. Лежал на солнышке. Гулял в ближайшем леске. Но все мысли были еще там – в недавних бурных событиях. «Целые дни, – рассказывает Зиновьев, – мы перебирали в памяти малейшие эпизоды протекших с калейдоскопической быстротой двух с половиной месяцев и, в особенности, последних дней пребывания на воле. Много-много раз Владимир Ильич возвращался к вопросу о том, можно ли было все же 3–5 июля поставить вопрос о взятии власти большевиками. И, взвешивая десятки раз все за и против, каждый раз он приходил к выводу, что брать власть в это время было нельзя»¹⁰⁵¹. О том, что у него

возникли разногласия с Лениным, Зиновьев почему-то не написал...

Прессу в первые дни Ленин почти не читал. Ее пересказывал Зиновьев. «В это время газеты, – вспоминал он, – в том числе и “социалистические”, были полны рассказней про “мятеж” 3–5 июля и главным образом про самого Ленина. Такое море лжи и клеветы не выливалось ни на одного человека в мире. О “шпионстве” Ленина, об его связи с германским генеральным штабом, о полученных им деньгах и т. п. печаталось в прозе, в стихах, в рисунках и т. д. Трудно передать чувство, которое пришлось испытать, когда выяснилось, что... ложь и клевета разносится в миллионах экземпляров газет и доносится до каждой деревни, до каждой мастерской. А ты вынужден молчать! Ответить негде! А ложь, как снежный ком, нарастает... И уже по всей стране, из края в край, по всему миру ползет эта клевета...»¹⁰⁵².

Подготовка дела о «шпионстве» Ленина началась до возвращения Владимира Ильича в Россию. Еще в конце марта к начальнику контрразведки штаба Петроградского военного округа Борису Владимировичу Никитину явился офицер филиала 2-го бюро французской разведки капитан Пьер Теодор Лоран и вручил ему «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин». Однако, как уже рассказывалось, предотвратить въезд Ленина в Россию не удалось¹⁰⁵³.

В апреле, при переходе линии фронта, был задержан прапорщик 16-го Сибирского полка Д.С. Ермоленко, завербованный немцами в одном из концлагерей для военнопленных. На допросах он показал, что в лагере шпионил за своими товарищами, а теперь получил задание вести пропаганду сепаратного мира среди русских солдат. Как заурядного шпиона его могли бы тут же и расстрелять. Но поскольку прежде Ермоленко работал в военной разведке и в полиции, он знал (а может, его и надоумили), как набить себе цену.

В протокол допроса от 28 апреля включили «конфиденциальные сведения», якобы сообщенные ему

офицерами Германского генерального штаба о том, что по их указанию такую же подрывную работу ведут в России – один из лидеров «Союза освобождения Украины» А.Ф. Скоропись-Иелтуховский, а также лидер большевиков Ленин. И оба они «получили задание в первую очередь удалить министров Милюкова и Гучкова». 16 мая этот протокол генералом Деникиным был направлен военному министру. Позднее в Питер препроводили и самого Ермоленко. «Я увидел до смерти перепуганного человека, – пишет Никитин, – который умолял его спрятать и отпустить». Версия о том, что германские генштабисты называли рядовому шпику своих «суперагентов», не годилась даже для бульварного детектива. Борис Владимирович, будучи профессионалом, оценил ее как весьма «неубедительную», и петроградская контрразведка «категорически отмежеввалась от Ермоленко»¹⁰⁵⁴.

Однако дело не заглохло. Французский министр-социалист Альбер Тома направил в июне французскому атташе в Стокгольм предписание: «Нужно дать правительству Керенского не только арестовать, но дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей... Срочно направьте все ваши поиски в этом направлении...»¹⁰⁵⁵

Долго ждать не пришлось. «Расследование, однако, приняло серьезный характер после того, – пишет Никитин, – как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм между Стокгольмом и Петроградом, которыми обменялись Козловский, Фюрстенберг, Ленин, Коллонтай и Суменсон. Впоследствии Лоран передал мне еще 15 телеграмм». Впрочем, поначалу и тут случилась неувязка. Оказалось, что особая служба телеграфного контроля в Петрограде давно уже следила за указанной перепиской. Ее вывод: «телеграммы, которыми обменивался Я. Фюрстенберг с Суменсон, коммерческого характера. Задолго до революции они показались подозрительными всего лишь с коммерческой точки зрения, так как товары, предлагавшиеся Я. Фюрстенбергом для Суменсон, могли быть немецкого происхождения (салол, химические продукты, дамское белье, карандаши и т. д.)»¹⁰⁵⁶.

Однако это препятствие преодолели легко. Министр юстиции Павел Николаевич Переверзев настойчиво теревил Никитина: «Положение правительства отчаянное; оно спрашивает, когда же ты будешь в состоянии обличить большевиков в государственной измене?!» А поскольку интересы совпадали, то французский военный атташе в Петрограде полковник Лавернь и Никитин сошлись на том, что коммерческий характер переписки следует считать лишь хитроумным шпионским кодом. 1 июля в контрразведке у Никитина состоялось совещание, на котором порешили: расследование около тысячи дел по немецкому шпионажу прекратить, а всех сотрудников сконцентрировать на одном – «усилить работу против большевиков». Тут же составили список на 28 большевистских лидеров. На каждого из них, начиная с Ленина, Борис Владимирович – от имени главнокомандующего – подписал ордер на арест. Дополнительно составили списки на арест еще 500 большевиков. «Я предвидел большое потрясение, – пишет Никитин, – но о нем-то мы и мечтали!» И когда через несколько дней начались июльские события, тут уж совсем стало не до «юридических тонкостей». И Переверзев взмолился: «Докажите, что большевики изменники, – вот единственное, что нам осталось»¹⁰⁵⁷.

Дождаться завершения расследования он не стал. Утром 4 июля Переверзев встретился с бывшим большевиком, ставшим заядлым «оборонцем», известным скандалистом Григорием Алексеевичем Алексинским, и передал ему материалы и о Ермоленко, и о телеграммах Фюрстенберга (Ганецкого), Суменсон и Ленина. Днем 4-го сообщение для газет – «Ленин и Ганецкий – шпионы» – с помощью сотрудников контрразведки было изготовлено. Для солидности его подписал и эсер, старый шлиссельбуржец Василий Семенович Панкратов, работавший в штабе военного округа. Но после того, как Чхеидзе по просьбе Сталина обзвонил редакции, эта публикация, как уже рассказывалось, появилась 5 июля лишь в бульварном «Живом слове». А уж на следующий день о ней трубила вся «большая пресса», и на стенах домов были расклеены специальные плакаты¹⁰⁵⁸.

Приехавший 5 июля с Западного фронта Керенский, вступив в должность министра-председателя, снял со своих постов и командующего округом генерала Половцева, и министра юстиции Переверзева. Первого – за «бездеятельность», второго – за избыточное рвение: публикацию «сырого» материала. А 21 июля в газетах появилось сообщение от прокурора Петроградской судебной палаты Н.С. Каринского – того самого, который предупредил Бонч-Бруевича, – официально предъявлявшее Ленину и большевикам обвинение в мятеже и попытке свергнуть правительство, а также в получении денежных средств из Германии, то есть в государственной измене.

Напрасно Керенский беспокоился о том, чтобы придать обвинениям хоть какую-то видимость достоверности. Дифференциация и глубочайший разрыв между теми, кто поддерживал правительство, и теми, кто прислушивался к большевикам, после июльских дней лишь усилились. И сторонники правительства даже не пытались усомниться в правдивости газетных обличений. Они сразу приняли обвинения как данность, как факт.

Ответственный сотрудник МИД, человек вполне интеллигентный – Г.Н. Михайловский написал: «Никогда еще уверенность, что чужая рука движет этими людьми, направляет их и оплачивает, не принимала у меня такой отчетливой формы. После июльских дней всякая тень сомнения в германской завязи большевистского движения у меня исчезла». А будущий советский историк, академик Юрий Владимирович Готье размышлял в своем дневнике: «Участь России – околевшего игуанодона или мамонта... Большевики – истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова – это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены... Кстати, об измене. С большевиков маска сорвана»¹⁰⁵⁹. Упоминавшаяся выше житейская мудрость «премудрого пескаря», сформулированная почтенным Николаем Васильевичем Чайковским, – «дыма без огня не бывает... Раз

говорят, значит, что-то есть» – срабатывала и на столь высоком интеллектуальном уровне.

Впрочем, не у всех. Владимир Галактионович Короленко 23 июля написал: «...Что хотите – в подкуп и шпионство вождей [большевиков] я не верю... Старая истина – нужно бороться только честными средствами, а Алексинский в этом отношении далеко не разборчив»¹⁰⁶⁰.

Ну а те, кто не верил правительству, был против него, те, кого Готье назвал «народом Ленина», отбрасывали любые доводы, исходившие «сверху». Резолюции, принятые на заводах и фабриках, рабочих и солдатских митингах Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Екатеринбурга, Донбасса, Баку, Тифлиса, Батума и других городов, печатались в уцелевших большевистских газетах. Они требовали прекратить «грязную травлю» и заявляли, что «никакая клевета желтой прессы... не сможет подорвать авторитет и доверие к т. Ленину и всему революционному течению соц. – дем. (большевикам), так как их позиция есть позиция рабочего класса и бедноты»¹⁰⁶¹. Но точно так же, как «низы» не воспринимали импульсов, исходивших «сверху», так и правительству были глубоко безразличны все эти резолюции. «Дело Ленина и К^о» все более пухло, обрастая новыми сюжетами и персонажами.

Конечно, можно было бы вообще не реагировать на те наветы, кои исходят от людей, для которых данное «дело» – всего лишь «эпизод гражданской войны». Умом понимаешь, что переживать надо лишь тогда, когда хула исходит от тех, чье мнение и отношение дороги тебе. Владимир Ильич вспоминает стихотворение «Блажен незлобивый поэт» Некрасова: «Он ловит звуки одобренья / Не в сладком ропоте хвалы, / А в диких криках озлобленья!» Да, это так. Но если ты знаешь, что невиновен, – все равно противно и обидно до слез. И при всех вариантах надо бороться, отстаивать честь свою и своей партии.

Но как? Апеллировать к «общественному мнению»? Вывать к совести прокурора? Рвать на груди рубаху и клясться в невинности? Наивно и глупо. И Владимир Ильич берется за дело не как «потерпевший», а как юрист-профессионал, который

ищет в обвинениях наиболее уязвимые места и уличает прокурора в фальсификации дела.

Современные исследователи нередко упрекают Владимира Ильича в том, что, отвечая прокурору, он не всегда полностью раскрывает карты и не говорит полной правды. Он отрицал, например, что имел с Ганецким «денежные дела», хотя таковые, как упоминалось выше, имели место еще в Швейцарии. Но совершенно очевидно, что ответы Ленина целиком определялись его отношением к данному судилищу.

30 марта 1896 года, когда жандармский полковник Филатьев и прокурор Кичин допрашивали Владимира Ульянова, он отрицал все, даже самое очевидное. «Чистосердечные признания» были здесь неуместны. И на сей счет существовали правила поведения на допросах и в суде, считавшиеся в демократической среде этической нормой.

Вот и теперь, признавая суд «неправедным», он не стал сдавать Ганецкого. «Было бы, конечно, величайшей наивностью принимать "судебные дела"... против большевиков за действительные судебные дела. Это была бы совершенно непростительная конституционная иллюзия», – написал Ленин. И при таком «тенденциозном процессе» обязанность защитника состоит отнюдь не в том, чтобы чистосердечными признаниями помогать прокурору совершать «юридическое убийство из-за угла»¹⁰⁶².

Выше уже отмечалось, что глубокий анализ всего корпуса интересующих нас документов дан в книге Геннадия Леонтьевича Соболева «Тайна немецкого золота», которую наши «лениноеды» всячески пытаются замолчать. Еще бы! Промышляя данным сюжетом, они попросту могут остаться без заработка... Но большинство документов, использованных Соболевым, стали известны значительно позже. Ленин же должен был исходить из того, что есть под рукой. И прежде всего – из враждебной ему буржуазной прессы.

Отметая обвинения в инициировании мятежа, он приводит не только резолюции большевистского ЦК о сдерживании движения, но и «Речь» (№ 154), которая 4 июля писала:

«Большевики в данном случае показали свое бессилие: они не могли удержать полки от выступлений на улицу». Ленин цитирует «Биржевые ведомости» (№ 16317), которые свидетельствуют, что «стрельбу начали н е демонстранты, что первые выстрелы были п р о т и в демонстрантов!!» Он использует, наконец, хронику событий, опубликованную «Рабочей газетой» (№ 100) 7 июля, из которой очевидно, что «организация большевиков имела одна только моральный авторитет перед массой, побуждая ее отказываться от насилий... Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к занятию десятков казенных и правительственных зданий... Ничего подобного сделано не было»¹⁰⁶³.

Что касается дел «шпионских», то тут все было сложнее, ибо газета «Русская воля» и еженедельник Алексинского «Без лишних слов» опубликовали лишь часть телеграмм Ганецкого к Суменсон. Ссылаясь на «зашифрованность» их текстов и тайну следствия, прокурор в официальном заявлении ограничивался лишь намеками. Но смысл их был ясен: речь якобы шла о денежных потоках, направлявшихся из Германии через Стокгольм в Питер. Любопытно, что спустя почти сто лет эту версию, а точнее – сплетню повторяют и наши «лениноеды». А покойный А.Н. Яковлев с экрана телевизора уверял, что указанные телеграммы есть не что иное, как «расписки Ганецкого» в получении немецких денег и пересылке их через Суменсон Ленину.

Вот бы «почтенному ученому мужу» почитать эти «расписки». О необходимости данной процедуры как раз и написал еще 7 июля Ленин: «Коммерческая и денежная переписка, конечно, шла под цензурой и вполне доступна контролю целиком». А спустя две недели добавляет: «...Если прокурор... знает, в каком банке, сколько и когда было денег у Суменсон (а прокурор печатает пару цифр этого рода), то отчего бы прокурору не привлечь к участию в следствии 2–3 конторских или торговых служащих? Ведь они бы в 2 дня дали ему п о л н у ю выписку из всех торговых книг и из книг банков?...Когда

именно, от кого именно Суменсон получала деньги... и кому платила? Когда именно и какие именно партии товара получались?.. Это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует!»¹⁰⁶⁴

Те, кому надо было опорочить Ленина, естественно, такой работы не проделали. Не сделали этого и те, кто позднее десятки лет занимались «лениноведением», они просто «стояли на страже!». Сделал это американский историк С. Ляндрес в статьях и в книге «К пересмотру проблемы “немецкого золота” большевиков», вышедшей в США в 1995 году¹⁰⁶⁵. Он тщательно проанализировал весь комплекс телеграфной переписки между Стокгольмом и Петроградом, но оперировал не 29 (как Никитин), а всеми 66 телеграммами, коими располагала следственная комиссия Временного правительства и прокурор Каринский.

Первая «сенсация» – для легковых читателей – состояла в том, что, как оказалось, все денежные переводы всегда шли из Петрограда в Стокгольм, «но никогда эти средства не шли в противоположном направлении». Вторая «сенсация» – опять-таки для легковых – заключалась в том, что указанная переписка не была «закодированной», а действительно носила сугубо коммерческий характер. И когда в телеграммах шла речь об отправке таинственной «муки», то имелась в виду совершенно конкретная мука для детского питания фирмы «Нестле», а под «карандашами» – самые обыкновенные карандаши, кои в годы войны стали в России дефицитом. Иными словами, добросовестные царские служаки – цензоры, упоминавшиеся выше, оказались правы: никакого шпионского «шифра» не было¹⁰⁶⁶.

В первой главе уже отмечалось, что Яков Станиславович Ганецкий с лета 1915 года работал в экспортной фирме Парвуса в Копенгагене. Когда российская цензура и французская разведка заподозрили фирму в контрабанде, они, видимо, дали знать об этом датским властям. И хотя после тщательной проверки каких-либо следов контрабанды в ее торговом обороте обнаружено не было, Ганецкого оштрафовали за вывоз в Россию без лицензии термометров и в январе 1917 года выдворили в

Швецию. Там Парвус назначил его управляющим такой же экспортной фирмы в Стокгольме.

Надо сказать, что, зная о пронемецкой социал-патриотической позиции Парвуса, Ганецкий с самого начала сомневался в том, можно ли принимать его предложение. Но все знакомые социал-демократы убеждали, что Парвус никогда не путает свой бизнес с политикой и в этом смысле ему можно вполне доверять. Д. Шуб, изучавший широкий круг материалов о Парвусе, подтверждает, что сотрудники его контор действительно не подозревали о связях шефа с немецкими властями.

Ганецкий принял предложение, а контрагентом в Петрограде поставил Екатерину Маврикиевну Суменсон, работавшую до этого в такой же фирме в Варшаве у его брата Генриха. По принятой тогда торгово-экспортной схеме Ганецкий направлял ей из Швеции списки товаров для оптовой продажи в Россию. Суменсон распределяла их между российскими перекупщиками. Те, в свою очередь, получив из Швеции требуемый товар, переводили деньги на текущий счет Суменсон в Петрограде. А уже оттуда эти деньги направлялись фирме Ганецкого в Стокгольм на счета «Ниа банкен».

За эту работу Яков Станиславович получал жалованье в 400 крон (200 рублей) и приличный процент с продаж. А поскольку оборот фирмы, поставлявшей, помимо медикаментов, женское белье и канцтовары, был значительным, Ганецкий считал своим долгом, по возможности, оказывать из этих личных средств финансовую помощь польской социал-демократии (СДКПЛ), где он являлся одним из лидеров левого крыла, и большевикам, с которыми его связывали долгие годы совместной борьбы¹⁰⁶⁷.

В конце 1917 года, когда роль Парвуса стала вполне очевидной, специальная комиссия СДКПЛ, рассмотрев «дело Ганецкого», заключила: «факт личных сношений и совместных торговых операций [с Парвусом] не влечет за собой факта политического сотрудничества». А посему комиссия «констатирует полную неосновательность обвинений Ганецкого в политическом сотрудничестве с Парвусом». К аналогичному

выводу пришли и члены большевистского ЦК. Николай Бухарин в этой связи написал: «Я не знаю ни одного факта, который подтверждал бы выдвинутое против т. Ганецкого обвинение в спекуляции (поскольку под спекуляцией понимается нечто большее, чем обыкновенная торговля). Вопрос о допустимости торговли вообще можно обсуждать с той точки зрения, удобно или неудобно для социал-демократа (в моральном смысле) заниматься ею, но, во всяком случае, занятие торговлей не бросает никакой политической тени на т. Ганецкого»¹⁰⁶⁸.

Сравнительный анализ материалов следственной комиссии Временного правительства и мемуаров Б.В. Никитина показал, что почтенный Борис Владимирович нередко шел на прямые передержки. Он писал, к примеру, о том, что одним из главных каналов перевода «немецких денег» от Суменсон к большевикам являлся Мечислав Юльевич Козловский – член ПК и Исполкома Петросовета. Ему, якобы по указанию Ганецкого, был открыт у Суменсон неограниченный кредит и регулярные единовременные выдачи достигали 100 тыс. рублей каждая. Между тем следствие установило, что за весь период 1916–1917 гг. присяжный поверенный Козловский – как юрисконсульт этой фирмы – получил у Суменсон в качестве гонорара лишь 25 424 рубля. Геннадий Соболев деликатно замечает: «В данном случае автора [Никитина] подвела не память, а версия, предложенная французской разведкой в июне 1917 года и с готовностью принятая им. В свою очередь, Никитин подвел многих маститых историков, черпавших и продолжающих черпать из его книги доказательства в пользу этой версии»¹⁰⁶⁹.

В специфической литературе, изобличающей заговоры «международного еврейства», до сих пор эксплуатируется также версия о поддержке большевиков «известным сионистом», владельцем «Ниа банкен» Олофом Ашбергом, который якобы направлял им миллионы из Стокгольма в Петроград. Однако и эта легенда не выдержала проверки. Установлено, в частности, что 2 миллиона, действительно переведенных Ашбергом в Питер, предназначались не большевикам, а являлись его личным

вкладом в «Заем свободы» Временного правительства, с которым он весьма тесно сотрудничал¹⁰⁷⁰.

Несостоятельным оказалось и обвинение в том, что на немецкие деньги издавалась большевистская «Правда». При разгроме ее редакции в руки контрразведки попала вся финансовая документация газеты и заведующий ее издательством К.М. Шведчиков. Все бумаги тщательно изучили эксперты, а Константина Матвеевича избили, а потом – используя старый жандармский прием – несколько дней задавали один и тот же вопрос: «Откуда брали деньги на издание?» И каждый раз он разъяснял, что «Правда» издается на рабочие сборы, которые всегда – с 1912 года – составляли ее финансовую базу. Что именно эти сборы, отчеты о которых ежедневно печатались в газете, позволили приобрести типографию. Что газета дает даже некоторую прибыль: при ежемесячных расходах примерно в 100 тысяч распространение ее тиража в июне дало 150 тысяч. Проверка отчетности подтвердила показания Шведчикова, и его вынуждены были освободить. Подтвердили эти данные и более поздние подсчеты историков: с 5 марта по 25 октября 1917 года в фонд газеты «Правды» действительно поступило около 500 тысяч рублей¹⁰⁷¹.

Рассыпались и другие аналогичные обвинения: на столь ненавистную «Окопную правду» деньги были отпущены Исполкомом Советов солдатских депутатов 12-й армии. На гельсингфорскую «Волну» средства поступили из судовой кассы броненосца «Республика» («Павел I»)¹⁰⁷². Большевистский «Наш путь» субсидировал из казенных средств главком Северного фронта генерал В.А. Черемисов, а главком Юго-Западного фронта генерал А.Е. Гутор выделил для аналогичной цели 100 тысяч рублей.

А где же «немецкое золото»? Или не было его вообще? Конечно было. В начале книги уже говорилось о том, что в годы войны каждая из воюющих держав тратила огромные суммы не только на ведение «открытых» боевых действий, но и на фронт «невидимый», на содержание шпионской сети, поддержку оппозиционных сил в стане противника и т. п. По данным Юрия

Фельштинского, на так называемую «мирную пропаганду» Германия израсходовала 382 миллиона марок. Причем на Румынию или Италию было потрачено куда больше, чем на Россию. Но, видимо, даже такие большие деньги оказались недостаточными для таких небольших стран. Ибо они не помешали потом и Румынии, и Италии выступить в войне против Германии¹⁰⁷³.

Что касается России, то когда военный атташе Франции в Стокгольме получил доступ к шведским банковским счетам, он якобы обнаружил там чековые книжки службы немецкой пропаганды, которые «использовали для оказания поддержки борьбы русских прогрессивных партий против царизма, они же обеспечивали субсидиями и некоторых крупных чинов царского правительства, находившихся за границей, с целью склонить их к мысли, что продолжение войны для России губительно»¹⁰⁷⁴.

После Февральской революции, помимо расширения шпионской сети, значительные немецкие субсидии были направлены на подкуп редакторов некоторых солидных российских газет. Для этой цели был использован известный авантюрист Иосиф Колышко, выдававший себя за «либерального писателя» и бывший в свое время чиновником по особым поручениям у Витте. Им было получено 2 миллиона рублей, но его усилия не увенчались успехом. Деньги Колышко быстро истратил, успев – до своего ареста в мае 1917 года – приобрести на свое имя лишь газету «Петербургский курьер»¹⁰⁷⁵.

С российскими политическими партиями дело обстояло еще сложнее. Когда директор Федерального резервного банка Нью-Йорка У. Томпсон, прибыв в Россию во главе миссии американского Красного Креста, сунул Брешко-Брешковской конверт с 50 тысячами рублей на расходы по своему усмотрению, она спокойно приняла их. Ее поставили во главе «Гражданского комитета грамотности», на нужды которого Томпсон тут же перевел более 2 миллионов рублей, пообещав выделить еще 2 миллиона долларов. Благодарная Екатерина Константиновна заявила, что для «просвещения нашего темного народа» она готова принять любые суммы.

Между тем проблемы просвещения русского народа менее всего интересовали американцев. Деньги ассигновались на пропаганду, цель которой тот же Томпсон сформулировал ясно: удержать русских солдат в окопах и оттянуть на Восточный фронт максимальное количество немецких дивизий. Бывший американский госсекретарь Э. Рут, прибывший в Петроград в июне, требуя от Белого дома увеличения ассигнований на подобную пропаганду до 5 миллионов долларов, был еще более циничен: «Это стоило бы дешевле, чем содержание пяти американских полков, а перспектива удержания на фронте против Германии 5 миллионов русских во много раз ценнее пяти полков». Таким образом, заключал он, эти расходы обернутся для США «огромной выгодой».

Кстати, и Екатерина Константиновна не собиралась тратиться на «просвещение нашего темного народа». Из полученного ею миллиона долларов бóльшая часть ушла на создание эсеровской прессы в провинции и поддержку «Воли народа» – фракции Брешко-Брешковской в эсеровской партии. Но и это не считалось зазорным, ибо деньги все-таки исходили от «союзников»¹⁰⁷⁶.

Что касается «немецкого золота» на «мирную пропаганду», то брать его в открытую рискнули лишь некоторые организации сепаратистского толка вроде финских «активистов» или украинских «самостийников». С другими так просто не получалось.

Уже упоминавшийся Карл Моор, безуспешно предлагавший в марте Ленину деньги на переезд в Россию, писал 4 мая 1917 года своим германским кураторам, что после бесед с некоторыми большевиками, меньшевиками и плехановцами он пришел к убеждению, что русские социалисты могут принять помощь лишь «из не вызывающего подозрений источника». Под таковым он имел в виду прежде всего самого себя и в мае, приехав в Стокгольм, вновь предложил свои услуги и кошелек большевикам¹⁰⁷⁷.

В обширной «ленинградской» литературе стало уже общим местом утверждение о том, что большевики ради своих целей

якобы никогда не брезговали даже самыми «темными» деньгами, что неразборчивость в средствах борьбы была вообще возведена у них в принцип. Спорить с подобными авторами нет смысла, ибо поиск истины менее всего интересует их.

Отметим лишь, что в данном случае, получив письмо Ганецкого о предложении Моора, Ленин в конфиденциальном письме отвечает: «Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого, ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Моор в Стокгольме, и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т. е. не должно быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т. п.» И когда позднее вопрос о предложении Моора поставили в ЦК, решение было резко отрицательным именно «ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств и установить, действительно ли эти средства идут из того самого фонда, на который указывалось в предложении как на источник средств Г.В. Плеханова...»¹⁰⁷⁸.

Увы, письмо Ленина, отправленное в Стокгольм после 26 августа, а тем более решение ЦК от 24 сентября запоздали. 23 августа (5 сентября) в Стокгольме открывалась III Циммервальдская конференция, на которую съехались делегаты из многих европейских стран и Америки. А денег – ни на аренду помещения, ни на кормежку – не было. После ареста Суменсон и разгрома фирмы Ганецкого в России никаких средств из Петрограда не поступало. В этой критической ситуации, не имея никаких связей с ЦК, Радек, Ганецкий и Воровский взяли у Моора ссуду – около 200 тысяч швейцарских франков (38 430 долларов США по тогдашнему курсу)¹⁰⁷⁹.

После завершения конференции 30 августа (12 сентября) у ее организаторов осталось 83 513 датских крон. Возможно, именно в связи с этим Николай Семашко, приехавший в сентябре из Стокгольма, и обратился в ЦК. Однако, как уже указывалось,

ЦК отказался от «мооровских» денег, и в Россию из них не попало ни кроны. Вопрос этот «закрыли» в январе 1926 года, когда «ссуда» Моора была полностью возвращена ему как сугубо частный заем¹⁰⁸⁰.

Американский историк Ляндрес, исследовавший и этот сюжет, остроумно заметил: «Принимая во внимание цели конференции и состав ее участников, можно с уверенностью сказать, что "немецкие деньги", на которые она была устроена, были использованы в неменьшей мере против правительства кайзеровской Германии, чем против Временного правительства А.Ф. Керенского...»¹⁰⁸¹

Выходит так, что наиболее важным каналом немецкой «поддержки революционного движения» являлась, видимо, деятельность, так сказать, штатных германских агентов в России. Борис Никитин рассказывает, как его сотрудники из числа старых профессиональных шпионов выследили некоего Степина, работавшего в немецкой компании «Зингер», который якобы просто платил за участие в антиправительственных выступлениях.

По сведениям русской контрразведки, в Германии печатали для этого мелкие купюры, они-то и пускались агентами в оборот. Причем, раздавая пятерки матросам и солдатам, Степин открыто заявлял, что «он "первый человек" у Ленина, что последний ему во всем доверяет и сам дает деньги». Никитин утверждает, что именно эти купюры были изъяты при июльских арестах у некоторых участников событий. Именно у «некоторых», ибо на всех «мятежников» не хватило бы и германской казны.

Злые языки утверждали, впрочем, что никаких «немецких денег» в карманах арестованных не было и под этим предлогом их просто обирали. Но сама версия о подобного рода действиях германских агентов вполне вероятна. А вот принять всерьез то, что Степин был «первый человек» у Ленина и именно от него получал фальшивые пятерки и десятки, можно было лишь при самой избыточной «ангажированности»¹⁰⁸².

Возможен был и другой – окольный путь проникновения «немецкого золота». Среди множества документов, введенных в

оборот за последние десятилетия для доказательства «шпионства» Ленина и большевиков, основную массу составляет информация о расходах германского МИД и Генштаба на «мирную пропаганду в России», «для политических целей в России» и т. п. – без указания получателей данных средств. И лишь несколько документов действительно имеют отношение к интересующей нас проблеме.

Один из них – телеграмма статс-секретаря иностранных дел фон Кюльмана представителю МИД при Ставке 5 декабря 1917 года: «...Цель той подрывной деятельности, которую мы могли вести в России за линией фронта, – в первую очередь поощрение сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган “Правду”, вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии»¹⁰⁸³. Телеграмму эту Кюльман послал тогда, когда долгожданное перемирие на Восточном фронте стало, наконец, фактом. И вечный спор о том, кто сыграл в этом явном успехе более важную роль – дипломаты, шпионы или генералы, а стало быть, и крайнее преувеличение своих заслуг каждой из сторон было вполне естественным.

В марте-апреле 1917 года, когда возобновлялось издание «Правды», в кассе большевистского ЦК было действительно лишь 15 тысяч рублей. Текущие расходы составили около 10 тысяч. Поэтому для выпуска газеты ЦК занял у профсоюза трактирщиков 20 тысяч. И сразу же начались пожертвования и уже упоминавшиеся сборы по заводам и воинским частям. Повторим: с марта по октябрь они дали около полумиллиона рублей¹⁰⁸⁴.

Получило ли издание субсидии от немцев? На этот вопрос в июле ответила русская контрразведка: нет, не получило, «специальная экспертиза документов, изъятых в редакции, установила непричастность к изданию газеты “Правда” германского капитала»¹⁰⁸⁵. Но слова Кюльмана о «разных

каналах» и «различных ярлыках» все-таки необходимо учесть. И лазейку давали как раз сборы и пожертвования. Их перечень публиковался почти ежедневно, и в подавляющем большинстве случаев указывалось, от какого цеха, мастерской, завода, воинской части, роты, команды они поступили и сколько человек в сборе участвовало. Эти данные вполне поддавались проверке. Были и совсем курьезные пожертвования: например, от известного миллионера Нобеля¹⁰⁸⁶. Но были и поступления анонимные. Причем иногда довольно крупные – по 100, 300 рублей. Проверить их источник невозможно, хотя очевидно, что в общей сумме сборов они составляли мизерную часть.

Вероятно, прав был Суханов, когда писал об июльских днях: «В эти дни толковали, между прочим, что финансовые дела “Правды” в полном беспорядке, источники доходов из категории пожертвований и сборов не всегда точно установлены, и совсем не исключена возможность, что спекулирующие на большевиках темные элементы, хотя бы и германского происхождения, могли без их ведома подсунуть большевикам те или иные суммы ради усиления их деятельности и агитации. Это всегда могло случиться с любой партией или газетой, в положении большевиков и “Правды”». Суханов полагал, что результатом деятельности правительственной следственной комиссии как раз и должна была стать полная реабилитация. «Ничего подобного, насколько я знаю, все же не было никогда установлено относительно Ленина и его партии»¹⁰⁸⁷.

В конце концов, даже генерал Волкогонов, проштудировав 21 том материалов следственной комиссии, вынужден был признать: «Следствие пыталось создать версию прямого подкупа Ленина и его соратников немецкими разведывательными службами. Это, судя по материалам, которыми мы располагаем, маловероятно»¹⁰⁸⁸.

В отличие от генерала, Ленин не знал о содержании указанных томов. Но он был уверен, что и следователи, и прокуроры, и вся «большая пресса», смаковавшая дело о «шпионстве», знают о лживости обвинений. И в те июльские дни он написал: «Контрреволюционная буржуазия... столько же

верит в наше “шпионство”, сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса, верили в то, что евреи пьют детскую кровь. Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет»¹⁰⁸⁹. И вся история со «шпионством» есть действительно лишь «эпизод гражданской войны», когда по отношению к противнику не брезгают даже самыми грязными средствами.

Но нет ли в такой оценке преувеличения? На этот вопрос ответил экс-премьер-министр Львов. Уходя в отставку, он дал интервью журналистам...

На фронте еще продолжалось немецкое наступление. Еще считали убитых и раненых. А Георгий Евгеньевич откровенно заявил: «Наш “глубокий прорыв” на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем юго-западном фронте». Сколько сентиментальных слов было излито со страниц либеральной и соглашательской прессы против опасности гражданской войны? И сколько обвинений в этой связи было адресовано большевикам? «А когда дошло до серьезного, решающего момента, – пишет Ленин, – князь Львов сразу и целиком признал... что “победа” над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом». Он оценивает «внутреннее положение России именно с точки зрения гражданской войны... Два врага, два неприятельских стана, один прорвал фронт другого – такова правильная философия истории князя Львова». Именно ради этой победы «буржуазия облила своих классовых врагов, большевиков, морями вони и клеветы, проявив в этом гнуснейшем и грязнейшем деле оклеветания политических противников неслыханное упорство»¹⁰⁹⁰.

Ленин не знал тогда, что за словами Львова стояло не только понимание «философии истории», но и вполне конкретные действия. 8 июля Верховный главнокомандующий Алексей Алексеевич Брусилов направил письмо всем командующим фронтами. И он тоже писал отнюдь не о положении на фронте. Нисколько не обольщаясь кажущейся «победой над большевиками», Брусилов понимал, что

гражданская война неотвратима и готовиться к ней необходимо уже сейчас. А начинать надо с создания воинских частей, способных вести гражданскую войну. «События идут, – говорилось в письме, – с молниеносной быстротой. По-видимому, гражданская война неизбежна и может возникнуть ежеминутно... Несомненно, что с последним выстрелом на фронте все, что теперь еще удастся удержать в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках. Эта саранча, способная все поглотить на своем пути... К этому надо быть готовым так же, как и к надвигающейся гражданской войне, и противодействовать этому можно тоже, имея только части, сохранившие порядок. Время не терпит...» – заключал Главковерх.

А 11 июля Брусилов направляет ультимативное письмо Керенскому с требованием немедленного введения смертной казни. Генерал решил не пугать его гражданской войной, а сослаться на исторический прецедент: «История повторяется, – писал Алексей Алексеевич. – Уроки великой французской революции, частью позабытые нами, все-таки властно напоминают о себе... И у них, и у нас армия стала быстро разлагаться, и стройные ряды ее угрожали превратиться в опасную толпу вооруженных людей... Десятимиллионная темная масса не может оставаться без твердого руководства, и что нет власти, если она не может опереться на силу. Надо иметь мужество сказать решительное слово, и это слово – с м е р т н а я к а з н ь. Французы пришли к тому же выводу, и их победные знамена обошли полмира»¹⁰⁹¹.

Письмо, видимо, произвело впечатление. 12 июля смертная казнь была введена. А 16 июля в Ставке состоялось совещание. Присутствовали: министр-председатель Керенский, министр иностранных дел Терещенко, Верховный главнокомандующий Брусилов, начштаба Главковерха – генерал Романовский, главком Западного фронта – генерал Деникин и его начштаба – генерал Марков, главком Северного фронта – генерал Клембовский, комиссар Юго-западного фронта Борис Савинков, генералы – Алексеев, Рузский, Гурко, Драгомиров, генерал-квартирмейстеры Романовский и Плющевский-Плющик,

начальник морского штаба адмирал Максимов и капитан 1-го ранга Немиц, инспектор инженерной части генерал Величко и другие.

Совещание началось в 14 час. 40 мин. Прежде всего генералы выложили все свои обиды и, как говорится, излили душу. Надо «понять, – говорил Клембовский, – что делается в душах несчастных офицеров». Командира Сухинического полка ударили камнем по лицу. Ротного командира просто избили. «Стоит только офицеру слово сказать, как все вопят: “в окоп его, в окоп...” Только и слышно – “буржуй” да “взять в штыки”». Общую боль собравшихся выразил Антон Иванович Деникин. Положение офицерства чудовищное. В 703-м Сурамском полку солдаты убили героя войны генерала Носкова. В 182-м полку ранили командира полка. Офицеры подвергаются «нравственным пыткам, издевательствам... Их оскорбляют на каждом шагу, их бьют. Да, да, бьют. Но они не придут к вам с жалобой, – корил он Керенского. – Им стыдно, смертельно стыдно. И одиноко, в углу землянки, не один из них в слезах переживает свое горе...»¹⁰⁹².

Деникин не преувеличивал. Сохранился интереснейший дневник одного офицера. В нем поручик А.И. Лютер записал: «Сидишь как пень и думаешь... о грубости и варварстве. Не будь его – ей-богу, я бы был большевиком... Будь все сделано по-людски, я бы отдал им и землю, и дворянство, и образование, и чины, и ордена... Так нет же: “Бей его, мерзавца, бей офицера (сидевшего в окопах), бей его – помещика, дворянина, бей интеллигента, бей буржуя...” И, конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен»¹⁰⁹³.

За годы войны офицерский состав армии изменился. В 1913 году он насчитывал немногим более 52 тысяч человек. Среди генералов дворяне составляли 89 %, среди штаб-офицеров – 72,6 % и обер-офицерства – 50,4 %. К осени 1917 года численность офицерского корпуса достигла 296 тысяч. Из них 208 тысяч – на фронте. И все-таки доля дворян оставалась высокой. По данным конца 1916 года они составляли в пехоте

43 %, в артиллерии – 72, кавалерии – 76 и инженерных частях – 90 % среди всех офицеров¹⁰⁹⁴.

Однако жупелом было не дворянство. Брусилов с горечью заметил, что в солдатских головах вся армия разделилась на «буржуев» и «пролетариев». И офицеров они «окрестили буржуями. Но по существу офицер – не буржуй. Он – самый настоящий пролетарий». Генерал Рузский добавил: «И генералы – пролетарии». Вот только солдаты никак не могут понять этого. «Я – генерал, главнокомандующий, – рассказывал Клембовский. – При встрече со мной я часто видел, как у солдат тянется рука, чтобы отдать честь, но затем, подумав, он закладывает руки в карманы и вызывающе смотрит... В глазах их так и читаешь: “Плевать мне на тебя, хоть ты и главнокомандующий”». Брусилов согласился: во всех цивилизованных странах «отдание чести – это известный привет людей одной и той же корпорации. Для нашего простонародья не отдавать честь кому-нибудь значит – ему “плевать” на него»¹⁰⁹⁵.

Впрочем, дело было не в оскорбленном самолюбии. Развал дисциплины, считали генералы, привел к развалу армии и полной утрате ею боеспособности. Об этом сказали все, но наиболее впечатляюще опять-таки Деникин. Он зачитывал оперативные донесения о жутких сценах отступления, об отказе от выполнения приказов, самовольном оставлении позиций, самострелах, массовой сдаче в плен, буйствах, грабежах, разгромах винных заводов при бегстве. «Третьего дня, – говорил Антон Иванович, – я собрал командующих армиями и задал им вопрос: “Могут ли их армии противостоять серьезному (с подвозом резервов) наступлению немцев?” Получил ответ: “Нет...” Я скажу больше: у нас нет армии»¹⁰⁹⁶.

Его поддержал Рузский: «Картина нравственного состояния армии... не только грустная, но, я скажу прямо, гнусная... Из нашей армии сделали орду баранов... Сейчас у нас, как выразился главнокомандующий Западным фронтом, армии нет...» Согласился с ними и генерал Брусилов: «На фронте у нас армии нет, в тылу тоже...»¹⁰⁹⁷

Естественно, каждый говорил и о причинах. Керенский ожидал, что они прежде всего укажут на большевиков, о которых в эти дни говорили и писали все газеты. Ан нет! «Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю, – решительно заявил Деникин. – ...Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени, люди, не понимающие быта и условий существования армии». И прежде всего – это кадровая чехарда, устроенная Временным правительством, когда «оплеывались офицеры и... до главнокомандующих включительно изгонялись, как прислуга». Это – солдатские советы и комитеты, породившие «дискредитацию власти начальников» и «многословие и многовластие в военной иерархии». И это, наконец, полная безнаказанность за тяжчайшие военные преступления¹⁰⁹⁸.

Комиссар Борис Савинков попытался переложить вину за развал армии с Временного правительства на тяжкое наследие прошлого. «От старого режима, – сказал он, – нам в наследство досталась темная масса солдат, не веривших своему командному составу, неграмотная. Армия боялась и молчала. Угроза рухнула, и скрытые чувства вырвались наружу»¹⁰⁹⁹.

Однако относительно кадровой чехарды Деникин был прав. Современный исследователь С.А. Солнцева приводит данные о том, что с марта по август 1917 года от должности отстранили 140 генералов. Гучков начал с Романовых, уволив из армии, помимо государя, великих князей Николая Николаевича, Николая Михайловича, Сергея Михайловича, герцога Мекленбург-Стрелицкого. А потом пошла всеобщая чистка или, как говорили в армии, «избиение младенцев». Со своих постов были сняты 2 Верховных главнокомандующих, 5 командующих фронтами, 7 – армиями, 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных и 13 кавалерийских и казачьих дивизий, 13 – артиллерийских бригад и т. д. Такая кадровая политика, как рассказывал Деникин, породила «революционный карьеризм», когда в надежде получить повышение старшие офицеры «неистово машут красным флагом и по привычке, унаследованной со

времени татарского ига, ползают на брюхе перед новыми богами революции так же, как ползали перед царями»¹¹⁰⁰.

В понимании того, что надо делать, генералы опять-таки были единодушны. Прежде всего правительство должно подтвердить статус корпуса офицеров, улучшить их материальное положение, а главное – восстановить единоначалие и дисциплину. Далее, запретить всякие митинги. «Всякая агитация на фронте, – говорил генерал Рузский, – должна быть прекращена. Жонглирование словами, которых солдаты не понимают, очень вредно отражается на умах солдат, вносит смущение в их мозги, которые и без того шевелятся с трудом и едва понимают даже самые простые слова»¹¹⁰¹.

Главное же – ликвидировать Советы и солдатские комитеты. «Их необходимо уничтожить, – заявил Алексеев, но, зная реальный расклад сил, тут же добавил: – Конечно, сразу сделать этого нельзя, к этому надо притти постепенно». Брусилов дополнил: «Что касается до войсковых комитетов, то их уничтожить нельзя, но комитеты должны быть подчинены начальникам, которые могут, в случае надобности, разогнать комитет». Деникин предложил начать их ликвидацию с ограничения функций «вопросами хозяйственными, бытовыми и просветительскими», предусмотрев суровые меры, карающие за превышение указанных полномочий. К комиссарам Временного правительства генералы отнеслись более терпимо, но и их предлагалось поставить в жесткие рамки, ибо, как заметил Деникин, – «в армии не может быть двухголовья, в армии должна быть одна голова и одна власть»¹¹⁰².

Итак, цели были определены. Оставалось лишь указать на методы их достижения. И поскольку Керенский был не только штатским, но и демократом, генералы стали втолковывать ему, что решить указанные вопросы можно лишь с помощью насилия и расстрелов. «Управление армией... не может основываться лишь на словесном убеждении массы», – говорил Клембовский. «Необразованных, неразвитых людей, – разъяснял Брусилов, – нельзя сделать сразу разумными гражданами. Их надо привести к послушанию. Даже в Соединенных Штатах существуют такие

суровые меры, как распинание солдата на земле (наподобие Андреевского креста), сажание на цепь. Сама по себе война, – справедливо заметил Алексей Алексеевич, – явление жестокое, неестественное, поэтому жестокими, неестественными мерами надо заставить солдат слушаться»¹¹⁰³.

Иных мер, кроме расстрела, утверждали генералы, в нынешних российских условиях не существует. В 5-й армии арестовали 8 тысяч солдат. Из них лишь 200 пойдут под суд. Теперь представьте себе, объяснял Владислав Наполеонович Клембовский, что военно-полевые суды станут приговаривать к самым суровым срокам наказания. И что? «Предавать суду? – Но тогда половина армии окажется в Сибири. Солдат каторгой не испугаешь. “На каторгу? Так что ж? Через пять лет вернусь, – говорят они, – по крайней мере, цел буду”». Причем все генералы требовали введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. Прежде всего по отношению к запасным частям, ибо «это, – как выразился генерал Алексеев, – толпы бездельников, вечно митингующих, а в остальное время лежащих и спящих». Александр Сергеевич Лукомский добавил: «Смертная казнь должна бы быть распространена на гражданских лиц, которые разлагают армию»¹¹⁰⁴.

Генералы с трудом сдерживали себя. Страсти разгорелись вокруг вопроса – для штатского человека, казалось бы, второстепенного. Перед наступлением воинским частям торжественно вручили новые красные знамена. Генералы, стиснув зубы, промолчали. И вот теперь все неприятие новых порядков выплеснулось наружу. «Мы выставили впереди красные знамена, заменив ими наши старые, славные знамена, – с горечью говорил Николай Владимирович Рузский. – За старыми знаменами люди шли, как за святыней, умирали. А к чему привели красные знамена? К тому, что войска теперь сдавались целыми корпусами, целыми корпусами бежали в тыл. Это – позор».

А с Антоном Ивановичем Деникиным просто случилась истерика. «Ведите Россию к правде и свету под красным знаменем свободы, – бросал он в лицо Керенскому, – а нам дайте

возможность вести наши войска под нашими старыми знаменами, обвеянными победами... Не бойтесь начертанных на них остатков самодержавия: они давно уже стерты нашими руками. Вы – втоптали их в грязь, наши славные боевые знамена, вы и поднимите их, если в вас есть совесть...» Далее секретарь, подполковник Тихобразов, записал: «В сильном волнении генерал Деникин просит разрешить выйти на некоторое время. Министр-председатель жмет руку генералу Деникину и благодарит генерала за откровенно и правдиво выраженное мнение»¹¹⁰⁵.

Надо сказать, что тон и содержание речей Керенского во многом определялись составом аудитории. Будь перед ним солдаты, он, наверное, стал бы говорить о «великих идеалах свободы». Но здесь сидели старые боевые генералы. И любой намек на нерешительность, боязнь крови задевал Александра Федоровича, как говорится, за живое. «Я не буду, – начал он, – отвечать на нападки и вступать в область, носящую характер политического спора и сведения счетов с настоящей политической системой... Я объехал фронт не только, как говорил генерал Рузский, чтобы устраивать митинги... Кто первый усмирил сибирских стрелков? Кто первый пролил для усмирения непокорных кровь? Мой ставленник, мой комиссар».

Керенский стал рассуждать о том, что «недоверие к власти – болезнь общая, оставшаяся после старого режима. В армии это вылилось в отношениях к офицерам... То же сказалось и у рабочих, такое же недоверие к власти проявилось и в интеллигентских кругах. Я это испытываю на себе». Далее Александр Федорович заявил: «Я лично ничего не имею против того, чтобы сложить с себя должность военного и морского министра, отозвать комиссаров, закрыть комитеты. Но я убежден, что завтра же начнется в России полная анархия и резня начальствующих лиц. Такие резкие переходы не могут иметь места». А посему надо считаться «с историческим моментом и с тем, что возможно сделать в сегодняшний день... Вчера у меня были французы и англичане и провели параллель между французской и нашей революцией. Это не так. Мы не копируем

вовсе французскую революцию, а повторяются лишь законы революции... Да, мы введем в армию революционный террор, но не для восстановления старого, а для поддержания нового». Главное сейчас: «учесть, что при данном соотношении реальных сил возможно сделать и чего нет»¹¹⁰⁶.

Этот мотив подхватил Терещенко: надо выждать, говорил он. «Еще месяц назад введение смертной казни представлялось невозможным. Теперь она правительством принята единогласно, и введение ее никаких осложнений не вызвало, и население встретило это спокойно. Вводить же смертную казнь в тылу сейчас нельзя... К этому надо притти постепенно». Михаил Иванович намекнул генералам, что правительство уже «занято теперь разработкой мер, которые идут иногда даже дальше, чем предлагает генерал Деникин... Все мероприятия должны быть проведены постепенно, а не сразу, по мере пробуждения национального чувства, которое заметно выросло за последние 1,5–2 месяца»¹¹⁰⁷.

Заверение правительства о готовности принять предлагаемые меры успокоило генералов. «Напрасно вы, Александр Федорович, – сказал Рузский, – все принимаете на свой счет... Не вами испорчено, но все равно исправить-то дело нужно, иначе Россия погибнет. Было бы очень хорошо, – вырвалось вдруг у него самое сокровенное, – если бы правительство отрешилось, наконец, от боязни возврата к старому, – но, словно опомнившись, добавил: – боязни не может быть, так как возврата к прошлому быть не может». Брусилов сказал более тактично: «Не в том дело, что будет у нас – республика или монархия, дисциплина все равно необходима, без нее армии нет»¹¹⁰⁸.

Обсудили вопрос о возможной эвакуации Петрограда. В прессе он уже обсуждался как вопрос о переносе столицы в исконно русский центр. Генералы заверили, что пока угрозы для Питера со стороны немцев нет, хотя теперь, сделал оговорку генерал Алексеев, когда вместо армии «осталась одна пыль человеческая, ни за что ручаться нельзя». А вот для ликвидации очага революционной заразы нужно вывезти из Питера вглубь

России крупные предприятия, часть рабочих направить на рытье окопов и завершить расформирование гарнизона¹¹⁰⁹.

Опасность со стороны немцев, предупредил Алексеев, угрожает Риге и Полоцку, «в этих местах возможен прорыв нашего фронта, что заставит нас отойти от Двины». Мысль о том, что армия не удержит фронта, высказал и Брусилов. Деникин сказал еще жестче: развал армии таков, что, возможно, придется иметь дело «даже с отступлением к далеким рубежам»¹¹¹⁰.

Все генералы одобрили предложение Брусилова о формировании особых частей – «ударных батальонов» и «батальонов смерти» – из числа «идейных офицеров и наиболее надежных и сознательных солдат», которые могли бы стать опорой в надвигавшейся гражданской войне. Деникин лишь дополнил: они пригодятся и при наведении порядка в самой армии «на случай необходимости применения вооруженной силы против неповинующих». Комиссар Савинков и генерал Клембовский пошли еще дальше: необходимо уже сейчас «образование в тылу фронта крупной боевой единицы (корпус, если не целая армия), вполне надежной в смысле боеспособности», а также сосредоточить «всю мощь» военной власти в руках Главкома.

Совещание закончилось в 23 часа.

Генерал Корнилов на нем не присутствовал. Сославшись на занятость, он остался на своем Юго-Западном фронте, где положение и на самом деле было сложным. Но он прислал телеграмму, которую по просьбе Лукомского огласили на совещании. Ее текст убеждает в том, что все необходимые меры, видимо, уже не раз обсуждались генералами между собой. Предложения Лавра Георгиевича совпали с высказываниями его коллег: поднять авторитет и материальное обеспечение корпуса офицеров, восстановить полностью их дисциплинарную власть, военно-полевые суды и смертную казнь на фронте и в тылу для военнослужащих; свести права солдатских комитетов к вопросам хозяйственным и внутреннего распорядка, карая любые попытки выйти за эти рамки; воспретить собрания, митинги, игру в карты

и «ввоз» в воинские части большевистской литературы и агитаторов¹¹¹¹.

Программа Корнилова отражала мнение генералитета. Его авторитет в этой среде еще более вырос не столько в результате успешного начала наступления, сколько благодаря поведению при отступлении. Не дожидаясь санкций правительства и Главкома, он поставил на путях бегства заградотряды и, как рассказывает Деникин, «приказывал расстреливать солдат, выставляя трупы их с соответствующими подписями на дорогах и видных местах»¹¹¹².

Никаких дерзостей в адрес правительства – на манер генералов Деникина или Гурко – телеграмма Корнилова не содержала. Ультиматумов – в отличие от Брусилова – Лавр Георгиевич не ставил. И 19 июля именно он был назначен новым Верховным главнокомандующим.

Модель шалаша В.И. Ленина в Разливе. Современное фото

Ленин, естественно, ничего о совещании в Ставке не знал. Не знал он и о письме Брусилова от 8 июля командующим фронтами относительно необходимости подготовки к гражданской войне. Но даже из газет было очевидно, что вектор развития послеиюльских событий повернул не в сторону мирного демократического процесса. Наоборот, государственная власть в России явно сдвинулась к военной диктатуре. И уже 10 (23) июля, на чердаке емельяновского сарая, Владимир Ильич пишет четыре тезиса – «Политическое положение», которые позднее в партии станут называть «Июльскими тезисами».

Первый из них констатировал, что контрреволюция в России «укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки». Речь идет о военной диктатуре, которая направлена не только против большевиков. Суть ее политики состоит прежде всего «в подготовке разгона Советов».

Второй тезис обосновал вывод об окончании периода двоевластия. После Февраля оно существовало лишь потому, что за Советами стояла вполне конкретная сила. Но эсеро-меньшевистские лидеры, обладавшие большинством в Советах, оказались политическими банкротами. Они предали дело революции. «Узаконив разоружения рабочих и революционных полков, они отняли у себя всякую реальную власть». И бессильные «советские вожди» обрекли себя на роль пустейших говорунов до той поры, когда реакция «докончит свои последние приготовления к разгону Советов».

Третий тезис утверждал, что мирный период развития русской революции, тот путь, который большевики отстаивали с апреля 1917 года, кончился. Нынешняя власть не решит мирно ни одной из задач, поставленных после свержения самодержавия. Она не даст ни скорого мира, ни хлеба, ни земли крестьянам. Она не сможет предотвратить разруху и распад страны. Она не позволит самому народу участвовать в

управлении производством и государством, то есть не допустит действительной демократии и свободы.

Весь арсенал средств, которыми контрреволюция будет добиваться своих целей, уже продемонстрирован: введение смертной казни, каторжные тюрьмы, применение внесудебных репрессий и массовых арестов, разоружение рабочих, разгром газет политических оппонентов и массированная клеветническая кампания против большевиков. А уж коли контрреволюция завладела этой властью силой, значит, и отстранить ее от власти можно лишь с помощью насилия, то есть путем вооруженного восстания. И его необходимость определяется не чьим-то коварным умыслом или злой волей. «Объективное положение, – пишет Ленин, – либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих...»

Но из этого вытекает и другой вывод: нынешние Советы, отказавшиеся брать власть, утратили реальную силу, стали лишь «фиговым листком», прикрытием сговора соглашателей с контрреволюцией. А посему лозунг мирного периода – «Вся власть Советам!» – утратил прежний смысл и стал «уже неверен». Эти Советы не могут возглавить восстания. Памятуя об уроках июльских событий, Владимир Ильич пишет, что условия победы «теперь страшно трудны, но возможны...». Возможны в том случае, если восстание будет связано «с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны». И победа станет реальностью, если такая борьба создаст общенациональный кризис «в действительно массовом, общенародном размере».

А до этого – сплочение сил и организованность. Не поддаваться на провокации. Никаких авантур или бунтов. Никаких заговоров и мятежей. Никаких разрозненных действий и безнадежных попыток по частям противостоять реакции. Главное сейчас – «ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда...» В этой связи в четвертом тезисе Ленин предлагает партии, «не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее... с о е д и н и т ь легальную работу с нелегальной, как в 1912–1914 годах». Цель: «собрать силы,

переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию...»

Генеральский путч

...Из Разлива пора было уходить. Весь июль бульварная пресса писала о том, что Ленин – то ли на аэроплане, то ли на подводной лодке – удрал в Германию и теперь «гоняет чай с кайзером в Берлине». Зацепок у контрразведки не было. Но в заметке, которую «Речь» опубликовала 28 июля о съезде большевиков, зацепки появились. «Сильное впечатление на съезде, – писала газета, – вызвало сообщение, что Ленин и Зиновьев, вопреки сообщению газет, за границу не выезжали и находятся в России в постоянном контакте с ЦК фракции большевиков», что свои статьи Ленин печатает в «Рабочем и Солдате», то есть находится где-то рядом с Питером. Даже в нелепейших слухах и то стали называть места весьма близкие. То говорили, что Ленин – с рыжей бородой и в красной рубахе – торгует огурцами рядом с Разливом на станции Курорт. А то и совсем близко: что работает он слесарем на Сестрорецком заводе. «Все газеты, – вспоминал Шотман, – подняли вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина»¹¹¹³.

«Дело Ленина и др.» поручили вести опытнейшему следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда П.А. Александрову, которого ради этого отозвали из отпуска. Керенский, хорошо знавший его, попросил Павла Александровича форсировать арест Ленина, а полковник Никитин передал в его распоряжение группу агентов наружного наблюдения контрразведки. Спустя 22 года, на допросе в НКВД, Александров говорил о том, что сразу «установил неосновательность улик», а затем и «необоснованность обвинения». Но тогда, в июле-августе 1917 года, он повел дело решительно. Сам допросил арестованных – Коллонтай, Троцкого, Луначарского и других. А во все губернии и уезды России пошли

секретные циркуляры военным и гражданским властям о розыске и препровождении Ленина в столицу к следователю Александрову¹¹¹⁴.

Уходить из Разлива надо было скорее. Уже в конце июля по ночам стало холодать, и даже теплые вещи, привезенные Надеждой Кондратьевной, и газеты, которые подсовывали под сено, не спасали от холода и сырости. «Накрываемся, – рассказывает Зиновьев, – стареньким одеялом, которое раздобыла Н.К. Емельянова. Оно узковато, и каждый старается незаметно перетянуть другому бóльшую его часть, оставив себе поменьше. Ильич ссылается на то, что на нем фуфайка и ему без одеяла нетрудно обойтись».

С озера, нагоняя волны, дул пронизывающий ветер. Емельянов вспоминал, как однажды, когда они ждали его жену, разыгралась чуть ли не буря. С Владимиром Ильичом они вышли на берег и увидели, как Надежда Кондратьевна «в лодке борется с волнами... Владимир Ильич побежал вдоль озера в ту сторону, куда относил лодку. И как только ее стало прибывать к берегу, бросился в одежду в воду и помог жене сойти на сушу».

Комары, несмотря на дым костра, ели нещадно. А тут еще пошли обложные дожди, и сидеть в темном шалаше, не имея возможности ни читать, ни писать, было невыносимо. Да и шалаш стал подтекать. Зачастили незваные «гости» – то косари заглянут, то охотники. И каждый раз, услышав голоса, Владимир Ильич напяливал свой парик и брался за косу, а Емельянов или его сын уводили «гостей» подальше. Но однажды ночью, когда никого из Емельяновых не было, какой-то охотник забрел прямо в шалаш. «Мы постарались, – рассказывает Зиновьев, – незаметно спрятать под сено свою “библиотеку”, т. е. несколько книжек и рукописей, которые успели у нас накопиться... Ильич притворился спящим». А Григорий отвечал невнятно и, как положено финну, односложно. Естественно, что «в каждом таком охотнике, – замечает Зиновьев, – мы подозревали шпиона». Поэтому, как только VI съезд закончился, стали собираться в дорогу.

Емельянов привез пять подлинных удостоверений, которые выдавались рабочим Сестрорецкого завода. Ими пользовались и при переходе границы. Удостоверения были уже заполнены, и он дал их Владимиру Ильичу на выбор. Ленин выбрал документ на имя Иванова Константина Петровича. То, что выбрал «Иванова», – это понятно. На Ивановых, как говорится, вся Россия держится. А «Константина Петровича» запомнить было легко. Он уже был «Николаем Петровичем», когда в 1894 году впервые появился в рабочих кружках за Невской заставой. На это удостоверение приклеили фотографию, сделанную Лещенко, и поставили настоящую печать сестрорецкой милиции. Так что документ получился вполне надежным¹¹¹⁵.

В предшествующие дни Шотман, Рахья и Емельянов проверили несколько вариантов перехода финской границы. Решили, что надежнее всего пройти из Разлива пешком верст 10–12 до станции Левашево. Оттуда поездом доехать до Удельной. Там переночевать у айвазовца Эмиля Кальске, а вечером на паровозе машиниста Гуго Ялавы – давнего друга Шотмана – переехать границу. По всем прикидкам получалось вполне складно, и Ленин одобрил этот вариант.

5 или 6 августа, когда собрались, появился сосед по покосу – Леонтьев. Был он мастером на Сестрорецком заводе, и в прежние времена рабочие подозревали его в шпионстве. Он стал упрашивать Емельянова уступить ему косарей и все рвался поговорить с ними сам. Но Николай Александрович ответил, что чухонцы уже возвращаются к себе в Финляндию, да и по-русски не говорят ни слова. Еле спровадили его, а Владимир Ильич пошутил: «Спасибо, Николай Александрович, что в батраки не отдали»¹¹¹⁶.

Около половины десятого вечера все вещи, газеты и книги уложили в лодку и отправили в поселок. А Ленин, Зиновьев, Емельянов, Шотман и Рахья двинулись гуськом через кустарник вдоль залива. Вышли на безлюдный проселок. Потом свернули на лесную тропинку. Емельянов, то и дело приговаривавший, что знает тут каждый пенек, пошел впереди, и почти сразу, в темноте, сбились с пути. Уперлись в какую-то речку. Пришлось

раздеться и переходить вброд. Дальше – хуже: «попали на болото, обходя которое, незаметно очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрали на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились».

Но тут, где-то поблизости, прогудел паровоз. «Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы, – пишет Шотман, – уселись под деревом... У меня в кармане было три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. Съели так. Минут через 10–15 вернулись разведчики с сообщением, что мы находимся близ станции, кажется, Левашево...» Владимир Ильич молчал, когда они переходили вброд невесть откуда взявшуюся холодную речку. Молчал, когда в кромешной тьме плутали по лесу. Молчал, когда выбирались из пожарища. Но это «кажется» вывело его из себя: все «абы как», все на «авось» да «небось»... И «ругал он нас за плохую организацию, – пишет Шотман, – пресвирепо».

Пошли к станции. Оказалось, не Левашево, а Дибуны – в 7 км от границы, где как раз, вероятнее всего, и можно было напороться на стражу. До отхода последнего поезда к Удельной в 1 час 30 мин. оставалось немного, Ленин, Зиновьев и Рахья ушли под откос, в темноту, а Шотман и Емельянов остались на платформе.

Загудел приближающийся паровоз, и из станционного помещения высыпало с десятков вооруженных гимназистов и штатских милиционеров во главе с офицером. Стали проверять документы. Шотмана с его финскими документами отпустили, но чуть ли не штыком – чтобы убрался скорее – посадили в подошедший состав, а Емельянов, дабы отвлечь внимание на себя, стал грубить милиционерам, и его поволокли в помещение. Этим и воспользовались Ленин, Зиновьев и Рахья, успевшие вскочить в головной вагон.

Не зная об этом, Шотман ужасно расстроился и вместо Удельной вышел в Озерках. Так что опять пришлось ему

плестись верст шесть. А когда добрался до квартиры Кальске – «не поверил своим глазам: на полу лежали и хохотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья... Они поужинали и уже почти засыпали, когда я пришел».

Весь следующий день прошел в разговорах. Решили, что Зиновьев, измотанный ночными приключениями, останется у Кальске, а Ленин двинется дальше. Вечером Рахья, Шотман и Владимир Ильич опять пошли к Удельной. Дождавшись поезда, который вел Ялава, Ленин быстро взобрался в паровозную будку и тут же, как заправский кочегар, стал шуровать в топке и подбрасывать в нее поленья. Рахья и Шотман сели в пассажирский вагон.

Перед границей документы проверяли в Белоострове. Но Ялава, отцепив паровоз, увел его от станции в темноту – набирать воду. А вернулся к составу как раз к третьему звонку. Через 15 минут миновали границу. В Териоках Ленина и его спутников уже ждали лошади, а в 12 верстах, в деревне Ялкала, уютный дом родителей жены Рахья – Лидии Петровны Парвиайнен¹¹¹⁷.

Ее отец работал литейщиком в Питере. В доме говорили по-русски, было по-фински удивительно чисто и спокойно. Владимиру Ильичу отвели комнатку, в которой умещались лишь кровать и стол. Но после Разлива это были просто хоромы. Из маленького окошка открывался вид на ухоженные огороды и перелески. И когда Лидия Петровна спросила, нравится ли ему здесь, Ленин ответил: «Такого спокойного места я еще нигде не встречал. Еще никогда мне не приходилось так спокойно жить»¹¹¹⁸. Но когда он стал просматривать свежие газеты, стало ясно, что покоя – в обозримом будущем – не предвидится...

3 августа, в день окончания VI съезда партии, в Петроград прибыл Корнилов. Он привез записку правительству, в составлении которой участвовали Савинков, Филоненко, Завойко, генерал Плющевский – Плющик и другие. Ее смысл, как сформулировал сам Лавр Георгиевич, сводился к созданию «трех, подчиненных железной дисциплине, армий: армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников», то есть к

милитаризации страны. Как справедливо заметил известный историк Г.З. Иоффе, речь шла об установлении военной диктатуры, которая несла в себе мощный заряд реванша и мщения.

«Военный раздел» записки повторял те требования, которые выдвигались в Ставке 16 июля: полное восстановление дисциплинарной власти начальников, введение смертной казни не только на фронте, но и в тылу, запрет митингов, ограничение функций войсковых комитетов, а в противном случае – «кара по суду» и т. д. Единственная новация: для неповинующихся – «концентрационные лагеря с самым суровым режимом и уменьшенным пайком».

«Гражданский раздел» требовал: объявить на военном положении железные дороги, а также бóльшую часть заводов и шахт, перевести их на госзаказ, запретить митинги, забастовки и любые попытки рабочих вмешиваться в управление производством. Нарушителей – немедленно на фронт. Общий политический вывод: «Руководительство судьбами государства» должно осуществляться «спокойной и сознательной твердостью людей мощной воли, решившихся во что бы то ни стало спасти свободную Россию»¹¹¹⁹.

Любопытно, что экономические программы большевиков и Корнилова в одном пункте совпадали: выход России из кризиса может обеспечить лишь государственное регулирование экономики. Но они расходились в главном. Большевики ориентировались на инициативу, самостоятельность, вовлечение в контроль за производством самих трудящихся. Корнилов делал ставку на принуждение, подавление любых попыток рабочего контроля, на милитаризацию народного хозяйства по «европейскому образцу». И на VI съезде Милютин справедливо заметил, что тот «государственный социализм», который осуществили в Европе в годы войны, лишь «закрепостил рабочих».

Ознакомившись с запиской, Керенский заметил, что ряд предлагаемых мер «вполне приемлем», но избыточная прямолинейность генерала может привести к «обратным

результатам». И 4 августа на заседании правительства Корнилову пришлось ограничиться лишь обзором положения на фронтах, после чего вконец раздраженный главком вернулся в Ставку¹¹²⁰.

Однако 8 августа, когда в Москве открылся так называемый Съезд общественных деятелей, Корнилов направил туда секретаря главного комитета Офицерского союза капитана В.И. Роженко. На квартире Н.М. Кишкина он провел тайное совещание с М.В. Родзянко, П.Н. Милюковым, А.И. Шингаревым, В.А. Маклаковым, Н.В. Савичем и другими. В информации Роженко «вопрос шел, – пишет Савич, – о походе кавалерии на Петроград, о разгоне Совдепа и объявлении диктатуры... Сразу же стало ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех. Обсуждать тут же этот рассказ увлекающегося офицера не сочли возможным».

А дня через два «общественные деятели» встретились с более солидным представителем Ставки, князем Г.Н. Трубецким. «После долгих объяснений, – пишет Савич, – Милюков сделал... заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям ставки остановить разруху и разогнать Совдеп. Однако... заранее можно сказать, что общественные массы были бы против них, если бы они активно выступили против Временного правительства». Поэтому, как сформулировал позднее Деникин, позиция перетрусивших либералов была проста: «сочувствие, но, к сожалению, не содействие»¹¹²¹.

Это не совсем точно – поддержка была. Утром 11 августа Кокошкин встретился с Керенским и «решительно потребовал включения в порядок дня так называемой корниловской программы под угрозой выхода в отставку всей группы к.д.». А Съезд общественных деятелей, учредив постоянный Совет, в который вошла кадетская верхушка, создал бюро для связи с одной из главных корниловских опор – Союзом офицеров. В бюро включили его председателя Л.Н. Новосильцева. И Рябушинский тут же передал ему на безотчетные расходы 10 тысяч рублей. В приветствии самому Корнилову говорилось: «Мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой»¹¹²².

11—12 августа состоялось расширенное заседание ЦК кадетской партии. Напрасно сетовал Милюков на привязанность «общественности» к демократическим принципам. Большинство членов ЦК решительно высказалось за немедленное установление военной диктатуры. «Страна ничего не понимает, – говорила Ариадна Тыркова. – С всеобщими [избирательными] правами мы влетим в болото». Ей вторил П.И. Новгородцев: «Надо покончить с большевистской революцией... Страна ждет власти и порядка». П.П. Герасимов искренне сожалел, что «некому даже залить улицы кровью». Мануйлов согласился: «Уговорами управлять нельзя... Остается утвердить власть на физической силе». Главное сформулировал Шингарев: речь идет о «потере власти», и проблема не в том, что думает «общественность». Раз есть надежные воинские части, казаки, кавалерия и артиллерия, то – заключил милейший Андрей Иванович – и «меньшинство при сильной охране сильной власти может сделать дело».

Были, конечно, сомневающиеся – В.А. Оболенский, Н.К. Волков, А.А. Добровольский, А.К. Дживелегов, П.П. Юренев. Но сомневались они не в целесообразности военной диктатуры, а в том, удастся ли «государственный переворот и не поведет ли попытка его совершить к еще худшей анархии».

Как вспоминал Оболенский, Милюков говорил «в крайне осторожной форме», но вполне определенно: «в этой фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено и что спасти Россию от анархии может лишь военная диктатура». От его речи, пишет Владимир Андреевич, – «создалось впечатление, что он уже вел переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку». Но даже если это и произошло, членам ЦК Павел Николаевич не сказал ни слова. Впрочем, и они это «молчание понимали и не хотели нарушать его». Подводя итог, Милюков определил задачи: «нельзя сидеть на середине», надо добиться союза со «здоровыми элементами армии», с «буржуазными элементами», а вот «с умеренными социалистами идти [далее] не можем». Все с этим согласились¹¹²³.

Естественно, что в газетах протоколы заседаний не публиковались. Но их отзвуки, сама тональность либеральной прессы, требовавшей подавления новой революционной волны железом и кровью, вполне выдавали намерения буржуазных лидеров. Этого не понимали разве что «умеренные социалисты», которых упомянул Милюков. Даже лучшие и умнейшие из них...

Среди газет, прихваченных Лениным по пути в Ялалу, была «Новая жизнь» от 5 августа, напечатавшая речь Мартова на заседании ЦИК. Надо отметить, что Юлий Осипович собирался выступить на VI съезде большевиков, о чем и было заявлено 28 июля. Но после известных событий 29-го он решил ограничиться письмом, подписанным вместе с И. Астровым и зачитанным на съезде 2 августа, в котором выражалось «возмущение против [антибольшевистской] клеветнической кампании» и уверенность в том, что большевики не станут бороться против «большинства революционной демократии», консолидированного в Советах.

А выступая на заседании ЦИК 4 августа, Мартов сказал: «В наши цели не входит свержение нынешнего правительства или подрыв доверия к нему... Реальное соотношение сил не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой. Мы не намерены свергать правительство, но мы должны указать ему, что в стране есть силы, кроме кадетов и военных. Это – силы революционной демократии, и на них должно опираться Временное правительство».

Ленин всегда внимательно читал Мартова. Во-первых, отмечал Владимир Ильич, в отличие от многих эсеро-меньшевистских лидеров, страдавших самовлюбленностью и пустым фразерством, «Мартов, как публицист, наверное, один из наиболее “левых”, из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных». А во-вторых, потому, что в тот момент именно он наиболее точно формулировал настроения той колеблющейся массы, которая все еще надеялась на возможность мирного исхода событий.

Первым ее предрассудком являлось представление о том, что всевозможные депутаты и делегаты бесчисленных съездов,

конференций, совещаний – это не специфическое отражение реальных борющихся сил, а само поле политической борьбы. Что, в частности, эсеро-меньшевистское большинство в руководстве Советов – это и есть «большинство революционной демократии». Второй предрассудок, считал Ленин, состоял в представлении, будто правительство Керенского является «чем-то вроде надклассового и надпартийного» образования, что оно осуществляет «истинную государственность», проводит «истинный демократизм», что «на него только “давят” слишком сильно справа», и необходимо лишь «посильнее давить слева».

Наконец, третий предрассудок – это представление о том, что угроза гражданской войны исходит исключительно от пролетариата и его «анархических элементов». Между тем, отмечает Ленин, «всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну». Только превращение это осуществлялось не рабочими, не трудящимися массами, а самой буржуазией.

«Кто же не знает, – пишет Владимир Ильич, – что как раз после 4-го июля мы видим в России начало гражданской войны со стороны контрреволюционной буржуазии, разоружение полков, расстрелы на фронте, убийства большевиков». Причем «буржуазия не боялась революции и гражданской войны в такие моменты, когда грозил внешний враг... в феврале 1917 года в России». Не побоялась она, «ценой гражданской войны... когда грозил внешний враг», захватывать власть и в июле¹¹²⁴.

Статья «За деревьями не видят леса», отвечавшая Мартову, была опубликована в Питере под псевдонимом Н. Карпов лишь 19 августа, т. е. почти две недели спустя. И сидеть в такие дни в глухой деревушке не только вдали от событий, но и в 12 верстах от станции и почты было нестерпимо. Тем более что главного связника Ленина – Шотмана – ЦК отправлял в длительную командировку на Урал. Впрочем, кое о чем Александр Васильевич успел договориться до отъезда...¹¹²⁵

7 или 8 августа в Ялкалу из Гельсингфорса приезжают актеры-любители Народного дома Карло Куусела и Густав

Каллио. Реквизит они привезли небогатый и в конце концов загримировали Владимира Ильича под финского пастора. Увидев себя в зеркале, вспоминал Карло, – «Ленин смеялся до упаду над своим новым обликом». Но в поезде, к утру, грим стал расползаться, и пришлось снять его вместе с приклеенной бородой.

Владимир Ильич спросил: не узнают ли его в таком виде? «Да, если бы это было в Петрограде, а не здесь... далеко в Финляндии, – ответил Куусела. – Кроме того, увидеть Ленина вместе с Куусела... Этому никто не поверит, настолько это невероятно! Скорее, вас могут принять за кого-нибудь из наших старых артистов». Этого Владимир Ильич никак не ожидал. «Вы предполагаете, – полюбопытствовал он, – что я могу сойти за артиста?» Карло ответил категорично: «Убежден в этом».

В Лахти они вышли из поезда. «С Лениным под руку, – вспоминал Куусела, – мы походили по платформе, весело беседуя по-фински. Говорил, конечно, только я, а Ленин ограничивался смехом, что звучало вполне по-фински». Корреспондент социал-демократической газеты Аксели Коски отвел их к себе на квартиру. 9 августа Владимир Ильич переезжает на станцию Мальм, где останавливается на даче депутата финляндского сейма, социал-демократа Карла Вийка, которого он знал по прежним временам. А 10 августа, в 22 ч. 30 мин., в сопровождении Вийка, позвонившего предварительно в управление милиции, выезжает в Гельсингфорс¹¹²⁶.

Звонок в милицию извещал о приезде Ленина ее начальника Густава Ровио, которого еще в апреле рабочие организации Гельсингфорса избрали на этот пост. Работал он прежде токарем в Питере, был членом партии с 1905 года, не раз арестовывался, ссылаясь в Вологду и Тверь. Но в 1917-м это уже не считалось грехом, и генерал-губернатор Михаил Стахович утвердил Густава сначала старшим помощником, а потом и временно исполняющим должность полицмейстера Гельсингфорса.

Ровио встретил Ленина и Вийка у Хагнесского рынка и привел к себе на квартиру. Здесь их встретил Шотман, который, подстраховывая Владимира Ильича, проделал тот же маршрут из

Ялкалы с опережением на сутки. Лишь после этого он уезжает в Питер, а оттуда на Урал.

Первое, о чем стал расспрашивать Ленин своего нового «квартирохозяина», – как наладить получение газет из Петрограда и доставку туда нелегальной почты. Выяснилось, что газеты можно покупать ежедневно с приходом поезда в 6–7 вечера, а отправлять письма в Питер – минуя официальную почту, с надежным товарищем, железнодорожным почтальоном Кэсси Ахмалу. Ровио поставил на стол бутылку коньяка, закуски. Но Ленин пить не стал. И хотя было уже за полночь, как только Вийк и Шотман ушли, Владимир Ильич тут же засел за газеты.

Информация о росте революционных настроений, видимо, порадовала. Достаточно отметить, что собравшаяся 7 августа конференция фабзавкомов приняла резолюцию «О текущем моменте и рабочем контроле», предложенную большевистским ЦК. Но кое-что из публикаций огорчило. Еще в Разливе Ленин узнал, что 4 августа из тюрьмы освободили Каменева. Владимир Ильич вправе был надеяться, что это придаст бóльшую выдержанность партийному курсу. И вот теперь, в «Новой жизни» от 7-го, было напечатано выступление Каменева на заседании ЦИК об участии в международной конференции социалистов в Стокгольме для выработки «мирных предложений».

Во второй главе уже рассказывалось, что Ленин еще в апреле решительно выступил против такой конференции с участием социалистов, сотрудничающих со своими правительствами. Он справедливо усмотрел в этой затее интригу немецких социал-шовинистов, пытавшихся найти выход из войны с наименьшими для Германии потерями. И Владимир Ильич настоял на том, чтобы Апрельская конференция РСДРП приняла соответствующую резолюцию. Но созыв международной конференции поддержали меньшевики и эсеры. А вслед за ними Каменев, выступая «от себя лично» в ЦИК, заявил о необходимости пересмотра большевиками «прежнего» решения.

Ленин пишет письмо в ЦК «О выступлении Каменева в ЦИК...». Это было действительно письмо, а не статья, как это

принято считать, ибо обращалось оно к членам партии и требовало «отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков». А для печати была предназначена статья «О Стокгольмской конференции», написанная в ответ на передовицу «Новой жизни» от 10 августа¹¹²⁷.

В статье Владимир Ильич вновь и вновь разъясняет, что «Стокгольмская конференция заведомо собирается и поддерживается людьми, поддерживающими свои правительства», что фактически она «есть собеседование министров, состоящих в империалистских правительствах». И это не «великое дело объединения международного пролетариата», а лишь «мелкое, мизерное, в значительной мере интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело объединения социал-шовинистов». Участвуя в такой конференции, вы лишь рискуете стать «фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма»¹¹²⁸.

А вот письмо в ЦК было написано в другом тоне. Только что, на VI съезде, приняли новый устав, дополненный требованием обязательного подчинения членов партии партийным решениям. С этой точки зрения, пишет Ленин, выступление Каменева носит «прямо чудовищный характер... С каких это пор в организованной партии по важным вопросам выступают отдельные члены "от себя лично", раз фракция вопроса не обсуждала... Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю...» В письме заграничному представительству (бюро) ЦК в Стокгольм, дабы не влипли они в какую-либо историю с пособниками немецких шовинистов, Ленин выражается еще резче: «Выступление Каменева... я считаю верхом глупости, если не подлости, и написал уже об этом в ЦК и для печати»¹¹²⁹.

Статья и письмо были отправлены в Питер, вероятно, 11 или 12 августа. И попали они, как говорится, к месту и времени. До этого руководящая роль «узкого состава ЦК» не подвергалась сомнению, Сталин, Свердлов и другие осуществляли ее

достаточно жестко. В частности, когда 13 августа возник конфликт с Военной организацией по поводу газеты «Солдат», члены бюро «Военки» обратились в ЦК с заявлением: «Тов. Сталин... заявил, что разговаривать ему с представителями Центрального бюро Военных организаций не о чем, что раз постановление ЦК состоялось, оно должно быть исполнено без всяких разговоров... Подобные недопустимые меры и шаги не являются случайностью, а с момента изменения прежнего состава ЦК обратились в прямую систему гонений и репрессий чрезвычайно странного характера по отношению к целой большой организации»¹¹³⁰.

Выход Каменева из тюрьмы несколько менял ситуацию в руководстве: как-никак, а он принадлежал к первой четверке членов ЦК, избранных съездом. В этой связи письмо Ленина против Каменева пришлось кстати. На заседании ЦК 16 августа, без всякого упоминания о выступлении Каменева, подтверждается прежнее решение о том, что на Стокгольмскую конференцию «идти не следует». Но еще утром, до заседания ЦК, в газете «Пролетарий», заменившей «Правду», за подписью Ленина публикуется не предназначавшееся для печати его «ругательное» письмо в ЦК. А вот ленинская статья для печати появляется в «Пролетарии» лишь 26 августа.

Между тем в целесообразности публикации письма Владимира Ильича именно в этот момент можно было усомниться. 10 августа пресса дала информацию о том, что бывший жандармский полковник Николай Балабин дал показания о связях Каменева в прежние времена с киевской охранкой. В том, что эта информация является чистейшим политическим шантажом, сомневаться не приходилось. ЦИК создал комиссию для разбора «дела», а Каменев подал заявление о своем устранении «от общественной деятельности до разбора дела».

Узнав с запозданием об этом, Ленин пишет статью «Политический шантаж», в которой отмечает, что травля, клеветы, инсинуации давно уже стали для буржуазной прессы «орудием политической борьбы и политической мести». Имея в виду и свою судьбу, Владимир Ильич с горечью констатирует:

«Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует грязно, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее».

Может ли революционер из-за подобного рода вымышленных «историй» самоустраняться с политической арены? Конечно нет, отвечает Ленин. «Шантажистам только того и надо было». Претензии подобной прессы на выражение «общественного мнения России» являются лишь проявлением «грязной натурашки» сочинителей «дела» и нехитрым приемчиком «подлой бесчестности», цель которой – отнять у противника «возможность политической деятельности».

Есть другая общественность, к голосу которой обязан прислушиваться революционер. Это «суд пролетариев, сознательных рабочих, своей партии», не изменившей своему народу и идеалам освободительного движения. И именно в этой связи он пишет слова о партии, которые – кстати и не кстати – любили цитировать совсем в другие времена: «Ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи...»¹¹³¹ Эту статью «Пролетарий» опубликовал 24 августа, а 30-го комиссия ЦИК полностью реабилитировала Каменева. Как написал по этому поводу Луначарский, выпущенный из тюрьмы 9 августа: «все рассеялось, как пух! Был однофамилец [Розенфельд], да подлая работа охранки, пытавшейся перед смертью обрызгать кого можно своим зловонным ядом»¹¹³².

Запоздание информации, получаемой Лениным, было очевидно. Густав Ровио вспоминал: «По вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал мне их для пересылки в Питер»¹¹³³. А вот с ЦК связь никак не налаживалась.

17 августа Владимир Ильич пишет, что «после долгих недель вынужденного перерыва» он все-таки «ни спросить ЦК, ни даже снести с ним не имеет возможности». Даже первые номера центрального органа – газеты «Пролетарий», начавшей выходить 13 августа, Ленин получает лишь 18-го. Газета «Рабочий»,

сменившая 25-го «Пролетарий», доходит лишь 30 августа. А письмо Заграничному бюро ЦК в Стокгольм лежит более недели, так что «у меня выходит поэтому, – замечает Владимир Ильич, – нечто вроде дневника вместо письма!»¹¹³⁴

На этой почве возникали и недоразумения. Прочитав в «Новой жизни» изложение речи Володарского в ЦИК 24 августа, Ленин пишет в ЦК протестное письмо. Но, получив «Рабочий», он 30-го делает приписку к этому письму о том, что «совпадение у нас получилось полное» и опровержение Володарского «"ликвидирует" мои упреки»¹¹³⁵.

Конечно, отправка Шотмана на Урал сыграла свою роль в нарушении налаженной связи. Но еще большее значение, видимо, имели те бурные события, которые в эти дни происходили в стране.

12 августа в Москве в Большом театре открылось Государственное совещание. Никем не избираемое и никому не подотчетное Временное правительство все время искало какой-то точки опоры, которая создавала хотя бы видимость легитимной власти. Созыв Учредительного собрания откладывался. В прессе пошли разговоры о том, что его вообще можно будет собрать лишь после окончания войны. Но главное, «власть имущие» понимали, что получить «точку опоры» в результате демократических выборов теперь уже невозможно. Поэтому Государственное совещание, собранное с помощью нехитрой манипуляции представительством «общественных организаций», вполне годилось для этой цели.

Из двух с половиной тысяч его делегатов абсолютное большинство представляли буржуазно-помещичьи организации. В правой стороне зала преобладали генеральские мундиры, и лишь слева мелькали редкие солдатские гимнастерки. О штатской публике корреспондент «Известий» сообщил кратко: «визитки и сюртуки доминируют над косоворотками». От Советов присутствовало лишь 229 человек. Причем большевиков сам ЦИК в состав делегации не включил.

Керенский вышел на сцену Большого театра в сопровождении двух офицеров-адъютантов в морской и

сухопутной военной форме. На протяжении всего совещания они стояли за его спиной, как бы символизируя прочность и могущество власти. Но основным тоном речи Керенского, пишет Милюков, «вместо тона достоинства и уверенности... оказался тон плохо скрытого страха, который оратор как бы хотел подавить в самом себе повышенными тонами угрозы». Левым – за попытки посягнуть на власть – он грозил «железом и кровью», правым – «силой подчинить воле верховной власти и мне, верховному главе ее».

Милюков комментирует: «Многие провинциалы видели в этой зале Керенского впервые, – и ушли отчасти разочарованные, отчасти возмущенные. Перед ними стоял молодой человек с измученным, бледным лицом, в заученной позе актера... Этот человек как будто хотел кого-то утешить и на всех произвести впечатление воли и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость». В зале явно преобладали те, кто надеялся уже не на Керенского, а на Корнилова. Ходили даже слухи, что передача власти «верховному» может произойти прямо здесь – на совещании. Поэтому встреча претендента в диктаторы, прибывшего в Москву 13 августа, вылилась в открытую контрреволюционную демонстрацию.

Перед Александровским вокзалом выстроилась в конном строю казачья сотня. У виадука – женский «батальон смерти». На перроне – почетный караул с развернутым знаменем, оркестром и множество офицеров и дам с цветами. А когда подошел поезд и из вагона – в красных халатах, с обнаженными кривыми саблями – высыпал личный конвой текинцев, тут-то и началось... «Спасите Россию, генерал, – взывал “первый тенор” кадетской партии Федор Измайлович Родичев, – и благодарный народ увенчает Вас!» В толпе раздались всхлипывания. Миллионерша Морозова бухнулась на колени. Офицеры подняли Корнилова на руки и вынесли на площадь, где состоялся церемониальный марш караула, женского батальона и казаков.

Корнилов прибыл в Большой театр. «Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой

физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Зал дрожит от аплодисментов, – пишет Милюков. – Все стоят на ногах, за исключением... солдат». По их адресу справа несутся крики: «Хамы! Встать!» Слева отвечают: «Холопы!» Керенский успокаивает зал: «Ваше слово, генерал!»

Корнилов был решителен и краток. Взвалив вину за поражение на фронте на солдат и рабочих, он заявил, что если в ближайшее время не будут приняты «решительные меры» – фронт рухнет... «Нельзя терять ни минуты». Остальное «досказал» донской атаман Алексей Максимович Каледин. Ради «спасения страны» он потребовал распустить все Советы как на фронте, так и в тылу, «решительными мерами» восстановить дисциплину, ибо «время слов прошло...». Его поддержали генералы Алексеев, Краснов, а также Гучков, Родзянко, Маклаков, Шульгин и другие. Левые промолчали. «...Сидел с закрытым ртом, – с горечью писал Мартов, – ибо наше большинство (Совета) заранее постановило, что “оппозиция” не имеет право выступать самостоятельно (чтобы не испортить торжественности)». И прав был Ленин, когда написал о соглашателях, – «им плюнул казачий генерал [Каледин] в физиономию, а они утерлись и сказали: “Божья роса!”»¹¹³⁶

Ответ был дан за стенами Большого театра. Еще 5 августа ЦК РСДРП принял решение «сорвать с совещания маску народного представительства, выставив на свет его контрреволюционную противонародную сущность». Московский комитет принял решение о стачке, и 12 августа в ней приняло участие более 400 тысяч человек. Бастовали даже лакеи и официанты, так что участников совещания некому было обслуживать в гостиницах и ресторанах. Остановился транспорт. Вечером рабочие электростанции вырубili свет: «пусть мракобесы заседают в темноте». Демонстрации прошли в Петрограде, на Урале, в Сибири. Бастовали в Киеве, Харькове, Самаре, Царицыне, Нижнем Новгороде, Саратове...

Было от чего прийти в уныние. И заключительная речь Керенского 14 августа напоминала сцену из трагифарса:

«Сегодня, граждане земли русской, я не буду больше мечтать... Пусть сердце станет каменным... Пусть засохнут все те цветы и грезы о человеке (женский возглас сверху: "Не нужно!"), которые сегодня, с этой кафедры... топтали. Так сам затопчу. Не будет этого (женский голос сверху: "Не можете вы этого сделать. Ваше сердце вам этого не позволит!"). Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей. Я буду думать только о государстве». В зале стояла оторопь...¹¹³⁷

«Деловым людям» претила эта сентиментальность премьера. И уже в дни совещания они потянулись в салон-вагон Корнилова, стоявший на запасных путях Александровского вокзала. Здесь побывали не только генерал Алексеев, лидер черносотенцев Пуришкевич, промышленно-финансовые олигархи Путилов, Вышнеградский и другие. Здесь, пренебрегая обычной осторожностью, побывал и Милюков. С олигархами разговор был сугубо «меркантильным». Лавр Георгиевич просил деньги на переворот, «чтобы разместить людей перед выступлением, кормить». Деньги были твердо обещаны¹¹³⁸.

С Милюковым разговор был «политическим». Спустя 20 лет Павел Николаевич – естественно, не без «тумана» – рассказал о нем: «Корнилов уже принял решение о сроках его открытого разрыва с правительством Керенского и даже назначил его дату – 27 августа... Я предупредил генерала Корнилова, что, на мой взгляд, разрыв с Керенским несвоевремен, и он не особенно это оспаривал. Я сказал то же самое Каледину, с которым я также виделся в те же дни... Генерал Корнилов не сообщил мне никаких деталей о готовящемся выступлении, но высказал пожелание, чтобы партия к.д. его поддержала, – хотя бы отставкой министров к.д. – в решительную минуту»¹¹³⁹.

В поддержке кадетов сомневаться уже не приходилось. Если на заседании их ЦК 11–12 августа еще были колеблющиеся, то теперь – на заседании 20-го, всего лишь неделю спустя, – позиция Милюкова «получила безоговорочное одобрение». Антон Владимирович Карташев – с 5 августа министр исповеданий в правительстве – с небольшой дозой патетики заявил, что «справиться с развалом» могут только «старые

боевые генералы», ибо «власть возьмет тот, кто не побоится стать жестоким и грубым». А Андрей Иванович Шингарев добавил: «Дело идет к расстрелу, так как слова бессильны». Милюков с удовлетворением резюмировал: «Жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции»¹¹⁴⁰.

Читатель, вероятно, уже давно заметил, что у людей интеллигентных существует одна особенность: они никогда не совершат дурного поступка, не обосновав предварительно, что он есть благо. Но и совершая данный поступок, они скорбят, ссылаясь на обстоятельства, понудившие их к этому.

26 августа Ленин написал: наши «до приторности сладенькие» министры и экс-министры, «которые бьют себя в грудь, уверяя, что у них есть душа, что они ее губят, вводя и применяя против масс смертную казнь, что они плачут при этом – улучшенное издание того “педагога” 60-х годов прошлого века, который... порол не попросту, не по-обычному, не по-старому, а поливая человеколюбивой слезой “законно” и “справедливо” подвергнутого порке обывательского сына»¹¹⁴¹.

Потому-то и рыдал Керенский о растоптанных «цветах и грезах о человеке». Потому и Милюков говорил не о том, чтобы с помощью военной диктатуры «пустить кровь», а лишь о «хирургической операции».

Собственно говоря, можно было уже обойтись и без эвфемизмов. Заговор Корнилова переставал быть тайной. О передвижке войск, концентрации их вокруг Петрограда писали даже в газетах. 17 августа «Новая жизнь» опубликовала статью «Слухи о заговоре», в которой рассказывалось, как после окончания Государственного совещания поползли слухи о том, что «определенные военные группы при сочувствии некоторых общественных кругов» организуют «решительные контрреволюционные выступления». Сообщалось также, что в Москве власти информировали об этом представителей ЦИК и Совета, а те, в свою очередь, привлекли большевиков для совместной организации защиты «от контрреволюции». Иными

словами, речь шла о союзе и блоке большевиков с меньшевиками и эсерами для защиты Временного правительства Керенского.

Эту газету вместе с другими Ровио принес с вокзала, видимо, вечером 17-го. Статья «Слухи о заговоре» сразу привлекла внимание Ленина. Конечно, для серьезного политического деятеля пользоваться слухами – дело совсем никудышное. Но если нет иной информации, то можно попытаться выудить что-то хотя бы из них. И Владимир Ильич проигрывает возможные сценарии событий...

Выступление генералов напрямую против Керенского маловероятно. В июльские дни они были вместе, а соглашатели поддерживали их. Теперь они хотят изобразить из себя «защитников революции». Входить с ними в блок – невозможно. Это записано в решениях VI съезда. И если нашлись такие наивные «дурачки и негодяи из большевиков», они «были бы немедленно – и по заслугам – исключены из партии»¹¹⁴².

Так уж совпало, что именно в этот день, 17 августа, Керенский вызвал Бориса Савинкова. О переброске корниловских войск с Юго-Западного фронта к Питеру Александр Федорович знал от начальника штаба Ставки генерала Лукомского. И он сказал Савинкову, что согласен с предложениями, содержащимися в «записке» Корнилова, и отдает распоряжение подготовить соответствующий законопроект¹¹⁴³. Так что альянс Керенского и Корнилова, предполагавшийся Лениным, действительно получал новый импульс.

И все-таки Владимир Ильич продумывает и другой сценарий: а если генералы – несмотря ни на что – пойдут на мятеж против Керенского. «...В том исключительно редком случае, который мы предположили, – пишет Ленин, – большевик сказал бы: наши рабочие, наши солдаты будут сражаться с контрреволюционными войсками, если те начнут наступление сейчас против Временного правительства, защищая не это правительство... а самостоятельно защищая революцию, преследуя цели свои, цели победы рабочих, победы бедных, победы дела мира...»¹¹⁴⁴

Прописывая эти сценарии, Ленин все время оговаривает, что никакой иной информацией, кроме этих, возможно,

сфабрикованных и вздорных слухов, он не располагает. Но самое мучительное для него – нет никакой связи с ЦК, и он «ни спросить ЦК, ни даже снестись с ним» до сих пор не имеет возможности¹¹⁴⁵. Эти уже приводившиеся строки, в которых сквозит не отчаяние, а плохо прикрытое нервное напряжение, Владимир Ильич написал 17-го. А 18 августа в Гельсингфорс приезжает Крупская...

Видимо, еще перед уходом из Разлива Ленин договорился с Емельяновым о том, что при необходимости он поможет Крупской перебраться в Финляндию. Удостоверение для перехода границы на имя тетки Емельянова Агафьи Атамановой, умершей незадолго до этого в Райволе, было получено у тамошнего волостного старосты. Тот же Дмитрий Иванович Лещенко сфотографировал Надежду Константиновну в обычной одежде сестрорецких работниц. Через Ялаву и Зофа ей передали список вещей, составленный Владимиром Ильичом, в котором значились: машинка для стрижки волос под ноль, чашка и порошок для бритья, иголка и черные нитки, шифр для связи с Заграничным бюро ЦК, зубочистки, ручка и перья, черная лента для шляпы, словарь «полиглот шведский и финский», красный, синий и химический карандаши и т. д. И еще он попросил привезти питерского хлеба, свои тезисы VI съезду и газеты «Правда» и «Известия»¹¹⁴⁶.

«Наконец, – пишет Крупская, – пришла от Ильича книга, в которой химией был нарисован план, как пройти с вокзала, никого не спрашивая, к дому, как подняться по лестнице, в какую дверь позвонить. На другой день поехала к Ильичу...» Из Разлива Емельяновы проводили ее пешком через лес – верст пять – до станции Олилла и там посадили в солдатский поезд. «...Дорога прошла гладко... Правда, пришлось всю ночь простоять, так как вагон был битком набит, но как-то не замечалось усталости, мысли были сосредоточены». В Гельсингфорсе случилась неувязка. Когда в Питере Крупская нагревала на лампе химическое письмо с планом прохода от вокзала, обгорел край листа. И теперь ей пришлось долго бродить по городу, прежде чем нашла она нужную улицу, дом и ту самую квартиру.

«Ильич обрадовался очень», – скупой отметила Надежда Константиновна. Они не виделись с 7 июля, когда на квартире у Аллилуевых, прощаясь, он обнял ее и бросил фразу: «Может, уже и не увидимся». Прошел всего месяц с небольшим, но какие это были дни. Через Ялаву и Зофа она получала иногда короткие записки «с разными простыми поручениями. И после каждого такого письма до жути хотелось повидаться...».

Вот и встретились. Она была в той же одежде работницы, в которой сфотографировалась. Эта одежда и косынка на голове очень шли ей. Владимир Ильич попросил Ровио переночевать на другой квартире и добавил, что и «завтра вы не приходите ко мне, я [сам] приду за газетами к вам...» И Густав тут же ушел, оставив их вдвоем¹¹⁴⁷.

Крупская привезла почти все, что просил Владимир Ильич: хлеб, газету «Пролетарий» с 13 по 17 августа, выходившую вместо «Правды», шифр для связи со Стокгольмом и прочее. Но словарь, иголку с нитками и кое-какую другую мелочь купить не успела – торопилась. Но не это было главным. «Видно было, – пишет Надежда Константиновна, – как истосковался он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказала о всем, что знала»¹¹⁴⁸.

А знала она многое. И продолжением ответа Ленина на статью «Слухи о заговоре» становится его прямое обращение в ЦК. «Эту статью, – пишет Владимир Ильич, – я прошу переписать в нескольких экземплярах, чтобы одновременно и послать для печати в несколько партийных газет и журналов, и одновременно внести в ЦК от моего имени с такой припиской:

Настоящую статью я прошу рассматривать как мой доклад ЦК...»¹¹⁴⁹

Московская стачка 12 августа, пишет Ленин, показала, что в Москве на почве безработицы, голода и разрухи вполне может вспыхнуть стихийное движение, подобное июльскому выступлению в Петрограде. Но если тогда в Питере задача состояла в том, чтобы «придать мирный и организованный характер» данному выступлению, то теперь этот лозунг «был бы архиневерен». И если в Москве действительно «вспыхнет

стихийное движение», то она «может приобрести значение центра». В таком случае надо «взять власть самим и объявить себя правительством во имя мира, земли крестьянам...»

Поэтому «крайне важно, чтобы в Москве “у руля” стояли люди, которые бы не колебались вправо... которые бы в случае движения понимали новые задачи, новый лозунг взятия власти, новые пути и средства к нему». А посему необходимо во всех деталях проанализировать: был ли на самом деле сговор москвичей – членов ЦК или МК с соглашателями. И если факт подтвердится, «внести вопрос о формальном отстранении их до съезда на первый же пленум ЦК». Это «необходимо не только во имя дисциплины», но прежде всего в «интересах б у д у щ е г о движения»¹¹⁵⁰.

На следующий день Владимир Ильич и Надежда Константиновна пошли гулять через большой парк на Хагнесскую площадь к Ровио за газетами. А на другой день она уехала. И опять «захотел Ильич, – пишет Крупская, – непременно проводить меня до вокзала, до последнего поворота довел. Условились, что приеду еще»¹¹⁵¹.

Судя по всему, уже после ее отъезда, 19 августа, к Ленину зашел Карл Вийк. Квартира Ровио, как и ее хозяин, были уж слишком на виду. И Карл предложил Владимиру Ильичу перебраться на пустующую квартиру рабочего Артура Усениуса на улице Фредрикинкату. «Поздно вечером, – пишет Ровио, – мы перевезли его туда». Впрочем, через несколько дней вернулись из отпуска и хозяева – Артур и его жена Мария, взявшая на себя заботы о быте гостя. О нем она знала лишь то, что это «самый большой революционер, которого надо очень беречь».

Марии запомнилось, что гость был неприхотлив в еде. У Ровио Владимир Ильич питался в основном бутербродами и крутыми яйцами, которые сам варил на плите. Но Усениусы, как и положено рабочей семье, подобных «диет» не признавали, и Мария готовила как обычно. Мясо уже было дефицитом, и однажды – на второе – она нажарила в масле свеклу. Блюдо так понравилось гостю, что он попросил даже записать рецепт. Еще Марии запомнилось, что по ночам у него горел свет и он что-то

писал. Хотя Усениусы и отвели ему отдельную комнату, беспокоить, стеснять хозяев Владимир Ильич не хотел и вскоре опять перебрался к Ровио¹¹⁵².

Каждый день он посылал Густава за газетами и ждал какой-то реакции на свое обращение в ЦК. В формальной просьбе Ленина не только обсудить его статью как доклад в ЦК, но и опубликовать ее в большевистской прессе усматривалось явное желание Владимира Ильича вынести вопрос за рамки «узкого состава» лидеров. И в дореволюционные времена, в ходе внутрипартийных дискуссий, исход борьбы всегда решало обращение к партийным организациям, к социал-демократическим рабочим. Так что ничего «неконституционного» в этой просьбе не было. Однако статья Ленина «Слухи о заговоре» опубликована не была. И никаких следов ее обсуждения нет в протоколах заседания «узкого состава ЦК» ни 20-го, ни 23 августа.

А 21 августа, на третий день начавшегося немецкого наступления, пала Рига, открывая дорогу на Петроград. Угроза Корнилова, предрекавшего на Государственном совещании опасность того, что «фронт рухнет», оправдывалась уж слишком скоро. А в беседе с румынским посланником Константином Диаманди Лавр Георгиевич сказал честно, что «войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии». Корнилов добавил, что он «рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии». Не сказал он лишь о том, что ошибался в указании виновных. Именно «большевистские» полки 12-й армии, неся огромные потери, дрались наиболее героически¹¹⁵³.

Получив известие о сдаче Риги, Ленин пишет листовку. Падение Риги, отмечает он, – это «еще одно тяжелое поражение». А дальше еще «десятки и сотни тысяч погибнут от затягивания войны, пока народ будет терпеть такое правительство». Сохранить целостность России, «вернуть» Ригу и другие захваченные неприятелем территории – если на то будет

воля их населения – можно, лишь предложив немедленно «мир без аннексий, т. е. без захватов чужих земель». Но сделать это сможет лишь рабочее правительство. И надо разъяснять народу «необходимость свержения правительства Керенского и установления рабочего правительства».

В дополнение к этой явно нелегальной листовке Ленин пишет письмо в ЦК. Прекрасно понимая, что ЦК будет изо всех сил держаться – и совершенно справедливо – рамок легальности, он предлагает, дабы не давать повода для новых гонений, дистанцировать подобные выступления от партии и под листовкой поставить подпись: «Группа преследуемых большевиков», действующих «вне рамок легальной большевистской партии»¹¹⁵⁴. Как отреагировали в ЦК на это письмо – неизвестно. Но именно в эти дни происходят события, которые меняют всю политическую обстановку в стране...

Уже в начале августа Корнилов дал приказ о переброске 3-го конного корпуса генерала Крымова и Туземной («Дикой») дивизии генерала Багратиона с Юго-Западного фронта к Великим Лукам, а 5-й Кавказской дивизии – из 1-го конного корпуса генерала Долгорукова с Северного фронта в район Белоострова. Относительно Крымова Лавр Георгиевич заметил: «Я убежден, что он не задумается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов». Одновременно, под разными предлогами, в Питер направлялись десятки офицеров. Туда же из Ставки прибыл один из руководителей «Союза офицеров» полковник В. Сидорин. Он связался с полковником Дюсемитьером, возглавлявшим военный отдел «Республиканского центра», и представителем «Военной лиги» генералом Федоровым.

От Путилова, Вышнеградского, Белоцветова и других финансистов были получены обещанные деньги, на которые и велась подготовка к выступлению. На офицерские группы возлагалась задача: при вступлении в Питер корниловских войск немедленно захватить вокзалы, мосты, телеграф и «арестовать Смольный». На этом техническую подготовку мятежа можно было считать законченной¹¹⁵⁵.

Выступление наметили на 27 августа. В этот день в столице предполагалось широкое празднование полугодовщины Февральской революции. Большевики отказались от совместных акций по данному поводу с соглашательским ЦИК и намеревались выступить отдельно. Именно это и решили использовать заговорщики.

В прессе стали нагнетать панические слухи о скором наступлении немцев на Питер. Во всех деталях расписывались ужасные взрывы на пороховых заводах и артиллерийских складах в Петрограде, Одессе, Казани. Всячески муссировались подробности произошедшего в эти дни зверского убийства героя войны – потерявшего в боях обе руки генерала Гиршфельда и героя апрельских событий в столице комиссара Федора Линде во время солдатского бунта в Особой армии. Но главное место, несмотря на опровержение, данное фракцией Петросовета, занимали слухи о якобы предстоящем 27 августа «восстании большевиков» и готовящейся ими резне в столице. Логика организаторов пиар-кампании была проста: перепуганный обыватель с восторгом встретит любых избавителей от этого кошмара¹¹⁵⁶.

Оставалось лишь завершить торги с самим Керенским, дабы он придал генеральскому путчу должную легитимность. О передвижении войск, как уже отмечалось, Александр Федорович был осведомлен. И 23 августа по его указанию в Ставку прибыли товарищ военного министра Савинков и шурин Керенского, помощник министра Барановский.

Они договорились с Корниловым о выделении из Петроградского военного округа столицы с ее окрестностями, переподчинении их Ставке и о том, что войска будут подтянуты к самому городу. В случае, если Советы станут сопротивляться, указал Савинков, «действия должны быть самые решительные и беспощадные». Корнилов и до этого имел суждения на сей счет: «Ленина повесить, а Советы разогнать», а посему ответил Борису Викторовичу, что «иных действий он не понимает и что инструкции будут даны соответствующие». Барановский

поддержал: «Необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы почувствовала вся Россия».

Единственная просьба Керенского, переданная Савинковым, – не вводить в Петроград «Дикую дивизию», ибо невозможно, как он выразился, чтобы «русские дела» решали «инородцы», а также снять с командования 3-м конным корпусом Александра Михайловича Крымова. Как заметил Корнилов, они побоялись, чтобы Крымов «не повесил лишних 20–30 человек». Тем не менее Лавр Георгиевич заверил, что пожелание Александра Федоровича будет выполнено.

Сложнее пошло обсуждение вопроса о правительстве. О том, что в его составе не будет «социалистов», договорились сразу. Но Савинков стал добиваться от Корнилова заверений в лояльности Керенскому. Лавр Георгиевич уклонялся и даже сказал, что роль министра-председателя должна быть уменьшена. Но в конечном счете он все-таки заявил, что без Керенского правительства не мыслит и полностью поддержит Александра Федоровича, если тот встанет на путь создания «твердой власти». На прощание условились, что 27-го Корнилов даст телеграмму о завершении переброски войск и Петроград будет объявлен на военном положении¹¹⁵⁷.

24 августа Савинков вернулся в столицу и доложил министру-председателю об успехе переговоров. Но Керенский пребывал в сильнейшем смятении духа. Зинаида Гиппиус, к которой он забежал на чашку чая, записала в дневнике, что «впечатление он производил совершенно гнетущее. От него веяло состоянием большой растерянности и недоверия решительно во всем». Основания для этого были. Со всех сторон поступали самые разноречивые сведения и слухи.

После отъезда Савинкова из Могилева в Ставке ликовали. Необходимая легитимация заговора была получена. В ближайшем окружении Корнилова стали толковать о будущей форме правления. Решили создать «Совет народной обороны» во главе с Корниловым. В заместители, со скрипом, наметили Керенского, членами – генерала Алексеева, адмирала Колчака, Савинкова и Филоненко. В правительство стали прочить – от

бывшего царского министра М. Покровского до социалиста-патриота Г. Плеханова.

Члены офицерского «Союза» высказывались за более простое решение: вызвать Керенского в Ставку, а поскольку здесь против него существует «крайнее озлобление», то вполне могут и убить... Но Корнилов сам прекратил эти пересуды, заявив, что вопрос о правительстве он будет решать по договоренности с Керенским.

В тот же вечер 24 августа в Могилев приехал Владимир Николаевич Львов, входивший до июля в правительство как Обер-прокурор Святейшего Синода. Поскольку гостиницы были забиты съехавшимися в Ставку офицерами, он остановился у знакомого есаула И. Родионова – члена Главного комитета «Союза офицеров». И поскольку есаул и его коллеги пребывали после отъезда Савинкова в эйфории, а возможно, и «под градусом», он тут же выложил Владимиру Николаевичу все, что думает о Керенском и о том, каким способом его лучше повесить¹¹⁵⁸.

Утром 25-го Корнилов принял Львова, который заявил, что прибыл от Керенского для окончательного прояснения «конструкции власти». Спор о том, блефовал он или нет, продолжается по сей день. Генрих Иоффе считает, что основания для подобного заявления были. 22 августа Львов действительно был у Керенского и предложил ему свои услуги для налаживания связей с правыми, прокорниловскими «общественными деятелями», с которыми он контактировал через своего брата Николая. Владимир Николаевич беседовал с Керенским и о «конструкции власти», и о необходимости диктатуры, и об использовании в этих целях Корнилова. При этом было очевидно, что в роли диктатора Александр Федорович видит себя.

Львов, видимо, решил, что настал его «звездный час» и он вновь вернется на политическую арену. О его беседе с Керенским были проинформированы Рябушинский, Третьяков, Родзянко, некоторые офицерские организации, и лишь после этого Владимир Николаевич выехал в Могилев¹¹⁵⁹.

Между тем для Корнилова общее настроение его окружения тоже, видимо, не прошло даром. И в беседе с Львовым он взял куда более жесткий тон, нежели накануне при переговорах с Савинковым. Тогда речь шла о совместных действиях с правительством. Теперь Лавр Георгиевич, говоря о введении в столице военного положения, заявил, что оставаться там Керенскому опасно. А посему пусть приезжает в Ставку, где и будут решены вопросы формирования новой власти. Ближайший помощник главкома Завойко, провожая Владимира Николаевича, дополнил шефа: пусть министр-председатель едет в Могилев не мешкая, но до отъезда он должен отправить в отставку правительство, иначе какая же это будет диктатура...

Днем 26-го Львов явился к Керенскому и заявил, что привез от Корнилова «формальное предложение»: объявить Петроград на военном положении, уволить министров в отставку, прибыть в Могилев и передать всю военную и гражданскую власть главнокомандующему. От себя Владимир Николаевич добавил, что ехать в Ставку не следует ни в коем случае, ибо настроение там таково, что Александра Федоровича могут просто убить.

Обычно считается, что именно эта беседа определила «крутой поворот» Керенского. Но, судя по всему, был и другой источник информации. 25 августа Корнилов встретился с командующим МВО полковником Верховским, и на прямой вопрос Лавра Георгиевича тот ответил, что если Ставка выступит против правительства, он двинет на нее войска. Наверняка Верховский тут же доложил о разговоре Керенскому. Во всяком случае, его немедленное производство в генералы и последующее назначение военным министром свидетельствует, что свою лояльность министру-председателю он доказал. «Исчезли у меня последние сомнения!.. – напишет об этих днях Керенский. – Двойная игра сделалась очевидной...» Но верховный комиссар правительства в Ставке Максимилиан Филоненко был, пожалуй, более точен: Керенский вел корниловского коня в поводу для собственных целей, но когда обнаружилось, что этот конь троянский, он прекратил свои тонкие маневры¹¹⁶⁰.

Вечером 26-го Керенский прибыл в военное министерство, по аппарату Юза вызвал Корнилова и попросил его подтвердить «определенное решение», переданное через Львова. Лавр Георгиевич, ничего не подозревая, подтвердил и вновь пригласил приехать в Ставку. А в военное министерство Корнилов телеграфировал, что корпус Крымова и «Дикая дивизия», вопреки просьбе Керенского, подойдут к столице 28 августа и 29-го город необходимо объявить на военном положении. Керенский воспринял все это как ультиматум. И утром 27-го в Ставке получили телеграмму, предлагавшую Корнилову сдать должность генералу Лукомскому и прибыть в Петроград.

28-го утром газеты опубликовали ответ Корнилова: «Русские люди! Великая родина наша умирает... Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба» и поддержка такого правительства является «изменой родине». Партнерство с Керенским было таким образом разорвано. Мятеж стал открытым¹¹⁶¹.

В либеральном стане начался переполох. В ночь на 27 августа кадеты, как и было обещано Корнилову, ушли из правительства в отставку. Утром 27-го «Речь» заявила, что «поворот на другую правильную дорогу должен быть крутым и решительным. Пора перестать клеймить всякую мысль о повороте... кличкой "контрреволюция"». Но теперь легитимность мятежа была дезавуирована Керенским. И днем 28-го к нему, по указанию кадетского ЦК, явился Кишкин. Он предложил Александру Федоровичу, дабы избежать гражданской войны, добровольно уйти в отставку, сдать власть генералу Алексееву, который немедля начнет переговоры с Корниловым¹¹⁶².

Между тем правительство поддержали лишь командующий МВО Верховский и командующий Кавказским фронтом генерал Пржевальский. Четверо командующих фронтами – Деникин, Клембовский, Балугев и Щербачев – выразили протест против смены главкома.

Получив такую поддержку, Корнилов отдал приказ атаману Каледину занять Ростов, генералу Драгомирову – Киев, Балуюеву – Оршу и Витебск. 1-я Донская дивизия корпуса Крымова уже двигалась из Пскова к Великим Лукам, Уссурийская дивизия – к Ямбургу, «Дикая дивизия» – от станции Дно к Вырице. У станции Антропшино между черкесами и отрядами из Царского Села завязалась перестрелка. И в ночь на 29 августа Милюков написал для «Речи» передовицу, приветствовавшую вступающего в Петроград Корнилова, цели которого якобы «не имеют ничего общего с контрреволюцией»¹¹⁶³.

Чувствуя, что земля буквально уходит из-под ног и его собираются списать, как заезженную клячу, – когда Некрасов сказал, что дело проиграно и ему остается только честно умереть, – Керенский обратился за помощью в ЦИК. И 28 августа ЦИК принял резолюцию о поддержке Временного правительства. Но еще до этого, 27-го, был создан «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». Большевики проголосовали против поддержки Керенского, но в «Комитет» вошли. «Несмотря на то что они были в меньшинстве, – писал Суханов, – совершенно ясно: в военно-революционном комитете гегемония принадлежала большевикам». Такого же мнения придерживаются историки: именно большевики, считает Генрих Иоффе, стали «наиболее активной силой общедемократического фронта, сложившегося снизу»¹¹⁶⁴.

Уже 27-го, как сообщил об этом на заседании ЦИК Григорий Сокольников, они оповестили об опасности заводы, части гарнизона и приняли меры для обороны Петрограда. На предприятиях формировались отряды Красной гвардии, которые инструктировали солдаты-фронтовики. Оружие красногвардейцам безотказно давали воинские склады. На подступах к столице рыли окопы. Днем 28-го, по просьбе Керенского, охрану Зимнего дворца взяли на себя матросы крейсера «Аврора». Любопытно, что когда ЦИК попросил Кронштадт и Выборг прислать надежные воинские части, потребовалось подтверждение просьбы со стороны

большевистского ЦК. И 29-го войска, готовые встретить корниловцев, стали прибывать в Питер.

Навстречу корниловским войскам выехали представители ЦИК и делегации солдат и рабочих. Агитацию вели и местные Советы тех станций и городков, куда вступали конники Крымова. Союз шоферов передал в распоряжение революционного комитета все транспортные средства. Союз железнодорожников – Викжель – попросту перекрыл движение, а телеграфисты взяли под контроль связь. Корниловские эшелоны встали. В частях начались митинги. Отказалась двигаться вперед даже «Дикая дивизия», о которой говорили, что ей «все равно кого резать». Сюда была направлена делегация Мусульманского съезда во главе с внуком Шамиля, Захидом.

Офицеры, ждавшие сигнала в самой столице, не посмели, как говорится, высунуть носа. Казачий полковник Дутов бегал по явкам, квартирам, призывал «выйти на улицу, да за мной, – как он признался позднее сам, – никто не пошел». А полковник Сидорин вместе с офицерским «общаком», полученным от финансистов, сбежал из города.

Не обошлось и без эксцессов. Комендант Выборга генерал Орановский, получив утром 29-го телеграмму о мятеже для сообщения гарнизону, утаил ее. А когда матросы узнали об этом, заявил, что является сторонником Корнилова. Генерала и двух офицеров, не скрывавших своей солидарности с мятежниками, тут же расстреляли. Всего в Выборге самосуду подверглись 11 офицеров. Та же участь постигла и 4 офицеров с линкора «Петропавловск» в Гельсингфорсе, которых команда сочла явными корниловцами.

Корниловские офицеры шли на Петроград для усмирения «быдла». Как в февральские дни Василий Витальевич Шульгин, они были уверены, что «загонят стадо в стойло». В Ставке им говорили, что «это только прогулка». Уже упоминавшийся князь Трубецкой телеграфировал из Ставки в МИД, что успех Корнилову обеспечен, ибо в низах «равнодушие, которое готово подчиниться всякому удару хлыста». Наслушавшись этих разговоров, глава английской военной миссии в России генерал

Нокс записал: «Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура – это как раз то, что нужно!» Он даже предоставил корниловцам броневики с английскими экипажами, которые шли на Питер вместе с Крымовым. Но оказалось, что против «быдла» бессильны и господа офицеры, и даже английские броневики.

«Ошибка в оценке настроения масс, – не без ехидства писал позднее Троцкий, – обращала в прах все остальные расчеты. Заговор велся теми кругами, которые ничего не привыкли и умеют делать без низов, без рабочей силы, без пушечного мяса, без денщиков, прислуги, писарей, шоферов, носильщиков, кухарок, прачек, стрелочников, телеграфистов, конюхов, извозчиков. Между тем все эти маленькие человеческие винтики, незаметные, бесчисленные, необходимые, были за Советы и против Корнилова»¹¹⁶⁵.

Уже 30 августа стало ясно, что мятеж потерпел полное поражение. 31 августа застрелился Крымов. Сегодня пишут о загадочности этого поступка. И даже о «масонских кознях», благо Крымов, как и Керенский, принадлежали к российскому масонству. Но вряд ли в этом самоубийстве была «роковая тайна». То, что Керенский оскорбил Крымова, обвинив его в измене, – это бесспорно. А по стародавнему кодексу офицерской чести – если ты не можешь наказать обидчика, то обязан застрелиться сам. В этом, видимо, и заключалась вся – непонятная для нашего времени – «тайна». 2 сентября в Могилеве был арестован Корнилов и другие генералы. Такая же участь могла, видимо, постигнуть и Милюкова, о причастности которого к заговору было хорошо известно. Но по совету Керенского, он немедля уехал в Крым.

Столь детальное описание августовского генеральского путча понадобилось не только потому, что он стал еще одним поворотным событием 1917 года. Но и для того, чтобы понять, что испытывал Владимир Ильич, находясь в Гельсингфорсе и располагая лишь той обрывочной информацией, которую давали газеты. Ибо связь с ЦК так и не заладилась.

Газеты из Питера, как уже говорилось, Ленин получал вечером того же дня. Тут же садился писать. Утром Ровио

передавал корреспонденцию либо почтальону Кэсси Ахмалу, либо машинисту Гуго Ялаве, и менее чем за сутки все это доставлялось в столицу. А дальше... Дальше начинались сбои. И в момент, когда обстановка менялась чуть ли не ежедневно, ленинские статьи появлялись в печати с недельным, а то и декадным запозданием.

26 августа, в день начала мятежа, «Рабочий» печатает его статью «Бумажные резолюции» – отклик на публикацию «Речи» 19-го. 29 августа, в решающий день мятежа, публикуется статья «Из дневника публициста», анализирующая материал «Известий» от 19-го. 30 августа – в день поражения корниловцев – статья «О клеветниках», отвечающая на заметку «Речи» 20 августа. Наконец, его вторая статья «Из дневника публициста» комментирует «Новую жизнь» от 20 августа. В ней Ленин все еще пишет о Корнилове, Каледине, Керенском как об одной команде и о том, что открытое выступление генералов против Временного правительства весьма сомнительно. Эта статья выходит в свет 1 сентября. Легко себе представить, каково было автору читать эти строки...

30 августа ЦК рассмотрел просьбу Зиновьева о его возвращении к регулярной работе. Находясь все еще на квартире Кальске, он давно уже выходил на прогулки в своем районе, к нему приходили жена, товарищи. И Григорию казалось, что ничто не мешает его более активному участию в партийных делах не только в качестве автора статей. ЦК ответил ему, что приложит все усилия, чтобы он стал «возможно ближе к партийной и газетной работе», что будут проведены митинги с требованием освобождения арестованных большевиков и возвращения на свои посты Ленина, Зиновьева и др. Вопрос этот будет поставлен – хотя и не ультимативно, без угрозы выхода – и в «Комитете народной борьбы с контрреволюцией». Но в принципе – и это будет записано на последующем заседании – решили «поднимать дело только об обоих вместе, разделение недопустимо»¹¹⁶⁶.

Слава богу, 30 августа опять приехала Крупская. На сей раз «как-то запоздала, – пишет Надежда Константиновна, – и

решила не заезжать к Емельяновым, а пойти до Олилла самой. В лесу стало темнеть – глубокая осень уже надвигалась, взошла луна. Ноги стали тонуть в песке. Показалось мне, что сбилась я с дороги; я заторопилась. Пришла в Олилла, а поезда нет, пришел лишь через полчаса. Вагон был битком набит солдатами и матросами... Солдаты открыто говорили о восстании. Говорили только о политике. Вагон представлял собой сплошной крайне возбужденный митинг. Никто из посторонних в вагон не заходил. Зашел вначале какой-то штатский, да, послушав солдата, который рассказывал, как они в Выборге бросали в воду офицеров [29 августа. – В.Л.], на первой же станции смылся... Когда я рассказала Ильичу об этих разговорах солдат, лицо его стало задумчивым...»¹¹⁶⁷.

Взаимоотношения с ЦК беспокоили его. Еще раньше он написал Крупской, чтобы она, на всякий случай, без огласки, подыскала для него надежную квартиру в Петрограде. Ведь жил же Зиновьев у Кальске – и ничего... И вот теперь Надежда Константиновна сообщила, что такая квартира в Выборгском районе есть – у ее хорошей знакомой Маргариты Фофановой¹¹⁶⁸.

Надежда Константиновна привезла с собой все шесть номеров газеты «Рабочий», вышедших с 25 по 29 августа. Статьи, опубликованные в них, сняли многие опасения Владимира Ильича. Но он умел читать и между строк. Судя по всему, Ленин уловил, что определенные проблемы во взаимоотношениях с «узким составом ЦК» все-таки имеют место. Те самые, о которых упоминал и Сталин¹¹⁶⁹.

Некоторые из цекистов склонны были считать, что в споре о месте и роли Советов после июльских событий правы все-таки оказались они. Что правы были и москвичи, допускавшие возможность блока с меньшевиками и эсерами, против которого 18 августа в письме в ЦК ополчился Ленин. Но дело в том, что о возможности подобного рода технических соглашений Ленин говорил еще на Апрельской конференции. А в том же письме 18 августа Владимир Ильич подчеркивал, что в случае, если генералы «начнут наступление сейчас против Временного правительства», большевистские части вместе с войсками

Керенского будут сражаться против контрреволюционных сил. Важно лишь при этом не дать возможности Керенскому выставить себя как «спасителя революции». Важно сохранить свою политическую линию.

Именно эти ленинские предложения и легли в основу деятельности партии в дни корниловщины. Поэтому 28 августа большевики проголосовали против резолюции ЦИК о поддержке Керенского. А в директивной телеграмме местным организациям ЦК записал: «Во имя отражения контрреволюции работать в техническом и информационном сотрудничестве с Советом, при полной самостоятельности политической линии».

В бурные времена социальных потрясений ход событий гораздо чаще определяется не партийными решениями, а прямым натиском масс. Именно такой натиск вывел борьбу внутри Советов за прежние рамки. Общая опасность встряхнула Советы. На первый план выступило не умение говорить и сговариваться, а способность к революционному действию.

После июльских дней Ленин написал, что Советы смогут возродиться только в ходе нового революционного подъема. Но это будут «не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней»¹¹⁷⁰. Так оно и случилось. Став во главе революционного отпора корниловщине, Советы вылезали из болота соглашательства и бюрократической рутины. В ходе борьбы в партийных низах, на местах, в возникавших ревкомах и штабкомах и большевики, и меньшевики, и эсеры действительно выступали вместе. И эти обновленные Советы создавали возможность возврата к прежнему лозунгу «Вся власть Советам!».

Все изменилось в считанные дни. И то, что было чревато ошибкой с 4 июля по 27 августа, до разрыва Керенского с Корниловым, теперь становилось вполне возможным и правильным.

Но, сядя 30 августа за письмо в ЦК, Ленин не пытается выяснять, кто и когда был прав, а кто – неправ. Его занимало другое: «Восстание Корнилова, – пишет он, – есть крайне

неожиданный (в такой момент и такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий...»

Он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, «надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность».

Необходимо прежде всего видоизменить «форму нашей борьбы с Керенским». Новую революционную волну породила ярость рабочих и солдат против явных врагов революции. И среди тех, кто еще вчера плелся за соглашателями, немало таких, кто думает, что в этой борьбе и Керенский, и лидеры ЦИК – с ними. Надо дать им возможность на практике проверить «кто есть кто». «...Сейчас свергать Керенского мы не станем», но мы предъявим ему «частичные требования».

Надо требовать от него ареста кадетских лидеров, причастных к мятежу, вооружения рабочих, ввода в столицу революционных войск. Пусть узаконит передачу помещичьих земель крестьянам, рабочий контроль за производством и распределением продовольствия. Разумеется, речь идет не об иллюзорных надеждах на то, что Керенский, наконец, исполнит волю народа. Но отстаивание этих требований, разоблачение шатаний и слабости Керенского, его неспособности решить стоящие перед страной проблемы может привести к такому натиску революционной борьбы и таким событиям, которые поставят у власти большевиков. «Теперь время дела...»

Владимир Ильич пишет: «Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать...»¹¹⁷¹

Вышло именно так. Крупская уехала в Питер 1 сентября. 3 сентября письмо Ленина было зачитано на заседании ЦК. Но никаких решений не принимается, ибо за эти три дня обстановка вновь резко меняется.

31 августа на заседании расширенного состава большевистского ЦК и фракции Петросовета по докладу Каменева принимается резолюция «О власти». Она требует

отстранения от власти представителей кадетской партии и буржуазии вообще, отмены исключительных полномочий Временного правительства и передачи всей власти представителям революционного пролетариата и крестьянства.

Эта власть должна декретировать Демократическую республику. Передать помещичью землю крестьянским комитетам. Ввести рабочий контроль над производством. Национализировать нефтяную, угольную, металлургическую промышленность. Обложить «беспощадным» налогом крупный капитал и имущества. Конфисковать военные прибыли. Отменить смертную казнь и прекратить репрессии против рабочих организаций.

Эта резолюция оглашается на заседании ЦИК, но эсеро-меньшевистское большинство отвергает ее. Тогда в ночь на 1 сентября, впервые с марта 1917 года, большинством в 279 голосов против 115 и 50 воздержавшихся, ее принимает Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В тот же день, 1 сентября, происходит и другое событие. Керенский формирует новое правительство – Директорию, в которую входят: он, Верховский, контр-адмирал Вердеревский, правый меньшевик Никитин и миллионер-сахарозаводчик Терещенко. Обязанности Верховного главнокомандующего Керенский возлагает на себя. Начальником штаба, как это было и при царе, назначается генерал Алексеев. И в этот же день, перехватывая инициативу, Александр Федорович провозглашает Россию – Российской республикой, не создавая при этом никаких органов республиканского правления.

Всю эту информацию Ленин получает вечером 1 сентября уже после отъезда Крупской. И тут же садится за статью, получившую название «О компромиссах». В постскриптуме к ней Владимир Ильич отмечает: «Предыдущие строки написаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день»¹¹⁷².

Когда Крупская рассказывала Ленину о том, как в вагоне солдаты толковали о расправе над офицерами и о восстании, она отметила: «Лицо его стало задумчивым, и потом уже, о чем бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица. Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом, о восстании, о том, как лучше его подготовить»¹¹⁷³.

Нет, не об этом думал он. Не о восстании. Здесь Надежда Константиновна не точна. Он думал – и это кажется невероятным – о компромиссе.

Громогласно заявив о том, что Директории принадлежит вся полнота власти, Керенский блефовал. С поражением корниловщины и уходом из правительства кадетов он лишился главной опоры. Поэтому, когда Керенский приказал закрыть большевистскую газету «Рабочий» и газету меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь», ЦИК 31 августа послал в обе редакции вооруженных матросов. Под их охраной вместо «Рабочего» стал выпускаться «Рабочий путь», а «Новая жизнь», выходявшая после июльского закрытия как «Свободная жизнь», вернулась к прежнему названию.

Когда же Керенский потребовал немедленного роспуска «самочинных комитетов», то Комитет народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК ответил, что и он, и все ревкомы и штабкомы на местах, «ввиду продолжающегося тревожного состояния будут работать с той же энергией и выдержкой...»¹¹⁷⁴. Было очевидно, что на ЦИК давит общее настроение, господствовавшее в Советах, а также левые эсеры и левые меньшевики, число которых непрерывно росло. Это были явные признаки того, что с новой революционной волной вновь возникала возможность мирного перехода власти к Советам.

Вот о чем думал Ленин. «Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клеветущей на большевиков печатью, – пишет он, – состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда... Такое представление не соответствует истине». Надо отдавать себе отчет в том, рассуждает Владимир Ильич, что немирный, насильственный приход к власти связан с

неизбежными жертвами. Мало того, он «означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития...». Поэтому если есть хоть «один маленький шанс» – «если есть даже один шанс из ста» на возможность мирного пути, – им необходимо воспользоваться.

«Только во имя этого мирного развития революции, – пишет Ленин, – возможности, крайне редкой в истории и крайне ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики... могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс».

Его суть: пусть меньшевики и эсеры сами формируют правительство, ответственное только перед Советом, и передают Советам всю власть на местах. Большевики не входят в это правительство и отказываются «от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование». «Нам бояться, – пишет Ленин, – при действительной демократии нечего, ибо жизнь за нас...» Но такого рода компромисс обеспечил бы «мирное движение революции вперед, мирное изживание партийной борьбы внутри Советов».

В ожидании оказии эта статья, более похожая, впрочем, на новое письмо в ЦК, лежит еще два дня. 2 сентября объединенный пленум ЦИК принимает резолюцию о поддержке Директории. И 3 сентября Ленин пишет в постскрипуме: «...По прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, уже миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: "Запоздалые мысли"... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно»¹¹⁷⁵.

Глава 4

«Кризис назрел»

«Грозящая катастрофа»

В середине августа Ленин узнал, что в ЦК ведутся разговоры о необходимости созыва экстренного съезда партии, но не в обычном формате, а в более узком составе – по типу того «Малого съезда», который был апробирован в дни VI съезда. Узнал он и о том, что 3 сентября на пленуме ЦК с докладами об оценке текущего момента должны были выступить Каменев и Сталин, об Учредительном собрании – Милютин, от Оргбюро – Свердлов, от Литературной коллегии – Сокольников и т. д.

1 сентября Крупская увезла в Питер, помимо письма в ЦК, о котором шла речь в предыдущей главе, еще ряд документов: о поддержке идеи созыва экстренного «узкого съезда» в начале октября; о программе партии; об отношении к Стокгольмской конференции и др. Но главное, Крупская доставила в ЦК «Проект резолюции о современном политическом моменте»¹¹⁷⁶.

Однако свое понимание момента, в ряде пунктов вполне созвучное с ленинским, ЦК к этому времени уже выработал. И уже упоминавшаяся резолюция Каменева «О власти» была принята Петросоветом. В ней, правда, не было требования о передаче всей власти Советам, а говорилось лишь о формировании правительства «из представителей революционного пролетариата и крестьянства». Не было в ней и требования о немедленной передаче земли крестьянам, не дожидаясь Учредительного собрания. Указывалось лишь на необходимость ее передачи «в заведывание крестьянских комитетов впредь до решения Учредительного собрания».

Так или иначе, но ни дискуссии, ни пленума ЦК проводить не стали, а 3 сентября опять ограничились текущим заседанием «узкого состава». На нем без всяких комментариев зачитали письмо Ленина. Что же касается ленинского «Проекта

резолуции...», то в протоколе он вообще упомянут не был. Так что когда чуть позже Владимир Ильич напишет, что в факте оставления его писем «без ответа» он усматривает «тонкий намек на зажимание рта», это не будет слишком большим преувеличением¹¹⁷⁷.

Для тех, кто действительно интересуется взглядами Ленина на революционный процесс, а не теми ужасно учеными трудами, в которых о нем пишут как об «организаторе Октябрьской революции», указанный проект резолюции крайне важен.

Всю свою жизнь Владимир Ильич утверждал, что революцию нельзя «сделать». Ее нельзя совершить по воле какого-либо класса, по желанию каких-либо радикальных партий, а уж тем более их вождей. Революции вырастают лишь из общенациональных кризисов, приводящих в движение народные массы, которые в конечном счете и решают исход событий.

Вот и в проекте этой резолюции – уже после разгрома Корнилова, после ускорившегося процесса большевизации Советов и армии, – Ленин пишет: «События в русской революции... развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их... Главная задача партии и теперь: разъяснять массам, что положение страшно критическое, что всякое выступление может окончиться взрывом, что поэтому преждевременное восстание способно принести величайший вред».

Владимир Ленин в парике перед отъездом в Финляндию.
Лето 1917 года

Необходимо избавиться от иллюзий, будто все зависит от намерений партии. В июльские дни большевики поступили правильно, поддержав стихийное выступление солдат и рабочих. В противном случае, отмечает Ленин, это стало бы «полной изменой пролетариату». Партия поступила правильно, не

выставив при этом «ни письменно, ни устно лозунга захвата власти...». Однако партия совершила ошибку, посчитав «общенародное положение менее революционным, чем оно оказалось...». Именно поэтому ей и не удалось удержать стихийное движение в мирных рамках.

Вот и теперь «все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы». Потому что «критическое положение неизбежно подводит рабочий класс – и, может быть, с катастрофической быстротой – к тому, что он в силу поворота событий, от него не зависящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой с контрреволюционной буржуазией и завоевать власть»¹¹⁷⁸.

В статье «Один из коренных вопросов революции», написанной в эти же дни, Ленин отмечает, что «лозунг “власть Советам” очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно... “Министерство из партий советского большинства” – это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти...». Но это будет лишь «самообман и обман народа», ибо такой аппарат, «даже при условии полнейшей добросовестности» министров-социалистов, на революционные преобразования «абсолютно неспособен». Поэтому «либо вся власть Советам и в центре и на местах, вся земля крестьянам тотчас», либо «доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания»¹¹⁷⁹. Цитировать Пушкина относительно русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», Владимир Ильич на сей раз не стал.

Угроза катастрофы действительно нарастала. И сентябрь 1917 года стал месяцем, определившим весь дальнейший ход русской революции.

Прежде всего по-новому встал вопрос о войне. Даже при той относительно слабой активности боевых действий, которая была характерна для Восточного фронта в 1917 году, Россия, по самым

неполным официальным данным, потеряла за год убитыми, ранеными, отравленными газами, контуженными и пленными 1 миллион 195 тысяч 737 человек. И, как уже отмечалось выше, все эти месяцы, пока в верхах шли бесконечные словопрения, съезды и конференции, манифестации и митинги, каждый день хоронили солдат, в тыл шли эшелоны с калеками, а жены и дети защитников отечества становились вдовами и сиротами¹¹⁸⁰.

А на позициях не хватало уже не только артиллерии, снарядов и прочих боеприпасов. Не хватало одежды и продовольствия. Холодную осень 1917 года солдаты встретили без теплого белья и обуви. Из 13-го корпуса Западного фронта писали: «Шинели носим по три года и все тертые-перетертые». Штаны и гимнастерки штопанные-перештопанные, а «сапог-то и вовсе нет». И словно в издевательство, солдатам, стоявшим в окопах по колено в воде, военное ведомство прислало миллион пар лаптей. А запасные полки часто не отправлялись на фронт именно потому, что, помимо нехватки оружия, их просто «не во что одеть и обуть».

Еще хуже обстояло дело с питанием. Потребности фронта в продовольствии удовлетворялись менее чем наполовину. Министерство продовольствия прямо заявляло, что из 9 миллионов фронтовиков оно сможет прокормить лишь 7. Генерал Брусилов признавал, что «армии грозит голодовка». А «голодный солдат, – резюмировал генерал Алексеев, – плохой боец». Надо ли удивляться тому, что к осени 1917 года, помимо 2 миллионов дезертиров, русская армия недосчитывала и более 2 миллионов больных¹¹⁸¹.

Поражение 3-й армии Западного фронта на реке Стоход в марте. Неудача наступления на Кавказском фронте в апреле. Разгром под Тарнополем в июле. Позорная сдача Риги в августе. Отступление 28-го корпуса на Северном фронте и утрата плацдарма на левом берегу Двины в начале сентября... Все это безжалостно свидетельствовало о том, что российская армия держать фронт уже не может.

Многочисленные солдатские резолюции, поступавшие с фронта, прямо предупреждали об этом. И 21 сентября, выступая

на заседании Петросовета, беспартийный офицер-фронтовик Дубасов твердо заявил: «Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут!» Солдат-окопник выразился еще определенней: нужен немедленный мир, причем любой, пусть даже «какой-нибудь похабный». Этот «похабный мир» станет исторической реальностью позже. А тогда, в сентябре, фронтовики не скрывали своих намерений: армия воевать больше не хочет и готова броситься в тыл, чтобы «уничтожить тех паразитов, которые собираются воевать еще 10 лет»¹¹⁸².

Ситуацию трезво оценивало и командование. Даже такой решительный офицер, как командир 60-го пехотного полка Румфронта Михаил Гордеевич Дроздовский, был уверен, что «возлагать какие-либо серьезные надежды на современную нашу армию – наивная мечта». А Александр Иванович Верховский, приняв пост военного министра и побывав в Ставке, записал в своем дневнике: «Армия воевать не хочет, и слышатся даже требования заключить мир во что бы то ни стало... Бóльшая часть армии воевать не будет, чем бы это ни грозило народу»¹¹⁸³.

Спустя три года Николай Дмитриевич Авксентьев, по оценке члена ЦК эсеров Быховского, – «самый правый оборонец среди эсеров», писал: «Триста лет проклятого рабства, подъяремного безгражданственного подданничества превратили в человеческую пыль то, что должно было быть нацией... И когда пало внешнее принуждение, когда исчез гипноз власти, то естественной усталости от войны, ее ужасов, крови, естественному страху смерти... ничего нельзя было противопоставить. И каким беспомощным ужасом сжималось сердце, когда впервые привезли с фронта безумные слова: "Мы хотим мира – хотя бы и похабного"..."»¹¹⁸⁴.

Вся либеральная пресса сетовала на «эгоизм» и «шкурничество» солдат, на отсутствие у них «патриотизма» и «энтузиазма». Вечная история: стремление «власть имущих» сохранить власть, собственность, доходы – это высокое, благородное чувство и забота о благе родины. А вот желание сохранить свою жизнь тех, кто гниет в окопе под пулями в

голоде и холоде, – это «шкурничество» и «эгоизм». И пресса ставила русским солдатам в укор Французскую революцию, где поведение солдат было совершенно иным.

Ленин ответил: «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792–1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными». Французы тогда не только смели монархию и дали землю крестьянам. Они объявили беспощадную войну всему реакционному и в экономике, и в политике, «переродив, обновив» страну. Вот почему весь народ был охвачен «безграничным революционным энтузиазмом; войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой...

А в России? – продолжает Ленин... – Война остается несправедливой, реакционной, захватной... Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну!.. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования»¹¹⁸⁵. А если уж вспоминать Великую французскую революцию, то не лучше ли вспомнить, как она решила вопрос о снабжении продовольствием и обмундированием своей армии: она конфисковала продовольственные запасы, теплые белье и обувь у богатых, но не позволила своим солдатам голодать и мерзнуть на фронте.

Ослабление Восточного фронта крайне беспокоило союзников. Один из их представителей при могилевской Ставке прямо намекнул генералу Алексееву, что в конце концов «союзникам можно было бы договориться с германцами на почве дележа русской территории». Намек скорее походил на шантаж. Но наиболее существенным стало даже не это. Ближайший сотрудник президента Вильсона полковник Эдвард Хаус, оказывавший большое влияние на европейскую политику США, записал в своем дневнике, что даже в случае победы над Германией, при послевоенном устройстве и дележе добычи, «японцы, русские, итальянцы выкинуты из английских,

французских и американских расчетов». Так что ни в беде, ни в славе полагаться на союзников уже не приходилось¹¹⁸⁶.

Что же касается русской армии, то прав был Деникин: не в большевистской агитации крылись причины развала русской армии в 1917 году. «Своего рода естественной пропагандой, – писал Антон Иванович, – служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта»¹¹⁸⁷.

Состояние тыла, всего народного хозяйства страны требовало безотлагательных, революционных мер. «России, – пишет Ленин 10 сентября, – грозит неминуемая катастрофа... Об этом говорилось уже во всех газетах бесчисленное количество раз. Неимоверное количество резолюций принято и партиями, и Советами... Резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы "героические усилия" народа для предотвращения гибели... Все это говорят. Все это признают... И ничего не делается»¹¹⁸⁸.

Причина крылась в самой сути российских буржуазных отношений. Один из редакторов «Новой жизни», известный экономист Владимир Александрович Базаров (Руднев) писал: «Война и вызванная ею экономическая и финансовая разруха создали такое положение вещей, при котором частный интерес частного предпринимателя направлен не к укреплению и развитию производительных сил страны, а к их разрушению. В настоящее время выгоднее – в ожидании повышения цен – держать в бездействии материальные составные части капитала, нежели пускать их в оборот; выгоднее производить на самых разорительных для страны условиях никуда не годные предметы военного снабжения, нежели добросовестно обслуживать насущные потребности народных масс... Можно ли удивляться, что так называемое "народное хозяйство" превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?..»

И Ленин комментирует: «Ни один добросовестный человек не решится отрицать того, что В. Базаров говорит сущую правду.

“Вакханалия мародерства” – нет иного слова для поведения капиталистов во время войны»¹¹⁸⁹.

Но существовали ли такие меры, которые могли бы предотвратить катастрофу? Да, существовали – государственный контроль и регулирование производства. И Ленин вновь и вновь повторяет то, о чем он писал еще в «Апрельских тезисах»: «Все воюющие государства, испытывая – в той или иной мере – разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали целый ряд мер контроля... Такие меры контроля общеизвестны, о них много говорено и много писано...»¹¹⁹⁰.

Парадокс состоял в том, что необходимость государственного регулирования производства в России признавали не только большевики, но и меньшевики и эсеры, и даже сам Керенский. «Как страны Антанты, так и Германия, – говорил он, – в войне сразу же встали на путь строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни своих стран. Экономическая же деятельность России велась довольно кустарно, и в военных и хозяйственных мероприятиях России отсутствовала жизненно необходимая планомерность и рacionamento при учете и распределении экономических ресурсов». Поэтому перед Экономическим советом при Временном правительстве еще 21 июля поставили задачу: «выработать новые начала экономической политики»¹¹⁹¹.

Однако стремление переложить тяготы войны на плечи народа, боязнь «потеснить» капиталистов и помещиков, попытки решить проблему бюрократическими методами свели все правительственное «регулирование» к нулю. И 7 сентября ЦИК констатировал «полную бездеятельность образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни». Всякие попытки, как выразился Ленин, «вливать новое вино в старые мехи» старого чиновничьего аппарата были бесплодны¹¹⁹².

Правительству не удалось сдвинуть с места и решение продовольственной проблемы. Снабжение и армии, и населения

непрерывно ухудшалось. Причина оставалась все той же, что и накануне Февраля: крестьяне не хотели отдавать хлеб за обесцененные деньги. В августе, на заседании правительства министр Пешехонов прямо заявил, что продовольственное положение «критическое вследствие отказа населения продавать хлеб».

Отовсюду шли сообщения, что «крестьяне в деревне не имели ни сох, ни борон, ни лопат, даже не могли достать в городе на рубашки ситца и обуви». Крестьянские съезды и комитеты телеграфировали в министерство, что твердые цены на хлеб, установленные правительством, находятся «в резком противоречии с ценами на предметы крестьянского обихода»¹¹⁹³.

Проанализировав подобного рода сообщения прессы, Ленин резюмирует: «Крестьяне отказываются давать хлеб за деньги и требуют орудия, обувь и одежду. В этом решении заключается громадная доля чрезвычайно глубокой истины. Действительно, страна пришла к такой разрухе, что в России наблюдается, хотя и в менее сильной степени, то, что в других странах давно уже имеется: деньги потеряли свою силу... Крестьяне, например, денег не берут. Они говорят: "Зачем нам деньги?" И они правы»¹¹⁹⁴.

Реакция госаппарата на все эти импульсы, исходившие из реальной жизни, была однозначна. Обострился дефицит сельхозинвентаря? – И отдел снабжения данной продукцией в министерстве продовольствия учреждает вместо двух – пять подотделов. Не хватает запчастей для ремонта техники? – Создается специальный подотдел по ремонту. На селе не хватает бумаги, мыла и керосина? – Сразу же возникают три соответствующих подотдела, каждый из которых делится на несколько делопроизводств.

Александр Васильевич Пешехонов был человеком опытным. Он увеличил объем хлебной разверстки по губерниям. Мясную разверстку распространили с 35 на 47 губерний. Увеличили импорт скота, мяса и рыбы из-за границы. Одновременно он пытается изыскать товары, необходимые для прямого товарообмена. Через правительство проводится решение о том,

что все ткани, производимые сверх госзаказов для армии, поступают в распоряжение министерства продовольствия. Таким образом госзаказ доводится до 100 %¹¹⁹⁵.

Но все эти меры наталкиваются на жесткое сопротивление. В августе, на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде, где хлебная монополия и попытки государственного регулирования текстильного производства подверглись острой критике, Павел Павлович Рябушинский заявил, что государственные монополии в том виде, в каком они осуществляются, «окончательно разрушат торговый аппарат... Наша власть будет только тогда истинной властью, когда она будет мыслить буржуазно и действовать буржуазно... Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились».

На правительство стали оказывать усиленное давление, чтобы оно решило проблему «рыночными» методами – резко увеличило закупочные цены. Выступая 21 августа на заседании Временного правительства, Пешехонов ответил: «Твердые цены, вызывающие столько нареканий, необходимо сохранить из экономических и финансовых соображений. Повышение их до рыночного уровня привело бы к дальнейшему обесцениванию бумажных денег и вызвало бы дальнейшее вздорожание прочих предметов жизни». Александр Васильевич добавил: легко себе «представить, сколько миллиардов переплатило бы население, если бы дело заготовки было отдано в руки торгово-промышленного класса».

Но его уже не слушали. 27 августа, в обход Общегосударственного продовольственного комитета и прочих демократических организаций, правительство удвоило «твердые» цены на закупки хлеба. 31 августа Пешехонов ушел в отставку. «Как известно, – писал Ленин, – Пешехонов – народник самый, самый умеренный. Но по организации продовольственного дела он хотел работать добросовестно... Тем интереснее опыт работы Пешехонова и уход его, что этот умереннейший народник... готовый идти на какие угодно

компромиссы с буржуазией, все же оказался вынужденным уйти!»¹¹⁹⁶

Для увеличения денежной массы, необходимой в связи с ростом дороговизны, решено было с сентября приступить к печатанию новых денежных знаков, ибо изготовление «николаевских» купюр уже не окупало их реальной стоимости. Но новые деньги – «керенки» – сразу же стали предметом всеобщих насмешек. На них не было даже казначейского номера – атрибута любой мало-мальски серьезной денежной единицы. И решать проблемы экономики с помощью такой «валюты» стало еще сложнее.

Новым министром продовольствия стал видный кооператор, бывший социал-демократ-«экономист», бывший член ЦК партии кадетов, а теперь – совсем правый меньшевик Сергей Николаевич Прокопович.

Выводы из опыта предшественника были сделаны сразу. 3 сентября госзаказ текстильным магнатам снизили до 60 процентов, и министерство публично заявило, что «в основе экономической жизни капиталистический строй сохраняется, будет предпринимательство, будет частный торговый аппарат». И сразу же, в № 4 «Известий Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов», Прокопович удостоился «поцелуя»: «По-видимому, новый министр пришел к заключению, что без торгового аппарата государству не обойтись. Будем надеяться, что полное отрезвление придет, что оно коснется и промышленности».

Однако все то, что вызывало восторг у олигархов, встречало яростное сопротивление у населения. Не говоря уже о горожанах, основная масса крестьянства – бедняки и середняки – к «хлебодержателям» не принадлежали. Им самим приходилось докупать хлеб. Поэтому, как писал 5 сентября «Русский листок», от удвоения цен выиграли исключительно «попридержавшие хлеб богатеи». Многочисленные крестьянские сходы требуют возврата к прежним ценам, ибо их повышение «есть ничем не оправданное и незаслуженное благодеяние по отношению к крупным землевладельцам и многоземельным крестьянам, ущерб

общегосударственным интересам и всего малоимущего населения». Да и сами местные продовольственные комитеты телеграфируют о том, что повышение цен «не имело никаких реальных оснований» и является лишь «способом дальнейшего обогащения господ капиталистов и кулаков»¹¹⁹⁷.

Главное же – увеличение цен не привело к росту продовольственных закупок. Наоборот, если в августе для армии заготовили лишь 28 процентов запланированного количества хлеба, а для населения 40–43, то в сентябре фронтовые части получают еще меньше – 26 процентов, а тыловые гарнизоны, по признанию министра Верховского, полностью истощили запасы.

По всем расчетам, при постоянных срывах подвоза продовольствия города уже должны были голодать. Но, как известно, «дурная экономика» всегда вырабатывает и свои механизмы, компенсирующие дефицит. Такими компенсаторами стали «мешочничество», «черный рынок» и частные хлеботорговые кампании, допущенные правительством к реализации государственной монополии на хлеб, которые фактически и развалили эту монополию.

Продовольственная ситуация, отмечает Ленин, воспринималась населением особенно остро и потому, что даже при наличии одинаковых карточек слишком кричащим был разрыв между снабжением солдат, городской бедноты и людей состоятельных, которые успешно пополняли свой рацион за счет «черного рынка».

О принесении добровольных жертв «на алтарь отечества», о «напряжении сил всей нации», преодолении «мелкого эгоизма и шкурничества», необходимости претерпеть все тяготы и лишения ради «общего дела» лицемерно писала вся большая пресса во всех воюющих странах. Но как только речь заходила о «меню», тут уж дорожки расходились – кому в «хвосты» продовольственных лавок за скудным пайком, а кому – в шикарные рестораны. Впрочем, «откушать», да еще при хорошей кухарке, можно было и дома.

В России, пишет Владимир Ильич, «особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение,

озлобление и возмущение масс, что легкость обхода "хлебных карточек" богатыми все видят. Легкость эта особенно велика. "Под полой" и за особенно высокую цену, особенно "п р и с в я з я х" (которые есть только у богатых), достают все и помногу. Голодает народ». И разве в таких экстремальных условиях, грозящих катастрофой стране, спрашивает Ленин, не было бы справедливым равное распределение тягот и лишений на всех и установление «контроля за богатыми, в смысле возложения на них, лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, бóльших тягот в военное время»¹¹⁹⁸.

Но и помещики, и кулаки, и хлеботорговцы «делиться» не собирались и ждали теперь нового повышения цен, а в конце концов и полной «свободы хлебного рынка». Однако Прокопович и его коллеги прекрасно понимали, что при отмене твердых цен и карточек на продукты спекулянты и перекупщики настолько взвинтят их, что даже черный хлеб станет для бедноты предметом роскоши. В ситуации 1917 года этого никто не стал бы терпеть и недели. Голодные бунты и погромы продовольственных лавок, прокатившиеся в сентябре по городам России, стали тому свидетельством¹¹⁹⁹.

Пойдя на уступки текстильным и прочим магнатам, сократив госзаказ на предметы народного потребления, Временное правительство лишило себя возможности решать продовольственную проблему экономическими методами. Общая стоимость предметов первой необходимости – тканей, керосина, инвентаря, находившихся в распоряжении министерства Прокоповича, исчислялась в 2,07 млрд рублей, а цена необходимых закупок равнялась 9,3 млрд. И печатный орган деловых людей «Известия советов съездов мукомолов» (№ 2) резюмировал: «Купить за 3 миллиарда 9 миллиардов невозможно». Стало быть, хочешь – не хочешь, оставались лишь меры внеэкономические, т. е. принуждение и насилие.

Еще в августе, накануне отставки, Пешехонов отправил на места телеграмму, предписывающую «в случае нежелания населения давать хлеб применять меры принудительного

характера, в том числе и вооруженную силу». С приходом на пост министра Прокоповича использование в этих целях армии становится политикой. И в сентябрьском отчете министерство утверждало, что «система принудительного отчуждения хлеба в порядке военного вмешательства продолжает быть самым действенным способом осуществления хлебной монополии».

Воинские «продотряды», сформированные из фронтовых и тыловых частей, деревня встретила буквально «в штыки». Из Кременчуга сообщали, что крестьяне «постановили всем миром объявить хлебную войну». В Самарской губернии заявили, что «только через наши трупы возьмете хлеб». По данным министерства, и в других губерниях «крестьяне заявляли, что на реквизицию хлеба они ответят вооруженным сопротивлением». И в некоторых местах дело действительно доходило до перестрелок¹²⁰⁰.

Попытка разговаривать с деревней языком силы, а главное – затяжка решения вопроса о земле, привели, как и следовало ожидать, к достаточно «свирепому крестьянскому восстанию». Начало положила Тамбовская губерния, где с 7 сентября в Козловском уезде начался погром помещичьих хозяйств. Стихия «черного передела» захлестнула деревню. Восстание распространилось на Кирсановский, Борисоглебский, Уманский, Лебедянский уезды. За считанные дни сожгли свыше ста имений. Были убитые и раненые.

Уже 9 сентября сюда прибыла кавалерия, затем карательный отряд казаков и юнкеров из Москвы. Более полутора тысяч крестьян арестовали. Но восстание не утихало, а перекинулось в соседнюю Рязанскую губернию, где в Раненбургском, Ряжском, Данковском, Скопинском уездах также начались разгромы помещичьих имений и захват земли, скота, инвентаря. И здесь прибывшие карательные отряды не смогли умиротворить деревни, а солдаты местных гарнизонов попросту отказывались усмирять крестьян.

Антипомещичьи выступления приобрели широкий размах в Орловской, Воронежской, Курской, Тульской губерниях, в Поволжье, на Украине. «Аграрное движение, – доносил

губернский комиссар из Бессарабии, – приобрело массовый характер... Захватывают казенные, церковные и частновладельческие земли... Малейшее противодействие захватному движению влечет насильственные действия».

Пензенский крестьянин Бегишев вспоминал: «В сентябре все поехали громить Логвина (его громили еще в 1905 году). К имению и от него тянулась вереница упряжек, сотни мужиков и баб стали угонять и увозить скот, хлеб и пр. Вытребованный Земской управой отряд пытался отбить кое-что из захваченного, но баб и мужиков собралось к волости около 500 человек, и отряд разъехался». А крестьянин Гапоненко из Таврической губернии рассказывал: «Крестьяне стали громить экономии, разгонять заведывающих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, мертвый инвентарь... Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались»¹²⁰¹.

Вся большая пресса вновь, как и весной 1917 года, писала о сожженных дворцах, библиотеках и коллекциях картин, о вырубке старинных парков, садов и ставила все это в один ряд с уголовщиной и общим разгулом преступности в стране. Рост преступности действительно вызывал всеобщее беспокойство. В городах вечерами люди боялись выходить на улицу, а жильцы домов организовывали свою «самооборону» против грабителей. Временное правительство оказалось совершенно неспособным справиться с хулиганами и бандитами. Но ставить в один ряд безнаказанную уголовщину и крестьянскую борьбу за землю против помещиков, а тем более винить во всем большевиков, могли только люди заведомо недобросовестные.

Ленин еще в апреле писал о необходимости предотвращения разгромов и «абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.». Но у крестьян была своя «правда». Подмосковный крестьянин Кузьмичев объяснял: «Помещик был наш, мы ему работали, и достояние, бывшее у него, нам одним должно достаться». Когда-то барин говорил своим крепостным: «Вы – мои, и все ваше – мое». Вот теперь мужики и откликнулись: «Барин наш, и все добро наше»¹²⁰².

«Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – спрашивал поэт Александр Блок, имение которого, с прекрасной библиотекой, также было разгромлено в это время. – Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью.

Все так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают... Но ведь за прошлое – отвечаем мы? Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов?»¹²⁰³

Предотвратить этот взрыв вековой мести и «неотмщенных обид», остановить поджоги и погромы могли не войско и казаки, на которых уповали и помещики, и «почти социалистическое» правительство Керенского, а лишь одно: немедленная передача земли крестьянам. Это могло бы помочь и решению продовольственной проблемы, ибо безвозмездная передача земли стала бы для крестьян «задатком», залогом того, что государство в очередной раз их не обманет.

И само крестьянское восстание блестяще это доказало. 13 сентября тамбовские эсеры, преобладавшие в местных Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, выпустили от имени исполкомов губернских Советов, прокурора и губернского комиссара Временного правительства «Распоряжение № 3». Осуждая погромы как «безумное преступление» и «бессовестный грабёж», они призвали все волостные земельные и продовольственные комитеты немедленно «взять в свое ведение» частновладельческие земли и имения и, «соблюдая спокойствие, ждать Учредительного собрания».

Но в этом официальном документе крестьяне усмотрели лишь то, что им хотелось видеть. Как писала «Козловская газета», – «мужик... понял распоряжение № 3 как распоряжение о "черном переделе"». И они тут же приступили к делу: помещики и управляющие, как правило, изгонялись. Земля и имущество тщательно описывались, а нередко и сразу же

распределялись. Преимущество предоставлялось семьям солдат и бедняков. Погромы усадеб сошли на нет, ибо «свое» мужики уже не портили и не уничтожали. Мало того, перепуганные помещики начали массовый вывоз зерна на железнодорожные станции для продажи государству в порядке выполнения хлебной разверстки. Иными словами, как только речь действительно зашла о переходе земли к крестьянам, жажда мести и свирепые бунты затихали.

Однако такой способ предотвращения «беспорядков» и решения земельной и продовольственной проблем, дававший правительству явную отсрочку, оказался для него неприемлемым. По настоянию «Союза земельных собственников», т. е. помещиков, действие «Распоряжения № 3» было приостановлено, а его составители, несмотря на их заверения в полной лояльности, преданы суду¹²⁰⁴.

То есть происходило именно то, о чем писал и предупреждал Ленин. Не желая «потеснить» буржуазию и помещиков, правительство затягивало решение самых главных и больных вопросов: о войне и мире, о хлебе и о земле. Ссылаясь на высокие «общегосударственные интересы», оно на деле лишь разжигало конфронтацию и еще более обостряло внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Собственно говоря, и само государство, сама Российская империя стали трещать по этно-национальным швам. Этот треск был слышен и в годы Первой русской революции. Но теперь появились явные признаки распада.

Началось с российских территорий, занятых германскими войсками. Еще 5 ноября 1916 года оккупационные власти, поддержанные определенными кругами польской буржуазии, санкционировали создание «Польского государства». И легионеры Пилсудского сражались против России на стороне немцев. В марте 1917 года Петросовет, а позднее и Временное правительство признали за Польшей право на создание суверенного государства. Керенский разрешил сформировать на русском фронте сначала польский уланский полк, а затем и

Первый польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого.

Но даже те польские политические круги, которые ориентировались на Антанту, постарались дистанцироваться от России. И когда в августе в Париже стал функционировать «Польский национальный комитет», Англия и Франция, не оглядываясь на Россию, признали за ним право на официальное представительство польского народа.

В июне 1917 года в Петрограде Всероссийский Литовский сейм провозгласил образование независимого государства. Временное правительство не отреагировало на это заявление. И Литва получила свою «государственность» из рук немцев, когда в сентябре на оккупированной территории собрался «Национальный Совет» (Тариба) и сформировал свое правительство. После взятия Риги на занятой германскими войсками части Латвии стали конструировать столь же «независимое» «Герцогство Курляндское».

Громогласные мартовские декларации Временного правительства и особенно ЦИК Советов о «новой свободной России» пробудили надежды у финнов на возврат их прежней государственной автономии. Эта автономия с ее конституцией и всеобщим избирательным правом была для монархистов и националистов, как говорится, бельмом в глазу, дурным примером для других «иностранцев», которые, по мнению черносотенца Маркова 2-го, и так «совсем обнаглели».

С трибуны Государственной думы он и его коллега Пуришкевич призывали это «разжиревшее на русских хлебах Княжество Финляндское сделать таким же украшением русской короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское и Новгородская пятина». Пора, наконец, и на чухонцев натянуть «смирительную рубашку». Это и было сделано законом 17 июня 1910 года, который фактически «уничтожал автономию Финляндии, а финляндский сейм превращал в обычное губернское земское собрание». «Finis Finlandiae!» – конец Финляндии! – с восторгом воскликнул Пуришкевич, когда данный законопроект был принят¹²⁰⁵.

После Февральской революции финны сразу поставили вопрос о возврате им прежнего статуса. Однако назначенный в марте министром по делам Финляндии, один из кадетских лидеров, Федор Измайлович Родичев всячески препятствовал этому. Тогда 5 июля, после выхода кадетов из правительства, финляндский сейм, в котором преобладали социал-демократы, принял закон о правах, восстанавливающий автономию. Керенский был в ярости. Когда 11 июля к нему явилась делегация финнов во главе с сенатором Карлом Энкелем, Александр Федорович заявил, что распускает сейм и назначает новые выборы. 18-го сейм закрыли. Социал-демократы, державшиеся всегда лояльно по отношению к российским властям, попробовали не подчиниться. И 15 августа двинулись к парламенту. Но русские драгуны, выставленные у здания сейма, быстро охладили их пыл, и депутаты мирно разошлись.

Прибывший в Гельсингфорс в самом начале сентября Николай Виссарионович Некрасов – в июле заместитель министра-председателя, а теперь назначенный генерал-губернатором Финляндии, заявил, что надеется «встретить со стороны ответственных финляндских кругов лояльное отношение к законным правам и интересам российской государственности»¹²⁰⁶. Однако, вопреки запрету, заручившись поддержкой Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, председателем которого стал Ивар Смилга, социал-демократы заняли помещение сейма. Но «законопослушность» все-таки одержала верх. Закон о власти они принять не рискнули и, ограничившись резолюцией протеста, вновь разошлись по домам.

На состоявшихся новых выборах это не прошло им даром. Обойдя социалистов на 9 мандатов, победу одержали правые во главе с вернувшимся из сибирской ссылки Пэром Эдвином Свинхувудом. И теперь уже стало очевидным, что удержать Финляндию в рамках прежней автономии не удастся. Свинхувуд был готов согласиться даже на немецкий протекторат, лишь бы дистанцироваться от революционной России.

Прежние военно-полицейские и чиновно-бюрократические скрепы, удерживавшие регионы и национальные окраины империи, не выдерживали. И повсюду стали возникать организации, претендовавшие на представительство тех или иных народов и конфессий.

4 марта в Киеве была создана Центральная рада (УЦР), возглавившая украинское национальное движение. Ее председателем избрали близкого прежде к кадетам, а затем перешедшего к украинским эсерам профессора-историка Михаила Сергеевича Грушевского. 5–7 апреля на Украинском национальном конгрессе он возглавил и Исполнительный комитет УЦР – Малую раду. Грушевский был убежден, что настало время «создать украинское народовластие и государственное право Украины». А начинать решили с создания собственной армии, и уже в мае военный комитет Симона Петлюры при УЦР приступил к формированию полка имени Богдана Хмельницкого в Киеве, а затем полка имени гетмана Павла Полуботка.

Но Временное правительство выступило против «украинизации» армии, и Керенский даже отказался принять киевскую делегацию, прибывшую 12 мая в Петроград. В ЦИК Советов против «украинских домогательств» выступил Чхеидзе, а кадеты просто заклеили их как «еще одно звено германского плана разложения России».

Ответом стал Первый Универсал об автономии Украины, торжественно провозглашенный в Киеве 12 июня: русское правительство «отклонило все наши требования, оттолкнуло протянутую руку украинского народа», и теперь украинцы «сами будут творцами своей жизни». И 23 июня на пленуме УЦР Грушевский формирует первое украинское правительство – Генеральный секретариат – во главе с лидером украинских с.-д. (УСДРП) Владимиром Винниченко. Петлюра возглавляет комиссариат по военным делам.

29 июня в Киев прибыла делегация: Керенский, Терещенко, Некрасов и Церетели. Сошлись на достаточно неопределенной формуле: «Украина в союзе с другими народами Европы в

федеративной республике Российской». Так или иначе, но автономия Украины со своим законодательным (УЦР) и исполнительным (Генсекретариат) органами фактически была признана, что и зафиксировал 3 июля Второй Универсал. Это, впрочем, нисколько не помешало тому, что 27 июля между русскими кирасирами, несшими караульную службу на станции Киев, и полком Хмельницкого произошла стычка. Началась перестрелка, и украинцы были обезоружены. «Мы вам покажем автономию!» – говорили им кирасиры¹²⁰⁷.

Аналогичные процессы происходили в других регионах. Еще 15 марта, по инициативе депутатов-мусульман IV Думы в Питере было создано Временное центральное бюро российских мусульман, руководителями которого стали адвокаты – меньшевик Ахмед Цаликов и кадет Садретдин Максудов. А 1 мая в Москве состоялся Первый всероссийский мусульманский съезд, 800 делегатов которого представляли мусульманские организации Петрограда, Москвы, Казани, Уфы, Астрахани, Крыма, Баку, Кавказа и Туркестана.

По докладу Цаликова съезд выдвинул требования – гарантировать для мусульман культурно-национальную автономию и превратить Россию в «демократическую республику на национально-федеративных территориальных началах». Для руководства и координации действий мусульман страны избрали Всероссийский центральный мусульманский совет (Милли Шуро), председателем Исполкома которого стал писатель, эсер Гаяз Исхаки.

После июльских событий Милли Шуро поставил вопрос о формировании отдельных мусульманских воинских частей и о введении двух представителей мусульман в состав нового коалиционного Временного правительства. Однако и в том, и в другом им было отказано. Тем не менее, несмотря на запрет, 17 июля в Казани открылся Первый Всероссийский мусульманский военный съезд представителей фронтовых и тыловых частей армии и флота. А 22 июля в той же Казани на объединенном заседании Второго Всероссийского мусульманского съезда, Военного съезда и съезда Всероссийского мусульманского

духовенства торжественно провозгласили «культурно-национальную автономию мусульман Внутренней России и Сибири» и заявили о ее немедленном введении, не дожидаясь Учредительного собрания.

Первый Общекиргизский (Общеказахский) съезд в Оренбурге, проведенный в конце июля, также высказался за автономию и создание самостоятельной партии «Алаш». Один из ее лидеров, член Туркестанского комитета Временного правительства «по устройению киргизского быта в крае», Алихан Нурмухамедович Букейханов, состоявший ранее в кадетях, записал в программу «Алаш» и про национально-территориальную автономию Туркестана и про то, что Россия должна стать федеративной республикой с президентской формой правления.

Однако и эти пожелания были проигнорированы Временным правительством. 20 сентября Ахмед Цаликов заявил: «Приходится с грустью констатировать, что революционная демократия в проблеме устройства народов России далеко не стала на путь, гарантирующий за народами право полного национально-культурного и политического самоопределения»¹²⁰⁸.

Временное правительство действительно довольно вяло реагировало и на «федералистов», и на «автономистов» потому, что дело ограничивалось у них, как правило, лишь разговорами и резолюциями. Но совсем по-другому повел себя Керенский, когда в Ташкенте, после корниловского мятежа, на митингах рабочих и солдат 12 сентября приняли резолюцию Ташкентского Совета о переходе власти к Советам и избрали Временный Военно-революционный комитет из 5 левых эсеров, 4 большевиков, 3 меньшевиков-интернационалистов и 2 анархистов.

По приказу председателя Туркестанского комитета Владимира Петровича Наливкина, близкого ранее к социал-демократам, членов Ревкома арестовали. Но солдаты и рабочие освободили их, и власть в городе действительно перешла к Совету. 17 сентября Наливкин предъявил ультиматум, требуя признания власти Временного правительства. Но ташкентские

рабочие и солдаты поддержали Совет. И лишь прибытие 24 сентября карательной экспедиции генерала Коровиченко позволило подавить выступление¹²⁰⁹.

Совершенно по иным мотивам против Временного правительства выступила Область войска Донского. Созванный в Новочеркасске после 196-летнего перерыва Донской Войсковой Круг (26 мая – 18 июня) избрал своим председателем директора гимназии Митрофана Петровича Богаевского, а войсковым атаманом генерала Алексея Максимовича Каледина.

Проект Богаевского об автономии ОВД и создании своего выборного правительства был направлен Временному правительству, но оно внесло «поправку», сводившую автономию на нет: управление ОВД должно было по-прежнему осуществляться комиссаром правительства. Однако Войсковой Круг и атаман отвергли поправку. А когда после корниловского выступления, 1 сентября, правительство потребовало ареста и явки Каледина в суд, Круг продемонстрировал свою автономию, заявив, что по старому казачьему обычаю – «с Дона выдачи нет!».

Подчиняться Керенскому казаки не собирались. Выступая 6 сентября на Войсковом Круге, атаман Каледин прямо заявил, что «Временное правительство плоть от плоти и кровь от крови Совета рабочих и солдатских депутатов». И позднее – уже в октябре, по инициативе Богаевского, Войсковой Круг провозгласил полную независимость ОВД «до образования в России правительства, приемлемого для казаков». Главой объединенного правительства «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» стал кадет Василий Акимович Харламов¹²¹⁰.

8 сентября 1917 года, по инициативе Украинской Центральной Рады, в Киеве открылся «Съезд народов и областей России». Его 86 делегатов представляли различные национальные и конфессиональные организации украинцев, казаков, поляков, евреев, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, крымских татар, грузин, азербайджанцев, бурятов и др. С посланием от Керенского сюда прибыл и председатель

Особого совещания по проведению областной реформы при Временном правительстве М.А. Славинский.

Максим Антипович заявил, что «мы заинтересованы в цельности и неделимости России» и подобный съезд следовало бы проводить в Петрограде. И хотя вопрос о федеративном устройстве страны может решить лишь Учредительное собрание, Временное правительство не препятствует автономистской работе на местах. Тем более что уже сейчас все народы России «державны», Украина уже автономна, а в Прибалтике, на Кавказе и в Сибири идут аналогичные процессы.

Председательствующий Грушевский был сдержан и лишь заметил, что Киев и в древние времена Кирилло-Мефодиевского братства являлся центром федералистского движения славян, да и теперь федерация является единственным спасением для России. Были достаточно сдержанны и другие делегаты. Съезд признал необходимым созыв местных Учредительных собраний до общероссийского, преобразование армии по национальному признаку, призвал к выработке оптимального соотношения между «общефедеральным и краевыми языками». Признавалось право Литвы на самостоятельность, а Белоруссии и Латвии – на автономию. Согласились и с представителем Совета Союза казачьих войск Р.К. Ивановым в том, что «казачество – это особая ветвь русского народа» и даже «особая нация», для которой также необходима государственная автономия.

Не сдержался и сказал лишнее лишь делегат от Грузии И.А. Бараташвили: «Мы за федерацию и не говорим пока о независимой Грузии, но и это слово будет сказано». Грушевский осадил его: украинцы придерживаются иного мнения и от федеративной России будут стремиться к федеративной Европе. Славинский с пафосом поддержал его: «За Российской Федерацией последует европейская федерация, а затем – всемирная»¹²¹¹. Ничего, кроме этого фальшивого пафоса, ни он, ни Временное правительство противопоставить угрозе распада России не могли.

Для тех, кто хотел предотвратить развал огромной страны, были возможны два варианта противодействия. Первый:

попробовать удержать распадающиеся части империи с помощью силы. То есть попытаться спасти «единую, неделимую державу» на прежних, пусть и несколько «олибераленных» основах. Но сил для этого уже не было.

Другой вариант: не отрицая права народов на самоопределение, сохранить Россию на совершенно иной базе. Прежде всего решить главные социально-экономические проблемы «метрополии» так, чтобы сделать ее более притягательной для национальных окраин, чем прежде. И создать тем самым возможность для добровольного объединения.

В свое время, размышляя о судьбах России, Ленин писал: «Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за п р а в о на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения!»¹²¹²

Это отнюдь не означает, что национализм малой нации – «лучше». Даже на чисто эмоциональном уровне он может оказаться гораздо противнее хотя бы в силу своей провинциальности. Но главное, конечно, не в этом. Гипертрофированный национализм малой нации, взращенный на злобе и ненависти по отношению ко всему «не нашему», легко перерастает в самый агрессивный шовинизм.

Когда польские националисты пытались оправдать необходимость войны Германии против России под предлогом того, что она якобы может принести независимость Польше, Ленин написал: «Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши – это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны»¹²¹³.

Поэтому в большевистской программе (1913 г.), помимо признания права на самоопределение вплоть до образования собственного государства, содержалось требование областной автономии и самоуправления для всех определившихся в хозяйственно-экономическом, национальном и территориальном

отношении областей в рамках единого крупного демократического государства.

В эсеровской программе, также не отрицавшей права на самоопределение, стояло требование федерации: «федеративных отношений между различными национальностями». И, как видим, именно оно, после свержения монархии, было выдвинуто на самых различных национальных съездах. Социал-демократы в прежние годы всячески критиковали это требование. Они опирались на определенную марксистскую традицию: критику Марксом федерализма Прудона и Бакунина. И многие социалисты так и остались «упертыми» в данные цитаты.

Но верность Марксу означала для Ленина верность не букве, а духу марксизма. В «Государстве и революции» он анализирует сам подход Маркса и Энгельса к этой проблеме. Владимир Ильич показывает, что критика федерализма носила у них не абсолютный, а конкретно-исторический характер. И в определенных исторических условиях, например после свержения монархии с ее централистско-бюрократической формой правления, федерация может сыграть позитивную роль.

Отношение к федерализму, пишет Ленин, среди прочих конкретных условий определяется прежде всего остротой национального вопроса в данной стране. Если «национальный вопрос еще не изжит», то федеративная республика, при всех недостатках федерализма, может стать «шагом вперед». Важно лишь, чтобы строилась она на началах «добровольного объединения» и добровольного «демократического централизма», который в едином государстве «устраняет всякий бюрократизм и всякое "командование" сверху безусловно»¹²¹⁴.

Таким образом, все сошлось в одной точке. Временное правительство оказалось неспособным решить ни вопрос о войне и мире, ни вопрос о хлебе и земле, ни вопрос о российской государственности. Мало того, становилось все более очевидным, что именно оно является препятствием на пути решения данных проблем. И не радикализм каких-либо партий, не стремление к власти их «фанатичных» лидеров, а логика

народной борьбы за свои насущные интересы диктует необходимость свержения такого правительства.

Американский разведчик полковник Раймонд Робинс был человеком наблюдательным. Работая «под крышей» американского Красного Креста, он много колесил в эти месяцы по России. И вот его наблюдения...

«...Я обнаружил, что Временное правительство не пустило прочных корней в русской жизни... Власть его существовала в большей или меньшей степени только в Петрограде, Москве и немногих других местах... С мандатами Керенского в кармане, я пытался вести порученное мне дело. При посещении деревень или городов я обращался к местным жителям с просьбой выполнить приказание, но они при виде мандатов Керенского только смеялись и говорили: "Повидайте-ка прежде председателя Совета".

...Я спросил: "Что такое Совет?" Мне ответили: "Это рабочие, солдатские и крестьянские депутаты". Я сказал им: "Это революционная организация. Мне же нужна гражданская организация – земская управа, волостное управление – словом, какая-нибудь регулярная гражданская власть". Они возразили: "Это не приведет ни к чему. Вам лучше повидать председателя Совета". Во многих случаях, когда мне удавалось увидеть председателя местного Совета и он – не вследствие приказа Керенского, а по собственному решению – соглашался сделать то, о чем я просил, мое желание выполнялось без всяких помех. Если мне был нужен поезд, я его получал. Если нужны были шесть телег для перевозки зерна из деревни на станцию, мне давали эти шесть телег. Я на деле убедился, что реальная власть принадлежит советам, а не органам Временного правительства»¹²¹⁵.

Весь опыт 1917 года подтверждал, что воля большинства народа сосредоточена в Советах и воплощена в лозунгах большевистской партии. Их реализация позволит Советам немедленно дать землю крестьянам, ввести рабочий контроль на предприятиях, покончить с войной или хотя бы добиться перемирия, которое сбережет десятки и сотни тысяч жизней.

Если же мир будет отвергнут, то Россия поведет действительно революционную войну, а «оборонеспособность страны, свергшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, – пишет Владимир Ильич, – была бы во много раз выше оборонеспособности капиталистической страны». Иначе говоря, заключает Ленин, в вопросе о войне и мире пролетариат выступает «поистине как представитель всей нации, всего живого и честного во всех классах...»¹²¹⁶.

Что же касается национального вопроса и российской государственности – этих коренных вопросов жизни населения страны, то Советы дадут всем бывшим национальным окраинам России свободу выбора – идти вместе или врозь. Но несомненно одно: если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть и объединят действия всех народов и всех регионов в борьбе против буржуазии и помещиков за передачу «всей нации» частной собственности на землю, заводы, железные дороги, это как раз и станет проявлением подлинного, а не декларативного и принудительного, «единства нации». То есть и в этом вопросе, резюмирует Ленин, большевистские лозунги могут стать не только программой всех «трудовых масс», но и «угнетенных национальностей», а стало быть – подавляющего большинства народа¹²¹⁷.

Отвечая своим либеральным и ортодоксально-марксистским оппонентам, Владимир Ильич пишет: «Дело вовсе теперь в России не в том, чтобы изобретать “новые реформы”, чтобы задаваться “планами” каких-либо “всеобъемлющих” преобразований». Обвинения большевиков во «введении социализма» – заведомая ложь. «В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода сами собой подсказали выход, сами собой наметили, и не только наметили, но и уже выдвинули» именно те неотложные преобразования, которые стали программой большевиков.

Реализовать ее можно с помощью Советов. И «власть Советам, – продолжает Ленин, – единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным,

идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта»¹²¹⁸.

Конечно, те, кого затронут эти преобразования, – буржуазия и помещики – попытаются оказать сопротивление. Это неизбежно. «Но, чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь массы, способные воевать и победить Советы. А таких масс у буржуазии нет, и взять их ей неоткуда».

Как это ни парадоксально, но в таком мирном и наиболее безболезненном переходе власти к Советам, отмечает Ленин, – последний шанс буржуазии и помещиков избежать более тяжелых последствий. Если эта возможность будет упущена и гражданская война все-таки будет развязана, то «она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством, для осуществления изложенной программы, но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков, капиталистов и сочувствующих им офицеров»¹²¹⁹.

3 сентября 1917 года, после того как ЦИК решил поддержать Директорию Керенского, Ленин написал в ЦК, что надежды на мирный и наименее болезненный вариант решения вопросов, поставленных революцией, уходят в прошлое. «...Пожалуй, предложение компромисса уже запоздало... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, уже миновали»¹²²⁰.

Статья «О компромиссах» с этой припиской, видимо, тогда же, 3 сентября, или утром следующего дня была доставлена в Питер. Сделать это мог Ивар Смилга. Еще 6 августа ЦК решил направить его в Финляндию для работы среди российских матросов, солдат и рабочих. Но военные инстанции дали пропуск лишь в середине августа. В Гельсингфорсе, по просьбе Ленина, Ровио устроил им встречу у себя на квартире, и у Владимира Ильича появился, таким образом, еще один канал связи¹²²¹.

В 1924 году, во время партийной дискуссии вокруг проблем 1917 года Григорий Сокольников написал, что, получив статью «О компромиссах», «редакция ЦО высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для "компромисса". Ленин настоял на помещении статьи, она была напечатана в "Рабочем пути" через два дня [6 сентября. – В.Л.]; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция ЦО, желавшая взять "чутьочку левее" Ленина»¹²²².

В данном случае Григорий Яковлевич явно что-то запаматовал. Среди столичных большевиков действительно было немало противников соглашений с меньшевиками и эсерами. 7 сентября, на следующий день после публикации ленинской статьи, на заседании ПК Антон Слущкий заявил, что некоторое «полевение» умеренных социалистов и Советов несомненно, но идти на сближение с соглашателями не надо. Что касается Советов, то их следует использовать как боевые центры для взятия власти.

Георгий Филаретович Коломин был еще более решителен: «Наша цель – не идти рука об руку с вождями этих Советов, а стараться оторвать от них более революционные элементы... Никаких компромиссов!.. Будем готовиться к боевой схватке». И пусть ЦК проявит свою позицию «ярче, определенной...» Близкую, хотя и более сдержанную позицию занял на этом заседании член ЦК Андрей Бубнов¹²²³.

Но эти настроения разделялись отнюдь не всеми. И в резолюции ПК 10 сентября говорилось лишь о невозможности компромиссов с буржуазными партиями и «цензовыми элементами». Центральный Комитет занял также вполне определенную позицию: решая 3 и 6 сентября вопрос о составе президиумов Петроградской думы и Петросовета, он предложил коалицию – распределение мест «пропорционально между социалистическими фракциями»¹²²⁴. Так что говорить о том, что питерские цекисты взяли «чутьочку левее», нет оснований. Как, впрочем, нет оснований и для того, чтобы говорить о их разногласиях в эти дни с ленинской позицией.

Хотя 3 сентября Владимир Ильич и высказал предположение о том, что время компромисса прошло, он на протяжении еще недели продолжал обдумывать этот вариант развития событий. Возможность избежать гражданской войны была столь желательна, что даже при одном шансе из ста им необходимо было бы воспользоваться. «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, – пишет он, – то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»¹²²⁵.

В статье «Задачи революции» Владимир Ильич еще раз отмечает, что, «взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь – и, вероятно, это последний шанс их – обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой». Проблема в том, считает Владимир Ильич, – научились чему-нибудь эсеры и меньшевики за полгода революции или нет. Если да, то можно создать устойчивую государственную власть, опирающуюся «заведомо и безусловно на большинство населения». Если же не сделать этого немедленно, «революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее»¹²²⁶.

Удивительное дело: избежать гражданской войны хотели и соглашатели, и большевики. Но эсеро-меньшевистские лидеры полагали, что добиться этого можно, лишь не форсируя реализацию радикальных требований народа. Не отпугивая буржуазию и не разрывая коалиции с ней. В противовес им большевики были убеждены, что любое затягивание решения вопросов о мире и земле, – а при коалиции это неизбежно – лишь усилит возмущение и озлобление масс. И неизбежно – по всем законам развития революций – приведет к социальному взрыву и гражданской войне.

«На вулкане»

Вечером 14 сентября в Александринском театре открылось Демократическое совещание. Идея его созыва была изложена Федором Даном еще в ночь на 27 августа, когда стало ясно, что прежняя правительственная коалиция с кадетами рухнула. Предполагалось, что такое совещание создаст правительство «демократической коалиции» из представителей Советов, демократических партий, профсоюзов, кооператоров, органов местного самоуправления и прочих общественных организаций. И поскольку критерии представительства изначально были весьма неопределенными, открывались самые широкие возможности для политического манипулирования.

Так оно и случилось. Из более чем полутора тысяч мест 300 было отдано органам местного городского самоуправления, 200 – земствам, 120 – кооперативам, находившимся в руках эсеров и меньшевиков. Советы, профсоюзы и другие общественные организации получили более тысячи мандатов. Но преимущество было опять-таки отдано сельским Советам, где явно преобладали эсеры. А вот всем Советам рабочих и солдатских депутатов, действительно представлявшим наиболее политически активную часть населения страны, предоставили лишь 230 мест, профсоюзам – 100, рабочим кооперативам – 38, флоту – 15.

Эти манипуляции привели к такому распределению мандатов между партиями, которое уже не соответствовало реальному соотношению сил в стране. Из тех делегатов, которые написали о своей партийности в анкетах, 532 являлись эсерами (71 указали на принадлежность к левым эсерам), 172 – меньшевиками (их них 56 интернационалистов), 134 – большевиками, 133 назвались беспартийными. И прав был Милюков, когда позднее написал: «Демократическое совещание... было по самому своему происхождению ловким политическим маневром с целью оттянуть разрешение неразрешимого конфликта»¹²²⁷.

Между тем уже 3 и 6 сентября ЦК принял решение об участии в совещании и даже поставил вопрос о делегировании

на него (при условии депутатской неприкосновенности) Ленина и Зиновьева. Однако понимание целей этого участия было среди большевиков различным.

Редактор «Уральского рабочего» Самуил Цвиллинг 8 сентября предложил обратиться к массам, разъясняя им, что предстоящее совещание – «это подмена Всероссийского съезда Советов, продолжение тактики соглашательства и стремление ЦИК опереться на сомнительные в революционном смысле элементы (кооперативы, национальные группы, земства и т. д.) вместо единственно революционных элементов – рабочих, солдат и крестьян. Это стремление после корниловского мятежа устроить “коронацию” Керенскому.

Мы послали на это совещание своих представителей только для того, чтобы испортить эту коронацию, чтобы потребовать от него сложения полномочий и немедленного созыва Всероссийского съезда Советов... Немедленно организуйте Красную гвардию из рабочих и приступайте к обучению ее военному строю и стрельбе из винтовок... Делайте это возможно скорее, и срок обучения чтобы был возможно короче».

Уже упоминавшийся Среднесибирский съезд Советов в Красноярске, посылая своих делегатов на совещание, дает им императивный мандат: «Требовать перехода власти в руки Советов... Принять все меры к немедленному созыву Всероссийского съезда Советов для создания верховной революционной власти». Аналогичные резолюции принимаются съездами Советов Финляндии, Латвии, Ярославля, Челябинска, Ставрополя и др.¹²²⁸

В большевистском ЦК были более осторожны. Некоторым его членам казалось, что идея «компромисса» все еще вполне реальна. 13 сентября ЦК поручил выработать декларацию для совещания Троцкому, Каменеву, Сталину, Милютину, Рыкову. И в тот же день в «Рабочем пути» публикуется статья Зиновьева «Наша победа и наши задачи». Эмиль Кальске, у которого он жил тогда, пишет, что именно в это время Григорий Евсеевич не раз встречался на квартире у Никандера Кокко с Рыковым и Сталиным. А стало быть, есть основания предполагать, что

статья 13 сентября выражала не только личное мнение Зиновьева¹²²⁹.

«Главный вопрос, который стоит сейчас перед каждым революционером, – говорилось в статье, – заключается в том, существуют ли еще и сейчас какие-нибудь шансы на мирное развитие революции и что нужно сделать, чтобы эти шансы усилить? И тут-то надо себе сказать: если существуют, то только в том случае, если между рабочим классом, окончательно пошедшим за нашей партией, и массой мелкобуржуазной демократии, идущей за эсерами и меньшевиками, состоится известный компромисс, известное соглашение... И открывающееся на днях Всероссийское демократическое совещание могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода». А в подкрепление этой позиции «Рабочий путь», не печатавший после 6 сентября ни одной ленинской статьи, публикует 14-го за его подписью работу «Один из коренных вопросов революции», написанную 7 или 8-го, в которой говорилось о возможности «мирного, спокойного» перехода власти к Советам.

Трудно сказать, успел Ленин прочесть эти газеты или нет, но именно 13 и 14 сентября он пишет два письма: первое – Центральному Комитету, второе – ЦК, ПК и Московскому комитетам партии.

В своих письмах Ленин исходил из того вывода, который он сделал в начале сентября. Вывода о том, что после корниловщины Россия сделала новый рывок к углублению революции. Фактически – к новой революции. И с этой точки зрения, оглядываясь назад, «ясным становится, – отмечает Владимир Ильич, – что виной и ошибкой большевиков была недостаточная революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры»¹²³⁰.

Несомненным фактом является то, что крах корниловщины дискредитировал в глазах народа саму идею коалиции революционной демократии с буржуазными элементами. А это в

принципе изменило роль и место в политической жизни Советов как главных выразителей воли народа.

Фактом является и то, что большевики, пойдя на крайние уступки, предложили соглашательскому руководству Советов взять всю власть в свои руки. И «величайшей ошибкой было бы думать, – пишет Ленин, как бы отвечая Зиновьеву, – что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что Демократическое совещание еще может принять его»¹²³¹.

Что касается самого совещания, то следует исходить из того, что «в нем не представлено большинство революционного народа... Это совещание меньшинства народа – нельзя забывать этой очевидной истины». Так что же – разогнать его? Нет. Надо лишь определить тактику поведения в нем, а главное – понять, что основная арена политической борьбы переместилась из любых «представительных учреждений» в массы. Поэтому, даже если бы совещание «объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы»¹²³².

«Мы должны на Совещании, – предлагает Ленин, – немедленно сплотить фракцию большевиков, не гонясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся... Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность “речей” вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства...

Прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания». И там «в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя»¹²³³.

Ленин формулирует три неперенных условия успешности восстания. Первое и второе – очевидны: «Восстание должно опираться на революционный подъем народа», оно должно «опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс». Но «народ» и «пролетариат» – достаточно сложные и неоднородные величины. Это не статисты исторической драмы, дружно шагающие в ногу по указке вождей.

Поэтому третье условие успеха состоит в том, что для восстания необходимо избрать «переломный пункт в истории». Это такой момент, когда выступления наиболее сознательной и решительной части народа достигают наивысшей активности и размаха, а симпатии к вооруженному восстанию со стороны колебавшихся «друзей революции» резко усиливаются. Вот тогда руководители восстания и должны приложить все усилия к тому, чтобы выступление не вылилось в стихийный взрыв, как это случилось в июле, а было направлено на вполне осознанное и продуманное взятие государственной власти¹²³⁴.

Как это может выглядеть на практике? Ленин набрасывает примерную иллюстрацию: организовать штаб восстания, связать с ним все заводы и воинские части, мобилизовать вооруженных рабочих, арестовать правительство, генеральный штаб, блокировать верные им подразделения, юнкерские училища, окружить Александринку и т. д. и т. п. «Все это примерно, конечно, лишь для иллюстрации...» – подчеркивает Ленин. «Вопрос идет не о “дне” восстания, не о “моменте” его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами».

А поскольку большевики – делегаты с мест уже съехались в Питер, «наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически свой съезд...». Необходимо обсудить на нем все указанные вопросы, «чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». Именно эти вопросы и именно «этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции»¹²³⁵.

По своим каналам связи – через Смилгу – Владимир Ильич пересылает оба письма Марии Ильиничне Ульяновой. Она размножает их на машинке и по десять экземпляров отдает секретарю ЦК Елене Стасовой.

Появляясь в Смольном, члены ЦК «заходили в секретариат, – рассказывает Елена Дмитриевна, – где я передавала им это письмо. Когда я вручила письмо А.С. Бубнову, он, прочитав его, сказал, что я должна уничтожить все экземпляры письма.

– На каком основании? – спросила я.

– Я говорю как член ЦК, – заявил он.

– Этот документ прислан членом Центрального Комитета, почему я должна вас слушаться? – Бубнов сказал, что ЦК постановит, чтобы это письмо было уничтожено». Не дожидаясь решения, Стасова тут же отправила три экземпляра писем в «секретный архив»¹²³⁶.

Уверенность Бубнова в том, что ЦК уничтожит письма, была объяснима. Как раз накануне, 14-го, открылось Демократическое совещание. Приехал Керенский. «Встреченный аплодисментами, – рассказывает Шляпников, – он направился к президиуму, чтобы пожать руки сидевшим за столом. Доходит очередь до нас (большевиков)... Я отодвинулся от предложенной мне руки, а Керенский с протянутой рукой, не встретив наших рук, прошел далее». А когда Александр Федорович стал выступать, к трибуне протиснулся какой-то солдат и прямо в лицо крикнул ему: «Вы – горе родины!»¹²³⁷

От большевиков выступал Каменев. Он призвал представителей российской демократии, сидевших в зале, – их, а не Советы, – взять власть в свои руки, создать демократическое коалиционное правительство и орган, перед которым оно будет ответственно. Ему аплодировали. На другой день, 15-го, перед делегатами от Советов держал речь Троцкий. В отличие от Каменева, он говорил о переходе власти к Советам, но так же, как и Каменев, ориентировался на мирное развитие событий. Ему тоже аплодировали.

«Авксентьев обратился к сидевшему поблизости Шляпникову: "Возьмите власть, за вами идут массы". Отвечая

соседу в тон, Шляпников предложил положить сперва власть на стол президиума». Подобного рода вызовы были «отчасти издевательством, отчасти разведкой». Но одно было очевидно: даже тут понимают, что большевики – серьезная сила, с которой необходимо считаться¹²³⁸.

Вообще, этот театральный зал с красным плюшем его кресел и лож, бесчисленными красными знаменами, крытый кумачом стол президиума во всю длину сцены, даже красная трибуна с приколотой табличкой «Не курить!», видимо, вселяли ощущение чего-то значительного и очень революционного. А 5-й ярус, набитый до отказа рабочими, солдатами, делегатами местных Советов, шумно приветствовавший большевиков, он уж точно создавал праздничное и приподнятое настроение¹²³⁹.

И вдруг, как гром среди ясного неба, эти ленинские письма... Их обсуждали в ЦК после заседания в Александринке 15 сентября. Настроение некоторых цекистов очень точно передал Бухарин: «Мы все ахнули». В помещении ЦК его встретил Милютин: «"Знаете, товарищ Бухарин, вот письмецо получили"». Письмо гласило следующее: "Вы будете предателями и негодяями, если сейчас же всю фракцию большевиков не распустите по фабрикам и заводам, не окружите Демократическое совещание и не арестуете всех мерзавцев". Письмо было написано чрезвычайно сильно и грозило нам всякими карами... Никто еще так резко вопроса не ставил. Никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время. Потом, посоветовавшись, решили. Может быть, это был единственный случай в истории нашей партии, когда ЦК единогласно постановило сжечь письмо т. Ленина»¹²⁴⁰.

Приведенный фрагмент взят из выступления Бухарина на вечере воспоминаний 1921 года. Если бы Николай Иванович цитировал лишь по памяти (4 года!), тогда понятно: в подобных случаях память услужливо подбрасывает наиболее «удобные» сюжеты, смягчающие давнюю реальность. Но ведь как раз в 1921 году, в № 2 «Пролетарской революции» данные письма были опубликованы. Во-первых, их было два, а не одно «письмецо». Во-вторых, никакими «карами» Ленин в них не грозил,

«предателями» и «изменниками» членов ЦК не называл, ареста «мерзавцев» из Демократического совещания не требовал. Сохранился, наконец, и протокол заседания ЦК, из которого видно, что «единогласного» постановления сжечь письма не было.

К анализу публикации этих воспоминаний в конце 1922 года нам, видимо, придется вернуться в другой книге, относящейся к событиям 1922–1924 годов. Пока же отметим, что – вне зависимости от «фантазий» Николая Ивановича – ЦК действительно предложения Ленина отверг.

Протокол заседания 15 сентября краток. Присутствует 16 человек: Троцкий, Каменев, Рыков, Ногин, Сталин, Свердлов, Бубнов, Бухарин, Ломов (Оппоков), Коллонтай, Дзержинский, Урицкий, Иоффе, Шаумян, Сокольников, Милютин. Единственный вопрос повестки: «Письма Ленина». Однако прений фактически нет. Как будто о главном уже договорились и собрались лишь для того, чтобы зафиксировать решение. И оно принимается в самом начале заседания: «Решено в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов». И все – никаких оценок.

Не высказывая своего мнения по существу, Сталин пытается вывести обсуждение вопроса за рамки ЦК: разослать ленинские письма «в наиболее важные организации и предложить обсудить их». Но и это не принимается, хотя Ленин свое второе письмо адресовал не только ЦК, но и ПК и МК. Впрочем, саму идею рассылки решили обсудить вместе с ленинскими письмами на том же «ближайшем заседании ЦК». После этого и ставится на голосование вопрос об уничтожении копий писем Ленина... Нет! Слово «уничтожение», брошенное Бубновым, или – хуже того – предложение «сжечь», как выразился Бухарин, не обсуждается. Протокольная запись гласит: голосуется «вопрос, кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем. За – 6, против – 4, воздержалось – 6».

Возможно, что среди голосовавших «за» были и те, кто исходил из соображений конспирации. Но поскольку те, кто голосовал «против», остались в явном меньшинстве, Каменев тут

же раскрывает карты и предлагает резолюцию: «ЦК, обсудив письма Ленина [Где и когда? – В.Л.], отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу».

А далее в каменевском проекте прямое обращение «к тов. Ленину с требованием разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии». Этот проект резолюции – «отвергается». Однако первая его часть находит отражение в заключительном постановлении ЦК: «Членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах»¹²⁴¹.

Остается лишь добавить, что на «ближайшем заседании ЦК» (а также и на последующих) никакого обсуждения писем Ленина не состоялось. Но, как бы для подкрепления позиции Каменева, 16 сентября «Рабочий путь» публикует более раннюю статью Ленина «Русская революция и гражданская война», в которой говорилось о возможности мирного перехода власти к Советам и о желательности союза с меньшевиками и эсерами.

И все-таки – неужели Ленин действительно полагал, что уже 15 сентября можно идти на вооруженный штурм власти? Конечно нет! Спустя два месяца Владимир Ильич говорил: «Разве мы в сентябре знали достоверно о том, что через месяц революционная демократия в России совершит величайший в мире переворот? Мы знали, что старая власть находится на вулкане. По многим признакам мы угадывали о той великой подземной работе, которая совершалась в глубинах народного сознания. Мы чувствовали в воздухе накопившееся электричество. Мы знали, что оно неизбежно разразится очистительной грозой. Но пророчествовать о дне и часе этой грозы мы не могли»¹²⁴².

Этот фрагмент – может быть, самое глубокое отражение состояния в стране и тех размышлений, которые занимали Ленина в сентябре 1917 года.

И все-таки, хотя он и говорил, что «вопрос идет не о “дне” восстания, не о “моменте” его в узком смысле», в предложенном им «для иллюстрации» плане выступления было слишком много конкретных, сиюминутных реалий: «окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство...». Именно это члены ЦК и восприняли как призыв к немедленному выступлению.

В 1918 году Зиновьев так изложил суть ленинского письма: «“Довольно тянуть канитель, нужно окружить войсками Александринку, разогнать всю шваль и взять власть в свои руки”. ЦК не соглашается с В.И.». О том же говорил Сталин в 1920 году: «Ильич, который в то время находился вне Петрограда в подполье... писал, что эту сволочь (Демократическое совещание) надо теперь же разогнать и арестовать... Несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его». Изложение смысла письма Бухариным в 1921 году приводилось выше – и оно совпадает. А в политике имеет значение не только то, что думал автор данного документа. Но и то – как его восприняли и поняли те, кому он был адресован¹²⁴³.

Так, может быть, с этой точки зрения члены ЦК были правы? Троцкий писал, что позднее, во время III конгресса Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 года), – «Ленин, чтобы смягчить свои удары по некоторым “ультралевым”, ссылаясь на то, что и ему приходилось делать “ультралевые” ошибки, особенно в эмиграции, в том числе и в последней “эмиграции”, в Финляндии в 1917 году, когда он отстаивал менее выгодный план восстания, чем тот, который был осуществлен на деле. Ссылку на эту свою ошибку, если память нам не изменяет, Ленин сделал и в письменном заявлении в комиссии конгресса... Интересующее нас заявление Ленина, по-видимому, не было опубликовано»¹²⁴⁴.

Ошибся Лев Давыдович, письмо опубликовано в малоизвестной брошюре Карла Крейбиха «Воспоминания о Ленине», вышедшей в Ленинграде в 1924 году. Хранилась она прежде в «спецхране», теперь – в Государственной общественно-политической библиотеке. И ее ученый секретарь

Майя Давыдовна Дворкина любезно предоставила возможность ознакомиться с интересующим нас текстом.

«На одном заседании комиссии по тактике, – пишет Крейбих, – Ленин с особой резкостью выступил против левых... На следующий день на имя тов. Зиновьева пришло извинительное письмо Ленина с просьбой огласить его в комиссии. Я снял копию с этого письма, которое представляет собой ценный документ, характеризующий личность Ленина. В этом письме Ленин, между прочим, пишет (я перевожу с французского):

“Когда я был в эмиграции, мне не раз приходилось занимать крайнюю «левую» позицию. В августе 1917 года, находясь опять в эмиграции, я представил Ц.К. нашей партии чересчур «левый» план, который, к счастью, был отвергнут. Совершенно естественно, что эмигранты часто идут «слишком далеко налево»”»¹²⁴⁵.

Любопытно в этой связи наблюдение старого подпольщика Соломона Лозовского: «Он [Ленин] всегда заострял углы своих предложений для того, чтобы установить определенную грань между своей точкой зрения и точкой зрения противника... Средняя линия должна получиться в результате борьбы. Была ли эта тактика результатом его темперамента или расчета? Несомненно, – это был результат политического и стратегического расчета. Он неоднократно говаривал: “Чем дальше мы загнем влево, тем ближе к нам пройдет равнодействующая”. Это было суждение большого политика, который предоставлял другим искать средних путей»¹²⁴⁶.

Упоминание Лениным в письме Крейбиху «августа 1917 года» объясняется, видимо, тем, что первая публикация обоих писем о восстании, незадолго до этого состоявшаяся в журнале «Пролетарская революция» (1921. № 2), была дана без дат, под общим редакционным заголовком «Письма Ленина начала сентября 1917 года». При этом, естественно, предполагался новый стиль. При переводе на старый стиль и возник, судя по всему, «август».

Впрочем, важнее другое. Если еще раз перечитать письмо, опубликованное Крейbihом, то нетрудно заметить, что Ленин пишет об ошибочности конкретного «плана» выступления, а не принципиальной постановки вопроса. Между тем тогдашние оппоненты Владимира Ильича в ЦК не принимали главного: мысли о том, что мирный, «парламентский» период развития революции завершился и всем ходом событий в повестку дня теперь поставлен «штык».

Получив информацию о заседании ЦК 15 сентября, Ленин вновь и вновь анализирует обстановку в стране и реакцию членов ЦК на его письма. Диагноз: «У большевиков получилось неправильное отношение к парламентаризму в моменты революционных (не – “конституционных”) кризисов... История сделала, с корниловщиной, о ч е н ь крутой поворот. Партия отстала от невероятно быстрого темпа истории на этом повороте»¹²⁴⁷.

Но действительно ли в России вызревает кризис «не – конституционный»? И дело на сей раз не ограничится очередной правительственной комбинацией? Да, сентябрь – и прежде всего крестьянское восстание – это доказал. «Народ измучен колебаниями и оттяжками, – записывает Ленин. – Недовольство явно нарастает. Надвигается новая революция».

Существует ли опасность стихийного анархического взрыва в низах? Да, существует. Дальнейшие оттяжки, предупреждал Владимир Ильич, могут «взорвать и взорвут терпение...» А никто не отрицает того, что раньше – в том же июле или августе – не было такой «кипучей ненависти», даже «озверения», такой готовности «драться» среди рабочих и особенно солдат.

Ну а наблюдается ли сдвиг влево у той колеблющейся массы «друзей революции», которая до сих пор шла за соглашателями? Да, так считают сами эсеры и меньшевики. У них «нарастает прямой раскол, – пишет Ленин, – вследствие измены “вождей” интересам большинства населения».

Значит, большевики могут рассчитывать на то, что сплоченный ими «авангард революции» увлечет за собой массы и обеспечит поддержку большинства народа. Свидетельство тому

– сентябрьские победы партии в обоих столичных и многих провинциальных Советах¹²⁴⁸.

Но именно эти победы, если и не вскружили головы, то во всяком случае породили вновь у части большевистских лидеров определенные «конституционные» иллюзии, или, как выразился Владимир Ильич, атмосферу «некоего увлечения "совещанием"...». Мол, если за нами большинство, то к чему спешить? У нас крепкие позиции на Демократическом совещании. Скоро соберется съезд Советов. Не за горами и Учредительное собрание. Вот тогда, мол, и будем решать вопрос о власти. Подобного рода иллюзии и привели к тому, замечает Ленин, что «партия дала себя завлечь, на время, в ловушку презренной говорильни».

В письмах Ленина они не уловили важную мысль: в моменты революционных кризисов реальное соотношение сил есть величина не постоянная, а весьма переменчивая, зависящая от множества как внутренних, так и внешних факторов.

О внутренних – о нарастании симптомов социального взрыва – говорилось выше. Можно ли рассчитывать на то, что эти факторы останутся неизменными еще достаточно долгий срок? Конечно нет, ибо «мы очень мало знаем, к сожалению, – пишет Владимир Ильич, – о широте и быстроте этого нарастания». Опыт начала революции в 1905-м и 1917 году был достаточно красноречив. Кстати, именно поэтому Ленин и написал, что время восстания может определить «лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами»¹²⁴⁹.

Ну, а «внешние» факторы? Прежняя упертость в «войну до победного конца» даже в среде буржуазных политиков уступала место пониманию необходимости пристойного выхода из войны. Во второй половине сентября состоялись два совещания кадетских лидеров, на которых с докладом выступил известный международник Борис Эммануилович Нольде. Присутствовали члены правительства Коновалов, Третьяков, Терещенко, товарищ министра иностранных дел Нератов и другие.

Нольде прямо указывал, что продолжать войну невозможно и «нам нужно напрячь все силы для того, чтобы побудить

союзников к мирным переговорам». Его поддержали Набоков, Добровольский, Винавер, Аджемов и другие. Коновалов заметил: «...То правительство, которому удалось бы дать России мир, приобрело бы огромную популярность и сделалось бы чрезвычайно сильным». Позднее сам Нольде сказал очень точно: на этом совещании была «ясно и просто формулирована дилемма, к которой Россию прижали события, – разумный мир или неминуемое торжество Ленина»¹²⁵⁰.

Но могло случиться и другое: вся пресса упорно твердила о возможности сделки между союзниками и Германией относительно «сепаратного раздела России». В Петрограде правительственные учреждения готовились к эвакуации в Москву. Значит, возможность сдачи Питера реальна? Да любого из этих внешних и внутренних факторов было более чем достаточно для того, чтобы полностью изменить всю политическую обстановку в стране. Так что полагаться на «стабильность» не приходилось.

Революционные солдаты.
Москва, осень 1917 года

И если революционный кризис действительно грянет, тут уж будет не до голосований. «Ждать “формального” большинства у большевиков наивно, – пишет Ленин, – ни одна революция этого не ждет». Надо действовать. И тогда «за нами верная победа, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход...»

В предыдущей главе отмечалось, что еще 11–12 августа на заседании кадетского ЦК лидеры российского либерализма пришли к твердому убеждению, что полагаться надо не на всеобщее голосование и тем более не на «общественность», а на «физическую силу», на «вооруженное меньшинство». Корниловщина стала пробой сил. Но она провалилась потому,

что «вооруженное меньшинство» не имело за собой никакой народной поддержки.

Если же такая поддержка есть, отмечает Ленин, если это не миф, а реальная готовность «драться» до конца, то в решающий момент вооруженное меньшинство, опирающееся на массы, может действительно решить исход борьбы. Ибо в таких случаях десяток убежденных рабочих и солдат «стоят в тысячу раз больше, чем сотня подтасованных... делегатов от разных делегаций». Именно поэтому «большевики, – считал Владимир Ильич, – должны были, в числе 99/100 своей делегации, идти на фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России...» И «это было бы в миллион раз полезнее, насущнее, серьезнее, дельнее, чем путешествие к Александринке...»¹²⁵¹

Написав статью «О героях подлога и об ошибках большевиков», мысли из которой мы только что привели, Ленин посылает ее в «Рабочий путь». Там ее «редактируют»: выбрасывают не только фразы, но и целые куски текста. А главное – вымарывают упоминания об ошибках большевиков. Так что в свет она выходит под укороченным заголовком – «О героях подлога», да и то лишь 24 сентября.

А именно в эти дни Демократическое совещание полностью оправдало характеристику пустой «говорильни». Речам, казалось, не будет конца. «Безнадежная разноголосица, – писала "Речь" (№ 220), – полнейшая рознь, едят друг друга поедом». Лучшие меньшевистские и эсеровские ораторы, меняя друг друга на трибуне, вдалбливали одно: спасти страну можно только вместе с буржуазией, вновь передав ей бразды правления. Как будто за прошедшие месяцы она не доказала свою неспособность вывести Россию из кризиса.

18 сентября старейший эсер Осип Минор, приговаривавшийся в старые времена и к смертной казни, и к каторге, буквально умолял совещание голосовать за коалицию. Иначе, говорил он, «нечего себя обманывать: мы будем резать». – «Кого?» – спросили с места. – «Мы будем резать друг друга», – закончил Минор при гробовом молчании зала. И не

только кооператоры и земцы, дрогнули и крестьянские делегаты. При поименном голосовании, длившемся пять часов 19 сентября, 766 проголосовали за коалицию, 688 – против и 38 воздержались.

Однако вслед за этим голосуется поправка о невозможности коалиции с теми, кто был «прямо или косвенно связан с корниловщиной». За нее – 798 голосов, против – 139, воздержалось – 196. Вторая поправка прямо указывает, что «за пределами коалиции остаются кадеты». 595 – за, 493 – против, 72 – воздержались. Но без кадетов коалиция с буржуазными элементами была немыслима. И при голосовании резолюции в целом с этими поправками против нее голосуют и левые, и правые: за – 183, против – 813, воздержалось – 80. Как едко заметил «Рабочий путь»: «Демократическое совещание осталось без резолюции. Демократическая “гора” не родила даже мыши – она лишь явила зрелище мучительных потуг»¹²⁵².

Поскольку стало очевидным, что с полуторатысячным корпусом делегатов нужной «каши не сварить», 19 сентября меньшевики и эсеры проводят заключительную резолюцию о пропорциональном выделении из состава фракций и групп совещания – Демократического совета (Предпарламента), который должен содействовать формированию власти. 22 и 23 сентября были проведены консультации с кадетским ЦК, и 109 голосами против 84 и 22 воздержавшихся Предпарламент санкционировал новую коалицию.

25 сентября Керенский огласил состав правительства. Все члены Директории остались на своих постах: Керенский – премьером и Верховным главнокомандующим, генерал Верховский – военным министром, адмирал Вердеревский – морским, Терещенко остался в МИДе, а меньшевик Никитин – министром внутренних дел и заодно почт и телеграфов.

Правительство пополнилось четырьмя видными кадетами. Член кадетского ЦК, крупный промышленник Александр Иванович Коновалов стал заместителем премьера и министром торговли и промышленности. Член ЦК Антон Владимирович Карташев – министром вероисповеданий. Член ЦК Николай

Михайлович Кишкин – министром государственного призрения. Руководитель бывшего Военно-промышленного комитета, кадет Сергей Александрович Смирнов – министром государственного контроля. И надо сказать, никто из них не скрывал своих прокорниловских симпатий.

Кроме того, в правительство вошли фигуры, близкие к кадетам, – профессор Сергей Сергеевич Салазкин стал министром народного просвещения, профессор Михаил Владимирович Бернацкий – министром финансов, а крупный промышленник и банкир Сергей Николаевич Третьяков – председателем Экономсовета при правительстве. Бывшего кадета, а ныне «нефракционного социалиста» Сергея Николаевича Прокоповича назначили министром продовольствия, председателя железнодорожного Союза инженеров и техников Александра Васильевича Ливеровского – министром путей сообщения, члена меньшевистского ЦК Кузьму Антоновича Гвоздева – министром труда, меньшевика Павла Николаевича Малянтовича – министром юстиции, а на самое «неудобное» кресло – министра земледелия посадили эсера Семена Леонтьевича Маслова.

Таким образом, мнение не только «левых», но и достаточно умеренной «общественности», выраженное на Демократическом совещании, было отвергнуто. И если существовали какие-то варианты выхода из правительственного кризиса, то, безусловно, это был наихудший. Новый кабинет походил не столько на правительство «умиротворения» страны, сколько на правительство гражданской войны.

И как отреагировал на все это большевистский ЦК? После голосования 19 сентября, доказавшего абсолютную неспособность Демократического совещания решить вопрос о власти, Центральный Комитет собирается 20-го. Однако никаких решений, связанных с данным событием, с необходимостью, как предлагал им Ленин, прямого обращения к массам, цекисты не обсуждают. Вместо этого ставится вопрос о проведении партийного совещания из делегатов-большевиков, сидевших в Александринке, с участием членов ЦК и ПК. На этом совещании

предполагается заслушать доклады Троцкого о текущем моменте и Свердлова о выборах в Учредительное собрание, а также принять решение о созыве экстренного партийного съезда. Кто-то из членов ЦК высказался за то, чтобы превратить в съезд партии само совещание. Но предложение отклонили.

На следующий день, 21 сентября, после принятия Демократическим совещанием резолюции Церетели, санкционировавшей переговоры Предпарламента с Керенским о формировании коалиционного кабинета, ЦК большевиков собирается вновь. В протоколе записано: «По вопросу о Демократическом совещании решено с него не уходить, отозвать лишь из президиума членов нашей партии. Что касается Предпарламента, то 9 голосами против 8 принято решение не входить».

Казалось бы, ясно – бойкот. Однако далее записано: «Считаясь же с тем, что голоса разделились пополам, передать окончательное решение партийному совещанию, которое сейчас же конструировать из собравшейся фракции Демократического совещания». От сторонников бойкота на него направляется Троцкий, от противников – Рыков. На партийном совещании обсуждают только оценку текущего момента. Вопрос об уходе с Демократического совещания и обращении к массам даже не ставится. После дискуссии голосуют: против участия в Предпарламенте – 50 делегатов, за участие – 77. И Центральный Комитет партии утверждает это решение.

На заседании ЦК 21 сентября обсуждался еще один вопрос: «О т. Зиновьеве». А поскольку начали его с того, что еще раз заявили «о полной недопустимости отделения его от т. Ленина», можно предположить, что разговор шел и о Владимире Ильиче. Но «отделение» все-таки произошло. Выше указывалось, что помимо регулярного писания статей, печатавшихся без задержки в «Рабочем пути», Зиновьев постепенно включался в цекистскую работу. Ему обещали разрешить присутствовать и на заседаниях ЦК. На сей раз также записали: «подтверждено решение об организации заседания пленума с его участием». Ни слова об

усилении связи, а тем более о возможности возвращения Ленина из Финляндии протокол не зафиксировал¹²⁵³.

На заседаниях ЦК 20 и 21 сентября присутствовал Смилга. Были у Ленина и другие каналы информации. Поэтому о всем происходившем в Питере он знал. То, что ЦК не принял его предложений, было очевидно. Беспокоило, видимо, и другое. Судя по разговору, возникшему на заседании 20-го, экстренный VII съезд партии – на базе фракции Демократического совещания – мог быть собран в самый ближайший момент. А после VI съезда думать о том, что и VII-й может пройти без него, Владимир Ильич не хотел, тем более что итоги голосования фракции 21-го говорили сами за себя.

Уже вечером 21 сентября Ленин встречается с Карлом Вийком и заявляет, что намерен срочно выехать в Выборг, а оттуда, возможно, и в Петроград. Ровио тут же стал искать в газетах объявления об изготовлении париков. И на следующий день они направились по указанному адресу. «Парикмахер, – пишет Ровио, – оказался старым петербуржцем, работал там в Мариинском театре». Он с упоением рассказывал, как «омолаживал» князей, графов и прочих аристократов...» А обмерив голову Владимира Ильича, сказал, что поскольку это очень кропотливая работа, парик будет готов недели через две.

Ленин ответил, что двух недель у него нет, парик нужен сейчас. И что «омолаживать» его не надо. Выглядеть он должен лет на шестьдесят, не меньше. «Бедняга парикмахер, – рассказывает Ровио, – чуть не упал в обморок от удивления. – “Что вы? Вы такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать... Да у вас седина-то еще не выступила”».

Но Владимир Ильич уже не слушал его, а ходил вдоль шкафов с выставленными готовыми образцами. Наконец, он выбрал парик с сединой и попросил примерить. Старый мастер совершенно скис, охал и вздыхал, но парик обещал подогнать к утру. И на следующий день Ленин уже ходил в нем, не снимая, чтобы привыкнуть.

А вечером приехал редактор выборгской финской рабочей газеты, депутат сейма Эверт Хуттунен, и утром 23 сентября, на

скором поезде, они уже прибыли в Выборг. Остановились сначала на квартире Эверта, но поскольку она была уж слишком на виду, Ленин переехал в рабочее предместье, в домик журналиста Юхани Латукки¹²⁵⁴.

«Меня зовут Ивановым, – сказал ему Владимир Ильич. Причем по его глазам можно было прочесть: “Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией...” Рабочий день, – вспоминает Латукка, – был распределен у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина... Только время, когда ложиться спать, не определялось». Ленин пошутил: хотя мы требуем для рабочих 8-часового рабочего дня и даже 6-часового в некоторых отраслях, на работников партии это не распространяется¹²⁵⁵.

Еще в Гельсингфорсе, 22 сентября, он начинает писать статью «Из дневника публициста». Был у нее и подзаголовок: «Ошибки нашей партии». Данный исторический момент, размышляет Владимир Ильич, таков, что каждый конкретный тактический шаг необходимо рассматривать с точки зрения приближающейся новой революции. А в подобные моменты принципиально меняется соотношение между парламентскими и внепарламентскими формами агитации, пропаганды, организации и борьбы.

Сейчас все внимание – непосредственной работе в массах. И роль даже таких общероссийских трибун для пропаганды, как Демократическое совещание, тем более Предпарламент, в складывающихся условиях становится ничтожной. Мало того, эти «говорильни» способны лишь отвлечь массы от надвигающейся – более эффективной и многообразной – внепарламентской борьбы. Поэтому большевикам необходимо признать, что не только Предпарламент, но и само Демократическое совещание надо было бойкотировать.

То, что цекисты, загруженные по уши повседневной работой, болезненно воспринимают его критику, было видно по судьбе статьи «О героях подлога...». Их логику можно понять: нам здесь, на месте, виднее; хватит с нас нападок со стороны, и не стоит

получать еще тычки изнутри, от своего лидера; что было, то прошло, прошлого не воротишь, а стало быть, и нечего в нем копать...

«Но это возражение против тактики вчерашнего дня, – пишет Ленин, – было бы явно несостоятельно. Мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего “со дня на день”. Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, изучая цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатов. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра»¹²⁵⁶.

Увы, «завтра», 23 сентября, уже в Выборге, Ленин получает газеты, которые сообщают, что большевистская фракция Демократического совещания постановила в работе Предпарламента участвовать, и ЦК данное решение одобрил. «Невозможны никакие сомнения насчет того, – заключает Владимир Ильич, – что в “верхах” нашей партии заметны колебания...» Ну и что? Колебания и разногласия вполне естественны, тем более в таком деле, как политика... Но не всегда. Бывают такие моменты, когда они могут стать губительными. Особенно если политическая борьба поставила в повестку дня восстание.

Ленин знал, что питерские цекисты все более связывают вопрос о власти с назначенным на начало октября II Всероссийским съездом Советов. Но ЦИК перенес дату его созыва. И в воскресенье 24 сентября Ленин написал в своем «дневнике...»: «Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия».

Работая над «Государством и революцией», Владимир Ильич выписал у Энгельса: «Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день». Сюда входят величины общие и частные, объективные и субъективные. Решительность и сплоченность руководящего центра тоже играет не последнюю

роль. Вот почему в такой ситуации колебания «могут стать гибельными, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны погубить дело».

Что же делать? Опять писать письма в ЦК, статьи в «Рабочий путь»? Да, но не только это. Если «у нас не все ладно в “парламентских” верхах партии», – пишет Ленин, надо обращаться к «низам». Но ведь решение уже принято, и «низам» надо выполнять его? Нет, «ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний – не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни».

«Надо втянуть массы в обсуждение вопроса, – продолжает Владимир Ильич. – Надо, чтобы сознательные рабочие взяли дело в свои руки, проводя это “обсуждение” и оказывая давление на “верхи”... Больше надзора рабочих за ними...» И необходимо теперь вопрос о бойкоте сделать «платформой для выборов на съезд и для всех выборов внутри партии». А в конечном счете «надо во что бы то ни стало добиваться решения вопроса и пленумом Исполнительного комитета, и экстренным съездом партии»¹²⁵⁷.

Но кому адресованы эти пожелания: «втянуть массы», организовать «надзор» и «давление на “верхи”»? И что это за «пленум Исполнительного комитета»? Может быть, Исполком Петросовета? Но тогда при чем тут «выборы на съезд... и внутри партии»? В поисках ответа на эти вопросы мы вторгаемся в сюжет, крайне редко затрагивавшийся в исторической литературе, за исключением разве что работы Алекса Рабиновича. А именно – о взаимоотношениях между ЦК и ПК осенью 1917 года¹²⁵⁸.

Спустя год, 6 ноября 1918 года, Мартын Лацис, который, как помнит читатель, вел в 17-м дневник событий, опубликовал в «Известиях ВЦИК» статью «Накануне октябрьских дней». В ней он достаточно подробно изложил интересующие нас факты.

После июльских событий, пишет Мартын Иванович, между ЦК и ПК была достигнута договоренность о том, что Петроградская организация «не сделает ни одного шага,

имеющего общегосударственное значение, без ведома ЦК». Для этого в состав ПК вводился член ЦК Бубнов. С другой стороны, условились и о том, что ЦК будет всегда спрашивать «мнение ПК перед каждым серьезным решением». В сентябре, когда приближение новой революции становится все более очевидным, а ЦК занимает позицию «сдерживания», отношения обострились. И ПК, как отмечает Лацис, «стал критически относиться ко всему, что принималось ЦК нашей партии в отсутствие Владимира Ильича»¹²⁵⁹.

Выше уже не раз отмечалось, что, находясь в Разливе, затем в Гельсингфорсе, Ленин поддерживал «многоканальную» связь. Одни контакты выводили его на ЦК, другие на ПК, третьи – прямо на Выборгский райком партии. Это подтверждает и Лацис: «ПК, – пишет он, – имел помимо ЦК прямую связь с Ильичом».

Между тем, когда ЦК 15 сентября постановил ликвидировать копии писем Ленина, ПК об этом не был поставлен в известность, хотя и являлся одним из адресатов. Позднейшие ссылки Бубнова и других на необходимость конспирации были явным лукавством. Георгий Ломов в 1927 году написал более откровенно: «...Мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы, Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разнбой в наши ряды... Авторитет Владимира Ильича был настолько велик в наших рядах, что мы боялись: если просочатся слова его к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»¹²⁶⁰.

«Как бы то ни было, – пишет Лацис уже в 1922 году, – а письмо [Ленина] было от нас скрыто, и мы получили его с запозданием, да еще с других рук. Исп[олнительный] ком[итет] Петроградского комитета, который первым получил это письмо, был доведен до белого каления поведением ЦК». Вероятно, «с других рук» – это либо от Крупской, либо от Марии Ильиничны, которые, судя по всему, передали в ЦК не все сделанные ими копии ленинских писем. Так что питерцы, к которым наравне с ЦК обращался Владимир Ильич, хоть и с опозданием, но получили их¹²⁶¹.

Мало того, Александр Шотман, именно в эти дни вернувшийся с Урала, встретив одного из руководителей Выборгского района Василия Каюрова, узнал, что среди рабочих-партийцев ходит по рукам и статья Ленина «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии». Так что адресат и этой работы Владимира Ильича был, как выяснилось, вполне определенным¹²⁶².

А 25 сентября Крупской была отправлена с Ялавой записка «химией», в которой Владимир Ильич просил: не сообщая никому, срочно прислать к нему в Выборг Эйно Рахью¹²⁶³. Утром 27 сентября Рахья был уже в Выборге.

Ленин пишет в Гельсингфорс Смильге: «Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войско и систематически готовится... А мы что делаем? Только резолюции принимаем?»

Есть основания полагать, что Рахья привез резолюцию о текущем моменте, принятую 24 сентября на партийном совещании членов ЦК с большевиками-делегатами Демократического совещания. В ней отмечалось полное «высвобождение пролетариата из-под идейного влияния буржуазии», усиление авторитета большевиков среди крестьян и солдат. Указывалось на то, что господствующие классы встали на путь насилия по отношению к народу. Говорилось и о том, что переход власти к Советам «становится лозунгом дня». Но партия ориентировалась не на восстание и свержение правительства, а на его постепенное выдавливание Советами, на «повышение их политического значения до роли органов, противостоящих буржуазной государственной власти (правительство, Предпарламент и т. д.)»¹²⁶⁴.

Иными словами, резолюция исходила из абсолютной уверенности в том, что нарастание влияния большевиков есть постоянный вектор развития, и власть перейдет к Советам как бы сама собой. Мысль Владимира Ильича о том, что соотношение сил может измениться в любой момент, во внимание не принималась. И Ленин пишет Смильге: «Керенский в ставке, явное

дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и сталкивается деловым образом». А большевики систематической работы по подготовке своих войск не ведут. Между тем «история сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные "злобой дня", мелкими текущими вопросами и "надеясь", что "волна сметет Керенского". Такая надежда наивна, это все равно, что положиться "на авось"».

Поэтому «надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию...». Иначе «мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого: с прекрасными резолюциями и с Советами, но без власти!!» Ибо даже если исходить из того, что Всероссийский съезд Советов возьмет власть и предложит воюющим странам мир, даже если, как выразился Владимир Ильич, – «терпеть еще три недели войны», а стало быть, новые сотни и тысячи жертв, – то даже при таком предположении у Финляндского областного Совета этих трех недель нет¹²⁶⁵.

Историк Василий Дмитриевич Поликарпов писал: «Вряд ли возможно в полном объеме восстановить весь поток данных, которым он [Ленин] пользовался и перерабатывал в своем уме, – здесь, помимо тех сведений, которые сохранили разного рода письменные источники, были еще, конечно, и переданные устно, часто не фиксировавшиеся, особенно в условиях конспирации. Но проверить соответствие его выводов и характеристик действий контрреволюции действительному положению вещей все же в значительной части вполне возможно»¹²⁶⁶.

После того как 12 сентября III Областной съезд Советов Финляндии объявил себя «властью» по отношению к русским рабочим и дислоцированным здесь войскам и флоту, Временное правительство распорядилось начать вывод «большевистских» частей из Финляндии. Тогда 21 сентября Областной совет заявил, что без его утверждения указания правительства недействительны. Это, естественно, вызвало в Ставке самую яростную реакцию, и Керенский приказал «ликвидировать

Финляндию (Облсовет Финляндии. – В.Л.), несмотря ни на какие вопли...»¹²⁶⁷.

Значит, и эта ситуация не терпела ни оттяжек, ни промедления. Поэтому, с точки зрения политической, пишет Ленин Смилге, не дожидаясь никаких общих решений, необходимо «начать сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России... Пока там суд да дело, заключите немедленно такой блок у себя...»

А с точки зрения технической – не теряя времени, надо «создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ним всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.».

Что касается работы в массах, то «для правильной подготовки умов надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов. Ибо зачем терпеть еще три недели войны и “корниловских подготовлений” Керенского». В конце письма Ленин предлагает Смилге встретиться в Выборге, но предупреждает, что сделать это надо немедля, «ибо я могу уехать внезапно»¹²⁶⁸.

С этим письмом Рахья 27 сентября уехал в Гельсингфорс.

В тот же день – или утром следующего дня – в Выборг приезжает Шотман. Получилось совсем как в авантюрном романе. Впрочем, история нередко создает такие реальные коллизии, которые не сочинит и профессиональный драматург...

Когда после возвращения с Урала Шотман пришел в ЦК, Яков Михайлович Свердлов, введя его в курс дела, попросил немедленно отправиться к Ленину: «Ильич нервничает, – сказал он, – успокой его». Узнав от финских товарищей, что Ленин – без ведома ЦК – уже перебрался в Выборг, Александр Васильевич приехал к нему прямо на квартиру Юхани Латуки. «Одним из первых вопросов, который он задал мне, как только я вошел к нему в комнату, – пишет Шотман, – был: правда ли, что

Центральный комитет воспретил ему въезд в Петроград. Когда я ему подтвердил, что такое решение действительно было, что в интересах его личной безопасности ему необходимо пока оставаться в Финляндии, он потребовал от меня письменного подтверждения этого постановления. Я взял листок бумаги и в полушутливой форме написал приблизительно следующее:

“Я, нижеподписавшийся, настоящим удостоверяю, что Центральный комитет РСДРП(б) в заседании своем от такого-то числа постановил: Владимиру Ильичу Ленину, впредь до особого распоряжения ЦК, въезд в город Петроград воспретить (подпись)”». Какого числа состоялось это решение, Александр Васильевич не указывает. Но, как уже отмечалось, вероятно, речь идет о заседании ЦК 21 сентября, где обсуждался вопрос о Зиновьеве.

«Взяв от меня этот “документ”, – продолжает Шотман, – Владимир Ильич бережно сложил его вчетверо, положил в карман и затем, положив руки в вырезы жилета, стал быстро ходить по комнате, повторяя несколько раз: “Я этого так не оставлю, так этого я не оставлю!”»

После того как Ленин успокоился, у них состоялся долгий разговор о положении в стране и тактике партии. Этот разговор как раз и датирует приезд Александра Васильевича в Выборг. По его рассказу, Владимир Ильич находился под свежим впечатлением сенсационных итогов выборов в Москве. О них он узнал из «Русских ведомостей» от 27 сентября. А питерские газеты приходили в Выборг в тот же день. Значит, и беседа могла происходить либо 27-го, либо 28-го¹²⁶⁹.

Ленин расспрашивал, как отреагировали на эти известия в ЦК, доказывал, что «страна явно на нашей стороне», что тянуть дальше с решением вопроса о власти невозможно. Он и Юхани Латукке постоянно напоминал: «Следите за телеграммами “Роста”. Я боюсь, и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте».

«Я старался доказать, – пишет Шотман, – что захват власти в настоящий момент еще невозможен, указывал, что технически

мы еще не подготовлены... Каюсь, придирался я к Владимиру Ильичу по всякому пустяку, благо времени свободного было много, и он охотно пускался со мною в споры по этому основному тогда для него вопросу...» А Ленин вновь и вновь доказывал ему, что суть дела состоит в том, чтобы, взяв власть, «провести в жизнь такие законы, чтобы весь народ увидел, что это его власть, а раз народ это увидит, он нас поддержит... "Кто же тогда будет против нас?" – восклицал он, близко наклонившись ко мне и пристально смотря мне в глаза, чуть-чуть улыбаясь, прищурив левый глаз». И еще Шотману из беседы с Лениным запомнилось: «"Только бы не пропустить момент!" – повторял он десятки раз и опять настаивал, чтобы я скорее организовал ему переезд в Петроград». Александр Васильевич пообещал и уехал в тот же день, будучи уверенным, что он все-таки «успокоил» Владимира Ильича. Но у Ленина решение, видимо, созрело окончательно, и посвящать в свои планы Шотмана он не стал¹²⁷⁰.

Судя по всему, вечером 28-го в Выборг возвращается Рахья. Письмо Смильге он не передал. Ровио сообщил ему, что в связи с беспорядками в Ревеле Смильга уехал и вернется лишь через пару дней. Но, оставив письмо Густаву, Эйно привозит Владимиру Ильичу новую информацию. Ставка готовит переброску надежных войск для разгона Облсовета, Центробалта и наведения порядка в Ревеле, Гельсингфорсе и прежде всего в Выборге, где Совет взял под контроль телеграфные аппараты Юза правительственной связи.

Ленин и сам видел, как за несколько дней до этого из Выборга выводили казачьи части в Усикирко и Перкъярви для «безопасной (от большевиков) изоляции». На этих казаков как раз и рассчитывала Ставка. Так что каратели могли появиться в Выборге в любой момент¹²⁷¹.

Были и другие поводы для того, чтобы торопиться с отъездом. 27 сентября «Рабочий путь» известил о том, что экстренный большевистский съезд соберется 17 октября. А решения партийных совещаний 21 и 24 сентября, о которых говорилось выше, свидетельствовали о том, что личное участие Ленина в подготовке этого съезда совершенно необходимо.

Наконец, именно в эти дни – 26-го и 27-го – «Рабочий путь» помещает ленинскую статью (почти месячной давности) «Задачи революции», где Владимир Ильич убеждал в необходимости блока с эсерами и меньшевиками, что еще есть шанс добиться победы «спокойно» и «мирно». Терпеть такое было невыносимо. И Ленин решает – не ждать больше санкции ЦК...

Есть все данные полагать, что 29 сентября, в сопровождении Рахьи, Владимир Ильич уезжает в Петроград.

Вопрос о дате и причинах этого переезда поначалу особых споров не вызывал. В юбилейном сборнике, посвященном 50-летию Ленина и выпущенном в 1920 году, в статье об основных вехах его биографии, которая представляла собой перепечатку доклада Зиновьева в Петросовете 6 сентября 1918 года, говорилось: «Во время Демократического совещания он пишет ЦК партии: "Довольно тянуть канитель, нужно... взять власть в свои руки". ЦК не соглашается с В.И. Он покидает свое убежище в Финляндии и, рискуя попасть в руки агентов Керенского, "самовольно" приезжает в Спб. для организации восстания». И преподнося этот сборник Маргарите Фофановой, Владимир Ильич дважды подчеркнул слово «самовольно»¹²⁷².

В первом прижизненном (1921 г.) собрании сочинений В.И. Ленина в примечаниях указывалось: переехал «в конце сентября»¹²⁷³. О конце сентября писали в своих воспоминаниях Шотман и Рахья. М.В. Фофанова даже называла даты: 22 или 29 сентября. Впрочем, в воспоминаниях других лиц фигурировали и начало октября, и даже 20 октября. После публикации в 1929 году протоколов ЦК крайние даты – 22 сентября и 20 октября – отпали. И дальнейший спор могли решить лишь новые документы и аргументы.

Однако после дискуссии 1924 года по статье Троцкого «Уроки Октября», где автор всячески эксплуатировал сюжет о разногласиях между Лениным и ЦК, этот вопрос вышел за рамки научной дискуссии. Он становится вопросом политическим. И «Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец всяческим спорам. В нем указывалось, что переезд Ленина произошел 7 октября, после того как 3 октября ЦК принял соответствующее решение.

Лишь в конце 50-х годов дискуссия возобновилась. Поводом для нее стала статья «Новые данные о последнем подполье В.И. Ленина» ленинградского историка Павла Николаевича Михрина, который достаточно убедительно ставил вопрос о возвращении к сентябрьской дате¹²⁷⁴. В ноябре 1960 года на совещании в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с участием старых большевиков и историков Москвы и Ленинграда позицию Михрина поддержали М.В. Фофанова, Е.Д. Стасова и группа биографики ИМЛ – Р.М. Савицкая, Э.В. Клопов и В.Т. Логинов.

Единственным документом, которым оперировали оппоненты, являлась записная книжка машиниста Гуго Ялавы с датой переезда 7 октября, введенная в научный оборот в 30-х годах. Но она вызывала определенные сомнения. И задолго до указанного совещания, с разрешения заместителя заведующего партархивом Ростислава Александровича Лаврова, автор этих строк передал ее для экспертизы в отдел криминалистики Института милиции МВД СССР. Ответ 4 июня 1959 года был однозначным: в силу того, что на данной страничке записей Ялавы установлены явные подчистки и исправления, она не может служить подтверждением спорной даты. О заключении экспертов мною и было доложено на совещании 1960 года¹²⁷⁵.

Позднее, в конце 80-х годов, Виталий Иванович Старцев пришел к обоснованному выводу, что первоначально записная книжка Ялавы не содержала никаких пометок, кроме времени отправления поездов. Однако позднее Гуго стал вносить в нее – по памяти, часто с ошибками – даты опорных политических событий 1917 года. Записи, касающиеся переезда Владимира Ильича, Ялава, судя по всему, внес в записную книжку в 1924 году в связи с публикацией своих воспоминаний. И при этом ошибся, указав неправильно дату отъезда Ленина в Финляндию (9 июля). В 1935 году у него состоялась встреча с Исааком Израйлевичем Минцем, который указал ему на эту ошибку. А в 1937 году начались неприятности...

О них в 1960 году на совещании в ИМЛ рассказала Маргарита Фофанова. Ялаву исключили из ВКП(б) как «не внушающего доверия партии». Потом вызвали для беседы в

Москву. И с тех пор, как писала его жена Лидия Германовна Ялава, он «пользовался официальными датами, с которыми был ознакомлен в 1937 году при его свидании с Шотманом»¹²⁷⁶.

Однако наших оппонентов это не убедило. Решающим стал опять-таки аргумент «политический»: Ленин, мол, не мог нарушить решения ЦК и появиться в Питере без его ведома. Созданный историками миф о «твердокаменной» партии, спаянной «железной» дисциплиной, оказался неодолимой преградой для восприятия очевидных фактов прежде всего самими историками. Так появилась новая официозная дата переезда – «между 3 и 10 октября», хотя подобного рода доказательства могли служить лишь предметом толкований, а никак не научного анализа.

Сегодня, когда политическая подоплека этой давней дискуссии ушла в прошлое, можно с достаточным основанием утверждать, что дата переезда 29 сентября наиболее вероятна. И все последующие события лишь подтверждают это предположение.

Итак, утром 29-го Владимир Ильич надел свой седоватый парик, очки, темную рубашку с белым подворотничком, пальто, шляпу и, посмотрев на себя в зеркало, рассмеялся: вылитый пастор. Рахья пошутил: «Вам бы в церкви выступать с проповедью». Потом они сели в Выборге на пригородный поезд и доехали до станции Райвола. Здесь у пакгауза они дождались питерского поезда, который вел Гуго Ялава. И Владимир Ильич, отдав пальто и шляпу Рахье, облачившись в рабочую одежду, тут же забирается в будку машиниста, а Рахья садится в первый вагон. В Белоострове границу пересекли как и в прошлый раз: во время паспортного контроля Ялава отогнал паровоз к водокачке. Ленин усердно шуровал в топке, и лишь с третьим звонком подцепили состав и тронулись в путь¹²⁷⁷.

На станции Удельная их ждал Эмиль Кальске, и они пошли к нему на квартиру переодеться. Там Владимир Ильич встретился с Зиновьевым. Ленин работал с Григорием Евсеевичем много лет, и роль «второй скрипки» вполне соответствовала и характеру, и возможностям Зиновьева. Но не прошло и двух месяцев, как они

расстались, а общий язык был утерян. В этот день Григорий в очередной раз участвовал в заседании ЦК, и в его объяснениях влияние Каменева было вполне заметно.

Разговор шел в комнате, где жил Зиновьев, но Кальске пишет, что он все-таки слышал «оживленную беседу, и, как по крайней мере я помню, Владимир Ильич не совсем был доволен тактикой наших руководящих товарищей партии. Спустя с час Владимир Ильич в сопровождении Эйно Рахья направился на другую квартиру»¹²⁷⁸.

Это была трехкомнатная квартира Маргариты Фофановой, находившаяся на Сердобольской улице, на верхнем – четвертом этаже дома, где обычно снимали жилье рабочие и служащие трамвая, заводов «Айваз» и «Лесснер». Добрались до нее благополучно. Но тут случилась неувязка...

Маргарита Васильевна работала секретарем и редактором «Большой сельскохозяйственной энциклопедии», в журнале «Сельскохозяйственное лесоводство» и еще в детском клубе Выборгского района. Выше уже говорилось о том, что квартиру она держала наготове уже с начала сентября. Детей отправила в Уфу к родственникам. Но Крупская, как утверждает Фофанова, переносила приезд Ленина трижды. И так случилось, что именно в эту пятницу, 29-го, у нее, помимо домработницы Юзи, сидели трое педагогов из клуба.

Поэтому, когда позвонили, Маргарита Васильевна прикрыла дверь в столовую, где находились ее коллеги, и Владимир Ильич, подняв воротник пальто, быстро прошел в конец коридора в предназначенную для него комнату. Вскоре пришла и Крупская. Узнав о ситуации, она ужасно разволновалась. А когда, выпроводив гостей, Маргарита Васильевна пригласила поужинать, Надежда Константиновна ответила, что Ильич до утра не выйдет, и сама отнесла ему еду в комнату¹²⁷⁹.

Видимо, после разговора с Зиновьевым у него сложилось определенное решение. И он тут же сел писать статью «Кризис назрел», завершавшуюся письмом «для р а з д а ч и членам ЦК, ПК, МК и Советов»¹²⁸⁰.

В статье он вновь повторяет и развивает те доводы, которые излагал ранее. «Нет сомнения, – пишет Ленин, – конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции». Августовское восстание матросов на крупнейших военных кораблях германского флота. Многочисленные аресты интернационалистов в Англии, Франции, Италии. Крестьянское восстание и обострение национального вопроса в России. Рост влияния большевиков не только в Советах, но и среди населения вообще. Ухудшение положения на фронте. Все это говорит о том, что начался «этап, который можно назвать кануном революции... Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом».

А в письме членам ЦК, ПК, МК и Советов Ленин договаривает до конца. «Что же делать? Надо aussprechen was ist, “сказать что есть”, признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение.

Иначе большевики опозорили [бы] себя навеки и сошли на нет как партия». Владимир Ильич не преувеличивал. Было уже очевидно, что если большевики не станут во главе новой революционной волны, она либо выльется в анархический взрыв, либо будет раздавлена или немцами, или новой корниловщиной. «Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3–5 июля, ибо не пойдут войска против правительства мира».

А конец этого письма, по существу, являлся формальным заявлением, которое он вряд ли стал бы пересылать из Финляндии даже с самым надежным связным: «Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган в ы ч е р к и в а е т из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в

президиуме Совета и т. д. и т. д. – видя это, я должен усмотреть тут “тонкий” намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться.

Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии»¹²⁸¹.

«Последнее подполье»

Утром следующего дня, когда Ленин и Крупская вышли из комнаты, Надежда Константиновна познакомила его с хозяйкой: «Вот Владимир Ильич, с которым вы еще не знакомы...» Ленин поправил: «Не Владимир Ильич, а Константин Петрович Иванов». Крупская рассмеялась: «Ты же сам вышел без парика». Пришлось ему возвращаться в комнату за столь надоевшим ему париком. А на будущее договорились, что Ленин будет напоминать Маргарите Васильевне о том, что он Иванов, а она ему – о парике.

За завтраком условились о распорядке дня, а главное о том, что до ухода на работу в 8 часов Фофанов будет доставлять «решительно все газеты, какие только выходили тогда в Петрограде». «Что – и черносотенные?» – удивилась она. – «Обязательно», – подтвердил Ленин. И если раньше он, как правило, оперировал в своих статьях прессой одно-, двух-, трехдневной давности, то теперь этого разрыва уже не должно было быть. И в написанной ночью статье «Кризис назрел» Владимир Ильич уже использовал газету «Дело народа» того же дня – 29 сентября.

Ленин осмотрел квартиру. Комнаты были чистыми и светлыми. Везде много цветов, кактусов, а на обеденном столе в вазе – лиловые астры. На стенах фотографии и рисунки детей. Хозяйка кончала Стебутовский сельскохозяйственный институт, была агрономом, и на полках стояли книги о полеводстве, лесоводстве, о лошадях, коровах, овцах. У одного из окон

квартиры близко проходила водосточная труба. Владимир Ильич обрадовался и пояснил: если появятся незваные «гости» и нельзя будет выйти обычным путем, придется спускаться с четвертого этажа по этой трубе...

Договорились и о том, что никто о местонахождении Ленина, кроме Крупской, Марии Ильиничны и Рахьи, знать не должен. «Решено было, – пишет Крупская, – соблюдать сугубую конспирацию: не говорить адреса... даже членам Центрального Комитета». А поскольку никто из членов ЦК тут действительно не был, в литературе утвердилось мнение, что, кроме перечисленных выше лиц, у Фофановой вообще никто не появлялся. Но это не так.

Первые пять дней в квартире оставалась домработница Юзя. И, приходя на кухню, Владимир Ильич подробно расспрашивал ее о настроениях, о чем говорят в очередях, о ценах на хлеб, муку, мясо, молоко. Дважды приходила сестра Маргариты Васильевны, Вера. И Ленин тоже допытывался у нее о том, что думают рабочие на противогазном заводе, где она работала. Несколько раз заходил председатель домкома. Пришел однажды и остался ночевать бывший муж Фофановой. Правда, ни тот, ни другой Владимира Ильича не видели. Как рассказывала Маргарита Васильевна, он закрылся на ключ у себя в комнате и работал тихо, «как сурок»¹²⁸².

«Условлено было, – пишет Крупская, – что он дверей не будет никому открывать и не будет отзывать на звонки». Но однажды вечером она застала у дверей юношу: «"Знаете, в квартиру Маргариты забрался кто-то... Прихожу, звоню, мне какой-то мужской голос ответил; потом звонил я, звонил – никто не отвечает". Парню я что-то наврала... И только тогда успокоилась, когда он сел в трамвай и уехал... Когда Ильич открыл дверь, принялась его ругать: "Парень мог ведь народ позвать". – "Я подумал, что спешное"». Фофанова, придя с работы, тоже стала успокаивать – это, мол, племянник, хотя приходивший – Женя Фролов был не племянником, а сыном ее друга¹²⁸³.

Со «спешным» обычно приходил Рахья. Он уносил записки Владимира Ильича Крупской и Жене Егоровой для Выборгского райкома и ПК, приносил ответы, а также газеты, которые не смогла купить Фофанова. И его Ленин расспрашивал о разговорах в трамваях и на улицах, о настроениях на том или ином заводе, о том, что предлагают рабочие. Ответы Рахьи были порой своеобразны: на вопрос, надо ли брать власть, он как-то сказал – надо «потому, что настроение такое. В июле нас били, я в синяках ходил, а сейчас, извиняюсь, не смеешь бить... И другие рабочие так думают». Эйно отметил, что ответом его Ильич «очень был доволен»¹²⁸⁴.

Рахья приносил известия и о том, что происходит в Петербургском комитете, которые получал от брата Ивана, являвшегося членом ПК. Из воспоминаний Лациса 1918 года известно, что отношения между ЦК и ПК все более обострялись. Как указывалось выше, письма Ленина о восстании были питерцам известны. Но было известно и то, что ЦК, «не разделяя его взглядов, молчал и бездействовал... Это было, – пишет Мартын Иванович, – уже непростительно»¹²⁸⁵. И 1 октября, выполняя свое обещание апеллировать к массам, Владимир Ильич обращается с письмом «в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы» (в первом издании Сочинений В.И. Ленина 1921 года оно публиковалось как письмо, адресованное только ПК и МК).

Задачи партии, пишет Ленин, определяются не чьими-то желаниями, а всем ходом событий. Репрессии против крестьянского движения. Обострение ситуации на фронте. Рост симпатий к большевикам в войсках. Конфликт правительства с флотом и армией в Финляндии, с железнодорожниками и почтовиками России. Очередной перенос съезда Советов ЦИКом с 20-го на двадцатые числа октября. Все это говорит о том, что «промедление становится положительно преступлением... Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас». Этим можно предотвратить сговор держав, которые «против нас объединятся». Этим можно спасти «и

русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотням тысяч людей на войне».

Особенность ситуации состоит в том, что «очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством». Взяв власть, Москва сразу получит «гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас... Если Москва "начнет" бескровно, ее поддержат наверняка... Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство». Однако «если нельзя взять власти без восстания, – заключает Ленин, – надо идти на восстание тотчас... Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно»¹²⁸⁶.

Ленин пишет «Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд». «Объективное положение таково, – констатирует он, – что в стране, несомненно, нарастает революция...» Между тем, «к сожалению, в верхах партии заметны шатания, как бы "боязнь" борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами».

Необходимо понять: дальнейшее мирное сожительство Советов и Временного правительства невозможно. Вопрос стоит так: либо Советы будут оттеснены и революционная волна перехлестнет через них, либо они станут органами революционной власти. «Вне этой задачи Советы пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов».

Партия сделала явную ошибку, участвуя в «подтасованном для обмана народа» Предпарламенте или, как стали его называть после включения более полутора десятков представителей буржуазных партий и организаций – «Совете республики». Теперь, пишет Ленин, партия совершает новую ошибку, связывая

переход власти к Советам с созывом II съезда Советов. Это лишь сбивает «с толку массы иллюзией, будто “резолуцией” съезда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой».

И наконец, выполняя свое обещание апеллировать непосредственно к массам, Владимир Ильич пишет листовку-обращение «К рабочим, крестьянам и солдатам». 30 сентября эсеровское «Дело народа», исходя из того что Керенский никогда и «ни в коем случае не подчинится» Советам, призвало своих читателей проявить выдержку и «претерпеть» и войну, и все невзгоды и лишения.

«Товарищи! – пишет Ленин в обращении. – Посмотрите кругом себя, что делается в деревне, что делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дольше не могут... Нет, ни одного дня народ не согласен терпеть больше оттяжек! Ни одного дня нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне... Долой правительство Керенского... Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!»¹²⁸⁷

Данных о том, что эту листовку распространили, нет. Но вот письмо в ЦК, ПК и МК дошло до адресатов. «...В один прекрасный день, – пишет Лацис, – мы получаем от Ильича письмо, в котором он, уже помимо ЦК, обращается непосредственно к ПК... Нас взорвало. Сейчас же было созвано собрание ПК и ответственных работников. Отсюда началось. Решено было выделить несколько лиц для подготовительной работы. Поручили это Исполнительному комитету ПК. ИК выделил Фенигштейна, Москвина и меня. Мы сейчас же наметили себе работу: учет войсковых сил, их размещение, обследование контрреволюционных гнезд, подготовка районов. Для последней цели создавали узкие товарищеские группы из старых нелегальных деятелей. Эти группы обыкновенно представляли собой Исполнительные комитеты районных комитетов. Такие же группы создавались и при районных Советах... В первое время все это делалось втайне от ЦК»¹²⁸⁸.

Письмо Ленина получили и члены Московского областного бюро. От имени бюро на заседании ЦК 3 октября Георгий Ломов заявил, что «выжидательное положение», которое занял ЦК, не соответствует «крайне напряженным» настроениям. Массы требуют не разговоров, а «конкретных мероприятий» по переходу власти к Советам. Судя по всему, именно в этой связи и встал вопрос о Ленине. Его заявление о выходе из ЦК, видимо, воспринималось как результат недостаточной информированности. Поэтому тут же было «принято решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь»¹²⁸⁹.

Вероятно, в этот или на следующий день, 4 октября, Свердлов вызывает Шотмана и просит его отправиться в Выборг к Ленину и организовать его переезд. Однако на Финляндском вокзале Александр Васильевич случайно встретился с «Эйно Рахья, который, – как пишет Шотман, – хитро улыбаясь, сообщил мне, что нет смысла ехать в Выборг, так как Владимир Ильич переехал в Петроград. Затем он с виноватым видом покаялся, что привез его в Питер без ведома ЦК и теперь боится, что ему за это попадет. Я его, конечно, основательно выругал, сказал, что попадет ему от ЦК, как полагается, пошел в ЦК и рассказал покойному Я.М. Свердлову об этой “неприятной” истории. После продолжительной с ним беседы решили: “так оставить”».

Крупская рассказала эту историю короче: «Финские товарищи перевезли его [Ленина] в Петроград. Сейчас же кое-кто из товарищей начал ворчать: “Без разрешения приехал”; но не такое время было, чтобы ворчать». Заметьте: сомнений в том, что Владимир Ильич приехал до «разрешения», у Надежды Константиновны не было. Зиновьев еще более определен. «Почти всем нам казалось, – писал он в 1918 году, – что еще рано... Тогда Ленин, недолго думая, бросает свое убежище и “самочинно”, не считаясь с опасениями друзей, переезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедовать немедленное восстание»¹²⁹⁰.

Поскольку скрывать далее от ЦК факт переезда было уже невозможно, Ленин решает начать «переговоры». Эйно Рахья

пишет: «Условились, что ни одного человека к Фофановой не водить, а встречаться у Никандера Кокко». Первая встреча произошла со Сталиным, судя по всему, уже 4 октября, ибо, как отметил Эйно, «на другой день у нас было собрание», а собрание ЦК состоялось 5-го.

То, что к воспоминаниям Рахьи, как и ко всем другим мемуарам, необходимо относиться осторожно и критически, – это очевидно. Но отметим, что запись, которая используется в данном случае, сделана в феврале 1935 года, т. е. до уже упоминавшихся «разъяснительных» бесед, проводившихся с нашими мемуаристами летом того же года. Важно и то, что именно в этой записи указывается то звено событий, без которого не ясны причины отмечавшегося исследователями серьезного «поворота», который происходит на заседании ЦК 5 октября.

Когда Рахья пришел к Сталину и сообщил ему, что Ильич хотел бы с ним встретиться, Сталин ответил, что в данный момент уехать из Петрограда не может. На это Эйно заметил, что ехать, мол, никуда не надо, ибо Ленин уже в Петрограде. Сталин возмутился: «Какое ты имел право?» Но тут же, бросив дела, пошел за Рахьей на квартиру Кокко, где их ждал Ленин.

«Он меня облаял за то, что я вас привез», – пожаловался Эйно, но Владимир Ильич успокоил его и отправил на улицу караулить. Так что самой беседы Рахья не слышал, но когда вернулся, то «увидел, что ни о каких протестах не может быть и речи, вижу, что они договорились». Когда Сталин ушел, а Ленин и Рахья двинулись к Фофановой, Владимир Ильич, отметил Эйно, «был очень задумчив и говорил, что необходимо точно следить за настроениями»¹²⁹¹.

Но о чем все-таки шел разговор? Об этом, с достаточной уверенностью, можно судить по тем предложениям, которые Сталин на следующий день внес на заседании ЦК. Если это так, то Ленин – дабы снять свое заявление о выходе из ЦК – выдвинул три условия: 1) немедленный выход большевиков из Предпарламента; 2) созыв партийного совещания из членов ЦК, питерских и московских товарищей, приурочив его к созыву

съезда Советов Северной области 8 октября; 3) отложить с 17 октября на короткий срок партийный съезд для более тщательной его подготовки¹²⁹².

Договорились, видимо, и о том, что для всех (кроме узкого круга лиц, организовавших переезд), Ленин по-прежнему находится в Финляндии. Стасова утверждает, что о приезде Ленина никому из членов ЦК Свердлов так и не сказал. Это было важно для конспирации. К тому же в сложившейся ситуации столь неожиданное появление Ильича в Питере могло создать в партии нежелательное «двоецентрие». В общем, формула Свердлова – «так оставить», – судя по всему, получила именно такую интерпретацию.

Эта первая неделя пребывания в Петрограде была насыщена событиями до предела. Каждый день приносил что-то новое, существенное. И приходилось удерживать и себя, и других для того, чтобы не заскочить вперед раньше того времени, когда будет – пора. Комментируя ошибки Бухарина в проекте новой программы партии, Владимир Ильич пишет: «Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже. (Я лично склонен думать, что завтра, – пишу это 6-го октября 1917 года – и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Все это будет, и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что это должно начаться завтра), но этого еще нет»¹²⁹³.

Откуда эта внутренняя тревога, звучащая за каждой строкой? 5 октября на заседании ПК Михаил Лашевич сказал: «Мы стоим на вулкане. Каждый раз я встаю утром и думаю: не началось ли уже?» Тревога в эти дни исходила и от утренних газет. Происходили события, способные нарушить то переменчивое соотношение сил, о котором предупреждал Ленин. 4-, 5 октября и в последующие дни газеты дают подробную информацию о начале нового немецкого наступления на дальних подступах к Петрограду в районе Моонзундских островов.

Для проведения операции «Альбион» под командованием генерала О. фон Гутье было сосредоточено более 300 кораблей. В том числе 10 линкоров, 10 крейсеров, 68 эсминцев и

миноносцев, 6 подводных лодок, более 100 самолетов и дирижаблей плюс 25-тысячный десант. С русской стороны в Рижском заливе находилось 116 кораблей, в том числе 2 устаревших линкора, 3 крейсера, 36 эсминцев и миноносцев, 3 подводные лодки и 30 самолетов. 16 береговых батарей на островах насчитывали лишь 10 тысяч штыков. Впрочем, неподалеку стояла английская эскадра, и казалось, что в случае необходимости она сможет прийти на помощь.

Все предшествующие месяцы командование Балтфлота и укрепрайона на Моонзундских островах жаловалось Ставке и министрам на «большевистское засилье», «деморализацию» флотских экипажей и воинских частей. Они требовали «пресечь», «наказать», «запретить» и т. п. Но как только 29 сентября под прикрытием корабельной артиллерии немецкий десант высадился на острове Эзель (Сарема), начальник сухопутной обороны Моонзундских островов контр-адмирал Д.А. Свешников вместе со всем своим штабом перебрался на материк, возложив оборону Эзеля на начальника 107-й пехотной дивизии генерал-майора Иванова Ф.М.

Но фактическое руководство обороной легло на оставшихся офицеров, комиссаров Центробалта, матросские и солдатские комитеты. Дрались они героически. Однако силы были слишком неравны, и 3 октября Эзель был оставлен. 4 октября в морском сражении линкор «Слава» получил пробоину, потерял ход и был затоплен экипажем, дабы не сдавать его врагу. Выступая 5 октября на заседании ПК, Михаил Лашевич заявил: «Матросы считают делом чести на деле доказать, что, когда надо, большевики будут сражаться насмерть». Только после упорнейших боев оставили острова Моон (Муху) и Даго. Германский флот вошел в Рижский залив. Но русские моряки, загородив фарватер затопленными пароходами и минными полями, закрыли проход в Финский залив.

Понесся большие потери – было уничтожено 10 эсминцев, 6 тральщиков, повреждены 3 линкора и 13 миноносцев, – немецкое командование прекратило операцию. Русский флот потерял линкор «Слава», миноносец, 7 судов получили повреждения.

Английская эскадра за все это время так и не сдвинулась с места, хотя ее взаимодействие с Балтфлотом могло бы нанести еще больший урон Германии. Было очевидно, что на помощь «союзников» Петрограду рассчитывать не приходится.

А вот в недостатке мужества и стойкости российских солдат и матросов не могла теперь упрекнуть даже самая желтая пресса. И когда в эти дни командующий Северным флотом генерал Владимир Андреевич Черемисов выдал из казенных средств деньги на большевистскую фронтовую газету «Наш путь», он заметил: «Если она и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы – самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях. Мы видим, что большевики умеют драться». Так что мысль Ленина о том, что обороноспособность страны в случае перехода власти к Советам «была бы во много раз выше», косвенно подтвердилась и этим свидетельством¹²⁹⁴.

Однако уже 4 октября Временное правительство принимает решение о переезде правительства в Москву и эвакуации из Петрограда заводов, что означало закрытие предприятий и массовое увольнение рабочих. На следующий день командующий Петроградским военным округом полковник Георгий Петрович Полковников получает распоряжение о начале вывода из столицы «ненадежных» (т. е. поддерживающих большевиков) воинских подразделений и замене их более надежными частями.

Документов, подтверждающих намерение правительства сдать Питер немцам, не обнаружено. Но общее настроение правящих верхов 6 октября сформулировало «Утро России». В передовой статье прямо говорилось, что судьба Петрограда «не беспокоит русских людей, их сердцам ближе судьба России. С падением Петрограда не погибнет Россия». Еще более откровенно столь «патриотическую» мысль выразил Михаил Владимирович Родзянко. В интервью тому же «Утру России», получившем самый широкий резонанс, он с умилением рассказывал, как после оккупации Риги немцами в городе «водворился такой порядок, какого никогда не видали:

расстреляли десять человек главарей, вернули городских, город в полной безопасности...».

А отсюда следовал вывод: «Петроград находится в опасности... Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения... Очень рад буду, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли». Под «центральными учреждениями» он имел в виду прежде всего ЦИК Советов, которому, кстати, Временное правительство пояснило, что Советы не входят в число государственных учреждений, подлежащих эвакуации¹²⁹⁵. То есть и на сей раз правительство сделало все для того, чтобы взбаламутить население столицы.

Слухи о начавшихся увольнениях рабочих, о выводе гарнизона, об измене и готовящейся сдаче Питера будоражили рабочих и солдат. Еще за месяц до этого, 6 сентября, солдатская секция Петросовета приняла резолюцию: если «правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано либо заключить мир, либо уступить свое место другому правительству»¹²⁹⁶.

И когда на заседании Исполнительной комиссии ПК обсуждали письмо Ленина от 1 октября, большинство поддержало его оценку хода событий, высказалось за восстание и выразило возмущение тем, что ЦК выступил в роли цензора ленинских писем и статей. Кстати, Шотман проинформировал, что о письме Ленина не сообщили не только ПК и МК, но и всем членам ЦК. «Только некоторым членам ЦК, – сказал Александр Васильевич, – о нем было известно». И ПК обратился в ЦК с письмом, в котором повторил предложение Владимира Ильича о срочном созыве «совещания ЦК с питерскими и московскими работниками для намечения политической линии нашей партии»¹²⁹⁷.

Не дожидаясь ответа ЦК, 5 октября ПК проводит закрытое собрание членов ПК и представителей районов. Собравшимся зачитали ленинское письмо от 1 октября. Потом с докладом выступил Иван Рахья, который ухватил главное: на примере положения в Финляндии и Кронштадте, которому правительство опять грозило разоружением, он показал, что сложившаяся

ситуация не может оставаться неизменной – либо нас вынудят сдать свои позиции, либо мы пойдем вперед к восстанию.

Ему оппонировал Володарский, который начал с байки о том, как в Кинешме большевики взяли в свои руки городскую думу, а когда пришли рабочие и потребовали хлеба, пришлось думцам уйти в отставку, ибо власть у них была, а хлеба – не было. «Если мы не хотим идти на авантюру, – сказал он, – для нас революционный путь – отказаться от компромиссов и не форсировать событий, которые до известной степени форсируются сами по себе, и в то же время укреплять нашу боеспособность, чтобы, когда это будет неизбежно, взять власть». Но не надо спешить, ибо мы вряд ли сможем добиться мира и решения продовольственного вопроса. Поэтому «ход Ильича мне кажется чрезвычайно слабым» и надо «не форсировать события», а ждать «революционной вспышки на Западе».

Его поддержал Лашевич. С точки зрения экономической и особенно продовольственной, заявил он, Россия «идет к пропасти... Власть идет к нам. Это – факт. Взять ее надо, хотя 98 шансов за то, что... мы будем побеждены... Но надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать события... Стратегический план, предложенный т. Лениным, хромает на все четыре ноги... Хлеба мы не дадим. Имеется много шансов, что и мира мы не сможем дать... Тов. Ленин нам не дал объяснения, почему надо делать это сейчас, до съезда Советов». Харитонов тут же парировал: потому что раньше «не было десанта на островах... А тактику можно менять в 24 минуты».

Тогда секретарь ПК Глеб Иванович Бокий зачитал собранию тезисы, подготовленные Лениным для общегородской партконференции. Доводы Владимира Ильича о том, что «боязнь» борьбы за власть, подмена ее бумажными резолюциями, без решения самих проблем, неизбежно приведут «к апатии, равнодушию, разочарованию масс», поддержали многие выступавшие – Иван Рахья, Лацис, Калинин, Молотов, который, в частности, заявил, что «массы могут перейти в

анархию... и к выступлению мы должны быть готовы каждую минуту».

Рабочий Александр Еремеевич Минкин сказал: «Я коснусь спора между т.т. Лениным и Володарским. Тов. Ленин верит в революционную победу, а Володарский и Лашевич не имеют этой веры. Мы знаем, что движение идет помимо нас. Публика ждет чего-то от нас, к чему-то готовится. Я думаю, что ждать съезда нам не придется. И мы должны взять власть не сегодня – завтра». Высказываясь за восстание, Григорий Еремеевич Евдокимов напомнил и о том, что «может явиться второй Корнилов, который на этот раз выскажет лозунг мира, – и мы будем задушены»¹²⁹⁸.

Между тем одновременно с этим собранием заседал и Центральный Комитет партии. Начали с текущих организационных дел. Обсудили финансовые вопросы, сотрудничество Луначарского в «Новой жизни», предстоявшую конференцию работниц и др. Лишь шестым пунктом повестки дня были внесены те предложения, о которых, видимо, Ленин договорился накануне со Сталиным: 1) о выходе из Предпарламента 7 октября после зачитания декларации; 2) о созыве совещания членов ЦК, питерских и московских работников, приуроченного к Северному областному съезду Советов, который переносится из Гельсингфорса в Петроград и назначается на 10 октября; 3) об отсрочке партийного съезда и создании программной комиссии, в состав которой вводится Ленин. Заметим, кстати, что на резолюции ПК о срочном созыве совещания ЦК Свердлов написал, что это решение приняли до получения предложения питерцев, то есть по информации Сталина, а не в результате давления снизу.

В протоколе нет записи прений, хотя видно, что дискуссия была и по вопросу о созыве совещания, и о выходе из Предпарламента, против которого голосовал один Каменев. В заявлении он написал, что этот шаг «предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии»¹²⁹⁹.

После окончания заседания трое членов ЦК – Бубнов, Сокольников и Смилга – пришли на собрание ПК. Они поставили два вопроса: каково мнение организации относительно выхода из Предпарламента и когда возможно взятие власти Советами с наименьшими потерями? «До сих пор, – сказал Бубнов, – мы сдерживали массы и впредь будем делать это по силе и возможности. Но ведь всему есть границы». Поскольку после чтения ленинских тезисов большинство собрания уже определилось, предложили голосовать. Но Володарский, заявив, что не расходится «с точкой зрения Ленина... мы идем к власти определенно», убедил собравшихся, что подобную резолюцию надо принимать на общегородской конференции, открытие которой перенесли на 7 октября¹³⁰⁰.

Казалось бы, все в порядке – предложения Ленина приняты ЦК, «поворот» очевиден. Но, судя по всему, беспокойство не покидает Владимира Ильича. У него складывается ощущение, что, судя по собранию ПК 5 октября, положение на фронте недооценивается большевиками.

«Нейтралитет» английской эскадры во время морского сражения 4 октября носил явно демонстративный характер. Политическая история знала заговоры не только открытые и тайные. Бывали и такие соглашения, которые даже не обговаривались. «Нейтралитет» англичан и эвакуация правительства в Москву могли служить для немцев достаточно прозрачным намеком на возможность дальнейшего продвижения к Питеру...

И утром 7 октября Ленин обращается с новым письмом к делегатам петроградской конференции. Он излагает свои соображения относительно «заговора» и делает вывод, что проблемы обороны столицы и свержения «противонародного правительства» тесно увязаны между собой. Этим он как бы отвечает на вопрос Лашевича о восстании – о том, «почему надо делать это сейчас».

Владимир Ильич предлагает конференции тот вариант, который он излагал в письме 1 октября: «...Взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и

Совет рабочих депутатов в Москве объявить Временным правительством в России». Ленин предлагает немедленно направить делегации в Москву, Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части южнее Питера для агитации за присоединение к резолюции о быстром общем восстании. И особо обратиться в ЦК с настоятельной просьбой «принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян...».

Беспокоит Ленина и другое – незавершенность решения о бойкоте «Совета Республики». И он предлагает конференции попросить ЦК «ускорить уход большевиков из Предпарламента...». Ссылаясь на эти строки, Виталий Иванович Старцев писал, что Ленин приехал в Питер лишь 9-го, а посему не знал о решении ЦК, принятом 5 октября о выходе из Предпарламента¹³⁰¹.

Владимир Ильич знал об этом решении. Но знал он и другое... Угрожая отставкой с поста председателя партийной фракции в ЦИК, Каменев добился того, что вопрос о бойкоте решили вновь обсудить на совещании большевиков-делегатов Предпарламента 7 октября. Этот прием Каменев уже использовал 21 сентября. И тогда, опираясь на провинциальных делегатов, добился пересмотра аналогичного решения ЦК. Так что основания для беспокойства у Владимира Ильича были.

На совещании 7 октября в Смольном «дебаты затянулись и становились временами весьма жаркими. Троцкий опять выступил за бойкот. Возражая ему, Каменев, Рязанов и некоторые другие большевики... доказывали, что уход делегации следует отложить до обсуждения какого-либо серьезного вопроса, благодаря которому он будет выглядеть достаточно обоснованным. В конце концов, – пишет Алекс Рабинович, – все-таки приняли решение «бойкотировать Предпарламент, правда совсем незначительным большинством голосов»¹³⁰². И лишь поздно вечером Троцкий зачитал в Мариинском дворце декларацию об уходе большевиков из «Совета Республики». Поэтому желание Владимира Ильича – «ускорить уход», высказанное утром 7-го, вполне понятно и свидетельствует

скорее об информированности Ленина о текущих событиях, происходящих в Питере.

Письмо городской конференции Ленин отправил, как и прежде, по своим каналам связи: сначала Кальске, потом Кокко, затем Крупской, и, как пишет Кальске, оно «было доставлено по назначению в тот же день». Надо полагать, что столь же своевременно поступала информация и Владимиру Ильичу. А в тот день, 7-го, в Москве обсуждали ленинское письмо от 1 октября. На собрании партийных работников оно получило полную поддержку. Постановили – «немедленно начать борьбу за власть» и брать курс на вооруженное восстание.

«Областное бюро, – вспоминала его секретарь Варвара Яковлева, – совершенно единодушно стояло на такой точке зрения: переворот близок, все к тому идет; рост революционного настроения огромен; надо им овладеть возможно скорее, не дать ему вылиться в стихийные формы; надо не упустить момента». Однако при обсуждении на Московском комитете были высказаны серьезные сомнения в том, что Москва – в силу «полнейшей небоеспособности и расхлябанности» гарнизона – сможет стать инициатором общероссийского выступления. «Взять на себя почин, – говорил Осип Пятницкий, – нельзя. Москва может лишь поддержать выступление, когда оно где-либо начнется». Эта позиция получила большинство голосов¹³⁰³.

Получив известие о решении МК, Ленин 8 октября пишет письмо большевикам – делегатам Съезда Советов Северной области. Он повторяет все те доводы, которые излагал в предыдущих письмах, – нарастание революционной волны в Европе, крах соглашательских партий в России, гигантский рост влияния большевиков, катастрофическое положение на фронте...

«А мы, – продолжает он, – получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных Совета, будем ждать? Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам... Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции... а упадок веры в резолюции и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов,

победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что и большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели действовать после выражения нами доверия к ним...

...Дело в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под Питером и в Питере – вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее...

Промедление смерти подобно»¹³⁰⁴.

Итак, главное внимание – Петрограду, той работе по подготовке выступления, которую питерцы уже начали. Но Владимир Ильич получает и другую информацию – о заседании ЦК 7 октября...

Узнав о том, что ПК уже начал практическую подготовку восстания, и опасаясь того, что ситуация – как это случилось в июле – может вновь выйти из-под контроля, ЦК принимает решение о создании для координации действий «Бюро для информации по борьбе с контрреволюцией». От ЦК в него вошли Троцкий, Свердлов, Бубнов, от «Военки» – Невский и Подвойский, а от ПК – Лацис и Москвин. Казалось бы, можно лишь радоваться тому, что создан, наконец, практический центр по технической подготовке восстания. Но у Лациса, например, почему-то сложилось впечатление, что «с нами просто ведут игру» и само бюро создано лишь для блокирования их самостоятельности. «Успокаивало только одно, – пишет он, – что мы своей горячностью заставили ЦК зашевелиться»¹³⁰⁵.

Как бы то ни было, но именно 8 октября Ленин пишет работу «Советы постороннего». Ее название и подпись «Посторонний» не раз вызвали удивление исследователей. Между тем они достаточно точно передавали ту формальную ситуацию, в которой находился Ленин. 29 сентября он заявил о выходе из ЦК. 4 октября договорился со Сталиным (если это так!) о созыве 8 октября широкого совещания. Но 8-е уже пришло. Уже более недели он в Питере. А Съезд Советов Северной области, к которому хотели приурочить совещание, перенесли уже на 11-е...

Спустя несколько дней Владимир Ильич напишет: «Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет»¹³⁰⁶.

Как раз накануне 8-го, «Рабочий путь» с недельным запозданием опубликовал его укороченную статью «Кризис назрел», написанную еще 29 сентября. Может быть, это и навеяло мысли о «постороннем». Но не стоял он «в стороне от главного русла истории» и не был «неосведомленным». И «Советы постороннего» он адресует не газете, а непосредственно питерским большевикам «на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей “округи” состоится вскоре, но еще не состоялось».

Если есть убеждение, пишет Ленин, что новой революционной власти будет «обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся... русского крестьянства в особенности», то для победы необходимо добиться – в решающих местах и в нужный момент – «гигантского перевеса сил» над вероятным противником (юнкера и, возможно, часть казаков), а также «стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны».

Необходимо добиваться не только военного, но и морального перевеса. А для этого «выделить самые решительные элементы (наших “ударников” и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды», которые смогли бы взять и удержать – телефон, телеграф, железнодорожные станции и мосты. При этом надо не обороняться, а наступать, добиваясь ежедневно и ежечасно хоть малых, но ощутимых успехов. Что касается Петрограда, то его необходимо брать «комбинированной атакой флота, рабочих и войска, – такова задача, требующая искусства и тройной смелости»¹³⁰⁷.

Еще 14 сентября Ленин предлагал ЦК «организовать штаб» повстанцев. 27 сентября Владимир Ильич писал Смильге о необходимости создания специального комитета для решения сугубо военных вопросов, связанных с восстанием. Но уже упоминавшееся «Бюро при ЦК для информации по борьбе с контрреволюцией», сформированное 7 октября, после двух, как выразился Лацис, «скучных» встреч так и не заладилось. А 9 октября попытку создать военный центр предпринял Петросовет.

На заседании Исполкома Марк Бройдо от имени меньшевиков и эсеров предложил сконструировать особый комитет для сотрудничества с правительством по вопросам «обороны столицы». В противовес им большевики выдвинули идею создания – как и в дни первой корниловщины – «революционного комитета обороны» с целью вооружения рабочих для обороны Питера и защиты «от атак, открыто готовящихся военными и корниловцами». Однако на Исполкоме большинство (13 против 12) проголосовало за резолюцию Бройдо. И лишь на бурном пленарном заседании Петросовета, состоявшемся в тот же день, предложение большевиков получило абсолютную поддержку¹³⁰⁸.

Было очевидно, что тянуть дальше с совещанием ЦК, на котором настаивал Ленин, нельзя. И Свердлов телеграфировал в Москву о его созыве.

Собрались вечером 10 октября на квартире уже известного читателю меньшевика-интернационалиста Николая Суханова. «О, новые шутки веселой музыки истории! – писал он позднее. – Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире, все на той же Карповке (32, кв. 31)». Жена Николая Николаевича, Галина Константиновна, была большевичкой, и она убедила супруга, сутками сидевшего в редакции «Новой жизни» либо в ЦИКе, «не утруждать себя после трудов дальним путешествием».

Квартира была удобной во всех отношениях – большая, парадный и черный ход, бельэтаж, так что можно было и из окна прыгнуть. Впрочем, собиралась тут разного рода «общественность» довольно часто, и для контрразведки

Керенского была она вне подозрений. Поэтому, как вспоминала Варвара Яковлева, – «собирались очень не конспиративно». Она, Ломов, Троцкий и Дзержинский успели даже посидеть неподалеку в кафе.

Из «узкого состава» ЦК пришли Свердлов, Сталин, Дзержинский, Сокольников, Бубнов, Урицкий. Из членов ЦК – Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Коллонтай. Из кандидатов в члены ЦК – Ломов и Яковлева. Так что расширенного совещания ЦК не получилось, хотя Ломова и Яковлеву вполне можно было считать представителями Москвы. Из питерского актива никого не пригласили. Но кворум был, и даже Каменев признал, что «это собрание решающее», ибо, как отметил позднее Ленин, «про отсутствующих членов ЦК было досконально известно, что большинство из них не согласно с Зиновьевым и Каменевым».

«Владимир Ильич, – рассказывает Варвара Николаевна, – пришел, когда все уже были в сборе, и появился в совершенно неузнаваемом виде: бритый, в парике, он напоминал лютеранского пастора». О том же пишет и Георгий Ломов: «Грим и парик настолько изменили Владимира Ильича, что узнать его было совершенно невозможно даже нам, сталкивавшимся с ним не раз... Совершенно неузнаваем был и скрывавшийся в то время т. Зиновьев. Он отрастил себе бороду, и когда меня “знакомили” с ним, я совершенно не представлял, кто это».

По опубликованному протоколу, заседание открыл Свердлов. Но вот что пишет Яковлева: «Мне было поручено вести секретарские записи. Но они были, по конспиративным соображениям, очень кратки». И по ее воспоминаниям, заседание открыл Ленин: «Владимир Ильич кратко сообщил тему и дал постановку вопроса, а затем предложил заслушать доклад секретаря ЦК о тех сведениях, которые имеются в ЦК о настроении масс и положении дел на местах»¹³⁰⁹.

Яков Михайлович проинформировал о том, что на конференции социал-демократических организаций Румынского фронта, при составлении списка для выборов в Учредительное собрание, большевики пошли на блок с меньшевиками-оборонцами. И из 20 выдвинутых кандидатов на их долю

пришлось 4. ЦК единодушно постановил, что подобные блоки недопустимы. Затем Свердлов сообщил о конференции литовских социал-демократов, создавших с меньшевиками объединенную организацию. ЦК постановил: сформировать временное бюро, которое смогло бы сплотить все революционные элементы литовской социал-демократии «под знамя большевиков». Эта информация была достаточно удалена от тех проблем, которые волновали Ленина. Но вот третье сообщение, безусловно, заинтересовало его.

Представители Северного фронта, приезжавшие в ЦК, рассказали, «что на этом фронте готовится какая-то темная история с отходом войск вглубь... Готовится новая корниловщина. Минск ввиду характера гарнизона окружен казачьими частями. Идут какие-то переговоры между штабами и Ставкой подозрительного характера... На фронте же настроение за большевиков, пойдут за ними против Керенского. Никаких документов [О заговоре. – В.Л.] нет. Они могут быть получены, если захватить штаб, что в Минске вполне возможно технически... Могут из Минска послать корпус в Петроград».

Патруль Красной гвардии в Петрограде, ноябрь 1917 года

А далее в протоколе записано: «Слово о текущем моменте получает т. Л е н и н. Он констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, по-видимому, время значительно упущено... Вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок».

Владимир Ильич рассматривает проблему в трех аспектах: международном, внутриполитическом и военно-техническом. Судя по коротким записям, включенным в протокол, он повторял те аргументы, которые приводил ранее в письмах в ЦК, ПК, МК: «По-видимому, многие руководители нашей партии, – писал он, – не заметили особого значения того лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Это лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда

этот лозунг не означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг равносителен призыву к восстанию».

Вывод Ленина зафиксирован в протоколе: «Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха». Его конкретное предложение: «Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий».

Запись прений предельно кратка. Упоминается выступление Ломова, информировавшего о позиции Московского областного бюро и МК. Приводятся фрагменты выступления Урицкого, который сказал, что «мы слабы не только в технической части, но и во всех других сторонах нашей работы. Мы выносили массу резолюций. Действий решительных никаких... Но во всяком случае, – заявил он, – если держать курс на восстание, то нужно действительно что-либо делать в этом направлении. Надо решиться на действия определенные». После этих выступлений, видимо, все и началось...

«На этом заседании ЦК, – вспоминал Ломов, – вопрос о восстании был подвергнут горячей дискуссии. Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий и мы, москвичи, решительно настаивали на резкой линии на восстание. Каменев и Зиновьев как-то неловко и слабо аргументировали в пользу необходимости всяческой оттяжки конфликта, доказывая нам утопизм, преждевременность вооруженного восстания, предрекая нашу изоляцию и т. д.».

В протоколе не упоминается о каких-либо речах Каменева и Зиновьева, хотя, как писал Троцкий, «заседание 10-го почти целиком свелось к страстной полемике с Зиновьевым и Каменевым». Вряд ли это были развернутые содоклады. Скорее – вопросы, реплики, замечания, возражения, поправки. Не случайно, позднее, отвечая этим двум оппонентам и группируя их вопросы, Ленин в сердцах вспомнил изречение: «один дурак

может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить».

Кстати, против Каменева и Зиновьева выступали как раз десять членов ЦК. «Наступление вел Ленин, – пишет Троцкий, – остальные втягивались один за другим». Но речей и реплик этих «других» тоже нет в протоколе. «Прения носили очень страстный характер», – утверждает Троцкий. Причем даже среди сторонников Ленина вдруг возникали сомнения. «Возражения сводились к тому, что вооруженное восстание может дать победу, а потом что?..» Но никаких следов этих споров в протоколе нет. Нет в нем и записи обсуждения двух вопросов, указанных в повестке дня: «Областной съезд» и «Вывод войск». Хотя их вполне могли обговорить в ходе прений по тому же докладу Ленина о текущем моменте.

Судя по всему, не столь уж профессиональная по части протоколирования Варвара Яковлева, втянутая к тому же в разговор по существу спора, просто не успевала фиксировать ход дискуссии между опытными полемистами. И может быть, уже зная о состоянии записи, Каменев и Зиновьев подали на следующий день в ЦК «краткое резюме произнесенных нами на заседании речей» и попросили приобщить его к протоколу. Так что содержание дискуссии хорошо известно, и о ней речь пойдет ниже.

В полночь раздался решительный стук в дверь комнаты, в которой шло заседание. Все всполошились... Юнкера? А когда дверь открыли, на пороге действительно стоял юнкер... с самоваром в вытянутых руках. Это был брат Галины Константиновны – большевик Юрий Флаксерман, юнкер Петергофской школы прапорщиков.

Нарезали бутербродов с колбасой. Стали пить чай. И прения продолжились. «Каменев и Зиновьев, – отмечает Ломов, – сопротивляются как-то безнадежно, неудачно и в конце концов вяло умолкают». Последним выступил Свердлов, рассказавший «о том, что ему известно о положении дел во всей России». Понимая, что большинство поддержит Ленина, Зиновьев попытался блокировать принятие решения, заявив, что такие

вопросы «не решаются десятью человеками» и необходимо опросить партию. Но его предложение отвергли.

На листке ученической тетрадки в клетку Ленин тут же карандашом написал проект резолюции: «...Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей, минчан и т. д.)». За резолюцию проголосовало 10 членов ЦК. Против – двое: Каменев и Зиновьев¹³¹⁰.

Данная резолюция и столь определенный итог голосования по существу исчерпывали тот конфликт, который дал Ленину повод для заявления 29 сентября о выходе из ЦК. Для большинства цекистов это, видимо, и было главным. И возможно, поэтому – дабы не придавать конфликту бóльшей огласки – собирали не широкое совещание, а лишь заседание членов ЦК.

Так или иначе, исчерпание конфликта закрепили решением. «Тов. Д з е р ж и н с к и й предлагает, – фиксируется в подлинной секретарской записи, – создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов ЦК. После обмена мнениями предложение принимается. Политическое бюро создается из 7 чел. (редакция + двое + Бубнов)». При просмотре этой записи Свердлов зачеркнул указанный текст и вместо него написал: «Затем ставится вопрос о создании Политического бюро ЦК. Решено образовать бюро из 7 чел.: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов».

Таким образом, формулировка Дзержинского о создании Политбюро «для политического руководства на ближайшее время» опускается, а список расшифровывается: «редакция» – это Сталин, Сокольников, Каменев, Зиновьев; «+ двое» – это Ленин и Троцкий; и «+ Бубнов» как важное в тот момент связующее звено с ПК.

«Заседание закончилось поздней ночью, – пишет Троцкий. – Все себя чувствовали примерно так, как после перенесенной

хирургической операции». Расходились уже на рассвете, а часть членов ЦК осталась ночевать у Суханова¹³¹¹.

Настроение было сложным. Главное – решение о восстании – было принято. Но утвержденный состав Политбюро был, безусловно, компромиссным. Стремясь избежать разрыва, члены ЦК решили таким способом подсластить пилюлю, которую Каменеву и Зиновьеву пришлось проглотить при голосовании. Полагали, что дальнейшая совместная работа поможет преодолеть разногласия. Однако очень скоро выяснилось, что включение двух противников восстания в такой орган делало его непригодным именно «для политического руководства на ближайшее время».

При всех толкованиях значения данного партийного центра сам факт его создания никем не оспаривался. Но в 1994 году историк Наталья Викторовна Мушиц опубликовала фотографию машинописной копии резолюции ЦК от 10 октября, извлеченной из архива Сталина в РГАСПИ.

На этой копии рукой Сталина (к тексту о «мире империалистов») были вставлены в скобках два слова: «сепаратного» и «со стороны». А под резолюцией, как подстраничное примечание, им же написано: «Слова, поставленные в скобках, видимо, пропущены в тексте по недосмотру». И тут же, внизу, Сталин добавляет: «Образовать для политического руководства восстанием бюро в составе Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольникова и Бубнова».

Порядок перечисления фамилий говорит о том, что протокол заседания ЦК был у него перед глазами. Тем более очевидно, что слова «для политического руководства восстанием» являлись сугубо авторским толкованием формулы Дзержинского о «политическом руководстве на ближайшее время», вычеркнутой в протоколе Свердловым. Эта публикация и дала повод для разговоров и статей о «двух резолюциях», о «фальсификации документа» и «мифологичности» создания самого Политбюро.

Между тем история этой правки проясняется в записке секретаря Сталина, Ивана Товстухи, на обороте данного текста:

«Надписи от руки, – пишет Иван Павлович, – сделанные на оригинале этого документа собственноручно тов. Сталиным, сделаны им не в 1917 году, а в 1924 году, во время литературной дискуссии с Троцким, при подготовке к печати книги «На путях к Октябрю», – свидетелем чего лично мне пришлось быть. Товстуха. 10.03.1934 г.»¹³¹².

Для книги «На путях к Октябрю» Сталин использовал свой доклад «Троцкизм или ленинизм?» на пленуме Комфракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года. При его подготовке он и затребовал из архива копии октябрьских резолюций ЦК. В опубликованном на следующий день тексте этого выступления резолюция ЦК от 10 октября воспроизводилась без каких-либо отклонений от подлинника. А в подстраничном примечании к словам «мира империалистов» указано: «Очевидно, должно быть: “сепаратного мира”. И.Ст.».

Что же касается Политбюро, то в докладе говорилось: «Центральный Комитет выбирает на этом же заседании политический центр по руководству восстанием под названием Политическое бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова».

И далее Сталин объясняет: «...Как могло случиться, что разногласия с Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр.?... Объясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма... Мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков»¹³¹³.

Это вольное толкование решения ЦК объяснялось политической конъюнктурой дискуссии 1924 года, в ходе которой Каменев и Зиновьев поддержали Сталина против Троцкого. Когда же спустя несколько лет те же Каменев и Зиновьев перешли в оппозицию вместе с Троцким, подобная трактовка уже не допускалась. И в официальной литературе упоминалось лишь «Политбюро во главе с Лениным»¹³¹⁴.

Политбюро приобрело таким образом «дооктябрьский стаж». А формула «во главе» отдавала дань новой эпохе, когда партийная иерархия покоилась не на реальном авторитете, а на занимаемой должности. Но не было у Ленина в 1917 году иной «должности», кроме члена ЦК. А вот авторитет был. Это и делало его признанным лидером.

Заметим, кстати, – то обстоятельство, что Свердлов, к примеру, не вошел в состав данного Политбюро, нисколько не мешало Якову Михайловичу председательствовать на последующих заседаниях ЦК. И остается лишь добавить, что все эти перипетии не повлияли на судьбу документальных текстов. И при публикации протоколов ЦК в 1929 и 1958 годах они воспроизводились без каких-либо изменений.

Спустя несколько недель после 10 октября Ленин рассказывал, что накануне заседания ЦК он предполагал, что по вопросу о восстании встретит противодействие со стороны бывших «межрайонцев» («интернационалистов-объединенцев») – Троцкого, Урицкого, Володарского, Иоффе. Но после заседания «это рассеялось». Против оказались двое старых большевиков – членов ЦК. И «это, – сказал Владимир Ильич, – меня крайне огорчило»¹³¹⁵. Но главные огорчения были еще впереди.

На следующий день, 11 октября, в Смольном открылся съезд Советов Северной области. Из 94 представителей советов Питера, Москвы, Гельсингфорса, Ревеля, Новгорода, ближних и дальних окрестностей столицы 51 являлись большевиками, 24 – левыми эсерами. И не случайно этот съезд упоминался в ленинской резолюции ЦК о восстании.

С питерцами и финляндцами Владимир Ильич обговорил все заранее. 7 октября, когда вопрос о созыве заседания ЦК еще не был решен, при открытии Петроградской городской конференции Иван Рахья прямо заявил, что, вполне вероятно, именно Северный областной съезд положит начало выступлению и «значение его будет чрезвычайное, возможно, что даже перерастет значение Всероссийского съезда Советов».

8 октября, до письма Ленина делегатам съезда, «Рабочий путь» опубликовал статью Ивара Смильги: «Этому съезду, – говорилось в статье, – по всей видимости, придется сыграть крупную роль в политической жизни страны... Совершенно очевидно, что если мы пассивно будем ожидать двадцатое число, то никакого [Всероссийского] съезда не будет... Мы не должны дать захватить себя врасплох. Дело идет к развязке», и Временному правительству осталось лишь «несколько дней», ибо революция «делает шаг вперед, и власть переходит в руки Советов».

Боевое настроение было и у делегатов после того, как Александра Коллонтай сообщила им решение ЦК о восстании. Секретарь съезда Борис Бреслав вспоминал: «Сначала многие его участники, особенно большевики, полагали, что он станет центром восстания и возьмет на себя инициативу выступления в деле захвата власти в стране, не дожидаясь созыва Всероссийского съезда Советов». Утром 11-го на большевистской фракции съезда зачитали письмо Ленина делегатам от 8 октября. Член ЦК Григорий Сокольников пояснял: «Настал момент, когда нам нужно вступить в бой за завоевание Советами власти в стране. Создается даже опасность пропустить удобный момент для восстания... Возможно, что Съезду придется сыграть роль организации, начинающей восстание». А когда представители латышских полков и Балтфлота заявили, что передают себя в распоряжение съезда, боевое настроение еще более возросло¹³¹⁶.

Мысль Смильги о том, что нельзя «дать застать себя врасплох», 11 октября звучала особенно актуально. Утром в «Новом времени» появилась анонимная статья, требовавшая полной реабилитации Корнилова и обстоятельно излагавшая его программу «умиротворения», а точнее – усмирения России, «водворения порядка и поддержания независимой сильной власти». Обстоятельства, связанные с написанием этой статьи, освещены в уже упоминавшейся книге Василия Поликарпова. Но и без этой закулисной стороны дела даже самому неверующему

становилось очевидным, что готовится, как выразился Ленин, корниловщина «второго призыва»»¹³¹⁷.

Пока развитие революции и контрреволюции, как рельсы двухколейного железнодорожного полотна, шли параллельными путями. 28 сентября, накануне отъезда Ленина из Выборга в Быхов – место «изоляции» Лавра Корнилова, доставили Деникина и других генералов, арестованных после августовского путча. Отсюда и исходила опубликованная «программа Корнилова». Здесь они приступили к разработке дальнейшей тактики борьбы. Так что параллельные пути обязательно должны были пересечься. И «стрелка» приближалась буквально с каждым днем.

Поликарпов приводит многочисленные телеграммы, исходившие в эти дни из военного министерства и Ставки. Генерал для поручений при главкомверхе генерал-майор Б.А. Левицкий бомбил телеграммами штабы фронтов и армий, требуя надежных частей, «чтобы их можно было экстренно вызвать в Петроград в кратчайший срок». От имени Керенского он настаивал: «терять не надо ни одного дня». Ударный кулак против Питера предполагалось создать в районе Великих Лук. И уже 10 октября 17-й корпус Румынского фронта начал движение к району сосредоточения¹³¹⁸.

Итак, момент схватки близился. И именно в это время, 11 октября ЦИК, обсудив информацию о готовящемся выступлении большевиков, «единодушно осудил» его и принял постановление, объявлявшее Северный областной съезд «не полномочным съездом», а сугубо «частным совещанием». 12-го, на самом съезде, Каменев и Зиновьев раздают делегатам копии своего письма в ЦК. И тут же обстоятельно комментируют его¹³¹⁹.

Дело в том, что письмо, поданное Каменевым и Зиновьевым в ЦК 11 октября, предназначалось не только и даже не столько для восполнения пробелов протокольной записи. Нет. Они, как до этого Ленин, обратились по тем же адресам: в Петроградский, Московский, Московский областной, Финляндский комитеты

партии, в большевистские фракции ЦИК, Петросовета и Северного областного съезда Советов.

На шести машинописных страницах они препарируют доводы Ленина за выступление, отвергая все его аргументы. Они не винят Владимира Ильича в том, что он проявляет нетерпение. Нет, они признают, что течение, «видящее единственный выход в немедленном объявлении вооруженного восстания», не только родилось, но и «растет в рабочих кругах».

Они совсем не отрицают восстание в принципе: «Противник может принудить нас принять решительный бой... Попытки новой корниловщины, конечно, не оставят нам и выбора. Мы, разумеется, будем единодушны в единственном возможном для нас решении». И спор идет не о том, допустимо ли восстание, а об оценке текущего момента, о том, «находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении. Нет, и тысячу раз нет!!!»

«За нас уже большинство народа России»??? – Это иллюзия и самообман. Огромная крестьянская масса все еще поддерживает эсеров и будет голосовать за них на выборах в Учредительное собрание.

«Мы предложим воюющим странам мир»??? – Но империалисты отвергнут его, а вести революционную войну солдаты не смогут.

«Угроза контрреволюции»??? – Но Временное правительство сейчас бессильно. «Силы рабочих и солдат достаточны, чтобы не дать осуществиться таким шагам Керенского и компании». Армия и рабочие – это «револьвер у виска буржуазии». И стоит ей сделать лишь шаг против – «курок револьвера был бы спущен». Но если первыми выступим мы, объединятся все – от черносотенцев и кадетов до юнкеров, казаков и даже части питерского гарнизона. Придут войска с фронта. «Мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее».

Итак, заключают Каменев и Зиновьев, «поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться оборонительной позицией». Этот вариант беспроигрышный.

«Сочувствие к нашей партии будет расти... В Учредительном собрании мы будем настолько сильны оппозиционной партией, что... составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок...». Иными словами, «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем»¹³²⁰.

Письмо производило достаточно сильное впечатление. Все те, кто – даже будучи сторонником восстания – хоть в чем-то сомневались, получили теперь развернутое и, казалось, убедительное обоснование необходимости отсрочки. Сомнения обострились даже у тех, кто предполагал стать во главе восстания, а именно – у руководителей «Военки». Владимир Невский пишет, что им стало очевидно: «Многое еще было не подготовлено, многое нужно было наладить, многое исправить, а кое-где имелись прямо вопиющие пробелы». И он вместе с Подвойским, требуя, как минимум, еще две недели, стали «обливать холодной водой всех тех пылких товарищей, которые рвались в бой, не имея представления о всех трудностях выступления»¹³²¹.

На Северном областном съезде первыми колебнулись левые эсеры. Вместе с правыми эсерами и меньшевиками они располагали 35 мандатами. Для блокирования большевистских резолюций им надо было добрать лишь десятков голосов. И колебания среди самих большевиков были для них как нельзя кстати. Напирая на то, что ЦИК может не только отсрочить, но и вообще отменить созыв Всероссийского съезда Советов, они добились постепенного перемещения дискуссии с проблем восстания на вопрос о «гарантиях» созыва Всероссийского съезда. Тон выступлений стал меняться. И резолюция, принятая при закрытии съезда 13 октября, отразила куда более умеренные настроения, нежели те, которые проявились в первый день его работы.

Александр Шотман, участвовавший в Северном областном съезде и прочих конференциях и собраниях, проходивших в это время, вспоминал: «Хорошо помню, что все споры на них

вертелись вокруг вопроса: захватить ли власть немедленно или отложить до созыва II съезда Советов, который должен был собраться недели через две. В принципе, все... высказались за взятие государственной власти в ближайшее время. Против этого не раздалось ни одного голоса. Против же захвата власти немедленно высказывалось большинство выступавших делегатов»¹³²².

Выше уже отмечалось, что в гигантском водовороте революционных событий существовал свой первый план – та политическая арена, где в данный момент вершились судьбы страны. Но был и второй, третий план. И революционная волна, пробивая себе дорогу, в любой момент могла неожиданно поменять их местами, выдвинув на авансцену события, вчера еще казавшиеся второстепенными. Именно так и произошло с созданием «Комитета по обороне Петрограда» 9 октября.

11 октября работавший в военном отделе Петросовета левый эсер Павел Лазимир – в развитие решения от 9 октября – с помощью членов коллегии этого отдела большевиков Константина Мехоношина и Александра Садовского подготовил проект постановления о составе и организации «Революционного штаба». Как и в предшествующем решении, проект предусматривал меры по повышению боеспособности гарнизона и защите столицы от возможного наступления немцев, а также от «контрреволюционных покушений изнутри», в том числе от погромов.

В состав штаба вводились представители президиума Петросовета, Центрофлота, железнодорожного союза, Областкома Финляндии и рабочей милиции. Предполагались и тесные контакты со штабом ПВО и комиссарами фронтов. Одновременно при «штабе по обороне» должно было функционировать постоянное Гарнизонное собрание, куда вводились делегаты столичных частей. Таким образом, создавалась вполне легальная структура, которая могла сосредоточить в своих руках если и не весь военный потенциал Петрограда, то, во всяком случае, его «революционно-повстанческую часть».

Большевики из военного отдела сразу же уловили эту возможность и, как пишет Троцкий, «об этом решении мною лично было сообщено т. Ленину». О встрече Троцкого с Лениным у Кокко упоминает и Эйно Рахья¹³²³. Уже 12 октября проект был вынесен на заседание исполкома, где наименование «Революционный штаб по обороне...» заменили на Военно-революционный комитет при Петросовете, а также расширили представительство в нем за счет военного отдела ЦИК, фабзавкомов, профсоюзов и военных организаций различных партий.

На следующий день проект должны были обсудить на солдатской секции. Но уже 12 октября на еще не закончившемся съезде Советов Северной области Михаил Лашевич сказал, что Петросовет формирует «солдатский революционный комитет, в руках которого в ближайшее время фактически будет сосредоточена возможность распоряжаться вооруженной солдатской силой частей всего гарнизона. По такому же типу рекомендуем и другим...». А по докладу Антонова-Овсеенко съезд принял резолюцию, предлагавшую «местным Советам, следуя примеру Петроградского Совета, создать военно-революционные комитеты для организации военной защиты революции».

Оставалась самая малость: провести проект о создании ВРК через Петросовет. 13-го с соответствующим докладом на солдатской секции выступил Павел Евгеньевич Лазимир. Несмотря на пестроту представительства в ВРК, его связь и с ЦИК, и с штабом ПВО, которую предусматривал проект, меньшевики и эсеры, почувствовав опасность, попытались снять вопрос с повестки дня. Но 283 голосами против одного и 23 воздержавшихся проект положения о ВРК был принят¹³²⁴.

Ленин ждал этого решения. Утром 14-го к нему пришел Осип Пятницкий. Еще с «искровских» времен Владимир Ильич абсолютно доверял ему. Поэтому, в порядке исключения, Крупская дала Пятницкому адрес Фофановой. И когда он пришел, Ленин сразу же попросил у него утреннюю газету. В «Известиях» был напечатан отчет о заседании солдатской секции, и, прочитав его, Владимир Ильич чрезвычайно обрадовался.

Они разговорились. Пятницкий объяснял, почему он стоит за отсрочку восстания в Москве. Солдаты, голосующие за большевиков, не всегда являются реальной боевой силой. Московский гарнизон не боеспособен и плохо вооружен. А вот юнкера и офицеры, которых полно в Москве, вооружены до зубов и воевать обучены. Иными словами, все упирается в недостаточную военно-техническую подготовку¹³²⁵.

В этот же день, 14 октября, на квартире машиниста Гуго Ялавы в Ломанском переулке, Ленин встречается с руководителями Военной организации при ЦК партии – Подвойским, Невским и Антоновым-Овсеенко. Дата этой встречи и содержание разговора были запутаны до предела многочисленными вариантами их воспоминаний, где события, наслаиваясь друг на друга, утрачивали точные хронологические приметы. Блестящий анализ указанных мемуаров, проделанный Е.Д. Ореховой и А.С. Покровским, привел к дате: между 13 и 16 октября. Причем наиболее достоверными в этом смысле оказались воспоминания 1918 и 1919 годов В.А. Антонова-Овсеенко.

Владимир Александрович писал, что сразу «после собеседования с т. Лениным... я съездил на Северный фронт, был в Валках... присутствовал на латышской партийной конференции». В Валках он выступал 16-го. До этого встречался с латышскими большевиками, представителями солдатских комитетов. Так что 15-го в Питере его уже не было. А вот 13-го он присутствовал на Северном областном съезде. На встречу с Лениным остается лишь 14 октября, что и зафиксировано в Биохронике, хотя и с путаницей относительно участников этой беседы¹³²⁶.

«На условный стук нам сразу открыли, – рассказывает Антонов-Овсеенко. – Хозяин квартиры, приземистый пожилой рабочий, легко признал моих спутников. – “Входите, Ильич сейчас будет”. – Ждали недолго. Ну кто бы его узнал... Перед нами стоял седенький, в очках, довольно бодренький старичок добродушного вида, не то учитель, не то музыкант, а может быть букинист. Ильич снял парик, очки и, искрящимся обычным

юмором взглядом, окинул нас. – “Ну, что нового?” – Новости наши не согласовывались».

В разговоре о подготовке восстания «Подвойский выражал сомнение, Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича... Уверенность и твердость Ильича укрепляюще действует на меня и подбадривают т. Невского, но Подвойский упрямствует в своих сомнениях». В конечном счете он формулирует: «Целесообразно было бы восстание несколько отложить, дней так на десять».

Руководители «Военки» были убеждены, что вся подготовка восстания должна быть сосредоточена в их руках. И когда Ленин спросил Подвойского, как он мыслит себе работу создающегося Военно-революционного комитета, Николай Ильич уверенно ответил, что ВРК может стать «расширенным Бюро военных организаций при ЦК нашей партии».

«Вот это и неправильно, – сказал Владимир Ильич. – Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат». В ранних воспоминаниях, опубликованных в «Известиях» 6 ноября 1918 года, Подвойский написал, что Ленин предложил «организовать ВРК из представителей Военной организации партии, солдатской секции Петросовета и военной организации левых эсеров»¹³²⁷.

Когда после беседы Невский, Подвойский и Антонов-Овсеенко вышли на улицу, у самых ворот они заметили какого-то высокого незнакомца с велосипедом. «Шпик?!» – мелькнуло у них в головах. Невский вернулся в дом предупредить, а Подвойский и Антонов-Овсеенко, сжимая в карманах револьверы, стали по обе стороны улицы. Велосипедист уехал, и «через 2 минуты Ильич, снова неузнаваемый, направился в другое логово»¹³²⁸.

Ощущение от состоявшейся беседы у Владимира Ильича было, видимо, достаточно сложным. Складывалось впечатление, особенно после появления в организациях письма Каменева и Зиновьева, что решение ЦК от 10 октября воспринимается лишь как курс на восстание, а не как задача ближайших дней. Мысль

эту довольно благодушно сформулировал Михаил Калинин: «Резолюция ЦК – это одна из лучших резолюций, которые когда-либо ЦК выносил... Мы практически уперлись, подошли к вооруженному восстанию. Но когда это восстание будет возможно – может быть, через год, – неизвестно»¹³²⁹.

Между тем об угрозе вооруженного выступления буржуазная пресса упоминала с самого начала октября. Теперь об этом открыто заговорили даже левые эсеры. 13 октября в «Знамени труда» Сергей Мстиславский, повторяя аргументы Каменева и Зиновьева, прямо заявил: «Выступление рабочих и солдатских масс в данный момент было бы злейшим преступлением... Те, кто призывает массы к выступлению "для захвата власти", – лгут: их призыв есть призыв не к победе народной воли, но к ее самоубийству».

На следующий день в «обсуждение» вопроса о восстании включилась либеральная, правая и бульварная пресса. «Газеткопейка» сообщала 14 октября, что «в революционно-демократических кругах имеются определенные сведения, что большевики деятельно готовятся к выступлению на 20 октября». Утром 14-го «Биржевые ведомости» предостерегали: «Большевики все определеннее и решительнее говорят о близком выступлении масс... Все [это] приемлется властью и государственной демократией спокойно и без противодействия... Этот момент... правительство должно использовать для твердых проявлений обороны революционного Петрограда от анархии»¹³³⁰.

Все это было лишь отзвуком тех дебатов, которые происходили на Втором совещании общественных деятелей в Москве 12–14 октября. После докладов князя Евгения Николаевича Трубецкого об укреплении государственной власти и профессора Александра Алексеевича Кизеветтера о борьбе с большевизмом совещание потребовало объявить местности, «охваченные анархией», на военном положении и «силой оружия» восстановить порядок, «нарушаемый буйством черни».

Еще решительней был настроен X съезд кадетской партии, проведенный 14–16 октября. «Для нас было ясно, – писал

позднее Владимир Андреевич Оболенский, – что никакая новая говорильня не может укрепить власть в такой момент, когда не общественное мнение, а одна только физическая сила приобретала решающее значение». Поэтому, вполне логично, съезд открыто признал Корнилова «подлинным патриотом Родины и верным сыном народа», вновь подтвердил необходимость ведения войны до победного конца и потребовал от правительства применения силовых мер на фронте и в тылу. Товарищ председателя Петроградского военного комитета профессор В.Г. Коренчевский доложил, что партия располагает почти шестьюстами ячейками в военных частях фронта и тыла. И под ее руководством земства и городские думы формируют надежные добровольческие отряды, что вполне увязывалось с работой Ставки по созданию «ударных батальонов смерти» на фронте¹³³¹.

Учить правительство не было необходимости. Керенский безвылазно сидел в Ставке в поисках «надежных частей» для отпора большевикам. А вечером 13 октября состоялось частное совещание членов правительства, специально обсудившее данный вопрос. Сошлись на том, что если выступление произойдет, необходимо беспощадно подавить его, «не останавливаясь ни перед какими мерами, вплоть до вооруженной силы». А один из министров, в тот же вечер давший анонимное интервью «Биржевым ведомостям», заявил: «Если большевики выступят, мы вскроем нарыв хирургически и удалим его раз и навсегда»¹³³². И уже на следующий день полки столичного гарнизона получили телеграммы, приказывавшие немедленно направить делегатов в штаб Северного фронта в Псков для информации о порядке их переброски из Питера на позиции.

Большевики действительно теряли время. Понимание этого более всего беспокоило и Ленина, и партийный актив. 15 октября ПК и представители районов вновь собрались на закрытое заседание. О «текущем моменте» говорил Бубнов: «Мы приближаемся к развязке. Кризис уже назрел, и события начинают разворачиваться... Народные массы начинают набрасываться на всех и на все... Чтобы эту стихию организовать,

чтобы спасти революцию, надо нам взять власть... Взятие власти в свои руки может нам дать средство вывести и революцию, и страну на творческую работу». Если же «мы власти не возьмем, тогда стихийная волна перехлестнет через наши головы».

Его оппонентом стал Владимир Невский: «Может ли ЦК сказать, что нас поддержит вся Россия. Все мы прекрасно понимаем, что назрел момент вооруженного выступления. Но готовы ли мы?.. Уверенности в этом нет ни у Военной организации, ни у ЦК». Настроение в районах столицы, как выяснилось, было достаточно пестрым. В одних, как рассказала Ольга Равич, оно было «бесшабашным». И по ее мнению, «массы выйдут по призыву Совета...». В других районах картина была менее оптимистичная.

Сошлись на том, что там, «где наше влияние сильно, там настроение бодрое, выжидательное». А вот в тех местах, где работаем плохо, «там настроение сильно пало», особенно в связи «с расчетами из-за эвакуации заводов». И от безделья даже в Кронштадте «пьянство большое наблюдается даже среди наших товарищей». Отметим и другое: «...Энергично работают анархисты, так что рабочую массу трудно удержать в организационных рамках».

А когда Бокий огласил резолюцию ЦК о восстании, а затем зачитал письмо Каменева и Зиновьева, стало очевидным, что разброд в руководящем звене партии, хотя и отражает определенные колебания в низах, с другой стороны – лишь усиливает сумятицу. И это при том, что до созыва Съезда Советов оставалось лишь 4 дня¹³³³. Значит, надо было кончать с разговорами и спорами о восстании и опять собирать Центральный Комитет. Но не его узкий состав, а то самое широкое совещание с партийным активом, на котором все это время настаивал Ленин.

Шотман рассказывает, что организацию такого совещания ему поручил Свердлов. Александр Васильевич уговорил Калинина предоставить помещение районной думы в Лесном. А затем он и Иван Рахья пришли в ЦК, где постоянно толпились люди, затащили Свердлова в какую-то комнатенку и заперлись

изнутри. «Тут втроем, – пишет Шотман, – мы и составили список, который затем тов. Сталин дополнил двумя-тремя товарищами». Сбор назначили на семь вечера 16 октября.

Виталий Старцев выдвинул версию, согласно которой заседание ЦК проходило не 16-го, а 15-го, благо это воскресенье и помещение Лесновско-Удельнинской думы было свободным. Закончилось же оно под утро 16-го, отсюда, мол, и дата протокола. Версия эта, однако, не подтверждается. Сотрудница думы Екатерина Алексеевна Алексеева принимала участие в организации данного заседания. Она подробно рассказывает, как прошел рабочий день 16-го, как в 4 часа стали выпроваживать посетителей и сотрудников, как готовили большую комнату культмассового сектора. В шестом часу пошел дождь. В седьмом – стали собираться¹³³⁴.

Около семи, в условленное место на угол Муринского проспекта, Рахья привел Ленина, а Шотман Зиновьева. Двинулись к Лесному. Не доходя до думы, свернули в переулок и решили выждать. Дождь и холодный ветер усиливались. Эйно рассказал потом, что когда они вышли от Фофановой и пересекали улицу, порыв ветра сорвал с Владимира Ильича кепку вместе с париком. Пришлось ему в темноте, наспех обтерев платком парик от грязи, снова водружать его на голову и поглубже натягивать кепку. Все посмеялись над этим эпизодом, и больше всех сам Ленин.

Шотман пошел в думу – там собралось человек пять-шесть. Потом пошел Рахья... Затем опять Шотман... И вновь Рахья. Прошло около часа. «Владимир Ильич весьма крепко ругался по поводу неаккуратности ответственных товарищей», – вспоминал Александр Васильевич. Наконец, когда собралось человек двадцать, через черный ход поднялись на второй этаж. Мокрый парик Ленин снял, и когда вошел в комнату, его сразу узнали, «все наперебой бросились пожимать ему руку... Владимир Ильич весело улыбался, шутил и, наконец, предложил открыть собрание». Все ждали, как пишет Шотман, доклада «по текущему моменту»¹³³⁵.

Ситуация была предельно ясна. Есть резолюция ЦК от 10 октября... И есть письмо Каменева и Зиновьева, фактически предлагавшее эту резолюцию отменить. Поэтому свое выступление Владимир Ильич предложил не как доклад «о текущем моменте», а как «доклад о прошлом собрании ЦК». На этом веселье и шутки кончились. «Водворилась тишина, – рассказывает Шотман. – Владимир Ильич уселся в конце комнаты на табуретке, вынул из кармана написанные мелким почерком листочки, по привычке поднял руку, чтобы пригладить парик, и, спохватившись, улыбнулся». Председательствовавший Свердлов предоставил ему слово...

Протокол заседания, который на сей раз вела Стасова, и в данном случае был слишком краток: «Тов. Ленин оглашает резолюцию, принятую ЦК на предыдущем заседании. Сообщает, что резолюция была принята против двух голосов. Если возражавшие товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию».

Он анализирует международное положение, ситуацию на фронте, итоги выборов в Питере и Москве, поведение соглашателей, консолидацию контрреволюционных сил... Его вывод: "Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства... Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой... На очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции ЦК"»¹³³⁶.

«Говорил Владимир Ильич, – пишет Шотман, – сначала как-то сдержанно, спокойно, затем, понемногу оживляясь, продолжал в обычном для него духе, пуская время от времени остроты, иногда больно ударяя по инакомыслящим товарищам... Временами он вставал и, заложив за вырез жилета большой палец, ходил взад и вперед, изредка останавливаясь при особенно ударных местах речи»¹³³⁷.

Далее Свердлов информирует о положении на местах и о том, что «рост партии достиг гигантских размеров». Он полагает, что она насчитывает около 400 тысяч человек. Позднейшие

исследования показали, что цифра эта несколько завышена. В большевистских рядах в октябре находилось около 350 тысяч, то есть за восемь месяцев 1917 года она выросла почти в 15 раз.

Около 70 тысяч партийцев работали в Москве и 14 губерниях Центрального промышленного района. Около 60 тысяч – в Петрограде и губернии. Столько же на Украине, в Молдавии, на Юго-Западном, Румынском фронтах и Черноморском флоте. 35 тысяч – на Урале. Около 30 тысяч – в Белоруссии и на Западном фронте. Примерно столько же в Прибалтике, на Северном фронте, русских войсках в Финляндии и Балтийском флоте. 20 тысяч – в Поволжье. Столько же – в Донской области, на Кавказе и Кавказском фронте. Около 15 тысяч в Сибири и на Дальнем Востоке.

По социальному положению, как и до революции, большинство в партии составляли рабочие – 56,9 %. Интеллигенты и служащие – 22,4 %. Крестьяне – 14,5 %. «Прочих» – 6,2 %. Как писала 25 октября совсем не дружественная «Новая жизнь»: «Ядро большевистской партии составляет цвет российского рабочего класса, самая сознательная, организованная, самая стойкая и творчески одаренная его часть»¹³³⁸.

Свердлов приводит также доказательства огромного роста влияния партии в Советах, армии и на флоте, где вместе с левыми эсерами они составляют абсолютное большинство. Факты, приведенные им, в протоколе не зафиксированы. Но они известны.

На съезде Советов Северной области (11–13 октября) большевики составляли 54 %, левые эсеры – 26 %. На II съезде Советов Эстонского края (12–14 октября) большевики – 70 %, левые эсеры – 26 %. На съезде Советов Северного Кавказа (12–15 октября) большевики 29 %, левые эсеры – 29 %. На III областном Съезде Советов Поволжья (15–16 октября) – соответственно 48 % и 19 %. На I Общесибирском съезде Советов (16–24 октября) – 35 и 19¹³³⁹.

Состав участников заседания 16 октября был достаточно репрезентативен. Петроградскую организацию представляли Г.И.

Бокий, М.И. Лацис, С.Н. Равич, И.А. Рахья, Я.Г. Фенигштейн и А.В. Шотман. Петроградскую окружную – С.Ф. Степанов. Военную организацию при ЦК – Н.В. Крыленко. Большевистскую фракцию Петросовета – В.М. Володарский, С.Н. Скалов, а городской думы – М.И. Калинин. Центральный совет профсоюзов – В.В. Шмидт, союз металлистов – А.Г. Шляпников, железнодорожников – И.М. Москвин. Центральный совет фабзавкомов – Н.А. Скрыпник. Если учесть, что Ногин и Сокольников входили в руководство московской и московской областной организаций, а Милютин – саратовской, то станет очевидным, что это заседание вполне выражало общественное мнение партии.

Глеб Бокий, выступивший первым после Свердлова, рассказал о заседании ПК 15 октября. При всем различии положения в разных районах, «настроение круто повернулось в нашу пользу». И если к выступлению призовет не только партия, но и Совет – все выйдут. Володарский подтверждает: «На улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся». Ольга Равич дополняет: «Некоторые указали, что и по призыву партии».

От Военной организации выступает Крыленко. У них в бюро – «резкое расхождение в оценке настроения». Большинство считает, что у солдат «настроение падает». Поэтому «для выступления нужно, чтобы их что-нибудь решительно задело, а именно: вывод войск... Но меньшинство [бюро] думает, что можно взять на себя инициативу». Представитель петроградской окружной организации Степанов отмечает, что у них, в отличие от рабочих, которые вооружаются и готовятся к выступлению, в некоторых гарнизонах «настроение угнетенное, но большевистское влияние очень сильно».

О настроениях в петроградских профсоюзах информировал Василий Шмидт. В массовых союзах «влияние нашей партии преобладающее». Даже у железнодорожников, где верховодят соглашатели, «питерский и московский узлы ближе к большевикам». У почтовиков и телеграфистов – «низшие служащие по существу большевики, но высшие служащие нет...». Главный сдерживающий фактор – боязнь увольнений и

безработицы. Но «все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения».

Шляпников соглашается, что «настроение и по России у металлистов преобладает большевистское... Но сознания возможности самим организовать производство нет». Вероятно, поэтому слухи о сугубо большевистском выступлении кое-где «вызвали даже панику». От Центрального совета фабзавкомов возражает Николай Скрыпник: «Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроение масс; первые более консервативные...» Главное же – «повсюду замечается тяга к практическим результатам; резолюции уже не удовлетворяют».

Ленин предполагал, что после этого обмена мнениями будет обсуждаться вопрос о практических выводах из резолюции ЦК 10 октября. Однако само ее существо поставил под сомнение Владимир Павлович Милютин, предложивший свой контрдокумент «О текущем моменте».

Он соглашался с Лениным, что «лозунг "Вся власть Советам" уже вполне назрел, особенно в провинции, где местами власть фактически в руках Советов». Он соглашался и с тем, что «нужны дела, а не слова» и вопрос о власти «решается не настроениями, не бюллетенями, а организованными силами». Но при всем этом выступление может произойти двояким путем: либо инициативу проявят большевики и «мы делаем первый шаг. Либо этот шаг будет сделан нашими врагами».

Первый вариант неприемлем: «Мы не готовы для нанесения первого удара. Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем». Гораздо предпочтительней, полагал Милютин, второй вариант: ждать, когда первый шаг сделает противник. Тогда это будет лишь оборонительное столкновение. «... Возможность его приближается. И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания». В этом направлении Милютин и предлагал «развернуть резолюцию».

После него слово взял Шотман. «Я вновь и вновь доказывал, – пишет он, – что технически мы совсем не подготовлены, что у нас "в случае чего" не будет даже

телефонной связи или хотя бы лошадей. Все это надо и можно подготовить... Но взять власть немедленно... совершенно невозможно, мы провалимся!...Спросите военную организацию, она вам скажет, готова ли она. Конечно нет!» Протокол более лаконичен: «Тов. Шотман... доказывает, что мы не можем выступить, но должны готовиться».

Ленин сразу оценил сложность возникавшей ситуации. На заседании присутствовало 10 членов ЦК. Из десяти цекистов, голосовавших 10 октября за ленинскую резолюцию, отсутствовали пятеро: Троцкий, Урицкий, Бубнов, Ломов, Коллонтай. А среди тех, кто пришел на заседание 16-го, по меньшей мере трое – Милютин, Ногин, Рыков – вполне могли поддержать Каменева и Зиновьева. Исход голосования во многом зависел от того, какую позицию займут 15 приглашенных товарищей. И выступление Шотмана было в этом смысле достаточно тревожным сигналом.

Владимир Ильич вновь взял слово. Оба оппонента, сказал он, рассматривают вопрос о готовности к выступлению с точки зрения противостояния массы и вооруженных сил. Между тем «дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой». При этом «факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем». Досталось, по старой дружбе, и Шотману. «Весьма остроумно, – пишет Александр Васильевич, – он проехался насчет "лошадиной связи", доказывая, что если с моим методом подходить к революции, то нужна не неделя, а годы...». Что же касается предложения Милютина, то не надо вводить в заблуждение собравшихся: речь идет не о корректировке, а о попытке «отбросить резолюцию ЦК»¹³⁴⁰.

Впервые после трех месяцев «подполья» Владимир Ильич выступал перед аудиторией партийцев, насчитывавшей около трех десятков человек. Видимо, это тоже давало дополнительный заряд. Во всяком случае, Шотман, много раз слушавший Ленина, отметил, что его выступления на этом заседании были, пожалуй, лучшими из всех, которые он слышал за 20 лет знакомства. Эйно Рахья подтверждает: «У некоторых были тоже колебания, как у

Зиновьева и Каменева, но после второй речи Владимира Ильича чувствовалось, что эти колебания сходят»¹³⁴¹.

Против пересмотра решения ЦК выступил Крыленко. Да, разногласия у них в Бюро, упомянутые Шотманом, есть. Но спад настроений, о котором здесь говорилось, «является результатом наших ошибок». И все Бюро единодушно «именно в том, что вода достаточно вскипела...» Однако определять сейчас момент восстания, как полагает Ленин, нецелесообразно. «Вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент, на котором произойдет бой... Факт наступления на нас уже имеется... И беспокоиться о том, кому начинать, – ответил он Милютину, – не приходится, ибо начало уже есть».

Иван Рахья был более категоричен: «Если бы питерский пролетариат был вооружен, он был бы уже на улицах вопреки всяким постановлениям ЦК... Наступления контрреволюции ждать не приходится, ибо оно уже есть... По-видимому, уже наш лозунг стал запаздывать, ибо есть сомнение, будем ли мы делать то, к чему зовем».

Чтобы понять остроту дискуссии, необходимо напомнить, что на заседании 10 октября – без занесения в протокол – было договорено начать выступление до открытия Съезда Советов, намеченного на 20 октября. Об этом не раз упоминалось и на заседании 16-го: «говорили, что выступление, – записано в протоколе, – должно быть до 20-го...» Значит, если следовать «букве» этой неписанной договоренности, оставалось лишь три дня¹³⁴².

За это и ухватился Зиновьев: «Нужно пересмотреть резолюцию ЦК, если это возможно. Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания». Но вопрос о дате стал для него лишь поводом для отказа от восстания вообще. Надо ждать Учредительного собрания – вот главный мотив его выступления. «Не исключена возможность, что мы там будем с левыми эсерами в большинстве». А за это время ничего особенного не произойдет, и «мы не имеем права рисковать, ставить на карту все».

В дискуссию включился Каменев. Он пришел на заседание с большим опозданием, так как с 7 часов вечера председательствовал на пленарном собрании Петросовета. Эйно Рахья отметил, что главные оппоненты Ленина «сильно волновались оба. Каменев меньше, а Зиновьев очень сильно волновался». И поскольку Лев Борисович был более спокоен, он сразу ухватил, что предложение об отказе от выступления здесь не пройдет. А вот на вопрос о моменте восстания действительно можно получить поддержку. «С принятия резолюции, – сказал Каменев, – прошла неделя... За эту неделю ничего не было сделано... Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет... Социально говоря, кризис назрел, но нет никаких доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас, или никогда...»¹³⁴³

Маневр оказался эффективным. Принципиальную позицию Каменева и Зиновьева отвергли буквально все выступавшие. «То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности контрреволюции сорганизоваться; мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию», – сказал Сталин. «Не нужно сходить на путь парламентской борьбы, это было бы неправильно. Ждать, пока нападут, тоже не следует, ибо сам факт наступления дает шансы победе», – говорил Калинин. «Отмена резолюции была бы отменой всех наших лозунгов и всей нашей политики. Массы именно уже усвоили себе взгляд, что восстание неизбежно», – заявила Равич.

Мало того, Володарский прямо сказал: «Если бы не было в ЦК течения, которое хочет классовую борьбу свести к парламентской, то мы были бы готовы теперь к восстанию...» Скрыпник сформулировал еще резче: «Все доводы, которые здесь приводились, – только отсрочка... Здесь повторяют то, что говорили меньшевики и эсеры, когда им предлагали брать власть. Теперь мы слишком много говорим, когда надо действовать. Массы с нас спрашивают и считают, что если мы им ничего не даем, то мы совершаем преступление».

Так что попытка «отбросить» резолюцию ЦК от 10 октября не удалась. Но как только заходил разговор о сроках, сразу

начиналась разногласица: за восстание, «но не в данный момент» (Володарский); резолюция ЦК – «не значит завтра выступать» (Калинин); «по поводу резолюции совершенно напрасно толковали так, что резолюция – приказ выступать» (Сокольников, Иоффе) и т. д. Это и дало повод Милютину заметить: «Резолюция была написана иначе, чем ее толковали теперь; ее так толкуют, что вопрос идет о курсе на восстание... Насчет курса никто не спорит»¹³⁴⁴.

Оценив ситуацию, Зиновьев и Каменев идут «ва-банк» и предлагают резолюцию. В ней нет ни слова об Учредительном собрании, о тактике выжидания, угрозе поражения. Они признают, что «восстание неизбежно», что надо продолжать «подготовительные шаги». Они хотят якобы только одного – отсрочки. И даже не на 5 дней, о которых говорил Зиновьев до этого, а лишь на три дня – до совещания с делегатами съезда Советов.

В ходе прений Сталин говорил о том, что выбор момента выступления должен быть прежде всего «целесообразен» и надо дать возможность «выбора дня и условий...». Иоффе толковал о том, что необходимо «воспользоваться первым подходящим случаем...». И тогда Ленин, дабы блокировать ход оппонентов, предлагает «предоставить ЦК и Совету решить, когда»¹³⁴⁵.

Тут же он вносит свой проект резолюции: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет не пропустят случая для указания правильного момента и целесообразных способов наступления».

Проект принимается за основу 20 голосами против двух и трех воздержавшихся. При обсуждении проекта слова «не пропустят случая для указания правильного момента...» заменяются более точными: «ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент...» И в окончательном виде за резолюцию голосует 19 человек против двух и четырех воздержавшихся.

На голосование ставится резолюция Зиновьева. За – 6, против – 15, воздержались – 3. Из шести голосовавших «за» как минимум трое – члены ЦК. Помимо Каменева и Зиновьева, это наверняка Милютин. «За», видимо, мог проголосовать и Володарский, настаивавший на принятии резолюции Зиновьева в качестве поправки к ленинскому проекту¹³⁴⁶.

Вопрос о числе участников этого совещания считался ранее вполне очевидным. В прениях выступило 24 человека. Поскольку заседание затянулось далеко за полночь, а многие из собравшихся пришли после работы, «некоторые товарищи, – как пишет Шотман, – разойдясь по другим комнатам и растянувшись кто на столе, кто просто на полу, сладко похрапывали». Выходили из комнаты заседания и заядлые курильщики. Но и Шотман и Эйно Рахья решительно утверждают, что на голосование собрали всех¹³⁴⁷.

После обсуждения проекта ленинской резолюции было подано 25 голосов, а после зиновьевской – 24. Разницу в один голос, возможно, дала секретарь ЦК Стасова, которая – в отличие от Варвары Яковлевой, не голосовавшей на заседании 10 октября, – вполне могла и имела право вотировать ленинский проект. Так что вероятная численность данного собрания – 25 человек.

Однако в 1997 году Наталья Мушиц опубликовала фотокопию заметок Свердлова на заседании ЦК 16 октября. Яков Михайлович попытался расписать, какие организации представляет каждый из участников собрания. В особый столбец он выделил тех, кто «не выступали». Вот этот список: «Глебов-Авилов (от проф. союз. или ф-завком). Бубнов. Урицкий? Ногин. Рыков. Троцкий??» Пересчитав все фамилии, Наталья Викторовна пришла к выводу, что в заседании участвовало 35 человек¹³⁴⁸.

При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что если отбросить повторы фамилий, то в основном списке, включая упомянутую Свердловым Стасову, остается ровно 25 человек. Вместе с шестью «невыступавшими» получается 31. Но странно, что эти шестеро не только не выступали, но и не голосовали, ибо

в противном случае число голосов превысило бы 25. А такой вариант бойкота совсем уж невероятен.

Наталья Мушиц подробно объясняет, почему «отмолчался Троцкий». Но разгадка его молчания и неучастия в голосовании гораздо проще: его не было на заседании ЦК 16 октября, на что он и указывал сам еще в 1922 году¹³⁴⁹. Троцкий и, вероятно, Бубнов и Урицкий, а возможно, и другие члены «шестерки», с семи вечера заседали под председательством Каменева в Петросовете, где должен был окончательно решиться вопрос о Военно-революционном комитете.

С докладом об организации и плане работы ВРК выступал левый эсер Павел Лазимир. Изложенный им вариант был более сдержанным, нежели тот проект, который рассматривался 9, 12 и 13 октября. В нем, в частности, не было упоминания о защите революции от «внутренней угрозы», о вооружении рабочих и т. п.¹³⁵⁰ Рабочие уже получали оружие с Сестрорецкого завода по ордерам Петросовета. А рекламировать борьбу с новой корниловщиной не было необходимости.

Но и это не удовлетворило ни эсеров, ни меньшевиков. Марк Бройдо – породивший 9-го саму идею создания комитета, заявил с трибуны Петросовета: «Затея революционного комитета – затея большевистская... Проектируемый здесь революционный комитет – есть не что иное, как организация революционного штаба для захвата власти». Эсер Е.И. Огурцовский предложил снять вопрос с обсуждения, а когда предложение отклонили, его фракция отказалась участвовать в утверждении положения о ВРК.

Весьма эмоционально выступил меньшевик-интернационалист Исаак Астров. Большевики, говорил он, недооценивают черносотенной опасности. «Погромная агитация провалит выступление большевиков, если оно и будет организовано, т. к. стихия захлестнет организаторов выступления и оно превратится в резню и грабеж».

Им отвечал Троцкий. Бройдо он прямо заявил: «Нам говорят, что мы готовим штаб для захвата власти. Мы из этого не делаем тайны». А Астрову сказал: да, угроза погромов нарастает.

«Погромное движение есть движение отчаявшихся масс, и притом самой несознательной их части. Приехавший из деревни чернорабочий, простаивая часы в “хвостах”, проникается, естественно, ненавистью. К тем, кто лучше одет и богаче его, т. к. богач достает, платя вдвое, все продукты без карточек. Их ненависть переносится затем и на тех, кто образованнее его, кто иначе верит, чем он, и т. д.». Но «уменьшить возможность всяких погромов» сможет только революционная власть Советов.

После этого выступает «целый ряд ораторов – представителей с фронта, которые все как один голос требовали немедленного мира и передачи власти в руки Советов. Один из ораторов даже заявил, что если эти требования не будут выполнены, то солдаты уйдут с фронта и штыками заставят правительство исполнить предъявленные к нему требования».

Проекты резолюций меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов отвергаются и, как пишет «Рабочий путь», «подавляющим большинством голосов принимается проект докладчика Лазимира»¹³⁵¹.

Троцкий остается председательствовать, а Каменев покидает Петросовет и отправляется на заседание ЦК. Другие подошли позднее – после обсуждения вопроса о совещании, созывавшемся в Пскове генералом Черемисовым. И прибыли они в Лесновскую думу уже после голосования. Так что Рыкову и Ногину, без выступлений, оставалось лишь написать вместе с Милютиным заявление об «особом мнении» по поводу уже принятого решения ЦК.

В описанной цепи событий некоторые связи между фактами основаны на предположении. Но то, что между собранием Петросовета и заседанием ЦК 16 октября существовала непосредственная связь, – несомненно. И когда Шотман писал, что в Лесновско-Удельнинской думе «некоторые товарищи... сладко похрапывали», то, вероятнее всего, они ждали. Ждали решения о ВРК.

Голосование в Петросовете окончательно поставило точку. Если до этого большевики опасались, что соглашатели войдут в состав ВРК и он превратится в еще одну арену для

препирательств, то теперь стало очевидным, что революционный комитет будет находиться полностью в руках большевиков и левых эсеров. И надо было решать вопрос о взаимоотношениях большевистского ЦК и ВРК.

Ленин, как и в беседе с руководителями «Военки» 14 октября, настаивал на том, что во главе всей работы, связанной с проведением восстания, должен стоять не сугубо партийный, а советский центр. И на ночном заседании в Лесновской думе, где присутствовали уже только члены ЦК, принимается постановление: «ЦК организует Военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета», то есть ВРК¹³⁵².

Во время дискуссии 1924 года и это решение получило сугубо политизированное толкование. В уже цитированном докладе 19 ноября 1924 года Сталин приводит первую часть данного постановления и оценивает его как создание «практического центра по организационному руководству восстания». Далее он продолжает: «...На этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто "ужасное", т. е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, "странным образом" не попал "вдохновитель", "главная фигура", "единственный руководитель" восстания, Троцкий... Между тем здесь нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября»¹³⁵³.

Есть что-то неприличное в дележе «лавровых венков» спустя многие годы после победы. Наиболее продуктивным в таких случаях является, как правило, обращение к источникам, максимально приближенным ко времени события. Вот цитата из юбилейной статьи «Правды» 6 ноября (нов. стиль) 1918 года: «Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире... Вся работа по практической организации восстания проходила под

непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого». Автором этой статьи был Сталин.

К спорам 1924 года о том, кто и какую роль играл в Октябре, мы еще вернемся. Пока лишь еще раз напомним вторую часть постановления ЦК 16 октября: создаваемый «центр» действительно вводился в состав ВРК при Петросовете.

После принятия данного решения стали расходиться. Первым, в сопровождении Рахьи и Шотмана, пошел Ленин. Погода была мерзейшая. По-прежнему дул холодный порывистый ветер. Шел первый снег, который тут же превращался в липкую грязь. До Сердобольской добрались благополучно и там, дабы не привлекать внимания, расстались. Владимир Ильич пошел один и, как рассказывает Фофанова, у самого дома наткнулся на патруль. Предъявил удостоверение сестрорецкого Иванова... Сошло...

Но прямо к Маргарите Васильевне он уже идти не стал. Поднялся на железнодорожную насыпь, обогнул дом сзади и стал спускаться вниз через птицеводческий питомник... Пришлось лезть через забор... В общем, когда Фофанова увидела его – всего перепачканного – она ахнула... Смутившись, Владимир Ильич сказал: «Да, после заграницы такие уж дороги тут... Я по колено увяз в грязи»¹³⁵⁴.

Глава 5

Восстание

«Время слов прошло»

Днем 17 октября Ленин пишет большое «Письмо к товарищам». Впечатления от ночного заседания были еще слишком свежими и опять-таки довольно сложными. Казалось бы, все в порядке: несмотря на определенную разногласицу и активное противодействие двух членов ЦК, резолюция о восстании была подтверждена еще раз абсолютным большинством.

Но нельзя было закрывать глаза и на то, что при голосовании предложения Зиновьева колебания проявили более трети собравшихся. То есть Каменеву и Зиновьеву все-таки удалось внести, как выразился Владимир Ильич, «известную смуту». Утренние газеты добавили. В «Новой жизни» информация: «По городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления».

И Ленин пишет: «Я вынужден... обратиться к большевикам с этим письмом... ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию»¹³⁵⁵. Доводы, которыми оперируют Каменев и Зиновьев, являются «поразительным проявлением растерянности, запуганности» перед той гигантской ответственностью, которую возложила на партию сама жизнь. И все их аргументы – «не более, как прикрытие своего бегства от действительности».

А растерянность, страх, пишет Ленин, обладает тем свойством, что, подавляя и заглушая многоцветие жизни, он окрашивает все предметы и явления в однообразный желто-серый цвет. Вот тогда реалистический анализ «хода событий во

всей стране в целом» и подменяется «интеллигентски-импрессионистским...». И на первый план выступают «субъективные впечатления о настроении...».

Между тем несомненно, что «твердая линия партии, ее непреклонная решимость тоже есть фактор настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты...». И иногда «ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы»¹³⁵⁶.

Если избавиться от запуганности и растерянности, то станет очевидным, что и итоги муниципальных выборов, и большевизация Советов не только в столицах, но и в провинции, и солдатские выступления, и стачки рабочих, железнодорожников, почтовых служащих, и крестьянское восстание – свидетельствуют о повороте масс к решительным действиям.

И если уж говорить о настроениях, замечает Ленин, то «все» признают, что «среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу только для демонстраций, только для частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя...». Мало того, среди таких рабочих зреет «твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца...». Что же касается «малосознательной и очень широкой массы», то опять-таки «"все"» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс как близкое к отчаянию», ибо они «чувствуют, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что "повлиять" никак не повлияешь, что голодные "разнесут все..."»¹³⁵⁷.

Именно рост подобных настроений, указывает Ленин, создал почву для усиления влияния и «нарастания анархизма». «Именно на этой почве, – продолжает он, – понятен также "успех" подделывающихся под большевиков негодяев черносотенной печати... И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа "хватается" за черносотенный яд?.. И может ли отчаяние масс, среди которых

немало темноты, не выражаться в увеличенном сбыте всякого яда?» Рост погромно-черносотенных настроений, отмечает Владимир Ильич, не является фактом сугубо российским, «это бывало всегда, это наблюдалось во всех без всякого изъятия революциях, это абсолютно неизбежно». Революции всегда сопровождались «злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки»¹³⁵⁸.

И вот в этой обстановке, чреватой в любой момент стихийным взрывом, рабочим, солдатам, крестьянам опять предлагают терпеть и ждать. Ждать, ждать... «Сложить, – как пишет Ленин, – ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь “верой” в Учредительное собрание...»

А чего ждать? «Ждать чуда?» Что немцы не станут выступать? Что Питер не сдадут? Что Ставка и корниловцы не предпримут новой контрреволюционной акции? Что буржуазия прекратит локауты и саботаж подвоза продовольствия городам и фронту? Ни один из этих вопросов «ожиданиями Учредительного собрания решить нельзя». А вот война не ждет. Разруха не ждет. Голод не ждет. И крестьяне не стали ждать, а восстали. И окопники не станут ждать – «солдаты просто убегут... если они (уже близкие к отчаянию) дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы». Топчась в ожидании на месте, мы попросту предаем солдат, «мы предаем русских крестьян, не словами, а делами, восстанием против помещиков, зовущих нас к восстанию против правительства Керенского...»¹³⁵⁹

Каменев и Зиновьев в который уже раз повторяют, что опасаться нечего, что Советы «не допустят», Советы «не позволят», что они – «револьвер, приставленный к виску правительства». На заседании ЦК 16 октября кто-то иронически спросил: а заряжен ли этот револьвер? Есть ли там пуля? «...Если револьвер “с пулей”, – пишет Ленин, – то это и есть техническая подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет». Ну, а если револьвер «без пули», то все эти разговоры – чистейший обман, ибо «пугач» – всего лишь игрушка¹³⁶⁰.

«...Вот если бы, – говорят Каменев и Зиновьев, – корниловцы опять начали, тогда мы бы показали!» – «История не повторяется, – отвечает Ленин, – но если мы повернемся к ней задом и будем, созерцая корниловщину первую, твердить... Авось корниловцы опять начнут не вовремя!.. А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они дождутся голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, не начиная до тех пор?»

Для Каменева и Зиновьева все это – вопросы второго плана. На первом – что скажет «демократическая общественность»? Что скажет Чхеидзе и Чернов, Мартов или Камков. Стало быть, пора делать выбор. «С кем идти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые косвенно выразили левение масс и которые при каждом политическом повороте позорно хныкали, колебались... или с этими полевевшими массами»¹³⁶¹.

Революционная волна находится сейчас в такой точке, когда она может вылиться в повальное дезертирство, в зверские погромы, в голодные бунты, когда отчаявшиеся и голодные «разнесут все, разможат все даже по-анархически». И тогда на арену выйдут с кровавой диктатурой корниловцы.

Либо большевики сумеют повести за собой массы – рабочих, солдат, крестьян, всех голодных и недовольных. И тогда революционная диктатура даст шанс для немедленного решения вопросов о войне, о земле, снабжении фронта и тыла. Только такая диктатура сможет покончить и с «безобразнейшим отравлением народа ядом дешевой черносотенной заразы», сумеет остановить погромы и «черную сотню раздавит до конца...»¹³⁶²

Итак, выбор ограничен. Полугодовая история революции доказала, пишет Ленин, что «выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата...». Поэтому «чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить... Промедление в восстании смерти подобно...»¹³⁶³

Начиная данное «Письмо к товарищам», Ленин полагал, что распространит его среди партактива, ибо предназначалось оно «не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке». Но, перечитав еще раз утреннюю «Новую жизнь», информировавшую о письме «двух видных большевиков против выступления», Владимир Ильич приходит к выводу, что далее молчать нельзя, и предлагает «Письмо к товарищам» направить в «Рабочий путь» и «напечатать его возможно скорее»¹³⁶⁴.

В тот же день, 17 октября, из Ставки вернулся Керенский, чтобы «лично руководить всеми действиями в деле подавления большевистского мятежа, если бы таковой начался». Утром был отдан приказ о размещении броневиков с полным боевым комплектом у государственного банка, Центрального почтамта, телеграфа, телефонной станции и Николаевского вокзала.

Вечером в Зимнем дворце состоялось заседание правительства. В повестке дня значился один вопрос: «Большевики». Доклад делал министр Кишкин. Исходную мысль он сформулировал предельно просто: «большевизм сейчас в большинстве...». Оспаривать его никто не стал. Не вызвали возражений и рассуждения Кишкина о том, что сейчас особенно «страшна возможность голодных бунтов». Лишь Гвоздев указал, что при оценке момента надо исходить из того, что «выступление неизбежно с двух сторон...». Помимо большевиков, восстание которых, вероятнее всего, начнут солдаты столичного гарнизона, правительству грозит удар со стороны корниловцев. Гвоздеву также никто не возразил, и, как видим, в анализе ситуации большевистским ЦК и Временным правительством некоторые элементы совпадали.

Совпал и главный вопрос дискуссии: каким должен быть план конкретных действий? Только на правительственном заседании он получил обратное, зеркальное отражение: ждать ли начала восстания, а затем подавить его, или же нанести упреждающий удар. «Действовать или нет – вот что надо решить, – говорил министр просвещения Салазкин. – Могут нас обвинить, что мы допустили это выступление и вовремя не

приняли меры». И большинство склонилось к необходимости превентивного удара.

«Пора себя проявить... – говорил Кишкин. – Наша тактика “ожидания событий” уже вредна... Чем дальше, тем хуже. Мы ждать не можем – надо действовать». Его поддержал Гвоздев: «Ждать нельзя... нельзя допустить перехвата власти, чтобы не очутиться в руках победителя». Столь же решителен был и Третьяков: мы и так все время ждем, говорил он. «Больше так продолжать нельзя, сидеть в дураках больше нельзя».

«Скучно слушать, – заметил военный министр Верховский, попытавшийся вернуть членов правительства к реальности. – Активно выступать нельзя. Надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, и его разогнать нет сил. Я не могу предоставить реальной силы Временному правительству...» Но его поддержал только Прокопович: «Маразм в нас, – сказал он, – ибо мы не можем создать власть в стране. Пока силы не будет, ничего сделать нельзя».

Большинство, однако, было настроено более агрессивно и поддержало меры, предложенные Кишкиным: немедленно начать «заккрытие газет, призывающих к восстанию», разгон массовых митингов, особенно в цирке «Модерн», где господствовали большевики, возбудить против них уголовное преследование, а главное – ввести в столице военное положение и назначить диктатора. «Надо идти на верную победу, – говорил Терещенко, – и можно даже вызвать их, большевиков, на преждевременное выступление».

Дискуссию вызвал вопрос о диктаторе. «Керенскому поручать нельзя, – заявил Никитин, – и надо оставить Полковникова». Это вызвало у Керенского бурную реакцию: «Наши разговоры – это следствие гипноза Петроградом, а не думаем о России... Я спасаюсь в Ставку, чтобы отдохнуть от Петрограда». Что касается диктатора, то «выступление войск должно быть в руках политических. Должен быть даже штатский, пользующийся широким доверием, а Полковников ему подчинен и исполнитель приказаний». На том и разошлись, попросив

Гвоздева попробовать через ЦИК «отменить» съезд Советов или хотя бы отодвинуть срок его открытия¹³⁶⁵.

Утром 18 октября Владимир Ильич просматривает свежие газеты. Накануне, в Пскове, состоялось то самое совещание в штабе Северного фронта, на которое – по приказу Черемисова и настоянию армейских комитетов – прибыли представители столичного гарнизона. Черемисов полагал, что с помощью подготовленных для этого солдат-окопников ему удастся добиться одобрения приказа о замене фронтовых частей солдатами из тыла.

Рассчитывая на то, что генеральские погоны и вся обстановка штаба, по крайней мере, приструнят солдат, Черемисов развесил по стенам, разложил на столах оперативные карты и сам стал докладывать обстановку на фронте. Тон его был категоричен: «Приказ о выводе петроградских войск на фронт он считает боевым и, опираясь на волю армий Северного фронта, не допускает никаких колебаний в выполнении этого приказа». Потом дали слово окопникам, которые стали говорить о бедствиях солдат-фронтовиков, противопоставляя им «жирующих» тыловиков.

Питерцы стали отвечать, и в конечном счете попытка сравнить солдат между собой не удалась. И те, и другие стали говорить о необходимости прекращения войны и передачи власти Советам. Председатель военного отдела Петросовета Андрей Садовский зачитал заявление, составленное накануне Свердловым, и делегаты отказались дать обещание о выводе частей гарнизона на фронт и даже не стали подписывать протокол переговоров¹³⁶⁶.

Хотя сообщения буржуазных газет были крайне скудными, Владимиру Ильичу было очевидно, что очередной маневр Керенского и Ставки не удался. По всей логике борьбы трещина между властью и петроградским гарнизоном все более ширилась, грозя вылиться в открытое неповиновение и полный разрыв. И это как раз накануне 20-го, дня открытия Съезда Советов.

Но, кроме той информации, которую он ждал и искал, Ленин совершенно неожиданно натывается в «Новой жизни» на заметку

– «Ю. Каменев о “выступлении”». В ней – от своего и Зиновьева имени – Каменев повторял все свои аргументы против восстания. «Я отказался верить этому, – пишет Ленин. – Но сомнения оказались невозможны». И Владимир Ильич садится за письмо «К членам партии большевиков».

Пока Каменев и Зиновьев защищали свою позицию на заседаниях ЦК и ПК, в письме к большевистским организациям, они партийных норм не нарушали. Да, они против немедленного восстания, и контраргументы их не убедили. Ленин заметил, что особенностью обоих оппонентов является «крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо».

Спорить с подобной точкой зрения, считал Владимир Ильич, бессмысленно. Ибо «скептики всегда могут “сомневаться”, и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их». И буквально накануне, 17 октября, Ленин писал: пусть они «понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих»¹³⁶⁷.

Но теперь было не до смеха. Статья Каменева и Зиновьева в «Новой жизни» не являлась еще одной попыткой отстоять свои взгляды. Это был принципиально иной шаг. То, что газеты трубили о готовящемся восстании с начала октября, несколько не меняло сути дела. Писать они могли сколько угодно, но все это оставалось лишь домыслами и сплетнями. Теперь же речь шла уже не о слухах.

«По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, – с возмущением пишет Ленин, – двое “видных большевиков” в непартийной печати... нападают на неопубликованное решение центра партии!....Можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК, и перед съездом буду

бороться за исключение обоих из партии... Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издалека не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что практический вред нанесен очень большой»¹³⁶⁸.

Газеты за 18 октября приносят и другую весть. Накануне, 17-го, ЦИК обсудил вопрос о созыве II съезда Советов. О просьбе правительства никто не упоминал. Но о связи между съездом и готовящемся восстанием лидеры соглашателей, конечно, знали. Знали и о том, что правительство предпринимает отчаянные усилия для предотвращения выступления. Поэтому, ссылаясь на мнение лояльных по отношению к ЦИК армейских комитетов, принимается решение: «Ввиду выяснившейся невозможности собрать Второй Всероссийский съезд Советов Р. и СД 20 октября... день открытия пленарного собрания перенести на 25 октября».

На заседании правительства 17-го, о котором речь шла выше, Кишкин докладывал, что располагает информацией о том, что восстание, ранее планировавшееся на 18 октября, теперь якобы отложено до 23-го, ибо у большевиков «силы не собраны, массы не подготовлены». Возможно, он получил информацию о большевистском собрании, проходившем в тот день, 17-го, в Смольном. В 18 часов здесь собралось около 200 активистов и агитаторов всех районов столицы для обсуждения координации действий «в связи с выступлением». С докладом выступил Бубнов. Однако конкретного разговора не получилось, ибо опять началась общая дискуссия. «Прения шли до крайности долго», – заметил очевидец. «Чрезвычайно осторожно» высказывались представители «Военки». Против немедленного восстания выступили Рязанов, Ларин, Мануильский и Чудновский, энергично доказывавший, что выступление обречено на поражение¹³⁶⁹.

Итак – решение ЦИК дало несколько дней отсрочки. Но тем более, полагал Ленин, необходимо кончать с разногласицей. «... Партия с сентября обсуждает вопрос о восстании», – напоминает Владимир Ильич. И в партийных кругах никто не может

упрекнуть, что делалось это келейно, внутри самого ЦК. Дискуссии были самые широкие. Все оттенки мнений были обсуждены, и решение принято.

Значит, необходимо в оставшиеся дни еще более ускорить подготовку выступления. Ибо точно так же ЦИК может перенести съезд на более поздний срок или вообще отменить его созыв. И тем более «для исправления дела, – пишет Ленин, – надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров»¹³⁷⁰.

Может сложиться впечатление, что в эти горячие дни и Ленин, и ЦК слишком много внимания уделяли разборкам с Каменевым и Зиновьевым. Поскольку «дело» это освещалось в ленинских письмах, протоколах ЦК, в прессе, такое ощущение действительно могло возникнуть¹³⁷¹.

Но на самом деле была и другая – главная забота, о которой говорили и писали меньше: практическая подготовка восстания. И, споря с Каменевым и Зиновьевым, утверждавшими, что «у нас все плохо», Ленин заметил: «Опровергать я не мог, ибо сказать, что именно сделано, нельзя»¹³⁷².

По свидетельству мемуаристов, встречавшихся с ним в эти дни, Владимир Ильич был в курсе всех событий и деталей, связанных с подготовкой восстания. Установить все каналы его информации невозможно. Но есть основания полагать, что именно 18-го состоялась очень важная встреча Ленина со Свердловым, Сталиным и Троцким, а также с руководителями «Военки».

Когда внимательно присматриваешься к череде событий этих дней, возникает ощущение, что в них не хватает какого-то связующего звена. На эту мысль наталкивает прежде всего короткое письмо Владимира Ильича Свердлову 22 октября. Тон письма весьма доверителен. Каждая фраза предполагает, что с адресатом все обговорено. Где? Когда? Ссылаясь на эти договоренности, Ленин пишет: «Вы это знаете; не странно ли после этого, что Вы точно сомневаетесь в этом»¹³⁷³.

Дело в том, что 18-го Зиновьев написал «оправдывающееся» письмо в редакцию «Рабочего пути». В нем говорилось, что ничего, собственно, не произошло, что сам Ленин не раз «рассылал свои письма "до принятия каких бы то ни было решений", и вы не протестовали». А вообще, его «взгляды по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин»¹³⁷⁴.

В тот же день, 18-го, на заседании Петросовета, отвечая на вопрос – верно ли, что большевики «назначили» восстание, Троцкий заявил, что восстания никто не «назначал», но «при первой попытке контрреволюции сорвать съезд Советов мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Каменев, собиравшийся до этого внести свою резолюцию, тут же солидаризовался с Троцким и заявил, что «подписывается под каждым его словом».

По мнению некоторых членов ЦК, письмо Зиновьева и это заявление Каменева в значительной мере исчерпывали конфликт. Однако Свердлов прекрасно понимал, что решить этот вопрос можно лишь с Лениным. У Троцкого была своя забота: его волновало, как отнесется Владимир Ильич к его «оборонительному» заявлению на Петросовете и «солидарности» с ним Каменева. С ними на встречу с Лениным пошел и Сталин. Встреча эта, судя по всему, состоялась 18 октября на квартире Рахьи в Певческом переулке, д. 3¹³⁷⁵.

Относительно времени данной встречи Троцкий указывает, что, во-видимому, это было между 15 и 20 октября. Более точная дата вытекает из существа тех вопросов, с которыми они шли к Владимиру Ильичу. Зиновьев написал заявление 18-го. А 19-го Ленин прямо указывает, что держал в руках рукопись этого письма, которую, видимо, принес Сталин. Троцкого интересовала оценка его речи в Петросовете 18-го. А 19-го такая оценка была дана Лениным в письме Центральному Комитету¹³⁷⁶.

Когда Троцкий пришел на квартиру Рахьи, Владимир Ильич разговаривал с Михаилом Калининым. В «Письме к товарищам», написанном 17-го, Ленин отметил, что для восстания необходима «твердая и непреклонная решимость сознательных биться до

конца...». И Троцкий пишет, что «Владимир Ильич при мне продолжал допрашивать [Калинина] о настроении рабочих, будут ли драться, пойдут ли до конца, можно ли брать власть и пр.»¹³⁷⁷.

После выяснения всех обстоятельств, связанных с заседанием Петросовета, Троцкий стал доказывать, что восстание необходимо напрямую связать с выводом из столицы гарнизона. «...Если такой важный вопрос, как вывод гарнизона, – излагал он, – может довести конфликт до открытого переворота, то именно это обстоятельство в высшей степени [помогало] нам установить известный способ переворота... Идея эта навязывалась естественно, тем более что большинство гарнизона было за нас, и надо было реализовать настроение. Сейчас мы [получили] чисто военную завязку большого конфликта, на основе которого можно разыграть выступление»¹³⁷⁸.

Что касается эпизода, произошедшего 18-го на заседании Петросовета, то «оборонительная» фраза Троцкого была вполне оправдана. В ЦК Владимир Ильич написал: «Неужели трудно понять, что долг партии, скрывшей от врага свое решение... обязывает при публичных выступлениях не только "вину", но и почин сваливать на противника»¹³⁷⁹. А вот к идее прямой увязки восстания с вопросом о выводе гарнизона, который мог тянуться неопределенное время, Ленин отнесся настороженно.

Говоря о доминирующем настроении Владимира Ильича в эти дни, Троцкий отмечает: «Это было настроение сдержанного нетерпения и глубокой тревоги. Он видел ясно, что подходит момент, когда нужно будет все поставить ребром». И чем более увлеченно излагал Троцкий свой план, тем чаще задавал Ленин вопросы: «А не предупредят ли они нас? Не захватят ли врасплох?»¹³⁸⁰ Но определенных договоренностей все-таки достигли. Так, видимо, именно на этом совещании было подтверждено, что, форсируя подготовку восстания, ВРК и большевистская пресса воздержатся от прямых призывов к выступлению.

Это подтверждает опубликованная Городецким записка Сталина. Вот ее текст: «Сокольников написал для завтрашнего номера “Правды” передовицу, заканчивающуюся призывом к Советам и членам партии поднять восстание... Я после переговоров с Марией Ильиничной статью оставил без изменений, выбросив конец (с призывом), сославшись на решение позавчерашнего ночного совещания, противоречащее такому призыву. Ваше мнение?»¹³⁸¹

Укороченная статья Сокольникова «Флаг поднят» была опубликована утром 22 октября. Но есть основания полагать, что записка Сталина датируется не 21, а 20 октября. На ее обороте записано, что Мария Ильинична просит еще раз переговорить с ней по данному вопросу, а стало быть, статья пошла в набор не сразу. Да и по содержанию статьи, где упоминается о только что произошедшем разгоне Калужского совета (19-го), можно предположить, что написана она была 20-го. Тогда «позавчерашнее ночное совещание» – это и есть встреча 18 октября.

И еще: когда вчитываешься в коротенькое письмо Владимира Ильича Свердлову от 22 октября, то очевидно, что речь идет о выступлении не как одномоментном акте, а как о ряде наступательных шагов – тоже, видимо, обговоренных, – которые «в несколько дней» приведут к победе¹³⁸². Иначе говоря, уже сложилось то соотношение сил, при котором недостаточная прежде тактика изоляции и «выдавливания» правительства может теперь вплотную подвести к его свержению. В этом с членами ЦК Ленин согласился.

Но, переходя к другому вопросу – о Каменеве и Зиновьеве, Владимир Ильич решительно не согласился с мнением тех членов ЦК, которые сочли конфликт исчерпанным. «Я... пойду до конца, – написал он, – [и] добыю себе свободы слова перед рабочими». Однако определенная договоренность все-таки была достигнута. О ней и напоминал Свердлову Ленин 22 октября: его статью «Письмо к товарищам», в которой фамилии Каменева и Зиновьева не упоминались, с 19-го начнет печатать «Рабочий

путь», а вот письма об их исключении из партии будут направляться «только членам ЦК»¹³⁸³.

В тот день, 18-го, Свердлов, вероятно, принес еще один документ – письмо руководителей «Военки» в ЦК относительно своих взаимоотношений с ВРК. Троцкий пишет: «Я настаивал, чтобы было поручено Военно-революционному комитету готовить момент восстания...»¹³⁸⁴ Но работа по подготовке выступления и в «Военке», и в ПК, и в районах, и в отрядах Красной гвардии уже шла. Складывалась своя система связей и отношений, которые надо было теперь переориентировать на ВРК. Поэтому проблема оставалась все той же: кто кому подчиняется и кто какую играет роль.

Положение о ВРК Петросовет утвердил еще 16-го. Тогда же, как справедливо отметила Елена Орехова, ЦК решил, что именно ВРК станет «военно-оперативным штабом восстания». Но шли дни, а организационное оформление, выборы руководства ВРК недопустимо затягивались. Терпеть такое было невозможно, и, видимо, тут же порешили немедленно провести встречу Владимира Ильича с руководителями большевистской Военной организации.

Выше уже отмечалось, что их многочисленные мемуары, наслаиваясь друг на друга и подвергаясь воздействию политической конъюнктуры, создали в датах определенный разнобой. При датировке второй встречи мнения исследователей разделились. В «Биохронике» указано – «в ночь с 20 на 21 октября». Но 20-го, как раз в связи с письмом «Военки», данный вопрос уже решили на заседании ЦК. И в достаточно жесткой форме. Значит, встреча была раньше. И наиболее вероятным является именно 18-е. Этой даты, в частности, придерживался Е.Н. Городецкий¹³⁸⁵.

В тот день в Смольном проходило первое гарнизонное совещание. Собрались представители 18 военных частей. 15 из них заявили, что выражают недоверие Временному правительству. Что же касается восстания, то тут делегаты были более осторожны. Представитель гвардейского Егерского полка сказал: «Мы выступим лишь в том случае, если на это последует

приказ Петроградского Совета, но выступим организованно и потребуем немедленного свержения правительства и передачи власти Советам»¹³⁸⁶.

Вероятно, с этого совещания – через Шотмана – и были вызваны руководители «Военки». Во всяком случае, Антонов-Овсеенко пишет, что произошло это неожиданно, без предварительного согласования. Поскольку надо было спешить, поехали на машине. Место встречи находилось совсем неподалеку от Фофановой, на той же Сердобольской, на квартире рабочего Дмитрия Александровича Павлова.

Владимир Невский очень точно сформулировал смысл претензий «Военки»: «Причины этой встречи были все те же: неопределенность положения, какое заняло наше Бюро. Пренебрегать такой крупной и важной организацией, как наша Военная, было, конечно, нельзя...»

Ленин объяснил, что речь идет не о «пренебрежении» или недооценке «Военки», а о выполнении наиболее целесообразного политического решения ЦК: о превращении ВРК в советский, а не сугубо партийный штаб восстания. А на вопрос «что же мы там будем делать?» Владимир Ильич ответил очень просто: обеспечивать, чтобы ВРК не сбился с правильной линии. И «ни под каким предлогом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете».

После этого стали обговаривать детали выступления. Антонов-Овсеенко доложил о ситуации в гарнизонах Финляндии, о готовности балтийцев, не оголяя фронта, направить в Питер около 3 тысяч моряков и те боевые суда, которые пройдут в фарватер Невы. Затем речь пошла об отрядах Красной гвардии и степени военного профессионализма их командиров. В Финляндию решили направить Невского, в армии Северного, Юго-Западного фронтов, в Минск и Брянск других товарищей из Военной организации.

В этой связи Подвойский опять заговорил об отсрочке выступления. Но Ленин резко ответил: «Время на стороне правительства... Всякое промедление с нашей стороны даст

возможность правительственным партиям более тщательно подготовиться к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта». А восстание должно произойти до Съезда Советов, «дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти». В общем, как заметил Невский, «от моих сомнений не осталось и следа», и, в конечном счете Ленину удалось, по словам Владимира Ивановича, «сломить последнее упрямство» руководителей «Военки»¹³⁸⁷.

Конечно, встреча со Свердловым, Троцким и Сталиным, о которой шла речь выше, как и дата беседы с руководителями «Военки», – лишь предположение, хотя основания для него достаточно весомы. И если так оно и было, то становится более понятной не только последовательность, но и взаимосвязь событий этих дней.

Судя по всему, Свердлов сказал, что для постановки на заседании ЦК вопроса о Каменеве и Зиновьеве требуется формальное заявление. И утром 19-го Владимир Ильич пишет письмо в Центральный Комитет. Доводов своих оппонентов он в этом письме не разбирает. Это сделано накануне в письме к членам партии: «Авось да небось» – вот их главный довод. «Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам, с локаутами авось еще дотянем». В письме Ленин вновь квалифицирует произошедшее: «чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, – пишет он, – тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства».

Октябрь 1917 года. У ворот Смольного

Заявлением Каменева в Петросовете и письмом Зиновьева в ЦО конфликт не исчерпан, как полагают некоторые члены ЦК. Каменев утверждает, что «он, видите ли, вполне согласен с Троцким, – пишет Ленин. – Но неужели трудно понять, что Троцкий не мог, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал... Только дети могли бы не понять этого». Значит, «увертка Каменева... есть нечто прямо низкое».

«То же самое, – продолжает Владимир Ильич, – надо сказать про увертку Зиновьева», его ссылку на то, что Ленин, мол, рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений... Неужели трудно понять, что до решения центром вопроса... агитировать и за, и против можно, а после решения... значит быть штрейкбрехером». Что касается предложения Каменева и Зиновьева отложить решение о выступлении до совещания с большевиками – делегатами Съезда Советов, то

такая коллегия «над ЦК не властна» и такой коллегии «устав партии не знает».

«Мне, – заключает Владимир Ильич, – нелегко писать это про бывших близких товарищей...» Да, речь идет о видных большевиках, но «чем виднее, тем опаснее, тем более недостойно "прощать". On n'est trahi que par les siens, говорят французы. Изменником может стать лишь свой человек». И Ленин вносит проект решения ЦК: «Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии»¹³⁸⁸. Письмо это сразу же переправляется Свердлову.

Каково же было удивление Владимира Ильича, когда утром 20-го, получив «Рабочий путь», он – кроме продолжения публикации его «Письма к товарищам» – увидел нечто другое...

Дело в том, что накануне с Каменевым и Зиновьевым встретился Сталин. Зиновьев сократил свое письмо в редакцию, где, повторив, что его взгляды «далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин», написал: «Мы вполне можем сомкнуть ряды и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств». Не советуясь с другими коллегами по газете, Сталин 20 октября опубликовал это письмо в «Рабочем пути», сопроводив его примечанием от редакции, что вопрос о поведении Каменева и Зиновьева «можно считать исчерпанным». Ну, а «резкость тона» Ленина по отношению к ним «не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками»¹³⁸⁹.

В этот день, 20 октября, Свердлов зачитывает «заявление т. Ленина» на заседании ЦК. Присутствуют: Свердлов, Дзержинский, Сталин, Сокольников, Милютин, Троцкий, Иоффе, Урицкий, позднее приходит Коллонтай. Каменева и Зиновьева не было.

Дзержинский сразу предлагает «потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности, принимая во внимание, что Зиновьев и без того скрывается и в партийной работе участия не принимает». Однако Сталин заявляет, что лишь пленум ЦК может рассматривать предложение Ленина, а посему его следует снять с обсуждения. С ним соглашаются

Урицкий и Милютин, который тут же начинает объяснять, что «вообще ничего особенного не произошло».

Свердлов соглашается, что ЦК «не имеет права исключать из партии», но есть заявление Каменева об отставке, поданное еще 16 октября. И данное собрание «достаточно авторитетно» для того, чтобы отставку принять. Сталин возражает и «доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии – не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК».

Но предложение Свердлова поддерживает Троцкий. Он поясняет, что само его заявление в Петросовете было вынуждено Каменевым, намеревавшимся вносить контррезолюцию, что «создавшееся положение совершенно невыносимо», как недопустимы и заявление Зиновьева и заметка от редакции в сегодняшнем «Рабочем пути».

И тут, совершенно некстати, разразился скандал. Сокольников подтверждает, что заметка от редакции действительно ошибочна, но его мнения Сталин не спрашивал. Тогда Сталин, оскорбившись, заявляет, что выходит из редакции. Но ЦК отставки не принимает. В этой нервной обстановке голосуют решения. За отставку Каменева – 5, против – 3. Обязать Каменева и Зиновьева не выступать «против решений ЦК и намеченной им линии работы. За – 6». И наконец, запретить всем членам ЦК «выступать против принятых решений ЦК – единогласно».

Обсуждение второго вопроса – «Заявления Военки», зачитанного Свердловым, проходит более спокойно. И видимо, не только потому, что ее руководство отсутствует. Но и потому, что все принципиальные вопросы уже решены накануне – во время их встречи с Лениным. Иоффе предлагает «отвергнуть предложение военки, так как все желающие работать могут войти в революционный центр при Совете». Троцкий снисходительно добавляет, что «все наши организации могут войти в революционный центр и в нашей фракции там обсуждать все интересующие их вопросы»¹³⁹⁰.

Судя по всему, руководство «Военки» находилось в это время в Смольном, где впервые собрался Военно-революционный комитет. Среди 66 его членов большевики явно преобладали – 48 человек. Но сюда потянулись и наиболее решительные элементы из других партий. Из левых эсеров в состав ВРК вошли Владимир Алгасов, Григорий Закс, Павел Лазимир, Георгий Сухарьков и другие – всего 14. От меньшевиков-интернационалистов – Г.М. Краморов. От анархо-синдикалистов – Владимир Шатов, от анархистов-коммунистов – Иосиф Блейхман, Ефим Ярчук.

На следующий день, 21-го, на заседании ВРК утвердили Бюро из трех большевиков – Антонова-Овсеенко, Подвойского, Садовского и двух левых эсеров – Лазимира и Сухарькова. Вопрос о взаимоотношениях «Военки» и ВРК, таким образом, был исчерпан. Никто из членов Военно-революционного центра, созданного ЦК 16 октября, в Бюро не вошел, хотя некоторые из них и являлись членами ВРК. И дабы этот орган никому не показался большевистским «филиалом», председателем ВРК избрали председателя солдатской секции Петросовета Павла Евгеньевича Лазимира¹³⁹¹.

Итак, дело было сделано, хотя и с некоторым опозданием. Ибо со стороны правительства подготовка к подавлению выступления уже шла полным ходом. Еще 18 октября под председательством Керенского состоялось совещание с участием военного министра, министра внутренних дел и главнокомандующего округом. На нем отрабатывается план размещения войск, задачи подразделений, дается указание о возбуждении уголовного преследования против «Рабочего пути» и подтверждается приказ об аресте Ленина¹³⁹².

19-го план начинает приводиться в действие. «На окраинах города, – сообщала меньшевистская “Рабочая газета”, – расположены сильные воинские заставы... Кроме того, установлены конные казачьи патрули, разъезжающие всю ночь в определенных районах города. По всему Петрограду находятся скрытые конные резервы, которые в любой момент должны по вызову прибыть для подавления беспорядков. Охрана города вверена наиболее надежным воинским частям, которые, вне

всякого сомнения, будут беспрекословно подчиняться распоряжениям Временного правительства...»

С утра 20 октября всем надежным полкам отдается приказ: «Во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа; во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений... Главнейшими объектами захвата являются: Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, Государственный банк, Экспедиция заготовления государственных бумаг, почта, телеграф и Центральная телефонная станция, все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы, с одной стороны, и линию Обводного канала и Фонтанки, с другой, преградить мятежникам доступ в центральную часть города...». Войскам предписывалось «решительно разгонять, не стесняясь применением оружия, всякие попытки отдельных лиц к образованию групп...». Для этого каждому солдату полагалось иметь «патронов на пехотную винтовку 120, ручных бомб – по 4 на гренадера, пулеметов – по 4 на роту».

Судя по сообщениям прессы, этот приказ, хотя и не в полном объеме, был выполнен. «20 октября, – писала "Речь", – в ожидании выступления большевиков были приняты усиленные меры охраны. Воинскими караулами были заняты... почта, телеграф и телефон...» Крупные силы были сосредоточены в самом Зимнем дворце: более 800 юнкеров, солдат и офицеров, 6 орудий, 5 броневиков, 19 пулеметов и т. д.¹³⁹³

Складывалось ощущение, что правительство вполне готово и ждет лишь повода для упреждающего удара. Такой повод мог возникнуть в воскресенье 22 октября. Так случилось, что противоборствующими сторонами именно на этот день были назначены два мероприятия. Петросовет намеревался массовыми митингами по всему городу отметить «День Петроградского Совета», а «Совет Союза казачьих войск» – с разрешения правительства – провести крестный ход с участием казачьих полков в честь 105-й годовщины изгнания Наполеона из Москвы.

При большевистской фракции исполкома Советов Северной области существовала группа по сбору информации о настроениях в воинских частях и мероприятиях, проводимых противниками Советов. Входящий в эту группу Ян Бирзгал изучил маршрут предполагаемого крестного хода. Его насторожило то, что – петляя по городу – он проходил не только мимо казарм казачьих частей, юнкерских училищ, но и через основные мосты, Петропавловскую крепость и места проведения митингов. Когда Ян рассказал об этом Свердлову, тот, подумав, заметил: «Это же новая корниловщина готовится! Хотят опередить нас». И тогда же большевистской Военной организации, ПК и райкомам дали поручение подготовить план отражения возможного выступления. С 20 октября эта задача уже ложилась на ВРК.

На следующий день, после избрания Бюро ВРК, в Смольном собрали второе экстренное гарнизонное совещание. После речи Троцкого делегаты полков признали ВРК своим руководящим органом и решили участвовать в «Дне Петроградского Совета», превратив его в день «мирного подсчета сил солдат и рабочих». Представители 4-го и 14-го казачьих полков тут же заявили, что участвовать в крестном ходе не будут. И совещание предупредило, что «всякие контрреволюционные попытки со стороны корниловцев и буржуазии... встретят беспощадный отпор... Страна на краю гибели... Время слов прошло... Мы все на своих постах, готовые победить или умереть»¹³⁹⁴.

Большевики не обольщались грозным тоном таких резолюций. Они понимали, что настроение солдат – это одно, а их реальные действия – другое. Некоторые из воинских частей, которые на совещании 18 октября выражали недоверие правительству, 19 и 20-го все-таки выполнили его приказы. Привычка солдат к подчинению давала о себе знать. Надо было найти способ блокировать правительственные распоряжения. И в этот же день ВРК направляет во все воинские части своих комиссаров.

Между тем уверенность правительства в своих силах стала колебаться. Еще 19 октября военный министр Верховский заявил

на заседании правительства: «В самом Петрограде ни одна рука не вступится в защиту Временного правительства. А эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков». На следующий день – 20-го – на заседании комиссий военной и иностранных дел его, как говорится, прорвало. Единственная возможность бороться с влиянием большевиков, сказал Александр Иванович, – это вырвать у них почву из-под ног и «самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира».

Но «хорошего и выгодного России мира» сейчас не получишь, говорили ему оппоненты. «Надо решать, что нам по карману, а что нет. Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится», – отвечал министр. «Дрожь прошла от этих жутких слов по всему собранию, – вспоминал кадет Максим Винавер. – Кто стоял за сепаратный мир, тот невольно объединялся с большевиками».

Верховский встретился с лидерами кадетской партии – Милюковым, Набоковым, Шингаревым, Кокошкиным, Аджемовым. И хотя военный министр подчеркивал, что речь идет о мире по согласованию с союзниками, его доводы натолкнулись на глухую стену непонимания. «Как бы ни была обоснована и доказана аргументация Верховского, – писал Набоков, – ...не исключалось предположение, что он просто играет на руку большевикам». Военному министру фактически пришлось уйти в отставку¹³⁹⁵.

Главная надежда – «надежные» части Румынского и Юго-Западного фронтов, направлявшиеся по указанию Ставки к Великим Лукам и Невелю, простаивали в пути, митинговали и даже принимали участие в разгромах помещичьих имений по пути следования. Обострилось положение на Северном фронте, где 51-я дивизия отказалась идти в окопы на смену 184-й дивизии, которая заявила, что в таком случае самовольно покинет фронт¹³⁹⁶.

В этот же день, 21 октября, состоялось заседание большевистского ЦК. Присутствовали: Свердлов, Дзержинский, Сталин, Сокольников, Троцкий, Иоффе, Милютин и Муранов. Информацию о положении на Северном фронте сообщил

Свердлов. Дзержинский доложил о работе Исполкома Петросовета. Поскольку его роль в руководстве выступлением все более возрастала, решили ввести в большевистскую фракцию Исполкома членов ЦК Сталина, Дзержинского, Иоффе, Милютина, а из питерского актива – Володарского, Лашевича, Илью Юренева, Скалова, Павла Пахомова и Дмитрия Зорина.

После этого Дзержинский сообщил, что в партийную типографию сдано ленинское «Письмо к товарищам», публикация которого завершилась в этот день в «Рабочем пути». Предполагалось издать его отдельной брошюрой. Однако ЦК принимает предложение Дзержинского – «не издавать».

Вся последующая часть заседания была посвящена вопросам подготовки Съезда Советов. Сталин предлагает подготовить доклады: о войне; о власти; о рабочем контроле; о национальном вопросе; о земле. Обсуждается способ формирования президиума Съезда, регламент заседаний.

В ходе прений Свердлов замечает, что «к подготовке тезисов докладов необходимо привлечь Ильича». Сталин распределяет обязанности: Ленину поручить подготовку тезисов о земле, о войне, о власти, Милютину – о рабочем контроле, Сталину – о национальном вопросе и Свердлову – доклад о регламенте. Протокол завершается словами: «Все это принимается»¹³⁹⁷.

А что – «это»? Согласитесь, что указанные выше решения вызывают уйму вопросов. Не перечисляя тех существенных проблем, которые возникли 21 октября и не нашли места в повестке дня, не вдаваясь в детали прений, отметим главное: решения исходят из того, что к моменту открытия Съезда победа еще не будет достигнута.

Поэтому столь важен и состав президиума съезда, и регламент заседаний, а вопрос о власти сдвинут на второй план. И еще: к началу съезда Ленин все еще будет находиться на нелегальном положении, поэтому речь идет не о его докладе, а лишь о «тезисах», которые при необходимости смогут использовать другие товарищи.

Чем больше присматриваешься к бурным событиям этих дней, тем больше убеждаешься в том, что действия

противоборствующих сторон все более приобретали свою логику развития – логику непримиримой борьбы. Как будто давно нависшая лавина сдвинулась с места. Все зигзаги ее пути трудно было предугадать. Но она сдвинулась, пошла, и теперь уже ничто не могло ее остановить...

В ночь с 21 на 22 октября, после того как в полки гарнизона были направлены комиссары ВРК, Лазимир, Садовский и Мехоношин приходят в штаб Петроградского военного округа. Их проводят в кабинет Полковникова, который решительно заявил: «Мы не признаем ваших комиссаров. И если они нарушат закон, мы их арестуем». После возвращения делегатов в Смольный экстренное заседание ВРК, состоявшееся ночью, заявляет, что отказ Полковникова от переговоров означает формальный разрыв штаба с Петросоветом, и отныне «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны»¹³⁹⁸.

Для солдат, признавших ВРК своим руководящим органом, это был прямой приказ о неподчинении правительству. И по законам любого государства его можно было квалифицировать как акт неповиновения и мятежа.

В 1923 году Подвойский так и написал: «Приказом Петроградского ВРК от 22 октября – о неподчинении воинских частей Временному правительству началось вооруженное восстание»¹³⁹⁹. День 22-го, с неизбежно пересекавшимися крестным ходом казаков и митингами Петросовета, вполне мог стать и кровавой пробой сил. Но правительство сочло за благо не ускорять ход событий и той же ночью отменило крестный ход, дабы не давать повод «для устройства погромов и вооруженного восстания»¹⁴⁰⁰.

Утром 22-го группы верующих с иконами и хоругвями, собиравшиеся священниками у церквей для участия в крестном ходе, всюю кляли Керенского за этот запрет. Наблюдавший за ними меньшевик-интернационалист Арсеньев, приехавший из Крыма на съезд Советов, записал: «Население в широких своих слоях было определено подготовлено к тому, что эта власть

доживала последние дни, что свержение ее никого не тронет, не вызовет никаких активных выступлений»¹⁴⁰¹.

Поскольку у меньшевиков тираж «Рабочей газеты» упал до минимума, свое обращение к населению они опубликовали 22-го в «Дне»: «В опасности наша родина... Враг у ворот Петрограда. Расстройство жизни растет с каждым часом... В эти страшные дни... большевики и соблазненные ими темные солдаты и рабочие будут бессмысленно кричать: "Долой Правительство! Вся власть Советам!" А темные царские слуги и шпионы Вильгельма станут им подпевать: "Бей жидов, бей лавочников, грабь рынки, громи магазины, разбивай винные склады! Бей, жги, грабь!". И начнется страшная сумятица, война одной части народа с другой»¹⁴⁰².

Но 22 октября действительно стал «Днем Петросовета», а не днем погромов. На митинги большевики бросили лучших своих ораторов – Троцкого, Володарского, Коллонтай, Крыленко, Лашевича, Раскольникову... Несмотря на запрет ЦК, выступал со своей «особой позицией» и Каменев.

Наиболее ярко общее настроение масс проявилось в Народном доме на митинге, о котором писали все столичные газеты. Георгий Николаевич Сухарьков вспоминал: «Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу, казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию... Кто за? Тысячная толпа как один человек подняла руки... Троцкий чеканил слова: "Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой всеми силами, любыми средствами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!" Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется..."¹⁴⁰³

В этот день, 22-го, Ленин пишет Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Н а с т у п а т ь и з о в с е х с и л, и мы победим вполне в несколько дней! Лучшие приветы!»¹⁴⁰⁴

На следующий день, 23-го, был сделан еще один шаг: на сторону Петросовета перешла Петропавловская крепость. Еще 19-го солдатские комитеты частей ее гарнизона высказались против восстания. И в ВРК поговаривали о том, чтобы взять крепость силой. Не желая, однако, доводить дело до кровопролития, решили обратиться к солдатам еще раз.

Днем на главном плацу крепости устроили митинг. Выступали лучшие ораторы и эсеров, и меньшевиков. От ВРК говорили Лашевич, Чудновский, Троцкий, речь которого, как вспоминал Лашевич, напоминала «не столько речь, сколько вдохновенную песню». Когда стемнело, перешли неподалеку в цирк «Модерн». «В 8 часов вечера, – рассказывает Лашевич, – в крайне напряженной атмосфере вопрос был поставлен на голосование... Все, кто был за ВРК, переходят на левую сторону, а его противники – на правую. С криками “ура” подавляющее большинство солдат бросилось влево»¹⁴⁰⁵.

Так что и этот шаг закончился победой. Пушки Петропавловки смотрят прямо на Зимний дворец, а Кронверкский арсенал мог дать оружие рабочим. И надо было торопиться. Владимир Ильич понимал, что процесс силового противостояния нельзя затягивать. Фактический и формальный акт свержения правительства должен произойти как можно скорее. Ибо в любой момент, с прибытием «корниловских» фронтовых частей, соотношение сил в столице может измениться. И основания для таких опасений были.

Еще в ночь на 23 октября, получив сообщение о приказе ВРК задерживать любые не санкционированные им распоряжения правительства, Александр Иванович Коновалов доложил об этом Керенскому. Министр-председатель пришел в ярость. Как сообщала информированная «Новая жизнь», «после обмена мнениями по этому поводу было решено немедленно пресечь всякие попытки к установлению двоевластия. Образ действий главнокомандующего Петроградским военным округом Полковникова был признан недостаточно решительным, ввиду чего все распоряжения А.Ф. Керенского отдавались уже не Полковникову, а начальнику штаба округа генералу Багратуни».

Генерал Яков Герасимович Багратуни немедленно связался со штабом Северного фронта. Главный вопрос, поставленный им: сколько времени потребуется для переброски в Петроград надежных пехотных частей, кавалерии и артиллерии? Ответ был лаконичен: «Через сутки после отдачи приказа... Кроме того, у нас есть части, уже сидящие в поездах и вполне готовые к отъезду по любому направлению, которые могут прибыть через несколько часов». Багратуни был доволен: «Мне больше ничего не нужно»¹⁴⁰⁶.

Получив столь обнадеживающие сведения, правительство решило нанести превентивный удар. Как сообщала все та же «Новая жизнь»: «в течение всего дня 23 октября в Зимнем дворце и штабе округа происходили совещания о мерах борьбы с большевиками...» Городской милиции дали указание о проведении по районам обысков и облав, а Военно-революционному комитету, под угрозой ареста, был предъявлен ультиматум, требовавший отмены приказа, принятого им 22 октября¹⁴⁰⁷.

И ВРК уступил. Он заявил об отмене «мятежного» приказа и о начале переговоров со штабом ПВО. Позднее мемуаристы либо умалчивали об этом эпизоде, либо писали, что это был лишь маневр: Керенский, мол, пошел на попятный с казаками 22-го, а мы сделали вид, что уступили 23-го. То, что такие настроения были, – это факт. Но все-таки дело обстояло сложнее.

На заседании ВРК 23 октября страсти разгорелись до предела. Явившиеся сюда от имени ЦИК меньшевик Борис Богданов и эсер Абрам Гоц сформулировали свой ультиматум: в случае отказа от отмены приказа и от переговоров со штабом округа ЦИК покинет Смольный и заявит о полном разрыве отношений с ВРК.

Ничего хорошего накануне съезда, который через день должен был собраться именно в Смольном, этот скандал не сулил. И левые эсеры, да и умеренные большевики, среди которых были члены ЦИК Рязанов и Каменев, принимавшие участие в переговорах, заявили, что если требования ЦИК не будут приняты, они выйдут из ВРК. Вот так и пришлось

действительно уступить. Со своей стороны Богданов и Гоц пообещали, что никаких репрессивных мер против большевиков предпринято не будет.

Вечером Антонов-Овсеенко на заседании Петросовета доложил о действиях ВРК. И Совет констатировал, что именно благодаря комитету «будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского съезда Советов»¹⁴⁰⁸.

То обстоятельство, что все это время Петросовет и ВРК во всех публичных выступлениях «осторожничали» и придерживались «оборонительной» фразеологии, было вполне правомерным. И когда в литературе эту фразеологию уличали в несоответствии с наступательной позицией Ленина, то оснований для такого противопоставления нет. Для Владимира Ильича важно было лишь то, чтобы оборонительная фразеология не перешла ту неуловимую грань, за которой начинается оборонительная тактика. Ибо «оборона – есть смерть вооруженного восстания».

Керенский принадлежал к тем, кто прекрасно это понимал. Расценив уступку ВРК как признак неуверенности и слабости, он решает нанести превентивный удар. «В ночь на 24 октября, – сообщала “Новая жизнь”, – Временное правительство проявило большую нервозность. А.Ф. Керенским было принято, по-видимому, решение, не выжидая выступления большевиков, начать активные действия... В ту же ночь были отданы распоряжения во все юнкерские и военные училища, находящиеся как в Петрограде, так и в ближайших окрестностях, быть в полной боевой готовности. С утра 24 октября начались уже активные действия правительства»¹⁴⁰⁹.

В 5 часов 30 минут утра в типографию «Труд», где печатались большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат», явился отряд юнкеров. Они предъявили ордер на закрытие газет, устроили в типографии погром и опечатали помещение. Одновременно закрыли и правые газеты – «Живое слово» и «Новую Русь». Но в 9 утра в типографию по указанию ВРК прибыли солдаты Литовского полка под командованием Петра

Дашкевича и разогнали оставленный юнкерами наряд. Выпуск газеты был возобновлен¹⁴¹⁰.

Утром 24-го в Смольном собрался большевистский ЦК. Присутствовали: Свердлов, Дзержинский, Бубнов, Милютин, Троцкий, Иоффе, Урицкий, москвичи Ломов и Ногин и впервые участвовавший в заседании ЦК Ян Берзин. Присутствовал и Каменев, отставку которого ЦК принял 20 октября. Но о ней никто не вспоминал. Еще 22-го, узнав, что ряд членов ЦК настаивает на достижении в деле Каменева и Зиновьева компромисса, Ленин написал Свердлову: «По делу Зиновьева и Каменева, если вы (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса, внесите против меня предложение о сдаче дела в партийный суд... Это будет отсрочкой»¹⁴¹¹.

Отсрочку, видимо, одобрили, и именно Каменев открыл заседание 24-го, предложив, чтобы никто из членов ЦК без особого постановления не покидал Смольный. Он же доложил и о переговорах ВРК со штабом округа. Вторым вопросом стала информация «о типографии и газете». Постановили – «озаботиться своевременным выпуском очередного № газеты». Этим, вероятно, и объясняется отсутствие на заседании Сталина, который в это время уже сидел в редакции.

При обсуждении третьего вопроса – об отношениях с бюро ЦИК – Каменев констатировал, что разгром типографии «Рабочего пути» нарушил вчерашнюю договоренность и «разрыв с ЦИК должен произойти именно на этой почве». Троцкий предложил более резкую формулировку: «ЦИК, полномочия которого давно истекли, подрывает дело революционной демократии». Однако Ногин высказал опасение, что разрыв с ЦИК, за которым стоят железнодорожники, приведет к тому, что «мы будем отрезаны от остальной России». Свердлов полагал, что надо ограничиться заявлением «о своей несолидарности» с ЦИК.

К железнодорожникам решают направить Бубнова. На почту и телеграф – Дзержинского и Любовича. Милютину поручается «продовольственное дело». Каменеву и Берзину – переговоры и «политический контакт» с левыми эсерами. Наблюдение за

Временным правительством поначалу хотели возложить на Подвойского, но его кандидатуру отвели и поручили это дело Свердлову, а он – Лашевичу и Благоднарову. Каменев напомним, что в случае разгрома Смольного необходимо иметь запасной штаб на «Авроре». Но решили, что он разместится в Петропавловской крепости¹⁴¹².

При анализе протокола этого заседания, записанного столь же кратко, как и другие октябрьские заседания, возникает ощущение, что в нем отсутствует нечто весьма существенное. И это предположение полностью подтверждается другим документом: записью выступлений Сталина и Троцкого в 2 часа дня на заседании большевистской фракции Съезда Советов, сделанной делегатом Михаилом Жаковым.

На этом заседании Сталин рассказал о переговорах 23-го: «С фронта идут на нас... Во Временном правительстве колебания... Присылали для переговоров. ЦК партии с.-р. спрашивал, какая цель у Военно-революционного комитета – восстание или охранение порядка? Если первое – отзовем своих (в Комитете дельные левые эсеры). Мы, конечно, ответили: порядок, оборона. Они оставили своих...» И наконец, Сталин сказал о том, что не зафиксировал протокол заседания ЦК 24-го: «В Военно-революционном комитете 2 течения: 1) немедленное восстание; 2) сосредоточить сначала силы. ЦК РСДРП присоединился ко 2-му...»¹⁴¹³

Выступление Троцкого частично опубликовал «День»: «Правительство бессильно; мы его совершенно не боимся... Некоторые из наших товарищей, например Каменев и Рязанов, расходятся с нами в отношении оценки момента. Мы, однако, не отклоняемся ни вправо, ни влево. Наша линия диктуется самой жизнью... Наша задача – обороняясь, но постепенно расширяя сферу нашего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов».

Михаил Жаков записал, что, по словам Троцкого, арест правительства в данный момент не является самостоятельной задачей. «Если бы съезд создал власть, а Керенский не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический

вопрос. Было бы ошибкой командировать хотя бы те же броневики, которые "охраняют" Зимний дворец, для ареста правительства, но зато не ошибка решение ВРК открыть типографию "Рабочего пути"... Это оборона, товарищи, это оборона»¹⁴¹⁴.

Между тем правительство активизировалось. Около 11 часов утра Керенский неожиданно прибыл в Мариинский дворец в Предпарламент и взял слово для внеочередного заявления. Выступая, он всю цитировал ленинское «Письмо к товарищам» и, как вспоминал Федор Дан, «с особенным пафосом несколько раз повторял, что правительством уже отдан приказ об аресте "государственного преступника Ульянова"». Он заверил, что предприняты все меры для борьбы с «изменниками Родине и Революции», которые пытаются «поднять чернь против существующего порядка», а затем потребовал предоставления ему диктаторских полномочий. «Часть населения Петербурга, – сказал он, – находится в состоянии восстания... Правительство, и я в том числе, предпочитает быть убитым и уничтоженным, но жизнь, честь и независимость государства не предаст».

Окончив речь, свою последнюю речь в России, Керенский тут же – около половины третьего – умчался в штаб, а в Предпарламенте начались бурные прения. «Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны», – заявил Мартов. Правительство не получит никакой поддержки, если не даст «немедленных гарантий реализации насущных нужд революции». С правых скамей кто-то крикнул: «Вот министр иностранных дел будущего кабинета!» Мартов отпарировал: «Я близорук и не вижу, говорит ли это министр иностранных дел в кабинете Корнилова».

В конце концов, 123 голосами (при 102 против и 26 воздержавшихся) Предпарламент принял резолюцию, фактически отказывавшую Керенскому в доверии. Делегация в составе Дана, Авксентьева и Гоца немедленно отправилась в

Зимний дворец. Они предложили Керенскому тут же принять какие-нибудь «существенные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном собрании» и тотчас оповестить об этом население. В ответ Керенский высокомерно заявил, что правительство «в посторонних советах не нуждается и само справится с восстанием»¹⁴¹⁵.

По сообщению «Новой жизни» – «к 2 часам дня все мосты были заняты юнкерами, и с 3 часов движение через мосты автомобилей, извозчиков, подвод и трамваев было прекращено. Около 4 часов дня мосты начали разводиться. В то же время наряды юнкеров заняли электрическую станцию, вокзалы, правительственные учреждения, и были расставлены пикеты на углах больших улиц... Сам А.Ф. Керенский все время... находился в штабе округа, лично руководя действиями юнкеров и отдавая распоряжения»¹⁴¹⁶.

«Промедление смерти подобно»

Что знал обо всем происходящем Владимир Ильич?

Утром, как обычно, Маргарита Васильевна принесла газеты и ушла на работу. Газеты писали о том, что «план» Керенского по предупреждению беспорядков проводится в жизнь. Что вот-вот придут эшелоны с войсками с фронта. Что излишне «мягкий» военный министр Верховский отправлен в отставку. Сенсацией дня стала информация о том, что мятежный ВРК все-таки вынудили вступить в переговоры со штабом округа. Настораживало сообщение о том, что приезжающие на съезд делегаты-эсеры не делятся на левых и правых, а группируются в одну фракцию... Было над чем задуматься, и весь день Владимир Ильич был крайне напряжен и сосредоточен.

Около 4 часов, находясь в издательстве Девриена на Васильевской стороне, Фофанова узнала, что стали разводить мосты через Неву. Она побежала к Николаевскому мосту. Он действительно был разведен. На следующем – Сампсониевском – никого не пропускали красногвардейцы. Дворцовый мост

контролировали юнкера. По Гренадерскому мосту Маргарита Васильевна перебежала на Выборгскую сторону и зашла в райком к Крупской. «В комитете, – пишет она, – удалось получить лишь очень смутные сведения, о которых я рассказала Владимиру Ильичу». Но сколь бы ни были скудны эти сведения, свежий номер «Рабочего пути» с описанием налета юнкеров на типографию и воззванием ВРК Ленин получил наверняка¹⁴¹⁷.

В воззвании ВРК к населению говорилось, что «контрреволюция подняла свою преступную голову». Что «корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов». Что «погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню». Но Петросовет «не допустит никаких насилий и бесчинств». И граждане должны сохранять «полное спокойствие и самообладание». И только. А в специальном сообщении ВРК решительно опровергал слухи о том, что он якобы готовит «захват власти»¹⁴¹⁸.

Безусловно, необходимость маскировки выступления во многом определяла стилистику и содержание этих документов. Но даже при самых неполных сведениях Ленин все более убеждался в том, что необходимая «оборонительная» фразеология на деле превращается в оборонительную тактику ожидания Съезда Советов. И статья Сталина «Что нам нужно?» в «Рабочем пути» подтверждала эти опасения.

«...В правительстве, – писал Сталин, – сидят враги народа... Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить правительством, народом признанным, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян...

Если вы хотите этого, соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном...Никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы»¹⁴¹⁹.

Если Ленин читал данную статью около 5–6 часов дня, то именно в это время на заседании Петросовета Троцкий говорил: «...Конфликт восстания сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов... Мы считаем, что съезд Советов проведет этот лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который ему осталось жить, – 24, 48 или 72 часа – и выступит против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо». В этом тексте, опубликованном «Новой жизнью», пропущена фраза, которая есть в информации «Дня»: «Понадобится ли для этого вооруженное выступление, зависит от политической ситуации, от тех, кто будет противиться воле Всероссийского съезда»¹⁴²⁰.

Фофанова пишет, что Ленин «ушел к себе в комнату и через некоторое время вышел ко мне с письмом в руках... и просил передать его только через Надежду Константиновну, сказав, что он считает, что больше откладывать нельзя. Необходимо пойти на вооруженное выступление, и сегодня он должен быть в Смольном»¹⁴²¹.

Это ленинское письмо в полном собрании сочинений озаглавлено как «Письмо членам ЦК». В первом издании оно печаталось как «Письмо к руководящим кругам партии», и, как справедливо отметили С.И. Шульга и Е.Н. Городецкий, такой вариант заголовка гораздо ближе к истине, хотя и нуждается в дополнении. Суть его в том, что Ленин обращался не к членам ЦК, а к ПК, райкомам, партийным ячейкам в полках, с тем чтобы оказать давление и на ЦК, и на ВРК снизу. Ибо, как пишет Владимир Ильич: «народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их»¹⁴²².

Сравнение текста ленинского письма со статьей Сталина в «Рабочем пути» дает основания предположить, что письмо Владимира Ильича – в определенной мере – стало реакцией на статью «Что нам нужно?». Если Сталин предлагал: «Соберите все свои силы... устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов», то Ленин

настаивает на том, что ждать съезда нельзя. Необходимо без промедления, «чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью. История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все». Заканчивалось письмо словами: «Промедление в выступлении смерти подобно»¹⁴²³.

Эйно Рахья вспоминал, что накануне восстания – 23 октября (?) – именно он доставил в Выборгский райком Жене Егоровой письмо, в котором Ленин «настаивал на решительном со стороны партии действии, говоря: “Промедление смерти подобно”». После перепечатки и рассылки письма по районам у него остался и оригинал, который был утрачен в 1918 году. Эту версию – с поправкой даты на 24-е – Ефим Наумович Городецкий считал вполне вероятной.

Однако она противоречит не только свидетельству Фофановой, но и Крупской, которая прямо писала, что данное письмо принесла Маргарита Васильевна. Да и описание событий 24-го самим Рахьей говорит о том, что появился он у Владимира Ильича лишь к вечеру. Вполне возможно, что, рассказывая о доставке ленинского письма, Эйно мог сместить даты. На протяжении первой половины октября он не раз носил в Выборгский райком письма, в которых Ленин «настаивал на решительном действии». И кстати, одно из них – 8 октября – как раз и заканчивалось словами – «Промедление смерти подобно». Так или иначе, но 24 октября письмо Ленина было размножено и разослано по райкомам столицы. Кому-то, видимо, посылали и персонально. Во всяком случае, известно, что копией письма располагал Троцкий¹⁴²⁴.

И что же дальше? Об этом, дабы не умалять роль и не лишать лавров, говоря бюрократическим языком, «центральные инстанции», в официозной литературе не упоминалось. Между

тем данный эпизод имеет ключевое значение для понимания хода событий 24 октября.

В воспоминаниях, изданных в 1933 году, Иван Гордиенко рассказывает: «Это письмо принесла и вручила Жене Егоровой, секретарю районного комитета партии Выборгского района, женщина, на квартире которой скрывался Ленин... Через два часа после получения этого письма собрались человек двенадцать ответственных партийных и советских работников...»¹⁴²⁵ Сохранились ли какие-либо решения данного собрания? Да, сохранились.

В «Петроградской правде» 5 ноября 1922 года опубликована заметка Б. Белова «Позиция Петроградского комитета накануне 25 октября», а в ней – резолюция, принятая 24-го на собрании «активных работников Петроградской организации»: «ПК считает необходимой задачей всех сил революции немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи ПК считает необходимым перейти в наступлений всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы».

Достаточно сопоставить этот текст с ленинским письмом, чтобы стало очевидным, что резолюция являлась прямым ответом на обращение Владимира Ильича. Давление «снизу» стало фактом. В том же № 251 «Петроградской правды» член ПК и ВРК Михаил Лашевич вспоминает о том, что «было собрано экстренное заседание Военно-революционного комитета, на котором присутствовало немного народу... Немедленно был дан приказ по всем районам не допустить разводки мостов».

Спустя два года, выступая на партийном собрании Выборгского района, Михаил Калинин сказал: «Вы помните, что в самый ответственный, исключительный момент, в октябрьские дни, когда встал вопрос: быть или не быть? – Владимир Ильич написал письмо в Петроградский комитет... Вы помните, товарищи, когда читали это письмо на вашем собрании, то мы говорили, что момент выступления мы не упустим и все

колеблющиеся элементы толкнем на революционный подвиг»¹⁴²⁶.

Около 5 часов на Центральный телеграф явился комиссар ВРК Станислав Пестковский. Охрану здесь несли солдаты Кексгольмского полка. Они заверили, что будут подчиняться только ВРК. И без единого выстрела Пестковский взял телеграф под свой контроль. Через час комиссар ВРК Леонид Старк с 12 матросами установил контроль над Петроградским телеграфным агентством. Около семи член ЦК Владимир Милютин явился как комиссар ВРК с вооруженным отрядом в Особое присутствие по продовольствию и установил охрану продовольственных складов¹⁴²⁷.

Между тем Фофанова, вернувшись из райкома, сообщила Владимиру Ильичу, что Крупская связывалась с ЦК, но его просьба о переходе в Смольный отвергнута: слишком опасно. Маргарита Васильевна попыталась соорудить обед, но Ленин воспротивился: «Бросьте всю эту готовку. Я уже сегодня ел – ставил чайник». Он снова пишет записку и вторично отправляет Фофанову к Крупской.

«Вскоре, – пишет Маргарита Васильевна, – я принесла от нее ответ, который его не удовлетворил». В ЦК опять ссылались на опасность и отсутствие охраны. Ругался Ленин нещадно: «Не знаю – все, что они мне говорили, – они все время ввали или заблуждались? Что они трусят? Тут они все время говорили, что тот полк – наш, тот – наш... А спросите – есть ли у них 100 человек солдат... 50 человек? Мне не надо полк». Он опять написал записку Крупской и отдал Фофановой: «Идите, я вас буду ждать ровно до 11 часов. И если вы не придете, я волен делать то, что хочу»¹⁴²⁸.

Фофанова ушла, а вскоре появился Эйно Рахья. Ни в ПК, ни в райком он не заходил. Рассказал о положении в городе. Об угрозе разводки мостов. О том, что на улицах патрули и уже постреливают. «Мы напились чаю и закусили, – пишет Рахья. – Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал».

Он был уверен, что и на сей раз Фофанова принесет отказ, и попросил Эйно пойти прямо в Смольный и добиться ответа от Сталина. Но Рахья объяснил, что при том, что творится в городе, на это уйдет слишком много времени. Тогда Ленин сказал, что отсиживаться здесь больше не намерен и они пойдут в Смольный вдвоем. Как ни запугивал его Эйно опасностью такого путешествия, Владимир Ильич настоял на своем. И привыкший ко всему Рахья принялся за «маскировку»: «Ильич переменял одежду, перевязал зубы достаточно грязной повязкой, на голову напялил завалявшуюся кепку». Фофановой Ленин оставил записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич». И они пошли...¹⁴²⁹

От дома двинулись к Сампсониевскому. На пустом попутном трамвае доехали до угла Боткинской. Владимир Ильич не удержался и стал расспрашивать кондукторшу – что, мол, происходит... Та отрезала: «Ты что – с луны свалился?» Они ехали к центру от рабочей окраины. На улицах было довольно безлюдно. Лишь у магазинов стояли молчаливые очереди. «Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали несчастным женщинам, дрожавшим под холодным дождем, что евреи припрятают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши». Изредка проходили патрули юнкеров, рабочие отряды да проносились грузовики, набитые солдатами.

Людно было на заводах и в казармах. «Помещения комитетов были завалены винтовками». Формировались группы и отряды Красной гвардии. Приходили и уходили связные из районных Советов и Смольного. А во всех солдатских казармах шли «бесконечные и горячие споры».

Слова, взятые в кавычки, – из записей американского журналиста Джона Рида. Весь день он мотался по столице и увидел город как бы расколотым надвое. Потому что, в отличие от окраин, в центре всюду гуляла «чистая публика». «Словно волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому». В переулки не сворачивали: «грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться...» Все театры и

рестораны были открыты. «Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей... В центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и драгоценных мехах... Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город неся все быстрее и быстрее навстречу... Чему?...»¹⁴³⁰

Трамвай, на котором ехали Ленин и Рахья, сворачивал в парк, и до Литейного моста дошли пешком. На этом конце моста стояли красногвардейцы, но с той стороны – юнкера, требовавшие пропусков из штаба округа. Вокруг них толпились рабочие, ругань стояла страшная, и, воспользовавшись сумятицей, Ленин и Рахья «прошмыгнули через часовых на Литейный, потом свернули на Шпалерную».

Тут-то они и натолкнулись на патруль – двух конных юнкеров: «Стой! Пропуска!» У Эйно в карманах куртки лежали два револьвера. «Я разберусь с ним сам, а вы идите», – сказал он Ленину и, сунув руки в карманы, прикинувшись пьяным, ввязался в пререкания с патрульными. «Юнкера угрожали мне нагайками, – пишет Рахья, – и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей вероятности, они в конце концов решили не связываться с нами, по их мнению, с бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера отъехали»¹⁴³¹.

Именно в это время – нарочно не придумаешь! – совсем рядом, буквально в двух кварталах, у дома 6 по Финляндскому проспекту, где располагалась редакция «Рабочего пути», затормозили автомашины с юнкерами во главе с подполковником Г.В. Германовичем. В прежней «Истории гражданской войны в СССР» писали, что они прибыли для ареста Сталина. Но это не так. По агентурным сведениям штаба округа, именно в этом доме на 3-м этаже скрывался Ленин. И приказ был арестовать именно его. Однако, когда юнкера ворвались на 3-й этаж, оказалось, что там находится рабочий клуб «Свободный разум». А по соседству – районный штаб Красной гвардии. Вместе с рабочими

красногвардейцы разоружили подполковника, юнкеров и отправили их в Петропавловскую крепость¹⁴³².

Всего это Ленин и Рахья, естественно, не знали и вскоре добрались до Смольного. А тут новая напасть. Сменили пропуска. По старым никого не пускали, и образовалась огромная орущая толпа. Тогда опытный по части уличных потасовок Рахья вместе с другими стал раскачивать эту толпу «на прорыв». Охрана не выдержала натиска, расступилась, и Эйно вместе с Лениным оказались внутри Смольного. Владимир Ильич попросил Рахью найти кого-либо из ЦК, а сам уселся в коридоре на подоконнике.

То, что было дальше, – это уже не только история, но и «политика». Ибо после дискуссии 1924 года вопрос о том, с кем встретился Ленин, приобрел «политическое» значение. В первые годы после Октября полагали, что это был Троцкий. Но позднее – даже в воспоминаниях Рахьи – в дополнение к Троцкому стал фигурировать Сталин, а затем уже только Сталин, который «информировал Владимира Ильича о совершившихся событиях»¹⁴³³.

Если верить Троцкому, а говорил он в 1920 году на вечере воспоминаний в присутствии активных участников октябрьских событий в Питере, они с Лениным зашли в какую-то маленькую проходную комнату по соседству с актовым залом. И первый вопрос, который задал ему Владимир Ильич, – о переговорах ВРК со штабом округа. Газеты писали, что вот-вот «соглашение будет достигнуто», и, как заметил Троцкий, «Владимир Ильич, прочитав эти газеты, весьма яростно был настроен против нас».

«Неужели это правда? Идете на компромисс? – спрашивал Ленин, всверливаясь глазами. Я отвечал, что мы пустили в газеты успокоительное сообщение нарочно, что это лишь военная хитрость... “Вот это хо-ро-шо-о-о, – нараспев, весело, с подъемом, проговорил Ленин и стал шагать по комнате, возбужденно потирая руки. – Это оч-чень хорошо!”»¹⁴³⁴

Видимо, в этот момент и произошел забавный эпизод, который позднее не раз эксплуатировался кинематографистами и художниками. В комнату неожиданно вошли Дан и Скобелев. Ленин и Троцкий сидели к ним спиной в конце длинного стола, а

Дан вынул сверток с харчами, принесенными из дома, и стал раскладывать их на другом конце.

Узнать Ленина было весьма затруднительно: «Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидел нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и...» Он мигом сгреб бутерброды, и оба выскочили из комнаты. «Владимир Ильич, – пишет Троцкий, – тоже толкнул меня локтем: – “Узнали подлецы!”». А Рахья добавляет: «Этот случай привел Владимира Ильича в веселое настроение, и он от души хохотал»¹⁴³⁵.

Перешли в другую комнату – 36 (или 31). Когда стали собираться члены большевистского ЦК, Ленин снял парик, повязку, кепку, очки. Скоро здесь стало тесновато. Стульев не хватило, и Рахья подал пример: «Я уселся на полу у двери в уголочке, прижавшись подбородком к коленям». В такой позе обычно сидели в переполненных общих камерах. И так как большинство присутствовавших имело на сей счет опыт, проблему размещения решили быстро. Кто сел, прислонившись к стене, кто просто улегся на пол, ибо многие не спали вторые сутки¹⁴³⁶.

Между тем разговор продолжился. И о существе этой беседы в нашей литературе писали неохотно и невнятно. В 1920 году на вечере, посвященном 50-летию Ленина, в отличие от тех, кто пел дифирамбы юбиляру, Сталин говорил об умении Владимира Ильича публично признавать свои ошибки. Напомнив о разногласиях между ЦК и Лениным в сентябре-октябре 1917 года, Сталин сказал, что ЦК ставил тогда задачу «созвать съезд Советов, открыть восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти...

И, несмотря на все требования Ильича, – продолжал Сталин, – мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания». А когда Ленин вышел из подполья и встретился в Смольном с членами ЦК, то, «улыбаясь

и хитро глядя на нас, он сказал: “Да, вы, пожалуй, были правы”... Товарищ Ленин не боялся признать свои ошибки»¹⁴³⁷.

В том же 1920 году Троцкий по-иному осветил этот сюжет. Говоря о том, что в октябрьские дни действительно существовали «два оттенка в отношении восстания», он пишет, что питерцы – имея в виду прежде всего себя – «связывали судьбу этого восстания с ходом конфликта из-за вывода гарнизона. Владимир Ильич... связывал судьбу этого восстания не только с одним ходом конфликта в Питере. И это был не оттенок, а скорее подход к делу. Наша точка зрения была питерская, что вот-де Питер поведет дело таким образом. А Ленин исходил из точки зрения восстания не только в Питере, а во всей стране»¹⁴³⁸.

И, только придя в Смольный и убедившись, что выступление развивается успешно, «он стал молчаливее, подумал и сказал: “Что ж, можно и так...” Я, – пишет Троцкий, – понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора (?! – В.Л.). Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь... он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события»¹⁴³⁹.

Нетрудно заметить, что оба мемуариста стремятся толковать произошедшее объяснение с Лениным не только по-своему, но и каждый в свою пользу. К вопросу о том, кто на самом деле оказался прав, мы еще вернемся чуть ниже. Но тогда – в ночь на 25 октября – Владимир Ильич вполне мог сказать Сталину и другим цекистам, что правы они, а Троцкому: «можно и так...». Выяснять отношения не было времени. Куда важнее было оценить происходящее в данный момент. Тем более что сообщения о ходе событий, как отмечал Милютин, поступали непрерывно.

Информация была пестрой и бестолковой. То, что писала «Новая жизнь» о планомерных действиях правительственных войск, скорее отражало намерения правительства, а не реальность. Еще утром морское министерство приказало вывести

«Аврору» от Франко-Русской верфи в море. Но, по настоянию ВРК, Центробалт отменил приказ, и крейсер остался в Питере.

Приказ о разведении мостов, дабы воспрепятствовать продвижению к центру рабочих отрядов, полностью выполнен не был. Когда юнкера Михайловского училища попытались занять весь Литейный мост, рабочие и красногвардейцы – без всякого указания ВРК – тут же разоружили их и принудили вернуться в казармы. Солдаты, взявшие под контроль Гренадерский и Сампсониевский мосты, заявили, что будут подчиняться только ВРК. Корреспонденты «Новой жизни» были людьми сторонними. А стороннему наблюдателю трудно было разобраться в этот день, за кого выступают те или иные воинские команды и патрули – за правительство или против него.

Через два дня в ленинском «Декрете о мире» будет говориться о «революции 24–25 октября», то есть 24-е включалось в дни восстания. Но поначалу это было «странное» восстание. Как напишет 25-го в газете «День» известный журналист Давид Заславский, «восстание без темперамента и страсти».

«Днем и вечером в Смольном, – писал Георгий Ломов, – чувствуется какая-то нерешительность: ни мы, ни Керенский не рискуем стать на путь окончательной схватки... Какая-то нерешительность чувствуется у нас в Центральном комитете... Настроение какое-то выжидательное, словно еще должно что-то произойти, после чего и начнется настоящее восстание... что, пожалуй, надо немного “погодить”, как бы не “зарваться”»¹⁴⁴⁰.

Складывалось ощущение, что противоборствующие стороны тянут время. Керенский ждал подкрепления с фронта. Члены ВРК ждали матросов из Кронштадта и Гельсингфорса, и было у них – частью сознательное, частью неосознанное – желание дотянуть до съезда Советов без, как им казалось, лишних осложнений. Выступление, таким образом, превращалось в процесс силового противостояния, в ходе которого одна сторона – правительство – все более теряла почву под ногами, другая – наращивала мощь.

Однако Ленин прекрасно понимал, что процесс противостояния, при всех благоприятных для большевиков

изменениях в соотношении сил, должен завершиться вполне определенным актом – свержением правительства. И оттягивать его было нельзя – об этом он писал во всех своих октябрьских статьях и письмах. Ибо в любой момент, с прибытием верных правительству войск, соотношение сил в столице могло измениться.

А может, зря он опасался? Да нет – не зря. Керенский позднее писал: «Сейчас же после окончания заседания правительства [в 23 часа 24 октября. – В.Л.] ко мне явился командующий войсками вместе со своим начальником штаба. Они предложили мне организовать силами всех оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института – штаб-квартиры большевиков... Этот план получил сейчас же мое утверждение, и я настаивал на его немедленном осуществлении»¹⁴⁴¹. Так что прав был Ленин. Благодушие в этот момент могло обойтись дорого.

Насчет отсутствия «темперамента и страсти» у руководителей восстания Заславский был, конечно, не прав. Грандиозность происходящего ощущалась всеми. «События, – писал Бубнов, – неслись молниеносно, были резко напряжены и переживались как могучий ход громадного революционного вала». Этот гигантский вал порождал множество конкретных задач, малых, но неотложных дел. Все были на месте, все при деле, все безумно заняты. И события захлестывали, не давая возможности ухватить целое. Отчасти поэтому и сами руководители восстания, как заметил Станислав Пестковский, «по случаю переворота находились в состоянии "растрепанных чувств"»¹⁴⁴².

С приходом Ленина в Смольный ситуация меняется. При том, что все были возбуждены и «чрезвычайно рассеяны, – записал тот же Пестковский, – Владимир Ильич сохранял чрезвычайное присутствие духа...» Сам факт, что все каналы информации – ЦК, ПК, ВРК – соединились теперь в одной точке, сложил пеструю мозаику событий в цельную картину. И это придавало целенаправленность дальнейшим действиям повстанцев.

Алексу Рабиновичу удалось зафиксировать тот момент, когда в тактике ВРК произошел явный перелом. Сделать это ему позволили воспоминания комиссара ВРК в Павловском полку Освальда Дзениса. Около 9 вечера, по приказу ВРК, он с павловцами занял Троицкий мост и стал делать то, что до этого делали юнкера: выставил заставы, стал задерживать и проверять машины. Важных, по его мнению, чиновников, направлявшихся к Зимнему дворцу, Дзенис арестовывал и доставлял в Смольный.

Но вскоре оттуда ему позвонил Подвойский и устроил выволочку за преждевременные и несанкционированные действия. Он сказал, что до завтрашнего дня ВРК никаких наступательных и активных шагов предпринимать не будет. Однако около 2 часов ночи Дзенис получил прямо противоположный приказ: установить самый жесткий контроль за движением и усилить патрулирование на своем участке¹⁴⁴³.

Примерно в это же время сменили небоеспособную охрану и коменданта самого Смольного, эсера Грекова. Около 2 часов ночи матросы, красногвардейцы и солдаты захватили Главный почтамт. Тогда же заняли Петроградскую электростанцию. В 2 часа были взяты под полный контроль Николаевский и Балтийский вокзалы, куда могли прибыть «ударники» с фронта.

«Ночь была морозная, – вспоминал один из участников этих событий. – Северный ветер пронизывал до костей. На прилегающих к Николаевскому вокзалу улицах, поживаясь от холода, стояли группы саперов... Луна делала картину фантастической. Громады домов походили на средневековые замки, саперов сопровождали тени великанов, при виде которых изумленно осаживала коня статуя предпоследнего императора».

В 3 часа 30 минут, пройдя по Неве, «Аврора» отдала якорь у Николаевского моста. После того как матросы навели прожектора на мост, юнкера бежали. А крейсер развернули так, чтобы пушки его смотрели прямо на Зимний дворец¹⁴⁴⁴.

Именно в это время, в четвертом часу утра, Керенский в сопровождении Коновалова прибыл в Генеральный штаб. Информация была неутешительной. Фактически все опорные пункты столицы находились в руках восставших. Генерал для

поручений при Керенском Борис Антонович Левицкий телеграфировал в Ставку: «Весь город покрыт постами гарнизона, но выступлений на улицах никаких нет... В общем впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий»¹⁴⁴⁵.

Ленин понимал, что пора уже было переходить к этим «активным действиям», то есть доводить восстание до конца, до свержения правительства и создания новой власти. Однако большевистскому ЦК, которому предстояло решать эти задачи и форсировать выступление, так и не удавалось начать нормальное заседание.

Выше уже упоминалось о сценическом приеме, именуемом симультанным действием, когда на разных соседствующих площадках одновременно происходит театральный перформенс. Так вот – чуть ли не за стеной той комнаты, где собрались члены ЦК, с половины первого ночи, в большом зале под председательством Гоца шло экстренное объединенное заседание ЦИК Советов и Исполкома Совета крестьянских депутатов.

Ухо надо было держать остро. Ибо туда же пригласили всех съехавшихся к этому моменту делегатов II съезда Советов. Перед ними выступали Дан, Мартов, эсеры Гендельман, Колегаев. И членам большевистского ЦК приходилось то и дело уходить на это заседание, чтобы ответить тому же Дану, исполнявшему обязанности председателя ЦИК вместо уехавшего 5 октября в Грузию Николая Чхеидзе.

Ситуация складывалась достаточно сложная. В результате бойкота съезда Исполкомом Совета крестьянских депутатов многие местные чисто крестьянские Советы своих представителей на съезд не послали. По предварительным данным из 670 зарегистрировавшихся делегатов лишь 300 определились как большевики. 193 считали себя эсерами (правыми, левыми и центра). 68 – меньшевиками, и 14 – меньшевиками-интернационалистами. 95 принадлежали к

беспартийным, различным национальным и мелким партийным группкам.

То есть при сохранении целостности эсеровской и меньшевистской фракций 300 большевикам мог противостоять эсерово-меньшевистский блок из 275 делегатов, а 95 «нефракционных» открывали широкий простор для различного рода комбинаций, интриг и сугубо личных сговоров. Именно это имел в виду Ленин, ежедневно следивший за ходом регистрации, когда написал 24-го о ненадежности «колеблющегося голосования»¹⁴⁴⁶.

Между тем изначально, с момента постановки вопроса о восстании, Владимир Ильич предполагал, что большевики будут идти к власти вместе с левыми эсерами. Ибо «блок с левыми эсерами», – писал Ленин в сентябре Смилге, только он «один может нам дать прочную власть в России», опирающуюся на большинство народа¹⁴⁴⁷.

Этот блок уже стал складываться не только в Питере, но и в ряде регионов. 6 октября, во время переговоров Троцкого и Каменева с Натансоном и Григорием Шрейдером об уходе из Предпарламента, левоэсеровские лидеры заявили, что хотя в Предпарламенте они пока останутся, но твердо обещают «полную поддержку большевикам в случае революционного выступления вне его»¹⁴⁴⁸.

В решающие октябрьские дни в ВРК они действительно работали бок о бок с большевиками. Буквально накануне восстания, анализируя крестьянский «Наказ», Ленин с удовлетворением отметил: «Вот и соглашение с левыми эсерами готово». И, как отмечалось выше, утром 24-го, когда выступление уже начиналось, ЦК поручил Каменеву и Берзину переговоры с левыми эсерами о дальнейших действиях. Спустя несколько дней Ленин прямо укажет: «Мы хотели советского коалиционного правительства»¹⁴⁴⁹.

Однако именно в этот момент лидеры левых эсеров не пошли на раскол с правыми эсерами и руководством ЦИК и ИКСКД. Стремительный рост их влияния в крестьянской среде вселял

амбициозные надежды на то, что из меньшинства они смогут превратиться в большинство самой многочисленной российской партии. «Несмотря на огромную напряженность “внутренних отношений”, – писал левый эсер Сергей Мстиславский, – партия официально была еще единой: фракция съезда была одна. И поскольку “на местах” настроение партийных масс было несомненно левее застывших в февральских настроениях верхов, у нас была смутная надежда вырвать фракцию, а стало быть, и партию целиком из рук Центрального Комитета...»¹⁴⁵⁰

Но, рассчитывая переиграть правых на столь привычной для них арене совещаний, вынужденные ради этого идти на уступки, левые явно недооценили противника. Надо отдать должное Федору Дану. На этом ночном экстренном заседании он не стал отрицать правомочности перехода власти к Советам. Он лишь пугал. Пугал черносотенной опасностью...

«Никогда контрреволюция, – говорил Дан, – не была еще так сильна... На фабриках, заводах и в казармах гораздо более значительным успехом пользуется черносотенная печать – газеты “Новая Русь” и “Живое Слово”...» А посему «для всякого, мыслящего политически здраво, ясно, что вооруженные столкновения на улицах Петрограда означают... торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но все социалистические партии».

Либер, как обычно, поддержал Дана: «Советы власти не удержат, она перейдет к неорганизованным массам». Начнется анархия и погромы. Напомнив, как в июльские дни на улице избили меньшевика Моносзона (С.М. Шварца), он заключил: «Кто бы ни производил насилие, хулиганы или большевики, самый этот факт говорит против движения, которое принимает такие формы».

Масло в огонь подлил эсер Михаил Гендельман. Он рассказал, как, приехав в Петропавловскую крепость на митинг, услышал в свой адрес: «“А, Гендельман, значит, жид и правый!” Там же слово “сволочь” было самым распространенным синонимом слова “интеллигент”». Но большевиков Моисея Володарского, Моисея Урицкого, Льва Троцкого те же солдаты

встречали с восторгом. Их буквально носили на руках. И Гендельман предостерегал: те, кто сегодня «поднимают "рабочего" Троцкого на щит, [завтра] растопчут интеллигента Бронштейна»¹⁴⁵¹.

В обращении к населению 24 октября ВРК предупредил: «Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств... Преступники будут стерты с лица земли». И Троцкий пишет, что, придя в Смольный, Владимир Ильич сразу заметил этот плакат ВРК, «угрожавший громилам, если бы они попытались воспользоваться моментом переворота, истреблением на месте. В первый момент Ленин как бы задумался... Но затем сказал: "Пр-р-равильно"»¹⁴⁵². То есть и в данном случае, осознавая реальную угрозу, большевики предпочитали «ужасикам» – решительное противодействие опасности. Поэтому запугивание погромами они восприняли как попытку отвлечь делегатов съезда Советов от главного.

Явившись на это заседание из комнаты, где собрались члены большевистского ЦК, Троцкий заявил: «Если вы не дрогнете, то гражданской войны не будет, так как наши враги капитулируют... Если Всероссийский съезд Советов не хочет обескуражить массы, желающие революционной власти и революционных методов борьбы, то все члены Съезда должны идти со штабом Революции, а не со штабом ее врагов»¹⁴⁵³.

А такой «штаб» – помимо правительственного – уже стали создавать. В упоминавшейся выше резолюции Совета Республики, принятой 24 октября после отъезда Керенского, предлагалось создать Комитет Общественного Спасения для оказания помощи правительству. В проекте кадетов, кооператоров и плехановцев говорилось прямо, что Предпарламент «окажет полную поддержку» правительству и требует от него «самых решительных мер» для подавления большевистского мятежа.

Однако принятая тогда резолюция народных социалистов, правых и левых меньшевиков и эсеров звучала несколько мягче. Комитет Общественного Спасения создавался «для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения»

и должен был действовать «в контакте с Временным Правительством». Выступая в Смольном на экстренном совещании ЦИК и ИКСКД в ночь на 25 октября, Дан умолчал о том, что извещение о создании Комитета Общественного Спасения уже разослано им от имени ЦИК до начала данного собрания с делегатами съезда¹⁴⁵⁴.

Теперь предстояло хоть как-то легитимизировать это решение. Но самого Дана слушали плохо. Его выступление то и дело перебивали репликами. Особенно после того, как он стал протестовать против «травли правительства», ибо «управлять в настоящий момент нашим государством – каторжная задача, и никакая власть, ни Керенского, ни Советов – вполне справиться с этой задачей не сможет».

Он опять призывал ждать! Ибо Предпарламент уже, мол, потребовал от правительства немедленного решения вопросов о земле и мире. О том, что Керенский выставил их с этими «требованиями» за дверь, Дан, естественно опять-таки умолчал. Впрочем, на ходатайства перед этим правительством делегаты уже не надеялись. «Поздно!» – крикнули Дану из зала. А когда он заявил, что «штыки враждующих сторон скрестятся между собой только через труп ЦИК», выкрик из зала был уж совсем оскорбительный: «А ЦИК давно уже стал трупом!»¹⁴⁵⁵

В этой ситуации проект резолюции поручили зачитать Мартову, к голосу которого прислушивались более внимательно. Он сразу заявил, что «среди членов ЦИК нет ни одного, который отрицал бы право пролетариата на выступление... И хотя меньшевики-интернационалисты не противятся переходу власти в руки демократии, но они высказываются решительно против тех методов, которыми большевики стремятся к этой власти».

В зачитанной им резолюции говорилось, что выступление используют «притаившиеся банды хулиганов и погромщиков», что контрреволюция уже «мобилизовала свои силы», что армии грозит голод, а Питеру – немцы. В этой связи и конструировался – но не Комитет Общественного Спасения, как предложил Совет Республики, а Комитет Общественной Безопасности. О его «контакте с Временным правительством» не упоминалось.

Иными словами, проект фактически повторял основные пункты резолюции Предпарламента 24 октября. И Володарский заявил, что принимать ее на данном совещании перед самым открытием съезда Советов – неправомерно и нецелесообразно. Большевики покинули зал, и резолюцию утверждали уже без них. После этого эсеры и меньшевики разошлись на свои фракционные собрания¹⁴⁵⁶.

Шел уже четвертый час ночи. Надо было определяться. Поведение левых эсеров на прошедшем ночном совещании показало, что их попытки «переиграть» правых малопродуктивны. Опыт 1917 года говорил о том, что в создавшейся ситуации существует один выход. Необходимо увлечь колеблющихся своим примером, решительностью, довести борьбу до победы, ибо «только наша победа в восстании, – писал Ленин, – положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете»¹⁴⁵⁷.

Тот факт, что столичный пролетариат и гарнизон за большевиков, никто не оспаривал. Но это не означало, что правительство и Ставка не могут собрать из «меньшинства» боееспособный кулак тех же фронтовых ударных частей и обрушить его на Петроград. И если «сегодня вечером, сегодня ночью» наша победа обеспечена, считал Ленин, то завтра «можно потерять все!!». Тогда уже речь будет идти не о соблюдении демократических процедур и даже не о съезде Советов. «Цена взятия власти тотчас: защита народа (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства...» Так ставил вопрос Владимир Ильич¹⁴⁵⁸.

И в той же комнате, куда с полуночи приходили, расходились и вновь собирались цекисты, Ленин открыл заседание ЦК большевиков. Его наиболее полный анализ был дан Евгением Алексеевичем Луцким. Он считает, что «состав участников менялся: в зависимости от разных обстоятельств, связанных с вооруженным восстанием, некоторые члены ЦК уходили с заседания, другие приходили». Протокол не велся¹⁴⁵⁹.

«Центральный Комитет партии (большевиков), – вспоминал Милютин в 1924 году, – заседал в маленькой комнатке № 36 на первом этаже Смольного. Посреди комнаты – стол, вокруг – несколько стульев, на пол сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит товарищ Берзин... ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смирнов, Каменев, Зиновьев и я... Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий»¹⁴⁶⁰.

Милютин запомнил: на заседании присутствовали и представители ПК. Ольга Равич в 1927 году вспоминала: заседание «было в Смольном, на первом этаже, в комнате, носившей № 31 (или 36). За небольшим столом сидело несколько человек: Владимир Ильич, Луначарский и еще кто-то. Остальные: Троцкий, несколько членов ПК – стояли или сидели на полу, так как стульев на всех не хватало»¹⁴⁶¹.

Важнейшим источником, освещающим ход данного заседания, являются обширные анкеты Истпарта, заполненные участниками Октябрьской революции в 1927 году. Лишь в 1957 году значительная часть этих анкет была опубликована Р.А. Лавровым, В.Т. Логиновым, В.Н. Степановым и З.Н. Тихоновой в сборнике от «От Февраля к Октябрю», а затем в журналах «Исторический архив», «Новый мир» и др. Однако другие анкеты – по действовавшим тогда цензурным условиям – напечатать не удалось. Е.А. Луцкий знал их содержание, но по тем же причинам использовать не мог¹⁴⁶².

Заседание начали с информации о ходе событий. Доклад сделал Иоффе, который после решения ЦК 21 октября вошел в руководящее ядро ВРК. Он доложил о том, какие мосты заняты, какие вокзалы блокированы, какие части гарнизона и отряды Красной Гвардии подтягиваются к Зимнему дворцу, что в ближайшие часы отправятся корабли с десантом из Кронштадта, а из Гельсингфорса в 3 часа вышел в Питер эшелон с матросами...

Но выяснилось и другое: до сих пор не занят Варшавский вокзал, куда могут из Пскова доставить корниловские части с Северного фронта. Не занят Государственный банк. Не взяты под

контроль телеграф, Центральная телефонная станция, и Керенский поддерживает постоянную связь со Ставкой...

И все-таки общий настрой был оптимистичным. «...Вопрос еще не решен – на нашей ли стороне победа или нет, – писал Милютин, – но соотношение сил вполне определилось – перевес на нашей стороне». Ломов еще более категоричен: «положение совершенно определилось: фактически власть находилась в наших руках».

И даже мрачно настроенный Каменев изрек: «Ну, что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство». Иоффе пишет, что реплика эта запомнилась «потому, что после суматохи этой ночи мне лично, я думаю, и многим другим только после этих слов стало вполне ясно, что власть-то мы ведь действительно взяли»¹⁴⁶³.

Милютин пишет, что когда он тоже поддержал предложение о формировании правительства, оно «некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему как к шутке». Кто-то даже заметил, что мы «едва продержимся две недели». Ленин ответил: «Ничего, когда пройдет два года и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что [вряд ли] еще два года продержимся»¹⁴⁶⁴.

По настоянию Владимира Ильича Милютин «взял карандаш, клочок бумаги и сел за стол». О характере нового правительства споров не возникало. Это должно быть, полагал Ленин, – «Рабоче-крестьянское правительство». И, как вспоминал Иоффе, Владимир Ильич высказал пожелание, чтобы в его состав по возможности «были назначены рабочие, а интеллигенты при них замами». В разговор втягиваются присутствующие члены ЦК и ПК, и «в конце концов, – пишет Милютин, – все приняли участие... Возник вопрос, как назвать новое правительство и его членов». Ленин рассуждает вслух: «Только не министрами: гнусное, истрепанное название». Все соглашались. «Название членов правительства "министрами", – замечает Милютин, – отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором все сразу сошлись».

«Можно бы, – предлагает он, – комиссарами, но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?... Нет, “верховные” звучит плохо. Нельзя ли “народные”? – “Народные комиссары”? Что ж, это, пожалуй, подойдет – соглашается Ленин. – А правительство в целом?» Каменев подхватывает, – «А правительство назвать Советом Народных Комиссаров». Владимир Ильич пробует на слух: «Совет Народных Комиссаров?.. Это превосходно: ужасно пахнет революцией!..» Вспомнил он, как отметила Ольга Равич, и комиссаров Парижской Коммуны. И «мною, – рассказывает Милютин, – было записано – Совет Народных Комиссаров...»¹⁴⁶⁵

Е.А. Луцкий полагает, что, видимо, тогда же решили все узаконения будущего правительства называть, как и акты Парижской Коммуны, – «Декретами». Это тоже пахло революцией. «А затем, – вспоминал Милютин, – приступили к поименному списку»¹⁴⁶⁶.

Начало оказалось для всех неожиданным. «...На заседании Центрального Комитета партии, – пишет Троцкий, – Ленин предложил назначить меня председателем Совета Народных Комиссаров. Я привскочил с места с протестами – до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным. “Почему же? – настаивал Ленин. – Вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть”».

Вот, как нынче говорят, «хороший вопрос» для «лениноедов», которые извели уйму чернил, рассказывая, как Ленин всю жизнь рвался к власти. Но факт этот – загадка лишь для тех, кто не может вырваться за рамки пошлости. Владимир Ильич был напрочь лишен «личного тщеславия». Это засвидетельствовал не кто иной, как Мартов. Для Ленина проблема власти была не целью, а средством осуществления воли народа, а вопрос о «премьерстве» – лишь вопросом политической целесообразности¹⁴⁶⁷.

«Я, – пишет Троцкий, – предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали». Все сошлись на том, что пост главы правительства должен занять сам Ленин. Пришлось его убеждать, ибо, как свидетельствует Иоффе, «Владимир Ильич

сначала категорически отказывался быть председателем СНК и только ввиду настояний всего ЦК согласился»¹⁴⁶⁸.

Но тут же он предложил, чтобы Троцкий «стал во главе внутренних дел: борьба с контрреволюцией сейчас главная задача. Я, – пишет Троцкий, – возражал и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: “у нас великая международная революция, – какое значение могут иметь такие пустяки?” – На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство. – “Революция-то великая, – отвечал я, – но и дураков осталось еще не мало”. – “Да разве ж мы по дуракам равняемся?” – “Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?..”» Спор закончился тем, что Свердлов предложил назначить Троцкого комиссаром по иностранным делам, с чем все и согласилось¹⁴⁶⁹.

А комиссаром по внутренним делам наметили Алексея Ивановича Рыкова, учившегося когда-то на юридическом факультете Казанского университета. Выглядел он в этот момент достаточно решительно. После июльских дней, когда в Москве его избили черносотенцы, Алексей Иванович ходил с револьвером. И в начале заседания ЦК он – под всеобщий смех и шутки «вынул из кармана большой наган и положил его перед собой, а на мой вопрос, – рассказывает Иоффе, – зачем он его с собой таскает, мрачно ответил: “чтобы перед смертью хоть пяток этих мерзавцев пристрелить”».

«Когда выяснилось, – продолжает Иоффе, – что у меня вообще никакого револьвера нет, Владимир Ильич тоже шутил, что надо, чтобы ЦК мне вскладчину купил револьвер. И т. Стасова тут же подарила мне маленький дамский браунинг, о котором кто-то (не помню, сам ли Владимир Ильич) заметил, что он как раз годится, ибо им только блох убивать можно»¹⁴⁷⁰.

Георгий Ломов, присутствовавший в начале этого заседания, вспоминал: «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много преданнейших революционеров,

исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска... Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима... Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств... Желающих попасть в наркомы было немного. Не потому, что дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой... Все народные комиссары стремились всячески отбояриться от назначения, стараясь найти других товарищей, которые могли бы с бóльшим успехом, по их мнению, занять пост народного комиссара».

Именно так случилось с самим Ломовым. Он покинул заседание, ибо ЦК срочно отправил его в Москву. А поскольку Георгий Ипполитович в свое время успешно окончил юридический факультет Петербургского университета, то, «пользуясь моим отсутствием, – пишет Ломов, – т. Рыков, на которого начали взваливать, помимо звания народного комиссара внутренних дел, еще и Комиссариат юстиции, предложил в народные комиссары юстиции меня. И так как я был далеко, а народного комиссара юстиции так-таки и не было, то в состав первого Совнаркома ввели и меня»¹⁴⁷¹.

Относительно комиссара просвещения сомнений не было: Луначарский. Он, кстати, был одним из тех «немногих», кто внутренне уже был готов принять этот пост. Разговоры о том, что в «социалистическом правительстве» он будет министром просвещения, шли еще в августе. А когда в сентябре он стал заместителем городского головы Петрограда по данным вопросам, Анатолий Васильевич расценил это именно как «министерское» назначение. Вот и теперь он воспринял предложение с некоторым пафосом: «Это совершалось в какой-то комнатухе Смольного, где стулья были заброшены пальто и шапками и где все теснилось вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России»¹⁴⁷².

Речь зашла о кандидатуре комиссара по продовольствию. Поскольку левые эсеры согласия на вхождение в правительство так и не дали, предложили Ивана Теодоровича. В свое время он успешно закончил естественный факультет Московского университета. Был автором многих статей по вопросам аграрной политики. Продовольственное положение в стране иначе как критическим назвать было нельзя. И Ленин грустно пошутил: «Ну, надо кого-нибудь похуже, а то его все равно через неделю в Мойке утопят»¹⁴⁷³.

Еще более сложным в «обновленной России» должен был стать пост комиссара земледелия. Конечно, после Чернова и Маслова хорошо было бы назначить «крестьянским министром» левого эсера. Того же Андрея Лукича Колегаева. Но по уже указанной причине выбор пал на Владимира Павловича Милютина. Сам он был из семьи сельского учителя Курской губернии. Учился в Петербургском университете. Работал земским статистиком. Являлся автором статей и брошюр по земельному и финансово-экономическому развитию России. На VI съезде партии выступал с докладом «Об экономическом положении».

Соглашаясь занять пост комиссара земледелия, Владимир Павлович тут же предложил вариант проекта декрета о земле, разработанный им вместе с Михаилом Лариным. Текст этого проекта до сих пор не найден. Но тогда, ознакомившись с ним, Ленин сразу понял, что при всей «ортодоксальности» документа он никак не выходит за рамки вопросов, обсуждавшихся еще на Апрельской конференции РСДРП.

Между тем как раз 24 октября «Рабочий путь» опубликовал статью Владимира Ильича «Новый обман крестьян партией эсеров», которая ставила вопрос о земле совсем по-иному. Его главная мысль была проста: нельзя навязывать крестьянам рецепты, якобы вытекающие из «доктрины». Способы решения аграрной проблемы может дать лишь само крестьянское движение. И не надо бояться «неортодоксальности» решений. Ибо «история, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием»¹⁴⁷⁴.

В 1917 году появился документ, который без лишних идеологических наслоений сформулировал чаяния деревни. Речь идет об упоминавшемся «Примерном наказе», составленном из крестьянских наказов. Уже тогда Ленин написал, что именно этот документ должен быть положен в основу аграрных преобразований в России. А то обстоятельство, что в ряде пунктов «Наказ» не совпадал с прежней большевистской программой, не может и не должно мешать этому. «Мы не доктринеры, – написал тогда Ленин. – Наше учение не догма, а руководство к деятельности»¹⁴⁷⁵.

На заседании большевистского ЦК, после критики Ленина, проект декрета о земле Милютина и Ларина отклонили. Сам Владимир Павлович в воспоминаниях подтвердил это в более мягкой форме: «Мы были лишены возможности долгого обсуждения», а посему «окончательную формулировку и написание проекта декрета о земле» поручили Ильичу¹⁴⁷⁶.

Наталья Ивановна Седова – жена Троцкого – записала в своем дневнике: «Я зашла в комнату Смольного, где увидела Владимира Ильича, Льва Давидовича, кажется Дзержинского, Иоффе и еще много народу. Цвет лица у всех был серо-зеленый, бессонный, глаза воспаленные, воротнички грязные, в комнате было накурено... Мне казалось, что распоряжения даются, как во сне». И Наталья Ивановна вдруг подумала, что если они не выспятся и не поменяют воротнички – все рухнет¹⁴⁷⁷.

Но это взгляд со стороны. Сами члены ЦК ощущали себя совсем по-иному. «Все несколько утомлены бессонными ночами, – писал тот же Милютин, – но напряжение нервов, важность совершающегося – все это делает незаметным утомленность, наоборот, веселые разговоры прерываются разными шутливыми замечаниями»¹⁴⁷⁸.

О том, чтобы в этой круговерти поменять воротнички, не могло быть и речи. А вот часок-другой передохнуть – можно было попробовать. Разбрелись кто-куда. Ленин, Троцкий и Сокольников устроились, как пишет Григорий Яковлевич, «в одной из комнат Смольного – видимо, занятой издательством

ЦИК. В ней не было никакой мебели. Навалены были кипы газет. Ночевало нас трое. Мы улеглись на газетных кипах, укрылись газетными листами и так продремали несколько часов». Троцкий добавляет, что потом две подушки и одеяла все-таки принесли.

Троцкий пишет о Ленине: «На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он смотрит на меня дружелюбно, мягко, с угловатой застенчивостью... – “Знаете, – говорит он нерешительно, – сразу после преследований и подполья к власти...” – он ищет выражения, – “es schwindelt [кружится голова]”, – переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся. Все это длится не более минуты-двух. Затем простой переход к очередным делам»¹⁴⁷⁹.

Так что поспать Ленину так и не удалось. Он поднялся на 3-й этаж, где размещался Военно-революционный комитет. Те указания, которые были даны ночью на заседании ЦК, успешно реализовывались. В пять утра заняли телеграф. Около шести моряки Гвардейского флотского экипажа захватили Государственный банк. В седьмом часу под руководством Лашевича и Калягина красногвардейцы Выборгского района и солдаты Кексгольмского полка разоружили юнкеров на Центральной телефонной станции и отключили связь с Зимним дворцом и штабом округа. К семи часам, прямо под окнами Керенского, моряки отбросили юнкеров, охранявших Дворцовый мост. В восемь был занят Варшавский вокзал¹⁴⁸⁰.

Наивно звучат утверждения, что власть, мол, «валялась на дороге, и только большевики догадались подобрать ее». Власть не валялась на дороге, подобно дамской шляпке, которую сдуло ветром. Охотников до власти было множество. Но ее надо было не подбирать, а завоевывать. Шаг за шагом. Ибо Временное правительство собиралось удерживать ее до конца, не считаясь ни с чем. Буквально накануне, в беседе с английским послом Бьюкененом, Керенский, говоря о большевиках, «не раз восклицал: “Я желаю только того, чтобы они вышли на улицу. И тогда я их раздавлю”»¹⁴⁸¹. Он все еще надеялся, что ударные части все-таки придут с фронта.

Основания для таких надежд были. Под утро начальник штаба главковерха генерал Николай Николаевич Духонин, еще до отключения связи с Зимним, сообщил из Ставки генералу Левицкому, что приказ об отправке в Петроград 44-й пехотной дивизии с двумя батареями, 5-й Кавказской казачьей дивизии с артиллерией, 43-го Донского казачьего полка, 13-го и 15-го Донских полков с артиллерией, 3-го и 6-го самокатных батальонов уже отдан¹⁴⁸².

К казакам, расквартированным в самой столице, на рассвете обратился сам Керенский: «Во имя свободы, чести и славы родной земли Верховный главнокомандующий приказал 1, 4, 14-му казачьим полкам выступить на помощь ЦИК Советов, революционной демократии и Временному правительству для спасения гибнущей России». Казаки запросили поддержки пехоты и заявили, что через 15–20 минут «начнут седлать лошадей»¹⁴⁸³.

В самом Зимнем дворце в это время находилось около 3 тысяч офицеров, казаков, юнкеров и ударниц женского «батальона смерти»¹⁴⁸⁴. Американскому журналисту Джону Риду удалось пробраться во дворец. «В подъезде дворца, – рассказывает он, – от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей...

Члены Совнаркома, начало 1918 года

К нам подошел старик-швейцар: "Нельзя, барин, туда нельзя!" – "Почему, дверь заперта?" – "Чтоб солдаты не ушли", – ответил он... Мы открыли дверь... По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин... Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание... На меня вдруг пахнуло слева запахом спирта, и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: "...Американцы? Очень рад! Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам... Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула"»¹⁴⁸⁵.

Поскольку «гарнизон» Зимнего, располагавший броневиками и орудиями, был достаточно велик, а бездействие лишь разлагало его, решено было до прихода фронтовых частей

активизировать оборону. Отряд офицеров-ударников из 32 человек направили развести Николаевский мост. Однако, увидев, что его охраняют около 200 матросов и рабочих, ударники поспешно ретировались. То же самое случилось с полуротой женского батальона, отправленной для разведения Троицкого моста. Прибыв на место и узрев направленные на них пулеметы Петропавловской крепости, ударницы убрались восвояси. Столь же безуспешной оказалась и попытка юнкеров, предпринятая около 8 часов утра, отбить телеграф¹⁴⁸⁶.

Получив доклад командующего округом Полковникова о том, что положение «критическое» и в «распоряжении правительства нет никаких войск», Керенский решает выехать из Петрограда навстречу якобы идущим на помощь фронтовым частям. В 9 часов утра 25 октября он назначает временным главой Временного правительства Александра Ивановича Коновалова и приказывает изыскать для своей поездки в Псков автомобиль¹⁴⁸⁷.

«К гражданам России!»

Именно в это время в Смольном, в помещении Военно-революционного комитета началось совещание членов большевистского ЦК и ВРК. Сергей Уралов – член Центрального совета фабзавкомов и комиссар ВРК, находившийся там в этот момент, вспоминал: «Мне необычайно повезло, совершенно неожиданно я очутился не то на заседании ЦК, не то на совещании отдельных членов ЦК – понять было трудно».

В комнату вошел Владимир Ильич, «быстрой походкой подошел к стоящему прямо против двери у окна маленькому канцелярскому столику и, отодвинув старенький венский стул, сел за столик... Вслед за Лениным в комнату вошли Дзержинский, Сталин, Свердлов, Урицкий и другие, всего человек семь или восемь. Вошедшие разместились вокруг Владимира Ильича, кто на подоконнике, кто у окна, кто у столика, один стоял напротив Ильича, опершись коленкой на стул, остальные стояли вокруг стола. В.И. Ленин был в те минуты заметно взволнован...»¹⁴⁸⁸

По первоначальным наметкам ВРК «предполагалось, – пишет Антонов-Овсеенко, излагая план взятия Зимнего дворца, – начать наступление ранним утром 25-го...». Основной ударной силой должны были стать балтийские моряки из Гельсингфорса и Кронштадта. Но выяснилось, что эшелон из Финляндии из-за поломки паровоза застрял в чистом поле у Выборга. А кронштадцы лишь в 9 часов закончили погрузку десанта на корабли и вот-вот начнут двигаться к Петрограду. И по мнению ВРК, пишет Антонов-Овсеенко, «начинать без них атаку Зимнего [было] рискованно»¹⁴⁸⁹.

Между тем в 12 часов предполагалось открытие II съезда Советов¹⁴⁹⁰. И, говоря о том, что Ленин «был в те минуты заметно взволнован», Уралов отметил и другое. Лицо Владимира Ильича – как у человека, пришедшего к важному для него выводу, – выражало «непреклонную решительность». Он был уверен, что пора ставить точку.

Деятельность правительства восставшие парализовали полностью. Его заблокировали в Зимнем дворце. Учреждением, которому – одни добровольно, другие вынужденно – подчинялись в Петрограде буквально все, стал ВРК. К нему обращались уже не только в связи с ходом восстания, положением в районах, снабжением населения продовольствием, но и по вопросам, возникавшим на заводах, даже по сугубо частным делам граждан, ибо все прочие учреждения были закрыты. И теперь ВРК имел все основания для того, чтобы объявить себя единственным органом государственной власти.

Разговор об этом, судя по всему, начался еще в комнате, где находились члены ЦК. И Ленин привел их в ВРК для того, чтобы завершить обмен мнениями. Ну, а то, что Уралов – при достаточно точном воспроизведении обстановки – вспомнил лишь четырех присутствующих – Дзержинского, Сталина, Свердлова и Урицкого, объясняется, видимо, лишь поздней датой написания воспоминаний, когда список «персон желательных» был достаточно ограничен.

Обстоятельный анализ данного совещания был дан опять-таки Е.А. Луцким. И в полемике с С.Н. Валком он, судя по всему,

прав в главном: центральным вопросом обсуждения являлось ленинское обращение «К гражданам России!»¹⁴⁹¹. Собственно говоря, дискуссировались все те же проблемы, которые Владимир Ильич ставил в своих сентябрьских и октябрьских письмах, но особенно четко в письме 24 октября:

1) власть надо брать до открытия съезда, ибо «на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массами, борьбой вооруженных масс»;

2) нельзя ставить вопрос о власти в зависимость от результатов прений на съезде Советов, «народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой»;

3) «Кто должен взять власть? Это сейчас не важно, – считает Ленин, – пусть ее возьмет Военно-революционный комитет... Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них»¹⁴⁹².

Здесь, в комнате ВРК, Ленин зачитывает первый абзац обращения: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки... Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона». Этот абзац принимается. ВРК действительно является реальной властью. А кроме того, он обладает еще одним важным качеством: многопартийностью. В нем работают не только большевики, но и эсеры, меньшевики, анархисты, представители фабзавкомов, профсоюзов.

Ленин зачитывает второй абзац: «В.-Р. Комитет созывает сегодня, 25 октября в 12 час. дня Петроградский Совет, принимая так. обр. немедленные меры для создания Советского Правительства». Это предложение вызывает наибольшие возражения. Аргументы известны: надо дотянуть до съезда. Они уже высказывались на предыдущих заседаниях. Переубедить оппонентов и тогда и сейчас не удалось.

И Ленин, перечеркнув этот абзац, пишет новый: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль за производством, создание Советского

правительства, это дело обеспечено». То есть вопрос – кто утвердит новое правительство – в данный момент не предрешается. Главное сейчас – заявить о свержении власти Керенского и завершить восстание.

Заключительные фразы так же подвергаются редакции: вместо «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» пишется «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!». Ленин меняет и заголовок документа: вместо «Ко всему населению» пишется «К гражданам России!»¹⁴⁹³.

Вероятность того, что вся дискуссия и редактирование документа проходили на заседании ЦК до прихода в ВРК, существует. Воспоминания Уралова дают для этого основания. И все-таки доводы Луцкого, полагающего, что все это происходило именно в ВРК и обращение стало «результатом этого совещания», кажутся более убедительными¹⁴⁹⁴.

Владимир Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич быстро писал и перечеркивал, и вновь писал. Вскоре он закончил и прочел нам вслух это первое обращение к широким народным массам... Я сейчас же переписал обращение, дал его еще раз прочесть Владимиру Ильичу и отвез в типографию». Под документом стояла дата: «25 октября 1917 г., 10 ч. утра»¹⁴⁹⁵.

Обращение «К гражданам России!» опубликовала в этот день газета «Рабочий и Солдат». А в типографии «Копейки» его срочно отпечатали листовкой-плакатом для расклейки на улицах и разбрасывания с грузовиков. И так уж случилось, что именно в это время, когда ВРК известил о свержении Временного правительства, Керенский покинул Петроград.

Военные достали ему открытый автомобиль «Пирс-эрроу». Он сел на заднее сиденье с двумя штабс-офицерами. Американское посольство в качестве машины сопровождения дало «Рено» под американским флагом. Промчавшись под главной аркой Генерального штаба мимо красногвардейских пикетов, мимо Мариинского дворца, где заседал Предпарламент, машины взяли курс на Псков. Лишь у Московской заставы их обстрелял какой-то случайный патруль. Но все обошлось¹⁴⁹⁶.

Около полудня Коновалов собрал в Малахитовом зале кабинет министров. Он проинформировал собравшихся об отъезде Керенского и сообщил, что в сложившейся ситуации командование округом вряд ли сможет обеспечить безопасность самих членов правительства. Морской министр адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский заявил, что имеет смысл провести совместное заседание с Предпарламентом. Но именно в эти минуты стало известно, что Совет Республики уже не существует.

Комиссар ВРК вручил Авксентьеву предписание об освобождении Мариинского дворца. Делегаты заявили официальный протест и после проверки документов были отпущены. Никого не задерживали. Подоспевший Джон Рид успел записать лишь рассказ матроса о том, как он подошел к председательствовавшему и, показав ему мандат ВРК, сказал: «Нет больше вашего Совета... Ступай домой!»¹⁴⁹⁷.

В Малахитовый зал приходит еще одно известие. В полдень к Петрограду подходят наконец корабли с десантом из Кронштадта. Шли они так долго потому, что взятый для устрашения старый учебный линкор «Заря свободы» пришлось тащить четырьмя буксирами. А уже в 13 час. отряд матросов во главе с Иваном Сладковым занимает военный порт, Главное адмиралтейство и арестовывает морской штаб.

Министр путей сообщения Александр Васильевич Ливеровский записал реплику адмирала Вердеревского: «25 октября. 1 час 20 мин. Вердеревский говорит, что он не понимает, для чего это заседание [правительства] собрано и для чего мы будем дальше заседать. У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять»¹⁴⁹⁸.

Но Коновалов убеждает, что необходимо дождаться помощи фронта, а пока соорудить перед Зимним баррикаду. Американская журналистка Луиза Брайант, находившаяся на Дворцовой площади, видела, как «из дворца вышел высоченного роста "дядя" [Алберт Рис Вильямс], спокойно пересек площадь, установил свой треножник и начал фотографировать женщин-солдат, строящих баррикаду». Строили ее из дров,

приготовленных для отопления дворца и Генерального штаба. «Это выглядело очень комично, – пишет Брайант, – как в оперетте»¹⁴⁹⁹.

Это действительно выглядело достаточно наивно, ибо несколько кораблей кронштадтской флотилии, войдя в Неву, продвинулись дальше «Авроры» и бросили якорь прямо у Зимнего. А в 14 часов около университета с минного заградителя «Амур» и других судов начали высадку десанта. И студенты из окон наблюдали, как сотня за сотней на набережной выстраивалась трехтысячная колонна вооруженных моряков¹⁵⁰⁰.

На Финляндский вокзал из Гельсингфорса прибывает застрявший в пути сводный отряд моряков и рабочих (800 человек) под командой Михаила Горчаева. Продолжали подходить новые отряды кронштадтцев. К вечеру приехал второй гельсингфорский эшелон Василия Марусева. Всего Балтфлот дал ВРК 25 военных кораблей и 15 тысяч дисциплинированных бойцов¹⁵⁰¹.

В первоначальном варианте обращения «К гражданам России!» Ленин писал о том, что заседание Петросовета соберется в 12 часов. Но открылось оно в 14 ч. 35 мин. «От имени Военно-революционного комитета объявляю, – сказал председательствовавший Троцкий, – что Временное правительство больше не существует». Под гром аплодисментов он продолжил: «Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которые прошли бы так бескровно». Он сказал, что Зимний дворец пока не взят, но судьба правительства решена...

И вдруг собравшиеся поднялись и устроили овацию: к трибуне подошел Ленин. «Да здравствует товарищ Ленин, он снова с нами», – крикнул Троцкий и уступил трибуну. «Товарищи! – сказал Владимир Ильич. – Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Он говорил о незамедлительном окончании войны. О немедленной передаче крестьянам помещичьей земли. О рабочем контроле над производством. И о новом правительстве,

которое претворит эти требования в жизнь: «...У нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти... Угнетенные массы сами создадут власть... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

Потом опять выступал Троцкий, за ним Луначарский, Зиновьев, а Володарский зачитал написанную Лениным резолюцию: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании»¹⁵⁰².

Кто-то крикнул с места: «Вы предрешаете волю Всероссийского съезда Советов!» Троцкий, как заметил Джон Рид, довольно холодно ответил: «Воля Всероссийского съезда Советов предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат, произошедшего в ночь на сегодня. Нам остается лишь развивать нашу победу»¹⁵⁰³.

В принятой резолюции вопрос о новом правительстве, как и в выступлении Ленина, был лишь упомянут: оно «будет создано революцией». И эта осторожность отчасти объяснялась тем, что колебания левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов все еще продолжались.

После успеха Мартова на ночном совещании делегатов съезда меньшевики-интернационалисты находились в приподнятом настроении. Им даже казалось, что еще немного, и все делегаты-меньшевики будут готовы идти за ними. «Несмотря на разброс мнений, стало ясно, – пишут авторы и составители многотомного издания “Меньшевики в 1917 году”, – что тактическая линия меньшевиков-интернационалистов находит большую поддержку, а Мартов фактически сменяет Дана на посту лидера партии».

Но у Мартова и его коллег, видимо, появилось и ощущение того, что, проведя на ночном совещании решение, осуждавшее

большевиков и одобрявшее создание Комитета общественной безопасности, они все-таки сыграли на руку «правым». Тем более что пресловутый комитет трансформировался в Комитет спасения Родины и Революции с участием кадетов и главной своей задачей провозгласил борьбу с большевиками и «воссоздание нормальной государственной жизни».

Выступая на заседании фракции, один из докладчиков, Борис Кибрик, прямо заявил, что осудить выступление большевиков, конечно, надо, но необходимо твердо сказать и о том, что «в случае столкновения Правительства с пролетариатом нужно стать на сторону последнего». Его поддержал П.Ф. Арсентьев. И после долгих прений 39 голосами против 6 при 12 воздержавшихся постановили: «Отрицательно относясь к выступлению большевиков, осудить политику правительства, провоцирующую выступление большевиков», а «попытку со стороны правительства – подавить выступление силой встретить дружным отпором». В окончательной редакции слово «отпор» заменили на более деликатное – «осуждение»¹⁵⁰⁴.

Нечто похожее происходило и на фракции эсеров. Левые эсеры все еще пребывали в надежде, что им удастся повести за собой всех эсеровских делегатов. «По составу, – писал Сергей Мстиславский, – фракция не оставляла желать лучшего... ЦК и сам почувствовал, что обстановка не в его пользу. Он не принял поэтому боя по основному вопросу: об отношении к переходу власти; он даже, если угодно, молчаливо признал его, переместив центр тяжести своих тезисов – на вопрос о составе будущего центрального правительства...»¹⁵⁰⁵. И левым эсерам казалось, что в случае, если они одержат верх, то войдут в новое правительство не как осколок эсеровской партии, а как представители самой многочисленной социалистической организации России.

Левый эсер Петр Бухарцев встретил Ленина на выходе с заседания Петросовета. «Он был в толпе. Все на него смотрели и носился шепот – “Ленин, Ленин”. Разговаривать было невозможно... “С нами вы или против?” – здороваясь со мной, почти в ухо, спросил он... Ильич ухватил меня за рукав и прижал

в угол... Почему левые эсеры против восстания и вместе с тем в ВРК? "Подвох это или нет?" – требовал он от меня прямого ответа. "Вы секретарь фракции в ЦИК, вы должны это знать... Революция и История требуют от вас этого ответа", – Ильич прямо в лицо смотрел на меня и ждал.

Обдумывая ответ, я медлил... Ильич нервно теребил меня за рукав и говорил: "Бывают моменты, когда всякие партийные разногласия стираются... Сейчас или никогда... Я большевик, вы – эсер, но мы вместе шли к определенной цели. Вспомните наказы пославших вас... Мы у цели!"»

Ошарашенный этим напором, Бухарцев стал поименно перечислять тех левых эсеров, на которых можно положиться. «Но Ильич меня не слушал. Прищурясь, он смотрел мимо меня в сторону и о чем-то думал. Уходя, он попросил меня срочно связаться со Свердловым, а так как я знал Урицкого и Каменева, то и с ними, на предмет совместного распределения надежных левых эсеров по заданиям ВРК. Ильич также просил меня срочно свести его со стариком Натансоном... Ильич торопился. Было заметно, как все его мускулы в теле и на лице, – пишет Бухарцев, – были напряжены до крайности»¹⁵⁰⁶.

Все делегаты II съезда Советов находились в этот день в Смольном. И, как пишет Джон Рид, они «сваливались и засыпали тут же на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в прениях». Партийные фракции заседали буквально по соседству, и информация немедленно перетекала из одного зала заседаний в другой.

«Я, – продолжает Рид, – спустился в первый этаж, в комнату 18-ю, где шло совещание делегатов-большевиков. Резкий голос невидного за толпой оратора уверенно твердил: "Соглашатели говорят, что мы изолированы. Не обращайтесь на них внимания! В конце концов им придется идти за нами или остаться без последователей..."»¹⁵⁰⁷

Между тем в Зимнем дворце продолжало непрерывно заседать и Временное правительство. Министры постановили, что в силу чрезвычайного положения никто из них дворец не покинет. Достигли договоренности и о том, что штаб округа

оказался недееспособным и необходимо назначить «диктатора», предоставив ему неограниченные полномочия.

После двухчасового обсуждения выбор пал на министра государственного призрения, кадета Николая Михайловича Кишкина. Был он врачом-физиотерапевтом, участвовал в корниловском заговоре и слыл человеком решительным. Около 16 часов, вместе с помощниками Петром Пальчинским и Петром Рутенбергом, Кишкин прибыл в Генеральный штаб. И первое – сделал то, что не довел до конца Керенский: уволил Полковникова и назначил на его место Багратуни. Но это лишь усугубило сумятицу, и ряд офицеров тут же подали в отставку. Правда, уйти домой они не успели: на набережной Мойки и по Миллионной уже шли революционные отряды.

Секретная телеграфная связь со Ставкой у штаба сохранилась. И это было как нельзя кстати. В 18.15 пришло известие, что юнкера Михайловского артучилища, прихватив 4 орудия, покинули Зимний. А около 18 час. 30 мин. был получен ультиматум ВРК. В нем членам бывшего правительства, чинам Генштаба и защитникам Зимнего дворца предлагалось до 19 час. 10 мин. завершить эвакуацию лазарета и сложить оружие. В противном случае дворец будет подвергнут артиллерийскому обстрелу. Передав парламентару самокатчику В. Фролову просьбу о продлении срока ультиматума, Кишкин и сопровождавшие его лица перебежали через площадь в Зимний. И, как говорится, вовремя: в 19.40 здание штаба было занято революционными войсками. Кольцо вокруг Зимнего дворца замкнулось¹⁵⁰⁸.

Своим сообщением об ультиматуме Кишкин испортил членам правительства ужин. Как раз в 18.30 им подали борщ, затем рыбу и артишоки, а тут... Кто-то спросил у адмирала Вердеревского: «Что грозит дворцу, если “Аврора” откроет огонь?» Дмитрий Николаевич, как всегда спокойно, ответил: «Он будет обращен в кучу развалин», и добавил: «не повредив ни одного [другого] здания».

В 20 часов 15 минут Ливеровский записал в дневнике: «Вердеревский и Карташев подняли вопрос о действительности в

обстоятельствах текущего момента наших полномочий. Все от нас откололись. Не должны ли мы сдать власть?»¹⁵⁰⁹ В Зимнем, как до этого и в Генеральном штабе, после отключения телеграфа все еще продолжала работать линия – то ли железнодорожного, то ли военного ведомства, – связывавшая дворец со Ставкой. Коновалов проинформировал генералов о положении в столице и ультиматуме ВРК. В ответ его заверили, что войска уже двинулись на выручку.

Еще в 19 часов генерал Краснов отдал приказ о выступлении. Уже сегодня, 25-го, в Питер должны прибыть самокатные батальоны. К утру 26-го – 9-й и 10-й донские полки с артиллерией и два полка 5-й Кавказской дивизии, а вечером – 23-й Донской полк. Остальные полки Кавказской дивизии подойдут утром 28-го. И Ставка просила продержаться до прихода фронтовых частей. После столь обнадеживающих известий сдаваться было не резон, и правительство решило на ультиматум ВРК не отвечать¹⁵¹⁰.

Но это неизбежно вводило в действие силовой вариант взятия Зимнего дворца, разработанный Антоновым-Овсеенко, Подвойским, Чудновским и другими членами ВРК. Антонов-Овсеенко и его коллеги не зря увлекались шахматами. План, казалось бы, предусматривал все случайности и выглядел вполне реалистично. А когда в 79-й комнате ВРК на карте Петрограда расставили разноцветные флажки, получилось даже красиво.

Предполагалось, что наступление на Зимний начнется не позднее 21 часа. Сигнал красным фонарем даст Петропавловка. Затем предупредительный залп «Авроры». Пауза для возможной капитуляции. А уж потом – артобстрел Зимнего из Петропавловской крепости и общий штурм дворца¹⁵¹¹... Но, как всегда, «гладко было на бумаге...». И не случайно Ленин влезал во все детали и мелочи, когда Подвойский докладывал ему о том, как будет арестовано Временное правительство. Владимир Ильич знал, что именно на мелочах, на «вишневой косточке», вероятнее всего, можно поскользнуться¹⁵¹².

Когда комиссар ВРК Георгий Благонравов приехал в Петропавловку, выяснилось, что «орудия, грозно стоящие на парапетах, для стрельбы не приспособлены и поставлены были исключительно для бóльшего эффекта. Стреляла только одна пушка, заряжаемая с дула, возвещавшая время... На дворе арсенала, – пишет Георгий Иванович, – мы нашли несколько трехдюймовых орудий, по внешнему виду нам, неартиллеристам, показавшихся исправными». Их на руках вытащили и поставили за кучи мусора между крепостной стеной и обводным каналом Невы.

Теперь вроде можно было бы начинать – дать сигнал «Авроре». Но тут выяснилось, что нет сигнального фонаря. Стали искать. Наконец, притащили фонарь, но без красного стекла. Обмотали его кумачом. Теперь надо было подвесить фонарь на флагшток, да так, чтобы увидели с «Авроры». Однако, как на грех, под рукой не оказалось веревки. Побежали искать веревку. А тут подошли артиллеристы и заявили, что в орудиях, предназначенных для боевой стрельбы, в противооткатные устройства не залита компрессионная жидкость и палить из них крайне опасно – разорвет на куски.

Когда прибывший в крепость Антонов-Овсеенко услышал все это, он на какой-то миг заподозрил в саботаже не только артиллеристов. «Из-за вас, – сказал он, прищурившись, Благонравову, – черт знает что может произойти». Срочно вызвали артиллеристов с морского полигона, и, осмотрев орудия, матросы согласились рискнуть. Но вот беда – не все заготовленные снаряды по калибру подходят к этим пушкам. И опять помчались на поиски в крепостной арсенал и артсклад аж на Выборгской стороне...

В этот момент примчался вестовой и сообщил, что ультиматум принят и Зимний сдается. Ура! Благонравов со слезами на глазах бросается обнимать Антонова, а потом оба мчатся на автомобиле к Дворцовой площади и... попадают под ружейно-пулеметный обстрел. Выясняется, что, как и было уговорено, в 21 час, не дождавшись залпа «Авроры», красногвардейцы, матросы и солдаты двинулись в атаку¹⁵¹³.

Унтер-офицер Петроградского женского батальона Мария Бочарникова вспоминала: «В 9 часов вдруг впереди загремело “ура”... Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом загрохотало. Ружейная стрельба слилась с пулеметными очередями... Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и налево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхали сотни светлячков. Иногда вырисовывался силуэт чьей-нибудь головы. Атака захлебнулась, неприятель залег»¹⁵¹⁴.

Между тем около 21 часа усталый и мрачный Керенский добрался, наконец, до Пскова. По пути он пытался заправить машину в Гатчине, но по лицам солдат, ставших кучковаться вокруг, понял, что его тут же арестуют, и немедленно поспешил дальше. В Пскове, не заезжая в штаб фронта, Александр Федорович остановился у своего родственника генерала Барановского, который сообщил, что местный Совет заявил о поддержке съезда Советов, запретил отправку войск на Питер и создал ВРК, взявший под контроль все средства связи и транспорта. Вызванный на квартиру Барановского главком Северного фронта генерал Черемисов подтвердил эту информацию и прямо заявил, что не только не имеет возможности отправить на Петроград фронтовые части, но не может гарантировать даже личной безопасности Керенскому, а посему посоветовал немедленно покинуть Псков¹⁵¹⁵.

Александр Федорович остался ночевать у Барановского, и на упреки в «саботаже генералов» тот, видимо, сказал ему то же самое, что телеграфировал в Ставку: «Издаleка кажется хорошо и просто двинуть к Луге войска, но это неверно... Мы совершенно одиноки, и за нашей спиной ничего – ни штыков, ни силы». Даже если бы удалось собрать какие-то крохи, «мы не можем поручиться, что против этих частей не пойдут части с фронта, полностью находящиеся во власти большевиков».

А Черемисова в это время вызвали на заседание псковского ВРК, где присутствовали представители ревкомов армий Северного фронта. Его предупредили, что в случае направления им каких-либо частей на Питер «армии в тыл вышлют свои

отряды и силой принудят вернуться». После этого, где-то незадолго до 22 часов, Черемисов вынужден был отменить свой приказ о движении эшелонов к столице¹⁵¹⁶.

Примерно в это же время в Петропавловскую крепость возвращается от Зимнего Благоднаров, и артиллеристы подают сигнал «Авроре» уже не фонарем, а выстрелом вестовой пушки – той самой, которая «заряжается с дула». И в 21 час 40 минут крейсер производит, наконец, холостой выстрел из носового орудия...

Матрос-большевик Иван Флеровский вспоминал: «Набережные Невы усыпаны глазеей публикой. Очевидно, в голове питерского обывателя смысл событий не вмещался, опасность не представлялась, а зрелищная сторона была привлекательна. Зато эффект вышел поразительный, когда грохнула "Аврора". Грохот и сноп пламени при холостом выстреле куда значительнее, чем при боевом, – любопытные шарахнулись от гранитного парапета набережной, попадали, поползли. Наши матросы изрядно хохотали над комической картиной...»¹⁵¹⁷

Холостой выстрел, естественно, не произвел никаких разрушений, но сумятица в Зимнем дворце усилилась. Потребовали объяснений юнкера. «Мы выстроились, – вспоминал один из них. – Явился кто-то, назвал себя генерал-губернатором Пальчинским и стал очень долго говорить. Говорил бессвязно» – о долге, о том, что Керенский с войсками уже в 40 км, в Луге. «В тишине раздался мрачный иронический голос: "Справьтесь по железнодорожному справочнику, сколько верст от Луги до Петрограда, прежде чем выступать"». До Луги было около 140 км.

Потребовали объяснений и те немногие казаки, которые по приказу Керенского все-таки «оседлали лошадей» и явились к Зимнему. Пришел казачий полковник и офицер. С ними говорили Кишкин и Коновалов. «Полковник, – пишет Малайнович, – слушал, то поднимая, то опуская голову... Из учтивости дослушал... Вздохнул, и оба ушли – ушли, мне казалось, с недоумением в глазах... А может быть, с готовым решением»¹⁵¹⁸.

До 22 часов из Зимнего ушли все три казачьи сотни, юнкера Петергофской школы прапорщиков и полурота женского батальона. Гарнизон защитников Временного правительства таял на глазах. И даже в своей резиденции правительство уже не было хозяином. Через подъезды со стороны набережной, через то крыло дворца, где размещался лазарет, группы красногвардейцев, матросов, солдат просачивались в здание. Сталкиваясь с юнкерами, они либо обезоруживали их, либо те без стрельбы сами складывали оружие.

Группа красногвардейцев и солдат автобронемастерских пробралась во двор Зимнего, где стояли броневики, и сняла с них магнето и карбюраторы. Не обошлось и без курьезов. Необычность дворцовой обстановки, бархат и позолота мебели – все это порой повергало солдат в оторопь. Один из них, приоткрыв дверь какого-то зала, увидел вдруг отраженную в огромном зеркале картину конного парада... «Кавалерия!» – закричал он и шарахнулся в сторону. Воспользовавшись замешательством, юнкера разоружили тех, кто не успел убежать.

В 22.40 Ливеровский записал в дневнике: «В нижней галерее встретил юнкеров с захваченными во дворе красногвардейцами. При обыске у них отобрали, кроме ружей, револьверы и ручные гранаты. Когда же лазутчиков стало много, они принялись разоружать юнкеров, причем все это, по рассказу одного офицера, совершалось мирно, без стрельбы»¹⁵¹⁹.

Именно в этот момент, в 22.40, открылся II съезд Советов. Еще днем представители фракций договорились открыть его в 8 часов вечера, и в большой зал стали стягиваться делегаты. Однако меньшевики попросили об отсрочке, поскольку дебаты в их фракции еще не закончились. Открытие перенесли на 22 часа. Но и к этому времени меньшевистское заседание не завершилось. Тогда, по предложению Каменева, к ним направили делегацию, и спустя полчаса лидеры старого ЦИК стали занимать места в президиуме.

«Освещенные огромными белыми люстрами, – рассказывает Джон Рид, – на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели

представители рабочих и солдат всей России... Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: "Товарищи! Не курите!", и курение продолжалось...

Было 10 часов 40 минут вечера. Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа...

"Власть в наших руках", – печально начал Дан. Он остановился на мгновение и тихо продолжал: "Товарищи... Вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК (смутный шум в зале)"»¹⁵²⁰.

Причин для столь минорного тона у Федора Ильича было предостаточно. И лежали они не только вне съезда. Принципиально изменилось соотношение сил и на самом съезде. К моменту открытия на нем присутствовало 648 делегатов. С прибытием представителей промышленных регионов число большевиков возросло до 338, и они располагали теперь на съезде устойчивым большинством в 52,2 %. Мало того, эсеровская фракция к вечеру все-таки раскололась, и к левым эсерам ушло 98 делегатов. То есть блок большевиков и левых эсеров мог дать 436 голосов – 67,3 %.

У эсеров – вместе с эсерами центра и правыми (32 + 40 + 16) – оставалось лишь 88 голосов. У меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов (14 + 16) – 30. А из 94 неопределившихся «интернационалистов», «оборонцев»,

представителей национальных социалистических партий и беспартийных (33 + 22 + 15 + 23) могли черпать поддержку не только правые, но и левые. Поэтому единственно реальной формой борьбы для прежних лидеров ЦИК оставались обструкция и бойкот съезда Советов¹⁵²¹.

По соглашению между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами президиум съезда решили составить на основе пропорционального представительства. В результате выборов прошли: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и 1 меньшевик-интернационалист. От имени эсеров правых и центра Гендельман тут же заявил об отказе от участия в президиуме. Такое же заявление от имени меньшевиков делает Лев Хинчук. Меньшевики-интернационалисты откладывают вхождение в президиум «до выяснения некоторых обстоятельств».

Старый ЦИК покидает сцену, и их места занимают Троцкий, Луначарский, Каменев, Коллонтай, Ногин, левые эсеры – Спиридонова, Мстиславский, Камков и др. «Весь зал встает, – фиксирует Джон Рид, – гремя рукоплесканиями». Председательствующий Каменев предлагает повестку дня: 1) об организации власти; 2) о войне и мире; 3) об Учредительном собрании.

Однако тут же меньшевик-интернационалист Лозовский предлагает сначала обсудить отчет Петросовета, затем дать слово членам прежнего ЦИК и представителям партий и лишь после этого обсуждать повестку дня. Принятие такого предложения оттянуло бы решение главных вопросов даже не на часы, а на дни. Но именно в этот момент – около 23 часов – за окнами тяжело гроыхнули орудия Петропавловской крепости...¹⁵²²

Моряки-артиллеристы, хоть и с запозданием, управились со всеми орудийными проблемами и открыли огонь. Первые снаряды разорвались над Невой. «Из углового окна, – вспоминал Малянтович, – мы видели широкие просторы могучей реки. Равнодушные холодные воды... Обреченные, одинокие, всеми покинутые, мы ходили взад и вперед по этой огромной

мышеловке, иногда собираясь все вместе или группами для коротких разговоров... Вокруг нас была пустота, и такая же пустота была у нас на душе».

Созерцать разрывы орудийных снарядов было страшновато. А когда один из них разрушил часть карниза Зимнего, а осколки другого разбили угловое окно на 3-м этаже – как раз над залом, где сидели министры, они поспешно, пригнувшись, перекочевали в Малую столовую, окна которой выходили в световой дворик.

Настроение на баррикадах было не лучше. «В 11 часов, – пишет Мария Бочарникова, – начала бить артиллерия... Было сознание какой-то обреченности... Мы были окружены... Когда я представляла, что в конце концов дойдет до рукопашной и чей-то штык проколет мне живот, и он как арбуз затрещит по швам, то, признаюсь, холодок пробегал по спине. Надеялась, что минует меня чаша сия и я заслужу более легкую смерть от пули»¹⁵²³.

Когда орудийные раскаты докатились от Петропавловки до Смольного, делегаты съезда Советов на мгновение замерли. Кто с места стал кричать, что съезд надо закрывать, что в таких условиях работать нельзя... Но Троцкий – не без вызова – ответил: «Кому могут мешать звуки перестрелки? Напротив! Они помогают работать»¹⁵²⁴.

Тут же слово взял Мартов: «Задача съезда, – сказал он, – заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти. Этот основной вопрос съезд нашел если не решенным, то предрешенным». Поэтому предлагается немедленно начать переговоры «с другими социалистическими партиями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения» и создать правительство, которое признает «вся демократия». И поскольку все поняли, что речь шла о правительстве из партий, представленных на съезде, все – в том числе и большевики – проголосовали за предложение Мартова.

Однако эсерово-меньшевистские лидеры менее всего были настроены на конструктивную работу. От находившейся всецело под их влиянием «фронтальной группы» на трибуну поднимается капитан Яков Харащ. За ним поручик Георгий Кучин. От имени

фронта они заявляют, что сам съезд «несвоевремен», что необходимо противодействовать «авантюре захвата власти», что группа «покидает этот съезд. И отныне арена борьбы переносится на места». Это уже звучало угрозой... Зал взорвался криками: «Ложь!», «Вы представляете не солдат, а штабы и офицеров!», «Провокаторы!». На трибуне фронтовики – Гжельщак, Лукьянов, латыш Петерсон: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки! Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!» В ответ – буря аплодисментов.

Но Лев Хинчук оглашает декларацию меньшевиков: «Единственным возможным мирным выходом из положения, – говорится в ней, – остаются переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии». С аналогичным заявлением от имени эсеров выступает Гендельман. А бундовец Эрлих предлагает всем делегатам покинуть зал и вместе с гласными городской думы «пойти безоружными под расстрел на площадь Зимнего дворца».

Делегаты в полном недоумении: переговоры с Временным правительством? Но Мартов говорил лишь о социалистах! И при чем тут городская дума? Абрамович объясняет: «25 минут тому назад из Зимнего дворца сообщили, что он обстреливается, и требовали, чтобы мы пошли на помощь».

Рязанов информирует делегатов о том, что полтора часа назад в Смольный приходил городской голова Александр Шрейдер. Он предложил посредничество между ВРК и Зимним дворцом. Ради того, чтобы «предупредить кровопролитие», говорит Рязанов, ВРК делегировал в посредническую группу двух своих представителей. А несколько гласных думы в сопровождении члена ВРК Вячеслава Молотова пошли к Зимнему, чтобы заручиться согласием министров на переговоры. Однако, несмотря на белый флаг, который они несли, юнкера обстреляли их из дворца. На том «переговорный процесс» и завершился¹⁵²⁵.

Почему же теперь из Зимнего что-то «требуют» от съезда Советов? Но спрашивать уже было не у кого, ибо группа эсеров,

меньшевиков, бундовцев и часть «фронтальной группы», под протестующие крики и свист подавляющего большинства оставшихся, уходят со съезда.

Выяснилось, что, помимо телеграфной линии, в одном из помещений Зимнего дворца действует и телефонный канал. Министр Никитин позвонил на квартиру товарищу министра Хижнякову и попросил передать «всем общественным организациям» требование правительства о поддержке. Никитин уверял, что если отправить в тыл осаждающим дворец даже небольшие силы, рабочие и солдаты разбегутся.

А министр Маслов дозвонился в Городскую думу эсеру Быховскому: «Нас расстреливают... – говорил он. – Мы умрем здесь, но последним моим словом будет – презрение и проклятие той демократии, которая... не сумела нас защитить». Быховский тут же рассказал о звонке министра думцам и предложил идти на помощь к Зимнему, чтобы «умереть вместе с ними».

Собравшиеся встретили предложение овацией. Один из членов Исполкома Совета крестьянских депутатов попросил у них разрешения «выйти и умереть вместе с ними». Оказавшийся здесь же министр Прокопович тоже молил со слезами в голосе позволить ему «разделить участь своих товарищей». Но и этого показалось мало: предложили провести поименное голосование о готовности каждого «умереть вместе с правительством».

Голосование затянулось. Потом готовили бутерброды с колбасой для министров. И на улицу вышли около полуночи. Выстроились в колонну по четыре. Впереди стали городской голова Александр Шрейдер и Прокопович, который держал в одной руке фонарь, а в другой – зонтик¹⁵²⁶.

Свидетелем дальнейшего оказался вездесущий Джон Рид. «... На углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооруженных матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу толпе людей... Здесь было триста-четыре человека: мужчины в хороших пальто, изящно одетые женщины, офицеры – самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей... Я увидел и репортера газеты "Russian Daily News" Малкина. "Идем

умирать в Зимний дворец!” – восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из ее передних рядов неслись громкие крики. Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом...

“Мы требуем, чтобы нас пропустили! – кричали они. – Вот эти товарищи пришли со съезда Советов!.. Вот их мандаты!..” Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал своей огромной рукой в затылке. “У меня приказ от Комитета – никого не пускать во дворец...” – “Мы настаиваем, пропустите!.. Мы все равно пойдем! – в сильном волнении кричал старик Шрейдер... – Мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулеметами!” – “Нет”, – заявил матрос с упрямым взглядом.

“А что вы сделаете, если мы пойдем? Стрелять будете?” – “Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей... Что-нибудь да сделаем”, – отвечал матрос, явно поставленный в тупик... Тут появился другой матрос, очень раздраженный. “Мы вас прикладами! – решительно крикнул он. – А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!”

...Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь... “Против нас применяют грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были запятнаны нашей невинной кровью!.. Вернемся в думу и займемся обсуждением наилучших путей спасения страны и революции!” После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому все еще по четверо в ряд»¹⁵²⁷.

Когда Шрейдер приходил в Смольный договариваться о «посредничестве», он, между прочим, сказал Троцкому, что с конституционной точки зрения единственной законной властью в Петрограде является сейчас Городская дума, а не Петросовет. Но Шрейдер прекрасно понимал, что претендовать на власть и ссылаться на «конституционность» в стране без конституции, да еще в момент восстания, когда решает лишь реальное соотношение сил, достаточно наивно.

Поэтому, когда участники «хождения к Зимнему» вернулись в Городскую думу, первое же заседание «Комитета спасения Родины и Революции» занялось решением именно этой задачи –

собираaniem сил. Часть гласных Городской думы, та часть фракций меньшевиков и эсеров, которые ушли со съезда, Исполком Совета крестьянских депутатов, члены бывшего Предпарламента и Совета республики – были налицо.

Эсеры и меньшевики преобладали. Но нередко забывают о том, что реальный политический вес Комитета усилился за счет вхождения в него кадетов. Свою партийную принадлежность они не афишировали и выступали как члены «сеньорен-конвента» Совета Республики.

Член ЦК кадетов Владимир Оболенский писал, что поначалу возник спор о названии комитета. О «спасении революции» кадеты и слышать не хотели. «Такое название в момент, когда нужно было спасти Россию от торжествующей революции, – заметил Владимир Андреевич, – звучало уж очень фальшиво». Однако пришлось уступить. Зная, что для соглашателей важна именно «революционная фразеология», он предложил поправку, которую приняли, – «Комитет спасения Родины и Революции». В Комитете спасения кадетов ужасно раздражали бесконечные «споры социалистов между собой об их участии в правительстве». Но поскольку споры эти, как выразился Оболенский, «никакого реального значения» не имели, а меньшевик Скобелев сразу же заявил, что комитет будет «опираться на физическую силу», кадетский ЦК счел необходимым связаться с этим очагом «военного сопротивления большевикам». Помимо Оболенского, в него делегировали Софью Панину и Владимира Набокова. И эта воскресшая «коалиция» бывших соглашателей с бывшими либералами сразу дала необходимые средства и связи¹⁵²⁸.

Устанавливаются контакты с профсоюзами железнодорожников, почтово-телеграфных, банковских служащих, с помощью которых можно было попытаться взять в свои руки управление городом. Сюда приходят члены съездовской «фронтной группы», Центрофлота, Союза георгиевских кавалеров, Союза увечных воинов, имевшие связи с армейскими подразделениями, а затем и представители Союза казачьих войск. Комитет избирает бюро и обращается с

воззванием к «Гражданам Российской республики», в котором заявляет: «Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения Родины и Революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства...»¹⁵²⁹

Меньшевиком-интернационалистов на собрании Комитета спасения не было. Они по-прежнему оставались в зале заседаний съезда, где бушевали страсти и гремели аплодисменты. «Сидя в задних рядах, – написал Мартов, – я с тяжелым сердцем наблюдал за ликующим залом. Как бы я хотел присоединиться к ним! Но я не мог...»¹⁵³⁰

Мартов зачитывает декларацию меньшевиком-интернационалистов и еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион». Они считают, что «единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской войны, могло бы стать соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства... которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно». А до этого следует «съезду приостановить свои работы».

Среди всеобщего шума и криков, рассказывает Джон Рид, «Каменев размахивал председательским звонком... Троцкий встал со своего места. Лицо его было бледно и жестоко. В сильном голосе звучало холодное презрение. "Восстание народных масс, – сказал он, – не нуждается в оправдании... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда..? С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде..? Нет, тут соглашение не годится. Тем кто отсюда ушел... мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь

туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории..."»

Он предлагает резолюцию: «Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их... Заслушав заявление с.-р. и меньшевиков, съезд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа...» Съезд ответил бурными аплодисментами. «Тогда мы уходим!» – крикнул Мартов и с группой сторонников покинул зал¹⁵³¹.

На трибуну поднялся Дмитрий Сагарашвили. «Я – сам рабочий, – под аплодисменты сказал он, – и не могу быть безучастным свидетелем в то время, когда рабочие, когда солдаты борются против наших вековых врагов. Мои товарищи по фракции, меньшевики-интернационалисты, сделали большую ошибку, уйдя со съезда... Я останусь с теми, которые сражаются с врагами народа и революции»¹⁵³².

От левых эсеров выступили Карелин и Камков. «Правые эсеры ушли со съезда, – заявил Борис Камков, – но мы, левые эсеры, остались!» А когда стихли аплодисменты, предложил резолюцию Троцкого не принимать, ибо «нельзя изолировать себя от умеренных демократических сил, а необходимо искать соглашения с ними». Ему ответил Луначарский: «Если бы мы, начав заседание, сделали какие-либо шаги, отметающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса. Но ведь нас засыпали градом заявлений. Против нас вели форменную атаку... Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение, они сразу же постарались отгородиться от нас... Несмотря на их предательство, будем продолжать наше дело»¹⁵³³.

Обструкция съезда меньшевиками и эсерами, колебания «левых» в определенной мере объяснялись и незавершенностью восстания. Да, Временное правительство ВРК низложил еще утром. Но то обстоятельство, что министры все еще сидели в своей резиденции и рассылали во все концы телеграммы о помощи, делало Зимний потенциальным центром сплочения сил,

выступающих против новой власти. Вот почему, как вспоминал Николай Подвойский, «т. Ленин присылал мне, Антонову, Чудновскому десятки записок», в которых нещадно ругал их за затянувшуюся осаду Зимнего¹⁵³⁴.

Что же происходило у Зимнего? Один из главных героев этих событий, Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, написал в свое время, что к ночи «вообще вся атака дворца носила совершенно беспорядочный характер». В более поздних официозных работах никакая «беспорядочность» уже не допускалась. Наоборот, колонны осаждающих двигались по строго установленному графику и диспозиции. А вся операция в целом подавалась как образец революционной тактики и военного искусства.

В 1921 году свое выступление на эту тему Антонов-Овсеенко назвал «Взятие Зимнего дворца». Ему, видимо, и в страшном сне не снилось, что спустя почти сто лет копыта публицистов и историков скрестятся вокруг слов «штурм Зимнего»... Был он или не был?

Поскольку ничего, кроме политических игр, за этими «баталиями» не стоит, не станем спорить о словах. Расскажем лишь – как это было. И пусть читатель извинит автора за то, что он будет воспроизводить известные и малоизвестные детали, ибо утверждение о том, что не только «штурма», но и вообще никакого «восстания» не было, а Временное правительство пало не в результате силового давления, а вследствие самораспада – стало уже общим местом в нашей исторической публицистике.

В 1920 году Антонов-Овсеенко рассказывал: «У дворца беспорядочная стрельба... Темнота. Всплески выстрелов, таканье пулеметов. По Миллионной беспорядочная толпа матросов, солдат, красногвардейцев то наплывает к воротам дворца, то отхлынет, прижимаясь к стенкам, когда с дровяных баррикад юнкера открывают стрельбу»¹⁵³⁵.

К пушкам Петропавловской крепости присоединяются еще два орудия, отобранные красногвардейцами у ранее сдавшихся юнкеров. Трехдюймовки поставили у арки Главного штаба. И первая же шрапнель разорвалась слева от Александровской

колонны прямо над баррикадами. Мария Бочарникова пишет, что одна ударница была убита, несколько юнкеров ранено и отряд юнкеров и женскую полуроту сразу отвели с площади во дворец¹⁵³⁶.

Но и в самом Зимнем было уже небезопасно. Проникновение небольших групп матросов, солдат, красногвардейцев во дворец со стороны Адмиралтейства и Эрмитажа продолжалось. Узнав, где находится Временное правительство, матросы поднялись на верхнюю галерею, разыскали световые люки и бросили гранату вниз, в темный коридор у Малой столовой, перепугав – в очередной раз – министров.

И опять где-то рядом стрельба. Малянтович записывает: «Опять шум... Он стал уже привычным... Опять, вероятно, ворвались большевики... Вошел Пальчинский. Конечно, это так и оказалось. И опять дали себя обезоружить без сопротивления. И опять их было много... А сколько их уже во дворце?.. Кто фактически занимает дворец теперь – мы или большевики?»¹⁵³⁷

Вопрос был резонным. Один из матросов рассказывал Джону Риду: «...Мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группками. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята все подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них...»

Группа красногвардейцев и солдат автобронедивизиона во главе с Евсеевым, выведя из строя броневики, проникла в караульное помещение, арестовала офицера и разоружила дежурную смену часовых. «Мы, – рассказывает Евсеев, – подошли к парадной двери, выходившей на Дворцовую площадь. Возле двери стоял на посту юнкер. Мы разоружили его и открыли дверь – она оказалась незапертой»¹⁵³⁸.

Огонь со стороны Зимнего стал затихать, хотя пулеметные очереди из верхних окон дворца время от времени прочесывали площадь. Отряд гельсингфорсских моряков Михаила Горчаева, на который более всего полагался Антонов-Овсеенко, не появлялся.

Ему поручили блокировать Константиновское юнкерское училище, там завязалась перестрелка, и на Дворцовую площадь они вовремя не пришли¹⁵³⁹.

Но зато подошли солдаты Павловского полка, большой отряд сестрорецких рабочих со знаменем, на котором было начертано только одно слово – «Революция!». Стрельба из Зимнего все еще продолжалась. «"Не предложить ли им сдаться?" – спрашивает Чудновский, приведший часть павловцев... Я соглашаюсь», – рассказывает Антонов-Овсеенко.

Возвратившись, Григорий привел с собой группу юнкеров. Они «тут же на панели складывают винтовки и под конвоем уходят по Миллионной. Чудновский хотел им оставить оружие, но я не согласился. Остальные юнкера упорствовали еще час. По узкой извилистой лестнице атаковать их было трудно. Несколько раз они отражали натиск осаждавшей толпы. Но и эти дрогнули, прислали сказать, что сопротивление прекращают. Вдвоем с Чудновским мы поднялись в палаты дворца. Повсюду разбросаны остатки баррикад, матрацы, обоймы, оружие, обгрызки. Разношерстная толпа хлынула за нами. Расплываясь по всем этажам, юнкера сдавались». По информации ВРК, 50 человек было ранено и 6 солдат Павловского полка убито¹⁵⁴⁰.

А вот описание событий из другой точки – рассказ Джона Рида, который и на сей раз оказался в нужном месте и в нужный час: «Стрельба прекратилась... Кто-то крикнул: "Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!" Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились мы под красной аркой... Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны...

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого

приказания снова кинулся вперед... Передовые двести-триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады... Под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь... Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходивший в огромную и пустую сводчатую комнату...»¹⁵⁴¹

Так что взаимодействие атакующих с разных сторон и изнутри дворца, хотя и достаточно хаотичное, не выглядело так, как позднее это изображалось в кино. Но оно действительно имело место. А как назвать результат: «взятие Зимнего дворца» или «штурм Зимнего» – это уже спор о словах, которые при избыточной политизации вообще теряют смысл.

Отряд моряков, рабочих и солдат, который вели Антонов-Овсеенко и Чудновский, устремился в глубь дворца в поисках Временного правительства. Сопротивления юнкера уже не оказывали. Вдруг навстречу им выскочил Пальчинский: «Мы только что сносились с вашими и пришли к соглашению. Сюда идет делегация с Прокоповичем. Вы, господа, не в курсе дела».

Пальчинский, видимо, был уверен, что после того, как ВРК послал своих представителей в «посредническую группу» Городской думы, какой-то договоренности о «предупреждении кровопролития» достигли. О том, что гласные думы во главе с Прокоповичем пошли к Зимнему, членов Временного правительства оповестили по телефону. Но о том, чем кончился этот «поход», Пальчинский либо не знал, либо хитрил, выигрывая время.

Его арестовали и двинулись дальше. Юнкера сдавали оружие. «Но вот в обширном зале у ворот какой-то комнаты – их недвижимый ряд с ружьями наизготовку. Осаждавшие замялись. Мы с Чудновским, – рассказывает Антонов-Овсеенко, – подошли к этой горсти юнцов... Они как бы окаменели, и стоило трудов вырвать винтовки из их рук. "Здесь Временное правительство?" – "Здесь, здесь, – заюлил какой-то юнкер, – я ваш", шепнул он мне. Вот оно – правительство временщиков, пытавшееся удержать

неудержимое, спасти осужденное самой жизнью... Все тринадцать... застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное, бледное пятно»¹⁵⁴².

А вот взгляд из другой точки: «Вдруг возник шум, где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться, – это пишет Малянтович. – И в его разнообразных, но слитных в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы, – что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец...

Кто лежал или сидел, вскочили и все схватились за пальто... А шум все крепнул, все нарастал и быстро, широкой волной подкатился к нам... Уже у входной двери – резкие взволнованные крики массы голосов, несколько отдельных редких выстрелов, топот ног...» Дверь распахнулась, и «в комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату...» Это был Антонов-Овсеенко. «Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы!» Чудновский стал записывать фамилии присутствующих¹⁵⁴³.

В комнату набивалось все больше и больше людей. Толпа волновалась и шумела. Раздались крики: «Чего там! Кончить их! Перестрелять всю шайку! Тут их и повесить!» Антонов-Овсеенко крикнул: «К порядку! Большевики флота! Не допускайте анархии!» – и приказал: «Товарищи матросы! Удалите посторонних!»

«Вспоминаю бледное аскетическое лицо Антонова, густые, светлые волосы под живописной широкополой шляпой, спокойный, сосредоточенный вид, заставляющий забыть его сугубо гражданскую внешность». Его приказ был исполнен. «Мы вывели штатских из комнаты, – вспоминал военный моряк Н. Точеный, – и окружили стол, за которым сидели министры».

Зазвонил телефон. Кто-то взял трубку. Городской голова Шрейдер спросил: «Хочу знать, что у вас делается?» Грубоватый, незнакомый ему голос ответил: «Я часовой. Ничего у нас тут не делается»¹⁵⁴⁴.

Но когда министров вывели на площадь, дабы препроводить их в Петропавловку, толпа преградила путь. Самосуд мог произойти в любую минуту. «Взявшись за руки, – рассказывает моряк Н. Точеный, – мы образовали вокруг арестованных три живые цепи. Каждого министра держали под руки два матроса». Так вышли на Миллионную. Но тут толпа была еще более агрессивной. Ее оттеснили и повели арестованных на Дворцовую набережную. Но как только вышли на мост, с Каменоостровского выкатилась черная легковая машина, с которой открыли стрельбу.

«Ложись!» – крикнул Антонов, и все, кроме Коновалова, рухнули на мостовую. В Питере потом долго рассказывали, как Александр Иванович стоял под градом пуль, не склонив гордой головы, среди распростертых тел. Но красногвардеец С.В. Морозов запомнил этот эпизод иначе: «Впереди идущие легли на панель, а задний, высокого роста в черном пальто министр не лег, а только пригнулся. Тогда я толчком приклада заставил его прилечь. Солдат-ратник, с крестом на папаше, лежавший рядом, сказал: “Э, барин, на чистой панели боишься запачкать костюм... Мы на фронте по пояс в грязи сидели...” – “Сволочь”, – сквозь зубы процедил министр. – “Сволочь это не я, а ты! Я солдат – слуга и защитник отечества”»¹⁵⁴⁵.

«В Петропавловке, – вспоминал Антонов-Овсеенко, – министры пришли в себя. Всех хуже держал себя Гвоздев, который трусил страшно... Стороной держались Малянтович и Никитин... “Меня не узнаете?” – “Вас, господин Малянтович? Очень хорошо”. – “Скрывал вас лет десять назад в Москве после побега с каторги...” – “Помню! Помню! Тогда вы заигрывали даже с большевизмом”». Но самый содержательный диалог, который повсеместно шел в стране на протяжении всего 17-го года, состоялся между Терещенко и матросом с «Авроры»: «Ну и что вы будете делать дальше?! Как управитесь без интеллигенции?» – «Ладно! Уж управимся! – весело отвечает моряк. – Только бы вы не мешали»¹⁵⁴⁶.

Когда Подвойский доложил Ленину о взятии Зимнего и аресте министров, Владимир Ильич не сказал ни слова. Поздновато, мол, но дело сделано. Из Петропавловки Антонов-

Овсеенко привозит список арестованных, подписку министров о сложении ими своих полномочий. И Ленин сразу садится писать обращение съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам».

На самом съезде в 2 часа 40 минут – уже 26 октября – объявили перерыв, а в 3 часа 10 минут заседание возобновилось информацией Каменева о произошедших событиях. Тут же слово берет меньшевик Наум Капелинский. Он опять предлагает переговоры «со всеми демократическими организациями» и пугает: к Питеру подъезжают войска, и «нам грозит катастрофа». Ной Бару от «Поалей-Цион» был еще более нервным: «Вы погубите и себя, и нас, и революцию». Но их уже никто не слушает. Среди всеобщего шума стенографистки фиксируют лишь выкрики: «А мы думали, что вы ушли прошлой ночью! Сколько раз вы будете уходить?»¹⁵⁴⁷

Во всех этих, казалось, нескончаемых прениях Ленин участия не принимал. Для него было очевидно, что надо поворачивать съезд к более конструктивной работе. Поставив первым в повестку дня вопрос о власти, делегаты неизбежно увязали в дискуссии о способах формирования и составе правительства. А у таких споров, особенно когда они переходят на личности, конца не бывает. И на передний план выходят совсем не те проблемы, ради которых совершалось восстание.

Для Ленина было очевидно и то, что новое правительство создается не для того, чтобы ублажить министерскими портфелями всех общественных деятелей. И уж совсем не для оформления прихода к власти «группы большевиков». Правительство – лишь инструмент решения совершенно конкретных задач. Прежде всего – прекращения войны и передачи земли крестьянам. А перед лицом именно этих задач «общественные деятели» на протяжении 1917 года показали свое бессилие.

Значит, надо сначала затвердить программу действий новой власти, принять декреты, выражающие бесспорные требования народа, а уж потом – под эту программу создавать кабинет, способный ее реализовать. Именно эти идеи Владимир Ильич и

кладет в основу обращения съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам!».

Прежде всего обращение констатировало правомочность съезда решать судьбы страны. «На нем представлено громадное большинство Советов, – пишет Ленин. – На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов», то есть он вполне выражает «волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян».

Во-вторых, поскольку Временное правительство низложено, а его члены арестованы, съезд заявляет, что, опираясь на вышеуказанную «волю громадного большинства» и на «совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона», он «берет власть в свои руки». Съезд постановляет также, что и на местах вся власть «переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

И третье. Главная задача новой власти состоит в том, чтобы обеспечить: демократический мир и немедленное перемирие на всех фронтах; безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов; полную демократизацию армии; подлинный революционный порядок; созыв Учредительного собрания; право всем нациям России на самоопределение.

Казалось бы, декларация, не более того. Сколько их было за этот год? И какое дело огромной стране до всех этих воззваний и обращений?! Но в том-то и смысл понятия «кризис назрел». Россия ждала перемен. Как и в Феврале, ей нужен был импульс, исходящий из центра.

Если бы восстание ограничилось Петроградом, оно так бы и осталось столичным переворотом. И если бы фронт и провинция не поддержали – оно было бы обречено. Но Всероссийский съезд Советов дал толчок. Гигантская волна повсеместного перехода власти к Советам в считанные недели и месяцы – по большей части бескровно – залила Россию. И масштабы, содержание такого «переворота» превращали его в великую революцию.

Съезд заявил, что отныне революционная власть переходит на позиции «оборончества» – защиты страны от внешней

опасности. Съезд призвал «солдат в окопах к бдительности и стойкости», выразил уверенность, что «армия сумеет защитить революцию... пока новое правительство не добьется заключения демократического мира...». А для этого правительство обеспечит армию всем необходимым, не останавливаясь перед обложением имущих классов для улучшения положения солдат на фронте и их семей в тылу.

И еще: советская власть установит рабочий контроль над производством и «озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню». На языке того времени это означало переход к товарообмену с деревней, дабы уйти от силового изъятия «излишков» с помощью воинских команд.

Таковы первоочередные шаги, которые обязано сделать «избранное вами правительство». И они будут сделаны. Но в данный момент главная задача – отразить наступление Керенского и Краснова на Петроград¹⁵⁴⁸. Ибо слова Капелинского об угрозе движения войск к Питеру отражали некую новую опасность, ставившую под удар петроградское восстание...

Тот факт, что у Керенского в решающий момент не оказалось надежных войск, конечно, отражал определенную закономерность. Ситуация – точь-в-точь – напоминала Февраль 1917-го, когда царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов рассылал повсюду приказы, но никто уже им не подчинялся.

Но, как говаривал Герцен, «история любит шибать в сторону». Она всегда оставляет место для случайности. Иногда глупой. Для события, которое может изменить сам вектор развития. И если бы Ленин полагался на «закономерность», якобы гарантирующую каждый шаг революции, события вполне могли бы действительно «шибануть в сторону». Ибо Керенский все-таки нашел войска, способные, как он полагал, двинуться на Петроград.

Где-то за полночь на квартиру Барановского в Пскове, где ночевал Керенский, пришел генерал Краснов. Симпатий к Александру Федоровичу он не испытывал, но приказ Черемисова

о задержке воинских эшелонов против Питера Краснова глубоко возмущил. Он связался с начальником штаба главковерха генералом Духониным, тот с Черемисовым и буквально стал взывать к его «священному долгу перед Родиной». Но Черемисов перебил: «Пока все, что говорилось, держите про себя, но имейте в виду, что Временного правительства в Петрограде уже нет».

После недолгого совещания Керенский приказал Барановскому собрать все казачьи полки 3-го конного корпуса Краснова. Придать ему 1-ю кавалерийскую и 37-ю пехотную дивизии, а также 17-й армейский корпус. На вопрос Керенского – хватит ли сил? – Краснов ответил: «Да, если все это соберется и если пехота пойдет с нами, Петроград будет занят и освобожден от большевиков». В 5 час. 30 мин. утра ставка рассылает по фронтам приказ Керенского о возобновлении движения группы войск Краснова на столицу¹⁵⁴⁹.

Информацию о событиях, происходивших в Пскове, в Смольном получили гораздо раньше. Поэтому обращение съезда к «Рабочим, солдатам и крестьянам!» Ленин закончил словами:

«Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, – в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!»¹⁵⁵⁰

В пятом часу утра на заседании съезда Советов Луначарский зачитывает это обращение. Его встречают бурей аплодисментов. Но подпись, поставленная Лениным, – «Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов» – не удовлетворяет крестьян: как-никак, а они представляют около трети всех крестьянских Советов России. И по их требованию под обращением ставится вторая подпись – «Делегаты от крестьянских Советов». Каменев предлагает резолюцию, ранее внесенную Троцким, отложить, а вотировать данное обращение. Лишь двое голосуют против и 12 воздерживается.

Таким образом, Съезд декларировал и узаконил фактический переход всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в центре и на местах, определил первоочередные шаги рабоче-крестьянского правительства, опираясь, как указывалось в обращении, на «волю победоносного восстания». И это, в частности, дает ответ на вопрос – кто же оказался прав и как получилось: так, как предлагали те большевики-цекисты, которые считали, что новая власть будет создана лишь на съезде, его решением, или же так, как полагал Ленин.

Около 5 часов заседание съезда закончилось. Делегаты стали расходиться по общежитиям, казармам, съемным квартирам. А Ленин и Крупская через запасной выход спустились вниз к машине, за рулем которой сидел матрос Рябов, и поехали к Бонч-Бруевичу. «Владимир Ильич, видимо, очень устал, – пишет Бонч, – и подремывал в автомобиле». Приехали на Херсонскую, наспех «поужинали кое-чем» и уложили Ленина спать в кабинете.

Но из соседней комнаты Владимир Дмитриевич заметил, что лампа в кабинете не гаснет. Значит, что-то пишет... И уже «стало сереть позднее петроградское осеннее утро, – вспоминал Бонч-Бруевич, – когда наконец Владимир Ильич потушил огонь, лег в постель и тихо-тихо заснул или задремал». А утром, когда «собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, так же ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел нам свой знаменитый Декрет о земле. – “Вот только бы объявить его и широко опубликовать и распространить. Пускай попробуют тогда взять его назад!”»¹⁵⁵¹

«Председатель Совнаркома»

Слова Ленина «пусть попробуют взять назад» приобрели вполне конкретное содержание, когда он вернулся в Смольный. Выяснилось, что на власть претендует не только съезд Советов.

Прошедшей ночью свои претензии на «воссоздание правительства» заявил Комитет спасения Родины и Революции. А пока он явно повел дело к двоевластию, блокируя ВРК с помощью саботажа чиновников всех органов управления страной. И фактически уже началась «информационная война», нагнетавшая атмосферу общего психоза и конфронтации.

Утренние газеты 26 октября описывали «кошмары» прошедшей ночи. Поскольку руин на месте Зимнего и других дворцов не оказалось, а улицы не были завалены трупами и залиты кровью, то подробно расписывали, как «солдатня» зарезала нескольких министров, дотла разграбила Зимний дворец, как в казармах зверски насиловали несчастных ударниц, а в подвалах пачками расстреливали юнкеров и т. п.

Утром 26-го, после бессонной ночи, возвращаясь из Зимнего, Джон Рид и его коллеги журналисты встретили знакомого – бывшего секретаря Милюкова, а затем Терещенко. Этот хорошо выпавшийся человек «отвел нас в сторону и рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца. “Большевиков вели германские и австрийские офицеры!” – утверждал он». Американцы фактически сами стали не только свидетелями, но и участниками взятия Зимнего, но, будучи людьми воспитанными, отреагировали деликатно: «“Так ли это? – вежливо спрашивали мы. – Откуда вы знаете?” – “Там был один из моих друзей. Он рассказал мне.” – “Но как же он разобрал, что это были германские офицеры?” – “Да они были в немецкой форме!..”

Такие нелепые слухи, – продолжает Джон Рид, – распространялись сотнями. Мало того, что их печатала вся антибольшевистская пресса. Им верили даже такие люди... которые всегда вообще отличались несколько более осторожным отношением к фактам... Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших...

Характерен случай с князем Тумановым, чей труп, как утверждали многие газеты, был выловлен в Мойке. Через несколько часов это сообщение было опровергнуто семейством самого князя, которое заявило, что он арестован. Тогда было

напечатано, что утопленник не князь Туманов, а генерал Денисов. Но генерал тоже оказался жив и здоров. Мы произвели расследование, но никаких следов якобы выловленного из Мойки трупа не обнаружили...»¹⁵⁵².

Крутым поворотам истории всегда сопутствует накопление «исторической помойки» – сплетен, слухов, наветов и клевет. Рождаются они по разным причинам. Реже всего – от отсутствия информации. Чаще – от предвзятости и обид, которые приносят эти повороты. От неспособности осмыслить происходящее. Но чаще – от обывательского спроса на втаптывание в грязь всего того, что не укладывается в рутинные понятия. Увы, эта помойка не растворяется во времени. Она тоже является специфической частью человеческой памяти. А когда возникает потребность, ее обязательно вызывают из небытия. И тогда она становится для средств массовой информации богатейшим источником «нового прочтения» давних событий.

Ну ладно, сотни работ честных и добросовестных исследователей можно проигнорировать, воспоминаниями тысяч рабочих, солдат, крестьян – можно пренебречь, ссылаясь на их якобы заведомую ангажированность. Но вот четверо профессиональных американских журналистов: Джон Рид, Алберт Рис Вильямс, Луиза Брайант, Бесси Битти. Как быть с ними?

О грабежах в Зимнем Джон Рид рассказывает: в подвале восточного крыла дворца, куда он попал с отрядами, ворвавшимися в Зимний, стояло множество каких-то забитых ящиков, приготовленных, видимо, для отправки. «Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в шапку. Но, как только начался грабёж, кто-то закричал: "Товарищи! Ничего не трогать! Не берите ничего! Это народное достояние!" Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: "Стой! Клади все назад!.." Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей

отобрали бронзовые часы. Вещи постепенно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно...

Мы пошли к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. "Очистить дворец! – кричали красногвардейцы... – Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Всех вон из дворца, кроме комиссаров!.." Двое красногвардейцев – солдат и офицер – стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: "Всех вон! Всех вон!", и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря.

Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось... Были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры... пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла... Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети...

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием... Юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи... "Ну что, будете еще подымать оружие против народа?" – спрашивали громкие голоса. "Нет!" – отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу»¹⁵⁵³.

Что ж – так ничего и не растащили? Конечно, тащили. Была создана специальная комиссия из художников и археологов для определения нанесенного ущерба. И сам Джон Рид, видевший, как солдаты срезали кожу с испанского кресла – «на сапоги», писал: «Некоторые люди из числа всех вообще граждан, которым на протяжении нескольких дней по занятии дворца разрешалось беспрепятственно бродить по его комнатам, крали и уносили с собой столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней ценности. Всего

было расхищено, таким образом, на сумму около 50 тысяч рублей».

Среди расхитителей были, видимо, и профессиональные воры, знавшие, куда сбыть краденое. «Около половины пропавших вещей, – пишет Джон Рид, – удалось разыскать, причем кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России». Что касается самого дворца, то его закрыли, выставили охрану, а затем преобразовали в «Народный музей», воспретив в нем «всякую политическую деятельность»¹⁵⁵⁴.

А что же с изнасилованными женщинами-ударницами, которых якобы выбрасывали на мостовую из окон дворца или сами они покончили с собой, будучи не в состоянии пережить все эти ужасы...

Вот рассказ уже упоминавшейся выше унтер-офицерши Марии Бочарниковой. После баррикад их полуроту разместили во дворце на втором этаже. «Поручик Сомов долго не возвращается. Стрельба стихла. В дверях поручик. Лицо мрачно. "Дворец пал. Приказано сложить оружие". Похоронным звоном отозвались его слова в душе...

И вдруг под напором громадная дверь с треском распахнулась и ворвалась толпа, впереди матросы с выставленными вперед наганами, за ними солдаты. Видя, что мы не оказываем сопротивления, нас окружают и... ведут в Павловские казармы. По нашему адресу раздаются крики, брань, хохот, сальные прибаутки... В казарме нас заводят в комнату с нарами в 2 яруса. Дверь открыта, но на треть чем-то перегороджена. В один миг соседняя комната наполняется солдатами. Со смехом и прибаутками нас рассматривают, как зверей в клетке... В жизни я не ругалась и не выношу сквернословия. Но помню какое было искушение – единственный раз в жизни, забыв девичий стыд, за их издевательства – пустить их "вниз по матушке по Волге", с упоминанием всех прародителей...

Настроение солдат постепенно менялось. Начались угрозы, брань... Мы затаились. Казалось, еще момент, и мы очутимся во

власти разъяренных самцов. “Товарищи! – вдруг раздался громкий голос; к двери, через толпу, протиснулись два солдата – члены полкового Комитета, с перевязкой на рукаве. – Товарищи, мы завтра разберем, как добровольцы попали во Дворец. А сейчас прошу всех разойтись!” Появление комитетчиков подействовало на солдат отрезвляюще... По очистке от них комнаты дверь была заперта».

На другой день ударниц благополучно переправили в Левашево, где находился их лагерь, а позже, по их же просьбе, демобилизовали. Одна из них действительно погибла – покончила жизнь самоубийством, оставив записку о том, что она «разочаровалась в своих идеалах»¹⁵⁵⁵.

А как же «зарезанные» министры и юнкера, которых якобы раздевали догола, пытали и расстреливали в казематах Петропавловки?

Когда встал вопрос о их постановке на довольствие за счет лимита гарнизона крепости, некоторые из солдат стали возмущаться: «С какой стати? Самим досыта не хватает». Но комендант, молодой унтер-офицер с рукой на перевязи, оборвал: «Мы революционеры, а не разбойники!» Сложнее оказалось с куревом. Когда у арестованных кончились папиросы, пришлось солдатам делиться с ними махоркой и учить министров вертеть самокрутки.

И после того, как специальная комиссия Городской думы, явившись в Петропавловку, встретилась с заключенными, Джон Рид от группы иностранных журналистов попросил Шрейдера «официально сообщить нам результаты вашего расследования... Он повернул ко мне свое исполненное глубокого достоинства лицо. “Во всех этих сообщениях нет ни малейшей доли истины, – медленно сказал он. – За исключением тех инцидентов, которые имели место во время доставки министров сюда, с ними все время обращаются как нельзя лучше. Что до юнкеров, то ни одному из них не нанесено ни малейшего ранения...”»¹⁵⁵⁶.

Естественно, что никаких опровержений газеты, как правило, не помещали. Слухи продолжали распространяться, сея ужас, панику и дезорганизацию. Мало того, воззвание Комитета

спасения призвало чиновников всех министерств и ведомств к отказу от подчинения большевикам и бойкоту новой власти. А это грозило разрушением всей существовавшей системы жизнеобеспечения населения.

Ленин прекрасно понимал, что в этих условиях необходимо немедленно переходить от деклараций о власти к овладению ее реальными рычагами. И прежде всего – овладеть управлением армией и флотом. Памятуя о том, какую дезорганизацию внесла кадровая чехарда, которую устроили Гучков, а потом Керенский, Владимир Ильич отнесся к данному вопросу крайне осторожно.

Еще накануне, утром 25-го, после ночного заседания ЦК, обсуждавшего вопрос о составе правительства, Ленин обговаривал с Бонч-Бруевичем возможные варианты замены верховного главнокомандующего. Речь, в частности, зашла о генерале Михаиле Дмитриевиче Бонч-Бруевиче. Но, будучи геодезистом, он не имел опыта оперативного командования войсками и, по мнению брата – Владимира Дмитриевича, вряд ли дал бы согласие на такое назначение. Это, кстати, и подтвердилось через несколько дней, когда данное предложение было сделано ему официально. Но уже тогда – утром 25-го – Владимир Ильич попросил Владимира Дмитриевича посоветоваться с братом относительно самого принципа выборности командования и выдвижения «низами начальников»¹⁵⁵⁷.

К утру 26 октября Ставка проявила свою позицию уже вполне определенно. Медлить было нельзя, и Ленин проводит в Смольном совещание с Антоновым-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко. Решили, не смещая пока Духонина и командующих фронтами, потребовать от них подчинения новой власти и назначить, как это было и при Временном правительстве, новых комиссаров фронтов, которые могли бы взять под контроль деятельность генералов.

Договорились и о том, что Крыленко возьмет на себя «внешний» – русско-германский фронт. Антонову-Овсеенко поручался «внутренний» фронт против контрреволюции. Он должен был овладеть военным министерством, штабом округа,

переехать туда и восстановить весь аппарат управления войсками. Точно так же Дыбенко, который отвечал за военноморской флот, должен был наладить работу морского министерства, чтобы поддерживать связь с кораблями и экипажами.

Владимир Ильич особенно настаивал на том, чтобы при данном разделении функций вооруженные силы действовали как единое целое. «Никакого расчленения руководства!!» – подчеркивал он. И, привлекая в соответствующие коллегии специалистов и офицеров, комиссарам ВРК ни в коем случае нельзя «переуступать руководства». Вполне вероятно, что, принимая в этот день солдатские делегации, беседуя о положении в армии и на фронте, Ленин обсуждал с ними и перечисленные выше вопросы¹⁵⁵⁸.

Столь же неотложными были проблемы, связанные с необходимостью управления экономической жизнью страны. Причем и в этой сфере Ленин предлагал действовать как можно осторожнее, как он выразился позднее, – «с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки»¹⁵⁵⁹.

Влас Чубарь – токарь питерского оружейного завода, член Центрального совета фабзавкомов – писал, что 26 октября в Смольном «на совещании с группой работников профсоюзов и Центрального совета фабрично-заводских комитетов (Глебов, Шмидт, Амосов, я и еще кто-то) в одной из комнат Смольного он [Ленин] прямо спросил: “чем мы сейчас располагаем (в отношении людского состава) и какие учреждения нужно захватить в первую очередь?”... Силы были распределены, двинуты на важнейшие пункты, и этим обеспечено удовлетворение неотложных нужд промышленности».

Встал вопрос о создании всероссийского органа управления экономикой страны. Владимир Ильич попросил собравшихся подумать об этом. И буквально через день рабочие П.Н. Амосов и М.Н. Животов принесли ему листок бумаги, где коряво, но очень старательно, с помощью кружков и треугольников изображалась

схема некоего учреждения. С нее-то и началась разработка декрета о Высшем Совете народного хозяйства России.

Но Ленина волновало в этот момент не столько создание новых учреждений, сколько подключение к управлению экономикой самих рабочих – через создание на предприятиях органов рабочего контроля. Проект положения о рабочем контроле был изложен и обоснован Владимиром Ильичом на данном совещании и получил одобрение.

Тогда же он попросил секретаря Центрального Совета профсоюзов С.А. Лозовского ознакомить с проектом, не дожидаясь отработки всех его деталей, профсоюзный актив. «Из того, что он мне говорил в частной беседе, – пишет Соломон Абрамович, – было ясно, что для него организационная сторона дела в данном вопросе была второстепенной, ибо в декрете о рабочем контроле он усматривал прежде всего развертывание инициативы рабочих масс и близкий, практический подход их к процессу производства»¹⁵⁶⁰.

Владимир Ильич Ленин.
Петроград, январь 1918 года

В ВРК к Ленину пробился корреспондент меньшевистской «Рабочей газеты». На следующий день газета сообщила, что «нынешний хозяин положения на заданные нами вопросы ответил следующее: "В настоящее время укрепляется достигнутое. Организация новой власти зависит от Всероссийского съезда Советов, который еще сегодня, вероятно, выскажется по этому вопросу. С фронта поступают сведения

удовлетворительные. Нужно работать". На этом беседа прервалась, – пишет корреспондент, – вследствие страшного шума, стоявшего в помещении военно-революционного комитета. Там царила невероятная толчея...» И ему пришлось продолжить интервью с Петром Дашкевичем. «На наш вопрос о дальнейшей организации власти поручик Дашкевич – правая рука Ленина – говорит: "вместо министров будут временно комиссары, которые будут действовать не самостоятельно, а с участием специальных коллегий, но окончательно вопрос о конструкции власти зависит от [съезда] Советов"»¹⁵⁶¹.

Постоянная сутолока в ВРК действительно не давала возможности сосредоточиться. И, видимо, тогда же решили выделить для Ленина комнату. Во всяком случае, рабочий завода «Эриксон» Семенов встретился с Владимиром Ильичом 26 октября уже в его «кабинете». И хотя он указывает комнату 76 на третьем этаже, судя по всему, речь шла об угловой комнате 67 левого, южного крыла того же этажа Смольного¹⁵⁶².

Появление Семенова было весьма симптоматичным в том смысле, что оно лишний раз показало: проблема власти касается не только, и даже не столько, вопросов «высокой политики». Власть нужна и для решения тех будничных дел, которые ежечасно рождала сама жизнь. Буквально накануне восстания налетчики прямо на улице похитили у кассира завода 450 тысяч рублей – всю зарплату рабочих. Что делать? Жаловаться некому. И вот завком послал в Смольный, к «новой власти» члена Петросовета, старого рабочего-меньшевика А.С. Семенова.

«Пробьюсь, думаю, к Ленину и через него достану, – пишет Семенов. – Провели меня на 3-й этаж... В первой комнатухе – секретарь. – "Вам товарищ Ленин? Пройдите в комнату рядом"... Вошел в кабинет. Помню отчетливо, особенно как-то резко бросилась тогда в глаза пустота, тишина кабинета-комнаты... В сторонке, за столом, притулился Владимир Ильич... Сидел Ильич, сгорбившись и, видимо, усталый донельзя... Манишка топорщилась, была измята. Та же усталость звучала и в голосе... Я рассказал ему о наших неудачах с деньгами. Он слушал внимательно... Я знавал Керенского, – сравнивает Семенов, – и

бывал на его "аудиенциях". Знал хорошо Дана – и его тоже частенько посещал. Бывал у Мартова и вел с ним беседы... Но я, простой рабочий от станка, ни у одного из этих деятелей, ни в одном из этих кабинетов не сидел вольно и спокойно, как равный товарищ».

Поговорив с Семеновым, Ленин «взял бумажку и быстро написал: "Сим уполномочен Семенов привезти в В.-Рев. комитет комиссара Менжинского"». Но как подписать сей «мандат»? Правительства все еще нет. Есть только безусловный авторитет ВРК. За председателя ВРК в эти дни подписывались и Лазимир, и Подвойский, и Антонов-Овсеенко, и Мехоношин, и Садовский, и Свердлов, и Скрыпник, и Пупырев, и Сухарьков, и Шатов. Но Владимир Ильич подписывает записку: «Член В.-Рев. Ком. Ленин»¹⁵⁶³.

Пустота и тишина в кабинете, поразившие Семенова, скоро кончились, ибо в этой комнате сразу же стали собираться члены ЦК. «Помню комнату в Смольном окнами на Неву... – вспоминала Александра Коллонтай. – Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка». И когда сходились чекисты, они «сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной... Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово... ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!»

Александр Шляпников вспоминал: «26 октября днем было заседание Центрального Комитета. Какие вопросы обсуждались на нем, я не знаю, но мне лично было передано, что я должен "овладеть" Министерством Труда. Назначение правительства предполагалось сделать к концу съезда, а поэтому мандат мне был выдан Военно-Революционным комитетом за № 1420...»¹⁵⁶⁴.

Видимо, вопрос об «овладении» министерствами и прочими органами управления как раз и обсуждался на заседании ЦК, а потом в ВРК. Рыкова направили временным комиссаром в министерство внутренних дел. Урицкого – в МИД. Рязанова – в министерство торговли и промышленности. Менжинского – в министерство финансов. Левого эсера Вильяма Спиро – в

министерство почт и телеграфов. Николая Дербышева – в Управление гостипографией, Чудновского – комиссаром Зимнего дворца, а левого эсера поручика Ивана Нестерова – «градоначальником», то есть комиссаром Петрограда и т. д. Судя по номеру мандата Шляпникова, таких назначений было множество.

Петр Алексеевич Козьмин, инженер-мукомол, командовал в ВРК автомобильным хозяйством. Ленин знал его еще по эмиграции и, столкнувшись с ним 26 октября в Смольном, сказал: «Ну, мукомол, действуйте, не теряя ни секунды. Идите в Военно-Революционный комитет, получайте мандаты, какие нужно, и давайте муку Петрограду. За целостность мельниц и правильную их работу на вас возлагается строжайшая ответственность».

Зная, как встречают чиновники комиссаров ВРК, Владимир Ильич спросил: «Можно ли заменить дипломированных саботажников бездипломными мастерами и техниками, конечно, стоящими на советской платформе?» Козьмин ответил: «Такие люди с административными способностями найдутся». Ленин задал второй вопрос: «А скажите, в какой мере можно рассчитывать на вашу инженерную братию... Тащите инженеров, т. Козьмин, тащите в Смольный. Без инженеров, без специалистов мы пропадем»¹⁵⁶⁵.

Между тем Семенов вернулся в Смольный вместе с Менжинским. Но Ленин уже ушел на первый этаж, где заседал ВРК. Вячеслав Рудольфович пошел туда и вскоре принес новую записку: «Немедленно выдать т. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалованья рабочим завода "Эриксон". Ленин». Семенов комментирует: «Печатей и штампов на документе не было». Но для комиссара ВРК в Госбанке этой подписи было достаточно¹⁵⁶⁶.

Направление комиссаров ВРК во все важнейшие учреждения, связанные с обороной и жизнеобеспечением населения, не снимало вопроса о срочном формировании нового правительства. И еще утром 26 октября Владимир Ильич выступил с докладом на эту тему в колонном зале Смольного на заседании большевистской фракции съезда.

Делегат от Иваново-Вознесенска Иван Болякшин рассказывает, что когда Ленин появился, даже те, кто встречался с ним раньше, не узнали его. Лишь потом по залу пошел шепот: «Ленин, Ленин, Ленин» и грянуло «Ура!». «Тов. Ленин, – пишет Болякшин, – весь бритый, объяснял наши задачи, крах правительства и положение страны»¹⁵⁶⁷.

Здесь же Владимир Ильич зачитал делегатам тот предварительный и неполный список членов правительства, который был выработан ЦК в ночь на 25 октября. Соломон Лозовский вспоминал: «Когда 26 октября, утром, на фракции II съезда Советов Ленин сделал от имени ЦК доклад о составе нового правительства, то первые слова: “Председатель Совета Народных Комиссаров – Владимир Ильич Ульянов-Ленин” произвели потрясающее впечатление на всю фракцию. Как-то жутко стало; каждый понимал всю серьезность сделанного шага, причем ближайшее будущее представлялось пока еще в тумане»¹⁵⁶⁸. И «туман» этот в известной мере определялся тем, что правительственная «коалиция» советских партий никак не складывалась.

Надо сказать, что вопросу о взаимоотношениях большевиков с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами в эти октябрьские дни в нашей исторической литературе явно не повезло. Он был «политизирован» и «идеологизирован» связанной с ним проблемой однопартийности правительства. Одни видели в ней некую позитивную закономерность, а в попытках вовлечь в кабинет представителей других партий – чуть ли не «оппортунизм». Другие именно в однопартийности усматривали «первородный грех» Октября и укоряли Ленина за нежелание «поделиться властью» с другими партиями революционной демократии.

И та, и другая крайности – от «лукавого». Ибо факты свидетельствуют о том, что до последнего момента Владимир Ильич добивался вхождения и левых эсеров, и меньшевиков-интернационалистов в состав нового рабоче-крестьянского правительства.

Что касается меньшевиков-интернационалистов, оставшихся на съезде, то их влияние несколько возросло. «Еще 24 октября, вечером, – пишет Дмитрий Алексеевич Сагарашвили, – на совместном заседании обеих социал-демократических фракций (интернационалистов и оборонцев...) я доказывал необходимость для социал-демократов остаться на съезде и всю гибельность ухода их и предоставления большевиков самим себе... Со мной остались один или два рабочих-меньшевики и группа “Новой жизни” в количестве 6–7 человек. А на следующий день нас уже было до 16–17 человек»¹⁵⁶⁹.

Было бы оптимальным получить от них кандидатуру на пост министра труда. В прежних коалиционных кабинетах он традиционно принадлежал меньшевикам: сначала инженеру Скобелеву, потом – рабочему Кузьме Гвоздеву. Теперь Матвей Иванович Скобелев активно функционировал в Комитете спасения Родины и Революции и отрицал любую возможность сотрудничества с большевиками.

А что, если вместо инженера Скобелева пригласить на этот пост инженера Красина? Меньшевиком Леонид Борисович никогда не был. И в Петросовет, и в Городскую думу прошел по списку большевиков. Но на протяжении всего 1917 года он тесно сотрудничал с «новожизненцами». О том, что такое предложение Красину было сделано, написал Шляпников. И он же утверждает, что Леонид Борисович отказался¹⁵⁷⁰.

Тогда решили пригласить рабочего-меньшевика Дмитрия Сагарашвили. Об этом факте впервые сообщил Юрий Фельштинский, и подтвердили Зива Галили и Альберт Ненароков в книге «Меньшевики в 1917 году». После Февраля Дмитрий Алексеевич был «оборонцем», являлся членом ЦИК. Потом стал активным меньшевиком-интернационалистом. По старым временам его хорошо знал Сталин, и ему поручили переговорить с Сагарашвили. Однако, согласившись вместе со своими коллегами войти в состав нового ЦИК, Дмитрий Алексеевич от правительственного поста отказался¹⁵⁷¹.

С левыми эсерами тоже пока не складывалось. Вбирая в себя все колеблющиеся элементы из эсеров правых и центра, они

сами теряли устойчивость. Даже вечером 25-го, когда левые выделились, наконец, в самостоятельную фракцию, они все еще колебались в главном вопросе – продолжать ли участвовать в дальнейшей работе съезда. «За» голосовало 92 делегата, «против» – 63, и 9 воздержалось.

Среди их лидеров наиболее последовательную позицию занимали Натансон, Спиридонова, Колегаев, Алгасов, Устинов. И позднее Мария Александровна укоряла товарищей по партии: «Вы должны признаться, пусть это и дело прошлое, как вас насильно надо было уговаривать, чтобы вы были впереди в Октябрьскую революцию. Нас было пять человек здесь борцов»¹⁵⁷².

Поэтому первые заседания фракции превращались в сплошную перепалку, и принять единое решение было затруднительно. Левые эсеры – делегаты съезда настаивали на немедленных переговорах с большевиками. Но амбиции, видимо, брали верх, и лидерам фракции казалось, что пойти «на поклон» к большевикам значит «потерять лицо». Тогда делегаты послали на переговоры Петра Васильевича Бухарцева.

Включить его воспоминания 1927 года в сборник «От Февраля к Октябрю» по цензурным условиям 1957 года мы не смогли. И впервые, спустя 20 лет, их использовал известный историк Анатолий Разгон. Но и он, по тем же причинам, смог сделать это лишь частично. А между тем воспоминания эти весьма содержательны.

Большевистских лидеров Бухарцев нашел в большом зале заседаний съезда. Он подошел к Троцкому, дремавшему у края трибуны, но тот сразу переадресовал его: «Это дело Ильича... Говорите с ним».

Ленин, информированный о шатаниях левых эсеров, «устало меня спросил: "А вы сами-то... остаетесь с нами или нет?" – "Остаюсь", – ответил Петр Васильевич. – "А ручаетесь ли вы за то, что левые эсеры сегодня-завтра не уйдут со съезда и не устроят нам скандал?"».

Бухарцев стал уверять, что они приложат все силы, чтобы удержать фракцию на правильной позиции.

«Ильич задумался, что-то переговорил с окружавшими его товарищами, как это он умел делать», и тут же «предложил левым эсерам разделить власть». Он пообещал и другим «социалистическим партиям, которые останутся на съезде, дружную и совместную работу»¹⁵⁷³.

Окрыленный беседой, Бухарцев вернулся во фракцию и доложил о своем разговоре с Лениным. Но не тут-то было. Опять разгорелись страсти, и добиться согласия никак не удавалось. Не дождавшись ответа, Ленин около 19 часов решает сам пойти к левоэсеровскому руководству. При этом, естественно, никаких тщеславных амбиций относительно того – а не «потеряет ли он лицо», у него, судя по всему, не возникало.

Разговор состоялся со Спиридоновой. Возможно, беседа эта происходила в одной из комнат президиума съезда, но поскольку там была постоянная толчея, вернее, что встретились они в комнате, где располагались лидеры левых эсеров. «В памяти, – пишет Крупская, – осталась обстановка этого совещания. Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает». Но, увы, заключает Надежда Константиновна, «с левыми эсерами договоренности не получилось»¹⁵⁷⁴.

Собственно, саму Марию Александровну уговорить было можно. Участие левых эсеров в органах новой власти она считала «неизбежным». Точно так же, как и Владимир Алгасов, который полагал, что отказ от вхождения в Совнарком «алогичен», ибо, как утверждал он, «различие между большевиками и левыми социалистами-революционерами в процессе повседневной будничной работы ВРК стерлось», а о допуске в правительство правых эсеров и меньшевиков не могло быть и речи¹⁵⁷⁵.

Однако этой позиции противостоял Борис Камков. Он считал, что новая власть должна быть «признана если не всей революционной демократией, то хотя ее большинством». Он по-прежнему был убежден, что левые эсеры могут стать ядром правительства. Но если вчера он полагал, что, поглотив правых,

они смогут повести за собой всю многочисленную эсеровскую партию, то теперь расчет строился на том, что, взяв на себя роль посредника между большевиками и другими социалистами, они займут лидирующую роль.

«Мы понимали, – писал Камков, – что не поможем делу, если в эту чисто большевистскую власть вольем одного или двух левых эсеров... Наша задача... связать порванную цепь, объединявшую два фронта русской демократии»¹⁵⁷⁶. А уж «объединители» в случае успеха были вправе рассчитывать не на одно-два места и вообще на более важные посты. «Этот парень у себя на уме», – заметил Ленин в разговоре с Бухарцевым. По слухам, проникавшим в эсеровскую прессу, на пост наркома по военным делам мог бы вполне котироваться Сергей Мстиславский, сам Камков – на пост наркома внутренних дел, Карелин – на юстицию, Колегаев – на земледелие...¹⁵⁷⁷

Позднее Спиридонова, презиравшая «революционный карьеризм», заметила: «Как партия классовая, народная, ПЛСР не имеет права строить политику на основании личных переживаний, и в эпоху социальной революции играть в политическую игру»¹⁵⁷⁸. Но поскольку общей точки зрения не складывалось, ее попытался сформулировать Владимир Карелин: «Если будет образовано однородное большевистское правительство, то мы голосуем против этого... Но на съезде остаемся, входим в ЦИК. Правительство это будем поддерживать»¹⁵⁷⁹.

Голосуем против, но будем поддерживать?!? Объяснить делегатам столь «мудрый» ход было невозможно. Поэтому в 19 часов 5 минут в зале заседаний съезда, где в ожидании начала томились делегаты, было объявлено, что левые эсеры «остаются в Военно-революционном комитете», то есть поддерживают ту революционную власть, которая существует в данный момент. По записи Джона Рида Ленин якобы по этому поводу заметил: «Так и есть... Они тянутся за нами!»¹⁵⁸⁰

Был, вероятно, еще один повод для колебаний, о котором левые эсеры не упоминали: наступление Керенского – Краснова.

Ленин прямо указывал, что – среди прочих причин – «они хотят подождать, пока кончится борьба с Керенским». Луначарский написал еще жестче: «Левые эсеры испугались и в правительство идти не хотели»¹⁵⁸¹.

Что же дальше? Ждать? На этот вопрос Ленин не раз отвечал публично. Второй Всероссийский съезд Советов провозгласил передачу всей власти в России Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Если заниматься не политическим комбинаторством, а относится к данному решению всерьез, то это означает теперь, что «в России не должно быть иного правительства, кроме Советского правительства»¹⁵⁸².

Тот же съезд Советов, отмечает Ленин, «дал большинство делегатов из партии большевиков». К концу съезда это стало еще более очевидным, ибо после ухода небольших групп правых эсеров и меньшевиков произошла дальнейшая передвижка сил «влево». Из 625 делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности, уже не 300, а 390 (62,4 %) определились как большевики. Примерно со ста до 179 выросла фракция левых эсеров. С 14 до 35 – объединенные с.-д. интернационалисты. С 7 до 21 – группа «украинских социалистов»¹⁵⁸³.

И никто из делегатов не оспаривал того, что именно большевики, получив абсолютное большинство (62,4 %), «вправе и обязаны перед народом составить правительство». Это их долг, считал Ленин. Отказ от него был бы изменой революции, воле народа. И если левые эсеры и меньшевики-интернационалисты не желают работать в революционном правительстве, то необходимо формирование «чисто большевистского правительства», не закрывая дверей для представителей других советских партий, разделяющих платформу съезда Советов¹⁵⁸⁴.

Современные «лениноеды» усматривают в этой логике неумную жажду власти, которая, по их мнению, была импульсом деятельности большевистских лидеров. Владимир Ильич, вероятно, назвал бы подобные рассуждения не иначе, как пошлостью. Оппоненты 1917 года говорили о другом. Они

полагали, что, взваливая на свои плечи бремя власти и теряя поддержку умеренных социалистов, большевики идут к «самоизоляции» и краху.

Среди людей, восседающих в президиумах различных съездов, конгрессов и форумов, иллюзия того, что именно они выражают волю народа, что единение «партийного начальства» равнозначно сплочению самих масс, эта иллюзия не только широко распространена, но и вполне объяснима.

Но в революционные эпохи, когда на политическую арену выходит сам народ, лидеры зачастую становятся не «ведущими», а «ведомыми». И на прочность своего положения они могут рассчитывать лишь до тех пор, пока действительно выражают чаяния масс.

А стало быть, результат того или иного соглашения зависит не от покладистости лидеров. Даже если они, взявшись за руки и возлюбив друг друга, станут демонстрировать полное согласие и мир между собой, ущемляя при этом волю народа, – ни мира, ни согласия не будет. Об этом как раз и говорил печальный опыт «коалиций» предшествующих месяцев.

На протяжении всего 17-го года, в резолюциях сотен съездов, конференций и совещаний, в тысячах наказов и требований массовых митингов, собраний и сельских сходов – воля народа была определена. И не опосредованно, а именно прямым волеизъявлением масс.

Никаких сомнений в том, какова эта воля, ни у большевиков, ни у их противников не было: немедленное прекращение войны, передача земли крестьянам, безотлагательное решение продовольственного вопроса. И как условие реализации этой воли – передача власти Советам в центре и на местах.

Никакой новый съезд, совещание или сход не могли изменить эту волю. А вот заболтать ее, довести депутатов съезда Советов до одури очередной говорильней, с помощью демократических процедур манипулировать голосами и опять оттягивать и оттягивать – это было вполне возможно.

Это, собственно, и показал весь первый день работы съезда. В конце его председательствовавший Каменев сказал:

предложение Мартова обсудить вопрос о создании правительства из представителей советских партий «не могло быть приведено в исполнение только потому, что съезд все время занимается внеочередными заявлениями». И это наводит на мысль о том, что «уход меньшевиков и эсеров был предрешен еще до выяснения нашего отношения к их предложению».

Лев Борисович оказался прав. Еще 25 октября, за день до открытия съезда Советов, ЦК меньшевиков по предложению Дана постановил: 1) фракция меньшевиков «покидает съезд», приглашая с собой другие фракции; 2) «ЦК не признает нового правительства»; 3) ЦК «организует борьбу» с этим правительством, опираясь на комитеты общественного спасения в центре и на местах. Так что и меньшевики, и эсеры изначально шли на съезд отнюдь не для конструктивной работы. И Ленин справедливо заметил: «Вы говорите, что мы экстремисты, ну, а вы кто? Апологеты парламентской обструкции, того, что называлось раньше кляузничеством»¹⁵⁸⁵.

Если говорить о тех особенностях, которые отличали большевизм, то, пожалуй, одной из главнейших являлась та, что революционную инициативу и самостоятельность масс они ставили превыше всего.

Для тех представителей «профессорской науки», писал Ленин еще в 1906 году, которые мечтают «вершить дела за народ от имени масс», политическая пассивность самих масс – это «эпоха мысли и разума».

«Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами... наступает период непосредственной политической деятельности "простонародья"» со всеми «неупорядоченными» и просто «незаконными» приемами борьбы.

«Момент истины» – так озаглавил свою интереснейшую книгу о русской революции известный историк Теодор Шанин. И это определение очень точно. Именно в революционной инициативе масс выступает разум народа, а не только разум отдельных личностей. «Это – та великая пора, – писал Ленин, –

когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в дело, дело самих народных масс, а не одиночек-героев»¹⁵⁸⁶.

При рождении большевизма, в 1903 году, на II съезде РСДРП Плеханов говорил: «Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex* [благо народа – высший закон]. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции – высший закон».

Да, в октябре 1917 года на II съезде Советов не было представлено большинство крестьянских советов. Саботаж эсеровского Исполкома Советов крестьянских депутатов дал результаты. Но воля крестьян была известна. И Ленин был убежден, что «не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму»¹⁵⁸⁷.

С попытками «заболтать» решение главных вопросов революции надо было кончать. И в 20 часов 40 минут, когда в переполненном зале заседаний появился, наконец, президиум съезда, Каменев, с не свойственной ему твердостью, сказал: «Съезд постановил, что он берет власть в свои руки. И мы теперь предлагаем вашему вниманию те проекты законов, которые мы считаем необходимыми как можно скорее»¹⁵⁸⁸.

К трибуне выходит Ленин. «Вопрос о мире, – говорит он, – есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство». Это правительство должно прежде всего предложить всем воюющим странам немедленно заключить справедливый демократический мир. Мир без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народов и без всяких контрибуций.

Все прежние международные соглашения и обязательства России, точнее – «все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно

примем, мы их не можем отвергать». Но любые тайные договоры, которые содержат «пункты об аннексиях и контрибуциях», аннулируются и будут немедленно опубликованы. «Мы отвергаем, – сказал Ленин, – все пункты о грабежах и насилиях...» Продолжение войны ради таких целей новое правительство России «считает величайшим преступлением против человечества...».

Прекрасные слова! Кто от них откажется?! Но и их можно «заболтать» и тянуть, затягивать войну до бесконечности. Поэтому, дабы не терять времени, немедленно «мы, – говорит Ленин, – предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия...» Мало того, мы не считаем наши предложения единственно возможными. «Мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения»¹⁵⁸⁹.

При этом правительство России готово вести переговоры не только на дипломатических встречах и международных конференциях, для организации которых опять-таки необходимо время. Но и «посредством письменных отношений, по телеграфу». Однако при этом Россией решительно отвергается всякая «тайная дипломатия», и мирные переговоры должны быть «совершенно открыты перед всем народом»¹⁵⁹⁰.

Демонстративная неультимативность предложений являлась характерной чертой всего «Декрета о мире». Ибо наша задача состоит в том, подчеркивал Владимир Ильич, чтобы «вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры»¹⁵⁹¹.

Ничего, кроме иронии и скепсиса, у оппонентов Ленина по этому поводу не нашлось. Меньшевик-интернационалист Борис Авиллов заявил, что правительства союзных держав не станут «вступать в сношения с новой властью и ни в коем случае не согласятся на предложение о мирных переговорах. Послы собираются уезжать... Новая власть окажется изолированной, и ее предложения повиснут в воздухе»¹⁵⁹². Что ж, такая возможность была вероятна. И большевики не были столь

наивны, чтобы полагаться на чудесное превращение милитаристов в миротворцев. Поэтому, говорил Ленин, «наше обращение должно быть направлено и к правительствам, и к народам». И это тоже была принципиальная особенность декрета.

Обращаясь к трудящимся Англии, Франции, Германии, имеющим богатейший опыт революционной борьбы, а ныне – истерзанной мировой бойней, «мы должны, – сказал Ленин, – помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира». И не надо бояться, что правительства скроют от них наши предложения, ибо «надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно»¹⁵⁹³.

То, что предлагает новое правительство России, говорил Владимир Ильич, «сообразно правовому сознанию демократии вообще...». Но, связывая вопрос о прекращении войны с революцией в России и борьбой трудящихся других стран против своих империалистических правительств, он ухватывал тем самым реальную возможность соединения стремления народов к миру с движением к социализму¹⁵⁹⁴.

Современный исследователь Леонид Истягин, говоря о пацифизме Октября, справедливо заметил, что при таком подходе лозунг мира выводил борьбу масс за сугубо демократические рамки и «должен был облечься в качественно иные организационные формы»¹⁵⁹⁵.

Вопрос о связи Октября с идеей «мировой революции» был настолько гиперболизирован и тогдашними дискуссиями, и нынешней публицистикой, что появилось даже деление лидеров большевизма 1917 года на две категории. Первая – те, кто видел в Октябре «революцию для России». Вторая – те, кто придерживался принципа «Россия для мировой революции». Это, конечно, пустяки, и в лучшем случае такое деление надумано.

Октябрь, независимо от того, что о нем думали современники и участники, был революцией «для России» и решал прежде всего те задачи, которые стояли перед Россией. Что же касается «мировой революции», то к ней относились двояко. Во-первых, как к возможности получения революционной

Россией поддержки с Запада. А во-вторых, как к некой конечной цели, «путеводной звезде», которая, как всякая великая цель, не может быть сугубо прагматичной и пробуждает энтузиазм, поднимая на борьбу самые широкие народные массы.

«...Все великие революции, – пишет профессор Истягин, – выдвигали и даже в меру сил пытались реализовать лозунги “революционных войн”. Октябрьская революция в лице, кстати сказать, не в первую очередь большевиков, попросту уже в силу традиции не могла отбросить овеванные романтикой милитантистские идеалы. Но не в этом была ее специфика, а в том, что... во многих отношениях в противоречии с ними она ставила и в целом последовательно развивала идею и практику мироутверждения как главной предпосылки решения всех неотложных задач, а в перспективе и возведения самого строя социальной справедливости»¹⁵⁹⁶.

Одна реплика Ленина в ходе дискуссии вокруг декрета проливает свет на вопрос – «Революция для России» или «Россия для мировой революции».

Меньшевик-интернационалист А.Д. Еремеев упрекает его в том, что «наша неультимативность» будет воспринята империалистами как «наше бессилие». Владимир Ильич отвечает: он опасается не того, что могут подумать там, на Западе. Его волнует прежде всего, «что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии...»¹⁵⁹⁷. И в этой реплике, если хотите, и смысл, и импульс его побуждений.

После окончания прений и заключительного слова Ленина «Декрет о мире» ставится на голосование. И, несмотря на всяческие оговорки и скептические возражения оппонентов, принимается единогласно.

«Неожиданный и стихийный порыв, – пишет Джон Рид, – поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании “Интернационала”. Какой-то старый, сидящий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу... “Конец войне! Конец войне!” – радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь “Интернационал” и мы стояли в

каком-то неловком молчании... запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную... "Настанет пора, и проснется народ, / Великий, могучий, свободный. / Прощайте же, братья, вы честно прошли / Свой доблестный путь благородный!"»¹⁵⁹⁸

Замолчать «Декрет о мире» было невозможно. Хотя первая реакция дипломатов Антанты была именно таковой. Французский министр иностранных дел Пишон телеграфировал послу в России Жозефу Нулансу, что Франция не намерена вести переговоры с «псевдоправительством» и «максималистами». Не получив ответа от правительств стран Антанты, Совнарком вступил в переговоры с Германией. 20 ноября (3 декабря) русская делегация прибыла в Брест-Литовск. И уже на следующий день было договорено, что с 24 ноября (7 декабря) на всем протяжении Восточного и русско-турецкого фронтов устанавливается перемирие. 3 (16) декабря его продлили до 1 января 1918 года¹⁵⁹⁹. Прекращение военных действий стало фактом.

Предложение революционной Россией мира без аннексий и контрибуций, официально заявленное немцами согласие вести переговоры на этой основе вызвали широкий резонанс в Европе. Президент США Вудро Вильсон предложил правительствам Антанты выступить с аналогичной декларацией об отказе от аннексий и контрибуций. В декабре такой документ был подготовлен. Но не тут-то было. Жорж Клемансо, который в ноябре возглавил французское правительство и ввел в стране режим военной диктатуры, решительно отказался. Тогда Вильсон стал действовать самостоятельно и в послании Конгрессу 8 января 1918 года изложил в 14 пунктах свои принципы будущего миропорядка¹⁶⁰⁰.

Ощущение того, что здесь, в Смольном, на II съезде Советов, в ночь на 27 октября, на их глазах и при их участии творилась история, видимо, присутствовало и у делегатов. Когда они, после единодушного вотирования «Декрета о мире», запели «Вы жертвою пали...», Джон Рид записал: «Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали

в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...»¹⁶⁰¹

Когда песня и аплодисменты стихли, Ленин начал доклад «О немедленном уничтожении помещичьей собственности на землю». Именно так назвал доклад председательствующий.

«Правительство рабоче-крестьянской революции, – сказал Владимир Ильич, – в первую голову должно решить вопрос о земле...» Само возникновение «Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян». И тот факт, что Временное правительство под разными предлогами оттягивало решение земельного вопроса, является преступлением, ибо привело страну «к разрухе и к крестьянскому восстанию»¹⁶⁰².

«Декрет о земле» отменял помещичью собственность на землю без всякого выкупа. Передавал все помещичьи имения, а также земли удельные, монастырские, церковные в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных крестьянских Советов. Любая порча конфискуемого имущества объявлялась «тяжким преступлением». А конкретным руководством по проведению данной реформы должен был стать уже не раз упоминавшийся сводный крестьянский наказ.

Об истории возникновения этого документа рассказывалось выше. Когда летом ЦИК предложил крестьянам сформулировать свои требования, мужики отнеслись к этому серьезно. Раньше их никто за людей не считал. И хотя в Государственной думе крестьянские депутаты не раз излагали свои чаяния, ни одна из правительственных комиссий по «земельному вопросу» мнением их не интересовалась. А зря. Оказалось, что «темные мужики», о которых так пеклись реформаторы и законотворцы, разбирались в аграрном вопросе вполне здраво и компетентно.

Писались наказы в разных волостях, уездах, губерниях. Но, при всей пестроте местных условий, основные требования повторялись из наказа в наказ. Совпадало главное: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду... Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а

также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства».

«Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней».

Прежде землю в общине делили «по мужикам». Женщины в счет не шли. Теперь в наказах писали: «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе...»

«Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках». Но конские заводы, племенные скотоводства и птицеводства, а также высококультурные хозяйства: плантации, сады, оранжереи, рассадники, питомники, крупный хозяйственный инвентарь конфискованных земель – не подлежат разделу, а, в зависимости от значения, «передаются в исключительное пользование государства или общин».

Наказы предусматривали буквально все детали «великих земельных преобразований»: порядок периодических переделов пашни, переселение на свободные земли за государственный счет, сохранение приусадебных садов и огородов за прежними владельцами, неприкосновенность земли рядовых казаков, обеспечение стариков, инвалидов, нетрудоспособных.

Что касается помещиков и всех тех, кто пострадал от «имущественного переворота», за ними признавалось, во-первых, право на получение земельных наделов в соответствии с численностью семьи, а во-вторых, «право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования»¹⁶⁰³.

Можно лишь поражаться тому, насколько взвешенно, продуманно, истинно по-государственному, без эгоизма и мстительности, с максимальным стремлением избежать

углубления конфликтов подходили к проблемам «Великой реформы» крестьяне. Те, кого «большая пресса» травила как «чернь» и «быдло», как воплощение «анархии» и «пьяного разгула».

Общим местом в нынешней исторической публицистике стало утверждение, что Ленин «перехватил», а говоря проще – «украл» у эсеров их аграрную программу. Это утверждение, по меньшей мере, не корректно. То, что прежняя эсеровская аграрная программа отражала требования крестьянства, – это факт. То, что эсеровская фразеология о «социализации», хотя и толкуемая по-своему, влияла, в свою очередь, на крестьянские умы, – это тоже факт. Но столь же необходимо признать и другие факты.

18 и 19 октября в «Деле народа» был опубликован написанный Семеном Леонтьевичем Масловым – министром земледелия Временного правительства, аграрный законопроект, о котором Чернов написал, что проект выражает позицию эсеровской партии и является шагом «к великой реформе социализации земли».

«Партия эсеров, – замечает Ленин, – торжественно и всенародно на своих съездах первой (1905 года) и второй (1917 года) русской революции обязалась поддерживать крестьянское требование конфискации помещичьих земель, т. е. перехода их к крестьянам безвозмездно». Об отмене частной собственности на землю и передаче ее в общенародное достояние говорилось и в «Наказе». Но ничего этого не содержалось в масловском проекте¹⁶⁰⁴.

Помещичьи земли не конфисковывались, а зачислялись во «Временный аграрный фонд» и из него передавались в аренду крестьянам. Но в «фонд» поступали не все помещичьи владения. У прежних хозяев оставались плантации и посевы технических культур, а также земли, необходимые прежним собственникам для содержания не только семьи, но и наемных рабочих и наличного скота. Мало того, земля отчуждалась не безвозмездно, а за плату, соответствующую доходности хозяйства. И эта

арендная плата, за вычетом платежей государству, поступала прежнему владельцу, то есть помещику.

Наконец, земельные комитеты – главный инструмент «великой реформы» – наводнялись чиновниками, за которыми в конфликтных ситуациях оставалось последнее слово, дабы крестьяне не могли обидеть «законных» собственников. Словом, как заметил Ленин, эсеровский проект делал все «для соглашения с помещиками, для спасения их». В этом смысле «партия эсеров обманула крестьян: она переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский план “справедливой оценки” и сохранения помещичьей собственности на землю»¹⁶⁰⁵.

И все это оказалось пустыми хлопотами. Так уж сошлось, что именно 24 октября, в день, когда была опубликована ленинская статья «Новый обман крестьян партией эсеров», когда большевистский ЦК обсуждал проект «Декрета о земле», масловский проект, поддержанный Исполкомом Совета крестьянских депутатов, поставили в повестку дня заседания Временного правительства. Однако, посчитав уступки крестьянам чрезмерными, кадеты и народные социалисты сняли его с обсуждения и отложили «до Учредительного собрания»¹⁶⁰⁶.

Что же мы имеем в «сухом остатке»? За все время пребывания в правительстве, удерживая в своих руках министерство земледелия, эсеры даже не пытались узаконить крестьянские требования. Это – факт первый. Второй – они фактически отошли к октябрю 17-го и от своей программы, и от требований крестьянского «Наказа», заменив их компромиссным масловским проектом. И наконец, третий факт – сама история возникновения того «Примерного наказа», который составил ядро ленинского декрета...

Когда в августе в редакции «Известий» накопилось достаточное количество крестьянских наказов, из них отобрали 242 наиболее содержательных и решили свести их воедино. Причем поручили сделать это не эсеровским теоретикам, а некой «г-же Ф.». Написавший об этом эсер В. Булатов подчеркивает, что ей было указано: не редактировать крестьянские требования,

а лишь «выделить в этих наказах основные мотивы, общие всем им, и положить их в основу сводного наказа...».

Именно эту работу «г-жа Ф.» и проделала. Сводный наказ как раз и цитировался выше. Так что эсеровская «огранка» данного документа, о которой часто упоминают исследователи, более чем проблематична. И гораздо ближе к истине был Ленин, когда на II съезде Советов сказал, что «все содержащееся в этом наказе» является выражением «безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян России...».

Главное же заключалось в том, что именно это непосредственное волеизъявление крестьян Владимир Ильич и предложил съезду сделать Законом нового государства, который будет «проводиться в жизнь по возможности немедленно...». А эсер Булатов, написавший об истории создания сводного Наказа, заметил: «Г-жа Ф. не подозревала, какую честь готовит сюрпризом история ее скромному труду»¹⁶⁰⁷. Мировая история действительно знает не столь уж много прецедентов, когда устои и формы собственности в огромной стране формулировались не политиками, а напрямую – самим народом.

Оппоненты Ленина оказались в сложном положении. Спорить по существу декрета в этом зале было невозможно. Оставалось одно – устроить скандал. И как только Ленин закончил чтение проекта, на трибуну, силой расталкивая сидевших в проходах, взобрался член Исполкома крестьянских Советов Иван Пьяных. От имени Исполкома он заявил протест против ареста министров-социалистов Салазкина и Маслова и потребовал их немедленного освобождения. Его поддержал другой член Исполкома – солдат, который, размахивая кулаком, заявил, что они не позволят «тиранам и узурпаторам... расправиться с выборными представителями крестьян».

Троцкий ответил, что приказ ВРК об освобождении не только Маслова и Салазкина, но и меньшевиков Гвоздева и Малянтовича был отдан еще до начала заседания съезда. Но тут совершенно неожиданно на трибуну поднялся тверской делегат – бородатый мужик в овчинном тулупе.

Степенно поклонившись президиуму и делегатам, он сказал, что надо, во-первых, выразить благодарность товарищу Ленину – «самому стойкому защитнику крестьянской бедноты». А во-вторых, «не останавливаться перед арестом всего Исполнительного Комитета Крестьянского Совета, потому что там сидят не крестьянские представители, а кадеты, которые не защищают народные интересы, а предают их, и что место им в тюрьме».

Зал одобрительно загудел, и кто-то крикнул с места: «Кто они, все эти Авксеньтьевы и Пьяных? Они вовсе не крестьяне! Они только языком болтают!» А следующий оратор, эсер-максималист Звездин, заключил: «Мы не можем не отдать должное той политической партии, которая в первый же день без всякой болтовни проводит в жизнь такое дело!..»

Казалось бы, все – можно ставить декрет на голосование. Но тут включается «вторая тормозная система»: левые эсеры требуют получасового перерыва для обсуждения проекта на фракции. Меншевики-интернационалисты поддерживают их. Около 11 часов объявляется перерыв, и Ленин обращается к делегатам: «Нам нельзя терять времени, товарищи!.. Никаких задержек!»¹⁶⁰⁸

Итак, последний перерыв. Левые эсеры видели настроение зала. В том, что декрет о земле будет принят, сомневаться не приходилось. ЦК большевиков в последний раз запрашивает левых эсеров – войдут ли они в Совет Народных Комиссаров? И есть основания полагать, что ЦК ПЛСР признал допустимость вхождения своих членов в СНК, но не как представителей партии, которая еще не оформилась, а в сугубо личном качестве.

Если такое решение было принято, то понятно, почему в этот последний перерыв было немедленно созвано заседание большевистского ЦК, на которое пригласили трех левоэсеровских лидеров – Камкова, Спиро и Карелина.

Никаких документов данного заседания не сохранилось. Мало того, в исторической литературе и совещание у Спиридоновой, которое проходило, как пишет Крупская, около 19 часов, и ночное заседание большевиков слиты воедино. Между

тем существует заявление самого Ленина, в котором данное событие поставлено на свое место.

«...Всем известно, – пишет Ленин, – что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров, товарищей Камкова, Спиро и Карелина, и предложил им участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства...»¹⁶⁰⁹

Видимо, в этот же последний перерыв произошел и разговор Сталина с Дмитрием Сагарашвили. Во всяком случае, в своих воспоминаниях Дмитрий Алексеевич отметил, что после их беседы очень «скоро съезду Советов был предложен на утверждение список будущих народных комиссаров...»¹⁶¹⁰

Многие лидеры левых эсеров понимали, что совершили ложный шаг. «Я считаю, что в этом отношении, – заявил Владимир Алгасов, – была совершена политическая ошибка». Его поддержал Табаков: «Для нас с самого начала было ясно, что создание однородного социалистического министерства совершенно неприемлемо». А посему партия «совершила большую ошибку, что не вошла в Совет народных комиссаров». Андрей Колегаев вообще считал, что этот шаг может привести лишь к тому, что «трудовое крестьянство отойдет от нас. А второе – революция пройдет мимо нас»¹⁶¹¹.

Буквально спустя несколько дней Владимир Ильич с полным правом мог заявить: «Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть... К участию в правительстве мы приглашали всех... Мы хотели советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исключали никого. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них»¹⁶¹².

Между тем фракционные заседания делегатов съезда затянулись за полночь. И у левых эсеров, и у меньшевиков-интернационалистов после дебатов о вхождении в правительство больше всего говорили не о том, насколько полно выражает проект «Декрета о земле» интересы крестьян, а о том, кого именно следует считать его автором.

У большевиков тоже возникли проблемы. Многие из них уловили, что между декретом и партийной программой есть существенные нестыковки. И Ленину пришлось обстоятельно разъяснять данный вопрос. «Чувствовалось, что он, – вспоминал Филипп Голощекин, – опасается, что большевики, привыкшие долгие годы спорить против “социализации”, будут возражать, поэтому он штурмовал в своей речи эту позицию»¹⁶¹³.

Вместо получаса перерыв растянулся на два с половиной часа. А когда делегаты вновь собрались в зале, прения по «Декрету о земле» были недолгими. Какой-то солдат стал протестовать против ущемления в Наказе права на землю дезертиров. Ленин ответил: «Мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации... Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос».

В своем заключительном слове Владимир Ильич не стал скрывать, что между большевистской программой и декретом действительно существуют расхождения. «Пусть так, – сказал он. – Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, – не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь. (Шумные аплодисменты)»¹⁶¹⁴.

В два часа ночи «Декрет о земле» ставят на голосование. Подавляющее большинство – за. Против лишь один. Восемь –

воздержалось. Джон Рид записывает: «Крестьянские делегаты были в неистовом восторге...»¹⁶¹⁵

«В 2 часа 30 минут ночи, – продолжает Джон Рид, – наступило напряженное молчание. Каменев читает декрет об образовании правительства: “Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям... в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров”».

Далее шел список: Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин); нарком по внутренним делам – А.И. Рыков; земледелия – В.П. Милютин; труда – А.Г. Шляпников; комитет по делам военным и морским – В.А. Антонов (Овсеенко), Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко; по делам торговли и промышленности – В.П. Ногин; народного просвещения – А.В. Луначарский; финансов – И.И. Скворцов (Степанов); по делам иностранным – Л.Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции – Г.И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия – И.А. Теодорович; почт и телеграфов – Н.П. Авилов (Глебов); по делам национальностей – И.В. Джугашвили (Сталин)¹⁶¹⁶.

Средний возраст этих 15 членов правительства был равен 37 годам. Старше 40 было лишь четверо: Ленину и Скворцову-Степанову по 47, Луначарскому и Теодоровичу – по 42. До 30 лет было Дыбенко (28), Ломову-Оппокову (29) и Глебову-Авилову – 30. Восемь наркомов были моложе 40 лет: Крыленко и Шляпников – 32, Милютин – 33, Антонов-Овсеенко – 34, Сталин и Троцкий – 38, Ногин – 39.

Большинство – 10 человек являлись русскими, двое – украинцами, плюс один – поляк, один – еврей и один – грузин. Из дворян – пятеро, из рабочих – двое, из крестьян – двое, остальные из семей служащих и служилой интеллигенции.

Высшее и неполное высшее образование имели восемь членов правительства: Ленин, Рыков, Милютин, Крыленко, Луначарский, Скворцов-Степанов, Ломов, Теодорович. Остальные компенсировали отсутствие университетских дипломов самообразованием, благо тюрьмы, ссылки и эмиграция давали для этого возможность. И то, что тот же Луначарский так и не успел закончить Цюрихский университет, а Троцкий – Одесское реальное училище, нисколько не помешало им стать энциклопедически образованными людьми.

Во всяком случае, американский разведчик, полковник Раймонд Робинс, который часто общался с министрами правительства Керенского, а затем с большевиками – народными комиссарами, написал: «Первый Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире»¹⁶¹⁷. И Ленин стал признанным главой такого правительства.

Данный состав Совета Народных Комиссаров съезд утвердил подавляющим большинством голосов. Вслед за этим утверждается состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета – постоянно действующего советского парламента. В него избирается 101 человек: 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист.

На этом в 5 часов 15 минут утра съезд Советов закончил работу. Делегаты затаили «Интернационал», но песня не заладилась. За эти дни все были измотаны до предела и засыпали тут же в зале. Те, кто уезжал или ночевал в городе, потянулись к выходу. Ленин сел в машину и опять поехал к Бонч-Бруевичам.

И тогда, и теперь антибольшевистская пресса жевала и будет жевать сюжет о «темной, неграмотной массе», которая, поддавшись влиянию большевиков, «не ведала, что творит». Читать это не только скучно. Это просто неправда. И гораздо большего доверия вызывают уже многократно цитировавшиеся

записи того же Джона Рида, которого все эти дни более всего поражала именно осознанность действий масс...

«Огромное помещение было битком набито солдатами с суровыми лицами и рабочими. Долгими часами стояли они здесь, неумоимо внимая ораторам. Тяжелый, спертый воздух был полон табачного дыма; пахло потом, человеческим дыханием и грязной одеждой».

«Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмуря брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов».

«Делегаты бурно аплодировали, они горели дерзанием, чувствуя себя борцами за все человечество. И с этих пор во всех действиях восставших масс появилась и осталась навсегда какая-то осознанная и твердая решимость»¹⁶¹⁸.

В последующие дни и недели, заполняя вакансии, в Совнарком вошли большевики: Александра Михайловна Коллонтай – народный комиссар общественного призрения, Марк Тимофеевич Елизаров – нарком путей сообщения, Вячеслав Рудольфович Менжинский – наркомфин, Петр Иванович Стучка – наркомюст, Григорий Иванович Петровский – нарком внутренних дел, Александр Григорьевич Шлихтер – нарком продовольствия, Эдуард Эдуардович Эссен – нарком государственного контроля, Николай Ильич Подвойский – наркомвоен и Валерьян Валерьянович Оболенский (Осинский) – председатель Высшего Совета народного хозяйства и нарком по урегулированию и организации производства.

С ноября правительство пополнилось левыми эсерами. Андрей Лукич Колегаев стал народным комиссаром земледелия. Исаак Захарович Штейнберг сменил Стучку на посту наркома юстиции. Проша Перчевича Прошьяна назначили наркомом почт и телеграфов, Владимира Евгеньевича Трутовского – наркомом городского и земского самоуправления. Два Владимира Александровича – Алгасов и Карелин стали наркомами «без

портфелей» с правом решающего голоса. Александра Адольфовна Измайлович – наркомом по дворцам Республики, а когда ЦК левых эсеров отозвал ее на партийную работу, наркомом государственных имуществ назначили Карелина¹⁶¹⁹.

Из 16 человек, пополнивших Совнарком в октябре – декабре 1917 года, старше 40 лет было пятеро (Елизарову – 54, Стучке – 52, Шлихтеру – 49, Коллонтай – 45, Менжинскому – 43), не старше 30 – шестерым (Карелин – 26, Трутовский – 28, Штейнберг – 29, Оболенский, Алгасов и Колегаев – по 30). Полное и неполное высшее образование имели 11 человек (из них 8 – юристы). Из дворян – шестеро, из рабочих – один (Петровский), из крестьян – двое (Елизаров и Стучка).

Совнарком стал, таким образом, коалиционным двухпартийным «народно-социалистическим правительством», а Третий съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (январь 1918 года) постановил именовать его «Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Советской республики»¹⁶²⁰.

Расширился состав советского «парламента» – ВЦИК. Еще в июне 1917 года начались переговоры о немедленном объединении Исполкомов Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских депутатов и Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Однако в связи с большевизацией Советов эсеры притормозили этот процесс.

Лишь в ноябре 17-го Чрезвычайный Всероссийский съезд крестьянских депутатов, проведенный левыми эсерами, принимает соответствующее решение, и 15 ноября 108 членов крестьянского Исполкома (82 левых эсера, 16 большевиков, 3 эсера-максималиста, 1 меньшевик-интернационалист, 1 анархист и 5 – «прочих») входят в состав объединенного ВЦИК, к которому переходят все права Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

И расклад сил в этом «советском парламенте» уже иной: 113 левых эсеров, 92 большевика, 7 меньшевиков-интернационалистов, 4 эсера-максималиста, 3 украинских социалиста, 1 анархист и 7 «прочих». Левоэсеровское

большинство сохранялось до 25 ноября. И современный исследователь Владимир Лавров сетует на то, что левые эсеры не воспользовались этим для «парламентского переворота».

Если бы речь шла о «борьбе за власть», как это принято считать сегодня, то такой соблазн вполне мог бы появиться. Но он не возник, ибо соглашение предусматривало, что объединение происходит на платформе Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, лидерами которого являлись большевики. Да и сами левые эсеры – члены ВЦИК, особенно матросы, пресекали любые попытки вбить клин между ними и большевиками.

Согласно условиям объединения, выработанным еще в июне 1917 года, помимо членов Исполкомов обоих съездов, в состав ВЦИК вводились 80 представителей армии, 20 – флота и 50 – профсоюзов. По мере их прибытия соотношение сил менялось. И уже с 25 ноября большевики стали вновь располагать большинством голосов¹⁶²¹.

А в январе 1918 года Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов избрал ВЦИК из 326 (а не 306, как принято считать) членов, среди которых было 169 большевиков, 132 левых эсера, 5 эсеров-максималистов, 5 правых эсеров (Пумпянский, Чернявский и др.), 4 анархиста (Ге, Шатилов и др.), 4 меньшевика-интернационалиста (Суханов, Линдов и др.), 2 меньшевика (Ф. Дан и Ю. Мартов). Партийность пятерых не установлена¹⁶²². И теперь уже вряд ли можно было сомневаться, что этот многопартийный парламент представляет большинство Советов и трудящихся России.

В бурные октябрьские дни Джон Рид записал: «Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось – буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...»¹⁶²³

«...И идут без имени святого / Все двенадцать – вдаль / Ко всему готовы, / Ничего не жаль... / Так идут державным шагом – / Позади – голодный пес, / Впереди – с кровавым флагом, / И за

вьюгой невидим, / И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз – / Впереди – Иисус Христос» – это Александр Блок.

«Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили... Дело не в том, "достойны ли они его", а страшно то, что опять он с ними и другого пока нет...» И еще он написал: «Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда – о великом.

Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может...) таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон... "Мир и братство народов" – вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать»¹⁶²⁴. И какой мещанской пошлостью веет от попыток принизить это великое, опустить его до уровня «дворцового переворота» и драчки за власть.

Помимо пошлости, проявилось, вероятно, и другое – провинциальная ограниченность наших «лениноедов». Это провинциализм урюпинского уездного исправника или того персонажа Салтыкова-Щедрина, который полагал, что можно «закрыть Америку».

Современный исследователь Валерий Дмитриевич Соловей заметил, что нашей публике, к сожалению, не известны труды одного из наиболее авторитетных западных историко-социологических направлений, которое называется «теория революций». Его представители полагают, что за всю историю человечества было лишь две Великие революции: Французская (XVIII ст.) и Октябрьская 1917 года в России.

«...Я уверен в абсолютной исторической правоте данного утверждения, – пишет В. Соловей. – Рядом с Октябрьской революцией можно поставить только Великую Французскую.

Никакая другая революция – английская, китайская и т. д. – не стоит вровень с Октябрем по своим масштабам и последствиям. Октябрь действительно определил XX век»¹⁶²⁵.

Что же касается «драчки за власть», то прислушайтесь к тому, что писал Жак Садуль.

Профессиональный разведчик, атташе при Французской военной миссии капитан Садуль был умным и наблюдательным человеком. Он встречался и беседовал с Лениным, часто разговаривал с Троцким. 26 декабря 1917 года он записал в своем дневнике: «Меня часто спрашивают, любят ли, на мой взгляд, Ленин и Троцкий власть ради власти. В том, что касается Ленина, никакие сомнения недопустимы. Власть для него не самоцель, но только средство привести к победе Идею. И мне также кажется, как бы ни было заметно удовольствие, которое испытывает от своей власти Троцкий, что он бы не оставил ее за собой, если бы должен был через нее служить иному, чем большевизму, делу»¹⁶²⁶.

Власть ради «Идеи»? Или, как писал генерал Волкогонов Д.А. – власть якобы для того, чтобы «реализовать те книжные схемы, которые он создал, опираясь на "первоисточники марксизма"»???? Так ли это?¹⁶²⁷

Конечно нет! Для «генералов от марксизма» характер октябрьских событий всегда оставался тайной за семью печатями. О подобного рода оппонентах 17-го года Ленин писал: они «свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно».

А что такое русская революция 1905–1907 годов? Она, отвечает Ленин, была «народной революцией». Ее главный признак, как и в 1917 году, состоит в том, что «масса народа, большинство его, самые глубокие общественные "низы", задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество...».

В такой народной революции как раз и проявляется, считал Ленин, «действительный интерес “народа”, большинства его рабочих и большинства крестьян... А без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование»¹⁶²⁸.

Об этой «Идее» народной революции Ленин писал весь 17-й год. И теперь, говоря о политике нового правительства, он заявил: «Это не политика большевиков, вообще не политика “партийная”, а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа... Весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах»¹⁶²⁹. Ту же мысль сформулировал один из левоэсеровских лидеров Алексей Михайлович Устинов: большевистское правительство «не вступило на путь партийной диктатуры, а проводит в жизнь требования всего народа»¹⁶³⁰.

На самом съезде Советов Ленин изложил свое понимание «государственности»: «Пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹⁶³¹.

Он постоянно повторял: «Мы заявляем, что мы хотим нового государства, что Совет должен заменить старое чиновничество, что всему народу следует учиться управлять. Станьте во весь рост, выпрямьтесь, и тогда нам не страшны угрозы»¹⁶³².

Когда Ленин говорил об этом с трибуны съезда, Джон Рид записал: «Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок,

бритый, но с уже проступавшей бородкой... Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, может быть, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту...»¹⁶³³

Книга 3

«Сим победиши»

Глава 1

Крутой поворот

НЭП

После шести лет непрерывных войн, неслыханных жертв, лишений и страданий, когда не раз казалось, что до падения в пропасть поражения всего лишь шаг, – Гражданская война, наконец, подошла к концу.

Новейшие исследования свидетельствуют о том, что в годы Первой мировой войны в результате боевых действий было убито и умерло от ран 3 млн 645 тыс. 965 солдат и офицеров русской армии. А с учетом потерь гражданского населения в районах боевых действий безвозвратные потери России составили 4 млн 447 тыс. 405 человек. Добавьте к этому косвенные демографические потери, и эта цифра возрастет до 6,5 млн.

В годы Гражданской войны, по сведениям, подтвержденным документальными данными, Красная армия потеряла 702 тыс. человек, из которых 407 тыс. – от ран и болезней. Потери белых армий исчисляются в 175 тыс., плюс 150 тыс. умерших от болезней. Однако, учитывая неполноту этих данных, есть основания полагать, что потери обеих сторон в ходе боевых действий составили около 2,5–3 млн человек, причем в большинстве – от ран и болезней.

Но еще больший урон стране, находившейся в блокаде, лишенной элементарных медикаментов, нанесли массовые эпидемии – гриппа («испанки»), сыпного и брюшного тифа, дизентерии и т. п., потери от голода, от сокращения рождаемости и роста смертности. Тут счет тоже шел на многие миллионы. Таковы «главные причины уменьшения числа населения».

Добавьте к этому еще 2 млн россиян, оказавшихся в эмиграции. Из коих примерно 600 тыс. осели в Германии, 250 – во Франции, 200 – в Польше, 100 – в Турции и 100 тысяч в Китае.

Все это в совокупности объясняет, почему общая численность населения России сократилась намного более 12 млн человек¹⁶³⁴.

Дня победы никто не праздновал: еще велись бои в Приморье, оставались очаги мятежей в Тамбовщине, Туркестане и других регионах. Но было ощущение чуда – еще бы, «на нас перли 14 держав, и наша взяла!».

Впрочем, в то время уже мало кто верил в чудеса. Но известная эйфория победы, ощущение человека, поднявшегося на невиданную доселе высоту, все-таки было. А вместе с ней и определенная романтизация так называемого «военного коммунизма», когда, казалось бы, исполнилась вековая мечта о ликвидации власти денег, всеобщем равенстве и т. п.

В одном из многочисленных и характерных для того времени документов – «Нерушимом обещании коммуниста» – говорилось:

«Обещаюсь: встретить смерть за освобождение трудящихся от ига насильников с достоинством и спокойствием; не просить у врагов трудящихся пощады ни в бою, ни в плену...

Отрекаюсь: от накапливания личных богатств, денег и вещей; считаю позором азартную игру и торговлю, как путь к личной наживе; считаю постыдным суеверие, как пережиток тьмы и невежества; считаю недопустимым делить людей по религии, языку, национальности, зная, что в будущем все трудящиеся сольются в единую семью...

Если же я отступлю от своих обещаний сознательно, корысти и выгоды ради, то буду отверженным и презренным предателем. Это значит, что я лгал себе, лгал товарищам, лгал своей совести и недостойн звания человека!»¹⁶³⁵

В феврале 1921 года «раз вечером захотелось Ильичу, – вспоминает Крупская, – посмотреть, как живет коммуной молодежь. Решили нанести визит нашей вхутемасовке – Варваре Арманд [ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские. – В.Л.].

Был это голодный год, но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было. “Зато у нас есть крупа!” – с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны – вхутемасовец. Для Ильича

сварили они из этой крупы важнецкую кашу, хотя и была она без соли.

Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц, и их радость отражалась у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами.

А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: "Что вы читаете? Пушкина читаете?" – "О нет! – выпалил кто-то. – Он был ведь буржуй. Мы – Маяковского!" Ильич улыбнулся: "По-моему, Пушкин лучше"¹⁶³⁶.

При всех симпатиях к этой молодежи Ленин прекрасно знал, что нельзя «витать в иллюзиях». Необходимо сохранять «ясность головы». И этот «одухотворенно-коммунарский» образ жизни, с его скудностью и бесплатностью минимальных жизненных благ, или, как говорили тогда, «гигиеническим пайком», не может быть нормой жизни народа.

«История, – говорил Владимир Ильич, – знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит им, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо»¹⁶³⁷.

И тогда, и теперь не утихают споры о том, кто первым «придумал» НЭП, подразумевая под этим именно весьма конкретную меру: введение натуралога вместо продразверстки. Эсеры и меньшевики указывали на то, что они выступали за подобного рода замену еще в 1919 году. Троцкий неоднократно напоминал, что он предлагал данное решение еще в марте 1920 года, но тогда большинство ЦК во главе с Лениным отвергло его¹⁶³⁸. Однако следует признать, что сама постановка этого вопроса – кто первый? – некорректна и надумана.

Продразверстку ввело царское правительство в 1916 году. В 1917-м ее пыталось самым решительным образом проводить Временное правительство, разработавшее – при активном

участии эсеров и меньшевиков – всю систему и нормы изъятия у крестьян так называемых «излишков». И крестьянство с самого начала выступило против этой политики.

Поэтому еще 30 октября 1918 года Советское правительство приняло закон о введении вместо разверстки натурального налога. Провести его, однако, в жизнь не удалось. Отрезанная фронтами от всех хлебных регионов – Украины, Дона, Кубани, Поволжья, Сибири – Советская республика вынуждена была вернуться к продразверстке. Как справедливо заметил на V съезде Советов Я.М. Свердлов, война «вынуждает нас к целому ряду актов, к которым в период мирного развития мы бы никогда не стали прибегать».

О том же говорил на X съезде РКП(б) Ленин: «Взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью...» Он считал, что тогда «другого выхода не было»¹⁶³⁹. Но вместе с тем и тогда Ленин прекрасно понимал, что «разверстка не "идеал", а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд – опасная ошибка». Ибо эта система диктуется соображениями «не экономическими», она «сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает». И если прежде «мы приноравливались к задачам войны», то «теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени».

А это значит, говорил Ленин, «мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим на него не только с точки зрения обеспечения государства», т. е. спасения от голода армии, городов и фабрик. Теперь «мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил»¹⁶⁴⁰.

То есть для него вопрос состоял не в том, что лучше – продразверстка или продналог, а в том, когда и в какой момент можно будет от чрезвычайных мер, вызванных войной, вернуться к нормальным экономическим условиям взаимоотношений с деревней.

Казалось бы, все ясно. Однако в нашей исторической журналистике до сих пор бытует мнение, высказанное в свое время меньшевиком Н.В. Валентиновым, полагавшим, что именно «чрезвычайщина» разверстки более всего соответствовала взглядам самого Ленина и для него «введение купли и продажи, обращения товаров, уход от системы “военного коммунизма” был вынужденным, но явным отступлением от “идеала”»¹⁶⁴¹.

Между тем еще в 1919 году, когда система «военного коммунизма» окончательно сформировалась и когда с выходом «Азбуки Коммунизма» Бухарина и Преображенского об этой системе стали поговаривать не как о «печальной необходимости», вынужденной войной, а как о политике, кратчайшим путем ведущей к цели, Ленин встретился с американским писателем Линкольном Стеффенсом.

Говоря о самозащите революции, Владимир Ильич взял карандаш и лист бумаги. «Взгляните, – сказал он и провел прямую линию. – Таков наш курс. Но... – и Ленин прочертил резкую кривую линию в сторону и поставил точку, – вот здесь мы находимся в настоящее время. Мы вынуждены были прийти сюда. Но наступит день, и мы вернемся на прежний курс», – и он еще раз подчеркнул прямую линию¹⁶⁴².

В нашей исторической журналистике до сих пор бытует также представление, согласно которому насильственное изъятие хлебных «излишков» являлось прерогативой и специфической особенностью именно советской власти. Но это не так. И немецкие оккупанты на Украине, и эсеровский Комуч в Поволжье, и Колчак в Сибири, и Деникин на Юге также вынуждены были прибегать для продовольственного снабжения своих армий к реквизициям и конфискациям.

Заметим, что и в Советской России продразверстка не была всеохватывающей системой. Новейшее исследование А.Ю. Давыдова свидетельствует о том, что значительная часть населения (в городах не менее половины, а в провинции и того больше) снабжалась через «черный рынок» с помощью «мешочников», из которых не все были действительно спекулянтами, а немалую их долю составляли и рабочие,

которым разрешалось «самоснабжение», то есть самостоятельная заготовка хлеба¹⁶⁴³.

«Черный рынок» играл решающую роль в снабжении не только малых городов, но и обеих столиц – Петрограда и Москвы, где «Сухаревка» стала своеобразным символом «свободной торговли». Впрочем, и торговлей это трудно было назвать. Скорее, это был натуральный товарообмен сельхозпродуктов на городские предметы домашнего обихода, ювелирные изделия и т. п. Потому-то, получая мизерный паек от государства, и точили рабочие на предприятиях для обмена ножи и зажигалки.

Короче говоря, уж если искать «зачинщиков», то первыми за возвращение от продразверстки к натуральному налогу выступили сами крестьяне. И пока шла Гражданская война, они – в лучшем случае – относились к продотрядам лишь как к вынужденной и печальной необходимости. Эти настроения проявлялись на протяжении всей войны, и именно они объясняют постановку данного вопроса политическими деятелями, причем особенно настойчиво в начале 1920 года, когда появилась надежда на передышку.

Сергей Павлюченко, исследовавший предысторию НЭПа, привел интереснейшие факты. Уже в январе 1920 года III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства принял предложение Ю. Ларина об упразднении продразверстки и установлении вдвое меньшего натуралога. Однако это решение было дезавуировано, а самого Ларина вывели из состава Президиума ВСНХ. В апреле Северо-Двинская губпродколлегия поставила вопрос о замене реквизиций натуральным обложением. Но и эта инициатива не была поддержана, ибо война с Польшей в корне изменила обстановку.

В июне 1920 года харьковский чекист Н. Корчашкин прислал в ЦК РКП(б) обширное письмо. Он считал, что существующая продовольственная политика лишь «удлиняет гражданскую войну», что необходимо отменить твердые цены на хлеб и разрешить свободную торговлю. Тогда, по его мнению, «между властью и крестьянством наступит мир».

В том же июне, на II Всероссийском продовольственном совещании, с предложением о введении натурального процентного обложения хозяйств с десятины, со свободой распоряжения излишками продуктов выступили делегаты от Кубани (Л.Г. Пригожин), Прикамья (А.С. Изюмов), Самары (Легких). А на созванном в июне ЦК РКП(б) II Всероссийском совещании по работе в деревне член коллегии наркомпрода А.И. Свидерский, отвечая на аналогичные суждения, заявил, что разверстка уже имеет тенденцию превратиться в налог, а крестьяне фактически и так распоряжаются излишками по своему усмотрению.

Наконец, осенью того же года в Смоленской губернии «был осуществлен, – как пишет С. Павлюченко, – своеобразный мини-нэп... Хлебная кампания была начата 1 сентября и закончилась к 1 октября. Всего за месяц! В других губерниях продорганы, как правило, бились весь год за выполнение нарядов. Здесь же весь хлеб шел “самотеком”, то есть без малейшего нажима продотрядов.

В чем же причина такого успеха? Ответ прост: крестьянам было заблаговременно (в июне) сообщено, сколько они должны сдать хлеба и картофеля государству, и обещано, что больше с них брать не будут... В сентябре на стол В.И. Ленину легла информационная сводка ВЧК, где по Смоленской губернии отмечалось: “Отношение крестьянства к Советской власти за последнее время заметно улучшилось, причиной чего является изменение продовольственной политики”»¹⁶⁴⁴.

С окончанием Гражданской войны, когда опасность возврата «старого режима» миновала, настал момент, когда стала возможным не реализация предложений эсеров и меньшевиков или проекта Троцкого, а, как выразился Ленин, «удовлетворить желания беспартийного крестьянства». Тем более что само крестьянство уже не желало мириться с прежней политикой и решительно выступило против продразверстки. Отражением этих настроений и стали восстания на Тамбовщине, в Западной Сибири и Кронштадтский мятеж.

Сегодня уже чуть ли не общепринятым стало утверждение, согласно которому поворот к НЭПу произошел лишь под прямым давлением кронштадтских событий, из страха перед тем, что пушки крепости смотрели на Петроград, а сама крепость в любой момент могла стать плацдармом для интервенции, то есть нового витка гражданской войны. Но это утверждение неверно даже с чисто фактической стороны.

С освобождением Крыма Гражданская война в основном завершилась в ноябре 1920 года. 15 декабря «Правда» опубликовала извещение: «Вследствие прекращения боевых действий на фронтах, Полевой штаб Реввоенсовета республики приостанавливает выпуск ежедневных оперативных сводок». А 22 декабря Калинин собрал совещание беспартийных крестьян – делегатов VIII съезда Советов. Владимир Ильич пришел на это совещание. Устроился в сторонке поудобнее и стал записывать выступления.

О чем говорили крестьяне?

«Разверстка: у нас такой нажим был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен...» «Хлеб собирали под метлу. Ничего не осталось. Хозяйство разрушено войной...» Из Костромской губернии: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет... Сельское хозяйство из-под палки вести нельзя». «Как заинтересовать? Просто: процентную разверстку хлеба, как на скот...»

Из Иваново-Вознесенской губернии: «При разверстке одинаково облагается и лодырь, и старательный, что крайне несправедливо». Ему возражают: «Бывает, что называют лодырем. А нет на деле и сохи и бороны. На бедняка нельзя валить... Надо поддержать бедняка». И в адрес местных властей: «А люди только носят портфель, а ничего не сделали. Не можете – дайте разрешение достать...» Общее пожелание: надо «более к жизни близко и к сердцу бедных крестьян...»¹⁶⁴⁵.

И так Ленин записывает 28 выступлений и рассылает свои записи всем членам ЦК партии и наркомам, ибо эти выступления и есть та самая реальная жизнь, которая диктует партии программу действий. А уже 4 января 1921 года Владимир Ильич,

выступая на Пленуме ЦК РКП(б), указывает на необходимость соединения предстоящей посевной с радикальным изменением политики и «правильным определением отношения к крестьянству»¹⁶⁴⁶.

30 января Ленин долго беседует с тверским крестьянином А.И. Гусевым, 9 февраля – с иркутским крестьянином О.И. Черновым, 14 февраля принимает представительную делегацию – два бедняка, два середняка и два кулака – из мятежной Тамбовщины. И со всеми – обстоятельный, деловой разговор, порой споры... В результате, в соответствии с решением Политбюро ЦК, уже 2 февраля в 13 центральных губерниях России продразверстка отменяется полностью¹⁶⁴⁷.

16 февраля во время заседания Политбюро Владимир Ильич получил записку от секретаря ЦК Н.Н. Крестинского. Он сообщал, что в редакцию «Правды» поступила статья московского губпродкомиссара П. Сорокина и завгубземотделом М. Рогова, которые доказывали преимущества продналога перед продразверсткой. Статью прочел Каменев и предложил печатать ее немедленно.

Однако член редколлегии «Правды» Мещеряков и сам Крестинский сочли, что торопиться с публикацией подобного материала не следует. Их поддержал Сталин. «Сталин считает, – писал Крестинский, – стратегически невыгодным, чтобы канву для неизбежной дискуссии дали не мы; поэтому он за то, чтобы этой статьи не печатать без предварительного просмотра ее нами».

Ленин тут же отвечает: «Я статьи не видел, но, полагаясь на Каменева (что вредного он не рекомендовал бы), подаю голос за то, чтобы печатать завтра». Статья Сорокина и Рогова «Разверстка или налог» была опубликована «Правдой» 17 и 26 февраля¹⁶⁴⁸.

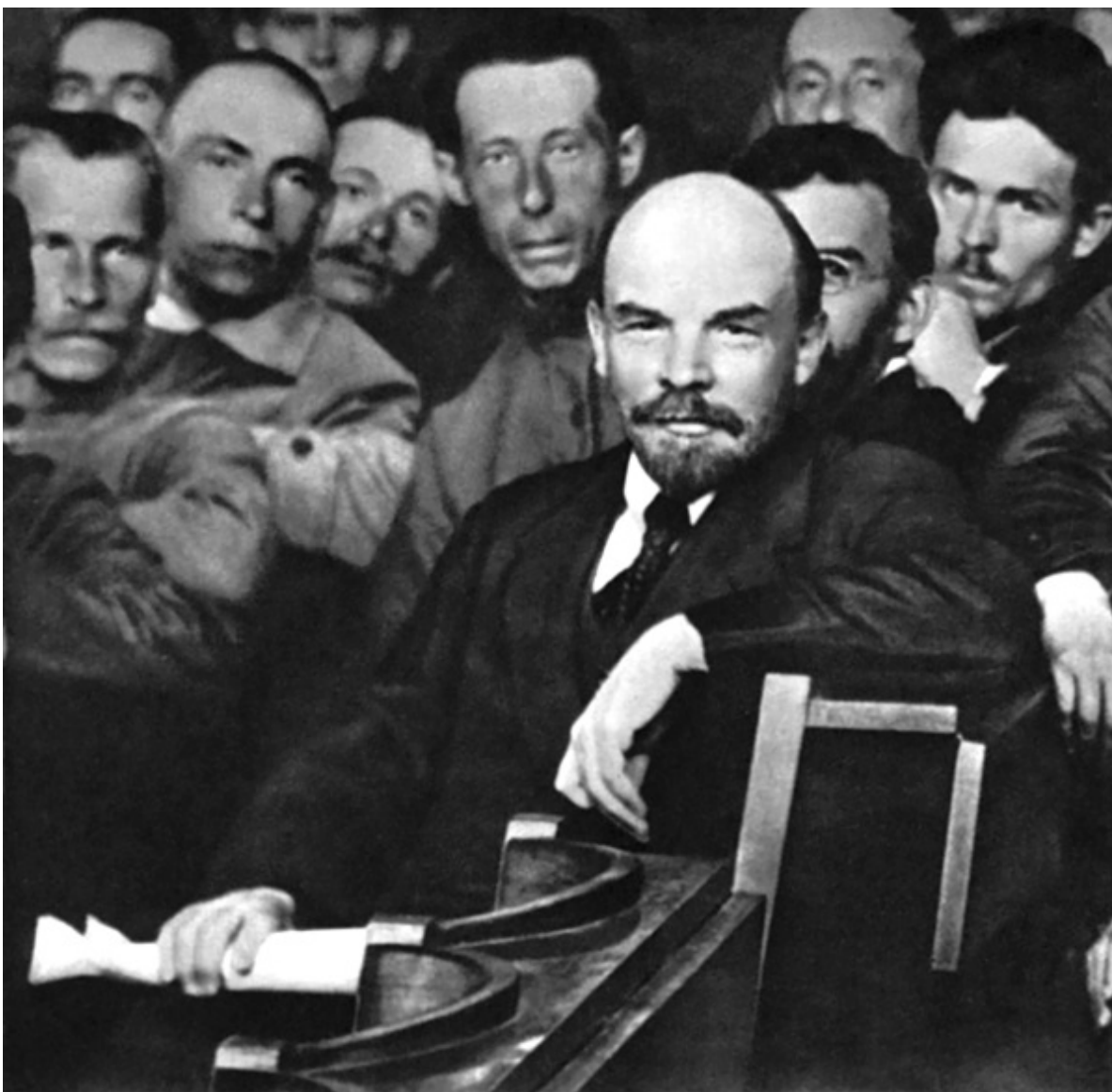
28 февраля 1921 года, когда мятеж в Кронштадте только-только начинался, Владимир Ильич беседовал с владимирским крестьянином Иваном Афанасьевичем Чекуновым. Он уже бывал у Ленина и в 1919, и в 1920 году и всякий раз с наказами от крестьян, своими проектами.

«Старик со светлой головой...»; «очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма»; «сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий)», – так писал о нем Ленин.

А вот содержание разговора: «Улучшает хозяйство. Объехал Нижегородскую и Симбирскую губернию. Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой Советской власти хорошою.

Вот за таких людей нам надо изо всех сил уцепиться для восстановления доверия массы крестьян. Это основная политическая задача и притом не терпящая отлагательства»¹⁶⁴⁹.

Так что вопрос о том, чтобы политику в деревне «поправить налогом», решался до Кронштадта, а не после него, и, может быть, отчасти поэтому позднее Ленин с сожалением говорил об ошибках «несчастливых кронштадтцев»¹⁶⁵⁰.

Владимир Ильич Ленин с делегатами X съезда ВКП(б), май 1921 года

Думающие рабочие также полагали, что политику в деревне надо срочно менять. Старый знакомый Владимира Ильича, питерский рабочий Василий Николаевич Каюров, писал из Сибири: необходим именно налог, «к которому с колыбели привыкло крестьянство и который психологически воспринимается им как наиболее законный и справедливый, а именно: установление определенного налога с десятины,

обязательно заранее декретированного... Этот метод мог бы дать самые положительные результаты и почти безболезненно»¹⁶⁵¹.

4 февраля 1921 года, после выступления Ленина о необходимости пересмотра отношений рабочего класса с крестьянством, Московская конференция союза металлистов принимает резолюцию, в которой прямо указывалось, что существующая продовольственная политика не соответствует интересам ни рабочих, ни крестьян, а посему необходимо «заменить разверстку определенным натуральным налогом».

А 8 февраля, при обсуждении на Политбюро доклада Н. Осинского о подготовке к весеннему севу, Владимир Ильич формулирует проект тезисов, в которых требуется «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»¹⁶⁵².

Политбюро переносит этот вопрос в специальную комиссию. 17 февраля «Правда» открывает на своих страницах дискуссию по этому вопросу. И лишь 24 февраля Пленум ЦК РКП(б) принимает за основу проект постановления о переходе от разверстки к натуральному налогу¹⁶⁵³.

Возникали ли по поводу данного решения какие-либо сомнения или разногласия? Безусловно, возникали. И дело не только в «инерции мышления» или доктринальных соображениях.

С чисто прагматической точки зрения продразверстка, при всех ее издержках, все-таки давала результат. Если в 1918 году с ее помощью удалось собрать 110 млн пудов хлеба, то 1919 год дал 220, а 1920-й – более 285 млн. И это притом, что Временное правительство предполагало получить с помощью разверстки более миллиарда пудов. А вот продналог, по предварительным расчетам, мог дать в 1921-м лишь 240 млн пудов¹⁶⁵⁴.

Главное же, в условиях, когда военная опасность сохранялась, надо было ломать уже сложившуюся, ставшую привычной для управленцев систему. Высказывались и политические соображения. Михаил Иванович Калинин, хорошо знавший деревню, прямо писал, что если будет разрешена

торговля, то «я не сомневаюсь, что не пройдет и двух лет, как нам придется делать новую революцию против народившихся капиталистов»¹⁶⁵⁵. Так что основания для сомнений были.

В своей интереснейшей книге «Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921–1924» Юрий Маркович Голанд впервые обратил внимание на вышедшие в Нью-Йорке в 1945 году воспоминания известного ученого-химика, академика В.Н. Ипатьева, являвшегося в 20-е годы членом Президиума ВСНХ, а позднее ставшего «невозвращенцем». По его информации, при обсуждении ленинских предложений в ЦК Владимир Ильич якобы остался в меньшинстве. Тогда он решительно заявил, что в таком случае «отказывается быть лидером партии и уходит в отставку»¹⁶⁵⁶.

Работавший в том же ВСНХ Н. Валентинов (Николай Владиславович Вольский), якобы со слов А.И. Свидерского, живописует данный эпизод более красочно...

«Полностью согласны с ним [Лениным], может быть, только Красин и Цюрупа; все другие или молчат, или упираются. На одном совещании (Свидерский не указал, на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: “Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите да, а отвернусь, вы говорите нет. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну принятую в парламентах игру.

Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказывали недоверие во времена заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике.

Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям – ВЦИКу и Пленуму – вручаю свою отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях”.

– Ленин, конечно, шутил!

– Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаками по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без НЭП неминуем разрыв с крестьянством.

Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника НЭП, что Ленин принужден был его сдерживать.

“У меня, – с иронией указывал Ленин, – допустим, 25 аргументов за введение НЭП; товарищ Бухарин к ним хочет прибавить еще 50. Боюсь, что своей массивной прибавкой он просто утопит НЭП, превратит его в нечто такое, с чем я уже согласиться не могу. Поэтому лучше останемся с 25 аргументами”»¹⁶⁵⁷.

Из рассказов двух мемуаристов, опубликовавших свои воспоминания спустя много лет после описываемых событий, вытекает лишь тот несомненный факт, что слухи об угрозе Ленина отставкой по ВСНХ действительно ходили. И какие-то основания для них, вероятно, были.

Что же касается той яркой сценки, которую живописал Николай Владиславович, то есть основания полагать, что продиктована она не столько его памятью и степенью информированности, сколько фантазией и литературным дарованием. О всех предшествующих случаях угрозы Ленина отставкой (в 1917 и 1918 годах) сохранились и документы, и множество воспоминаний непосредственных свидетелей. В данном случае мы располагаем пока лишь информацией из «вторых рук».

Американский миллионер Арманд Хаммер, встречавшийся с Лениным и другими руководителями страны в 1921 году, писал: «Только сам Ленин мог стать инициатором этой политики, обозначившей одну из наиболее драматических и решительных перемен в истории нашего века; и Ленину пришлось опереться

на колоссальные резервы доверия к нему, на всю свою магическую силу убеждения товарищей. Если бы нэп был предложен кем-либо еще, этого человека, наверное, расстреляли бы как предателя революции»¹⁶⁵⁸.

Слухов тогда ходило множество, поэтому при анализе споров, происходивших на заседании Политбюро, можно полностью полагаться лишь на рассказ наркома продовольствия А.Д. Цюрупы, позиция которого по отношению к введению НЭПа вовсе не была столь однозначной. Воспоминания Александра Дмитриевича издавались еще при жизни других очевидцев данного события, и никто из них не уличал его в неточностях.

«Помню заседание Политбюро, на котором был разработан этот вопрос. Началось заседание. Главное участие в нем принимал В.И. и я, – пишет Цюрупа, – Владимир Ильич ругал нас бюрократами, распекал нас. Говорил: “Вы ошибаетесь; то, что раньше было правильным, теперь уже не подходит!” Оказалось, что я был не прав. Владимир Ильич выступал три раза, я тоже. Я в ответ на его нападки называл его талмудистом, буквоедом. Однако эта перебранка совершенно не повлияла на наши отношения».

Итак, Политбюро решило отменить продразверстку и перейти к продналогу. Вопрос должен был перейти на обсуждение на съезде партии. «Владимир Ильич, – пишет Цюрупа, – заходил к нам на квартиру и по 1½—2 часа просиживал с нами, доказывая необходимость введения продналога. Я говорил: “Владимир Ильич, я не буду делать доклада, а выступлю лишь содокладчиком к Вашему докладу”. Он сказал: “А все-таки между прочим скажите, что Вы за свободу торговли”»¹⁶⁵⁹.

24 февраля Пленум ЦК РКП(б) принимает принципиальное решение о переходе к продналогу, а на X съезде партии создается специальная комиссия. «Комиссия эта, – пишет Цюрупа, – 5 часов работала над составлением резолюции. Однако эта резолюция принята не была. Тогда была выбрана комиссия, в которую вошли В.И., т. Каменев и я». По докладу Ленина 15 марта именно ее и утверждает X партийный съезд.

Отмена продразверстки и переход к продналогу сделали свое дело, в значительной мере сняв напряжение. И руководитель Тамбовского восстания Александр Антонов сказал на совещании комсостава: «Да, мужики победили. Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка»¹⁶⁶⁰.

Он был прав: крестьянские восстания быстро пошли на убыль. Современный исследователь Виктор Викторович Кондрашин, специально изучивший обширный корпус документов о крестьянском движении в Поволжье в 1918–1922 годах, сделал фундаментальный вывод, не совпадающий, как он отметил, с мнением значительного числа исследователей.

«На наш взгляд, – пишет Кондрашин, – по своему характеру крестьянское движение... не было контрреволюционным, антисоветским и антикоммунистическим. Об антикоммунизме крестьян можно говорить лишь в том смысле, что их движение было направлено против “военно-коммунистической политики”...

Крестьянский антикоммунизм проявлялся на уровне осуждения действий местной власти и в большинстве своем даже не распространялся на центральное руководство. Крестьянами оговаривалось, что за коммунизмом “великое будущее”. Идею его они считали “священной”... Именно поэтому деревня оказалась восприимчива к идеям большевизма, провела свою революцию, основанную на уравнилельных, “социалистических” принципах. В этой связи вполне естественным фактом стало отсутствие в документах повстанцев упоминаний о частной собственности на землю...

Поэтому в широком смысле слова, с точки зрения стратегической цели, – заключает В.В. Кондрашин, – можно согласиться с выводом В.П. Данилова и говорить не о поражении крестьянского движения, а о его победе, поскольку в 1922 году Советская власть принятием Земельного Кодекса законодательно осуществила лозунги и программу крестьянской революции»¹⁶⁶¹.

Вроде бы комичный эпизод из знаменитого фильма «Чапаев», когда крестьянин спрашивал Василия Ивановича: «А ты за большевиков или за коммунистов?» – имел свою реальную

основу. И об этом в июле 1921 года Ленин рассказал на III конгрессе Коминтерна.

Когда крестьяне выступали против нас, говорил Владимир Ильич, они заявляли: «"Мы большевики, но не коммунисты. Мы – за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства... Да, большевики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание". Учредилка у них ругательное слово... Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означает одно и то же, что вслед за первым неминуемо приходит вторая»¹⁶⁶².

Первые шаги НЭПа производили на современников крайне сложное, порой ошеломляющее впечатление. Елизавета Драбкина вступила в Компартию в 1917 году 16 лет. Участвовала в Октябрьской революции, в Гражданской войне. Она привыкла к скудным пайкам, восполнявшимся нередко лишь чтением тезисов Маркса о Фейербахе – о «человеческой сущности». А вскоре после подавления Кронштадтского мятежа Елизавета вернулась в Москву.

«И тут же, – рассказывает она, – я увидела колбасу!

Да, колбасу! Настоящую, всамделишную колбасу! Перерезанная пополам, она лежала на фарфоровом блюде, являя миру свои роскошные розовые внутренности, на которых, подобно звездам в ночном небе, сверкали белые кружочки сала...

Рядом с блюдом высилась гора пышных булок, желтело сливочное масло, повсюду торчали этикетки, на которых были начертаны цены с целым шлейфом нулей... А за всей этой роскошью и великолепием празднично колыхались громаднейший живот, затянутый в бордовую жилетку с мелкими черными пуговками, и неправдоподобная розовая харя...

Вот так вот мы, говоря старинным слогом, и "пребывали" один против другого: я – голодный, замученный, дрожащий в рваной шинельке член правящей партии, и мурло Капитала, того капитала, даже след, даже запах которого мы три года

вытраивляли с нашей земли, а он, глядишь, выставил вперед брюхо и самодовольно ухмыляется.

Но разве же я не знала, что X съезд партии решил заменить разверстку натуральным налогом. Разумеется, знала... Но своим глупым умом я поняла из всего этого одно: раньше у крестьянина брали разверстку, это ему было тяжело... Теперь ему будет легче. А все остальное, казалось мне, да и не мне одной, останется по-прежнему...

И вот...

И откуда все это вылезло, откуда напоззло?

Ну, была раньше "Сухаревка", знаменитая на всю Россию "Сухаревка", живучая и неистребимая "Сухаревка". Ее запрещали декретами, по ней молотили облавами, но толку от всего этого было не больше, чем от попыток перерезать кисель бритвой: сколько ни режь, хоть вдоль, хоть поперек, он все равно сойдется, как ни в чем не бывало».

А «Сухаревка»?

Уже от Каланчевской площади, у вокзалов «начинался торг, пока больше "с рук". Чем ближе к "Сухаревке", тем он становился гуще, крикливей, многолюднее... Ну а дальше начиналось поистине столпотворение, центром которого была Сухарева башня, вполне достойно заменявшая Вавилонскую.

Сплошной волной, плечом к плечу, образовывая заторы и водовороты, двигалось оголтелое человеческое месиво, горластое, орущее, ругающееся, лузгающее семечки, поминающее бога, черта, родителей и пресвятителей.

Не поймешь, кто тут продает, кто покупает, несть числа и счета ларькам, лоткам, палаткам, санкам, ящикам, стульям, табуреткам, сундукам, кошелкам, корзинам, кузовам, образующим торговые ряды.

Каждый наперебой выкрикивает свой товар: "А вот колбасы своего припасу!", "Спички есть! Спички!", "Кавказская медовая халва, прямо мед, клади в рот, сам бы ел, да хозяин не велел!" "Булки, белые булки", – верещит баба в цветастом платочке и полукафтанчике: булки у нее лежат в корзине, покрытые

холстом, а поверх холста положена булка “для щупа”; пощупав ее, покупатель может познакомиться с качеством товара...

Еще почти не были изданы законы, устанавливающие новые порядки; еще не сложилось название этих порядков – “новая экономическая политика”; в русский язык не вошло еще новое слово “НЭП”, а уже, словно перестоявшая опара из квашни, из всех щелей стали выпирать торговцы, спекулянты, дельцы, подрядчики, валютчики, комиссионеры, арендаторы, перекупщики, знавшие только один девиз: “Рви!”»¹⁶⁶³.

Столь пространная цитата понадобилась для того, чтобы избавить читателя от объяснений, касающихся того – почему НЭП с первых своих шагов породил сложнейшие, не только политические и экономические, но и морально-психологические проблемы.

В этой связи Елизавета Драбкина очень кстати напоминает замечание Ленина, которое он записал, размышляя над гегелевским определением сущности: «...Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так “плотно” держится, не так “крепко сидит”, как “сущность”. Нетва [примерно]: движение реки – пена сверху и глубокие течения внизу. Но и пена есть выражение сущности. Тот НЭП, который мы видели, был пеной, черной пеной»¹⁶⁶⁴.

Можно лишь добавить, что поначалу «пены» действительно было больше, а «глубокие течения» прослеживались меньше, ибо негативные стороны этих первых шагов (так называемые «grimасы НЭПа») усугублялись тяжелой засухой и голодом, охватившим в 1921 году Поволжье, а затем и юг Украины.

Голод

Неожиданностью эта засуха не стала. 1920 год тоже был неурожайным. Уже в ноябре этого года профессор Петровско-Разумовской академии Владимир Александрович Михельсон, опираясь на многолетние метеорологические наблюдения Московской обсерватории о периодически повторяющихся

засушливых годах, написал статью «Важное предостережение», в которой утверждалось, что и предстоящий 1921 год грозит засухой

Ознакомившись 6 ноября с этой статьей, Владимир Ильич предложил опубликовать ее в «Правде» и «Известиях» с послесловием наркома земледелия С.П. Середы, которое бы указывало на практические задачи, вытекающие из данного прогноза. Об этом Середа должен был сказать и в докладе VIII съезду Советов¹⁶⁶⁵. И уже 17 февраля 1921 года создается Комиссия по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, преобразованная 18 июля во Всероссийскую Центральную комиссию ВЦИК помощи голодающим.

Слишком ранняя весна 1921 года действительно не предвещала ничего хорошего. Но пока оставалась хоть какая-то надежда, Совнарком предпринимает отчаянные усилия для успешного проведения весеннего сева. Во все губкомы, губисполкомы, губсовнархозы, всем командующим фронтами и военными округами идут телеграммы за подписью Ленина, требующие ускорить доставку семян, удобрений, ремонт сельхозинвентаря, оказания помощи малоимущим хозяйствам и т. д.

28 марта правительство принимает постановление, согласно которому предполагавшийся ранее объем заготовок зерновых продуктов в 423 миллиона пудов сокращается до 240 миллионов пудов, а также разрешается свободная продажа хлеба в тех уездах и губерниях, которые выполнили гособязательства.

9 апреля, выступая на московском партактиве, Ленин предупреждает о грозящем бедствии, ибо крестьянское хозяйство «после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем [1920 года. – В.Л.] и связанной с этим бескормицей, потому что неурожай был и на травы, и падежом скота...».

Если бы речь шла о нормальных, мирных условиях хозяйствования, поясняет Владимир Ильич, то при урожае в 40 пудов с десятины крестьяне могли бы дать 500 миллионов пудов

излишков. И «мы тогда полностью покрыли потребность городского населения – 350 миллионов пудов – и имели бы запас для заграничной торговли и для улучшения крестьянского хозяйства».

Однако шесть лет войны сделали свое дело. Неурожай 1920 года дал в среднем лишь 28 пудов с десятины. И если наша статистика, говорит Ленин, полагает, что на душу населения необходимо, как минимум, 18 пудов, то неизбежность дефицита, т. е. недоедания и рабочих, и самих крестьян, и армии, станет очевидной¹⁶⁶⁶.

13 апреля Ленин пишет Кржижановскому: «Надо предположить, что мы имеем 1921–1922 такой же или сильнее неурожай... С этой точки зрения рассчитать, какие закупки за границей необходимы, чтобы во что бы то ни стало победить самую острую нужду, т. е. непременно дополучить недостающее продовольствие (прямой закупкой за границей предметов питания и обменом на хлеб в окраинах России)...» Из всех заявок на валюту для импорта «только те заявки оправдать можно и должно, кои необходимы с этой точки зрения»¹⁶⁶⁷.

29 апреля по инициативе Ленина принимается декрет Совета Труда и Оборона о мерах борьбы с засухой, хотя и в мае Владимир Ильич все еще надеялся, что государству удастся заготовить с помощью налога и через товарообмен хотя бы 400 миллионов пудов¹⁶⁶⁸. Конец весны развеял и эти надежды. «К концу мая, – рассказывает Елизавета Драбкина, – хлеба стали желтеть и быстро колоситься, но, выколосившись, колос сох, как в чахотке. Жара и отсутствие дождей превратили траву в сухие былки, уныло торчащие из выжженной растрескавшейся земли. Листья деревьев свернулись и побурели. Только горькая полынь и колючий мордвинник росли, как ни в чем не бывало.

...К концу весны хлеб во многих волостях подобрался до корочки, и люди перешли на подножный корм. Чуть свет коровы, овцы, лошади и сами крестьяне отправлялись в лес. Там, где был лес, пока держался утренний холодок, все вместе паслись одним

стадом, объедая кору с молодых деревьев и выдирая из земли корни и старые былки пересохшей травы»¹⁶⁶⁹.

16 июня, анализируя погубернские сводки о неурожае хлебов, трав и падеже скота, Ленин, выступая на III Всероссийском продовольственном совещании, сказал: «...Мы имеем уже перед собой картину того, что громадный недочет получится в целом ряде губерний... И продовольственным работникам придется, вместо того, чтобы взять с этих губерний известное количество излишков... помогать этим губерниям, помогать голодающим»¹⁶⁷⁰.

Регион засухи все более расширялся. «Народ теснился в сельсоветах, словно здесь хранились ключи от "хлябей небесных", – рассказывает Елизавета Драбкина. – Жгли свечи у икон "чудотворцев", служили молебны о "ниспослании влаги", устраивали крестные ходы. Подойдя к церковной ограде, кланялись земным поклоном... И подолгу молились, "нашептывая небо" молитвами о дожде. Но дождя все не было и не было.

Когда надежды на урожай окончательно рухнули, стали собирать все, что было возможно... Неочищенные колосья, солома, лебеда, колючки, желуди, корни, опилки, глина, известь, выветрившиеся кости. Все это перемалывалось или толкло в ступе и вместе с водой и добавленной "для связи" щепоткой ржаной муки вымешивалось в тесто, из которого пекли "бедовую еду" – то черные, как земля, то зеленые, как трава, горькие лепешки... Пока был хоть какой-то подножный корм, скотину пытались сохранить. А потом стали забивать»¹⁶⁷¹.

Ленин вновь уточняет, на какие именно продовольственные ресурсы может рассчитывать государство. 4 июля он делится своими соображениями с Кржижановским: «Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии... Надо это в корне переделать.

Рассчитывать на худшее...

Продовольствие? Фрумкин говорит: 150 миллионов пудов налог + 50 миллионов пудов обменом + 40 миллионов пудов с Украины = 240 миллионов пудов.

Надо взять расчет на 200 миллионов пудов всего в год.

Как быть с этой ничтожной, голодной цифрой? $200: 12 = 16\frac{2}{3}$ ».

Тут уж было не до свободной торговли. Всем губисполкомам страны дается задание уточнить поуездное состояние посевов, а в Сибирь, где ожидался хороший урожай, направляется телеграмма с постановлением ЦК РКП(б): «Предлагаем принять самые решительные меры к прекращению свободного обмена хлебных продуктов, не останавливаясь перед полным закрытием базаров и проч., проводя в широких размерах принудительный обмен, для чего продаппарат Сибири должен быть подкреплён воинской силой»¹⁶⁷².

Поскольку во всех расчетах на урожай Украине отводилась весьма существенная роль, Ленин считал необходимым укрепить продаппарат этой республики опытными работниками, а наркомом продовольствия Украины назначить Троцкого с оставлением за ним поста наркомвоенмора России. Однако Троцкий, усмотрев в этом «понижении» интригу Сталина, отказался. Решение отложили до Пленума ЦК.

27 июля Ленин встретился с Троцким, и тот стал говорить, что считает такое назначение нецелесообразным. Во-первых, для работы по усилению боеспособности армии ему необходимо оставаться в Москве. А во-вторых, для решения продовольственной проблемы он сможет сделать гораздо больше, вовлекая армию в хозяйственные работы.

Во избежание дальнейшего развития склоки Ленин с этими доводами согласился, и решение о назначении Троцкого наркомпродом Украины отменили¹⁶⁷³. Помимо этого, Ленин считает, что для оказания помощи голодающим необходимо максимально ускорить процесс демобилизации армии и при расчете количества пайков исходить из ее «минимальной численности».

А вот очередную мобилизацию нового пополнения провести в основном за счет молодежи голодающих районов и направить ее в части, расположенные в регионах, не пораженных засухой.

Это спасет от голода не только самих новобранцев, но отчасти – с помощью продовольственных посылок – и их семьи. Одновременно сокращенную армию действительно необходимо шире привлечь и к хозяйственным работам.

Что касается армии чиновников – госслужащих, продовольственные пайки которым также обеспечивало государство, – то тут провести «сокращение свирепое». Плюс – мобилизовать ответственных работников всех нехозяйственных наркоматов на самую «низовую хозяйственную работу», включая их в состав фабкомов, домкомов и т. п., дабы они, помимо основной службы, контролировали и на предприятиях, и в городских кварталах распределение продовольствия и топлива.

Радикальные меры, полагает Ленин, необходимы и по отношению к промышленным предприятиям. Надо составить список лучших из них – тех, «коим хватит топлива и хлеба», пустить их в две смены. А «все остальное – в аренду или кому угодно отдать или закрыть... до прочного улучшения, позволяющего абсолютно рассчитывать не на 200 миллионов пудов хлеба... а на 300 миллионов пудов...

Подумайте. Поговорим»¹⁶⁷⁴.

Но сколько бы Госплан ни думал, было ясно, что собственными ресурсами не обойтись. И еще в начале мая Ленин обратился к советским торговым представительствам в Лондоне с просьбой прозондировать вопрос о возможности импорта продовольствия из-за рубежа и необходимости в этой связи пересмотреть все заявки, поступившие от советских хозорганов на валютные закупки за границей.

15 июля Владимир Ильич встречается с наркомом внешней торговли Леонидом Борисовичем Красиным, вернувшимся из Англии. Когда Красин вошел в кабинет Ленина, он «застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: “А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?”

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется, за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было.

Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, настаивая сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам»¹⁶⁷⁵.

Именно к этому времени относятся те предложения Ленина о сокращении субсидий театрам и, в частности, Большому и Художественному, которые не раз вызывали в его адрес упреки мемуаристов в «практицизме и узком делячестве».

Что касается Художественного, к которому Владимир Ильич относился с особой симпатией, то проблему в какой-то мере удалось решить за счет зарубежных и внутрироссийских гастролей. «Не раз хотели, – пишет Луначарский, – закрыть Большой, чтобы сократить таким образом государственные расходы. Но сокращения в сущности не добились, ибо выяснили, что те издержки, которые государство сейчас несет по Большому театру, даже несколько меньше тех, которые пришлось бы нести просто по охране здания Большого театра и по содержанию оркестра, который, конечно, распустить никто никогда не думал»¹⁶⁷⁶.

Действительно, Ленин возмутился, когда прочел в записке наркома финансов Николая Николаевича Крестинского о том, что наркомпрос предполагает израсходовать на содержание театров 29 миллиардов рублей, в то время как на все российские университеты и прочие высшие учебные заведения – лишь 17 миллиардов.

А когда Луначарский написал, что иначе придется театры «положить в гроб», Владимир Ильич ответил, что в сложившихся условиях наркому народного просвещения, видимо, придется театры «положить в гроб», а побольше заняться «обучением грамоте»¹⁶⁷⁷.

В этот же период произошел эпизод, рассказанный Александром Константиновичем Воронским. Они, вместе с

Горьким, пришли к Ленину, чтобы обсудить вопрос о выпуске нового журнала «Красная новь» и издании в Берлине З.И. Гржебиным (при финансовой поддержке советского правительства) литературы для России.

«В комнату, – рассказывает Воронский, – входит Ленин; не входит, а как это обычно у него – почти вбегают. Он спешит: только что кончилось одно заседание, теперь начинается другое. На ходу ест, наливает стакан чая, быстрым и особо характерным жестом перевертывает одну из книг... бегло и быстро, сощурившись, перелистывает ее.

И в этих приемах видна прочно установившаяся манера обращаться с книгой, сразу схватить и прикинуть ее в уме. Такие жесты вырабатываются только в результате долголетнего сожительства с книгой.

Горький немного исподлобья наблюдает и присматривается к Ленину. У Ленина по обыкновению светятся глаза.

Как будто должно быть наоборот. Глаза Ленина переместить бы к художнику Горькому, а “догматик” и “схематик” должен получить маловыразительные, водянистые глаза А.М. Горького.

Горький угловат, высок, утюжен, нескладен, молчалив, неподвижен. Ленин, по-каратаевски, кругл и проворен, наэлектризованный живой комок....

Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранный Горьким с большим мастерством и вкусом.

– Да, да, – соглашается Ленин, – превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделаться в первую очередь.

– Да ведь дешевка, Владимир Ильич, – убеждает М. Горький, – пустяки, копейки...

– Золото, золото ведь идет на это. А золота нет...

Две правды, две истины. Но не о хлебе едином жив будет человек. Конечно. Но когда хлеба нет, совсем нет? Нет, пусть сначала хлеб, паровозы, мануфактура, а затем беллетристика. И за этим, якобы узким практицизмом, за этой деловой сухостью

чудится большая любовь и горячее чувство к страдающему трудовому человеку».

Позднее Александр Воронский дописал: сталкиваясь с реальной жизнью и практической работой, «я неоднократно вспоминал об этих двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды»¹⁶⁷⁸.

13 июля Горький написал М.И. Бенкендорф: «Я – в августе – еду за границу для агитации в пользу умирающих от голода. Их до 25 миллионов. Около 6-и снялись с места, бросили деревни и куда-то едут. Вы представляете, что это такое? Вокруг Оренбурга, Челябинска и других городов – табора голодных... В Симбирске хлеб 7500 руб. за фунт, мясо – 2000. Весь скот режут, ибо кормовых трав нет – все сгорело. Дети – дети мрут тысячами».

Осенью, когда засуха распространяется на Донецкую, Екатеринославскую, Запорожскую, Николаевскую губернии, уполномоченный Украинского Красного Креста пишет: «Бегство стало повальным, напоминающим массовый психоз: люди бежали, не зная куда, зачем, не имея никаких средств, не отдавая себе отчета в том, что они делают, распродавая все свое имущество и разоряясь окончательно. Беглецов не могли остановить никакие препятствия...»¹⁶⁷⁹

Получив все погубернские данные от наркома продовольствия Николая Брюханова и предсовнаркома Украины Христиана Раковского, Владимир Ильич вновь берется за расчеты.

Ориентировочно сбор налога по всей России все-таки может дать 170 миллионов пудов хлеба, а в Украине – 30 миллионов (оставив в республике для себя – 60). То есть всего можно собрать 200 миллионов пудов. Следует добавить помольный сбор: в России – 20 миллионов пудов, в Украине – 17. Наконец, товарообмен и там, и там может дать еще 20 миллионов.

В итоге получается 257 миллионов. Но, откидывая для осторожности (дабы не впасть в «бюрократические утопии») 10

процентов, получаем 231 миллион пудов. Делим на 12, выходит всего по 19 миллионов пудов хлеба в месяц¹⁶⁸⁰.

А голод охватывал все новые и новые районы. «Повсюду на пристанях, – рассказывает Елизавета Драбкина, – прямо на голой земле, в грязи, в пыли, среди остатков погасших костров целыми деревнями валялись беженцы – взрослые и дети, живые и мертвые, люди и животные. Лишь немногие еще рвались в богатую хлебом обетованную землю. Остальные уже ничего не ждали, ни на что не надеялись. Они все потеряли. У них не осталось ничего, кроме отчаяния...»¹⁶⁸¹

В прежние времена, в 1891–1892 годах, во время голода в Поволжье и Черноземном центре, охватившем районы с населением около 35 миллионов человек, значительную роль в ликвидации его последствий сыграли общественные организации¹⁶⁸².

Эту традицию решено было возродить. Но если прежде подобные инициативы появлялись в противовес государственным акциям, то теперь усилия органов власти и общественности решено было объединить. С этой целью для переговоров с «общественными деятелями» направили А.М. Горького. «Он убеждал Прокоповича и Кускову, он втравил и других в это дело сотрудничества с властью в грозную для народа минуту».

И уже 29 июня, как сообщал Горький В.В. Воровскому в Италию, – «в Оргбюро рассматривалось мое предложение: организовать Комитет общественных деятелей для борьбы с голодом и эпидемиями, а также для поездки в Америку на предмет агитации в пользу долгосрочного займа хлебом. Владимир Ильич относится к идее сочувственно. Думаем занять 100 миллионов пудов»¹⁶⁸³. А 21 июля 1921 года ВЦИК утвердил создание общественного Всероссийского комитета помощи голодающим. Его почетным председателем избрали В.Г. Короленко, а председателем Л.Б. Каменева.

Только для того, чтобы продемонстрировать необходимость критического отношения к более поздним воспоминаниям, отметим, что 33 года спустя Е.Д. Кускова написала, что совсем не

Горький «был инициатором этой организации, а пристал к ней по нашему настоянию» для того, чтобы проинформировать и «двинуть близкий ему Кремль» на организацию борьбы с голодом. При этом сама же Екатерина Дмитриевна отмечает, что о масштабах бедствия она и Прокопович узнали лишь 22 июня 1921 года, то есть спустя четыре месяца после образования Комиссии ВЦИК, когда работа государственных органов по оказанию помощи голодающим приняла планомерный характер, а Горький уже вел переговоры с общественными организациями Франции, Финляндии, Голландии и Норвегии¹⁶⁸⁴.

В состав комитета вошли известные деятели культуры К.С. Станиславский, А.И. Южин-Сумбатов, А.Л. Толстая, президент Академии наук А.П. Карпинский, академики С.Ф. Ольденбург, А.В. Ферсман, В.А. Стукалов, П.П. Лазарев, В.Н. Ипатьев, Н.Я. Марр, ученые-аграрники Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, А.Г. Доренко, толстовцы П.И. Бирюков и В.Ф. Булгаков, бывшие члены ЦК партии кадетов Н.М. Кишкин, С.Н. Прокопович, Ф.А. Головин, М.В. Сабашников и множество других представителей интеллигенции. Входили в Помгол и коммунисты – Л.Б. Каменев, А.В. Луначарский, М.М. Литвинов, Н.А. Семашко, П.Г. Смидович – всего 12 человек из более чем ста членов комитета¹⁶⁸⁵.

При обсуждении этого вопроса на заседании Политбюро ЦК 12 июля Семашко высказал опасение, что при таком составе Помгола антисоветские элементы могут использовать его в своих целях. Но Ленин ответил ему: «Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!.. Вы в "ячейке" коммунистов и не зевайте, блюдите сие строго»¹⁶⁸⁶.

Однако опасения Семашко оправдались. Первое заседание Помгола состоялось 21 июля в Белом зале Моссовета. Открыл его Каменев. Комитету ассигновали более полумиллиарда рублей, предоставили особняк в центре Москвы в районе Арбата (Собачья площадка), право выпуска собственного печатного органа. Но поскольку основная масса членов комитета была более чем загружена по основным местам работы, то (как это часто случается в общественных организациях) фактическое

руководство сразу же попыталась взять на себя группа «более свободных» общественных деятелей.

Председателя Каменева стал подменять один из основателей кадетской партии, председатель II Государственной думы Федор Александрович Головин, а также «троица» – Прокопович, Кускова, Кишкин и еще несколько человек¹⁶⁸⁷, что сразу же дало повод острословам назвать комитет «Прокукиш» или еще проще – «Кукиш».

Декларация, зачитанная Кишкиным, а позднее доклад профессора МВТУ В.И. Ясинского прежде всего ставили вопрос о «положении комитета среди ряда правительственных организаций». Эта группа полагала, что ни масштабы бедствия, ни размеры государственных запасов еще не выяснены, а посему представителей Помгола необходимо делегировать во все советские центральные учреждения, заслушать их отчеты и вынести все выявленные проблемы «на главное обсуждение общественных кругов»¹⁶⁸⁸.

Предполагалось также повсеместное создание отделений комитета с самыми широкими контрольными функциями, что, по мнению А.Ф. Головина, должно было доказать, что «В.К.П.Г. есть общественная организация, сплотившая лучшие силы государства и имеющая как в центре, так и на местах мощные аппараты»¹⁶⁸⁹.

Вся эта подготовительная работа, считал Ясинский, потребует «значительного труда и времени от активных членов Комитета»¹⁶⁹⁰, а пока одной из неотложных задач является создание «Заграничной делегации Помгола», которая, действуя совершенно независимо и самостоятельно, обладала бы правом «непосредственных сношений с правительствами иностранных держав, с различными учреждениями и частными лицами», то есть фактически выступала «от имени России»¹⁶⁹¹.

Лидер либеральной эмиграции П.Н. Милюков заметил в этой связи, что в случае успеха Головин, Кишкин и их коллеги «могут действительно сыграть ту роль, которую выдвигает исторический процесс», то есть стать своего рода предтечей нового

правительства, способного – при неумеренной фантазии эмигрантов – заменить Совнарком¹⁶⁹².

Впрочем, и московский обыватель в своих фантазиях не уступал эмигрантам. Писатель Борис Константинович Зайцев – член ВКПГ – вспоминал: «...Весь город знал о Комитете. Тогда еще считали, что “они” [т. е. большевики] вот-вот падут. Поэтому Комитет мгновенно разрисовали. Было целое течение, считавшее, что это – в замаскированном виде – будущее правительство».

С выходом комитетской газеты «Помощь», набранной хорошо знакомым обывателю шрифтом, слухи усилились. «Ее внешний вид, – пишет Зайцев, – вполне повторял “Русские ведомости”. Как только появился первый номер, по Москве прошел вздох – “Теперь уж падут!” “Русские ведомости” вышли, стало быть, уж капут!”»¹⁶⁹³.

Николай Михайлович Кишкин был убежден, что вслед «за экономическим нэпом должен следовать нэп политический», и он на полном серьезе приступил к разработке схемы – чертежа «российской конституции», выражающей, по его мнению, интересы всех классов, социальных и национальных групп – «ствол дерева с многочисленными ответвлениями».

Справедливости ради следует заметить, что позднее на вопрос следователя: «Какая сила введет эту конституцию?» – Николай Михайлович, со свойственным ему добродушием, ответил, что он «пришел к твердому выводу: измучившись в анархии, подобную конституцию введут сами Советы. <...> Ничего внешнего теперь уже не может быть...»

Еще чуть позже он сформулировал итоговую мысль: «Россия – страна самого отвратительного долготерпения и иссушающей глупости. Народ – талантливый, но не в политическом творчестве. В политике даже мы, интеллигенты, плели лапти»¹⁶⁹⁴.

Необходимо отметить, что в разработку подобного рода планов была посвящена лишь небольшая – прокадетская часть членов Помгола. Они-то и инициировали обращение во ВЦИК с просьбой о выезде группы членов комитета за границу. Они

изначально были убеждены, что Советской России никто помогать не станет: «Кормить им голодных надо, а без мирового хлеба кормить нечем. Америка и Европа им хлеба не дадут. Мы необходимы...»

Однако незадолго до этого Горький написал Ленину письмо, в котором доказывал, что посылка делегации с участием членов Помгола за границу не имеет смысла, «ибо я уже послал воззвания от своего имени С.А. Штатам, Канаде, республикам Южной Америки, Франции, французским рабочим, Англии, Германии – о медикаментах – и т. д.

Масарик уже сообщил мне, что правительство Чехии дало миллион чешских марок, т. е. 800 тысяч германских, Нансен действует великолепно, испанцы – Ибаньес и Романес – тоже, и вообще люди работают неплохо. Так что торопиться с поездкой – не вижу причин...»¹⁶⁹⁵. Возможно, это письмо сыграло свою роль, ибо ВЦИК отверг просьбу Помгола, высказав пожелание о необходимости поездки его членов прежде всего в голодающие районы.

Несмотря на это, на заседании 23 августа собравшиеся члены комитета вновь проголосовали за немедленную отправку делегации за рубеж. А когда Смидович стал пенять на то, что Помгол вместо практической работы по оказанию помощи голодающим начинает вторгаться в политику, на него, поддержанный большинством собравшихся, обрушился Прокопович, заявивший, что именно отказ в выезде как раз и вносит в работу «политический момент»¹⁶⁹⁶.

Утром 26 августа к Ленину пришли Дзержинский и Уншлихт. Проинформировав его о происходящем в Помголе, они предложили арестовать ряд его членов. Но Ленин отклонил подобную меру, посчитав, что оснований для этого недостаточно. Тогда ВЧК препровождает ему все агентурные материалы, собранные по Помголу. И в тот же день, 26 августа, Ленин обращается к членам Политбюро ЦК: поведение этих «Кукишей» яснее ясного показывает, что «мы ошиблись. Или если не ошиблись раньше, то теперь жестоко ошибаемся, если прозеваем.

Вы знаете, что Рыков незадолго до своего отъезда пришел ко мне и сказал, что некий Рунов [Т.А. Рунов, агроном-мелиоратор. – В.Л.], свой человек, рассказал ему о собрании, на котором Прокопович держал противоправительственные речи. Собрание это устроил Прокопович, прикрывался он Комитетом помощи голодающим...

Предлагаю: сегодня же, в пятницу 26/8, постановлением ВЦИКа распустить "Кукиш" – мотив: их отказ от работы, их резолюция... Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи (на собрании, где был Рунов) и продержать месяца три... Остальных членов "Кукиша" тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы... Игре (с огнем) будет положен конец»¹⁶⁹⁷.

27 августа ВЦИК принял решение о роспуске В.К.П.Г., и в тот же день в помещении Помгола были арестованы С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, Н.М. Кишкин, его секретарь Е.М. Кафьева, кооператор И.А. Черкасов, писатель М.А. Осоргин и сотрудник НКЗема Д.С. Коробов¹⁶⁹⁸. Функции В.К.П.Г. передавались Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК под председательством М.И. Калинина.

Выступая на сессии ВЦИК, Калинин сказал: «Советское правительство предполагало, что тяжелое положение в связи с открывшимся перед нами бедствием является слишком важной причиной и сможет заставить фрондирующую интеллигенцию принять участие в борьбе, отдать свои силы на ликвидацию голода...

Но политическая тенденция взяла перевес. Вместо того чтобы без всяких условий положить все силы на помощь голодающим... сидящие в общественном комитете предполагали, что на почве голода они смогут заставить Советскую власть дать те или иные политические поблажки, смогут организовать против Советской власти известные слои недовольных...»¹⁶⁹⁹

В августе Калинин объехал голодающие районы Поволжья, затем поехал на Украину. И во всех телеграммах в Москву он пишет, что положение гораздо «тяжелее, чем можно себе представить».

Ленин обращается во ВЦИК: «Калинин сообщил мне о возникшей идее собирать особо по фунту с пуда собранного хлеба на помощь голодающим в Поволжье... По-моему, надо бы: 1) провести это немедленно, 2) в порядке самой большой спешности потребовать, чтобы каждый уезд послал по несколько вагонов хлеба в Поволжье с обязательным сопровождением этого хлеба двумя-тремя местными крестьянами, которые должны убедиться в размерах бедствия и рассказать о нем местным крестьянам...»¹⁷⁰⁰

Николаю Брюханову, в Наркомпрод, Владимир Ильич пишет: «...Делегировать экстренную экспедицию (вместе с Центросоюзом) в Подольскую губернию, где, говорят, хлеба тьма и стоит он 6000 рублей пуд советскими деньгами. / (Вообще мое впечатление, что с закупкой и товарообменом НКпрод зевает и отстает безобразно. Нет инициативы. Нет смелой работы)»¹⁷⁰¹.

Ленин обращается к крестьянам Украины: «Правобережная Украина, – пишет он, – в этом году собрала превосходный урожай. Рабочие и крестьяне голодного Поволжья, которые переживают теперь бедствие... ждут помощи от украинских земледельцев. Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с поволжскими голодающими крестьянами... Пусть из каждого уезда, обеспеченного хлебом, пошлют хотя бы двух-трех выборных от крестьян в Поволжье, чтобы отвезти туда хлеб, чтобы своими глазами увидеть размеры бедствия, нужды, голода...»¹⁷⁰²

Когда к осени выясняется, что засуха распространяется и на районы юга Украины, Политбюро ЦК РКП(б), дабы не допустить перегибов, по докладу Х.Г. Раковского, В.Я. Чубаря и Г.И. Петровского 10 октября принимает решение, определяющее принципы проведения продовольственной политики на Украине – «в смысле самого осторожного и внимательного отношения к нуждам крестьян и привлечения их к содействию государству»¹⁷⁰³.

А 7 октября 1921 года Ленин подписывает обращение к крестьянам и рабочим тех регионов страны, которые не пострадали от засухи: «Дорогие товарищи! До всех вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде – о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья.

...Русских и мусульман, оседлых и кочевых – всех одинаково ждет люта́я смерть, если не придут на помощь свои товарищи – рабочие, трудовые крестьяне, пастухи и рыбаки из более благополучных местностей.

Конечно, Советская власть со своей стороны спешит на помощь голодающим, она послала уже им в срочном порядке более 12 миллионов пудов хлеба на озимое обсеменение, посылает сейчас продовольствие, организует столовые и прочее. Но всего этого мало... Государственными средствами можно кое-как пропитать до будущего урожая едва $\frac{1}{4}$ часть нуждающихся...

...Уделите же часть... для пухнувших с голоду стариков и старух, для 8 миллионов обессиленных тружеников, которым ведь надо с голодным животом целый почти год совершать всю тяжелую работу по обработке земли, наконец, – для 7 000 000 детей, которые прежде всех могут погибнуть.

Жертвуйте, дорогие товарищи... Вы сделаете не только дело человеческой совести, но вы укрепите дело... Советского государства, построенного на широчайшей помощи друг другу пролетариев самых отдаленных друг от друга мест»¹⁷⁰⁴.

О семенах для сева Ленин упомянул не случайно. К концу осени 21-го стало очевидным, что на части выжженных засухой полей речь может идти уже не об озимых посевах, а только о весенних яровых 1922 года. Иного выхода не было, ибо только сев давал крестьянам работу, какое-то пропитание, а главное – надежду на будущее.

7 ноября, выступая перед рабочими Хамовнического района Москвы, Владимир Ильич сказал: «На днях нам пришлось обсуждать вопрос о том, чтобы помочь крестьянам голодных местностей обсеменить яровые поля, и мы увидели, что количество семян, которыми обладает государство, далеко не достаточно...

...Надо 30 миллионов пудов зерна, а по продналогу мы получим только 15 миллионов, остальные же 15 миллионов пудов нам необходимо закупить за границей... И как ни тяжело закупить 15 миллионов пудов зерна, мы сможем сделать это»¹⁷⁰⁵.

«Правда» печатает обращение Ленина к международному пролетариату: «Требуется помощь от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких землевладельцев». Они «поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике...»¹⁷⁰⁶

Сколько желчи было излито нашими «лениноедами», для того чтобы доказать, что в эту годину народного бедствия Ленин гораздо больше беспокоился и щедро одаривал Коминтерн, нежели голодающих крестьян России. Читать это просто стыдно.

Между тем еще в августе Коминтерн организовал «Временный заграничный комитет помощи России». По его инициативе революционные профсоюзы Франции призвали рабочих отчислить в фонд помощи голодающим России однодневный заработок. Анатоль Франс передал в этот фонд всю сумму полученной им в 1921 году Нобелевской премии. Всего во Франции собрали около 1 миллиона франков.

В Германии коммунисты собрали 1,3 миллиона марок и на 1 миллион марок закупили продовольствие. В Австрии – 3 миллиона австрийских крон. В Италии – около 1 миллиона лир. В Чехословакии собрали 7,5 миллиона крон деньгами и на 2 миллиона крон продуктов. Голландские коммунисты передали 100 тысяч гульденов, датские – 500 тысяч марок, норвежские – 100 тысяч крон, испанские – 50 тысяч марок, польские – 9 миллионов польских марок и т. д.

Всего по 20 декабря 1921 года коммунистические организации закупили для России 312 тысяч пудов продовольствия и передали деньгами 1 миллион рублей золотом. 485 тысяч рублей золотом и 85,6 тысяч пудов продовольствия прислали социалистические организации, входившие в Амстердамский Интернационал¹⁷⁰⁷.

А вот с официальными правительственными кругами Америки и Европы переговоры никак не ладились. Впрочем, в конце июля 1921 года председатель Американской организации помощи (АРА) Герберт Гувер прислал А.М. Горькому письмо, в котором говорилось, что на определенных условиях эта организация готова рассмотреть вопрос об оказании помощи голодающим.

С согласия Ленина Горький ответил, что советское правительство готово принять представителей АРА для переговоров в Москве, Риге или Ревеле. И уже 10 августа в Риге представитель России М.М. Литвинов встретился с руководителем делегации АРА У. Брауном.

Для начала американцы отказались признать полномочия Литвинова, полученные от ВЦИК, потребовав от него мандата Совнаркома. Затем, как предварительное условие, они предъявили список из 76 американцев, которых якобы не выпускают из России. А когда СНК прислал Литвинову свой мандат, а 12 августа «Правда» опубликовала официальное заявление о том, что все граждане США могут беспрепятственно выехать из РСФСР, У. Браун потребовал сделать в переговорах перерыв¹⁷⁰⁸.

Причин перерыва он объяснять не стал, но они и так были очевидны. В западной прессе всячески муссировались разговоры о том, что АРА весьма сомневается как в платежеспособности советского правительства, так и в его реальных возможностях распределить помощь у себя в стране, что и обусловило политические требования американцев.

Получив информацию об этом, Владимир Ильич 13 августа пишет Чичерину и Каменеву: «Ввиду того, что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть, предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства... следующее: мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120 % того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства

не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Т. е. тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть тень права на административное хотя бы только вмешательство. Проверка же производится паритетными комиссиями (от нашего правительства и от них) на местах.

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осраим их перед всем миром»¹⁷⁰⁹.

В тот же день соответствующая телеграмма, предложенная Лениным, была послана в Ригу Литвинову.

Первоначально в переговорах с АРА речь шла об адресных продовольственных посылках в голодающие районы. Вопрос этот обсуждался Политбюро ЦК 18 октября. Сталин предложил рассматривать эту акцию как сугубо коммерческое предприятие, а посему – взимать плату за провоз посылок от границы до складов. Ленин возразил, ибо увидел в этой форме благотворительности, помимо «коммерции», реальную помощь голодающим. Эта поправка была принята, и 19-го проект соглашения с АРА по этому вопросу утвердили¹⁷¹⁰.

Твердая позиция Советской России и нежелание руководства АРА терять престиж своей организации, рекламируемой во всем мире как сугубо не коммерческой и не политической, а исключительно благотворительной, сделали свое дело. 20 августа 1921 года соглашение о сотрудничестве между советским правительством и Американской организацией помощи было подписано.

То, что среди сотрудников АРА, прибывших в Россию во главе с полковником Уильямом Гаскеллом, было немало профессиональных разведчиков, как и то, что в состав обслуживающего АРА персонала ВЧК внедряло своих агентов, – это факт. Но, как показывают современные исследования, это не помешало конструктивной работе. И в Поволжье, и на юге Украины АРА развернула сеть детприемников, медицинских, питательных пунктов и т. п.

Что же касается европейских правительств, то с ними договориться так и не удалось. Интервенционистские круги

Запада создали специальную Международную комиссию для помощи голодающим России. Но во главе ее был поставлен бывший посол Франции в России, один из активных организаторов как интервенции, так и мятежей против Советского государства – Жозеф Нуланс.

4 сентября он прислал в Наркомат иностранных дел телеграмму, в которой выставил предварительные условия оказания помощи. Они лишь повторяли то, что формулировали до этого и в «Прокукише», и первоначально в АРА: Россия должна принять комиссию экспертов для детального обследования положения на местах, и в случае положительного решения о помощи именно они будут контролировать само распределение продовольствия среди голодающих.

«Нуланс нагл до безобразия», – написал в тот же день Ленин, и по его предложению требования этой международной комиссии были отвергнуты как попытка вмешательства во внутренние дела Советской республики¹⁷¹¹.

Точка была поставлена 6–8 октября 1921 года, когда на конференцию в Брюсселе собрались представители 19 европейских государств (Англии, Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Швеции, Италии, Испании и др.). Конференция выработала рекомендации для правительств этих стран, определявшие возможность предоставления кредитов Советской России для борьбы с голодом.

Условиями такой помощи должны были стать: восстановление в России «нормальных условий экономической жизни», признание долгов прежних правительств и контроль за распределением продуктов на территории страны иностранными экспертами¹⁷¹². Принципиальное совпадение подобного рода требований объяснялось простой и давно известной истиной: тот, кто во время голода кормит, тот и правит.

Поэтому Ленин сразу ответил: капиталисты «заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей Рабоче-Крестьянской республикой»¹⁷¹³.

Договориться с европейским «начальством» таким образом не удалось. А вот с теми, кого по праву можно было считать общественностью Европы, ее честью и совестью, отношения сложились совсем по-иному.

Летом 1921 года знаменитый полярный исследователь Фритьоф Нансен получил от Горького письмо с просьбой провести в Норвегии сбор сушеной рыбы для голодающих России. Рыбу собирать Нансен не стал, а, получив полномочия представителя Международного Красного Креста, выехал в Поволжье. Он объехал Саратовскую и Самарскую губернии, и то, что он там увидел, ужаснуло и глубоко потрясло его.

Нансен побывал в деревенских избах и в переполненных больницах, детдомах и детприемниках. «И когда он приехал в большое самарское волостное село Дубовый Омет и увидел, как со всех сторон к нему не идут, а ползут по земле матери с детьми и припадают к его ногам, моля о помощи, этот человек, который столько раз без страха глядел в глаза смерти, заплакал»¹⁷¹⁴.

Нансен верил, что позицию европейских правительств сможет изменить его обращение в Лигу Наций. И в сентябре 1921 года он выступил с ее трибуны с просьбой о небольших субсидиях на транспортные расходы по перевозке продовольствия в Россию.

«От 20 до 30 миллионов людей находятся под угрозой голода и смерти, – сказал он. – Если в продолжение двух месяцев они помощи не получают, их участь предрешена. Все, что нужно для спасения их, находится от них только за несколько сот миль...

В этом году в Канаде урожай так хорош, что Канада может вывести в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что... ее употребляют в качестве топлива для паровозов... А там на Востоке гибнет 30 миллионов людей!»

Нансен пытался воздействовать не только на разум, но и на чувства делегатов Лиги Наций: «Во имя человечества, во имя

всего, что для вас свято, я апеллирую к вам, имеющим жен и детей. Я хочу, чтобы вы поняли, что значит видеть миллионы гибнущих женщин и детей. С этой трибуны я обращаюсь к правительствам, к народам, ко всему миру и зову на помощь. И я спрашиваю: неужели на этом собрании найдется человек, который посмел бы сказать, что пусть лучше погибнут двадцать миллионов, чем оказать помощь Советскому правительству? Я требую от этого собрания ответа на мой вопрос...»

Но с таким же успехом Фритьоф Нансен мог выступать в Арктике перед белыми медведями. В субсидиях на транспортные расходы Лига Наций отказала. А один из делегатов с места заявил: «Я предпочел бы, чтоб вымер весь русский народ, чем рискнул бы оказать какую бы то ни было поддержку Советскому правительству...»¹⁷¹⁵

Спустя несколько лет, вступая в должность ректора шотландского университета в Сент-Эндрю, Нансен сказал: «Во время голода в России в 1921–1922 годах, когда небывалая засуха вызвала неурожай в Поволжье и на самых плодородных землях России, когда тридцать миллионов людей голодали и тысячами умирали, я обратился с призывом помочь этим несчастным, и вскоре множество людей в вашей стране и во всем мире откликнулись на него и великодушно присылали деньги.

Но гораздо больше было тех, кто занялся выяснением, кто виноват: засуха или политическая ситуация в России? Как будто это имело какое-то значение для умирающих от голода и могло облегчить их страдания... Политики во всем мире находили разные предлоги, чтобы не оказывать помощь России, утверждая, что голод – это вина самой России, ее большевистской системы. Только представьте себе, сколько жизней можно было спасти... Я считаю, что мир устроен несправедливо»¹⁷¹⁶.

Тогда, в 1921 году, после выступления в Лиге Наций против Нансена была развернута целая кампания. Его обвиняли в том, что он чуть ли не «продался» большевикам и что первый же поезд с продовольствием, направленный в Россию, тут же будет этими большевиками разграблен. Как пишет Эдвард Шеклтон,

дело дошло до того, что «самого Нансена обвинили в том, что он извлекает выгоду из этого мероприятия, и лорду Роберту Сэсилу пришлось специально выступать в его защиту, напоминая всем, что Нансен работает вообще без какого то ни было вознаграждения»¹⁷¹⁷.

Узнав из прессы об этой кампании, Ленин 5 сентября написал Чичерину: «Кампания "за Нансена" и "против Нансена" ясно показывает... что мы должны ответить Нулансу архирезким отказом... Только тогда мы выиграем, приобретем на свою сторону "про-нансеновские" элементы и покончим игру антинансеновцев»¹⁷¹⁸.

Советское правительство подписало с Нансеном официальное соглашение. Нансена поддержали миссия Международного Красного Креста, Международный совет по спасению детей, Шведская экспедиция помощи, американские квакеры. С поддержкой выступили Альберт Эйнштейн, Бернард Шоу, Анатоль Франс, Линкольн Стеффенс, и в фонд Нансена со всех концов света в конечном счете поступило свыше 40 миллионов франков¹⁷¹⁹.

Но и при таких масштабах помощи, поступавшей из-за рубежа, она все-таки погашала лишь малую долю тех потребностей, которые вызвал голод. На протяжении всей осени и зимы 1921 года Советское государство предпринимало отчаянные усилия по мобилизации всех продовольственных ресурсов. Не было ни одного заседания СНК или СТО, где бы не обсуждались эти вопросы.

Достаточно указать, что количество «едоков», находившихся на содержании государства, удалось уменьшить главным образом за счет демобилизации армии и сокращения госаппарата – с 38 миллионов человек в 1920 году до 8 миллионов в конце 1921-го¹⁷²⁰.

Такого рода ситуация в стране во многом объясняет, почему в «злосчастном», как выразился Глеб Кржижановский, 1921 году многие возможности, заложенные в НЭПе, не удалось выявить полностью. «Добровольного» продналога и «свободного

торгового оборота» зачастую никак не получалось. И многие современные исследователи сходятся на том, что «если руководствоваться наличием чрезвычайщины, признаков военного коммунизма, то еще целый год после X съезда РКП(б) их элементы в экономическом укладе страны были гораздо сильнее, чем слабенькие нэповские начинания...»¹⁷²¹.

23 декабря 1921 года на IX Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич подвел некоторые итоги проделанной работы. «Нам необходимо не меньше, чем 230 млн. пудов. Из них 12 млн. пудов голодающим, 17 млн. на семена и 15 млн. резервного фонда, – а мы можем получить 109 млн. продналогом, 15 млн. помольным сбором, 12½ от возврата семенной ссуды, 13½ млн. от товарообмена, 27 млн. с Украины...»¹⁷²²

Из-за границы получена помощь в размере 2½ миллиона пудов. Но пришло известие, что американское правительство, на тех же условиях, которые предоставлены АРА, готово продать нам в течение трех месяцев продовольствия и семян дополнительно на сумму 20 миллионов долларов, если мы еще добавим от себя 10 миллионов долларов.

«...Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу». Таким образом, можно закупить 38 миллионов пудов зерна. И «в течение первых трех месяцев мы на сумму 30 миллионов долларов, т. е. 60 миллионов золотых рублей, продовольствие и семена для голодающих обеспечим.

...Это ни в коем случае не перекроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но, во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает».

Уверенность в том, что страна выберется из кризиса, вселяло и то, что, несмотря на чудовищное бедствие, крестьянам с помощью государства осенью 1921 года все-таки удалось в целом по России расширить (по сравнению с 1920-м) посевы. И мы «имеем надежду весной добиться еще большего успеха»¹⁷²³.

Значит, появилась уже не просто надежда, но и вполне реальная почва для оптимизма. «Нужда и бедствия, – пишет

Ленин, – велики.

Голод 1921 года их усилил дьявольски.

Вылезем с трудом чертовским, но вылезем. И начали уже вылезать»¹⁷²⁴.

«Общее дело»

Итак, надежда на то, что из нужды и голода «вылезем», есть. Ну, а дальше? Что дальше? Увы, революция произошла в стране с таким материальным базисом, который, позволив свергнуть помещиков и буржуазию, еще не давал возможности перейти в «светлое царство коммунизма». Для этого нужен был гигантский рост производительных сил, создание принципиально иной материально-технической базы. Но как раз эта задача – в силу разрушительных условий долгой войны – труднее всего давалась советской власти.

То, что Русская революция забежала далеко вперед, для Ленина было очевидным. 20 сентября 1921 года Владимир Ильич пишет заместителю заведующего Центрального архивного управления В.В. Адоратскому, готовившемуся в то время к изданию работ Маркса и Энгельса: «Не могли бы Вы помочь мне найти... ту статью (или место из брошюры? или письмо?) Энгельса, где он говорит, опираясь на опыт 1648 и 1789, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить, для закрепления менее значительных преобразований?»¹⁷²⁵

У истории действительно существуют свои законы, сколько бы не иронизировали по этому поводу современные российские постмодернисты. Для великих, подлинно народных революций характерно, в частности, известное забегание вперед.

В ходе общественных преобразований, сталкиваясь с отчаянным сопротивлением «старого режима», революционная волна лишь наращивает силу ударов, безоглядно круша все подряд. Здесь господствуют законы драки, где – как говорил Ленин Горькому – просто невозможно рассчитать

целесообразность каждого удара. Ведь не диктовалась же никакими объективными обстоятельствами Великой Французской революции необходимость введения нового календаря! Тут действовала лишь логика борьбы.

«Выражая умонастроения и интересы радикально настроенного ядра рабочего класса, – пишет современный исследователь профессор В.В. Журавлев, – большевики понимали, что логика развития революционного процесса не позволяет им останавливаться на полпути».

Ограничивать движение – в той резко конфликтной обстановке – «лишь оборонительными задачами значило заведомо проиграть ту грандиозную битву с капиталом, которая уже повсеместно шла, вне зависимости от доктрин, планов и намерений различных политических сил общества»¹⁷²⁶.

Известный французский экономист Жак Рюэфф – после богатого опыта всех французских революций – написал: «Истинная задача всегда заключается в том, чтобы оценить дозу прошлого, которую можно терпеть в настоящем, и дозу настоящего, которую следует сохранять для будущего».

Но так можно рассуждать лишь потом, когда схватка миновала. А в годы Великой Русской революции, когда неприятие прежнего устройства жизни перехлестнуло через край, вооруженный войной народ рушил все, что так или иначе было связано со «старым режимом». Происходил переход количества в качество. И прав Александр Блок: надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы породить такой взрыв народной ярости и ненависти¹⁷²⁷.

Но вполне закономерным являлось и то, что после того, как революционная волна забежала слишком далеко вперед, становился неизбежным ее отлив, обратная волна. Французская революция продемонстрировала этот закон достаточно наглядно: после крайних радикалов-якобинцев наступило время умеренных. Начался Термидор.

Термидор – «дарующий тепло» – название летнего месяца во французском революционном календаре. Слово это сохранилось в памяти потомков как метафорическое обозначение

перелома в ходе революции. 9 термидора – 27 апреля 1794 года якобинская диктатура была свергнута.

Следующей страницей истории стал Наполеон, а после него – реставрация династии Бурбонов. Волна воинствующего реванша откатилась настолько далеко, что о Бурбонах справедливо было сказано: «Они ничего не поняли и ничему не научились»¹⁷²⁸.

Впрочем, и «обратная волна» имела свои пределы. Историю невозможно повернуть вспять. «Реакция, начавшаяся еще до Наполеона... – отметил в свое время Н.Г. Чернышевский, – не сумела искоренить ни революционной тенденции, ни даже законов, ею произведенных в краткий период шести лет от 1789 до 1795...»¹⁷²⁹ Бурбоны после реставрации могли сколько угодно переименовывать улицы, площади и календари, возвращать дворцы и титулы, а вот новые земельные отношения в деревне, новые правовые нормы, зафиксированные «Кодексом Наполеона», отменить было уже невозможно.

В России ждать тихого и уютного «термидора» не приходилось. Ибо после столь ожесточенной гражданской войны контрреволюционные силы мечтали лишь о мести и реванше. Этой возможности лишал их НЭП.

Виктор Серж, работавший в те годы в аппарате Коминтерна, пишет: «В эти черные дни Ленин сказал одному из моих друзей о НЭПе буквально следующее: "Это Термидор. Но мы не дадим себя гильотинировать. Мы совершим Термидор сами!"»¹⁷³⁰

Надо полагать, Серж говорит о беседе Ленина с Жаком Садулем летом 1921 года, излагая достаточно вольно слова Владимира Ильича. В воспоминаниях самого Садуля фраза Ленина звучала так: русские «рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем [французские] буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать»¹⁷³¹.

Никаких иллюзий относительно того, что российский пролетариат только собственными силами сможет вытащить страну из кризиса, у Ленина не было. В том, что касается

налаживания производства и его рациональной организации, – это дело у капиталистов, несомненно, получалось гораздо лучше.

Так, может быть, правы были политические оппоненты Ленина, предлагавшие признать наконец, что революция оказалась буржуазной, вернуть российскую экономику буржуазии, уповая на то, что капиталистическое предпринимательство и «стихия рынка» поднимут страну и поставят все на свое место. Однако и такого рода иллюзиями Владимир Ильич не страдал.

Начавшаяся эпоха империализма и в особенности Первая мировая война убедительно показали, какими гигантскими возможностями обладает «государственный капитализм», т. е. регулирование экономической жизни страны ее политической надстройкой.

К аналогичному выводу пришел и крупнейший английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Не случайно он искал встречи с Лениным и предлагал ему выступить со статьей в солидном британском издании¹⁷³². Но если Кейнс использовал это знание для того, чтобы с помощью экономического регулирования укрепить капиталистическую систему, то для Ленина этот вывод открывал совершенно иные перспективы.

Владимир Ильич был убежден (и последующий опыт XX века подтвердил это), что в слабо- и среднеразвитых странах, с огромным преобладанием мелкобуржуазных слоев населения, только государство способно разработать наиболее рациональную промышленную политику, в которой общенациональные интересы будут преобладать над частными.

А во-вторых, только государство сможет обеспечить необходимый объем инвестиций и организовать для реализации крупномасштабных экономических проектов эффективное использование материальных и людских ресурсов, не давая возможности «стихии рынка» распылить их на потребу дня. Иными словами, как говорили много лет спустя во время реформ Эрхарда в Западной Германии, только активизация роли государства способна «защитить рынок от него самого».

Для многих вполне интеллигентных людей – особенно тех, кто в юности баловался чтением Маркса, – само сочетание таких понятий, как «пролетарское государство» и «государственный капитализм», являлось, как нынче говорят, оксимороном, т. е. нелепицей. Об этом Ленин упомянул на X съезде РКП(б).

«В Москве, – говорил он, – есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать “общественное мнение”. Он [Этот слой. – В.Л.] начал потешаться: “Вот так коммунизм вышел! Вроде того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка”. Этого рода шуточку я достаточно слышал...

Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы можем вылезать без костылей, – значит ничего не понимать... и отделяваться теми или иными остротами».

И если есть возможность использовать в качестве костылей какие-то капиталистические методы хозяйствования и самих капиталистов, то мы можем «и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма...

Удержать же пролетарскую власть в стране неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, – за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, – нельзя. Это надо понять»¹⁷³³.

Среди коммунистов тоже было немало таких, кто, пройдя школу «красногвардейской атаки на капитал», был искренне убежден в том, что какие бы прилагательные не лепили к слову «капитализм», он все равно остается капитализмом, никак не совместимым с борьбой за коммунизм. И с началом НЭПа (как, впрочем, и в 1918 году) Ленину постоянно приходилось терпеливо разъяснять смысл новой политики.

«Безусловно, свобода торговли, – говорил Владимир Ильич 5 июля 1921 года на III Конгрессе Коминтерна, – означает свободу

капитализма... Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто».

Но важно понять главное, что мы создаем не просто капитализм, а «новую его форму... Это – государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве – это два различных понятия».

Разница состоит в том, что в капиталистическом государстве госкапитализм контролируется государством «на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще сильной буржуазии и бороться против нее».

Не затрагивая политических институтов, без денационализации, требуя лишь строжайшего соблюдения советских законов и условий концессий, мы, – продолжал Ленин, – передаем капиталистам рудники, леса, нефтяные источники, сдаем в аренду предприятия, «чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т. д. и таким образом восстановить нашу собственную промышленность.

...Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся, чему должны учиться. Кто хочет учиться, должен платить за учение». Да, это «дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время – значит выиграть все...»¹⁷³⁴

То, что шаг за шагом необходимо восстанавливать и развивать прежние сохранившиеся индустриальные центры, – это было несомненно. То, что для этого необходимо заимствовать у Запада передовую технику и технологию, – это тоже было очевидно. Но не только это.

Владимир Ильич полагал, что «не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники, что следовало бы сделать шаг дальше»¹⁷³⁵. Иными словами, он ставил вопрос не просто о восстановлении народного хозяйства и даже, как это принято считать, не о «догоняющем» варианте

(т. е. повторяющем ту же траекторию движения), а обгоняющем пути развития России¹⁷³⁶.

Именно такую возможность прорыва в будущее, подведения под народное хозяйство самой передовой научно-технической базы давала электрификация. Вместе с тем она формировала и наиболее благоприятные условия для последующего перевода производительных сил страны к новым, социалистическим производственным отношениям.

Первые шаги электрификации в конце XIX – начале XX века в наиболее развитых странах Европы, Америки, да и в самой России вполне доказали ее эффективность. Однако преобладание частного интереса в экономике препятствовало созданию крупных единых энергосистем, и процесс электрификации происходил медленно и крайне непланово.

Лишь маленькой Норвегии с ее богатейшими гидроресурсами удалось в начале столетия осуществить общегосударственную программу строительства крупных ГЭС, которая вывела ее на первое место в мире по производству электроэнергии на душу населения.

Уже в апреле 1918 года, когда Ленин мечтал о «могучей и обильной» России, набрасывая план научно-технических работ, Владимир Ильи пишет о необходимости электрификации промышленности, транспорта и использовании электроэнергии в земледелии для достижения высокого уровня развития производительных сил страны¹⁷³⁷.

В том же 1918 году начинается строительство государственной Шатурской районной электростанции и гидростанции на реке Волхов, в феврале 1919-го – Каширской государственной электростанции, затем станции «Красный октябрь» на Уткиной Заводи под Петроградом.

«Если в 1918 году, – отметил Ленин, – у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4757 kw – киловатт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 (с 1648 kw), а в 1920 году до 100 (с 8699 kw)». И Владимир Ильич заключал: «Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено...»¹⁷³⁸

В самом начале 1920 года, когда стало очевидным, что разрушительная гражданская война близка к завершению, по указанию Ленина издается брошюра Г.М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России» с эпиграфом: «Век пара – век буржуазии, век электричества – век социализма». Она раздается делегатам 1-й сессии ВЦИК 7-го созыва, и 3 февраля 1920 года ВЦИК принимает решение о разработке государственного плана электрификации России.

21 февраля Президиум ВСНХ образовал для этого специальную комиссию во главе с Кржижановским, а 24 марта СТО утвердил положение о Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). В ее работе приняли участие свыше 200 виднейших деятелей науки и техники страны, подготовивших «План электрификации РСФСР».

Новая экономическая политика и план ГОЭЛРО сыграли и здесь решающую роль.

«Более 200 специалистов, – заметил Ленин, – почти все, без исключения, противники Советской власти – с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты»¹⁷³⁹. Даже таких видных разработчиков плана, как профессор Петр Семенович Осадчий, профессор Борис Евдокимович Воробьев и профессор Генрих Осипович Графтио, Владимиру Ильичу приходилось в 1921 году вытаскивать из арестного дома ВЧК¹⁷⁴⁰.

Тем более интересно, что в ряде существенных моментов мысли «заказчиков» и «разработчиков» сразу совпали. И первое – это оценка стратегического направления и уровня экономического развития России.

В докладе комиссии ГОЭЛРО указывалось: 1) нельзя ставить Россию в один хозяйственный ряд с Китаем, Персией, Турцией и другими странами так называемого «азиатского деспотизма»; 2) «ходячее представление о том, что вообще все хозяйство России является более всего земледельческим, нуждается в значительных оговорках»; 3) на протяжении всего довоенного периода упрочилась тенденция к снижению «чаши весов деревенской России» в экономическом развитии страны; 4) «уже

в довоенное время наша индустриализация шла более ускоренным темпом, чем где бы то ни было»¹⁷⁴¹.

Естественно, что никто из ученых, пришедших к таким выводам, понятия не имел о проходившей в то время дискуссии Ленина с Бухариным, в которой Владимир Ильич настаивал на том, что Россия относится к числу «среднеслабых стран» и что без «известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»¹⁷⁴².

Но главное, у «заказчиков» и «разработчиков» совпало центральное решение – не восстанавливать прежнюю Россию 1913 года, а совершить исторический прорыв: подвести под все народное хозяйство страны принципиально новую энергетическую базу, то есть встать на путь электрификации РСФСР.

И то, что такой грандиозный план был составлен буквально в считанные месяцы, свидетельствовало о том, насколько выношенным и продуманным в предшествующие годы – начиная с первых шагов индустриализации времен Витте – было это решение.

План состоял из программы А, рассчитанной на реконструкцию довоенной энергетики, и программы Б, предусматривавшей строительство 30 районных, точнее – региональных электростанций (20 тепловых, в том числе Каширская, Шатурская, Нижегородская, Штеровская, Кизилевская, Челябинская и др., использующих прежде всего местные виды топлива – от низкосортного угля и торфа до сланцев), а также 10 ГЭС (Волховской, двух Свирских, Днепрогэса и др.).

Суммарную годовую выработку электроэнергии намечалось довести до 8,8 миллиарда киловатт-часов против 1,9 миллиарда киловатт-часов, вырабатывавшихся в предвоенной России. Причем рост мощности станций должен был опережать темпы роста промышленного производства.

К сожалению, в сознании многих людей план ГОЭЛРО нередко связывается исключительно с проблемой электрификации страны. Между тем это был первый в мире

комплексный план развития народного хозяйства страны в целом, предусматривавший принципиальные направления экономической политики в сфере промышленности, транспорта, модернизации сельскохозяйственного производства и т. д.

Срок реализации этой великой программы определялся в 10–15 лет. За это время предполагалось увеличить промышленное производство – в сравнении с 1913 годом – на 80–100 %, добычу угля довести до 62,3 млн тонн в год (в 1913-м – 29,2), нефти – до 11,8–16,4 млн тонн (против 10,3 в 1913-м), железной руды до 19,6 (против 9,2 в 1913-м), выплавку чугуна до 8,2 млн тонн (против 4,2 млн).

Предусматривалась также всесторонняя реконструкция транспорта и электрификация важнейших железнодорожных магистралей, строительство новых дорог. Намечались работы по электрификации деревни, механизации сельского хозяйства, развитию ирригации и мелиорации, внедрению агрохимии, новейших систем земледелия, решение ряда экологических проблем и т. д. А на основе электрификации и механизации всех производств предполагалось добиться не только коренных изменений в условиях труда, но и значительного роста его производительности.

Столь грандиозный по своим масштабам план требовал дальнейшей детальной проработки и, прежде всего, вовлечения в его реализацию широчайшего круга специалистов. В определенной мере эту задачу удалось решить благодаря VIII Всероссийскому электротехническому съезду. Первоначально его созыв намечался на август, но собрался он лишь 1–10 октября 1921 года с участием 893 делегатов из 102 городов России и 475 гостей. Лишь после учета рекомендаций этого съезда 21 декабря 1921 года план ГОЭЛРО был утвержден Совнаркомом и одобрен IX съездом Советов.

Связывая будущее России с радикально новой производительной силой, которой являлась тогда электрификация, план ГОЭЛРО создавал новые возможности для развития новых производственных и общественных отношений. И в этом смысле любые попытки рассматривать НЭП без учета

целей и задач, которые ставились планом ГОЭЛРО, а сам план вне политики НЭПа – малопродуктивны.

Размышляя над различными аспектами плана ГОЭЛРО, Ленин изначально придавал особое значение не столько технической, сколько политической стороне данного проекта. В уже приводившемся письме Кржижановскому от 23 января 1920 года Владимир Ильич писал: «Я думаю, подобный “план” – повторяю, не технический, а государственный – проект плана... надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы, увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической...

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10–20 лет»¹⁷⁴³.

Сегодня это, вероятно, назвали бы поисками «общенациональной идеи». Но это было бы неверным. Ленин искал не «идеи», а – как выразился бы Чернышевский – того «общего дела», которое могло бы соединить действия широчайших народных масс.

Весь предшествующий политический опыт Владимира Ильича свидетельствовал о том, что сплотить самые разнородные по своему характеру классы и социальные группы способны не высокие слова или лозунги, а именно большое общее дело, которое отодвинет в сторону иные, менее значимые мотивы действий и поступков.

Представьте, к примеру, что для большой группы людей чрезвычайно важно перенести на другое место тяжелейшее бревно, перегородившее дорогу. Вот и надо для решения этой – всем понятной задачи – объединить как можно больше «рабочих рук». Невзирая на то, совпадают ли у них взгляды на те или иные «идеи» и «идеалы». Важно одно – убрать бревно с дороги.

План ГОЭЛРО + НЭП как раз и мог стать таким «общим делом» возрождения России. «Сим победиши» – Так победим, – записал Ленин в мае 1921 года¹⁷⁴⁴.

«Гражданский мир»

Так уж случилось, что слова «гражданский мир» применительно к России написал в статьях, посланных Ленину, человек весьма одиозный, с «мутной» душой и биографией, исключенный в 1922 году из РКП(б) за антипартийную деятельность – Гавриил Мясников, или, как звали его уральцы – Ганька.

Между прочим, именно он в июне 1918 года положил начало уничтожению царской семьи, расстреляв, вопреки всем директивам, исходявшим из Москвы, Михаила Александровича Романова и его секретаря. Тогда он был уверен, что «в Кремле совершают ошибку», сохраняя жизнь Романовых, но он сам исправит ее, и Михаил «будет убит... А как отнесутся к этому Свердлов и Ленин? А как бы не отнеслись, – писал он, – для меня безразлично. Я знаю свой долг, я его выполняю. ...На стороне Ленина и Свердлова только авторитет, а на моей стороне – авторитет правды». И пусть это «послужит сигналом к уничтожению всех Романовых...»¹⁷⁴⁵.

Спустя всего несколько недель так оно и случилось. В середине июля, когда белые войска стали обходить Екатеринбург с юга, намереваясь отрезать его от Европейской России, по решению Уралоблсовета Романовы были расстреляны.

В. И. Ленин во время 3-го конгресса Коммунистического Интернационала, лето 1921 года

Один из активных участников этих событий М. Медведев (Кудрин) вспоминал, что вечером 16 июля Облсовет собрался в неполном составе. «Сообщение о поездке в Москву к Я.М. Свердлову делал Филипп Голощекин. Санкции ВЦИК на расстрел семьи Романовых Голощекину получить не удалось. Свердлов

советовался с В.И. Лениным, который высказался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II...»¹⁷⁴⁶.

Дело в том, что еще в конце апреля 1918 года в Тобольск прибыл специальный отряд во главе с комиссаром В.В. Яковлевым (К.А. Мячиным), которому Ленин и Свердлов подписали мандат о чрезвычайных полномочиях, для того чтобы он доставил Николая II в Москву. Вся семья Романовых решительно заявила, что едет с ним. Однако, по распоряжению Уралсовета, угрожавшего подрывом железнодорожного пути, поезд развернули на Екатеринбург. Так Романовы и попали в дом Ипатьева¹⁷⁴⁷.

В материалах следственной комиссии, образованной по приказу Колчака, зафиксированы показания телеграфистов, согласно которым Ленин тогда же направил командующему Североуральским фронтом Рейнгольду Берзину следующую телеграмму: «Взять под охрану царскую семью и не допускать каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае собственной жизнью».

Наконец, известная телеграмма Ленина в Стокгольм 16 июля 1918 года убедительно свидетельствует о том, что о возможности предстоящего расстрела Владимир Ильич не только не знал, но и не подозревал¹⁷⁴⁸.

И тем не менее, как пишет другой активный участник этих событий Григорий Никулин, Уралсовет принял решение «совершенно самостоятельно, на свой страх и риск». В ночь на 17 июля Романовы были расстреляны.

Сообщение в Москву послали лишь 18 июля в 12 часов. В нем говорилось о том, что расстрелян лишь Николай II, а его семья эвакуирована. Редактор «Уральского рабочего», член Облсовета В. Воробьев писал: «Помню, товарищам моим было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением Президиума областного Совета, и было неизвестно, как на это "самоуправство" будут реагировать центральная власть, Я.М. Свердлов, сам Ильич...».

В протоколе Совнаркома № 159 от 18 июля 1918 года записан ответ: «Постановили: Принять к сведению»¹⁷⁴⁹.

...И вот теперь, спустя три года, с началом НЭПа, тот самый Гавриил Мясников, который фактически стал чуть ли не одним из «родоначальников» красного террора, пришел к выводу, что настала пора, когда, как говорится в Писании, – «волк почиет с агнцем». К этому письму Мясникова и его пониманию «гражданского мира» мы еще вернемся. Важно то, как отреагировал на это Ленин.

«В начале статьи, – пишет ему 5 августа 1921 года Владимир Ильич, – вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга “гражданская война” лозунгом “гражданский мир”, тот смешон, если не хуже. Да, в этом вы правы.

...В вопросе “гражданский мир или гражданская война”, в вопросе о том, как мы завоевали и продолжим “завоевание” крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших коренных, мировых (= касающихся сути мировой политики) вопросах... вы сумели встать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а на марксистскую. Вы сумели там поделовому, трезво учесть взаимоотношения всех классов»¹⁷⁵⁰.

Иными словами, для Ленина «гражданский мир» был прежде всего союзом с подавляющим большинством народа – крестьянством. Для него это была проблема не только нравственная, не только вопрос, как писал Степан Данилов, о «любви и сострадании», но и неременное условие достижения тех высоких целей, которые стоят перед Русской революцией. Упоминавшееся выше «бревно», лежавшее поперек дороги, надо было тащить, как говаривали на Руси, «всем миром».

«Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, – напоминал Владимир Ильич одну из аксиом марксизма, – тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»¹⁷⁵¹.

Вокруг этой проблемы, собственно, и разгорелась в партии накануне X съезда так называемая «профсоюзная дискуссия»,

суть которой как раз и сводилась к вопросу «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой»¹⁷⁵².

Необходимо отметить, что к самому понятию «массы» Ленин всегда относился конкретно – исторически. «Понятие “массы”, – пояснял он, – изменчиво, соответственно изменению характера борьбы».

Когда революционное движение в России только пробуждалось и делало первые шаги, «достаточно было нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе... Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыхавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса».

Однако с началом и победой революции «понятие “массы” становится другим». Для удержания власти и достижения целей революции, пояснял Ленин летом 1921 года, под массами разумеют уже не только большинство рабочих, но и большинство сельского населения, всех трудящихся. Иное понимание, подчеркивал Владимир Ильич, – «недопустимо для революционера»¹⁷⁵³.

НЭП прежде всего обеспечивал доверие крестьянства к власти. А значит, и союз рабочего класса с крестьянством, составлявшим большинство населения России, без которого не то что строить, но и сохранить государство было невозможно.

Когда 30 декабря 1920 года Ленин, выступая перед делегатами VIII съезда Советов, сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское... А из этого очень многое вытекает», – Бухарин с иронией выкрикнул: «Какое? Рабоче-крестьянское?»

Ленин услышал: «И хотя т. Бухарин сзади кричит: “Какое? Рабоче-крестьянское?”, но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ». То есть для Владимира Ильича это была аксиома¹⁷⁵⁴.

Без союза с крестьянством никакого будущего Русская революция не имела вообще. «10–20 лет правильных отношений с крестьянством, и обеспеченная победа», – считал Ленин. А вот если эти «соотношения» будут нарушены, если они окажутся «неправильными», то тогда неизбежны «20–40 лет мучений белогвардейского террора. Aut – aut. Tertium non datur [Или – или. Третьего не дано]»¹⁷⁵⁵.

И не потому, что «красные» – хорошие, а «белые» – злые и плохие. А по той простой причине, что любая власть, не выражающая волю большинства народа, не опирающаяся на его поддержку, сможет держаться и управлять страной лишь с помощью самого жестокого террора, да и то до определенного предела и срока.

НЭП обеспечивал советской власти доверие и поддержку со стороны крестьянства, а план ГОЭЛРО сулил деревне самые заманчивые и радужные перспективы. При этом никто и ничего не собирался навязывать деревне.

«Мы не побоимся работать в течение 10 или 20 лет, – говорил Ленин на сессии ВЦИК, – но мы должны показать... крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание»¹⁷⁵⁶.

Теперь «самое главное и основное, – сказал Ленин, выступая 29 ноября 1921 года на Московском губернском сельскохозяйственном съезде, – чтобы в нашей крестьянской массе проснулось сознание необходимости улучшить крестьянское хозяйство и чтобы те практические шаги, которые сделаны, вы сами обсудили всесторонне. Все то, что вами будет здесь высказано, нами будет принято во внимание...»¹⁷⁵⁷

С началом НЭПа стремление к максимальному укреплению союза с крестьянством диктовало необходимость проведения системы мероприятий не только политического и экономического

характера, но и определенной корректировки политики государства по отношению к церкви.

По расчетам В.А. Алексеева, 70 % населения России, порядка 115–120 миллионов человек, а это не только подавляющая масса крестьянства, но и значительная часть рабочих, считали себя православными и старообрядцами. Как организация РПЦ располагала мощным аппаратом управления своей паствой, насчитывавшим в 1915 году около 66 335 священнослужителей, а именно: 47 678 священников, 15 205 диаконов, 3282 протоиерея, 2 протопресвитера, 136 епископов, 29 архиепископов и 3 митрополита.

Около 11 % населения страны (более 26 миллионов) числилось мусульманами, около 5 % – протестантами, чуть более 4 % – иудеями, и 1 % – сторонниками прочих религиозных культов¹⁷⁵⁸.

Сразу после Октябрьской революции отношения советской власти с иерархией РПЦ приняли достаточно сложный и конфронтационный характер. И дело было не только в атеизме большевиков. Декрет об отделении церкви от государства, принятый в январе 1918 года, лишал РПЦ привилегированного положения в обществе и государственных субсидий. Были конфискованы церковные и монастырские земли, ликвидировались и некоторые другие источники доходов.

Вместе с тем после 200-летнего перерыва отменялось прямое подчинение церкви государству и санкционировалось избрание в ноябре 1917 года Патриарха Московского и всея Руси Тихона (в миру – Белафина Василия Ивановича), его возведение на престол в Успенском соборе московского Кремля. А 13 марта управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич принял делегацию РПЦ и пообещал привлечь представителей церкви к разработке нового декрета, касающегося религиозных вопросов¹⁷⁵⁹.

Между тем уже в январе 1918 года, до принятия декрета об отделении церкви от государства, Патриарх ниспослал на большевиков анафему. В его послании говорилось: «Зло нашего времени, что новое государство строится без Бога, что люди

полагаются только на свои силы, прильнули к земле, хлебу и деньгам и упились вином свободы».

Обращаясь к властям, Тихон писал: «Властью, данной нам от Бога, запрещаю вам приступать к тайнам Христовым. Анафемствую вас... Заклинаем и всех вас, верующих чад православной церкви, с таковыми извергами рода человеческого не вступать в какое-либо общение... А если нужно будет, то и пострадать за дело Христово зовем вас»¹⁷⁶⁰.

Узнав об этом послании и об анафеме, Ленин, обращаясь к Александре Коллонтай, горько пошутил: «Вместе с Львом Толстым и Стенькой Разиным мы с вами, Александра Михайловна, кажется, попали в неплохую компанию».

И все-таки в мае 1918 года, с разрешения Совнаркома, в Успенском соборе Кремля, при стечении верующих, прошла и ночная пасхальная служба, и крестный ход. В августе это повторилось в день Успения Пресвятой Богородицы. До осени 1918 года не трогали и проживающих в Кремле монахов и монашек Чудова и Воскресенского монастырей¹⁷⁶¹. 19 ноября 1918 года, выступая на съезде работниц, Ленин подчеркнул, что «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно... Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу»¹⁷⁶².

Но этот призыв остался благим пожеланием и для одной, и для другой стороны. В какой-то мере это объясняется тем, что при относительной слабости всех политических партий, противостоявших советской власти, РПЦ оставалась крупнейшей оппозиционной массовой организацией, обладавшей влиянием на широкие слои населения. И если в сфере экономики речь шла о «красногвардейской атаке на капитализм», то, – как справедливо заметил В.А. Алексеев, – по отношению к церкви имел место частью направляемый из центра, а чаще инициируемый на местах и просто стихийный «кавалерийский наскок».

Но и противная сторона, как отметил в 1988 году на Поместном соборе митрополит Киевский Филарет (Денисенко), не поняла «подлинного смысла и положительного для нашего Отечества значения происходивших в то время принципиальных

перемен в его жизни. Отсюда – осуществление Собором ряда деяний, враждебных новоустановленной народной власти, что со своей стороны повлекло возникновение напряжения и даже конфронтации между церковью и государством...»¹⁷⁶³.

О всех сложившихся перипетиях взаимоотношений РПЦ и советской власти обстоятельно рассказано в монографии В.А. Алексеева «Иллюзии и мифы» (1991 год) и коллективной монографии В.М. Лаврова, В.В. Лобанова, И.В. Лобановой и А.В. Мазырина «Иерархия Русской православной церкви. Патриаршество и государство в революционную эпоху» (2008 год). Можно не соглашаться с рядом утверждений этих авторов, но огромный документальный материал, введенный ими в научный оборот, дает возможность сформировать и альтернативные точки зрения.

Оставаясь в годы Гражданской войны формально единой, РПЦ фактически была разрезана надвое. Хотя Патриарх в 1918 году отказался благословить «белое движение», а в 1919 и 1920-м не раз заявлял, что стоит «вне политики», что нет ни «белой», ни «красной» церкви, та часть РПЦ, которая находилась в Советской России, всячески проявляла по отношению к власти свою, мягко выражаясь, оппозиционность, и все «бывшие» искали опору именно в ней.

А то духовенство, которое несло пастырскую службу на территории «белых», сохраняя контакты с Патриархом, открыто являло не только лояльность по отношению к противникам Советов, но и активно сотрудничало с «белыми» правителями – Колчаком, Деникиным, Врангелем – в борьбе против Советской России. В конечном счете под крылом сначала Колчака, а потом Деникина было создано Временное Высшее церковное управление, объединившее священнослужителей, готовых к «священному походу» на Москву и даже формировавших свои роты, батальоны и «полки Иисуса». (Ирония истории: во главе ВВЦУ, по просьбе генерала Врангеля, в 1920 году был поставлен архиепископ Дмитрий (в миру – грузинский князь Давид Абашидзе), преподававший в свое время Священное Писание в Тифлисской духовной семинарии и хорошо знавший юного

семинариста Иосифа Джугашвили, преуспевавшего именно по его предмету¹⁷⁶⁴.)

К концу Гражданской войны значительная часть этого духовенства оказалась в эмиграции и, оставаясь частью РПЦ, нисколько не скрывала своих антисоветских настроений и намерений. 21 ноября 1921 года в местечке Сремски Карловци неподалеку от Белграда открылся «Всезаграничный Русский Собор». Из принятых им решений достаточно упомянуть одно: требование возносить во всех церквях моления о восстановлении династии Романовых, дом которых должен продолжить царствование в России¹⁷⁶⁵.

Вот так и получилось, что на советских плакатах того времени рядом с фигурами белого генерала, буржуя и помещика непременно соседствовала и карикатура на попа.

Положение Патриарха было достаточно сложным. От РПЦ отделились не только православные церкви Польши и Финляндии. При власти грузинских меньшевиков разорвала отношения с РПЦ Грузинская автокефальная церковь. Вопреки воле Патриарха Собор в Киеве провозгласил создание Украинской автокефальной православной церкви. Автономной стала Белорусская православная церковь. Не скрывало своих претензий на независимость – если не на лидерство – и Заграничное Русское Церковное Управление, во главе которого стал амбициозный митрополит Антоний (Храповицкий)¹⁷⁶⁶.

Патриарху, при его стремлении избежать раскола и сохранить единство РПЦ, приходилось учитывать все эти тенденции. Но главное, он был достаточно прозорлив, чтобы не видеть изменения настроений своей паствы в России.

Многие современники отмечали, что Пасха в 1921 году, несмотря на голод, была отпразднована широко и многолюдно. А главное – без всяких эксцессов. И это не было случайностью. Накануне Пасхи Ленин пишет Молотову: «Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр насчет 1 мая, и там сказано: разоблачать ложь религии или нечто подобное.

Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю Пасхи надо рекомендовать иное; / не разоблачать ложь, / а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии. / Надо издать дополнительное письмо или циркуляр. Если Секретариат не согласен, то в Политбюро».

Секретариат и Политбюро согласились, и 21 апреля 1921 года, в дополнение в ранее публиковавшемуся циркуляру, «Правда» напечатала письмо ЦК РКП(б), в котором предлагалось не допускать каких-либо выступлений, «оскорбляющих религиозное чувство массы населения»¹⁷⁶⁷.

Когда Ленин получил письмо верующих из Череповецкой губернии с просьбой дать им возможность достроить церковь, сооружение которой было начато ими еще до 1917 года, Владимир Ильич написал: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...»¹⁷⁶⁸

А когда из Петрограда пришло письмо прихожан церкви при Военно-медицинской академии с просьбой отменить распоряжение о ее превращении в клуб академии, Ленин тут же написал в Наркомюст П.А. Красикову: «Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо особые условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь? / Разберитесь, пожалуйста, и разузнайте повнимательнее, а мне пришлите краткое сообщение об итоге»¹⁷⁶⁹.

Но еще более жесткое письмо Красиков получил, когда 17 мая 1921 года Владимир Ильич узнал о его намерении запретить оперным певцам государственных театров участвовать в церковных хорах и богослужениях. Ленин отчитал Петра Андреевича за самую постановку подобных вопросов, за проработку Неждановой и других артистов и назвал такого рода борьбу с религией, практикуемую Наркомюстом и лично Красиковым, чушью и безобразием. А при встрече с ним потребовал не провоцировать верующих на протестные выступления¹⁷⁷⁰.

18 мая 1921 года Пленум ЦК РКП(б) обсуждал вопрос о проведении в жизнь пункта 13 программы партии, касавшегося мероприятий в области религиозных отношений. Получив проект постановления, Владимир Ильич настоял на том, чтобы проект «переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией», и, в частности, выбросить пункт 7, предлагавший втянуть в обсуждение вопроса об отношении партии к религии все ячейки и комитеты партии.

Ленин высказался за то, чтобы «допустить, с рядом ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов», а также изъять из проекта пункт 10, требовавший решительной борьбы с попытками «отдельных служителей культа создать новую организацию церкви», приспособив ее к советской власти¹⁷⁷¹.

Этот последний пункт требует некоторых пояснений, ибо наша историческая публицистика, расписывая «богоборчество» большевиков, предпочитала умалчивать о тех сложных процессах, которые проходили внутри самой РПЦ после Октября 1917 года.

Расхожее представление о том, что «обновленчество» было целиком инспирировано ВЧК, а затем ГПУ, не соответствует действительности. И вышедшая в 1999 году интереснейшая монография М.В. Шкаровского «Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века» дает достаточно полный материал для освещения этого вопроса.

Истоки обновленческих идей, как показал Шкаровский, уходили в далекое прошлое. И с ними были связаны имена не только религиозных деятелей и философов, но и духовные искания Федора Достоевского, Льва Толстого и других. Но организационно реформаторское течение среди духовенства и верующих стало оформляться в годы Первой русской революции.

Слишком тесная связь РПЦ со «старым режимом», превращавшая церковь в своего рода «идеологический департамент» во главе с самим государем и назначаемым им обер-прокурором Священного Синода, никак не соответствовали

протестному духу мирян, да и приходского духовенства, вырвавшегося наружу в это время.

Идеи «обновления» церкви приобрели тогда особую популярность в среде либеральной интеллигенции. Но были среди деятелей движения, в том числе среди священников – депутатов Государственной думы, сторонники и более радикальных партий – социал-демократов, социалистов-революционеров и т. п. А после Февральской революции 7 марта 1917 года в Петрограде оформился «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», который на синодальные субсидии стал выпускать газету и журнал «Соборный разум»¹⁷⁷².

Обер-прокурор Синода В.Н. Львов, назначенный Временным правительством, всячески поддерживал их деятельность. Именно тогда и выдвинулись такие руководители «обновленческого» движения, как блестящий проповедник священник Александр Введенский, сторонник ориентации на рабочий класс о. Александр Боярский, священники Сергей Калиновский, Владимир Красницкий, профессор Духовной академии Борис Титлинов и другие.

Октябрьскую революцию «обновленцы» встретили в целом положительно. Выразив несогласие с рядом пунктов декрета об отделении церкви от государства, они все-таки восприняли его как «дело внутреннего церковного освобождения». А в выступлениях Введенского, Боярского, Калиновского и других все более отчетливо стали звучать «социалистические» мотивы.

Предпринимались даже попытки создания «христианско-социалистической партии». С марта 1918 года «обновленцы» стали выпускать газету «Правда Божия», в которой, помимо требования церковных реформ, сразу же отмежевались от анафемы Патриархом большевиков как «врагов истины Христовой»: необходимо «не отвергать революцию, не отталкивать, не анафемствовать, – писала газета, – а просветлять, одухотворять, претворять ее».

Вполне естественно, что постепенно – и в центре, и на местах – стали завязываться и контакты реформаторов с

официальными властями, в том числе с соответствующими отделами НК юстиции и ГПУ. Но это отнюдь не дает оснований для того, чтобы квалифицировать «обновленчество» как прямую «агентуру ГПУ». Всегда и везде государственные органы сотрудничали с теми, кто поддерживал это государство, а не с теми, кто противостоял ему. Кстати сказать, эти контакты «обновленцев» использовались иерархами в тех случаях, когда требовалось заступиться за арестованных священников или добиться каких-то облегчений для духовенства¹⁷⁷³.

Вполне вероятно, что, помимо истых и искренних реформаторов, у лидеров «обновленчества», как и во всех других массовых движениях, были различные мотивы их поведения. У одних это могли быть сугубо карьерные соображения, у других – элементарное приспособленчество.

Но важно понять другое: независимо от личных характеристик лидеров это движение отражало настроение широчайших слоев – и паствы, и пастырей, измученных и уставших от гражданской войны и не желавших ее возобновления.

Вполне возможно, что, несмотря на остроту разногласий, взаимоотношения Патриарха и «обновленцев» так и остались бы внутрицерковным делом и в конце концов нашли бы свое разрешение на внутрицерковной арене. Но голод 1921–1922 годов сыграл роковую роль. И ключ к пониманию последующих событий следует искать не в доктринерском «богоборчестве» власти, а в драматической ситуации – и экономической, и политической – весны 1922 года.

В оказании помощи голодающим приняли участие представители всех религиозных конфессий России. В начале июля 1921 года Алексей Максимович Горький приехал в Троицкое подворье. Договорились, что Патриарх Тихон выступит с обращением к архиепископам Кентерберийскому и Нью-Йоркскому «с призывом прийти на помощь хлебом и медикаментами пострадавшему от неурожая и эпидемий населению России». 7 июля эту акцию одобрило Политбюро ЦК

РКП(б), и уже 10-го газеты сообщили, что обращение передано по радио¹⁷⁷⁴.

А в конце июля туда же – в Троицкое подворье – пришли члены президиума Помгола Н.М. Кишкин и С.Н. Прокопович. Позднее в своих воспоминаниях Е.Д. Кускова не скрывала мотивов этого визита: той части Помгола, которую представляли визитеры, при их политической претензии на представительство всей России, явно не хватало контактов с регионами и особенно с деревней, то есть именно тех связей, которыми обладала РПЦ.

«Надо было, следовательно, – писала Екатерина Дмитриевна, – осведомить церковную интеллигенцию о начатом деле и обязательно подчинить ее общей воле. Конечно, эту задачу мог выполнить не сам Комитет, а лишь высшая церковная власть». Патриарх, по словам Кусковой, долго думал, угощал гостей чаем с липовым медом, а затем ответил, что обратится к верующим с воззванием и проведет в Храме Христа Спасителя «всенародное моление»¹⁷⁷⁵.

17 августа Патриарх обратился с письмом во ВЦИК, в котором просил дать разрешение на создание Церковного комитета помощи голодающим из представителей духовенства и мирян. В качестве условий успешной деятельности этого Комитета назывались следующие: создание на местах епархиальных комитетов, возможность самостоятельно собирать пожертвования на родине и за границей, а также самим распределять эту помощь среди голодающих, с тем чтобы имущество Церковного комитета не подлежало никаким реквизициям, а деятельность – контролю РКП(б) и т. д.¹⁷⁷⁶

В тот же день ВЦИК в принципе признал целесообразным создание такого комитета, но с утверждением положения о нем торопиться не стали. Настораживало, видимо, совпадение ряда условий с теми, которые формулировали члены Помгола, о намерениях которых власти уже были осведомлены.

Тогда же Патриарх представил и текст обращения во всем верующим России. При обсуждении текста в Совнаркоме его членов покорило призыв ко всеобщему покаянию и фраза: «Молитвою у престола Божия, у родных Святынь исторгайте

прощение Неба согрешившей земле». Каменев заметил: «Что это такое? Какой согрешившей земле?» Впрочем, цензуровать обращение не стали. В Помголе его распечатали в 100 000 экземпляров и 22-го, в день «всенародного моления», раздали всем верующим¹⁷⁷⁷.

Что же касается разрешения ВЦИК на проведение сбора средств голодающим, то оно последовало в декабре 1921 года. Причем такое же разрешение одновременно давалось Центральному духовному управлению мусульман, Всероссийскому совету евангельских христиан, Совету всероссийского союза баптистов¹⁷⁷⁸.

Спорить о том, означала ли вся сумма указанных перемен некий «религиозный НЭП», нет смысла. Несомненно одно: столь явное изменение политики государственной власти по отношению к религии безусловно способствовало усилению союза с широчайшими массами крестьянства и достижению «гражданского мира».

Ситуация осложнялась тем, что в это самое время – летом 1921 года (как и накануне Кронштадтского мятежа) – в Петрограде и Москве на ряде государственных предприятий, в связи с задержкой зарплаты и ростом дороговизны, начались стачки. И сразу же в некоторых из них «засветились» нелегалы – меньшевики и эсеры. Усматривать в этом козни чекистов сегодня, после выхода в свет многотомных публикаций документов этих партий, нет уже никаких оснований.

В этой связи в начале июля Ленин пишет Уншлихту: «Сообщают про Питер худое... Как бы-де не прозевать второго Кронштадта». И Политбюро принимает решение – поручить ВЧК принять необходимые меры предосторожности и направить в Питер «рабочих-металлистов из старых членов партии»¹⁷⁷⁹.

Против эсеров-меньшевистского подполья были усилены репрессивные меры – аресты, высылка. Но надо было отделить этих активных противников от тех, кто готов был сотрудничать с советской властью.

Решение этой задачи имело не только политический, но и определенный нравственный аспект. Ведь всего за 5—10—15—20

лет до этого с многими из них большевики сидели вместе в тюрьмах, отбывали каторгу и ссылку. Со многими из них, несмотря на политическое противостояние, сохранялись и сугубо личные, дружеские отношения. И стричь теперь всех инопартийцев под одну гребенку было по тем временам просто невозможно.

В самый разгар Гражданской войны, когда целый ряд меньшевиков заявили: «Мы от политики отказались, мы охотно будем работать», – Ленин ответил им: «Нам чиновники из меньшевиков нужны, так как это не казнокрады и не черносотенцы, которые лезут к нам, записываются в коммунисты и нам гадят. Если люди верят в учредилку, мы им говорим: “Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте вашу работу и не занимайтесь политикой”»¹⁷⁸⁰.

В какой-то мере эту проблему решило создание – по инициативе Дзержинского, Рудзутака, Ярославского – Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Его открытие состоялось в Москве в Доме союзов 21 марта 1921 года. Поначалу оно насчитывало лишь несколько сот человек, но через несколько лет число его членов перевалило за тысячу. Отделения Общества функционировали не только в Москве и Петрограде, но и в других городах России, Украины, Белоруссии, Грузии.

Помимо коммунистов, создавших свое Общество старых большевиков, в Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев вошли ветераны «Народной воли», свято хранившие заветы русского народничества, бывшие эсеры, меньшевики, бундовцы, анархисты и беспартийные участники российского революционного движения.

Общество стало издавать «Историко-революционный вестник», а затем журнал «Каторга и ссылка»; его члены выступали на предприятиях, в учебных заведениях, собирали и публиковали документы по истории борьбы против царизма. Вместе с тем Общество взяло на себя и столь важную тогда заботу о материальных нуждах старых революционеров.

Но к «трудящимся иных классов» принадлежали не только крестьяне, рабочие и тем более старые революционеры, но и

основная масса интеллигенции – ученые, инженеры, врачи, учителя, представители творческих профессий и значительная часть прежних чиновников-управленцев. После Октября 1917 года большинство этой интеллигенции советскую власть не приняло. И об этом Ленин всегда говорил с большим сожалением.

То, что «более честные “служилые” элементы не пошли к нам работать», сказал он на VIII съезде РКП, привело к тому, что к партии и власти «присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые называют себя коммунистами и надувают нас... А у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности»¹⁷⁸¹. Об этой саботирующей интеллигенции Владимир Ильич как-то сказал Горькому: «Это – ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков»¹⁷⁸².

Менее всего Ленин полагался на то, что пропаганда или репрессии ВЧК заставят эту часть интеллигенции признать правоту и справедливость коммунистических идей. Такую задачу могла решить только жизнь и собственный опыт. А посему не надо ставить данный вопрос «на почву теоретической пропаганды коммунизма». Необходимо «им доказать это практически», то есть дать им возможность убедиться в том, что политика советской власти действительно способствует возрождению страны¹⁷⁸³.

Задача эта была достаточно сложной, ибо каждая группа или слой интеллигенции требовали особого подхода. В 1921 году власти беспокоило положение в вузах обеих столиц. Конкретные причины для недовольства профессуры были двоякими. Прежде всего волновало низкое жалованье, усугублявшееся частой задержкой зарплаты. Неприятие вызывало и создание рабфаков и подготовительных курсов для рабочих, крестьян и красноармейцев, которые, по мнению преподавателей, резко снизили общий уровень подготовки студентов.

Накануне Кронштадтского мятежа, 13 февраля 1921 года, по этой причине прошла двухнедельная забастовка в МВТУ. Задержка зарплаты стала поводом и для шестидневной забастовки в МГУ, и лишь вмешательство А.Д. Цюрупы,

урегулировавшего конфликт, прекратило эти стачки. В этой связи весной 1921 года для Питера выделили две тысячи академических пайков, а для Москвы – 2063 основных и 189 семейных¹⁷⁸⁴.

В апреле в МВТУ вновь возник конфликт, и на сей раз поводом стало административное вмешательство Главпрофобра во внутренние дела вуза. По традиции Совет профессоров и преподавателей избрал на пост ректора МВТУ профессора Ивана Андреевича Калининкова. Однако Главпрофобр отменил это решение. Тогда Совет училища, обратившись за поддержкой к студентам, объявил общую стачку протеста¹⁷⁸⁵.

В дело вмешался Ленин, и 14 апреля Политбюро отменило постановление Главпрофобра. Калининков был восстановлен в должности ректора и введен в состав президиума Госплана. На следующий день Ленин пишет Молотову: «Сейчас узнал от Рыкова, что профессора (Московское Высшее техническое училище) еще не знают решение... Это безобразие, чудовищное опоздание. Ставлю вопрос об аппарате ЦК на Политбюро. Ей-ей, нельзя так... Вчера же обязательно было огласить»¹⁷⁸⁶.

А в ответ на протест против решения Политбюро со стороны председателя Главпрофобра Наркомпроса Владимир Ильич 19 апреля написал ему: «Что Калининков (так, кажись) – реакционер, охотно допускаю. Есть там и злостные кадеты, бесспорно. Но их надо иначе избличить».

Не по подозрению и чохом, не голословно, а «на точном факте, поступке... Подготовить материал, проверить, избличить и осудить перед всеми... Спеца военного ловят на измене. Но военспецы привлечены все и работают». А в Наркомпросе этого делать не умеют «и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря»¹⁷⁸⁷.

В этот же день, с санкции Ленина, «Правда» публикует статью А.В. Луначарского, в которой он объявляет выговор преподавателям МВТУ за прекращение занятий, указывает на недопустимость подобных методов протеста. А всем комячейкам вузов предлагалось установить с профессурой и беспартийным

студенчеством такие отношения, которые бы способствовали налаживанию нормального учебного процесса и развитию науки в Советской России¹⁷⁸⁸.

Однако осенью ВЧК получает информацию о том, что преподаватели московских и петроградских вузов вновь начинают подготовку забастовки с участием студентов.

28 ноября Ленин принимает приехавших из Питера ректоров – Политехнического института Л.В. Залуцкого, Горного института Д.И. Мушкетова и Института гражданских инженеров Б.К. Правдзика. В ходе беседы они вручают Владимиру Ильичу записку о тяжелом финансовом положении столичных вузов и вновь возвращаются к вопросу о «фильтровании» студентов при приеме в институты в связи с расширением сети рабфаков¹⁷⁸⁹. Что касается материального обеспечения вузов, то Ленин еще в сентябре поручил НК финансов увеличить расходы на содержание высших учебных заведений за счет сокращения других статей бюджета. Позднее Владимир Ильич просит Н.П. Горбунова лично позаботиться о предоставлении МВТУ дополнительных помещений и средств для закупки за границей новейшего оборудования¹⁷⁹⁰.

А вот относительно рабфаков – тут об «уступке» не могло быть и речи. В 1921 году состоялся первый выпуск рабфаков, усилилось их влияние в студенческих организациях, и это в значительной мере блокировало попытки вовлечь студенчество в «профессорские забастовки»¹⁷⁹¹.

Критерием для Ленина были не слова, не заверения в лояльности, а дела, поступки и их практический результат. С самого начала своей революционной деятельности его занимал вопрос о том, «по каким признакам судить нам о реальных „помыслах и чувствах“ реальных личностей? Понятно, – писал Владимир Ильич, – что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, а так как речь идет только об общественных „помыслах и чувствах“, то следует добавить еще: общественные действия личностей...»¹⁷⁹².

Эту мысль он неоднократно повторял и потом: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Впрочем, тут же Ленин добавлял, что «можно понять психологию того или иного участника борьбы, но не смысл борьбы, не значение ее партийное и политическое»¹⁷⁹³.

Вот почему он считал, что никогда нельзя полагаться на слова и посулы лидеров и даже на их несомненную порядочность и честность. «Это важно для биографии каждого из них. Это не важно с точки зрения политики, т. е. отношения между миллионами людей»¹⁷⁹⁴. Не важно потому, что результаты их политической деятельности выходят за рамки личной судьбы самих политических деятелей.

«В личном смысле, – пояснял Владимир Ильич, – разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика – это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти...»¹⁷⁹⁵

Безусловно, отстаивание своих политических убеждений, считал Ленин, есть дело политической честности каждого общественного деятеля. Но одновременно и дело его личной ответственности за реальные последствия проповеди этих взглядов. И последствий не для самого проповедника, а для судеб миллионов людей.

Именно поэтому не те или иные даже самые прекрасные душевные качества определяли отношение Ленина к тому или иному человеку, а его практические дела, его место в осуществлении великой программы возрождения новой России. Хотя в личном плане, давая характеристики людям, он всегда отмечал у них отсутствие или наличие честности и порядочности.

Когда сегодня Ленина обвиняют в том, что он якобы пытался «ввести единомыслие на Руси», то это чистейшие пустяки. Он никогда не стремился к «перековке» ни тех ученых и специалистов, ни тех представителей иных политических партий, которые были готовы сотрудничать с советской властью.

Вот почему то обстоятельство, что многие разработчики плана ГОЭЛРО по мыслям своим поначалу были явными антисоветчиками, имело для Владимира Ильича второстепенное значение. Ибо главное состояло в том, что на деле они способствовали созданию документа, который, как считал Ленин, стал «второй программой партии»¹⁷⁹⁶.

Подобного рода подход объясняет и то, почему целый ряд фигурантов по делу «Помгола» (кстати, людей в большинстве своем честных и порядочных), арестованных 27 августа 1921 года, пробыли в ВЧК и в Бутырках недолго.

Бывший заместитель министра внутренних дел, а затем заместитель министра финансов в царском и Временном правительствах, член ЦК кадетской партии Н.Н. Кутлер после освобождения в октябре 1921 года был введен в состав Правления Государственного банка РСФСР и принял самое активное участие в проведении финансовой реформы в стране.

Один из основателей кадетской партии Ф.А. Головин был освобожден 17 сентября, старейший член этой партии, ректор Московского зоотехнического института М.М. Щепкин – 10 октября. А председателя ЦК партии кадетов Н.М. Кишкина, бывшего министра государственного призрения, назначенного Временным правительством «диктатором» в октябрьские дни 1917 года, одного из главных фрондеров в «Помголе», в 1922 году отозвали из Вологодской ссылки, и он стал работать в Наркомздраве РСФСР.

Доктор В.А. Левицкий, освобожденный еще 7 сентября 1921 года, возглавил Центральный государственный институт по изучению профессиональных заболеваний. Бывший кадет П.А. Велихов, выпущенный 17 сентября, вернулся на свою кафедру в Институт инженеров путей сообщения и в научно-технический отдел НКПС, а бывший член ЦК кадетской партии М.В. Сабашников – к своей издательской деятельности.

Переход к сотрудничеству с советской властью приобретал все более массовый характер, особенно в среде инженеров, техников, врачей, учителей, то есть тех, кто испокон веков строил, лечил и учил Россию. И все-таки каким бы «стихийным»

или, наоборот, «направляемым» ни был этот процесс, для несоветской интеллигенции важно было теоретическое и моральное обоснование подобного поворота. Как ни странно, такое обоснование было сформулировано в среде российского зарубежья.

Российская эмиграция по своему составу была достаточно пестрой. Были наиболее упертые – те, кто до конца стоял за вооруженную борьбу против советской власти. В июле 1921 года Ленин получил письмо от Красина. Леонид Борисович сообщал, что в Париже состоялся так называемый «Съезд русского национального объединения», где собрались и монархисты (А. Карташев, М. Федоров и др.), и правые кадеты (П. Струве, П. Долгоруков и др.), и совсем правые эсеры типа В. Бурцева.

Съезд учредил «Русский национальный союз» во главе с Национальным комитетом, который поддержал в качестве претендента на русский престол бывшего главнокомандующего русской армии, великого князя Николая Николаевича, выразил симпатии итальянскому фашизму как «великой и жизнотворной силе», а также армии генерала Врангеля, расселявшейся из галлиполийского лагеря по Сербии и Болгарии¹⁷⁹⁷.

Эта хорошо вооруженная, дисциплинированная, ставшая фактически профессиональной армия представляла собой достаточно серьезную силу. В нее входили: корпус Кутепова, состоявший из 25 тысяч солдат и офицеров бывшей Добровольческой армии; Донской корпус – из 20 тысяч казаков и 15 тысяч кубанцев¹⁷⁹⁸.

Б. Александровский, работавший врачом в галлиполийском лагере, писал, что господствующим убеждением среди офицеров этой армии являлось то, что главной ошибкой, допущенной ими в прошлом, была «непростительная мягкотелость... Надо было в свое время перевешать и расстрелять всех проклятых слюнявых интеллигентов с Милюковым и Керенским во главе. Не будь их, ничего бы и не было, сидели бы мы сейчас спокойно в Москве и Петербурге»¹⁷⁹⁹.

Выступая на VIII съезде Советов в декабре 1920 года, Ленин говорил: «Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не

уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию»¹⁸⁰⁰.

Что касается командования этой армии, то оно действительно всерьез планировало высадку десанта на Черноморском побережье, прорыв на Кубань, а оттуда – новый поход на Москву. Конечно, подобные планы отражали скорее генеральские амбиции и надежды на помощь Антанты, нежели их реальные возможности. Но не считаться с вероятностью такого рода авантюры было нельзя.

Именно из этой среды вышли люди типа генерала В.В. Бискупского, которые уже в 1920 году стали активно сотрудничать с немецкими фашистами. Туда же потянулись и некоторые эмигрантские монархические группы. «Фашизм, – писала берлинская газета "Дни", – стал модной этикеткой для искателей русского престола»¹⁸⁰¹.

Но и в более благопристойной среде эмигрантов, с которой пришлось иметь дело во время поездки за границу бывшему солисту Его Величества, ставшему Народным артистом республики Леониду Витальевичу Собинову, – в адрес тех интеллигентов и специалистов, которые стали работать в советских учреждениях, пришлось услышать: «Гробов на вас, оставшихся в России, не хватает, когда мы вернемся водворять порядок на родине»¹⁸⁰².

Впрочем, из двух миллионов человек, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны, бóльшая часть, обремененная повседневными тяготами, ушла в частную жизнь. Их быт, психологию прекрасно описал Аркадий Аверченко в изданном в Париже сборнике рассказов «Дюжина ножей в спину революции». Ленин прочел его, 23 ноября 1921 года опубликовал рецензию «Талантливая книжка» и предложил

некоторые рассказы перепечатать в России, ибо, как он заметил, «талант надо поощрять».

«Интересно наблюдать, – писал Владимир Ильич, – как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные, и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни.

Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и у Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете.

...До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде – нет, не в Петрограде, а в Петербурге – за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он пережил и почувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит».

Разговор двух «бывших»: один – бывший сенатор, второй – бывший директор огромного металлургического завода на Выборгской стороне. «Теперь он – приказчик комиссионного магазина и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов...»

«Оба старичка вспоминают старое, петербургские закаты, улицы, театры, конечно, еду в “Медведе”, в “Вене” и в “Малом Ярославце” и т. д. И воспоминания прерываются восклицаниями: “Что мы им сделали? Кому мы мешали?”... “Чем им мешало все это?”... “За что они Россию так?”...»

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне, – заключает Ленин, – понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях»¹⁸⁰³.

Но было в среде русского зарубежья достаточно много людей, которых волновали не столько тоска по утраченному, сколько будущее новой России. Это была, так сказать, элита русского зарубежья. Многие из них активно участвовали в борьбе

против советской власти в годы Гражданской войны. Но именно из этой среды как раз и вышли «сменовеховцы».

Идейное течение – «сменовеховство», – появившееся в эмиграции с началом НЭПа, связано с именем Н.В. Устрялова. До 1918 года Николай Васильевич как приват-доцент преподавал государственное право в Московском университете. В годы Гражданской войны входил в ЦК партии кадетов и в правительство Колчака, издавал в Омске газету «Русское Дело», а затем эмигрировал в Харбин, где вновь стал преподавать в тамошнем университете.

Летом 1921 года вместе с эмигрантами кадетского толка Ю.В. Ключниковым, С.С. Лукьяновым, С.С. Чахотиным, А.В. Бобрищевым-Пушкиным, Ю.Н. Потехиным и др. он выпустил в Праге сборник «Смена Вех», а с октября 1921 года стал издавать в Париже журнал под тем же названием.

Содержательный анализ этого течения (с интересующей нас точки зрения) проделала французский историк Тамара Кондратьева в книге «Большевики-якобинцы и призрак термидора», вышедшей в Москве в 1991 году.

Сменовеховцы полагали, что ход истории и логика самой жизни значат куда больше, нежели оценка и осознание их вождями революции. Поэтому объективные итоги происходящих исторических процессов могут оказаться прямой противоположностью их субъективных устремлений и идеалов. Как говаривал во времена Французской революции Сен-Жюст, «сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову»¹⁸⁰⁴.

С этой позиции сменовеховцы и рассматривали процессы, происходившие в Советской России. «Мы, – писал Устрялов, – вступили на "путь термидора", который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией – долг русских патриотов, а посылить содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу "новому курсу" революционной власти, становящемуся жизненным,

мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского»¹⁸⁰⁵.

Те, кто нуждался в моральном оправдании своего «поворота», вполне удовлетворились данным выводом. И если после поражения Первой русской революции знаменитые «Вехи» стали для многих оправданием примирения с царской властью, то теперь «Смена вех» помогла обосновать возможность и даже необходимость сотрудничества с властью советской.

«Ирония истории» на сей раз, видимо, состояла в том, что многие министры бывшего Временного правительства, свергнутого Советами в октябре 1917 года (военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.Н. Вердеревский, министр финансов Н.Н. Кутлер, министры путей сообщения Н.В. Некрасов и А.В. Ливеровский, министр почт и телеграфа, а затем министр внутренних дел А.М. Никитин, министр труда М.И. Скобелев, министры просвещения А.А. Мануйлов, С.С. Салазкин и С.Ф. Ольденбург), теперь исправно служили в советских учреждениях.

Помимо рабочих, крестьян и интеллигенции, существовал еще один социальный слой, с которым надо было определять свои отношения ради достижения того же «гражданского мира». Речь идет о нэпманах, арендаторах госпредприятий, концессионерах, которые играли достаточно большую роль в ряде отраслей народного хозяйства и особенно в торговле.

Экономическая политика советской власти плюс восприятие (в какой-то мере) идей «сменовеховцев» не только прежде враждебными советской власти «спецами», но и новой буржуазией сделали возможным установить определенные формы сотрудничества и с лояльными «нэпманами» – реальными носителями и частнохозяйственного, и государственного капитализма.

Но именно это встретило наибольшее непонимание и даже сопротивление со стороны многих коммунистов, для которых они по-прежнему оставались потенциальной «буржуазной контрой». Стало быть, начинать надо было с официального изменения социального имиджа этого слоя. В данной связи Владимир Ильич

предлагает «в понятие спецов обязательно включить не только инженеров и агрономов, но и торговцев»¹⁸⁰⁶.

Ленину пришлось напомнить, что «еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда»¹⁸⁰⁷.

Теперь все это Владимиру Ильичу приходилось объяснять вновь. Капитализм «нам полезен в той мере, – пишет он, – в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя... Меру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность».

Но для того, чтобы союз с госкапитализмом стал реальным, необходимо было отказаться от некоторых представлений, сложившихся в предшествующие военные годы. В частности, по отношению к торговле и спекуляции. В период Гражданской войны это понятие ассоциировалось с сугубо криминальной деятельностью, подведомственной карательным мерам ВЧК. А теперь?

Теперь, объясняет Ленин, – «спекуляцию нельзя отличить от “правильной” торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно».

Как же быть? Оставлять спекуляцию безнаказанной? И что такое «правильная» или «неправильная» торговля?

«Неправильная» торговля, отвечает Ленин, – это всякого рода хищения, разворовывание национальных богатств, контрабанда, нарушение советских законов, уклонение от налогов, т. е. «уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета». Это есть деяние наказуемое, которое должно караться «с тройной против прежнего строгостью»¹⁸⁰⁸.

Опыт подобного рода публичного наказания продемонстрировали 15–18 декабря 1921 года, когда в Москве

был проведен процесс над 35 предпринимателями – владельцами чайных, столовых, пекарен, сапожных мастерских и т. п. Им предъявили обвинение в нарушении советских законов о труде: эксплуатации малолетних, подростков, женщин, удлинении рабочего дня. Обвинителями выступали рабочие московских предприятий. Более десятка подсудимых приговорили к крупным денежным штрафам или к принудительным работам без лишения свободы¹⁸⁰⁹.

Что же касается «правильной» торговли, пояснял Ленин, то это та, которая соблюдает законы и не уклоняется от государственного контроля, и коммунисты должны ее всячески поддерживать и развивать. А это значит, что им придется учиться опыту налаживания хозяйства и работать рядом «с комиссионерами-торговцами, с скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-капиталистами, с концессионерами-предпринимателями и т. д.»¹⁸¹⁰.

Ну, а те, «кому “скучна”, “неинтересна”, “непонятна” эта работа, кто морщит нос или... опьяняет себя декламацией об отсутствии “прежнего подъема”, “прежнего энтузиазма” и т. п., – того лучше “освободить от работы” и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда...»¹⁸¹¹.

Необходимо также «пересмотреть и переработать все законы о спекуляции», т. е. и Уголовный, и Гражданский кодексы. Только так, заключает Ленин, мы добьемся того, чтобы «направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло государственного капитализма»¹⁸¹².

28 октября 1921 года СТО создает «Комиссию для пересмотра, систематизации и развития законодательства по новой экономической политике». В состав комиссии вводятся: Д. Курский (председатель), Н. Осинский, П.А. Богданов, Ю. Ларин и О.Ю. Шмидт¹⁸¹³.

Свою позицию Ленин сформулировал предельно ясно: тот, кто будет всячески поднимать производительные силы страны, поощрять хозяйственную инициативу на местах, развивать не

только крупную, но и мелкую промышленность, ремесла, использовать местное сырье, топливные, водные ресурсы для оживления промышленности и земледелия, тот «больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма... Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт». В той ситуации, в которой оказалась разоренная войной крестьянская Россия, политически руководимая пролетариатом, утверждал Ленин, есть «возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном)...»¹⁸¹⁴.

Обо всем этом – и о частнохозяйственном, и о госкапитализме – Владимир Ильич упоминал в это время чуть ли не в каждом своем выступлении. Никто особо не возражал. Все голосовали «за».

Но как только дело доходило до конкретного соглашения об аренде или иностранной концессии, тут сразу возникали проблемы.

Вот, мол, «своих» выгнали, а теперь «эти» прут и даже по-русски не говорят. Тут как бы переплелись два фактора. С одной стороны, претила неумная алчность капиталистов, стремившихся урвать куски пожирнее, а с другой – то, что Ленин назвал «комчванством»: сами, мол, с усами, и без них справимся¹⁸¹⁵.

Осенью 1921 года российский капиталист, «бывший король кожевенной промышленности», эмигрант П.Б. Штейнберг предложил взять концессию по закупке и вывозу за границу кожсырья. Предложение сулило государству изрядные доходы, и 21 ноября ВСНХ представил в Совнарком проект «Договора о концессии на сбор и торговлю кожевенным сырьем».

Однако 23 ноября в «Известиях» появилась статья Б. Горского «О данайцах, дары приносящих», в которой автор сообщал, что, по его расчетам, если концессия будет принята, то буржуй-эмигрант Штейнберг будет получать не менее 300

процентов прибыли и стерпеть подобное невозможно. О том, что сырье это бесхозно гнило по деревням ввиду огромного количества палых от голода лошадей и коров, естественно, не упоминалось.

Прочитав статью, Ленин написал в Экономическую комиссию Каменеву и в Центросоюз Хинчуку: «По-моему, договор все же, поторговавшись сто раз и проверив сто раз, надо заключить, ибо за ученье дураки должны платить высокую цену».

При этом необходимо постараться соблюсти два условия: 1) выторговать у концессионеров «особую долю от сверхприбыли, считая сверхприбыль 100 или 200 %; 2) обучать у этих концессионеров наших хозяйственников «приемам и организации торговли» до тех пор, пока «мы, дураки, научимся у умных людей»¹⁸¹⁶.

В общем, говоря о политике «гражданского мира», можно отметить, что ставка Ленина на «общее дело» полностью оправдала себя. Наиболее наглядно это проявлялось на различных съездах общественных и профессиональных организаций. Их характер зависел прежде всего от того, что доминировало в выступлениях собравшихся: желание участвовать в созидательных процессах, польза которых для страны никем не оспаривалась, или стремление использовать трибуну съезда для общеполитической дискуссии и заклеить «ненавистный режим».

Когда в декабре 1921 года в Москве собрался Всероссийский съезд земотделов, в котором участвовали и ученые-аграрники, и агрономы, и руководители местных земельных органов, то при всей жесткой критике в адрес Наркомзема в выступлениях участников преобладало главное: желание практически помочь голодающей деревне, забота о предстоящем севе и о подъеме сельского хозяйства России.

Еще более продуктивно прошел и уже упоминавшийся VIII Всероссийский электротехнический съезд в октябре 1921 года, на который собралось более 1300 ученых, инженеров, техников и рабочих из 102 городов России. В приветствии, направленном съезду, Ленин выразил надежду, что «при помощи всех

электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира» неимоверно трудная задача электрификации страны будет решена¹⁸¹⁷.

И при всей пестроте политических симпатий собравшихся съезд прошел в очень серьезной и деловой атмосфере. Помимо доклада Г.М. Кржижановского о работе комиссии ГОЭЛРО, были заслушаны доклады А.Ф. Иоффе о строении материи, М.В. Шулейкина о развитии радиотелефонии, Г.О. Графтио об электрификации транспорта, Л.К. Рамзина о топливном снабжении России и другие. А главное, рекомендации съезда действительно сыграли важную роль в окончательной доработке плана ГОЭЛРО.

9 октября один из участников съезда инженер-энергетик П.А. Козьмин написал Ленину: «Сегодня закончился электротехнический съезд, который знаменует громадную победу Советской власти над умами не только массового инженера, но и значительного (большого) количества тех лидеров, у которых еще оставалось чувство саботажа»¹⁸¹⁸.

Кстати, говоря в приветствии съезду о помощи «передовых ученых мира», Ленин не блефовал. Спустя несколько месяцев он получил из Америки письмо известнейшего ученого-электротехника Чарльза Штейнмеца, который выражал «свое восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях... Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства, – писал Штейнмец, – я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением и указанием, я всегда буду очень рад сделать все, что в моих силах».

Передавая это письмо Б.В. Лосеву, направлявшемуся в Россию, Штейнмец добавил: «Мне кажется, результаты мировой войны таковы, что если б не установление советского строя в России, то жизнь вообще не имела бы никакой ценности... Пусть в России узнают, что я и многие другие сочувствуют их цели, что всем сердцем и разумом мы с ними»¹⁸¹⁹.

Укрепление союза с крестьянством, вовлечение в позитивную работу широких слоев интеллигенции, определение форм сотрудничества с новой буржуазией – все это сглаживало имевшиеся противоречия и создавало реальные предпосылки для консолидации многомиллионного населения России.

«Максимум» ВЧК

Одним из главных институтов и, можно сказать, символом Гражданской войны, безусловно, являлась ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности. О ее заслугах перед революцией и советской властью Ленин говорил много раз, да и написано было немало. Сотни заговоров, шпионских сетей, бандформирований, уголовников, совчиновников, совершивших «преступления по должности», были обезврежены во время этой войны именно благодаря ЧК.

Одним из принципов «красного террора» являлась гласность. Данные об арестах и расстрелах публиковались в центральной и местной советской прессе, а сводные цифры за 1918–1919 годы были приведены в «Известиях» 6 февраля 1920 года. Но принцип этот соблюдался не везде и не всегда.

Поэтому в фундаментальной монографии Олега Борисовича Мозохина «Право на репрессии» приводятся и исследуются погубернские отчеты органов ВЧК за 1918–1921 годы. За эти четыре года было расстреляно около 30 тысяч человек, причем большинство их составляли уголовники и бандиты.

Однако, поскольку цифры по ряду регионов все-таки отсутствуют, Мозохин пишет: «Вне всякого сомнения, эти данные неполные. По всей видимости, сюда не вошли жертвы Крымской трагедии и Кронштадтского мятежа. Со всеми оговорками и натяжками число жертв органов ВЧК можно оценивать в цифру никак не более 50 тысяч человек»¹⁸²⁰.

Дело, однако, не только в этих цифрах. Когда внесудебные расправы и насилие становятся профессией, это неизбежно

рождает свои острейшие политические и моральные проблемы. Как раз в 1921 году группа сотрудников – коммунистов Туркестанского ЧК написала в ЦК РКП(б): «...Как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить».

В письме говорилось о том, что сотрудники ЧК «стоят вне политической жизни республики, в них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д. И они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту... Партийные организации смотрят на них, как на прежнюю охранку, – с боязнью и презрением... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии»¹⁸²¹.

Публикаторы этого документа В.А. Козлов и Г.А. Бордюгов справедливо заметили: «Разве не ясно, что чекисты, написавшие такое горькое письмо, не стали ни “жандармами”, ни “автоматами”? Нельзя не видеть их драму, нельзя не видеть вновь, как сила вещей ведет к результатам, которые не приходили никому в голову».

Ну, а приходило ли это в голову Владимиру Ильичу Ленину?

Еще в 1919 году, в уже упоминавшейся беседе с американским писателем Линкольном Стеффенсом, когда тот сказал, что «европейскую общественность» волнует проблема террора в России, Ленин ответил: «Уж не хотите ли Вы сказать, что те господа, которые только что убили и изувечили 17 миллионов людей в бессмысленной бойне, всерьез озабочены несколькими тысячами убитых в дни революции с ее сознательной целью: навсегда покончить с войнами... Но это, разумеется, вовсе не означает, что надо отрицать террор или преуменьшать то зло, которое он неизбежно приносит революции».

Напомнив собеседнику, что «есть ведь и белый террор», напомнив о тех зверствах, которые чинились при подавлении революции в Финляндии и Венгрии, Ленин сказал: «В революции, как и на войне... террор есть и он будет!.. И все это далеко не бессмысленно...»

Да, заключал Ленин, террор «наносит вред революции, вредит ей извне и изнутри. Мы обязаны думать, как уменьшить или, по крайней мере, контролировать и направлять его. Но мы для этого должны знать психологию масс лучше, чем знаем ее теперь. Без этого нельзя обуздать стихию»¹⁸²².

Конечно, «контролировать» удавалось не всегда. В начале 1918 года в Екатеринбурге был арестован двоюродный брат Ленина Виктор Алексеевич Ардашев. Получив сообщение об этом от родственников, Владимир Ильич тут же посылает запрос тогдашнему комиссару юстиции Урала Филиппу Голощекину. Запрос был получен, но ответ задержался. Когда же он пришел, в нем значилось: Ардашев В.А. «убит при попытке к бегству»¹⁸²³.

Об истории расстрела царской семьи в июле 1918 года упоминалось выше, а в ноябре того же 18-го года председатель ЧК и военного трибунала 5-й армии Мартын Лацис выступил в Казани со статьей, в которой, указывая на зверства, чинимые контрреволюционными заговорщиками в тылу Восточного фронта, требовал поголовных репрессий против всех представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции, независимо от того, «восстал он против Советов оружием или словом», а посему – «не ищите в деле обвинительных улик».

Эта статья вызвала резкую отповедь со стороны Ленина. Одно дело, написал он, когда «чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине», и совсем другое дело – «договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале "Красный террор" товарищ Лацис...»¹⁸²⁴.

Но и это указание Ленина некоторые чекисты стали трактовать по-своему. Был подготовлен проект инструкции, определяющей, кого же именно следует считать подозрительными: «Социальное происхождение – дворянское

или буржуазное; образование – университетское...» Член коллегии Наркомюста Мечислав Юльевич Козловский «взял эту бумажку и постучал в дверь кабинета Ленина: “Скажите, Владимир Ильич, мне кажется, это немного касается и нас с вами?” – “Опасные дураки!” – заявил Ленин»¹⁸²⁵.

Но, возможно, эти реплики и замечания не были уж столь обязующими и не имели практического значения, ибо носили кулуарный характер, а не становились достоянием широкой гласности?

Откроем газету «Известия» за 26 октября 1918 года. В ней публикуется постановление Президиума ВЦИК от 25 октября «По поводу статьи “Почему вы миндальничаете?”, помещенной в “Еженедельнике Чрезвычайных Комиссий”». Предыстория постановления такова.

Редакция этого еженедельника получила из Нолинского уезда Вятской губернии письмо, озаглавленное «Почему вы миндальничаете?», в котором три местных «робеспьера» протестовали против освобождения и высылки за границу резидента английской разведки Роберта Локкарта.

Авторы письма высказывались, в частности, за то, чтобы по отношению к таким вдохновителям контрреволюционного подполья и организаторам кровавых мятежей и диверсий при допросах применялись любые, самые крайние и жестокие «меры воздействия, вплоть до пыток», ибо за каждым сокрытым ими фактом могут стоять жизни многих и многих людей.

Редакция «Еженедельника Чрезвычайных Комиссий», сопроводив это письмо заявлением о том, что «пролетариат слишком силен и не нуждается в жестокости и мстительности по отношению к своим классовым врагам», сочла все-таки возможным опубликовать его в № 3.

Это письмо, лишь частично процитированное Александром Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», многократно приводилось в современной исторической журналистике для доказательства того, что-де методы репрессий 1937 года якобы уходят своими корнями к самим истокам революции. И никто не упоминает о

том, какую же реакцию вызвало предложение уездных «робеспьеров» тогда – у «истоков».

А реакция была быстрой и жесткой. На заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918, проходившем под председательством Ленина, принимается решение: «Осудить нолинцев за их статью и редакцию за ее напечатание. "Вестник ЧК" должен прекратить свое существование. Назначить политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе Каменева, Сталина и Курского»¹⁸²⁶.

Постановление ВЦИК от 25 октября было более пространным: «Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы... Советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье»¹⁸²⁷.

Сравните это постановление с текстом шифротелеграммы И.В. Сталина, опубликованным в исследовании О.Б. Мозохина: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»¹⁸²⁸.

Разница между постановлениями 1918-го и 1937 года вряд ли требует пояснений.

В напряженный момент Гражданской войны, в официальной инструкции для работников ВЧК о порядке производства обысков и арестов, Дзержинский написал:

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда.

Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача – пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем.

А потому – пусть все те, кому поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти»¹⁸²⁹.

Всякий раз, когда напряжение на фронтах Гражданской войны хоть как-то ослабевало, ЦК РКП(б) стремился ограничить право ВЧК на применение внесудебных полномочий. В частности, 4 февраля 1919 года ЦК постановил, что право вынесения приговоров передается из ЧК в ревтрибуналы. 24 апреля ВЦИК утвердил это решение. Однако вскоре, в связи с наступлением Колчака, права ВЧК пришлось восстановить, и Пленум ЦК 11 июня 1919 года признал возможным в местностях, объявленных на военном положении, расстреливать без суда шпионов, предателей, бандитов, уголовников, продавцов наркотиков и т. д.¹⁸³⁰

Наконец, 13 января 1920 года Пленум ЦК РКП(б) принял предложение Дзержинского: опубликовать в прессе сообщение о том, что с 1 февраля ВЧК прекращает применение высшей меры наказания. Комиссия в составе Дзержинского, Каменева и Троцкого разработала проект постановления, и 17 января ВЦИК и СНК ввели мораторий на расстрелы в отношении врагов советской власти. Однако и на сей раз начавшаяся война с буржуазной Польшей привела к отмене этого решения¹⁸³¹.

Но все эти документы характеризовали «большую политику» советской власти. А рядом с ней существовала могучая сила инерции и сложившаяся практика законоприменения. Виктор Серж, французский коммунист, работавший в Петрограде в аппарате Коминтерна, пишет, что когда стало известно о готовящемся решении ВЦИК и СНК о моратории, питерские и московские чекисты, дабы успеть до публикации декрета, стали «пускать в расход» тех, кого они считали наиболее опасными контрреволюционерами.

А когда Виктор Серж спросил одного из участников этой «акции» – почему они так поступили, тот ответил: «Мы

думали, – сказал он, – что если народные комиссары начинают проявлять гуманизм, это их дело. Наше дело – навсегда разбить контрреволюцию, и пусть нас потом расстреляют, если захотят!” Это была отвратительная трагедия профессионального психоза».

Серж полагал, что этот «психоз» происходил по многим причинам – «из комплекса неполноценности еще недавно порабощенных, униженных; из самодержавных традиций, невольно проявлявшихся на каждом шагу; из подсознательной озлобленности бывших каторжников и тех, кто избежал виселиц и тюрем; из атрофии нормальных человеческих чувств, вызванной мировой и гражданской войнами; из страха и решимости бороться до конца».

Но главное – «эти настроения были усилены жестокостями белого террора. В Перми адмирал Колчак уничтожил четыре тысячи рабочих... В Финляндии от рук реакции погибло от 15 до 17 тысяч красных... В Будапеште Отто Корвин был повешен вместе со своими товарищами на глазах возбужденной толпы буржуа». И все-таки, заключает Виктор Серж, – «для меня, как и для многих, было очевидным, что упразднение ЧК, восстановление обычных судов и права на защиту отныне становилось условием внутреннего спасения революции»¹⁸³².

В том же 1920 году в Питере был арестован бывший генерал, ученый-химик А.В. Сапожников. Сам он «политикой» не занимался – разрабатывал новое антисептическое средство (гомоэмульсию), но два сына его были активными белогвардейцами. И вот при обыске его квартиры было найдено спрятанное оружие.

По тем временам незаконное укрывательство оружия грозило смертью. Суд, однако, приговорил Сапожникова к заключению «до окончания гражданской войны».

Горький, знавший Сапожникова, рассказал эту историю Ленину. «Гм-гм, – сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ. – Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но – надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

– А генерала вашего – выпустим – кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

– Гомозмульсию...

– Да, да – карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтобы скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией»¹⁸³³.

В июне 1921 года в Питере вновь начались аресты в связи с раскрытием ЧК так называемого «Союза возрождения России». Упомянутый выше Виктор Серж был хорошо знаком не только с чекистами, но и с теми, кто участвовал в этом «Союзе». По его мнению, «во время кронштадтских событий университетские преподаватели должны были счесть конец режима неизбежным и, видимо, подумывали об участии в его уничтожении. Дальше этого “заговорщики”, скорее всего, не пошли»¹⁸³⁴.

После проведения обысков у арестованных те, у кого не обнаружили компромата, были сразу же освобождены. Но в связи с этой группой проявилась и другая, названная чекистами «Петроградской боевой организацией», в которую, среди прочих, входили и офицеры, за которыми ЧК вело наблюдение еще во времена заговоров 1919 года. В их числе были поэт Н.С. Гумилев, профессор В.Н. Таганцев, сотрудник Госплана М.К. Названов и другие. Эту группу выделили в особое производство как «дело Таганцева»¹⁸³⁵.

Об этих арестах Ленин узнал от зампреда Госплана, профессора Петра Семеновича Осадчего, который постоянно попадал в поле зрения ЧК в связи с деятельностью его брата Павла Осадчего. 1 июня Владимир Ильич пишет зампреду ВЧК Уншлихту: «Вопреки моему точному предупреждению... произведен обыск в Петрограде у зампредгосплана Петра Семеновича Осадчего. Требую немедленного расследования, указания мне виновного в обыске точно и поименно и привлечения его к ответственности»¹⁸³⁶.

2 июня на списке арестованной профессуры он подчеркивает фамилии профессора Электротехнического института П.А. Щуркевича и профессора Политехнического института Б.Е. Воробьева, которые и до этого как бывшие члены кадетской партии неоднократно арестовывались ЧК. Уншлихту Ленин пишет: «Двое подчеркнутых – лично известны Осадчему – “такие же, как я”. Нельзя ли хоть домашний арест? Нельзя ли иные меры пресечения... Они не бегают ведь».

И относительно самих арестов: местным органам ЧК, отмечает Владимир Ильич, выдаются «мандаты не на персональные аресты, а на аресты “по усмотрению”», без учета политической зрелости сотрудников. Эту практику, – пишет Ленин, – необходимо менять, и ВЧК надо в подобных случаях выдавать лишь «персональные мандаты»¹⁸³⁷.

В конечном счете, помимо Щуркевича и Воробьева, все указанные в списке арестованные профессора (Л.В. Щерба, В.С. Мартынов, А.К. Мордвилко, В.Н. Тихонова, В.П. Осипов) были освобождены и в последующие годы (за исключением Н.Н. Мартиновича, эмигрировавшего в Финляндию) успешно работали в академических и высших учебных учреждениях Петрограда.

Тогда же, в июне 1921 года, Ленин получает письмо от академика Николая Степановича Таганцева. Имя это было Владимиру Ильичу знакомо. В свое время, после ареста Александра Ульянова в 1887 году, Мария Александровна Ульянова, по протекции их домашнего доктора Александра Алексеевича Кадьяна, обращалась к нему как сенатору с просьбой помочь ей добиться свидания с сыном. И сенатор действительно хлопотал об этом в судебной палате¹⁸³⁸. Теперь Николай Степанович просил о смягчении участи своего сына – профессора-географа Владимира Николаевича Таганцева, арестованного ЧК, и о возврате вещей, конфискованных при аресте.

Ленин в тот же день – 17 июня – посылает это письмо Калинину, Курскому и Дзержинскому: «Очень просил бы рассмотреть возможно скорее настоящее заявление в обеих его частях (смягчение участи и увоз из квартиры Таганцева вещей,

принадлежащих ему лично) и не отказать в сообщении мне хотя бы самого краткого отзыва»¹⁸³⁹.

Уже на следующий день, 18 июня, конфискованные вещи вернули. А вот относительно судьбы В.Н. Таганцева лишь 5 июля Д.И. Курский сообщил, что просьба о смягчении его участи не может быть удовлетворена и Таганцев должен понести «суровое наказание в связи с его активной ролью в контрреволюционной организации»¹⁸⁴⁰.

Видимо, не удовлетворившись этим ответом, Владимир Ильич попросил дать ему более подробную информацию. Поэтому, когда супруга упоминавшегося выше доктора А.А. Кадьяна – А.Ю. Кадьян (в девичестве баронесса Анна Нольде) обратилась к Ленину с той же просьбой о смягчении участи В.Н. Таганцева, приходившегося ей племянником, Ленин ответил: «Таганцев так серьезно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно; я наводил справки о нем не раз уже»¹⁸⁴¹.

Ситуация действительно осложнялась тем, что ни Таганцев, ни его товарищи нисколько не скрывали от следствия ни своих антисоветских убеждений и намерений, ни своих связей с иностранной разведкой. Того же Николая Гумилева арестовали не как поэта, а как кадрового офицера.

В августе 1914 года он ушел в армию добровольцем. Служил в разведке. Прошел путь от ефрейтора до прапорщика. За храбрость был награжден тремя георгиевскими крестами. В июне 1917-го добился перевода на Западный фронт. С июля служил в Париже адъютантом комиссара Временного правительства во Франции. Затем был переведен в Русский экспедиционный корпус на Западном фронте, пока солдаты не подняли мятеж, требуя возвращения на родину. С января 1918-го служил в шифровальном отделе Русского правительственного комитета в эмиграции, но в апреле через Англию уехал в Россию.

В Петрограде вокруг него стали кучковаться другие офицеры. В 1919 году, во время массовых арестов, Гумилев избежал ВЧК, но по-прежнему своего отношения к советской власти не скрывал. Виктор Серж – дальний родственник

народовольца Кибальчича, работавший в Петрограде в аппарате Коминтерна и знавший Гумилева еще по Парижу, писал: «Я традиционалист, монархист, империалист, панславист, – говорил Гумилев. – Моя сущность истинно русская, сформированная православным христианством. Ваша сущность тоже истинно русская, но совершенно противоположная: спонтанная анархия, элементарная распущенность, беспорядочные убеждения... Я люблю все русское, даже то, с чем должен бороться, что представляете собой вы...”

...Он был честен и храбр, бесконечно влюблен в приключения и борьбу, – пишет В. Серж. – Иногда он читал волшебные стихи. Худощавый, своеобразно некрасивый – слишком удлиненное лицо, крупные губы и нос, конический лоб, странные глаза, сине-зеленые, чересчур большие, как у восточного идола; и действительно, он любил ассирийские иератические фигуры, сходство с которыми в нем находили. Это был один из величайших русских поэтов нашего поколения, уже ставший знаменитым».

После ареста Гумилева в 1921 году Виктор Серж ходил хлопотать за него в ЧК и Петросовет. «Товарищи из исполкома совета встревожили меня заверениями, что с Гумилевым в тюрьме очень хорошо обращаются, что он проводит ночи в чтении чекистам своих стихов, полных благородной энергии, – но он признал, что составлял некоторые документы контрреволюционной группы. Гумилев не скрывал своих взглядов»¹⁸⁴².

Современный исследователь профессор Б.А. Старков, тщательно изучив все материалы этого дела, пришел к выводу: «В любом случае репрессирован он был на законных [Для того времени. – В.Л.] основаниях...»¹⁸⁴³

Обстоятельный анализ современной литературы и источников по данному делу был проведен профессором В.С. Измоzikом в 2007 году. Он справедливо отметил, что реабилитация В.Н. Таганцева в 1992 году закрепила мнение, согласно которому дело Петроградской боевой организации – это «первое крупное политическое дело, от начала и до конца

сфабрикованное Петрогубчека, и первое крупное политическое дело, инспирированное фактически по прямому “заказу” властных структур тех лет...».

Однако и в 90-е годы более последовательные и откровенные противники советской власти придерживались иной точки зрения. Они полагали, что само название – «Петроградская боевая организация» возникло в ходе следствия. Но «в массе арестованных по “делу ПБО” можно выявить несколько структурно организованных групп (вокруг Н.С. Гумилева, вокруг Ю.П. Германа), имевших зарубежные контакты и внешнее финансирование». Поэтому отрицание существования организации и ее деятельности «может восприниматься как оскорбление памяти людей, участвовавших в движении сопротивления тоталитарному режиму»¹⁸⁴⁴.

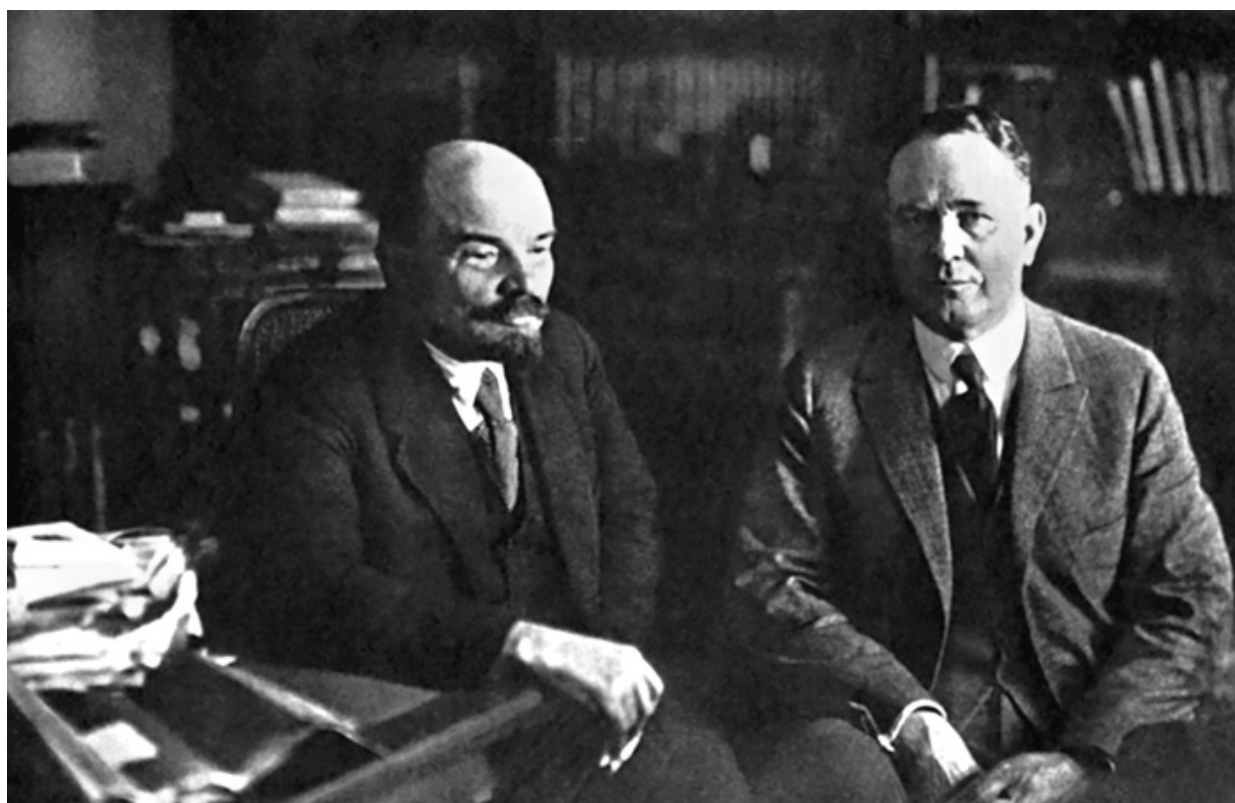
Поскольку любые ссылки на документы ВЧК наша историческая журналистика заведомо отвергает, В.С. Измозик приводит документы белой эмиграции. В частности, он цитирует доклад агента Бориса Савинкова в Финляндии полковника Г.Э. Эльвенгрена: «Организация эта объединяла в себе (или, вернее, координировала) действия многочисленных (мне известно девять), совершенно отдельных самостоятельных групп (организаций), которые, каждая сама по себе, готовились к перевороту».

Приводится также письмо бывшего ректора Петербургского университета, члена Государственного совета и члена ЦК кадетской партии Д.Д. Гримма от 4 октября 1921 года генералу П.Н. Врангелю: «Был арестован и Таганцев, игравший в последние годы видную роль в уцелевших в Петрограде активистских организациях... Некоторые из участников заговора дали весьма полные показания и раскрыли многие подробности... В списке расстрелянных значится целый ряд лиц, несомненно, принадлежавших к существовавшим в Петрограде активистским организациям»¹⁸⁴⁵.

Обращались к Ленину с письмами и по поводу других арестованных по данному делу. 27 июля Владимир Ильич направляет в ВЧК запрос относительно возможности

освобождения бывшего министра юстиции Временного правительства, работавшего в 1921 году в Наркомате финансов, С.С. Манухина. Ему было уже 65 лет, он болел, и в ноябре его удалось подвести под амнистию и освободить «ввиду крайне болезненного состояния».

Под ту же амнистию удалось подвести и профессора Военно-медицинской академии Сергея Петровича Федорова. А инженера Бориса Владимировича Цванцигера, работавшего в ВСНХ, освободили под подписку о невыезде¹⁸⁴⁶. Однако, когда речь заходила о Таганцеве, Гумилеве, Названове, Петроградская ЧК оставалась непреклонной.

Владимир Ильич Ленин с американским экономистом Кристенсен в своем кабинете в Кремле, 28 ноября 1921 года

В связи с одним из подобных запросов председатель Петрогубчека Глеб Иванович Бокий пожаловался Уншлихту на то, что все эти «хлопоты» и «ходатайства» Ленина лишь мешают следствию. 9 августа 1921 года Ленин ему ответил: «Вы

говорите: “за него хлопочут” вплоть до Ленина и просите “разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления...”

Не могу разрешить этого.

Запрос, посланный мною, не есть ни “хлопоты”, ни “давление”, ни “ходатайство”.

Я обязан запросить, раз мне указывают на сомнение в правильности.

Вы обязаны мне по существу ответить: “доводы или улики серьезны, такие-то, я против освобождения, против смягчения” и т. д. и т. п.

Так именно по существу Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и “хлопоты” можете отклонить; “давление” есть незаконное действие. Но, повторяю, Ваше смешение запроса от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами или давлением ошибочно»¹⁸⁴⁷.

И все-таки есть основания полагать, что подобного рода «вмешательство» Ленина лишь ускорило суд над обвиняемыми.

24 августа 1921 года и Таганцев, и Гумилев, и другие – всего 61 человек были осуждены и расстреляны. Виктор Серж, с чужих слов, пишет: «Гумилев погиб на рассвете, на опушке леса, надвинув на глаза шляпу, не вынимая изо рта папиросы, спокойный, как обещал в своей поэме из эфиопского цикла: “И без страха предстану перед Господом Богом!” По крайней мере, так мне рассказывали»¹⁸⁴⁸.

Та же участь ждала и М.К. Названова, но запрос Ленина задержал расстрел. 19 августа Владимир Ильич написал Уншлихту: «Прошу Вас поручить кому следует представить мне:

- 1) точные справки, каковы улики, и
- 2) копию допроса или допросов по делу Названова (в Петрограде)... Поставьте кому следует на вид, чтобы не опаздывали впредь»¹⁸⁴⁹.

С Михаилом Названовым Ленин был знаком еще в начале 90-х годов, когда тот, будучи студентом Технологического института, входил в марксистский кружок Германа Красина¹⁸⁵⁰.

Позднее Названов стал солидным инженером в сахарной промышленности и накануне ареста работал в ВСНХ и Госплане.

Владимир Ильич запрашивает Кржижановского, и тот 18 сентября присылает положительную характеристику Названова. Затем Ленин встречается с председателем ЦК профсоюза сахарной промышленности П.М. Юхновским и членом ЦК союза К.С. Тараненко, которые также положительно отзываются о Названове как специалисте¹⁸⁵¹.

А 10 октября Ленин обращается с письмом в Политбюро: «Я условился с т. Уншлихтом о задержании исполнения приговора над Названовым и переношу вопрос в Политбюро.

О Названове я имел летом 1921 письмо от Красина (еще до ареста Названова). Красин просил привлечь к работе этого, очень-де ценного инженера.

Кржижановский рассказывал мне, что он, зная Названова, не раз резко спорил с ним после 25.X.1917 и чуть не выгонял из квартиры за антисоветские взгляды. Весной же или летом 1921 заметил-де у него перелом и взял на работу при Госплане.

Затем у меня были двое товарищей из ЦК рабочих сахарной промышленности и на мой вопрос дали положительный отзыв о Названове, подтвердив этот отзыв и письменно. На основании изложенного я вношу вопрос в Политбюро... Со своей стороны предлагаю: отменить приговор Петрогубчека и применить приговор, предложенный Аграновым (есть в деле здесь), т. е. 2 года с допущением условного освобождения»¹⁸⁵². И 10 октября Политбюро одобрило это решение.

Однако и после этого Ленину пришлось напоминать о данном постановлении. 17 декабря он пишет Уншлихту: «Прошу сообщить, по какой причине так задержано исполнение постановления Политбюро». И в тот же день Названова освобождают из-под стражи¹⁸⁵³.

Эти и подобные эпизоды все более укрепляли мнение Ленина о том, что ВЧК в прежнем ее формате не вполне вписывается в новые условия, созданные НЭПом. Еще 14 октября на заседании Политбюро, проходившем под председательством Ленина, был рассмотрен вопрос о «деле Таганцева» и заслушан

доклад Уншлихта «о неудовлетворительности данного состава Петрогубчека»¹⁸⁵⁴.

Принимается решение о смене руководства Петрогубчека, а в Питер направляется комиссия в составе Каменева, Орджоникидзе и Залуцкого. Посылая это решение секретарю Петроградского губкома РКП(б) Николаю Угланову, Ленин пишет: «Петрогубчека негодна, не на высоте задачи, не умна. Надо найти лучших»¹⁸⁵⁵.

3 и 8 ноября Политбюро вновь обсуждает этот вопрос. Председателем Петроградского ЧК назначают Станислава Адамовича Мессинга, возглавлявшего до этого Московскую ЧК, а во главе МЧК ставится зампред ВЧК И.С. Уншлихт¹⁸⁵⁶.

Претензий к ВЧК – и в особенности на ее недостаточную борьбу с экономической преступностью – поступало в это время к Ленину достаточно много¹⁸⁵⁷. И когда Чичерин пожаловался на то, что в черноморских портах «политически невоспитанные агенты ЧК, облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами» и своими обысками, поборами, оскорблениями и арестами «ссорят нас по очереди со всеми державами, представители которых попадают в район их действий», Ленин 24 октября ответил очень жестко: подобного рода «паршивых чекистов» надо арестовывать, доставлять в Москву и «подвести под расстрел чекистскую сволочь»¹⁸⁵⁸.

А 15 ноября на заседании Совнаркома, также проходившем под председательством Ленина, слушается доклад наркома юстиции Д.И. Курского о существующих нормах надзора за следственным аппаратом. Повод, казалось бы, был сугубо частный. 16 сентября Малый СНК рассматривал дело Межведомственной комиссии по ликвидации иностранного имущества, которое вела ВЧК, и решил, что чекист И.М. Васильев вел расследование пристрастно, а посему от этого дела должен быть отстранен. Однако представитель ВЧК заявил, что подобные решения не входят в компетенцию МСНК.

Когда этот конфликт дошел до Владимира Ильича, он прежде всего запросил представителя Наркомюста в президиуме

ВЧК Л.А. Саврасова о том, опротестовывал ли он когда-либо действия ВЧК? Получив отрицательный ответ, Ленин и поручил Курскому представить Совнаркому доклад о возможных изменениях и дополнениях в существующие нормы надзора за следственным аппаратом судов и ВЧК.

Заседание Совнаркома 15 ноября, как пишет его участник Г.М. Леплевский, проходило «с большой страстностью. Весьма активное участие в обсуждении вопроса принимал Дзержинский. Дзержинский попросил у Владимира Ильича разрешения выйти из зала заседаний во время голосования по той причине, что он хотел дать возможность голосовать двум своим замам (Фомину – по Наркомпути и мне – по Наркомвнуделу).

Владимир Ильич заявил, что нарком может и, присутствуя в зале заседания, не участвовать в голосовании, и, естественно, в этом случае голосует его заместитель... 7 членов Совнаркома голосовало за отмену решения Малого Совнаркома об отстранении следователя Васильева, 6 членов голосовало за утверждение решения МСНК».

Но главное – комиссии в составе Дзержинского, Каменева и Курского поручили разработать положение о ВЧК в связи с переходом к НЭПу и порядок надзора Наркомюста над следственным аппаратом ВЧК¹⁸⁵⁹.

В комиссии между Дзержинским и Каменевым возникают разногласия по вопросу о компетенции ВЧК. Коллегия ВЧК возражала против «передачи в различные органы розыска и следствия» и против отделения дел политических от дел «по крупным хищениям народного достояния». В связи с этим Каменев написал Ленину: «Это максимум, на который пошел Дзержинский и которым, конечно, удовлетворился Курский.

Я отстаиваю максимум: 1. Разгрузить ЧК, оставив за ним политические преступления, шпионаж, бандитизм, охрану дорог и складов. Не больше. Остальное – НКюсту. 2. Следственный аппарат ЧК влить в НКюст, передав его ревтрибуналам».

Владимир Ильич ответил Каменеву: «Я ближе к Вам, чем к Дзержинскому. Советую Вам не уступать и внести в Политбюро. Тогда отстоим maximum из максимумов. На НКЮ возложим еще

ответственность за недонесение Политбюро (или Совнаркому) дефектов и неправильностей ВЧК»¹⁸⁶⁰.

24 ноября Ленин подписывает постановление СНК о суровом наказании за ложные доносы. А 1 декабря Политбюро принимает резолюцию, предложенную Владимиром Ильичом: «а) сузить компетенцию ВЧК, б) сузить право ареста, в) назначить месячный срок для общего проведения дела, г) суды усилить, д) обсудить вопрос об изменении названия, е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчений»¹⁸⁶¹.

Глава 2

От штурма к осаде

Накануне партсъезда

...До съезда партии оставались считанные недели, и в Москве уже вовсю разворачивалась организационная подготовка к нему. Особый интерес в этой связи представляют воспоминания Анастаса Ивановича Микояна, приехавшего в Москву по вызову Сталина 13 января 1922 года.

Сталин принял его у себя на кремлевской квартире. «Сказал, что вызвал и беседует со мной по поручению Ленина... Условия, сказал Сталин, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличается от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий, открытых группировок или политических платформ... Но от Троцкого можно всего ожидать... Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, хотя, судя по всему, это теперь маловероятно. Надо полагать, что он пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство.

И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представляет опасность для дальнейшей работы ЦК. “Поэтому, – сказал Сталин, – мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд и много ли среди них будет троцкистов... Вот почему, – сказал он в заключение, – Ленин поручил мне вызвать вас... и если вы разделяете такой взгляд на положение дел в партии, то попросить вас съездить в Ново-Николаевск (Ныне Новосибирск. – А.М.) к Лашевичу, чтобы передать ему от имени Ленина все, что я вам здесь сказал...”

Я собрался было уходить, как вдруг дверь тихо открылась (это было вечером, уже темнело) и вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, смотря на Сталина и на меня с присущим ему одному прищуром глаз, в шутку сказал: “Вы что, все свои

кавказские дела обсуждаете?” Сталин ответил, что передал мне все, о чем было условлено, что я согласен и поеду через день к Лашевичу...

Я находился под хорошим впечатлением от этой встречи со Сталиным. Спокойный, доброжелательный тон беседы, то, что провести ее со мной Ленин поручил Сталину, а... главное то, что Ленин запросто зашел к Сталину, особенно расположило меня к нему»¹⁸⁶².

В том, что Анастас Иванович достаточно точно передает содержание своего разговора со Сталиным, сомневаться не приходится. Как и в том, что Ленин самого этого разговора не слышал. И вообще, причастность Владимира Ильича к этой беседе вызывает ряд вопросов.

Именно в этот день, 13 января, во втором часу дня, Ленин приезжает из Горок в Москву. Надо полагать, что после дороги он, в соответствии с установленным режимом, обедал. Известно также, что после этого Владимир Ильич встретился с давним своим товарищем еще по Самаре Исааком Христофоровичем Лалаянцем. Они не виделись более четверти века. Лалаянц подробно рассказывал о своих злоключениях, так что беседа затянулась достаточно долго¹⁸⁶³. А Микоян пишет, что Ленин пришел к Сталину, когда только начинало «темнеть».

Мало того, сразу после встречи с Лалаянцем Владимир Ильич пишет записку А.С. Енукидзе с просьбой помочь семье Исаака Христофоровича – «поговорите со Сталиным: как бы это сделать? ... Сталину, пожалуйста, перешлите это: кстати, я прошу его договориться с Лалаянцем о работе для Лалаянца... Мне этого не решить. Надо решить Сталину в Оргбюро...»¹⁸⁶⁴. Так что встречаться со Сталиным в этот вечер Ленин вроде бы и не собирался.

И уж тем более сомнительно, что Владимир Ильич вот так «запросто зашел», как говорится, без стука, к Сталину в гости. Ни Сталин и никто из мемуаристов об этом никогда не упоминали. Тем более что 18 ноября 1921 года сам Ленин написал: о том, что Сталин живет в неудобной квартире, он не знал – «для меня это новость», т. е. он у него не бывал. А 13

февраля 1922 года Владимир Ильич с удивлением узнает, что новой квартиры Сталин так и не получил¹⁸⁶⁵.

О том, что именно Сталин занимается оргподготовкой к съезду, Ленин, конечно, знал. Что выборы делегатов на съезд проходят под контролем Оргбюро, он тоже, естественно, был осведомлен. Вопрос лишь в степени его причастности к самой «кухне». И – в расстановке акцентов.

Весь корпус ленинских документов начала 1922 года, связанных с подготовкой съезда, свидетельствует о том, что, нисколько не забывая о фракционной опасности, Владимира Ильича более всего беспокоили: с одной стороны, возможность использования критической ситуации в стране меньшевиками и эсерами, а с другой – степень понимания самой большевистской элитой проблем НЭПа и уровень ее компетентности в решении новых задач.

21 января 1922 года Ленин пишет Троцкому: «Я не сомневаюсь, что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора и репрессий против них.

...Было бы, может быть, чрезвычайно полезно, если бы Вы пошли немедленно в открытый бой в печати... и обратились с внушительным призывом к партии подтянуться. Термин “государственный капитализм”, по моему мнению (о чем я неоднократно спорил с Бухариным), есть единственно правильный теоретически и необходимый, чтобы заставить косных коммунистов понять, что новая политика идет всерьез»¹⁸⁶⁶.

20 февраля Ленин направляет большое письмо Курскому. «Деятельность Наркомюста, – пишет он, – видимо, совсем еще не приспособлена к новой экономической политике.

Прежде боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю Наркомюста...» В этой связи необходимо усиление репрессий «против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров)», а также научиться карать тех чиновников-бюрократов, «ту

преобладающую у нас “коммунистическую” сволочь, которая умеет калякать и важничать, а работать не умеет...»

До сих пор в Наркомюсте нет «понимания того, что мы признали и будем признавать лишь государственный капитализм», т. е. при всем многообразии форм собственности защищать интересы человека труда.

Нэпманы должны знать: «Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но втрое подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с духом нашего коммунистического законодательства, не допускать ни тени отступления от наших законов, – вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении НЭПО».

Между тем при выработке нового гражданского законодательства «НКЮст “плывет по течению”; я это вижу. А он обязан бороться против течения». Не ограничиваться рамками прежнего «римского права», не перенимать «буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать... новое отношение к “частным” договорам и т. п. Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное».

Но все это, заключает Ленин, «надо делать с умом». И «если НКЮст не сумеет добиться того, чтобы у нас капитализм был “вышколенный”, был “приличный” ... – тогда НКЮст ни к чему не годен...»¹⁸⁶⁷.

21 февраля проект Гражданского кодекса обсуждался в Совнаркоме. И уже на следующий день его печальные результаты стали известны Владимиру Ильичу. 22-го он пишет членам Политбюро: «Обращаю внимание на то, что вчера в Совнаркоме совершенно изгадили, как мне сообщает тов. Горбунов, гражданский кодекс. Именно те предостережения, которые я делал в письме Курскому, оказываются не принятыми во внимание».

Ленин предлагает отложить утверждение проекта, создать специальную комиссию, внести необходимые поправки и дополнения, суть которых – «полностью обеспечить интересы

пролетарского государства... Не рабское подражание буржуазному праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы».

При этом главное – обеспечить возможность «контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы»¹⁸⁶⁸.

Важно заметить, что все подобные указания Ленина диктовались не логическим развитием некой доктрины, засевшей у него в голове, а реальными потребностями жизни и конкретными фактами недопонимания сущности НЭПа, с которыми ему приходилось сталкиваться при анализе практики хозяйственной деятельности.

Так, несмотря на рекомендацию Ленина, еще 21 ноября 1921 года поддержавшего предложение ВСНХ о предоставлении эмигранту П.Б. Штейнбергу концессии на сбор и продажу кожсырья, Совнарком, после многократных обсуждений, 10 января 1922 года в концессии отказал.

Вместо нее, дабы не упускать такие барыши, решили создать акционерное общество, в правление которого командировали бы «своих» (трех членов из пяти). И при этом постараться вовлечь в него и Штейнберга. 17 января в письме членам Политбюро Владимир Ильич прокомментировал это решение: «три коммуниста (невежды в торговле?...) будут учить торговле двух купцов».

И далее: «Дело важное, и я крайне опасаюсь, что большинство СНКома (против Цюрупы) делает ошибку опять-таки в духе "коммунистического чванства": бояться дать доход купцу, умеющему торговать, и заботиться усердно об одном, о большинстве для коммунистов, кои большей частью немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут».

Помимо процитированной басни Крылова «Музыканты», вспоминает Владимир Ильич и «Господ ташкентцев» Салтыкова-Щедрина: «Боюсь, – пишет Ленин, – что это "большинство" будет похоже на щедринских акушеров»¹⁸⁶⁹, кои, как писал Щедрин,

будучи «не обремененными знаниями и не имея за душой ничего, кроме чистого сердца и не вполне поврежденного ума», в любой момент, коли прикажет начальство, готовы стать хоть сапожниками, хоть музыкантами, хоть финансистами, кем угодно, даже акушерами, на том основании, что видели нагих женщин. Они «на все способны, потому что на все готовы».

По существу же дела Ленин предлагает: председателем акционерного общества сделать Штейнберга с правом «решать все единолично, а большинству правления лишь дать право знать все и обжаловать нам деяния Штейнберга, не приостанавливая их... А на тройку коммунистов возложим особым решением ЦК обязанность учиться и выучиться года в три, иначе прогоним с позором»¹⁸⁷⁰.

Это предложение Политбюро обсудило 20 января и, не предрешая вопроса, вновь передало его на заключение в Совнарком. В этой связи 23 января Ленин опять обращается к членам Политбюро: не затягивая дело, опросом по телефону, принять предлагаемое им решение: «Штейнбергу, как представителю правления, действовать единолично», а при несогласии по тому или иному вопросу большинство может переносить спор в СТО. Этим мы «создадим возможность действительно по-коммерчески вести дело человеку, который коммерцию знает не из коммунистических брошюр...»¹⁸⁷¹.

Наконец, 24 января СНК утвердил в основе проект устава «Акционерного общества внутренней и вывозной торговли кожевенным сырьем» (Кожсырье). Учредителем его стали Наркомвнешторг, ВСНХ, Центросоюз и два капиталиста – П.Б. Штейнберг (директор-распорядитель) и В.И. Томингас. 1 февраля устав общества и соглашения между его учредителями были окончательно утверждены СТО¹⁸⁷².

Есть основания полагать, что в один из январских дней Владимир Ильич отправился на рекогносцировку в ближайшее Подмосковье. Судя по всему, это было Зубалово, где уже регулярно отдыхали Сталин, Каменев и Дзержинский. Поскольку зима была снежной и дороги совершенно замело, поехали на автодрезине ВЧК. Выбранное для отдыха место Ленину, видимо,

не очень понравилось. Да и обустроить его обещали лишь к осени¹⁸⁷³. А вот свои впечатления от поездки на дрезине он изложил 16 января в письме в ВЧК Уншлихту и в НКПС Фомину.

«Мне пришлось на днях, – пишет Ленин, – ознакомиться с состоянием автодрезин ВЧК... Состояние, в котором я нашел автодрезины, хуже худого. Беспорядок, полуразрушение (раскрасили очень многое!), беспорядок полнейший, горючее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутны, движение из рук вон плохо... в смысле хода – машины эти, видимо, “советские”, т. е. очень плохие..., хаос, разгильдяйство, позор сплошной».

Никто из железнодорожников и случайных попутчиков, оказавшихся в вагончике дрезины, Ленина не узнал, а потому в выражениях не стеснялись. «К счастью, – пишет Владимир Ильич, – я, будучи инкогнито в дрезине, мог слышать и слышал откровенные, правдивые (а не казенно-сладенькие и лживые) рассказы служащих, а из этих рассказов видел, что это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и безрукость полнейшая.

Первый раз я ехал по железным дорогам не в качестве “сановника”, поднимающего на ноги все и вся десятками специальных телеграмм, а в качестве неизвестного, едущего при ВЧК, и впечатление мое – безнадежно угнетающее. Если таковы порядки особого маленького колесика в механизме, стоящего под особым надзором самого ВЧК, то могу себе представить, что же делается вообще в НКПС! Развал, должно быть, там невероятный!»¹⁸⁷⁴

17 января в 17 часов Ленин уезжает в большевский совхоз близ деревни Костино Московского уезда. Совхоз располагался на территории бывшего имения Крафта, и Владимира Ильича поселили в небольшом деревянном доме, отведя ему две комнаты. «В одной из них, передней, заставленной легкой плетеной мебелью, устроили кабинет, в другой помещалась спальня»¹⁸⁷⁵.

Рабочий совхоза Федор Михайлович Ефремов, топивший в доме печи, вспоминал. Вставал Ленин рано. Позавтракав, отправлялся на прогулку. «Особенно он любил ходить к столетним дубам, которые росли метрах в 70 от домика, в котором он жил.

В том году были большие снегопады. Бывало, проснешься утром, выглянешь во двор и увидишь, что все занесено снегом, а около домика наметены большие сугробы. Тотчас же начиналась расчистка снега, но делать это у домика Ильич не позволял никому. Он сам брал лопату, и надо было видеть, с каким удовольствием Владимир Ильич работал, прокладывая дорожки во все стороны. В такие минуты он был особенно оживлен и весел. Он часто обращался ко мне с разными вопросами. А вопросов у него, надо сказать, было много. Особенно он интересовался положением в деревне... как живут крестьяне, как организована беднота, как обстоит дело с продовольственными вопросами и многое другое».

Казалось бы – чем не отдых? Но повторялась та же история, что и в Горках. «Ленин работал очень много, – рассказывает тот же Федор Ефремов. – Ежедневно к нему из Москвы доставляли толстую пачку газет, корреспонденций и разных бумаг... Поздно ночью в окнах домика можно было наблюдать свет: Ильич работал»¹⁸⁷⁶.

И опять трещал телефон. Опять Ленин диктовал письма и распоряжения. Помимо утренней почты, днем срочные депеши доставлял мотоциклист. Несколько раз Владимир Ильич выезжал в Москву, участвовал в заседаниях, встречался с советскими и партийными работниками. И опять проявилась бессонница, периодически накатывали головные боли. И еще приходилось оправдываться: «Никак не могу быть в Политбюро, – писал он Уншлихту 31 января. – У меня ухудшение»¹⁸⁷⁷.

Здесь, в деревне, вдали от кремлевской суеты, он видел столичную жизнь как бы со стороны, отраженно – через этот нескончаемый поток входящих и исходящих бумаг. И, разгребая по утрам снег или глядя на столетние дубы, Владимир Ильич все более убеждался в том, что подмена живого дела бесконечными

заседаниями и совещаниями, бумаготворчеством и непомерной перепиской между учреждениями превращает любую управленческую деятельность в фикцию.

«Нас затягивает, – пишет он Цюрупе 24 января, – поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа... Большинство наркомов и прочих сановников “лезет в петлю” бессознательно».

Ленин видел, что этим недостатком, к сожалению, страдает немало старых партийцев. В свое время, будучи в тюрьмах, ссылке, эмиграции, они имели достаточно времени для самых различных словопрений. И теперь необходимость ведения рутинной хозяйственной деятельности, связанной с конкретными большими и малыми задачами, воспринималась ими с большим трудом.

Неумение наладить повседневную работу, ее учет, проверку исполнения и эффективности принимаемых решений имели место и в аппаратах СНК и СТО. «...У нас, – отмечает Ленин, – полная фактическая безответственность на верхах, которая губит дело». Поэтому задача зампредов СНК и СТО – «во что бы то ни стало оторваться от сутолоки и суматохи комиссий, говорения и писания бумажек, оторваться, обдумать систему работы и переделать ее радикальн»¹⁸⁷⁸.

Переписка с Цюрупой по этому поводу продолжалась и в феврале. В конечном итоге рекомендации Ленина свелись к следующему: «Центром тяжести Вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно-бюрократической работы, борьба с бюрократизмом и волокитой, проверка исполнения... Проверка того, что выходит на деле, – вот основная и главная Ваша задача».

Конкретно: «Минимум заседаний. Норма 1 раз в неделю СНК + 1 раз СТО по два часа»; «трижды процеживать» повестки дня СНК, СТО и Малого СНК «в смысле том, чтобы наркомы не смели тащить в них мелочь, а решали ее сами и сами за нее отвечали»; проверка целесообразности и успешности принимаемых решений; неуклонное сокращение бумаготворчества и

«беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащих делу управления всерьез, – такова должна быть линия наркомов и СНКома, его председателя и замов».

И пожалуй, важнейшее: «Вам (и Рыкову) уделять в первую голову один или, если здоровье позволит, два часа в сутки на личную проверку работы: вызывать к себе (или ездить) не сановников, а членов коллегий и пониже... Докапываться до сути, школить, учить, пороть всерьез. Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления – грязные бумажки без этого»¹⁸⁷⁹.

Из всего многообразия русской ненормативной (обсценной) лексики Ленин иногда употреблял одно слово... Широкий читатель осведомлен об этом из многочисленных упоминаний наших «лениноедов», усмотревших в данном слове оценку российской интеллигенции как таковой.

Действительно, в сентябре 1919 года, в самый критический момент Гражданской войны, когда Деникин двигался на Москву, а Юденич изготовился к прыжку на Петроград, Владимир Ильич написал Горькому о той части питерской интеллигенции, которая прямо или косвенно поддерживала или сочувствовала Юденичу: они мнят себя «мозгом нации. На деле это не мозг, а...»¹⁸⁸⁰. Вот и теперь, в деревне Костино, глядя на эти кипы бумаг, декретов, ведомственных распоряжений и постановлений, Ленин, в сердцах, написал: «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте "ведомств" ... Ведомства – говно; декреты – говно. Искать людей, проверять работу – в этом все»¹⁸⁸¹.

Даже в тех случаях, когда Владимир Ильич знал, что данное ведомство действительно занято важнейшим государственным делом, как, например, Наркомфин, готовивший денежную реформу, он требовал не упускать из виду и решения сугубо конкретных, практических задач. Владимир Ильич прямо указывал Сокольникову, что, помимо проблем финансовой политики, его наркомат обязан, используя экономические рычаги Госбанка – закрытие кредита, передача в суд дел за просрочку

платежей, за волокиту и т. п., – повседневно школить и контролировать ведомства, тресты. Иначе, писал он, – «весь твой НКФ и Госбанк ни к чему, одна болтовня и игра в бумажки». И тут же – для членов Политбюро – Ленин добавляет: «Так надо переделать работу и СНК и СТО... и Политбюро; иначе гибель неминуема»¹⁸⁸².

Последнее замечание не было случайным. Бюрократическое болото стало засасывать и партаппарат. Здесь тоже все работали, не жалея ни сил, ни времени. Однако проверка исполнения принятых решений, учет распределения партийных кадров, оценка эффективности их работы были поставлены совершенно неудовлетворительно.

Борис Бажанов – в 1922 году секретарь в Оргбюро, ставший в 1923-м помощником Сталина, а в 1928-м сбежавший за границу, – вспоминал: сотрудники Оргбюро обычно приходили на работу в 8 утра, а уходили в час ночи. Никаких перерывов и никакой личной жизни.

Но при всем этом «в бумажном море, в котором тонет Оргбюро, полная неразбериха, ничего найти нельзя... Когда секретарю ЦК нужна какая-либо справка или документ из архива, начинаются многочасовые поиски в архивном океане». И у сотрудников «в собственных глазах ореол мучеников, идейных людей, приносящих себя в жертву для партии»¹⁸⁸³.

Получив в Костино анкету переписи членов РКП(б) с 59 вопросами и десятками пунктов к каждому из них, вплоть до рода занятий дедушки, Ленин 14 февраля пишет Молотову: судя по этой анкете, учетно-распределительное дело в ЦК «поставлено никуда не годно». Видимо, «в этих "отделах" (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты... Мы сами ("борясь с бюрократизмом под носом у себя...") плодили под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший».

Между тем «власть у ЦеКа громадная, – напоминает Ленин. – Возможности – гигантские. Распределяем 200—00 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных». И такое дело «вдрызг изгажено тупым бюрократизмом!».

Рекомендации он дает примерно те же, что и Цюрупе: «Вам надо себя избавить от мелочей (свалить их на помов и помпомов) и заняться целиком делом... заведующего направлением работы по организации, учету и т. д.». Цюрупе Владимир Ильич написал, что для того, чтобы не утонуть в бюрократическом болоте, нужны «большой авторитет, ум, рука...», а Молотову посоветовал стать не просто секретарем, а «политсекретарем»¹⁸⁸⁴.

Реакция на предложение Ленина последовала довольно скоро. 20 февраля, вечером, состоялось очередное заседание Политбюро. Повестка дня, как всегда, была перегружена. Кончили поздно. Но после того, как все разошлись, остались трое – Сталин, Каменев и Зиновьев. А утром 21-го в конверте «Председателя Совета Народных Комиссаров» Ленин получает записку на 12 блокнотных листках от Сталина:

«т. Ленин! Сегодня ночью беседовали (я, Каменев, Зиновьев) о делах в связи с подготовкой к съезду и пришли к следующему:

1) Снять с коллегии НКПС Серебрякова, Емшанова, определить положение Борисова (фактич. руководителя) и пр.

2) Освободить Красина (НКВТ), ввести в коллегию Стомонякова, наркомом – Фрумкина, замом Радченко. Фрумкину принять дела в Лондоне и, может быть, вместо Красина в Лондоне оставить Квятковского.

3) В НКПрод замом Смирнова... [Л. 3 с пунктом 4 отсутствует. – В.Л.]

5) Госплан. Пятакова замом, Осадчий в качестве третьего. Слаб (может быть, третьим Рамзина?)

6) ВСНХ. Смилга по сути слаб для преда, кроме того партийная публика к нему будет придирается больше, чем к бесцветному Богданову. Нужно искать кандидата. Насчет Рыкова подождать до его приезда».

Указывалось и на другие кадровые передвижки: «Крестинского снять, Сокольников, может быть, назначить наркомом и тогда первым замом дать Шейнмана. Меня освободить от Инспекции и иметь в виду, может быть, Владимирова (Украина) в качестве наркома РКИ... В случае

назначения Смирнова Наркомпросом, Яковлеву отдать в Наркомюст (в коллегия)...»

Но промеж всех этих предложений было, безусловно, самое важное (пункт 7): «Секретариат ЦК. Сталин, Молотов, Куйбышев. Заявить об этом на съезде в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть атаки против Секретариата (нынешнего).

Такова должна быть, по нашему мнению, программа подготовительных работ к съезду и кампании на съезде.

Ваше мнение, т. Ленин...

Сталин. Вторник (21/II)»¹⁸⁸⁵.

Вот так. Как говорится, поскольку вопрос кто – кого? решен окончательно и бесповоротно, остается решить вопрос кого – куда?

Против того, чтобы вместо Молотова сделать «политсекретарем» Сталина, – с точки зрения авторитета и твердой руки, – вряд ли можно было возражать. Еще в конце января, размышляя о работе Политбюро, где все это время председательствовал Каменев, Владимир Ильич записал себе для памяти: «"Двойка": Каменев + Сталин»¹⁸⁸⁶. Но вот предложение сделать эти кадровые передвижки программой «подготовительных работ к съезду и кампании на съезде», да еще с обоснованием этого в отчетном докладе ЦК, который готовил Ленин, – вот это звучало явным диссонансом в сравнении с тем, о чем думал Владимир Ильич в связи с предстоящим XI партсъездом.

Видимо, после получения письма состоялся телефонный разговор, а еще вероятнее – Сталин и Каменев сразу же приехали в Костино, ибо беседа была слишком серьезной и долгой. О ее содержании мы можем лишь гадать. Известно лишь одно: во время этого разговора Ленин почувствовал себя плохо.

Поскольку, уезжая, Сталин и Каменев всячески винули себя за то, что недосмотрели и «перегрузили» Владимира Ильича, Ленин в тот же день напишет им записку: «О вашей вине или чем бы то ни было подобном, в связи с длинным разговором, смешно и говорить. В моей болезни никаких объективных признаков нет (сегодня после прекрасной ночи совсем болен), и

мои силы мог предположительно оценивать только я. Причиной был я же, ибо вы меня неоднократно спрашивали, не утомился ли я».

И далее он высказывается по поводу некоторых решений, принятых Политбюро 20 февраля: о Радеке и Лапинском; по делу Г.И. Мясникова; об исполнении просьбы И.Т. Смилги о закупке оборудования для угольной и нефтяной промышленности; против вывода Сокольников из состава делегации на пленум Исполкома Коминтерна; а также о необходимости расширить и переделать проект декрета об РКИ¹⁸⁸⁷. И ни слова по тем пунктам, которые значились в утреннем письме Сталина.

1 марта Ленин возвращается в Москву. О его настроении лучше всего говорит записка Каменеву 3 марта: «Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное: меня "утешали" тем, что я преувеличиваю насчет аксельродовского состояния, и за умным занятием утешения и восклицания – "преувеличиваете! мнительность!" – прозевали три месяца.

По-русски, по-советски».

Больше всего Ленина беспокоит вопрос о том, сможет ли он выступить 27 марта с докладом на XI съезде РКП(б). Владимир Ильич знает, что доклад его крайне важен, и он будет его готовить, «ибо оказалось, что разговоров и заседаний хуже не выношу, чем "сказануть раз в полгода"». И тем не менее пусть готовится и Каменев, так как надо «себя гарантировать от сюрпризов...».

Своего состояния Ленин не скрывает и в конце пишет: «Имейте в виду, что обмен коротенькими записками (я извиняюсь очень, что сам пишу сегодня длинно) нервы выносят лучше разговоров (ибо я могу обдумать, отложить на час и т. д.). Очень прошу поэтому завести стенографистку и чаще посылать мне (перед Политбюро) записки в 5—10 строк. Я подумаю час-два и отвечу»¹⁸⁸⁸.

Относительно того, что имел в виду Ленин, написав об «аксельродовском состоянии», а также о разговоре со Сталиным, состоявшемся сразу после возвращения из Костино, речь пойдет ниже. А вот после разговора с профессором Гетье решили

проконсультироваться с невропатологом. Федор Александрович порекомендовал пригласить известного специалиста Даршкевича.

Утром 4 марта нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко привез Даршкевича в Кремль и довел его до самой квартиры Ленина. Ливерий Осипович позвонил. Дверь открыл Владимир Ильич и, проводив в кабинет, где уже ожидал профессор Гетье, оставил их вдвоем. Федор Александрович рассказал коллеге о своих наблюдениях, а затем пригласили Ленина, который пришел вместе с Марией Ильиничной.

Видимо, какая-то моральная поддержка ему все-таки была нужна. Это сегодня беседы с психоаналитиками более или менее входят в быт. А тогда разговор с психотерапевтом – совершенно незнакомым человеком, которому надо «излить душу», был достаточно непривычен.

Профессор Даршкевич стал задавать обычные для такого приема вопросы, но ему, как и многим психотерапевтам, была свойственна уверенность в том, что своего пациента он видит, как говорится, насквозь. «Для меня, – писал он, – привыкшего по одному беглому взгляду на моего собеседника определять не только духовный склад его, но и его случайные душевные переживания, было ясно, что за человек находится передо мной»¹⁸⁸⁹. Богатейший опыт Даршкевича давал для этой уверенности основания. Но возникала и опасность того, что какие-то узнаваемые признаки лягут в привычную, уже сложившуюся схему – диагноз.

После первых вопросов Ливерий Осипович опустил голову и, наблюдая краем глаза за пациентом, продолжил беседу так, как будто он перед врачами-ординаторами «разбирает больного в аудитории». Напротив, как заметил Даршкевич, Владимир Ильич своими глазами «как бы пронизывал говорившего с ним, очень умно молчал, слушал то, что ему говорилось, и тщательно следил за своим собеседником, как бы стараясь проникнуться его мышлением. Он никогда не перебивал говорившего с ним, давал ему высказаться всецело, хотя и имел в запасе ряд вопросов,

которые излагал все по порядку. Все то, что говорилось ему, всегда им воспринималось без труда; по крайней мере он редко переспрашивал говорившего. А то, что доводилось говорить ему самому, обнаруживало с его стороны ясное понимание темы разговора, хотя бы тема эта была для него совершенно новой»¹⁸⁹⁰.

На вопрос – что его беспокоит больше всего? – Владимир Ильич ответил: «"Я совсем стал не работник"... Главное, что тяготит его, – пишет Даршкевич, – это невозможность для него за последнее время читать так, как он читал раньше... Он прямо проглатывал книги. Чтобы не запустить текущей литературы и иметь возможность постоянно делать из нее все нужные выводы, ему необходимо прочитывать массу напечатанного, делать постоянно на нее ссылки, изменять свои воззрения и т. д. Вот эта-то работа и сделалась для него невозможной.

Невозможно для него и другое дело – принимать участие на бесчисленных заседаниях различных съездов, – продолжает свою запись Даршкевич. – Он должен являться туда вполне подготовленный, вооруженный конспектами всех тех речей, которые ему будет предстоять говорить, обдумавши хорошо свои позиции и пр. В прежнее время все это было для него делом весьма легким, не вызывало в нем никакого душевного волнения и никогда не требовало от него такого количества времени, которого не хватало бы на все остальные дела. Теперь не то... Участвовать во всех заседаниях с привычной для него подготовкой представляется для него делом совершенно невозможным».

Подобные жалобы весьма напоминали ситуацию, когда тяжелоатлет, привыкший поднимать в сумме упражнений 350 килограммов, вдруг начинает чувствовать, что ему с трудом удастся набрать лишь 300. Он, вероятно, так и написал бы: «Я уже не тот! Я ничегошеньки не могу! Я уже не работник!» Хотя для нормального человека и эти 300 килограммов остаются абсолютно недоступным весом.

«Не мало мешают ему, – продолжал Даршкевич, – еще сильные головные боли, которые возникают у него тотчас же,

как только он проработает сколько-нибудь лишнее время. Тяготят также и бессонницы. Сон у него вообще плох, но за последнее время, когда ему приходится много работать, он совершенно иногда лишается сна. Ночь, обреченная на бессонницу, вещь поистине ужасная, когда поутру надо быть готовым к работе»¹⁸⁹¹.

Трудно сказать, этими или другими словами говорил Владимир Ильич. Но смысл ответов Ленина Даршкевич передает, видимо, точно. В ходе беседы Владимир Ильич между прочим заметил, что считает свой хотя и частичный отход от дел вполне естественным: все-таки вот-вот стукнет 52 года. Это, мол, «вещь, повторяющаяся обычно с каждым революционным деятелем, когда он доживает до известного возраста. “Каждый революционер, – говорил В.И., – достигши 50 лет, должен быть готовым выйти за флаг: продолжать работать по-прежнему он больше уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного...”»¹⁸⁹². Эту фразу Ливерий Осипович наверняка передает дословно, ибо самому ему уже исполнилось 64.

Выражение «выйти за флаг», «остаться за флагом» употреблялось обычно в конноспортивных состязаниях и означало, что жокей не успевал в установленное время пройти дистанцию, обозначенную флажком. Иносказательно, в обыденной и литературной речи (например, в «Пошехонской старине» любимого Лениным Салтыкова-Щедрина) «остаться за флагом» означало – остаться без дела, отстать от других, в положении человека, которого превзошли в чем-либо.

Фразу эту Ленин сказал очень спокойно, без всякой рисовки и фальши, которую профессор, как опытный психолог, непременно бы заметил. Ливерий Осипович возразил: ради уменьшения нагрузки надо обзавестись надежными помощниками и переложить на них текущие дела. Ленин согласился: «О, да ведь у меня есть два заместителя – товарищ Рыков и товарищ Цюрупа, я могу их облечь полномочиями». И опять никаких сомнений или сожалений по поводу того, что ему придется передавать власть в другие руки, Даршкевич не уловил. Он

записал лишь грустную фразу Владимира Ильича о том, что, мол, «его песня спета» и «свое дело он должен будет кому-то передать...». Патологическим стремлением к власти как таковой, о котором постоянно толковали его противники, пациент явно не страдал.

Владимира Ильича беспокоило совсем другое: не скажется ли болезнь на его умственных способностях, на его интеллекте? Вот что выводило его из душевного равновесия, и он прямо спросил об этом у профессора. Ливерия Осиповича вопрос удивил: «Ответами своими он удовлетворил меня во всех отношениях, так как двусмысленных фраз, а тем более фраз сбивчивых слышать от него не приходилось... Все его жалобы были чисто функционального свойства... Среди его жалоб нет ни одной, которая служила бы выражением органического заболевания головного мозга; наоборот, все то, что наблюдается у него, является следствием простого переутомления мозга»¹⁸⁹³.

И Даршкевич заключает: «По моему мнению, у В.И. были два тягостных для него явления. Во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишивших его возможности работать так, как он работал раньше, а во-вторых, ряд "навязчивостей"... Он очень смутился, не вполне понимая самый русский термин. Я перевел его на французский язык. Он обрадовался знакомому для него названию. "Des obsessions! Oh! Je les comprends bien! Ведь это, конечно, не грозит сумасшедством!!" Я успокоил его, сказав, что навязчивости тяжелы для человека только субъективно, но что они никогда не ведут за собой расстройства психики... Болезненные явления его несомненно тяжелы, но они не опасны ни для жизни, ни для трудоспособности его в будущем... Выслушав мое мнение на этот счет, В.И. значительно успокоился»¹⁸⁹⁴.

Его, человека физически крепкого, сразу заинтересовал вопрос о том, какого рода нагрузки для него допустимы и «может ли он заниматься физическим трудом». Ответ, записанный профессором Гетье, получился неожиданным: «Даршкевич на мгновение задумался, а потом, не поднимая головы и как бы

отвечая на свои мысли, сказал совершенно спокойно: "Отчего же нет. Легкие домашние работы возможны. Конечно, нельзя колоть дрова и носить их в третий этаж, как заставили меня делать большевики. Ведь это абсурд – заставлять профессора таскать дрова". Ленин расхохотался и подтвердил, что это полнейший абсурд»¹⁸⁹⁵.

Диагноз, поставленный профессором Даршкевичем, совпал с мнением профессора Гетье: переутомление, вызванное перегрузкой центральной нервной системы. Рекомендации: во-первых, переложить всю текущую работу на замов, «пусть его держат в курсе общегосударственных дел, но без бумаг, которые проходят через канцелярию». Во-вторых – не участвовать в съездах и собраниях. В-третьих – жить вне Москвы. Пусть друзья приезжают, но не по текущим делам.

Владимир Ильич не возражал. Он сказал, что должен «выступить на будущей неделе на очень важном съезде, речь на котором мною уже обдумана». Даршкевич ответил: «Как на исключение я могу согласиться на это, но прошу, чтобы это было в последний раз». А профессору Гетье Ливерий Осипович заметил, что надо разрешать пациенту «изредка выступать публично в качестве оратора. Такие выступления должны действовать благотворно на психику В.И., поддерживая в нем уверенность в работоспособности»¹⁸⁹⁶.

Визит Даршкевича продолжался около четырех часов. Владимир Ильич заметно повеселел, и когда Ливерий Осипович уже спускался по лестнице, его догнала Мария Ильинична и сказала: «Брат стал совсем другой»¹⁸⁹⁷...

После выступления на съезде металлистов, во второй половине дня 6 марта 1922 года, Ленин выезжает в деревню Корзинкино близ села Троицкое-Лыково Московского уезда. «ГПУ считало, – пишет Крупская, – что жить в Горках в то время было опасно, они напали на белогвардейские следы, и потому его устроили в Корзинкине – старом помещичьем доме. Дом был нелепый. Внутри большой темный зал, вышиной в два этажа. Во втором этаже в этот зал выходила открытая галерея, из которой шли двери в комнаты. В комнатах на стенах висели портреты Л.

Толстого и была уйма каких-то сонных мух, которых надо было вытравлять. Я тоже на недельку приехала к Ильичу»¹⁸⁹⁸.

Надежде Константиновне предстояло выступить на учительских конференциях, и она привезла с собой целую гору русской и иностранной литературы, так или иначе связанной с антирелигиозной тематикой. Это переплелось с тем, что Ленин пообещал новому журналу «Под знаменем марксизма» статью в ближайший номер, и «на прогулках, – пишет Крупская, – мы много разговаривали с Ильичом на антирелигиозные темы. Приближалась весна, набухали почки, мы с Ильичом ходили далеко в лес по насту. Снег размяк, но сверху покрылся ледяной коркой, можно было идти, не проваливаясь. Ильич говорил тогда о Древсе, о Синклере, о том, как вредна поверхностная, наскокистая антирелигиозная пропаганда, всякая вульгаризация...»¹⁸⁹⁹.

Ленин ознакомился с письмом Троцкого от 27 февраля 1922 года, открывавшем № 1–2 журнала «Под знаменем марксизма». В письме ставилась проблема воспитания пролетарской молодежи. По его мнению, она состояла в том, что «старшее поколение рабочих-коммунистов, играющее ныне руководящую роль в партии и в стране, пробуждалось к сознательной политической жизни 10–15–20 и более лет тому назад. Мысль его начинала свою критическую работу с городского, с табельщика и мастера, поднималась до царизма и капитализма, а затем, чаще всего в тюрьме и ссылке, направлялась на вопросы философии истории и научного познания мира...

Нынешний молодой рабочий, – продолжал Троцкий, – пробуждается в обстановке советского государства... Те общие выводы, которые старшему поколению рабочих давались с бою и закреплялись в сознании крепкими гвоздями личного опыта, теперь получают рабочими младшего поколения в готовом виде... Но само советское государство еще полно противоречий, прорех, несогласованностей, смутного брожения, – словом, явлений, в которых наследие прошлого переплетается с ростками будущего. В такую, глубоко переломную, критическую, неустойчивую эпоху, как наша, воспитание пролетарского

авангарда требует серьезных и надежных теоретических основ... Необходимо вооружить его мысль, его волю методом материалистического миропонимания»¹⁹⁰⁰.

Вопрос об идейном воспитании молодежи, хотя и достаточно абстрактно, ставился Троцким правильно. И в этом смысле, как заметил Ленин, он сказал «все существенное». Но задачи, стоящие перед журналом, как и сама проблема, были куда шире и сложнее. А главное – она касалась не только молодежи.

«Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, – пишет в своей статье Ленин, – будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров... Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу».

Но, чтобы вести их вперед, необходимо, отмечает Владимир Ильич, не только наиболее полно выразить их чаяния, но и преодолеть «темноту, невежество и предрассудки», на которые обрекала их прежняя жизнь. Эта просветительская работа по пробуждению самосознания широчайших слоев народа чрезвычайно сложна, ибо необходимо «знакомить их с фактами из самых разных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»¹⁹⁰¹.

О религии Ленин упомянул не случайно. Известный немецкий ученый Артур Дреус в своей книге «Миф о Христе», которую Ленин еще раз перечитал в Корзинкине, справедливо заметил, что только религия способна противостоять захватывающему весь мир и «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому (Материалистическому. – В.Л.) потоку», то есть осознанию массами своего реального положения в жизни.

В современной журналистике выражение «религия есть опиум для народа», нередко приписываемое Ленину, толкуют как нечто оскорбительное для верующих и религиозного чувства.

Между тем эта фраза, принадлежащая Марксу, обозначала нечто иное.

В те времена опиум был в медицине одним из главных средств анестезии, обезболивания. И в этом отношении религия, среди прочего, как раз и являлась способом преодоления боли и ужасов повседневной жизни, давая духовную опору в иллюзорном мире. Религия, писал Маркс, – это «сердце бессердечного мира», а критика религии «как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья. Требование... отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях»¹⁹⁰².

Именно после разговоров на эту тему в Корзинкине, когда гуляли они с Ильичом по лесу, Крупская написала: «Евангелие – редко священники – проповедует любовь к людям. Это самое, что есть ценное в религиозной морали и что не противоречит классовому интересу рабочих и крестьян. Они на своем знамени также выставляют равенство и братство. Но равенству и братству учит эксплуатируемых сама жизнь, общность их интересов, сближение, основанное на взаимопонимании. “Все за одного, один за всех”. И это обучение взаимопомощи трудовой жизнью гораздо ценнее, чем проповедь евангелия, сплетенная с самоуничтожением, терпением, отречением от всякой борьбы, от всех земных благ»¹⁹⁰³.

Задолго до революции, отвечая на вопрос «может ли священник стать членом марксистской партии?», Владимир Ильич написал: «Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже маловероятен»¹⁹⁰⁴.

Способствовать идущему процессу духовного освобождения – долг коммунистов. Но «было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, – писал Ленин, – думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения»¹⁹⁰⁵.

Слишком часто авторы популярных брошюр, берущиеся за «пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают», в принципе не могут заинтересовать «совсем еще неразвитые массы», а способны лишь вогнать такого читателя в тоску и скуку.

В этом смысле, полагает Ленин, вместо брошюр, которые пишут «уродующие марксизм коммунисты», куда полезнее использовать старую атеистическую литературу XVIII века. И хотя сегодня ее можно педантски упрекать в наивности, устарелости, ненаучности и т. п., никто не может отказать ей в остроумии и таланте¹⁹⁰⁶.

Иное дело – читатель более развитый. Для него журнал должен публиковать серьезные статьи о развитии современной науки. А для этого необходим прежде всего «союз с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов... Союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом “образованном обществе” модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма»¹⁹⁰⁷.

Но и этому, более развитому читателю, представителю интеллектуального «авангарда», опираясь на русскую материалистическую традицию Чернышевского и Плеханова, на новейшие данные естественных наук и, в частности, теорию Эйнштейна, необходимо подняться до глубокого понимания диалектики Маркса.

«Чтобы достигнуть этой цели, – пишет Ленин, – сотрудники журнала “Под знаменем марксизма” должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем “Капитале”, и в своих исторических и политических работах.

...Мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много».

И вот итог этих размышлений: «Группа редакторов и сотрудников журнала “Под знаменем марксизма” должна быть, на мой взгляд, своего рода “обществом материалистических друзей гегелевской диалектики”»¹⁹⁰⁸.

«Практики», по самое горло загруженные повседневными неотложными делами, охрипшие от телефонного крика, вынужденные думать только о том – как столько-то пудов хлеба или угля отправить сегодня (а надо бы вчера) туда-то и туда-то, могли лишь иронизировать по поводу изучения Гегеля и, как выражался сам Владимир Ильич, ленинских «философских запоев».

Их отношение к данному предмету хорошо сформулировал Владимир Маяковский: «Мы / диалектику / учили не по Гегелю. / Бряцанием боев / она врывалась в стих, / когда / под пулями / от нас буржуи бегали, как мы / когда-то / бегали от них».

Но, удивительное дело, каждый раз, когда возникали какие-то сугубо практические, жизненные проблемы, Ленин-философ брал верх над «практиками».

На протяжении всего срока пребывания в Корзинкино Ленин тщательно готовит и пишет план доклада на XI съезде РКП(б). Он переделывает и переписывает его четыре раза. Мысль Владимира Ильича вращается вокруг тех же проблем, о которых

он писал в эти дни членам ЦК, говорил на съезде металлистов. «Генуя. Мы себя в обиду не дадим». О Коминтерне – «тема т. Зиновьева? Выкинуть вовсе?». А вот итог «всемирно-исторических завоеваний великой русской революции» – это надо¹⁹⁰⁹.

О НЭПе – подробнее: о «госкапитализме» и «схоластике», о «приспособлении к крестьянству» и «умении торговать и управлять», о вопросе Устрялова – что это – «эволюция или тактика?». О роли государства и его аппарата: «Советское государство. Первое в мире. Новая эпоха: хуже первого паровоза!» И какую проблему ни поднимает Ленин, все заканчивается одним: «Обеспечен успех, если хватит? Чего? Культурности!!!»; «Чья возьмет? Чего не хватает? Культурности»; «Вопрос “только” в культурности!»¹⁹¹⁰

И о партии. «За отчетный год (1921–1922) в области нэпа мы не столько сражались, сколько были сражаемы». Но это была «разведка», «поиски экономической политики», «начало стройки», а главное – «Голод». Отбросить «сладенькое комвранье (тошнит)». Задача: «Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море. “Полоса пропаганды декретами” прошла. Массы поймут и оценят лишь деловую практическую работу, практический успех в хозяйственной и культурной работе». Отсюда перегруппировка сил. «Ответственные коммунисты из передних рядов назад! / Простой приказчик – вперед! / Вершками. / Малые дела. / Культурная и хозяйственная работа». И еще: «сохранить перспективу»¹⁹¹¹.

23 марта, посылая план Молотову, Ленин пишет: «План предполагаемого мною политдоклада Цека на съезде:

в основном повторение, в некоторых пунктах развитие того, что́ сказано в речи на съезде металлистов, 6.III.1922. Совсем коротко о Генуе. Несколько подробнее о нэпе и о понятии “государственного капитализма”.

...Главное, чего нам не хватает, – культурности, умения управлять... Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики.

...Разрыв между величиной начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной».

План должен был 25 марта озвучен на Пленуме ЦК, и Ленин пишет Молотову: «Если потребуется моя явка на пленум для объяснений по поводу нижеприводимого плана доклада, я безусловно могу явиться и явлюсь часа через 2–3 после вызова». И еще: все эти дни кратковременные спазмы, как и головные боли, не прекращаются. Поэтому, на всякий случай, Владимир Ильич просит «пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное – от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал»¹⁹¹².

...21 марта, в связи с прибытием из Берлина немецких профессоров Клемперера и Ферстера, Ленин поручил Николаю Горбунову составить список ответработников, которых необходимо провести через медосмотр. В этот список он предложил включить Троцкого, Каменева, Сталина, Чичерина, Осинского, Брюханова «и несомненно целый ряд других»¹⁹¹³.

Включать в список действительно надо было чуть ли не всю «верхушку». В начале года Рыкова отправили на операцию в Германию. И после нее, 1 марта, Ленин телеграфирует Крестинскому: «Не выпускайте Рыкова, пока не достигнет 70 кило». Крестинский ответил: «...Спросил сегодня у врача, можно ли надеяться, что Рыков увеличит свой вес до 70 кило. Врач ответил, что при характере Рыкова этого, вероятно, никогда не будет... Если он дойдет до 60 кило, то и это будет уже хорошее состояние здоровья... Рыков собирается около 15 марта выехать в Россию»¹⁹¹⁴.

У Зиновьева периодически повторялись сердечные приступы. Троцкий жаловался на переутомление и бессонницу. «Невралгия головы, – писал он Ленину, – сильно меня парализует... Производительность моей работы минимальна». На истощение, переутомление и невралгию жаловались Бухарин и Чичерин. Ленин настаивал на немедленном отдыхе Сталина и Каменева: иначе мы их «работоспособности... к съезду партии не

сохраним»¹⁹¹⁵. Так что в список медицинского обследования попали десятки партийных и советских руководителей.

Попал в него и сам Владимир Ильич. 25 марта Ферстер и Клемперер осмотрели его и констатировали примерно то же самое, что и у других: хроническое переутомление, «возбудимость и слабость нервной системы, проявляющуюся в головных болях, бессоннице, легкой физической и умственной утомляемости и склонности к ипохондрическому настроению...». Они рекомендовали Ленину уехать подальше от Москвы – лучше всего куда-нибудь в горы¹⁹¹⁶.

25 марта собирается Пленум ЦК. После ознакомления с планом доклада Ленина принимается решение: назначить дополнительным докладчиком по политическому отчету ЦК на съезде Каменева. А вот тезисы Зиновьева утвердили в приведенной выше формулировке об условиях приема в партию¹⁹¹⁷.

В этот день Владимир Ильич из Корзинкино возвращается в Москву. А 26 марта он пишет Молотову: «Прочитав решение пленума от 25/III по вопросу о сроках кандидатского стажа для вступления в партию новых членов, я бы хотел оспорить это решение на съезде». Поэтому он просит ознакомить с его письмом всех членов ЦК до постановки данного вопроса на съезде¹⁹¹⁸.

«Надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский». Естественно, это рождает желание заполучить теплое местечко, а посему, по мере успехов советской власти, «напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрастет в гигантских размерах». Между тем «нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде... Это – факт общеизвестный»¹⁹¹⁹.

В этой связи «безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие “рабочий” таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта».

«С другой стороны, так же несомненно, – развивает свою мысль Владимир Ильич, – что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике».

И Ленин предупреждает: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Такая ситуация резко усиливает роль субъективных, личностных моментов: «Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»¹⁹²⁰.

«Не отчет, а политические уроки»

27 марта в 12 часов 30 минут, открывая XI съезд РКП(б), Ленин сказал: «Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоящим, главным, основным задачам социалистического строительства... Я уверен, что если мы сделанное нами оценим с надлежащей трезвостью и не побоимся глядеть прямо в глаза действительности, не всегда приятной, а иногда и совсем неприятной, то все трудности, которые только

теперь вырисовываются перед нами во всем размере, все эти трудности мы, несомненно, преодолеем»¹⁹²¹.

Потом начались выборы президиума, секретариата, мандатной и редакционной комиссий, утверждение регламента и порядка дня съезда. А когда эти вопросы были решены, слово для политического отчета Центрального Комитета вновь предоставили Владимиру Ильичу.

Он начал с Генуи, перечислил все, что сделано: ЦК тщательно подобрал делегацию «из лучших наших дипломатов», выработал и многократно обсудил «детальные директивы» для переговоров. И главное, что теперь необходимо понять: мы идем в Геную не как коммунисты, пропагандирующие революционные идеи, но и не для того, чтобы поучаствовать в различного рода дипломатических играх, а исключительно «как купцы».

Это важно и для самих европейских держав. Их собственные интересы требуют развития торговли с Россией. А коли так, то хозяйственная необходимость проложит себе дорогу. «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи – если им вздумается упрямыться. Но цели своей мы достигнем!»¹⁹²²

Ленин попросил у делегатов «разрешение в детали этого вопроса не входить», ибо наша «печать уделяла этому вопросу много места, – на мой взгляд, даже непомерно много, – в ущерб действительным, практическим и насущным нуждам нашего строительства вообще, хозяйственного в особенности»¹⁹²³.

Среди большевиков было немало выдающихся ораторов, чьи выступления, полные артистизма, остроумия и блеска эрудиции, вызывали всеобщее восхищение. Таким, к примеру, был на трибуне Луначарский. Были и другие – те, чей темперамент, властность интонации, эмоциональный накал заставляли аудиторию бурно «сопереживать» речь. Временами так выступал Троцкий. Ленин принадлежал к совсем другому типу ораторов.

Он не ставил перед собой задачу поразить слушателей блеском эрудиции или остроумия (хотя в стенограммах его выступлений постоянно встречается ремарка – «смех в зале»). Не старался вызвать у слушателей и бурный эмоциональный

взрыв. Владимир Ильич стремился добиться иного: чтобы аудитория думала вместе с ним.

«Говорил быстро, – писала о Ленине Крупская. – Стенографисты плохо записывали... Конструкция фраз у него трудная... Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было ни “естественной искусственности”, не “певучая” типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской – русская речь посередине между этими крайностями. И она была у Ильича такая – посередине – типичная русская речь»¹⁹²⁴.

Выходя к аудитории, он ставил проблему. С разных сторон подходил к ней. Приводил аргументы «за» и «против». И создавалось ощущение, будто он думает вслух, втягивая слушателей в логику своих размышлений. А у слушателей, в свою очередь (конечно, не у всех), возникала уверенность в том, что они сами, по ходу выступления Ленина, проходят весь сложный путь поиска истины...

«Мне сдается (или, по крайней мере, такова моя привычка), – сказал Владимир Ильич, обращаясь к делегатам XI съезда, – что в политическом докладе ЦК нам надо вести речь не просто о том, что было за отчетный год, но и о том, какие за отчетный год получились политические уроки – основные, коренные, чтобы свою политику на ближайший год определить верно, чтобы кое-чему за год научиться»¹⁹²⁵.

В докладе предстояло сказать немало неприятных, а то и обидных слов, задевавших многих делегатов – руководящих работников партийного и государственного аппарата разных уровней. Но для Ленина было важно не обидеть их, доказавших в годы Гражданской войны свою преданность революции, а помочь уяснить «всю громадную опасность, которая заключается в нэпе», и понять, что одна из основных трудностей предстоящего 1922 года «лежит в нас самих»¹⁹²⁶.

Речь его выстраивается как бы по концентрическим окружностям, вернее – по спирали, когда к одному и тому же вопросу он, казалось бы, возвращается дважды и трижды. Эту особенность выступлений Ленина подметил писатель Илья

Эренбург: «...Он возвращался к уже высказанной мысли, но никогда не повторял ее, а прибавлял нечто новое. Некоторые из подражавших впоследствии этой манере говорить забывали, что спираль похожа на круг и не похожа – спираль идет дальше»¹⁹²⁷. В конечном счете благодаря подобного рода «повторам» из приводимых им аргументов и умозаключений выстраивалась смысловая и логическая связь конечных выводов.

«Политические события, – сказал Ленин, – всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы удержать всю цепь, надо уцепиться за основное звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться». Искусство политики как раз в том и состоит, чтобы найти его, то есть, выражаясь другими словами, определить – где тот гвоздь, на котором зависли все проблемы данного момента. И Владимир Ильич апеллирует к опыту предшествующих лет.

«В 1917 году в чем был весь гвоздь? – спрашивает он. – В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла... Народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть». А поскольку «основная потребность народа была учтена... это дало нам победу на много лет».

После Октября началась «полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют... Но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте... Без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте»¹⁹²⁸.

А в чем был «гвоздь» в годы гражданской войны? – спрашивает Ленин, и отвечает: «Отпор военный... Любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик.

Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили».

Но у этой победы была и обратная сторона. В ходе войны, отмечает Ленин, мы возложили на крестьянство «очень тяжелые повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. И это оправдание, если взять его во всем объеме, было крестьянством принято, несмотря на ошибки, которых мы не смогли избежать».

Но смычки с крестьянской экономикой не получилось. «Ею до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и прямая нависшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными...» Вот и получилось в результате, что стройка новой жизни в эти годы «шла до известной степени в стороне от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе...»¹⁹²⁹.

До окончания Гражданской войны, хотя и с переменным успехом, мы наступали. И, по всем законам развития революций, забежали вперед. После окончания войны, «в 1921 году, – продолжал Ленин, – гвоздем было отступление в порядке». Надо было дать роздых и освободить экономическое пространство для крестьян, задавленных продразверсткой. И именно потому, что мы наступали так успешно... захватили необъятно много, только поэтому у нас было так много места, что мы могли очень далеко отступать и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного».

Но наступление и отступление – не игра в солдатики. Это для оловянной фигурки, а не для живых людей, безразлично, куда ее двигают – вперед или назад. Наступление и отступление различны, в частности, по психо-моральному состоянию армии. При успешном наступлении общий порыв захватывает всех, «там дисциплину, – говорит Ленин, – если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед...».

Совсем иное – «до известной степени подавленное» настроение порождается отступлением. «И в этом, – поясняет Владимир Ильич, – громадная опасность: отступать после победоносного великого наступления страшно трудно... Когда вся

армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, – тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали»¹⁹³⁰.

Перед делегатами съезда Ленин не случайно оперирует образами и терминологией войны. Большинство делегатов участвовали в ней – и в той (1914–1917 гг.), и в другой (1918–1920 гг.). Кто-то наверняка помнил картинки июльского отступления 1917 года на Юго-Западном фронте, когда Корнилов поставил заградотряды с пулеметами и стал вешать бегущих на телеграфных столбах. А кто-то помнил картинки отступления Конармии из Польши в 1920 году, когда деморализация дошла до еврейских погромов. И здесь для отрезвления тоже пришлось прибегнуть к расстрелам. Таковы суровые законы войны. «Когда... правильное отступление, – говорит Ленин, – переходит в беспорядочное, командуют: “Стреляй!” И правильно»¹⁹³¹.

Подводя итоги отступления, Владимир Ильич заключает: «Отступление в общем и целом прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала “рабочая оппозиция” (и в этом был ее величайший вред!), и вызвали у нас частичные отрезывания, отпадения от дисциплины, от правильного отступления»¹⁹³².

На упоминание «рабочей оппозиции» Александр Шляпников обиделся: вот, мол, теперь и против него пулеметы... Владимир Ильич ответил иронической репликой: «Бедный Шляпников! Ленин собрался на него пулеметы выставить. Речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах»¹⁹³³.

Итак, отступление кончилось. «Та цель, которая отступлением преследовалась, – сказал Ленин, – достигнута... Мы пришли в новое место...» Теперь, в 1922 году, «гвоздем», способным удержать всю конструкцию, становится смычка с крестьянской массой, то есть не только в том, как «существовать среди капиталистического уклада», но и осуществлять регулирование всей многоукладной экономики страны.

И тут не надо мудрствовать. Надо выводить Россию из голода и разрухи, помочь миллионам людей наладить нормальную жизнь. В этом вся философия. Мы должны устроить так, поясняет Владимир Ильич, чтобы крестьянин увидел связь нашей социалистической политики с «той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, как он умеет, не мудрствуя (потому что, где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись от прямой опасности мучительной голодной смерти?)»¹⁹³⁴.

Вот и коммунистам-руководителям надо перестать суетиться, умничать и рассуждать о НЭПе. Резолюция съезда всякой «сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет засчитываться в минус. Практически надо доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов».

Прислушайтесь, о чем говорят рабочие и крестьяне: «Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая». Они ставят вопрос очень просто: «Капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете?» И никакие ссылки на светлое будущее тут не помогут: «Принципы коммунистические, идеалы хорошие, – ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, – а дело делать умеете?»¹⁹³⁵

«Отсрочки коммунистам были даны всякие, – продолжает Владимир Ильич, – в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось». Эту «отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски, – векселя, но сроки на этих векселях не написаны, и, когда они будут предъявлены ко взысканию, этого... не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных торговых векселей».

Экзамен, говорит Ленин, который устраивает для нас «русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны», весьма серьезен. Это «проверка настоящая, с

точки зрения народной экономики». И «либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал»¹⁹³⁶.

Для тех, кто был убежден в том, что история развивается в полном соответствии с приказами и предписаниями начальства, что администрирование является универсальным рычагом управления обществом, Ленин популярно излагает концепцию сменовеховца Устрялова.

«...Что такое новая экономическая политика большевиков – эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы... – люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство и надо поэтому идти за ней».

Они рассуждают так: «...Эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это – тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут свое. Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать».

И, обращаясь к делегатам съезда, Ленин говорит: «Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, “комвранья”, кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно. И вот, вместо этого “комвранья” приходит номер “Смены Вех” и говорит напрямик: “У вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками”... “Я за поддержку Советской власти в России, – говорит Устрялов... – я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти”».

Прав ли он, существует ли такая опасность внутреннего перерождения? Да, существует, считает Ленин: «Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч

всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это – основная и действительная опасность»¹⁹³⁷.

Видят ли коммунисты-теоретики, да и наша пресса, эту опасность? Видят. Только «не там, где следует», и поэтому «стреляют совсем мимо, глядят совершенно в другую сторону». Они вообще боятся того, что мы допустили восстановление капитализма как такового, и государственного капитализма в особенности¹⁹³⁸.

Дело дошло до того, что на пленуме Исполкома Коминтерна французские товарищи «по-детски расплакались... От самых хороших коммунистических чувств и коммунистических устремлений некоторые товарищи расплакались», ибо они посчитали, что «хорошие русские коммунисты» ведут дело к реставрации капитализма в России. И это уже не говоря о тех поэтах, которые пишут, что раньше, мол, хотя был «голод и холод в Москве», но зато «было чисто, красиво», а вот «теперь – торговля, спекуляция»¹⁹³⁹.

Гвоздь вопроса в том, что в определенном смысле сейчас капитализм нужен народу. Его «мы можем и должны допустить... можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя»¹⁹⁴⁰.

Относительно же государственного капитализма беда наших теоретиков состоит в том, что они смотрят не на реальную жизнь, а заглядывают в старые книги. «А там написано совершенно не то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было бы написано про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не

оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим»¹⁹⁴¹.

И тут тоже не надо мудрствовать. «Государственный капитализм – это тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука». В чем дело? Политической власти хватает. Экономических средств – достаточно. Не хватает умения у тех, кто поставлен у руля для руководства народным хозяйством, чтобы его «подчинить себе, а не быть подчиненным»¹⁹⁴².

Да, в наших руках государственная власть, главные политические и экономические рычаги воздействия на общество. И в этом наша сила. Но государственная власть – это не только политическая воля авангарда господствующего класса. Это и обслуживающий его государственный аппарат управления, чиновничество, бюрократия, которые для народа как раз и являются реальной властью.

С первых своих работ Ленин не раз напоминал о том, что, проводя в жизнь волю правящего класса, чиновничий аппарат обладает и определенной «автономией», имеет не только свои корпоративные интересы, но и возможности их реализации. Даже при «старом режиме» этому аппарату нередко удавалось блокировать те исходившие сверху начинания, которые не соответствовали интересам бюрократии¹⁹⁴³.

Вот и нам, считает Ленин, пора признать, что аппарат у нас – не наш. Поэтому и государственная машина не всегда слушает тех, кто считает себя властью. «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то... Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»¹⁹⁴⁴.

Ленин рассказывает: «...Я попытался разобраться: взять конкретный случай, докопаться хоть раз до низов, выяснить, как это там выходит, почему эта машина не идет». И он препарирует

перед делегатами уже известный нам эпизод с закупкой консервов.

«Москва голодает, летом будет голодать еще больше, мяса не привезли...» И вот: «Явился для этого французский гражданин... Продают мясные консервы... на советские деньги. Чего же проще? Оказывается, что ежели рассуждать по-советски и как следует, то совсем не просто...». Между руководителями ведомств – склока. «В чем дело? Не можем никак закупить продовольствия. Почему? Волокита Наркомвнешторга». Тогда 11 февраля... Политбюро ЦК принимает решение о «желательности закупки...».

Ленин комментирует: «Конечно, без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решить! Представьте себе: как это могли бы 4700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей? Это, конечно, представление сверхъестественное».

Ну, хорошо, постановление принято. И что же? Опять проходит неделя, вторая... Вы думаете, чиновники спали? Наоборот. Непрерывно заседали комиссии. Страсти накалялись: «Один ответственный коммунист послал другого ответственного коммуниста к черту». Тот не остался в долгу: «Не буду с вами разговаривать впредь без нотариуса»... «Все устали, измучались, больны...» Великолепная иллюстрация к способности бюрократического аппарата имитировать и симулировать кипучую деятельность.

И тогда, рассказывает Владимир Ильич, «я написал письменное предложение в ЦК: по-моему, всех, кроме членов ВЦИК, которые, вы знаете, неприкосновенны, всех, кроме членов ВЦИК, из московских учреждений посадить в худшую московскую тюрьму на 6 часов, а из Внешторга – на 36 часов».

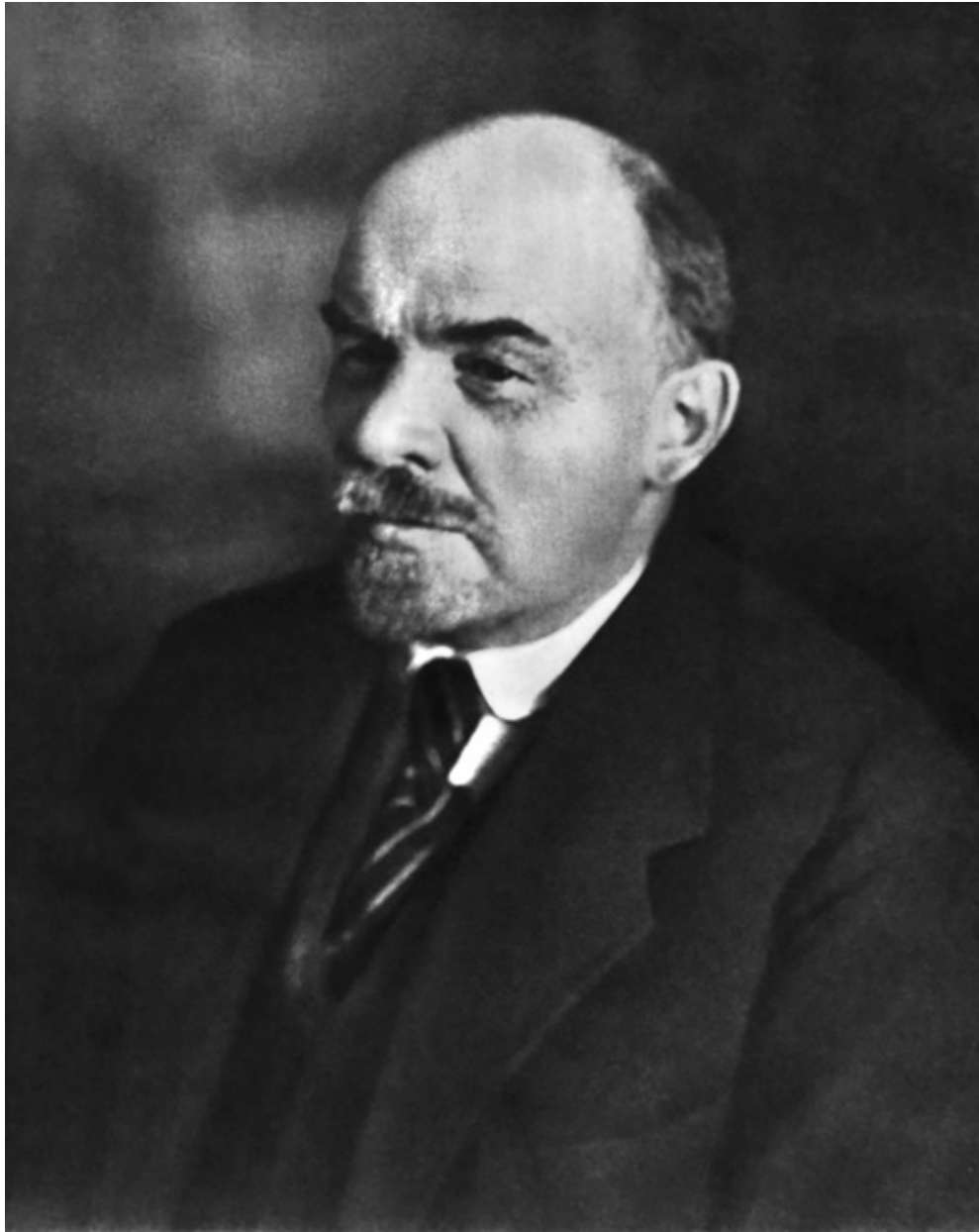
Создали следственную комиссию, даже две... И что? Не успели посадить. Во-первых, «когда приехал Красин, Каменев поговорил с Красиным, дело было улажено, и консервы мы купили». А во-вторых, обе следственные комиссии так виновных и не нашли (в зале – общий смех). «В самом деле, из того, что я

рассказал, совершенно очевидно, что виновного не найдешь. Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать – бестолковщина и безалаберщина».

Итог: «Так работать нельзя. Тут не новая, не экономическая и не политика, а просто издевка». И так не только в столице, но и «не в столичных городах постоянно делаются такие вещи и даже во сто раз хуже»¹⁹⁴⁵. В чем дело? – спрашивает Владимир Ильич. «Политической власти совершенно достаточно... Чего же не хватает? Ясное дело... не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет...»

Он вспоминает гимназические уроки истории: «Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю».

Ленин поясняет: «Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников – коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять. ...Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать, ибо в этом сейчас гвоздь вопроса»¹⁹⁴⁶.

В. И. Ленин, 4 октября 1922 года

Одна из главных проблем для Ленина в том и состояла, что НЭП поставил перед партией новые задачи, но «мы отстали от той потребности, которая имеется сейчас на очереди... Мы живем в традициях 1918 и 1919 годов. То были великие годы, величайшее всемирное историческое дело. А если смотреть назад на эти годы и не видеть, какая теперь задача на очереди,

то это была бы гибель, несомненная, абсолютная гибель, и весь гвоздь в том, что сознать этого мы не хотим»¹⁹⁴⁷.

Тут неизбежно опять возникает вопрос, без ответа на который трудно будет понять многие последующие события: а что, собственно говоря, плохого и вредного в том, что Ленин называет «администрированием»? Нажали, надавили, в конце концов – применили силу, зато добились результата.

Вот, к примеру, работа Георгия Пятакова на Донбассе... Стране нужен уголь. Без него о восстановлении промышленности, о строительстве социализма – нечего и говорить. Георгия Леонидовича ставят во главе Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса (ЦПКП). И на IX съезде Советов Ленин хвалит Пятакова за достигнутые успехи¹⁹⁴⁸. Казалось бы, все в порядке – цель достигнута.

Но что есть цель новой экономической политики? – Укрепить связь с рабочей и крестьянской массой, завоевать ее полное доверие. Этого в тоннах и пудах не оценишь – они лишь средство. Главные перемены должны произойти в массовом сознании. А насилием, администрированием этого не добьешься. Они, как средство, приходят в противоречие с целью. Ибо в конечном счете необходимо, чтобы «рядовой трудящийся человек» осознал, что его не загоняют в социализм, а собственное его желание улучшить свою нищенскую жизнь, реально и ощутимо для него, связано с «работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов...»¹⁹⁴⁹.

И вот на XI съезде Ленин вновь обращается к примеру Донбасса. Фамилии Пятакова он не называет – надо щадить самолюбие амбициозных людей. Но когда Владимир Ильич говорит, что во главе ЦПКП стояли «люди не только, несомненно, преданные, но люди действительно образованные и с громадными способностями, и даже не ошибусь, если скажу – талантливые люди...», – то делегатам было ясно, о ком идет речь. И Ленин объясняет, почему ЦК РКП(б) был вынужден отозвать этого руководителя из Донбасса.

Применение им военно-бюрократических методов руководства в конечном счете привело к подавлению

самодетельности, инициативы, то есть стало препятствовать вовлечению массы рабочих в восстановление угледобычи. То, что в хозяйственной работе, да еще в условиях хаоса, разрухи и голода, неизбежно использование самых различных средств – это никому объяснять было не надо.

Но при всем при том, указывает Владимир Ильич, нельзя ни в коем случае «отрывать администрирования от политики, – вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда»¹⁹⁵⁰.

Даже с точки зрения сугубо прагматической очевидно, что голое администрирование не является наиболее эффективным методом управления, и Ленин называет его «н е полным умением управлять». Нажимные приемы руководства «породили в Донбассе склоку». А интриги и склоки, в свою очередь, парализовали работу. Между тем в новых условиях умение управлять, считает Владимир Ильич, предполагает не только способность применить власть. Надо еще «уметь правильно расставлять людей, уметь избегать мелких столкновений, так чтобы государственная хозяйственная работа не прерывалась. Этого у нас нет – вот в чем ошибка»¹⁹⁵¹.

Для Ленина именно это – центральный вопрос съезда и «первая главная часть политического доклада ЦК». Владимир Ильич поясняет: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок. Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может. И самая большая опасность – что не все это сознают...»¹⁹⁵²

На всех важнейших государственных и хозяйственных постах, говорит Ленин, у нас поставлены «лучшие коммунисты». Однако «толку от этого нет никакого». Потому что многие из них думают не о том, как добыть и продать крестьянам соль или ситец, а витают в мыслях о мировой революции и о том, что смотрят на них «сорок европейских стран с надеждой на

избавление от капитализма». Поэтому такой ответственный коммунист – «и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся», – он новое дело свое делает «хуже рядового капиталистического приказчика... Этого мы не сознаём, тут осталось коммунистическое чванство – комчванство, выражаясь великим русским языком».

«...Не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть белогвардеец, и наверное, белогвардеец умеет дело делать, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий и "кавалера" коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно»¹⁹⁵³.

Учиться? Но у кого? У той же побежденной буржуазии, – отвечает Ленин. Владимир Ильич пересказывает фрагмент из книжечки 1918 года, члена Исполкома Весьегонского уезда Тверской губернии Александра Тодорского «Год – с винтовкой и плугом»: «Он говорит, как он приступил к оборудованию двух советских заводов, как привлек двух буржуев и сделал это тогдашнему: под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества... Но вот его вывод: "Это еще полдела – мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать"».

Вот это – замечательные слова... Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас, а не так, чтобы ответственные коммунисты стояли во главе, имели чины, а плыли по течению с буржуазией. Вот в этом – вся суть...»¹⁹⁵⁴

Естественно, проблемы управления не сводились лишь к обучению руководящих кадров. Необходимы были структурные изменения в самой верхушке аппарата власти. И на первый план здесь выходила проблема взаимоотношений высших партийных и государственных органов. «У нас создалось, – сказал Ленин, – неправильное отношение между партией и советскими учреждениями... Я показывал, как конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого очень трудно,

потому что управляет у нас единственная правительственная партия». В какой-то мере, признается Владимир Ильич, «тут была также большая моя вина, так как многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною». Но как только Ленин заболел и председательствующим на заседаниях Политбюро вместо него стал Каменев, все пошло в разлад.

Неподъемный для одного человека объем текущей работы, недифференцированность партийных и советских функций в управлении создали неравномерность нагрузки на оба ведущих колеса – Политбюро и Совнарком. «А когда мне пришлось уйти, – констатировал Ленин, – то оказалось, что два колеса не действуют сразу, пришлось нести тройную работу Каменеву, чтобы поддерживать эти связи».

Из своей болезни Владимир Ильич не делал тайны. «В ближайшее время, – сказал он, – мне едва ли придется вернуться к работе...» Выход из положения в том, чтобы «освободить Политбюро и ЦК от мелочей», а с другой стороны, «повысить авторитет Совнаркома», роль и ответственность руководящих органов в центре и на местах, пресекая «всякое обращение по мелочам», входящим в их компетенцию.

Что касается работы Совнаркома, то она ложится на плечи двух заместителей Председателя СНК – Рыкова и Цюрупы, которые хорошо известны делегатам. Причем Алексей Иванович Рыков должен быть одновременно членом Политбюро ЦК и Президиума ВЦИК, «потому что между этими учреждениями должна быть связь, потому что без этой связи основные колеса иногда идут вхолостую».

Разгрузить Совнарком и Политбюро удастся и в том случае, если сумеем наладить работу наркоматов. «У нас, – сказал Ленин, – 18 наркоматов, из них не менее 15-ти – никуда не годны...» Безответственность плодят и бесчисленные комиссии, создаваемые по любому вопросу. Их было 120. После чистки осталось 16. Надо добиться того, чтобы каждый знал свое дело и держал за него ответ и чтобы сами «наркомы отвечали за свою

работу, а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро».

Одновременно необходимо изменить и характер работы советского парламента – ВЦИК: удлинить сроки работы сессий, чтобы обсуждение законопроектов происходило не наспех, а более основательно и строго, консультируясь с местными работниками, а также для того, чтобы этот высший орган советской власти проверял и добивался исполнения законов¹⁹⁵⁵.

Все перечисленные проблемы, сказал Ленин, должны «стать гвоздем всей нашей работы на 1922 год», и мы сможем их решать лишь при трех условиях.

«Во-первых, при том условии, что не будет интервенции. Мы все делаем своей дипломатией для того, чтобы ее избежать, тем не менее она возможна каждый день.

...Второе условие – если финансовый кризис не будет слишком силен... Если он будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать и все силы бросить на одно.

...И третье условие – чтобы не делать за это время политических ошибок. Конечно, если будем делать политические ошибки, тогда все хозяйственное строительство будет подрезано...»¹⁹⁵⁶

Ну, хорошо. Не будем делать ошибок... Укрепим рубль... Научимся торговать... А дальше-то что? Ведь не зря в плане доклада Ленин пометил для себя: «сохранить перспективу»¹⁹⁵⁷.

Владимир Ильич рассказывает делегатам о книжке «"Новый курс" в Советской России» Отто Бауэра, «у которого мы все когда-то учились... Он теперь пишет: "Вот они отступают к капитализму; мы всегда говорили: революция – буржуазная"». То же самое скажет вам любой меньшевик: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление... Давайте отступать вместе». И они тоже будут твердить: «У них там буржуазная революция»¹⁹⁵⁸.

Но не надо поддаваться панике: за что же, мол, боролись... Да, наша задача – «буржуазную революцию довести до конца».

И сами белогвардейцы признают, что те авгиевы конюшни, в которых царизм 400 лет копил средневековый навоз, – «мы вычистили этот навоз за четыре года, – это величайшая заслуга». Человечество не забудет и того, говорит Ленин, что именно русская революция показала, как из реакционной войны, унесшей миллионы жизней, выйти революционным путем.

И наконец, «никакая сила в мире не может взять назад того, что Советское государство было создано. Это – всемирно-историческая победа... Впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она... Зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано...»¹⁹⁵⁹

Ну, хорошо, государство «не буржуазное», «пролетарского типа», – а где же социализм? Еще в 1917 году Ленин писал о своих оппонентах: они «свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противопоставления буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противопоставление понимается ими донельзя мертвенно». Делегатам XI съезда Владимир Ильич разъясняет: для нас завершить буржуазную революцию – «это значит только открыть дверь. Перед нами станет теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано»¹⁹⁶⁰.

Если удастся сомкнуться с крестьянской массой, тогда «наше дело будет абсолютно непобедимо...». Возможно, мы будем двигаться вперед «в сто раз медленнее... Неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». И это, считает Ленин, – «основной политический урок новой экономической политики»¹⁹⁶¹.

Вот на такой оптимистической ноте ему бы и закончить доклад. Но Владимир Ильич забывает в финале все тот же «гвоздь». Сущность политического момента – в подборе людей и проверке исполнения принимаемых решений. «Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то поставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться... У нас хватит времени на то, чтобы успеть выучиться, это надо сделать во что бы то ни стало»¹⁹⁶².

«...Не прозевать второго Кронштадта»

...Конец зимы и начало весны 1922 года стали особо тяжкими. Несмотря на помощь государства и благотворительных организаций, голодная смерть уносила десятки и сотни тысяч жизней.

Писатель Михаил Андреевич Осоргин, высланный по делу «Помгола» в Казань, рассказывал: «...Бродили по улицам города пришельцы из деревень. Страшные пришельцы из мертвых деревень. И всех страшнее были дети. Их привозили на телегах, а на пункте сортировали на твердых и мягоньких. Из твердых трупиков складывали нечто вроде поленицы, а еще мягких старались оживить до конца...

Американцы имели в Казани несколько столовых детских. Многим они помогали пережить тяжелейшие дни, но никак не мирится русское чувство с американской системой. Они правы, конечно: всем помочь невозможно, нужен выбор. И они помогают – жизнеспособным...

Правильно это и логично, но непонятно нам, чуждо – не умеем мы кормить здорового ребенка за счет синего, умирающего мальчика! Непрактичны мы в вопросах милосердия и... мне вот как-то особенно дорога и мила в русском человеке эта непрактичность. Логика в ней нет, а есть какая-то высшая правда»¹⁹⁶³.

Евдокия Павловна Николаевская писала в марте из Оренбурга в Берлин сыну Борису Ивановичу: «Зимою по улицам валялись трупы; да и теперь их где-то есть целые склады. На базаре горы домашней рухляди. Дороги и поезда представляют что-то ужасное. И, собираясь ехать, готовятся к загробной жизни. Недавно... утром на улице видела волка. Они, говорят, стали завсегдатаями города, приманка – трупы».

Цены в том же Оренбурге взлетели до небес: «мука 4.000.000, масло 300.000 фунт, мясо 60.000 фунт, молоко 100.000, рис 150.000 фунт, пшено 130.000 фунт... Визит доктора 100.000, микстура 300.000–400.000...»¹⁹⁶⁴

Кризис, о котором говорили на XI съезде, из области пессимистических прогнозов переместился в реальную жизнь и поставил под угрозу все надежды на возрождение России и на тот «гражданский мир», который только-только начинал складываться в стране.

Все будущее Республики зависело теперь от успеха весеннего сева. После этой страшной зимы надо было обеспечить деревню не только семенами, но и подкормить, поставить на ноги миллионы пахарей, чтобы смогли они провести этот спасительный сев.

Для засева ярового клина в голодающих губерниях требовалось 33 миллиона пудов семян. Предполагалось, что до 1 апреля 1922 года в Россию будет доставлено 15 миллионов. Остальные Наркомпрод должен был обеспечить за счет тех губерний, где хлеб был. Но для зарубежных закупок валюты хватало лишь на 9 миллионов пудов. Задерживался отпуск денег и для финансирования Американской организации помощи (АРА). И это не говоря уже о систематических задержках выплат гострестам и бюджетникам¹⁹⁶⁵.

Бедствие, обрушившееся на деревню, голод и всеобщая нужда, а рядом с этим безудержное мотовство нэпманов и спекулянтов, гиперинфляция, рост дороговизны и при этом задержка зарплаты рабочим и служащим – все это создавало самую благоприятную почву для антисоветской агитации и протестных движений.

Стачки в Москве, Петрограде и ряде других городов, как это отмечали на XI съезде РКП(б), приобретали хронический характер. И сразу же во многих из них «засветились» нелегалы – меньшевики и эсеры. Усматривать в этой информации козни чекистов сегодня, после выхода в свет многотомных публикаций документов этих партий, нет уже никаких оснований. И у Ленина было достаточно причин для того, чтобы в этой связи написать Уншлихту: «Как бы... не прозевать второго Кронштадта»¹⁹⁶⁶.

Активизировались и те группы либеральной интеллигенции, которые прежде составляли основу электората партии кадетов на выборах в Государственные думы, а ныне так и остались вне влияния государственной политики советской власти. Повсеместно стали стихийно возрождаться и заново нарождаться различного рода экономические, профессиональные, научные, религиозные и т. п. объединения, общественные организации и союзы.

А с конца 1921 года началась «издательская горячка», то есть появление частных издательств, которые росли как грибы. До августа 1922 года было дано разрешение на создание в Москве 337 издательств, а в Петрограде – 83. Стали выходить такие журналы, как «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль», «Новая Россия», «Голос минувшего», «Утренники», «Летопись Дома литераторов». Вокруг них и стала группироваться новая общественность¹⁹⁶⁷.

Впрочем, новой ее можно было называть весьма условно. В большинстве своем в прежние годы это были достаточно известные имена и лица, принадлежавшие видным кадетам, эсерам, народным социалистам, меньшевикам или, по крайней мере, симпатизировавшие им.

Возродить эти партии, а тем более входить в их еще существовавшие нелегальные группы большинство не стало, хотя какие-то личные связи с ними и эмигрантскими центрами сохранялись. Вот так и сложилась та достаточно пестрая по своим политическим настроениям, формально беспартийная общественность, которая впервые открыто и активно проявила себя при создании «Помгола».

Чекисты отметили, что даже разгром «Помгола» в августе 1921 года не снизил этой активности. Наоборот, в репрессиях «против отдельных деятелей комитета русская "общественность" получила наглядное доказательство возможности выступать безнаказанно и открыто».

Мало того, по мнению ГПУ, постепенно начинается процесс ее дифференциации. Народные социалисты группируются вокруг издательства «Задруга», кадеты и правые эсеры – вокруг издательства «Берег», меньшевики – вокруг издательства «Книга», а и те, и другие, и третьи – в многочисленных кооперативных организациях. В общем, как выразилась современная исследовательница С.Г. Семенова, «интеллигенция особенно воспользовалась первыми полутора годами НЭПа, чтобы создать себе хоть какую-то, пусть островную, узкую почву под ногами»¹⁹⁶⁸.

Подобного рода неформальные группы стали возникать и внутри советских учреждений – в Наркомфине, в Наркомземе. О так называемой «Лиге наблюдателей», в которую входили бывшие меньшевики – видные сотрудники ВСНХ, подробно рассказал в своих мемуарах Н. Валентинов. По данным Главлита, из 50 периодических изданий, выходивших при различных наркоматах Советской России, лишь в 16 редакциях преобладали коммунисты, в 13 большинство принадлежало беспартийным, а редакции 21 издания являлись чисто беспартийными¹⁹⁶⁹.

С точки зрения участия в каких-либо открытых контрреволюционных акциях эта формально беспартийная общественность особой опасности для власти не представляла. Это при том, что рамки «разговорного жанра» были раздвинуты достаточно широко.

«Описываемое время, – свидетельствует Н. Валентинов, – наполнено страстным и почти свободным обсуждением социально-экономических проблем. Позднее, начиная с 1929 года, все это исчезает, заменяясь решениями, изготовленными жрецами Кремля и в порядке грозного приказа спускаемыми сверху вниз в головы людей, уже потерявших права рассуждать и обсуждать.

Так не было... Люди тогда остро интересовались экономическими вопросами. За них хватались, о них спорили, о них рассуждали, и не одни коммунисты, а, вместе с ними, параллельно, широчайший слой так называемой "беспартийной интеллигенции"»¹⁹⁷⁰.

Это создавало определенные иллюзии относительно того, что критическая направленность подобных обсуждений и выступлений может стать лучшим способом борьбы с бюрократизмом, с тем поганым чиновничеством, которое лишь дискредитирует и партию, и советскую власть. Именно так, в частности, думал и Гавриил Мясников, о котором упоминалось в связи с расстрелом семьи Романовых.

Беспощадная критика, от кого бы она ни исходила, считал он, является лучшим лекарством от всех болячек и безобразий, творящихся в стране. А посему необходимо дать не только полную свободу слова, но и свободу печати всем – от монархистов до анархистов.

То, что всякий кризис в голодной и разоренной войной стране дает богатейшую пищу не только для критики, но и для самых сенсационных разоблачений, – это несомненно. Но столь же несомненно и то, что критика эта может иметь разнонаправленные результаты. Она может способствовать устранению всяких мерзостей и ошибок, накопившихся в данной системе. Но она же способна раскачать и разрушить эту систему как таковую. И дело не в дозировке критики, а именно в ее направленности.

Ленин, как, может быть, никто другой, знал силу печатного слова. И он же доказал, что пресса может стать могучим оружием не только агитации, но и политической организации. Не случайно такие успешные периоды истории большевистской партии, как «Эпоха "Искры"» или «Эпоха "Звезды" и "Правды"», были связаны с деятельностью именно этих органов печати.

5 августа 1921 года Владимир Ильич пишет Мясникову: то, что «болезней у нас много», – это факт. То, что «нужда и бедствия велики», – тоже факт. То, что были допущены

громадные ошибки – «наши общие ошибки, все ошибались, и СТО, и СНК, и ЦК», – и это факт неоспоримый.

Но столь же очевидно и то, что мы эти ошибки видим и «не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим все болезни. Лечим их систематически, упорно, не впадая в панику».

А вы, как говаривал Грибоедов в «Горе от ума» – «шли в комнату, попали в другую». Применительно к России – «может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, но не уничтожена? что она притаилась? Нельзя этого отрицать». Нельзя отрицать и того, что ей всегда готова прийти на помощь буржуазия других стран.

А она «сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации) значит облегчать дело врагу... Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем».

Эти, казалось бы, «прописи» имели с началом НЭПа и более конкретное содержание. На состоявшемся в январе 1922 года Всероссийском съезде работников печати, а затем и на XI съезде РКП(б) выяснилось, что из-за недостатка средств число партийных газет в стране сократилось с 863 до 382, а их общий тираж составил лишь 1,5 млн на всю Россию. Даже тираж центральных газет упал с 300–400 тысяч до 100 тысяч.

Большинство редакций возглавлялось сотрудниками, вступившими в партию после Октября. Мало того, многие из них не только не имели достаточной профессиональной подготовки, но и вели газеты «по совместительству» с другими видами партийной работы. Переход от агитационной стилистики времен Гражданской войны к темам, связанным с экономикой, хозяйственными проблемами, жизнью и бытом рабочих, крестьян, оказался им явно не по зубам. Потому-то и жаловались на партсъезде на «бесцветность», «тоску» и «зеленую скуку» многих органов партийной печати.

Совершенно очевидно, что если бы была дана возможность возродить буржуазную прессу, то она (при «естественной» поддержке зарубежья) вполне могла бы превзойти официальную

прессу и в профессиональном, и особенно в материальном отношении. Так что если в число достоинств полководцев входит умение выбора места и времени сражения, то ни один из них не стал бы принимать боя на данном поле и в столь невыгодный момент.

Заканчивая письмо Мясникову, Ленин пишет: «То, что вы говорите о поднятии хозяйства... о борьбе за "влияние" на крестьянство и т. д., содержит в себе много верного, много полезного.

Отчего бы вам не выделить этого? Мы сойдемся и будем работать дружно в одной партии. Польза будет громадная, но не сразу, а очень медленно.

Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных – вот это абсолютно верно, вот где работы тьма... И на этой работе болезнь можно (и должно) лечить, медленно, но действительно лечить, а не туманить себе голову "свободой печати", этим "блестящим" болотным огоньком»¹⁹⁷¹. К сожалению, Мясников к совету Ленина не прислушался и кончил весьма печально.

Между тем сами лидеры новой общественности своих намерений нисколько не скрывали. Как выразился на заседании Вольно-экономического общества один из учредителей бывшей кадетской партии князь Дмитрий Иванович Шаховской, «мы так долго молчали, что надо поговорить. Пора линию обороны перестроить на линию наступательную»¹⁹⁷². И проходившие весной 1922 года некоторые профессиональные съезды наглядно продемонстрировали, какова эта «перестройка».

На собравшемся в марте Всероссийском агрономическом съезде тон задали не собственно агрономы, а как раз представители «общественности». И в центре их внимания оказались отнюдь не проблемы предстоящего сева.

Упомянутый выше член бывшего Временного правительства князь Шаховской, бывший член Временного правительства и кадетского ЦК А.А. Мануйлов, бывший министр земледелия Временного правительства эсер С.Л. Маслов, бывший министр иностранных дел в царском правительстве Н.Н. Покровский, как,

впрочем, и такие профессора-аграрники, как эсер Б.Д. Бруцкус и уже упоминавшийся А.Г. Доренко, Л.Н. Литошенко и другие, сосредоточили в своих докладах внимание на необходимости создания «правового, демократического государства», замене местных Советов учреждениями земского типа, восстановлении частной собственности на землю и т. п.

Вообще, сам агрономический съезд был нужен им, по выражению Бориса Бруцкуса, лишь как «символ возрождения общественности, утверждающей свою свободу»¹⁹⁷³. И это говорилось в тот момент, когда обескровленная голодом деревня как никогда нуждалась в помощи именно агрономов и ученых-аграрников.

Примерно то же самое произошло и на 2-м Всероссийском съезде врачей, собравшемся в мае 1922 года. Подобного рода съезды, проводившиеся Пироговским обществом русских врачей-общественников, имели свои традиции. Они и прежде не ограничивались сугубо медицинскими проблемами, а регулярно клеймили «бюрократический строй самодержавия». Эту традицию они продолжили и на съезде 1922 года.

Тон и здесь задавали бывшие кадеты Горвиц-Власова, Лозинский, Дембо, меньшевики Вигдорчик, Грановский, Станкевич, эсер Фрумкин и другие, выступавшие на сей раз «единым фронтом». Профессор Химико-фармацевтического института Любовь Михайловна Горвиц-Власова, заявив, что «социальная функция» интеллигенции – «быть мозгом нации», продолжила: «Будучи слугами народа, врачи не могут быть и не будут его прислужниками тогда, когда на смену угнетения пролетариата колесо истории выдвинуло его официальную диктатуру».

Соответственно, практические предложения, помимо главного – «демократизации государственного строя», сводились к необходимости создания самостоятельной организации врачей, противостоящей государственным учреждениям здравоохранения.

Безусловно, в деловой критике врачей было немало справедливого, и в иной обстановке надо было

внимательнейшим образом отнестись к их замечаниям. Но съезд происходил критической весной 1922 года, и государственная власть вправе была ожидать от медиков не только политических деклараций и осуждений, но и экстренной практической помощи в борьбе с последствиями голода и эпидемиями, бушевавшими на юге страны и в Средней Азии. Да и такие характеристики Советской России, прозвучавшие на съезде, как «страны смерти» и т. п., тоже мало способствовали налаживанию сотрудничества¹⁹⁷⁴.

В общем, грань между экономическими и политическими выступлениями, между словом и делом, «разговорным жанром» и реальным политическим действием становилась весьма зыбкой и условной. И все эти веяния, происходившие в стране, не остались незамеченными там – «за бугром».

Попытку создать платформу, которая могла бы объединить усилия многочисленных и разнородных оппозиционных групп в России, была предпринята в эмиграции группой «Народный союз». В нее входили народные социалисты, правые эсеры, левые кадеты, кооператоры, беспартийные, кучковавшиеся вокруг газеты «Дни», издававшейся Керенским с 1922 года в Берлине. В группу вошли: эсер Николай Чайковский, позднее народные социалисты Алексей Пешехонов, Афанасий Петрищев, Сергей Мельгунов и другие.

Достаточно полное представление об этой платформе дает доклад члена «Народного союза» Николаева, попавший в руки зарубежных агентов ГПУ. «Здоровые ростки живой жизни, – говорилось в докладе, – пробиваются помимо официальной Советской России. Антитеза Ленина: Россия Советская и Эмигрантская – устарела. Есть новая Россия в пределах РСФСР.

Она растет в кооперации, в высшей школе, в литературе, в частной промышленности и торговле, советских учреждениях и органах армии, шаг за шагом отвоевывая у власти одну позицию за другой...

Работа в частной промышленности, торговле, кооперации укрепляет тот базис чисто экономических отношений, который, по существу дела, является противосоветским плацдармом.

Увеличивая хозяйственную мощь и сопротивляемость социальных групп, вовлеченных в экономический оборот, мы расширяем этот плацдарм. Уходит почва из-под ног коммунистической власти. Последняя изолируется, оказывается у себя в доме в капиталистическом окружении...

Советская буржуазия, которая рождается на наших глазах, бывшие комиссары, спекулянты, дельцы, подрядчики, награвшие руки около казенных учреждений, поддерживают советскую власть до поры до времени. Когда они закрепят свое положение – советская буржуазия превратится в силу консервативную...

Необходимо отложить инсurreкционные иллюзии. Это не значит, что инсurreкция [Вооруженная борьба, восстание. – В.Л.] невозможна ни при каких условиях. Нельзя лишь строить ВСЕ политические расчеты на хроническом повстанчестве или одновременном взрыве. Взрыв не исключается вовсе, но он не должен быть поставлен во главу угла. Главное НЭП...

Последний носит стихийный характер. Мы привносим сюда определенное содержание – нашу идеологию и практические методы, чтобы регулировать этот стихийный поток, направляя его в наших интересах. Приемы борьбы указываются самой жизнью.

Во-первых, поддержка проявлений всякого оппозиционного настроения, стремление влить эти проявления в организационные формы сознательного протеста против существующего политического режима. Необходимо объединить эти отдельные разрозненные протесты хотя бы идеологически, выдвигая и проводя общие лозунги.

Во-вторых, деловая, легальная критика отдельных мероприятий большевистской власти, отсюда подход к дискредитированию общих политических принципов ее. Пути для такой критики – доклады, заседания научных обществ, съезды и конференции, специальная пресса.

В-третьих, захват советского административного аппарата при помощи вытеснения из учреждений коммунистов.

В-четвертых, съездовая кампания (она уже открыта съездами химиков и геологов в Петрограде).

В-пятых, борьба за опорные пункты. Это в первую очередь: а) кооперация, особенно сельско-хозяйственная; б) высшая школа и в) литература.

а) Кооперация – по отзыву коммунистов, “кооперация есть база антисоветских течений”. Такой же взгляд на кооперацию должны твердо усвоить антибольшевистские силы, не уступая здесь коммунистам ни пяди.

б) Высшая школа – задача – блок между профессурой и студенчеством и вовлечение последнего в сферу активных противосоветских настроений. Почва для этого имеется...

в) Литература – заслуживает большого внимания. Сейчас идет решительный бой на идеологическом фронте. За поражением и отступлением коммунистов на фронте экономическом – последует их крах в борьбе идеологий. Выходящие в последнее время в Москве и Петрограде издания содержат открытую критику большевистского режима. Нет и следа былой монополии коммунистической книги.

В конечном итоге изоляция большевистской власти от широких масс населения, в том числе и от Красной Армии, создает благоприятную почву для политического переворота»¹⁹⁷⁵.

Характерно, что основные идеи этого документа совпадали и с докладом кадета профессора-правоведа В.Б. Эльяшевича, сделанным на эмигрантском Съезде торгово-промышленных деятелей. Ссылаясь на письмо лично знакомого ему профессора из России, Эльяшевич заявил: «Там, внутри Советской территории, также есть не менее подлинная, небольшевистская Россия, идущая своим путем. Она, конечно, принуждена приспособляться к Советскому режиму, но она небольшевистская.

Ростки новой жизни уже вышли наружу, и они задавят большевиков. В связи с этим должна изменяться наша стратегия, наша программа и, может быть, и наша тактика. В России есть антибольшевистская жизнь. Нужно поддержать все ее элементы морально и материально. Нужно поддержать тех лиц и те силы,

кто внутри России работает не с большевиками, а против них»¹⁹⁷⁶.

Конечно, те или иные положения этих докладов могли не разделяться всеми участниками заграничной оппозиции. Но главные, объективно существовавшие направления для антисоветской деятельности формировались достаточно грамотно. «Несмотря на отдельные уклонения от истины, – говорилось в препроводительной записке ГПУ, – в общем и целом факты констатированы правильно».

И столь пространное цитирование данных документов понадобилось для того, чтобы рассматривать те или иные действия советской власти в их историческом контексте. Иначе они, как полагают некоторые исследователи, носят совершенно «иррациональный» характер, перенося проблему из области политики в сферу психопатологии.

Поскольку во всех приведенных выше случаях «общественники» ставили вопрос о взаимоотношениях с государством, то, видимо, и государству надо было как-то определять свою позицию. И уже в марте 1922 года Ленин сформулировал ее в уже упоминавшейся статье «О значении воинствующего материализма».

Он констатировал два бесспорных факта. Во-первых, немалая часть этих «общественников» состоит у советской власти на государственной службе и даже получает за это государственные деньги. А во-вторых, они это государство и эту власть не только не приемлют, но и всячески ей противодействуют, нисколько не скрывая своего желания насадить в России западную демократию.

Посему, дабы избавить от необходимости явного лицемерия, их стоило бы вежливо препроводить в страны этой самой демократии, ибо там им «самое настоящее место»¹⁹⁷⁷.

15 мая 1922 года, в связи с дискуссией на III сессии ВЦИК по проекту Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшего в ряде статей применение расстрела за различные контрреволюционные преступления, Ленин пишет письмо наркому юстиции Д.И. Курскому: «Добавить право замены расстрела высылкой за

границу, по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)»¹⁹⁷⁸.

На следующий день Дмитрий Иванович встречается с Лениным. Дискуссия на сессии ВЦИК показала, что не ясно само определение «контрреволюционных выступлений». И 17 мая Владимир Ильич направляет ему черновые варианты этого определения, дабы – без фальши и прикрас – «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы».

«Контрреволюционные преступления» – это пропаганда или агитация, участие в организациях или содействие организациям и лицам, объективно помогающим той части международной буржуазии, которая стремится к насильственному свержению советской власти путем интервенции, блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. Эти преступления караются «высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу»¹⁹⁷⁹.

ВЧК, а затем ГПУ уже давно вели учет тех, кто – по мнению чекистов – относился к категории лиц, так или иначе помогающих противникам советской власти и являющихся кандидатами на высылку за рубеж. Однако тут возникали свои проблемы. Как, к примеру, отличить необходимую деловую критику от сознательной «дискредитации мероприятий советской власти», на которую в документе ГПУ указывалось как на признак враждебной деятельности?

Тут открывался широчайший простор для субъективных оценок, а главное – для произвола тех, кого на местах наделили властью. На их взгляд и сам Владимир Ильич с такими его фразами в переписке, как «чекистская сволочь» или «коммунистические мерзавцы», вполне мог попасть в число высылаемых. Вот почему, в связи с решением о высылке, Ленин 19 мая пишет Дзержинскому: «Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим».

Главное, привлечь к этому делу людей, действительно способных дать объективную оценку. А посему – «обязать членов

Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов... Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.)».

Здесь же Владимир Ильич высказывает свое мнение о двух изданиях. В Питере запретили журнал «Новая Россия». – «Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить внимательнее... Конечно, не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку...». А вот в питерском журнале «Экономист» – «я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу...»¹⁹⁸⁰

Не померещилась ли Ленину опасность там, где ее совсем не было? Ведь журнал с декабря 1921 года издавался Русским техническим обществом при участии весьма солидных экономистов и предпринимателей.

Но вот что написал один из ведущих сотрудников «Экономиста», известный социолог, профессор Питирим Александрович Сорокин: «Вопреки всем препятствиям, книги [в России] все же выходят и среди них немало антикоммунистических. Если в них не все сказано *expressis verbis*, то читатель понимает теперь и намеки. Спасает положение только безграмотность цензоров, порой пропускающих действительно вредное для коммунизма».

И там – «за бугром» – это прекрасно понимали. На заседании эмигрантского Комитета Банков в Париже – организации, связанной как раз с зарубежными интервенционистскими кругами, главный секретарь Комитета А.М. Михельсон заявил: «Как новое явление в Совроссии следует отметить появление там экономических журналов серьезного характера. При этом обнаруживается факт, вызывающий в нас чувство морального удовлетворения: сведения и выводы этих журналов во всем совпадают с нашими. Эти выводы во многом идут гораздо дальше, и сформулированы они значительно резче»¹⁹⁸¹.

22 мая Ленин получает письмо наркома здравоохранения Н.А. Семашко. Он информирует о тех тенденциях и течениях, которые проявились на уже упоминавшемся съезде врачей, и

предлагает согласовать с ГПУ те меры, которые в этой связи следует принять.

«Я считаю нужным, – пишет Николай Александрович, – не оставлять членов Политбюро в неведении относительно этих течений, которыми так успешно пользуются кадеты, меньшевики и эсеры, тем более что, насколько мне известно, эти течения широко распространены среди не только врачей, но и спецов других специальностей»¹⁹⁸².

На обороте этого письма Ленин посылает Сталину проект резолюции Политбюро: «Поручается Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить Политбюро...» Здесь же пометки о голосовании опросом: «за» – Сталин, Троцкий, Каменев, Рыков, Молотов. И только Михаил Томский пишет: «Воздерживаюсь, ибо вопрос съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виноваты мы сами и в первую голову т. Семашко»¹⁹⁸³.

Томский имел в виду, что настроения врачей во многом объясняются ошибками самого Наркомздрава. Но так или иначе, весной 1922 года стало очевидным, что поезда, как говорится, разошлись на разные пути. В одном, руководствуясь порой самыми благими намерениями, думали – в лучшем случае – о «вечных демократических ценностях» и обретении «духовной свободы», в другом – о «хлебе насущном», о том, где достать деньги для предстоящего сева и спасении голодающих «до нового урожая».

Еще в феврале Ленин неоднократно запрашивал Сокольникова о состоянии золотого фонда. Ответ был самым неутешительным: за 1921 год израсходовали более половины. Оставалось всего 226 миллионов золотых рублей¹⁹⁸⁴.

Катастрофичность ситуации не отрицали ученые-экономисты. Даже такой сторонник радикальной финансовой реформы, как Николай Николаевич Кутлер, констатировал, что в сложившейся ситуации любые шаги в этом направлении «не только не облегчают тяжелого финансового положения государства, но, напротив, усиливают финансовое затруднение... За истощением золотого фонда... Россия осуждена на некоторое

время остаться при бумажном денежном обращении». А время это, по мнению более скептически настроенных специалистов, может продлиться аж до 1929 года¹⁹⁸⁵.

Здесь же, не говоря уже о севе, буквально на носу, в начале апреля 1922 года, Генуэзская конференция, возможность крупных сделок, столь необходимых стране. И было яснее ясного, что без достаточного золотого фонда никто с Россией разговаривать не станет. Таким образом, «без этого фонда, – пишет Ленин, – никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции, в особенности, немыслимы»¹⁹⁸⁶.

Как известно, в российской истории существовала определенная традиция. Она проявлялась и во времена Ивана Грозного, и при Петре I, и Петре III, и при Екатерине Великой, когда государственная власть, вынуждаемая обстоятельствами, влезала в церковную казну, не останавливаясь ни перед изъятием монастырских земель, ценностей, освященных колоколов, ни даже перед расправой с непокорными священнослужителями. И это не считалось богохульством, ибо благо государства ставилось превыше всего. К подобному способу решения государственных проблем прибегли и в 1922 году. Однако реакция со стороны руководства РПЦ была иной.

Все упоминавшиеся выше оппозиционные группы и течения в интеллигентской среде сами по себе вряд ли представляли для государства серьезную опасность. Она могла возникнуть лишь при их соединении с каким-либо массовым движением, направленным против власти. Именно эту угрозу и создало обращение Патриарха РПЦ к православным верующим России с призывом к протесту.

26 февраля было опубликовано постановление ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». В этом постановлении говорилось: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие служить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обсеменения его полей,

Всероссийский Центральный Исполнительный комитет... постановил:

Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней... и передать в органы Наркомфина, со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим».

В постановлении ВЦИК специально оговаривалось, что изъятию не подлежат те предметы, которые могут «существенно затронуть интересы самого культа».

Поначалу, как показывают современные исследования, изъятие церковных ценностей происходило «весьма спокойно. Местные власти не торопили церковные организации к скорейшей и полной передаче церковных ценностей государству, нередко предоставив выполнение этих мер самим приходским комитетам по оказанию помощи голодающим»¹⁹⁸⁷.

В Москве и Московской губернии, как и в других местах, к этой акции приступили лишь в середине марта. Причем было немало случаев, когда сами священники «тихоновской ориентации» выступали на митингах и собраниях с призывом к активной поддержке постановления ВЦИК¹⁹⁸⁸.

В Петрограде 5 марта президиум губисполкома предоставил духовенству возможность «самим производить изъятие, участвовать в запечатывании, установлении точного веса ценностей в губфинотделе и даже сопровождать церковные ценности до места назначения, пока они не превратятся в хлеб»¹⁹⁸⁹.

В небольшом городке Шуя, в 250 верстах от Москвы, это мероприятие вроде бы тоже началось мирно. 13 марта, после изъятия ценностей в трех церквях, комиссия явилась в собор, но, встретив возбужденную толпу прихожан, убралась восвояси. 14-го благополучно провели изъятие ценностей в местной синагоге, а 15-го вновь пришли к собору. Но тут, на площади, комиссию опять ждала еще более возбужденная толпа.

Подъехавшие шесть конных милиционеров были встречены камнями и палками, а когда на подмогу прибыла полурота пехотного полка с двумя пулеметами, на колокольне ударили в набат, и разъяренная толпа стала окружать красноармейцев. Командир приказал дать залп в воздух, но это не остановило возбужденных людей, в ответ из толпы раздались револьверные выстрелы. Тогда красноармейцы дали второй залп, и толпа бросилась врассыпную, оставив на площади 4 убитых и 10 раненых. В тот же вечер представители верующих сдали 3,5 пуда серебра из ценностей собора¹⁹⁹⁰.

Аналогичные протестные выступления, хотя и без таких жертв, имели место в Петрограде у Казанского собора и на Сенной площади, в Москве у Дорогомиловской заставы и в Сокольниках, в Орехово-Зуевском уезде, в Смоленске и некоторых других местах.

Поворот, произошедший в середине марта, не стал для руководителей государства и местных советских властей неожиданностью. 15 марта Патриарх Тихон дал интервью газете «Известия». Он заявил о том, что церковь с пониманием относится к постановлению ВЦИК и просит лишь о том, чтобы власти, не предпринимая разрушений, бережно отнеслись к выдающимся с исторической и художественной точки зрения богослужебным предметам¹⁹⁹¹. И ни слова, даже намек, на возможность сопротивления.

Но и властям, и церковнослужителям Москвы, Петрограда, Смоленска и той же Шуи был хорошо известен и другой документ, написанный не без влияния архиепископа Никандра: воззвание Патриарха к духовенству и всем верующим, разосланный за две недели до этого – 28 февраля 1922 года¹⁹⁹².

В нем говорилось, что «мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею как святотатство, мирян – отлучением от нее, священнослужителей – низвержением из сана»¹⁹⁹³.

Митрополит Введенский – по духу документа – назвал его декретом: «Декрет передается благочинным. Благочинные рассылают его настоятелям. Настоятели оглашают народу. Для религиозного, вернее сказать, для религиозно-суеверного человека декрет этот ужасен. Ведь он кончается угрозой отлучения от церкви, анафемой. Это предел возможной, мыслимой церковной кары.

Поэтому декрет на церковную толпу производит, конечно, ужасающее впечатление. Не надо отдавать. Является жажда мученичества. Надо пострадать за церковь, за Христа, за золотые и серебряные чаши!.. Духовные и мирские агитаторы весьма ловко подогревали это настроение. И, по призыву настоятеля, епископа, приходского совета, а иногда случайного человека, экзальтированной женщины, собирается толпа, мешает представителям Советской власти в их работе, буйствует, бесчинствует, избивает, ломает черепа. Ломает черепа во имя Христа... И случилась реакция. Ломая черепа Советской власти, тихоновская церковь переломила свою шею»¹⁹⁹⁴.

Между тем обстановка – и без того напряженная – осложнилась тревожными сведениями, полученными из-за рубежа. 5 марта в ГПУ пришло донесение, в котором сообщалось: «Штаб Врангеля ведет лихорадочную работу по подготовке новой авантюры». Планируется новая высадка белых в Крыму, с расчетом на то, что к десанту присоединятся около 4 тысяч бывших белых офицеров и солдат, скрывавшихся в горах полуострова. Для переправки десанта предназначались пароходы «Дон», «Рион» и «Саратов», которые должны были прибыть из Бизерты к сербскому и болгарскому побережью. Другой агент ГПУ доносил, что одновременно ведутся переговоры о вторжении с Петлюрой и остатками украинской армии, находившимися в Польше¹⁹⁹⁵.

Судя по тем данным, которые имеются у современных исследователей о состоянии армии Врангеля, о функционировании его штаба, сведения эти вызывают самые серьезные сомнения. Но тогда, весной 1922 года, ГПУ такими документами не располагало. А «береженного Бог бережет»:

советские войска в районах возможного вторжения на Юге и Западе были приведены в состояние полной боеготовности¹⁹⁹⁶. Так что момент для призывов к массовым протестным действиям был выбран Патриархом совсем не удачно.

16 марта, получив информацию о событиях в Шуче, Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение: «Опросив товарищей, имевших отношение к делу изъятия ценностей из церквей, Политбюро пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки по крайней мере в некоторых местах»¹⁹⁹⁷.

17 марта Троцкий рассылает членам Политбюро проект новых директив. Основная мысль: использовать для изъятия ценностей тот неформальный раскол, который происходит между духовенством, лояльным по отношению к советской власти, и так называемыми «князьями церкви».

«Разумеется, – пишет он, – наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных “князей церкви”».

Для этого необходимо «обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группировках духовенства, верующих и пр.», а также взять «под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия... К учету изъятых церковных ценностей при помголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупница церковного достояния не получила другого назначения, кроме помощи голодающим».

Главная задача состоит в том, чтобы «агитации придать характер, чуждый всякой борьбе с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим». Повсеместно должны функционировать «официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки

ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации».

Одновременно необходимо создать на местах секретные комиссии из числа руководителей губкомов, военных и других должностных лиц, которые вместе с Центральной комиссией должны будут, предварительно «тщательно подготовив все в деталях», руководить всем процессом изъятия ценностей, «ни в коем случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком».

«Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, но официально (под расписку через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми»¹⁹⁹⁸.

Ознакомившись с этим документом, Ленин 19 марта направляет членам Политбюро письмо – то самое «знаменитое» письмо, без которого и поныне не обходится ни одно из творений «ленинородов», обвиняющих Владимира Ильича в стремлении разгромить Русскую православную церковь как таковую и физически ликвидировать духовенство в целом как сословие.

Но это заведомая неправда. Не затрагивая, в отличие от Троцкого, внутрицерковные разборки, Ленин пишет не об отношении к религии или церкви вообще, а лишь о «реакционном духовенстве», т. е. той малой части священнослужителей, которая, в отличие от прочих пастырей, изначально активно противостояла советской власти.

И он рассматривает их не как служителей культа, а исключительно как политических деятелей, которые уже после окончания Гражданской войны попытались дестабилизировать обстановку в стране и вновь «испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету». Для Ленина был важен прежде всего именно этот контекст событий, произошедших в Шуе и других местах¹⁹⁹⁹.

В голодной стране, где большинство населения считало себя верующими, при том количестве неурядиц и безобразий,

которые действительно имели место, призыв Патриарха к религиозному протесту вполне мог стать объединяющим моментом для всех недовольных и полностью дестабилизировать обстановку в стране.

А тогда прощай не только спасительный сев, но и та попытка устройства гражданского мира, который после стольких мучений выстрадала Россия. Один из знакомых Екатерины Кусковой именно в это время заметил: «Религиозный пафос верующих так же насыщен враждой и ненавистью, как пафос марксистский... Война еще в душах... Все ею отравлено»²⁰⁰⁰.

Короче, это был конфликт не между религией и «богоборческой властью», а между двумя политическими силами – государством и церковными иерархами, способными поднять против него массу. Причем в то самое историческое время, которое справедливо называют «моментом истины».

Поэтому, пишет Ленин, «именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтралитет этих масс...»²⁰⁰¹.

Речь шла не об экспроприации имущества сельских приходов или тех городских церквей, которые сами едва сводили концы с концами и оставались в стороне от политических игр. Ленин дважды указал в письме, что изъятию подлежат прежде всего ценности «в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях»²⁰⁰².

Что же касается «шуйских мятежников» и других «самых влиятельных и опасных черносотенцев... не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров», – пишет Ленин, то – не трогая самого Патриарха Тихона – их следует арестовать, судить и расстрелять, дабы «проучить эту публику

так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»²⁰⁰³.

На следующий день, 20 марта, на заседании Политбюро, проходившем без участия Ленина, обсуждалась докладная записка ГПУ. Если в ленинском письме ставился вопрос о наказании «мятежников», выступивших против решения государственной власти, то записка ГПУ продолжала «углублять» мысль Троцкого, излагавшуюся в проекте директив 17 марта.

«ГПУ располагает сведениями, – говорилось в докладной записке, – что некоторые местные архиереи стоят в оппозиции реакционной группе синода и что они в силу канонических правил и других причин не могут резко выступить против своих верхов.

Поэтому они полагают, что с арестом членов синода им представляется возможность устроить церковный собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в синод лиц, настроенных более лояльно к советской власти. Оснований для ареста Тихона и самых реакционных членов синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточно»²⁰⁰⁴. И хотя ГПУ ссылалось на то, что эта идея исходит из недр самой РПЦ, Политбюро санкции на столь радикальные меры не дало. 20 марта ограничились тем, что с некоторыми поправками приняли проект директив, изложенных Троцким 17 марта²⁰⁰⁵.

Буквально через несколько дней, 24 марта, «Петроградская группа прогрессивного духовенства» выступила с декларацией, авторы которой «решительно отмежевались от части священнослужителей, укоряли их в контрреволюционности, игре в политику на народном голоде. Но в этом воззвании отмечалось, что “в принципе на это благословили нас и патриарх Тихон, и митрополит Вениамин, и другие архиереи”». После этого представители «обновленцев» встретились с руководителями губкома партии, а А. Введенский и А. Боярский вошли в состав Петропомгола²⁰⁰⁶.

Пасху в апреле отметили в городах и тех местах, куда не добрался голод, с небывалым размахом. Во всех церквях звонили

колокола, святили куличи, красили яйца и где была возможность – повсюду ходили крестным ходом. А «богоборческая» власть приняла решение: накануне Пасхи, 14 апреля, на всех предприятиях и в учреждениях рабочий день заканчивался в 12 часов, а возобновлялся лишь 18 апреля.

Забегая вперед, отметим, что все предшествовавшие события еще более укрепили Троцкого в мысли о правильности намеченной им линии. И еще 30 марта он вновь обращается в Политбюро с письмом, в котором полностью поддерживает меры, предложенные ГПУ.

Нисколько не скрывая своего неприятия по отношению к «обновленцам» как к представителям «буржуазно-соглашательского, сменовеховского крыла» служителей культа и их попыткам проведения церковной реформации, Троцкий пишет: «Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью...

Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш...»²⁰⁰⁷

А дальше... дальше машина покатила по проложенным рельсам. 26 апреля в Москве открылся первый судебный процесс над священнослужителями. 7 мая трибунал приговорил 11 человек к расстрелу, 4 – к пяти годам, 13 – к трем годам, 10 – к одному году, и 14 человек было освобождено²⁰⁰⁸.

На следующий день Каменев внес в Политбюро предложение об отмене приговора. Однако Троцкий заявил, что оснований для этого нет. И все-таки Президиум ВЦИК заменил шести осужденным расстрел на пятилетний срок заключения. Мотивировка: «пойти максимально навстречу ходатайству прогрессивного духовенства»²⁰⁰⁹.

В ходе процесса был допрошен и Патриарх Тихон, с которого 9 мая взяли подписку о невыезде. А 12-го к нему на аудиенцию, получив санкцию ГПУ, явились представители «Петроградской группы прогрессивного духовенства»: А.И. Введенский, Е.Х. Белков, С.Я. Стадник и В.Д. Красницкий.

С заявлением от их имени выступил Красницкий: «Указав на только что закончившийся процесс московского Губревтрибунала, коим по делу о сопротивлении изъятию ценностей вынесено одиннадцать смертных приговоров, наша группа моральную ответственность за эту кровь возлагает на Патриарха Тихона, распространившего по церквам свое послание – прокламацию от 28-го февраля».

Группа считала, что именно это послание привело «к сокрытию в потайных местах церковного имущества, к набатным звонам и к организации мирян в целях сопротивления Советской власти». Иными словами, «послание на местах явилось сигналом для новой вспышки руководимой церковной иерархией гражданской войны церкви против Советской власти».

Обвинив Патриарха в «вовлечении церкви в контрреволюционную политику», в «превращении церкви в политическую организацию, прикрывавшую своей ризой и впитавшую в свои приходские советы те безответственные элементы, кои хотят именем церкви и под знаменем церкви свергнуть Советскую власть», представители группы попросили Патриарха собрать Поместный Собор, а до этого – устраниваться от управления церковью.

Комментируя итоги этого визита, митрополит Введенский писал: «Патриарх Тихон должен был уйти для спасения церкви. Иначе погибла бы церковь. Здоровый церковный инстинкт, правильное понимание существа дела... все это заставило прогрессивное духовенство иметь нравственное мужество сказать Патриарху в лицо слово правды.

Патриарх эту правду понял, принял и ушел»²⁰¹⁰.

Трудно сказать, насколько точно Введенский передал сказанное, но после этой встречи Патриарх Тихон действительно временно передал свои обязанности митрополиту ярославскому

Агафангелу. Тот, однако, отказался присоединиться к «обновленцам». Тогда 15 мая они явились на прием к Калинин, который заявил, что правительство «принимает к сведению заявление Патриарха о его временном самоустранении».

А 16 мая «обновленцы» информировали ВЦИК о создании Высшего Церковного Управления. 18-го они вновь пришли к Патриарху, дабы благословил он открытие канцелярии по ведению текущих дел. Во главе канцелярии была поставлен епископ Леонид (Скабеев). 19-го Патриарх переехал в Донской монастырь, а в Троицкое подворье, где он жил до этого, тут же вселилось Высшее Церковное Управление. Все это, пишет М.В. Шкаровский, «придавало некоторую видимость законности ВЦУ. Таким образом, церковные реформаторы, казалось бы, пришли к власти...», назвав этот переворот «церковной революцией»²⁰¹¹.

Из книги в книгу кочует утверждение, что в ходе изъятия церковных ценностей погибли и были расстреляны около 10 тысяч человек. Откуда взялись эти данные?

Современный исследователь Георгий Хмуркин, автор книги «Ленин: взгляд сквозь призму метаистории» (М., 2015) полагает, что источником этой цифры является работа находившегося в эмиграции в США протопресвитера Михаила Польского «Новые мученики российские. Первое собрание материалов», изданная в Нью-Йорке в 1949 году.

Это он указал, что при изъятии ценностей погибло, было расстреляно 8100 человек. Откуда взялась эта цифра, какими источниками, кроме воспоминаний эмигрантов, он пользовался, М. Польский не сообщает.

Г.Г. Хмуркин проделал огромную работу, изучив 35 диссертаций, освещавших данную проблему в самых различных регионах страны. Причем отдельным епархиям было посвящено по несколько диссертаций, защищенных уже в начале нашего, XXI столетия. Так что более репрезентативного исследования пока не существует.

И что же?

В Москве судили и расстреляли 5 человек (4 священника и 1 мирянин), в Петрограде и губернии – 4, в Шуе – 3 (2 священника,

1 мирянин), в Смоленске – 5 (1 священник, 4 мирянина). К высшей мере наказания приговорили: в Новочеркасске – 5, в Новгородской епархии – 3 (2 священника, 1 мирянин), в Пензенской – 2, в Томске – 7, в Иркутской и Читинской областях – 2, в Ставрополье – 1.

И хотя часть этих приговоров не была приведена в исполнение, общая цифра не достигает и 40 человек. Конечно, и это ужасно, но одно очевидно: рассказы о «десяти тысячах невинно убиенных» являются не более чем идеологическим мифом.

Многие действительно полагали тогда, что проблема взаимоотношений с церковью в основном решена. Ленин, однако, не питал на сей счет никаких иллюзий. И когда в Наркомюсте стали поговаривать о том, что теперь «церковный отдел» можно ликвидировать, ибо дело сделано, Владимир Ильич ответил: что касается отделения церкви от государства, то, может, оно и так. Но вот относительно отделения людей от религии все обстоит совсем не так²⁰¹².

Впрочем, следует особо отметить, что с последней декады марта 1922 года Ленин прямого участия в церковных делах уже не принимал. 27 марта открывался XI съезд РКП(б), и ему надо было сосредоточиться на завершении подготовки отчетного доклада и других документов съезда.

Лишь 12 апреля он принял участие в голосовании членов Политбюро о включении епископа Антонина в ЦК Помгола для непосредственного участия в работе по реализации церковных ценностей для помощи голодающим²⁰¹³.

Всего в результате их изъятия было получено 33 пуда золота, 24 тысячи пудов серебра, 14 пудов жемчуга и десятки тысяч драгоценных камней – гораздо меньше, чем предполагали. Еще меньше удалось реализовать, ибо спрос на золото и драгоценности на Западе в связи с кризисом резко упал. Но и то, что получили, было благом²⁰¹⁴.

...Весна 1922 года, помимо так называемой «церковной революции», вписала в историю России и совершенно иную

страницу, которую современники справедливо назвали «Великим севом».

К середине мая только в Поволжье завезли 25 миллионов пудов семенного зерна: 105 % задания. Елизавета Драбкина пишет, что немало было людей, убежденных в том, что уж они-то знают свой народ, которые уверяли, что «не меньше третьей его части, а то половину крестьяне съедят: "Это неизбежно, инстинкт жизни заставит". Эти люди не знали русского крестьянина, его чувства к земле: человек может умереть, но земля должна быть засеяна, в ней – жизнь...»

Та же деревня не услышала призыва Патриарха подняться против «миродержателей тьмы». Произошло чудо: «лежавшая пластом деревня собрала остаток своих сил и поднялась, готовая к новой схватке со смертью».

Елизавета Драбкина, побывавшая в наиболее пострадавших от голода районах, рассказывает: «На пункты раздачи семян потянулись не люди, а тени с мешками за спиной... Семена тащили на себе. Пахали на себе, впрягаясь в соху по десять человек. Падали, лежали на земле, поднимались, снова пахали. Если не могли тянуть соху, ковыряли землю лопатами. Ели курай, помет, падаль, но высеяли все семена до последнего зернышка...

Весна в тот год выдалась не ранняя и не поздняя. Перед самым севом прошли обильные дожди. Зерно ложилось во влажную пашню. Быстро зазеленели густые всходы. К концу мая выколосилась яровая рожь. Пшеница пошла в трубку. Все обещало хороший урожай. И те, кто буквально кровью своей засеяли эти поля, мечтали теперь об одном: дожить до нового хлеба!»²⁰¹⁵

Глава 3

Странная болезнь

«Прошу разрешить мне отпуск...»

Уже летом 1921 года Владимир Ильич ощутил первые признаки того, что со здоровьем что-то не ладно. Головные боли, бессонница, повышенная утомляемость не раз проявлялись и ранее. Но теперь они становились все более продолжительными и явно выбивали из казалось бы привычного ритма работы.

Бесконечная череда текущих дел не давала возможности сосредоточиться и для того, чтобы подготовить тезисы большого доклада III конгрессу Коминтерна. Ленин 4 июня уезжает в Горки. 5 июня он пишет Троцкому: «Я нахожусь вне города. Уехал в отпуск на несколько дней по нездоровью», а 6-го, дабы отрешиться от рутинной «вермишели», просит Фотиеву прислать ему в Горки томики стихов Гейне и Гёте²⁰¹⁶.

Видимо, где-то в самом начале июня у него случился непонятный приступ. Позднее Ленин рассказывал врачам, что утром, когда он одевался, неожиданно закружилась голова. «Головокружение было сильное, Владимир Ильич не устоял на ногах и вынужден был, держась за кровать, опуститься на пол. Но сознания не терял. Тошноты не было. Головокружение продолжалось несколько минут и бесследно исчезло, почему Владимир Ильич не придавал ему значения...»²⁰¹⁷

III конгресс Коминтерна, продолжавшийся с 28 июня по 12 июля, видимо, дался ему нелегко. В всяком случае, позднее он объяснял задержку ответов на некоторые письма тем, что она произошла «из-за Коминтерна и болезни»²⁰¹⁸. Ленин выступил на конгрессе с большим докладом 5 июля, а в прениях – 28 июня и 1 июля. Вероятнее всего, именно вскоре после доклада у него и случается вновь приступ сильнейшего головокружения.

«На этот раз оно сопровождалось потерей сознания: Владимир Ильич очнулся на полу около стула, за который, падая, он, по-видимому, хотел удержаться. Сколько времени продолжалось бессознательное состояние, Владимир Ильич не смог указать, но, по его предположению, оно было непродолжительным – 2–3 минуты. Очнувшись, он чувствовал себя настолько хорошо, что приступил к своим обязанностям»²⁰¹⁹.

На сей раз Ленин обращается к врачу – Федору Александровичу Гетье, основателю и главврачу Солдатенковской больницы, записи которого цитировались выше. Владимир Ильич уже обращался к нему в 1919 году в связи с болезнью Крупской и по поводу случавшихся у него самого головных болей.

Надо сказать, что никаких симпатий по отношению к Ленину Федор Александрович до этого не испытывал. Он не скрывал, что источником его отношения к главе Советского государства являлись «газеты времен Керенского», а еще более «слухи и суждения», ходившие в интеллигентской среде. «Я представлял себе Ленина, – писал Гетье, – человеком совсем беспринципным, который ради известных целей, в которых на первом плане стояли его личные интересы, готов был сегодня идти рука об руку с немцами, завтра с монархистами и т. д.». Поэтому, когда заведующий Мосздравотделом В.А. Обух попросил Гетье встретиться с Лениным, Федор Александрович демонстративно заявил, что для него «все пациенты равны»²⁰²⁰.

И вот его первые впечатления о Ленине: «Это был человек среднего роста, худощавый, широкий в плечах и, несомненно, крепкого телосложения. Большая голова с сильно развитыми лобными буграми и затылочной частью была обрамлена лишь на висках и сзади небольшой каемкой волос слегка рыжеватого оттенка, небольшие усы и борода того же оттенка окаймляли рот. Глаза несколько косили, и, быть может, от этого Ленин постоянно щурился. Лицо в общем было самое обыкновенное, чисто русское, ничем не бросающееся в глаза... Прищуренные и несколько раскосые глаза придавали хитрое выражение его лицу, но когда он смеялся, то глаза открывались и лицо приобретало

необыкновенно добродушное выражение... Держался он очень скромно и, по-видимому, стеснялся меня»²⁰²¹.

Забегая вперед, скажем, что со временем прежняя предубежденность сменилась у Федора Александровича глубочайшим уважением, искренней симпатией и, я бы даже сказал, высочайшим пиететом по отношению к Владимиру Ильичу, что он и засвидетельствовал в своих сугубо личных записях, отнюдь не предназначенных для печати²⁰²².

«Пользуясь случаем, – пишет профессор Гетье о своем первом визите 1919 года, – я подробно обследовал Владимира Ильича и был поражен хорошим состоянием его внутренних органов, если не считать незначительного расширения сердца, вызванного колоссальной работой, которую нес Владимир Ильич». Что же касается головных болей, то «ввиду невралгического характера болей и появления их в определенные часы, я заподозрил у него скрытую малярию и рекомендовал ему применить хинин. Мое предположение оправдалось: хинин быстро купировал головные боли, и они более не повторялись»²⁰²³.

Тогда, в 1919 году, «ни малейших признаков переутомления» у Ленина Федор Александрович не обнаружил. Теперь, через два года, вновь «обследовав его тщательно, я, как и в первый раз, – пишет Гетье, – не смог отметить никаких отклонений ни со стороны внутренних органов, ни со стороны нервной системы, и я объяснил себе происхождение головокружений большим переутомлением центральной нервной системы»²⁰²⁴.

Позднее, в своих записях, профессор Гетье относил данный визит к осени 1921 года. Но это явная ошибка. Во всяком случае, уже 8 июля Ленин пишет заявление в Оргбюро ЦК РКП(б): «Прошу Оргбюро или Секретариат ЦК (с утверждением Политбюро по телефону) разрешить мне отпуск согласно заключению доктора Гетье на один месяц с приездом 2–3 раза в неделю на 2–3 часа в день на заседания Политбюро, СНК и СТО».

Но Политбюро 9 июля принимает более жесткое решение: «Разрешить т. Ленину отпуск на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев – по решению Секретариата ЦК)»²⁰²⁵.

И тем не менее 11-го Владимир Ильич опять выступает на совещании ряда делегаций конгресса Коминтерна. 12 июля участвует в заседании Политбюро. Затем председательствует на заседании СТО, а вечером – Совнаркома. И только в 21.50 уезжает в Горки, в отпуск до 13 августа, успев перед отъездом написать М.Г. Бронскому, просившему принять его: «Болен!! Уехал!»²⁰²⁶

Своего самочувствия Владимир Ильич ни от кого не скрывал. 13 июля в ответ на жалобу красноармейца И.А. Семянникова на самоуправство и хищения местных ответработников в Донской области Ленин пишет Фотиевой: «Разыщите автора спешно, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину»²⁰²⁷.

18 июля, в ответ на приглашение Международного конгресса революционных профсоюзов, просит Рыкова передать делегатам: «Глубоко сожалею, что не могу по болезни исполнить этого, так как должен был по предписанию врача уехать из Москвы на месячный отпуск»²⁰²⁸.

Даже своим соседям – крестьянам деревни Горки, пригласившим его на праздник по случаю электрификации села, Ленин 20 июля пишет: «Уважаемые товарищи! Мне нездоровится. Я быть не могу... Надеюсь, что вы меня извините»²⁰²⁹.

Впрочем, назвать это отпуском довольно трудно. Уже 15-го он опять приезжает в Москву на заседание Политбюро, председательствует на заседании СТО, а затем Совнаркома. 16-го вновь приезжает на заседание Политбюро. 19-го опять председательствует на заседании СТО. 27 июля он вновь в Москве, где беседует с Кларой Цеткин перед ее отъездом в

Германию. И каждый такой приезд – это не 2–3 часа, как он обещал врачу, а полный 8-, а то и 10-часовой рабочий день.

Да и в самих Горках все планы, касавшиеся отдыха, оказались лишь благими пожеланиями. Телефон звонил беспрестанно. С утра курьер привозил прессу и обширную почту с бесконечными деловыми бумагами, запросами, согласованиями, жалобами и личными просьбами. И Владимир Ильич вникал в суть буквально каждой из этих бумаг, писал или диктовал ответы Фотиевой по телефону. Естественно, что в начале августа, когда приближался конец отпуска, явного улучшения здоровья профессор Гетье не отметил.

Дабы не превращать Горки в проходной двор, ГПУ решило весной 1922 года выселить оттуда находившийся по соседству санаторий МК РКП(б). Однако, узнав об этом, 4 апреля Ленин выступил против, ибо он уже твердо решил сменить место пребывания. Вероятно, еще 31 марта он встретился с немецкими врачами О. Ферстером и Г. Клемперером, которые, осмотрев Владимира Ильича и выписав ему снотворное (веронал) и сосудорасширяющее (сомнацетин), посоветовали уехать куда-нибудь в горы²⁰³⁰.

6 апреля Ленин приезжает в Москву на очередное заседание Политбюро, а вечером встречается с Орджоникидзе и обсуждает с ним вопрос о возможности найти на Кавказе подходящее место для лечения и отдыха. О содержании их беседы говорит письмо Владимира Ильича Георгию Константиновичу от 7 апреля.

«Чтобы испытать лечение всерьез, – пишет Ленин, – надо сделать отдых отдыхом... Признаться должен откровенно, что недоверия к “окраинам” у меня чрезвычайно много... Я прямо-таки ожидаю, что выйдет какой-нибудь “анекдот” вместо всякого лечения. Даже здесь под Москвой мне случалось видеть, как после кучи обещаний получались “анекдоты”, для исправления коих оставалось одно: уехать из означенного места назад в Москву... А из-под Тифлиса или из-под Новороссийска “назад в Москву” не уедешь. Боюсь я, признаться, дальней поездки: не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов»²⁰³¹.

В тот же день он обговорил вопрос о поездке с членом коллегии ГПУ А.Я. Беленьким, отвечавшим за охрану Ленина. Сошлись на том, что при выборе места необходимыми условиями являются: наличие телеграфа и радио, шифровальщики, охрана, возможность получения книг, документов Политбюро, СНК, Госплана, газет по экономике и т. д.²⁰³²

Во время очередного визита в Горки профессора Гетье решили посоветоваться и с ним. Оказалось, что Федор Александрович прекрасно знал кавказские курорты. Крупные курорты Ленин отвергал: «Ну где в Ессентуках у нас хорошее лечение? Явный вздор! Будет хаос, бестолочь, неустройство, усталость, а не лечение, дерганье нервов, обращение местных работников». Перебрали Нальчик, Кисловодск, Боржом, Абастуман, Бакурьяны, Красную Поляну. Выяснилось, что из-за базедовой болезни Крупской морское побережье исключается, нежелательна и высота более тысячи метров²⁰³³.

17 апреля Ленин пишет Орджоникидзе: «Посылаю Вам еще несколько маленьких справок. Они сообщены мне доктором, который сам был на месте и заслуживает полного доверия: Абастуман совсем-де не годится, ибо похож на "гроб"... Прогулок нет, иначе как лазить, а лазить Надежде Константиновне никак нельзя. Боржом очень годится, ибо есть прогулки по ровному месту... Наш доктор предупреждает против ранней поездки, де будут холода и дожди сугубо до половины июня. На этот последний счет я не так боюсь, если дом не протекает и отапливается...»²⁰³⁴

Предполагалось, что поездка на Кавказ состоится в начале мая. Но шли дни, недели, и становилось ясно, что по состоянию здоровья отправляться в столь далекое путешествие нереально.

Профессор Клемперер настаивал на том, чтобы до отъезда Ленину сделали операцию. Он предполагал, что головные боли, бессонница вполне могут быть вызваны хроническим отравлением свинцом от двух пуль, оставшихся после покушения 1918 года. 18 мая, после того как из Германии прибыл профессор-хирург Ю. Борхардт, состоялся консилиум.

Профессор Розанов высказал сомнения относительно целесообразности операции. Но Ферстер поддержал коллег, и Владимир Ильич, дабы устранить препятствия для поездки, согласился. «Ну, одну-то, – сказал он Розанову, – давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось»²⁰³⁵.

22 апреля, в свой день рождения, он едет на 3-ю Миусскую улицу в Институт биологической физики, где в связи с предстоящей операцией ему делают рентгеновские снимки грудной клетки. Из института Ленин уехал не скоро. Встретив академика Петра Петровича Лазарева, с мнением которого очень считался, пошел осматривать институт. Разговор от биофизики быстро перекинулся на геофизику, речь пошла о Курской магнитной аномалии, и Владимир Ильич «уговорил Петра Петровича давать ему краткие рапортчики... по любимой форме Ильича – что сделано, какие нужды»²⁰³⁶.

На следующий день, 23-го, Ленин поехал на Ходынку в Солдатенковскую больницу, и в 12 часов профессор Борхардт, которому ассистировал Розанов, провел операцию по извлечению пули. Розанов «был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки»²⁰³⁷.

Спорить с ним не стали, в женском корпусе отыскивали изолированную палату (№ 44), где Ленин переночевал, сделал перевязку, а потом уехал домой. Самое время было отправиться на отдых. Вот только на Кавказ Владимир Ильич уже не рассчитывал...

В уже приводившемся письме от 17 апреля Владимир Ильич написал Серго Орджоникидзе, что желал бы, чтобы дом, в котором его намерены поселить, не протекал и отапливался. Тогда кавказские товарищи, видимо, посмеялись в усы. Ленин явно недооценил кавказского гостеприимства. Для Владимира Ильича в Боржоми готовили роскошный дворец в мавританском стиле в парке на берегу Куры, ранее принадлежавший

наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу, а затем его сыну великому князю Николаю Михайловичу²⁰³⁸.

Ленину для отдыха только и не хватало «дворца в мавританском стиле». Он и так тяготился шикарным неоклассицизмом «Большого дома» в Горках. К тому же в подготовку «мавританского дворца» вовлекли такое количество людей, что о конспирации нечего было и думать. Так что, как и предполагал Владимир Ильич, с поездкой на Кавказ опять получился «анекдот». И он предлагает Уншлихту телеграфировать на Урал, за подписью Дзержинского и Сталина, просьбу подыскать нормальное помещение, пригодное для лечения и отдыха около Екатеринбурга или Перми.

Уральцы ответили довольно быстро. В четырех верстах от Екатеринбурга есть прекрасное местечко Шарташ – сосновый лес, большое чистое озеро и вполне приличный домик, который можно быстро привести в порядок. Этот вариант Владимира Ильича вполне устраивал, и уральцам дали команду готовиться в прием гостей²⁰³⁹. 10 мая Ленин сообщает Орджоникидзе: «Я на Кавказ не еду. Будьте любезны, пока (все лето) для конспирации распространяйте остороженько слух, что еду»²⁰⁴⁰.

Надо сказать, что всю вторую половину мая чувствовал себя Владимир Ильич неважно. 15 мая, прочитав письмо Крестинского о необходимости ленинской статьи для зарубежной прессы об организации кампании по оказанию России хозяйственной помощи, Ленин отвечает: «не могу по болезни». 18 мая приходит письмо от известнейшего экономиста Д. Кейнса. Он предлагает Ленину выступить со статьей в «Манчестер Гардиан». И Владимир Ильич опять отвечает, что просьбы выполнить не сможет, «так как болен»²⁰⁴¹.

21 мая Владимир Ильич обращается ко всем руководителям центральных учреждений и организаций с письмом. «Уезжая в отпуск на несколько месяцев, – пишет он, – я очень просил бы поставить осведомление меня о наиболее важных делах и о ходе выполнения наиболее важных решений, планов, кампаний и т. д. следующим образом:

– посылать мне 1–2 раза в месяц самые краткие (не более 2–3 страниц) сообщения на эту тему и распорядиться о высылке мне важнейших из текущих печатных изданий... Держать связь с моим секретарем (Фотиева, Лепешинская)»²⁰⁴². А уже 24 мая Ленин просит Сталина сообщить членам Политбюро, что он уезжает в отпуск «на днях».

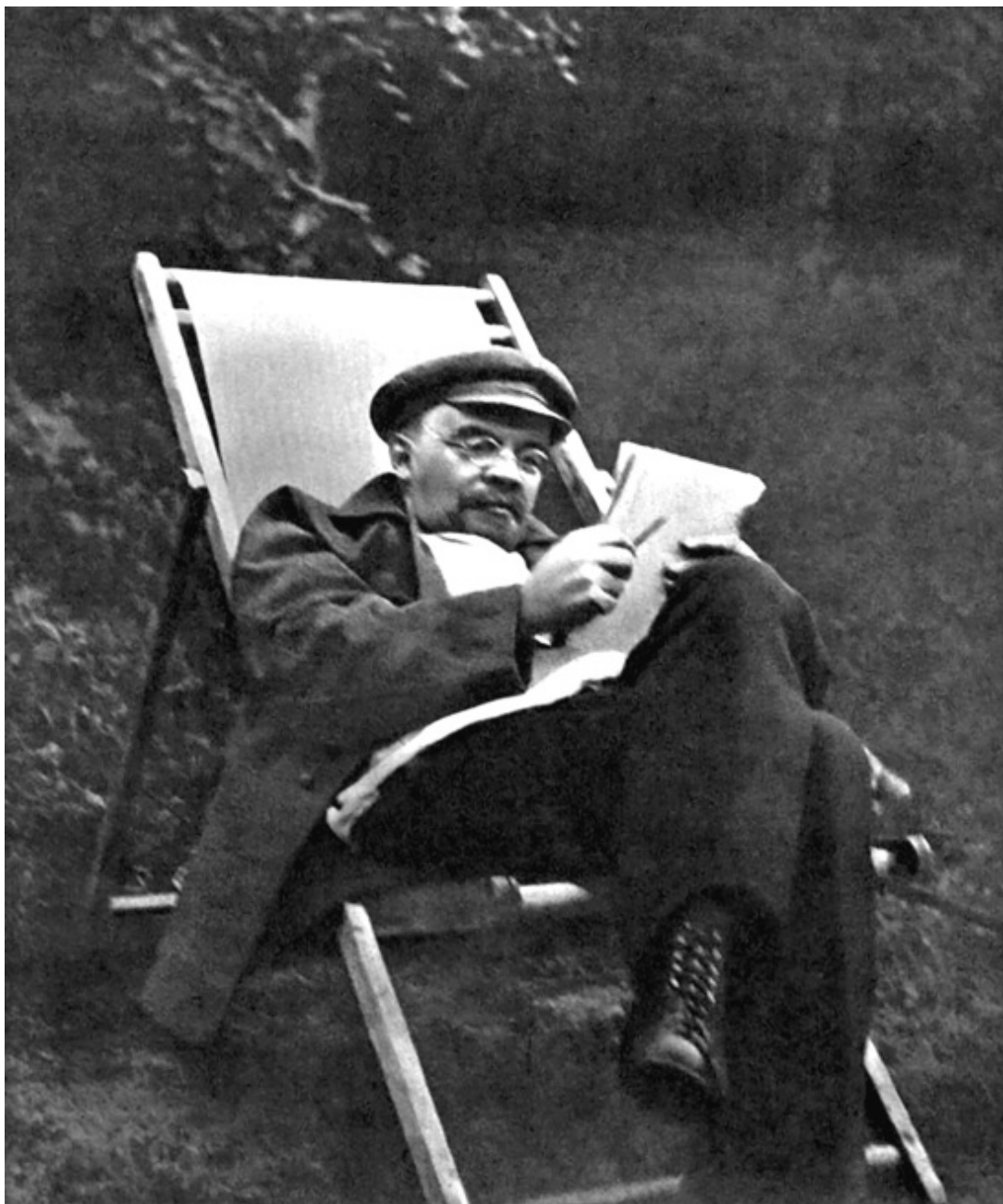
24 мая Мария Ильинична отправилась в Москву подсобрать вещи, необходимые для поездки, и осталась в городе на следующий день. Но 25-го, в четверг, все планы рухнули. Случилось то, чего более всего опасался Владимир Ильич.

Странная болезнь

25 мая 1922 года пришлось на четверг. Но по решению профсоюзов его объявили нерабочим днем по случаю церковного праздника Вознесения Господня.

И в Горках, и в окрестных деревнях звонили колокола. Весь этот день Владимир Ильич чувствовал себя хорошо. Гулял. Разве что после ужина появилась легкая изжога, но это случалось и прежде. Спать лег вовремя, но заснуть никак не мог. За окном вовсю пели соловьи, и он решил не ворочаться с боку на бок, а, как обычно, встать и прогуляться.

Вышел из флигеля и направился по аллее. В кустах сирени заливались соловьи: сначала один, потом неподалеку второй... Владимир Ильич остановился, стал слушать. Но когда соловьи, стараясь перепеть друг друга, вошли, как говорится, в раж, он стал собирать мелкие камешки, бросать в кусты и сразу почувствовал слабость в правой руке.

В. И. Ленин в Горках, осень 1922 года

Вернувшись во флигель, снова лег, но около четырех почувствовал себя совсем плохо. Температура – 38,5. Головная боль довела до рвоты, и лишь после этого, уже под утро, он уснул. А когда проснулся, ощутил какую-то неловкость в правой руке и ноге, не смог писать и читать – «буквы поплыли», но еще больше его беспокоило то, что впервые проявились

затруднения в речи – он не смог «высказать своих мыслей теми словами, какими хотел». Однако буквально через час все эти ощущения прошли бесследно²⁰⁴³.

Днем 26-го приехали врачи: Семашко, Гетье, Левин, Розанов. «Вот посмотрите, Владимир Ильич будет уверять теперь, что у него паралич», – сказал, смеясь, Н.А. Семашко. Эти слова, – пишет Мария Ильинична, – покорибили, а в душе было недоверие – уж не мозговое ли что-либо у Владимира Ильича? Но врачи успокоили нас...»²⁰⁴⁴

После осмотра, памятуя о рвоте и о том, что накануне вечером Ленин ел рыбу, которая вполне могла оказаться несвежей, они решили, что в основе приступа лежит «все-таки желудочно-кишечное расстройство (гастроэнтерит), который на почве переутомления и нервного состояния вызвал временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения»²⁰⁴⁵.

Гетье прописал английскую соль, полный покой и заверил, что все скоро пройдет. А Мария Ильинична вновь уехала в Москву собираться в Шартан. «Настроение было хорошее, – пишет она. – Казалось: проведет Владимир Ильич месяца два... на полном отдыхе и вернется к работе здоровый и отдохнувший. Нашим надеждам, однако, не удалось сбыться».

Вечером 27-го позвонил П.П. Пакалн, а когда она приехала в Горки, выяснилось, что с желудком у Владимира Ильича все в порядке, но головная боль, расстройство речи, слабость в правых конечностях лишь усугубились. Тогда же Петр Петрович впервые рассказал Марии Ильиничне о двух обмороках, бывших у Ленина зимой²⁰⁴⁶.

Утром 28 мая Гетье привозит известного невропатолога профессора Василия Васильевича Крамера, который впервые приходит к выводу, что «у Ленина мозговое заболевание, характер которого, – как он сказал Троцкому, – был ему не совсем ясен».

А 29 мая проводится консилиум профессоров В.В. Крамера, Г.И. Россолимо, Ф.А. Гетье и Н.А. Семашко. В этот же день в Горки приезжает врач-невропатолог Алексей Михайлович

Кожевников, который будет пользоваться Ленина последующие дни и месяцы и благодаря которому мы располагаем фактически ежедневными сведениями о состоянии здоровья Владимира Ильича²⁰⁴⁷.

Для опытных медиков в симптомах болезни было слишком много противоречивого. Они не укладывались в обычную картину атеросклероза. Парезы правой руки и ноги повторялись, но быстро исчезали. Головные боли также носили периодический характер. Но самое поразительное – даже во время приступов полностью сохранялся профессиональный интеллект. И так же, как и Крамер, профессор Гетье «откровенно признавался, что не понимает болезни Владимира Ильича»²⁰⁴⁸.

Перебирали самые различные варианты. И одно из предположений, составлявших врачебную тайну, сводилось к возможности сифилитического поражения головного мозга. Авторитетнейший современный исследователь академик Юрий Михайлович Лопухин пишет: «Для врачей России, воспитанных на традициях Боткина, который говорил, что “в каждом из нас есть немного татарина и сифилиса” и что в сложных и непонятных случаях болезней следует непременно исключить специфическую (т. е. сифилитическую) этиологию заболевания, такая версия была вполне естественной. Тем более что в России сифилис в конце прошлого – начале текущего века в разных формах, включая наследственную и бытовую, был широко распространен.

Это предположение было мало и даже ничтожно маловероятным... Однако консилиум врачей решил тщательно проверить и эту версию. Профессор Григорий Иванович Россолимо в разговоре с сестрой Ленина Анной Ильиничной Ульяновой 30 мая 1922 года сказал: “...Положение крайне серьезно, и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов”»²⁰⁴⁹.

Уже 29 мая Кожевников и медсестра Мария Петрашева взяли у Ленина кровь из вены и спинномозговую жидкость из позвоночного канала для исследования на реакцию Вассермана.

«Владимир Ильич очень терпелив был, – пишет Мария Макаровна. – Во время пункции он только крякнул. Не охал, не стонал – не в его характере это было»²⁰⁵⁰.

Все анализы дали отрицательный результат. 30 мая профессор-офтальмолог Михаил Иосифович Авербах изучил глазное дно и сетчатку глаз. Но и здесь не было «изменений сосудов или патологических образований, которые указывали бы на атеросклероз, сифилис или другую причину болезни мозга»²⁰⁵¹. Контрольные проверки многократно проводились и позднее, но и они лишь подтверждали тот же отрицательный результат.

В «лихие 90-е» и в последующие годы вопрос о диагнозе болезни Владимира Ильича стал излюбленным сюжетом для наших СМИ. То, что для врачей в 1922 году было одним из предположений, ими же отвергнутым, стало для прессы и телевидения главной интересующей их версией. И это несмотря на то, что результаты всех анализов не только опубликованы, но и по сей день лежат в архивах. Значит, речь идет о заведомой лжи...

Стыдно! Пусть эта ленинородская «чернуха» останется «знаком беды» и времени и полнейшего профессионального, интеллектуального убожества и бесстыдства нашей «исторической журналистики».

Можно лишь добавить, что новейшее исследование американских неврологов из Калифорнийского университета в Сакраменто дало им основание утверждать, что причиной болезни Ленина стала мутация гена NT5E, переданная ему по отцовской линии. В результате этого наследственного заболевания сосуды головного мозга накапливают известь и постепенно начинают окаменевать. Именно этот процесс и констатировал в 1924 году Николай Семашко²⁰⁵².

Многие из тех, кто наблюдал Ленина в последние годы его жизни, писали о том, что эта история болезни – сюжет для высокой трагедии. Предчувствия близкого конца у него были. Он вспомнил, как еще в сибирской ссылке один из крестьян, с которым он хаживал на охоту, как-то сказал ему: «А ты, Ильич,

помрешь от кондрашки”, – и на мой вопрос, – рассказывал Ленин, – почему он так думает, тот ответил: “Да шея у тебя уж больно короткая”».

При этом рассказе, пишет Кожевников, – «хотя Владимир Ильич смеялся и придал ему характер шутки, стало неимоверно грустно, так как по интонации Владимира Ильича чувствовалось, что и сам он придерживается мнения этого крестьянина»²⁰⁵³. Отец Ленина – Илья Николаевич скончался 12 января 1886 года на 55-м году от кровоизлияния в мозг, а генетически Владимир Ильич был гораздо ближе к нему, нежели к матери.

Но не ранней смерти опасался Ленин. Такие признаки болезни, как хроническая бессонница и мучительные головные боли, быстрая утомляемость, ухудшение памяти, онемение конечностей, стали проявляться задолго до обращения к врачам.

Владимир Ильич стал брать у Дмитрия Ильича Ульянова специальную медицинскую литературу, а от ее чтения не медиками довольно часто рождаются самые мрачные мысли. И более всего он боялся утраты интеллекта и работоспособности. Федору Александровичу Гетье Ленин рассказывал, как ужасал его пример Павла Борисовича Аксельрода, чей ум и эрудиция в молодости восхищали Владимира Ильича и который со временем «потерял работоспособность настолько, что не мог написать даже небольшой статьи. Вот этот-то страх дойти до такого состояния, – пишет Гетье, – заставил Ленина обратиться ко мне по собственному почину»²⁰⁵⁴.

Доживать свой век беспомощным стариком вне того дела, которому отдал свою жизнь, Ленин не хотел и не мог. Профессор Даршкевич назвал его предчувствия «навязчивостями», и тогда – в марте 1922 года – ему и доктору Гетье удалось успокоить Владимира Ильича. Но прошло почти три месяца, а симптомы болезни лишь усиливались и учащались. И вот, наконец, эти новые сильнейшие приступы...

«В день моего приезда [26 мая. – В.Л.] и в последующие дни, – писал Лев Григорьевич Левин, – он был в угнетенном состоянии, не верил в свое выздоровление. Его очень угнетали те расстройства со стороны речи, со стороны памяти, которых он

не мог, конечно, не заметить при исследовании. Его очень пугало и огорчало то, что он не находит некоторых слов, что он не может назвать некоторые предметы по имени, что он сбивается в счете. Он очень огорчился, например, когда, увидев ромашку и незабудку, не мог вспомнить названия этих хорошо знакомых цветов. Он часто повторял: "Какое-то необыкновенное, странное заболевание".

...В один из первых дней болезни, вечером, Мария Ильинична сказала мне, что Владимир Ильич хочет меня видеть. Я вошел к нему и, оставшись с ним наедине, сел у его постели... В маленькой комнате тишина, полумрак. Владимир Ильич слегка приподнялся на локте левой руки и, приблизив свое лицо ко мне, внимательно, пронизывающе глядя мне в глаза сказал:

– А ведь плохо.

– Почему плохо, Владимир Ильич?

– Неужели вы не понимаете, что это ведь ужасно, это ведь ненормальность.

Я стал всячески успокаивать Владимира Ильича, убеждать его в том, что это все временное, преходящее, что все, что его пугает, – небольшое расстройство речи, памяти, внимания, способности сосредоточиться, все это явления временного расстройства кровообращения в мозгу, что можно ему ручаться, что все это пройдет. Он недоверчиво качал головой, несколько раз повторял: "Странная, необыкновенная болезнь", лег опять и не сказал больше ни слова»²⁰⁵⁵.

И когда 29 мая консилиум врачей так и не пришел к определенному и окончательному диагнозу, а рекомендации, как и в марте, свелись прежде всего к запрету всякой работы и постельному режиму, Ленин принял свое решение, выношенное задолго до описываемых событий.

В ночь на 30 мая 1922 года Ленин спал хорошо. «Проснулся в 10 часов, – записывает Кожевников, – и хотел идти умываться. На предложение не вставать согласился не сразу. Поинтересовался, долго ли будет хворать, и высказал уверенность в том, что не поправится. Во время разговора

испытывал нехватку слов... Сказал: "Почему остается врач? Это лишние аппараты"»²⁰⁵⁶.

В тот же день при его осмотре офтальмологом Михаилом Иосифовичем Авербахом «Владимир Ильич, улучив момент, когда они остались с профессором одни в комнате, схватил его за руку и с большим волнением сказал: "Говорят, Вы хороший человек, скажите же правду – ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?" Но в это время вошла сестра, и разговор был прерван»²⁰⁵⁷.

И в этот же день Ленин потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Данный эпизод подробно описан Марией Ильиничной Ульяновой, и мы приведем его полностью.

«Уговоры Кожевникова отказаться от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться, и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину, и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным.

Сталин прошел в комнату Владимира Ильича, плотно закрыв за собой, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно заявил: "Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина". Но о догадке своей он нам на этот раз не сказал. Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась, и Сталин, который показался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они (Бухарин и Сталин) направились мимо большого дома через домик санатория во двор к автомобилю.

Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, но во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: "Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо". И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное ранее, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич. "Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, – сказал Владимир Ильич, – наступил, у меня паралич, и мне нужна Ваша помощь"»²⁰⁵⁸.

Вероятнее всего, упоминаемый Лениным первый разговор со Сталиным на эту тему состоялся в самом начале марта 1922 года, до встречи с профессором Даршкевичем, которому удалось тогда несколько успокоить Владимира Ильича. Мария Ильинична в этой связи размышляла: «Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой»²⁰⁵⁹.

Тогда, в марте, Сталин сохранил просьбу Ленина в тайне. Разве что, судя по «догадке» Бухарина, поделился с Николаем Ивановичем. Теперь же, в мае, об этом сразу узнали не только Бухарин, Мария Ильинична, но и доктор Кожевников, записавший в «Журнале дежурных врачей»: «30 мая... Приезжал Сталин. Беседа о *suicidium*» (Самоубийство. – лат.). Эта запись доктора особенно примечательна, ибо она не только еще более расширяла круг информированных лиц, но и переводила сугубо конфиденциальную, товарищескую просьбу Ленина в факт истории его болезни²⁰⁶⁰.

Продолжим, однако, рассказ Марии Ильиничны Ульяновой о 30 мае 1922 года. Итак, «Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичом и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет?

“Я обещал, чтобы его успокоить, – сказал Сталин, – но если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?” Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано.

Сталин пробыл на этот раз в комнате Владимира Ильича еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии, со слов врачей, Владимира Ильича, видимо, обрадовало. А уверение Сталина, что когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: "Дипломатничаете, мол"»²⁰⁶¹.

После отъезда Сталина Ленин долго разговаривал с Кожевниковым. К нему он с самого начала проникся особым доверием, и аргументы доктора, видимо, подействовали. Во всяком случае, в «Журнале дежурных врачей» Алексей Михайлович записал, что его пациент начинает верить, что у него нет паралича²⁰⁶².

2 июня на аэроплане прилетел из Бреслау известный немецкий невропатолог профессор Отфрид Ферстер. На следующий день, 3 июня, Сталин послал полпреду РСФСР в Германии Крестинскому письмо: «Вы, должно быть, догадываетесь, что положение Ильича было критическое, – иначе мы не рискнули бы на экстренный вызов Ферстера в Москву. Одно время положение казалось почти безнадежным, но теперь оно значительно улучшилось, и есть теперь надежда полностью восстановить Ильича при условии, если уход за пять-шесть месяцев будет тщательный под наблюдением знающих врачей. Нужны невропатолог (Ферстер) и по внутренним (Клемперер)»²⁰⁶³.

Оптимизм Сталина основывался на том, что после осмотра и исследования Ленина, проведенного 2 июня Ферстером, профессор согласился с диагнозом российских медиков, полагавших, что первопричина болезни – в сильнейшем переутомлении, и предписал на ближайшую неделю постельный режим. «Никаких признаков органической болезни центральной нервной системы, в особенности мозга, – говорилось в заключении консилиума, – налицо не имеется». Справедливости ради необходимо отметить, что о предшествующих обмороках у Владимира Ильича Ферстеру не было сказано ни слова. Между

тем позднее от писал, что факт этот уже тогда мог дать «ключ к правильному диагнозу»²⁰⁶⁴.

В начале июня симптомы болезни стали ослабевать, хотя бессонница, головные боли, чувство неловкости и слабости в правых конечностях давали о себе знать. А 11 июня показалось, что наступило явное улучшение. Кожевникову Владимир Ильич сказал, что утром, проснувшись, ощутил, будто «в меня вошла новая сила. Чувствую себя совсем хорошо. Еще ни разу с начала болезни не чувствовал себя так хорошо»²⁰⁶⁵.

В этот день его консультировал вновь прибывший накануне из Германии терапевт, профессор Георг Клемперер. «В отличие от профессора Ферстера, – пишет Мария Ильинична, – Клемперер обладал меньшим тактом и умением подходить к больному. Его болтовня и шуточки раздражали Владимира Ильича, хотя он встретил его любезно и наружно был с ним очень вежлив». Но после его ухода Ленин решительно сказал: «Пусть летит обратно. Это не его специальность»²⁰⁶⁶.

Но толк от консультации все-таки был. Днем 13 июня Владимира Ильича перенесли на носилках из флигеля в Большой дом и поместили в комнате, из которой был выход на террасу. «Такой способ передвижения, – пишет Мария Ильинична, – был ему не особенно приятен. Но врачи свято блюли установленный режим и порядок. На носилках он сидел, одетый в свою обычную серую тужурку и кепи... Вид у него был несколько смущенный... Обещание врачей, что уже в ближайшие дни он сможет пользоваться террасой, сыграло, вероятно, решающую роль в его согласии занять именно эту комнату»²⁰⁶⁷.

Ленин попросил разрешения читать и встречаться с коллегами. Но в чтении ему было отказано, а на «посещение друзей» дали согласие, но при обязательном условии о делах не говорить. «Тогда лучше не надо», – сразу же ответил Владимир Ильич. Немецкая профессура по-прежнему полагала, что все его болезни – от переутомления и лучшим лекарством является полный покой.

В этом Владимир Ильич как раз и не соглашался с ними. Он был убежден, что болезнь развивается по каким-то своим законам, вне прямой зависимости от его поведения, а безделье и искусственная изоляция лишь усугубляют ее. 15-го он сказал Кожевникову: «Чувствую себя хорошо, и больницу можно разогнать». А когда ему напомнили о повторяющихся парезах ноги и руки, ответил: «Правда, неприятны эти "кондрашки", но ввиду того, что они происходят в скромном размере, с этим можно мириться». И в доказательство того, что он в полном порядке, стал вальсировать с Марией Ильиничной²⁰⁶⁸.

В этот день Ленин диктует сестре письмо Сталину для членов Политбюро: «Покорнейшая просьба освободить меня от Клемперера. Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды... Убедительно прошу избавьте меня от Ферстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно»²⁰⁶⁹.

После ознакомления с этим письмом членов Политбюро Троцкий на бланке председателя Реввоенсовета пишет пространную записку: «1. Клемпереру посетить В.И. еще один раз вместе с Ферстером и затем уехать. 2. Ферстера поселить здесь. О его визитах к В.И. особо условиться».

А в конце самое главное: «Обратить внимание врачей, пользующих В.И., на то, что больной будет чем дальше, тем больше расширять рамки установленного режима и что поэтому необходимо ему твердо внушить необходимость строго подчиняться режиму в течение продолжительного времени и что только таким путем будет обеспечено полное восстановление работоспособности.

В качестве одного из способов воздействия на больного (если другие способы оказались недостаточны) возможно прямое постановление ЦК партии, предлагающее больному строгое соблюдение режима. Такое постановление может быть вынесено только по соглашению с врачами»²⁰⁷⁰. Тон и содержание этой записки вряд ли нуждаются в комментарии.

17 июня Сталин ответил Владимиру Ильичу: «Т. Ленину. В связи с Вашим письмом о немцах мы немедленно устроили совещание с Крамером, Кожевниковым и Гетье. Они единогласно признали ненужность в дальнейшем Клемперера, который посетит Вас лишь один раз перед отъездом. Столь же единогласно они признали полезность участия Ферстера в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления... По поручению Политбюро Сталин. 17/VI—22 г. P.S. Крепко жму руку. А все-таки русские одолеют немцев. Сталин»²⁰⁷¹.

Письма эти, между прочим, свидетельствует о том, что с самого начала болезни весь ход лечения и все действия врачей непременно согласовывались с Политбюро. И если по многим другим проблемам между членами Политбюро возникали разногласия, то по вопросу о «режиме» для Владимира Ильича их не было. Так что «полный покой» был санкционирован.

Ленин настаивал на отъезде немецких врачей, считал, что вокруг него подняли слишком много шума и суеты, что он «на верном пути к выздоровлению и совершенно нет необходимости в "этих тратах"». Но 20 июня Клемперер вновь приехал в Горки и, судя по разговору, прощаться не собирался.

Ленин опять диктует записку Сталину, в которой настаивает на отправке Клемперера и Ферстера из России. Сталин посылает ее по кругу членам Политбюро, и каждый письменно фиксирует свою позицию. Троцкий: Ленин понял, что его просьба не выполнена, и это «свидетельствует о "бдительности", но согласиться на эти предложения, конечно, нельзя». Зиновьев: «Немцев оставить, Ильичу – для утешения – сообщить, что намечен новый осмотр всех 80 товарищей, ранее осмотренных немцами...» Остальные члены ПБ – Томский, Каменев, Сталин – соглашались с Троцким и Зиновьевым²⁰⁷².

В какой-то форме (вряд ли в столь пренебрежительной, как высказался Зиновьев) Ленину сообщают о мнении членов Политбюро. И тогда он принимает свое решение – отказаться от установленного для него режима. Днем 21 июня он работает над своим выступлением на декабрьском съезде Советов, а когда узнает, что в Горки к брату Дмитрию Ильичу приехала жена с

маленькой дочкой Ольгой, вопреки всем запретам отправляется их провести во флигель²⁰⁷³.

Вечером того же дня Владимир Ильич признался Кожевникову, что ему «без политики жить трудно», что полное безделье лишь угнетает его, необходимо какое-то дело. И для него таким делом может быть только политика. Даже тогда, когда он – по болезни – вроде бы и не занимается ею, все равно все его мысли только об этом. «Политика – вещь, захватывающая сильнее всего, – сказал он. – Отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, но такого нет»²⁰⁷⁴.

23-го, когда Ленин спускался с лестницы, чтобы погулять в парке, вновь случился спазм, и он упал. Но и это его не смутило. Отныне, сказал он Пакалну, будем гулять вместе и на вас, «кроме полицейских функций, будут лежать и медицинские». И еще попросил, чтобы в его комнате кресла поставили так, чтобы при ходьбе они всегда были под рукой. В общем, было ясно, что о постельном режиме теперь уже говорить не приходится²⁰⁷⁵.

24 июня все тот же Клемперер, а также Крамер, Левин, Кожевников, Семашко провели консультацию. Пока собирались, Владимир Ильич стал расспрашивать Семашко о видах на урожай, об открывшейся 15 июня Гаагской конференции и начавшемся 8 июня процессе над эсерами. Но разговор прервали, так как, по мнению врачей, говорить о «политике» было еще рано. Это, впрочем, нисколько не мешало самому Клемпереру в разговоре с Владимиром Ильичом не только переходить с немецкого языка на английский и наоборот, но и выспрашивать его мнение о Сан-Стефанском договоре и Берлинском конгрессе 1878 года, об оценке роли Горчакова и Бисмарка²⁰⁷⁶.

Когда Кожевников сказал, что для Владимира Ильича необходимо найти дело не менее интересное, чем политика, видимо, Клемперер тут же предложил: простые, но достаточно азартные игры. Ему ответили, что все попытки усадить Ленина за домино он отверг – «забивать козла» Владимир Ильич не хотел. Тогда пусть играет в шахматы, продолжил доктор, но

непрерывно с более слабыми противниками. Для Ленина – заядлого шахматиста – это звучало просто оскорбительно. «Это они меня за дурака считают», – сказал он Кожевникову, и на глазах у него появились слезы²⁰⁷⁷.

После этого Клемперер в Горках уже не появлялся. Ферстер остался. Он продолжал регулярно посещать Владимира Ильича, и отношения явно стали налаживаться. Существенную роль в этом сыграло, видимо, и то, что Ферстер, как отметила Мария Ильинична, всегда «старался, если к тому была хоть какая-нибудь возможность, пойти навстречу Владимиру Ильичу в высказываемых им желаниях»²⁰⁷⁸.

Симптомы болезни проявлялись без всякой видимой причины. Утром 26-го он чувствовал себя великолепно. Сделал гимнастику, походил по комнате и решил присесть у окна. Но именно в этот момент произошел спазм, и Владимир Ильич буквально рухнул в кресло. Хотел позвать Кожевникова, но не мог вспомнить его отчество.

Приступ вскоре кончился. А когда пришли Надежда Константиновна, Мария Ильинична и врач, Ленин лишь пошутил: «Когда министр или нарком абсолютно гарантирован от падения? Когда он сидит в кресле». Он сказал это смеясь, но, как записал Кожевников, его смех «произвел впечатление смеха сквозь слезы. Глаза грустные и влажные»²⁰⁷⁹.

А дело для Владимира Ильича все-таки нашли. Были необходимы какие-то упражнения для рук, и 30 июня из совхоза Горки пришла работница и стала учить его плетению корзин. Это было незнакомо и интересно, но, естественно, «политику» заменить не могло.

2 июля случилось так, что привычная «блокада» общения была прервана. В Горки приехала Инночка Арманд – дочь Инессы. Кожевников записал: «Было свидание с дочерью недавно умершей хорошей знакомой в течение 5 минут. Расспрашивал об ее жизни». После смерти Инессы Ленин и Крупская всячески опекали ее. Пяти минут, конечно, было мало, но все-таки... А днем к обеду приехала сестра – Анна Ильинична,

вечером зашел брат – Дмитрий Ильич. Такого интенсивного общения у Владимира Ильича давно уже не было.

Обо всем, что происходило в Горках, естественно, докладывали Сталину, и 11 июля в 12 часов он приехал сюда сам. Позднее, в статье «Тов. Ленина на отдыхе», опубликованной в «Правде» 24 сентября 1922 года, Иосиф Виссарионович рассказывал: «Тов. Ленин во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновленный, но со следами усталости, переутомления.

“Мне нельзя читать газеты, – иронически замечает тов. Ленин, – мне нельзя говорить о политике...” Тут же смеется над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике... Процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы – все эти вопросы мелькают один за другим. Он не торопится высказать свое мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом расспрашивает и мотает на ус. Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие»²⁰⁸⁰.

Запись Кожевникова добавляет существенные детали. Во время свидания (с 12.30 до 13.30) Владимир Ильич «немного волновался, но свидание прошло совершенно гладко. Оно было продолжительнее, чем предполагалось, т. к. трудно было его остановить. Владимир Ильич остался очень доволен свиданием».

Записал Кожевников и впечатления Сталина: «На тов. Сталина свидание произвело благоприятное впечатление, и он нашел Владимира Ильича в гораздо лучшем состоянии, чем предполагал. Он мало отличался от Владимира Ильича до болезни». Врачи тут же учли это: со следующего дня, с 12 июля, Ленину разрешили прогулки в саду и в парке.

Более подробно Кожевников пишет и о содержании беседы: «Вечером В.И. вкратце рассказывал мне о содержании разговора.

Говорили об урожае – он ожидается очень хороший, только еще не выяснено, во сколько раз он превысит прошлогодний.

Затем В.И. сообщил, со слов Сталина, что к эсерам будет применена условная амнистия, т. к. они заявили на суде, что будут продолжать вооруженную борьбу с Советской властью. Если они это действительно заявили, то это бестактно или даже глупо с их стороны и, конечно, при таких условиях другого приговора быть не может. Будет сдержано обещание, данное в Берлине, высшая мера наказания не будет применена, но амнистия будет условная. Если борьба возобновится, то амнистия будет аннулирована...»²⁰⁸¹.

В этот вечер он лег рано и в хорошем настроении. Но в три часа ночи разбудила гроза, а когда она кончилась, вороны раскричались так, что было уже не до сна. Владимир Ильич обдумывал вчерашний разговор, и что-то в нем его зацепило. Был в беседе сюжет, который как-то проскочил среди других текущих дел.

Сталин рассказал, что немецкие врачи, обследовав руководящую верхушку партии и Советов, пришли к выводу, что большинство из них за прошедшие годы потрепали здоровье и нуждаются в лечении. Вот и порешили сократить число функционирующих членов Политбюро, а остальных отправить на отдых.

Была, видимо, затронута еще одна тема – о бывших оппозиционерах. Во всяком случае, рассказывая Кожевникову о разговоре со Сталиным, Ленин почему-то вспомнил о том, что Пятаков вместе с Бухариным, Радеком и другими «левыми» выступал против Брестского мира. «Теперь это деление сгладилось», – заметил Владимир Ильич. То, что все это проскочило в разговоре со Сталиным как бы между прочим, Ленина насторожило. Так уже было в марте, накануне XI съезда, когда информация о реорганизации аппарата и новой роли Секретариата ЦК была погружена в «вермишель» текущих назначений и перемещений.

Утром 12-го, до прихода врачей, Ленин не диктует, а впервые сам пишет письмо Каменеву – не о суде над эсерами и

даже не об урожае: «т. Каменев! Ввиду чрезвычайно благоприятного факта, сообщенного мне вчера Сталиным из области внутренней жизни нашего ЦК, предлагаю ЦК сократить до Молотова, Рыкова и Куйбышева с кандидатами Каменев, Зиновьев и Томский. Всех остальных на отдых, лечиться. Сталину разрешить приехать на августовскую конференцию. Дела замедлить – выгодно, кстати, и с дипломатической точки зрения. Ваш Ленин.

P.S. Приглашаю на днях Вас к себе, хвастаю моим почерком; среднее между каллиграфическим и паралитическим (по секрету).

P.P.S. Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же! “Послушай, ври да знай же меру!”»

Кожевников в своих записях пояснил: «очень смеялся, когда узнал о том, что в первом бюллетене было сказано о желудочно-кишечном заболевании, сопровождавшимся нарушением кровообращения. Во время консультации сказал, я думал, что лучшие дипломаты в Гааге, а оказывается, они в Москве – это врачи, составившие бюллетень о моем здоровье»²⁰⁸².

Письмо, как видим, получилось спокойное, даже веселое. Но Каменев хорошо знал Ленина, и ему стало ясно, что Ильич не пропустил мимо ушей предложение о сокращении числа функционирующих членов Политбюро. Ведь он сам предлагал пропустить всех их через врачебную комиссию. Но в письме Ленин не вводит в остающийся узкий состав ПБ ЦК ни самого Каменева, ни Зиновьева – они только кандидаты, а Сталина вообще хочет отправить в отпуск до Всероссийской партконференции.

14 июля Каменев приехал в Горки. Свидание (с 12.30) продолжалось полтора часа. «Из них полчаса, за обедом, – пишет Кожевников, – Владимир Ильич жадно слушал рассказ Каменева, задавал вопросы, всем интересовался, особенно было, по-видимому, приятно узнать о стабилизации рубля и о прекрасном урожае...

После обеда еще уходил на 5 минут “посекретничать” с Каменевым у себя в кабинете...

Л.Б. Каменев нашел, – отмечает Кожевников, – что В.И. не хуже, чем бывал зимой, когда сильно уставал или после бессонной ночи. И не заметил бы, что В.И. перенес серьезную болезнь, если бы этого не знал. Письмо, полученное Л.Б. от В.И., по словам первого, написано прекрасно, и почерк мало отличается от обычного почерка В.И.»²⁰⁸³.

Видимо, за 5 минут «секретничанья» во время пребывания в Горках разговор о партийных делах не закончился, и Каменев обещал изложить свои соображения в письме. Письмо это Ленин получил, судя по всему, 15-го, и, к сожалению, оно не сохранилось. Так что о его содержании можно судить лишь по ленинскому ответу.

Каменев откровенно написал о том, что предполагаемую процедуру отправки на лечение можно использовать для того, чтобы отодвинуть некоторых членов ПБ в сторону. И прежде всего речь идет о Троцком. Он претендует на особую роль в партии, а посему представляет собой главную угрозу губительного раскола. И его пребывание в Политбюро якобы превращает этот руководящий орган в корабль с незаделанной брешью, когда ради спасения приходится выбрасывать пушки за борт. Вопрос же о том, кого – куда, следует решать не на заседании ПБ или членов ЦК, а на более узком «частном совещании».

Наверняка Лев Борисович писал не столь прямолинейно – он даже не назвал фамилии Троцкого. Но Ленин понял, кого он имеет в виду под «здоровой пушкой». Цитируя письмо Каменева, Владимир Ильич пишет: «“Выкидывает ЦК или готов выкинуть здоровую пушку за борт”, – Вы пишете. Разве это не чрезмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого – ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать – верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»

Что касается «частного совещания», которое решит, кого отправлять на отдых, а кого оставить, то его надо отложить для

того, чтобы: «1) позондировать почву сначала и 2) обеспечить, что совещание не взорвет страсти. Я ругаться не буду наверняка. А другие?». В ответ, вероятнее всего по телефону, Каменев пообещал провести совещание с коллегами и о его итогах сообщить Ленину²⁰⁸⁴.

16 июля с утра к Ленину пришел Бухарин, отдохавший в соседнем доме отдыха. «Говорил за обедом об урожае, – пишет Кожевников, – о стабилизации рубля, о понижении процента учета Госбанком, а потом с глазу на глаз о партийных делах. На Николая Ивановича В.И. произвел очень хорошее впечатление, и Н.И. тоже нашел, что зимой после утомления В.И. бывал часто хуже и вид у него теперь лучше, чем зимой...

После ужина было вторичное свидание с Бухариным, продолжавшееся 10 минут. Во время свидания, между прочим, В.И. спросил Н.И., что нового в Германии. На уклончивые ответы Бухарина В.И. заявил: “Ну, Ратенау ухлопали, а кого-нибудь еще ухлопали?” Откуда В.И. узнал об убийстве Ратенау [немецкого промышленника и политического деятеля], он не сказал. После свидания В.И. читал»²⁰⁸⁵.

Вероятно, в беседе с Бухариным был затронут и вопрос о высылке за границу руководителей уже упоминавшихся «антисоветских групп интеллигенции». Дело это приобретало все более затяжной характер. 1 июня 1922 года ГПУ представило в Политбюро ЦК РКП(б) докладную записку, в которой анализировались настроения различных оппозиционных групп в вузах, общественных организациях, частных издательствах, на различных ведомственных съездах, в кооперации, трестах и других учреждениях²⁰⁸⁶.

Готовил записку особоуполномоченный ГПУ, бывший эсер, ставший большевиком в 1917 году, Яков Агранов. И поскольку лояльная интеллигенция, то есть большинство специалистов, которые строили, лечили и учили Россию, находились вне сферы его интересов, то выборочные агентурные данные, приведенные им, рисовали достаточно мрачную, а главное – масштабную картину грозящей опасности.

Главный вывод сводился к тому, что «ослабление репрессий открыли надежды антисоветской интеллигенции, и в последнее время различные ее слои в разных формах ведут... упорную контрреволюционную работу». А это «диктует необходимость принятия ряда мер по пресечению деятельности руководителей движения»²⁰⁸⁷.

8 июня Политбюро обсудило представленный Уншлихтом соответствующий доклад и приняло развернутое постановление. В частности, именно на этом заседании было принято решение «о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР»²⁰⁸⁸.

Особое совещание, как орган внесудебных репрессий было учреждено в России Александром III еще в 1881 году и просуществовало до 1917 года. Именно его решениями отправлялись в Сибирь активные участники оппозиционного и революционного движений самых различных партий. В их числе были и большевики – Ленин, Сталин, Дзержинский, Троцкий и другие.

При рассмотрении положения об Особом совещании во ВЦИК его название – дабы не напоминать о «старом режиме» – заменили на Особую комиссию, сократили срок возможной высылки – в сравнении с прежним Особым совещанием – с пяти до трех лет, а главное – узаконили возможность замены ссылки в Нарым или Туруханский край высылкой за границу²⁰⁸⁹.

На том же заседании Политбюро 8 июня для рассмотрения списка высылаемых «верхушек враждебных группировок» учреждалась комиссия в составе Уншлихта, Курского и Каменева, а также несколько других комиссий по проверке союзов специалистов.

И уже 22 июня Уншлихт представил список из 11 врачей, кои «за использование своего положения делегатов съезда для антисоветской агитации, рассчитанной на подрыв доверия к Советской власти в момент внешних затруднений», отправлялись

на два года в административном порядке в голодающие губернии, Киргизию и Туркестан для работы по специальности, предоставив им неделю на сборы²⁰⁹⁰.

А на места за подписью Уншлихта пошли телеграммы с требованием доставки в Москву списков «антисоветской интеллигенции», подлежащей ссылке или высылке. Так решение Политбюро и указания Ленина в письме от 19 мая 1922 года о «штучном» отборе из «верхушек» стало приобретать расширительный характер. И теперь анализ мотивов высылки (иначе, как выразился Владимир Ильич, «мы наглупим») из рук членов Политбюро и наиболее образованных коммунистов переходил в компетенцию местных чекистов. Немудрено, что только из Украины сразу же пришел список на 73 человека, кои были сочтены «вредными» и «неблагонадежными»²⁰⁹¹.

Видимо, об этом и зашел разговор у Бухарина с Лениным во время визита 16 июля 1922 года. Во всяком случае, именно в этот день Владимир Ильич пишет Сталину: то, что за границу надо высылать верхушку меньшевиков, народных социалистов, кадетов – кои «неисправимы», – это бесспорно. Но у меньшевиков это должны быть фигуры такого калибра, как А.Н. Потресов или Н.А. Рожков, у эсеров – такие, как А.В. Пешехонов или В.А. Мякотин, у кадетов – такие, как «веховцы» А.С. Изгоев или С.Л. Франк.

Если той же меры заслуживают В.Н. Розанов, Н.А. Вигдорчик или М.М. Магула, то не как врачи, а как активные меньшевики, а А.Б. Петрищев и А.Г. Горнфельд – не как литераторы, а как активнейшие народные социалисты. К таким же «неисправимым» следует отнести сотрудников журналов «Экономист», «Мысль», «Летопись Дома литераторов», статьи которых прочел сам Владимир Ильич.

Все они, пишет Ленин, «враги самые беспощадные», и даже если «подобных господ» наберется по всей России «несколько сот... выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго»²⁰⁹².

Забегая вперед, отметим, что когда в конце июля комиссия Уншлихта, Курского и Каменева составила сводные списки

«активной антисоветской интеллигенции» Москвы, Петрограда и Казани на 107 человек, тут же пошел поток ходатайств от различных учреждений и ведомств об отмене высылки для целого ряда лиц. И Политбюро создало новую комиссию под председательством Дзержинского с правом отмены решения для тех, кто – при всей их оппозиционности – действительно необходим стране²⁰⁹³.

Возвращаясь в Горки, сразу скажем, что отрицательно на здоровье Ленина все эти «политические» свидания никак не повлияли. Чувствовал он себя хорошо. Отлично спал. Никаких головных болей. Много читал. Много – по несколько часов – гулял в парке. Правда, от длительной ходьбы уставал и тогда присаживался на лавочку, а если день был хороший, ложился на траву и смотрел в небо. И для него самого было важно, что уставал именно от ходьбы, а не от «политики».

Усердно занимался правописанием, устным счетом. Учился плести корзины. Врачи предлагали различного рода тесты, физические упражнения. Он дисциплинированно выполнял все их предписания. Тренировались и в запоминании сложных незнакомых слов. Название мексиканского вулкана – Попокатепетель – далось не сразу, но потом запомнилось твердо. И в последующие дни, на вопросительный взгляд врача, Ленин, улыбаясь, тщательно выговаривал – Попокатепетель. В устном счете перешли к умножению трехзначных чисел на двухзначные, потом на трехзначные и т. д.²⁰⁹⁴

Но за всем этим он не забывал и о другом – обещанном Каменевым 15 июля ответе относительно Троцкого. И утром 18 июня Владимир Ильич «написал очень скоро, крупным почерком записку Сталину». Вот ее текст: «Тов. Сталин! Черкните за себя и за Каменева, не забыл ли он: условились, что он ответит насчет Троцкого после общего совещания. Ваш Ленин»²⁰⁹⁵.

19 июля во время очередной консультации Ферстера и Крамера Владимир Ильич «поднял вопрос о чтении газет, и профессор Ферстер разрешил до воскресенья читать газеты за май, июнь и начало июля, а в воскресенье прочесть новую

газету». Для Ленина это уже был праздник. «Настроение очень хорошее, – отмечает Кожевников, – голова не болит»²⁰⁹⁶.

Пришел ответ от Сталина. Текст его, как и письма Каменева от 15-го, не сохранился. Но есть короткая записка Ленина: «т. Сталин! Очень внимательно обдумал Ваш ответ и не согласился с Вами». То есть вопрос о Троцком, о том, чтобы «выкинуть здоровую пушку за борт», был закрыт. И тут же, дабы сгладить конфликт, Владимир Ильич добавляет: «Поздравьте меня: получил разрешение на газеты! С сегодня на старые, а с воскресенья на новые! Ваш Ленин»²⁰⁹⁷.

Чтение газет буквально захватило его. Он читал их часами, но не подряд, а выборочно, ориентируясь по заголовкам. Некоторые статьи расстраивали, хотя он и старался скрыть это от окружающих. 21-го прочел очередной отчет о процессе над эсерами, а потом сказал Кожевникову, что «читать этого и не надо было, т. к. процесс протекает мимо него»²⁰⁹⁸.

А в результате – разболелась голова. Но когда врачи посоветовали ограничить чтение беллетристикой, Ленин никак не хотел признать, что в этом повинны именно газеты. Мало того, 26-го он настоял на том, чтобы ему доставили и белоэмигрантскую прессу. Ферстер, Крамер и Кожевников уступали до определенного предела. И когда 28-го Сталин прислал письмо с просьбой дать интервью американскому корреспонденту, они, как говорится, стали стеной, и Владимиру Ильичу пришлось «категорически отказать»²⁰⁹⁹.

В этот день, 28-го, к нему приехал Троцкий. Виделся он с Лениным в период болезни крайне редко, и после приведенной выше переписки относительно «здоровой пушки» визит этот носил явно демонстративный характер. Встреча, как отметил дежурный врач, прошла «оживленно», но ее сократили до получаса. Троцкий нашел, что у Владимира Ильича прекрасный вид, «как будто у него был насморк, который прошел, и нельзя поверить, что В.И. перенес такую тяжелую болезнь»²¹⁰⁰.

29 июля Ленина осматривали Ферстер, Крамер и Семашко. Владимир Ильич всячески бодрился, много шутил, но все-таки

признался, что кроме головной боли иногда «шалит ножка», появляется ощущение, будто он ее «отлежал». Это несколько насторожило врачей. Но на следующий день, 30-го, приехал Сталин. Во время встречи «В.И. был в прекрасном настроении. Говорили исключительно о делах, преимущественно о партийных, в связи с предстоящей конференцией. Сталин, – отметил врач, – по-видимому, смотрит на В.И. как на совершенно здорового человека». Поэтому и встреча продолжалась 1 час 20 минут²¹⁰¹.

1 августа в Горки прибыл Зиновьев. Свидание продолжалось 1 час. Кожевников записал: «На Зиновьева В.И. произвел очень хорошее впечатление, и по его состоянию трудно даже представить, что В.И. перенес столь тяжелую и серьезную болезнь. Говорит все время исключительно о делах. В.И. был очень оживлен, вспоминал из прошлого иногда даже очень мелкие факты, которые и Зиновьев не помнил. К концу беседы В.И., по словам Зиновьева, несколько раз брался за голову и, по-видимому, несколько устал»²¹⁰².

Как видим, в разговорах с Кожевниковым и Зиновьев, и особенно Сталин и Троцкий высказывались весьма оптимистично. Однако Каменеву, Сталину и Зиновьеву Троцкий написал другое: «Владимир Ильич в разговоре со мной несколько раз говорил о “параличных явлениях” у него и посматривал глазком на меня: что скажу?.. Я почувствовал “ловушку” и промолчал.

Мне кажется, он хотел узнать, так ли это. То, что он то же слово употребил в разговоре с т. Зиновьевым, свидетельствует, мне кажется, о том, что этот вопрос его сейчас больше всего интересует. Нужно бы выяснить “линию” в связи с тем, что говорят врачи».

Сталин, прочитав записку, отвечает: «Пожалуй, верно». Соглашается и Каменев: «Наблюдение верно», а Зиновьев предлагает: «“Линия”, по-моему, должна заключаться в том, чтобы опровергать эту версию».

Но Троцкий возражает: «Опровергать “вообще” – произведет впечатление, обратное тому, которое желательно. Нужно получить от Ферстера точное разъяснение, чем болезнь

отличается от “параличных явлений”, ибо В.И. не поверит, что мы не справлялись об этом и не знаем, – а если справлялись и молчим или отвечаем общо, – значит паралич».

Каменев отвечает: «Предлагаю устроить перед отъездом Ферстера совещание с ним Зиновьева, Троцкого, Сталина и Каменева. Это перед отъездом вообще нужно бы». Сталин соглашается: «Предложение Каменева следует принять». И последняя запись: «За. Поручить т. Енукидзе устроить это. Г. Зиновьев. Троцкий»²¹⁰³.

2 и 3 августа Ленин чувствовал себя хорошо, разве что стал побаливать запломбированный зуб. Но это не помешало Владимиру Ильичу засесть за чтение доклада о финансовой политике на 1922–1923 годы. Но вечером 3-го стала собираться гроза, голова начала побаливать, и доклад пришлось отложить. А 4 августа, в пятницу, неожиданно случился приступ болезни, от которого растерялись сами врачи.

В 12 часов 48 минут отказали правая рука и нога. Минут через 20 это стало проходить, но полное расстройство речи продолжалось дольше. Лишь через полтора часа все пришло в норму. Дежурный врач записал: «В.И. все время был в сознании и понимал, что с ним происходит. При параличе все время себя исследовал... Несколько раз брал часы и смотрел, сколько времени продолжается приступ... В.И. сравнивает этот приступ с первым, бывшим в мае... Чтобы успокоить, я стал доказывать, что между майским и сегодняшним приступом большая разница». По просьбе врача он пересказал читанное утром, а на вопрос о вулкане в Мексике уверенно ответил: Попокатепетель²¹⁰⁴.

Владимир Ильич помнил, что в мае за первым приступом последовал еще более тяжелый второй, и на случай ухудшения решительно настоял – «в порядке исключения» – на том, чтобы к нему на 15 минут вызвали Сталина, ибо, как он заявил, его «очень волнует решение одного вопроса».

В субботу, 5-го, Сталин приехал. Ленин уже чувствовал себя хорошо и действительно уложился в 15 минут. Но о чем был разговор – неизвестно²¹⁰⁵. Известно лишь, что Сталин доставил ему приветствие от XII Всероссийской партконференции и

Владимир Ильич попросил его поблагодарить делегатов и выразил надежду на скорое возвращение к работе.

Врачи, однако, думали по-другому. Утром 7-го профессора Ферстер и Крамер зачитали Ленину новый распорядок дня, предлагаемый ими на ближайшие две недели. Пункт о свиданиях был сформулирован в нем так: «Свидания разрешаются только тогда, когда врач находится в доме. Политические свидания не разрешаются».

О реакции Ленина пишет Кожевников: «Этот пункт крайне разволновал и рассердил В.И. Он потребовал, во-первых, чтобы на врачей не возлагали "полицейские обязанности", во-вторых, он совершенно не согласен с запрещением политических посещений, т. к. это равносильно полному запрещению свиданий».

Врачи немного уступили, и пункт о свиданиях стал звучать так: «Свидания разрешаются с ведома врачей в случаях, когда у В.И. является настоятельная потребность выяснить какой-нибудь вопрос и он его сильно волнует, но свидание не должно продолжаться более ½ часа». Ферстер сообщил, что он ненадолго уезжает, оставляя Владимира Ильича на попечении российских коллег, и Ленин вежливо простился с ним, «благодарил его за заботу, пожелал счастливой дороги и т. п.».

А тут как раз приехали в Горки Орджоникидзе, Петровский и Крестинский. Беседуя с ними, Ленин все еще был взволнован конфликтом с врачами и, как пишет Кожевников, руки у него, особенно правая, сильно дрожали, и «даже Орджоникидзе нашел, что В.И. говорил плохо». Однако «в общем впечатление от свидания у всех троих хорошее». Вот только сам Владимир Ильич «после свидания волновался еще больше и боялся, что вследствие волнения он произвел плохое впечатление на своих посетителей»²¹⁰⁶.

Проводив гостей, он написал письмо Сталину, которое потребовал немедленно отправить с нарочным. Письмо это им самим ошибочно датировано 7 июля (7.VII). Речь идет о явной описке, которая характерна в начале месяца при его написании римскими цифрами. О том, что письмо это не может быть

отнесено к началу июля, говорит прежде всего нормальный ленинский почерк.

В июне и начале июля Владимир Ильич, как указывалось выше, усердно и ежедневно упражнялся в правописании, для того чтобы выправить почерк, резко изменившийся во время болезни. Поэтому он и диктовал свои послания Марии Ильиничне. Лишь 12 июля в письме Каменеву и 13 июля – Фотиевой он впервые отмечает, что почерк его «начинает становиться человеческим»²¹⁰⁷.

В письме Сталину упоминаются пять фактов: 1. Свидание с Каменевым в четверг; 2. Острый приступ болезни в пятницу; 3. 15-минутный разговор со Сталиным в субботу; 4. Конфликт с врачами; 5. Отправка данного письма Сталину. Ни один из указанных фактов в июль не укладывается. И наоборот, четыре из них (№ 2–5) фиксируются дежурными врачами 4–7 августа. То, что они не отметили беседу с Каменевым, вполне объяснимо, если эта беседа состоялась утром, до обычного прихода врачей в полдень. Видимо, этим и объясняется требование нового распорядка дня о необходимости при свиданиях обязательного присутствия врача в доме.

Итак, вот текст письма 7 августа 1922 года: «Т. Сталин! Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу и сделали сугубую глупость: попытались запретить “политические” посещения (сами плохо понимая, что это значит!!). Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать на случай обострения болезни. Успеваю все сказать в 15 минут, и на воскресенье опять прекрасный сон. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и политических разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К^о отошлете. О пленуме ЦК непременно приезжайте рассказать или присылайте кого-либо из участников. С комприветом Ленин»²¹⁰⁸.

Сталин приехал 9 августа в 5 часов пополудни. Ленин, видимо, как и в письме, убеждал его в том, что приступы болезни никак не связаны с его «политическими» свиданиями. Беседа длилась менее получаса, дальнейшие посещения разрешили, но договорились, что по поводу их формата надо посоветоваться с врачами.

11-го к Ленину приехали председатель ЦИК Азербайджана С.А. Агамали оглы и сопровождавший его секретарь ВЦИК Авель Енукидзе. Владимира Ильича интересовали положение в Азербайджане и Закавказской Федерации, вопрос о создании в республике Красной Армии, отношение азербайджанцев к созданию нового алфавита и т. д. Но серьезного разговора не получилось, ибо время его ограничили 10 минутами²¹⁰⁹.

На следующий день под руководством профессора Крамера провели исследование функций памяти и запоминания, устойчивости внимания, проделали опыты с текстами, и «все эти испытания показали, что функции эти у В.И. можно считать почти абсолютно восстановленными»²¹¹⁰.

15-го вновь приехал Сталин и, помимо текущих дел, разговор пошел о реорганизации Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Зампред СНК А.Д. Цюрупа, назначенный в мае по совместительству наркомом РКИ, из-за болезни к этой работе так и не приступал. И, как заметил Ленин, «боюсь, что работа не совсем правильно стоит... Переделки аппарата и улучшения его нет... Я все надеялся, что приток новых работников в коллегия РаКри оживит дело, но из расспросов Сталина не мог видеть этого»²¹¹¹.

Беседа продолжалась час, и к концу ее, как заметил Кожевников, Владимир Ильич несколько утомился. Алексей Михайлович даже пометил в «Журнале дежурных врачей», что у Ленина опять появилось дрожание в правой руке.

Но все это быстро прошло. На следующий день, 16-го, Ленин чувствовал себя хорошо и, дабы не пререкаться с врачами, обратился напрямую к Сталину с просьбой прислать к нему для беседы поочередно на полчаса Л.Б. Красина, замнаркома

финансов М.К. Владимиров и зампреда ВСНХ И.Т. Смильгу, «согласовав этот вопрос утром в день приема с врачами»²¹¹².

Владимиров приехал на следующий день. Визит длился полчаса, и, как заметил врач, «В.И. остался этим свиданием очень доволен». Обсудили вопрос о политике Наркомфина по отношению к нэпманам в связи с тяжелейшим финансовым положением страны. Спустя несколько дней Ленин написал Владимирову: «Насчет уловления "нэпманов" советую очень обдумать... Вводить ли подоходный налог или принудительный заем?» Но решить это можно лишь тогда, когда будут реальные данные о нэпманах и их доходах²¹¹³.

19 августа состоялась встреча с Иваром Смильгой. Он пришел за поддержкой: написал Сталину заявление с просьбой освободить его от должности зампреда ВСНХ и начальника Главтопа, ибо сработаться с Рыковым никак не может. Склон Ленин не терпел и просьбу Смильги не поддержал. Лишь посоветовал ему озаботиться улучшением работы Главтопа. О том же Владимир Ильич написал и Сталину, попросив его приехать 23-го в Горки²¹¹⁴.

Разговор со Смильгой был не из тех, которые доставляют удовольствие, но настроение Владимиру Ильичу не испортил. Он «долго разговаривал со мной, – пишет Кожевников, – и сказал, что сегодня, пожалуй, первый день, что не болела голова. Самочувствие очень хорошее. Вообще, последние три дня В.И. производит впечатление здорового человека»²¹¹⁵.

Он действительно чувствовал себя хорошо. Много гулял, ежедневно читал газеты, старательно выполнял все упражнения, предписанные врачами. 21-го состоялось свидание с Красиным. Леонид Борисович собирался в Берлин, и они обсудили предстоявшие там переговоры о концессии с Лесли Уркартом. Кожевников пометил, что получасовая встреча прошла «очень хорошо и В.И. не устал». Вечером «В.И. виделся несколько минут с Мещеряковым и Преображенским». На следующий день на полчаса приехал Рыков. А вот 23-го беседа со Сталиным

превысила норму: она длилась уже час. И никаких «признаков усталости замечено не было»²¹¹⁶.

Иногда, впрочем, появлялось ощущение того, что правая нога начинает неметь, но оно быстро проходило. И, дабы успокоить Кожевникова, Владимир Ильич становился на одну эту ногу, демонстрируя полную ее дееспособность. 24 августа вернулся Ферстер, и вместе с Крамером они стали буквально через день приезжать в Горки.

Все их исследования устойчивости внимания, зрительной и слуховой памяти, запоминания, утомляемости и т. п. давали самые хорошие результаты. К этой работе привлекли и доктора А.П. Нечаева, у которого были свои методы психологического тестирования. И, как записано в книге дежурных врачей, его «результат получился весьма хорошим»²¹¹⁷.

Посоветовавшись, врачи удлиннили время прогулок, разрешили читать научную и иностранную литературу. Но главное – пообещали через месяц выписать на работу, а пока продлили время свиданий до часа. И все, кто приезжал после этого, – 25-го Раковский, 27-го Каменев, 29-го Скворцов-Степанов, 30-го утром опять Сталин – укладывались в данный лимит. А вот 31-го разговор со Свидерским затянулся на 1 час 20 минут.

«Я уже почти здоров...»

В эти последние дни августа одной из тем, привлекавших особое внимание Владимира Ильича, стал вопрос о взаимоотношениях РСФСР с другими советскими республиками. Вероятнее всего, именно с этим были связаны и два часовых визита Сталина (23-го и 30-го), и беседа с предсовнаркома Украины Раковским (25 августа).

Дело в том, что по мере реализации новой экономической политики эта проблема становилась все более актуальной. Секретарь ЦК КП Украины Дмитрий Мануильский писал по этому поводу Сталину: «Опыт истекшего года показал, что то

положение, которое создалось на окраинах и, в частности, на Украине, приводящее к ряду конфликтов между ведомствами центра и мест, дальше длиться не может. Это положение, приводящее к тому, что ответственные товарищи должны тратить три четверти своего времени на урегулирование конфликтов, должно быть радикально пересмотрено, ибо оно не отвечает более объективной обстановке».

Мануильскому удалось наиболее полно выразить отношение к проблеме управленцев-прагматиков, той части «ответственных товарищей», которые сожалели о том, что им приходится «тратить три четверти своего времени» из-за какой-то «независимости». В годы революции и гражданской войны, считал он, – «это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьезнейшую “Вандею”. Изменение экономической политики внесло успокоение в деревню, выбив почву из-под ног политических сепаратистов, пытавшихся использовать экономику для своих целей».

«Нынешняя форма взаимоотношений, – писал он, – изжила себя, и на место единого руководства у нас создается несколько “хозяев”, что не может не отражаться губительно на самом хозяйстве. Теперь, когда в нашем административном аппарате надлежит установить и поднять чувство ответственности за порученное каждому дело, эта система двойственности вносит лишь путаницу и затрудняет положение с хозяйственным возрождением страны»²¹¹⁸.

Необходимость урегулирования взаимоотношений между РСФСР и независимыми советскими республиками, но с иных позиций, отстаивал и председатель Совнаркома Украины Христиан Раковский. Он полагал необходимым признать, что «Советская федерация не является однородным национальным государством», а посему важно «выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех одинаковые условия революционного строительства, объединяла бы рабочий класс всех национальностей России на основе равноправия...»

Раковский считал, что НЭП освободил «мелкобуржуазную капиталистическую стихию не только в окружающей среде, но и у самих наших государственных органов и государственных хозяйственных объединений. Они стали проявлять ту же жадность к наживе и то же стремление к захвату, которое характерно вообще для капитализма, безразлично, является ли он государственным или частным. Ясно выразилась борьба за захват предприятий между центральными органами и местными органами».

Это особенно недопустимо теперь, когда «при страшной нищете, переживаемой республикой, все национальные расовые чувства обострились и сам пролетариат поддался общей мелкобуржуазной стихии». Все это говорит о том, что «необходимость урегулирования этих отношений между центром и местами для более правильного распределения всех благ страны между трудовыми массами всей федерации несомненна»²¹¹⁹.

С необходимостью безотлагательного решения указанных проблем был целиком согласен и Сталин. «Мы пришли к такому положению, – писал он Ленину, – когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т. н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе»²¹²⁰.

В конце концов 10 августа Политбюро заслушало доклады Раковского и Мануильского «О взаимоотношениях между РСФСР и Украиной» и постановило образовать комиссию Оргбюро ЦК, которая должна к октябрьскому Пленуму ЦК РКП(б) подготовить предложения по более общему вопросу: о взаимоотношениях РСФСР со всеми независимыми советскими республиками «для оформления его потом в советском порядке».

На следующий день, 11-го, комиссия Оргбюро была сформирована. В нее вошли: Сталин, Куйбышев, Раковский, Орджоникидзе, Сокольников, А. Мясников (Армения), Агамали

оглы (Азербайджан), Мдивани (Грузия), Г. Петровский (Украина), Червяков (Белоруссия), Янсон (ДВР), Ф. Ходжаев (Бухара) и А. Ходжаев (Хива). Созыв комиссии возлагался на Куйбышева, но ее фактическим руководителем был Сталин²¹²¹.

Вскоре после этого, как рассказывал Сталин, «по просьбе тт. Орджоникидзе, Кирова и Мясникова, в присутствии этих товарищей», он написал набросок тезисов об объединении республик, который и привез Ленину²¹²².

Первый пункт этого документа говорил о том, что Октябрьский переворот показал: решение национального вопроса в бывшей Российской империи возможно лишь «в форме самостоятельных национальных республик». Второй пункт утверждал, что в годы Гражданской войны стало очевидным: отстоять национальное раскрепощение можно только «военным союзом всех советских республик». В третьем – что начало восстановительного периода доказало: только «хозяйственным союзом» республик можно достигнуть общего экономического подъема. Четвертый пункт говорил о том, что Генуя и Гаага показали, что лишь «единым дипломатическим и внешнеторговым фронтом» можно отстоять само существование советских республик. И наконец, пятый – что внешней безопасности и умножения материальных богатств можно достигнуть «только более тесным военно-хозяйственным союзом всех советских республик».

Общий вывод: необходимо завершить процесс объединения республик «в одну федерацию, слив военное и хозяйственное дело и внешние сношения (иностранные дела, внешняя торговля) в одно целое, во всем остальном сохраняя за республиками самостоятельность, полную автономию во внутренних делах»²¹²³.

Как видим, тезисы ограничивались общей постановкой вопроса о федерации, не определяя ее конкретные организационные формы. И, как писал Сталин в 1923 году, когда он ознакомил с этим документом Владимира Ильича, проект был «одобрен им в бытность мою у т. Ленина в "Горках", кажется, в

конце августа п/г»²¹²⁴. Какие именно мысли и рекомендации были высказаны при этом Владимиром Ильичом, Сталин не указал. Но сразу после этого свидания Сталин пишет первоначальный проект предложений для комиссии ЦК по вопросу об объединении республик, который как раз и проясняет сущность соображений, высказанных Владимиром Ильичом.

Первое: «Признать своевременным объединение республик: РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации в Союз Сов. Соц. Республик». Второе: «В основу объединения положить принцип добровольности равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из союза». Это были два – хорошо узнаваемых ленинских «гвоздя», на которых держалась его концепция решения проблемы объединения.

Комиссии ЦК поручалось также выработать проект Декларации об образовании Союза и проект Договора о создании Союза, предусмотрев образование «союзных законодательных и исполнительных органов», слияние республиканских комиссариатов – Военно-Морского, Иностранных дел, Внешней торговли, Путей сообщения, Почт и телеграфов в союзные наркоматы и подчинение республиканских наркоматов – НКФ, НКПрод, ВСНХ, НКТруд, РКИ директивам соответствующих комиссариатов Союза. Оба проекта комиссия должна была представить на одобрение Президиума ВЦИК, а затем внести на рассмотрение Первого съезда Советов СССР²¹²⁵.

Принципиальные вопросы объединения республик были, таким образом, обговорены, и можно было надеяться, что работа по созданию Союза будет успешно завершена. Может быть, отчасти и поэтому самочувствие у Владимира Ильича все эти дни было очень хорошим.

Самое важное – врачи отметили принципиальный перелом в настроении своего пациента. «Во время визитации, – записывает 1 сентября Кожевников, – В.И. очень бодр. Теперь он не сомневается в том, что здоровье восстанавливается вполне». Теперь его уже беспокоит «мысль о том, что еще целый месяц нельзя будет приступить к обычным занятиям». Но порадовало

другое решение консилиума: «При желании, в хорошую погоду, В.И. может прокатиться в экипаже»²¹²⁶.

И уже 2 сентября, после полуторачасовой беседы с Зиновьевым, в 18 часов, впервые за время болезни, Ленин выехал за пределы Горок. После стольких дней вынужденного лежания, сидения, вышагивания по исхоженным аллеям знакомого парка, после всяческих ограничений ему хотелось вырваться из привычного круга, и он «все время просил пускать лошадей полным ходом». Проехали 10 верст. Остановились в лесу. Владимир Ильич вышел из экипажа, погулял, а потом пустились в обратный путь. После 20-верстовой езды никакой «усталости В.И. не ощущал»²¹²⁷.

На следующий день поездка повторилась, а когда после полуторачасовой прогулки Ленин вернулся в Горки, пустили фотографов, которые и запечатлели его в экипаже, в саду, с детьми и в комнате. «Настроение бодрое, веселое, голова не болит», – записывает Кожевников. В этот день «много разговаривал со мной об отвлеченных вещах»²¹²⁸. И можно лишь пожалеть о том, что Алексей Михайлович не написал, о каких именно «отвлеченных вещах» они беседовали.

Прогулки стали ежедневными. Погода стояла хорошая, и 4, 5, 6, 7, 8-го (6-го вместе с Надеждой Константиновной, а 7-го – с Марией Ильиничной) они уезжали в лес. Там он много гулял, собирал грибы, а иногда, где-нибудь на лужайке, зажмурив глаза, сидел на солнышке. Продолжались и свидания.

4 сентября целый час беседовал с Дзержинским. Они не виделись достаточно долго, и Феликс Эдмундович проинформировал о ходе операции по высылке наиболее активных представителей «антисоветской интеллигенции». В ночь с 16 на 17 августа, по заранее подготовленным спискам, в Москве, Петрограде и некоторых других городах было арестовано более ста человек (в Москве – 61, в Питере – 35), которым предъявили постановление коллегии ГПУ о высылке на три года за границу²¹²⁹.

Списки составлялись на протяжении всего августа, была подготовлена и смета расходов. На одного депортируемого отпускалось около 212 млн рублей дензнаками 1922 года: германская виза – 49 млн, железнодорожный билет от Москвы до Себежа – 15 млн, билет от Себежа до Берлина – 13 тысяч германских марок (по курсу 1 тыс. марок = 6–7 млн рублей), питание на двое суток до Себежа – 8 млн рублей, от Себежа до Берлина 2 тыс. марок и временное пособие – 5 тыс. марок²¹³⁰.

Впрочем, вскоре выяснилось, что часть отъезжающих (33 человека) заявили о желании уехать с семьями за свой счет. И по маршруту не Москва – Берлин, а до Риги, или на пароходе от Петрограда до Штеттина. Их сразу освободили, дав неделю на сборы²¹³¹.

Освободили из-под ареста, помимо 12 человек, находившихся под домашним арестом, также профессора Н.О. Лосского и журналиста Н.М. Волковысского, которые взяли на себя работу по оформлению документов. Им предоставили автомобиль, и на их плечи легли все хлопоты по получению виз, по обмену рублей на инвалюту для депортируемых и их семей²¹³².

30 августа газета «Известия» опубликовала интервью Троцкого американской корреспондентке Л.А. Стронг. «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, – заявил он, – сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальные орудия в руках наших возможных врагов.

В случае новых военных осложнений... все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением»²¹³³.

Сохранилась краткая запись Дзержинского о его беседе с Владимиром Ильичом: не полагаясь только на сотрудников ГПУ,

«тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределить между ними всю литературу».

Своему зампреду по ГПУ Дзержинский пишет более подробно: из-за отсутствия компетентных людей «у нас в этой области большое рвачество и кустарничество... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения...

Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть»²¹³⁴.

На следующий день после встречи с Дзержинским, 5 сентября, Ленин полтора часа беседовал с Калининым. «Владимир Ильич, – записал в своем дневнике Михаил Иванович, – был довольно оживлен, думает с октября приступить к работе, хотя опасается, как бы врачи не запретили»²¹³⁵.

5 сентября, как и 16 августа, дабы не затруднять врачей согласованиями, Ленин напрямую пишет записку Сталину с просьбой прислать к нему в Горки председателя Средазбюро ЦК РКП(б) Яна Рудзутака и председателя правления Центросоюза Льва Хинчука. Хинчук приехал на следующий день. Повод для вызова был вполне конкретный. Один из эмигрантов, некто А.С. Орлов, издал за границей брошюру, направленную против российского Центросоюза. Владимир Ильич расспросил Льва Михайловича о работе кооперации и предложил ему в двухнедельный срок написать брошюру, обобщающую первый опыт деятельности Центросоюза в условиях НЭПа²¹³⁶.

В эмигрантской прессе, которую читал в эти дни Ленин, гораздо больше, нежели брошюра Орлова, огорчило Владимира Ильича письмо Горького Анатолю Франсу, опубликованное в «Социалистическом Вестнике» 20 июля. Начавшийся тогда процесс над эсерами Горький оценил как приготовление «к убийству людей, искренне служивших делу освобождения

русского народа», и просил Франса обратиться к советскому правительству, дабы это «преступление» предотвратить и «сохранить ценные жизни социалистов».

Первое желание, возникшее у Ленина, – ответить. «Думал было обругать его в печати (об эсерах), – пишет он Бухарину в Германию 7 сентября, – но решил, что, пожалуй, это чересчур». Со времени написания Горьким письма прошло более двух месяцев, со дня окончания суда, сохранившего «ценные жизни социалистов», – месяц. «Я мало видел газет (заграничных почти не видал). Значит, и “обстановку” мало знаю», – продолжает Владимир Ильич и просит Бухарина: «Может быть, Вы его видите и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение». А в конце письма дописывает: «P.S. Я уже почти здоров»²¹³⁷.

Накануне, 6-го, он завел разговор с Ферстером и Крамером относительно того, нельзя ли ему «начать знакомиться с делами» ранее 1 октября. Он продолжил его и в следующий их приезд 8-го. Но ответ был, видимо, слишком уклончивым: ссылались на то, что после интенсивных бесед вновь появляются признаки расстройства сна, нелады с желудком.

Это ужасно расстроило Владимира Ильича. «По-видимому, В.И. угнетает то, – записал Кожевников 9-го, – что здоровье еще не вполне восстановилось. Он рассчитывал, что в сентябре будет уже совершенно здоров, но ожидания эти не вполне оправдались, и, по-видимому, это очень огорчает В.И.»

Кожевникову Ленин сказал, что «свое теперешнее нервное состояние он сравнивает с тем, какое у него было еще в 1897 году, когда В.И. сидел в тюрьме и боялся, что его не выпустят в указанный срок. Тогда тоже была бессонница и нелады с кишечником». Потом это повторялось дважды – в конце ссылки и в эмиграции, и оба раза это было связано с нервным перенапряжением²¹³⁸.

Свиданий, однако, Ленин не прекращает. После трехдневного перерыва, в воскресенье 10-го, приезжает Томский. Еще до этого он просил Владимира Ильича написать письмо V Всероссийскому съезду профсоюзов, который

открывался 17 сентября. Ленин ответил, что ему не хотелось бы «ограничиться общим и простым приветствием», а посему «надо побеседовать более или менее обстоятельно о какой-нибудь специальной теме». Вот и поговорили они об этом в Горках полтора часа²¹³⁹.

11 сентября состоялся консилиум: приехали профессора Ферстер, Крамер и Гетье. Решили дату выхода Владимира Ильича на работу, хотя и с определенными ограничениями во времени и нагрузке, не менять. «Настроение получше, – фиксирует Кожевников, – т. к. еще раз В.И. было категорически заявлено, что с 1 октября он сможет приступить к работе... Был оживлен, шутил». Повод нашелся. Профессор Гетье между прочим заметил, что пациент несколько пополнил: прогулки в экипаже – это хорошо, но было бы полезно побольше ходить пешком, – сказал он²¹⁴⁰.

Но за всеми шутками и независимо от «ограничений» врачей Владимир Ильич сам прекрасно понимал, что к прежнему режиму работы возврата не будет. Из этого следовало сделать самые серьезные выводы. А прежде всего позаботиться об укреплении Совнаркома и СТО. И в этот же день Ленин пишет письмо «Секретарю ЦК т. Сталину» для голосования «членов Политбюро по телефону».

«Ввиду того, что т. Рыков получил отпуск с приезда Цюрупы (приезд ожидается 20.IX), а мне врачи обещают (конечно, лишь на случай, если ничего худого не будет) возвращение на работу (вначале очень умеренную) к 1.X, я думаю, что на одного т. Цюрупу взваливать всю текущую работу невозможно, и предлагаю назначить еще двух замов (зампред СНК и зампред СТО), именно: т. Троцкого и Каменева. Распределить между ними работу при участии моем и, разумеется, Политбюро, как высшей инстанции»²¹⁴¹.

Казалось бы, все понятно. СНК и СТО надо укрепить, и Ленин выкатывает туда две «здоровые пушки» – Троцкого и Каменева. Но все понятно, если смотреть на это с точки зрения дела. А вот если взглянуть на данное предложение через призму личных отношений, то все сразу осложняется.

Первым в перечне фамилий у Ленина стоит Троцкий – значит, он идет на зампреда СНК, а Каменев – на зампреда СТО, но это менее значимая должность, ибо СТО – всего лишь комиссия Совнаркома. Помимо этого, хотя в письме и оговаривалось, что Политбюро остается «высшей инстанцией», из семи его членов уже четверо, то есть большинство, оказывается в Совнаркоме. Иными словами, такая передвижка могла существенно изменить тот расклад сил, который сложился за время болезни Ленина.

Получив ленинское письмо, Сталин на следующий день, 12 сентября, приезжает в Горки. Они проговорили более двух часов. После отъезда Сталина, размышляя о беседе (и памятуя о совете Гетье), Владимир Ильич долго гулял: «ходил в санаторий во вторую дачу (около ½ версты), там долго сидел, вернулся домой, обошел без отдыха весь парк и фруктовый сад» – это запись Кожевникова. На следующий день, 13-го, состоялась двухчасовая беседа Ленина с Каменевым, причем половина ее проходила конфиденциально в саду²¹⁴².

Между тем на ленинском письме Сталин делает пометы: «Совершенно секретно», подчеркивает слова «по телефону», а по существу предложения Ленина пишет: «За (Сталин)». Встретившись с Троцким, он показывает ему письмо и от себя добавляет, что Льву Давыдовичу предполагается отдать под «специальное попечение» ВСНХ.

Выстраиваться в один ряд с другими зампредами СНК, как и вообще погружаться в мелочную рутину хозяйственных дел, проходящих через ВСНХ, Троцкий явно не хотел. Помимо этого, он как раз собрался в отпуск для подготовки доклада конгрессу Коминтерна. «Если ЦК назначит, – якобы заявил он, – то, разумеется, как всегда, подчинюсь ЦК, но... буду смотреть на такое решение, как на глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений».

И тут же, прямо под голосованием Сталина – «За», Троцкий пишет: «Категорически отказываюсь». Остальных членов Политбюро Сталин опрашивает по телефону: Рыков – «за»,

Томский – «воздерживаюсь», Калинин – «не возражаю, Каменев – «воздерживаюсь».

Полученный результат (три «за», двое – «воздержались», один – «против») Сталин сразу же оформляет официальным протоколом. 14 сентября, без приглашения Троцкого на заседание, Политбюро принимает решение: «Политбюро ЦК с сожалением констатирует категорический отказ т. Троцкого и предлагает т. Каменеву приступить к исполнению обязанностей заместителя с приезда т. Цюрупы»²¹⁴³.

В эти дни состоялся и разговор Троцкого с Лениным (видимо, по телефону), в котором он изложил мотивы своего отказа. Заместитель у председателя СНК должен быть один, полагал Троцкий, причем постоянный и освобожденный от других постов. А существование «коллегии замов», каждый из которых несет множество других функций – наркомов, а уж тем более совмещение поста председателя ВСНХ, он считает совершенно нецелесообразным.

Владимир Ильич заметил, что ни о каком кураторстве ВСНХ или другого хозяйственного ведомства речь не шла, и он предполагал отдать под наблюдение Троцкого прежде всего Наркомпрос. Но коли Лев Давыдович не хочет, Владимир Ильич «против моего желания не станет предлагать меня в замы». В принципе же он согласен, что вопросы структуры органов управления и подбора кадров действительно нуждаются в серьезном изучении и обсуждении. Так изложил суть беседы Троцкий²¹⁴⁴.

Можно полагать, что такая версия имела под собой реальные основания. Именно в это время в Наркомпросе обострился конфликт между Луначарским и комфракцией профильного профсоюза, которая обвинила его в полном развале всей школьной работы. Дело дошло до того, что комфракция обратилась в ЦК партии с просьбой заменить Луначарского Троцким, чтобы он «железной рукой» навел порядок в школьном деле.

Очевидно, что предлагать Троцкому опекать ВСНХ, который уже курировали по линии СНК такие «крепкие хозяйственники»,

как Цюрупа и Рыков, Владимир Ильич не мог. Не мог он, в дополнение к наркомвоену, предлагать и пост наркома просвещения. А вот в качестве зампреда СНК заниматься проблемами культуры, образования и просвещения, которым Ленин придавал первостепенное значение, – это вполне могло иметь место.

Надо сказать, что любой самый простой вопрос, если его политизировать, а тем более перенести в сферу личностных отношений, может приобрести скандальный, а главное – тупиковый характер. Поэтому даже к самым искренним свидетельствам участников тех или иных интриг или склок сам Ленин относился весьма критически. Мария Ильинична справедливо написала о Владимире Ильиче: «Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела...»

И она подробно характеризует отношение Ленина к Троцкому и Сталину: «На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича "хулиганом". В.И. побледнел, как мел, но сдержался. "Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают", что-то вроде этого сказал он на эту грубость...

Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал – слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В.И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела...

Чего ему это стоило – вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они – люди крайне честолюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела... Авторитет В.И. сдерживал их, не давал этой неприязни достигнуть тех размеров, которых она достигла после смерти В.И. Думаю, что по ряду личных причин и к Зиновьеву отношение В.И. было не из хороших. Но тут он опять-таки сдерживал себя ради интересов дела»²¹⁴⁵.

Все это Мария Ильинична написала предельно лаконично и точно. А вот ее соображение относительно того, что предложение Троцкому стать зампредом СНК, сделанное Лениным 11 сентября, носило «характер дипломатии», вызывает сомнения, ибо переносит вопрос в столь неприятную для Владимира Ильича зыбкую сферу интриг. А ее сделанное тут же указание на то, что за время ленинской болезни Зиновьев так ни разу и не появлялся в Горках, фактически неточно²¹⁴⁶.

Все, видимо, было и проще и сложнее. Именно после консилиума 11 сентября Владимир Ильич убедился в том, что работать в прежнем режиме не сможет и что надо укреплять СНК. Сама Мария Ильинична там же пишет, что по отношению к Троцкому Ленин стремился «сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним». Поэтому и написал он в этот день указанное письмо. Троцкий отказался?! Что ж, насильно на такие посты не назначают. Вот и все.

Ленин думал только о деле и не до «дипломатии», а говоря проще – не до интриг ему было. Как говорят в таких случаях – «не царское это дело». Вот сентябрьская запись врача Алексея Михайловича Кожевникова: «В.И. видит, что он еще недостаточно поправился не только для большой работы, но даже не уверен, что сможет ее нести в том размере, как это было выработано. Сомневается В.И. и в том, что сможет выступить с большой речью на конгрессе Коминтерна»²¹⁴⁷.

В связи с предстоящим конгрессом Ленин 18 сентября пишет Зиновьеву: «Насчет докладчика я согласен условно: 1) Троцкий должен быть тоже для замены (и для самостоятельного доклада); 2) я вправе надуть, но только если здоровье или дела не позволят»²¹⁴⁸.

Он думал только о деле. Поэтому все те дни, когда происходили описанные выше события, он и занимался только делом, а не выяснением отношений. Именно в эти дни его беспокоит ход переговоров Красина с Лесли Уркартом, завершившихся как раз 9 сентября подписанием в Берлине предварительного концессионного договора. Изучив его и сопоставив с выводами комиссии И.К. Михайлова, обследовавшей

сдававшиеся в концессию предприятия Урала и Алтая, Владимир Ильич 12 сентября направляет письмо Сталину с просьбой «довести это до сведения членов Политбюро».

«Прочитав договор Красина с Уркартом, – пишет Ленин, – я высказываюсь против его утверждения». Его беспокоит ряд пунктов. И прежде всего пункт о финансировании советским правительством работ по восстановлению предприятий, разрушенных в годы Гражданской войны. Уркарт принимал самое активное участие в финансировании интервенции против Советской России. Комиссия Михайлова доказала, что «в разрушениях виноваты не мы, а иностранцы. И мы же будем платить!!»

С самого начала концессии замышлялись как один из способов восстановления народного хозяйства. Но если заводы, шахты, рудники надо восстанавливать самим, за свой счет, то иностранные концессии во многом утрачивают свой смысл. И этот договор создает на будущее прецедент, «наверное и непременно будет прецедентом. Фактически так сложится непременно и невзирая ни на какие слова и заверения». Суть дела в том, пишет Ленин, что, «обещая нам доходы через два или три года, Уркарт с нас берет деньги сейчас. Это недопустимо... Это кабала и грабеж»²¹⁴⁹.

18 сентября вернувшийся из Берлина Красин приехал в Горки. Они беседовали долго – 2,5 часа. Кожевников записал: «По-видимому, В.И. несколько взволновало при свидании с Красиным обсуждение одного вопроса о концессии». Но переубедить Ленина Леонид Борисович так и не смог. В этот день Владимир Ильич написал Зиновьеву: «Насчет Уркарта я отказываюсь от своих колебаний», то есть выступаю решительно против такой концессии.

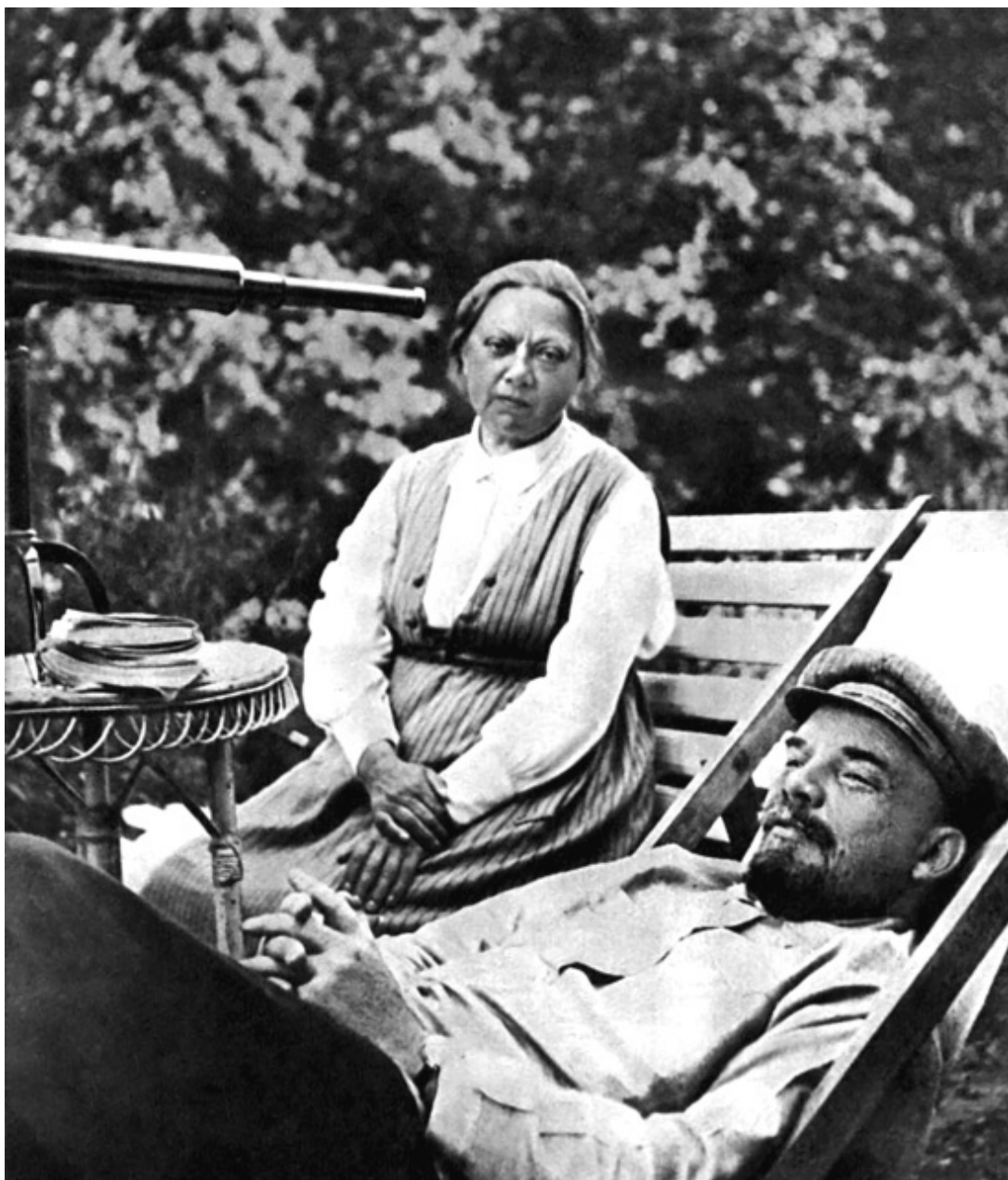
Доводы те же, что и в письме от 12 сентября, плюс – слишком долгий срок концессии (99 лет) и «необъятность размеров» (Кыштым, Таналык, Риддер, Экибастуз). Тем более что переговоры Красина с американской компанией «Интернэйшнл Барнедолл корпорейшн» создавали куда более благоприятный прецедент. 20 сентября 1922 года они завершились подписанием

двух договоров сроком на 15½ лет на эксплуатацию Балаханских нефтяных промыслов (Баку) и на бурение новых скважин. Уж тут-то выгода для страны была несомненна²¹⁵⁰.

Сказать, что болезнь отступила и он совершенно забыл о ней, нельзя. Всю неделю, с 9 по 15 сентября, он ни разу не выезжал в лес, и 15-го трижды почувствовал легкие спазмы в конечностях. Никаких патологических изменений Ферстер и Крамер не отметили, но обязали Владимира Ильича к ежедневному двухчасовому послеобеденному отдыху. Однако в «режим» он никак не укладывался. 16-го поехал на лошади на прогулку в лес и гулял так долго, что за ним пришлось посылать автомобиль²¹⁵¹.

17-го Мария Ильинична записывает в своем дневнике: «Здоровье Ильича все улучшается. Завтра Ферстер будет в последний раз перед отъездом в Германию... За последние дни много гуляем. На днях ездили довольно далеко в лес за брусникой. Ильич очень любит детей... и с крестьянскими ребятами у него всегда длинные и веселые разговоры. Часто бывало, мы дорогой набирали целый автомобиль белокурых головенков и катали их. На этот раз тоже был забран один мальчуган, который вызвался указать нам дорогу. Ильич всю дорогу весело разговаривал с ним»²¹⁵².

Но долгие прогулки становились все реже и реже, ибо, несмотря на все врачебные ограничения, текущие дела начинают буквально захлестывать Владимира Ильича. 12-го, в продолжение своего разговора с Хинчуком (6 сентября), Ленин пишет ему письмо. Брошюра о работе кооперации в условиях НЭПа – это не «отповедь» эмигрантской прессе. Ее задача – анализ роста торгового оборота Центросоюза, размеров и числа мест продаж по деревням и районам. «Вообще мне кажется необходимым, – пишет Ленин, – иметь точные данные для характеристики того, как глубоко проникает оборот в деревню и как широко и как именно».

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках, 1922 год

Через несколько дней, вдогонку, когда уже идет корректура, он посылает Хинчуку письмо с просьбой добавить данные о том, «в скольких волостях (и %) и в скольких деревнях (и % от всех деревень) есть пункты продажи?». Как определяются продукты первой необходимости и предметы роскоши? Относится ли к предметам роскоши чай, и какова его максимальная цена? И

особо – как идет продажа сельхозорудий? Заканчивает Владимир Ильич письмо словами: «P.S. Брошюра очень хороша»²¹⁵³.

13 сентября, выполняя договоренность с Томским, он заканчивает проект письма V Всероссийскому съезду профсоюзов и просит Сталина показать его Томскому (а если надо, другим членам Политбюро) и вернуть «переписанным на машине, завтра же. 17-го, на первом же заседании съезда, Томский зачитывает это письмо Ленина.

«Мне первый раз приходится после долгой болезни, – писал Ленин, – выступить – хотя бы и письменно – перед съездом. Позвольте мне поэтому ограничиться горячим приветствием и немногими краткими словами о положении и задачах нашей промышленности и нашей республики». Казалось бы, в таких случаях всероссийской рабочей аудитории надо сказать что-то оптимистическое, бодрящее, многообещающее... Другие, возможно, так и сделали. Но это был не тот жанр, которым пользовался Владимир Ильич в общении с рабочими.

«Наше положение, – продолжает он, – особенно трудно, потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая “тяжелая индустрия”, есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа...

Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее. Во всем мире мы пока остаемся одни...

Пока мы остаемся одни, задача восстановления нашего народного хозяйства ложится на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевлять наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох... Усилить и улучшить работу – в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти».

970 делегатов съезда, представлявших более 5 миллионов организованных рабочих, прислали Ленину ответ: «От одной мысли, что Вы опять с нами, что мы опять увидим Вас за рулем – наша бодрость увеличивается, и вера в окончательную победу превращается в уверенность... Мы приложим все усилия к тому, чтобы наша крупная промышленность была в ближайшие же годы восстановлена в размерах, далеко превышающих довоенные»²¹⁵⁴.

Вечером 20 сентября, после отпуска, в Горки приехал Бухарин. Он встретился с Лениным, а на следующий день пришел утром, и, как отметил Кожевников, «за завтраком В.И. был весело настроен, много смеялся и шутил в разговоре с Бухариным»²¹⁵⁵.

Возможно, от него Владимир Ильич и узнал, что в комиссии Оргбюро ЦК по вопросу об объединении советских республик, о работе которой они беседовали со Сталиным в конце августа, возникли проблемы. Как раз 23-го и 24-го в комиссии должны были обсуждать итоговую резолюцию, поэтому накануне, 22-го, Ленин пишет записку Сталину с просьбой сообщить – как в конечном счете решается в комиссии ЦК данный вопрос²¹⁵⁶.

Сталин ответил в тот же день большим письмом. И выяснилось, что «единомыслие» Сталина с Лениным по вопросу об объединении республик, проявившееся в проекте резолюции о создании СССР, было связано не столько с принципиальным согласием Сталина, сколько, по-видимому, с желанием успокоить Владимира Ильича и не втягивать его в дебаты по существу дела. Впрочем, это лишь догадки. Но факт остается фактом – тот «первоначальный проект», который они обговаривали с Лениным в конце августа, в комиссии не обсуждался, уступив место другому документу, внесенному Сталиным, а именно «Проекту резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками».

В нем оба ленинских «гвоздя», о которых упоминалось выше, были просто выдернуты. Ибо принцип равноправия всех республик и, как было записано, добровольное «объединение республик: РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказской

федерации в Союз Сов. Соц. Республик» подменялось иной формулой – «вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР», то есть федерация республик заменялась их автономизацией²¹⁵⁷.

Современный исследователь В.А. Сахаров пишет, что автор термина «автономизация» неизвестен, что корни его – в тех интригах, которые развернулись позднее, а Сталин при обсуждении принципов объединения республик в сентябре 1922 года им не пользовался. Между тем как раз в письме Сталина Ленину от 22 сентября он пишет именно об «автономизации» как о наиболее целесообразном решении²¹⁵⁸.

Сахаров прав, полагая, что сталинский «проект резолюции» мог появиться в первых числах сентября. Во всяком случае, уже 11-го он обсуждался в Баку на пленуме ЦК КП Азербайджана, 15-го – на заседании ЦК КП Грузии, 16-го – на пленуме ЦК КП Армении, президиуме Заккрайкома РКП, на пленуме Центрального бюро КП Белоруссии²¹⁵⁹.

У сторонников «автономизации» – тех руководящих работников, которые на практике сталкивались с проблемами управления страной, были свои аргументы. Сталин изложил их в указанном письме к Ленину. Тот полный хаос, который существует в отношениях между «центром и окраинами», – считал он, приводит к тому, что постановления центральных органов РСФСР (СНК, СТО, ВЦИК) «необязательны для независимых республик». Сплошь и рядом они их отменяют. А когда центр блокирует подобные решения, это вызывает протесты против «незаконных действий» Москвы.

«Вмешательство ЦК РКП в таких случаях, – пишет Сталин, – происходит обычно после того, как центральные учреждения окраин уже дали свои декреты, отменяемые потом центральными учреждениями Москвы, что создает волокиту и тормоз в хозяйственных делах и вызывает на окраинах недоумение среди беспартийных и раздражение среди коммунистов»²¹⁶⁰.

Поэтому, полагал Сталин, вопрос стоит просто. «Одно из двух: либо действительная независимость и тогда – невмешательство центра, свой НКВД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению, а постановления ВЦИК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик;

либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т. е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, владения, земледелия и прочее»²¹⁶¹.

В приведенном выше письме Мануильского Сталину от 4 сентября Дмитрий Захарьевич писал, что необходима «ликвидация самостоятельных республик», ибо их «независимость» являлась лишь тактическим ходом, вынужденным обстоятельствами гражданской войны. В письме Ленину Сталин выразил эту мысль еще более определенно.

«За четыре года гражданской войны, – писал он, – когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах...

Молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и так же упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик.

Сейчас речь идет о том, – писал Сталин, – как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость

благоприятствует работе». Исходя из всего вышесказанного, Сталин и предлагал свой план «автономизации»²¹⁶².

В том проекте резолюции, который он внес в комиссию Оргбюро ЦК, столь откровенных размышлений, естественно, не содержалось. В ней вообще ни разу не упоминалось ни о Федерации, ни о Союзе. Зато в резолюции детально прорабатывался вопрос о том, «кого – куда»: какие комиссариаты остаются только в Москве, какие, оставаясь в республиках, подчиняются директивам соответствующих наркоматов РСФСР, а какие могут себя «считать самостоятельными». Республиканские органы борьбы с контрреволюцией соответственно подчинялись ГПУ РСФСР.

Поскольку, как видим, решение вопроса об объединении приобретало сугубо административный характер, в проекте резолюции специально указывалось, что он не подлежит публикации, а передается «как циркулярная директива» для проведения в советском порядке через республиканские ЦИКи или съезды Советов с последующими выступлениями на Всероссийском съезде Советов с соответствующими декларациями, выражающими «пожелания этих республик»²¹⁶³.

Как и следовало ожидать, данный проект вызвал самые различные толки. Секретарь ЦК КП Украины Мануильский, как мы видели, целиком поддерживал «ликвидацию самостоятельности республик», а вот председатель СНК Украины Христиан Раковский выступил решительно против.

В отличие от Мануильского и Сталина, он не смотрел на объединение республик как на проблему взаимоотношений «центра и окраин». Для него вопрос о независимости был производным от принципов национальной политики партии. Однако, «вместо того, – писал он, – чтобы выработать действительную федерацию... на основе равноправия, данный проект проходит мимо этой задачи. Данный проект игнорирует, что советская федерация не является однородным национальным государством»²¹⁶⁴.

Федеративная система управления, считал Раковский, должна быть «строго централизованной», а главные

природные богатства республик «могут быть объявлены кондоминиумом, т. е. общей собственностью Советского Союза». Но сужение хозяйственной инициативы республик с ликвидацией самостоятельности лишь ограничит их возможности в развитии местных производительных сил.

Тем более что в проекте говорится об обязанностях республик, «о подчинении директивам центра, но ничего не сказано о правах» республиканских органов управления. Они «живут при полном неведении, что им позволено... и часто рискуют быть уличены или в отсутствии инициативы, или в действиях, имеющих сепаратистский характер»²¹⁶⁵.

И еще: формальное упразднение независимости не только «умаляет революционно-освободительную роль пролетарской России». Оно ослабляет ее влияние за пределами страны. Ибо «форма независимых республик давала нам возможность производить максимум революционного эффекта на всех окраинах, а также за границей.

Посредством независимого Азербайджана, Бухары, Хивы и пр. Советская федерация получала возможность оказывать максимум мирного революционного проникновения на восток. Посредством независимой Советской Украины – Советская федерация имела возможность совершать такое же революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьезной надобности мы сами себя лишаем этого оружия...»²¹⁶⁶.

Посылая это письмо Сталину, Раковский одновременно в письме Мануильскому заявлял: «Я считаю своим партийным долгом реагировать против резолюции по взаимоотношениям РСФСР с независимыми республиками, находя ее вредной для укрепления позиций Советской власти на всех окраинах»²¹⁶⁷.

Проблемы возникали и на Кавказе, особенно в Грузии. Предвидя их, Сталин направил туда Орджоникидзе, Енукидзе и Сокольников. В Баку все прошло гладко. 11 сентября пленум ЦК КП Азербайджана постановил: признать необходимым формальное закрепление «единства Азербайджана с Россией на началах широкой автономии». Агиткампании по этому поводу

решили не проводить, но «вести подготовительные работы, с целью выяснения отношений к этой реформе широких слоев рабочих и крестьян»²¹⁶⁸.

Орджоникидзе из Тифлиса шлет телеграмму в Эривань секретарю ЦК КП Армении С.Л. Лукашину (Срапионяну): «По тезисам, которые я тебе передал, ЦК Азерб. КП и ряд уездов вынесли положительное решение. Здесь ЦК, по-видимому, будет брыкаться. Необходима поддержка ЦК Армении. Если пленум нельзя созвать, то хотя бы решение президиума и ответственных товарищей к субботе вечеру»²¹⁶⁹.

ЦК КП Грузии, собравшийся 15 сентября, действительно стал «брыкаться». Члены ЦК – большинством пять против одного (Элиава), а также шесть кандидатов в члены ЦК приняли решение: «Предлагаемое на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме автономизации независимых Республик считать преждевременным. Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости». Всего на этом заседании присутствовало 25 человек. Но против данного решения голосовали лишь шестеро: Орджоникидзе, Енукидзе, Киров, Сокольников, а также Гогоберидзе и Кахиани. Старейший грузинский партиец Миха Цхакая воздержался. В партийные массы данный вопрос решили не переносить.

16-го пришла телеграмма от Лукашина: «Пленум Цема КП Армении и Эриваньского комитета КПА и совещание ответственных работников единогласно высказались за тезисы по вопросу о политико-экономических взаимоотношениях Совреспублик и вынесли определенную мотивированную резолюцию»²¹⁷⁰.

В тот же вечер собирается президиум Закавказского краевого комитета РКП. Принимается постановление: «1. Одобрять тезисы о политическом, военном и хозяйственном объединении Закавказских РСФСР, принять к сведению сообщение ЦК КПА и ЦК АКП о присоединении их к этим тезисам. Принято 4 против 1 при 1 воздержавшемся. 2. Постановление ЦК КПГ о том, что принятое им решение по данному вопросу не

переносится в партийные массы, принять к сведению... Принято 4 против 2»²¹⁷¹.

И в этот же день, 16-го, проводится пленум Центрального Бюро Компартии Белоруссии. Своего отношения к тезисам он не сформулировал, но сразу поставил вопрос о присоединении к Белоруссии Витебской и Гомельской губерний, входивших в состав РСФСР. Что касается взаимоотношений между наркоматами Белоруссии и РСФСР, то наиболее целесообразной пленум признал ту форму отношений, которая установлена между Советской Россией и Украиной²¹⁷².

А на самой Украине с ответом тянули и попросили перенести заседание комитета ЦК по данному вопросу с 22 сентября на 15 октября²¹⁷³. Иными словами, партийное руководство двух республик (Украины и Белоруссии) явной поддержки тезисам не высказало, одной республики (Грузия) выступило против и двух (Азербайджан и Армения) одобрило полностью.

То есть «автономизация», казалось бы, упрощая и централизуя управленческие структуры Союза, фактически усложняла процесс объединения, ибо взбудрила куда более сложный – национальный вопрос.

Однако, отправив 22-го письмо Ленину, Сталин, не дожидаясь его ответа, собрал 23 сентября комиссию ЦК. Главные оппоненты отсутствовали: Раковский находился в Гурзуфе, Мдивани болел. Проект Сталина сразу приняли за основу при одном воздержавшемся. Резолюцию грузинского ЦК постановили отклонить.

На следующий день, 24-го, заседание продолжили. Но поскольку началось обсуждение проекта резолюции по пунктам и к тому же пришел Мдивани, страсти накалились. Сам Мдивани голосовал против каждого пункта. Иногда (по вопросу о национальных армиях) его поддерживал Агамали оглы, иногда (о комиссариатах продовольствия) председатель украинского ЦИК Петровский и белорусского ЦИК Червяков, иногда (об ограничении прав амнистии) и Петровский, и Червяков, и Агамали оглы. Они же, вместе с Мдивани, голосуют за обсуждение данной резолюции в бюро губкомов республик.

И тем не менее, внося в протокол заявление Петровского о том, что ЦК КП Украины данный вопрос не обсуждал, с целым рядом поправок, резолюция об «автономизации» – о формальном вхождении Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР – 24 сентября принимается²¹⁷⁴.

Не дожидаясь получения материалов комиссии, Ленин все более активно втягивается в обсуждение данного вопроса. 23-го он 2,5 часа беседовал с председателем Средазбюро ЦК РКП Яном Рудзутаком. В тот же день вечером – с Бухариным. 24-го к нему приезжает Пятаков. 25-го – член комиссии ЦК Сокольников, то есть и о заседании ЦК КП Грузии, и о работе комиссии он получает информацию из первых рук. В тот же день Владимиру Ильичу доставили и все материалы комиссии. А 26-го он 2 часа 40 минут беседует со Сталиным²¹⁷⁵.

О содержании этой беседы известно из письма Ленина Каменеву, написанному в тот же день, после отъезда Сталина: «т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии...» Вряд ли Владимир Ильич сомневался в том, что Каменев в курсе данного дела, но, на всякий случай, пишет: «Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно».

Что же так озаботило и насторожило Ленина? Главное – вопрос «о вхождении независимых республик в РСФСР». «Я беседовал об этом, – пишет Владимир Ильич, – вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в “независимстве”). По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться».

Со всей определенностью Ленин дает понять, что с выдиранием тех двух «гвоздей», которые обговаривались со Сталиным в конце августа (равноправие всех независимых республик и право их выхода из Союза), с подменой их «автономизацией» он просто так – без боя – не согласится. А поскольку существование руководящей «тройки» не было для него секретом, он пишет Каменеву: «Надо Вам (Вы когда-то

имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже».

Этот решительный настрой Ленина Сталин ухватил уже во время беседы. «Одну уступку, – сообщает Владимир Ильич Каменеву, – Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо “вступления” в РСФСР – “Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии”.

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских Республик Европы и Азии”».

Но это заявление останется простой декларацией, если не изменить последующие пункты резолюции: вместо вхождения членов ЦИК республик во ВЦИК РСФСР – образование общефедерального ВЦИКа; вместо вхождения республиканских комиссариатов в соответствующие комиссариаты РСФСР – формирование общефедеральных наркоматов в Москве, с обязательным представительством их во всех республиках, входящих в Союз.

«Важно, чтобы мы, – пишет Ленин, – не давали пищи “независимцам”, не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик... Это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и др. товарищами буду добавлять и изменять. Очень прошу и Вас сделать то же и ответить мне».

«Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда, – сообщает Ленин. – Я приезжаю в понедельник, 2/X. Желаю иметь свидание с Вами и с Рыковым часа на 2 утром, скажем, в 12—2, и, если понадобится, вечером, скажем 5—7 или 6—8». Копии этого письма Владимир Ильич попросил разослать «всем членам Политбюро»²¹⁷⁶.

Каменев хорошо знал Ленина и по тону письма понял, что лучше не «сопротивляться». Но 27 сентября он ответил Владимиру Ильичу не письмом, а весьма характерной для него короткой запиской: «По-моему, или не трогать совсем вопроса о “независимости” (что, видимо, уже невозможно), или провести

Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость... Договор о Союзе должен заключать обязательно: а) пункт о праве одностороннего выхода из Союза; б) точное распределение областей ведения».

В приложенной к записке схеме был и Союзный ЦИК, и Союзный СНК наряду с ЦИК и СНК РСФСР и других республик. Каменев рассчитал (в зависимости от численности населения) представительство каждой республики в Союзном ЦИКе, расписал субординацию наркоматов. Но характерно, что в самой заголовке схемы – «Форма Союза Советских республик» – слово «независимых» он вычеркнул²¹⁷⁷.

Сталин реагировал на замечания очень быстро. Вместо «вступления Республик в РСФСР» он вносит в резолюцию комиссии ЦК формулировку о необходимости заключения договора между республиками об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик». Дабы обойти проблемы, возникшие с грузинским ЦК, заменяет перечень закавказских республик Федерацией Закавказских Республик. Принимается также формулировка о праве свободного выхода из «Союза».

После этого, за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова, резолюция рассылается всем членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б) со следующим пояснением: «Мы считаем, что резолюция Комиссии Цека... в основе правильная и безусловно приемлемая, нуждается в уточнении некоторых пунктов, касающихся главным образом строения общесоюзных центральных органов и отчасти их функций. В этом убедили нас беседы с некоторыми членами Цека и рядом националов с мест». О беседе с Лениным и его замечаниях – не упоминалось²¹⁷⁸.

27 сентября Сталин дал симметричный «Ответ на письмо тов. Ленина тов. Каменеву», адресуя его не только Ленину, но и всем членам Политбюро. И, как всегда, оказалось, что в политике дело не только в провозглашении тех или иных принципов, но и в механизме их реального осуществления.

С «предложением т. Ленина» о формальном объединении советских республик в Союз, пишет Сталин, «по-моему, можно

согласиться...». Это то, что касается § 1 резолюции. А вот его замечание по § 2 о «создании наряду с ВЦИКом РСФСР ВЦИКа федерального, по-моему, не следует принять...», то есть и после беседы с Лениным Сталин с ним не согласился.

Сталин мотивирует свою позицию сугубо практическими соображениями: «Существование двух ЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, “нижнюю палату”, а другой – “верхнюю”, – ничего, кроме конфликтов и трений, не даст. Предлагаю вместо поправки т. Ленина следующую поправку: “в соответствии с этим ЦИК РСФСР преобразуется в общесоюзный ЦИК, решения которого обязательны для центральных учреждений, входящих в состав союза республик”».

«Я думаю, – развивает свою мысль Сталин, – что всякое иное решение в смысле поправки т. Ленина должно привести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением оттуда восьми автономных республик (Татреспублика, Туркеспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве (русского и федерального) и, вообще, к глубоким перестройкам, что в данный момент... не целесообразно и, во всяком случае, преждевременно».

Поправки Ленина по § 3, продолжает Сталин, – «незначительны» и носят «чисто редакционный характер». По § 5 «поправка т. Ленина, по-моему, излишня». Что же касается § 4, то, памятуя об упреке Ленина в его адрес – об излишней торопливости, Сталин пишет: «по-моему, товарищ Ленин “поторопился”, потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федеральные наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта “торопливость” даст пищу “независимцам” в ущерб национальному либерализму т. Ленина»²¹⁷⁹. Итак, после беседы с Владимиром Ильичом, после письменного обмена мнениями, Сталин принял вызов – позиция Ленина получает вполне определенную политическую оценку: «национальный либерализм».

На следующий день, 28-го, состоялось заседание Политбюро. Как и было обещано Ленину, до его приезда резолюция комиссии ЦК не обсуждалась. Но и Каменев, и Сталин знали, что 27-го Владимир Ильич встречался с Мдивани, утром 28-го – с Орджоникидзе, что на 29-е к нему записаны на прием члены ЦК КП Грузии М.С. Окуджава, Л.Е. Думбадзе, К.Н. Цинцадзе, а затем – председатель СНК Армении А.Ф. Мясников.

И во время заседания Политбюро Каменев пишет записку Сталину: «Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок».

Сталин отвечает: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то спрашивается – причем тут "независимость"?»

Каменев: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться». Сталин заключает: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению»²¹⁸⁰.

Именно в эти дни, в конце сентября, вступила в завершающую фазу и эпопея с высылкой «антисоветской интеллигенции». Список кандидатов на отправку за рубеж стремительно сокращался.

По ходатайству самых различных учреждений и ведомств решение о высылке отменили по отношению к бывшему эсеру Н.И. Ракитникову, к меньшевикам Н.А. Рожкову и В.Н. Крохмалю, народным социалистам В.И. Чернолусскому, Г.В. Филатьеву и Н.Д. Кондратьеву, профессорам Л.Н. Юровскому, И.Х. Озерову, Н.А. Изгарышеву, П.А. Велихову, В.М. Штейну, А.А. Рыбникову, В.Е. Фомину, И.И. Кукроевскому, М.С. Фельдштейну, геологу Н.Е. Паршину, писателю Е.И. Замятину, журналисту П.И. Лопатину и другим. Все они вернулись на свои прежние места работы. По указанию Дзержинского из списков вычеркнули и целый ряд студентов.

В конечном счете по данным на январь 1923 года было выслано около 60 человек. Их поименные списки опубликованы в документальном сборнике «Высылка вместо расстрела». И

биографические справки о высылаемых свидетельствуют о том, что речь шла не о наказании за «инакомыслие», как это утверждает наша историческая журналистика. У большинства – целый реестр арестов, судимостей, даже смертных приговоров и соответственно – амнистий по сугубо политическим мотивам²¹⁸¹.

Юрий Пятаков и известнейший в последующем социолог Питирим Сорокин знали друг друга еще по Петербургскому университету. Потом дороги разошлись: Пятаков стал большевиком, Сорокин – активнейшим эсером, которого после Октября 1917 года неоднократно арестовывали и даже приговаривали к расстрелу за участие в подготовке вооруженных выступлений. В 1922 году он стал одним из ведущих сотрудников журнала «Экономист».

Незадолго до отъезда за границу Питирим Александрович зашел к Пятакову. «Почему вы изгоняете нас», – спросил он. «Ты не учиываешь», – ответил Юрий Леонидович, – что сейчас в России идут два процесса. Один из них – воссоздание буржуазного общества; другой – процесс приспособления Советской власти к нему. Первый процесс идет быстрее, чем второй. Наша задача – затормозить развитие этого первого процесса, но ты и другие ссылаемые ускоряете его»²¹⁸².

Один из ссылаемых, писатель Михаил Осоргин вспоминал: «...В одной бумажке оказалось изложение нашей вины – “нежелание примириться и работать с советской властью”. Думаю, что по отношению к большинству это обвинение было неправильным и бессмысленным. Разве подчиниться – не значит примириться? Или разве кто-нибудь из этих людей науки и литературы думал тогда о заговоре против власти и борьбе с ней? Думали о количестве селедок в академическом пайке! Непримирение внутреннее? Но тогда почему из ста миллионов выпали только пятьдесят человек?»²¹⁸³

Среди депортируемых, безусловно, были достойные люди, думавшие не только о селедке. Но, отвечая Питириму Сорокину, Пятаков имел в виду то обстоятельство, что их стремление дискредитировать власть, вытаскивавшую страну из послевоенного хаоса и разрухи, их проповедь во благо

свободного, не регулируемого государством рынка могла стать объединяющей идеей для куда более широких мелкобуржуазных масс и куда более радикальных контрреволюционных элементов. А это уже пахло новой войной.

Уезжали небольшими партиями. Первыми, 23 сентября, поездом на Ригу отправилась группа, в которую входил и П.А. Сорокин. Следующая группа пароходом «Обербургомистр Хакен» отплыла в Штеттин 29 сентября. Еще одна группа на пароходе «Пруссия» отплыла в Германию 16 ноября. Был еще и третий пароходный рейс, доставивший в сентябре из Одессы в Турцию трех украинских профессоров; был и четвертый – итальянский пароход «Жанна», на котором в Константинополь прибыл С.Н. Булгаков²¹⁸⁴.

Какой же из них считать «философским пароходом»? Это словосочетание появилось в нашей исторической журналистике в самом конце XX века, а затем прочно вошло и в научный оборот. В 20-е годы, современникам, оно и в голову не могло прийти, ибо большинство среди 57 депортированных составляли кооператоры и агрономы, врачи, журналисты и преподаватели вузов. Были среди них монархисты и черносотенцы, кадеты и эсеры, меньшевики и совершенно беспартийные.

Что же касается философов, то П.А. Сорокин и Ф.А. Степун уехали поездом. Философы Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк – на пароходе «Обербургомистр Хакен», И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и Л.П. Карсавин – на пароходе «Пруссия», С.Н. Булгаков – на пароходе «Жанна».

Есть и другой, более существенный вопрос. В начале XX столетия философия, как наука, насчитывала в России немало известных имен. На международных конгрессах философов ее представляли Г.И. Челпанов, Е.В. Де Роберти, Н.А. Васильев, В.Н. Ивановский, Б.В. Яковенко и другие. В 20-е годы на университетских кафедрах философии успешно трудились десятки профессоров, весьма далеких не только от марксизма, но и от материализма как такового. И никто из них не был подвергнут депортации. Именно тогда впервые в системе Академии наук был создан и Институт философии.

Философы, которых выслали в 1922 году за границу, принадлежали к особому направлению русской религиозной философии, тесно связанному со знаменитыми «Вехами» и именуемому ныне как «Русская философия Серебряного века». В последние десятилетия их труды многократно издавались и переиздавались в России, и так уж случилось, что само понятие «русская философия» стало ассоциироваться исключительно с этим направлением.

В № 5 журнала «Вопросы философии» за 2015 год была опубликована интересная статья С.Н. Корсакова «Мифы и истины в истории русской философии», в которой автор попытался разобраться в этой проблеме. «Если система догм отвечает идеологическому мейн-стриму данного социума, – пишет он, – то противостоять ей практически невозможно. Никакими ссылками на факты не опровергнуть то, что принято в качестве идеологической “истины”».

Исследователь, который хочет остаться верен самому себе, попадает тогда в положение Галилея, изготавившего телескоп и предложившего коллегам самим убедиться в справедливости полученных им результатов. Коллеги отказались смотреть в телескоп. Им и так было ясно, что купол неба создан Всевышним в неизменном виде и с раз и навсегда определенным количеством небесных тел».

Сергей Корсаков приводит слова философа Ивана Луппола: «“Русская душа” вместе с “развесистой клюквой” входила в ассортимент российской экзотики. Якобы национальной чертой русских является склонность в сторону этико-религиозных вопросов и мистическое их решение... Все, что не укладывалось сюда, считалось не русским».

Попытка Корсакова определить реальный спектр российской философской мысли в 20-е годы тем и закончилась. В этом же номере журнала «Вопросы философии» один из коллег обвинил его в «русофобстве».

О том, какие страсти будут кипеть вокруг их рейса, пассажиры «Обербургомистра Хакена» и не помышляли. Они

ожидали в Штеттине торжественной встречи и тщательно готовили ответные речи...

Но вот пароход причалил, и никто их не встретил. Шел дождь. Мужчины пошли искать какую-нибудь подводу. Потом погрузили на нее вещи и побрели вслед до ближайшей гостиницы.

Глава 4

Последней умирает надежда

«Я кончил ликвидацию своих дел»

...Заседание СТО 24 ноября 1922 года Ленин до конца не довел. Через полтора часа после его начала он вышел, передав, как обычно, председательствование Каменеву. Не то чтобы Владимиру Ильичу стало плохо – все предшествующие дни приступов не было, но какой-то дискомфорт он явно почувствовал.

Это не помешало ему при выходе из зала переговорить с уполномоченным эконо совета Туркестана М.В. Сафоновым, потом – в кабинете час беседовать с заместителем председателя Реввоенсовета Склянским, а затем – у себя на квартире с председателем Госплана Кржижановским.

Но утром 25-го, часов в 10, приступ все-таки случился. Когда Ленин проходил по коридорчику квартиры, в правой ноге внезапно начались судороги, она ослабела и, дабы не упасть, Владимир Ильич ухватился за стоявшее здесь высокое зеркало. Но зеркало закачалось, он отпустил его и осел на пол.

Пролежал он минуты полторы. На шум в коридор выбежали Надежда Константиновна и Мария Ильинична, стали поднимать его, но «В.И. сказал, что встанет сам, и действительно встал, дошел до своей комнаты и лег». Это запись Кожевникова, приехавшего по вызову вместе с Крамером в 12 часов.

Доктора отметили, что во время приступа речь у Владимира Ильича нисколько не пострадала, да и правая рука действовала хорошо. Они предложили Ленину «целую неделю отдыхать, не участвовать ни в одном заседании и не производить официального приема»²¹⁸⁵.

27 ноября приступы болезни повторились. «Первый был в 10 часов и продолжался полторы-две минуты, захватив только ногу. В 12 часов – второй приступ. Был полный паралич ноги и руки,

речь не пострадала. В.И. произносил вполголоса для проверки слова, и это ему вполне удавалось. Сознание все время было ясное. Приступ продолжался 20 минут. Накануне В.И. чувствовал себя неважно. Объективное исследование нервной системы ничего патологического не обнаружило»²¹⁸⁶.

В «Дневнике дежурных секретарей» о болезни лишь краткая запись Надежды Аллилуевой утром 25 ноября: «Владимир Ильич нездоров, в кабинете был только пять минут, диктовал по телефону три письма» – одно Сталину, два Троцкому. И запись вечером: «Пришел в 6 часов. Несколько минут говорил по телефону. С 6½ до 7½ – был А.Д. Цюрупа»²¹⁸⁷.

В воскресенье 26-го опять – и утром, и вечером – приходил в рабочий кабинет, опять принимал Цюрупу, говорил по телефону, давал поручения секретарям. То же и в последующие дни: телефонные звонки, письма, поток различного бумаж, книг. 29-го он полтора часа беседует со Сталиным, потом более часа с замнаркомом РКИ В.А. Аванесовым. 30-го – с Адоратским, который приносит «чистые листы» сборника Маркса и Энгельса «Письма. Теория и политика в переписке Маркса и Энгельса»²¹⁸⁸.

По записям врачей, 28, 29, 30 ноября чувствовал себя Владимир Ильич хорошо. Но прошедшие приступы, при всей их кратковременности, не только еще раз напомнили о болезни, но и, судя по всему, заставляли думать о перспективе.

Среди принесенных ему книжных новинок – сборник последних писем Энгельса. Издатели дали ему свое название: Ф. Энгельс. «Политическое завещание (из неопубликованных писем)». После ухода Адоратского он пишет на обложке этой книги: «Сохранить на полке. 30.XI.1922. Ленин». И особо просит библиотекаря Шушанику Манучарьянц оставить этот сборник на месте, под рукой²¹⁸⁹.

Во время визита врачей 4 декабря Крамер и Кожевников отметили некоторые признаки ухудшения здоровья Ленина: «Чувствует он себя не очень хорошо... Сам В.И. находит тоже, что последнее время он стал легче утомляться. Вид не особенно хороший, цвет лица землистый. Было предложено уехать на

несколько дней в Горки и совершенно не заниматься. Сначала В.И. не хотел на это согласиться, но в конце концов его удалось уговорить поехать в четверг после заседания и вернуться в понедельник или во вторник»²¹⁹⁰.

Однако запрет на «занятия» лишь усилил деловую активность Владимира Ильича. Все последующие дни до отъезда он проводил в своем кабинете до десятого часа ночи. Беседы с коллегами, поток документов, касающихся самых различных вопросов – от финансирования электротехнической и металлургической промышленности, Донбасса и Азнефти, государственных театров и цирков до помощи питомнику И.В. Мичурина и обязательного полного обеспечения хлебом учителей и учащихся всех школ.

Утром 13 декабря приступы повторились дважды, причем второй приступ продолжался более обычного – несколько минут и захватил не только ногу, но и правую руку. В 11 часов приехали Крамер и Кожевников. Предписание было совершенно категорическим: немедленный отъезд в Горки и полный отдых. Спорить с ними было бесполезно. От немедленного отъезда Владимир Ильич отказался, но заявил, что «сегодня же начнет ликвидировать свои дела». И действительно, в 12 часов, после ухода врачей, он вызвал на квартиру Фотиеву, которой так и сказал – «для ликвидации дел»²¹⁹¹.

15-го вечером (в 20.30) Владимир Ильич позвонил Фотиевой и стал диктовать ей по телефону уже не раз упоминавшееся письмо Сталину для членов ЦК: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно». Но вскоре диктовку прервал и попросил Лидию Александровну прийти к нему на квартиру. Когда она пришла, Ленин продолжил: «Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере...» Этим обстоятельством был вопрос о его выступлении на X Всероссийском съезде Советов, открывавшемся 23 декабря.

«Во вторник у меня будут врачи, – продолжает диктовать Владимир Ильич, – и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее... Я предлагаю

поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступлю сам, может быть, с речью, сильно сокращенною против обычного, например с речью в три четверти часа. Такая речь... будет полезна и политически, и в смысле личном, ибо устранил повод для большого волнения»²¹⁹².

Он все еще не терял надежды. Но ждать визита врачей во вторник 19-го не пришлось. Уже с вечера 14-го он почувствовал себя неважно. А утром 15-го Фотиева записала: «Настроение неважное, сказал, что чувствует себя хуже, ночь не спал»²¹⁹³. В пятницу, как записано в «Дневнике дежурных врачей» за 15-е: «Весь день было чувство тяжести в правых конечностях... Попробовал писать. Но с очень большим трудом написал письмо, которое секретарша разобрать не смогла, и Владимиру Ильичу пришлось его продиктовать. Вид у Владимира Ильича плохой, утомленный. Владимир Ильич сообщил, что ночью, около часа, у него случился паралич правых конечностей, который продолжался 35 минут. Речь не была затронута. Затем движения стали восстанавливаться»²¹⁹⁴.

Врачи пришли на следующий день 16 декабря, в 11 часов – В.В. Крамер и А.М. Кожевников. Осмотр показал: «...В правых конечностях значительное ослабление силы и некоторое нарушение координации. Движения все возможны, но они совершаются медленно и неуклюже... Попадать кончиком пальца на кончик носа не удастся, причем палец всегда отклоняется влево от носа... Писать может только крайне медленно, причем буквы очень мелкие, лезут одна на другую... Речь не расстроена. Счет производит быстро и без ошибок. Вообще все психические функции выполняются хорошо»²¹⁹⁵.

Врачи вновь заявили, что Владимиру Ильичу необходим немедленный отъезд в Горки, постельный режим и полный отказ от работы. Тут же ему предъявили и телеграмму из Берлина от собиравшегося в Москву профессора Ферстера, заочно подтверждающую, «что до выступления на съезде должно быть не менее 7 дней полного отдыха».

Уезжать из Москвы Ленин опять отказался. Начальнику охраны П. Пакалну он сказал, что «дорога на аэросанях утомительная, а на автомобиле ехать нельзя». Но это походило скорее на отговорку. Указанные Ферстером семь дней кончались как раз 23 декабря. Приступ вроде бы длился всего полчаса, и Владимир Ильич надеялся, что, может быть, так и дотянет до съезда Советов. И на вопрос Фотиевой, как он себя чувствует, Крупская ответила неопределенно: «Средне, по внешности ничего, а там сказать трудно»²¹⁹⁶.

19-го у Владимира Ильича немного поднялась температура, и его осматривал лечащий врач-терапевт Федор Александрович Гетье, а 20-го из Германии прибыл профессор Ферстер. «Владимир Ильич, – пишет Мария Ильинична, – встретил его очень радушно», но осмотр дал фактически те же результаты, что и 16 декабря, а главное – те же рекомендации: отдых, постельный режим. Впрочем, Ферстер не был столь категоричен. Во всяком случае, против диктовки записки Троцкому не возражал²¹⁹⁷.

21 декабря Крупская пишет: «Лев Давыдович! Проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам...» Речь шла о решении пленума о монополии внешней торговли, которым Ленин был безусловно доволен. На одних оппонентов, видимо, действительно подействовали его аргументы. Другие – спасовали перед самым фактом возможного противостояния Ленину. Так или иначе, победу надо было закреплять.

И Ленин диктует: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции». Крупская делает приписку: «В.И. просит также позвонить ему ответ. Н.К. Ульянова»²¹⁹⁸.

В.А. Сахаров эту диктовку считает фальшивкой. Но вот записка (автограф сохранился) Каменева Сталину: «Сегодня ночью звонил мне Троцкий. Сказал, что получил от Старика записку, в которой Старик, выражая удовольствие принятой пленумом резолюцией о Внешторге, просит, однако, Троцкого сделать по этому вопросу доклад на фракции съезда [Советов] и подготовить там почву для постановки этого вопроса на партсъезде. Смысл, видимо, в том, чтобы закрепить сию позицию. Своего мнения Троцкий не выражал, но просил передать этот вопрос в комиссию ЦК по проведению съезда. Я обещал передать тебе, что и делаю». Документ, как видим, весьма примечательный для характеристики и Троцкого, и Каменева, и их отношения к Ленину²¹⁹⁹.

Сохранился и автограф ответа Сталина Каменеву 22 декабря: «Записку получил. По-моему, следует ограничиться заявлением в твоём докладе, не делая демонстрации на фракции». Но Сталина беспокоит и другое: «Как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера»²²⁰⁰.

Валентин Сахаров отрицает столь очевидную связь между тремя указанными документами²²⁰¹. Он ссылается опять-таки на отсутствие пометок о канцелярской регистрации. Но главное, он убежден, что не было у Ленина оснований для того, чтобы «продолжать наступление», ибо на пленуме все якобы закончилось полной и окончательной победой ленинской позиции.

Впрочем, все это, как выражается В.А. Сахаров, – «предположения». Но вот то, что вопреки решению пленума «сношения с работниками» Ленин осуществляет вне контроля Сталина, вывело Иосифа Виссарионовича из себя, – это факт. И, выяснив, что записка Троцкому была передана 21-го Крупской, Сталин вечером 22 декабря позвонил ей...

Эта скандальная история обросла позднее множеством версий. Поэтому будем опираться на наиболее достоверные свидетельства. И первое – письмо Крупской (автограф имеется) Каменеву, написанное ею на следующий день: «23/XII. Лев

Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Владимира Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина».

Надежда Константиновна все еще надеется на Каменева и Зиновьева: «Я обращаюсь к Вам и к Григорию, – пишет она, – как более близким товарищам В.И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности»²²⁰².

В.А. Сахаров считает и это письмо фальшивкой – «новоделом». Почему, мол, Крупская адресуется Каменеву, а не официально в Политбюро? Почему нет делопроизводственных пометок секретаря ЦК? Он уверен, что конфликт, если даже допустить, что он имел место, был сугубо личным, что никакой грубости не было и «Сталин не сказал ей ничего, что выходило бы за рамки дозволенного», хотя Крупская и заявила якобы о своем «нежелании считаться» с решением ЦК²²⁰³. Говоря честно, отвечать на эти утверждения просто не хочется. Пусть читатель, уяснив для себе все перипетии данной истории, сам делает выводы.

Приведем второе свидетельство – Марии Ильиничны Ульяновой: «Врачи настаивали, чтобы В.И. не говорили ничего о делах... И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н.К. с В.И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет».

По одной из версий, среди слов, сказанных тогда Сталиным Крупской, была якобы фраза: «Мы еще посмотрим, какая Вы жена Ленина», и что именно эти слова имела в виду Надежда Константиновна, написав о «грубом вмешательстве в личную жизнь». Фраза эта широко использовалась в литературе, хотя серьезных подтверждений и не имеет. Но так или иначе, как пишет Мария Ильинична, «Н.К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала и пр.»²²⁰⁴.

И наконец, третье свидетельство: письмо Сталина Ленину 7 марта 1923 года, в котором он пишет о конфликте с Крупской и о том, что он «сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: “Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича” и пр. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное...»²²⁰⁵

О данном инциденте позднее подробно рассказывали М.А. Володичева и Л.А. Фотиева, причем Лидия Александровна осуждала Крупскую: «Зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин звонил по телефону? ...Это страшно взволновало его».

Ссылаясь на эти воспоминания, необходимо указать, что речь идет о магнитофонных записях бесед писателя Александра Бека с Фотиевой и Володичевой в марте 1967 года.

Александр Бек, автор таких книг, как «Жизнь Бережкова», «Волоколамское шоссе», «Штрихи», «Новое назначение» и других, которые помогают понять многие сложнейшие страницы советской истории, помимо блестящего писательского таланта, обладал бесценным даром собеседника и интервьюера. О нем говорили, что он может «разговорить телеграфный столб».

И в этом убеждают записи его бесед с Фотиевой. В 70-х годах, в связи с подготовкой 45-го тома Собрания сочинений Ленина, мы тоже пытались «разговорить» Лидию Александровну.

Но ничего, выходящего за рамки уже опубликованного ею, выудить так и не удалось.

Причина стала понятной, когда однажды она рассказала о том, что спустя годы после смерти Ленина к ней неожиданно явился комендант Дома правительства («Дом на набережной») и безапелляционно заявил, что в ее квартире будет ремонт.

И Лидия Александровна рассказала, как на ее глазах, в ходе этого ремонта, в стены вмазали какие-то «металлические тарелки». Вероятно, это был ремонт домовых вентиляций. Но она была убеждена, что это подслушивающие устройства. Вот так и жила она много лет, полагая, что каждое ее слово фиксируется «компетентными органами».

И все-таки Александру Беку удалось разговорить ее, хотя в начале беседы она прямо заявила: «Если вздумаете опубликовать, то отрекусь». Бек сдержал слово. Он опубликовал записи лишь после смерти Лидии Александровны. И записи эти, в достоверности которых невозможно сомневаться, как раз и являются ценнейшим дополнением к «Дневнику дежурных врачей»²²⁰⁶.

В день инцидента, 22 декабря, Крупская, видимо, ничего не рассказала Ленину о случившемся. У него и так после беседы с Ферстером было, как заметила Мария Ильинична, «более пессимистичное настроение...». Около 6 вечера Владимир Ильич вызвал Фотиеву и продиктовал следующее: «"Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам...". Он прибавил при этом: "Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И, я надеюсь, что Вы это исполните". Пропущенную фразу, – пишет Фотиева, – в начале не могла припомнить. В конце – я не разобрала, так как говорил очень тихо. Когда переспросила – не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне»²²⁰⁷.

Позднее Лидия Александровна так вспоминала об этом разговоре: «...После нового удара он в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал: –

Профессор Ферстер написал мне так: "У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу". И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным. Владимир Ильич вспылал... "Ваш Ферстер шарлатан, – кричал он. – Укрывается за уклончивыми фразами..."

Несколько часов спустя Ленин меня позвал. Он успокоился, но был грустен. – "Извините меня, я погорячился. Конечно, Ферстер не шарлатан. Это я под горячую руку"»²²⁰⁸.

Из записи Фотиевой, цитированной выше, видно, что Ленин не только говорил «очень тихо», но и чувствовал себя очень плохо. Звонок Сталина Крупской был позднее, вечером. Этим состоянием Владимира Ильича, может быть, и объясняется то, что Надежда Константиновна умолчала о случившемся, и та острая реакция на конфликт, когда сама Крупская, как отметила Мария Ильинична, стала «совершенно не похожа сама на себя».

М.А. Володичева говорит, что Мария Ильинична якобы тогда же позвонила Сталину: «Я не присутствовала при этом разговоре... Мне товарищи передавали, что она по телефону кричала на Сталина: "Тогда я обращаюсь к помощи московских рабочих! – В каком случае? – Чтобы они научили вас, как нужно заботиться о Ленине"»²²⁰⁹.

А в ночь на 23 декабря у Владимира Ильича начался новый приступ болезни. Утром врачи констатируют: «В правой руке возможно только отведение большого пальца и сгибание указательного, все другие движения совершенно отсутствуют. В ноге возможно только сгибание бедра и его незначительное приведение и отведение. В коленном суставе, в стопе и пальцах нет решительно никаких движений». Причем, в отличие от предыдущих приступов, этот не заканчивается ни за полчаса, ни за час. Лишь к вечеру врачи отмечают «возможность движения в кисти всех пальцев. В ноге подергиваний нет, вполне возможны движения пальцев и стопы, а также сгибание колен. В остальном без перемен»²²¹⁰.

Между тем именно этим утром, 23 декабря, под пение «Интернационала» открылся X Всероссийский съезд Советов, на котором неделю назад еще надеялся выступить Ленин. Естественно, Владимира Ильича избрали почетным председателем съезда, послали ему приветственную телеграмму, затем приступили к докладам ВЦИК, Совнаркома, ВСНХ, Наркомпроса, Наркомфина, Наркомзема...

А он лежал весь день в постели и, как пишет Мария Ильинична Ульянова, «несмотря на тяжелое состояние, не переставал думать о политике... И так же, как в середине декабря, он торопился ликвидировать свои дела, чтобы успеть сделать все, что он хотел, так как знал, что ухудшение в здоровье может наступить внезапно, так и теперь он торопился делать свои записи... Он торопился составить свое политическое завещание»²²¹¹. В самом идеальном, можно сказать – «чудесном» варианте Ильич мог рассчитывать теперь лишь на то или иное участие в XII съезде партии, который предполагали собрать через несколько месяцев.

Нечто вроде дневника

Вечером 23-го Ленин попросил врача Кожевникова вызвать всего на 5 минут стенографистку, «т. к. его волнует один вопрос, и он боится, что не заснет. Это ему было разрешено, после чего В.И. значительно успокоился». Дежурила в тот день Н. Аллилуева. Но на вызов пришла М.А. Володичева. И в «Дневнике дежурных секретарей» после даты, поставленной Аллилуевой, идет запись Володичевой: «В начале 9-го Владимир Ильич вызвал на квартиру. В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: "Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!" Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная, почему не на съезде, пожалел, что отнимает время, которое я могла бы пробыть там»²²¹².

Судьба этой диктовки весьма любопытна. По существующей договоренности, стенографическая запись расшифровывалась, перепечатывалась на машинке, затем просматривалась Лениным, после правки вновь перепечатывалась, а все черновики в обязательном порядке уничтожались. Однако в РГАСПИ вместе с известным «законным» машинописным текстом в ленинском отделе лежит рукописная копия, сделанная Надеждой Аллилуевой. Ни к данной диктовке, ни к ее расшифровке Надежда Сергеевна никакого отношения не имела. Откуда же взялась эта копия? И для кого она предназначалась?

Судя по всему, об указании Владимира Ильича, сделанном Фотиевой накануне – держать его записи «вне дневника» и «хранить в абсолютной тайне», Мария Акимовна не знала, а вот о скандале, учиненном Сталиным накануне Крупской, в секретариате слышали все. Володичева, опасаясь угрозы нового скандала, несмотря на поздний час, тут же отправляет диктовку Сталину. В «Журнале регистрации исходящей почты В.И. Ленина» за № 8628 от 23 декабря появляется запись: «Сталину (письмо В.И. съезду)».

Узнав об этом, Фотиева немедленно пишет Каменеву: «Т. Сталину в субботу 23/XII было передано письмо Владимира Ильича съезду, записанное Володичевой. Между тем уже после передачи письма выяснилось, что воля Владимира Ильича была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, [может] быть распечатано только им или Надеждой Константиновной и должно было быть предъявлено кому бы то ни было лишь после его смерти. Владимир Ильич находится в полной уверенности, что он сказал это Володичевой при диктовке письма... Я прошу товарищей, которым стало известно это письмо, ни в коем случае при будущих встречах с Владимиром Ильичом не обнаруживать сделанной ошибки...»²²¹³

Сталин сразу же попросил Надежду Аллилуеву снять с ленинского письма рукописную копию. Именно она и была передана в Центральный партийный архив (ныне РГАСПИ) из Общего отдела ЦК КПСС в 1970 году и присоединена к

соответствующей ленинской диктовке, хранившейся здесь с 1923 года²²¹⁴.

В 1989 году, работая над этим документом, Юрий Алексеевич Буранов обратил внимание на то, что между «каноническим» текстом и рукописью существуют серьезные расхождения.

Во фразе: «я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях» – выделенные нами курсивом слова в рукописном тексте Аллилуевой отсутствуют. А это корректирует и смысл всей фразы.

Второе разночтение: там, где речь идет об увеличении числа членов ЦК за счет введения в него 50—100 рабочих, в «каноническом» тексте говорится, что это необходимо «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судебных партии». В рукописи Аллилуевой слово «судеб» заменено на «судей».

И это тоже существенно, ибо под «судьями» можно подразумевать тех, кто критикует партию, выступает против нее, между тем как весь текст говорит о предотвращении раскола, т. е. именно о «судьбах» партии²²¹⁵.

Хотя Фотиева и предупредила о сугубой секретности письма, Сталин немедленно знакомит с копией Каменева, Бухарина, Орджоникидзе²²¹⁶. Тема, заявленная Владимиром Ильичом, – «предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» – была достаточно серьезна, и его диктовки, по их мнению, не могли оставаться вне контроля.

Каменев, знавший уже из письма Крупской о конфликте 22 декабря, видимо, стал говорить о том, что Сталину необходимо извиниться. Но Иосиф Виссарионович вины за собой не чувствовал. И когда даже Молотов осторожно усомнился в том, насколько он был в данном случае корректен, то в ответ услышал: «Что я должен перед ней на задних лапках ходить?» И все-таки по настоянию Каменева и, возможно, Бухарина Сталин уступил.

Это, конечно, предположение, но оно имеет основания. Мария Ильинична пишет, что произошло это «через несколько дней» после конфликта, что «Сталин действительно звонил» Крупской «и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н.К. его выговором и угрозой». Все знакомые с этим конфликтом, вероятно, вздохнули с облегчением. Во всяком случае, им казалось, что «инцидент был исчерпан»²²¹⁷.

А утром 24-го Ленин проснулся в хорошем настроении и заявил врачам, что после того, как ему вчера «дали возможность продиктовать то, что он считал нужным, он несколько успокоился и... спал он благодаря этому лучше». Однако, когда Владимир Ильич сказал, что собирается продолжить диктовку, врачи ответили отказом. Вполне возможно, что именно тогда Крупская, за долгие годы привыкшая «делиться всем с ним... совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться» и рассказать – в самом приглаженном варианте – о «выговоре», полученном 22 декабря от Сталина за диктовку 21-го, «прибавив, – как утверждает Мария Ильинична, – что они со Сталиным уже помирились». О «грубом вмешательстве в личную жизнь», судя по всему, не было сказано ни слова²²¹⁸.

Так или иначе, но в ответ на отказ врачей Ленин «ставит вопрос ультимативно: или ему будет разрешено диктовать стенографистке, хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он совсем откажется лечиться». И сказал он это так, что все поняли: это не пустая угроза²²¹⁹.

Вечером того же 24 декабря в кабинете Сталина срочно собирается совещание-консилиум: Сталин, Каменев, Бухарин, а от врачей – Ферстер, Крамер, Кожевников. Принимается решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из

политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»²²²⁰.

Применительно к человеку, думавшему о политике чуть ли не 24 часа в сутки, требование «не давать материала для размышлений», да еще без права переписки и свиданий, звучало достаточно нелепо. Заверения Ленина о том, что он более всего волнуется «из-за отсутствия» своевременной информации, было проигнорировано и на сей раз.

И все-таки это была победа. Главное – он мог теперь, не вступая в пререкания с врачами, диктовать ежедневно. В тот же вечер, около 18 часов, Владимир Ильич вызвал Володичеву и стал диктовать продолжение «Письма к съезду». Это был тот самый фрагмент, где Ленин, в связи с поставленной им в первой диктовке проблемой прочности партии, впервые затрагивает «соображения чисто личного свойства» – так называемые «характеристики» Сталина, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова. Сюжеты эти, безусловно, являлись сугубо конфиденциальными.

Увы, произошло иное. «Ленин диктовал быстро, – рассказывает Володичева. – Видимо, все было продумано у него заранее. Чувствовалось его болезненное состояние. Диктовка давалась ему нелегко. Говорил глухо, не жестикулируя, как обычно. Закончил диктовку в отведенное время и немного повеселел. А я все еще не могла прийти в себя. Была как в тумане...

Был уже поздний час, когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой, сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что с ним делать, не показать ли кому-нибудь, может быть, Сталину... "Ну что же, покажите Сталину", – сказала Лидия Александровна. Так я и сделала.

В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна.

Сталин взял письмо и предложил Орджоникидзе и Бухарину пройти с ним в другую комнату...

Примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его были на этот раз тяжелыми, лицо озабочено. Он пригласил меня в другую комнату... "Сожгите письмо", – сказал он мне. Это распоряжение я выполнила. Сожгла копию письма, которую ему показывала, но не сказала, что 4 других экземпляра ленинского документа лежат в сейфе.

На следующий день я рассказала обо всем произошедшем Фотиевой и Гляссер. "Что же ты наделала! – набросились они на меня. – Сейчас же возобнови копию!" Я тут же отпечатала пятую копию».

В беседе с Александром Беком Володичева относит этот эпизод к письму 23 декабря. Однако передача Сталину диктовки 23-го, как свидетельствуют приводившиеся выше документы, хотя и по недоразумению, произошла вполне «легально», с регистрацией в журнале исходящей почты.

Прочитав это место, Фотиева сразу заметила, что речь идет совсем «о другом. Володичева говорила про "завещание", то есть (про) личные характеристики». Да и сама Мария Акимовна подтверждает это.

«Впоследствии, – говорит она, – я часто вспоминала об этом эпизоде и поняла, что напрасно показала ленинский документ Сталину. Хотя в нем еще не содержалось предложения сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии [Диктовка 4 января 1923 года. – В.Л.], но так или иначе его это письмо насторожило. Теперь он был предупрежден о том, что Ленин ему готовит к XII съезду партии серьезные предложения о ряде перемен в ЦК»²²²¹.

Читателю, вероятно, трудно понять – в связи с данным эпизодом – мотивы поведения Фотиевой, Володичевой, искренне любивших Владимира Ильича и входивших в то время в круг наиболее близких к нему людей.

На этот вопрос Александра Бека Лидия Александровна ответила: «Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин... Вы должны понять: Сталин был для нас

авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек... Он был генеральный секретарь. Кто же мог помочь, если не он. И шли к нему...

Двадцатый съезд был для нас душевной катастрофой. И теперь еще у меня борются два чувства: возмущение им и любовь к нему. Но сейчас [1967 год] опять изменяется отношение к Сталину. Изменяется к лучшему»²²²².

Заметим, что вся эта история диктовки с «характеристиками» произошла несмотря на то, что именно на сей раз (24 декабря), закончив диктовку, Владимир Ильич специально подчеркнул ее конфиденциальность.

Накануне вечером, 23-го, Володичева не заполняла «Дневник дежурных секретарей». Поэтому 24-го она записала за два дня. Запись за 23-е приводилась выше. «На следующий день (24.XII) в промежутке от 6 до 8 Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что диктованное вчера (23.XII) и сегодня (24.XII) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он надиктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным. Тогда же прибавил еще одно распоряжение»²²²³.

Суть данного распоряжения Володичева изложила в 1929 году: «Все статьи и документы, продиктованные В.И. Лениным за период времени с декабря 1922 г. (20-е число) до начала марта 1923 г., переписывались по желанию В.И. Ленина в пяти экземплярах, из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра – Надежде Константиновне и один – в свой секретариат (строго секретно)... Черновики копий мною сжигались. На запечатанных конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В.И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна. Слова: "а после его смерти" на конвертах я не написала. Экземпляры для В.И. Ленина делались на папке, прикрепляясь к ней на шнурке для более удобного пользования»²²²⁴.

После приведенной выше записи 24 декабря в «Дневнике дежурных секретарей» оставлен чистый лист с карандашными

пометками: «В. 26/XII», «Л.Ф. 28/XII» о диктовках Владимира Ильича Володичевой и Фотиевой. Но на самом деле диктовал он ежедневно – 25, 26, 27, 28, 29, 30 и даже в канун Нового года – 31 декабря. Некоторые сюжеты, затронутые Лениным в первых диктовках «Письма к съезду», выливаются в самостоятельные, но связанные между собой темы – с 27-го о Госплане, затем о реорганизации Рабкрин, а с 30-го – «К вопросу о национальностях...».

Несоответствие между реальной работой Ленина и записями в «Дневнике дежурных секретарей» очевидно. Исследователи обращали на это внимание и прежде²²²⁵. Но у Валентина Сахарова это послужило отправной точкой для пересмотра всей «традиционной» (уж сказал бы прямо – советской) историографии «Ленинского завещания».

Он утверждает, что «Дневник дежурных секретарей», опубликованный в 45-м томе сочинений В.И. Ленина, не вызывает никаких сомнений лишь по 18 декабря, то есть до Пленума ЦК. А вот с 23 декабря, то есть с началом диктовки «Письма к съезду», мы имеем дело с документом, «не имеющим ничего общего с прежним "Дневником"», с «историческим фантомом», с фальшивкой, сфабрикованной позднее «под дневниковые» записи²²²⁶.

А поскольку подлинность самих ленинских диктовок подтверждается именно этими записями, то, по мнению В.А. Сахарова, ряд диктовок также являются грубой подделкой. Его главный, поистине сенсационный вывод: «Ленин не был автором "Письма к съезду"», продиктованного 23, 24, 25, 26, 29 декабря 1922 года и 4 января 1923 года. Не был Ленин автором и записей «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», диктовавшихся 30 и 31 декабря 1922 года. Точно так же, как никогда не диктовал он и писем Сталину и Троцкому 5 марта 1923 года. Валентин Сахаров убежден, что появление этих документов связано с «заговором» против Сталина, в котором участвовали Крупская, Фотиева, Володичева и другие, а истинным «руководителем работ» по изготовлению данных фальшивок являлся Троцкий.

Читая в книге В.А. Сахарова эти строки, я не верил собственным глазам. И дело не в моей тупой приверженности «традиционной историографии». На протяжении более полувека подлинность этих диктовок, не раз попадавших в эпицентр политической борьбы, никем не оспаривалась. Их знали, о них писали, говорили, их обсуждали с декабря 1922 года на пленумах ЦК и партийных съездах. Все это Валентин Сахаров прекрасно знает. И тем не менее стоит на своем: «Письмо к съезду» – «исторический фантом».

Совершенно очевидно, что без мнения экспертов тут никак не обойтись. Подготовителей 45-го тома Полного собрания сочинений В.И. Ленина и 12-го тома Биографической хроники В.И. Ленина, в число которых входили опытные специалисты, десятки лет работавшие над ленинскими документами данного периода, естественно, отводим в сторону. Ибо люди они заинтересованные и к тому же являющиеся не только сторонниками, но в определенной мере и создателями «традиционной» версии.

Нужны другие авторитетные эксперты, которые обладали бы, по меньшей мере, тремя качествами. Первое: хорошо знали весь корпус ленинских произведений и личность самого автора. Второе: имели продолжительный опыт практической редакционной работы с ленинскими рукописями. Третье: не были заинтересованы в «традиционной» – или, как ее называет В. Сахаров, – «хрущевской» версии интересующих нас событий.

Полагаю, что такими экспертами можно смело назвать четырех лиц. 1. Сталин И.В. – работал редактором «Правды» в 1912 и 1917 годах. 2. Каменев Л.Б. – вместе с Лениным редактировал «Социал-Демократ» и был редактором «Правды» в 1914 и 1917 годах. 3. Зиновьев Г.Е. – работал с Лениным в редакции «Социал-Демократа», вел с ним обширную переписку. 4. Бухарин Н.И. – редактор «Правды» с 1918 года.

Все указанные лица хорошо знали ленинские работы и их автора, его взгляды и образ мыслей, специфические особенности его индивидуального стиля и т. п. Все четверо редактировали его статьи и вели с ним переписку. И наконец, все были не

заинтересованы в том, чтобы «традиционная» версия утверждалась в истории.

Достаточно назвать эти четыре фамилии, добавив к ним, при желании, десятки, если не сотни членов ЦК – старых большевиков, хорошо знавших Ленина и никогда не оспаривавших подлинность «Завещания», чтобы все стало на свое место.

Процитирую лишь одного из указанных экспертов – Сталина, который, в сравнении с другими, обладал еще одним преимуществом: он был лучше других информирован. Свои источники информации были у него в секретариате Ленина, среди медперсонала и личной охраны Владимира Ильича. Так что о ходе болезни Ленина и о его занятиях он знал лучше других.

В октябре 1927 года в речи на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, публиковавшейся миллионными тиражами, Сталин сказал: «Говорят, что в этом “Завещании” тов. Ленин предлагает съезду обдумать вопрос о замене Сталина на посту генсека другим товарищем. Это совершенно верно. Давайте прочтем это место, хотя оно и читалось раньше на пленуме несколько раз. Вот оно: “Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.”»²²²⁷.

Документ, к которому мы еще не раз вернемся, процитирован абсолютно точно. Сталин мог оспаривать эти характеристики, что он и делал, но никогда не отрицал подлинности данной ленинской записи. А уж тем более не иронизировал, как это делает Сахаров, по поводу «логического сбоя» в «Письме к съезду» и не объявлял его историческим фантомом: мол, «оно есть, но его нет»²²²⁸. Оно есть.

Что касается пробелов в «Дневнике дежурных секретарей», которые, по мнению Сахарова, лишают его «ценности как исторического источника», и несоответствия дневниковых записей реальной работе, продланной Лениным, то причины их очевидны.

Приведенные выше – указание Владимира Ильича Фотиевой 22 декабря («записка вне дневника»), письмо Фотиевой Каменеву о том, что диктовка 23-го попала к Сталину лишь по ошибке и должна оставаться секретной даже для членов Политбюро, настойчивое требование Ленина, зафиксированное Володичевой 24-го, тщательно хранить «абсолютную секретность» диктовок – все это выводило данные записи за рамки обычного делопроизводства и действительно изменяло характер ведения «Дневника», доступного более широкому кругу сотрудников аппарата Совнаркома.

Так, по поводу отсутствия записи о диктовке 4 января, в которой говорилось о «перемещении» Сталина с поста генсека, Фотиева позднее объясняла: «Это было секретно. Поэтому я и не занесла»²²²⁹.

С началом «секретных» диктовок, с 23 декабря, записи в «Дневнике» ведутся, как выразился Н.Д. Костин, «в режиме самоцензуры»²²³⁰. Когда речь идет о сугубо конфиденциальном, их вообще может не быть, или сделаны они так, что содержание диктовок не раскрывается. Иногда записи сделаны «задним числом». Так, к примеру, после записи Володичевой о 23 января 1923 года Фотиева к «Дневнику» обращается лишь 30 января и фиксирует информацию за прошедшие дни – 24, 25, 26, 27, 29 и собственно 30 января. Упрекать секретарей в нарушении «режима реального времени», как это делает В.А. Сахаров, конечно, можно, но никак не в «подделке» документа. Ибо подобного рода заполнение пропусков «задним числом» как раз и является характерной особенностью дневников как исторического источника вообще.

Когда же диктуются статьи, предназначенные для печати, это фиксируется в «Дневниках», как правило, в обычном порядке, может быть, даже более подробно, чем прежде.

Валентин Сахаров сетует на избыточность информации сугубо личного, «мемуарного характера», не имеющей, по его мнению, «никакой ценности для делопроизводства»²²³¹. Что ж, скажем ленинским секретарям за это спасибо!

Итак, отсутствие записей о диктовках в «Дневнике дежурных секретарей» нисколько не опровергает самого факта данных диктовок. Тем более что при желании эти вполне объяснимые пробелы можно восполнить. И для этого существует надежнейший источник, который, даже при очень большом желании, никак не включить в документы «заговора» против Сталина.

Я имею в виду все тот же «Журнал дежурных врачей». Он заполнялся, как уже говорилось, медиками ежедневно, и его основное содержание связано с сугубо медицинской информацией: осмотры, консилиум, процедуры, назначения, анализы и т. п. Но есть в этом журнале и то, чего порой не хватает в «Дневнике дежурных секретарей».

Исследователей более всего беспокоит пробел в секретарских записях между 24 и 30 декабря. А вот что свидетельствует врач А.М. Кожевников: 25 декабря – «настроение в общем хорошее. Спокоен. Стенографистке диктовал 10 мин.»; 26 декабря – «настроение плохое, пессимистическое... Стенографистке диктовал 15 мин.»; 27 декабря – «В.И. диктовал стенографистке немного больше 15 мин.»; 28 декабря – «Вчера, когда стенографистка прочла ему продиктованное, то В.И. остался неудовлетворенным содержанием прочитанного. Диктовал стенографистке 20 мин. Читал 10 мин.»; 29 декабря – «диктовал стенографистке 2 раза по 10 мин.»; 30 декабря – «В течение дня В.И. 2 раза читал по 20 мин. и 2 раза диктовал по 15 мин. Первой своей диктовкой остался очень доволен, вторая не вполне клеилась, и это расстроило В.И.»; 31 декабря – «Два раза диктовал стенографистке и потом читал продиктованное. В.И. остался доволен своей работой». Далее идут аналогичные заметки за 1, 2, 3 января. И наконец, 4 января 1923 года – о дне той самой диктовки, которую выше цитировал Сталин: «Днем спал полтора

часа. Проснулся в гораздо лучшем настроении, чем было утром. 2 раза диктовал и читал»²²³². Таким образом, факт диктовок Ленина именно в те дни, которые были пропущены в «Дневнике дежурных секретарей», подтверждены «Журналом дежурных врачей» полностью.

Положению Фотиевой и Володичевой в это время никак нельзя позавидовать. С одной стороны, преданность Владимиру Ильичу и чувство огромной ответственности. С другой – партийная дисциплина, жестко контролируемая Сталиным и определяющая, что дозволено и чем не должен заниматься Ленин. Эта ситуация постоянно создавала проблемы.

Помня о так называемом «грузинском деле», Владимир Ильич спрашивает Володичеву: «Был ли этот вопрос в Политбюро. Я ответила, – пишет Володичева, – что не имею права об этом говорить». Вроде бы на том и кончен разговор. Ан нет. Не тот был собеседник. «Спросил: “Вам запрещено говорить именно и специально об этом?” “Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах”. “Значит, это текущее дело”. Я поняла, что сделала оплошность»²²³³.

29 января Сталин спрашивает Фотиеву, «не говорю ли Владимиру Ильичу что-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила – не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел»²²³⁴.

Запись о реорганизации РКИ («Что нам делать с Рабкрином?»), непосредственно связанную с «Письмом к съезду», Ленин стал диктовать 9 и 13 января 1923 года. Поначалу он полагал, что этот документ, как и другие документы, он сам внесет на обсуждение XII съезда РКП(б)²²³⁵. Однако ход болезни не давал твердой уверенности в том, что он сможет осуществить свой план. И тогда Владимир Ильич решает опубликовать их в виде статей до съезда.

19, 20, 22 и 23 января он диктует и редактирует окончательный вариант статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» и 23-го, около 15 часов, через

Марию Ильиничну передает ее редактору «Правды» Бухарину. О том, как разворачиваются события дальше, существует две версии: одна принадлежит Троцкому, вторая – Куйбышеву.

23 октября Троцкий пишет членам ЦК и ЦКК: «Т. Бухарин не решался печатать статью т. Ленина, который со своей стороны настаивал на ее немедленном помещении. Н.К. Крупская сообщила мне об этой статье по телефону и просила вмешаться в целях скорейшего печатания статьи. На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствовавшие: т.т. Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин – были не только против плана т. Ленина, но и против самого напечатания статьи. Особенно резко и категорически возражали члены Секретариата. Ввиду настойчивых требований т. Ленина о том, чтобы статья была ему показана в напечатанном виде, т. Куйбышев... предложил отпечатать в одном экземпляре специальный номер “Правды” со статьей т. Ленина для того, чтобы успокоить его, скрыв в то же время статью от партии. Я доказывал, что предложенная т. Лениным радикальная реформа прогрессивна сама по себе, – при условии, что, разумеется, ее правильного осуществления... Меня поддержал только т. Каменев, явившийся с опозданием почти на час на заседание Политбюро. Главным аргументом, склонившим к напечатанию письма, был тот довод, что ленинской статьи от партии все равно не скроешь»²²³⁶.

В связи с тем, что этот эпизод (под крики «Позор!») всплыл в ходе партийной дискуссии, Валерьян Куйбышев, в письме Комиссии Хамовнической партконференции, предложил 23 февраля 1924 года свою версию: «До заседания Политбюро, когда еще не все члены Политбюро собрались и заседание еще не открылось, в кабинет т. Сталина входили постепенно один за другим члены ПБ и бегло знакомились со статьей Влад. Ильича по корректурному оттиску, принесенному т. Бухариным... У меня лично вначале сложилось впечатление, что усилившаяся к тому времени болезнь Влад. Ильича отразилась на статье. Это впечатление усиливалось нервным настаиванием т. Ленина и нажимом на т. Бухарина, чтобы статья во что бы то ни стало

была помещена в завтрашнем номере и ему показана. Между тем обращалось внимание на некоторые отдельные места статьи, которые, будучи взяты обособленно, были непонятны и казались странными: раскол партии, лучший наркомат НКВД, детальное определение количества служащих РКК и т. д.

...Оттиск статьи Ильича ходил из рук в руки, раздавались отдельные реплики (я помню, например, реплику т. Троцкого – “почему НКВД лучший наркомат?”), высказывались летучие отзывы и предложения. В этой нервной обстановке, создавшейся благодаря опасениям за здоровье Ильича, у меня, повторяю, не ознакомившегося по-настоящему со статьей в целом, мелькнула мысль: “Если Ильич болен и в статье эта болезнь отразилась и если Ильичу необходимо показать эту статью напечатанной, то не набрать ли специальный номер «Правды»?” Эту мысль я высказал. Но это были летучие мысли вслух. Я сразу же от этой мысли отказался... Когда статья была прочитана, я не только не сделал такого предложения, но даже и мысли такой не возникало больше, так как все сомнения рассеялись как дым – из-за статьи чувствовался здоровый Ильич – и я высказался за немедленное опубликование статьи»²²³⁷.

Итак, 23 января Ленин завершил работу над статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин». 24-го Каменев зачитал ее на Политбюро. 25 января статья публикуется в «Правде». Казалось бы, все хорошо. Но если читатель критически отнесется как к претензии Троцкого на роль «защитника» Владимира Ильича, так и к заверениям Куйбышева о всеобщем «одобрении», если усомнится в этом – он будет прав.

Обе версии достаточно точно отражают ту сумятицу, которую породила ленинская статья. Более всего насторожило упоминание о возможности раскола. Тем более что некоторые члены Политбюро уже знали о «Письме к съезду», где также говорилось о подобного рода опасности. Эту проблему они восприняли сугубо персонифицировано. И более того, как отметил Куйбышев, боялись, что поползут слухи о том, что существуют «неизвестные членам партии конкретные разногласия внутри Политбюро...»²²³⁸

«Именно поэтому, – разъяснял Сталин 4 марта 1924 года, – и было принято Политбюро не одно, а два решения: а) немедленно сдать в печать статью Ильича; б) разослать всем местным организациям письмо ЦК за подписями всех наличных членов Политбюро и Оргбюро с разъяснением о том, что нет оснований опасаться раскола в партии и ЦК. Это письмо было в тот же день отправлено организациям в шифрованном виде»²²³⁹.

Об обсуждении статьи на заседании ЦК Ленин не знал. Фотиева сказала ему, что ей это неизвестно. Но что-то из разговоров, происходивших там, вероятно, дошло до Владимира Ильича. Бухарин, например, вполне мог проговориться Марии Ильиничне о том, что в связи с ленинской статьей как-то упоминалось «Письмо к съезду». Во всяком случае, именно в этот день, 24 января, Ленин сказал Фотиевой: «Прежде всего по нашему “конспиративному” делу: я знаю, что Вы меня обманываете». На мои уверения в противном, пишет Лидия Александровна, он сказал: «Я имею об этом свое мнение»²²⁴⁰.

Что же касалось шифровки, посланной во все губкомы и обкомы РКП(б) (не в тот же день, 24-го, как указано Сталиным, а 27 января 1923 года), то в ней действительно подчеркивалось, что «во внутренней работе ЦЕКА совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения “раскола”».

Авторы этого коллективного «разъяснения» всячески акцентировали внимание партийного актива на том, что Ленин тяжело болен, что он не только не принимает участия в заседаниях Политбюро, но ему не посылают и протоколов, что ему запрещено даже чтение газет, ибо врачи предписали Ильичу «абсолютный покой». Иными словами, давалось понять, что реального положения дел в стране и в партии он не знает и знать не может.

В письме указывалось, что врачи сочли возможным разрешить Ленину, «ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности, вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам, причем части этого дневника, по указанию самого тов. Ленина, появляются на

страницах печати». Говоря грубее, речь идет не о конкретных предложениях предстоящему XII съезду партии, не о безотлагательной «политической реформе», а всего лишь об «общих соображениях и трудностях», которые могут возникнуть «в предстоящую историческую эпоху». И все это – на почве «невыносимости для него полной умственной бездеятельности...»

В конце данного «строго секретного» письма, «во избежание возможных недоразумений», выражалась уверенность, что «губкомы не замедлят правильно ориентировать партийные организации». Далее следовали подписи по алфавиту «наличных членов Политбюро и Оргбюро ЦК РКП: Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий»²²⁴¹.

И напрасно Юрий Иванов в своей книге «Чужой среди своих» утверждает, что подпись Троцкого была «явно фальсифицирована Сталиным». Нет, не фальсифицирована. Подписал Лев Давыдович... Как и Николай Иванович Бухарин, как и Рыков, как и Каменев, как и Дзержинский. Документ заверен печатью и подписью техсекретаря Политбюро М. Бураковой, он не раз упоминался в ходе дискуссии 1924 года, и никто никаких опровержений по этому поводу не давал²²⁴².

При всей сдержанности письмо это, по сути своей, являлось достаточно жестким. Причина вполне очевидна. Надо было «подстраховаться» на будущее. Независимо от того, знали в этот момент члены руководства о «характеристиках» в «Письме к съезду» или нет, они нисколько не сомневались в том, что Ленин сумеет обойти любые препоны, для того чтобы довести свои предложения до партийного съезда. И повод для опасений был.

Именно 24 января Владимир Ильич поручил Фотиевой «запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу...». О том, что на 25-е этот вопрос поставлен на Политбюро, что все уже сговорено, «он, – как отмечает Фотиева, – по-видимому, не знал». 25 января Политбюро обсудило доклад комиссии и утвердило ее предложения. Так что «вопрос» был улажен. Поэтому запрос Ленина, который, как мы знаем, так или иначе затрагивал

Сталина, Дзержинского, Рыкова, Орджоникидзе и других, был совсем нехстати²²⁴³.

С запросом о материалах комиссии по грузинскому вопросу Лидия Александровна обратилась к Дзержинскому. Феликс Эдмундович ответил, что «материалы у Сталина», а Сталин 29-го позвонил и заявил, что «материалы без Политбюро дать не может». Узнав об этом 30 января, Владимир Ильич сказал Фотиевой, что «будет бороться за то, чтоб материалы дали». Но уже 1 февраля – через 4 дня после того, как шифровка ушла в губкомы, Фотиева сообщила Ленину, что Политбюро «разрешило материалы получить»²²⁴⁴.

29 января у Владимира Ильича состоялся разговор с врачом, и «на его вопрос, сможет ли он выступить на съезде 30 марта, доктор ответил отрицательно, но обещал, что к этому сроку он встанет, а через месяц ему будут разрешены газеты». Фотиева пишет, что Ленин рассмеялся и сказал по поводу документов грузинской комиссии: «"Это ведь не газеты, значит, я могу и сейчас читать"». Настроение, по-видимому, недурное»²²⁴⁵. И, может быть, как раз оттого, что прав он оказался, когда решил готовить не выступление на XII съезде, а, по возможности, изложить свои предложения до съезда в продиктованных статьях и письмах.

После публикации «Как нам реорганизовать Рабкрин» Владимир Ильич заметно повеселел. Володичева после встречи с Лениным 2 февраля записывает: «Не видела с 23-го января. По внешнему виду значительная перемена к лучшему: свежий, бодрый вид. Диктует, как всегда, превосходно: без остановки, очень редко затрудняется в выражениях, вернее, не диктует, а говорит жестикулируя»²²⁴⁶.

Напрашивается вопрос: существовала ли какая-то связь между диктовками и самочувствием Владимира Ильича или, по крайней мере, его настроением? Если судить по записям врачей за декабрь 1922 – март 1923 года, то существовала. Причем самая непосредственная и безусловно положительная. Судите сами...

После 16 декабря, все дни подряд, общее состояние Ленина ухудшается: «бессонница», «голова тяжелая», «настроение плохое», «писать может только крайне медленно, причем буквы очень мелкие», но пока «речь не расстроена».

В.И. Ленин в кресле-каталке. Горки, 1923 год

23-го, как указывалось выше, самочувствие еще более ухудшилось, но он настоял на диктовке «Письма к съезду». Врачи

отмечают: «После этого В.И. значительно успокоился». Запись следующего дня, после продолжения диктовки: «Спал хорошо, и объясняет это В.И. тем, что ему дали возможность продиктовать свои мысли. Голова не болит». После диктовок 25-го и 26-го: «Настроение в общем хорошее. Голова не болит»²²⁴⁷.

С 1 января, когда диктовал он ежедневно – «был весел, много смеялся, шутил». 21 января Ленин не диктовал – стала побаливать голова. 22-го проснулся в 5 утра «в плохом настроении. Разошлись нервы. Был очень расстроен, что не мог снова заснуть». Позднее позвал стенографистку. «Диктовка удалась, и В.И. очень доволен». И днем «вид у него был довольно бодрый и неустоимый... В.И. оживлен, много разговаривал и шутил»²²⁴⁸.

Перепады настроения, как видим, были. И причины были разные. 10 января ни с того, ни с сего начались острые приступы межреберной невралгии. Малейшее движение, даже глубокий вздох, отдавали ужасными болями в левом боку. Сразу разболелась голова, «лицо озабоченное, беспокойное, настроение очень плохое». Впрочем, с этой болячкой врачи справились довольно скоро. И он успел даже в этот день 2 минуты диктовать, а потом и спал хорошо, и весь следующий день настроение было хорошим и веселым, хотя боль в боку еще давала о себе знать²²⁴⁹.

Иногда настроение портилось оттого, что не ладилась работа. 30 декабря, как уже рассказывалось выше, он дважды диктовал Володичевой письмо «К вопросу о национальностях...». Вторая диктовка, как отметил Кожевников, – «не вполне клеилась, и это расстроило В.И. К вечеру настроение стало значительно хуже... Сразу не мог заснуть». Но уже 31-го «был в гораздо лучшем настроении», ибо после двух новых диктовок «остался доволен своей работой»²²⁵⁰.

Увы, эту диктовку – «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» – постигла та же участь, что и предыдущие. Расшифровывая эту запись, резко критиковавшую позицию Сталина, Володичева наткнулась на слово «держиморда» и,

когда «разобралась, ужаснулась, ужаснувшись, перестала печатать».

Она сообщила об этом Фотиевой. Та сразу же позвонила Сталину: «"Товарищ Сталин, Владимир Ильич только что закончил письмо политического характера, в котором обращается к съезду. Я считаю нужным передать его в ЦК". Сталин ответил: "Ну, передайте Каменеву". (Они тогда были вместе.) Я так и сделала»²²⁵¹.

Кожевников считал, что в перепадах настроения Владимира Ильича существенную роль играет прежде всего «сознание, что болезнь наступила в высшей степени в неблагоприятный момент (съезд Советов и съезд союзных республик)». Но еще больше его беспокоил вопрос о том, сможет ли он принять участие в предстоящем партийном съезде. Именно эти проблемы, видимо, и являлись для него главными²²⁵².

Но были, впрочем, и другие причины – более «частного», более личностного характера. 11 февраля Ленина, как обычно, посетили Ферстер, Крамер и Кожевников. По ходу разговора Кожевников заметил, что Владимир Ильич стал менее разговорчив «и, по-видимому, был доволен, что мы скоро ушли, хотя благодаря своей всегдашней деликатности он старался поддерживать разговор и подробно расспрашивал профессора Ферстера о его пребывании в Москве».

При долгой болезни между врачами и больным очень часто устанавливаются особые, доверительные отношения. Ленин, видимо, в какой-то мере полагался на это. Но в ходе беседы с Ферстером, вновь прибывшим из Германии 3 февраля, он убедился в том, о чем прежде мог только догадываться: врачи докладывают Политбюро не только о ходе болезни, ее лечении, но и подробно обсуждают его занятия и разговоры.

Об этом на следующий день, 12 февраля, Мария Ильинична говорила с Кожевниковым: «После нашего посещения был очень расстроен. Он был бледен, а когда говорил, у него дрожали губы. М.И. предполагает, что расстроился В.И. тем, что из одной фразы Ферстера он узнал, что мы имели собеседование с ЦК и таким образом узнали, о чем и чем интересуется В.И. и что его

озабочивает. М.И. сообщила, что в 7 часов [11 февраля] у В.И. было в течение 5 минут затруднение речи. Он не мог сказать то, что хотел, и сам заявил: "Я не могу сказать то, что хочу, не нахожу слов"... В 11 часов у В.И. разболелась голова»²²⁵³.

Запись 12-го: «Лицо у В.И. бледное, выражение лица грустное, нет в нем обычной приветливости, по-видимому, В.И. чем-то расстроен. Во время разговора В.И. не сразу мог находить слова... Вообще память у В.И. стала, по-видимому, несколько хуже». При прощании с Ферстером, уезжавшим на следующий день в Германию, «В.И. был менее любезен, чем обыкновенно. Чувство обиды, по-видимому, продолжается»²²⁵⁴.

Этот же эпизод подробно записывает 12 февраля в «Дневнике дежурных секретарей» Лидия Александровна Фотиева: «Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль... По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация.

На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: "Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих". По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам»²²⁵⁵.

И основания для этого были. Ведь еще 3 февраля, в день своего приезда, Ферстер наговорил Ленину «много приятных вещей, разрешил гимнастику, прибавил часы для диктовки статей...». 9-го Ферстер заявил, что «склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет». И вдруг, буквально через день, опять – ни свиданий, ни газет.

Впрочем, периодичность перепадов в состоянии Владимира Ильича учащается. Еще 7 февраля Кожевников говорил Фотиевой, что в здоровье Ленина отмечено «громадное

улучшение», а уже 10-го она записывает: «Вид усталый, говорит с большим затруднением, забывая мысль и путая слова»²²⁵⁶.

«Эпизод» с Ферстером 11-го еще более усугубляет положение. Расстройство речи усиливается. Именно в эти дни у Владимира Ильича наблюдается тремор правых конечностей и сильнейший озноб, от которого не спасают два одеяла²²⁵⁷. Но уже на следующий день после отъезда Ферстера, 14 февраля, Ленин заявил врачам, что «сегодня он чувствует себя совершенно здоровым. Голова легкая, совершенно свежая... Настроение хорошее. В.И. сказал, что он не ожидал такой перемены и уже готов был впасть в пессимизм, сегодня же верит, что может поправиться»²²⁵⁸.

В разговоре с Фотиевой, состоявшемся в тот же день, Владимир Ильич был более сдержан: «Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т. е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться... Если же мы затянем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен». Ибо он намерен «неприменно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет»²²⁵⁹.

«В те дни, – вспоминала Мария Ильинична, – когда работа клеилась лучше и Владимир Ильич видел результаты ее, он бывал в лучшем настроении, шутил и смеялся. Но и в это время Владимир Ильич был занят не только записями... Он был занят и текущими делами, старался влиять и на них»²²⁶⁰. Он концентрирует внимание на нескольких вопросах. Фотиева записывает их как раз накануне нового 1923 года.

«1. О Центросоюзе и его значении с точки зрения НЭПа.

2. О соотношении Главпрофторба с общепросветительской работой в народе.

3. О национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в грузинской партии).

4. О новой книге статистики народного образования, вышедшей в 1922 г.»²²⁶¹.

После публикации 2 и 4 января 1923 года «Страничек из дневника», где Ленин обстоятельно анализирует книгу «Грамотность в России. М., 1922. ЦСУ. Отдел статистики народного образования», после завершения 6 января работы над статьей «О кооперации» и опубликования в «Правде» 25 января статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)» перечень тем несколько меняется.

7 февраля Фотиева вновь записывает наиболее интересующие Владимира Ильича вопросы: 1. Перепись совслужащих, проведенная ЦСУ в Москве и Петрограде в конце 1922 года; 2. Материалы комиссии Политбюро по «грузинскому вопросу»; 3. Отношение коллегии НК РКИ к плану реорганизации Рабкрина; 4. Соотношение деятельности Главпрофобра с общепросветительской работой в народе²²⁶².

Что касается переписи совслужащих, то Ленина волновал вопрос о том, когда и как будут преподнесены ее результаты. «... Его заботит, – записала Фотиева, – будут ли напечатаны таблицы в таком виде, как это нужно», т. е. чтобы не затушевывали при подведении итогов того несомненного факта, что при всех чрезвычайных чистках и сокращениях госаппарата число чиновников непрерывно возрастает²²⁶³.

Фотиева отметила, что для получения корректуры данного статистического сборника необходимо разрешение Сталина. Решили пойти в обход. Ленин «согласился с моим предложением, – записывает Лидия Александровна, – провести поручение о проверке через Каменева или Цюрупу. Поручение дать Кржижановскому и Свидерскому».

Главная задача, которую с самого начала поставил Владимир Ильич: «ввиду особенной важности этой переписи материалы должны быть опубликованы, несмотря на то что данные предыдущих переписей не опубликовывались...». При этом особо указывалось, что «Владимир Ильич хотел бы их видеть в печати до партийного съезда...»²²⁶⁴.

Относительно Рабкрина Ленина интересовало, готовы ли члены коллегии РКИ теперь, после публикации 25 января его статьи, сделать, как он выразился, «шаг государственной

важности», т. е. приступить к подготовке реформы госаппарата, или же они станут ждать съезда. Фотиеву спросил: согласны ли вообще Цюрупа, Свидерский, Аванесов, Реске и другие члены коллегии РКИ с его статьей? И еще спросил: «Не колеблется ли Цюрупа, не старается ли оттянуть, откровенно ли говорит со мной? Я сказала, что не имела пока возможности говорить с ним...»

Вне зависимости от этого Владимир Ильич попросил передать Александру Дмитриевичу, что сейчас он работает над статьей «Лучше меньше, да лучше», в которой еще раз вернется к реформе РКИ и обязательно покажет ее Цюрупе до сдачи в печать. Главное же, для себя Ленин твердо решил, что «вопрос о Рабоче-крестьянской инспекции он внесет на съезд»²²⁶⁵.

Вопрос о соотношении деятельности Главпрофобра с общепросветительской работой в массах Ленин много раз обговаривал с Крупской и, в конце концов, попросил ее написать об этом статью, пообещав свое послесловие. По словам Надежды Константиновны, его основная мысль сводилась к тому, что необходимо широкую производственную пропаганду, которой занимался Главпрофобр, тесно связать с ликвидацией неграмотности и общими задачами повышения уровня культуры народа.

Ленин считал, что нельзя рассматривать проблемы культуры как нечто изолированное, вне времени и пространства. Безусловно, культура вырастает на базе определенного экономического уровня развития страны, зависит от ряда других факторов и, в особенности, от существующего политического уклада. Она увязана со всеми сторонами жизни: от культуры управления госаппарата до производительности труда.

«На II съезде политпросветчиков, – писала Крупская, – он говорил, что раз назвались политпросветчиками, то вам до всего должно быть дело. В стране процветает взяточничество. Если вы действительно политпросветчики, если вы по-настоящему поднимаете культуру, то вы должны поставить себе задачей борьбу со взяткой. Он говорил не об административной борьбе со взяткой, а о такой борьбе, когда создается определенное

общественное мнение, которое делает невозможной эту взятку. Эту увязку со всеми сторонами жизни Владимир Ильич неустанно подчеркивал».

Крупская написала статью «База культуры». Ленин прочел ее и своей приписки-послесловия делать не стал, а посоветовал закончить обращением к рабочим и крестьянам о том, чтобы они сами брались за дело ликвидации неграмотности.

«Вспоминается мне, – пишет Крупская, – один разговор с Владимиром Ильичом, когда он был болен. Я прихожу и рассказываю, что я прочитала в одном американском журнале, что американцы собираются к такому-то году [1927. – В.Л.] ликвидировать всю неграмотность. А когда мы ликвидируем – это неизвестно. Он говорит: “Мы можем к тому же сроку ликвидировать, только при том условии, если массы возьмутся”. Это “если массы возьмутся” характерно для всей точки зрения Владимира Ильича. Он смотрел на массы как на главнейший движущий фактор, который создаст нечто свое»²²⁶⁶.

...Самым сложным из того перечня, который продиктовал Фотиевой Ленин, оказался «грузинский вопрос», ибо по нему уже состоялись решения сначала Оргбюро (21 декабря 1922 года), а затем Политбюро ЦК (13 января 1923 года), одоббившие доклад комиссии Дзержинского и постановившие отозвать из Грузии Ф.И. Махарадзе, П.Г. Мдивани, С.И. Кавтарадзе и К.М. Цинцадзе. «Смена эта, – указывалось при этом в постановлении Политбюро, – ни в коем смысле не лишает доверия в глазах ЦК тех товарищей, которые... переведены на работу вне Грузии»²²⁶⁷.

О проступке Серго Орджоникидзе, в пылу спора заехавшего по физиономии А. Кабахидзе, обозвавшего его «сталинским ишаком», в решении даже не упоминалось. И, судя по всему, ни Серго, ни Коба на выводы комиссии в обиду не были. Во всяком случае, Рождество 1923 года они вместе с Дзержинским встречали на квартире у Рыкова. А присутствовавшего там известного пианиста Давида Шора более всего поразило то, как Дзержинский танцевал перед «кавказцами» лезгинку²²⁶⁸.

В позитивном решении «грузинского вопроса», как мы знаем, был лично заинтересован ряд влиятельнейших членов

партийного руководства. Но Ленин из этого сделал лишь один вывод: для объективного решения необходимо заново провести тщательнейший анализ всех обстоятельств и документов, связанных с данным делом. И эту работу 24 января он поручает Фотиевой, Гляссер и Горбунову, не скрывая от них, что требуется это Владимиру Ильичу «для партийного съезда»²²⁶⁹.

При этом, пишет Мария Гляссер, «он взял с нас слово держать все в строжайшей тайне до окончания работы... Именно потому, что он был болен и страшно подозрителен – ему все время казалось, что с ним уже не считаются (я так думаю), обмануть его доверие было для нас невыносимо»²²⁷⁰.

1 февраля 1923 года, узнав, что Политбюро разрешило, наконец, выдать материалы комиссии Дзержинского, Ленин диктует Фотиевой те вопросы, на которые он хотел бы получить четкие ответы.

«За что старый ЦК КП Грузии обвинили в уклонизме... Что им вменялось в вину, как нарушение партийной дисциплины...

За что обвиняют Заккрайком в подавлении ЦК КП Грузии... Физические способы подавления ("биомеханика")...

Отношение комиссии. Рассматривала ли она только обвинения против ЦК КП Грузии или также и против Заккрайкома? Рассматривала ли она случай биомеханики...

Настоящее положение (выборная кампания, меньшевики, подавление, национальная рознь)».

И еще один вопрос: попробовать сопоставить линию ЦК РКП(б) в данном вопросе «в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче».

Договорились, что Фотиева, Гляссер и Горбунов, во избежание какого-либо субъективизма, изучат все материалы комиссии, а потом составят общий обзор и сведут воедино свои выводы по тем вопросам, которые поставил и еще будет ставить Ленин. Дав необходимые рекомендации, Владимир Ильич заметил: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам»²²⁷¹.

Поначалу предполагали, что на всю эту работу уйдет недели четыре. Но уже 3 февраля Ленин сократил сроки: «Я думаю, – сказал он, – что Вы сделаете Вашу реляцию недели через три, и тогда я обращусь с письмом». 5-го, обсуждая с Гляссер ход работы над материалами комиссии, «Владимир Ильич стал рассчитывать, сколько осталось времени до съезда. Когда я сказала, что осталось месяц и 25 дней, он сказал, что это срок, пожалуй, достаточный, но если понадобятся дополнительные сведения, то может оказаться малым, тем более если принять во внимание то соображение, что до Кавказа ехать еще больше... Сказал, что в случае нужды мы можем привлечь к работе Володичеву и Шушанику Манучарьянц». То есть бороться по данному вопросу он собирался всерьез²²⁷².

То, чем занимался Ленин и его помощники, для членов Политбюро не было секретом. И на сей раз, не дожидаясь ленинского письма или статьи, они решают предупредить его. 5 февраля ЦК РКП(б) направляет всем губкомам и обкомам партии секретное письмо, в котором соответствующим образом информирует и оценивает конфликт в Компартии Грузии.

На следующий день, 6-го, Сталин поручает ленинским секретарям доложить Владимиру Ильичу о содержании данного письма. А когда Мария Гляссер спрашивает, следует ли это сделать до доклада Ленину по «грузинскому вопросу», который ему представят недели через три, Сталин ответил, что вопрос этот теперь решается просто: сообщение о письме ЦК надо включить в готовящийся доклад²²⁷³.

Поскольку информацию, ушедшую на места, Ленин счел неполной и односторонней, он предпринимает весьма осторожные шаги для того, чтобы его позиция также стала известна партийному активу. 14 февраля вечером он вызывает Фотиеву. «Затруднялся речью, – пишет она, – видимо, устал. Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его всех больше волновал, т. е по грузинскому вопросу. Просил торопиться. Дал некоторые указания».

Эти указания Фотиева тоже записала: «намекнуть Сольцу (Член Президиума ЦКК РКП(б). – В.Л.), что он (В.И. Ленин. – В.Л.) на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне.

3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким.

Знал ли Сталин? Почему не реагировал?

Название “уклонисты” за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников»²²⁷⁴.

Даже если бы Ленин и не написал до этого, в канун Нового года, своего письма «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», то и приведенный выше краткий текст достаточно точно фиксирует позицию Владимира Ильича по так называемому «грузинскому вопросу».

Поскольку обо всей этой работе «тройка» членов Политбюро была осведомлена, с публикацией съездовских тезисов Сталина по национальному вопросу решили не торопиться. И 21 февраля Пленум ЦК постановил: «Тезисы не публиковать, сообщив их т. Ленину (с разрешения врачей). Если т. Ленин потребует пересмотра тезисов, собрать экстренный пленум».

А через два дня М.В. Фрунзе внес на пленум свои предложения и замечания по сталинским тезисам. Документ этот передали в специальную комиссию, в которую вошли Каменев, Сталин, Фрунзе, Раковский, Томский, Рыков, Рудзутак, Рахимбаев (Туркеста) и Сокольников.

8 марта, на совещании Каменева, Зиновьева, Сталина, состоявшемся на квартире у Троцкого, приняли предложение Сталина: поскольку, «по мнению врачей, свидания с т. Лениным пока еще невозможны», а «без просмотра т. Лениным тезисы эти не могут быть опубликованы, причем не исключено, что т. Ленин, может быть, не одобрит некоторые важные пункты тезисов, ввиду чего, возможно, придется созвать экстренный пленум для окончательного принятия тезисов», – в силу указанных причин перенести созыв съезда с 30 марта на 15 апреля 1923 года. Это решение и было принято Политбюро²²⁷⁵.

...С 15 февраля по 4 марта, как уже отмечалось, записи в «Дневнике дежурных секретарей» не велись. Можно лишь предполагать, что Ленину окончательно надоело то, что каждый его шаг Пленум ЦК решает систематически информировать секретарей губкомов о состоянии здоровья Ленина, а 1 марта Политбюро ЦК поручает Енукидзе договориться с профессором Крамером об «интервью о здоровье Владимира Ильича для печати»²²⁷⁶.

Даже если указанные решения диктовались самыми благими пожеланиями, вряд ли они могли понравиться Ленину. Он готовился обратиться к партии по судьбоносным вопросам ее жизни, а партию ориентировали на интерес к его болезни, температурным листам и результатам анализов.

Между тем и в пропущенные в «Дневнике» дни Ленин продолжал работать. Записи медиков позволяют установить, что 18, 19, 20, 27 февраля и 2 марта днем или вечером он беседовал с Фотиевой, много читал. 22 февраля и 2 марта закончил диктовку Володичевой статьи «Лучше меньше, да лучше».

А уже 3 марта он получает от Марии Ильиничны корректуру этой статьи из «Правды» и, наконец-то, докладную записку и заключение Фотиевой, Гляссер и Горбунова о материалах комиссии Политбюро ЦК по «грузинскому вопросу». И Ленин прямо говорит Фотиевой, что и свое письмо об «автономизации» он намерен опубликовать как статью, но сделает это несколько позже, т. е. накануне съезда²²⁷⁷.

Видимо, где-то в эти дни у Владимира Ильича состоялся примечательный разговор с сестрой. «Раз утром, – пишет Мария Ильинична, – Сталин вызвал меня в кабинет В.И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: “Я сегодня всю ночь не спал, – сказал он мне. За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь”. Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. “А”, – возразил В.И. “И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так

любит тебя". Ильич усмехнулся и промолчал. "Что же, – спросила я, – передать ему и от тебя привет?" "Передай", – ответил Ильич довольно холодно. "Но, Володя, – продолжала я, – он все же умный, Сталин". "Совсем он не умный", – ответил Ильич решительно и поморщившись»²²⁷⁸.

Эта реплика требует комментариев, как, впрочем, часто требуют пояснений слова, сказанные в доверительной беседе между близкими людьми.

Известнейший и умнейший наш философ Эвальд Ильенков, выросший в старобольшевистском окружении, как-то задал мне вопрос. Он слышал от стариков о том, что, характеризуя какого-то деятеля, слывшего умником и эрудитом, Ленин якобы сказал: «Умный-то он умный, только вот ум у него глупый». Похоже ли это на правду? Я ответил, что в текстах такой фразы не встречал, но по смыслу слова эти вполне могли принадлежать Ильичу.

Дело в том, что для Ленина такие, казалось бы, простые понятия, как «умный» или «глупый», не были столь однозначными. Однажды в разговоре с молодым большевиком Иваном Поповым Владимир Ильич употребил фразу Фердинанда Лассалья – «физическая сила ума».

И на недоуменный вопрос Ивана Федоровича пояснил смысл этих слов на примере Плеханова, с которым был в это время в контрах. «Вы только взгляните на него, – сказал Владимир Ильич, – и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»²²⁷⁹.

Но одной «физической силы ума» для Ленина было недостаточно. Важно было и то, какой «продукт» выдает этот ум. В 1921 году на X конференции РКП(б) Ленин привел пример: оценивая политическую ситуацию в России, Милюков дал ей более верную оценку, нежели Мартов и Чернов. Это доказывает, отмечает Владимир Ильич, что «он умнее Мартова и Чернова... хотя бы лично он и не был так умен, как Чернов и Мартов»²²⁸⁰.

Аналогичный пример Ленин привел в ноябре 1922 года на IV конгрессе Коминтерна. То, что политику «просвещенных» великих держав формируют люди умные и образованные, в этом он нисколько не сомневался. Не сомневался и в том, что, к примеру, Версальский мир консультировали с учеными мужами, интеллектуальной элитой Европы.

И что же получилось? То же, что и с расчетами на интервенционистские планы против Советской России, которые опять-таки сочинялись людьми совсем не глупыми. Эгоистические интересы Антанты, помноженные на эйфорию победы в войне, заслонили вполне очевидную историческую перспективу. «Они оценивали ее, – заметил Ленин, – с точки зрения того, что лежит у них под носом...»²²⁸¹

Вот и получилась у ученых людей, явно обладавших «физической силой ума», полная бессмыслица. Получилась та самая пигасовская «дважды два – стеариновая свечка», – о которой вспомнил на конгрессе Коминтерна Владимир Ильич. «Это было фиаско, – сказал он, – которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка»²²⁸².

Так и в «грузинском вопросе». Ленин был глубоко убежден, что позиция «автономистов», занятая Сталиным, чревата самыми серьезными негативными последствиями, которые ум Сталина, видимо, никак не ухватывает.

Вернемся, однако, к рассказу Марии Ильиничны Ульяновой. Итак: «"Совсем он не умный", – ответил Ильич решительно и поморщившись... Слова его о том, что Сталин "вовсе не умен", были сказаны В.И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем – определенное и сложившееся, которое он передал мне».

«Продолжать разговор я не стала, а через несколько дней В.И. узнал, что о том, что Сталин грубо обошелся с Н.К., знают и Каменев и Зиновьев, и с утра, очень расстроенный, попросил вызвать к себе стенографистку, спросив предварительно, уехала ли уже Н.К. в Наркомпрос, на что ему ответили положительно. Пришла Володичева, и В.И. продиктовал ей следующее письмо к Сталину...»²²⁸³

У некоторых исследователей письмо это вызывало некоторое недоумение. Им казалось, что появилось оно слишком спонтанно и по поводу более чем двухмесячной давности. Ну, а В.А. Сахаров, как уже указывалось, вообще считает его подделкой. Между тем достаточно проследить последовательность событий этих дней, чтобы причина стала очевидной.

3 марта Владимир Ильич получает от Фотиевой заключение о материалах по «грузинскому вопросу». 4 марта читает, и совершенно очевидно, что изучение этих документов удовольствия ему не доставило. Врач прямо записал, что оно «его чрезвычайно расстроило. Он стал вспоминать свою первую болезнь. По-видимому, более медленная теперь поправка его беспрестанно волнует и озабочивает». Ему действительно стало гораздо хуже, и он, вероятно, даже стал сомневаться в том, сможет ли сам довести дело до конца²²⁸⁴.

Позднее Мария Гляссер, которая вела протокол заседания Политбюро при обсуждении «грузинского вопроса», написала, что, стараясь успокоить Владимира Ильича, «я рассудила – может быть, слишком примитивно, – что если Вл. Ил. узнает о том, что тт. Зиновьев и Троцкий думают так же, как и он, то он не будет так сильно волноваться... В.И. действительно, узнав об этом, обрадовался и как будто успокоился»²²⁸⁵.

Утром 5-го Ленин вызывает стенографистку и диктует не одно, а два письма. Первое – Троцкому: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-то не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом Ленин».

К письму приложена записка секретаря: «Товарищ Троцкий! К письму, переданному Вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для Вашего сведения, что т. Каменев едет в

Грузию в среду, и просит узнать, не желаете ли Вы послать туда что-либо от себя. 5-го марта 23 г.»²²⁸⁶.

Второе письмо адресовано «Товарищу Сталину. Строго секретно. Лично. Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин. 5-го марта 23 года»²²⁸⁷.

Письмо, как видим, написано достаточно жестко. Так в старые времена писали «письма чести» – вызовы на дуэль. Но если речь идет о сугубо «личном конфликте», тем паче более двухмесячной давности, то при чем тут Каменев и Зиновьев? А ведь Владимир Ильич не только направляет им копии данного письма. Он прямо пишет: хотя Сталин и извинился перед Крупской, его беспокоит то, что этот конфликт «стал известен Зиновьеву и Каменеву». Стал известен – и они (старые соратники?!) ничего не предприняли, т. е. попросту потакали Сталину...

Так, может быть, письмо это – не только формально, но и по существу – адресовалось всей «тройке»: не только для того, чтобы прояснить отношения со Сталиным, но и предупредить Зиновьева и Каменева о том, что настроен Ленин достаточно решительно и столь же решительно будет отстаивать свои позиции по всем принципиальным вопросам. То есть рано смотреть на него как на мертвого льва, которого любой может пинать ногами.

Сам факт диктовки данного письма засвидетельствован М.А. Володичевой в тот же день, 5 марта 1923 года, в «Дневнике дежурных секретарей»: «Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое – Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему

[Ленину. – В.Т.] ответ как можно скорее. Второе [Сталину. – В.Т.] пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо»²²⁸⁸.

А вот запись за 5 марта доктора А.М. Кожевникова: «Проснулся в удовлетворительном настроении, без головной боли... Около 12 часов В.И. пригласил к себе т. Володичеву и продиктовал ей два письма в течение 15–20 минут. Письма, по словам В.И., его нисколько не разволновали, так как они были чисто деловые, но как только ушла стенографистка, у В.И. появилось чувство озноба. Правда, при расспросах В.И. вспомнил, что чувство озноба у него было в правой ноге уже до диктовки, но после диктовки оно резко усилилось... Он лежал под тремя одеялами с грелкой в ногах, – продолжает Кожевников, – но тем не менее чувство озноба не прекращалось... Через некоторое время головная боль усилилась... В правом виске боль... После обеда вместо того, чтобы поспать, начал читать свою статью.

Мы [опять] приехали в 6 часов. Самочувствие у В.И. хорошее. Вид лучше, чем утром. Голова совершенно не болит... Вообще последнее время у В.И. настроение все-таки хуже, чем было предыдущие дни. Несомненно, у В.И. есть вопросы, которые его волнуют и заботят. Вечером В.И. вызвал к себе Л.А. Фотиеву»²²⁸⁹.

Хотя и сказал Владимир Ильич врачам, что письма, продиктованные им 5 марта, «его нисколько не разволновали, так как они были чисто деловые», дались они ему, видимо, нелегко. И тот озноб, который продолжался в тот день до вечера, стал лишь предвестником нового приступа болезни.

Утро 6-го еще более огорчило Владимира Ильича. Степень солидарности Троцкого и его готовности ввязаться в борьбу Гляссер явно переоценила. Собственно, сомнения в этом («Если Вы почему-нибудь не согласитесь...») звучало и в самом письме Ленина. Так оно и случилось.

Свою версию ответа Ленину Троцкий изложил в письме к Пленуму ЦК 23 октября 1923 года. После того как Володичева зачитала ему 5 марта послание Владимира Ильича, Троцкий

предложил «показать эту его записку и его статью от 30 декабря, присланную им мне в секретном порядке, членам Политбюро, чтобы добиться перемен курса в национальном вопросе наименее безболезненным путем, т. Ленин формально запретил мне это с мотивировкой, которую я уже вынужден был однажды привести на заседании Президиума XII съезда. "Ни в каком случае, – передал мне В.И. через секретаря. – Он (речь шла о т. Каменеве, который отправлялся в Грузию) расскажет все Сталину, а Сталин пойдет на гнилой компромисс и обманет"»²²⁹⁰.

Из приведенного письма не понятно – согласился Троцкий на предложение Ленина или нет? Ответ на этот вопрос дает стенографическая запись Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей».

«В ответ на прочитанное т. Троцкому письмо Владимира Ильича о грузинском вопросе, – записала Володичева, – т. Троцкий ответил, что так как он болен, то не может взять на себя такого обязательства, но так как надеется, что скоро поправится, то просил прислать ему материалы... для ознакомления и, если здоровье ему позволит, он их прочитает...

Говорил, что у него острые боли, что подошел к телефону с трудом и лишь потому, что знал, что будут звонить от Владимира Ильича; сказал, что он не может сейчас работать, положительно парализован...» и т. д.²²⁹¹

Троцкий ответил 5 марта. Тогда же ему («только ему») послали ленинскую статью «К вопросу о национальностях...» и другие материалы [О том, что копия этой статьи вот уже два месяца лежит у Каменева, Владимир Ильич так и не узнал. – В.Т.], Ленину довольно-таки противный ответ Троцкого передали только 6-го. Лишь после этого Владимир Ильич направляет написанное накануне письмо Сталину.

Вот запись Володичевой 6 марта: «Спросил об ответе [Троцкого. – В.Л.] на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо»²²⁹².

Текст письма: «Строго секретно. / тт. Мдивани, Махарадзе и др. / Копия – тт. Троцкому и Каменеву. / Уважаемые товарищи! / Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. / С уважением Ленин / 6-го марта 23 г.»²²⁹³.

Запись за 6 марта доктора Кожевникова: «Утром В.И. вызвал т. Фотиеву и тов. Володичеву, которой продиктовал несколько слов, всего 1½ строчки. И свидание с Фотиевой, и диктовка Володичевой были связаны с вопросом, который волновал В.И.

Мы приехали к В.И. в 1 час. Вид сегодня у В.И. неважный, но все-таки немного лучше, чем был вчера. Настроение не веселое, но и не очень плохое... Его посадили в передвижное кресло и прокатали по всей квартире. В большой комнате В.И. посидел около 15 минут, после чего снова уложили его в постель.

После нашего отъезда В.И. не захотел обедать, а заснул. Поспал 2 часа. Когда проснулся, позвал сестру, но почти не мог с ней разговаривать. Он хотел попросить сестру позвать Н.К., но не мог назвать ее имени. Когда пришла Н.К., В.И. почти ничего не мог сказать...

Мы приехали с В.В. Крамером в 5½ часов. Владимир Ильич лежал с растерянным видом... Глаза грустные, взгляд вопрошающий... В.И. волнуется, пытается говорить, но слов ему не хватает... «Ах, черт, вот такая болезнь. Это возвращение к старой болезни...»

Мы дали ему 2 лепешки йодфортана – В.И. их проглотил и через несколько минут сказал: «йод помог, если это йод». По-видимому, В.И. подозревал, что ему дали какое-либо другое лекарство. После этого я впрыснул В.И. в вену левой руки папаверин. В скором времени речь стала улучшаться, В.И. немного успокоился... В 9 часов я звонил М.И., и она сообщила, что В.И. успокоился и заснул»²²⁹⁴.

Хотя Троцкий и отказался открыто поддержать Владимира Ильича в «грузинском деле», он в тот же день, 6 марта, послал Сталину замечания на его тезисы к XII съезду – «Национальный момент в партийном и государственном строительстве».

Троцкий предложил указать в тезисах на наличие в партии двух уклонов: «великодержавников» и «националов», конфликты между которыми «принимают открытую форму». Это и другие замечания были учтены Сталиным, и в таком виде тезисы опубликовала «Правда»²²⁹⁵.

Что касается письма Ленина Сталину, то ни 5-го, ни 6 марта оно передано не было. «Надежда Константиновна, – пишет М.А. Володичева, – просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано 6-го. Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину, и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу). Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел».

Стенографическая запись этого текста Володичевой стала заключительной в «Дневнике дежурных секретарей» и была расшифрована ею лишь через 30 с лишним лет – 14 июля 1956 года²²⁹⁶. А в 1967 году этот же эпизод Мария Акимовна рассказала Александру Беку более подробно.

«Я пошла к Крупской и напомнила ей, что Владимир Ильич ждет ответа от Сталина, беспокоится. И этот аргумент, по-видимому, подействовал. В моих личных записях сохранился рассказ о посещении Сталина.

Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится.

Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчав, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними:

“Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь”. И продолжил: “Я не медик, я – политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская –

член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость”.

...Я записала коротенький ответ Сталина. Уйдя от Сталина, я отправилась... на квартиру к Каменеву. Мне посоветовали это мои товарищи, в частности Мария Игнатьевна Гляссер. Она сказала, что обязательно нужно зайти и показать это письмо Каменеву, потому что Сталин может написать такое, что вызовет беспокойство Владимира Ильича. Каменев его прочитал и вернул мне со словами, что письмо можно передать. После посещения Каменева я вернулась к себе в секретариат. Но письмо не было передано, потому что уже было поздно. Владимиру Ильичу было плохо»²²⁹⁷.

Ответ Сталина 7 марта уже цитировался выше. Он написал, что в словах «нельзя играть жизнью Ильича», сказанных им по телефону Крупской, нельзя усматривать «что-либо грубое или непозволительное, предпринятое “против” Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрее Вашего выздоровления, я не преследовал... Мои объяснения с Надеждой Константиновной подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть».

Сталин, видимо, уловил, что есть в ленинском письме нечто, выходящее за рамки сугубо личных отношений, и ответ свой закончил в достаточно раздраженном тоне: «...Если Вы считаете, что для сохранения “отношений” я должен “взять назад” сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя “вина” и чего, собственно, от меня хотят»²²⁹⁸.

Посылая 5 марта сугубо личное письмо Троцкому, Ленин все-таки надеялся на сохранение им конфиденциальности этой переписки. Напрасно. В ночь на 7 марта Троцкий позвонил Каменеву и передал ему содержание ленинского письма, прекрасно понимая, что оно тотчас же будет сообщено Сталину.

7 марта, перед отъездом на съезд Грузинской компартии, Каменев пишет Зиновьеву: «Для ориентировки сообщаю тебе следующие факты. Узнав, что Грузинский съезд назначен на 12 [марта], Старик весьма взволновался, нервничал и 1) послал

Троцкому письменную просьбу “взять на себя защиту грузинского дела в партии: тогда я буду спокоен”. Троцкий решительного ответа не дал. Вызывал вчера ночью меня для совещания, 2) написал и дал мне для передачи “Мдивани, Махарадзе и др.” (копия Троцкому и Каменеву) письмо в 2 строки фактической солидарности с Мдивани и К^о и дезавуирования Серго, Сталина и Дзержинского, 3) послал Сталину (копия мне и тебе) персональное письмо, которое ты, наверное, уже имеешь. Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, которое вряд ли удовлетворит Старика... Я думаю, тебе необходимо быть в Москве это время и держать связь со мной в Тифлисе»²²⁹⁹.

В тот же день, 7 марта, Сталин сообщает Орджоникидзе: «Я узнал от т. Каменева, что Ильич посылает тт. Махарадзе и другим письмо, где он солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня. Видимо, имеется цель надавить на волю съезда Компартии Грузии в пользу уклонистов. Нечего и говорить, что уклонисты, получив это письмо, используют его всюду против Заккрайкома, особенно против тебя и т. Мясникова. Мой совет:

1. Никакого давления не делать Заккрайкому на волю большинства Компартии Грузии, дать этой воле, наконец, полностью проявиться, какова бы она ни была.

2. Добиться компромисса, но такого компромисса, который может быть проведен без грубого воздействия на большинство ответственных работников Грузии, т. е. компромисса естественного, добровольного»²³⁰⁰.

Как видим, Сталин полагал, что цель Ленина заключается в том, чтобы «надавить на волю съезда Компартии Грузии». Но Каменев почувствовал в поведении Ильича нечто более существенное.

В приведенном выше письме Зиновьеву, сообщая, что он едет в Грузию для примирения и объединения враждующих групп, Лев Борисович сформулировал главное: «Боюсь, что это уже не удовлетворит Старика, который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных организационных выводов наверху»²³⁰¹.

При наличии такого корпуса документов, принадлежащих Ленину, Володичевой, Каменеву и Сталину, утверждать, как это делает Сахаров, что диктовки 5 и 6 марта являются фальшивками, можно лишь при той степени избыточной политизации, которая просто застилает глаза на очевидные факты.

«Серьезное ухудшение»

Все эти дни – 7, 8, 9 марта – особых перемен в состоянии Владимира Ильича не произошло. 7-го днем Кожевников записал: «Вид у В.И. неважный, бледный. Голова не болит, но не свежая. При разговоре часто подыскивает слова. Настроение плохое. Вчерашний спазм произвел на В.И. очень тяжелое впечатление. Он проводит параллель между тем, что было вчера, и между весенней болезнью. Попытки его разубедить в этом, по-видимому, остались бесплодными».

Вечером, по просьбе Марии Ильиничны, Кожевников приехал вновь. «В.И. лежал с сильной головной болью, был бледен, лицо страдальческое. Поздоровался со мной, стал извиняться, что меня побеспокоили, стал винить М.И. в том, что она меня вызвала совершенно напрасно: “Зачем Вы беспокоились, раз все равно ничего нельзя сделать”, – сказал В.И.

...В.И. я сказал так: “Так как фенацетин не помогает и головная боль слишком упорна, завтра мы Вам сделаем пункцию. На ночь же ее делать не стоит”. При этих словах лицо В.И. совершенно преобразилось... “Вот это приятная новость, вот это был приятный визит. Теперь поезжайте домой и отдохните. Очень, очень Вас благодарю”, и В.И. долго жал мне руку»²³⁰².

8-го с утра он опять чувствовал себя отвратительно. Опять бил озноб. Он «лежал под тремя одеялами, был бледен... Лицо утомленное, глаза грустные...» После спинномозговой пункции немного полегчало: «Проснулся без головной боли, самочувствие хорошее, настроение гораздо лучше, чем было за последние дни»²³⁰³.

Но на следующий день, 9-го, стало хуже. Утром Надежда Константиновна вызвала врачей, и уже в 8-45 они были в Кремле. «В.И. лежал бледный, вид утомленный. Очень сконфужен тем, что нас так рано вызвали, “в такое неурочное время”... Речь у В.И. плохая, артикуляция неотчетливая, и слова В.И. труднее находит, говорит одни слова вместо других... Несколько раз говорил: “вот речь, речь надо поправить”. Н.К. сообщила, что утром В.И. совершенно нельзя было понять».

К сожалению, судя по записям медиков, ситуация осложнялась тем, что всякий раз, когда у Ленина начиналось ухудшение, Крупская ужасно терялась, волновалась сама, а от этого понимала Ильича гораздо хуже. А он, привыкший к тому, что прежде она схватывала все с полуслова, расстраивался от этого еще больше, и это тоже сказывалось на его речи.

Днем опять полегчало: «Вид у В.И. гораздо лучше... Говорит лучше, чем утром, но все-таки очень часто ищет слова». Вместе с Крамером и Кожевниковым на сей раз к Ленину приехал доктор П.Г. Елистратов. «В.И. был очень удивлен и спросил: “А почему не Гетье, ведь он приставлен ко мне, чтобы лечить”». Ему сказали, что Федор Александрович болен. «“Что поделаешь, надо согласиться”, – ответил В.И. С Елистратовым он был сдержанно любезен... Главным образом его беспокоит мысль, что это может обидеть Ф.А. Гетье».

А вечером вроде бы стало совсем хорошо. После ужина «стал спокойней, немного повеселел, голова стала отпускать. По словам М.И., речь стала лучше. Сообщение врачам Крупской было еще более неожиданным: «Вечером В.И. был в хорошем настроении, говорил почти свободно и сам сказал, что “я совсем преобразился и чувствую себя как здоровый, точно произошло какое-то чудо”. Был весел, вспоминал далекое прошлое, совсем не волновался»²³⁰⁴.

Ничего более об этом, по существу, последнем разговоре Владимира Ильича Надежда Константиновна не сообщила ни тогда, ни позднее. А разговор, судя по всему, не ограничился воспоминаниями о «далеком прошлом».

Убеждение в том, что «все равно ничего нельзя сделать», высказанное Лениным врачам 7 марта, видимо, не покидало его. Во всяком случае, после этого разговора Крупская была уже в курсе дела относительно эвтаназии, хотя раньше Владимир Ильич говорил об этом лишь со Сталиным и Фотиевой.

Возможно, Крупская в какой-то форме рассказала и об ответе Сталина, все-таки «взявшего назад сказанные им слова». Иначе трудно понять, почему, буквально через считанные дни, Надежда Константиновна обращается к нему с просьбой от имени Ильича. Но об этом позже...

День 10 марта начинался, как и предыдущие дни. С утра Владимир Ильич говорил довольно плохо, артикуляция была неважная. К тому же стали периодически проявляться спазмы. Вместе с прибывшим профессором Ферстером врачи решили попробовать внутривенное вливание.

Сделал это Кожевников. «В вену я попал сразу, – пишет он, – вливание 5 куб. см. произвел крайне медленно. Во время вливания В.И. сказал, что чувствует запах, похожий на запах еловых шишек. Вливание, однако, не предотвратило спазма, и приблизительно через $\frac{1}{4}$ часа после него снова наступил спазм, на этот раз более сильный и более длительный, повлекший за собой полную афазию... Сознание при этом вполне ясное, вопросы В.И. понимает и в ответ на них кивает или качает головой. Через некоторое время говорил – “да” или “нет”. Начался спазм в 2 часа».

Вечерняя запись Кожевникова: «Ни одной связной, хотя бы и короткой фразы сказать не может... Никого из близких В.И. видеть не хочет. Каждый раз, когда входят медсестры или мы, В.И. пытается что-нибудь сказать. Из этого ничего не выходит, это волнует В.И., и, по-видимому, поэтому он не хочет видеть близких, т. к. видеть и не разговаривать для него слишком тяжело».

Когда пришли Елистратов и Гетье, Владимир Ильич покачал головой – «зачем вечером?», а сразу после осмотра протянул руку – «до свидания». Иногда «говорит отдельные слова, по-видимому, не всегда те, которые хочет... Когда вошла сестра

Е.И., В.И. ей сказал: "смертельный ток". Что он хотел этим сказать – неясно. По-видимому, он считает сегодняшний спазм смертельным»²³⁰⁵.

Поздно вечером собрались члены Политбюро ЦК. Обсудили ситуацию. Наметили ряд решений, но фиксировать их не стали. От врачей пришло известие, что у них складывается «впечатление, что В.И. стало несколько лучше». Но с утра 11-го никаких улучшений не последовало.

Кожевников утром записывает: «Цвет лица бледный, землистый, выражение лица и глаз грустное. Жестом В.И. предложил мне сесть. Все время делает попытки что-то сказать, но раздаются негромкие звуки, и только иногда В.И. отчетливее произносит то или иное отдельное слово»²³⁰⁶.

Члены Политбюро собрались вновь. Сохранился документ: «Непротокольное постановление совещания ЦК 11/III. 7 часов вечера». Присутствовали: Зиновьев, Троцкий, Сталин, Рыков, Молотов, Дзержинский.

Постановили: Утвердить постановления совещания цекистов от 10/III.23 г. Утвердить правительственное сообщение, предложенное Троцким: «Составление проекта шифровки губкомам поручить Троцкому». Этот пункт решения, между прочим, дает основания предполагать, что и предыдущее – январское – шифрованное письмо губкомам, по крайней мере в основе своей, также принадлежало его перу.

Отдельный пункт: «Переговоры с Н.К. [Крупской] и М.И. [Ульяновой] о других вопросах отложить до первых заключений Ферстера».

Постановления, касающиеся врачей: «Переговоры с врачами относительно текста первого бюллетеня поручить Зиновьеву... Переговоры с Ферстером поручить прежней тройке: Троцкий, Сталин, Зиновьев».

Другие решения: членов Совнаркома оповестить о принятом правительственном сообщении по автоматическому телефону. Поручить Сталину и Рыкову сегодня же собрать наличных в Москве членов ЦК и информировать их о состоянии Владимира

Ильича. Сегодня в Питер отправиться Молотову для совещания с бюро питерского губкома и кандидатами в члены ЦК.

Учредить тройку при Политбюро – Дзержинский, Зеленский, Склянский – «для подготовки необходимых мер в случае каких-либо замешательств, подготовки групп надежных товарищей, если понадобится дать объяснения рабочим и т. д.».

«Собраться сегодня еще раз около 9 ч. вечера»²³⁰⁷.

В тот же день была разослана шифротелеграмма «Только для президиумов губкомов, обкомов и национальных ЦК.

Политбюро считает необходимым поставить вас в известность о наступившем серьезном ухудшении в состоянии Владимира Ильича...

Т. Ленин почти утратил способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на улучшение... В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии. Более чем когда-либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допустить никакого замешательства. По поручению Политбюро секретарь ЦК И. Сталин»²³⁰⁸.

На следующий день, 12-го, как пишет Кожевников, он с утра поехал на вокзал встречать профессоров Ферстера и его бреславского коллегу – терапевта О. Миньковского. Прямо с вокзала направились в Кремль на совещание членов Политбюро, а после этого к Ленину. Констатировали: «почти полная афазия», «сознание ясное». Затем «снова, все четверо [Ферстер, Минковский, Крамер, Кожевников. – В.Л.] были в Политбюро. Решено с сегодняшнего дня печатать бюллетени»²³⁰⁹.

Судя по указанным выше решениям, члены Политбюро ЦК полагали, что смерть может наступить в любой момент. И все основания для этого были. Но, как и прежде, даже после столь резкого ухудшения, болезнь продолжала вычерчивать свои непонятные и переменчивые кривые. И когда вечером 12-го

врачи вновь пришли к Ленину, «он был гораздо бодрее, чем утром, говорил не только отдельные слова, но и части фраз»²³¹⁰.

С самого начала болезни Владимир Ильич скептически относился ко всем заверениям родных и медиков, надеявшихся на выздоровление и благополучный исход. Но пока оставалась возможность работать, он готов был претерпеть все – и мучительную бессонницу, и головную боль, и периодические «кондрашки», и даже самые неприятные медицинские процедуры. А когда Мария Ильинична стала уговаривать его поменьше заниматься делами, он ответил ей очень просто: «У меня ничего другого нет».

Ленин был убежден, что болезнь развивается по каким-то своим законам и полным устранением от всякой деятельности нельзя ни остановить, ни замедлить ее ход. «Ленин никогда не говорил этого, – написал профессор Ферстер, – но он всегда это чувствовал. Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть»²³¹¹.

И задолго до этих мартовских дней 1923 года Ленин твердо решил: паралич и утрата речи – это конец. Жизнь, утратившая свою ось и свой смысл, жизнь как сугубо физиологическое существование ему не нужна. Значит, пора ставить точку. И он имеет право на эвтаназию.

10 марта он отказывается принимать пищу. Затем перестает принимать лекарства. Но смотреть на причиняемые этим решением страдания близких для него было нестерпимым. И вечером 13-го он опять соглашается на уколы, а 14-го на кашу и кофе с молоком, и при этом «безнадежно махнул рукой и как бы хотел сказать, что “все это ни к чему”».

Кожевников, который до встречи с Владимиром Ильичом не испытывал к нему особых симпатий, в этой связи позволил себе сделать «немедицинскую» запись:

«Всегдашняя деликатность, заботливость о других, нежелание быть кому-либо в тягость сказывается у В.И. и теперь, когда состояние его здоровья внушает серьезные опасения. До чего же глубоко должны в нем сидеть эти качества. Это одна из

основных черт его характера, и это-то заставляет, при близком с ним общении, привязываться к нему все больше и больше».

А как медик и дежурный врач Кожевников пишет о своем пациенте: «Лицо по-прежнему крайне грустное. В.И. все время пытается что-то сказать, но это ему не удается, понять его почти невозможно. Это волнует, огорчает В.И., он расстраивается этим. Бесконечно грустно смотреть на его беспомощность. Выражение глаз при этом такое грустное, что смотреть на него невозможно»²³¹².

Валентинов, бывший в курсе всех слухов, ходивших по Москве, полагает, что именно в этот момент внутри Политбюро разгораются страсти по вопросу о лидерстве в партии, и поводом для них якобы становится статья Карла Радека.

14 марта «Правда» выпустила специальный номер, посвященный 25-летию I съезда РСДРП. Надо напомнить, что тогда, как и до революции, большевики не считали себя раскольниками, отколовшимися или отпочковавшимися от РСДРП. Наоборот, они полагали, что являются прямыми преемниками исторических традиций революционной российской социал-демократии, и вели счет своим съездам с 1898 года. Поэтому 25-летие I съезда фактически отмечалось в 1923 году как 25-летие Коммунистической партии²³¹³.

Со статьями, связанными с этим юбилеем, на первых полосах «Правды» выступили Каменев и Зиновьев. Тут же была статья Сталина «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» и Троцкого «Мысли о партии». Далее шли статьи Сафарова, Преображенского («Вождь партии»), Н. Осинского («Ленин»), Радека, В. Соколова, В. Дубовского, С. Малышева, А. Бубнова, Е. Ярославского. Из «стариков» со статьями выступили – делегат I съезда РСДРП Б. Эйдельман, Кржижановский, Лепешинский, Скворцов-Степанов, Рязанов («Маркс и РКП»). Из более молодых – Д. Бедный, Л. Каганович, М. Кольцов и другие.

Среди этой плеяды блестящих и неблестящих публицистов специфическое внимание читателей привлекла статья Карла Радека на четвертой полосе. «В те дни, встречаясь с моими знакомыми, – вспоминал Н. Валентинов, – я, после почти

обязательных слов о внезапной болезни Ленина, много раз слышал такой вопрос: “А статью Радека читали? Что это значит?” Иные к этому прибавляли: “Статья Радека, да еще в этом номере, не могла появиться случайно”».

Дело в том, что именно в этом номере на девятой полосе были впервые опубликованы правительственные сообщения и медицинские бюллетени от 12 и 13 марта за подписями Миньковского, Ферстера, Крамера, Кожевникова и Семашко о «значительном ухудшении» состояния здоровья В.И. Ленина.

Какую же связь улавливали чуткие на сплетни интеллектуалы между девятой и четвертой полосой? «Под заголовком “Лев Троцкий – организатор победы”, – объясняет Валентинов, – Радек написал самую безудержную апологию Троцкого. Кажется, никто так до этого не писал о нем. Радек говорил о Троцком как о “великом умственном авторитете”, “великом представителе русской революции”; он раскрывает “тайну величия” Троцкого, его “гениальное понимание” военных вопросов, его “организаторский гений”.

...Подобное возвеличение, – заключает Валентинов, – появляется именно в момент, когда правительственное сообщение, говоря об опасной болезни Ленина, дает понять, что от руководства партией и страной Ленин отошел... В этом выдвижении Троцкого на вакантное место после ухода Ленина видят смысл его [Радека. – В.Л.] статьи»²³¹⁴.

17 марта Сталин пишет карандашом записку членам ЦК. Потом в перечне фамилий оставляет только Зиновьева и Каменева: «Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в “ужасном состоянии, с ним припадки, не хочет, не может дольше жить” и требует цианистого калия, обязательно. Сообщила, что пробовала дать калий, но “не хватило выдержки”, ввиду чего требует “поддержки Сталина”».

Прямо на записке Зиновьев пишет: «Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды – как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя. Г.З.» Тут же расписывается и Каменев²³¹⁵.

21 марта Сталин выносит этот вопрос на Политбюро: «В субботу 17.III т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном “просьбу Владимира Ильича Сталину” о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Владимиру Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила между прочим, что “В. Ильич переживает невероятные страдания”, что “дальше жить так невыносимо”, и упорно настаивала “не отказывать Ильичу в его просьбе”.

Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал “согласия Сталина”, ввиду чего мы вынуждены были оба раза прерывать беседу), я не считал возможным ответить отказом, заявив: “прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование”. В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК. И. Сталин».

Прямо на уголке этого письма Михаил Томский пишет: «Читал. Полагаю, что “нерешительность” Сталина – правильная. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обмениваться мнениями. Без секретарей (технических)». Здесь же подписи: «Читал Г. Зиновьев», «Читал Н. Бухарин. Троцкий. Каменев. Молотов»²³¹⁶.

Вопрос об эвтаназии, таким образом, окончательно перестал быть вопросом сугубо личным. И был он решен отрицательно.

Между тем, помимо Отфрида Ферстера и Оскара Миньковского, в Москву из-за границы стали прибывать врачи: из Швеции – специалист в области заболеваний мозга, 76-летний профессор-невропатолог С.Е. Хеншен, из Германии – глава немецкой школы невропатологов, 70-летний профессор Адольф Штрюмпель, психиатр – профессор Освальд Бумке и невропатолог – профессор Макс Нонне.

20 марта Кожевников записывает: «5–6 час. у нас было совещание с Бумке, Нонне и Штрюмпелем. Мы подробно изложили историю болезни В.И., и после этого Ферстер, Крамер, Минковский и я поехали в Кремль»²³¹⁷.

На следующий день, 21-го, в связи с приездом профессора Хеншена, совещание провели вторично, а в 14 час. у Владимира Ильича состоялся консилиум, в котором участвовали и русские, и иностранные медики. После всестороннего обследования и подробного обсуждения врачи дали заключение.

В нем говорилось, что болезнь Ленина «имеет в своей основе заболевание соответствующих кровеносных сосудов. Признавая правильным применявшееся до сих пор лечение, консилиум находит, что болезнь эта, судя по течению и данным объективного обследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное восстановление здоровья. В настоящее время проявления болезни постепенно уменьшаются...»²³¹⁸.

24 марта, после очередного обследования Владимира Ильича, все врачи плюс Семашко «имели беседу с Политбюро в лице Троцкого, Каменева и Рыкова. Профессор Штрюмпель от имени всех дал объяснения о состоянии В.И. Профессор Бумке говорил о психологическом состоянии, а затем говорили Хеншен и Ферстер»²³¹⁹.

27 марта встреча в Политбюро повторилась. Кожевников записал: «Присутствовали: Троцкий, Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Енукидзе, Семашко и мы – врачи: Минковский, Ферстер, Бумке, Крамер и я»²³²⁰.

В марте, апреле и мае в центральных газетах публикуются бюллетени о состоянии здоровья Ленина. Если судить по этим бюллетеням, то оно либо постепенно улучшалось, либо оставалось стабильным. Между тем амплитуда колебаний – от реальных признаков улучшения до явных симптомов ухудшения – все более увеличивалась. Единственное, что более или менее постоянно отмечали врачи, – четкое понимание Владимиром Ильичом всего того, что происходило вокруг него.

Запись 15 марта: «Он хорошо понимал, что ему говорили, и сам говорил больше слов... Отвечал на вопросы частью жестами, частью словами... Но фраз он еще не говорит». 1 апреля: «Он больше реагирует на окружающее, понимает все вопросы и выполняет все, что от него требуют» и т. д.²³²¹.

Когда он был спокоен и его о чем-то спрашивали, нужные слова как бы вылетали сами. Медсестра, к примеру, говорит, что в комнате жарко. Владимир Ильич отрицательно качает головой и отвечает: «всего тринадцать». И действительно – на градуснике 13°. На вопрос профессора Миньковского – болит ли голова? – сразу следует ответ: «голова не болит». Профессор Авербах исследует поле зрения и спрашивает – все ли он видел? Ответ: «Да, везде видел». Профессор Ферстер по-немецки: «Как дела?» Владимир Ильич тоже по-немецки: «Очень хорошо»²³²².

Но когда болезнь наступала, он начинал волноваться, и слова будто исчезали. Оставалась тупая головная боль, отдающая в висок, изнурительная бессонница, при которой терялась грань между сном, дремотой и бодрствованием. Но главное – унижительное чувство абсолютной беспомощности, когда не только не можешь что-то сделать сам, но и попросить об этом окружающих.

Слова и смысл того, что говорили другие, он по-прежнему прекрасно понимал, но в его голове слов не было. И он испытывал щемящее чувство какой-то опустошенности, когда видел хорошо знакомый ему цветок – из тех полевых цветов, которые он любил держать дома, – но никак не мог вспомнить его названия.

Все усложнялось тем, что его отношения с окружающими, в том числе с родными, никогда не ограничивались бытом, повседневной житейской рутинной. Этот уровень разговора – «Как дела?», «Здравствуйте», «До свидания», «болит здесь...», «принесите...» – можно было перевести на язык жестов. Но во всех его контактах с людьми всегда преобладали совершенно иные сюжеты, выразить которые без слов было невозможно. И это волновало более всего, ибо опускать уровень общения до элементарных жестов Ленин не мог и не хотел.

«Он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, – пишет Кожевников, – но ни медсестра, ни Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли его понять. И он начал страшно волноваться». И еще запись: «В.И. хотел что-то сказать, но не смог... и безнадежно махнул рукой»²³²³.

В минуты, когда Владимиру Ильичу было плохо, он не любил и не хотел сторонних глаз. А теперь они постоянно маячили перед его глазами. И это тоже был сильнейший фактор беспокойства. Все эти мартовско-апрельские недели в приемной постоянно дежурили, как правило, по шесть – восемь немецких и русских врачей. Каждый день, группами и в одиночку, именитые профессора приходили к нему, внимательно осматривали и ощупывали, задавали одни и те же вопросы, назначали прежние лекарства и процедуры и уходили на очередные консилиумы, результаты которых тут же докладывали Политбюро.

12 апреля Кожевников записывает: «Мы всесторонне обсудили вопрос о терапии... Об этом мы доложили Политбюро. Политбюро дало утвердительный ответ... В.И. стал мне объяснять что-то. Я спросил его: “слишком много докторов Вас навещает?” Он обрадовался, закивал головой, стал говорить: “вот, вот” – и похлопал меня по плечу»²³²⁴.

И другая запись: «Получается впечатление, что В.И. надоели бесконечные врачебные посещения и он хочет, чтобы его возможно меньше беспокоили». Однажды, когда у него находились Ферстер, Минковский, Крамер и Кожевников, Ленин, обращаясь к Ферстеру, сказал: «Man muss...» и запнулся. Профессор решил подсказать: «Man muss Konsilium». На это «В.И. засмеялся, отрицательно покачал головой и сделал жест отрицания рукой»²³²⁵.

Журнал «Знание – сила» опубликовал фрагменты из воспоминаний Освальда Бумке, который дал выразительную зарисовку этих консилиумов: «Русские врачи, – пишет Бумке, – были необычайно хорошо подготовлены в медицинском отношении, все они были хорошими диагностами и блестящими

исследователями, некоторых осеняли великолепные научные идеи. Одного им не доставало – способности действовать».

О том, насколько плотно опекалась деятельность медиков, Бумке, видимо, не знал, хотя и присутствовал на встречах в Политбюро 24 и 27 марта. Но нерешительность врачей он подметил довольно точно...

«Нередко мы часами, – пишет Бумке, – спорили о мерах, которые у нас принимают помощник врача или медсестра. Когда же эти переговоры, подчас прерываемые рассуждениями... о русской и немецкой душе, о каком-нибудь научном труде или вопросе мировоззрения, приносили хоть какой-то результат, внезапно один из русских врачей вновь заводил ту же волынку: "А вы не думаете, что лучше бы сделать то-то и то-то?" В конце концов, кто-нибудь из немецких врачей брал на себя смелость, выписывал рецепт и заботился о том, чтобы бумажка с рецептом была не позабыта на столе, а отдана в аптеку»²³²⁶.

Справедливости ради следует отметить, что поговорить и пофилософствовать не в меньшей мере любили и зарубежные светила. В скоплении медицинских звезд вообще был тот недостаток, что они не всегда прислушивались даже друг к другу, ибо каждый знаменитый профессор был вполне самодостаточен. Поэтому лечащие врачи в тех случаях, когда они не соглашались с какими-то назначениями, попросту откладывали эти рецепты в сторону²³²⁷.

Но совсем уж несправедливым было бы предполагать, что приглашенная профессура манкировала своими обязанностями. Наоборот, все они действительно старались помочь своему пациенту. За время пребывания в Москве они наслушались стольких разговоров и слухов, что стали даже углубляться в политику и прониклись всей исторической важностью возложенной на них миссии.

Тот же Освальд Бумке вспоминал, что участники консилиумов «прилагали всяческие усилия сохранить жизнь Ленина, поскольку... после его смерти ожидался приход к власти радикального крыла [партии], отмена новой

экономической политики, разрыв любых торговых отношений с границей и полный экономический крах России»²³²⁸.

Ленина по-прежнему более всего угнетало то, что он не может выразить свои мысли. Расстраивало и то, что окружающие, даже самые близкие, никак не могут его понять. У Владимира Ильича все более крепло убеждение, что весь синклит медицинских светил вокруг него, все эти бесконечные осмотры, назначения, процедуры не имеют смысла, ибо болезнь его лечению не поддается.

Когда профессор Розанов стал убеждать его в том, что он должен не отказываться от еды, а, наоборот, лучше кушать, «В.И. безнадежно махнул рукой и ответил: "Зачем?"». Как объяснил он Кожевникову, который стал понимать его лучше других, «врачей было очень много, а толку мало, и в конце В.И. совершенно отчетливо сказал: "шабаш"». И по мнению Кожевникова, это «сознание неизлечимости» было дополнительным негативным психологическим фактором, влиявшим на состояние Ленина²³²⁹.

При всей своей деликатности он нисколько не скрывал этого от врачей. И уже в конце апреля – начале мая иностранная профессура стала разъезжаться. 3 мая на две недели уехал в Германию и Ферстер. К Ленину теперь ненадолго заходили лишь по двое, по трое: Бехтерев, Нонне, Осипов или Нонне и Гетье, Гетье и Розанов. И все эти дни он старался как можно больше обходиться без посторонней помощи при еде, почти каждый день сидел в кресле, иногда просил покатаь его в кресле по квартире или перевезти в комнату Крупской²³³⁰.

А 14 мая его даже подняли на лифте на веранду. И в этот день Крамер, Нонне, Елистратов и Кожевников, посоветовавшись с Марией Ильиничной, порешили, что поскольку вот-вот начнется лето, то пора уже перевозить Владимира Ильича из Кремля в Горки²³³¹.

С утра 15-го подготовили машину: сняли переднее сиденье, положили воздушный матрац и подушки, ослабили давление в шинах, чтобы меньше трясло. Затем, около 15 часов, вкололи

Владимиру Ильичу снотворное, перенесли в автомобиль и в 15.15 поехали. Дорога заняла всего 1 час 27 минут, так что Ленин так и не успел проснуться²³³².

«В большом доме, – вспоминала Крупская, – мы устроили Владимира Ильича так, как он хотел, в той комнате, в которой он жил раньше, до болезни, – самой скромной во всем доме – сняли со стен картины, поставили ширму, поставили кресло, столик... Кресло стояло напротив окна, а из окна было видно село Горки»²³³³.

Переезд повлиял на Владимира Ильича весьма благотворно. В первые дни, когда его вывозили в кресле на террасу, он – после кремлевского шума – буквально сразу засыпал от деревенского воздуха и тишины. А вернувшийся 17-го Ферстер, как и другие врачи, констатировал, что «В.И. чувствует себя значительно лучше, чем в Москве»²³³⁴.

Владимир Николаевич Розанов регулярно проводил массаж и гимнастику правой ноги и руки, подробно объясняя функцию каждой мышцы. Ленин внимательно слушал и стал предпринимать попытки, опираясь на чье-либо плечо, самостоятельно пройти от кровати до кресла, потом по комнате, а затем, при поддержке с двух сторон, от комнаты до террасы. Но главное – начались регулярные занятия по восстановлению речи. Начал их Ферстер, потом Крамер, но с 19 мая за это взялся крупнейший специалист в данной области С.М. Доброгаев²³³⁵.

Упражнялись в произнесении гласных, согласных, отдельных слов. И так как занятия пошли успешно, то и настроение у Владимира Ильича улучшилось. Головные боли, повышенная возбудимость периодически возникали вновь, но повторяющаяся запись в «Дневнике дежурных врачей» – «настроение ровное и спокойное»²³³⁶.

22 мая, выступая на II Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности, Крупская сказала, что в последние дни наблюдается общее улучшение состояния здоровья Ильича. А Кларе Цеткин она написала: «Сейчас положение таково, что я начинаю надеяться, что выздоровление не исключено»²³³⁷.

Для того чтобы написать столь определенно, нужны были основания. К сожалению, подробные записи Алексея Михайловича Кожевникова заканчиваются на 5 мая 1923 года. Далее заводится новый журнал, краткие записи в котором сначала делает Василий Васильевич Крамер, а с 5 июля – еще более краткие – петроградский профессор-психиатр Виктор Петрович Осипов. Но даже по этим записям видно, что тогда – в конце мая – улучшение в состоянии здоровья Владимира Ильича было явным.

А в июне в Горках зачастили дожди. Шли они и в Москве. В последние дни июня в центре, на Кузнецком мосту, затопило тротуары и подвалы. «На Неглинной, – пишет современник, – из труб били фонтаны. По улицам несли вещи, люди шли по пояс в воде»²³³⁸.

Может, от непогоды, но состояние Владимира Ильича с 20-х чисел июня вновь ухудшилось, а настроение совершенно испортилось. Была, впрочем, для этого и более существенная причина. Он все более убеждался, что лечение приняло сугубо симптоматический характер: сломался зуб – приходил стоматолог, что-то с глазами – появляется офтальмолог, разладился желудок – лечат желудок. И у него складывалось ощущение полной бессмысленности всех этих врачебных визитов, осмотров, процедур и упражнений.

Запись дежурного врача 27 июня: «Как вчера, ничем заниматься не хочет. Всех врачей встречает приветливо, но тотчас спешит с ними попрощаться и бывает очень рад, когда они уходят. Точно так же он относится и к домашним...». Запись 1 июля: «От упражнений отказался... В общем спокоен, лежит на кушетке, но никого не хочет видеть»²³³⁹.

Временами он замыкался в себе, начинал что-то тихо говорить, ложился на кровать и с головой укрывался простыней. Оттого, что днем, при дожде, он частенько задремывал, по ночам возобновилась бессонница. А несколько раз сознание вообще начинало уходить, и тогда волной накатывалось сильнейшее возбуждение, и он просил санитаров выкатить его в кресле из комнаты на веранду или в сад.

Но где-то в середине июля вновь началось улучшение. Крупская пишет: «Прекратились всякие боли, явился нормальный крепкий сон, вошел в норму желудок, стала правильной работать левая рука, явилась возможность не только сидеть, но и ходить, сначала опираясь на санитаря, потом самостоятельно с палочкой, стала улучшаться речь, и в связи с этим совершенно изменилось настроение. Владимир Ильич много шутил, смеялся, даже напевал иногда...»

О том, что происходило с ним до этого, Ленин «старался впоследствии не вспоминать – не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали»²³⁴⁰.

Улучшение не было столь скорым, как это описывает Крупская. Приступы беспокойства, возбуждения, замутнения сознания повторялись и в июле (11, 12, 14, 31 июля), однако они быстро проходили. В такие моменты он избегал любых встреч, в том числе и с самыми близкими – Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Но уже с 15 июля состояние Ленина стало заметно меняться. Владимир Ильич перебрался в комнату Крупской. К обеду стал спускаться в нижнюю столовую, а в солнечные дни – на веранду. Охотно сидел за общим столом, ел без посторонней помощи. Принимал посильное участие в разговоре, живо реагировал на шутки²³⁴¹.

Врачей, однако, как и прежде, к себе не подпускал. Исключением, как пишет Крупская, были лишь В.Н. Розанов и Ф.А. Гетье, на которых он «смотрел не как на врачей, а как на добрых знакомых. Не как на доктора, а как на товарища, смотрел он и на В.А. Обуха». Но и с ними «разговоры о болезни не допускались», и врачам зачастую приходилось наблюдать за своим пациентом «лишь из соседней комнаты. Стал он тяготиться и сестрами милосердия – и хоть сдерживался, но видно было, что их присутствие ему тяжело»²³⁴².

Тогда, дабы ликвидировать атмосферу больницы, порешили обновить команду. Число ухаживающего за Лениным медперсонала свелось к трем человекам: только что

окончившему медфак молодому врачу Николаю Семеновичу Попову, фельдшеру Владимиру Александровичу Рукавишникову и студенту-медику Казимиру Римша (Зорьке).

«Все это была партийная публика, – пишет Крупская, – бесконечно преданная Владимиру Ильичу, старавшаяся угадать каждое его желание... Владимир Ильич не мог не чувствовать этого и горячо к ним привязался. У него светлело лицо, когда они входили в комнату, он шутил и смеялся с ними. Они внесли в нашу жизнь молодую жизнерадостность и создали в значительной мере... атмосферу уверенности в выздоровлении и спокойствия...

...И все другие – стряпавшая для Владимира Ильича латышка, прислуживавшая за столом работница с фабрики Мосшвей Е.И. Смирнова, товарищи шоферы, товарищи из охраны, монтер – тов. Хабаров И.Н. – все жили мыслью, как бы сделать Владимиру Ильичу все получше. И он чувствовал, не мог не чувствовать этого»²³⁴³.

Если не было дождя, то начальник охраны Петр Петрович Пакалн по нескольку часов катал его в кресле по парку. И сидел теперь Ильич в кресле прямо, не облокачиваясь, сам пересаживался на скамейку, с удовольствием вдыхал запах полевых цветов, но особенно радовался, когда замечал в траве белые грибы, которых в то лето уродилось великое множество.

Впрочем, на какое-то время это удовольствие ему подпортили. Красноармейцы из охраны стали заранее проходить маршрут прогулки и там, где торчали грибы, выставляли «пост» в лице санитары или Надежды Константиновны. Заметив эту уловку, Владимир Ильич ужасно огорчился и обиделся до слез, ибо такая подмога была ему уже не нужна²³⁴⁴.

Никого со стороны видеть он по-прежнему не хотел, хотя, встретив во время прогулки 20 июля брата – Дмитрия Ильича, обрадовался ему, однако задерживать не стал. Но на следующий день случилось непредвиденное...

Часов около четырех, во время прогулки по саду, Владимир Ильич узнал, что в комнате правого бокового флигеля, где раньше жил он сам, поселили управляющего совхозом «Горки»,

старого народника, бывшего сельского учителя, друга его молодости еще по Алакаевке и Самаре – Алексея Андреевича Преображенского.

Тогда, летом 1889 года, на хуторе Шарнель, всего в трех верстах от Алакаевки, обосновалась студенческая коммуна, обрабатывавшая своим трудом 100 десятин земли. Но помимо тяжелого крестьянского труда было в ней и другое...

Долгие вечерние разговоры о жизни, судьбах страны, долге интеллигенции перед народом, стихи, песни и романсы под гитару, та пьянящая атмосфера товарищества, духовности, возвышенной юношеской романтики, которая была так свойственна народнической молодежи того времени.

Вот в этот круг общения и ввел земляк Ульяновых студент Дмитрий Гончаров 19-летнего Владимира, который очень скоро стал на хуторе завсегдатаем. Там и подружился он со студентом-народником Александром Преображенским²³⁴⁵.

Писатель С. Каронин (Н.Е. Петропавловский), тесно общавшийся с коммунарами, опубликовал в 1890 году в журнале «Русская мысль» повесть «Борская колония», в которой попытался вложить в размышления одного из персонажей свое ощущение той атмосферы, которая царила в Шарнеле.

«Все то, что было тяжело и неприятно, было им в эти минуты забыто, а все чудесное хорошее выдвинулось в его уме на передний план. Этот ароматный, одуряющий воздух, эти "божественные" беседы, эти... простые люди, и эта тихая ночь, и звезды на небе, и покой своей собственной души, все это выступило на передний план, а вся остальная половина его едкого, вечно возмущающегося сознания покрылась густым мраком... И необычайный рай водворился на время в его неверующей душе»²³⁴⁶.

Так или не так передал Каронин эту атмосферу, но такое состояние не забывается. С тех пор прошла жизнь. Но в декабре 1921 года, узнав, что Алексей Андреевич бедствует с женой в Ялте, Владимир Ильич перетащил его в Москву. И вот теперь, услышав, что он здесь, во флигеле, «рванулсЯ туда. Помогли ему взобраться по лестнице, крепко обнял он Преображенского, сел

около него и стал говорить. У того больное сердце, побелел он весь, губы трясутся, а Ильич все говорит, рассказывает про переживаемое».

Так описала эту встречу Крупская. «Слов у Ильича не было, – пишет она, – мог только говорить “вот”, “что”, “идите”, но была богатейшая интонация, передававшая все малейшие оттенки мысли, была богатейшая мимика. И мы, окружающие, Мария Ильинична, я, санитары, все больше и больше понимали Ильича...

И вот Ильич, ушедший от врачей, сестер милосердия, от больничного режима, сидел около Преображенского и говорил. Пробыл он там три дня... Еле удалось его убедить вернуться. Уговорили только тем, что сказали, что Преображенский болен, что мы стесняем его и его семью»²³⁴⁷.

Крупская была абсолютно права, когда написала, что для того, чтобы в те дни понимать Ленина, надо было не только иметь опыт общения с ним, но главное – очень любить его. В ином случае в глазах окружающих он оставался лишь глубоко больным человеком.

25 июля, во время прогулки, Владимир Ильич случайно встретил председателя Главпрофорта Евгения Алексеевича Преображенского (к Алексею Андреевичу никакого отношения не имевшего). Эту встречу Е. Преображенский подробно описал 29 июля 1923 года в письме к Бухарину, которое мы и процитируем.

«Во время первого посещения, неделю спустя после Вашего отъезда, говорил и с Н.К. и М.И. очень подробно. Старик находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Ферстера и др... Особенно раздражался при появлении Н.К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И все-таки к нему ходила.

Второй раз, 4 дня тому назад, я снова поехал... Я только что вошел вниз, с Беленьким, как в комнате справа от входа Беленький мне показал рукой в окно, сказал: “вон его везут”. Я подошел к закрытому окну и стал смотреть. На расстоянии шагов 25-ти вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: “вот, вот”, требовал меня...

...М.И., взволнованная, говорит: "раз заметил, надо идти". Я пошел, не зная точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Решил все время держать с веселым, радостным лицом. Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в голову. Но лицо!

Мне стоило огромных усилий, чтобы сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время.

М.И. мигнула мне, когда надо было уходить, и его провезли дальше.

Через минут пять меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жестами малиной и т. д. и сам пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой. Говорили про охоту и всякие пустяки, что не раздражает. Он все понимает, к всему прислушивается. Но я не все понимал, что он хотел выразить, и не всегда комментарии Н.К. были правильны, по-моему.

Однако всего не передашь. У него последние полторы недели очень значительное улучшение во всех отношениях, кроме речи. Я говорил с Ферстером. Он думает, что это не случайное и скоропроходящее улучшение, а что улучшение может быть длительным...»²³⁴⁸

В этот же день, 25 июля, лечащие врачи – Гетье, Осипов, Ферстер и Доброгаев, посоветовавшись с Розановым и Обухом, приняли решение: поскольку попытки возобновить рефлексорно-речевые и другие упражнения Ленин решительно отвергает, отложить их на 1,5–2 месяца²³⁴⁹.

Но Владимир Александрович Рукавишников, проводивший с Владимиром Ильичом гораздо большее время, нежели лечащие врачи, заметил то, чего не усмотрела профессура. Он был уверен, что именно в июле Ленин определил свой собственный «план, по которому должно идти его выздоровление». И он сам продумал, какие именно задачи ему необходимо решать в первую очередь.

«Первое, на что он обращает свое внимание, – пишет о Ленине Рукавишников, – это беспомощность. Он замечает, что около него слишком много людей, и все потому, что он – больной лежачий. Вот если встать... Он обращает внимание на ногу, делает попытки двигать ею.

...Хорошо помню его первые попытки встать около кровати: вот он привстал, постоял и опять ложится... В последующие дни он делает попытки шагать, увеличивает число шагов. Далее он усложняет, прибавляет и придумывает другие упражнения для мышц. Из комнаты на террасу – две ступеньки, он и их использует для упражнения. И так с каждым днем становится крепче и независимее... С ногой дело, кажется, налаживается. Теперь все его внимание переносится на речь...

1 августа (Это случилось 2 августа. – В.Л.), гуляя с Надеждой Константиновной в саду, Владимир Ильич стал что-то требовать, произнося звуки “а”, “о”, “и”, “у”. Это было требование изучать азбуку. С этих дней он упорнейшим образом начинает учиться речи. И тут нам всем приходилось думать только о том, как отвлечь его чем-нибудь от напряженной работы, иначе он способен заниматься целыми днями»²³⁵⁰.

Занятия действительно увлекли его. Дежурные врачи фиксировали их почти ежедневно. Возвращаться к речевым упражнениям с доктором Доброгаевым Ленин не стал. Виктор Петрович Осипов полагает, что Владимир Ильич, видимо, не хотел выставлять на всеобщее обозрение проявления своей болезни – «это было ему неприятно».

Занимались они с Крупской по складной азбуке. Вслед за Надеждой Константиновной он произносил сначала буквы, затем односложные слова. Но складывать их из букв сам он пока не мог. Потом перешли к двух- и трехсложным, и число повторяемых слов возрастало с каждым днем. К 13 августа оно превысило 300 слов. Но главное, постепенно удалось устранить дефект, который прежде более всего волновал Ленина: полностью восстановилось понимание речи окружающих.

«Надежда Константиновна, – рассказывал В.П. Осипов, – опытный педагог, но для этих занятий нужно иметь специальные

знания. Поэтому мы каждый вечер собирались и давали ей определенную инструкцию, и таким образом под нашим руководством она проводила эти занятия, протекавшие весьма успешно»²³⁵¹.

Врачи объяснили Крупской, что «та форма болезни, которая была у Владимира Ильича, допускала восстановление речи. Быстрота и полнота этого восстановления зависят в очень большой степени от того, насколько человек способен к упорному труду над собой, насколько систематически, неустанно может она работать».

Объясняя это Ленину, Надежда Константиновна сказала, что «надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь все равно, как на тюремное заключение. Помню, Екатерина Ивановна [Фомина. – В.Л.], сестра милосердия, возмущалась этим моим сравнением: “Ну, что пустяки говорите, какая это тюрьма?”

Я говорила о тюрьме вот почему. Помнила я, как сидел Владимир Ильич в 1895 году в тюрьме. Он развил там колоссальную энергию. Кроме того, что он в тюрьме работал... руководил из тюрьмы работой организации... он связался и с товарищами по тюрьме... бодростью и заботой о товарищах дышало каждое его письмо...

В 1914 году Владимира Ильича арестовали в Галиции... и посадили в местную тюрьму... Очутился он вместе с сидевшими там раньше “преступниками”. Большинство было темных забитых крестьян... И в их среду внес Владимир Ильич бодрость... Он писал им заявления, растолковывал, что надо делать. “Бычий хлоп” – прозвали его сидевшие в тюрьме крестьяне, т. е. крепкий, сильный»²³⁵².

С невероятным упорством Ленин продолжал свои занятия с Крупской. Видя его успехи, она была просто счастлива, а он, заметив это, всячески демонстрировал ей свое рвение в «учебе» даже тогда, когда уставал от напряжения и однообразия упражнений. Это подметил Рукавишников.

Наблюдая как-то за занятиями, Владимир Александрович видел, с каким вниманием слушает Владимир Ильич тексты,

которые читает ему Надежда Константиновна. «Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное.

Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицо рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг из-под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы... Как будто ничего не было...»

То же происходило и с грибами. С началом занятий его интерес к поиску грибов сразу упал. Но заметив, какую радость доставляют Надежде Константиновне их совместные прогулки, продолжал вместе с ней регулярно выезжать в парк – «по грибы».

И тот же Рукавишников заметил, что пока они были вместе, Ленин был весел, азартен и добродушно посмеивался над тем, что не видит она грибов у себя под ногами. Но если ее вызывали к телефону, он тут же «переставал искать грибы и становился равнодушным к этому занятию. Возвращалась Надежда Константиновна – и снова смех и активные поиски»²³⁵³.

В ходе занятий по восстановлению речи появился еще один мощный стимулятор – газета. Впервые какая-то старая газета попала на глаза еще 10 августа. Около часа он внимательно всматривался в нее, попросил другую. На следующий день это повторилось. А когда ему попытались подсунуть ту же самую – обиделся. Хоть и не мог он тогда читать, но отличить – даже по внешнему виду – один номер от другого был вполне способен.

С тех пор, как отмечали дежурные врачи, почти ежедневно он брал газету, смотрел дату выпуска, затем 15–20 минут просматривал ее. Однако с самостоятельным чтением пока не получалось: по-видимому, буквы все еще никак не складывались в слова. Впрочем, что-то – как старый газетчик – он все-таки улавливал. 23 августа дежурный врач записал: «Перед обедом Н.К. по его желанию читала ему газету. Он потребовал прочтения телеграмм, указав на них пальцем. Но она не прочла, сказав, что ему политика запрещена...» Выборочное чтение или пересказ содержания каких-то статей продолжались, и уже 31

августа врачи пришли к убеждению, что Ленин не только привычно произносит – «газета», но и «начинает постепенно прочитывать некоторые слова»²³⁵⁴.

Успешно шли и физические упражнения. Причем главным спортивным снарядом стала лестница – 2,5 пролета, соединявшие первый и второй этажи «большого дома». Терпение и выдержку он проявлял огромную. Когда от многократного повторения уставал, садился на ступеньку, отдыхал, а потом вновь, опираясь одной рукой о перила, другой на санитара, карабкался вверх с таким упорством, будто это была горная вершина.

Как отмечали медики, с каждым днем и подъемы, и спуски давались ему «заметно легче». А когда 31 августа Владимир Ильич довольно легко и свободно сошел с лестницы, он и сам «был от этого в восторге. В конце концов, 6 сентября врачи решили, что пора начинать тренировки в «ходьбе с палкой»²³⁵⁵.

А вот рассказ о его встрече на пашне с трактористом Папковым (?), зафиксированный в 12-м томе «Биографической хроники», – это уже чистейшая легенда. Подлинная же история такова.

Однажды, когда в совхоз «Горки» доставили два трактора, и они вышли на пахоту в поле, заведующий хозяйством А.Г. Панков устроил так, чтобы их «Владимиру Ильичу с балкона было видно. Он увидел тракторы, – вспоминал Панков, – а я говорю: “Советская лошадь хорошо пашет...” Он был доволен, что я назвал их советской лошадей»²³⁵⁶. И может быть, вспомнил тогда Ильич мужичка, который в конце 1921 года с нескрываемой иронией сказал: «Мост-то, извините, советский...»

Еще с 16 августа возобновились и прогулки на автомобиле. Обычно ехали медленно – или вокруг имения, или к реке, а чаще всего в лес. Он с удовольствием узнавал знакомые места – постройки, дорогу, мостики, оживленно раскланивался с встречавшимися на пути крестьянами. От обилия впечатлений от нередко уставал. Да и погода выдалась не из лучших. В самом

конце августа вдруг ударила жара. В лесу парило и было душно. А потом опять похолодало и пошли дожди²³⁵⁷.

Уже в августе физическое состояние Ленина настолько улучшилось, что еще 13-го на состоявшемся консилиуме (Гетье, Ферстер, Осипов, Обух) врачи стали обсуждать вопрос о возможности поездки Владимира Ильича в Крым. И вряд ли эту инициативу предварительно не одобрило Политбюро.

Ферстер заявил, что «несомненное улучшение в состоянии здоровья В.И. наступило в Горках, несмотря на исключительно дождливое и холодное лето. Надо думать, что пребывание в течение 1,5–2 месяцев в благоприятных климатических условиях южного берега Крыма еще улучшит и закрепит общее физическое состояние и вместе в тем будет способствовать дальнейшему благоприятному течению нервного процесса».

Однако все четверо медиков согласились с тем, что эта «поездка не должна идти вразрез с желанием самого В.И., иначе она вызовет отрицательную реакцию и возбуждение»²³⁵⁸. Впрочем, поскольку ни о какой поездке в места столь отдаленные Крупская и слышать не захотела, вопрос о Крыме вроде отпадал сам собой.

Окончательное объяснение произошло 24 сентября. В присутствии Марии Ильиничны, докторов Гетье, Осипова и Обуха Надежда Константиновна «заявила, что В.И. в последнее время настолько хорошо себя чувствует, прекрасно спит и состояние его здоровья так улучшается, что она считает поездку нежелательной, т. к. она может вывести его из равновесия». С несколько не свойственной ей твердостью Крупская категорически заявила, что «если этот вопрос будет поставлен и разрешен положительно, то она этому решительно не подчинится. Доктор Обух ответил, что в таком случае этот вопрос и не будет поставлен».

Оставшись одни, доктора Обух, Осипов и Гетье обсудили вопрос «о месте дальнейшего пребывания В.И. Совещание высказалось, что переезд на зиму в Москву нежелателен, а здоровью В.И. лучше, если зима будет проведена в Горках»²³⁵⁹.

То, что при любой погоде Горки для здоровья Ленина были куда лучше, нежели Кремль, – это бесспорно. Но, возможно, это решение отчасти было продиктовано и тем соображением, что с переездом в Москву неизбежно стали бы расширяться контакты Владимира Ильича, и он вновь так или иначе был бы втянут в происходившие там политические события.

Здесь же, в Горках, все его контакты были крайне ограничены и подконтрольны. 19 августа его посетил брат – Дмитрий Ильич с женой и дочерью Ольгой. 11 сентября он долго расспрашивал крестьянина А.Г. Панкова, заведовавшего хозяйством совхоза «Горки», о его впечатлениях от Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, открывшейся в Москве.

А вот «на вопрос, – пишет Крупская, – не хочет ли он повидать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас, или кого-нибудь еще из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой...» И уж совсем расстроился, когда 22 августа во время прогулки ему показалось, что среди посетителей дома отдыха он заметил издалика Бухарина и Зиновьева. Не захотел он их видеть, «знал, – как полагает Надежда Константиновна, – что это будет непомерно тяжело»²³⁶⁰.

В сентябре-октябре врачи отметили, что понимание речи «заметно увеличивается». Мало того, при чтении газет, которое происходило в это время почти ежедневно, Владимир Ильич не только «живо реагирует» на прочитанное, но и сам «начинает несомненно прочитывать некоторые слова»²³⁶¹.

«Установился, – пишет Крупская, – такой порядок: после того, как Владимир Ильич сам просматривал газету, я прочитывала ему телеграммы, передовицу, статьи по его указанию. Сам он очень быстро ориентировался в газете, что прямо поражало докторов, и не позволял пропускать ничего существенного».

Когда, стараясь не огорчать его, пишет Крупская, она ничего не сказала о смерти Мартова, он сам нашел сообщение об этом в эмигрантских газетах и «укоризненно показал мне». Это

повторилось 18 сентября, когда Ленин прочел об убийстве в Лозанне В. Воровского, 21 сентября, когда газеты сообщили о покушении на дочь спецкора «Известий» в Париже давнего знакомого Владимира Ильича Шарля Раппопорта.

«Статьи, – продолжает Крупская, – он выбирал так, как выбирал бы здоровый. Просил читать ему вслух лишь то, что содержало фактический материал, просил, например, прочесть заметку [Две статьи Радека. – В.Л.] о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке...» Просил достать «вновь вышедшую книжку "о мясниковщине"»²³⁶².

А в октябре Крупская пишет Зиновьеву: «В.И. прочел объявление о "Звезде" и о своей статье в ней [Статья 1916 года «О карикатуре на марксизм и об "империалистическом экономизме"». – В.Л.]. Просил достать, как только она выйдет. Явно помнит эту свою статью. Очень просила бы, чтобы номер со статьей Ильича был послан мне тотчас по выходе»²³⁶³.

8 октября, когда Крупская «хотела проститься с ним, сказав, что она едет в Москву, В.И. надел шляпу, показав, что он хочет ехать с ней. На уверения, что ему нельзя, что он болен, что его растрясет, только махал рукой». Однако профессор Осипов, запись которого мы процитировали, решительно воспротивился, и «Н.К. уехала, сказав, что возьмет его в следующий раз»²³⁶⁴.

13 октября Ленин повторил попытку. «После слов Марии Ильиничны, что она едет в Москву, тоже показал, что нужно ехать». В ходе объяснений Владимир Ильич дал понять, что хочет попасть в Кремль якобы лишь для того, чтобы привезти некоторые книги. Осипов поездку запретил, а когда Ленину дали список литературы, он отобрал только что вышедшие из печати тома собственных сочинений, несколько книг Троцкого и Рафаила (Фарбмана Р.Б.)²³⁶⁵.

Наконец, 18 октября Владимир Ильич добился своего. Профессор Осипов пишет, что в этот день он пришел к Ленину в 15.30 и узнал, что Владимир Ильич отказался от обеда, очень взволнован и решительно настроен на то, чтобы ехать в Москву. С помощью санитара он дошел до гаража и сел в открытый

автомобиль, который должен был отвезти в город Казимира Зорьку.

Никакие уговоры врача и родных не подействовали. Единственное, чего удалось добиться, – согласия пересест в закрытый автомобиль. Вместе с Лениным поехали Крупская, Мария Ильинична, начальник охраны Пакалн, профессор Осипов и фельдшер Рукавишников. По дороге шофер Рябов дважды попытался свернуть в сторону и вернуться назад, но Владимир Ильич тут же решительно пресекал эти попытки²³⁶⁶.

Около 19 часов приехали в Кремль. «Часовой осматривает пропуска у нас, – рассказывает Рукавишников, – а Ильич сидит, откинувшись в угол автомобиля... Часовой наклоняется ближе, чтобы рассмотреть пассажира, не показавшего пропуск. Увидел и отпрянул. Вытянулся в струнку, руку под козырек...»

Они въехали в Кремль. Ленин поднимается в свою квартиру. Некоторое время, сидя в кресле, отдыхает с дороги, а потом начинает просматривать книжные шкафы и все комнаты.

Всю дорогу, от самых Горок, Владимир Ильич находился, как пишет Осипов, в «радостном состоянии». Еще бы! Ведь он не был здесь с 15 мая – пять долгих месяцев...

Но он не мог не заметить определенной странности: 18 октября был четверг, нормальный рабочий день, когда в Кремле в это время все еще бурлила деловая жизнь, толчея, шли различные совещания и заседания. Теперь же, вместо обычного многолюдья, тишина и ни души.

Легли спать. Ночь прошла спокойно. А с утра он опять, как пишет Крупская, – «разобрал свои тетрадки» и рылся в библиотеке. После обеда, около 14 часов, Ленин попросил покатаь его в коляске по Кремлю. День все-таки был рабочим, и он должен был хоть кого-нибудь встретить... Встретил! «Из-за угла, – рассказывает Рукавишников, – вывертывается взвод красноармейцев. Вот они поравнялись с Ильичом. Взводный: "Равнение направо!" Красноармейцы оборачиваются к Ильичу. Взводный, подтянувшись, отдает честь...»

Запись Осипова: «В.И. показал, что хочет выехать за пределы Кремля: подали автомобиль, катался по Москве, ездил

мимо выставки». Речь шла о Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, к которой он проявлял особый интерес. Но осмотреть ее подробно не удалось – пошел дождь.

«Вернувшись обратно, – продолжает Осипов, – прошел в зал Совнаркома». Рукавишников рассказывает более подробно: Ленин «вторично направился в свой кабинет, но на сей раз не удовлетворился его осмотром, а повернул в дверь, ведущую из его кабинета в зал заседаний Совнаркома. Зал был пуст: ввиду приезда Владимира Ильича заседания были отменены. Ильич покачал головой. Мне кажется, что он рассчитывал увидеть здесь многих из своих товарищей».

Об этой поездке Ленина ходило по Москве множество слухов и сплетен. Естественно, мы находим их в воспоминаниях Н. Валентинова. О степени достоверности этих слухов он сам написал следующее: информацию он получил от брата П.Н. Малянтовича, юриста Владимира Николаевича Малянтовича («Икс»), обладавшего обширными связями, в том числе и в медицинских кругах.

Более 30 лет Валентинов эту информацию никак не фиксировал, и «даже мысль о том, – как он пишет, – в голову не приходила. Очень часто многое слышанное, как говорится, в одно ухо влетало, а из другого вылетало... Смутно помню, что он в качестве своих информаторов называл Крамера и Кожевникова... Главным его информатором в этом деле был Крамер»²³⁶⁷.

Согласно этой версии, «Ленин пришел в свою квартиру и там долго искал какую-то вещь, написанную им до третьего удара и оставшуюся в его кремлевской квартире, когда его на носилках перевезли в Горки. Хранимые им бумаги Ленин никогда не позволял трогать. В 1922 г., уехав в Горки, он потребовал от Фотиевой (она о том пишет) “запереть ящики его стола в кабинете и ничего там не разбирать”. Такие же порядки он установил и в своей квартире. Никто, в том числе и Крупская, не должен ни брать, ни перекладывать его заметки и всякие другие документы.

...Приехав из Горок в Кремль, Ленин нашел, что установленный им порядок кем-то нарушен. Искомая вещь там, где он рассчитывал ее найти, не оказалась. Ленин пришел от этого в сильное раздражение... Испуганные Крупская и Ульянова, может быть, с чьей-то помощью, свели его вниз, посадили в автомобиль и привезли в Горки». Все это якобы рассказала Крамеру Мария Ильинична²³⁶⁸.

И вот заключительная запись Виктора Петровича Осипова за этот день: после посещения Совнаркома Ленин «выбирал книги и взял Гегеля. Выяснилось, что он хочет обратно в Горки, причем торопился с возвращением. 19-го около 7 часов вечера вернулся в Горки»²³⁶⁹.

Валентинов пишет, что якобы через несколько дней после возвращения Крупская вызвала Крамера и «очень недовольным тоном заявила, что М.И. неверно передала ему о случившемся. Владимир Ильич болен, он может несколько в искаженном виде представлять себе некоторые явления... "Я не хочу, чтобы разнесся слух, будто какие-то документы, рукописи, письма у Владимира Ильича украдены. Такой слух может принести только большие неприятности... Очень прошу забыть все то, что вам говорила Мария Ильинична"»²³⁷⁰.

Остается лишь добавить реальные наблюдения Крупской: когда в предшествующие дни врачи запрещали Ленину ехать в Москву, они более всего «боялись, как бы он не захотел там остаться». После 19 октября, пишет Надежда Константиновна, со стороны Владимира Ильича «больше разговоров о Москве не было»²³⁷¹.

Последние дни

....Последним пунктом повестки дня октябрьского Пленума ЦК и ЦКК была информация о состоянии здоровья В.И. Ленина. Надо сказать, что с момента публикации в 1922 году медицинских бюллетеней в них всегда давалась несколько завышенно-оптимистическая оценка хода болезни. И Владимир

Ильич по этому поводу подшучивал: «Послушай, ври да знай же меру!»²³⁷²

Однако со временем в этом стал все более проявляться и политический расчет: партия и народ должны быть уверены, что, несмотря на болезнь, вся текущая политика направляется вождем. В октябре этот завышенный оптимизм стал особенно заметен в различных публичных выступлениях.

Сам нарком здравоохранения Н.А. Семашко, выступая 20 октября на одном из собраний, заявил: «Здоровье тов. Ленина систематически, каждый день улучшается... Настроение и самочувствие у него хорошие. Он шутит, интересуется общественными делами...»²³⁷³

На следующий день, прочитав это выступление в «Правде», лечащие врачи сделали специальное «Заявление для ЦК» и попросили Надежду Константиновну и Марию Ильиничну передать его по назначению. «В течение последних недель, – говорилось в заявлении, – в ежедневной прессе появился ряд сообщений о состоянии здоровья В.И., причем высказывались предположения и о дальнейшем течении болезни.

Так как во многих из этих сообщений имеются ссылки на врачей, то врачи, пользующие В.И., считают необходимым довести до сведения Центрального Комитета, что означенные сообщения в значительной своей части не соответствуют их взглядам на состояние здоровья В.И. и возможность столь быстрого его выздоровления, почему и не могут взять на себя ответственность за справедливость означенных сообщений». 21 октября это заявление подписали доктора Ф.А. Гетье, С.М. Доброгаев и В.П. Осипов²³⁷⁴.

Примерно к этому времени (конец октября – начало ноября) Н. Валентинов, а вслед за ним и «ленинское» публицистика, относит некое частное совещание некоторых членов партийного руководства. На нем, якобы в связи с «резким ухудшением» состояния здоровья Владимира Ильича после поездки в Москву, обсуждался вопрос о том, каким образом в случае смерти Ленина организовать его похороны.

При этом Валентинов, как всегда, оговаривает, что все происходившие на совещании разговоры он воспроизводит по памяти спустя много лет, опираясь якобы на рассказы Бухарина – неизвестно кому и когда.

Вопрос о похоронах якобы поднял Калинин: «Это страшное событие, – сказал он, – не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал».

Калинина поддержал Сталин: «Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому и должен быть похоронен. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения перед усопшим.

...Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет».

По версии Валентинова, с «величайшим возмущением» Сталину ответил Троцкий: «Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин – русский человек и его нужно хоронить по-русски.

По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому, нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону – сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят их заменить мощами Владимира Ильича».

С таким же возмущением говорил якобы и Бухарин: «Я замечая, что где-то в партии, из каких-то щелей несет странным духом. Хотят возвеличить физический прах в ущерб идейному возвышению. Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Москву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах,

похороненный около кремлевской стены, как бы прибавит "святости", значения всему этому месту... Это черт знает что!»

Троцкого и Бухарина якобы поддержали Каменев и Зиновьев, который тут же поставил вопрос о переименовании Петрограда в Ленинград. И только будто бы Рыков дал уклончивый ответ²³⁷⁵.

Надо сразу сказать, что вся эта «беседа» – не что иное, как «венчик сплетен», сотканный из разновременных, в основном позднейших, слухов, помноженных на неумную фантазию самого Валентинова. И на данной «версии», может быть, не стоило останавливаться столь подробно, если бы она не получила хождения и у нас, и за рубежом.

Прежде всего необходимо отметить, что вопрос о длительном сохранении тела Ленина встал лишь через несколько недель после его смерти. Материалы комиссии ЦИК СССР по организации похорон под председательством Дзержинского, досконально изученные и опубликованные академиком Ю.М. Лопухиным, бесспорно свидетельствуют о том, что к идее целесообразности бальзамирования пришли лишь в марте. До этого, 56 дней, до наступления оттепели, тело Ленина находилось во временном деревянном склепе и сохранилось лишь благодаря сильнейшим морозам²³⁷⁶.

Постановление ЦИК СССР, принятое 25 января, указывало, что склеп на Красной площади сооружается «в целях предоставления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем»²³⁷⁷.

Во-вторых, расклад мнений, сконструированный в воспоминаниях Валентинова, совершенно произволен. Выступая 26 января на II Всесоюзном съезде Советов, Сталин говорил: «Вы видели в эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина»²³⁷⁸.

Емельян Ярославский, тонко улавливавший флюиды, исходившие от генсека, в этот же день писал в «Правде»:

«Родной Ленин! Смертное тело твоё – скроем в землю, а дело твоё, твои мысли останутся с нами в нас»²³⁷⁹. Так что никак не могли осенью 1923 года обсуждать вопрос о бальзамировании.

Что же касается филиппики Троцкого, столь сочно выписанной Валентиновым, то никаких документальных свидетельств о его протестах против бальзамирования, кроме его собственных более поздних воспоминаний, не обнаружено. Тем более что в тот момент, когда впервые встал вопрос о длительном сохранении тела Ленина, Троцкий находился в Сухуми.

Протесты Зиновьева и Бухарина также вызывают сомнения. Во всяком случае, когда после смерти Владимира Ильича Крупская обратилась в ЦК с просьбой ускорить погребение Ленина, Политбюро 29 января именно им двоим дало деликатное поручение – «переговорить с Надеждой Константиновной, не согласится ли она не настаивать на принятии ее предложения с тем, что по истечении месяца вопрос будет опять обсужден»²³⁸⁰.

Вполне возможно, что указанные Валентиновым лица позднее могли думать примерно так, как он написал. Но, подводя итог, можно уверенно утверждать, что легенда о якобы имевших место в 1923 году «похоронах Ленина при его жизни» является чистойшей фальшивкой.

Кстати, и сама исходная точка данной легенды – о «резком ухудшении» в октябре-ноябре состояния здоровья Владимира Ильича – тоже несостоятельна. 2 ноября около пяти часов пополудни в Горки прибыла делегация рабочих Глуховской мануфактуры. Они привезли в подарок Ильичу саженцы для того, чтобы высадить под его окнами вишневый сад: мол, зацветут деревья, и «глазу будет приятно».

В том, что рабочие в своем желании были совершенно искренни, нет никаких сомнений. Но столь же бесспорно и то, что посещение было санкционировано свыше и в его организации самое непосредственное участие принимала Мария Ильинична. Она встретила делегатов, отвела в «телефонную», где они разделись, а потом поднялись на второй этаж.

Все участники этой встречи, в том числе и Владимир Ильич, ужасно волновались. Ему вручили приветственный адрес от коллектива фабрики, стали рассказывать о своих делах. Ленин внимательно слушал, всячески поддерживал беседу, и им действительно показалось, что он «забросал нас вопросами о жизни рабочих», о том, как они «живут и на что жалуются»²³⁸¹.

А когда Мария Ильинична «на ушко шепнула, что нельзя больше Ленина утомлять», шестидесятилетний бородач, молотобоец Дмитрий Кузнецов, похожий на былинного богатыря, обнял Владимира Ильича и, со слезами на глазах, сказал: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич, я кузнец. Мы выкуем все, что ты наметил»²³⁸².

Надежда Константиновна Крупская позднее написала: «Характерно то, что хоть Владимир Ильич не мог тогда говорить, они этого не заметили и на другой день писали в газете, что Владимир Ильич говорил им то-то и то-то. Настолько у него была выразительная мимика, что они не заметили, что он не может говорить, настолько взаимное понимание было достигнуто, что могла иметь место такая ошибка»²³⁸³.

Но характерно и другое. Рассказы глуховцев об этой встрече подверглись литературной обработке. И редакторы не могли не знать, что Ленин говорить не мог. Тем не менее именно этот сюжет редактурой затронут не был, и версия о «говорящем Ильиче» получила таким образом поддержку.

Поэтому, когда 26 ноября рабочие машиностроительного завода вновь подтвердили депутатские полномочия Владимира Ильича в Моссовете на 1924 год, они были «в полной уверенности», что, «оправившись от тяжелой болезни», он вновь станет «во главе мирового пролетарского движения».

Вместе с тем осторожность врачей в оценке состояния здоровья Ленина, понудившая их 21 октября написать заявление в ЦК РКП(б), была понятна. Приступы болезни, хотя и кратковременные – по 30 секунд – повторялись и 28 сентября, и 21 октября, и 23 ноября, время от времени он ощущал подергивания и «мурашки» в левой руке и т. п.

И все-таки успехи были явными. Профессор Бехтерев, не видевший Владимира Ильича с начала мая 1923 года, осмотрев его в конце ноября, написал, что состояние пациента заметно улучшилось²³⁸⁴.

Под диктовку Крупской он ежедневно выполнял все упражнения по написанию слов, а с начала ноября мог уже сам называть предметы, лежавшие на его столе: «нож», «перо», «книга». Более того, мог сказать: «дай перо», «хочу читать». В обиходе стал пользоваться словами «нет», «прости», а иногда к сказанным словам добавлял: «хорошо, весьма хорошо»²³⁸⁵.

Это дополнялось богатейшей мимикой, жестами, и теперь уже Надежда Константиновна вполне понимала их. «Отгадывать было возможно потому, – пишет Крупская, – что когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает... Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать».

Продолжалось и ежедневное чтение газет, причем не только «Правды», но и «Известий», зарубежных изданий. Профессор Осипов в конце ноября записал: «Ежедневно просматривает газеты, причем иногда сам просит газету, а просмотрев газету, иногда указывает пальцем на подписи некоторых статей, и содержание их Н.К. ему излагает»²³⁸⁶.

В это время Владимир Ильич ходил с палочкой уже без всякой посторонней помощи. Достаточно свободно поднимался и спускался по лестнице. Регулярно ездил с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной на автомобиле в лес.

А когда в конце осени открылся сезон охоты, П.П. Пакалн, сопровождавший Владимира Ильича в поездках, стал брать с собой ружье, а несколько раз и собак. Охота, впрочем, так и не заладилась. Лишь однажды заметили невдалеке лису, пару раз зайчишек, но палить не стали.

И все это время Владимир Ильич усердно занимался, по мнению врачей даже чрезмерно. Но «занятия, – пишет Крупская, – давали ему уверенность в выздоровлении». Профессор Д.В. Фельдберг, заменивший в декабре профессора Доброгаева, был уверен, что Ленин «непременно будет говорить,

при такой степени сознательности, – полагал Давид Владимирович, – не может человек не говорить, этого не бывает, он в сущности уже говорит, у него нет только памяти на словесные образы слов». Однако, как отметила Крупская, – «пугали время от времени начавшиеся повторяться припадки дурноты. Хотя и были они мимолетны, но каждый раз охватывал ужас нового ухудшения»²³⁸⁷.

Приступ болезни, произошедший 23 ноября, продолжался лишь несколько секунд. Но приступ днем 7 декабря, а затем 20 декабря длился уже 3–4 минуты. После этого какое-то время настроение у Владимира Ильича было подавленное, но оно быстро проходило, не оставляя, как казалось, никаких видимых последствий, и он продолжал занятия все с тем же рвением.

А тут как раз подоспело Рождество, и по давней семейной традиции, которую в свое время блюла мать – Мария Александровна Ульянова, – Мария Ильинична стала готовить рождественскую елку. И поскольку в художественной «лениниане» эта елка стала одним из излюбленных сюжетов, то напридумано было вокруг нее предостаточно.

И прежде всего о том, когда же она была. В 1923 году Рождество отмечали 25 и 26 декабря. По решению наркомата труда, оба дня, как и другие основные православные праздники, были объявлены нерабочими. Помимо этого, были даны указания о недопустимости именно в эти дни «уклонов в сторону антирелигиозной агитации»²³⁸⁸.

По достаточно полным и достоверным данным, собранным Н. Петренко, все ранние воспоминания (в том числе самой М.И. Ульяновой и профессора В.П. Осипова) указывали именно эту дату – Рождество, 25 декабря 1923 года. Но в более поздних публикациях о Рождестве уже не упоминалось. Елка стала новогодней, а дата ее проведения перенесена на 13 дней, на 7 января, то есть на то же Рождество, но по новому стилю²³⁸⁹.

Впрочем, уже упоминавшаяся родственница Рыкова Евдокия Павловна Николаевская написала 9 января 1924 года: «Провели

два праздника: по-новому и по-старому. И все граждане почти так: не возбраняется!»²³⁹⁰

Что касается записи А.С. Курской – жены наркома юстиции Д.И. Курского о том, что 28 декабря она «отбирала по просьбе Надежды Константиновны игрушки и книжки для подарков на елку, которую устраивает она с Владимиром Ильичом для крестьянских ребят в Горках», то запись эта вызывает сомнения хотя бы потому, что ни Ленин, ни Крупская елку не «устраивали».

Мария Ильинична пишет: «На Рождество 1923 я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников». Надежда Константиновна дополняет: «Елка в Горках была устроена не по инициативе Ильича; его, больного, просто привезли туда»²³⁹¹.

Помимо сына и дочери Дмитрия Ильича – Виктора и Ольги, приемного сына Анны Ильиничны – уже студента Гóры Лозгачева, пригласили около десятка детей сотрудников и крестьян деревни Горки. «На Рождество, – вспоминал профессор Осипов, – была устроена елка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели, Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос, не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня детей, но он показал, чтобы оставили детей в покое». Завершился праздник, как и положено, раздачей подарков²³⁹².

На следующий день, 26 декабря, в Горки приехал профессор Ферстер. Никаких заметных перемен в состоянии пациента он не нашел. С Владимиром Ильичом они обсудили план дальнейшего лечения и решили, что речевые занятия под наблюдением профессора Фельдберга должны продолжаться не более часа за один прием. А вот прогулки в лес – теперь уже на санях – не ограничивались и почти ежедневно продолжались по несколько часов²³⁹³.

Продолжалось и ежедневное чтение газет. «Статьи он выбирал так, – пишет Крупская, – как выбирал бы здоровый. Просил читать ему вслух лишь то, что содержало фактический

материал, просил, например, прочесть заметку о финансовых реформах Гильфердинга, статью о гарантийном банке, статью Ларина о калькуляции Госиздата, сообщения о Германии, Англии, в особенности. Агитационные статьи перечитывать не просил...

Кроме газеты, читали и книжки. Нам присылали все вновь выходящие книжки. Владимир Ильич просматривал приходящие пачки и отбирал те книги, которые его интересовали, – о НОТе, о финансах, сочинения Воровского [«Русская интеллигенция и русская литература»: сб. статей. Харьков, 1923. – В.Л.], Троцкого, литературу, связанную с партдискуссией, «Под знаменем марксизма»... Читали несколько вечеров подряд «Мои университеты» Горького; сначала Владимир Ильич просил прочесть о Короленко, потом читали и другие статьи, помещенные в этой книжке...

Читал и сам. Как-то, смеясь, показал Н.С. Попову место из книжки Троцкого «Вопросы быта», где говорится о новых именах, которые дают детям (у Попова дочку зовут Икки – Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала), другой раз просил перечесть ему место из книжки Троцкого, где дается характеристика марксизма и ленинизма. Мне казалось, – написала Надежда Константиновна, – что ко многому он стал подходить как-то по-другому, точно он смотрит издали и подводит какие-то итоги, прочтет, перечтет еще раз и задумается». Последнюю фразу со слов «Мне казалось...» Крупская перед отправкой этих воспоминаний 4 февраля 1924 года Бухарину и Каменеву сняла²³⁹⁴.

А до этого, 29 января, она послала короткую записку Троцкому: «Дорогой Лев Давыдович. Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня прочесть ему это место, слушал внимательно, потом еще раз просматривал сам...»²³⁹⁵

Публикуя эту записку, Троцкий написал: «Я слишком хорошо знал отношение Ленина к Марксу, полное благодарной любви ученика и – пафоса дистанции... Я нарушал в своей статье

традиционный пафос дистанции. Маркс и Ленин, исторически столь тесно связанные и в то же время столь разные, были для меня двумя предельными вершинами духовного могущества человека... Масштаб Маркса был и в его глазах самым титаническим масштабом для измерения человеческой личности»²³⁹⁶.

Было в этой статье, написанной к 50-летию Ленина, еще одно место, которое наверняка приковало внимание Владимира Ильича: «Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния.

На первый взгляд характеристика фигуры Ленина как “национальной” может показаться неожиданностью, но, в сущности, это разумеется само собой. Для того чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна, очевидно, неразрывная, органическая связь с основными силами народной жизни – связь, идущая от глубочайших корней.

...Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека... Он похож на крепко умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь. Это – мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли. ...Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего в человеческой истории революционного действия»²³⁹⁷.

С 5 января в круг чтения Владимира Ильича входит присланный ему стенографический отчет XII съезда РКП(б). Продолжает следить он и за ходом партдискуссии. «Очень я боялась партдискуссии, – пишет Надежда Константиновна. – Но

Владимир Ильич захотел ознакомиться лишь с основными документами...»²³⁹⁸

Со стороны могло показаться, что болезнь отступает, что дело идет на поправку. И когда 19 января, открывая XI Всероссийский съезд Советов, Калинин сообщил, что крупные специалисты, лечащие Ленина, выражают надежду на его возвращение к государственной и политической деятельности, делегаты встретили это заявление криками «Ура!» и бурными аплодисментами²³⁹⁹.

Между тем для подобного заявления у Михаила Ивановича никаких оснований не было, и никакие «крупные специалисты» таких заявлений не делали. Скорее – наоборот.

15 января в 18.30 состоялось совещание, в котором приняли участие В.А. Обух, Ф.А. Гетье, В.В. Крамер, В.П. Осипов, О. Ферстер и Д.В. Фельдберг. Первое сделанное ими заявление было весьма кратким: ввиду болезни профессора Крамера, в случае потребности в неврологе, обращаться к профессору М.Б. Бролю.

А вот второе заявление было более пространное. Дело в том, что приступы болезни повторялись: 9 января было отмечено головокружение, днем 13-го приступ с частичной потерей сознания продолжался 3 минуты, а пациент по-прежнему отказывался от приема каких бы то ни было лекарств и врачебной помощи.

«Врачи, пользующие Владимира Ильича, – говорилось в заявлении, – не раз отмечали и считают необходимым указать, что вследствие отрицательного отношения больного к лечебным мероприятиям, вследствие повышенной чувствительности его организма к ряду лекарственных веществ и существующего у него отрицательного отношения к врачам вообще – не удастся использовать в надлежащей степени все лечебные мероприятия, которые врачи находят полезными и существенными. Поэтому они вынуждены ограничиться применением лишь некоторых средств в небольших дозах и профилактическими мерами». Постановили: данное заявление приложить к истории болезни.

Крупская вспоминает, что в один из вечеров прочла она Владимиру Ильичу рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни»: «Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человека не вступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек.

Слабеют у него силы, он не идет уж, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает – полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно»²⁴⁰⁰.

Надежда все-таки не покидала ни врачей, ни близких. И признаки хотя бы частичного выздоровления действительно были. В тот же день, 13-го, когда случился приступ, продолжив занятия, Владимир Ильич был «страшно рад, что преодолел одну трудность в письме. Улучшение, – пишет Крупская, – шло непрерывно. Восстанавливалась отраженная речь – говорил Ильич своим обычным голосом, с обычными интонациями, все лучше шло чтение вслух, были большие успехи в письме, создавался солидный фундамент для самостоятельной речи»²⁴⁰¹.

Позднее Надежда Константиновна рассказывала Луначарскому: «Я не думаю, что даже в эти тяжелые, последние месяцы Владимир Ильич чувствовал себя несчастным... Физических страданий он до последнего времени после второго удара не испытывал. Поправка шла несомненная, в особенности в отношении ног».

И Крупская поясняет: «В нем жила надежда на то, что он приобретет вновь речь. Он деятельно и страстно учился, так сказать, вцеплялся в занятия... Политический интерес преобладал все время над всеми остальными»²⁴⁰².

Однако болезнь не отпускала. 16 января, с утра, 3 часа, при солнечной погоде, Ленин провел на охоте в лесу. При этом заметно устал, «и, когда после обеда мы сидели с ним на балконе, – отметила Надежда Константиновна, – он утомленно закрывал глаза и все засыпал, сидя в кресле». И уже «начиная так с четверга [17 января. – В.Л.] стало чувствоваться, – продолжает Крупская, – что что-то надвигается: вид стал у

Владимира Ильича ужасно усталый и измученный». 19-го он два с четвертью часа опять провел в поездке по лесу с небольшими остановками, но устал еще больше и, вернувшись, ненадолго задремал²⁴⁰³.

Так уж совпало, что именно 16 января открылась XIII Всероссийская партконференция. И начиная с 17-го Крупская стала ежедневно читать ему информацию о ходе ее работы, печатавшуюся в «Правде», причем Ленин «просил читать отчет весь подряд. Когда в субботу [19-го. – В.Л.] Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, – пишет Надежда Константиновна, – что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы»²⁴⁰⁴. Об этом же 20 января написал и профессор Осипов: «После завтрака Владимир Ильич сидел на балконе, выходящем в парк... Надежда Константиновна читала ему газету, которую он слушал с большим интересом»²⁴⁰⁵.

Но болезнь продолжала наступать, и еще вечером 19-го Крупская заметила, что Ленин «часто закрывал глаза, как-то побледнел, а главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно»²⁴⁰⁶.

20-го, в какой-то момент, Николаю Семеновичу Попову показалось, что на лице Владимира Ильича появился синюшный оттенок. Но приехавший профессор Ферстер не нашел никаких отклонений, как и профессор Авербах, который, проверив глаза больного, убедился в том, что Владимир Ильич по-прежнему совершенно «правильно называл буквы таблиц».

...То неотвратимое, что ощущала Крупская с четверга 17-го, надвигалось, и 21 января это произошло. Надежда Константиновна пишет: «В понедельник пришел конец. Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в 11 попил черного кофе и опять заснул. Время у меня спуталось как-то.

Когда он проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе, он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше kloкотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд.

Владимир Александрович и Петр Петрович держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо.

Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было»²⁴⁰⁷.

Владимир Сорин, отдыхавший в те дни в Горках, рассказывает: «21 января. О Вл. И. известно, что... последние два дня ему нездоровится. Так как неоднократно бывали случаи, когда при общем улучшении состояния здоровья Вл. И. выпадали и менее счастливые дни, то и этому недомоганию не придавали большого значения.

В домике, где живет А.А. Преображенский, всегда известно, в каком состоянии здоровье Вл. И. Сегодня была М.И. Да, немного хуже обыкновенного, но и только. Ничего тревожного.

Часов в 12 (или позже?) в санаторий, где теперь, во время болезни Вл. И., живут только доктора и приехавший на пару дней Н.И. Бухарин, пришел из большого дома один из докторов и сообщил, что "дело идет к явному улучшению и старик сейчас спит. К весне вылечим наверняка".

Разговор с Н.Ив.: "что же, может быть, Вл. И. еще будет на съезде, скажет хоть маленькую речь? Почему это невозможно?"

...6 часов вечера. Я был в маленьком домике, когда пришел кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару... Сразу стало тревожно и беспокойно... Я тотчас же решил пойти к Бухарину в санаторий... Н.Ив. изменился в лице... И сейчас же пошел со мной к большому дому. Условились, что Н.Ив. поднимется вверх... и узнает у М.Ил. о состоянии здоровья Вл.

И. (вообще, чтобы не волновать Вл. И., товарищи не показывались ему)...

Кругом стояла тишина. Все казалось обычным, как всегда. Но было кое-что и необычное, тревожное: освещенные окна наверху. Кто бывал в Горках, знал, что в это время окна не должны быть освещенными... И другое: на мой вопрос, где тов. Пакалн, начальник охраны, дежурный товарищ ответил, что Пакалн наверху...

Бухарин не возвращался... Вдруг резко с размаху хлопнула дверь внизу... И через секунду, не успел я выбежать на площадку, как раздался чей-то ужасный, ни с чем несравнимый крик, который без слов говорил о том, что в большом доме случилось что-то непоправимое»²⁴⁰⁸.

Запись врачей лишь уточняет часы: в 16 часов приехали Ферстер и Осипов; в 16.45 Осипов осмотрел больного – цвет лица хороший, пульс 86 в минуту хорошего наполнения, деятельность сердца правильная; в 17.15 В.И. осмотрел Ферстер и не отметил ничего нового; в 17.30 дыхание участилось, пульс 90, температура 37°; 17.45 дыхание прерывистое, неравномерное; 18.45 глаза открыты, два-три глубоких вдоха, температура 42,3°, внезапный прилив к голове... 18.50 остановилось дыхание. Голова откинулась назад, резкая бледность покрыла лицо».

27 января Леонид Борисович Красин написал жене письмо. «И горе и скорбь невыразимая, но и сознание чего-то неизъяснимо великого, точно крыло Истории коснулось нас в эти жуткие и великие дни.

...За несколько часов до смерти В.И. у меня был один из врачей, живших в Горках, и передавал о значительном улучшении в физическом состоянии В.И., хотя тут же прибавлял, что случайное разрушение какого-нибудь сосуда может вызвать дальнейшее прогрессирование паралича и даже смерть. Так и вышло: кровоизлияние в области четыреххолмия парализовало дыхание, и смерть наступила моментально.

...Мука В.И. состояла в неспособности самому припоминать слова и говорить что-либо. Он был буквально в положении

человека, на глазах у которого происходят понятные ему события, надвигается какое-нибудь несчастье, он видит это все и знает, как этому помочь или как это предотвратить, но у него нет способа общаться с людьми, он не может им ни написать, ни крикнуть о том, что видит и знает!

...Он точно выждал окончания этой безмерно затянувшейся и часто безобразной по форме партийной дискуссии, чтобы, ударив всех как обухом по голове своим уходом из жизни... выявить перед сознанием всей партии ничтожность и мелочность этой борьбы по сравнению с той потерей и переменой не только во внутренней, но и в международной обстановке, которая создается тем, что "Ленина нет больше!"»²⁴⁰⁹

Примечания

- ¹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.
- ² Там же. С. 78, 79.
- ³ Там же. С. 79.
- ⁴ См. там же. № 2. С. 38–46.
- ⁵ См.: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной., С. 118.
- ⁶ См.: *Пугачев В. В., Динес В. А.* Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995. С. 40–41.
- ⁷ Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 40.
- ⁸ *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. С. 10; ср.: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной.
- ⁹ См.: *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. Кн. 1. С. 52.
- ¹⁰ См.: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.
- ¹¹ См.: *Зильберштейн И.С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи. М., 1929. С. 41.
- ¹² См.: *Яковлев Е.* Жизни первая треть. Документальное повествование о семье Ульяновых, детстве и юности Владимира Ильича. М., 1985. С. 16, 17, 18.
- ¹³ Там же. С. 27.
- ¹⁴ Там же. С. 20, 21.
- ¹⁵ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.
- ¹⁶ *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 34.
- ¹⁷ *Лавров П. Л.* Исторические письма. 5-е изд. Пг., 1917. С. 88.
- ¹⁸ Красный архив. 1923. № 4. С. 409.
- ¹⁹ *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1958. Т. XV. С. 175.
- ²⁰ История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 27.
- ²¹ История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. С. 27, 28.
- ²² См.: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.
- ²³ *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 34–35.

24 Трофимов Ж.А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 24.

25 Наумов А.Н. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 1. Париж; Нью-Йорк, 1954. С. 31, 32.

26 Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 410.

27 Оболенский В.А. Очерки минувшего. Белград, 1931. С. 42.

28 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1960. С. 115–116.

29 Яковлев Б.В. Страницы автобиографии В.И. Ленина. С. 64.

30 Веретенников Н. Володя Ульянов. М., 1975. С. 11, 12.

31 Ленин и Симбирск. С. 227.

32 Там же. С. 221–222.

33 Семья Ульяновых. С. 26.

34 См.: Трофимов Ж.А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 34–35.

35 Там же. С. 35.

36 Там же. С. 60.

37 См.: Веретенников Н. Володя Ульянов. С. 37.

38 Ленин и Симбирск. С. 226.

39 См. там же.

40 Ульянова-Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 40.

41 Там же.

42 Семья Ульяновых. С. 254.

43 Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 94.

44 Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 65, 68.

45 Семья Ульяновых. С. 254.

46 Яковлев Б.В. Страницы автобиографии В.И. Ленина. С. 51.

47 См.: Ульянова-Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 30.

48 Трофимов Ж.А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 6.

49 Вечернее слово. Пг., 1918. 1 июня. С. 3.

50 Крупская Н.К. О Ленине: сб. статей и выступлений. М., 1979. С. 34.

51 См.: *Яковлев Б.В.* Страницы автобиографии В.И. Ленина. С. 52.

52 *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 40.

53 Там же. С. 46.

54 Там же. С. 48.

55 *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 107–108.

56 Там же. С. 144.

57 Там же. С. 138.

58 *Крупская Н.К.* Моя жизнь. М., 1925. С. 19.

59 *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 48.

60 *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 119.

61 Там же. С. 182.

62 *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 53.

63 См. там же. С. 56.

64 См. там же. С. 70.

65 Там же. С. 71.

66 *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 116.

67 Там же. С. 153.

68 См.: *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 51, 65.

69 *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 175, 179.

70 *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 111.

71 См.: *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 102.

72 *Ульянова-Елизарова А.И.* О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 72.

73 См.: *Семья Ульяновых.* С. 75, 100.

74 Там же. С. 76 (Курсив мой. – В.Л.).

75 *Ульянова-Елизарова А.И.* О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 80.

76 См.: *Крупская Н.К.* О Ленине. С. 34.

77 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 509.

- 78 *Ульянова-Елизарова А.И.* О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 116–117.
- 79 *Крупская Н.К.* О Ленине. С. 71.
- 80 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 425.
- 81 Вопросы истории. 1990. № 6. С. 119.
- 82 *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 128.
- 83 См.: *Семья Ульяновых.* С. 101.
- 84 См. там же.
- 85 *Семья Ульяновых.* С. 216.
- 86 См.: *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 131, 132.
- 87 См. там же. С. 135.
- 88 См.: *Семья Ульяновых.* С. 209.
- 89 Там же. С. 209.
- 90 Там же. С. 210–211.
- 91 *Семья Ульяновых.* С. 199–200.
- 92 Там же. С. 199.
- 93 Там же. С. 200.
- 94 См.: *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 137.
- 95 *Семья Ульяновых.* С. 204–205.
- 96 См. там же. С. 230.
- 97 *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 139.
- 98 Там же. С. 141.
- 99 См. там же. С. 142–143.
- 10 °См.: *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 142.
- 101 См.: *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 222.
- 102 *Ульянова-Елизарова А.И.* О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 104.
- 103 *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 145–147.
- 104 См.: *Ульянова-Елизарова А.И.* О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 105, 106.

- 105 *Наумов А.Н.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 67–69.
- 106 *Семья Ульяновых.* С. 257.
- 107 См.: *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 216.
- 108 *Крупская Н.К.* О Ленине. С. 92.
- 109 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 495.
- 110 Там же. С. 496.
- 111 Там же. С. 500.
- 112 См.: *Нафигов Р.И.*...И стал убежденным марксистом. С. 64.
- 113 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М., 1984. Т. 2. С. 168.
- 114 См.: *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 65.
- 115 В.И. Ленин и Татария. Казань, 1964. С. 30.
- 116 *Чириков Е.* Цветы воспоминаний: собр. соч. Т. XII. М., 1915. С. 48–49.
- 117 *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 100.
- 118 Там же. С. 104.
- 119 Там же.
- 120 *Кондратьев И.* Ленин в Казани. С. 57.
- 121 См.: *Нафигов Р.И.*...И стал убежденным марксистом. С. 129.
- 122 *Иванский А.* Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964. С. 416.
- 123 См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 506, 507; ср.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939. Т. XI. С. 210.
- 124 См.: *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 60, 110.
- 125 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 340.
- 126 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 530.
- 127 Там же. С. 528.
- 128 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. XI. С. 287–288; *Вебер Г.* Всеобщая история. Т. 10. М., 1888. С. XXXVII.
- 129 См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 78–79.
- 130 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 600.

- 131 Красная летопись. 1924. № 1. С. 55.
- 132 См.: *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 128.
- 133 Там же.
- 134 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 553.
- 135 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 38.
- 136 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 392.
- 137 *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 46.
- 138 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 38.
- 139 См.: *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 141.
- 140 См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 108.
- 141 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 202.
- 142 См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. Воспоминания современников. Куйбышев, 1960. С. 35.
- 143 См.: *Зильберштейн И.С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 205–206.
- 144 См.: *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 160.
- 145 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 460–461.
- 146 *Радек К.Б.* Из рассказов тов. Ленина о его вступлении в революционное движение // Рабочая Москва. 1924. № 92.
- 147 *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 15.
- 148 Деятели СССР и революционного движения в России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 501.
- 149 См.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 491.
- 150 См.: *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 156.
- 151 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 492.
- 152 См. там же. С. 493–494.
- 153 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324–325.
- 154 Рабочая Москва. 1924. № 92.

- 155 Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 58.
- 156 *Горький М.* Собр. соч. Т. 15. С. 28.
- 157 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 481–482; Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 58.
- 158 См.: Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 58; *Нафигов Р.И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 188–205.
- 159 Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. Н. Новгород, 1929. С. 199.
- 160 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 186.
- 161 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 26.
- 162 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 378.
- 163 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324.
- 164 Красная летопись. 1925. № 2. С. 150.
- 165 См.: *Блюменталь И.И.* В.И. Ленин в Самаре. Самара, 1925; Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 160.
- 166 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 12.
- 167 См. там же. С. 13, 15, 19, 20, 34, 35.
- 168 *Плеханов Г.В.* Соч. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 42, 82.
- 169 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 87, 88.
- 170 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 286.
- 171 См.: *Зильберштейн И.С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 240, 241; Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 102.
- 172 См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 58, 61.
- 173 См. там же. С. 17, 18, 48, 64, 100, 101.
- 174 См. там же. С. 45.
- 175 См. там же. С. 27, 28.
- 176 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 141–142.
- 177 Там же. С. 40.
- 178 Рабочая Москва. 1924. № 92.
- 179 См.: *Зильберштейн И.С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 228, 229, 233.
- 180 См. там же. С. 247–249.
- 181 На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 174.
- 182 Красная летопись. 1925. № 1. С. 141–144.
- 183 См.: *Соколов Н.П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: автореф. дис.

... канд. ист. наук / Московский государственный историко-архивный институт. М., 1987. С. 3, 10.

184 См. там же. С. 11–12.

185 *Оболенский В. А.* Очерки минувшего. С. 197.

186 *Плеханов Г.В.* Соч. Т. 3. С. 314–315.

187 См.: *Соколов Н.П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 12; Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 76.

188 См.: *Соколов Н.П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 12.

189 См. там же. С. 322, 333, 334.

190 Там же. С. 330.

191 См. там же. С. 12.

192 См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. 3. С. 328.

193 См.: *Соколов Н.П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 13.

194 См.: *Оболенский В.А.* Очерки минувшего. С. 209.

195 См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. 3. С. 324, 337; *Соколов Н.П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 14.

196 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 90.

197 См. там же. С. 22.

198 См.: *Оболенский В.А.* Очерки минувшего. С. 206.

199 См.: На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 178.

200 Там же.

201 См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 134–135.

202 См. там же. С. 132.

203 *Оболенский В.А.* Очерки минувшего. С. 211.

204 На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 178–179.

205 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 233.

206 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 130.

207 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 76.

208 Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 30.

209 См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 132.

210 Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 172.

211 См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. 3. С. 359.

- 212 Там же. С. 415, 420, 422, 423.
- 213 *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. Т. 1. С. 19.
- 214 См.: *Шалагинов В.К.* Защита поручена Ульянову. Новосибирск, 1970. С. 253–263; *Аросев А.Я.* Материалы к биографии В.И. Ленина. М., 1925. С. 24–26.
- 215 *Стерник И.Б.* В.И. Ленин – юрист. Ташкент, 1969. С. 84.
- 216 См.: Материалы к истории марксизма-ленинизма. М., 1980. Т. 8. С. 175–197; История КПСС. М., 1964. Т. 1. С. 172; Русская литература. 1968. № 3. С. 161; Рабочая Москва. 1924. № 92.
- 217 См.: Вопросы истории КПСС. 1966. № 3. С. 3–5.
- 218 См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 57, 75, 161.
- 219 *Чехов А.П.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1970. Т. 5. С. 523.
- 22 °См.: Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 248; *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 472.
- 221 См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 171.
- 222 См.: Красная летопись. 1926. № 6. С. 26.
- 223 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 1.
- 224 Там же. С. 2.
- 225 Там же. С. 1.
- 226 *Кржижановский Г.М.* О Владимире Ильиче. С. 31.
- 227 Там же.
- 228 Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 49.
- 229 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 97, 101.
- 230 *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении. С. 266, 267, 268.
- 231 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315.
- 232 Пролетарская революция. 1923. № 3. С. 4, 5.
- 233 *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 76.
- 234 История КПСС. Т. 1. С. 185.
- 235 *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. С. 77.
- 236 *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. С. 131.
- 237 Рабочее движение в России в XIX веке: сб. документов и материалов. М., 1961. Т. IV. Ч. 1. С. 81.

238 Горьковская правда. 1955. 22 апр.; Московский строитель. 1940. 21 янв.; Старый большевик. 1933. Сб. 2 (5). С. 188.

239 Пролетарская революция. 1930. № 1 (96). С. 87–88.

240 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 59.

241 Там же. С. 66.

242 Там же. С. 59, 61.

243 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 211, 212.

244 О Ленине. Воспоминания. Кн. III. М.; Л., 1925. С. 21–22; Записки Института Ленина. Т. III. М., 1928. С. 71–73.

245 Пролетарская революция. 1930. № 1 (96). С. 88.

246 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 68.

247 Красный архив. 1934. № 1 (62). С. 79.

248 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 7.

249 Там же. С. 8.

250 Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. С. 95.

251 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344.

252 Записки Института Ленина. III. 1928. С. 71–73.

253 Записки Института Ленина. Т. III. 1928. С. 71–73.

254 *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. М., 1952. С. 7.

255 *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 189–190.

256 Исторический архив. 1958. № 6. С. 209.

257 Записки Института Ленина. Т. III. 1928. С. 73.

258 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 266.

259 См.: Иностранная литература. 1957. № 4. С. 7–17.

260 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 74.

261 *Яковлев Б.В.* Страницы автобиографии В.И. Ленина. С. 157–159.

262 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 9–10.

263 См.: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксизма. М., 1997.

264 Источник. 1993. № 4. С. 22.

- 265 Там же.
- 266 Источник. 1993. № 4. С. 22.
- 267 *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксизма. С. 131.
- 268 *Ульянова-Елизарова А.И.* О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 208.
- 269 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 12.
- 270 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 105.
- 271 См. там же.
- 272 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 10.
- 273 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 266, 271.
- 274 См. там же. С. 265, 268.
- 275 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 268.
- 276 От группы Благоева... С. 34.
- 277 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 268, 269, 270.
- 278 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 132.
- 279 См.: *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 271–272; *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 103.
- 28 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.
- 281 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 47.
- 282 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 70, 74.
- 283 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 107.
- 284 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 278, 279; *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 108, 109.
- 285 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 110.
- 286 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 12.
- 287 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 51.
- 288 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 460.
- 289 *Ленин Н. (В. Ульянов).* Собр. соч. Т. 1. С. 573, 574. См. также с. 590, 593, 610, 613, 614.
- 29 °См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 165.
- 291 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 443, 444.

- 292 См.: *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 300.
- 293 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 126.
- 294 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 15.
- 295 Там же.
- 296 См.: Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 109, 110; см.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 128.
- 297 *Горький М.* Собр. соч. Т. 17. С. 24.
- 298 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 17.
- 299 Там же. С. 72.
- 300 Там же. С. 208, 209.
- 301 Там же. С. 18.
- 302 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 111.
- 303 См. там же. С. 111, 112.
- 304 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 162, 168.
- 305 См. там же. С. 164.
- 306 Там же.
- 307 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 221.
- 308 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 209.
- 309 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 445.
- 310 Там же. С. 445–446.
- 311 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 301.
- 312 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 115, 116.
- 313 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 119; *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 290–291.
- 314 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 119.
- 315 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 292.
- 316 Творчество. 1920. № 7–10. С. 6.
- 317 Былое. 1924. № 24. С. 12; *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 52, 168.
- 318 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 122.
- 319 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 53.
- 320 Там же. С. 54.

321 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 129, 130.

322 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 303.

323 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 134, 135.

324 См. там же. С. 135.

325 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 55.

326 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 136; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 839.

327 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 115.

328 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 123, 126, 127.

329 См.: *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 85.

330 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 89.

331 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 94.

332 Там же. С. 84, 85, 100.

333 Там же. С. 102, 103.

334 Там же. С. 101–102.

335 Там же. С. 84.

336 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 62.

337 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 142, 143.

338 Там же. С. 143.

339 Там же. С. 144.

340 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 72.

341 Там же. С. 67, 68.

342 *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 21.

343 См.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. С. 141–142.

344 См.: *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 168, 169.

345 См.: *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 270.

346 Там же. С. 305.

347 Там же.

- 348 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 144, 149, 159; *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 27, 28.
- 349 *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 86–87.
- 350 *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 139.
- 351 Там же. С. 153, 154, 156.
- 352 *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 29.
- 353 См.: *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 33.
- 354 См.: *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 97–101.
- 355 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 315–316.
- 356 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр.11. Л. 22.
- 357 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 119, 120.
- 358 *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 37.
- 359 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 34.
- 360 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 317.
- 361 *Яковлев Б.В.* Страницы автобиографии В.И. Ленина. С. 168.
- 362 *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 37.
- 363 См.: *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 170.
- 364 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 120.
- 365 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 34.
- 366 *Горев Б.И.* Из партийного прошлого. С. 38.
- 367 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 318.
- 368 *Левицкий В. (В.О. Цедербаум).* За четверть века. Революционные воспоминания. М., 1926. С. 51.
- 369 Там же.
- 370 См.: *Яковлев Б.* Ленин в Красноярске. М., 1965. С. 15, 16.
- 371 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 121; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1989. Т. 1. С. 86.
- 372 Пролетарская революция. 1929. № 1 (84). С. 91–96.
- 373 Там же. С. 93, 94.
- 374 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 23.
- 375 Минувшее. М., 1992. № 11. С. 110, 111.
- 376 Пролетарская революция. 1929. № 1 (84). С. 95.

- 377 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 23.
378 Там же. С. 25.
379 См.: *Яковлев Б.* Ленин в Красноярске. С. 116, 122.
380 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 26.
381 Там же. С. 28, 31.
382 См.: *Яковлев Б.* Ленин в Красноярске. С. 148.
383 Там же. С. 144.
384 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 37.
385 Там же. С. 34.
386 Там же. С. 35.
387 Там же. С. 47–48.
388 Там же. С. 40.
389 Там же. С. 37.
390 Там же. С. 35, 39.
391 Ленин в Шушенском встречает XX век: Документы. Письма. Воспоминания. М., 1980. С. 50.
392 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М., 1984. Т. 1. С. 226.
393 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 55.
394 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 224.
395 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 404.
396 См.: Рабочая Москва. 1924. 2 февр.
397 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 225.
398 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 80.
399 Там же. С. 36, 39, 54.
400 Там же. С. 107.
401 Там же. С. 50.
402 Там же. С. 54.
403 Красноярский рабочий. 1941. № 17. 21 янв.
404 См.: *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. 1870–1905. М., 2001. С. 250–254.
405 Советская мысль. Устюг. 1926. 23 марта.
406 См.: Творчество. 1920. № 7–10. С. 4.
407 См.: *Соколов Б.* Арманд и Крупская. Женщины вождя. Смоленск, 1999. С. 9, 10, 21.

- 408 См.: *Соколов Б.* Арманд и Крупская. Женщины вождя. С. 19.
- 409 *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. С. 214.
- 410 Там же. С. 112–113, 114.
- 411 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 419, 426.
- 412 Старый большевик. М., 1933. Сб. № 2 (5). Март-апрель. С. 152, 153.
- 413 *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 40.
- 414 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 221.
- 415 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 119.
- 416 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 170.
- 417 См.: Новый мир. 1957. № 2. С. 167.
- 418 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 56.
- 419 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 119.
- 420 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 42.
- 421 Там же. С. 59, 65.
- 422 *Дридзо В.* Надежда Константиновна. М., 1969. С. 54.
- 423 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 226.
- 424 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 396.
- 425 Там же. С. 404.
- 426 Там же. С. 401.
- 427 Там же. С. 410.
- 428 Там же. С. 404.
- 429 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 225.
- 430 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 36, 396; Власть труда. Минусинск, 1928. 28 янв.
- 431 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 98.
- 432 См. там же. С. 97, 98.
- 433 Там же. С. 93.
- 434 Там же. С. 71.
- 435 Там же. С. 413.
- 436 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 112.
- 437 См. там же. С. 148, 149.
- 438 *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. С. 194, 195.
- 439 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 229.

44 °См.: *Тыгрова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. С. 236, 269.

441 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 101, 413, 415.

442 Там же. С. 409.

443 Там же. С. 183. Т. 46. С. 456.

444 См. там же. С. 423.

445 Там же. С. 411.

446 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 227.

447 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 399.

448 *Солоухин В.А.* При свете дня. М., 1992. С. 116.

449 См. там же. С. 35, 37, 116.

450 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 224.

451 Власть труда. Минусинск, 1928. 18 янв.

452 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 398.

453 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 228.

454 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 400.

455 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 232.

456 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32.

457 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 240.

458 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 180, 181.

459 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 233.

460 Там же.

461 Там же; *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 202, 203.

462 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 59, 60.

463 *Дрейден С.* В зрительном зале – Владимир Ильич. М., 1986. Кн. 1. С. 31.

464 Красный архив. 1934. № 1. С. 131.

465 См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 130.

466 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 204; *Дрейден С.* В зрительном зале – Владимир Ильич. Кн. 1. С. 31.

467 См.: Былое. 1926. № 1. С. 67; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. II. С. 102–105.

- 468 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 234.
- 469 См.: *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. С. 177, 178, 179.
- 47 °См.: *Сильвин М.А.* Ленин в период зарождения партии. С. 219, 223.
- 471 *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. С. 177, 178, 179.
- 472 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 182, 183.
- 473 См.: *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. С. 171.
- 474 Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 69; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 159.
- 475 В.И. Ленин и Псковский край. Л., 1971. С. 123.
- 476 Ленинский сборник. Т. IV. М.; Л., 1925. С. 55.
- 477 Там же. С. 53.
- 478 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 42, 43.
- 479 См.: Ленинский сборник. Т. IV. С. 56–58; *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. С. 357–360, 365.
- 480 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 20.
- 481 Ленинский сборник. Т. IV. С. 57.
- 482 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 322, 323.
- 483 См. там же. С. 324.
- 484 См. там же. С. 325, 327, 329, 330.
- 485 *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. С. 179.
- 486 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 350.
- 487 *Крупская Н.К.* О Ленине. С. 66–67.
- 488 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 188.
- 489 *Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. С. 39.
- 490 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 359.
- 491 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 121.
- 492 Там же. С. 62, 63.
- 493 Там же. С. 121.
- 494 См.: Красная летопись. 1924. № 1. С. 22–23.
- 495 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 253.
- 496 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 511. Л. 1.

- 497 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 122.
- 498 См.: Об Ильиче. Кн. III. М.; Л., 1924. С. 46.
- 499 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 63.
- 500 Там же. С. 64.
- 501 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 223, 315, 317.
- 502 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 64.
- 503 См.: В.И. Ленин и Башкирия. Уфа, 1984. С. 303, 304, 311.
- 504 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 386, 573.
- 505 В.И. Ленин и Башкирия. С. 309.
- 506 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 235.
- 507 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 417, 419.
- 508 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 334.
- 509 Там же. С. 334, 338.
- 510 Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 210.
- 511 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 34.
- 512 Там же.
- 513 Там же. Т. 4. С. 339.
- 514 Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 209.
- 515 *Тахтарев К.М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 110.
- 516 *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. С. 368.
- 517 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 42.
- 518 Там же. Т. 4. С. 342.
- 519 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 334, 337.
- 520 Там же. С. 337, 338–339.
- 521 Там же. С. 337, 340.
- 522 Там же. С. 339.
- 523 Там же. С. 339–340.
- 524 Там же. С. 339, 340.
- 525 Там же. С. 343–344.
- 526 Там же. С. 344.
- 527 *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. С. 178.
- 528 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 343, 344–345.
- 529 Там же. С. 344.
- 530 Там же. С. 345, 346.
- 531 Там же. С. 346, 347.
- 532 Там же. С. 347, 349, 350.

- 533 Там же. С. 350.
- 534 Там же. С. 349, 351.
- 535 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 521.
- 536 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 345.
- 537 Там же. С. 344, 345.
- 538 Там же⁴. С. 341, 352.
- 539 Там же. С. 353.
- 54 °См. там же. С. 484.
- 541 Там же. С. 358.
- 542 Там же.
- 543 Там же. С. 357.
- 544 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 520.
- 545 Ленинский сборник. Т. XIII. С. 109.
- 546 См. там же.
- 547 Там же. С. 97, 110.
- 548 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 54.
- 549 Там же. С. 53–54.
- 550 Ленинский сборник. Т. XIII. С. 103–104.
- 551 Там же. С. 104, 105.
- 552 Там же. С. 104.
- 553 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 55.
- 554 Там же. С. 54, 55.
- 555 Там же. С. 56.
- 556 Ленинский сборник. Т. III. С. 69, 70; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 50, 51.
- 557 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 75.
- 558 Там же. С. 51.
- 559 Ленинский сборник. Т. III. С. 107.
- 560 Там же. С. 116.
- 561 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 72.
- 562 *Мартон Ю.* Записки социал-демократа. С. 263.
- 563 *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. С. 261.
- 564 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 139, 158.
- 565 Там же. Т. 46. С. 38.
- 566 См.: Ленинский сборник. Т. III. С. 81.
- 567 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 238.

- 568 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 50; Т. 55. С. 192.
- 569 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 135.
- 570 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 195.
- 571 Там же. Т. 2. С. 466.
- 572 Ленинский сборник. Т. IV. С. 50.
- 573 См.: Революция 1905–1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С. 176–181.
- 574 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.
- 575 Там же. С. 376.
- 576 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 65.
- 577 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 386.
- 578 Там же. С. 387.
- 579 История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 230, 231, 232.
- 580 *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. С. 314, 321; *Струве П.* На разные темы. СПб., 1902.
- 581 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 264.
- 582 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 329, 331.
- 583 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40.
- 584 См. там же. С. 360.
- 585 См.: *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. С. 435–437.
- 586 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 386–387.
- 587 Там же. С. 387.
- 588 Там же. С. 386.
- 589 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 301.
- 590 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 387.
- 591 Там же. С. 388.
- 592 *Плеханов Г.В.* Соч. Т. XVII. С. 3–4.
- 593 См. там же.
- 594 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 244.
- 595 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 79, 80, 81.
- 596 Ленинский сборник. Т. III. С. 133.
- 597 История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. С. 230, 231, 232.
- 598 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 118.

- 599 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. 3-е изд. М., 1984. Т. 1. С. 420.
- 600 Там же. С. 421.
- 601 Там же. С. 420, 421.
- 602 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 117.
- 603 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256.
- 604 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 361, 362.
- 605 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 396.
- 606 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 454.
- 607 *Покровский М.Н.* Октябрьская революция: сб. статей. 1917–1927. М., 1929. С. 67.
- 608 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 170.
- 609 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 28. С. 8.
- 610 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256, 259.
- 611 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 426.
- 612 В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 189.
- 613 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 346–347.
- 614 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 55. С. 30.
- 615 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 426.
- 616 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 346.
- 617 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 30. С. 77.
- 618 Там же. С. 65.
- 619 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 288, 369.
- 620 Там же. С. 370.
- 621 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 31. С. 295.
- 622 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 49. С. 14, 312, 313.
- 623 Там же. С. 288, 324; Т. 30. С. 262.
- 624 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 30. С. 128, 386; Т. 49. С. 380.
- 625 Там же. С. 68, 69, 122, 127; Т. 49. С. 27.
- 626 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 274.
- 627 Там же. С. 265, 266, 274.
- 628 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 427.
- 629 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 331, 341.
- 630 Там же. С. 344.

- 631 Вопросы истории. 1969. № 2. С. 29, 30.
- 632 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 302.
- 633 Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 347.
- 634 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 215, 217, 303, 367 и др.
- 635 Вернадский Г.В. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 135.
- 636 См. статью С.С. Поповой «Французская разведка ищет "германский след"» в сб.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.
- 637 Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2003. С. 58.
- 638 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. М., 1973. С. 583.
- 639 The Unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996. P. 34.
- 640 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367, 372.
- 641 Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 345.
- 642 Там же. С. 349.
- 643 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 338, 343, 360; Т. 55. С. 365, 367, 368.
- 644 См. там же. С. 365.
- 645 См. там же. С. 368.
- 646 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 308.
- 647 Ленин В.И. Полн. собр. соч... Т. 28. С. 413–414.
- 648 См. там же. С. 65, 72, 92, 100, 110, 130, 162 и др.
- 649 Там же. С. 29, 200, 349.
- 650 Там же. С. 34, 424.
- 651 Ленин В.И. Полн. собр. соч... Т. 27. С. 321, 322, 360, 394 и др.
- 652 Там же. С. 346.
- 653 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 598
- 654 См.: Дрейден С.Д. В зрительном зале – Владимир Ильич. Новые страницы. М., 1970. С. 236, 237, 241.
- 655 Блок А. Собр. соч.: в 12 т. М.; Л., 1936. Т. 8. С. 59.

- 656 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 179.
- 657 Там же. С. 424, 427.
- 658 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327, 328.
- 659 Там же. С. 133.
- 66 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 423; Т. 17. С. 31.
- 661 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 20, 125, 126.
- 662 Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 56.
- 663 *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 7.
- 664 См. статью А.П. Корелина: П.А.Столыпин и российское общество... // Куда идет Россия? Власть, общество, личность: сборник. М., 2000. С. 37–44.
- 665 Нива. 1913. № 33. С. 659. (Выделено мной. – В.Л.)
- 666 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 396; Т. 25. С. 65.
- 667 *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 106.
- 668 Куда идет Россия? Власть, общество, личность. С. 43, 44.
- 669 *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 110.
- 670 Государственная деятельность П.А. Столыпина: сб. статей. М., 1994. С. 141.
- 671 Красная новь. 1922. № 6. С. 178–179.
- 672 *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 24, 151.
- 673 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 561; Независимая газета. Приложение: Независимое военное обозрение. № 43. С. 5.
- 674 *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 82, 83.
- 675 См.: Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–84.
- 676 *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 82.
- 677 Там же. С. 83.
- 678 Там же. С. 84.
- 679 Там же. С. 82.
- 680 Цит. по: *Соловьев Б.* Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 709.
- 681 Социал-Демократ. 1916. 30 дек. № 57.

- 682 Там же.
- 683 *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 244.
- 684 *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 83.
- 685 Падение царского режима. Т. 4. Л., 1926. С. 21, 22.
- 686 Социал-Демократ. 1916. 30 дек. № 57.
- 687 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 341.
- 688 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.
- 689 Там же.
- 690 Там же.
- 691 Там же. С. 378; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.
- 692 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.
- 693 Там же.
- 694 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.
- 695 Там же.
- 696 См. статью: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2.
- 697 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 439.
- 698 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 241, 301, 309–310, 397, 403, 409, 528; Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. 5-е изд. М., 1910. С. 89.
- 699 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.
- 700 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 4. С. 416.
- 701 *Логинов В.Т.* Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2004. С. 261.
- 702 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 397.
- 703 Там же. С. 232.
- 704 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 340, 390; Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 169.
- 705 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 398.
- 706 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.
- 707 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С.118.

708 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 347, 348; Т. 36. С. 496.

709 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч... Т. 31. С. 70.

710 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 277, 278.

711 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.

712 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

713 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 121.

714 Там же. С. 122.

715 См. статью: *Лукашев А.В.* Возвращение В.И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 5.

716 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 401, 402; *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 134.

717 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403, 404–405, 409.

718 Там же. С. 404.

719 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 434.

720 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405.

721 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 40, 92.

722 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405, 406.

723 Там же. С. 406.

724 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7–9).

725 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92, 95.

726 Ленинский сборник. Т. XIII. С. 254.

727 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92.

728 Там же. С. 35, 36, 92, 95; *Лукашев А.В.* Статья в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 11).

729 *Солженицын А.И.* Ленин в Цюрихе. ИМКА-Пресс, 1975. С. 201.

73 °См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7).

731 *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 74.

732 См. там же. С. 13, 22, 46.

733 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 118; Т. 49. С. 50.

734 Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? М., 2003. С. 163.

735 См.: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 38, 39, 41, 42.

736 Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 87. С. 306–307.

737 Бакинский рабочий. Баку, 1924. № 24, 29, 31 (январь – февраль).

738 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82, 83.

739 См.: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 27, 28.

74 °См.: Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. С. 201; более полный текст см.: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 64; Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 20, 62.

741 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414, 419.

742 Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 118, 135.

743 Там же.

744 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 408.

745 См.: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 61–62.

746 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 61, 62, 185.

747 Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 135.

748 См. там же. С. 51, 74, 75.

749 См. там же. С. 95.

75 °См. там же. С. 47.

751 Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 127.

752 Там же.

753 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 13, 14).

754 Там же.

755 См.: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67, 68.

756 См.: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 64, 65.

757 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 83–84; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 93.

758 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424.

759 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 96; См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 14–15).

760 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 425.

761 См.: Там же. С. 428; см. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

762 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 32–33.

763 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

764 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 427.

765 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 46, 96.

766 См.: Известия. 1926, 12 июня.

767 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 47, 63, 96, 128.

768 *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 65.

769 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418.

77 °См.: Там же. С. 417, 418; *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 48.

771 Там же. С. 34, 62, 128.

772 Там же. С. 50, 51.

773 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 18, 19).

774 Там же. С. 20, 21.

775 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

776 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 20).

777 В.И. Ленин. Биографическая хроника Т. 4. С. 36, 38; См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 19).

778 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 52.

779 *Haas L. Carl Vital Moor.* Ein Leben für Marx und Lenin. Zurich, 1970.

78 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 426, 427; *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53.

781 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425, 429, 430, 431.

- 782 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 45, 98.
- 783 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.
- 784 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 488; *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 100.
- 785 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 42.
- 786 Там же. С. 38–39.
- 787 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 55, 125.
- 788 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 54.
- 789 Там же. С. 54, 123.
- 790 Ленинградская правда. 1925. № 17. 21 янв. С. 13.
- 791 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 50.
- 792 См. там же. С. 38, 39, 40.
- 793 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 39, 41, 42; *Урилов И.Х.* Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 289, 290.
- 794 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 71, 72.
- 795 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 21).
- 796 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 66, 148.
- 797 См. там же. С. 52, 56, 57; *Хепфнер К., Ирмтрауд Ш.* Ленин в Германии / пер. с нем. М., 1985. С. 179.
- 798 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129.
- 799 Там же. С. 149.
- 800 См. там же. С. 56.
- 801 См. там же. С. 151.
- 802 Там же. С. 129, 150.
- 803 Там же. С. 151.
- 804 Там же. С. 149.
- 805 Там же. С. 57, 64, 130, 131.
- 806 Там же. С. 58.
- 807 Там же. С. 57, 119.
- 808 Там же. С. 56, 131; *Хепфнер К., Ирмтрауд Ш.* Ленин в Германии. С. 182.
- 809 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 58, 152, 185; *Хепфнер К., Ирмтрауд Ш.* Ленин в Германии. С. 182.

- 810 *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 71.
- 811 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131, 139.
- 812 Там же. С. 138.
- 813 Там же. С. 131, 138, 139.
- 814 Там же. С. 139, 152.
- 815 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 46, 47.
- 816 Там же.
- 817 Там же. С. 132.
- 818 Там же. С. 53, 203.
- 819 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР». (1963. № 5. С. 18).
- 82 °См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 48; Заря Востока. Тифлис. 1925. 17 янв.
- 821 См.: *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 41, 42, 44, 45.
- 822 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132; *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 69, 70.
- 823 См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132, 133.
- 824 См.: *Ермолаева Р.А., Манусевич А.Я.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 402.
- 825 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 123, 132.
- 826 Там же. С. 133.
- 827 См.: Заря Востока. Тифлис. 1925. 17 янв.
- 828 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.
- 829 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 52.
- 830 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.
- 831 См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 22).
- 832 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 59, 60.
- 833 Там же. С. 150.
- 834 Там же. С. 60.
- 835 Комсомольская правда. 1937, 16 апр.; Красная звезда. 1940, 22 апр.
- 836 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124.
- 837 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 434.

- 838 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 119–120.
- 839 Там же. С. 119–120.
- 840 Там же. С. 124, 125.
- 841 РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 272. Л. 48.
- 842 *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 555. Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).
- 843 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110.
- 844 Там же. С. 161, 281.
- 845 См.: Заря Востока. Тифлис. 1925. 17 янв.
- 846 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120, 125.
- 847 Там же. С. 125.
- 848 См.: Известия. 1977. 15 апр. С. 2.
- 849 *Никитин Б.В.* Роковые годы. Париж, 1937. С. 22, 57, 58.
- 850 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 6–7.
- 851 Правда. 1917. № 24. 5 апр.
- 852 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 441, 442.
- 853 *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1969. С. 66.
- 854 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 154.
- 855 *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 43–44. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).
- 856 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 428.
- 857 Красная новь. 1922. № 6. С. 178–179.
- 858 Цит. по статье В. Бушуева в журнале «Свободная мысль» (2004. № 1. С. 128); *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 172–173.
- 859 *Пайпс Р.* Струве. Биография. Т. 2: Струве: правый либерал. 1905–1944. М., 2001. С. 296.
- 860 *Станкевич А.А.* Февраль, год 1917. Харьков, 1967. С. 108–109.
- 861 *Пайпс Р.* Струве. Биография. Т. 2: Струве: правый либерал. 1905–1944. С. 300.

- 862 *Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 73, 74, 76.
- 863 РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 272. Л. 102.
- 864 *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997. С. 125.
- 865 Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 241.
- 866 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 163.
- 867 Из глубины: сб. статей о русской революции. М., 1990. С. 187, 216–217.
- 868 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 126.
- 869 *Анин Д.* Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 156–157.
- 870 *Островитянов К.В.* Думы о прошлом... М., 1967. С. 164.
- 871 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 1, 16; Т. 32. С. 246; Т. 34. С. 76.
- 872 *Шульгин В.В.* Дни. Белград, 1925. С. 183.
- 873 Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 189, 190.
- 874 Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 429–430.
- 875 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. 3-е изд. Т. 1. М., 1984. С. 442.
- 876 Там же.
- 877 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113, 131.
- 878 От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957. С. 205.
- 879 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 24, 182.
- 880 См. там же. С. 49, 105, 161.
- 881 Там же. С. 50, 63, 73, 143.
- 882 См. там же. С. 36, 114, 147.
- 883 Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.
- 884 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 243.
- 885 Там же. С. 40, 109, 110, 151, 163.
- 886 См. там же. С. 4, 108, 147, 180.
- 887 Там же. С. 44, 45.

- 888 См. там же. С. 44, 56, 168.
- 889 Там же. С. 110, 115, 116, 136, 167, 202; О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 269.
- 89 °См.: Там же. С. 159, 167, 168.
- 891 Там же. С. 156.
- 892 Там же. С. 157.
- 893 Там же. С. 124, 159.
- 894 См. там же. С. 158, 160, 243.
- 895 Там же. С. 160.
- 896 См. там же. С. 105, 107, 160.
- 897 См. там же. С. 159, 242.
- 898 См. там же. С. 103; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С.
- 19.
- 899 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 105.
- 90 °См. там же. С. 104, 107, 108.
- 901 См. там же. С. 138, 147.
- 902 Там же. С. 264.
- 903 См. там же. С. 67, 73, 161.
- 904 См. там же. С. 57–61.
- 905 Там же. С. 28.
- 906 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 40, 45, 46, 47; Политические деятели России. 1917: биографический словарь. М., 1993. С. 160, 266.
- 907 См.: *Старцев В.И.* Революция и власть. М., 1978. С. 89.
- 908 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539.
- 909 Красная новь. 1922. № 6. С. 195–196.
- 910 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56.
- 911 См. там же. С. 44, 56, 92, 123, 124.
- 912 Там же. С. 42, 163, 164.
- 913 Там же. С. 143.
- 914 Речь. 1917. 19 окт.
- 915 *Милюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 350.
- 916 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.
- 917 См.: *Совокин А.М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 46.

918 См. там же; *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 64.

919 Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 295.

920 *Лавров В.М.* Крестьянский парламент России. М., 1996. С. 71.

921 См. там же. С. 28, 35, 83, 87.

922 От Февраля к Октябрю. С. 130.

923 Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 303–304.

924 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 174, 176.

925 О Ленине. Воспоминания. Кн. IV. М.; Л., 1925. С. 100, 101.

926 *Лавров В.М.* Крестьянский парламент России. С. 93.

927 См. там же. С. 100, 101, 103.

928 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 250.

929 Там же. С. 259.

930 Первый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1930. С. 51, 52.

931 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 197. Л. 19.

932 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 260.

933 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 216.

934 См.: *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. С. 579.

935 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 260.

936 См. там же. С. 260.

937 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 264, 265, 273.

938 См. там же. С. 264, 266. (Выделено мною. – *В.Л.*)

939 См. там же. С. 265.

940 См. там же. С. 266, 267. (Выделено мною. – *В.Л.*)

941 Там же. С. 340. (Выделено мною. – *В.Л.*)

942 Там же. С. 267, 268. (Выделено мною. – *В.Л.*)

943 Новая жизнь. 1917. 24 мая.

944 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203.

945 Там же. С. 267, 269.

946 Там же. С. 270.

947 Там же. С. 269. (Выделено мною. – *В.Л.*)

948 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 253, 260–261.

949 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 273, 275, 282, 286, 291.

950 Рабочий путь. Смоленск, 1930. № 17. 21 янв.; Правда. 1917. № 68. 28 мая.

951 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 494.

952 *Невский В.И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 37.

953 Цит. по: *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 431–432.

954 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 301.

955 О Ленине: сборник. Кн. IV.

956 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 360, 361.

957 *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 125; Красная летопись. М.; Пг., 1923. № 6. С. 76.

958 См.: *Совокин А.М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 54.

959 Политические деятели России. 1917: биографический словарь. С. 254.

96 °См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 308.

961 *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 123, 124.

962 Записки Института Ленина. Т. 2. 1927. С. 48, 49; *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 131, 132.

963 *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 133, 134.

964 Там же. С. 138, 139.

965 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 307, 373.

966 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 446.

967 *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968. С. 96–99.

- 968 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 407.
- 969 Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. С. 99, 100.
- 970 Там же. С. 105.
- 971 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 309.
- 972 См.: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992.
- 973 См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 302, 307.
- 974 См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 126, 127.
- 975 Солдатская правда. 1917. 2 июля.
- 976 Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 58.
- 977 Красная летопись. 1922. № 4. С. 144.
- 978 Рабинович А. Кровавые дни. С. 139.
- 979 Там же. С. 168, 169.
- 980 Там же. С. 153, 154.
- 981 См. там же. С. 153, 163; Речь. 1917. № 152. 1 июля.
- 982 Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 39.
- 983 Красная летопись. 1923. № 6. С. 78.
- 984 Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997. С. 22.
- 985 См.: Красная летопись. 1923. № 7. С. 96; Рабинович А. Кровавые дни. С. 169.
- 986 Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы. М.; Л., 1927. С. 50.
- 987 См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 153, 164, 165.
- 988 Красная летопись. 1923. № 6. С. 78.
- 989 Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 161; Красная летопись. 1930. № 3. С. 105, 106.
- 990 Известия. М., 1922. 18 июля.
- 991 Рабинович А. Кровавые дни. С. 176.
- 992 Там же. С. 182.
- 993 Там же. С. 176, 178.
- 994 Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 113.
- 995 Рабинович А. Кровавые дни. С. 183.
- 996 См. там же. С. 185.

- 997 Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 77.
- 998 Работница и крестьянка. 1925. № 11 (29). С. 26.
- 999 Красная летопись. 1923. № 6. С. 79.
- 100 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 23, 24.
- 1001 Ленинградская правда. 1925. 16 июля; Красная летопись. 1923. № 6. С. 79.
- 1002 См.: *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 201, 202, 203.
- 1003 См. там же. С. 209, 210, 211, 212.
- 1004 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 336.
- 1005 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 244; *Зиновьев Г. Н.* Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918. С. 56–57.
- 1006 Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 40.
- 1007 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 198.
- 1008 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 332.
- 1009 *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 222.
- 101 °См.: *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 213, 214; *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 144.
- 1011 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 339, 340.
- 1012 См.: *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 208, 212, 214, 215, 216, 218.
- 1013 См. там же. С. 218, 219, 227; *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. М., 1946. С. 164, 165.
- 1014 См.: *Зиновьев Г.* Ленин и июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 62, 63.
- 1015 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. М., 1984. С. 162.
- 1016 Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 63, 64.
- 1017 См. там же. С. 63, 64; Правда. 1924, 16 июля.
- 1018 См.: *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 229, 230.
- 1019 См. там же. С. 231, 233, 235.
- 102 °См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 278; Известия ВЦИК. 1918. 6 нояб. № 243; Правда. 1924.

16 июля. № 159.

1021 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 212.

1022 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 162, 163; Рабочий путь. Смоленск, 1930. № 17. 21 янв.

1023 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445.

1024 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 163, 455, 456.

1025 См. там же. С. 455, 456; Правда. 1924. 23 марта. № 71; Заря Востока. 1926. 7 нояб.

1026 См.: Правда. 1924. 23 марта. № 71; Заря Востока. 1926. 7 нояб.

1027 *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 225.

1028 *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 106.

1029 *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 152–153.

103 °См.: Страницы славной истории. Воспоминания о «Правде» 1912–1917 гг. М., 1962. С. 321.

1031 *Половцов П.А.* Дни затмения. Париж, 1918. С. 143.

1032 *Никитин Б.В.* Роковые годы. Париж, 1937; М., 2000. С. 155.

1033 *Трубецкой С.Е.* Минувшее. Париж: Инка-Пресс, 1989. С. 153.

1034 В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 212.

1035 Правда. 1924. 23 марта; Заря Востока. 1926. 7 нояб.

1036 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 8, 9; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 456.

1037 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 441–442.

1038 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 433, 434.

1039 *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет: в 2 кн... Кн. 1. М., 1994. С. 226, 227.

1040 Рядом с Лениным. Воспоминания о Н.К. Крупской. М., 1969. С. 224. (Выделено мною. – В.Л.)

1041 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 311, 312, 394, 395, 396, 599.

1042 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 434; Т. 34. С. 7.

1043 *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 235, 236, 238, 239.

1044 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 457.

1045 Аллилуев С. Как у меня скрывался Ленин // Огонек. 1927. 3 июля. № 27. С. 1; Емельянов Н.А. Мои воспоминания о работе в партии и встречах с Ильичом // История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16). С. 146–170.

1046 См.: Голос рабочего. Ногинск, 1935. 21 янв.

1047 См.: История пролетариата СССР: сборник. 1933. № 4 (16). С. 164–168.

1048 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 165, 456.

1049 См.: Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 67–70; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис: документы и материалы. М., 1959. С. 76; Речь. 1917. 12 июля. № 161.

105 °См.: Красный Флот. 1924. № 2. С. 43–44; История пролетариата СССР: сборник. С. 146–170.

1051 См.: Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 67–70.

1052 Там же.

1053 См.: Никитин Б.В. Роковые годы. С. 57, 58; Независимая газета. Независимое военное обозрение. 1998. № 34. С. 7.

1054 Никитин Б.В. Роковые годы. С. 103, 104.

1055 См. статью: Попова С.С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 266.

1056 См.: Никитин Б.В. Роковые годы. С. 111; Попова С.С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 268–269.

1057 Никитин Б.В. Роковые годы. С. 120–122; Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 165.

1058 См.: Розенталь И.С. Звездный час Григория Алексинского // Россия XXI. 2002. № 4. С. 160, 161.

1059 Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 153, 154.

1060 Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. 2-е изд. Нью-Йорк, 1989. С. 125.

1061 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 283, 286, 291, 293, 297, 301, 305.

1062 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 7, 32.

1063 Там же. С. 25, 26.

- 1064 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 425; Т. 34. С. 31.
- 1065 См. статью: *Ляндрес С.* Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–143.
- 1066 См.: *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 187, 189.
- 1067 *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота» С. 110, 111, 120, 121, 189, 406–408, 412, 415, 416; Новый журнал. 1967. № 87. С. 309.
- 1068 *Соболев Г.Л.* Тайна немецкого золота. С. 402, 403, 416.
- 1069 Там же. С. 185, 186.
- 107 °См. там же. С. 193, 194.
- 1071 См. там же. С. 98, 182, 183.
- 1072 См.: От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 122; *Залежский В.* Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 185; *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 99.
- 1073 См.: *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Лондон, 1991. С. 33.
- 1074 *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 193.
- 1075 См. там же. С. 28–30; *Никитин Б.В.* Роковые годы. С. 71–72.
- 1076 См.: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 358–360; *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 218–220.
- 1077 См. там же. С. 83, 84.
- 1078 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 70.
- 1079 См.: *Бордюгов Г., Козлов В., Логинова В.* Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 5. С. 64.
- 108 °См.: Отечественная история. 1993. № 2. С. 134, 141, 142.
- 1081 *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в Русской революции. Россия в 1917 году. СПб., 1993. С. 63.
- 1082 См.: *Никитин Б.В.* Роковые годы. С. 104–107, 167, 246.
- 1083 *Шуб Д.* Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): сб. статей. Нью-Йорк, 1969. С. 231.

- 1084 См.: *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». С. 97, 98.
- 1085 См. статью: *Анисимов Н.Л.* Обвиняется Ульянов – Ленин // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 7.
- 1086 См.: Речь. 1917. 1 и 9 июня.
- 1087 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 346.
- 1088 *Волкогонов Д.* Ленин. Кн. 1. М., 1999. С. 220, 221.
- 1089 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 8.
- 1090 Там же. С. 18, 19, 20.
- 1091 Красная летопись. М.; П., 1923. № 6. С. 10, 11, 16.
- 1092 Там же. С. 28, 29, 31, 61.
- 1093 *Лютер А.* Дневник офицера. Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 156.
- 1094 См. статью: *Солнцева С.А.* 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. № 3. С. 115.
- 1095 Красная летопись. № 6. С. 29, 39, 40.
- 1096 См. там же. С. 21, 23, 53, 58.
- 1097 См. там же. С. 36, 37, 39.
- 1098 Там же. С. 12, 22, 23, 24, 25.
- 1099 См. там же. С. 34.
- 110 °См.: Отечественная история. 2004. № 3. С. 103, 104; Красная летопись. 1923. № 6. С. 61.
- 1101 Там же. С. 38.
- 1102 См. там же. С. 22, 31, 36, 40, 52, 62.
- 1103 См. там же. С. 13, 39.
- 1104 Там же. С. 28, 30, 31, 34, 35.
- 1105 См. там же. С. 27, 36.
- 1106 Там же. С. 41–44.
- 1107 Там же. С. 45.
- 1108 Там же. С. 39, 44.
- 1109 См. там же. С. 49, 50, 51.
- 111 °См. там же. С. 39, 49, 62 (Выделено мною. – *В.Л.*).
- 1111 Там же. С. 26, 31, 32, 52.
- 1112 См. там же. С. 17.

1113 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 422; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 601. Л. 28.

1114 См. статью Н.Л. Анисимова в «Военно-историческом журнале» (1990. № 11. С. 7); *Никитин Б.В.* Роковые годы. С. 16, 17; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 328, 394, 396.

1115 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 413.

1116 Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 71; Ленинградская правда. 1940. 21 апр.; 1955. 20 апр.; История пролетариата в СССР: сборник. 1933. № 4 (16). С. 161.

1117 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 414, 424–427, 431.

1118 *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. С. 607.

1119 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 88, 89, 93, 94.

112 °См. там же. С. 92.

1121 *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 189, 190.

1122 См. там же. С. 192, 193; *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 96.

1123 *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 194, 195, 196. (Выделено мною. – В.Л.)

1124 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 79–85.

1125 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 428.

1126 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника, Т. 4. С. 316, 318, 319; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 428, 429; *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. С. 607, 608. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94.)

1127 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 70, 98.

1128 См. там же. С. 102, 105, 106.

1129 См. там же. С. 70; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447.

1130 Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 24, 25.

1131 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 90–93.

1132 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 243.

- 1133 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 437.
- 1134 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445, 447, 450, 451. (Выделено мною. – В.Л.).
- 1135 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 121.
- 1136 См. там же. С. 127; 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 236.
- 1137 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997. С. 171.
- 1138 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 101, 102.
- 1139 *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 196.
- 1140 *Думова Н.Г.* Кадетская партия... С. 197.
- 1141 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 97.
- 1142 Там же. С. 75.
- 1143 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 105.
- 1144 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 76.
- 1145 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447.
- 1146 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 443, 444, 451.
- 1147 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459; Т. 2. С. 415.
- 1148 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 506; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459.
- 1149 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 77.
- 1150 Там же. С. 77, 78.
- 1151 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459; Т. 2. С. 444.
- 1152 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 325; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 437; *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. С. 614. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94.)
- 1153 См.: *Минц И.И.* История Великого Октября: в 3 т. Т. 2. С. 728.
- 1154 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 86–89.
- 1155 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 103, 110, 111.
- 1156 См. там же. С. 106, 107; Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 30, 31, 255.

- 1157 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 104, 108, 110, 111, 112.
- 1158 Там же. С. 107, 110, 111, 117.
- 1159 См. там же. С. 113, 115, 116.
- 1160 Там же. С. 116, 117, 118, 120, 121.
- 1161 См. там же. С. 124, 128.
- 1162 См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 199, 200.
- 1163 См. там же. С. 201.
- 1164 См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 128, 130, 143.
- 1165 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 201, 207–209, 211, 214.
- 1166 См.: Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 32, 47.
- 1167 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459–460.
- 1168 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 2152. Л. 23, 62.
- 1169 См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 340–341.
- 1170 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 16, 76.
- 1171 См. там же. С. 119, 120, 121.
- 1172 Там же. С. 138.
- 1173 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 460.
- 1174 *Совокин А.М.* В преддверии Октября. С. 115, 116.
- 1175 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139.
- 1176 См. там же. С. 140–143; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 30, 38, 39, 257.
- 1177 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 134, 149, 282.
- 1178 Там же. С. 145, 146, 147.
- 1179 См. там же. С. 204, 205.
- 118 °См.: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30.
- 1181 *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 25, 285, 287, 289, 292, 293, 302, 311, 488, 490.
- 1182 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278, 284, 492.

1183 *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 442; *Верховский А.И.* Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914–18 гг. М., 1918. С. 125; *Гусев К.В.* Партия эсеров... М., 1975. С. 129; *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 261.

1184 *Современные записки.* 1920. Т. 1. С. 127.

1185 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 195, 196, 197.

1186 *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 185; *Вопросы истории.* 2005. № 7. С. 54.

1187 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. Т. 1. С. 98.

1188 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 155.

1189 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203.

1190 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 160.

1191 *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 303.

1192 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 158, 204.

1193 См. статью: *Логинов В.Т.* Продовольственная политика (осень 1917-го) // *Свободная мысль.* 1997. № 10. С. 27.

1194 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 98.

1195 *Логинов В.Т.* Продовольственная политика (осень 1917-го) // *Свободная мысль.* 1997. № 10. С. 28.

1196 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 184.

1197 *Логинов В.Т.* Продовольственная политика (осень 1917-го) // *Свободная мысль.* 1997. № 10. С. 30.

1198 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 180–181.

1199 *Логинов В.Т.* Продовольственная политика (осень 1917-го) // *Свободная мысль.* 1997. № 10. С. 33.

1200 Там же. С. 32, 33.

1201 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 13.

1202 Там же.

1203 *Александр Блок.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 224.

1204 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400; статья Е.А. Луцкого в журн. «Исторические записки». 1938. Т. 2; *Кострикин В.И.* Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975. С. 280–284.

- 1205 История СССР. М.: Наука, 1968. Т. 6. С. 360.
- 1206 Речь. 1917. 13 сент.
- 1207 Политические деятели России. 1917. 1993. С. 66, 91; *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 215–217; Протоколы VI съезда РСДРП(б). М., 1934. С. 310.
- 1208 Политические деятели России. 1917. С. 49, 128, 203, 324, 337, 371, 372.
- 1209 Там же. С. 228.
- 1210 Там же. С. 33, 310, 333.
- 1211 Там же. С. 382–383.
- 1212 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.
- 1213 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 48.
- 1214 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 53, 54, 72, 73.
- 1215 Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М., 1990. С. 151.
- 1216 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 225, 300, 331.
- 1217 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 51, 53; Т. 34. С. 299, 332.
- 1218 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 206, 207.
- 1219 Там же. С. 223, 238.
- 1220 Там же. С. 139.
- 1221 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 13, 15, 22; Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 441.
- 1222 За ленинизм: сб. статей. М.; Л., 1925. С. 165–166.
- 1223 См. *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 198, 199.
- 1224 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 41, 47.
- 1225 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135, 222.
- 1226 Там же. С. 200, 201, 237.
- 1227 Там же. С. 484; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М.,

1989. С. 201, 202; *Совокин А.М.* На путях к Октябрю. М., 1977. С. 184.

1228 *Совокин А.М.* На путях к Октябрю... С. 184, 188.

1229 Красная летопись. 1923. № 5. С. 302.

1230 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 216.

1231 Там же. С. 244.

1232 Там же. С. 244, 245.

1233 Там же. С. 246, 247.

1234 Там же. С. 242, 243.

1235 Там же. С. 240, 247.

1236 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 454, 455.

1237 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 299, 300.

1238 Там же. С. 301.

1239 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 203; *Совокин А.М.* На путях к Октябрю. М., 1977. С. 191.

1240 Ленинский сборник. Т. IV. 1925. С. 333; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319.

1241 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 55.

1242 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 60–61.

1243 К дню пятидесятилетия со дня рождения В.И. Ульянова (Ленина). 23 апреля 1870–1920. М., 1920. С. 37; *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 317.

1244 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 314.

1245 *Крейбих К.* Воспоминания о Ленине. Л., 1924. С. 14.

1246 *Лозовский С.А.* Великий стратег классовой войны. М., 1924. С. 49.

1247 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 253.

1248 Там же. С. 241, 244, 250, 252.

1249 Там же. С. 240, 243, 245, 251, 253, 254.

1250 *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 216, 217.

- 1251 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 241, 244, 253, 255.
- 1252 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 303; *Совокин А.М.* На путях к Октябрю. М., 1977. С. 195; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 209–210.
- 1253 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 64, 65, 66.
- 1254 Биографическая хроника В.И. Ленина. Т. 4. С. 355, 358; Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 442.
- 1255 *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 619. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).
- 1256 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 257, 260.
- 1257 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 305; Т. 34. С. 262, 263.
- 1258 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 222, 223.
- 1259 Известия. 1918. 6 нояб.
- 1260 Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 166.
- 1261 Петроградская правда. 1922. 5 нояб.
- 1262 *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 129.
- 1263 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 263; *Крупская Н.К.* О Ленине. 4-е изд. М., 1979. С. 49; Воспоминания Шотмана // Последнее подполье Ильича. Воспоминания: сборник. М., 1934. С. 69, 70, 71, 72; *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 112, 113, 116; Родина. 1990. № 1. С. 17.
- 1264 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 70, 71.
- 1265 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 264, 265.
- 1266 *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 293–294.
- 1267 Там же. С. 299.
- 1268 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 265, 266, 267.
- 1269 Там же. С. 278, 523; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 137.

1270 Последнее подполье Ильича. Воспоминания. М., 1934. С. 69–72.

1271 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 266; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 299, 300; *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 120.

1272 К дню пятидесятилетия со дня рождения В.И. Ульянова (Ленина). 23 апреля 1870–1920: сборник. М., 1920. С. 37; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 2159. Л. 11.

1273 *Ленин Н. (Ульянов В.).* Собр. соч. Т. XIV. Ч. 2. М.; П., 1923. С. 517.

1274 См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: сборник. М., 1964.

1275 См.: Родина. 1990. № 1. С. 14–17; Вопросы истории. 2001. № 7. С. 157.

1276 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 2159. С. 10, 13; Родина. 1990. № 1. Л. 15, 17.

1277 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 1673. Л. 9.

1278 Красная летопись. 1923. № 6. С. 302.

1279 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 2152. Л. 23, 62; Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 445.

1280 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272–283.

1281 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272–283.

1282 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 1. М., 1969. С... 450, 461, 462; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 2152. Л. 24, 39, 48, 64.

1283 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 1. М., 1969. С. 461, 462.

1284 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 1673. Л. 80, 81.

1285 Известия ВЦИК. 1918. 6 нояб. С. 2.

1286 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340, 341.

1287 Там же. С. 284, 286.

1288 *Лацис М.И.* Накануне октябрьских дней // Известия ВЦИК. 1918. 6 нояб.; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 222.

1289 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 74; Ленин и Октябрьское

вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 123; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 222.

1290 Последнее подполье Ильича. Воспоминания. М., 1934. С. 72; *Крупская Н.К.* О Ленине: сб. статей и воспоминаний. 4-е изд. М., 1979. С. 49; *Зиновьев Г.З.* Н. Ленин. В.И. Ульянов. Очерк жизни и деятельности. П., 1918. С. 60.

1291 РГАСПИ. Ф.4. Оп. 2. Ед. хр. 1673. Л. 20, 21, 22.

1292 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 76.

1293 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 132.

1294 Там же. С. 331; Флот в Первой мировой войне. Т... 1. М., 1964; Советская военная энциклопедия. Т. 5. М., 1978. С. 383–385; *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого» золота. СПб.; М., 2003. С. 217.

1295 Утро России. 1917. № 242. 8 окт.; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 302.

1296 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 498.

1297 Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: сб. документов. М., 1957. Т. 1. С. 315; Вторая и третья общегородские конференции большевиков. Протоколы. М.; Л., 1927. С. 299; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 222, 223.

1298 Вторая и третья общегородские конференции большевиков. Протоколы. М.; Л., 1927. С. 295, 298, 302, 303; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде/ пер. с англ. М., 1989. С. 223–227.

1299 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 75, 76; Вопросы истории. 1957. № 10. С. 30.

1300 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде/ пер. с англ. М., 1989. С. 227.

1301 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 347–350; Родина. 1990. № 1. С. 17.

1302 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 223.

1303 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 266; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 304, 306, 308; Ленин в 1917 году. Воспоминания. М., 1967. С. 169.

1304 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 387, 390.

1305 Петроградская правда. 1922. № 251. 5 нояб.; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 228.

1306 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 398.

1307 Там же. С. 382–384.

1308 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде/ пер. с англ. М., 1989. С. 258, 259.

1309 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 424; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 304, 305.

1310 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 388, 391, 392, 393, 411, 424; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 83–86; Воспоминания Троцкого // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 58; Воспоминания Г. Ломова // Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 167, 168; *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 136; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 231; *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 140.

1311 *Троцкий Л.Д.* О Ленине. М., 1924. С. 73; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 58.

1312 См. статью Н.В. Мушиц в «Независимой газете» (1994. 8 февр.); статью З.Л. Серебряковой в кн. «Октябрь 1917: смысл и значение» (М., 1998); статьи Н.В. Мушиц и Ф.Б. Белелюбского в журн. «Коммунист» (1998. № 5).

1313 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6, М., 1947. С. 326, 327, 345.

1314 История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 303.

1315 В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 215.

1316 *Бреслав Б.А.* Канун Октября 1917 г. М., 1934. С. 20–21;
Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде/ пер. с англ. М., 1989. С. 236.

1317 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 389, 406;
Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 276–283, 303–309.

1318 *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 306, 309.

1319 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. С. 239, 241, 371; Новая жизнь. 1917. 14 окт.

1320 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 —февраль 1918. М., 1958. С. 87–92.

1321 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде/ пер. с англ. М., 1989. С. 238.

1322 Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 72.

1323 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 53, 54;
РГАСПИ. Ф.4. Оп. 2. Ед. хр. 1673. Л. 33.

1324 Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 43, 44; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 146, 175, 176.

1325 Ленин в 1917 году. Воспоминания. М., 1967. С. 163, 164;
Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 45.

1326 Биографическая хроника В.И. Ленина. Т. 4. С. 386;
Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 687, 69.

1327 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 124–125;
Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. С. 95–98; Коммунист. 1957. № 1. С. 37.

1328 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 125.

1329 Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году... С. 316.

1330 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 242.

1331 *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 217, 218.

1332 Новая жизнь. 1917. 14 окт.

1333 Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году: сб. материалов и протоколов заседаний ПК РСДРП(б). М.; Л., 1927. С. 308, 309, 311, 313, 314.

1334 *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного... М., 1977. С. 150; Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников. Л., 1967. С. 273–277.

1335 Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 74–75.

1336 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 394, 395.

1337 Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 75.

1338 История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 134–137.

1339 Там же. С. 262.

1340 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 396.

1341 Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 76; РГАСПИ. Ф.4. Оп. 2. Ед. хр. 1673.

1342 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 103.

1343 Там же. С. 99; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 1673. Л. 107.

1344 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 100, 101, 102.

1345 Там же. С. 100, 102, 103.

1346 Там же. С. 104.

1347 Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 78; РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 1673. Л. 108.

1348 Власть валялась под ногами, и только большевики догадались ее подобрать // Труд-7. 1997. 6 нояб. С. 14.

1349 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 57.

1350 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989. С. 260.

1351 Рабочий путь. 1917. 31 (18) окт. № 39.

1352 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 104.

1353 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 328.

1354 *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 624–625. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).

- 1355 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 398, 399.
- 1356 Там же. С. 399, 411, 412.
- 1357 См. там же. С. 409, 412, 413.
- 1358 См. там же. С. 412, 413–415.
- 1359 Там же. С. 402, 404, 405, 407, 411.
- 1360 Там же. С. 403.
- 1361 См. там же. С. 406, 408.
- 1362 Там же. С. 413, 414.
- 1363 Там же. С. 406, 410.
- 1364 См. там же. С. 417.
- 1365 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы / АН СССР. Институт истории. М., 1957. С. 263, 264, 265; *День*. 1917. 17 окт.; Исторический архив. 1960. № 5. С. 83–85.
- 1366 См.: *Войтинский В.* Годы побед и поражений: 1917. Берлин, 1922. С. 320–324.
- 1367 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 410, 417, 419, 422.
- 1368 Там же. С. 420.
- 1369 См.: *Петроградская правда*. 1922. 5 нояб. Л. 8; *Источниковедение истории советского общества*. Вып. 2. М., 1968. С. 58.
- 1370 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 419, 421, 424.
- 1371 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 265.
- 1372 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 426.
- 1373 Там же. С. 434.
- 1374 См.: Там же. С. 423, 424; *Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)*. Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 114.
- 1375 См.: *Пролетарская революция*. 1922. № 10. С. 54; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. М., 1924. С. 60, 73, 74.
- 1376 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 423, 424.
- 1377 Там же. С. 413; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. С. 60.
- 1378 *Пролетарская революция*. 1922. № 10. С. 54.

- 1379 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 423.
- 138 °См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 60, 74.
- 1381 Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 479.
- 1382 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.
- 1383 Там же. С. 427, 434.
- 1384 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 59.
- 1385 См.: Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 53, 58; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 78, 179.
- 1386 См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 264.
- 1387 См.: Воспоминания Антонова-Овсеенко в журн. «Пролетарская революция» (1922. № 10); Красная газета. 1923. 7 нояб.; Воспоминания В.И.Невского в журн. «Красноармеец» (1919. № 10–15); Красная летопись. 1922. № 4; Воспоминания Н.И. Подвойского в журн. «Пролетарская революция» (1922. № 10); Красная летопись. 1923. № 8; Коммунист. 1957. № 1; Год 1917. М., 1958. С. 95–98; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 261–263.
- 1388 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 422, 423, 424, 426.
- 1389 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 115.
- 1390 Там же. С. 106–108.
- 1391 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы. С. 226, 227; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 487.
- 1392 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы. С. 267, 269.
- 1393 Там же. С. 270, 273, 274, 275.
- 1394 См. там же. С. 170, 232, 233.
- 1395 См. там же. С. 365–367; Старцев В.И. Крах корниловщины. Л., 1982. С. 211.

1396 См.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 309, 310.

1397 См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 117–118.

1398 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы. С. 226, 228, 234.

1399 Красная летопись. 1923. № 5. С. 344–345.

1400 День. 1917. 22 окт.

1401 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 114.

1402 Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. М., 1997. С. 217.

1403 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 268, 269.

1404 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.

1405 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 271.

1406 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы. С. 276, 277.

1407 См. там же. С. 279, 280, 334.

1408 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 272, 273; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 120.

1409 Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы. С. 326.

141 °См. там же. С. 289, 290.

1411 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.

1412 См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 119–121.

1413 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 92.

1414 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 279.

1415 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в

Петрограде: документы и материалы. С. 283, 392.

1416 Там же. С. 327.

1417 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 447, 448.

1418 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 278, 280.

1419 *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. М., 1947. С. 388–390.

1420 *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 297–280; *День.* 1917. 22 окт.

1421 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 448.

1422 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

1423 Там же.

1424 См. там же. С. 390; Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 23, 24, 88; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 480–482.

1425 *Гордиенко И.М.* Из боевого прошлого. М.; Ташкент, 1933. С. 6.

1426 *Калинин М.И.* Избранные произведения. Т. 1. С. 147.

1427 См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 83; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 287.

1428 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 5152. Л. 86; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 448.

1429 См.: Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 88, 89; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 448.

1430 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 55, 56.

1431 Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 89, 90.

1432 См.: История гражданской войны в СССР. Т. 2. 2-е изд. М., 1947. С. 217; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 100, 103; *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 173.

1433 См.: Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 90, 91.

1434 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. С. 74, 75.

1435 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56; Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 91.

1436 Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 92; *Милютин В.П.* О Ленине. М., 1924. С. 4–5.

1437 *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 317, 318.

1438 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 58.

1439 *Троцкий Л.Д.* О Ленине. С. 75.

1440 Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 170, 171.

1441 *Керенский А.Ф.* Издалека: сб. статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 200.

1442 См.: От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 64, 283.

1443 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 292, 293.

1444 См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 194; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 55, 56; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 293.

1445 Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: документы и материалы. С. 340.

1446 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436; Второй Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1928. С. 108–109; Правда. 1917. 29 окт.

1447 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 366.

1448 *Штейнберг И.* От Февраля по Октябрь 1917 года. Берлин; Милан, б/г. С. 115.

1449 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36, 37; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 470.

1450 *Мстиславский С.* Пять дней. 2-е изд. Берлин, 1922. С. 121–122.

1451 См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 220–223.

1452 Рабочий путь. 1917. 25 окт.; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. М., 1924. С. 74, 75.

1453 *Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 222; Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненароков А. РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 293.*

1454 См.: *Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 186, 252.*

1455 См.: *Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 221; Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненароков А. РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. С. 293.*

1456 См.: *Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 185, 224–226, 252; Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненароков А. РСДРП(о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. С. 293.*

1457 *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245.*

1458 См. там же. С. 435.

1459 *Луцкий Е.А. Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 25–26 октября 1917 г.; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 84.*

1460 *Милютин В.П. О Ленине. С. 4–5.*

1461 РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Д. № 199. Л. 60.

1462 *Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 132.*

1463 См.: *Милютин В.П. О Ленине. С. 5; Ломов Г. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 171; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 134.*

1464 См.: *Милютин В.П. О Ленине. С. 5; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 135–136.*

1465 См.: *Ленинский сборник. Т. XXI. С. 51; Милютин В.П. О Ленине. С. 5, 6; Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. II. Берлин, 1930. С. 50, 60; Воспоминания А.Иоффе // РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Ед. хр. 378. Л. 170; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 135; Равич О. // РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Ед. хр. 199. Л. 60.*

1466 См. статью Е.А. Луцкого в журн. «Вопросы истории КПСС» (1986. № 11. С. 89).

1467 См.: *Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. С. 261.*

1468 РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Ед. хр. 378. Л. 170.

1469 *Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. II. С. 61–63.*

1470 РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Ед. хр. 378. Л. 170.

1471 *Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 171, 172.*

1472 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 230, 239; *Луначарский А.В.* О Владимире Ильиче. М., 1933. С. 25.

1473 РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Ед. хр. 378. Л. 170.

1474 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 114.

1475 Там же. С. 116.

1476 Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 89.

1477 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. II. С. 58–59.

1478 *Милютин В.П.* О Ленине. С. 5.

1479 См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 77; РГАСПИ. Ф. № 70. Оп. № 4. Ед. хр. 385. Л. 70; От Февраля к Октябрю. С. 64; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. II Берлин, 1930. С. 59.

148 °См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 195; История Гражданской войны. Т. 2. С. 232, 233.

1481 *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1925. С. 264.

1482 См.: История Гражданской войны. Т. 2. С. 235.

1483 См.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. С. 313; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 294.

1484 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 303.

1485 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 83, 84, 85.

1486 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 287, 293.

1487 См.: Исторический архив. 1960. № 6. С. 41; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 295.

1488 Великая Октябрьская социалистическая революция: сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 262, 263.

1489 *Антонов-Овсеенко В.А.* В революции. М., 1957. С. 160; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917

года в Петрограде. С. 296, 302.

149 °См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 350.

1491 Статью Е.А. Луцкого см. в сб. «Проблемы источниковедения» (Вып. X. М., 1962. С. 14–16).

1492 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435, 436.

1493 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

1494 См.: Проблемы источниковедения. Вып. IX, М., 1961. С. 14, 15, 16.

1495 Там же.

1496 См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 298.

1497 Исторический архив. 1960. № 6. С. 42–43; Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 82.

1498 Исторический архив. 1960. № 6. С. 42–43.

1499 Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? М., 2003. С. 129.

150 °См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 299.

1501 См.: Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 127, 128.

1502 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2, 4.

1503 Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 89.

1504 См.: Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. М., 1997. С. 74, 226, 227.

1505 Мстиславский С. Пять дней. 2-е изд. Берлин, 1922. С. 122.

1506 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 197. Л. 19, 20, 21.

1507 Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 76.

1508 См.: История гражданской войны. Т. 2. С. 249, 250.

1509 См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 305, 306; Дневник министра Ливеровского // Исторический архив. 1960. № 6. С. 38–48.

151 °См.: История гражданской войны. Т. 2. С. 249, 252, 301.

- 1511 Известия. 1918. 6 нояб.
- 1512 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 1.
- 1513 См.: Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 30–37; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 128; Московские новости. 1986. № 45. 9 нояб. С. 3.
- 1514 Новая газета. Свободное пространство. 2007. 2–8 нояб. № 42. С. 4.
- 1515 См.: *Керенский А.Ф.* Издалека: сб. статей (1920–1921). С. 206.
- 1516 См.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. С. 314, 315.
- 1517 Московские новости. 1986. 9 нояб. № 45.
- 1518 История гражданской войны. Т. 2. С. 252, 253.
- 1519 См. там же. С. 252, 253, 254; *Антонов-Овсеенко А.В.* Напрасный подвиг? С. 134, 135.
- 1520 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 89, 90.
- 1521 См.: Второй Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1928. С. 108–109; *Мстиславский С.* Пять дней. С. 123.
- 1522 См.: *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 90–91.
- 1523 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 309; *Антонов-Овсеенко А.В.* Напрасный подвиг? С. 134; Новая газета. Свободное пространство. 2007. 2–8 нояб. № 42. С. 4.
- 1524 *Мстиславский С.* Пять дней. С. 127.
- 1525 См.: Большевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 241, 242; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 309.
- 1526 См.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 310, 318.
- 1527 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 96, 97.
- 1528 См.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (Октябрь 1917–1920 гг.) М., 1982. С. 25, 26; Большевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 252, 254, 257.

1529 *Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 252, 253; Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 109.*

1530 *Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 180.*

1531 См.: Второй Всероссийский съезд Советов. С. 34–44; *Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 239–241; Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 91–94.*

1532 *Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 243, 244.*

1533 *Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 317.*

1534 См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 78, 79.

1535 Там же. С. 128; *Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 319.*

1536 См.: *Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 134; Новая газета. Свободное пространство. Еженедельное обозрение. 2007. 2–8 нояб. № 42. С. 4.*

1537 *Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 319.*

1538 *Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 135.*

1539 От Февраля к Октябрю. С. 118.

1540 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 128, 129; Бюллетени Бюро Военных комиссаров. 1917. 30 дек. № 2.

1541 *Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 98.*

1542 См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 129; *Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 319; Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 137.*

1543 Былое. 1918. № 12. С. 129, 130.

1544 См.: *Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 138, 139; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 320.*

1545 *Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 140, 141.*

1546 Там же. С. 142.

1547 *Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 244, 245.*

1548 См.: *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 11, 12, 13.*

1549 Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1922. С. 151; Т. VII. Берлин, 1922. С. 299, 309.

- 1550 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.
- 1551 См.: Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1969. С. 124–126.
- 1552 Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 112, 113.
- 1553 Там же. С. 98, 99.
- 1554 Там же. С. 288, 289.
- 1555 Новая газета. Свободное пространство. Еженедельное обозрение. 2007. 2–8 нояб. № 42; Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 102, 289.
- 1556 См.: Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 103, 148, 149.
- 1557 См.: Ленинский сборник. Т. XXI. С. 91; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 86; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! М., 1957. С. 201.
- 1558 См.: Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 176; От Февраля к Октябрю. С. 373.
- 1559 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 202.
- 1560 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 7, 12; Клопов Э.В. Ленин в Смольном. М., 1965. С. 278; Народное хозяйство. М., 1918. № 11. С. 8, 23, 24; Ленин во главе великого строительства: сб. воспоминаний. М., 1960. С. 57; Лозовский С.А. Великий стратег классовой войны. Памяти единственного. 2-е изд., доп. М., 1924. С. 110.
- 1561 Рабочая газета. 1917. 27 окт. № 197. Л. 2.
- 1562 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 3, 10.
- 1563 Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 38, 39; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. М., 1969. С. 457.
- 1564 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 23, 24.
- 1565 Козьмин П.А. Избранные статьи. М., 1958. С. 17, 35.
- 1566 Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 38, 39; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 457.
- 1567 Рабочий край. 1924. 2 февр. Л. 2.
- 1568 Лозовский С.А. Великий стратег классовой войны. С. 54.
- 1569 Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. Лондон, 1991. С. 102.
- 1570 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 31.

1571 *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 131; *Меньшевики в 1917 г.* Т. 3. Ч. 2. С. 243.

1572 *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 89, 90.

1573 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 197. Л. 22, 23.

1574 Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 473.

1575 Политические деятели России. 1917 год: биографический словарь. М., 1993. С. 14, 301.

1576 Там же. С. 137.

1577 См.: *Грубов В.И.* Пасынки Октября. Умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 – июль 1918). М., 2007. С. 40.

1578 Политические деятели России. 1917 год: биографический словарь. С. 302.

1579 Знамя труда. 1917. 27 дек.

1580 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 115.

1581 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36; *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 98.

1582 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72.

1583 См. там же. С. 72; *Октябрьская революция: вопросы и ответы.* М., 1987. С. 276.

1584 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 73.

1585 Там же. С. 58; *Меньшевики в 1917 г.* Т. 3. Ч. 2. С. 200, 244.

1586 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 384, 385, 390, 391.

1587 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 137, 185.

1588 Рабочая газета. 1917 г. 28 окт. № 198.

1589 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13, 14, 17, 20.

1590 См. там же. С. 15.

1591 См. там же. С. 17.

1592 *Меньшевики в 1917 г.* Т. 3. Ч. 2. С. 248.

1593 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 16, 18.

1594 См. там же. С. 14, 18.

1595 *Альтернативы.* 2008. № 2. С. 82.

- 1596 Там же. С. 84.
- 1597 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 19, 21.
- 1598 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 121.
- 1599 См.: *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 152, 153, 157.
- 160 °См. статью: *Романов Вл.* Полковник Эдвард Хаус // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 55, 56.
- 1601 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 121.
- 1602 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 23.
- 1603 Там же. С. 24.
- 1604 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 428.
- 1605 Там же. С. 428, 432.
- 1606 См.: Политические деятели России. 1917 год. С. 210.
- 1607 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 26; статья Е.А. Луцкого в сб. «Источниковедение Великого Октября» (М., 1977. С. 139).
- 1608 См.: Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 247; *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 123, 124.
- 1609 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72–73.
- 1610 *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 131.
- 1611 Протоколы Первого съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 60, 62; Политические деятели России. 1917 год. С. 157.
- 1612 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36, 37.
- 1613 От Февраля к Октябрю. С. 112.
- 1614 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.
- 1615 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 125; Политические деятели России. 1917 год. С. 391.
- 1616 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 28, 29; *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 125.
- 1617 Новый мир. 1967. № 5. С. 260.
- 1618 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 126, 129, 141.
- 1619 См.: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 95, 96, 97.

- 1620 Знамя труда. 1917. 21 нояб.; 1918. 20 янв.
- 1621 См.: *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. С. 34, 36, 311; *Лавров В.М.* Крестьянский парламент в России. М., 1996. С. 138, 170, 174, 176, 177, 235.
- 1622 См.: Политические деятели России. 1917 год. С. 407–408.
- 1623 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 121.
- 1624 *Блок А.* Соч.: в 2 т. Т. II. М., 1955. С. 221, 495, 496.
- 1625 МФСЭПИ. Горбачевские чтения. Мифы о советской эпохе рождаются сегодня. М., 2008. С. 19.
- 1626 *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С. 146.
- 1627 См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 1. М., 1994. С. 293, 294.
- 1628 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39, 40.
- 1629 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36, 37.
- 1630 Правда. 1917. 5 нояб.
- 1631 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 21.
- 1632 Там же. С. 63.
- 1633 *Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 116.
- 1634 См.: Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 78, 96, 97, 102, 103, 105, 141, 142.
- 1635 *Драбкина Е.Я.* Черные сухари. М., 1970. С. 336, 337.
- 1636 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 4. М., 1969. С. 334–337.
- 1637 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.
- 1638 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 441, 581.
- 1639 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 28, 79.
- 1640 Там же. С. 28, 29, 79, 381.
- 1641 *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 97.
- 1642 Коммунист. 1988. № 6. С. 54.
- 1643 *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России. СПб.: Алетейя, 2007.
- 1644 См. статью С. Павлюченкова в кн.: Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и

факты. М., 1991. С. 47–55.

1645 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 382–385.

1646 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 1.

1647 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 128. Л. 1, 5, 6.

1648 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 73, 367.

1649 Там же. С. 83, 85, 86, 372.

165 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 107.

1651 *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. 2-е изд. М., 1990. С. 71.

1652 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.

1653 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 443, 434.

1654 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 9.

1655 См. статью С. Павлюченкова в кн.: Трудные вопросы истории. С. 58.

1656 *Голанд Ю.М.* Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921–1924. М.: Экономика, 2006. С. 15.

1657 *Валентинов Н.* НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк, 1991. С. 31.

1658 Коммунист. 1988. № 2. С. 65.

1659 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2232. Л. 6.

1660 «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 15.

1661 *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001. С. 354, 357.

1662 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 43.

1663 *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 148, 149, 151, 152.

1664 Там же. С. 157.

1665 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. М., 1978. С. 445, 446.

1666 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 147, 154.

1667 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 142, 143.

1668 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335, 403; Т. 52. С. 166, 394.

1669 *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 175, 177.

1670 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 351.

1671 *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 177, 178.

1672 В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 454, 463, 464.

1673 См.: Там же. С. 460, 461, 462; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 127.

1674 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 63, 64, 65, 67, 68.

1675 Воспоминания о В.И. Ленине: в 10 т. Т. 7. М., 1991. С. 102, 103.

1676 Литературное наследство. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. М., 1971. С. 313.

1677 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 142, 158, 405.

1678 Воронский А.К. Ленин и человечество. Л., 1924 С. 46, 47; Литературное наследство. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. С. 694; Драбкина Е.Я. Зимний перевал. С. 176.

1679 Новая газета. 2008. 21–27 нояб. С. 20, 21.

168 °См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 460.

1681 Драбкина Е.Я. Зимний перевал. С. 179, 180.

1682 См.: Логинов В.Т. Владимир Ленин. Начало пути. Биография. М., 2005. С. 119.

1683 Россия. XX век. Всероссийский комитет помощи голодающим: документы. М., 2014. С. 536, 537.

1684 См.: Всероссийский комитет помощи голодающим: документы. С. 536, 537.

1685 См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 188.

1686 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 24.

1687 См.: Высылка вместо расстрела. С. 139.

1688 См. там же. С. 394, 395.

1689 См. там же. С. 141.

169 °См. там же. С. 396.

1691 См. там же. С. 140.

1692 См. там же. С. 140.

1693 Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 435, 436.

1694 См. там же. С. 506, 507.

1695 См. там же. С. 16, 448, 573.

- 1696 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 394.
- 1697 Там же. С. 141.
- 1698 См.: *Высылка вместо расстрела.* С. 62.
- 1699 Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 587.
- 1700 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 44.
- 1701 Там же. С. 18, 19.
- 1702 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 77.
- 1703 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 550.
- 1704 Там же. С. 247, 248.
- 1705 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 236.
- 1706 Там же. С. 75.
- 1707 См.: Там же. С. 539.
- 1708 См.: *В.И. Ленин. Биографическая хроника.* Т. 11. М., 1980. С. 119.
- 1709 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 115, 116.
- 1710 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 179, 555.
- 1711 См.: Там же. С. 116.
- 1712 См.: Там же. С. 557.
- 1713 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 247.
- 1714 *Шеклтон Э. Фритъоф Нансен – исследователь.* М.: Прогресс, 1986. С. 190, 199; *Драбкина Е. Зимний перевал.* С. 111.
- 1715 См.: *Лебедев Н.А.* Смольный, Москва, Россия. М., 1978. С. 193, 194; *Драбкина Е. Зимний перевал.* С. 180, 182.
- 1716 *Шеклтон Э. Фритъоф Нансен – исследователь.* С. 191.
- 1717 Там же. С. 190.
- 1718 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 178.
- 1719 *Шеклтон Э. Фритъоф Нансен – исследователь.* С. 190, 191.
- 1720 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415.
- 1721 *Россия XX век. Исследования. Россия непознанная.* М.: Новый хронограф, 2002. С. 11.
- 1722 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 314.
- 1723 См.: Там же. С. 312, 313.
- 1724 Там же. С. 81.
- 1725 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206.
- 1726 *Вопросы истории КПСС.* 1991. № 4. С. 35.

- 1727 См.: *Блок А.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 224.
- 1728 См. статью Ф.Б. Белелюбского в кн.: *Марксизм. Прошлое, настоящее, будущее.* М., 2003. С. 436, 437; *Логинов В.Т.* Закон обратной волны // *Независимая газета.* 1995. 28 нояб.
- 1729 См.: *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 21.
- 1730 *Серж Виктор.* От революции к тоталитаризму. Оренбург, 2001. С. 159.
- 1731 См.: *Иностранная литература.* 1966. № 4. С. 236.
- 1732 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 180, 182, 337.
- 1733 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 68.
- 1734 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 48, 49, 50.
- 1735 Там же. С. 280. [Выделено мною. – В.Л.]
- 1736 См.: *Российская правда.* 2002. № 18 (309). С. 2.
- 1737 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228–231.
- 1738 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 10.
- 1739 Там же. С. 51.
- 174 °См.: В.И. Ленин и ВЧК: сб. документов. 1917–1922 гг. М., 1975. С. 439, 440, 465.
- 1741 См.: План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 49, 93, 95.
- 1742 См.: *Ленинский сборник.* Т. XI. С. 397.
- 1743 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 62, 63.
- 1744 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 402.
- 1745 *Никаноров Г.Л.* Надрыв... М., 2006. С. 29, 30.
- 1746 *Московский комсомолец.* 1998. 15 янв.
- 1747 См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 150, 152.
- 1748 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 243.
- 1749 См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции; *Никаноров Г.Л.* Надрыв... С. 12, 25, 29.
- 1750 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 78, 80.
- 1751 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 140.
- 1752 Там же. С. 206.

- 1753 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 31, 32.
1754 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 208.
1755 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 383.
1756 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 108, 109.
1757 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 259.
1758 См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 10, 11, 20; *Бабкин М.А.* Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 428.
1759 См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 47.
1760 Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 316.
1761 См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 48, 50, 54.
1762 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.
1763 См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 59, 66.
1764 См. там же. С. 101, 140, 141, 144, 151, 152, 155, 163, 164.
1765 См. там же. С. 173, 176.
1766 См. там же. С. 42, 43, 169, 171, 176.
1767 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 140, 386.
1768 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 278.
1769 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 413.
177 °См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 93.
1771 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 440, 721.
1772 См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. М., 1999. С. 10, 11.
1773 См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 12.
1774 См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 579.
1775 Там же. С. 458, 459.
1776 *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 193, 194.
1777 См.: Там же. С. 194; Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 460, 461.
1778 См.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 191, 192.
1779 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 441, 722.
1780 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 254.

- 1781 Там же. С. 199.
- 1782 В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. 3-е изд. М., 1969. С. 319, 322.
- 1783 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 50.
- 1784 См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 569, 571.
- 1785 Там же. С. 571.
- 1786 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 147.
- 1787 Там же. С. 155.
- 1788 См.: Там же. С. 388.
- 1789 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 691.
- 1790 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 158; Т. 54. С. 40, 75, 570.
- 1791 См.: Высылка вместо расстрела... С. 76, 143, 144.
- 1792 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423, 424.
- 1793 Там же. С. 221.
- 1794 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 60.
- 1795 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 131, 132.
- 1796 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 157.
- 1797 См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. С. 270, 274.
- 1798 См. там же. С. 270.
- 1799 См. там же. С. 271.
- 1800 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 130.
- 1801 См.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. С. 268, 287.
- 1802 Минувшее. Исторический альманах. Т. 1. М., 1990. С. 63.
- 1803 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 249, 250.
- 1804 См.: *Плимак Е.Г.* Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М., 1989. С. 131.
- 1805 *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. С. 81.
- 1806 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 95.
- 1807 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 105. (Выделено мною. – В.Л.)

- 1808 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 244.
- 1809 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 574.
- 181 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 236, 237, 245.
- 1811 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 108, 109.
- 1812 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 237.
- 1813 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 446.
- 1814 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 233.
- 1815 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 47, 49.
- 1816 См.: Там же. С. 251.
- 1817 См.: Там же. С. 135, 136.
- 1818 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 457.
- 1819 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 532, 533.
- 1820 *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 40.
- 1821 *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. М., 1992. С. 249, 250.
- 1822 *Яковлев Б.В.* Страницы автобиографии. С. 702.
- 1823 См.: Исторический архив. 2001. № 2. С. 31.
- 1824 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410, 411.
- 1825 *Серж Виктор.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 222.
- 1826 В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). С. 112, 113.
- 1827 Декреты советской власти. Т. III. С. 450, 451.
- 1828 *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. С. 213.
- 1829 Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: сб. документов. М., 1958. С. 103–104.
- 183 °См.: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. С. 27, 28.
- 1831 См. там же. С. 34, 35.
- 1832 *Серж Виктор.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 124, 125.
- 1833 В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы. 3-е изд. М., 1989. С. 169, 171, 323.

- 1834 *Серж Виктор*. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 182.
- 1835 См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 491.
- 1836 См. там же. С. 464.
- 1837 См. там же. С. 465, 466.
- 1838 См.: *Таганцев Н.С.* Пережитое. Вып. 2. Пг., 1919. С. 32.
- 1839 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 278, 279.
- 184 °См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 471, 472.
- 1841 См. там же. С. 451.
- 1842 *Серж Виктор*. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 182.
- 1843 Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М., 2008. С. 20.
- 1844 Исторические чтения на Лубянке. С. 143.
- 1845 Там же. С. 145.
- 1846 См.: Ленин и ВЧК. С. 491, 520, 527.
- 1847 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 108, 109.
- 1848 *Серж Виктор*. От революции к тоталитаризму. С. 182.
- 1849 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 130, 131.
- 185 °См.: *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. С. 162, 214.
- 1851 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1980. С. 418.
- 1852 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 254, 255.
- 1853 В.И. Ленин и ВЧК. С. 542.
- 1854 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 434.
- 1855 Там же. С. 272.
- 1856 См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 516, 519, 521.
- 1857 См. там же. С. 484, 525, 530, 531 и др.
- 1858 См.: В.И. Ленин. Известные документы. С. 476, 477, 478.
- 1859 См.: В.И. Ленин и ВЧК. С. 529, 536; Воспоминания о В.И. Ленине. 2-е изд. Т. 4. М., 1979. С. 144, 145.
- 1860 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 39, 569.
- 1861 В.И. Ленин и ВЧК. С. 238, 239.

1862 *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 198, 199.

1863 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 116.

1864 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 112.

1865 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 646;
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 162.

1866 Там же. С. 130, 131.

1867 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396–400.

1868 Там же. С. 401.

1869 Там же. С. 362.

1870 Там же. С. 362, 363.

1871 Там же. С. 363.

1872 См.: Там же. С. 579.

1873 См.: В.И. Ленин. Известные документы. С. 539.

1874 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 114–116.

1875 Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания.
С. 296.

1876 Там же. С. 297.

1877 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 149.

1878 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364, 365.

1879 Там же. С. 364–370.

1880 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

1881 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 369.

1882 Там же. С. 430.

1883 *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина.
Париж; Нью-Йорк, 1983. С. 36, 37.

1884 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392, 393.

1885 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 24 207.

1886 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 140.

1887 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 176, 177.

1888 В.И. Ленин. Известные документы. С. 5; Известия ЦК
КПСС. 1989. № 1. С. 215.

1889 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 2, 3.

1890 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 131; РГАСПИ. Ф. 16.
Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3; Там же. Ед. хр. 24. Л. 3.

- 1891 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 131; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 5, 6.
- 1892 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4, 5.
- 1893 Там же. Л. 4, 6, 7.
- 1894 Там же. Л. 7.
- 1895 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 3.
- 1896 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2, 3.
- 1897 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 10.
- 1898 *Крупская Н.К.* О Ленине: сб. статей и выступлений. М., 1979. С. 69.
- 1899 См. там же. С. 71.
- 1900 Под знаменем марксизма. 1922. № 1–2. С. 5, 6.
- 1901 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 23, 26.
- 1902 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 415.
- 1903 Цит. по кн.: *Кузнецов Ф.Ф.* Растут новые люди... С. 177.
- 1904 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 422.
- 1905 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 26.
- 1906 См.: Там же. С. 27, 28.
- 1907 Там же. С. 29.
- 1908 Там же. С. 24, 29, 30.
- 1909 См.: Там же. С. 409, 410.
- 1910 Там же. С. 410, 411, 412, 413, 416, 417.
- 1911 См.: Там же. С. 409, 410, 413, 417, 418.
- 1912 См.: Там же. С. 60, 61, 62.
- 1913 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 523.
- 1914 См. там же. С. 441, 442, 509.
- 1915 См. там же. С. 432, 436, 497, 499, 511.
- 1916 См. там же. С. 524, 530.
- 1917 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 1, 9.
- 1918 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19.
- 1919 Там же. С. 19.
- 1920 Там же. С. 20.
- 1921 Там же. С. 67.
- 1922 Там же. С. 71.
- 1923 Там же. С. 69.

1924 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. 3-е изд. Т. 1: Воспоминания родных. М.: Политиздат, 1984. С. 595.

1925 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 72, 73.

1926 Там же. С. 78, 84.

1927 Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. М., 1969. С. 77.

1928 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 109, 111.

1929 См.: Там же. С. 73, 74, 97–98, 109–110.

1930 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88, 110.

1931 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88–89.

1932 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88.

1933 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 120.

1934 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 76, 78, 87, 111.

1935 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 79, 92.

1936 Там же. С. 80, 81–82, 83.

1937 См.: Там же. С. 93, 94.

1938 См.: Там же. С. 75, 84, 85.

1939 См.: Там же. С. 87, 88, 518.

1940 Там же. С. 85–86.

1941 Там же. С. 84.

1942 См.: Там же. С. 85.

1943 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 186, 301; Т. 21. С. 32, 58; *Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2010. С. 332.

1944 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 86.

1945 См.: Там же. С. 100, 101, 103, 104.

1946 Там же. С. 95, 96.

1947 Там же. С. 99.

1948 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 319.

1949 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 76, 77.

1950 Там же. С. 107.

1951 См.: Там же. С. 106, 107, 416.

1952 Там же. С. 80.

1953 Там же. С. 82, 83.

1954 Там же. С. 97, 98.

- 1955 См.: Там же. С. 113, 114, 115, 116.
1956 Там же. С. 112, 113.
1957 См.: Там же. С. 413.
1958 См.: Там же. С. 89, 107.
1959 Там же. С. 107, 108, 109.
1960 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39, 40; Т. 45. С. 109.
1961 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78.
1962 Там же. С. 116.
1963 Всероссийский комитет помощи голодающим: документы. С. 525.
1964 *Николаевская Е.П.* Жизнь не имеет жалости. Письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж. М.: РОССПЭН, 2005. С. 50, 51, 52.
1965 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 6, 154, 155, 167, 550; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 113, 118, 130, 234, 245.
1966 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 441.
1967 См.: Высылка вместо расстрела. С. 145, 146.
1968 См. там же. С. 9, 141, 146.
1969 См. там же. С. 147.
1970 *Валентинов Н.* НЭП и кризис партии. С. 8.
1971 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 79, 80, 81, 82, 83.
1972 Высылка вместо расстрела. С. 151.
1973 См. там же. С. 152–155.
1974 См. там же. С. 78–80, 85, 152.
1975 Там же. С. 161, 162, 163.
1976 Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 157.
1977 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 33.
1978 Там же. С. 189.
1979 См.: Там же. С. 190, 191.
1980 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 265, 266.
1981 Высылка вместо расстрела. С. 147, 159.
1982 Там же. С. 192.

1983 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 270; Высылка вместо расстрела. С. 192.

1984 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 154, 155, 167; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 234, 245; *Голанд Ю.М.* Дискуссии по экономической политике. С. 38.

1985 См.: Денежная реформа 1921–1924 гг. С. 18, 112, 115, 239, 243.

1986 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 517.

1987 *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 203.

1988 См. там же. С. 205.

1989 *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 15.

199 °См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 519, 520.

1991 *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 203.

1992 *Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В.* Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. С. 196.

1993 *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 201, 202.

1994 *Введенский А.И.* Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918–1922. М., 1923. С. 246.

1995 См.: Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы. М., 1998. С. 207, 208.

1996 См.: *Карпенков С.В.* Очерки истории белого движения на Юге России. М., 2012. С. 351.

1997 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 522.

1998 См. там же. С. 520, 521, 522.

1999 См. там же. С. 517.

2000 Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 461.

2001 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 516, 517.

2002 См.: Там же. С. 518, 519.

2003 Там же. С. 518, 519.

2004 *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 14.

2005 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 520.

- 2006 См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 16.
- 2007 Там же. С. 14.
- 2008 См.: Правда. 1922. 9 мая. № 101.
- 2009 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 522, 523.
- 201 °См.: *Введенский А.И.* Церковь и государство. С. 248, 249; *Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В.* Иерархия Русской православной церкви... С. 171, 192.
- 2011 См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 18.
- 2012 См.: Воспоминания о В.И. Ленине. 2-е изд. Т. 4. М., 1979. С. 146.
- 2013 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 282.
- 2014 См.: История СССР. М.: Наука, 1967. Т. 8. С. 61.
- 2015 *Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. С. 151, 152.
- 2016 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 404; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 547.
- 2017 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.
- 2018 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 173, 174.
- 2019 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.
- 2020 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 5.
- 2021 Там же. Л. 6.
- 2022 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 69, 116.
- 2023 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2.
- 2024 Там же. Л. 2.
- 2025 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 17, 379, 380.
- 2026 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 6.
- 2027 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 27.
- 2028 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 72.
- 2029 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 48.
- 203 °См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 530; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 220.
- 2031 Там же. С. 229, 230.
- 2032 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 530.

- 2033 См. там же. С. 442, 532.
- 2034 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 241, 242.
- 2035 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 133.
- 2036 Воспоминания о В.И. Ленине. 20-е изд. Т. 3. М., 1979. С. 316–317.
- 2037 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 133.
- 2038 См. там же. С. 138.
- 2039 См. там же. С. 134, 138.
- 2040 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 537.
- 2041 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 329, 337.
- 2042 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 268–269, 272.
- 2043 См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 134, 135; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 2.
- 2044 См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 134, 135; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 2.
- 2045 *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. Правда и мифы. М., 1997. С. 16, 151.
- 2046 См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 134, 135.
- 2047 См.: *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 16, 150.
- 2048 См. там же. С. 16, 17, 18.
- 2049 См. там же. С. 18, 19; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 187.
- 2050 *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина. С. 19, 159.
- 2051 Там же. С. 19.
- 2052 *Vinters H., Lurie L., Mackowiak P.A.* Vessels of Stone: Lenin' "circulatory disturbance of the brain" // Vol. 44. Issue 10. October 2013. P. 1967–1972.
- 2053 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 185.
- 2054 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 38, 56.
- 2055 *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 151, 152.
- 2056 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 198.
- 2057 См. там же. С. 188, 189.

- 2058 См. там же. С. 188.
- 2059 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
- 206 °См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 198.
- 2061 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 188.
- 2062 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 7.
- 2063 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 199.
- 2064 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 132.
- 2065 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 14.
- 2066 Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 191.
- 2067 См. там же. С. 192.
- 2068 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 18, 19.
- 2069 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 540.
- 2070 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 3.
- 2071 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 541.
- 2072 См.: Там же. С. 541, 542.
- 2073 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Л. 23, 24.
- 2074 См. там же.
- 2075 См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 194, 195.
- 2076 См. там же.
- 2077 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 28.
- 2078 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 190.
- 2079 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 29.
- 2080 *Сталин. И.* Соч. Т. 5. С. 134, 135.
- 2081 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 41, 42, 43.
- 2082 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 543.
- 2083 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 45.
- 2084 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 544, 547.
- 2085 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 47.
- 2086 См.: Высылка вместо расстрела. С. 75.
- 2087 Там же. С. 75, 80.
- 2088 Там же. С. 82.
- 2089 См.: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. С. 48, 49.
- 209 °См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 546;
Высылка вместо расстрела. С. 82, 84.
- 2091 См.: Там же. С. 73, 85, 101.
- 2092 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 545.

- 2093 См. там же. С. 556, 557.
- 2094 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 45, 46, 47, 49.
- 2095 Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 547; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2с. Ед. хр. 12. Л. 48.
- 2096 Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 547; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2с. Ед. хр. 12. Л. 49.
- 2097 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.
- 2098 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 53.
- 2099 См. там же. Л. 56.
- 2100 См. там же.
- 2101 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 57.
- 2102 См. там же. Л. 58.
- 2103 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 4.
- 2104 Там же. Л. 61, 62.
- 2105 См. там же. Л. 63.
- 2106 Там же. Л. 64, 65.
- 2107 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.
- 2108 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 542.
- 2109 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 67.
- 2110 Там же. Л. 68.
- 2111 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 274.
- 2112 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 363.
- 2113 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 274.
- 2114 См.: Ленинский сборник. Т. XXVIII. С. 423–424.
- 2115 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 73.
- 2116 См.: Там же. Л. 74, 75.
- 2117 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2с. Ед. хр. 12. Л. 78.
- 2118 Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 193.
- 2119 Там же. С. 211, 212.
- 2120 Там же. С. 198.
- 2121 См.: Там же. С. 191.
- 2122 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 226, 227.
- 2123 См. там же. С. 646, 647.
- 2124 Там же. С. 227.
- 2125 См. там же. С. 647, 649.

- 2126 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 81, 82.
2127 См. там же. Л. 83.
2128 См. там же.
2129 См.: Высылка вместо расстрела. С. 115, 116, 122.
213 °См. там же. С. 111, 112.
2131 См. там же. С. 112, 113.
2132 Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 532.
2133 Высылка вместо расстрела. С. 23.
2134 Там же. С. 24.
2135 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 372.
2136 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 655.
2137 См.: Там же. С. 279, 280, 654.
2138 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 89, 90.
2139 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 555.
214 °См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 89.
2141 В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 548–549.
2142 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 89.
2143 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 548, 549; *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина». С. 662, 663, 664.
2144 См.: Там же. С. 661, 662.
2145 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
2146 Там же. С. 198.
2147 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 96.
2148 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 284.
2149 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 208.
215 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 284, 285, 656;
РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 93.
2151 См.: Там же. Л. 91.
2152 Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 184.
2153 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 281, 283, 285.
2154 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 209, 210, 556; Т. 54. С. 282.
2155 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 93.
2156 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 384.
2157 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192.

- 2158 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 228; Известия ЦК КПСС. 1989. С. 199, 200.
- 2159 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 195–198.
- 2160 Там же. С. 199.
- 2161 Там же. С. 198–199.
- 2162 Там же. С. 199.
- 2163 Там же. С. 192, 193.
- 2164 Там же. С. 211.
- 2165 Там же. С. 211.
- 2166 Там же. С. 212.
- 2167 Там же. С. 213.
- 2168 Там же. С. 195.
- 2169 Там же. С. 195.
- 2170 Там же. С. 197.
- 2171 Там же. С. 198.
- 2172 См. там же. С... 197.
- 2173 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 230.
- 2174 См. там же. С. 200–205.
- 2175 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 385, 386, 388.
- 2176 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211, 212, 213.
- 2177 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 206, 207.
- 2178 Там же. С. 205, 206.
- 2179 Там же. С. 208.
- 2180 Там же. С. 208, 209.
- 2181 См.: Высылка вместо расстрела. С. 40, 41, 173.
- 2182 *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 144.
- 2183 Высылка вместо расстрела. С. 40.
- 2184 См. там же. С. 38, 39, 426.
- 2185 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 104.
- 2186 Там же. Л. 105.
- 2187 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 459, 460.
- 2188 См.: Там же. С. 460.
- 2189 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 609.

- 2190 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 106.
- 2191 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 470, 471; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 106.
- 2192 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 338.
- 2193 Там же. С. 472.
- 2194 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 189.
- 2195 Там же. С. 189, 190.
- 2196 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 473; Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 197.
- 2197 См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 190; Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.
- 2198 См.: Там же. С. 191; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327, 672.
- 2199 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.
- 2200 Там же. С. 192.
- 2201 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 220, 387.
- 2202 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674–675.
- 2203 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 389–391.
- 2204 Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 198; *Славин Б.Ф.* Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М.: URSS, 2010. С. 58.
- 2205 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 1993.
- 2206 Московские новости. 1989. 23 апр. С. 8, 9.
- 2207 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 190, 191.
- 2208 Московские новости. 1989. 23 апр. С. 8.
- 2209 Там же.
- 2210 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.
- 2211 Там же. С. 191.
- 2212 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.
- 2213 Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157.
- 2214 См.: Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 47, 49.
- 2215 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343; Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 48.

- 2216 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343; Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 48.
- 2217 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 196, 198.
- 2218 См. там же. С. 198.
- 2219 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 591; Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.
- 2220 Там же. С. 193; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 115.
- 2221 Московские новости. 1989. 23 апр. С. 9.
- 2222 Там же.
- 2223 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.
- 2224 См.: Там же. С. 592, 593.
- 2225 См.: *Костин Н.Д.* Ленин и Крупская против Сталина. М., 2004. С. 87.
- 2226 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 70, 71, 72, 75, 404.
- 2227 *Сталин И.В.* Об оппозиции. Статьи и речи. 1921–1927 гг.: сборник. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 723; Ср.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
- 2228 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 407, 410, 418.
- 2229 Московские новости. 1989. 23 апр. С. 9.
- 2230 См.: *Костин Н.Д.* Ленин и Крупская против Сталина. С. 87.
- 2231 См.: *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 72, 73.
- 2232 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123.
- 2233 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 479.
- 2234 Там же. С. 477.
- 2235 См.: Там же. С. 484.
- 2236 Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 181.
- 2237 Там же. С. 189.
- 2238 Там же. С. 188.
- 2239 Там же. С. 192.
- 2240 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477, 478.
- 2241 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179, 180.

- 2242 См.: *Иванов Ю.М.* Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленина). М., 2003. С. 95.
- 2243 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 470, 477, 606.
- 2244 См.: Там же. С. 477, 478.
- 2245 Там же. С. 477, 478.
- 2246 Там же. С. 478.
- 2247 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 113, 114, 117.
- 2248 См.: Там же. Л. 134.
- 2249 См.: Там же. Л. 128.
- 225 °См.: Там же. Л. 119, 120.
- 2251 Московские новости. 1989. 23 апр. С. 8, 9.
- 2252 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 119, 120;
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477.
- 2253 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 148.
- 2254 Там же. Л. 149.
- 2255 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485.
- 2256 Там же. С. 383, 485.
- 2257 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 150.
- 2258 Там же. Л. 151.
- 2259 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485.
- 2260 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 577.
- 2261 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592.
- 2262 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 483, 484.
- 2263 См.: Там же. С. 481, 484.
- 2264 См.: Там же. С. 481, 484.
- 2265 См.: Там же. С. 483, 484.
- 2266 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 591;
Крупская Н.К. О Ленине: сб. статей и выступлений. 4-е изд. М., 1979. С. 58, 60.
- 2267 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 148.
- 2268 См.: *Николаевская Е.* Жизнь не имеет жалости. Письма 1922–1935 гг. М.: РОССПЭН, 2005. С. 13.
- 2269 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476.
- 2270 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.
- 2271 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 478.
- 2272 См.: Там же. С. 480.

2273 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 579, 580; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 4; Д. 277; Ф. 17. Оп. 3. Д. 341. Л. 6, 9—15.

2274 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485, 486, 607.

2275 См.: *Жуков Ю.Н.* Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР 1923–1925 гг. М., 2014. С. 36, 37, 54, 55.

2276 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 585, 588.

2277 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 589, 591; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 16–20.

2278 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198, 199.

2279 См. *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. С. 218.

228 °См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 318.

2281 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 4.

2282 См.: Там же. С. 291.

2283 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С.199.

2284 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 168.

2285 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153, 163.

2286 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

2287 Там же. С. 329–330.

2288 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.

2289 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 170, 171.

2290 РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. М., 2004. С. 229.

2291 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149; РКП(б) Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 229.

2292 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.

2293 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

2294 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 171, 172.

2295 См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 158.

2296 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 426, 608.

2297 Московские новости. 1989. 23 апр. С. 8.

2298 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.

2299 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151.

- 2300 Там же. С. 151, 152.
2301 Там же. С. 151.
2302 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 173, 174.
2303 Там же. Л. 175.
2304 Там же. Л. 175, 176, 177, 178.
2305 См.: Там же. Л. 178, 179.
2306 Там же. Л. 180.
2307 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 1.
2308 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 198, 199.
2309 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 182.
2310 Там же. Л. 182.
2311 Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 184.
2312 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 181, 186.
2313 См.: *Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 288.
2314 *Валентинов Н.* НЭП и кризис партии. Воспоминания. С. 51, 53.
2315 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 7.
2316 Там же.
2317 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 196.
2318 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 597.
2319 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 205.
2320 Там же. Л. 209.
2321 Там же. Л. 189, 190, 217.
2322 Там же. Л. 223, 233, 248, 275.
2323 Там же. Л. 193, 195.
2324 Там же. Л. 239, 240.
2325 Там же. Л. 206, 222.
2326 «Знание – сила». 2004. Янв. № 1. С. 62.
2327 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 283.
2328 «Знание – сила». 2004. Янв. № 1. С. 62.
2329 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 253, 284, 286.
2330 См. там же... Л. 266, 281, 285, 294, 297.
2331 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 298.
2332 См. там же. Л. 299.
2333 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. 3-е изд. Т. 1. М., 1984. С. 576.

- 2334 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 306.
2335 См. там же... Л. 302, 305, 310.
2336 См. там же. Л. 315, 336.
2337 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 612, 613.
2338 *Николаевская Е.* Жизнь не имеет жалости. С. 70.
2339 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. Хр. 13. Л. 344, 345, 348, 349.
2340 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169, 170.
2341 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 361, 362, 368, 378.
2342 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 170, 171.
2343 Там же. С. 171.
2344 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 376.
2345 См.: *Логинов В.Т.* Выбор пути. Владимир Ленин. С. 108, 109.
2346 Русская мысль. 1890. Кн. IV. С. 139, 140.
2347 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 170.
2348 Там же. С. 186, 187.
2349 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 372.
2350 *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 169.
2351 Там же. С. 183; РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 381, 383.
2352 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 171, 172.
2353 *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 171.
2354 См.: РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 383, 387, 389, 392.
2355 См.: РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 392, 394.
2356 Минувшее. Исторический альманах. Кн. 2. М, 1990. С. 221.
2357 РГАСПИ. Ед. хр. 13. С. 386, 394; В.И. Ленин. Биографическая хроника. С. 630.
2358 РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 384, 385.
2359 Там же. Л. 397, 398.
2360 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174; РГАСПИ. Ед. хр. 13. Л. 389.

- 2361 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 392, 401.
- 2362 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.
- 2363 Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 202.
- 2364 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 400.
- 2365 См. там же. Л. 401.
- 2366 См. там же. Л. 402.
- 2367 *Валентинов Н.* НЭП и кризис партии. С. 63.
- 2368 Там же. С. 62.
- 2369 РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 402.
- 2370 *Валентинов Н.* НЭП и кризис партии. С. 62–63.
- 2371 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174; *Лопухин Е.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. С. 172–174.
- 2372 См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 543.
- 2373 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 639.
- 2374 РГАНИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 402.
- 2375 См.: *Валентинов Н.* НЭП и кризис партии. С. 90, 91, 92.
- 2376 См.: *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. 702
- Феномен и фантом Ленина. М., 1993. С. 191.
- 2381 См.: Рабочие и крестьяне России о Ленине. С. 333, 334, 335.
- 2382 В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 642, 643.
- 2383 *Крупская Н.К.* О Ленине: сб. статей и выступлений. 4-е изд. М., 1979. С. 65.
- 2384 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 645, 646.
- 2385 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 404, 405.
- 2386 Там же. Л. 407.
- 2387 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 170, 173.
- 2388 Вечерняя Москва. 1923. 7 и 8 дек.
- 2389 См.: Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. С. 244–245.
- 2390 *Николаевская Евдокия.* Жизнь не имеет жалости. М., 2005. С. 76.

- 2391 См.: Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. С. 245, 247, 250.
- 2392 Там же. С. 245.
- 2393 См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 406, 407.
- 2394 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173, 174.
- 2395 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 251; Минувшее. Исторический альманах. С. 169.
- 2396 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 252.
- 2397 А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 11, 112, 113.
- 2398 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.
- 2399 См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 662.
- 2400 Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 1. М., 1984. С. 604.
- 2401 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 172.
- 2402 Литературное наследство... Т. 80. С. 732.
- 2403 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173, 174.
- 2404 В.И. Ленин Биографическая хроника. Т. 12. С. 663.
- 2405 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.
- 2406 Там же. С. 174.
- 2407 Там же. С. 175.
- 2408 О Ленине: сб. воспоминаний. Москва 1927. С. 88, 89, 90, 91.
- 2409 Вопросы истории. 2005. № 10. С. 67, 68.